THE YEAR'S BEST SF

Лучшая зарубежная научная фантастика

составитель
Гарднер Дозуа

Сумерки богов

Питер Уоттс, Брюс Стерлинг, Пол Макоули, Адам Робертс, Йен Макдональд, Лжон Райт, Роберт Чарльз Уилсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ежегодная антология Гарднера Дозуа традиционно собирает под одной обложкой лучшие образцы жанра – повести и рассказы, завоевавшие престижные награды, заслужившие высокие оценки критиков и любовь читателей. Известный составитель сборников и бесспорный знаток научной фантастики Гарднер Дозуа не только неустанно следит за творчеством прославленных мастеров, но и обладает уникальным талантом открывать новые имена. В этом выпуске представлено тридцать два произведения, принадлежащих перу таких авторов, как Брюс Стерлинг, Пол Макоули, Питер Уоттс, Роберт Чарльз Уилсон, Йен Макдональд, Адам Робертс, Джон Райт и многих других. Замечательный подарок для истинных ценителей качественной фантастики!

- Содержание
  - РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН
    - ■
    - ■
  - СТИВЕН ГУЛД
    - ■
    - ■
  - КАРЛ БАНКЕР
    - ■
    - ■
  - ДЖОН КЭССЕЛ
    - ■
    - ■
  - МОРИН МАКХЬЮ
    - ■
    - ■
  - БРЮС СТЕРЛИНГ
    - ■
    - ■
  - ПОЛ МАКОУЛИ
    - ■
    - ■
  - АЛЕКСАНДР ИРВИН
    - ■
    - ■
  - ДОМИНИК ГРИН
    - ■
    - ■

- ВАНДАНА СИНГХ
  -
- ДЖОН БАРНС
  -
- ДЖЕЙ ЛЕЙК
  -
- ПИТЕР УОТТС
  -
- ЛЕВИ ТИДХАР
  -
- МЭРИ РОЗЕНБЛЮМ
  -
- ДЖО УОЛТОН
  -
  - В ГАЗЕТАХ (1)
  - ВЫЖИВАНИЕ (1)
  - В ГАЗЕТАХ (2)
  - В ОЧЕРЕДИ (1)
  - В ГАЗЕТАХ (3)
  - ВЫЖИВАНИЕ (2)
  - В ГАЗЕТАХ (4)
  - В ОЧЕРЕДИ (2)
  - В ГАЗЕТАХ (5)
  - ВЫЖИВАНИЕ (3)
  - В ОЧЕРЕДИ (3)
  - В ГАЗЕТАХ (5)
- РЭНД ЛИ
  -

- ЭЛИЗАБЕТ БИР И САРА МОНЕТТ
  -
  -
- АЛЬБЕРТ КОУДРИ
  -
  -
- НИКОЛА ГРИФФИТ
  -
  -
- ДЖЕФФ РАЙМАН
  -
  -
- ДЖЕЙМС ВАН ПЕЛТ
  -
  -
- НЭНСИ КРЕСС
  -
  -
- ДЖОН РАЙТ
  -
  -
- ТЕД КОСМАТКА И МАЙКЛ ПУР
  -
  -
- ДЭМИЕН БРОДЕРИК
  -
  -
- АДАМ РОБЕРТС
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
- РОБЕРТ РИД
  -
- ПОЛ КОРНЕЛЛ
  -
  -

- КРИС РОБЕРСОН
  -
  -
- ЙЕН КРИЗИ
  -
  -
- ЙЕН МАКДОНАЛЬД
  -
  - СПАСЕННЫЕ СТОЛОМ
  - СНАЧАЛА ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА, И ЛИШЬ ЗАТЕМ – Я
  - МОЙ БРАТ НЕНАВИДИТ МЕНЯ
  - КАРТА В ЧЕРЕПЕ
  - МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СУПРУГА
  - ДВЕ ПОСТОРОННИЕ ЧАСТИ МЕНЯ
  - Я ПРИНЮХИВАЮСЬ К УХУ СИЛЫ
  - ДЕВОЧКА С КРАСНОЙ БИНДИ[153]
  - ОТЕЦ В ГИРЛЯНДАХ ПАМЯТИ
  - УТРО БЕЛОГО КОНЯ
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

Содержание

Лучшая зарубежная научная фантастика: Сумерки богов

РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН
UTRIUSQUE COSMI [1]

Роберт Чарльз Уилсон опубликовал свой первый рассказ в журнале «Analog» еще в 1974 году. Затем наступил длительный перерыв в его карьере, и только в конце 1980-х начали выходить оригинальные, блестяще написанные произведения, обеспечившие Уилсону почетное место среди писателей-фантастов последних двух десятилетий XX века. Его первый роман «Тайное место» («A Hidden Place») был выпущен в 1986 году. Уилсон стал лауреатом премии Джона Кэмпбелла за роман «Хронолиты» («The Chronoliths»), премии Филипа Дика за «Мистериум» («Mysterium») и премии «Аврора» за рассказ «Персеиды» («The Perseids»). В 2006 году писатель получил «Хьюго» за роман «Спин» («Spin»), В числе других произведений Уилсона романы «Провод памяти» («Metody Wire»), «Бродяги» («Gypsies»), «Разделение» («The Divide»), «Плоды» («The Hawest»), «Мост лет» («A Bridge of Years»), «Дарвиния» («Darwinia»), «Слепое Озеро» («Blind Lake»), «Биос» («Bios»), «Ось» («Axis»), «Джулиан» («Julian») и сборник «„Персеиды“ и другие рассказы» («The Perseids and Other Stories»), Уилсон живет в Торонто, Канада.

В представленном ниже рассказе автор поведает о молодой женщине, стоящей перед самым важным выбором в ее жизни, после которого уже ничто не будет прежним…

Нырнув обратно во Вселенную (теперь, когда та стала законченным объектом, упакованным и перевязанным ленточкой от взрыва до смещения), Карлотта с предельной точностью вычисляет местоположение застывших ординат пространства-времени, пока не добирается до трейлерного парка на задворках городка Команчи-Дроп в штате Аризона. Бесплотная, лишь дуновение погрешности в фейнмановской географии виртуальных частиц, а потому не способная влиять на материальный мир, она без всяких затруднений проходит сквозь алюминиевую стену и зависает над матрасом, на котором мечется во сне юная девушка.

Это она сама, только древняя, изначальная Карлотта Будэн, влажная от пота из-за ночного зноя, ноги запутались в хлопковой простыне. Крохотное окошко в спальне распахнуто настежь, и в безветренной дали воет койот.

Ну только посмотри на себя, удивляется Карлотта, – тощая девчонка в трусах и майке на бретельках, тебе всего шестнадцать лет – не старше вздоха мошки, – ты еле слышно сопишь во тьме, озаренной лунным светом. Бедное дитя, даже собственного призрака не видишь. Но еще увидишь. Должна увидеть.

Карлотта рассматривает спящее тело, и в ее разуме эхом раздаются знакомые слова, похороненные в своей могиле вот уже годы, эры, кальпы: «Когда придет время, уходи. Не бойся. Не жди. Не попадись. Просто уходи. И быстро».

Ее старое любимое стихотворение. Вечная мантра. Слова, что спасли ей жизнь.

Карлотте надо сказать их самой себе, замкнуть круг. Все, что она знает о природе физической вселенной, говорит о том, что эта задача невыполнима. Может, и так… но бездействие не станет тому виной.

Терпеливо, медленно, беззвучно Карлотта начинает рассказывать.

Вот история Флота, девочка, и того, как меня похитили. Она вся о будущем – таком огромном, что ты даже в него не поверишь, – а потому приготовься.

У него тысячи имен, но мы называем его просто Флотом. Когда я впервые встретила его. он простирался от ядра галактики по всем ее спиральным щупальцам, существовал уже миллионы лет, занимался своими делами, хотя никто на этой планете о нем не знал. Думаю, время от времени корабль Флота падал на Землю, но, когда проходил сквозь атмосферу, его уже было сложно отличить от метеорита, он превращался в осколок углистого хондрита размером меньше человеческого кулака, а огонь стирал все признаки организованной материи. Впрочем, такие потери происходили часто и повсюду, но для Флота как целого никакой разницы не имели. Вся его информация (а другими словами, его разум) была распределена, рассредоточена, фрактальна. Сосуды рождались, уничтожались, но Флот существовал уже многие эры, уверенный в собственном бессмертии.

О, я знаю, ты не понимаешь меня, дитя! Но важно не то, услышишь ли ты эти слова, а то, что я их тебе скажу. Почему? Потому что несколько миллиардов лет назад, завтра, я вынесла собственное невежество из этого самого трейлера, добралась до шоссе и направилась на запад, а в рюкзаке у меня не было ничего, кроме бутылки с водой, полудюжины конфет и пачки двадцатидолларовых банкнот, украденных из сумки Большого Дэна. В ту ночь (то есть завтра, это важно) я совсем одна, такая самостоятельная, ночевала под эстакадой, задолго до рассвета проснулась, замерзшая и голодная, посмотрела мимо бетонной арки в пятнах птичьего помета на небо, а там падали звезды, и было их так много, что небосвод напомнил мне темную кожу, обожженную искрами. Часть Флота слишком близко подошла к атмосфере, но я этого не понимала (не больше, чем ты, девочка) –

только подумала о том, как же много падающих звезд, как же это красиво, но бессмысленно. И опять заснула. Когда же взошло солнце, я решила словить попутку… но машины либо объезжали меня по дуге, либо неслись с огромной скоростью, словно весь мир отправился домой с какой-то пьяной вечеринки.

– Они не остановятся, – раздался голос позади меня. – Эти парни уже приняли решение, Карлотта. В смысле, чего они хотят – жить или умереть. И такое же решение придется принять тебе.

Мне стало дурно от неожиданности, я развернулась и тогда впервые увидела моего дорогого Эразма.

Сразу хочу сказать, что Эразм – не человек. Тогда он походил на узел из сверкающих металлических углов размером с микроволновку, парил невысоко над землей, а его глаза напоминали полированный турмалин, который продают в придорожных сувенирных лавках. Он мог выглядеть совсем иначе – просто Эразм выбрал какой-то старый аватар, и тот, по его мнению, должен был меня впечатлить. Тогда я этого, правда, не знала. Потому сначала, мягко выражаясь, удивилась, а после сразу испытала настоящее потрясение, для страха времени просто не нашлось.

– Мир долго не протянет, – низким, скорбным голосом произнес Эразм. – Можешь остаться здесь или пойти со мной. Но выбирай быстро, Карлотта, так как мантия нестабильна и континенты уже начали сдвигаться.

Я даже подумала, что еще сплю и вижу сон. Я не знала тогда, что значат слова насчет мантии, но предположила, что речь идет о конце света. Какая-то интонация в его голосе, который напоминал голос Моргана Фримена, заставила поверить ему, несмотря на всю странность и невозможность этого разговора. Вдобавок я все сильнее чувствовала приближение чего-то очень страшного, на шоссе практически не было машин (мимо пронеслась «Тойота», разогнавшаяся до скорости, явно не предусмотренной производителем, сгорбленный водитель за рулем казался размытым пятном), а над редким, похожим на крысиные зубы частоколом гор на горизонте поднималось уродливое зеленое облако. Неожиданно горячий и сильный ветер принес запах далекого пожара. И звук чего-то похожего на гром, а то и хуже.

– А куда с тобой?

– К звездам, Карлотта! Но тело придется оставить здесь.

Вот это предложение мне не понравилось. Но разве было из чего выбирать? Остаться или уйти. Вот так просто.

Я все-таки поймала попутку – только совсем не такую, как ожидала.

Земля тряслась так, будто дьявол стучался в подошвы ботинок.

– Хорошо, – ответила я, – как скажешь.

Белая пыль взметнулась над пустыней, и ее тут же подхватил порывистый ветер.

«Не бойся. Не жди. Не попадись. Просто уходи. И быстро».

Без этих слов в голове, клянусь, девочка, я бы погибла в тот день. Как и миллиарды других людей.

Она замедляет течение времени, чтобы вместить этот странный, но почему-то необходимый монолог в пространство между двумя вздохами юной Карлотты. Конечно, реального голоса у нее нет. Прошлое статично, непроницаемо в своем бесконечном сне; из того невидимого места, где она сейчас существует, новая Карлотта не может сдвинуть даже молекулу воздуха с заданной траектории. Просыпайся с рассветом, девочка, укради деньги, которые никогда не потратишь, – это не важно; главное – уйти. Пришло время.

Когда придет время, уходи. Из всех воспоминаний, что остались от земной жизни, это самое яркое: она проснулась и увидела призрака в темной комнате, женщину в белых одеждах, которая дала ей совет, когда было нужно. Неожиданно Карлотте хочется крикнуть: «Когда придет время…»

Но она не может пошевелить даже пылинку в древнем воздухе, а девочка спит.

Рядом с кроватью стоит столик из комиссионки, покрытый шрамами от сигаретных ожогов. На нем – детский ночник, поблекшие трафареты Губки Боба на бумаге. Рядом, спрятанный под раскрытым журналом «Пипл», пузырек с барбитуратами, который Карлотта выкрала сегодня днем из сумки Большого Дэна, той самой, цвета хаки, где он хранит наличку, одежду, поддельные водительские права и автоматический пистолет из вороненой стали.

Юная Карлотта не видит призраков… не просыпается даже от сердитых криков Дэна, не слышит, как в соседней комнате охнула от удара мать. Похоже, Дэн проснулся, к тому же трезв и обнаружил пропажу. Дело осложняется.

Но Карлотта не дает себя торопить.

Когда я присоединилась к Флоту, самым трудным было отказаться от мысли, что у меня есть тело, что оно занимает некое реальное место в пространстве.

В то, что мы по-прежнему целые и нормальные, поначалу верили все – в смысле, все, кого спасли с Земли. Все, кто так или иначе ответил Эразму «да», – а он в той или иной форме явился каждому человеку на планете за несколько секунд до конца света.

Два с половиной миллиарда человек приняли его предложение о спасении. Остальные решили остаться и погибли, когда континенты растаяли в раскаленной магме.

Конечно, у выживших возникли проблемы. Дети без родителей, родители без детей, любовники, разлученные навеки. Печально и трагично, как всегда, когда не всех удается спасти, а тут еще и эвакуация планетарного масштаба. Покинув Землю, мы вроде как появились на травянистой равнине шире горизонта, плоской, как Канзас, под фальшивым голубым небом, у каждого над плечом парил Эразм, и все рыдали, всхлипывали или требовали объяснений.

Равнина, конечно, не была реальной – по крайней мере, не в том смысле, в каком мы привыкли говорить о реальности. Это было виртуальное место, а мы носили виртуальные тела, хотя этот факт осознали не сразу. Мы продолжали оставаться такими, какими ожидали себя увидеть, – очнулись в той самой одежде, в которой нас вознесли. Я помню, как посмотрела на пару грязных потрепанных «рибоков» из городского секонд-хенда и подумала: «На небесах? Серьезно?»

– У тебя есть место, где бы ты сейчас предпочла очутиться? – спросил Эразм, раздражая своим нечеловеческим терпением. – Тебе нужно кого-нибудь найти?

– Да, мне бы в Новую Зеландию, – сказала я, хотя это была лишь истерическая шутка. О Новой Зеландии я знала только из телешоу на канале Пи-би-эс, единственном, который остался после того, как нам вырубили кабельное.

– В какую-то особенную часть Новой Зеландии?

– Что? А, ну… куда-нибудь на пляж.

Я никогда не была на пляже, на настоящем пляже у океана.

– Одна или в компании остальных?

– Ты серьезно?

Вокруг всхлипывало или бормотало на незнакомых по большей части языках множество людей. Скоро начались драки. Когда пара миллиардов человек оказывается в одном месте при таких обстоятельствах, по-другому и быть не может. Но толпа уже редела, люди принимали предложения других аватаров.

– Одна, – ответила я. – Только ты не уходи.

И как по щелчку, я очутилась там, где пожелала: Ева без Адама, стоящая на пустынном белом пляже.

Через какое-то время изумление сменилось усталостью, но вполне сносной. Я сняла ботинки и попробовала ногой песок. Теплый, нагретый солнечными лучами. С кораллового голубого моря набежала волна, и соленая вода водоворотами закрутилась между пальцами.

Тут у меня закружилась голова, пришлось сесть.

– Может, хочешь поспать? – спросил Эразм, паря надо мной, словно воздушный шарик, украшенный драгоценными камнями. – Если хочешь, я могу помочь тебе уснуть, Карлотта. Если отдохнешь, переход пройдет легче.

– Ты бы лучше на вопросы ответил, урод! – воскликнула я.

Он сел на песок рядом со мной, отпрыск-мутант стрекозы и пляжного мяча:

– Хорошо, задавай.

Эта Вселенная только для чтения, думает Карлотта. Так сказали Древние, а значит, это, скорее всего, правда. Но все-таки она знает, помнит, что девочка проснется и увидит ее: призрака, изрекающего мудрости.

Но как же сделать так, чтобы этот спящий ребенок ее почувствовал? Ощущения – такая упрямо материальная штука, электрохимические данные, каскадом льющиеся в огромные и сложные нейросети… возможно ли как-то вмешаться в пограничную зону между квантами и восприятием? На секунду Карлотта решает взглянуть на свою юную версию другими глазами, внимая еле заметным перепадам молекулярных магнитных полей. Кожа спящей начинает бледнеть, а потом и вовсе становится прозрачной, когда Карлотта сужает поле зрения и недолго странствует по своему собственному животному мозгу, жужжащему ландшафту, где пряди снов сливаются и распадаются, подобно мыльным пузырям. Если бы она могла передвинуть хотя бы бозон… скажем, повлиять на заряд какого-то критического синаптического узла…

Но не может. У былого нет ни рычагов, ни ручек. Неопределенности или альтернативного исхода. Повлиять на прошлое – значит изменить его, а это, по определению, невозможно.

Крики в соседней комнате неожиданно становятся громче и яростней, и Карлотта видит, как ее юная версия начинает просыпаться. Слишком рано.

Разумеется, в конце концов с помощью Эразма я все поняла. О, девочка моя, не стану утомлять тебя историей первой пары лет… меня они утомили преизрядно.

Мы оказались не на небесах. Конечно, множество людей умерло, и теперь их доставили в то место, в которое они верили. В таком взгляде на мир была доля истины; правда, Бог не имел к нашей судьбе никакого отношения. Флот существовал в реальности и занимался вполне реальными делами, и люди были далеко не первыми разумными существами, которых он вознес. Как сказал Эразм, уничтожено уже множество планет, а Флот не

всегда успевал спасти местное население, хотя и очень старался. Так что нам повезло.

Я спросила его, почему все эти планеты взорвались.

– Мы не знаем, Карлотта. Какая-то сущность систематически ищет миры с развитыми цивилизациями и приговаривает их к смерти. Мы называем ее Невидимым врагом. Он не оставляет улик. – А потом Эразм добавил: – Флот ему тоже не нравится. Некоторые уголки галактики для нас закрыты… потому что если мы отправимся туда, то назад уже не вернемся.

Тогда я толком не знала, что такое «галактика», потому разговор решила не продолжать, только спросила, как оно выглядело – уничтожение Земли. Поначалу Эразм ничего не хотел показывать, пришлось долго упрашивать, но в конце концов он превратился в нечто похожее на парящий телевизор и дал картинку «с плоскости солнечной эклиптики», правда, эти слова мне ни о чем не сказали.

Я увидела… в общем, на нашу голубую планетку это больше не походило.

Скорее на шар из красных кипящих соплей.

– А моя мама? Дэн?

Мне не нужно было объяснять, кто эти люди. Флот поглотил кучу самой разной информации о человеческой цивилизации, уж не знаю как. Эразм замер, словно сверяясь с каким-то невидимым каталогом, потом ответил:

– Они не с нами.

– В смысле, они погибли?

– Да. Эбби и Дэн мертвы.

Новость меня не удивила. Я как будто и так уже знала, словно мне было видение их смерти, мрачное видение, как и тот призрак прошлой ночью – женщина в белом, велевшая мне уходить.

Эбби Будэн и Дэн мертвы. А я вознеслась на робонебеса. Ну-ну.

– Ты точно уверена, что не хочешь поспать?

– Может, немного.

Дэн – мужик большой, и сейчас он специально накачивал себя для большой ссоры. Даже теперь Карлотта чувствует отвращение от его голоса, от злобного, раскатистого рычания согласных. Потом Дэн бросает что-то большое о стену, наверное, часы. Те с шумом разбиваются. Мать в ответ кричит, и ее всхлипы, кажется, не затихают несколько недель.

– Плохо, – заметил Эразм, – что ты постоянно одна.

Я ему ответила, что не одна, – он ведь со мной? Для

инопланетной машины он был просто замечательной компанией. Но это уловка, конечно. Он-то имел в виду, что мне надо тусоваться с людьми.

Я сказала, что мне наплевать, даже если я вообще больше никогда никого не увижу. Что такого хорошего сделало мне человечество?

Он нахмурился – то есть характерно исказил видимые мне черты. Я уже знала, как Эразм выражает неодобрение.

– Это энтропический разговор, Карлотта. Если честно, я очень о тебе беспокоюсь.

– Да что со мной может приключиться? – Здесь, на пляже, где ничего не происходит, подумала я, но говорить этого не стала.

– Ты можешь сойти с ума. Погрузиться в отчаяние. Хуже того – умереть.

– Умереть? А я думала, мы теперь все бессмертные.

– Это кто тебе сказал? Конечно, если говорить с материальной точки зрения, то ты больше не живешь. Ты – метастабильный вложенный цикл, внедренный в коллективное мышление Флота. Но смертно все, Карлотта. И все может умереть.

Я не могла скончаться от болезни или свалиться с обрыва, объяснил он, но мой «вложенный цикл» испытывал нечто похожее на медленную эрозию, и, если вариться в собственном соку слишком долго, процесс распада сильно ускорялся.

В общем, я целый месяц слишком много спала, плавала, а Эразм создавал еду, стоило мне проголодаться (хотя на самом деле пища была мне не нужна), смотрела мыльные оперы на экране его брюха или читала журналы про кинозвезд (также внедренные в коллективную память Флота). Никогда уже не будет свежих серий, номеров или новостей, и я чувствовала себя такой несчастной и в конце концов решила, что мой спутник прав.

– Ты плачешь во сне, – сказал он. – Тебе снятся кошмары.

– Мира больше нет. Может, я в депрессии. Думаешь, встреча с другими людьми мне поможет?

– На самом деле, – заметил Эразм, – ты просто потрясающе справляешься с одиночеством и покрепче других. Но в перспективе это тебя не спасет.

Я решила последовать его совету и нашла других выживших. Было очень интересно наблюдать за тем, что вознесенные сотворили с собой, став частью информационного потока Флота. Эразмы помогли людям со сходным мышлением найти друг друга и создать окружающую среду, которая им подходила. Такие группы часто называли себя кликами, и наиболее успешными становились те, кто имел цель. Она поддерживала в них жизнь.

Пассивные группы скоро заражались равнодушием, а гедонистические быстро коллапсировали в плотные оргазмические сингулярности; но если тебя интересовал мир и ты зависал с такими же любопытными, то материалов для мысли находил предостаточно.

В конечном итоге ни одна из клик мне не подошла. О, я, разумеется, завела друзей, кое-чему научилась. Например, как получить доступ к архивным данным Флота. Если ты все делал правильно, то мог подумать о предмете, как будто в «Гугл» залезал, и вся нужная информация тут же появлялась у тебя в голове, словно всегда там находилась. Правда, тут существовала большая опасность: стоило увлечься или проявить излишнее рвение – и можно было затеряться в перегрузке: развивалась настолько огромная и всеохватывающая память, что личность исчезала в ее нескончаемом потоке. Когда такое случалось, смотреть на это было страшно. Какое-то время я зависала с кликой, исследовавшей историю нечеловеческих цивилизаций, которые Флот вознес много эр назад… пока лидер группы, иорданский студент по имени Нури, не нырнул слишком глубоко и буквально не развеялся туманом. На его лице появилось это особенное выражение повышенной концентрации, а несколько секунд спустя тело превратилось в воздушный вихрь, а потом испарилось, как утренняя дымка в солнечном свете. Меня тогда затрясло. А ведь Нури мне нравился – я тосковала, когда он пропал.

Но общими усилиями мы умудрились узнать немало интересного. (Думаю, Эразмы нам бы и так все сказали, но мы просто не знали, как правильно спрашивать.) Например, хотя все виды после вознесения могли умереть – и умирали, превращаясь в дымку, как несчастный Нури, – было и несколько реальных долгожителей. Я имею в виду индивидуумов, переживших своих сородичей и сумевших сохранить чувство идентичности в гиперсложном разуме Флота.

Мы спросили Эразмов, можно ли встретиться с этими созданиями.

Те ответили, что нет, это невозможно. Старейшины, как назвали их Эразмы, существовали в другом временном ритме. Так и уцелели: устранившись из течения реального времени.

Как оказалось, внутри Флота не было необходимости жить последовательно, от одной секунды к другой. Ты мог попросить отключить тебя на день или на неделю, а потом снова включить. Момент активного восприятия назывался саккадой, и ты мог расположить их как угодно друг от друга. Хочешь прожить тысячу лет? Легко, просто надо выбрать по одной секунде из каждого

проходящего миллиона секунд. Конечно, субъективно все прошедшее тысячелетие как таковое не ощутишь, но оно пройдет, а возраст на тебе не скажется. Примерно так старейшины и поступали.

И мы тоже так можем, сказал Эразм, если захотим. Но у всего есть цена. Хроноскольжение могло унести в непостижимо далекое будущее, которое никто предвидеть не мог. На нас постоянно нападал Невидимый враг, и Флот мог потерять целостность, и на стабильность виртов ему бы не хватило сил. В таком случае долгой жизни не получится, а мы невольно совершим самоубийство.

– Так ты никуда не идешь, – подытожил Эразм. – По сути, просто быстро бежишь на месте. Если честно, я бы не рекомендовал.

– А я разве просила у тебя совета? В смысле, ну кто ты такой? Всего лишь крохотный фрагмент Флота, которому приказали присматривать за Карлоттой Будэн. Кибернетическая нянька.

Клянусь, он обиделся. И я услышала боль в его голосе.

– Я – часть Флота, которая о тебе заботится, Карлотта.

Большинство из группы не решилось отправиться в путь. Люди не слишком-то приспособлены для хроноскольжения. Но для меня оно стало непреодолимым соблазном.

– Ты не можешь приказывать мне, Эразм.

– Тогда я пойду с тобой, – ответил он. – Если ты не возражаешь.

Мне даже в голову не пришло, что он может остаться. От одной мысли стало страшно, но я виду не показала.

– Конечно, думаю, так будет хорошо.

Враги тоже тут, замечает Карлотта. Целое небо врагов. Как наверху, так и внизу. Словно на той старой картинке из древней книги – какое там у нее название? «Utrisque cosmi». Забавно, что человек помнит. Девочка, а ты слышишь, как плачет твоя мать?

Юная Карлотта беспокойно металась в спутанных простынях.

Обе Карлотты хорошо знали историю своей матери. Но только старшая могла думать о ней без смущения и ярости. Там все было старо как мир. Мать звали Эбби. Она забеременела, ее выкинули из школы, девочка покинула тоскливый родительский дом в Южной Каролине и отправилась на запад с двадцатилетним парнем, а тот бросил ее где-то под Альбукерке. Эбби родила в калифорнийском отделении скорой помощи, нянчила Карлотту в подвальной комнате дома пенсионеров, которые приютили ее в обмен на работу уборщицей, пока беспрестанное нытье малышки не достало даже стариков. После этого Эбби зацепилась за очередного парня, тот работал на энергокомпанию и растил

марихуану на чердаке, просто так, для карманных расходов. Отношения длились пару лет, возможно, протянули бы и дольше, но Эбби имела слабость к «запрещенным препаратам» – так те фигурировали в протоколах – и в среде, где свободно ходили кокс и мет, сдерживать себя не могла. Пару раз Карлотта попадала в интернат, в то время как Эбби Будэн проходила предписанное судом лечение или уходила в запой. В конце концов мать все-таки забрала десятилетнюю дочь из-под опеки государства и, пытаясь спастись от правосудия, уехала в другой штат.

– Мы больше никогда не расстанемся, – сказала она, и голос ее звучал как-то напряженно, то ли Эбби была слегка под кайфом, то ли хотела быть. – Никогда! Ты никогда не покинешь меня, малышка. Ты моя, и только моя.

Старшей Карлотте ее детство кажется вполне обычным, но младшая считает себя проклятой и обреченной на такие страдания, каких не знает никто в мире.

О да, ребенок, думает Карлотта, попытайся пожить бестелесной сущностью во Флоте, который пожирают какие-то невидимые монстры, и вот тогда посмотрим, кто кого.

Но ответ она знает. По ощущениям разницы мало.

– Так теперь ты еще и воруешь? – Голос Большого Дэна сверлит стену ржавым буром. Юная Карлотта мечется во сне и всхлипывает. Она в любой момент может открыть глаза, и тогда что? Неизменное прошлое неожиданно кажется непредсказуемым, незнакомым и опасным.

Когда я отправилась в хроноскольжение, Эразм меня не оставил, и я была благодарна ему за это еще до того, как поняла, какую жертву он принес.

Еще раньше я спросила его о том, как Флот начал свое существование. Как оказалось, ответ на этот вопрос уже давно потерян в энтропии. Эразм никогда не знал времени без Флота, да и не мог, так как был всего лишь его независимой частью.

– Как мы понимаем, – сказал он мне, – Флот эволюционировал из сетей самореплицирующихся ИИ, собирающих информацию. Их явно создали какие-то органические существа для исследования межзвездного пространства. Судя по имеющимся доказательствам, мы лишь немного младше самой Вселенной.

Флот пережил своих создателей.

– Биологический разум в долгосрочном плане нестабилен, – чуть самодовольно заявил Эразм. – Но из этого первоначального непреодолимого желания искать информацию, делиться ею мы эволюционировали и оптимизировали нашу собственную

коллективную цель.

– Тогда зачем вы впитываете обреченные цивилизации? Чтобы каталогизировать и изучать?

– Чтобы о них не забыли, Карлотта. Это самое страшное зло во Вселенной – энтропийное разложение организованной информации. Забвение. Мы презираем его.

– Больше, чем Невидимого врага?

– Враг – зло в той степени, в какой он подстрекает энтропийный распад.

– Зачем он это делает?

– Мы не знаем. Мы даже не понимаем, что такое Враг в физических терминах. Он словно действует за пределами материальной вселенной. Если он и состоит из материи, то не из барионной, его невозможно засечь. Он пронизывает некоторые части галактики, как легкий газ. Когда Флот проходит через объемы пространства, зараженные Врагом, уровень наших потерь многократно взлетает вверх. И когда эти зараженные участки расширяются, они поглощают и разрушают миры, населенные жизнью.

– Но Враг растет. А Флот нет.

Я уже научилась распознавать, когда Эразм расстроен, и не только потому, что мой спутник медленно обретал человеческие черты.

– Флот – мой дом, Карлотта. Более того, мое тело, мое сердце.

Он не сказал одного: отправившись со мной в хроноскольжение, Эразм изолировал себя от сети, которая породила и поддерживала его. В реальности он был частью чего-то успокаивающе огромного. Но в скольжении испытывал практически невыносимое одиночество.

И все-таки, когда я приняла решение, Эразм пошел со мной, ведь он принадлежал не только Флоту, но и мне. Как бы ты назвала это, девочка? Дружбой? По меньшей мере. Я же в конце концов назвала это любовью.

Юная Карлотта украла пилюли (те самые, что спрятала под затертым номером «Пипл») не просто так. Как она сама говорила, чтобы заснуть. Но проблем со сном у нее не было. Нет. Если бы она не врала себе, то сказала бы, что таблетки казались ей чем-то вроде спасательной шлюпки. Достаточно проглотить побольше – и пошел ты, мир, на все четыре стороны! И меньше хлопот, чем на шоссе под машину бросаться, хотя о таком выходе Карлотта тоже думала.

Из соседней комнаты опять раздались крики. Настоящая заварушка, синяки будут точно. А потом еще хуже: голос

Большого Дэна стал тихим и отрывистым. Очень плохой знак. Карлотта знает. Как запах озона в воздухе перед ударом молнии, прямо перед тем, как напряжение скакнет вверх и пойдет ток.

Эразм построил специальное виртуальное пространство для нашего путешествия во времени. Оно походило на просторную уютную комнату с окном во всю стену, выходящим на Млечный Путь.

Миллиарды крохотных плотных частичек, из которых состоял Флот, роились медленнее скорости света, но в хроноскольжении все становилось быстрее – и страшнее. Как будто ты смотрел на Вселенную в ускоренной перемотке, зная, что назад повернуть не получится. Во время первых месяцев нашего расширенного настоящего мы улетели от спирального рукава галактики, где ютилось Солнце. Тот рой Флота, где находилось мое самоосознание, шел по длинной эллиптической орбите вокруг сверхмассивной черной дыры в ядре галактики, и мы наблюдали за Млечным Путем, который падал под нами облаком светящихся жемчужин.

Когда я не находилась в комнате, то посещала других путешественников во времени, а некоторые из них заходили ко мне. Мы были самоизбранной группой экстремальных путешественников и знали друг друга довольно хорошо. О, девочка моя, как бы я хотела рассказать тебе обо всех своих друзьях, решивших стать племенем добровольных изгнанников! Из них даже не все были людьми: я встретила парочку старейшин других видов и умудрилась с ними пообщаться на дружеской ноге. Тебе, наверное, такое покажется странным. Думаю, да. Исключительно странным. Поначалу я тоже так думала. Но эти люди (по большей части) и инопланетные создания (но и чужой может быть человеком) мне нравились, я их даже любила, а они любили меня. Да, любили. По какой бы причуде сознания мы ни стали хроноскользящими, она объединяла нас против стремительной тьмы за виртуальными стенами. Плюс… ну, мы стали последними в своем роде. Меньше чем за месяц пережили остальное человечество. Другими словами, сгинули даже наши призраки, если, конечно, мы сами не были ими.

Эразм слегка ревновал меня к новым друзьям. Он многим пожертвовал, отправившись со мной в путешествие, и, может, мне следовало больше ценить его за это. В отличие от нас, некогда биологических существ, Эразм поддерживал периодическую связь с реальным временем и с помощью собственноручно созданных протоколов знал, что изменяется в символах Флота и в его процессах мышления. Так, он мог рассказывать нам, чем сейчас занимается сверхразум – к примеру, какие виды вознес. Впрочем,

с высоты нашей точки зрения, никто из новичков долго не протянул, и я однажды спросила Эразма, зачем Флоту вообще возиться с мимолетными существами вроде человека. Он ответил, что в перспективе обречен каждый вид, но это не значит, что можно убивать людей или же бросать их, когда всех надо спасти. Инстинкт сделал Флот моральным существом, чем-то большим, чем просто сборище самореплицирующихся машин.

И он же сделал Эразма не просто вложенным циклом сложных вычислений, а чем-то большим. В конце концов Карлотта полюбила его больше всех.

А пока годы и звезды рассыпались за нами, подобно пыли, – тысяча лет, сто тысяч, миллион, еще больше, и галактика повернулась, как огромное колесо. Каждый из нас уже давно примирился с тем, что мы – последние из наших видов, что бы ни подразумевалось под этим словом.

Если ты слышишь меня, девочка, то, наверное, хочешь спросить, что я нашла в этом глубоком колодце странности, почему вода из него показалась мне достойной. Ну, я нашла друзей, как уже говорила, – разве этого недостаточно? И любимых. Даже Эразм начал принимать человеческий облик, чтобы мы могли касаться друг друга, как люди.

Проще говоря, я нашла дом, Карлотта, пусть его природа и была необычной, – настоящий дом, в первый раз за всю свою жизнь.

Вот почему я так испугалась, когда он начал разваливаться.

В соседней комнате Эбби решила бороться. Сегодня прямо идеальный шторм – дурной нрав Дэна и чувство уязвленного достоинства Эбби взмыли на одинаковую яростную высоту навстречу какому-то немыслимому крещендо.

Но злость матери казалась хрупкой, а Большой Дэн – откровенно опасным. Юная Карлотта все про него поняла с самого начала, с того самого момента, как мама пришла домой под руку с этим мужчиной; поняла по его равнодушным глазам и заученной улыбке; поняла по тюремным татуировкам, которые он даже не потрудился скрыть, по хвастовству, которым прикрывал любой свой недостаток. Поняла по смраду от метлаборатории, химическому запаху, исходящему от него. Поняла по его друзьям, по унылым сделкам, которые Дэн заключал с какими-то темными типами в доме Карлотты, так как его съемное бунгало было забито подозрительными банками с техническим растворителем. Но самое главное, по тому, как он отмеренными дозами скармливал Эбби Будэн мет, чтобы та постоянно хотела еще, и по тому, как мать, будто покорная служанка, каждую неделю отдавала ему чек из «Уолмарта», где работала кассиром.

Большой Дэн высокий, жилистый и сильный, несмотря на все свои дурные привычки. Старшая Карлотта слышит достаточно и понимает, что тот винит Эбби в краже барбитуратов, – по законам Дэна, это невероятный грех. Мать клятвенно все отрицает, и ее начинают бить. Ничего из этого Карлотта не помнит: ее юная версия спит, хотя явно уже скоро проснется; критический момент подходит слишком быстро. И Карлотта думает о том, что видела ствол из вороненой стали с рифленой черной рукояткой, когда обыскивала сумку Дэна, о том, как смотрела на него, взвешивая варианты, но потом с презрением отвергла.

Мы сошли с дуги эллипса, девочка, и неожиданно Флот стал исчезать, как капли воды на раскаленной сковороде. Эразм заметил это первым, иначе не был бы собой, и установил экран, чтобы я тоже все увидела: рои походили на призрачные точки, сияющие на схеме галактики, призрачные точки, мерцающие и исчезающие прямо на глазах. График бойни.

– Никто не может это остановить? – спросила я.

– Они остановили бы, если бы могли, – ответил Эразм, обняв меня одной рукой (он уже отрастил пару рук). – Они остановят, если смогут, Карлотта.

– Мы можем им помочь?

– Да уже помогаем, по сути. Мы существуем так, что для нашего поддержания не требуется слишком много умственных процессов. Для Флота мы – код, который работает только пару секунд в год. Не слишком тяжкая ноша.

И это было важно, так как Флот мог поддерживать лишь определенное количество вычислительных процессов и верхняя планка зависела от числа связанных узлов. А оно сокращалось, так как клетки сверхразума пожирали целиком.

– В последний раз, когда я проверял, – сказал Эразм (то есть примерно тысячу лет назад по реальному времени), – Флот выдвинул теорию, что Враг состоит из темной материи. – (Это странная штука, девочка, которая летает по галактике, невидимая, – но, в общем, не важно, поверь на слово, когда-нибудь ты все поймешь.) – Он не столько материальный объект, сколько процесс – паразитический протокол, функционирующий в облаках темной материи. По видимому, он может манипулировать квантовыми событиями, которых мы даже не видим.

– Значит, защититься от него мы не сможем?

– Пока нет. Нет. И у нас с тобой скоро, возможно, появится компания, Карлотта. В смысле, у скользящих.

Флот продолжал возносить умирающие цивилизации, но

узлов уже не хватало. Было решено переключить выживших в режим «длинного настоящего», отправить в хроноскольжение вместе с нами, чтобы освободить вычислительные процессы для военных маневров.

– Здесь может стать людно, – предупредил Эразм.

– Если слишком многим понадобится уйти в «длинное настоящее», – сказала я.

Он бросил на меня подчеркнуто равнодушный взгляд:

– Закончи мысль.

– Мы… не можем просто… уйти еще дальше?

Если пальнуть из пистолета в такой жестянке, как этот убогий трейлер, звук будет невероятно громким. Словно по уху получить штакетиной. Юная Карлотта просыпается именно от выстрела. Ее веки взлетают, словно оконные ставни в доме с привидениями.

Ничего такого старшая Карлотта не помнит. Выстрел? Не было никакого выстрела: она просто очнулась и увидела призрака…

И призрака тоже нет. Она отчаянно пытается заговорить со своей юной версией, силой воли склонить реальность на свою сторону, но опять терпит неудачу. Так кто же выстрелил, куда попала пуля и почему она ничего такого не помнит?

Крики в соседней комнате тонут в тишине. Та кажется бесконечной. А потом Карлотта слышит звуки шагов – непонятно чьих, – те приближаются к двери спальни.

В конце концов почти каждая сознательная функция Флота ушла в «долгое настоящее», чтобы пережить невзгоды войны с созданиями из темной материи. После следующей петли через галактическое ядро от нас осталась лишь малая часть. Когда меня вознесли, Флот напоминал разрозненное облако предметов размером с бейсбольный мяч и вел квантовые вычисления, пользуясь структурой собственных плотных атомов, – миллионы и миллионы таких объектов связывала воедино составная иерархия. Когда же мы вышли из эллипса, счет шел на тысячи, а все оставшиеся связи аккуратно сузили ради максимальной незаметности.

Поэтому мы, те, кто сам решил заняться хроноскольжением, ушли еще дальше.

Как и в прошлый раз, Эразм предупредил меня, что это может стать самоубийством. Если Флот проиграет, то мы исчезнем вместе с ним… нашим субъективным «я» может прийти конец за несколько дней или часов. Если, с другой стороны, Флот уцелеет и снова начнет репликацию, то мы, ну, станем жить практически вечно – даже снова сможем вернуться в реальное время, если

захотим.

– Ты согласишься так рисковать? – спросил он.

– А ты?

К тому времени он уже вырастил лицо. Думаю, Эразм достаточно хорошо меня знал, чтобы понять, какие черты мне понравятся. Но я любила его не за глупую и поддельную человечность, а за то, что крылось за этими все еще похожими на драгоценные камни, турмалиновыми глазами, за ту личность, которой он стал, разделив со мной смертность.

– Я рискую давным-давно, – ответил он.

Поэтому мы обняли друг друга и просто… пошли быстрее.

Трудно объяснить, почему этот прыжок во времени казался таким головокружительным, но представь века, пролетающие мимо, подобно пыли на ветру! В первую очередь изменилось ощущение пространства. Раньше у нас была точка обзора шириной и глубиной в несколько световых лет… теперь же все петли слились в один продолжительный цикл; мы сами стали размером с Млечный Путь, а Андромеда помчалась на нас серебряной армадой. Я держала Эразма за руки и наблюдала за реальностью, широко раскрыв глаза, а он обновлял данные о войне и шептал мне на ухо о новых открытиях.

Флот изобрел средства обороны, сказал он, и резня замедлилась, но наше количество по-прежнему уменьшалось.

Я спросила, не умираем ли мы.

Он ответил, что не знает. А потом встревожился и сжал меня крепче:

– О, Карлотта…

– Что? – Я посмотрела прямо в его глаза, глядящие куда-то вдаль, они казались мне странными. – Что такое? Эразм, не молчи!

– Враг, – прошептал он, оцепенев от удивления.

– Что там с ними?

– Я знаю, кто они такие.

Дверь спальни открывается.

Старшая Карлотта не помнит такого. Все происходит по-другому. Юная Карлотта прижимается к спинке кровати, она в таком ужасе, что едва дышит. Благослови тебя Господь, девочка, я бы взяла тебя за руку, если бы могла!

Но в дверях стоит Эбби Будэн. Эбби в дешевой белой ночнушке. Только глаза у нее с желтыми кругами, дикие, и все белье в крови.

В общем, штука в следующем. Все коммуникации ограничены скоростью света. Но если распределить саккады по времени, то

это ограничение вроде как расширяется. С нашей точки зрения, свет пересекал галактическое пространство за несколько мгновений. Мысли поглощали века. Мы чувствовали, как тяжко, словно сердце, бьется сверхмассивная черная дыра в ядре галактики. Слышали шепоты из галактик по соседству, невразумительно тихие, но неоспоримо рукотворные. Да, девочка, вот настолько медленными мы были.

Но Враг, он оказался еще медленнее.

– Давным-давно, – рассказывал Эразм, переправляя информацию от умирающего коллективного разума Флота, – давным-давно Враг научился паразитировать на темной материи… использовать ее в качестве вычислительной основы… эволюционировать внутри нее…

– Как давно?

Его голос полон благоговения:

– Так давно, что у тебя даже слов таких нет, Карлотта. Они старше самой Вселенной.

Ты хоть понимаешь меня? Сильно сомневаюсь. Но вот в чем штука с Вселенной: она колеблется. Дышит, в смысле, как огромное старое легкое, расширяется, сжимается и расширяется снова. Когда она сжимается, то хочет превратиться в сингулярность, но не может этого сделать, так как существует предел тому, сколько массы может содержать в себе квант объема, не взорвавшись. А потом она расходится в стороны и останавливается, когда не может вместить в себя еще больше пустоты. Туда-обратно, снова и снова. Возможно, до бесконечности.

Но есть проблема – информация не может пройти сквозь эти горячие хаотические спазмы. Каждый взрыв рождает новую вселенную, чистую, как меловая доска в школе без учеников…

По крайней мере, так мы думали.

Но у темной материи особые отношения с гравитацией и массой, сказал Эразм, и поэтому когда Враг научился ее колонизировать, то понял, как переходить из одной вселенной в другую. Другими словами, Они могли пережить конец всего материального и уже совершили это много-много раз!

Враг оказался по-настоящему бессмертен, если у этого слова есть хоть какое-то значение. Враг вел свои дела не просто в галактическом пространстве, он пересекал пропасти, разделяющие галактики, скопления галактик и суперскопления… медленный, как патока, он был огромным, как все на свете, вездесущим, как гравитация, и невероятно могущественным.

– И какие у них претензии к Флоту, если они такие сильные и здоровые? Почему они нас убивают?

И тогда Эразм улыбнулся, и в его улыбке крылось столько боли, меланхолии и ужасающего понимания.

– Но они не убивают нас, Карлотта. А возносят.

Как-то в школе Карлотта безуспешно пыталась осилить «Венецианского купца». Она открыла книгу о елизаветинской драме на копии старой гравюры под названием «Utriusque Cosmi». Та вроде как символизировала весь космос, показывала, как люди представляли его во времена Шекспира, таким многослойным и упорядоченным: звезды и ангелы наверху, ад внизу и голый парень, квадратом растянутый между божественностью и вечным проклятием. Тогда она ничего не поняла, сочла старинной чушью. А сейчас по какой-то непонятной причине вспомнила о той гравюре. Только, девочка, на ангелах дело не заканчивается. Я усвоила урок. Даже у ангелов есть свои ангелы, а демоны пляшут на спинах больших демонов.

Мать в алой ночнушке парит в дверях спальни. Немигающим взглядом обводит комнату, пока наконец не видит дочь. Может, Эбби Будэн и стоит в комнате, но эти глаза смотрят откуда-то из далекого, глубокого и очень страшного места.

Кровь пропитывает ткань. Но принадлежит не матери.

– О, Карлотта… – говорит она. Потом откашливается, как перед важным звонком или разговором с кем-то, кого боится. – Карлотта…

И невидимая Карлотта, которая пришла сюда из мест, где ангелы играют с вечностью, понимает, что сейчас скажет мать, осознаёт наконец: никакого парадокса нет, только ужасающий круговорот. Она тихо произносит эти слова, а Эбби воплощает их в реальность:

– Карлотта, послушай меня, девочка. Я не думаю, что ты хоть что-то поймешь. Мне так жаль. Мне очень жаль. Но сейчас слушай. Когда придет время, уходи. Не бойся. Не жди. Не попадись. Просто уходи. И быстро.

Потом она поворачивается и оставляет дочь в темной комнате.

За окном койоты по-прежнему жалуются на луну. Их вой наполняет явь Карлотты, пока не проникает, кажется, прямо в сердце.

А потом раздается второй и последний выстрел.

Я видела Врага лишь мельком и к тому времени уже перестала его так звать.

Описать его нормально не получается. Тут слова меня подводят. И придется признать, к тому времени я и сама мало чем напоминала человека. Скажу только, что Эразма, меня и остальных скользящих приняли в объятия Врага вместе с

остатками Флота – и вся память, что мы считали обреченной из-за энтропии или войны, сохранилась. Виртуальности, которые наши противники создали на протяжении кальп, оказались похожи на лабиринты, гостеприимные и невероятно странные. Скиталась ли я по этим таинственным равнинам? О да, девочка моя, и Эразм рядом со мной долгие-долгие (субъективно) годы, и мы стали… ну, в общем, больше любых слов.

Галактики старели и летели прочь друг от друга, пока их не поглотили пространства космической пустоты, связанные лишь нежными и непоколебимыми нитями притяжения. Звезды гасли, девочка; галактики сливались воедино, полные мертвых или умирающих светил; атомы распадались до последних стабильных форм. Но ткань космоса может вынести лишь определенное количество вакуума. Ее эластичность не бесконечна. Стареет все. И после триллионов и триллионов лет расширение обернулось сжатием.

В это время я иногда чувствовала или видела Врага – но мне теперь надо назвать его как-то по-другому. Скажем, Великими Древними, извини меня за помпезность, – именно они сконструировали виртуальности темного пространства, где я теперь живу. Они не были людьми. Никогда не были. Они проходили сквозь наши усыновленные миры, как штормовые облака, черные, величественные, полные еле заметных, загадочных молний. Даже тогда я не могла говорить с ними; и пусть стала большой и старой, но оставалась не более чем их частью.

Я хотела спросить их, зачем они уничтожили Землю, почему столько людей умерло или вознеслось благодаря эволюционному дружелюбию Флота. Но Эразм, который погрузился в эти вопросы куда глубже, чем я вообще могла, сказал, что Великие Древние не воспринимали такие крохотные и эфемерные объекты, как скалистый шар вроде Земли. Та, как и множество других планет, была уничтожена не намеренным решением, а автономным импульсом, развившимся в ходе множества космических слияний, – импульсом, настолько же неощутимым и непроизвольным для Древних, как работа твоей печени, девочка.

Логика тут такая: миры, где развивается жизнь, порождают цивилизации, которые со временем начинают играть с черной материей и тем самым угрожают непрерывности Древних. Часть таких вторжений можно стерпеть и изолировать – Флот, например, и вовсе обогащал их, – но большинство ставило под удар саму стабильность системы. В общем, мы вроде как были микробами, девочка, на которых отреагировала иммунная система гиганта. Они не видели нас, ощущали лишь

соматическую угрозу. Вот так все просто.

Но Флот засекли. Тот оказался достаточно большим и стойким, и Древние его заметили. И надо понимать, что они не были злобными и видели Флот примерно так, как он видел нас, как нечто примитивное, но живое и мыслящее, стоящее того, чтобы его спасти.

Потому они вознесли Флот и подобные ему образования в других галактиках, коим не было числа, и так уберегли от слепых вибраций космической энтропии.

Мило с их стороны, конечно. Но если я когда-нибудь стану настолько большой или проживу достаточно долго, чтобы встретиться с Древними лицом к лицу, то подам жалобу. Черт побери, да, мы были крохотными. Люди – это мельчайшие мыслящие существа в космосе, и мне кажется, что мы даже знали об этом еще до конца света… Ты-то точно знала. Но боль есть боль, а скорбь есть скорбь. Возможно, наша гибель – неизбежность, возможно, такова природа вещей, но ничего хорошего в этом нет, и такое терпеть нельзя, если есть выбор.

И наверное, поэтому я сейчас здесь, смотрю за тем, как ты крепко зажмуриваешься, пока звук от второго выстрела рассеивается в воздухе.

Смотрю, как ты превращаешь кошмар в видение.

Смотрю, как ты выстраиваешь жемчужину вокруг крупицы кровавой правды.

Смотрю, как ты быстро уходишь.

Бесплотная Карлотта еще недолго парит в постоянных и неизменных коридорах прошлого.

В конце концов длинная ночь заканчивается. Кроваво-красный свет льется в окно.

Последний рассвет, который увидит этот маленький мир, но юная Карлотта еще не знает об этом.

Теперь, когда Вселенная закончила текущую итерацию, вся ее история сохранена в трансмерном метапространстве, как книга на полке – ее нельзя изменить. Теперь-то я это точно знаю, девочка. Память выкидывает фокусы, а история их исправляет.

Думаю, Древние дали мне доступ к этим событиям, так как мы застыли на пороге нового сотворения.

Я знаю часть вопросов, которые ты задала бы мне, если бы смогла. Спросила бы, где я нахожусь? По-настоящему. И я бы ответила, что в конце всего сущего, который на самом деле лишь очередное начало. Я гуляю по огромному саду темной материи, пока все известное и барионное поднимается по спиральной лестнице унификационных энергий навстречу огненному новому рассвету. Я стала такой большой, девочка, что могу летать по

истории, как птица над прерией. Но я не могу изменить того, что уже случилось. Такой власти у меня нет.

Я наблюдаю за тем, как ты выбираешься из кровати. Как одеваешься. Голубые джинсы с потрепанными краями, мужская клетчатая рубашка, «рибоки» из секонд-хенда. Я смотрю, как ты идешь на кухню и набиваешь рюкзак бутылками с водой и шоколадными батончиками, ведь сидящая на мете мать больше ничего не припасла.

А потом ты на цыпочках крадешься в спальню Эбби. Признаюсь, об этом я ничего не помню. Наверное, эти воспоминания не подходили к фантазии о дружелюбном призраке. Но ты тут, лицо застыло в деланой маске равнодушия, ты переступаешь через труп Большого Дэна. Из дыры в его груди вытекло немало крови, и ковер превратился в липкую лужу цвета ржавчины.

Я смотрю, как ты вытаскиваешь сумку Дэна, которая торчит из-под кровати. Наверху лежит Эбби; кажется, будто она спит. Пистолет все еще у нее в руке, а рука лежит рядом с головой. Череп разворочен так, что Карлотта не может на него смотреть. Опусти глаза, девочка. Да, вот так.

Я смотрю, как ты вытаскиваешь пачку банкнот из сумки и запихиваешь ее в свой рюкзак. Там, куда ты отправишься, деньги не понадобятся! Хотя решение мудрое. Предусмотрительность, достойная похвалы.

А теперь иди.

Мне тоже пора. Чувствую, Эразм ждет меня, чувствую притяжение любви и верности, нежное и неизбежное, как гравитация. Он раньше был машиной, и более старой, чем земля под твоими ногами, Карлотта Будэн, но стал мужчиной, моим мужчиной, могу сказать с гордостью. Я нужна ему, потому что не просто перейти от одной вселенной к другой. Работа есть всегда, разве не так?

Но прямо сейчас иди. Оставь эти ужасные пилюли на столике, найди шоссе. Не бойся. Не жди. Не попадись. Просто уходи. И быстро. А еще извини меня, ведь сейчас я последую собственному совету.

СТИВЕН ГУЛД
РАССКАЗ С БОБАМИ

Стивен Гулд часто печатается в журнале «Analog», он также публиковался в «Asimov's Science Fiction», «Amazing Fantasy», «New Destinies» и других изданиях, становился финалистом премий «Хьюго» и «Небьюла».

Его самая известная серия «Джампер» («Jumper») включает книги «Джампер» («Jumper»), «Отражение» («Reflex») и «Джампер. История Гриффина» («Jumper: Griffin's Story»), По первому произведению в 2008 году был снят высокобюджетный фильм «Телепорт» («Jumper»), Среди других романов Гулда «Дикий мир» («Wildside»), «Зеленая война» («Greenwar», в соавторстве с Лорой Миксон), «Шлем» («Helm») и «Слепые волны» («Blind Waves»), Гулд живет в Альбукерке, штат Нью-Мексико, с женой, писательницей Лорой Миксон, и двумя дочерьми.

В представленном ниже рассказе действительно есть бобы. А еще роботы-металлоеды, которые не прочь полакомиться и человечинкой, если кто-то из людей встанет на их пути…

Кимбел расположился в тени мескитовых деревьев, весной действительно похожих на деревья, а не на ползучий кустарник, как обычно. У воды растянулись загорелые туристы, опираясь на свои дорогущие рюкзаки с карбоновыми рамами. Один из туристов задал вопрос.

– На фут где-то, – ответил Кимбел. – Если нет ничего, проводящего электричество. Или придется глубже, тут тоже от силы тока зависит. Можно на добрых десять футов под землю уйти.

Но на фут-то точно. Раз тут один болван забыл выложить серебряный доллар из кармана. Верно, откопал его на одной из старых стоянок грузовиков к западу от Альбукерке.

Мы ему орем: «Бросай!» Он что думает, ему пломбы в зубах перед входом на Территорию просто так заменили? А он нам кричит, что монета кучу денег стоит. И проглотил, придурок.

Можно было его зарыть. Оставить просвет, чтобы мог дышать, а сверху земли набросать побольше. Сработало бы, если б не жуки. Они жрали здоровые гидравлические подъемники на ремонтном участке.

Мы их увидели – и врассыпную. Он тоже припустил, но жуки были повсюду, целый рой. Парень наступил на одного… и баста. Для этих тварей монета как жвачка в чупа-чупсе.

Кимбела слушали трое туристов-студентов: два парня и

девушка, пара знакомых рейнджеров – индейцев пуэбло в форме цвета хаки, и смотритель источника Мендес. Ниже по течению стоял лагерем караван верблюдов. Здесь они могли напиться, но погонщики, наполнив канистры, держались поближе к животным. Тут повсюду были хищники – и звери, и люди.

– Так что случилось с тем парнем? – спросил турист.

– Он проглотил монету. Она была у него в брюхе.

– И что?

– Боже, Роберт! – раздраженно воскликнула девушка. – Ты вообще слушал, что нам говорили перед входом? Он умер. Жуки прогрызли себе путь к металлу. Здесь нет травмпунктов, знаешь ли.

Один из рейнджеров, молчавший до сих пор, сказал:

– Вы правы, мисс.

Он закатал рукав рубашки, показывая глубокие шрамы на плече.

– Тоже жуки. Помогал копать новую киву[2] в Поджоаке и не заметил, как наткнулся на кусок старого стального забора. Пока не обожгло. Тварей было немного, но, как только первый распробовал сталь, он позвал остальных… Я успел удрать.

– Что вы собираетесь здесь делать? – спросил Мендес.

Он сидел в стороне и наблюдал за туристами.

Чуть раньше девушка спросила, где можно помыться. Рейнджеры ответили, что в городе и в Рио-Пуэрко, если повезет, но что плескаться в единственном источнике питьевой воды между Редклиффом и столицей Территории она не будет.

– Вымыться без мыла можно ниже по течению, чуть выше места, где пьют верблюды. Но ни в коем случае не ниже, – уточнил Мендес. – Или наберите воды, намыльтесь и смойте.

Кимбел подумал, что Мендес до сих пор не ушел, надеясь на то, что она последует его совету.

Уж он бы с ее, хм, линий загара глаз не спустил – разумеется, из одного только чувства долга.

– Полевые исследования, – ответила девушка. – Мы изучаем культурную антропологию. Куратор должен встретить нас в лагере, на берегу Рио-Пуэрко.

– А, Мэтт Пибоди, – сказал Кимбел.

– Ты его знаешь?

– Конечно. Его лагерь ниже брода Дункана. Любит поболтать с теми, кто тут проходит.

– Да. У него есть несколько потрясающих статей о распространении замкнутых групп в зоне.

– Замкнутых групп, хм… – протянул Кимбел. – Это каких?

– Религиозных или политических. Они формируют тут

небольшие общины. Понимаешь, о чем я?

– Типа того, – ответил Кимбел с непроницаемым выражением лица и обменялся взглядами с рейнджерами.

Девушка явно не собиралась раздеваться, и Мендес, кряхтя, поднялся и вернулся в свою однокомнатную глинобитную землянку выше по склону.

– Удивительно, какой стала Зона! – вдруг восторженно выпалила студентка. – Заповедник для самых разных форм жизни! Я так счастлива, что увижу все это своими глазами.

Кимбел резко встал, взял неглубокую корзинку из своей тележки и пошел к водопою, где стояли животные. Он собрал сухой навоз: верблюжий, лошадиный и *немного коровьего. Подождал, пока* дыхание выровняется, а *лицо снова станет* спокойным. Когда он вернулся, один из рейнджеров уже натаскал сухой травы и сосновых иголок в яму для общего костра, а другой освежевал тушку тощего пустынного зайца.

Кимбел достал из тележки котелок с бобами, которые утром, перед выходом из Редклиффа, залил водой. Он добавил туда еще немного воды, положил кусок солонины, перец и свежий розмарин. Поставив котелок на огонь, закрыл его крышкой и придавил ее небольшим камнем.

– А чем ты занимаешься? – спросила его туристка. – Тут, я имею в виду.

Кимбел лениво улыбнулся и подумал, что мог бы угостить ее бобами, несмотря на то что она тут несла про Зону.

– То тем, то этим. Сейчас, например, продаю всякие вещи.

– Торговец? Что, школу прогуливаешь?

Кимбел подумал, что без бобов она, пожалуй, обойдется, и пожал плечами.

– Все, что мне надо, я знаю. – У него был аттестат, но он не собирался распространяться об этом. – Здесь все по-другому.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– А тебе сколько?

Девушка усмехнулась.

– Личные вопросы? Ладно, мне девятнадцать.

– А мне шестнадцать. Свеженький, даже не целовался.

Она посмотрела на него с недоверием.

– Ну да, конечно.

– Кимбел, – позвал один из рейнджеров от костра. – Четверть зайца за бобы.

– Я подумаю, – отозвался он. – Бува есть, Ди-ю-Ви?

– Само собой.

– Тогда бедро зайца и бува.

Рейнджеры посовещались на тева, потом Ди-ю-Ви сказал:

– Ладно, бедро и бува. Не жалей бобов.

Они разогрели буву, свернутую лепешку из синей кукурузы, на горячем камне из костра. Кимбел добавил салат из широколистного огненного цветка и портулака, которые собрал по пути. Рейнджеры стали на тева благодарить за пищу, и Кимбел не начинал есть, пока они не договорили.

Девушка искоса наблюдала за ними и явно была впечатлена.

Туристы уже съели свои стерилизованные пайки. Они не портились, не требовали дополнительной обработки, и ими, скорее всего, нельзя было отравиться. Но зайчатина и бобы благоухали на всю поляну, а у пайков будто совсем не было запаха.

– Обалденно пахнет, – сказала девушка.

Кимбел оторвал кусок лепешки, завернул в него ложку бобов и немного зайчатины и протянул ей.

– Попробуй, как на вкус.

Она облизнулась, но принимать угощение не спешила.

– Боже, Дженнифер, кролик был весь в клещах, – вмешался загорелый. – Кто знает, какие паразиты у этих, хм… у него были.

Рейнджеры переглянулись и тихо рассмеялись.

Дженнифер нахмурилась, потом встала, перешагнула через загорелого и села на корточки у костра рядом с Кимбелом. Вызывающе глянув на своих приятелей, она взяла лепешку и откусила. Вызов на лице девушки сменился неожиданным удовольствием.

– Мм, ух ты! Так буве – это кукурузный хлеб?

– Бува. Да, тонкий хлеб, тева делают его из синей кукурузы. У хопи такой тоже есть, они называют его пики.

– Бобы – просто объедение. Я думала, они будут тверже.

– Я замочил их утром, перед выходом из Редклиффа.

– А… – Она понизила голос: – Как они тебя называют?

– Кимбел.

Она моргнула.

– Это фамилия?

– Имя. Я Кимбел… Крейтон.

Ди-ю-Ви рассмеялся. Кимбел гневно глянул на него.

– А я Дженнифер Фраунфельдер.

Она уселась рядом с ним.

– Фраунфельдер, – медленно произнес Кимбел, будто пробуя слово на вкус. – Немецкая фамилия?

– Да. Она означает «поле женщин».

Ди-ю-Ви прищурился и сказал что-то на тева своему товарищу, на что тот ответил:

– Ну и имечко! Напоминает мне об одном парне, которого

звали Добыча Смерти.

Кимбел потер лоб и посмотрел себе под ноги, но Дженнифер спросила:

– Добыча Смерти? Странное имя. Его так при рождении назвали или с этим связана какая-то история?

– О, – сказал Ди-ю-Ви, – еще как связана!

Он выпрямился и продолжил низким строгим голосом:

– Овей хамбейо.

Его товарищ перевел почти неслышно:

– Давным-давно.

– Добыча Смерти приехал к народу Книги, что жил на окраине земель Божьего града в Хорнада-дель-Муэрто[3].

Ди-ю-Ви посмотрел на Дженнифер и добавил:

– Можно назвать это место заповедником самых разнообразных верований.

– Добыча Смерти продавал книги: в основном Библии, но были у него и альманахи, и справочники по садоводству, разведению коз, овец и коров.

Были у него также книги, которые не одобряли Старейшины: пьесы Шекспира, сборники рассказов, трактаты о здоровье, труды Дарвина.

А еще он лишил невинности Шерон…

Студенты заинтересованно приподнялись, загорелый причмокнул губами:

– Мужик!

Ди-ю-Ви нахмурился, откашлялся и продолжил:

– Добыча Смерти лишил невинности Шерон, дочь Читающего Книгу, продав ей азбуку и книгу о женском здоровье.

– А что она ему дала взамен? – с ухмылкой спросил один.

– Яблочньш пирог, – ответил Ди-ю-Ви. – И поцелуй.

Дженнифер спросила:

– Как же тогда она потеряла невинность?

– Из-за азбуки. Женщинам народа Книги запрещено читать, – пояснил второй рейнджер.

– Какая ирония! – заметил Кимбел.

– А может, дело было в поцелуе, – сказал Ди-ю-Ви, и его взгляд стал жестким. Он повысил голос: – Люди Книги сожгли товар Добычи Смерти, избили его, заковали в колодки и созвали всех жителей деревни, чтобы те бросали в него грязь. Но когда стемнело, Шерон, дочь Читающего Книгу, пережгла ремешки на колодках. Добыча Смерти с Шерон бежали на северо-запад, в мальпаис. Лава там нагревается на солнце так, что буву можно печь прямо на камнях. А если в полдень идет дождь, то капли шипят и испаряются, будто падают на горячие угли.

Старейшины преследовали их верхом, но животным в мальпаис еще тяжелее, чем людям. Пришлось отослать лошадей и пуститься в погоню пешком. Но на камне не остается следов.

В мальпаис почти нет воды, и Добыча Смерти с Шерон совершенно выбились из сил, несмотря на то что шли только по ночам, а днем прятались от солнца. В отчаянии Добыча Смерти вернулся и украл тыкву с водой у спящих преследователей, но этим навел их на след.

Через два дня Шерон оступилась, нога ее попала в трещину, и обе кости в голени были сломаны. Добыча Смерти наложил шину, зажег дымный костер и оставил ее. Соплеменники нашли Шерон и повезли обратно на волокуше, страшно ругаясь каждый раз, когда самодельные носилки наїетаїи на что-то или скрипели.

Люди народа Книги стали думать, что делать с Добычей Смерти, помолились, и Читающий сказал, что Господь накажет грешника. Потом они вернулись в деревню и пустили молву о проступке и наказании Добычи Смерти, чтобы остеречь слабых духом.

Добыча Смерти еще день шел на север, к мраморным карьерам, где была вода, но после побоев в деревне далеко уйти не смог. Когда силы оставили его, он скорчился в лавовой трещине, где было немного тени, и приготовился умереть. Язык его распух, сознание померкло. Смерть простерла над ним свою руку.

Ди-ю-Ви сделал многозначительную паузу, улучив момент, чтобы собрать остатки бобов в миске куском бувы.

Дженнифер подалась вперед.

– А дальше?

– А дальше пошел дождь. Короткая и сильная летняя гроза. Дождь лил на лицо Добычи Смерти, и он пил, очнулся, и пил, и кашлял. А потом пил снова. Он выбрался из своего укрытия, и пил из луж, и набрал воды в тыкву, которую украл у людей Читающего, но пить из нее не было нужды до следующего дня, до тех пор пока вся вода из трещин в лаве не испарилась.

Он дошел до мраморных карьеров, а потом повернул на восток, туда, где на краю лавовых полей бьют источники, и вышел к столице Территории.

Случай с Добычей Смерти стал последней каплей, и территориального судью с отрядом рейнджеров отправили разобраться с народом Книги. Божий град выслал навстречу сотню крепких мужчин из ополчения, они убили судью и почти всех рейнджеров.

Когда два выживших рейнджера вернулись, губернатор Территории отправил сообщение за завесу, и самолет принес

ответ: сбросил листовки с высоты, куда не долетали жуки. В листовках было уведомление о наказании: аннулирование устава города.

– И все? – спросила Дженнифер. – Они просто сбросили кучу листовок?

– В первый день. Во второй сбрасывали уже не листовки.

Дженнифер прижала руку ко рту.

– Бомбы?

– Хуже. Контейнеры с мелкой стружкой: медной и алюминиевой. Они взрывались в пятистах футах над поверхностью. Говорят, земля и крыши блестели на солнце, как россыпь драгоценных камней.

Загорелый рассмеялся.

– И все? Просто какая-то стружка?

– Я поражаюсь, как они пустили тебя за завесу! Ты вообще слушал? – Дженнифер повернулась к Ди-ю-Ви. – Сколько было погибших?

– Многие уехали, когда увидели листовки. Остались самые религиозные и женщины, потому что не умели читать. Несущий Слово сказал, что их вера преодолеет все. Может, конечно, они и заслужили такую судьбу… Детей вот только жаль.

Под конец самолет сбросил огромный электромагнитный излучатель с антенной в несколько сотен футов длиной. Говорят, тучи жуков поднялись в воздух и затмили солнце, словно саранча.

Дженнифер содрогнулась.

Ди-ю-Ви смягчился немного.

– Многие успели уйти, когда появилось облако. Это ведь одна из десяти казней в первой главе их книги. Если они вышли за пределы участка, засыпанного стружкой, и держались низин, то вполне могли выжить. Но те, кто остался и молился… – Он сделал многозначительную паузу и продолжил: – От глинобитных домов Божьего града остались только пыль и мусор, а Великий собор превратился в груду камней, перемешанных с костями.

– Овей хамбейо. – Давным-давно.

С минуту все молчали. Дженнифер будто хотела что-то спросить, но изо рта ее не донеслось ни звука. Кимбел кинул последнюю коровью лепешку в огонь, вытряс крошки из корзины и метнул ее в тележку, как летающий диск. Он взял котелок из-под бобов, набрал в него воды из источника и поставил на угли, чтобы немного отмок перед мытьем.

– Что стало с Шерон? – наконец нарушила тишину Дженнифер.

Ди-ю-Ви покачал головой.

– Не знаю. Спроси у Добычи Смерти.

– Ну спасибо. Сейчас вот прямо пойду и спрошу.

Ди-ю-Ви переглянулся с товарищем, тот собирался что-то сказать, но Ди-ю-Ви покачал головой.

Кимбел хотел бы промолчать, но слова полились сами собой:

– Ее нога все еще болит. Срослась плохо, и Шерон хромает. Она сейчас в Нью-Розуэлле, учит других читать. Я видел ее, когда продавал школе несколько книг в прошлом месяце.

Дженнифер нахмурилась.

– Ты хочешь сказать, что…

– Перелом был сложный. Я сделал что мог, но родичи протащили ее по всем кочкам, а потом постановили, что нога зарастет с Божьей помощью. Шерон не могла ходить, не то что бегать, когда сбросили стружку.

Дженнифер открыла было рот, но не нашлась что сказать.

Ди-ю-Ви хмыкнул.

– Этого я не зная, Добыча Смерти.

Кимбел почти увидел, как он в голове меняет историю с учетом новых деталей.

– Мне ее сестра рассказала, когда выздоровел.

Дженнифер встала, подошла к тележке Кимбела и откинула брезент. Книги лежали рядами, корешками наружу. В основном в мягкой обложке, но попадались и довольно новые, в пластике, из-за Фарфоровой стены; были там книги с пожелтевшими и потрескавшимися обложками – еще дожучьего периода, спасенные вместе с остальными неметаллическими и неэлектронными вещами; и совсем немного книг в кожаных переплетах – из Нью-Санта-Фе, столицы Территории, сшитые и набранные вручную, керамическими литерами, – в основном практические руководства.

– Торговец, значит. Книжки продаешь.

Кимбел пожал плечами.

– Не только. У меня много всего: пластиковые швейные иглы, керамические ножи, антибиотики, презервативы. Но в основном книги.

Наконец Дженнифер спросила:

– А ее отец? Старейшина, который заковал тебя в колодки?

– Выжил. Его вера не прошла последнюю проверку. Но он потерял руку.

– Он тоже в Нью-Розуэлле?

– Нет. Он работает на ферме территориальной тюрьмы в Нуэво-Белене. Проповедует в крошечной общине. Народу Книги приходится тяжело, если они не могут изолироваться и не контролируют поступающую информацию. Они народ Книги, а не книг. Шерон хотела бы, чтобы отец был частью ее жизни, но он

запретил произносить ее имя. Он вычеркнул бы ее из семейной библии, но жуки уже позаботились об ЭТОМ.

Ди-ю-Ви покачал головой.

– И кому от этого плохо? Он же болван!

Кимбел пожал плечами.

– Я не его жалею.

Глаза Дженнифер блеснули в свете костра.

– Как-то все несправедливо, да?..

Ответить на это было нечего.

КАРЛ БАНКЕР
ПОД ВОПИЮЩИМИ НЕБЕСАМИ

Молодой писатель Карл Банкер в настоящее время занимается созданием программного обеспечения, но уже успел поработать ювелиром, мастером музыкальных инструментов, скульптором и слесарем-ремонтником. Его произведения появлялись на страницах «Cosmos», «Abyss & Apex», «Electric Velocipede», «Writers of the Future», «Neo-Opsis» и некоторых других изданий. Захватывающая история «Под вопиющими небесами», которую вы прочитаете ниже, принесла Карлу Банкеру первую премию на литературном конкурсе в честь столетия со дня рождения Роберта Хайнлайна – и это не случайно, можно с легкостью представить себе, что рассказ написан самим Хайнлайном. Банкер вместе со своим псом живет в Бостоне, штат Массачусетс.

Через корпус саней, тонкую обивку сидений, сквозь скафандры шипящая вибрация реактивного двигателя вливалась в тела двух мужчин, пронизывая их до костей, и отдавалась в шлемах навязчивым звуком. Причем весьма нехорошим. Несколько минут мотор гудел ровно, потом вдруг сбивался и фыркал, порой заходясь почти человеческим кашлем, затем снова работал нормально. И так раз за разом. Иногда Сандерс оборачивался, чтобы взглянуть на расположенный позади открытой кабины двигатель, или наблюдал за Робсоном, который управлял санями и смотрел только вперед. Оба молчали.

Вдруг раздался металлический скрежет, сани резко швырнуло вправо. Робсон выругался. Одной рукой он сражался с рычагом управления, другой – глушил двигатель.

– Какого черта?! – вскричал Сандерс.

Робсон не ответил. Когда сани остановились, он отстегнул ремень безопасности и спрыгнул на лед. Спустя мгновение Сандерс услышал в шлемофоне тихий звук, похожий на мычание.

– Что случилось? – спросил он, взглянув на Робсона.

– Можете тоже слезать, сэр. Придется идти пешком, – ответил Робсон.

– Что? – рявкнул Сандерс. – Что с этой проклятой машиной?

Он спустился на лед к Робсону, который махнул рукой на двигатель и сказал:

– Прогар в камере главного реактора.

Сандерс взглянул на поломку и удивился:

– Вот эта маленькая дырочка? Разве ты не можешь ее залатать?

– Вы смотрите на внешний корпус двигателя. Под ним все сожжено дотла. Реактор починить невозможно. – Робсон окинул взглядом линию горизонта – плавную белую кривую на фоне черного неба. Потом посмотрел выше, где по левую сторону стоял Сатурн. Он достиг фазы первой четверти и занимал большой кусок неба. Через час планета станет полной.

– Но ты даже не открыл двигатель! – воскликнул Сандерс. – Откуда ты знаешь, что все настолько плохо?

– Такая у меня работа, – отвечал Робсон. – У нас нет времени на то, чтобы его разбирать. Датчик моего скафандра показывает, что мы в семидесяти одном километре от базы Джанша. Какие сведения у вас?

– Семьдесят восемь километров семьсот метров. Кислорода хватит на девяносто две минуты. Проклятье, Робсон, мы так далеко! – Сандерс отвернулся от Робсона и слегка запрокинул голову в шлеме. – Мэйдэй![4] Мэйдэй! Мэйдэй! Это транспортные сани Энцелада номер ноль пять. Вызывают Стэнли Сандерс и Джо Робсон. Мы находимся приблизительно в семидесяти пяти километрах от станции Джанша, отклонение порядка двести восемьдесят семь градусов. Сани вышли из строя, мы пешком направляемся в Джанша. Возможно, нам не хватит кислорода. Это сигнал бедствия. Пожалуйста, ответьте, если слышите нас!

Мужчины молча прислушивались к раздававшемуся в шлемах шипению радиосвязи.

– Никто не услышит, – проговорил Робсон. – Джанша черт-те где.

– На базе не могут получить наш сигнал, потому что мы слишком далеко за горизонтом, пропади он пропадом! Но возможно, нас услышат на орбите, или сигнал отрикошетит от одной из лун.

– Ладно, – сказал на это Робсон. – Будем надеяться. Но лучше не станем терять времени и пойдем вперед.

Их передвижение едва ли напоминало ходьбу, скорее оно было похоже на скользящие прыжки, которые называли тустепом Энцелада. При 0,01 *g* идти просто невозможно! Однако здесь человек, словно супермен, мог подняться метров на пятьдесят и даже выше! Этот способ был и медленным, и опасным. Такой скачок отправил бы прыгуна в полет по параболической траектории, длящийся около минуты. В условиях отсутствия атмосферы невозможно предугадать, куда приземлишься, и часто попадались именно те места, где совсем не хотелось оказаться. Поверхность Энцелада покрыта льдом, порой гладким и ровным, словно каток, а местами усыпанным гравием и ледяной крошкой или пронизанным трещинами глубиной в несколько километров,

а кое-где простираются целые поля смертельно острых, напоминающих земное стекло, застывших шпилей.

Хитрость тустепа заключается в том, чтобы парить низко над поверхностью. Согни колени, одну ногу хорошенько вынеси, словно готовясь шагнуть, и легонько толкни себя вперед, только ни в коем случае не вверх. Будь начеку и смотри, куда приземляешься после прыжка. На пересеченной местности передвигайся на короткие расстояния и не спеши. На ровной – можешь зараз отмахать больше дюжины метров и разогнаться, если, конечно, не прочь рискнуть жизнью. На Энцеладе даже оснащенные острыми адаптивными шипами ботинки не обеспечивают практически никакого сцепления – быстро сбавить скорость не получится. Системы гиростабилизации скафандра отчасти поддерживают тело в вертикальном положении, но их можно запросто повредить. Чуть запнешься – упадешь. Под тобой обвалится лед – упадешь. Соскользнут шипы – упадешь. Если на момент падения ты двигался быстро, то будешь долго, очень долго крутиться и подпрыгивать. В зависимости от того, чем закончатся все эти акробатические пируэты, подобные упражнения или обернутся досадной неприятностью, или приведут к гибели. На Энцеладе торопиться нельзя.

Мужчины совершили несколько затяжных прыжков. Через несколько минут Сандерс еще раз послал сигнал бедствия. Далеко слева от них, у самого горизонта, призрачным белесым воронкообразным силуэтом на фоне черного неба дышал гейзер.

– Сколько у тебя кислорода, Робсон?

– Столько же, сколько у вас, хватит на восемьдесят пять минут.

– Вот дьявол! – выругался Сандерс. – Плюс аварийный запас. Эти прыжки слишком выматывают. Нам не одолеть семьдесят пять километров за столь короткое время.

– Может, база не так далеко. Показания приборов не очень-то точны.

– Не очень-то точны! Даже не шути так! – вскричал Сандерс. – Значит, мы можем быть намного дальше! – Тут он ударил по шлему защищенной перчаткой ладонью. – Технологии этой миссии ни к черту не годятся! Здесь ничего не продумано и все держится на соплях! Два сломанных спутника связи, никакой системы GPS, сани со сгорающими двигателями, база Джанша будто скачет каждый раз, стоит мне развернуться на сто восемьдесят градусов, и паршивые техники, неспособные ничего починить! – Сандерс сделал медленный судорожный вдох.

Они продолжили путь. Робсон снова послал сигнал «Мэйдэй», и мужчины прислушались к раздавшейся в ответ тишине.

– Робсон? – снова заговорил Сандерс.

– Да?

– Извини. Зря я назвал тебя паршивым техником. Глупо.

– Ничего.

– Мы в большой беде, Робсон. И мне страшно.

– Я тоже боюсь, мистер Сандерс. Уж за это не волнуйтесь.

– Тебе не так страшно. Я же слышу твое дыхание точно так же, как ты – мое. Ты спокоен, словно скала, я же задыхаюсь от волнения, как чертова школьница. Молодец, твой кислород закончится не так скоро. – Он замолчал и сознательно замедлил дыхание. – Во всяком случае, я знаю, что ты хороший техник, Джо, иначе я бы тебя не нанял.

Они двигались дальше, не оставляя попыток вызвать помощь.

– Джо? – позвал Сандерс.

– Джордж.

– Что?

– Меня зовут Джордж. Не Джо, – поправил Робсон.

– О, ясно. Извини.

– Ничего.

– Я вот подумал, – начал Сандерс, – если кому и удастся выбраться из этой переделки, то это будешь ты.

Сандерс подождал ответа, но Робсон ничего не сказал.

– Когда обнаружили крушение, я был одним из тех, кто громче всех выступал за немедленную отправку экспедиции, наплевав на безопасность и готовность техники. Я обрабатывал Вашингтон, потом обратился в Лабораторию реактивного движения… Когда меня назначили главным научным консультантом миссии, я чувствовал себя так, словно… словно родился именно для этого. – Он мельком взглянул на Робсона. – Для таких, как я, подобная миссия – самое значительное событие в жизни. Найти доказательство тому, что из другой звездной системы прилетели пришельцы на каком-нибудь судне… – Он опять помедлил. – То есть я хочу сказать, что был готов умереть ради этой миссии с тех самых пор, как появились первые фотографии крушения. По крайней мере, я так себе говорил. Но для тебя, Джордж, все совсем не так. Ты же просто… пойми, ты же техник. Ты здесь только потому, что хорошо платят, так? Для тебя это просто работа.

– Угу, – отозвался Робсон, – работа.

Оглянувшись, он увидел, что Сандерс замедлил шаг и отстал. Мягкий голос Робсона раздался в шлеме ученого, преодолев расстояние в тридцать метров:

– Идемте же, мистер Сандерс, давайте поспешим, пока мы еще живы.

Неровный, усыпанный валунами пейзаж сменился чередой симметричных, плавно очерченных зубцов метровой высоты, похожих на замерзшие гребни волн.

– Подожди! – скомандовал Сандерс, и они остановились. – Не нравится мне этот лед, – проговорил ученый. – Должно быть, мы приближаемся к Суффолкским изломам. Будь здесь, я посмотрю.

Он низко присел и прыгнул вверх. Робсон проводил взглядом напарника, взлетевшего ввысь и скрывшегося в смоляном небе.

– Да, я был прав. Это хорошо, – сказал Сандерс, опускаясь. – Скорее всего, мы ближе к Джанша, чем показывают наши скафандры, – проворчал он, приземлившись. – Нужно взять немного восточнее.

Запрокинув голову Робсон смотрел на Сатурн – все еще неполный; выступая с обеих сторон, кольца бритвенно-тонкими линиями перечеркивали его поверхность. Сандерс усмехнулся:

– Робсон, я и раньше это за тобой замечал. Ты часто смотришь на Сатурн. Многие из нас остерегаются глядеть на него. Если не отрывать глаз одну-две секунды, начинает казаться, что он затягивает тебя в космос.

– Правда?

– Да. Если среди ночи там, в Джанша, кто-то вскрикивает во сне, значит ему снится, что Желтый Гигант засасывает его, подобно пасти громадного монстра. Полагаю, ты просто не задумываешься об этом, как сейчас не осознаешь, в какую переделку мы попали. Нет у тебя воображения, Джордж, и я ужасно тебе завидую!

Вскоре ландшафт снова изменился. На обширной равнине лед был достаточно гладким, и путникам удалось набрать скорость.

– Так-то лучше, – заметил Сандерс. – Только бы продолжалось в том же духе…

Тут техник издал пронзительный нечленораздельный вопль. Ученый посмотрел направо и увидел, что напарник крутится вокруг своей оси.

– Господи, Робсон, с тобой все в порядке?

Техник, вертясь в двух метрах над землей, лишь выругался в ответ. Когда он подлетел ближе к поверхности, то попытался схватиться рукой за лед, но отскочил вверх и теперь вращался в двух осях координат.

– Дьявольщина! – взревел он.

– Джордж, прекрати сопротивляться! Расслабься – ты знаешь, что делать.

– Точно, – согласился тот сдавленным голосом.

Шлемофон доносил до Сандерса жужжание напряженно

работавших гироскопов Робсона.

– Какого черта? – спросил он техника. – Здесь ровно как…

– Заткнись! – Робсон все еще извивался над поверхностью, время от времени ударяясь об нее. – Я что-то видел! Подо льдом. Вернись, постарайся отыскать это место… Подожди! Я опять на ногах. Иду назад. – И он большими, высокими шагами повторил пройденный путь в обратном направлении.

– Робсон, ты что творишь?! – воскликнул Сандерс. – Что бы там ни было, у нас нет времени!

Техник не отвечал. Сандерс собрался снова его окликнуть, но тут Робсон остановился. Затем сделал несколько шагов, уставившись себе под ноги. И опустился на колени медленно и плавно, как падают предметы при ничтожно малой гравитации Энцелада. В шлеме ученого раздались очень тихие слова:

– Мистер Сандерс, идите сюда.

– Что там? Ты ушибся?

– Со мной все в порядке. Просто подойдите сюда. Посмотрите.

Сандерс переместился к Робсону, остановился и посмотрел вниз. Какое-то время ученый молчал, никак не реагируя на происходящее. Робсон даже с любопытством взглянул на него, чтобы удостовериться, не скрывает ли от него объект игра света. Наконец Сандерс прерывисто вздохнул и попытался прикрыть рукой разинутый от изумления рот, стукнув при этом перчаткой по лицевому забралу гермошлема.

– Он меньше, чем мы предполагали, – прошептал он. – Едва ли выше метра… – Голос Сандерса прервался, и он, опустившись на четвереньки, наклонился к самому льду.

Тело существа вмерзло под углом, голова располагалась выше торса. Ноги и ступни неясно виднелись в мутноватом льду, но прозрачный овальный шлем был практически у самой поверхности. Когда Сандерс приблизился, то оказался лицом к лицу с пришельцем, покрытым коричневой чешуей. Их разделяли лишь несколько сантиметров.

– Флажок-радиомаяк, – произнес Сандерс, по-прежнему стоя на четвереньках. – Господи! – Он так резко вскочил на ноги, что завис надо льдом. В отчаянии похлопал по карманам. – Скажи, что у тебя есть хоть один! Ради бога! У тебя же должен найтись флажок!

– Нет, – отвечал Робсон. – Все остались в санях.

– Проклятье! Тогда хоть что-нибудь, что мы можем оставить здесь в качестве указателя или чем удастся сделать запись на тот случай… если мы не вернемся на базу; другие участники экспедиции должны узнать о нем…

– Ничего такого у меня при себе нет, – сказал Робсон. – Вообще. И наши скафандры не могут сделать запись.

– Ну ладно, мы соорудим пирамиду – нагромоздим льда… – Он замолчал и обвел взглядом плоский невыразительный пейзаж, который простирался во всех направлениях вплоть до самого горизонта. Сандерс воздел руки к небу, тряся дрожащими кулаками перед шлемом. – Провались все в преисподнюю! – От досады он топнул ногой и взлетел на метр вверх. – Мы даже паршивой стрелочки не можем нацарапать на льду! – Он так тяжело дышал, что Робсон видел, как под скафандром вздымается и опадает его грудь. – Ну что ж. Хорошо. Возвращаемся на Джанша. Даже убогие инерциальные системы наших скафандров сгодятся на то, чтобы снова отыскать это место с помощью отслеживания пройденного маршрута. Вместе с поисковым отрядом мы найдем это место. – Говоря это, он быстро запрыгал по льду. – Давай, вперед! – рявкнул он. – Теперь мы пойдем быстро! Так быстро, насколько сможем, чего бы нам это ни стоило. Нам нужно добраться в Джанша, ты слышишь меня?!

– Слышу, – отозвался Робсон.

Не останавливаясь, Сандерс оглянулся. Техник стоял как вкопанный.

– Что ты застыл, Джо? Идем!

– Мистер Сандерс, не думаю, что нам удастся вернуться. Взгляните на показания приборов. Воздуха осталось минут на тридцать, а мы преодолели только половину пути.

– Ну и что, черт тебя подери? Нужно пытаться. Не можешь же ты просто остаться там и… – Ученый умолк. Стараясь не потерять точку опоры, он медленно остановился, затем повернулся и посмотрел на техника, который был уже в пятидесяти метрах от него. – Боже мой, Робсон…

– Да, – кивнул тот. – У нас нет с собой ни одного флажка-радиомаяка, зато у нас есть транспондеры. Те, что встроены в скафандры. С помощью этого передатчика они отыщут меня и, когда найдут, увидят… его.

– Нет, Робсон. Слушай, даже если у нас не получится вернуться на базу, нам будет достаточно оказаться в радиусе действия радиосигнала… Мы скажем участникам экспедиции…

– Если доберемся туда, где берет радиосигнал. И у поискового отряда может все равно не получиться найти этого парня. Чтобы увидеть инопланетянина сквозь толщу льда, нужно оказаться прямо над ним.

– Ты не можешь… не можешь вот так вот… Боже, Робсон…

– Вы сами сказали, мистер Сандерс. Это важно. Это же вообще самое главное. Крушение – всего лишь груда покореженного

металла, но он – нечто совершенно реальное. Тело, скафандр пришельца… Вы, ученые, чего только не узнаете с его помощью. Но для этого его нужно будет найти.

Сандерс тяжело вздохнул:

– Робсон, я не могу ждать. У меня нет времени стоять здесь и спорить с тобой. Я отправляюсь в Джанша и намерен туда дойти. Плевать, если для этого мне придется дышать вакуумом. Я добьюсь своего, слышишь? Можешь сидеть себе здесь и дожидаться, пока умрешь, а я не собираюсь!

Шли секунды, но техник ничего не говорил. Сандерс что-то пробормотал, но Робсон не смог разобрать. Тогда ученый развернулся и направился к базе, паря надо льдом при каждом мощном прыжке.

Робсон коснулся блока управления на рукаве скафандра и выключил радио. Прислушался к раздававшемуся в шлеме собственному дыханию, учащенному и трепещущему.

– Теперь я задыхаюсь от волнения, словно чертова школьница, мистер Сандерс, – сказал он про себя. Сел и положил руку на лед совсем рядом с лицом инопланетянина. – Так что же ты здесь делаешь, малыш? – спросил он его. Лег на спину и посмотрел вверх. Стоял полный Сатурн, и Мимас только что начал прохождение, нарисовав маленький серый диск у края лика Сатурна. Долго Робсон молча смотрел ввысь. – Как же им удается не замечать этого? – тихонько произнес он, внимательно глядя вверх и силясь представить себе в открывшемся взору зрелище нечто угрожающее и зловещее; ощущение, что тебя, легкого, словно перышко, отрывает от поверхности Энцелада и засасывает во тьму. Но, вместо этого, он видел большой пастельно-желтый шар с тенью от колец. Когда дома он смотрел на фотографии этой планеты, то ничего особенного не чувствовал: красиво, только и всего. Совсем другое дело здесь, когда этот невероятный, невозможно огромный шар висит над головой. Здесь Робсон не мог не замечать изливавшейся с неба радости – вопиющего с небес громогласного клича красоты.

Чтобы снова посмотреть на замерзшего пришельца, Робсон лег на бок. Один глаз инопланетянина был закрыт, другой белел узенькой щелкой.

– Готов поспорить, что ты ничего не имеешь против этого зрелища, верно? – спросил он его. – Ты знал, что тебе не выбраться, и, так же как я, лег и смотрел на небо. Полагаю, ты тоже был обделен воображением.

Робсон опять перевернулся на спину. Попытался заложить руки за голову, только в скафандре это оказалось неудобно. Тогда он покрепче скрестил руки на груди, его била дрожь.

– Так что же ты здесь делал, черт подери? – снова спросил он. Несколько минут он молчал. Потом произнес: – Ага, я догадался. Ты делал свою работу. Просто делал свою проклятую работу, точно так же, как все мы.

ДЖОН КЭССЕЛ
СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ВОЗРОЖДЕНИЮ ГЕЛЬВЕТИКИ

Джон Кэссел родился в городе Буффало, штат Нью-Йорк, сейчас живет со своей семьей в Роли, штат Северная Каролина, где преподает американскую литературу и руководит программой обучения писательскому мастерству в университете штата. Печататься Кэссел начал в 1975 году. Его первый роман, «Хорошие новости из дальнего космоса» («Good News From Outer Space»), вышел в 1988 году и получил высокую оценку критиков, но еще до того Кэссел прославился как автор прекрасно написанных рассказов, большинство из которых вошло в сборники «Встретимся в бесконечности» («Meeting in Infinity») и «Чистый продукт» («The Pure Product»), В 1983 году Кэссел стал обладателем премии «Небьюла» за повесть «Другая сирота» («Another Orphan»), которая в том же году номинировалась на «Хьюго», а впоследствии вышла отдельной книгой. Рассказ «Буффало» («Buffalo») в 1991 году получил премию Теодора Старджона, а повесть «Истории для людей» («Stories for Men») завоевала престижную премию Джеймса Типтри-младшего в 2003 году. Среди других произведений писателя можно назвать такие романы, как «Подкуп доктора Пайса» («Corrupting Dr. Nice»), «Берег свободы» («Freedom Beach») (написанный совместно с Джеймсом Патриком Келли), «Девяносто процентов всего» («Ninety Percent of Everything») (в соавторстве с Джеймсом Патриком Келли и Джонатаном Летемом). Вместе с Марком Л. Ван Неймом и Ричардом Батнером он составил антологию «Перекрестки» («Intersections»), куда вошли рассказы, созданные в ходе деятельности известной писательской мастерской Сикамор-Хилл, в которой Кэссел периодически ведет занятия. Также Кэссел составил три антологии совместно с Джеймсом Патриком Келли: «Очень странное чувство: антология слипстрима» («Feeling Very Strange: The Slipstream Anthology»), «Замена проводки: антология посткиберпанка» («Rewired: The Post-Cyberpunk Anthology») и «Тайная история научной фантастики» («The Secret History of Science Fiction»).

В следующем рассказе традиционная приключенческая история приобретает затейливые и неповторимые формы, столь характерные для творчества писателя.

Когда мой разум прояснился, я обнаружил, что нахожусь на улице. И бог-защитник Бишамон заговорил со мной: «Бульвар до

космопорта идет в гору. И ты должен бежать по нему».

В воздухе полно коварных духов, а бег в имперском городе считался преступлением. Но может ли человек ослушаться гласа божьего? Я подчинился. Тротуар вибрировал от громыхания невероятного размера машин Каслонской империи. Кураторы имперских архивов, наверное, уже обнаружили иллюзию, которую я оставил вместо их защитных систем, и ищут, что же пропало.

Небо над плато испещряли полосы облаков, сквозь них пробивались фиолетовые гравитационные лучи, вознося корабли на планетарную орбиту и спуская их сюда. Рядом с воротами космопорта семья оборванцев – муж, жена, двое детей – сетью из узловатых веревок ловила рыбу в сточной канаве. Не обращая на них внимания, зажиточные граждане в украшенных вышивкой нарядах чинно расхаживали по магазинам портового базара, покупая беспошлинные товары, перезаряжая наложниц и подыскивая себе угощение перед отлетом. Так, надо помедленнее.

Я сбавил шаг. Стал неотличим от них, плавно двигаясь среди путешественников.

Для каслонского взгляда я был спокоен и сдержан; внутри же меня радость и ярость боролись друг с другом. В моих руках сейчас находилось средство спасения моего народа. Я старался не думать, лишь действовать, возрожденный разум мчался вскачь. Конечно, будет лучше покинуть планету прежде, чем кураторы поймут, что у них украли. Но я так проголодался, аромат еды казался непреодолимым. Хотя остановиться здесь значило бы совершить невероятную глупость.

«Зайди в ресторан», – сказали мне. И я отправился в самое изысканное заведение.

Меня встретил официант:

– Желает ли господин пройти к столику или же предпочитает отобедать у барной стойки?

– У стойки, – ответил я.

– Прошу за мной. – В его манерах не было даже намека на непристойность, хотя что-то в нем говорило о невоздержанности. Он гордился тем, что может предложить мне нечто доступное очень немногим.

Я сел у круглой стойки из отполированного розового дерева. Передо мной и еще несколькими посетителями шеф-повар жарил куски мяса на металлическом противне. Всплеснув руками в воздухе, как танцор, он подбросил вырезку между двумя силовыми ножами, позволил ей упасть на разогретую поверхность и тут же снова подкинул ножами, ловко перевернув. Он не столько готовил, сколько давал представление. Мощные лезвия проходили сквозь мясо без всякого сопротивления, а широкими

сторонами повар похлопывал по нему, как лопаточками. В воздухе висел аромат сожженного углеводорода.

Привлекательный молодой человек продемонстрировал мне список виртов с вырезками, включая вкусы, действующие на подсознательном уровне. «Вырезками» назывались порции мускулатуры животных, откуда изымали куски мяса. У меня слюнки потекли.

Официант принял заказ, а я пригубил коктейль из лагера и «Белановы».

Ожидая, осмотрел ресторан. Одна из главных задач нашего ордена – защищать божественное правосудие, позволяя злу существовать. За столиком поблизости молодая женщина склонилась над ребенком, скорее всего, своей дочерью, подбадривая ее. Прекрасное лицо девочки казалось самим воплощением невинности, когда она нерешительно попробовала полоску розовой плоти. Мать тоже была очень красивой. Я задумался, первая ли это у нее юность.

Шеф-повар закончил представление, со стороны других посетителей раздались жидкие аплодисменты. Молодой человек поставил передо мной тарелку со стейком. Шеф убрал лезвия и отложил ножи в сторону, затем, нырнув сквозь люк в полу, спустился в темницу, где держали рабов. Как только он исчез из виду, бог сказал мне: «Укради нож».

Пока остальные отвлеклись на еду, я перегнулся через стойку, взял силовой нож и засунул его в ботинок. Потом приступил к трапезе. Вкус был невероятным. Каждая клеточка моего тела вибрировала от радости и стыда. Голова закружилась, и есть быстро я не мог.

Стройный мужчина в черной сутане сел рядом со мной и сказал:

– Хорошо пахнет. Это настоящее мясо животных?

– А вам какая разница?

– А, брат, успокойся. Я не ставлю под сомнение твои предпочтения.

– Рад слышать.

– Но ставлю под сомнение твою личность. – Он распахнул одежду – под ней оказался мундир со знакомым символом. Служба безопасности порта. – Паспорт, пожалуйста.

Я открыл внутреннюю поверхность запястья. По левому глазу стражника скользнуло сканвеко, проанализировав метки на коже.

– Очень хорошо, – сказал красавчик и вынул бластер из складок сутаны. – Нам редко попадаются такие замечательные подделки. Вставай и иди со мной.

Я подчинился. Он крепко взял меня за руку, конусом дула

ткнул в бок. Никто в ресторане ничего не заметил. Служитель вывел меня наружу, на людный базар.

– Видишь ли, брат, от сознания не сбежать. Как только оно возвращается, ты становишься уязвим. И молитва твоя бесполезна.

Вот оно, каслонское высокомерие. Они обращаются с нами как с существами, лишенными сознания, и ни во что не верят. Правда, я действительно начал молиться, но не услышал ни слова.

Я повернулся к нему:

– Вы, может, и желаете, чтобы богов не было, но ошибаетесь. Боги повсюду.

Звонко произнеся «п» в слове «повсюду», я надкусил верхний коренной зуб с правой стороны и выдул лунную пыль прямо в лицо незнакомцу.

Агент в судорогах рухнул на тротуар. Я побежал сквозь толпу, уворачиваясь от людей. Мой корабль стоял на частной площадке в конце базара. Уже на полпути завыла тревога. Народ принялся ошеломленно оглядываться, останавливаясь посреди дороги. Стены зданий и прилавков мигнули, и на них появилось множество моих изображений. В воздухе раздался голос:

– Этот человек – государственный преступник. Задержите его.

Без помощи я бы до корабля не добрался, поэтому включил перцептивное ускорение. Людские голоса, портовый шум стали ниже на целую октаву. Все двигались словно в замедленной съемке. Я и сам двигался еле-еле – тело никак не могло поспеть за разогнавшейся нервной системой, – но для людей, живущих с нормальной скоростью, мои рефлексы казались молниеносными. На пределах физиологии – укрепленные суставы выносили дополнительную нагрузку, а мускулы – чрезмерный избыток молочной кислоты, пусть и недолго, – я мог двигаться вдвое быстрее обычного человека. Примерно десять минут, а потом падал.

Первым ко мне пристал здоровяк средних лет, я схватил его за руку, вывернул ее и швырнул на второго, который только что подчинился команде. Пока я бежал сквозь толпу, начал накрапывать дождь, и мне казалось, что я скольжу между каплями. А потом вытащил силовой нож из сапога и отсек ухо следующему противнику. До сих пор помню, как смешно он скривился от ужаса. За мной бежал агент в черном, его лицо опухло из-за волдырей от лунной пыли.

Я уже добрался до взлетной площадки. В погрузочном ангаре проводники складывали низкостатусных пассажиров и запихивали их в отправочные сумки, потом их отнесут на корабль

и на время полета развесят в шкафчиках. Прямо перед собой я увидел женщину и девочку из ресторана. Мать раскрыла зонт и держала его над дочкой, чтобы та не промокла. Не сбавляя скорости, я подхватил малышку. Она взвизгнула, мать закричала. Я приставил лезвие к шее ребенка и крикнул охранникам у входа на площадку:

– Расступитесь!

Те отошли.

– Стоять! – раздался голос сзади. Будку у ворот обжег залп из бластера. Я дернулся, повернулся, прикрывшись девочкой.

Агент в сутане, за которым бежали две женщины из службы охраны, резко остановился:

– Ты не должен ее трогать.

– Да? А почему?

– Это против всех заповедей твоего ордена.

Мастер Дарий, наставляя меня перед миссией, предупредил о будущей дилемме. Он сказал: «Ты обязательно попадешь в такую ситуацию, Адлан. И когда это произойдет, будь готов разрешить все сложности».

– Вы правы! – крикнул я преследователям и бросил им ребенка.

Агент поймал девочку, женщины прицелились и начали стрелять. Один луч обжег мне плечо, но я уже пробрался на взлетную полосу.

Робот системы безопасности запустил зажигательную гранату. Я перекатился через пламя. Мой корабль находился в ремонтной яме, покачиваясь на фиолетовом антигравитационном луче. Я скользнул вниз по склону в открытый шлюз, быстро закрыл его и поднялся в рубку. Снаружи выли сирены. Пришлось обойти все процедуры запуска и отключить луч. Корабль взлетел вверх, словно семечко от щелчка; как только он достиг стратосферы, я запустил двигатели и резким толчком вырвался в космос.

Системы орбитальной безопасности сработали с опозданием, и я сумел сбежать.

Очнулся в кресле пилота, потрепанный, весь в синяках, вымотавшийся. Запах от ожога на плече напомнил о стейке из портового ресторана. Напряжение после ускорения нервных импульсов сказалось на всем теле: болел каждый сустав. Руки посинели от кровоподтеков; ослабев, я чувствовал себя стариком.

Судя по приборам, я добрался до кометного облака системы, в этом квадрате практически никто не летал; вдобавок корпус моего корабля был покрыт защитным слоем льда, и теперь на любом детекторе он походил на обыкновенный каменный

осколок, один из миллиарда таких же, летающих вокруг. Я с трудом поднялся из кресла, прошел в камбуз, где разогрел себе суп и сделал инъекцию клещей для клеточного восстановления. Потом рухнул на койку и заснул.

Очнувшись во второй раз, я почувствовал себя лучше. Перезарядил зуб, снова поел. Опустился на колени перед алтарем, склонил голову в молитве и почувствовал, как покой течет по позвоночнику, а мускулы на спине расслабляются. Я вслушался в голоса богов.

Моя мать вырастила меня на Бембо. Она была невероятно красивой девочкой. Однажды Акван, взглянув на нее сверху, почувствовал такую похоть, что обратился бродягой и изнасиловал ее прямо на обочине дороги. Через девять месяцев родился я.

Богиня Седна взревновала настолько, что наложила проклятие на мою мать, л та стала юристом. Мы переехали на Гельветику. Там, в захудалом городишке Урушана, в районе, растянувшемся по берегу реки, мать начала практику: защищала преступников, получала небольшой бакшиш, устраивая отношения между правительством Каслонской империи и продажными местными чиновниками. Она очень хотела, чтобы я отправился в университет на другой планете, но учеба казалась мне сродни подъему огромного камня на очень крутой холм. Я влезал в драки, волочился за женщинами крайне сомнительной репутации. Исчерпав все возможности в городе, записался в местную полицию, где меня переделали, ускорив боевые навыки, но из-за склонности к насилию я вылетел со службы через шесть месяцев. Понадеявшись, что смогу совладать со страстями, я отправился в паломничество к монастырю Пуджманианского ордена. Там попросил взять меня в послушники и, к своему огромному удивлению, получил согласие.

Несомненно, мастер Дарий обратил на меня внимание с первого дня, как я оказался на плато. Может, дело было в моем божественном происхождении, из-за которого я постоянно слышал голоса. А может, в бурной карьере. Мастер научил меня видеть разницу между желаниями, что были частью моей дикой натуры, и велениями богов. Научил отличать друг от друга голоса разных божеств. Путь оказался непростым. Я постился, работал в саду, учился боевым искусствам, чистил отхожие места, чинил старую одежду, шил новую, ухаживал за фруктовыми деревьями. Стал профессиональным портным, мои замечательно сделанные кимоно мастера носили по праздникам. Вдобавок мастер Дарий проводил со мной специальные сеансы, погружая в транс, во время которого, как потом рассказывали мне другие послушники,

я несколько дней жил вполне нормально, но потом просыпался и ничего не помнил о своих поступках.

А потом меня отправили с миссией, так как я научился не думать, и духи, охраняющие имперские архивы, засечь меня не могли.

На свете существует лишь пять пьес, в которых можно найти свидетельства возрождения человечества после его долгого вымирания. Цикл называется «Уход» и состоит из двух частей. В космогоническую входят «Падение лучника», «Месть Сточика», «Пылающее древо», «Скрой чувства, захлопни двери», а в мистическую лишь «Магическая черепаха». Никто не знает, кто их написал. Говорят, пьесы сочинили в первые тридцать лет после того, как боги воссоздати человеческую расу. Эти произведения искусства – не только наиболее почитаемые символы человеческой культуры, священные тексты вселенской религии, но и основополагающие политические документы всех планетарных правительств. Их хранят в одном-единственном экземпляре. Пьесы играют на космогонических фестивалях по всем мирам, но записей представлений не существуют. Актеры не заучивают текст; они буквально становятся персонажами с помощью тех же самых техник, которыми мастер Дарий обучил меня запутывать духов. А после выступления артисты ничего не помнят.

Эти бесценные космогонические пьесы сейчас существовали только в моей голове. В архиве я уничтожил кристалл, на котором они хранились. Каслону словно вырвать сердце. Если население узнает о пропаже священных текстов, оно придет в отчаяние и взбунтуется.

Когда же мастер Дарий объявит, что орден владеет единственными оставшимися копиями, империи придется освободить наш мир. Это лишь дело времени.

Через три дня после побега с Каслона я взял курс на Гельветику и с помощью исчезающей червоточины должен был появиться во внутреннем кольце планеты, где мой корабль, все еще закованный в ледяной панцирь, по идее сливался с окружением. Оттуда я хотел разведать обстановку, выбрать место для схода с орбиты и приземлиться. Но кольцо находилось глубоко в гравитационном колодце, и маневр оказался довольно трудоемким.

Даже слишком. Когда корабль появился у кольца Гельветики, он столкнулся с железно-никелевым метеороидом, и двигатели отключились. Уже через двадцать минут каслонские охотники-убийцы вцепились мне в корпус. Правда, у меня оставалось преимущество: они уже знали, что пьесы у меня, а потому

взорвать корабль не могли. Я мог их убить, а они меня – нет. Но если поймают, то в поисках текста разорвут мой разум на клочки, это без сомнений.

Счет шел на минуты – шлюз долго не протянет. Я вышел из рубки и отправился в машинный отсек. Там царил полный кавардак, после столкновения давление еле держалось, повсюду валялись кислородные цилиндры, а в воздухе стоял едкий запах сгоревшей проводки. Я открыл отсек кладовой в три метра высотой и два шириной, из шкафчика достал два пьезоволоконных костюма. Включил их, взглянул на датчики – заряжены полностью – и кинул внутрь. Там было тесно, валялась куча инструментов и коробок с припасами. Присев на один из ящиков, я стянул рубашку. Всю грудную клетку покрывали синяки. В алюминиевом свете кожа казалась тошнотворно белой. Микротомом я сделал надрез на животе, под ребрами. Крови вытекло совсем немного. Третьим и указательным пальцем достал изнутри девятимерный мешочек. Распылил псевдокожу над раной. Тут отрубилась искусственная гравитация, и погас свет.

Я натянул веки ночного видения, прочитал инструкцию на мешочке, вскрыл его, вытащил оттуда солдата и развернул. Тот расширился в трех измерениях и уже через минуту, обнаженный, парил передо мной. Вот тут я удивился: оказалось, это женщина. Темнокожая, стройная, с очень красивым телом. Я склонился над ней и сделал искусственное дыхание рот в рот. Она конвульсивно дернулась, поперхнулась, вздохнув, затем замерла. Ее веки, затрепетав, открылись.

– Просыпайся! – сказал я, натягивая пьезокостюм. Сунул силовой нож в ботинок, пристегнул к поясу бластер и боеприпасы, надел рюкзак. – Вот твой костюм! Нет времени.

Она быстро огляделась вокруг, пристально осмотрела меня. Из-за двери раздалось громыхание, десантники входили в машинный отсек.

– Я – брат Адлан, – быстро прошептал я, помогая женщине влезть в костюм. – Ты – солдат Республиканской гвардии.

– Лейтенант Нахид Эсфандьяр. Что происходит?

– Мы на орбите Гельветики, нас атаковал отряд каслонских десантников. Нам нужно вырваться отсюда.

– Какое оружие есть?

Я передал ей бластер:

– У них ускоренное восприятие. Ты можешь усилить свое?

Она окинула меня взглядом, словно приняв за дурака:

– Уже усилила.

Загерметизировала костюм и опустила щиток шлема.

Я не обратил на нее внимания, так как, когда она говорила, ко мне обратился всевидящий Лю-Бей. За дверью три человека. Перед глазами встал машинный отсек и три солдата, готовящихся вскрыть кладовку.

Я прикоснулся своим шлемом к шлему Нахид и прошептал:

– Снаружи трое. Командир прямо напротив двери. У него обыкновенный бластер, на парализаторе. Справа, где-то в метре от него, десантник с импульсной винтовкой. Третий ставит заряды, у него пневматический газомет, скорее всего, заряжен сонным газом. Когда они взорвут дверь, я пойду вверх, ты – вниз. Три метра до перекрестного коридора, вниз на один уровень и по правому борту до спасательного челнока.

Тут солдаты вскрыли кладовку, и внутрь ворвался залп сонного газа. Но на нас были костюмы и герметические шлемы. Лучи наших бластеров, розовые во тьме, скрестились, когда мы появились из мрака. В невесомости оттолкнулись от переборок, паля по врагам. Десантники стояли именно там, где мне сказали боги. Я срезал одного, еще не успев выбраться наружу. Хотя они двигались столь же быстро, убить не могли, к тому же присутствие Нахиды застало их врасплох.

Лейтенант выстрелила у меня над ухом, убрав еще одного солдата. Мы нырнули в люк и полетели по трапу. В конце коридора из рубки вышли еще два десантника; я умудрился разрезать одного прежде, чем тот успел поднять оружие, но заряд из парализатора второго попал мне в ногу. Нахид отстрелила солдату голову, схватила меня за руку и швырнула в боковой коридор.

Вход в челнок охраняли двое. Лейтенант открыла по ним огонь, одним выстрелом убила одного и ранила второго. Но направилась не к шлюпке, а дернула меня в другую сторону, к рукаву, ведущему в каслонский корабль.

– Ты что делаешь? – запротестовал я.

– Заткнись. Они могут нас услышать.

Где-то на середине соединителя Нахид остановилась, прижалась к одной стене и без колебаний прожгла дыру в противоположной. Сирена объявила о разгерметизации корпуса, у входа в каслонский корабль появился еще один десантник – я тут же срезал его, – и мы вылетели в открытый космос. Лейтенант схватила меня за руку и потянула вокруг борта моего собственного судна.

Я понял, чего она хотела. Хватаясь за осколки льда, мы перевалили через край корпуса, пока не добрались до внешнего шлюза спасательного челнока. Я вбил код доступа. Мы вошли внутрь, и, пока Нахид закрывала люк, я включил энергию и

быстро отстыковался. Мы даже пристегнуться не успели.

Челнок понесся к верхним слоям атмосферы. Десантники, охранявшие внутренний люк, вылетели в вакуум. Перегрузка вжала нас в кресла. В хаосе, оставшемся после нашего отлета, парили тела, но тут каслонский рейдер ударил по нам протоновыми лучами, и шлюпку сразу завертело.

– Ты хоть с этим без меня справиться сможешь? – спросила Нахид.

– Давай без сарказма, пожалуйста. – Я сражался с управлением, выравнивая аппарат и ориентируя тепловые щиты на вход в атмосферу.

Мы рухнули в верхние слои. Поначалу нас тормозил реактивный поток, и в крохотной капсуле стало жарко. От Нахид пахло потом и розовой водой; похоже, она подушилась, прежде чем ее сложили в мешочек, а потом имплантировали в меня. Она медленно осматривала внутренности челнока.

– А какое сегодня число?

– Девятнадцатая кунигунда, – ответил я. Шлюпку резко тряхнуло, по моему лицу тек пот. На приборной доске зажглись три красных индикатора, но поделать с этим я ничего не мог.

– Какого года?

Я понял, что скрывать от нее всю правду не получится.

– Ты пробыла в девятимерном пространстве шестьдесят лет.

Челнок вновь дернулся, отлетел кусок теплозащитного экрана. Лейтенант сидела неподвижно, осознавая, что вся ее жизнь потеряна безвозвратно.

На ум мне пришли незваные строки:

> – Жизнь наша – лишь пустяк,
> Игрушка детская, забытая в дороге,
> Когда мы возвращаемся домой.

– Очень поэтично, – заметила Нахид. – Мы на челноке до самой земли спустимся? Они, скорее всего, ведут нас по локатору еще с орбиты и испарят, стоит нам сесть. Я лучше вернусь домой попозже.

– Мы катапультируемся на высоте в десять километров. Вот твой парашют.

Когда жар от вхождения в плотные слои воздуха сошел и мы достигли тропосферы, то взорвали пироболты и вылетели из кувыркающейся шлюпки. Несмотря на разреженность воздуха, от сопротивления я чуть не лишился сознания, вращаясь молитвенным колесом, и тут же потерял из виду Нахид.

Падал я долго, но в конце концов смог выровнять полет,

раскинув руки и ноги. Голова кружилась, в животе что-то ворочалось. Внизу, в лучах восходящего солнца, с севера на юго-запад протянулся Якобинский хребет, покрытая ледяным покровом скала напоминала сброшенное платье, а густой лес карабкался к снежной границе.

Несколько минут спустя я увидел впечатляющую вспышку, когда челнок вонзился в вершину одного из пиков, прорезав рану в студеном панцире и взметнув вверх столб черного дыма, который вскоре развеял ветер. Я ткнул языком триггер в шлеме, меня затошнило от сильного толчка, когда из рюкзака вырвался парашют-крыло. У Нахид был такой же, красный, в пятистах метрах подо мной; я полетел к ней, надеясь, что мы приземлимся недалеко друг от друга. Лесистый склон быстро приближался. Я заметил поляну на уступе где-то в двух третях пути от вершины и решил направиться туда, но обожженное плечо работало плохо, и летел я слишком быстро. Крыло Нахид мелькнуло в скальном шраме впереди, но добираться до нее я уже не собирался.

В последнюю минуту я поддал вверх, прямо над верхушками деревьев, задел ногой крупную ветку и кувырком рухнул в листву, свесившись с лиственного полога вверх ногами. Жесткость костюма сохранила мне кости, но стропы я отстегивал минут десять. Чуть снизил твердость пьезоволокна и снял шлем, чтобы лучше рассмотреть, куда попал. В этот самый момент сук, на котором я висел, сломался, и последние десять метров я пролетел сквозь листву, по пути врезался головой в еще одну ветку и потерял сознание.

Очнулся я от того, что Нахид растирала мне лицо. Костюм она отключила, и ткань вновь стала эластичной. Лейтенант склонилась надо мной, поддерживая мне голову:

– Ногами двигать можешь?

Бедро все еще не восстановилось после парализатора. Я попытался пошевелить правой ногой. Ничего не почувствовал, но ботинок дернулся.

– Похоже на то.

Нахид расслабилась и отпустила мою голову:

– И как, есть у тебя план?

Я подтянул колени к груди и встал. В затылке стреляло. Вокруг возвышались стволы елей, ветер качал верхушки деревьев, но внизу воздух был неподвижен, а солнечный свет пятнами проникал сквозь полог, скользя по плотному слою иголок на земле. Нахид стянула мой парашют, чтобы тот нас не выдал, и сейчас присела на одно колено, проверяя заряд бластера.

Я поднялся на ноги и подсчитал запасы – примерно литр воды в резервуаре костюма, три пачки крекеров в поясе. У

лейтенанта было не больше.

– Нам надо двигаться; каслонцы отправят за нами людей или уведомят местные власти в Гулистоне, чтобы те прислали охрану.

– А мне-то какая разница?

– Ты сражалась за республику против каслонцев. Когда мы проиграли войну и был установлен протекторат, тебя сложили. Разве ты не думала снова взяться за оружие, когда вернешься к жизни?

– Ты сам мне сказал, что прошло уже шестьдесят лет. Что случилось с Республиканской гвардией?

– Всех убили во время последних атак каслонцев.

– А наш сложенный батальон?

Над деревьями раздался разъяренный рев флаера. Нахид прищурилась, следя за сверкающим кораблем:

– Они полетели к месту крушения челнока.

Она потянула меня вниз по склону, наверное надеясь отыскать подходящее убежище в густом лесу около одного из ручьев, сбегавших с горы.

– Нет, – остановился я. – Нам надо наверх.

– Там будут они.

– Ничего не поделаешь. Нам нужно попасть в монастырь. Мы с другой стороны гор.

Я пошел вверх по склону. Лейтенант недолго думая отправилась следом.

Мы оставались под сенью деревьев так долго, как могли. На этой высоте подъем был не таким крутым, а воздух прохладным, умирающие пятна старого снега еще белели в тени. Под прямыми лучами стало жарковато, но потом наступил вечер. Пятнадцать лет назад я уже карабкался по этим горам, подросток, пытающийся найти себе место вдали от мира. Мы шли вдоль мелкого ручья, и боль в суставах постепенно проходила.

Мы не разговаривали. Я никогда не думал о том, что произойдет, когда я разбужу выданного мне солдата, только о том, как он мне поможет в минуту настоящей опасности. В нашем ордене женщин не было, и, хотя мы не принимаем обетов безбрачия и поздно ночью в кельях между братьями происходит кое-какое общение, у нас мало возможностей для контактов с противоположным полом. Нахид, несмотря на свое неприступное и угрожающее обличье, была очень красива: темная кожа, карие глаза, блестящие, коротко подстриженные волосы, три параллельных шрама на левой щеке, говорящих о ее звании. Еще мальчиком в Урушане по ночам я мучил себя образами женщин столь же прекрасных, как она; будучи констеблем, жадно волочился за дамами куда менее привлекательными. Из-за одной

из них встрял в драку и вылетел с работы.

Чем выше мы поднимались, тем реже становился лес. В углублениях между гребнями выветренного и покрытого трещинами гранита на невесть откуда взявшейся почве небольшими группами росли деревья. Приходилось кружить, чтобы не выходить на открытое пространство, но даже это станет невозможно, когда деревья кончатся. Я указал на юг, где Дундрахадский перевал прорезал гряду, ныряя вниз на три тысячи метров. У нас не было ни снегоступов, ни оборудования для альпинизма, но сейчас стояло лето, и я надеялся, что при нынешних температурах нам удастся миновать перевал ночью и не погибнуть. Комбинезоны вполне могли справиться с ночным холодом.

Каслонцев видно не было, но, когда лес закончился, мы остановились, решив дождаться темноты. Похолодало, и резкий ветер дул по перевалу с другой стороны гор. Мы устроились во впадине под сенью перекрученных низкорослых деревцев и стали наблюдать за тем, как садится солнце. В зените шла первая луна, Маншид, ее выпуклый серп уже убывал. В трещине ущелья впереди поднималась вторая луна, Рошанак. Маленькая, сверкающая и зеленоватая, она двигалась так быстро, что это было заметно даже невооруженным взглядом. Я грыз крекеры, пил воду из резервуара в костюме. Глаза Нахид скрывала тень, лейтенант пристально осматривала склон.

– Надо подождать, пока Маншид сядет, а только потом идти, – сказала она. – А то на перевале слишком светло.

– В темноте будет трудно понять, куда двигаться.

Нахид не ответила. Стало еще холоднее. Через какое-то время, по-прежнему не глядя в мою сторону, она спросила:

– И что стало с моими соратниками?

Я не видел смысла скрывать от нее правду:

– Когда каслонцы укрепились на планете, республиканское подполье начало партизанскую войну. Два года спустя оно напало на столицу провинции в Кофарнихоне. Мятежники развернули твой батальон, чтобы тот им помог, и умудрились захватить арсенал. Но каслонцы послали подкрепления и взяли город в осаду. Когда повстанцы отказались сдаться, каслонцы стерли город с лица земли вместе с врагами, заложниками и гражданами империи. Так Республиканской гвардии пришел конец.

Нахид не сводила с меня своих карих глаз, пока я все это рассказывал. По плотно сжатым губам женщины я видел, сколь мрачные чувства ее одолевают.

– Но все-таки я здесь, – сказала она.

– Я не знаю, как ты попала в распоряжение ордена. Наверное,

какой-то беженец принес. Шестьдесят лет назад мастера спорили о том, что с тобой делать. Они прекрасно знали, каков темперамент у типичного гвардейца, и решили, что, если воскресить тебя, ты сразу нападешь на каслонцев, тебя убьют, а орден окажется в опасности. Поэтому мастера посчитали, что лучше будет подержать тебя в резерве, на случай если когда-нибудь в будущем твои услуги пригодятся.

– Вы, монахи, всегда были очень ненадежными демократами. Вы всегда ставили свой орден превыше благосостояния людей и даже их свободы. Потому и предали республику.

– Ты несправедлива к нам.

– Наверное, меня принес Джавид – тот скользкий монах, которого приставили к моему подразделению.

Я знал его. Брат Джавид, сгорбленный лысый старик, заведовал кухней. Я никогда о нем особо не думал. Он умер через год после того, как я стал членом ордена.

– Как думаешь, почему меня отправили на это задание? – спросил я. – Мы хотим освободить Гельветику. И мы это сделаем, если доберемся до Шаришабза.

– И какой же у тебя план? Хочешь, чтобы и твой монастырь стерли с лица земли?

– Они не осмелятся. У меня есть нечто такое, за что они отдадут целую планету. Потому и пытались захватить мой корабль, а не уничтожить; потому не стали взрывать челнок, хотя легко могли подстрелить нас прямо с орбиты.

– И что же такого невероятно ценного ты несешь с собой? Оно должно быть очень маленьким.

– Оно в моей голове. Я украл единственные копии космогонических пьес.

Нахид взглянула на меня:

– И?

Вполне предсказуемый скептицизм, но все равно он меня разозлил:

– И… они с радостью даруют Гельветике свободу в обмен на эти пьесы.

Она склонила голову, потерла лоб ладонью. Я не мог понять, что с ней происходит. Лейтенант шумно вздохнула. На секунду мне показалось, что она сейчас заплачет. Но потом женщина расхохоталась прямо мне в лицо.

Я едва не ударил ее:

– Тише!

Она засмеялась еще громче. Ее плечи тряслись, на глазах выступили слезы. Я почувствовал, как краснею.

– Вы должны были дать мне умереть с другими, в бою.

Священник, ты безумен!

– Почему ты смеешься? – спросил я. – Неужели думаешь, что они послали бы корабли оцепить орбитальное пространство Гельветики, отправили полицию и солдат, если бы у меня не было ничего ценного?

– Я не верю в твою дурацкую религию.

– Ты когда-нибудь видела спектакли по пьесам?

– Однажды, еще девочкой. «Падение лучника» на фестивале в Тьенкаше. Я уснула.

– Они – основа человеческой культуры. Священные истории нашего народа. Мы остаемся людьми только благодаря им. Через них с нами говорят боги.

– А я думала, что с монахами боги говорят напрямую. Это они приказали тебе бежать прямо навстречу десантникам, охранявшим вход в челнок? Тебе повезло, что я была с тобой и прорезала дыру в рукаве, а то ты бы уже помер.

– Нет, убили бы тебя. А я бы лежал в капсуле сна, и мой мозг разбирали бы на части, чтобы вытащить из него пьесы.

– Нет никаких богов! Только голоса в твоей голове. Они говорят тебе делать то, что ты уже хочешь сделать.

– Если ты думаешь, что подчиняться богам просто, попробуй выполнять их приказы хотя бы один день.

Настала неловкая тишина. Солнце зашло, на небе проступили кольца, розоватые на западе от заката и серебряные в зените, где их скрывала тень планеты. Свет большой луны по-прежнему озарял камни перед нами. Надо было преодолеть крутой подъем в триста метров до перевала, открытое пространство без всяких деревьев, а потом еще пару километров между вершинами в полной темноте.

– Холодно, – сказал я спустя какое-то время.

Ничего не говоря, она потянула меня за руку. Лишь через пару секунд я понял, чего она хочет, – чтобы я придвинулся ближе. Я подчинился, и мы склонили головы, защищаясь от ветра. Я чувствовал, насколько она напряжена. Меня поразил парадокс нашего отчуждения. Нас обоих сотворили боги, но лейтенант в это не верила. Впрочем, истине не нужна вера, чтобы восторжествовать.

В одном Нахид не ошиблась: мы сбежали от десантников на орбите совсем не так, как я предполагал.

Великие часы вселенной сделали еще один оборот. Зеленая Рошанак пролетела мимо Маншида, в какой-то миг напомнив мне зрачок внимательного божьего ока, села, а спустя час вторая луна последовала за ней, уйдя за горизонт на западе. Звезды сияли во всей своей красе, но вокруг царила кромешная тьма, и так будет

до тех пор, пока на небе во второй раз за ночь не покажется Рошанак. Пришла пора попытать счастья.

Мы вышли из укрытия и направились к кустарникам. Впереди возвышалась изломанная гранитная вершина, светло-серая в звездном свете. Мы пробирались по скале, где-то карабкались, перешагивали через каменистые поля, огибали ледники и тающий снег. Пару раз пришлось друг друга подсаживать, забираясь на валуны, ища зацепки в отвесных стенах. Перевал оказался гораздо дальше, чем я предполагал.

Мы как раз переходили через последнюю гряду, когда нас озарил ослепительный белый свет и искаженный громкоговорителем голос приказал:

– Не двигаться! Бросайте оружие, лицом на землю!

Языком я переключил тело в ускоренный режим. Словно в замедленной съемке Нахид пригнулась, подняла бластер, взяла флаер на прицел и выстрелила. Я рванулся к ней и отбросил в сторону. Как раз вовремя. Ответный огонь выбил из скалы град осколков там, где стояла женщина. В моей голове голос благой Эвриномы настаивал: «Назад. Мы покажем тебе дорогу».

– Сюда! – Я стащил Нахид с края гребня, на который мы только что взобрались. Падение с трехметровой высоты на голый гранит – приземлился я жестко, а она упала мне на грудь, чуть не выбила весь дух. Вокруг взорвался град горошин с сонным газом. Пытаясь совладать с дыханием, я случайно глотнул воздух, и меня сразу повело. Нахид быстро натянула шлем на лицо и то же самое проделала со мной.

Судя по звуку, наверху приземлился флаер. Лейтенант, хромая, бросилась к деревьям. То ли в нее попали, то ли она повредила ногу при падении. Я потянул ее влево, вдоль скалы.

– Да куда ты… – начала она.

– Заткнись! – рявкнул я.

Десантники рухнули на уступ за нами, но флаер направил поисковый луч в сторону леса, и солдаты побежали туда же. Нас прикрыл туман сонного газа.

Мы бежали вдоль гранитной стены, пока не ушли от входа на перевал. К тому времени мое тело уже израсходовало все запасы накопленной энергии, и пришлось перейти в нормальный режим. Я чуть не падал от усталости.

– Ты через гору хочешь идти? – спросила Нахид. – Мы не сможем.

– Под горой. – Я с трудом заставлял себя двигаться, ища расселину в камне, которую боги показали мне, как только атаковал флаер. И нашел – два темных углубления над вертикальной трещиной в граните, напоминавших чье-то

бесстрастное лицо.

Мы поднялись на пару метров. Нахид шла все медленнее, волоча ногу.

– Рана тяжелая? – спросил я.

– Не обращай внимания, идем.

Я подставил ей плечо, помог взобраться на уступ. Внизу, в лесу, мерцали фонари солдат, а сверху парил флаер, ярким сиянием озаряя кроны деревьев.

Внутри расселины лейтенант оперлась о стену. За узким входом путь расширялся. Я включил фонарь в костюме и, пройдя вперед, обнаружил овальную пещеру высотой около трех метров с песчаным полом. Судя по мелким костям, в ней когда-то жил хищник. В глубине зиял низкий лаз. Я опустился на колени и пополз дальше.

– Ты куда? – спросила Нахид.

– Иди за мной.

Сначала потолок опустился еще ниже, но потом пошел вверх. Я оказался в каком-то большом помещении. Не в пещере, а в комнате с отшлифованными стенами. Напротив нас виднелась металлическая дверь. Прямо как в моем видении.

– Что это такое? – удивилась Нахид.

– Туннель под горой. – Я снял шлем и произнес слова, открывавшие вход. Загудел древний механизм. Посыпалась пыль, сбоку появился проем, а потом и вся дверь скользнула в сторону.

Она захлопнулась за нами с жутковатой бесповоротностью, погрузив в поистине могильную тишину. Мы оказались в коридоре высотой примерно в два наших роста, а шириной и вовсе в три. В свете фонарей стены казались гладкими, словно оштукатуренными, но когда я прикоснулся к одной, то выяснил, что это настоящий камень. Стук ботинок эхом раздавался по отполированному, но пыльному полу. Воздух был затхлым, человеческие существа не дышали им бессчетное количество лет.

Я заставил Нахид сесть.

– Отдохни и дай мне взглянуть на твою ногу.

Она подчинилась, но бластер держала наготове, беспокойно осматривая окрестности.

– Ты знал об этом?

– Нет. Боги сказали мне, когда мы попались на перевале.

– Слава Пуджманианскому ордену!

Кажется, в ее голосе слышался сарказм, но я не был уверен.

Из огнестрельной раны по ботинку бежала струйка крови. Я распорол шов на ее комбинезоне, обработал пораженное место антисептиком из аптечки, перевязал ногу.

– Идти сможешь?

Она натянуто улыбнулась:

– Веди меня, о брат Адлан.

И мы пошли. От центрального коридора ответвлялись другие, поменьше, но мы держались основного пути. Периодически нам попадались закрытые двери. Только одна была распахнута, за ней оказался целый гараж: длинные ряды покрытых пылью машин на колесах ожидали хозяев. В углу комнаты из трещины в потолке неутомимо капала вода, и автомобиль под ней превратился в груду ржавчины.

Над дверными проемами виднелись иероглифы и мертвые овалы там, где раньше, скорее всего, располагались экраны и пульты. Мы, наверное, прошли километр или около того, когда коридор неожиданно вывел нас в огромную пещеру.

Лучи терялись во мраке наверху. Склон вел в подземный город: к зданиям с изящными изгибами фасадов, домам, похожим на виноградные гроздья, разложенные на столе, залам со стенами столь сложных форм, что те больше напоминали складки платья, небрежно брошенного на кровать. Мы спустились на улицу.

Поверхности всех зданий покрывали абстрактные, невероятно хитроумные композиции, в лучах фонарей блестели разрозненные узоры, от огромных до микроскопических, из цветных плиток, кусочков стекол и слюды. Некоторые дома больше походили на набор стен, размечающих пространство, с горизонтальными трельяжами, которые держали не крышу, а скорее были основой для растительного полога. То тут, то там из отполированного пола росли столы и скамейки, – наверное, рядом когда-то находились кафе. Мы вышли на широкую площадь, окруженную невысокими строениями, с высохшим фонтаном посередине. В пыльной чаше возвышались исполинские статуи мужчины, женщины и ребенка с хрустальными глазами, слепо взиравшими на опустевший город.

Невероятно уставшие, голодные, побитые, мы привалились к бортику фонтана и заснули. Лицо Нахид осунулось, ей явно было больно. Я попытался успокоить лейтенанта, положил ее ноги на свои. И заснул.

Когда проснулся, женщина уже меняла повязку на окровавленной ноге. С потолка пещеры на мертвый город арктическим рассветом лилось бледное сияние.

– Как твоя нога? – спросил я.

– Лучше. У тебя еще обезболивающие есть?

Я отдал ей все, что у меня было. Нахид взяла их и вздохнула. Потом задала вопрос:

– А куда ушли люди?

– Покинули Вселенную. Они переросли нужду в материи и

пространстве. Стали богами. Ты знаешь историю.

– Те самые, что сотворили таких, как мы.

– Ты и я – потомки воссоздания второй человеческой расы три миллиона лет назад, когда история первой закончилась после вознесения и обожествления. Или же мы те, кого оставили или выбросили в материальный мир за какое-то невероятное преступление.

Нахид потерла ногу над перевязкой:

– И за какое? В какую детскую сказку мне, по-твоему, верить?

– А как, ты думаешь, я нашел это место? Мне сказати боги, и вот мы здесь. Наша миссия важна для них, и они присматривают за нами, чтобы мы преуспели. Ибо должна свершиться справедливость.

– Справедливость? Расскажи о ней голодающему ребенку. Недоношенному или умирающему. Я лучше буду плодом случайного столкновения атомов, чем капризом каких-то сверхлюдей, в которых божественного не больше, чем во мне.

– В тебе говорит злоба.

– Если они – боги, тогда именно на них лежит ответственность за весь тот ужас, что происходит в мире. А значит, они – зло. Иначе почему допускают такое?

– Говорить так – значит судить, исходя из нашего ограниченного опыта. Мы не знаем последствий событий. Находимся слишком близко. Но боги видят, чем все закончится. Время для них – это пейзаж. Они видят, как желудь падает на землю, видят древний дуб, лесоруба, что срубит его, и пламя, что сожжет древесину, и дым, что пойдет от огня. Поэтому боги привели нас сюда.

– А пулю мне в ногу не они направили? Они приказали вам положить меня на полку, лишить всех, кого любила? – Лейтенант рассердилась. – Прошу, избавь от своей теологической болтовни! Хватит с меня теодицеи!

– Теодицеи? Впечатляющий словарный запас для солдата. Но ты…

За нами раздался какой-то скрежет. Я повернулся и увидел, что гигантская мужская фигура в центре фонтана зашевелилась. Прямо на моих глазах ее рука дернулась на пару сантиметров. Нога оторвалась от постамента, и статуя сошла в пустой бассейн.

Мы отбежали прочь. Глаза истукана горели тускло-оранжевым огнем. Его губы зашевелились, голос был такой, словно кто-то тер два напильника друг о друга:

– Не бегите, малыши.

Нахид навскидку выстрелила из бластера, луч рикошетом отлетел от плеча металлического человека и опалил потолок. Я

оттащил ее в сторону, и мы залезли под стол у открытого здания на краю площади.

Статуя подняла руки, призывая нас остановиться.

– У вас шнурки развязаны, – сказала она, призрачно скрежеща. – Мы знаем, почему вы здесь. Вам кажется, что ваши жизни висят на волоске, и, разумеется, вы их цените. Как и должны, дорогие мои. Но я, тот, кто не имеет души, а следовательно, способности заботиться и беспокоиться, могу сказать, что желания, управляющие вами, суть явление временное и преходящее. Мир, где вы живете, – это игра. У вас нет билета.

– Безумие какое-то, – сказала Нахид. – У наших ботинок нет шнурков.

– Так это правда – потому они и развязаны, – заметил я. – И у нас действительно нет билетов.

Я обратился к металлическому человеку:

– Ты – бог?

– Я – не бог, – ответил он. – Боги оставили лучшую часть себя, когда покинули материю. Флаер лежит на боку в лесах. Нажми на серебряный пятигранник. Вы должны поесть, но не стоит злоупотреблять этим. Вот пища.

Магазин позади нас озарился светом, в воздухе повис приятный аромат.

Я подбежал к входу. На столе стояли две тарелки с рисом и овощами.

– Он прав, – сказал я Нахид.

– Я не собираюсь это есть. Откуда оно взялось? Тут тысячи лет никого не было.

– Заходи, – не стал спорить я. Завел ее внутрь и усадил за стол рядом с собой. Попробовал еду. Вполне сносно. Нахид никак не могла расслабиться, не спускала глаз с площади, а бластер положила рядом с тарелкой. Металлический человек сел на брусчатку, скрестив ноги, и склонил массивную голову, чтобы нас видеть. Спустя какое-то время он начал петь.

Голос у него был полностью механический, но мелодия оказалась приятной, похожей на крестьянскую песню. Я не могу передать всю странность той ситуации: как мы сидели в древнем ресторане, ели пищу, такую свежую на вкус, но сотворенную из ничего невероятно старыми машинами, слушали музыку существ, возможно даже не принадлежавших к нашему виду.

Закончив петь, металлический человек заговорил:

– Если хочешь кого-то узнать, надо лишь понаблюдать за тем, чему он дарует заботу свою и какие стороны собственной натуры взращивает. – Истукан поднял руку и указал на Нахид. Его палец почти дотянулся до двери. На нем виднелся налет ржавчины. –

Если оставить тебя на попечении богов, ты скоро умрешь.

Рука двинулась, теперь указывая на меня.

– Ты должен жить, но жить не слишком сильно. Возьми это.

Металлический человек разжал кулак, на его огромной ладони лежало маленькое стальное устройство размером с яблоко. Я взял его. Черное, плотное, оно полностью заполнило руку.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Исполин встал, вернулся к пустому фонтану, взобрался на пьедестал и принял прежнюю позу. После чего застыл. Если бы мы не видели его, я бы никогда не поверил, что он двигался.

Нахид какое-то время размышляла о приговоре, вынесенном металлическим человеком, а потом подняла голову:

– Что тебе дали?

Я осмотрел сферу, чью поверхность покрывали пятиугольные грани из тусклого металла:

– Не знаю.

В одном из домов мы нашли старую мебель и подушки из какой-то ткани, напоминающей фольгу, из которых соорудили себе кровать. Потом прижались друг к другу и заснули.

Селена:
Слышите корабль, что причалил над нами?
Это значит, что конец жизни близок
И страдания совсем рядом.

Сточик:
Но смерть придет,
А после сгинет. Кто знает,
Что лежит за горизонтом событий?
Жизнь наша – лишь пустяк,
Игрушка детская, забытая в дороге,
Когда мы возвращаемся домой.

Селена:
Домой? Надейся, что так и есть,
Но…
(За сценой раздаются звуки сирены. Входит бог.)

Бог:
В корпусе пробоина!
Вам нужно лететь.

Ночью я проснулся, разгоняя туман сна. У здания не было

крыши, и тусклый свет лился на нас прямо с потолка пещеры. Нахид прижалась ко мне, ее рука лежала на моей груди, а дыхание щекотало мне щеку. Я посмотрел на ее умиротворенное лицо с длинными и черными ресницами, оно было так близко, буквально в нескольких сантиметрах.

Пока я наблюдал за ней, веки лейтенанта затрепетали и она проснулась. Не оттолкнула меня, а просто и серьезно посмотрела в глаза. Словно вечность прошла. Я наклонился вперед и поцеловал ее.

Нахид не отпрянула, но с силой ответила на поцелуй. Застонала еле слышно, и я крепко прижал ее к себе.

Мы занимались любовью в пустом древнем городе. Пальцы, переплетенные с моими, напряженные руки. Тень от моего тела на ее груди. Тяжелое, прерывистое дыхание. Поцелуи. Моя рука, ласкающая ее живот. Темная кожа. Тихий женский смех.

– Твоя нога, – сказал я, когда мы, уставшие, лежали в темноте.

– Что с ней?

– Я тебе больно не сделал?

Она снова рассмеялась:

– И ты решил спросить об этом только сейчас. Вот все вы такие, мужчины.

Утром мы снова поели в древнем ресторане, пищу нам приготовили то ли прямо из молекул, то ли из продуктов, хранившихся тысячи лет.

Мы покинули пещеру через коридор, расположенный прямо напротив того, через который вошли, и направились к другой стороне хребта. Нахид хромала, но не жаловалась. Туннель уперся в дверь, за которой резко пошел вверх. В одном месте потолок рухнул, пришлось ползти прямо по камням сквозь узкий, оставшийся сверху проем. Выйдя наружу, мы оказались под перевалом, на широком уступе, заросшем деревьями. Было позднее утро. Мелкий дождь туманом застилал долину Шаришабз. В отдалении, размытые облаками, еле заметно сверкали белые здания монастыря на хребте Кающегося. Я показал Нахид, куда идти. Мы осмотрели склон под нами, ища путь.

Нахид первой нашла тропинку и заметила:

– Каслонцев не видно.

– Они охраняют перевал с другой стороны гор, обыскивают там лес.

Мы спустились вниз, к дороге, аккуратно пробираясь между деревьями. От тумана по комбинезонам скатывались капли воды, но на скорость это не влияло. У меня поднялось настроение. Я

уже видел финал этого приключения и думал о том, что тогда случится с Нахид.

– Что ты будешь делать, когда мы доберемся до монастыря?

– Думаю, уйду отсюда как можно скорее. Я не хочу там быть, когда каслонцы выяснят, что ты добрался до своего ордена с пьесами, – ответила лейтенант.

– Они ничего не сделают. Монастырь держат длани богов.

– Тогда надейся, что они его не выронят.

Она скоро умрет, сказала статуя, – если оставить Нахид на попечение богов. Но какой человек не пребывает в божественной милости? И все-таки одна, вдали от ордена, она будет в большой опасности.

– А как же твоя нога? – спросил я.

– А у вас там есть больница?

– Да.

– Возьму экзоскелет, болеутоляющие и пойду своей дорогой.

– И куда же ты отправишься?

– Куда смогу.

– Но ты же не знаешь, что произошло за эти шестьдесят лет. Что ты станешь делать?

– Может, мои родственники все еще живы. Вот туда и отправлюсь, в город, где выросла. Возможно, найду кого-то, кто все еще помнит меня. Или свою могилу, к примеру.

– Не ходи.

Она упрямо, целеустремленно шла вперед, но я видел, как Нахид морщится при каждом шаге.

– Слушай, мне плевать на твой монастырь. И на эти пьесы. И больше всего мне плевать на тебя. Дайте мне таблеток, экзоскелет – и больше меня не увидите.

На том разговор и закончился. Мы молча шли сквозь лес, я погрузился в мрачные размышления, она хромала рядом и морщилась.

Мы нашли путь. Откос тут был очень крутой, и дорога, больше похожая на обыкновенный проселок, резко петляла, пока мы спускались с горы. Нас никто не преследовал. По-прежнему шел дождь, но здесь, внизу, стало теплее, и я сразу взмок. Ботинки не предназначались для походов, я натер ноги, поясница болела. Я даже представить не мог, каково было сейчас Нахид.

Я много лет пытался обуздать свои желания, но сейчас не мог прогнать образы прошлой ночи. Чувствуя одновременно вожделение и стыд, я понял, что все еще хочу ее, и теперь сомневался, что смогу просто так вернуться и стать обыкновенным монахом. Орден существовал задолго до каслонского завоевания и переживет его. Я был не более чем

клеткой этого бессмертного создания. Что боги хотели от меня? Чем обернутся мои поступки?

В конце тропы дорога выпрямилась, следуя вдоль реки Шаришабз вверх по долине. Впереди вздымалось плато, ясно виднелись белоснежные здания монастыря. Декоративные сады, террасные поля, о которых орден заботился многие тысячи лет. Я почти чувствовал вкус сладких апельсинов и гранатов. Так хорошо вернуться домой, в место, где я мог спрятаться от мира и понять, каково же мое предназначение. Хотя я бы не возражал, если бы меня превознесли как героя, освободителя нашего народа, как самого Сточика, который забрал пьесы из рук богов.

Платаны и тополя шелестели на ветру. Миновал полдень. Мы остановились у ручья, попили, отдохнули, а потом продолжили путь.

Дорога поднималась, изгибалась, уходя на плато. Появились человеческие следы, колеи от железных колес – то люди из деревень возили припасы в монастырь. По этому пути шли паломники, хотя сегодня никого не было.

Мы повернули, и тут я услышал крик за спиной. Повернулся и увидел, как Нахид бьется посреди дороги. Я поначалу решил, что у нее припадок. Тело дергалось, извивалось. А потом увидел, как пленка дождя стекает по человекоподобному силуэту, и понял, что на нее напал солдат в плаще-невидимке.

Но сделать ничего не успел, меня бросила на землю незримая рука. Я начал лягаться и куда-то попал ботинком. Гравий разлетелся там, где упал напавший на меня. Я переключился в ускоренный режим, снова пнул десантника ногой и побежал в лес. Над головой послышался вой приближающегося флаера. «Беги!» – сказал мне Гор, бог солнца и луны.

И я побежал. Десантники знали эти леса не так хорошо, как я. Им не пришлось изучать их десять лет, играя в прятки и охотясь вместе с остальными послушниками. Я знал, что смогу отыскать путь в монастырь и никто меня не поймает.

А Нахид? Очевидно, что пришла ее смерть, о которой говорила статуя. Несомненно, ее уже убили. Или же станут пытать, предполагая, что она что-то знает, а даже если и не знает, то все равно будут мучить – в отместку. Немало республиканских гвардейцев так погибло. Для Нахид это даже не будет неожиданностью. Орден в первую очередь.

С каждой секундой я все дальше уходил от каслонцев. Но спустя минуту поспешного бегства через лес неожиданно почувствовал что-то тяжелое в руке и остановился. Машинально вытащил из поясной сумки предмет, который мне дал металлический человек. Она не хотела бы, чтобы ты возвращался.

Свобода ее народа превыше собственной безопасности.

Я сделал круг назад и нашел их на дороге. Флаер приземлился и встал поперек проселка. Солдаты отключили плащи, трое мужчин, с ног до головы закованные в матово-серые светоотклоняющие костюмы. Двое каслонцев держали Нахид на коленях, прямо в грязи, связав ей руки за спиной. Один дернул ее за волосы, запрокинул голову и приставил нож к горлу, пока офицер задавал вопросы. Не получив ответов, он ударил ее наотмашь ладонью по лицу.

Я обогнул их, прячась за деревьями, все еще держа металлическую сферу в руке. Дождь барабанил по листьям. Флаер стоял недалеко от опушки. Я притаился поблизости от него, разглядывая странный подарок статуи. Повертел его в ладони, пока не нашел посеребренный пятиугольник. Надавил на него, внутри шара что-то щелкнуло.

А потом я бросил его на дорогу, прямо к посадочным ногам флаера, и быстро отошел назад.

Это больше походило не на взрыв, а на смерч, оно смяло аппарат под каким-то невероятным углом, сбросив машину с дороги. Пилота выкинуло из кабины, его форма горела электрическим голубым пламенем. Трех человек около Нахид сбило с ног пространственным искажением. Они повернулись на крики пилота, офицер, покачиваясь, встал, сделал два шага в сторону воронки, один из его подчиненных последовал за ним. И тогда я ринулся на дорогу, врезался обожженным плечом прямо в поясницу солдата, держащего Нахид. Схватил винтовку, застрелил офицера и второго каслонца, потом убил последнего, лежащего на земле. Пилот катался по гравию, пытаясь потушить пламя, но я спокойно подошел к нему и пустил парню пулю в голову.

Едкий дым поднимался от смятого флаера, который лежал на боку под деревьями.

У Нахид виднелся большой порез на шее. Она прижала ладонь к ране, но кровь не останавливалась, сочилась между пальцев. Я взвалил женщину на себя и потащил в лес, пока не подошло подкрепление.

– Спасибо, – задыхаясь, произнесла Нахид, не сводя с меня взгляда огромных глаз. Мы, хромая, исчезли в чаще.

Лейтенанту было совсем плохо, но я знал, где мы находимся, и сумел довести ее по тропе паломников до монастыря. Когда мы добрались до железных ворот, которые у нас называют Грязевыми вратами, она уже потеряла сознание, и я ее нес на руках. Весь в чужой крови, я не мог сказать, жива Нахид или нет.

Послушники часто пользовались этим выходом, так они

выбирались из монастыря, сбегали в лес, где могли играть, исследовать, притворяться, что они всего лишь обыкновенные люди. Люди, которые если чего-то хотели, то просто могли это взять. Люди, которые не приносили обета непротивления злу насилием. Именно здесь я заработал неделю поста, разбив нос брату Тахиру в приступе гнева. Теперь же я вернулся, так и не раскаявшись в убийстве множества человек, умерших за последние дни. Я, тот, кто ослушался гласа божьего, надеясь спасти женщину, прежде чем она истечет кровью.

Первым меня встретил брат Прамха и отпрянул в ужасе:

– Кто это?

– Друг, солдат. Ее зовут Нахид. Быстро. Ей нужна помощь.

Вдвоем мы отнесли лейтенанта в лазарет. Прамха убежал оповестить мастера. Наш врач, брат Настрихт, запечатал Нахид рану на горле, сделал переливание крови. Я держал женщину за руку. Она так и не пришла в сознание.

Скоро прибыл послушник и проводил меня в покои мастера Дария. Хотя сил у меня почти не осталось, я поспешил за ним через лабиринт коридоров, в башню. Снял пояс с бластером, отдал его моему поводырю – он явно расстроился из-за того, что пришлось взять столь разрушительное устройство, – и вошел в покои.

В широком окне, что занимало почти всю дальнюю стену, рассвет уже окрасил небосвод розовым. Мастер Дарий протянул ко мне руки. Я подошел к нему, смиренно склонил голову, и он обнял меня. Тепло от его большого тела накрыло меня невыразимым уютом. От него пахло корицей. Дарий отпустил меня, сделал шаг назад и улыбнулся. На нем было кимоно, которое я сам сшил.

– Не могу описать, насколько рад тебя видеть, Адлан.

– Пьесы у меня, – объявил я.

– Доказательством тому служит поведение наших каслонских хозяев, – ответил мастер. Его простое, широкое лицо помрачнело, когда он рассказал о резне в Раднапудже, где колониальное правительство взяло шесть тысяч граждан в заложники, требуя, чтобы подлый злодей, человек без чести и души, богохульный террорист, укравший космогонические пьесы, явился лично.

– Они убили шесть тысяч человек?

– И эти жертвы не будут последними. Для каслонцев пьесы – это оружие, нас контролировали этими текстами. Воплощенные в них верования живут в разуме и душе каждого создания на планете. Они имеют воздействие даже на неверующих.

– Нахид – неверующая.

– Нахид? Женщина-солдат, которую ты принес сюда?

– Республиканский гвардеец, вы послали ее со мной. Она не верит, но сыграла свою роль и помогла мне добраться до монастыря.

Дарий подал мне бокал укрепляющей настойки, словно это он был послушником, а я – мастером. Он сел в свое большое кресло, усадил меня напротив и велел вспомнить каждую деталь миссии. Я так и поступил.

– Воистину удивительно, что ты вернулся живым, – задумчиво произнес Дарий. – Если бы ты умер, пьесы были бы утрачены навсегда.

– Боги не допустили такого святотатства.

– Возможно. Единственные экземпляры сейчас существуют только в твоем разуме?

– Да. Я даже цитировал их Нахид.

– Надеюсь, не слишком обширно.

Я засмеялся и сказал:

– Теперь мы можем освободить Гельветику. Прежде чем пострадает еще больше невинных, вы должны связаться с каслонским колониальным правительством и сказать, что пьесы у нас. Сказать, что они должны остановиться, иначе мы уничтожим тексты.

Мастер поднял руку и пристально взглянул на меня – во время моего обучения я очень часто видел этот жест.

– Сначала позволь задать мне несколько вопросов о твоей истории. Ты говорил, что, как только обрел сознание в имперском городе, бог приказал тебе бежать. Но бег в каслонской столице всегда привлекает ненужное внимание.

– Да. Бишамон, наверное, хотел ускорить мой отлет.

– Но когда ты добрался до портового базара, бог приказал тебе остановиться и зайти в ресторан. То есть сначала ты бежал, напрасно рискуя, а потом зря потратил время и чуть не попался. Где тут смысл?

От усталости я даже думал с трудом. Что мастер пытается мне объяснить?

– Возможно, я не должен был останавливаться. И причина в моей слабости. Я сильно проголодался.

– Затем ты сказал мне, что, когда десантники ворвались на корабль, ты сбежал, послушавшись Нахид, а не божьего слова.

– Лю-Бей вывел нас из машинного отделения. Думаю, в этом кроется причина моего недопонимания…

– И этот металлический человек, которого вы повстречали в древнем городе. Разве он не сказал, что боги хотят смерти Нахид?

– Статуя говорила немало безумных вещей.

– Но она дала тебе устройство, которое вас спасло?

– Да, я воспользовался им. – От стыда я не сообщил мастеру, что ослушался бога, когда тот велел мне бежать.

– Как много парадоксов. – Дарий сделал глоток из своего бокала. – Итак, если мы отдадим пьесы, что случится?

– Гельветика обретет свободу.

– А потом?

– А потом мы сможем поступать так, как пожелаем. Каслонцы не осмелятся нарушить священную клятву. Боги накажут их. Они об этом знают. Они – верующие, такие же как и мы.

– Да, они – верующие. Они подчинятся любому договору из страха перед гневом божьим. Адлан, они верят в то, что информация, которая сейчас хранится в твоем разуме, истинна. Поэтому, как ты и сказал, ты должен отдать мне тексты прямо сейчас, и я распоряжусь ими.

– Распорядитесь? Как вы ими распорядитесь?

– Это не твоя забота, сын мой. Ты все прекрасно сделал и заслуживаешь нашей благодарности. Брат Исмаил избавит тебя от великой ноши, которую ты сейчас несешь.

Наступила тишина. Я знал, что должен был уйти, отправиться к брату Исмаилу, но не двинулся с места:

– Что вы с ними сделаете?

Мастер Дарий не сводил с меня своих карих глаз и тихо произнес:

– Ты всегда был моим любимым учеником. Полагаю, ты знаешь, что я задумал.

Я вспомнил весь наш разговор.

– Вы… вы собираетесь их уничтожить.

– Возможно, я допустил ошибку и должен был приказать тебе уничтожить пьесы в тот самый момент, когда ты получил доступ к архивам. Но тогда я еще не пришел к нынешним выводам.

– Но гнев каслонцев не будет иметь пределов! Нас уничтожат!

– Возможно, нас уничтожат и Гельветика останется в цепях, но, когда пьесы исчезнут безвозвратно, человечество станет по-настоящему свободным. Металлический человек сказал, что, уходя, боги оставили лучшую часть себя. Это очень глубокая и верная мысль. Но нет и секунды, когда бы они не заглядывали нам через плечо. Если мы хотим стать свободными людьми, а не марионетками, за ниточки которых дергают невидимые силы – причем непонятно, существуют они или нет, – бога должны уйти. И начало этому положит уничтожение космогонических пьес.

Я не знал, как себя вести, и по своей наивности сказал:

– Кажется, это неправильно.

– Уверяю тебя, сын мой, все правильно.

– Если мы уничтожим пьесы, это будет нашим последним

поступком.

– Разумеется, нет. Время не остановится.

– Может, нет, а может, и да. Если мы потеряем богов, все последующее перестанет иметь смысл.

Мастер Дарий встал с кресла и подошел к своему столу.

– Ты очень устал и очень молод. – Он стоял спиной ко мне. – Я жил в тени богов гораздо дольше тебя.

Он открыл ящик, достал оттуда что-то и выпрямился.

Он лгал. Как будто голос самого Инти раздался у меня в голове. Я чувствовал невероятное изнеможение, но двигался бесшумно. В ботинке у меня до сих пор лежал силовой нож, украденный из ресторана на Каслоне. Я вытащил его, достал лезвие и подошел к мастеру, когда тот начал оборачиваться.

В руке он держал бластер и очень удивился, увидев, насколько близко я стою. Его глаза широко открылись, когда я вонзил нож прямо ему под ребра.

Сточик:
Наша история завершена,
О крахе больше речи нет.
Из семени появится росток,
Что станет доказательством деяний наших.
И более свидетельств нам не будет.

Селена:
Я не уйду ни с кем, кроме тебя,
Любимый. Так сохрани то слово,
Что дает нам силу идти вперед.
Оставим позади все остальное,
Чтобы покой пришел к нам.

После того как орден связался с каслонским правительством, оно капитулировало через неделю. Как только империя стала выводить войска с планеты, а в Астаре появилось временное правительство Гельветической республики, я прошел через сложный процесс скачивания космогонических пьес из своего разума. «Уход» вновь заключили в кристалл и даровали каслонскому легату во время торжественной церемонии по случаю возрождения человечества.

Она прошла в солнечный день посредине лета в городе тысячи шпилей. Свет затопил улицы, на которых граждане в ярких цветастых одеждах танцевали и пели под музыку волынок. Пурпурные и зеленые флажки развевались на вершинах башен; дети свешивались из окон вторых этажей всех школ, выбрасывая

целую бурю конфетти на шествие, проходящее внизу. Из огромного храма доносился аромат благовоний, а на небе флаеры разноцветными линиями выводили сложные узоры.

Мы с Нахид тоже там были, хотя я не вел церемонию, предпочтя выбрать свое истинное место. Я на самом деле мало значу. Я всего лишь слушался велений богов.

Я покинул орден, как только завершились переговоры. Поначалу братья пришли в ужас от убийства мастера Дария. Я объяснил им, что он сошел с ума, хотел застрелить меня и уничтожить пьесы. Конечно, многие сомневались. Но когда я настоял на том, что нужно придерживаться плана, который мастер изложил всем, прежде чем отправить меня на задание, они, кажется, поверили мне на слово. Успех нашей миссии затмил потерю великого лидера, и, более того, его гибель стала частью легенды, превратив Дария в поистине трагическую фигуру. О его жизни и смерти, а также об освобождении Гельветики сочинили драму.

Прошлой ночью Нахид, я, наши дети и внуки смотрели за тем, как актеры разыгрывали эту пьесу на площади в центре города, где мы открыли мастерскую по пошиву одежды. Последние сорок лет вокруг нее вертелась вся наша жизнь. Я смотрел на события своей юности, на комедию и трагедию, на горе и радости и вновь задавался вопросом, заслужил ли все те блага, что пали на меня с того самого дня. С тех пор как я вонзил нож в живот собственного учителя, от которого получил все, что знаю о благодати, голоса в моей голове исчезли навсегда.

Стремительный упадок Каслонской империи и сопутствующее ему возрождение Гельветики начались в тот самый момент, когда я покончил с желанием Дария освободить людей от веры и долга. Народ, стоя на коленях в храмах двенадцати планет, радостно возносит молитвы об освобождении, слушает, слышит и подчиняется.

Скоро я упокоюсь под землей, как тот металлический человек, что хулил богов, хотя, в отличие от него, навряд ли когда-нибудь пойду снова. Если я и совершил ошибку, то не мне о ней судить. Я умру, держа любимую женщину за руку, но истины так и не узнаю.

МОРИН МАКХЬЮ
ПУСТЯКИ

Свое первое произведение Морин Макхью опубликовала в 1989 году и с тех пор, несмотря на сравнительно небольшое количество работ, неизменно восхищает мир фантастики, заслужив репутацию одного из самых уважаемых современных авторов. В 1992 году ее роман «Чжан с Китайской горы» («China Mountain Zhang») стал одним из самых высоко оцененных и обсуждаемых, получив премию журнала «Locus» за лучший дебютный роман, а также премию «Лямбда» и премию Джеймса Типтри-младшего, оказался в числе финалистов «Хьюго» и «Небьюлы» и был включен газетой «New York Times» в число самых значительных книг года. Рассказ «Поезд Линкольна» («The Lincoln Train») принес писательнице премию «Хьюго». Другие произведения, в том числе романы «Половина дня – ночь» («Half the Day is Night»), «Дитя миссионера» («Mission Child») и «Некрополь» («Necropolis»), были приняты с таким же энтузиазмом. Яркие рассказы автора выходили в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Starlight», «Eclipse», «Alternate Warriors», «Aladdin», «Killing me Softly» и других изданиях, а также представлены в сборнике «Матери и другие монстры» («Mothers and Other Monsters»). Вместе с мужем, сыном и золотистым, ретривером, по имени Хадсон писательница живет в городе Остин, Техас.

Этот рассказ переносит нас лет на десять вперед, в мир, где экономика потерпела крах. Неторопливая и глубоко искренняя история о женщине в обнищавшем обществе, которая пытается свести концы с концами и вместе с тем не растерять основные человеческие качества.

– Сеньора? – У моей обтянутой сеткой двери стоит перепачканный пылью мужчина – мигрант из Мексики. Собаки не слышали, как он подошел, зато сейчас зашлись яростным лаем, пытаясь исправить допущенную оплошность. Я сижу за кухонным столом, расписываю куклу и жду, когда таймер сообщит мне о том, что пора вынимать из печи готовые детали следующей.

– Гудзон, Эбби! – кричу я, но собаки не обращают внимания.

Мужчина делает шаг назад.

– Есть ли у вас работа? Я могу, прополка. – Он жестами помогает сделать речь доступной для понимания. Мужчина коротконог, с длинным туловищем. Вероятно, направляется к Великим озерам, где на территории США самый большой запас пресной воды и наиболее востребован сельскохозяйственный

труд.

Из-за спины гостя виден мой участок земли, огороженный забором. Небо только начинает розоветь. В это время года я работаю, избегая жары: рано утром и поздно вечером. Видимо, в это же время мой гость путешествует.

Провожаю мексиканца туда, где он может зарядить телефон. Показываю ему цистерну и отправляю полоть.

По интернет-радио играет «(You're So Square) Baby I Don't Care»[5]. Сегодня сорок пятая годовщина смерти Элвиса Пресли. Я иду в дом и наливаю мексиканцу тарелку фасолевого супа.

Странствующие рабочие с помощью специальных кодов оповещают себе подобных о том, где остановиться, а где лучше пройти мимо. Зубы обозначают скрягу. Треугольник с руками – домовладельца, у которого есть ствол, и он не прочь использовать его по назначению. Кошка – милая дамочка. Сегодня люди активно пользуются интернет-сайтами и по мере возможности просматривают новости с дешевых смартфонов. Почему-то я там оказалась в качестве «милой дамочки» или как они нынче это называют. Отсюда железная дорога проходит на восток, и здесь, возможно, поезда в последний раз замедляют свой ход перед большой сортировочной станцией в Белене. Люди поднимаются вдоль Рио-Гранде в надежде запрыгнуть на поезд.

Мне не по себе. Я бы с радостью покормила кого-нибудь, оставаясь неизвестной. Так просто быть довольной собой, вручая миску супа тому, кто, может, не ел несколько дней! Но я не горю желанием открыть столовую для мигрантов. Экономические трудности делают жизнь беженца непростой, от этого люди не становятся добрее и лучше, и мне кажется, что благодаря упоминанию на каком-то сайте я становлюсь уязвимей. Собаки могут сколько угодно захлебываться безумным лаем, только Гудзон – помесь бордер-колли и золотистого ретривера, а Эбби – метис черного лабрадора. Они славные псы, а не охранные собаки, и, чтобы понять это, не надо быть семи пядей во лбу.

Теперь я иногда просыпаюсь ночью, опасаясь, что кто-то забрался в дом. Эбби спит на другой стороне кровати, Гудзон – на полу. Безлунные ночи здесь темные как смоль, никому и в голову не приходит зря тратить электричество в это время суток. Дом у меня небольшой: две спальни, гостиная и кухня.

Я наклоняюсь, бужу спящего на полу Гудзона и шепчу:

– Кто там?

Эбби тоже просыпается и садится. Собаки ничего не слышат. Вместе со мной они идут по коридору в темную гостиную. Я вглядываюсь через окно в тенистый сад и жду, когда залают собаки. Часто в такие ночи я не могу снова уснуть.

Но человек, оказавшийся этим утром у моих дверей, прополол мой сад. Он принимает миску супа, несколько лепешек и горячо меня благодарит. Берет заряженный телефон и показывает мне фотографию женщины и ребенка.

– Моя жена и малыш, – говорит он. Я киваю, мне неинтересно знать о его семье, но не грубить же ему.

Заканчиваю работу над куклой. Я уже расписала ее, собрала все детали и вручную укоренила волосы. Малышка получилась более миловидной, чем хотелось бы. Покупатели моего сайта могут по своему желанию подбирать различные части кукол: черты лица, цвет глаз, положение рук. Стоимость комбинированной куколки составляет примерно двухнедельный заработок мигранта. Некоторые клиенты желают получить портретную куклу по фотографии и делают спецзаказ. В этом случае к стоимости добавляется ноль.

Я одеваю пупса, держа его за ножку. Когда Эбби, радостно и звонко лая, врывается в комнату, я вздрагиваю и встаю. Кукленок звучно стукается головой об пол, так что мужчина в ужасе ахает.

– Это кукла, – говорю я.

Не знаю, понял ли мигрант мои слова, но он все же догадывается. Прикрывает рот ладонью и нервно смеется. Поднимаю малыша с пола.

Я делаю гиперреалистичных пупсов, которые выглядят совсем как новорожденные. Однако сходство должно быть передано не совсем достоверно. Людям нравится, когда куколки чуть-чуть симпатичнее и немного совершеннее настоящих детей. Мне же по душе, если в них есть что-то странное, безобразное, как в живых новорожденных, с неким намеком на то, что онтология подытоживает филогенетику: человеческий плод зародился как одноклеточный организм и развивался в виде крохотной рыбки, до того как наконец принял форму млекопитающего. Теория о том, что развитие человеческого эмбриона воссоздает ход эволюции, конечно же, ошибочна. Но мне нравится, когда младенцы напоминают нам, что в действительности мы – животные, некогда древние и немного фантастические. Эдакие крохотные подменыши, поселившиеся в людских домах.

Также я охотно отождествляю приготовленную на День благодарения индейку с угощением из мяса динозавра, когда-то занимавшее почетное место на столе. Возможно, именно поэтому я живу одна.

– Que bonita[6], – говорит мексиканец, протягивая пустую тарелку.

– Gracias[7], – благодарю я. Беру тарелку и отправляю беженца восвояси.

Проверяю электронную почту, вижу заявку на спецзаказ – портретную куклу новорожденного. Это от пары, живущей в Чикаго, Рейчел и Элам Мазар. Мне кажется, что пишет мне именно Рейчел, но по электронным сообщениям сложно понять, кто набирает их на самом деле. Прилагается фото грудного младенца. Довольно странно. За последние три года это уже их третий заказ с той же фотографии. А куклы стоят дорого, особенно по спецзаказу.

После окончания художественной школы несколько лет я работала скульптором в компании по производству игрушек. В то время я занималась не куклами, а трансформерами, пришельцами и космическими кораблями из кинокартин. На моих игрушках выросло целое поколение мальчишек. Когда прошло увлечение космическими фильмами, компания уволила многих людей, в том числе и меня. Собственно, трещала по швам вся экономика. Мне еще повезло продержаться там долго. Затем я перебралась в Нью-Мехико. Мне нравилось это место, да и жить здесь дешевле. Попытала счастья во фрилансе, работала в гипермаркете. Жизнь моя, как и очень многих людей того времени, напоминала свободное падение. Я купила это ранчо, изъятое банком, в месте, где никто ничего не покупал, маленький домик, граничивший с ветшавшими, похожими на беззубые рты постройками. На это ушли мои последние сбережения. В качестве временной меры я начала делать кукол.

Я кое-как свожу концы с концами с помощью вырученных за кукол. денег и еды, которую выращиваю в огороде. И живу получше некоторых.

На вырученные за спецзаказ деньги я смогу заплатить налог на собственность. Воды в цистерне все меньше, до июньского муссона еще очень долго. А если этот год выдастся таким же, как прошлый, то дождей не хватит, чтобы заполнить цистерну. Можно заказать воду, только мне не хочется. Размещая информацию о спецзаказах, я думала о том, как бы раздобыть денег. Подсмотрела это на другом сайте по изготовлению и продаже кукол. Я просто скульптор. И я совсем не думала о том, почему люди делают спецзаказы.

Некоторые просили меня увековечить в пупсах своих собственных детей. Если бы маме взбрело в голову купить мою младенческую версию, меня бы это сильно встревожило.

Одна женщина сделала спецзаказ на саму себя. Она писала длинные электронные письма о том, каким самовлюбленным человеком была ее мать – настоящим монстром, и собиралась символически сама себя удочерить. Муж дамы был мэром одного калифорнийского города, поэтому она могла позволить себе

запечатлеть свой младенческий образ. Ее воплощение вышло очень симпатичным, гораздо милее, чем она сама на фотографии. Дама не сделала мне замечания. Не знаю, поняла ли она это вообще. Ее письма были мне неприятны, и после я передала эту клиентку другому мастеру. Полагаю, эта женщина запечатлела себя и на других этапах детства.

Думаю, Мазары попадают в другую категорию. Я получала три заказа от родителей, потерявших малышей. Я говорила себе, что, возможно, в воссоздании умершего ребенка в кукле есть что-то утешительное. Получая такой заказ, я каждый раз серьезно думала об исключении этой услуги со своего сайта.

Выплата налога на собственность. Вода в цистерне.

Если чета Мазаров потеряла ребенка – не знаю, так ли это на самом деле, но вряд ли я ошибаюсь, – скверно, что им хочется получить точную копию младенца. Через год после первого заказа от Мазаров пришла заявка на вторую куклу. Я подумала, что Рейчел – если я переписывалась с ней – по ошибке отправила прошлое фото, и спросила, уверены ли они, что прислали нужное изображение? Пришел лаконичный ответ – они уверены. Тогда я написала, что в случае поломки могу починить куклу. На этот раз ответ был столь же кратким – они хотят, чтобы я выполнила заказ.

Я искала в Сети, но мне ничего не удалось узнать о Мазарах из Чикаго. О состоятельных людях нет информации в Интернете? Связаны ли они с организованной преступностью? Или просто вели уединенный образ жизни? Теперь третья кукла. На почту я не отвечаю. Пока.

Вместо этого я достаю ноутбук из ниши, где располагается печь для сушки кукольных деталей после росписи, втыкаю штепсель в розетку для подзарядки и убираю компьютер на полку выше уровня глаз. У меня есть части кукол, отлитые Тони в Огайо, – старые связи времен производства игрушек. Он изготавливает для меня медные кристаллизаторы и с помощью центробежного литья делает различные детали. Обычно спецзаказы единичны, поэтому Тони отсылает мне медный образчик головы, чтобы его не хранить. Я порылась в своих литейных формах и отыскала голову, сохранившуюся с прошлого раза. Ставлю на полку и смотрю на нее.

Я грубо леплю части тела куклы из глины, затем делаю гипсовый слепок с этого оригинала. Потом делаю восковой макет, который смотрится как некий викторианский памятник инфанты, скончавшейся от желтухи. Я изготавливаю воск по собственному рецепту – смешиваю покупной с парафином и тальком.

Большинство мастеров подцвечивают его розовым, но мне нравится, как выглядят белые детали.

Я тщательно вылепливаю и полирую восковую модель. Хорошенько накую и отправляю Тони, он отливает медную форму. Процесс изготовления неприятен и токсичен, мне самой с этим не справиться. Для обычных кукол он делает небольшую партию в сто экземпляров из поливинилхлорида и отправляет мне. Медные формы хранятся у Тони, на случай если составные мне понадобятся еще. Для спецзаказов он высылает мне обратно отлитую голову и форму.

Все элементы находятся внутри, снаружи форма представляет собой всего лишь грубый контур. Головы младенцев ото лба до затылка длинные, личики у них крохотные и невыразительные, Они – удивительные и странные существа.

Около семи я слышу звук приближающегося грузовичка Шерри. Собаки вскакивают. Шерри и Эд живут в полутора милях вверх по дороге. Они держат маленькую ферму с дойными козами. Шерри на шестом месяце беременности, в Альбукерке она ездит на прием к акушеру. Ее отец работает в лабораториях Сандия, получает приличные деньги и оплачивает ее медицинскую страховку. До Альбукерке путь неблизкий, грузовичок старенький, и Эду не нравится отпускать жену одну. Поэтому я езжу вместе с Шерри, Заодно в городе мы покупаем продукты и заезжаем на ланч к ее маме.

– Ужасно жарко, – сообщает Шерри, когда я забираюсь в кабину маленького желтого грузовичка марки «тойота». – Как у тебя с водой?

– Все меньше, – отзываюсь я, зная, что у них есть колодец.

– Боюсь, как бы нам в этом году не пересохнуть, – говорит Шерри. – По-прежнему продолжается скулеж о водоносном пласте. Если придется покупать воду, уж и не знаю, что мы будем делать.

По происхождению Шерри китаянка – одна из тысяч девочек, удочеренных из Китая в девяностых и в начале двухтысячных годов. Она говорит, что, пытаясь изучать всякие китайские штучки, она обнаружила единственную национальную черту – непереносимость лактозы.

– Этим утром ко мне заявился мигрант, – рассказываю я.

– Что, накормила его? – спрашивает она, склоняясь в сторону рычага переключения скоростей, пытаясь его отыскать, и заставляет грузовик тронуться на первой передаче.

– Он прополол мой огород.

– Пока ты их кормишь, они не отвадятся.

– Как бродячие кошки, – соглашаюсь я.

Альбукерке никогда не был славным городком. Когда я приехала сюда, он представлял собой череду моллов и гипермаркетов, окруженных пригородом. Десять лет засухи со среднегодовой нормой выпадения осадков в четыре дюйма и меньше изрядно повредили городу, особенно после утраты прав водопользования по проекту «Сан-Хуан-Чама». В Альбукерке вода дорогая. Она оказалась невыгодна для многих компаний, в том числе и для «Интел». В длинной череде невзгод закрытие «Интел» оказалось ощутимым ударом.

В окрестностях много брошенных домов – владельцы не смогли расплатиться с ипотекой и просто оставили их стоять без окон, заваленные мусором. Кто мог, отправился на север в поисках воды. Оставшихся развал экономики вынудил переселиться в сдающиеся дома и квартиры, жить в машинах или с родственниками, прозябать прямо на улицах.

Но в доме родителей Шерри время как будто остановилось лет двадцать назад: гранитные столешницы, большой плазменный телевизор показывает сотни каналов, холодильник забит мясом и заморозками, кондиционер поддерживает благословенные 75 градусов по Фаренгейту[8]. Бренда, мать Шерри, – психолог с небольшой практикой, стройная женщина с красиво подстриженными седеющими волосами.

У Бренды есть одна из моих кукол, которую она купила, потому что я ей нравлюсь. Когда прихожу в гости, она мила и приветлива со мной, хотя это совершенно не подходит беззаботному, благоустроенному образу жизни Бренды.

Мне никогда не доводилось слышать, чтобы Бренда нелестно отозвалась об Эде. Могу только предполагать, что они с Кайлом желали союза Шерри с кем-нибудь более благополучным, работающим в Лос-Аламосе, Сандии или в университете, с кем-нибудь, располагающим государственными пособиями, например медицинской страховкой. С другой стороны, Шерри всегда была оторвой и, по словам Бренды, «примерила на себе амплуа лесбиянки». Как будто быть лесбиянкой – это что-то вроде членства в Корпусе мира. Невозможно заставить собственное дитя полюбить того, кто вам нравится. Вот бы мне найти мужчину из Лос-Аламоса! И больше того, вот бы я сама смогла получить работу в Лос-Аламосе или университете. Я, а также половина Альбукерке.

Шерри заходит в дом. Ее волосы неровно подстрижены с помощью зеркала. Она шумная и уютная. Живот небольшим плавным изгибом выступает под синей футболкой из шерсти румательских коз. Бренда ловит каждое ее слово, зная о трудностях ведения козьего хозяйства, справляется об Эде и

грузовике, а заодно кормит нас ланчем.

Раньше я думала, что жизнь, строящаяся на вдумчивом либерализме, является и моим неотъемлемым правом. Потом поняла: моему поколению было суждено родиться в занимательное время.

Я сижу в приемной акушера и стараюсь не уснуть. Бренда досыта накормила меня цыпленком, бутербродом с сыром и кукурузной похлебкой. Листая журнал «People Magazine», я наткнулась на статью о Томе Крузе – он проходил курс терапии по восстановлению, которая продлит его жизнь лет на сорок. В следующей публикации говорится о доме какого-то музыканта, оснащенном современной роскошью: новейшими технологиями, позволяющими затемнять стекла окон и менять цвет стен прикосновением руки, распознавать, тепло тебе или холодно, и поддерживать комфортную температуру в помещении. Также в статье идет речь о любви этого музыканта к антиквариату из Турции и России. Другая публикация рассказывает о женщине, посвятившей всю жизнь помощи людям из Сибири, которые больны СПИДом.

Разговаривая по мобильному, Шерри выходит из кабинета врача. Я слышу половину ее беседы с матерью. Доктор сказал, что при наличии медицинской страховки ей бы сделали положенный на этом сроке беременности ультразвуковое исследование.

– Этот малыш, – говорит Шерри, положив руку на живот, – наполовину крепкий китаец-крестьянин, и с ним все отлично. – Они решают подождать с УЗИ еще месяц.

Шерри уверена, что носит мальчика, а Эд не сомневается: родится девочка. Он напевает животу песню Дэвида Боуи «China Doll»[9], чем почему-то совершеннейшим образом выводит из себя Шерри.

По дороге домой мы останавливаемся, чтобы запастись рисом, бобами, мукой, сахаром и кофе. Все это можно приобрести и в Белене, только в «Клубе Сэма» – дешевле. У Шерри есть членская карточка, половину взноса оплачиваю я. Шерри рассчитывается картой за наши покупки, а я возвращаю ей деньги в машине. Кассирам, наверное, известно, что мы делим членство на двоих, но им все равно.

Дорога домой очень утомительна. Кондиционер сломан, и в грузовичке невыносимо душно. Но вот показываются деревья – мы приближаемся к долине.

Подъезжая к ранчо, мы видим распахнутую парадную дверь.

– Кто здесь? – удивляется Шерри.

Эбби бегает по палисаднику. Признав грузовик, заливаясь лаем и отчаянно виляя хвостом, псина со всех лап мчится нам на

встречу. Я выхожу из машины и иду к дому. Собака обгоняет меня, но потом возвращается, явно не желая заходить одна, и снова семенит к двери.

– Гудзон! – зову я второго пса, хотя знаю: если дверь открыта, он наверняка воспользовался этим, пошел побродить и потерялся. Повсюду разбросаны вещи. Валяются диванные подушки, содержимое кухонных ящиков, задняя дверь распахнута. Я иду туда и, надеясь на чудо, зову собаку. Задние ворота тоже открыты.

Из-за моей спины доносится предостережение Шерри:

– Не ходи туда одна!

– Собаки нет, – говорю я.

– Гудзона? – уточняет она.

Я выхожу на задний двор. Зову пса, но его нигде нет. Некоторые собаки, такие как Эбби, всегда держатся поближе к дому. Но Гудзон не из их числа.

Мы с Шерри обходим весь дом. Никого. Я вхожу в мастерскую. Ящика с инструментами нет, зато вор не заметил закрытого ноутбука, стоящего на верхней полке.

Должно быть, это сделал тот парень, которого я накормила супом. Он мог остаться неподалеку пережидая дневную жару, и увидеть, как я уезжаю.

Я запираю ворота, заднюю дверь и мастерскую. Эбби льнет ко мне, собакам не нравится, когда что-то не так.

– Давай поищем его, – предлагает Шерри.

Мы с Эбби залезаем в ее грузовичок и час ездим по проселочным дорогам, высматриваем и зовем Гудзона, но его нигде не видно. Нам звонит Эд, муж Шерри. Он заявил в руководство округа, и дома меня ожидает следователь, готовый взять у меня показания. Мы входим в дом, и я перечисляю пропажи. Кажется, украдено не так уж и много, в основном инструменты. Шериф говорит, что обычно грабители ищут деньги, оружие, ювелирные украшения. Все кредитки и мобильный телефон были при мне. Дорогих украшений и оружия у меня нет.

Я рассказываю шерифу о мигранте, который приходил утром. Он говорит, что ворваться ко мне мог и этот мигрант, и кто угодно. Мне кажется, мы никогда этого не узнаем. Шериф обещает дать объявление о пропаже собаки.

Когда все уехали, уже стемнело, и я принялась за уборку. Подняла подушки, разложила их на диване, собрала с пола столовые приборы и поместила их под горячую воду. Эбби поскуливала у задней двери, но выйти боялась.

Внезапно я понимаю, что пропала кукла, над которой я

работала. Зачем он украл куклу? Продать ее он не сможет. Полагаю, он сделал это, чтобы отправить домой для своего ребенка с фото. Или для жены, у которой есть настоящий ребенок и которая, вне всякого сомнения, куда менее сентиментально относится к младенцам, чем большинство моих клиентов. Пропала пара недель работы, не целых рабочих дней, конечно, но расписывание, ожидание, пока высохнет этот слой, и наложение следующих…

Снова скулит Эбби, Гудзон где-то там, в темноте. Потерявшиеся собаки слабо приспособлены к условиям пустыни. А там водятся ядовитые змеи. Я опускаюсь на пол, обнимаю Эбби за шею и плачу. Я не смогла его защитить. Да, я глупая женщина, которая до безумия обожает своих собак. Но они все, что у меня есть.

Я не могу уснуть, всю ночь прислушиваюсь к самым тихим звукам. Меня тревожит отсутствие денег. Будет непросто возместить украденные инструменты.

На следующее утро я наношу первый слой краски на новую куклу, которой заменила похищенную. Я решила заняться тем, чего обычно предпочитаю не делать. Через Интернет я могу продавать не только пластиковых кукол. Начинаю вылепливать глиняную заготовку для фаллоимитатора.

За последние пару лет компании определенного плана, которые видели моих кукол в Интернете, не раз предлагали мне подумать насчет изготовления дилдо. Сделать натуралистичный пенис ничуть не сложней, чем детские ручонки. И даже проще. Заказать у Тони я не могу, он не станет делать фаллоимитаторы. Но несколько лет назад они получились у меня при комнатной температуре из медицинского силикона. Я сама смогу сделать формы, отливать небольшими партиями и вручную доводить до совершенства. Надеюсь, что люди готовы платить за новизну, когда дело касается секса.

Мне не особо нравится делать кукол, но не могу сказать, что мне это не по вкусу. Фаллоимитаторы же, напротив, вгоняют меня в тоску. Не думаю, что в их использовании есть что-то плохое, дело совсем не в этом. Просто… не знаю. Я не собираюсь бросать кукол.

Еще я ответила паре из Чикаго, что возьмусь за их спецзаказ и в третий раз сделаю ту же самую куклу. Затем приступаю к уборке на кухне. Звонит Шерри, чтобы узнать, как у меня дела, и я рассказываю ей о дилдо. Она хохочет.

– Тебе давно нужно было заняться этим, – говорит она. – Ты бы уже озолотилась.

Я тоже смеюсь. И после разговора чувствую себя немного

лучше.

Сегодня отметка термометра превысила 100 градусов[10]. Стараюсь не думать, что Гудзон без воды или попал в беду. Пытаюсь сконцентрироваться на кровеносных сосудах полового члена, расположенных под головкой (я делаю обрезанный пенис). Вдруг звонит мобильный, и я подпрыгиваю от неожиданности.

Слышу мужской голос:

– Тут у меня собака с вашим номером на ошейнике. Вы потеряли?

– Золотистый ретривер? – уточняю я.

– Ага.

– Его зовут Гудзон. Спасибо вам! Спасибо! Сейчас приеду за ним.

Хватаю кошелек. У меня пятьдесят пять долларов наличными. Не очень много в качестве вознаграждения, но больше у меня нет.

– Эбби! – зову я. – Пошли, девочка! Поехали за Гудзоном!

Она вскакивает, растерянная, но взволнованная моим голосом.

– Поедем кататься? – спрашиваю я.

Мы забираемся в древнюю красную «Импрезу». Машина не слишком надежна, но нам недалеко ехать. Следуя указаниям GPS-навигатора, мы с лязгом преодолеваем мили скверной грунтовой дороги и оказываемся у выгоревшего на солнце трейлера. Вокруг полно всякого хлама: старое кресло, лежащий на боку стул со сломанной ножкой и светлый старый стол для пикника с белой неокрашенной внутренней частью, напоминающей шрам. Еще – старый зеленый холодильник и целая батарея пустых бутылок по сорок унций. Откровенно говоря, увидев это местечко, я готова была предположить, что владелец гонит денатурат. Но пожилой мужчина, открывший дверь трейлера, оказался просто стариком в бейсболке. Вероятно, он живет на пособие социального обеспечения.

– Меня зовут Ник, – сообщает мужчина.

Несмотря на жару, он одет в клетчатую рубашку с длинными рукавами. У старика темная от загара кожа, а двойной подбородок делает его похожим на индюка.

Я представилась и показала на машину:

– Это Эбби, она у нас умная и осталась дома.

Внутри трейлера темно и пахнет старостью. Диваны покрыты дешевыми покрывалами, на одном из них красуется сине-белый рождественский снеговик. Снаружи поблескивает под палящим солнцем кустарник. Гудзон лежит у раковины и, завидев нас, встает.

– Он трусил по дороге, – рассказывает Ник. – Увидел меня и

подошел.

– Я живу выше по реке, между Беленом и Джаралесом, – говорю я. – Кто-то ворвался в мой дом, оставил двери нараспашку, и пес отправился побродить.

– Вам еще повезло, что собак не убили, – замечает Ник.

Я нащупываю кошелек со словами:

– Вот ваше вознаграждение.

На что он отмахивается:

– Нет, вот только не надо, – говорит он и объясняет, что ничего не сделал, просто нашел мой телефон на брелоке и дал собаке попить. – У меня всю жизнь были собаки. И я был бы рад, если бы мне точно так же кто-нибудь позвонил.

Я заверяю старика, что для меня это важно, и энергично сую ему деньги. Гудзон, вывалив из пасти язык, прижимается к моим ногам, чтобы я его приласкала. Он хорошо выглядит, просто утомился.

– Присядьте на минутку. Вы так долго ехали. Извиняюсь за беспорядок. Ко мне заезжал внук моей сестры вместе с друзьями, они все так и побросали, – машет он рукой, указывая на хлам и бутылки.

– Я не могу оставить вторую собаку на жаре, – говорю я, желая поскорее уйти.

– Заведите ее внутрь.

Мне не хочется оставаться, но я благодарна старику, поэтому я привожу Эбби в трейлер. Ник похлопывает ее и рассказывает мне, как жил здесь с тех пор, как ему исполнилось двадцать. Он – сторонник свободы, не доверяет правительству и, уж конечно, не собирается верить властям штата Нью-Мехико. По его мнению, наш штат – самая настоящая банановая республика, только без причудливой униформы, столь любимой диктаторами третьего мира. Потом он говорит о том, как хорошо, что Гудзона не подобрали и не сделали псиной для травли те, кто выращивают зверюг для собачьих боев. И о том, как в отместку за развал Советского Союза российские шпионы разрушили американскую экономику.

Половина того, что он говорит, – полная чушь, остальное – неправда. Но передо мной одинокий старик, живущий посреди пустыни, который вернул мне пса. И меньшее, что я могу сделать для него, – это выслушать.

Где-то неподалеку зачихал какой-то слабосильный мотор. Затем донесся звук еще парочки таких же. Похоже на маленькие мотоциклики, на которых ездят дети. Ник выглянул наружу, и его глаза сузились.

– Явился внучок моей сестры, – говорит он. – Чтоб его!

Эбби скулит. Старик стоит и смотрит в пустыню через щели решетчатых жалюзи.

– Проклятье! С ним его дружки, – говорит Ник. – Забирайте собак, только ничего им не говорите, ладно? Просто идите к машине.

– Гудзон! – зову я и пристегиваю к ошейнику поводок.

К трейлеру в клубах пыли подъезжают четверо мальчишек. Они заметили мою машину и явно сгорают от любопытства. Парни одеты в комбинезоны оранжевого и оливкового цветов, которые носят в тюрьме. Только рукава оторваны, и штанины обрезаны над коленями. У одного из хулиганов руки расписаны татуировками.

– Эй, Ник! – кричит тот, что с татуировками. – Новая подружка?

– Тебя это не касается, Итан.

Сам парень темнокожий, но глаза у него светло-голубые, как у сибирского хаски.

– Вы социальный работник? – спрашивает у меня мальчишка.

– Я сказал: не твое дело, – обрывает его Ник. – Леди уже уходит.

– Если вы из социальной службы, значит должны знать, что старикашка Ник – сумасшедший, нельзя верить ни единому его слову.

Тут вступает другой парень:

– Вовсе она не соцработник, у тех собак не бывает.

Миновав ступеньки, я иду к машине. Мальчишки сидят на своих байках, и, чтобы добраться до «Импрезы», мне приходится обходить их. Гудзону хочется получше их рассмотреть и обнюхать, он сильно тянет, но я крепко держу его на коротком поводке.

– Что-то вы нервничаете, леди, – замечает мальчишка с набитыми «рукавами».

– Отстань от нее, Итан, – еще раз говорит Ник.

– Ты вообще заткнись, дядя Ник, не то задницу надеру, – рассеянно бросает парень, не сводя с меня глаз.

Ник не отвечает.

Я тоже ничего не говорю, сажаю собак в машину и уезжаю.

Наша жизнь опять идет своим чередом. Пришел ответ на мое письмо о фаллоимитаторах. За комиссионные парень из Монтаны готов предоставить мне право продажи на своем секс-сайте. Я подготавливаю несколько разных моделей, в том числе ту, которую я расписала так же натуралистично, как кукол-младенцев. Вначале я накладываю базовое покрытие, затем рисую вены. Высушиваю. Затем наношу полупрозрачный слой краски и

снова высушиваю. Всего шесть слоев. Затем покрываю дилдо силиконом, иначе при подобном использовании краска вряд ли будет держаться долго. Я ставлю на сие творение изрядную цену и называю спецзаказом. Одновременно я занимаюсь вторым проектом – куклой для пары из Чикаго. Я отправила форму Тони, и он отлил мне третью голову, которую тоже надо покрывать слоями краски. Иногда части моих творений сохнут совсем рядом.

Сейчас бизнес мой продвигается неспешно, поэтому я уделяю каждому изделию больше времени. Я всегда работаю тщательно, особенно над спецзаказами.

Полагаю, если кто-то готов выложить такие деньги, то кукла должна быть сделана наилучшим образом. Мастерю пупса легко и быстро, наверное, потому, что делаю его не в первый раз. Вспоминаю предыдущего, которого украл у меня вор. Не знаю, отправил ли он его жене и дочери в Мехико. Скорее я готова предположить, что он продал его через сайт вроде «eBay», – хотя я посматривала выставленных на продажу кукол и свою не нашла.

Эта моя кукла – сиротка. Она исполнена печали. В ней живет горечь большой потери. Помню, какой страх меня обуял, когда Гудзон бродил неведомыми тропами в пустыне. Я представляю себе Рейчел Мазар, которую терзает утрата ребенка. Сжатые крохотные кулачки куклы светятся фарфоровой бледностью. Голубые вены на висках словно узор из едва видимых синячков. Закончив куклу, я тщательно ее запаковываю, как и другие заказы, и отсылаю.

Дилдо появляются на интернет-сайте. Натуралистичный фаллос в вертикальном положении красуется у меня в мастерской, такой напыщенный, сочного розово-фиолетового цвета. Он стоит на полке, как настоящий трофей, и влажно поблескивает верхним покрытием. На протяжении многих лет я делала исключительно кукол, и после них изготовить дилдо оказалось даже забавно. Он выглядит как объект восхищения и вместе с тем оскорбления. Честно говоря, я не считаю его аморальнее кукол. В фаллоимитаторе есть нечто откровенное. Что-то гораздо более ясное и внятное, нежели кукла, специально сделанная похожей на мертвое дитя. Нечто значительно менее запутанное.

Никто не заказывает дилдо. Ночью я лежу без сна и размышляю о налогах на недвижимость. Отец у меня умер. Мать живет в льготном доме для престарелых в городе Колумбус. Долгие годы я не виделась с ней, при нынешних ценах на путешествия это нереально. Моя машина туда не доедет, а ни один из моих знакомых больше не может позволить себе

авиаперелет. Я, конечно, не могу жить с ней. А стоит мне только появиться, мама тут же лишится крыши над головой. Если я не заплачу налоги и лишусь дома, где мне жить – в машине? Похоже на начало конца. Может, Шерри и Эд возьмут собак. Получив деньги за спецзаказ, я смогу на некоторое время вздохнуть с облегчением. Господи, спасибо Тебе за Мазаров из Чикаго! Сколь бы безумны ни были их мотивы, платят они оперативно и через Интернет. Это даст мне возможность купить новые инструменты.

Мне по-прежнему не спится по ночам. И вместо того чтобы вложить оставшиеся деньга в оплату долга, я внесла часть суммы за девятимиллиметровый пистолет. Его нашел для меня Эд. Я даже не знаю, где взять оружие.

Шерри заехала за мной на грузовичке и привезла на козью ферму. У Эда есть несколько ружей и старый револьвер, который некогда принадлежал еще его отцу. Когда мы подъехали к дому, он на заднем дворе покрывал креозотом новые столбы изгороди, но с радостью зашел с нами в дом.

– Итак, ты сдалась, – ухмыляется он. – Перешла на темную сторону.

– Верно, – соглашаюсь я.

– Что ж, это славное оружие для самообороны, – говорит он. У Эда седеющие короткие волосы. Он совсем не похож на владельца оружия. Скорее, на продавца мобильных телефонов из местного торгового центра. И Эд вовсе не напоминает того, кто может захотеть жениться на Шерри или разводить коз. Однажды он рассказал мне, что получил ученую степень по антропологии, а в этой области сложно устроиться на работу.

– Предложи ей что-нибудь холодное! – кричит его жена из ванной комнаты. Беременная Шерри не может проехать и двадцати минут в тряском грузовике, чтобы не пописать.

Эд приносит мне холодный чай, берет револьвер, проверяет, есть ли в нем патроны, и вручает мне. Объясняет, что первым делом мне нужно всегда смотреть, заряжено оружие или нет.

– Ты только что это сделал, – говорю я.

– Ага, – кивает он. – Но, может, я идиот. Всегда следует проверять.

И он показывает мне, как это делать.

Револьвер совсем не такой тяжелый, как я себе представляла. Я уже не раз замечала: когда думаешь, что нечто изменит твою жизнь, на деле обычно это не так. Позже Эд выходит вместе со мной на задний двор и учит стрелять. А я вовсе не удивляюсь тому, что не принимаю это за забаву.

И, как гром среди ясного неба, письмо от Рейчел Мазар из Чикаго: «Я пишу вам с целью узнать, имеете ли вы личные или

деловые отношения с моим мужем, Эламом Мазаром. Если вы не ответите, я готова поручить последующую переписку моему адвокату».

Я в смятении, не знаю, что предпринять. Как ни странно, проверяю пистолет, который храню в прикроватной тумбочке. Мне предложили поработать няней. Когда у Шерри родится ребенок, полагаю, мне придется убрать пистолет подальше. Только зачем он тогда?

Пока я нахожусь в замешательстве, звонит мобильный телефон. Это Рейчел Мазар.

– Мне нужно, чтобы вы объяснили ваши отношения с моим мужем, Эламом Мазаром, – говорит она. Судя по голосу, она образованна, проскальзывает искорененный региональный акцент, что говорит об окончании пристойного колледжа.

– Мои отношения? – переспрашиваю я.

– Ваш электронный адрес был забит у него в телефоне, – холодно объясняет миссис Мазар.

Может, Элам умер? Ее слова звучат так, словно все кончено.

– С вашим мужем я не знакома. Просто он покупал кукол.

– Что покупал? – переспрашивает теперь она.

– Кукол, – повторяю я.

– Кукол?

– Да.

– То есть… эротических кукол?

– Нет. Младенцев. Кукол ручной работы.

Она явно ничего не понимает, отчего в моем мозгу роится множество странных мыслей. У кукол нет отверстий. Фетиш? Я называю ей свой сайт, и она находит его.

– Он делал спецзаказы, – говорю я.

– Но они стоят пару тысяч долларов! – удивляется Рейчел.

Недельная зарплата для кого-то вроде Элама Мазара, полагаю. Несмотря на то что он работает где-нибудь в химчистке, мне он представляется профессионалом.

– Я думала, этих кукол он дарил вам, – признаюсь я. – Полагала, что вы потеряли ребенка. Порой те, у кого случилось такое несчастье, делают у меня заказы.

– У нас детей нет, – сообщает она. – Мы их никогда не хотели. – В навалившейся тишине я слышу, насколько она ошеломлена. – Боже мой!..

Ритуалы сатанистов? Что-то странное и оскорбительное?

– Та женщина сказала мне, будто он ей говорил, что потерял ребенка.

Не знаю, что тут скажешь, поэтому просто жду.

– Мой муж… а в ближайшем будущем бывший муж, –

продолжает она, – явно заводил романы на стороне. Одна из его женщин связалась со мной и рассказала, что он говорил, будто у нас был ребенок, который умер, и теперь мы женаты только номинально.

Я колеблюсь. Не знаю, имею ли я законное право рассказывать о делах с ее мужем. С другой стороны, я получала письма, подписанные именами и мужа, и жены.

– Он купил три куклы, – говорю я.

– Три?

– Не сразу. Примерно по одной в год. Те, кто хочет сделать спецзаказ, прилагают фотографию. Он присылал всегда один и тот же снимок.

– О! – восклицает она. – Узнаю Элама. Он очень консервативный. На протяжении пятнадцати лет он пользуется одним и тем же шампунем.

– Мне это показалось странным, – замечаю я. Не могу удержаться, чтобы не спросить: – Как вы думаете, что он с ними делал?

– Полагаю, с их помощью извращенец добивался сочувствия у женщин, – сквозь зубы процедила она. – Думаю, он расчувствовался по отношению к куклам. Может, даже сам наполовину уверовал в то, что у него действительно была дочь. Или в моей вине в том, что у нас не было ребенка. Мы никогда не хотели детей. Никогда.

– Наверное, многие мои клиенты предпочитают скорее лелеять мечту о ребенке, чем на самом деле его родить, – рассуждаю я.

– Не сомневаюсь в этом, – соглашается Рейчел. – Благодарю за уделенное мне время. Извините, что потревожила.

Так странно – и вместе с тем настолько банально. Пытаюсь представить себе, как он показывает куклу какой-то женщине и рассказывает ей, что именно таким было его умершее дитя. Как это могло работать?

У меня начинают заказывать фаллоимитаторы. Я получаю два заказа на кукол, плачу за кредит и кое-как справляюсь с налогом на имущество. Теперь мне не придется жить в машине.

Как-то вечером, когда я работаю в саду, Эбби и Гудзон лают у задних ворот.

Я встаю с коленей, тело ломит, но я бреду в дом, захожу в спальню, где хватаю с прикроватного столика свою девятимиллиметровку. Он не заряжен, сейчас мне это кажется ужасно глупым. Пытаюсь сообразить, нужно ли мне его заряжать. Руки дрожат. Несомненно, просто пришел кто-то, кому охота получить еду и подключиться к розетке, чтобы зарядить

аккумулятор. Решила, что боюсь вставлять патроны, к тому же во дворе две собаки. Пошла к задним воротам с пистолетом в руке, дуло смотрит в землю.

У дверей стоят двое похожих, как братья, черноволосых индейца с челками, по прямой линии обрезанных прямо над бровями.

– Леди, – говорит один, – можно мы работать у вас за еду?

Тут они замечают у меня в руке пистолет, и лица у них вытягиваются.

Собаки прыгают рядом.

– Я дам вам что-нибудь поесть, и вы уйдете, – предлагаю я.

– Уходить, – соглашается тот, кто начал беседу.

– Меня ограбили, – объясняю я.

– Мы вас не грабить, – заверяет он. Взгляд у него прикован к пистолету. Его товарищ делает шаг назад, смотрит на ворота, а затем на меня, словно прикидывая, стану ли я стрелять, если он побежит.

– Знаю, – киваю я. – Но кто-то пришел сюда, я накормила его, а он меня обокрал. Вы расскажете всем, чтобы никто сюда не ходил, хорошо?

– Хорошо. Мы уходить.

– Скажите людям, чтобы сюда не ходили, – повторила я. Дам им что-нибудь поесть и взять с собой. Терпеть не могу все это. Вот двое молодых мужчин в чужой стране, которые голодны и ищут работу. Запросто может статься так, что я буду спать в машине. Стану бездомной. И захочу, чтобы кто-нибудь пожалел меня.

Я просто боюсь.

– Гудзон! Эбби! – сурово прикрикиваю я на собак, и оба мужчины вздрагивают. – Домой!

Собаки плетутся за мной и не понимают, что они сделали не так.

– Если хотите есть, я вам что-нибудь дам, – снова говорю я. – Расскажите всем, чтобы не приходили сюда.

Похоже, они не понимают меня, медленно пятятся, затем разворачиваются и быстро выходят за ворота, закрывая их за собой.

Я опускаюсь прямо на землю там, где стояла, колени дрожат.

Ранний вечер, в синих небесах висит луна. Через забор мне видны кусты и пустыня – беспощадная земля, в которую, наподобие окаменелых хребтов апокалипсических зверей, врываются горы. Ландшафт вполне подходящий для сумасшедших банд мутантов, рассекающих по окрестностям на убогих машинах. Этнических пережитков Америки с размалеванными физиономиями, заплетенными в косы волосами, украшениями из

блестящих CD-дисков и зажигалок, добытых из руин цивилизации. Пустыня по-байроновски чрезмерна в своих крайностях.

Тех двух парней я не вижу. Нет никого в мехах, с раскрашенными синим лицами, оседлавших багги, собранных из мотоциклов и увешанных черепами врагов. Там всего-навсего парочка ребят из Никарагуа или Гватемалы в футболках и джинсах.

И я сижу и смотрю, как темнеет в пустыне, восходит луна, а в руке у меня – незаряженный пистолет.

БРЮС СТЕРЛИНГ
ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Один из самых мощных и новаторских талантов, появившихся в НФ за последние десятилетия, Брюс Стерлинг опубликовал свой первый рассказ в 1976 году. К концу 1980-х он стал известен как автор серии рассказов, действие которых разворачивается в экзотическом будущем «шейперов и механистов», и написал такие крупные произведения, как «Схизматрица» («Schismatrix») и «Острова в Сети» («Islands in the Net»), Кроме того, он получил известность как редактор антологии «Зеркальные очки» («Mirrorshades: The Cyberpunk Anthology») и критического журнала «Cheap Truth», ставших, пожалуй, основными движущими силами киберпанка. В числе других книг Стерлинга можно назвать снискавшую одобрение критиков работу о применении Первой поправки к Конституции США в сфере компьютерных сетевых технологий «Подавление сопротивления хакеров: закон и беспорядки на электронной границе» («The Hacker Crackdown: Law and Disorder on the Electronic Frontier»), а также «Искусственный ребенок» («The Artificial Kid»), «Глубинные течения» («Involution Ocean»), «Бич небесный» («Heavy Weather»), «Священный огонь» («Holy Fire»), «Распад» («Distraction»), «Дух времени» («Zeitgeist»), «Зенитный угол» («The Zenith Angle»), написанную в соавторстве с Гибсоном «Машину различий» («The Difference Engine»), футуристическое эссе «Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке?» («Tomorrow Now: Envisioning the Next Fifty Years») и такие заметные сборники, как «Кристальный экспресс» («Crystal Express»), «Сверхразум» («Globalhead»), «Схизматрица», «Старомодное будущее» («A Good Old-Fashioned Future») и «Выдумщик на службе» («Visionary in Residence»). В последние годы были выпущены коллекция самых значимых рассказов автора «Главное. Лучшие произведения Брюса Стерлинга» («Ascendancies: The Best of Bruce Sterling») и роман «Кариатиды» («Caryatids»). За «Велосипедного мастера» («Bicycle Repairman») Брюс Стерлинг в 1997 году наконец получил давно заслуженную премию «Хьюго», и еще одну «Хьюго» ему вручили в 1999-м за «Такламакан» («Taklamakan»).

В описанной ниже едкой и пронизанной политическими намеками истории, полной стерлинговского фирменного невозмутимого юмора, автор опытной рукой раскручивает рулетку альтернативных миров Европы. И никто не знает, где остановится шарик…

Журналистская этика требует скрывать конфиденциальные источники. Так что я не называл имени Массимо Монтальдо, хоть и знал, что это не настоящее имя. Массимо ввалился в высокую стеклянную дверь, с грохотом уронил саквояж и сел напротив. Встретились мы в обычном месте – в кафе «Елена», темном и уютном, выходящем на самую большую площадь Европы.

В «Елене» было два зала, узких и величественных, как гробы из красного дерева, с высокими, красными же потолками. Это местечко повидало немало сокрушенных странников. Массимо никогда не поверял мне своих личных огорчений, но сейчас они читались у него на лице так же явно, как могла бы быть заметна спрятанная за пазухой обезьянка.

Массимо Монтальдо, подобно всем хакерам мира, производил впечатление умного человека. Как многие итальянцы, он старался выглядеть любезным. На нем была грязестойкая немнущаяся дорожная одежда: черная куртка из шерсти мериноса, черная рубашка из американской джинсы и черные брюки-карго. Еще на нем были шикарные черные кроссовки неизвестной фирмы с дикими пузырчатыми подошвами.

От этих кроссовок мало что осталось, они держались только на шнурках из сыромятной кожи.

Если судить по швейцарско-итальянскому акценту, Массимо много времени проводил в Женеве. Он четырежды сливал мне секретную информацию – хрустящие схемы, которые выхватывал, по-видимому, прямо из швейцарского патентного бюро. Однако в Женеве сведений об этих патентах не имелось. Не было там никакой информации и на человека по имени Массимо Монтальдо.

Всякий раз, когда я пользовался откровенностью Массимо, трафик моего блога удваивался.

Я понимал, что спонсор или, скорее, куратор Массимо использует меня для манипуляций в тех областях промышленности, о которых я пишу. Где-то на рынке срывались большие куши, кто-то по-бандитски наживался.

Я прибыли не получал и сомневаюсь, что ее получал и Массимо. Я никогда не вкладывался в акции компаний, которые освещал как журналист, потому что эта дорожка ведет в ад. Что до юного Массимо, он свою дорожку в ад уже натоптал.

Парень вертел в руках тонкую ножку бокала с бароло. Ботинки его были разбиты, волосы – немыты, и брился он, похоже, в туалете самолета. На лучшее в Европе вино он посмотрел как на скорпиона, готового ужалить его в печень. А потом заглотил его залпом.

Официант без напоминаний налил ему еще. В «Елене» меня

знают.

Мы с Массимо неплохо понимали друг друга. За болтовней об итальянской технике – он знал все компании от «Алесси» до «Занусси» – я скромно передал ему несколько полезных мелочей. Карту мобильного, оформленную на другое имя. Пластиковую бирку-ключ от номера местного отеля, снятого на третье лицо. Массимо не пришлось бы показывать там паспорт и прочие документы.

«Гугл» выдавал информацию о восьмерых Массимо Монтальдо, и ни одним из них мой собеседник не был. Массимо прилетал невесть откуда, откладывал золотое информационное яичко и угребал в темноту. Я, оказывая мелкие услуги, прикрывал его. Безусловно, кроме меня, имелись и другие, питавшие к нему острый интерес.

Второй бокал бароло разгладил угрюмые морщины на его лбу. Он потер похожий на клюв нос, поправил непокорные черные волосы и оперся о каменную столешницу обоими затянутыми в шерсть локтями.

– Люка, на этот раз у меня нечто особенное. Ты готов? Ты такого и вообразить не можешь.

– Надо думать, – сказал я.

Массимо нагнулся к своему потертому кожаному саквояжу и достал из него безымянный лэптоп. Далеко не новая машинка с побитыми углами и грязной клавиатурой была снабжена толстой батареей, прилепленной к основанию. Она, верно, втрое утяжеляла компьютер. Неудивительно, что Массимо не возил с собой запасных ботинок.

Он уставился в мутный экран и с головой погрузился в свой внутренний мир.

«Елена» – не слишком известный бар, поэтому его любят знаменитости. За одним из столиков покачивалась блондинка-телеведущая. Массимо, приканчивая третий бокал, оторвал сосредоточенный взгляд от экрана лэптопа и пристально изучил ее изгибы, обтянутые «Гуччи».

Итальянские телеведущие имеют такое же отношение к новостям, как американский фастфуд – к еде. Так что сочувствия к ней у меня не было – но взгляд, которым мерил ее Массимо, мне не понравился. В его гениальной голове. несомненно, уже вертелись блестящие шестеренки. Эта женщина была для него заманчива, как сложная математическая задача.

Останься он с нею наедине – впился бы в задачу зубами и принялся бы терзать, пока та не упала бы к нему в руки. Надо отдать девушке должное – она это почувствовала. Открыла изящную крокодиловую сумочку и надела большие темные очки.

– Синьор Монтальдо, – позвал я.

Он оставался глух.

– Массимо?

Это вывело его из похотливой задумчивости. Развернув компьютер, он показал мне экран.

Я не разрабатываю чипов, но видел программы, предназначенные для этого. Еще в восьмидесятых годах таких было три десятка. До сего дня дожили только три. Ни одна из них не использует итальянского языка, поскольку какой же чипарь не знает английского?

Эта была на итальянском. Выглядела она изящно. Очень стильный способ разработки компьютерных чипов. Обычно создателям чипов плевать на стиль – во всяком случае, в этом мире.

Массимо постучал по экрану обкусанным ногтем.

– Дешевка, двадцать четыре-К. Но вот это ты видишь?

– Вижу. Это что?

– Мемристоры.

Я в смятении стал озираться по сторонам. Никто в «Елене» не услышал потрясающего откровения, а если и услышал, то не понял. Массимо мог бы с тем же успехом вывалить груду мемристоров прямо на стол – никто здесь не узнал бы в них ключей к богатству.

Я мог бы с множеством нудных подробностей изложить, что такое мемристоры и насколько они отличаются от стандартной электроники. Но вы все поймете, если я скажу просто, что для стандартной электроники мемристоров не существует. Просто нет. Они технически возможны – мы это знаем уже лет тридцать, с восьмидесятых, – но никто никогда их не производил.

Чип с мемристорами – все равно что ипподром, где жокеи седлают единорогов.

Я глотнул бароло и только тогда обрел голос.

– Ты принес мне схему с мемристорами? Что случилось? Разбился твой НЛО?

– Как остроумно, Люка!

– Ты понимаешь что ты мне даешь? Что я буду с ними делать?

– Я тебе мемристорной схемы не отдам. Решил отдать их «Оливетти». А тебе я скажу, что делать: добейся конфиденциального разговора с главным инженером «Оливетти». Намекни, чтобы поискали хорошенько в корзине, куда у них падает спам без обратного адреса. Может, найдут что-то интересное. Они будут тебе благодарны.

– «Оливетти» – отличная компания, – сказал я, – но с таким

монстром они не справятся. Мемристоры – игрушка для больших мальчиков: «Интела», «Самсунга», «Фуджицу»…

Массимо переплел пальцы – словно в молитве – и с усталым сарказмом уставился на меня.

– Люка, – спросил он, – тебе не надоело смотреть, как зажимают итальянских гениев?

Итальянский бизнес, занимающийся микросхемами, довольно скромен. Не всегда компании сводят концы с концами. Я пятнадцать лет освещал эти технологии на Route 128 в Бостоне. Пока миром техники правил всемогущий доллар, я рад был, что завел нужные связи.

Но времена меняются. Меняются нации, меняется производство. Производство меняет времена. То, что показывал мне Массимо, могло изменить производство. Это было сокрушительное нововведение. Нарушение всех правил.

– Дело нешуточное, – сказал я. – Да, люди из «Оливетти» читают мой блог – и даже комментят. Но это не значит, что я могу слить им прорывное новшество, которое тянет на нобелевку. «Оливетти» захочет узнать источник – и никак иначе.

Массимо покачал головой.

– Не захочет – и тебе не стоит любопытствовать.

– А вот и нет. Мне непременно нужно знать.

– Не нужно. Поверь мне.

– Массимо, я журналист. Это значит, что я всегда хочу все знать и никому не верю.

Он хлопнул по столу.

– Может, ты и был журналистом, когда журналы еще печатались на бумаге. Только эти журналисты в кавычках все повымерли. Ты – блогер. Ты торгуешь влиянием и зарабатываешь распространением слухов. – Массимо пожал плечами – он и не думал меня оскорблять. – Так что заткнись и занимайся тем, чем всегда занимался. Только об этом я тебя и прошу.

Он мог просить или не просить, но моей работой было спрашивать.

– Кто создал этот чип? – поинтересовался я. – Ведь не ты же сам? Ты хорошо разбираешься в технике, но ты не Леонардо да Винчи.

– Нет, я – не Леонардо.

Он допил вино.

– Слушай, я ведь знаю, что ты даже не какой-то там Массимо Монтальдо. Я на многое готов ради новостей для блога, но помогать тебе сбыть такую схему – не буду! Это совершенно неэтично. Где ты ее спер? Кто ее сделал? Какие-нибудь китайские супермозги в бункере под Пекином?

Массимо сдержал смешок.

– Не могу сказать. Еще по одной? И сэндвич бы… Мне необходима славная сочная панчетта.

Я привлек внимание официанта, между делом заметив, рядом с телезвездой объявился приятель. Явно не муж. Жаль, что я не интересуюсь жизнью знаменитостей. Я уже не в первый раз пропускал хороший куш из-за компьютерщиков.

– Значит, ты занимаешься промышленным шпионажем, – сказал я ему, – и, разумеется, работаешь на Италию, ты же всегда был патриотом. О'кей, ты где-то спер эти планы. Не стану спрашивать как и зачем. Но позволь дать тебе добрый совет: никто в здравом уме не станет сливать их «Оливетти». «Оливетти» работает на пользователя. Делает миленькие игрушки для хорошеньких секретарш. А чип на мемристорах – это динамит.

Мой собеседник, дожидаясь сэндвича, впился взглядом в телеблондинку.

– Массимо, слушай меня. Если сливаешь настолько прорывную, радикальную… да такой чип может изменить баланс военных сил в мире! Забудь про «Оливетти». К тебе выстроятся в очередь большие шпионские конторы Америки с названиями из трех букв.

Массимо поскреб в немытом затылке и раздраженно закатил глаза.

– Как же ты боишься ЦРУ! Да не читают они твоего жалкого бложика.

Этот тупица меня разозлил.

– Слушай, юный гений, ты знаешь, чем занимается ЦРУ здесь, в Италии? Мы для них – тренировочная площадка. Люди просто исчезают с улиц.

– Нехитрое дело – исчезнуть с улицы. Это я и сам умею.

Я достал свой молескин и сверкающую технoручку «Ротринг». Положил их на опрятный мраморный столик. Подумал и сунул обратно в карман.

– Массимо, я очень стараюсь сохранять благоразумие. Задирая нос, ты мне в этом деле не помогаешь.

Мой источник с видимым усилием пришел в себя.

– Все очень просто, – соврал он. – Я здесь уже довольно давно, и мне надоело. Устал, ухожу. И хочу вручить будущее электроники в руки итальянской компании. Так, чтобы никто не задавал вопросов, чтобы концов не оставить. Ты не поможешь мне в таком простом деле?

– Ясное дело, не помогу! Не на твоих условиях. Я не знаю, где ты раздобыл эти сведения, что, как, когда, от кого и зачем. Я даже не знаю, кто ты такой! Я что, так похож на идиота? Пока не

расскажешь всего, я тебе не поверю.

Он изобразил старый злой жест: мол, ты не мужик. Двадцать – ну, может, двадцать пять лет назад – мы бы с ним вышли на улицу. Конечно, я был на него зол – но видел, что он готов расколоться. Мой источник уже изрядно напился, и он явно попал в беду. Ему не драка была нужна. Он жаждал исповедоваться.

Массимо налепил на лицо дерзкую ухмылку и полюбовался своим отражением в высоком пятнистом зеркале, каких много в «Елене».

– Если эта ерунда слишком велика для твоих тесных мозгов, я найду другого блогера! Блогера с яйцами!

– Молодец. Конечно, так и сделай. Обратись, например, к Беппе Грильо.

Массимо оторвался от своего отражения.

– К этому пустоголовому клоуну из телевизора? Да что он понимает в технике?

– Ну, тогда к Берлускони. Он хозяин всех телестудий и половины Интернета в Италии. Премьер Берлускони – как раз тот, кто тебе нужен. Он тебя выручит. И даже сделает каким-нибудь министром.

Массимо вышел из себя.

– Вот только этого не надо! Сколько версий Италии я перевидал, но ваша – просто безобразие! Не знаю, как вы сами-то себя терпите.

Сюжет начинал разворачиваться. Я одобрительно кивнул.

– Сколько же «версий Италии» тебе нужно, Массимо?

– У меня есть шестьдесят четыре версии. – Он похлопал по толстенькому лэптопу. – Все здесь.

– Всего шестьдесят четыре? – подначил я.

Он побагровел.

– Мне, чтобы вычислить все эти координаты, пришлось лезть в суперкомпьютеры ЦЕРН[11]. Тридцати двух Италий было мало! Сто двадцать восемь… у меня не хватило бы времени посетить все. А твоя Италия… ну, если бы не одна девушка из Турина, ноги бы моей здесь не было.

– Шерше ля фам, – кивнул я. – История всех бед мира.

– Я ей кое-чем помог, – признался он, удрученно вертя в руках бокал. – Как тебе, только больше.

Я не понял, но видел, что рассказ последует. Вытяну из него все, а после разложу по порядку.

– Итак, рассказывай: что она тебе сделала?

– Бросила, – сказал он. Сказал правду, но с таким растерянным, обиженным, ошеломленным видом, словно сам себе не верил. – Бросила меня и вышла за французского президента.

Массимо поднял мокрые от горя глаза.

– Я ее не виню, понимаю, почему она так поступила. Я для такой, как она, очень подходящий парень, но, Матерь Божья, я не президент Франции!

– Иет-нет, ты не президент Франции, – заверил я. Президентом Франции был прыткий венгерский еврейчик, обожавший караоке. Николя Саркози тоже казался совершенно неправдоподобным типом, но совсем на иной лад, нежели Массимо Монтальдо.

Голос Массимо срывался от страсти.

– Она сказала, что президент сделает ее первой леди Европы! А я только и мог ей предложить, что инсайдерские наводки и несколько лишних миллионов к тем, что у нее были.

Официант принес Массимо горячий сэндвич.

Несмотря на разбитое сердце, Массимо умирал с году. Он вцепился в пищу, как изголодавшийся на цепи пес, и поднял взгляд из майонезных глубин сэндвича.

– Думаешь, я ревную? Не ревную.

Массимо ревновал как черт, но я покивал, чтобы не сбить его.

– Я не могу ревновать такую женщину! – соврал Массимо. – Пусть ее ревнует Эрик Клэптон, пусть ее ревнует Мик Джаггер! Звезда рок-группы стала первой дамой Франции! Вышла за Саркози! Ваш мир полон журналистов – шпионов, копов, доносчиков, кого только нет! – и ни одному в голову не пришло: «Эге, да это, пожалуй, работа хакера из иного мира!»

– Не пришло, – согласился я.

– Никто до этого не додумался!

Я снова позвал официанта и заказал себе двойной эспрессо. Официант, похоже, радовался за меня. В «Елене» дружелюбный персонал. Фридрих Ницше у них был любимым клиентом. Каких только видов безумия не впитали эти старые стены из красного дерева.

Массимо макнул сэндвич в подливку и облизал пальцы.

– Так вот, если я солью мемристорный чип тебе, никто не скажет: «Этот типчик с сэндвичем в Турине – самый важный человек в мировой технологии». Потому что правда непостижима.

Массимо наколол на зубочистку беглую оливку. Руки у него дрожали от пыла, романтических чувств и подавленной ярости. И еще он был пьян.

Он прожег меня взглядом.

– Ты вот слушаешь и ничего не понимаешь. Ты что, и вправду настолько глуп?

– Я понимаю, – успокоил я. – Я и сам двинулся на компьютерах.

– А знаешь, Люка, кто разработал этот мемристорный чип? Ты. Только не здесь, а в другой версии Италии. Здесь ты мелкий журналист, пишущий на технические темы. А эту шутку ты изобрел в моей Италии. В моей Италии ты – гуру вычислительной эстетики. Ты – знаменитый писатель, критик, многосторонний гений. Здесь у тебя ни яиц, ни воображения. Ты здесь такой никудышный, что даже собственный мир изменить не можешь.

Трудно сказать, почему я ему поверил, но поверил. Поверил мгновенно. Массимо сожрал все до последней крошки, отодвинул в сторону пустую тарелку и извлек из кармана своих карго здоровенный нейлоновый бумажник. Раздутый настолько, что казалось, он вот-вот лопнет, кошель имел цветные бирки и напоминал чудовищную картотеку какого-нибудь оруэлловского бюрократа. В бумажник было втиснуто двадцать видов валюты ассигнациями и множество разноцветных пластиковых карточек – удостоверений личности.

Массимо выбрал большую бумажку и небрежно бросил передо мной на столик. Она очень походила на настоящую купюру – больше, чем те деньги, что я держал в руках каждый день. Ее украшал роскошный портрет Галилея, и называлась она «евролира».

Затем Массимо поднялся и вывалился из кафе. Я поспешно спрятал странную банкноту в карман и, бросив на стол несколько евро, кинулся следом.

Не поднимая головы и мрачно бурча себе под нос, Массимо вилял по миллионам каменных квадратиков огромной Пьяцца Витторио Венето. Он легко, словно у него был большой опыт, отыскал самое свободное место на всей площади: каменную пустошку между рядом красивых фигурных фонарей и тонкими стальными перильцами подземной парковки.

Запустив руку в карман брюк, он вытащил пенопластовые беруши – из тех, что выдают в «Алиталии» на долгих трансатлантических рейсах, – и щелкнул крышкой лэптопа.

Я догнал его.

– Ты что это здесь делаешь? Ловишь вайфай?

– Ухожу. – Он сунул в уши пенопластовые пробочки.

– Не возражаешь, если я пойду с тобой?

– Когда я досчитаю до трех, – громко произнес он, – подпрыгни повыше. И еще: оставайся в зоне действия моего лэптопа.

– Хорошо. Как скажешь.

– Да, и закрой уши ладонями.

– Как я тогда услышу, как ты считаешь до трех? – возразил я.

– Уно… – Он нажал клавишу И, и экран лэптопа внезапно

осветился. – Дуэ… – F*2* вызвала негромкое трескучее гудение. – Тре! – Он подпрыгнул.

Грянул гром. Мои легкие вдруг наполнились яростным ветром. Ступни словно обожгло огнем.

Массимо на миг застыл, потом машинально повернулся лицом к «Елене».

– Пошли! – выкрикнул он, выдергивая из уха одну затычку. И споткнулся. Я подхватил его компьютер. Чудовищная батарейка раскалилась.

Массимо перехватил у меня свою перегретую машину и неловко запихнул в саквояж.

Споткнулся Массимо на высунувшейся из земли плитке. Мы стояли в дымящейся груде таких плиток. Камни мостовой выворачивались у нас из-под ног и ложились вокруг игральными костями.

Конечно, мы были не одни. На огромной площади находились свидетели: обычные итальянцы, жители Турина сидели за столиками под далекими изящными зонтиками. Они благоразумно не лезли в чужие дела. Кое-кто удивленно взглянул в синее вечернее небо, ища сверхзвуковой самолет. На нас точно никто не обращал внимания.

Мы похромали обратно к кафе. Ботинки у меня скрипели, как у персонажа плохой телекомедии. Плитка под ногами была разбита, а на моей обуви полопались швы. Блестящие лаковые ботинки стали тусклыми и грязными.

Мы прошли под двойной арочной дверью «Елены», и, вопреки всем доводам разума, мне сразу стало уютно. Потому что «Елена» осталась «Еленой»: те же круглые мраморные столики с гнутыми ножками, те же бордовые стулья с блестящими латунными заклепками на кожаной обивке, те же колоссальные пятнистые от старости зеркала… и запах, который я за эти годы успел забыть.

Сигареты. В кафе все курили. И воздух был прохладным – даже холодным. Люди сидели в свитерах.

У Массимо здесь нашлись друзья. Женщина со своим мужчиной. Женщина нам помахала, а мужчина, явно узнав Массимо, так же явно не обрадовался ему.

Он был швейцарец, но не из тех веселых швейцарцев, к которым я привык в Турине, – безобидных швейцарских банкиров, махнувших на выходные через Альпы, чтобы перехватить ветчины и сырка. Этот был молод, тверд, как стариковские ногти, в пилотских очках, с длинным узким шрамом по линии волос. Руки его обтягивали тонкие нейлоновые перчатки, на плечах была полотняная куртка с местом для подмышечной кобуры.

Женщина втиснула впечатляющий бюст в крестьянский

свитер ручной вязки. Его расцветка казалась броской, сложной и агрессивной, как и сама хозяйка. Горящие глаза были густо обведены тушью, коготки – выкрашены красным, толстую часовую цепочку вполне представлялось возможным использовать вместо кастета.

– А, Массимо вернулся, – произнесла женщина. Сказано это было сердечно, но сдержанно. Таким тоном она могла бы говорить, покинув постель с мужчиной и желая побыстрее туда вернуться.

– Я привел друга, – сказал Массимо, усаживаясь.

– Вижу-вижу. И чем нас порадует твой друг? Он в нарды играет?

Нарды стояли на столе перед этой парой. Швейцарский наемник погремел костями в стаканчике.

– Мы очень хорошо играем в нарды, – спокойно сообщил он мне. Говорил он с особо пугающей интонацией опытного убийцы, которому уже нет нужды никого пугать.

– Мой друг – из американского ЦРУ, – сказал Массимо. – Мы пришли с серьезным намерением напиться.

– Как мило! Я могу говорить с вами по-американски, мистер ЦРУ, – вызвалась женщина и нацелила на меня ослепительную улыбку. – За какую бейсбольную команду вы болеете?

– За бостонскую «Ред сокс».

– А я без ума от «Грин сокс» из Сиэтла, – скромно сказала она.

Официант принес нам хорватский фруктовый бренди. Народ на Балканах серьезно относится к выпивке, потому бутылки у них обычно весьма причудливые. Эта была просто фантастической: невысокая, с травленым узором, со сложным изгибом боков и тонким горлышком, этикетка изображала Тито, Насера и Неру, поднимающих тосты друг за друга. В ее глубине плавали золотые блестки.

Массимо содрал золоченую пробку, забрал у женщины сигарету без фильтра и сунул ее в уголок рта. С узкой рюмкой в руке он стал другим человеком.

– Живали! – провозгласила женщина, и мы все влили в себя добрую порцию яда.

Искусительница назвалась Светланой, а ее швейцарский телохранитель – Симоном.

Когда Массимо объявил меня американским шпионом, я, естественно, решил, что парень сбрендил, однако этот ход оказался выигрышным. От шпиона не требуют много говорить. И никто не ждал, что я буду знать что-нибудь полезное или уметь что-то стоящее.

Впрочем, я проголодался и заказал тарелку закусок. Человек, который нас обслуживал, был не моим любимым официантом – возможно, его двоюродным братом. Он подал нам зеленый лук, пикули, черный хлеб, основательную порцию колбасок и деревянную миску сливочного масла. Вдобавок мы получили зазубренный чугунный нож и исцарапанную разделочную доску.

Симон отставил доску для нардов.

Все грубые изделия, лежавшие на столе, – нож, доска, даже невкусные колбаски – были итальянского производства. Я видел выгравированные вручную метки итальянских марок.

– Вы здесь, в Турине, на охоте, как и мы? – осведомилась Светлана.

Я улыбнулся в ответ на ее улыбку.

– Да, конечно!

– А что будете делать, когда его поймаете? Сдадите в суд?

– Американские обычаи требуют честного суда, – сказал я им. Симон счел мое замечание весьма забавным. Симон по натуре не был злодеем. Возможно, он проводил бессонные ночи в муках совести, перерезав кому-нибудь глотку.

– Так… – бросил он, поглаживая край своей грязной рюмки нейлоновым пальцем. – Даже американцы ждут, что усики Крысы покажутся здесь.

– В «Елене» собирается много народу, – согласился я. – Так что мысль разумная. Вы так не думаете?

Кто не любит, когда его мысль признают разумной? Они остались довольны. Возможно, я не очень походил на американского агента, но от шпиона, когда он хлещет фруктовый бренди и грызет колбасу, не ждут полного соответствия образу.

Мы все были благоразумны.

Опершись локтями о столик, Массимо веско вставил:

– Крыса умен. Задумал опять проскользнуть за Альпы. Вернется в Ниццу и Марсель. Соберет своих соратников.

Симон замер, не донеся до рта наколотый на острие ножа кровавый кусок колбасы.

– Ты вправду в это веришь?

– Конечно верю! Что говорил Наполеон? Для такого, как я, смерть миллионов ничего не значит. Загнать в угол Николя-Крысу невозможно. Он следует за звездой предназначения.

Женщина заглянула Массимо в глаза. Массимо был из ее информантов. Она не раз слышала от него ложь и привыкла к ней. Но она знала: ни один информант не лжет постоянно.

– Значит, сегодня он в Турине, – заключила она.

Массимо промолчал.

Она перевела взгляд на меня. Я молча погладил подбородок,

намекая на то, что я кое-что знаю.

– Послушайте, мистер шпион, – вежливо обратилась она ко мне. – Вы, американцы, народ простой и честный, искусный в прослушке телефонов… Вас ничуть не заденет, если Николя Саркози обнаружится плывущим лицом вниз по реке По. Чем дразнить меня, как Массимо, почему бы не сказать попросту: где Саркози? Я хочу знать.

Я отлично знал, где должен быть президент Николя Саркози. Ему полагалось сейчас находиться в Елисейском дворце и заниматься масштабными реформами.

Симон не выдержал.

– Вам же самим нужно, чтобы мы узнали, где Крыса, верно? – Он продемонстрировал мне набор зубов, окованных швейцарским золотом. – Так скажите! Избавьте международный суд от лишних хлопот.

Я не был знаком с Николя Саркози. Дважды встречался с ним, когда он занимал пост министра по коммуникациям, – тогда он доказал, что хорошо разбирается в Интернете. Однако как журналист я вполне мог угадать, где спрятался бы Николя Саркози, не будь он президентом в Елисейском дворце.

– Шерше ля фам, – сказал я.

Симон со Светланой задумчиво переглянулись. Они хорошо знали друг друга, обстоятельства были им известны, так что сговариваться вслух этой паре не пришлось. Симон подозвал официанта, Светлана бросила на стол блестящую монету. Они сложили нарды, отодвинули от стола кожаные стулья. И молча покинули кафе.

Массимо поднялся и пересел на место, оставленное Светланой, чтобы наблюдать за двойной дверью на улицу. Потом прикарманил забытую женщиной пачку турецких сигарет.

Я разглядывал оставленную на столе монету. Большая, круглая, отчеканена из чистого серебра, с тонким изображением Тадж-Махала. «Пятьдесят динаров» значилось на ней латиницей, хинди, арабским и кириллическим шрифтом.

– Достала меня здешняя выпивка, – пожаловался Массимо, нетвердой рукой нахлобучив пробку на бутылку бренди. И положил пикули на кусок черного хлеба с маслом.

– Он придет сюда?

– Кто?

– Николя Саркози. Николя-Крыса, как ты его назвал.

– А, он-то, – с набитым ртом отозвался Массимо. – Думаю, в этой версии Италии Саркози уже мертв. Видит Бог, его многие пытались убить. Арабы, китайцы, Африка… он перевернул южную Францию вверх дном! За его голову заплатят столько, что можно

будет купить «Оливетти» – вернее, то, что здесь осталось от «Оливетти».

Я сидел в летней куртке и дрожал.

– Почему здесь такая холодина?

– Перемена климата, – объяснил Массимо. – Не в этой Италии – в твоей. Вы в своей версии напортачили с климатом. Здесь, сразу после чернобыльской катастрофы, рванул большой французский реактор у границы с Германией… и все вцепились друг другу в глотки. Здесь НАТО и Евросоюз еще мертвее Варшавского договора.

Массимо сообщил это с гордостью. Я побарабанил пальцами по ледяной столешнице.

– Ты это не сразу выяснил, да?

– Крупные развилки всегда начинаются с восьмидесятых, – сказал Массимо. – Тогда случился большой прорыв.

– В смысле, в твоей Италии?

– Именно. До восьмидесятых физики параллельных миров не существовало… но после перехода мы научились встраивать генератор нулевой энергии в лэптопы. Свели задачу к механической системе микроэлектронного уровня.

– И получили мем-чипы на нулевой энергии? – догадался я.

Рот у него *был* занят хлебом с пикулями, так что он просто кивнул.

– У вас есть мем-чипы, а ты мне впаривал паршивый мемристор? Я что, по-твоему, такой чурбан?

– Ты не чурбан. – Массимо отрезал еще кусок тяжелого хлеба. – Просто ты не из той Италии. Ваш глупый мир и тебя сделал глупым, Люка. В моей Италии ты был одним из немногих, способных договориться с моим папашей. Папаша тебе доверял. Считал тебя великим писателем. Ты работал над его биографией…

– Массимо Монтальдо-старший, – сказал я.

Массимо опешил.

– Точно, он самый. – И прищурился. – Тебе не положено бы его знать.

Я догадался. Многие новости составляются из точных догадок.

– Расскажи, что ты об этом думаешь, – предложил я. Когда интервью заходит в тупик, такой вопрос часто выручает.

– Я в отчаянии, – ухмыльнулся он. – В отчаянии. Но здесь я не так отчаиваюсь, как в мире, где был избалованным, подсевшим на наркоту сыночком прославленного на весь мир ученого. Ты, пока не встретил меня – назвавшегося Массимо Монтальдо, – слышал что-нибудь про человека с таким именем?

– Нет, никогда.

– Вот именно. Ни в одной другой Италии меня нет. Никаких больше Массимо Монтальдо. Я ни разу не встречал второй версии себя – и второй версии своего отца тоже. Оно должно что-то значить. Что-то важное. Уверен, что это серьезно.

– Да, – сказал я ему, – это, конечно, серьезно.

– Мне кажется, – продолжил он, – будто я понял, что это значит. Это значит, пространство и время – не просто физика и расчеты. Человеческая личность действительно влияет на ход событий в мире. Люди и вправду могут изменить мир. И наши поступки не остаются без последствий.

– Когда заходишь «от человека», – согласился я, – всегда получается хорошая статья.

– Верно. Но попробуй, опубликуй эту историю… – Массимо чуть не плакал. – Давай, расскажи ее хоть кому-нибудь. Ну, попробуй. Вот здесь кому-нибудь расскажи. Не стесняйся!

Он оглядел зал «Елены». В нем сидели люди: местные жители, обычные, приличного вида – около дюжины человек. Ничем не примечательные – не оригиналы, не чудаки, без странностей – самые обыкновенные. Обыкновенные люди, довольные своим жребием и обыденной жизнью.

Было время, когда в «Елену» доставляли ежедневные газеты. Посетители могли взять их с длиной деревянной стойки.

В моем мире об этом обычае забыли. Стало слишком мало газет и слишком много Интернета. А в здешней «Елене» газеты все еще лежали на удобных деревянных стойках. Я встал и подошел их полистать. Здесь была стильная иностранная пресса: на хинди, на арабском и на сербохорватском. Итальянские издания пришлось поискать. Обнаружились две, обе напечатанные на гнусной серой бумаге со щепками.

Я отнес ту, что потолще, к столику. Просмотрел заголовки, прочел первую колонку, и сразу увидел, что читаю вранье.

Не то чтобы новости были так уж ужасны или лживы. Просто становилось ясно, что читателям газет такого рода информация ни к чему и авторы это знают. Италия была скромной колонией, и ее жителям скармливали сказки и фантастику. Серьезные новости отправлялись в другие места.

В этом мире существовало нечто живое и сильное под названием «Движение не-уравнивания». Оно протянулось от Балтики к Балканам и дальше, через весь арабский мир до Индии. К Японии и Китаю суперсила «Не-уравнивания» относилась с опасливым уважением. Америку рассматривали как скромную ферму: янки полагалось проводить время в церкви.

Остальные страны, которые когда-то много значили:

Франция, Германия, Бельгия – пришли в запустение и стали ничем. Имена их политиков и местные топонимы писались с ошибками.

У меня на пальцах осталась типографская краска. К Массимо у меня был теперь только один вопрос.

– Когда мы отсюда уйдем?

Он намазал маслом еще кусок хлеба.

– Знаешь, я и не думал искать лучший из возможных миров, – сказал он. – Я искал лучший для себя. В такой Италии, как эта, я кое-что значу. Твоя версия довольно отсталая – а здешний мир пережил ядерные удары. По Европе прокатилась гражданская война. И большинство городов Советского Союза теперь – гигантские лужи черного стекла.

Я достал из кармана свой молескин. Как хорошо смотрелся модный блокнотик рядом с серой газетной бумагой!

– Не возражаешь, если я запишу, что ты сказал?

– Я понимаю, как это для тебя звучит, – но пойми, то, что случилось, – история. Для истории не существует зла или блага. У здешнего мира есть будущее. Еда дешевая. Климат стабильный. Женщины роскошные… и места хватает, поскольку в живых на всей Земле осталось три миллиарда.

Массимо ткнул ножом для колбас в стеклянную дверь кафе.

– Здесь никто не спрашивает удостоверений личности, никому не нужен паспорт… Про электронные базы и слыхом не слыхали! Такой умник, как ты, мог бы с ходу основать сотню технических фирм.

– Если бы мне раньше не перерезали горло.

– А, люди всегда переоценивают свои мелкие проблемы. Настоящая проблема знаешь в чем? Никто не хочет напрягаться. Я изучил этот мир, потому что видел, что в нем я мог бы стать героем. Превзойти своего отца. Я был бы умнее его, богаче, знаменитее и влиятельнее. Я был бы лучшим! Но зачем мне такая обуза? «Улучшая» мир, я вовсе не стану счастливее. Это же проклятие, рабский труд.

– А что сделает тебя счастливым, Массимо?

Он явно уже думал над этим вопросом.

– Проснуться в номере хорошего отеля, в одной постели с шикарной незнакомкой. Вот тебе правда! И, если честно, это правда для каждого человека во всех мирах.

Массимо постучал по горлышку резной бутылки обушком ножа.

– Вот моя подружка Светлана это отлично понимает, но… есть еще кое-что. Я здесь пью. Признаю, люблю выпить – но тут пьют по-настоящему. Здешняя версия Италии в сфере влияния

всемогущей Югославии.

До тех пор я, учитывая обстоятельства, недурно держался. И вдруг кошмар навалился на меня всей тяжестью, цельный и нефильтрованный. По спине ползли не мурашки – ледяные скорпионы. Я ощутил сильный, иррациональный, животный порыв вскочить с удобного стула и со всех ног броситься прочь, спасаться.

Я мог бы выскочить из чудесного кафе на сумрачные улочки Турина. Турин я знал и понимал, что Массимо никогда меня в нем не разыщет. Скорее всего, и не станет искать.

И еще я понимал, что выбегу прямо в мир, бегло описанный в паршивой газетенке. В таком жутком мире мне отныне придется жить. Он не станет для меня странным – он ни для кого не станет странным. Потому что данный мир – реальность. Не чужой – обычный. Я сам здесь чужак. Я был здесь отчаянно странен, и это казалось нормальным.

Закончив цепочку мыслей, я потянулся за рюмкой. И выпил. Я бы не назвал бренди хорошим, но он имел сильный характер. Властный и беспощадный. Этот бренди был за гранью добра и зла.

Ноги в убитых ботинках болели и чесались. На них вздувались волдыри. Пожалуй, мне следовало бы радоваться, что они еще были при мне, а не остались клочьями в каком-нибудь темном промежутке между мирами.

Я поставил рюмку.

– Можно нам сейчас уйти? Это реально?

– Вполне. – Массимо поглубже уселся на уютном кожаном стуле. – Только давай сперва прочистим мозги кофе, а? В здешней «Елене» всегда подают арабский. Варят в больших медных горшках.

Я кивнул на серебряную монету.

– Она оплатит наш счет? Если да, тогда уходим.

Массимо уставился на монету, повертел орлом и решкой и сунул в карман брюк.

– Отлично. Перечислю варианты. Этот мир можно назвать «Югославской Италией», и он, как я уже сказал, открывает перед нами большие перспективы. Но есть и другие версии. – Он принялся загибать пальцы. – Есть Италия, где в восьмидесятые победило движение «Нет ядерному оружию». Помнишь такое? Горбачев с Рейганом наладили мирное сосуществование. Все разоружились и были счастливы. Никаких войн, повсюду экономический подъем… покой, справедливость и благосостояние на всей Земле. А потом рванул климат. Последние итальянцы сейчас живут в альпийском высокогорье.

Я выпучил глаза.

– Нет!

– А вот и да. Кстати, очень славные люди. Действительно дорожат друг другом, поддерживают соседей. Их почти не осталось. Очень милые, культурные. Удивительный народ. Ты не поверишь, какие это чудесные итальянцы.

– А нельзя ли прямо вернуться в мою версию Италии?

– Напрямик нельзя. Но есть версия, довольно близкая к твоей. После смерти Иоанна Павла Первого там очень быстро выбрали нового папу. Не того польского борца с коммунизмом, а папу-педофила. Разразился колоссальный скандал, церковь рухнула. В той версии Италии даже мусульмане отказались от религии. В церквях – бордели и дискотеки. Слова «вера» и «мораль» вышли из обихода.

Массимо вздохнул и почесал себе нос.

– Может, ты думаешь, что смерть религии многое изменила для людей? Да ничего подобного. Потому что им это кажется нормальным. Они не больше тоскуют по вере в Бога, чем вы – по вере в Маркса.

– Значит, мы сперва оправляемся в ту Италию, а оттуда – в мою Италию, так?

– В той Италии скучно! Девушки неинтересные! Они относятся к сексу деловито, как голландки. – Массимо горестно покачал головой. – Давай я теперь расскажу тебе о тех версиях Италии, где все действительно по-другому и интересно.

Я разглядывал частично съеденную колбаску. Кажется, пригоревший кусочек в ней был отрубленной лапкой какого-то мелкого зверька.

– Давай, Массимо, рассказывай.

– Сколько я ни путешествую из мира в мир, материализуюсь всегда на Пьяцца Витторио Венето, – начал он, – потому что площадь эта большая и обычно довольно пустая, а я никому не хочу повредить взрывом. К тому же я знаю Турин – знаю все здешние технические фирмы, так что могу заработать на жизнь. Но однажды мне попался Турин без электроники.

Я вытер липкий пот с ладоней грубой полотняной салфеткой.

– И как ты себя там чувствовал, Массимо?

– Невероятно! Там вообще нет электричества. Даже троллейбусных проводов нет. И полно народу, все хорошо одеты, яркие разноцветные огоньки, и в небе что-то летает… большие воздушные корабли вроде океанских лайнеров. Какая-то энергия у них есть – но не электрическая. Как-то они отказались от электричества. С восьмидесятых годов.

– Турин без электричества, – повторил я, чтобы доказать ему,

что слушаю.

– Ага, завораживает, правда? Каким образом Италия смогла заменить электричество другим источником энергии? Я думаю, они используют холодную реакцию! Ведь холодный термояд – это еще одна сенсация восьмидесятых, из тех, что меняют мир. Того Турина я не сумел изучить – не к чему было подключить лэптоп. А ты мог бы разузнать, как они этого добились! Ты ведь журналист, так? Тебе, кроме карандаша, ничего не нужно.

– Я не большой спец в физике, – сказал я.

– Господи, я все забываю, что говорю с человеком из безнадежного мира Джорджа Буша, – вздохнул он. – Слушай, дурачок: в физике нет ничего сложного. Физика проста и изящна, потому что структурирована. Я это понял в трехлетием возрасте.

– Я простой журналист, не ученый.

– Ну, о консилиенсе[12] ты хоть что-нибудь знаешь?

– Впервые слышу.

– Врешь! Даже в вашем глупом мире о ней знают. Гипотеза, предполагающая, что все человеческое знание едино в своей основе.

Блеск его глаз меня утомил.

– И что с того?

– Да то, что в этом разница между твоим и моим миром! В вашем мире был такой великий физик… доктор Итало Кальвино.

– Знаменитый литератор, – поправил я. – Он умер в восьмидесятых.

– В моей Италии Кальвино не умер, – сказал он, – потому что в моей Италии Итало Кальвино завершил свои «Шесть основных принципов».

– Кальвино создал «Шесть заметок», – сказал я. – «Шесть заметок для следующего тысячелетия», к тому же он успел написать только пять, а потом его поразил инсульт.

– В моем мире его не поразил инсульт. Наоборот, он сам поразил мир. Когда Кальвино закончил свой труд, эти шесть новелл стали не просто «тезисами»! Он прочел шесть публичных лекций в Принстоне. На последней, посвященной консилиенсу, зал был битком набит физиками. И математиками тоже. Мой отец находился среди них.

Я отгородился от него блокнотом.

«Шесть основных принципов, – поспешно накорябал я. – Кальвино, Принстон, консилиенс».

– Родители Кальвино были учеными, – настаивал Массимо. – И брат. В его литературную группу УЛИПО[13] входили одержимые математики. Когда он выступил с лекциями, достойными гения, никто не удивился.

– Что Кальвино – гений, я знаю, – сказал я. Хоть я и был тогда молод, но каждому, кто писал на итальянском, полагалось знать Кальвино. Я видел, как он ковыляет под портиками Турина – сутулясь, волоча ноги, с хитрым и задумчивым видом. Довольно было взглянуть на этого человека, чтобы понять, что его программа не похожа на программы других писателей.

– Когда Кальвино закончил курс лекций, – задумчиво протянул Массимо, – его перевели в Женеву, в ЦЕРН, и поставили заниматься Семантической сетью. Кстати сказать, она прекрасно работает. Не то что ваш гнусный Интернетик, полный спама и уголовщины. – Он вытер нож о замасленную салфетку. – Сейчас поясню. Семантическая сеть работает прекрасно – причем на итальянском. Потому что она была создана итальянцем. С небольшой помощью французских писателей из УЛИПО.

– Нельзя ли уже уйти отсюда? В ту Италию, которой ты так хвастаешь? А оттуда – прыгнуть в мою?

– Положение осложняется, – вдруг выдал Массимо и встал. – Присмотри за моими вещами, а?

И он отправился в туалет, оставив меня гадать, чем еще может осложниться наше положение.

Теперь я сидел в одиночестве, разглядывая закрытую бутылку бренди. Мозги у меня плавились. Странности этого дня пробили какой-то важный клапан в голове.

Я считал себя умным – потому что знал три языка и разбирался в технических материях. Я мог побеседовать с инженером, конструктором, программистом, предпринимателем и правительственным чиновником на серьезные, «взрослые» темы, которые все мы договорились считать важными. Ну да, конечно же, я был умен.

Но всю прежнюю жизнь я был куда глупее, чем в данный момент.

В экстремальной ситуации, в задыхающейся от сигаретного дыма «Елене», где скверно одетые горожане листали свои мрачные газеты, я узнал, что во мне таился подлинный гений. Я итальянец и, как всякий итальянец, склонен потрясать мир до основания. Мой гений никогда не проявлялся прежде, потому что гениальности от меня не требовалось. Я был глуп, потому что жил в глупом мире.

А теперь я вовсе не жил в мире. У меня не осталось своего мира, и вот мои мысли ракетами взмыли в космическую пустоту.

Идеи меняют мир. Мысли меняют мир – а ведь их можно записать. Я забыл, насколько важно писать, как влияет литература на историю, какие последствия способна вызвать книга. Странным, трагическим образом я совсем забыл, что такое

возможно.

Кальвино скончался от удара – я это знал. Какой-то сосудик лопнул в мозгу человека, упорно трудившегося над посланием, которое должно было преобразить новое тысячелетие. Конечно, великая потеря – но кто мог представить, насколько на самом деле она была велика! Труд гения – это черный лебедь, непредсказуемый, неожиданный. Если черный лебедь не появился, могла ли Земля ощутить его отсутствие?

Пропасть между Италией Массимо и моей казалась невидимой – но всеобъемлющей. Точь-в-точь как разница между тем, кем я стал сейчас, и человеком, которым я был один короткий час назад.

Черный лебедь непредсказуем, его не ожидают, он вне категорий. Когда черный лебедь слетает к нам, ударяя крыльями, подобно охваченному страстью Зевсу, историю приходится переписывать.

Может, человек, зарабатывающий на жизнь новостями, пишет историю новостей, то есть историю проектов?

Однако заголовки газет никогда не кричат, что история полна черных лебедей. Новости твердят нам, что история последовательна. Просто перемены, влияющие на нашу судьбу, проистекают из причин настолько огромных, что нам их не постичь, или столь мелких, что не разглядеть. Мы никогда не смиримся с беззаботной непоследовательностью черного лебедя. И потому наши новости никогда не рассказывают о том, что людям не постичь смысла новостей. Наши новости вечно внушают нам, что мы все понимаем.

Когда наша мудрость оказывается сокрушена невозможным, мы быстро связываем лопнувший мир узелком – и снова все становится понятным. Мы притворяемся, что ничего не потеряли, ни единой иллюзии. И уж чего мы точно никогда не теряем – это рассудка. Как бы удивительна ни была новость, мы остаемся благоразумными. И уверяем в этом друг друга.

Массимо вернулся к столу. Он был очень пьян, до прозелени.

– Тебе случалось когда-нибудь пользоваться турецким туалетом с дырой? – спросил он и зажал себе нос. – Лучше не ходи, поверь на слово.

– По-моему, нам пора в твою Италию, – напомнил я.

– Можно, – неохотно признал он. – Хотя у меня там будут проблемы… в сущности, из-за тебя.

– Что со мной не так?

– В моей Италии тоже есть Люка. Не похожий на тебя: там он великий писатель, очень солидный, состоятельный человек. Ты покажешься ему несмешной шуткой.

Я задумался. Если он добивается, чтобы я жестко приревновал к самому себе, номер не пройдет. Но все же я рассердился.

– А я смешной, Массимо?

Он больше не пил, но убийственный бренди еще играл у него в нутре.

– Да, ты смешной, Люка. Ты большой чудак. Особенно в этой версии Италии. И особенно теперь, когда до тебя наконец дошло. У тебя сейчас физиономия как у тонущей рыбы. – Он рыгнул в кулак. – Ты вообразил, что все понимаешь, только ничего ты не понял. Еще не понял. Слушай: чтобы попасть сюда – я создал здешний мир. Когда я нажимаю кнопку Е-три и поле переносит меня сюда… без меня, без наблюдателя, этой вселенной не существует.

Я оглядел то, что Массимо назвал «вселенной». Итальянское кафе. Мраморный столик передо мной – твердый камень. Все очень основательное, нормальное, реальное, приемлемое и предсказуемое.

– Конечно, – сказал я ему. – И мою вселенную тоже ты создал. Никакой ты не черный лебедь. Ты – господь бог.

– Черный лебедь – это ты про меня? – подмигнул он и покосился в зеркало. – Вам, журналистам, на все надо налепить ярлык.

– Ты всегда одеваешься в черное, – заметил я. – Это чтоб не было видно нашей грязи?

Массимо застегнул черную шерстяную куртку.

– Становится все хуже, – сказал он мне. – Когда я нажимаю F-два, пока поле не установится… я порождаю миллионы потенциальных миров… миллиарды. Каждый со своей душой, со своей этикой, мыслями, историями, судьбами… Он загорается на несколько наносекунд, пока чип прогоняет программу, – и гаснет. Как не бывало.

– Вот как ты передвигаешься? От мира к миру?

– Именно, друг мой. Этот гадкий утенок умеет летать.

Подошел, чтобы прибрать наш столик, официант.

– Хотите рисового пудинга? – предложил он.

Массимо добродушно отказался:

– Нет, спасибо.

– На этой неделе мы получили очень хороший шоколад. Прямо из Южной Америки.

– Боже, лучший сорт шоколада. – Массимо запустил палец в карман брюк. – Пожалуй, я бы взял шоколада. Сколько дадите вот за это?

Официант присмотрелся.

– Это женское обручальное кольцо.

– Верно.

– Только бриллиант наверняка не настоящий. Слишком велик для настоящего.

– Вы идиот, – сказал Массимо, – но мне плевать. Я большой сластена. Принесите нам целый шоколадный торт.

Официант пожал плечами и отошел.

– Так вот, – возвратился к теме Массимо. – Я не называю себя «богом», потому что меня куда точнее можно было бы описать как несколько миллиардов или триллионов богов. Однако нулевое поле перехода, как ты видел, в конечном счете всегда устанавливается, и тогда я оказываюсь здесь. Стою перед тем же кафе, в туче пыли, и ноги горят. И при мне ничего, кроме имени, мозгов и того, что найдется в кармане. Каждый раз так.

Дверь «Елены» распахнулась, резко звякнули индийские колокольчики. В зал ввалились пятеро. Я принял бы их за полицейских – куртки, портупеи, шляпы, дубинки и пистолеты, – только туринские полицейские не пьют на службе. И не носят алых нарукавных повязок со значком скрещенных молний.

Пока новые посетители проталкивались к помятой стойке, кафе молчало. Гости, выкрикивая угрозы, принялись трясти обслугу.

Массимо поднял воротник и безмятежно разглядывал свои узловатые пальцы. Он старательно не лез в чужое дело. Сидел в своем углу – молчаливый, черный, неприметный. Как будто молился.

Я не оглядывался на буйную компанию. Зрелище было не из приятных и понятное без объяснений даже новичку.

Открылась дверь мужского туалета. Из нее вышел невысокий человек в строгом плаще и щеголеватой шляпе а-ля Ален Делон. В зубах он сжимал потухшую сигару.

Он был на удивление красив. Люди всегда недооценивали привлекательность и мужское обаяние Николя Саркози. Он мог казаться странноватым, когда позировал полуголым на пляже для желтых газетенок, но при личном общении его харизма захватывала кого угодно. С этим человеком любому миру пришлось бы считаться.

Саркози мгновенно оглядел кафе. Потом молча, решительно двинулся боком вдоль темной стены. Согнул локоть. Раздался гром. Массимо упал лицом на мраморную столешницу.

Саркози с легкой досадой осмотрел дымящуюся дыру в своем кармане и перевел взгляд на меня.

– Вы – тот журналист, – сказал он.

– У вас хорошая память на лица, мсье Саркози.

– Верно, поганец, хорошая. – По-итальянски он говорил скверно, но лучше, чем я – по-французски. – Все еще готов защищать свой дохлый источник?

Он мстительно пнул стул, на котором сидел Массимо, и мертвец вместе со столиком грохнулся на жесткий пол кафе.

– Вот тебе роскошный сюжет, – продолжал Саркози. – Дарю. Можешь гаснуть в своем лживом красном журнальчике.

Он рявкнул приказ громилам. Те, побледнев от почтительности, услужливо обступили его.

– Можно выйти, крошка, – проворковал Саркози, и она появилась из мужского туалета. На ней была кокетливая шляпка из гангстерского боевика и приталенная камуфляжная курточка. Она волокла большой черный футляр для гитары. И еще при ней был примитивный радиотелефон, громоздкий, словно кирпич.

Как он уговорил такую женщину полчаса провести в вонючем туалете, я никогда не пойму. Но это была она. Определенно она, и держалась она скромно и серьезно, как на приеме у английской королевы.

Вся вооруженная компания покинула кафе.

Удар грома, разразившийся в зале «Елены», натворил дел. Я спас кожаный саквояж Массимо от подползающей лужи крови.

Прочие посетители пребывали в недоумении. Они пребывали в глубоком недоумении, переходящем в столбняк. Очевидно, не могли выбрать наиболее конструктивный образ действий.

Поэтому они один за другим поднимались и покидали бар. Покидали уютное старое кафе молча и без спешки, не встречаясь друг с другом глазами. Выходили за звенящую дверь на самую большую площадь Европы. И исчезали, спеша каждый в свой собственный мир.

Я прогулялся по Пьяцца под славным весенним небом. Та весенняя ночь была холодной, зато бесконечное темное небо – таким прозрачным и ясным…

Экран лэптопа ярко осветился, когда я нажал F1. А следом F2 и F3.

ПОЛ МАКОУЛИ
ЗЛОДЕЙСТВА И СЛАВА

Пол Макоули родился в 1955 году в Оксфорде, в настоящее время живет в Лондоне. Биолог по профессии, Макоули опубликовал свое первое произведение в 1984 году, и с тех пор его работы часто появлялись в «Interzone», «Asimov's Science Fiction», «Sei Fiction», «Amazing», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Skylife», «The Third Alternative», «When the Music's Over» и других изданиях.

Сегодня Макоули стоит в авангарде нескольких важных направлений фантастики. Он пишет радикальную твердую НФ, так называемую новую космооперу и мрачные философские вещи об обществе ближайшего будущего. Отметился он также в фэнтези и хорроре. Первый роман Макоули «Четыреста миллиардов звезд» («Four Hundred Billion Stars») был удостоен премии Филипа Дика, а книга «Волшебная страна» («Fairyland») в 1996 году – премии Артура Кларка и премии Джона Кэмпбелла. Среди других произведений автора можно выделить романы «Обвал» («Of the Fall»), «Вечный свет» («Eternal Light»), «Ангел Паскуале. Страсти по да Винчи» («Pasquale's Angel») и «Слияние» («Confluence») – масштабную трилогию, разворачивающуюся через десять миллионов лет после нашего времени, она включает книги «Дитя реки» («Child of the River»), «Корабль древних» («Ancients of Days») и «Звездный оракул» («Shine of Stars»), Перу Макоули также принадлежат романы «Жизнь на Марсе» («Life on Mars»), «Тайна жизни» («The Secret of Life»), «Паутина» («Whole Wide World»), «Белые дьяволы» («White Demis»), «Глазразума» («Mind's Eye»), «Игроки» («Players»), «Ковбои-ангелы» («Cowboy Angels»), «Тихая война» («The Quiet War») и «Сады Солнца» («Gardens of the Sun»), Рассказы писателя представлены в сборниках «„Король горы" и другие рассказы» («The King of the Hill and Other Stories»), «Невидимая страна» («The Invisible Country») и «Маленькие машины» («Little Machines»). Совместно с Кимом Ньюманом он издает антологию «В мечтах» («In Dreams»).

В представленном ниже рассказе автор переносит нас на колонизированную планету, чтобы расследовать загадочное убийство, которое может повлиять на судьбу всей человеческой расы.

«Ну и где они?»

– Они? Кто «они», Нилс? – отвечаю я, гадая, не свихнулся ли он наконец. – Здесь никого, кроме нас, цыпляток. А мы здесь

давно. Уже наступаем тебе на пятки.

«Это же известный вопрос, Эмма. Даже зная, как хромает твое образование, я все же удивлен и даже несколько поражен, что ты его не узнала».

В начале долгой погони Нилс Саркка хранил величественное молчание – неделями и месяцами. Он не отвечал на мои вызовы, и я скоро перестала звонить. Потом была точка поворота, мы сделали сальто, дачи задний ход, начали тормозить, сползая по становящемуся все круче уклону в теплый желтый гравитационный колодец звезды, – и вот теперь он вышел на связь. Желает знать, почему мы так задержались с вылетом. Я ему сказала, что такой умник мог бы сам разобраться.

Однако он не разобрался и с тех пор покусывает меня. Наши корабли сближаются, мы оба приближаемся к пункту назначения, и звонки становятся все чаще. Нилс, как большинство одиноких людей, выработал эксцентричные привычки. Он может выйти на связь в любое время дня и ночи, так что я всюду ношу с собой кьюфон – большую тяжелую штуковину размером с чемодан, из первых моделей. Этот вызов, второй за три дня, выдернул меня из еженедельной ванны, а ванна на нашем корабле – не шутка. Дело не просто в том, что нужно отскрести недельный слой грязи, – тут еще спасаешься от 1,6 *g*. Погружаешься в бурлящую воду, даешь отдых натруженным суставам, отекшим ногам, ноющей спине. Забываешь ненадолго, как далеко мы все ушли от известного нам, о вероятности того, что возврата не будет. Так что, роняя с себя капли на холодный как лед пол, сжимая кьюфон одной рукой, а другой пытаясь обмотаться полотенцем, пока остальные женщины плещутся и восторженно вопят в большом бамбуковом тазу, я испытываю раздражение и с трудом скрываю злость. Отвечаю:

– Образования у меня хватило, чтобы тебя поймать.

К счастью, Нилс Саркка предпочитает не заметить сарказма. Он в настроении менторствовать, держится, как будто опять стоит перед телекамерой, обращаясь с торжественной лекцией к восторженной аудитории.

«„Ну и где они?“ – повторяет он. – Всем известно, что этот знаменитый вопрос Энрико Ферми задал, когда обсуждал с другими физиками летающие тарелки и вероятность путешествий со сверхсветовой скоростью. „Ну и где они в таком случае?“ – воскликнул он. Учитывая величину и возраст Галактики, учитывая вероятность, что жизнь возникала в ней более одного раза. Землю должны были уже не раз посетить. Если бы пришельцы существовали, они бы уже посетили нас. А раз не посетили, доказывал Ферми, значит их нет. Многие ученые и философы атаковали его парадокс, предлагая хитроумные

решения, и столь же изобретательно пытались объяснить отсутствие инопланетян. А нам выпала честь узнать точный ответ. Нам известно, что они были здесь с самого начала. Известно, что джакару столетиями наблюдали за нами и решили открыться в час величайшей нашей беды. Но их появление вызвало много новых вопросов. Откуда они взялись? Почему, следя за нами, никогда прежде не вмешивались? Почему просуществовали дольше любого известного нам разумного вида? Что это – изоляция или что-то иное? Подобны ли мы им или другим, так называемым Старшим Культурам, которые обречены на вымирание или превращение в нечто непостижимое на нашем нынешнем уровне? Либо же нас обрекла наша связь с джакару, которые – да, освободили нас из земной клетки, но лишь для того, чтобы пересадить в клетку попросторнее, чтобы изучать нас или забавляться нами, пока не надоест? И так далее, и так далее. Джакару дали ответ на вопрос Ферми, Эмма, но ответ породил множество новых загадок. Некоторые мы скоро разгадаем. Тебя это не беспокоит, да? А должно бы. Вот я – взволнован. Взволнован, потрясен и немного испуган. Будь у тебя и твоих друзей-фермеров хоть малая толика воображения, вы бы тоже переживали, трепетали и страшились. Ведь мы несемся к началу новой главы в человеческой истории!»

Нилс Саркка, как любой преступник, понявший, что его игра окончена, пытается оправдать поступки, которым нет оправдания. Строит из слов лестницу, в надежде выбраться по ней из тупика, в который себя загнал. Я, конечно, не мешаю ему болтать. Пусть он говорит побольше – он проговаривается так часто, что это даже не смешно. Нилс Саркка виновен в смерти трех человек и в краже кода, который мог бы – да, только в этом мы с ним и сходимся во взглядах – радикально изменить наше понимание своего места во Вселенной и отношений с джакару. И потому я, конечно, не мешаю ему говорить, хотя мерзну, стоя в одном полотенце: позвонки стучат, кровь приливает к усталым отекшим ногам, и меня сильнее обычного раздражают его долгие отступления, и высокопарность, и снисходительные экскурсы в историю поисков внеземной жизни. Поэтому, когда он наконец заявляет, что ему безразлично мнение людей, что главное для него – суд истории, я не могу сдержаться.

– Я тебе скажу, какой суд тебя ждет, Нилс. Суд пэров в Первой палате центра правосудия в Порт-о-Пленти.

Он вешает трубку. Несомненно, он обижен и разгневан. Надутый дурак. Меня точит беспокойство, я гадаю, не зашла ли слишком далеко, но это скоро проходит. Я знаю: он перезвонит. Потому что хочет убедить меня, будто все, что он натворил,

окажется оправданно тем, что он надеется открыть. И потому еще, что у него только один кьюфон, а пара к нему – у меня. Потому что здесь, в глубокой пустой тьме межзвездного пространства, ему больше не с кем поговорить.

Для меня все это началось со звонка от одного из наших источников в полиции Порт-о-Пленти. Мне сообщили, что два разыскиваемых мною программера, Эверетт Хью и Джейсон Синглтон, обнаружены в мотеле.

Был девятый час вечера. Я, как обычно, набрасывала памятки по работе на день, вполглаза смотря новости по телевизору. Отыскав пульт и выключив звук, я спросила:

– Под наблюдением?

– Похоже, мертвы. Номер, который они сняли, выгорел, и в нем два хрустящих уголька. Не хочется вас огорчать, но это факт. А информация есть информация, верно, даже если она нерадостная?

Я не стала терять времени, заверяя информатора, что положенную оплату он получит.

– Кто ведет дело?

– Закариас. Август Закариас. Он хороший полицейский, закрывает дел больше обычного. И к тому же из городской аристократии.

– Где мне его найти?

– Он еще на месте происшествия. Я слышал, там большая суета.

Мотель стоял на границе города, неподалеку от съезда к орбитальной трассе и от дороги, которая вела по заросшему колючками склону к промышленному кварталу. Фонари вдоль нее не горели, длинные производственные цеха жались к темной земле. И в конторе мотеля, и в номерах тоже было темно. Трансформатор силовой линии на опоре трещал и искрил. Я поставила машину за стайкой полицейских «Краузеров» и спутниковым фургоном местного канала новостей. Значком проложила путь за цепь копов, сдерживавших небольшую толпу напротив места происшествия, – за натянутую между двумя козлами ленту. Ко мне пытались прицепиться телерепортер с операторшей, но я от них отмахнулась. Я была взволнована и недовольна: три месяца скрупулезной следственной работы завершились неожиданным и неприятным образом, и я понятия не имела, как пойдут дела дальше.

Теплый воздух пропах углем и дымом с острой ноткой свежеразрезанного металла. Фары двух пожарных машин выхватывали из темноты L-образный ряд номеров, с двух сторон

ограждавший парковку; мигалки бросали оранжевые блики на мокрый асфальт и крыши машин, Пожарные в тяжелой амуниции и желтых шлемах уже сворачивали шланги. На кабине одного пикапа устроился цыпленок, еще несколько топтались и поклевывали землю между столиками для пикника, расставленными на газончике у запущенного бассейна. Номер в коротком отрезке ряда был освещен переносными прожекторами: сильные лучи выхватывали из темноты почерневшие стены, струйку дыма, тянущуюся из дверного проема, и разбитые, закопченные стекла окон. Машина Джеймса Синглтона, древний «Фольксваген Фарадей», стояла перед пожарищем. Ветровое стекло тоже было разбито, с крыши слезла краска, а пластиковый щиток наполовину расплавился.

Полицейский из отдела убийств, Август Закариас, оказался высоким мужчиной лет пятидесяти или шестидесяти, с матовой темной кожей, с коротко подстриженными, запыленными на висках сединой черными волосами, в коричневом костюме со штанами в клетку, в начищенных до блеска коричневых «оксфордах» и в белой рубашке с желтым, как масло, шелковым галстуком. На шее у него болталась микропоровая маска. Подходя ко мне, он стянул выпачканные сажей виниловые перчатки и сказал, что, насколько он понимает, я у него это дело заберу. На указательном пальце правой руки у него было кольцо с печаткой: такие кольца с опаловой вставкой носили мужчины из «пятисот счастливых».

– С моей точки зрения, это вы вмешиваетесь в мое дело, – сказала я.

– Вы англичанка.

– Да, все обращают внимание.

– Вы до переезда сюда работали в полиции?

– Десять лет в столице.

– Лондонская полиция? Скотленд-Ярд?

– Новый Скотленд-Ярд.

– А потом перебрались сюда и поступили в полицию гиков.

– В полицию ООН, детектив Закариас, и сейчас работаю в отделе контроля за технологиями. Теперь, когда мы познакомились, не расскажете ли, что произошло?

Августа Закариаса отличала дружелюбная улыбка и непробиваемое самообладание человека, абсолютно уверенного в своей власти, но я по горькому опыту знала, что он обо мне думает: считает назойливой наглой чиновницей с дырой на месте чувства юмора и экраном, заменяющим душу, которая намерена отнять у него отличное двойное убийство и причинить уйму других неприятностей. А я не могла отделаться от мысли о том,

сколько он заплатил за свой костюм от частного портного, за туфли ручной работы, за дорогой одеколон, и гадала, настоящий золотой «Ролекс» у него на руке или дешевая подделка, и вправду ли: н – простой работяга, который только и мечтает спихнуть дело и перейти к следующему, или же у него есть какие-то свои тайные соображения. Кроме Лычного соперничества между нашими службами, существовал тот простой факт, что полицию Порт-о-Пленти насквозь пронизала коррупция. Большинство патрульных брали отступное и взятки, а многие следователи и старшие офицеры были на прикорме у политиков, гангстеров или бизнесменов.

– Лично я из Лагоса, – сказал он. – Служил там в армии. А теперь – в отделе убийств. Вот оно-то, убийство, здесь и случилось. В номере погибли два человека, инспектор Дэвис, и кто-то должен за это ответить.

– Тела опознали?

– Вас интересует, те ли это молодые люди, которых вы ищете? Боюсь, что пока не могу подтвердить. Они сильно обгорели.

– Это машина Джейсона Синглтона. – сказала я.

– Зарегистрирована, безусловно, на него. И, по описаниям нескольких проживающих, убитый походил на мистера Синглтона. Высокий, светловолосый, немного старше двадцати, возможно, англичанин. Его друг был плотного сложения, с длинными черными волосами. Имел татуировки и американский акцент. Тоже лет двадцати с небольшим. Похож на второго вашего программиста, Эверетта Хью? Хотя зарегистрировались они как мистер Гейтс и мистер Джобс.

– Шуточки гиков.

– Не уверен, что они хотели пошутить. Вы обоих объявили в розыск. Осмелюсь спросить: за что?

– Я подозреваю, что они похитили у нанимателя код Старшей Культуры.

– Это, должно быть, у Мейера Лэнски…

– Вы быстро схватываете, детектив Закариас.

– Приходится, инспектор. За прошлый год в городе было совершено двести сорок одно явное убийство, не говоря о значительном количестве сомнительных смертей, несчастных случаев и похищений. Тридцать три процента дел мы закрыли. Муниципалитет и комиссариат полиции требуют повысить уровень раскрываемости. У нас в списке разыскиваемых уже девяносто восемь имен, а еще только апрель. Если я не закрою дело за пару дней, ему на смену придет новое. Итак, мальчики что-то украли у вашего нанимателя и спрятались здесь на время,

пока не найдется покупатель, так?

– Будем друг с другом откровенны, детектив.

– Я тоже рассчитываю на откровенность.

– Честно говоря, я не хотела бы, чтобы вы трогали Мейера Лэнски. Он для нас важен.

– Причин услышать не надеюсь.

– Боюсь, что не услышите. Машину уже обыскали?

– И ничего не нашли. Ждем эвакуатор. В полицейском гараже, в стерильных условиях, ее осмотрят эксперты. Если вы себе не заберете.

– У нас нет нужного оборудования. Но кто-нибудь из наших людей будет присутствовать при осмотре и консультировать ваших техников. В комнате нашли компьютер или телефон?

– Пока нет. Такие штуки сплавляются в комок.

– А что-нибудь похожее на широкий термос?

– Вы можете сами осмотреть место происшествия, инспектор. Разрешу даже пощупать трупы, пока медэкспертиза их не увезла.

Я пропустила дерзость мимо ушей.

– Пусть полицейские держат оцепление до прибытия моих людей. До тех пор ни к чему не прикасаться. Тела оставить на месте. Вас прошу сдать мне все свидетельские показания. И пожалуйста, ни слова телевизионщикам и прочим.

– Тела проварились насквозь. И все электроприборы поблизости зажарило. Что они украли – какое-нибудь энергетическое оружие Старшей Культуры?

– У Эверетта Хью был мотоцикл. «Хонда» на сто двадцать пять кубов. Я его не вижу.

– Значит, его здесь нет, – сказал Август Заккариас и улыбнулся, наслаждаясь маленькой перепалкой. Смешно ему было. – Возможно, его взял убийца Или молодые люди пытались сбыть краденое, что-то пошло не так, и они, убив несостоявшихся покупателей, скрылись. Или же перед нами результаты спонтанного возгорания, а мотоцикл мистера Хью в суматохе увел кто-то из жильцов.

– Все возможно.

– Вы не любите гипотез. Или знаете больше меня.

– Я слишком мало знаю, чтобы строить гипотезы.

Этот ответ Августу понравился.

– Вы давно наблюдаете за Мейером Лэнски?

– Довольно давно.

– А теперь крыша провалилась…

– Нам редко когда удается выбрать поле боя по своему вкусу, детектив. Если мы здесь закончили, мне еще нужно сделать несколько звонков. А вы помогите держать оцепление, пока не

прибудут наши.

– Мое начальство только обрадуется возможности спихнуть на вас ответственность за эти смерти. Для нас двумя делами меньше – микроскопические улучшение статистики. Меня цифры не слишком интересуют. И краденые игрушки пришельцев – тоже. Для меня важно, чтобы мертвым было дано право голоса. Чтобы кто-то выступал за них, позаботился, чтобы о них не забыли, чтобы виновного в их смерти призвали к ответу.

Говоря это, Август Закариас смотрел прямо на меня, и я видела – он говорит то, что думает. Может, он и был у кого-то в кармане, а может, и нет, но к работе относился серьезно.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ответила я. – Если мне следует знать что-то еще, самое время сказать.

– Я могу сказать, что это хорошее место, чтоб спрятаться. Здесь, когда город был совсем молод, останавливались важные особы. Шоссе тогда еще не построили, да и, если на то пошло, мало что здесь было. Роскошный открывался вид через заросли на бухту. Теперь половину номеров снимают на час, сами знаете кто. Остальные места в основном заняты почти постоянными жильцами, которым ничто другое не по карману. Вот, например, старая китаянка: держит кур и за небольшую плату снимает и наводит порчу. Спивающийся насмерть украинский поэт. Шайка индонезийцев, поденных рабочих на стройках. Эти ловят в буше гигантских ящериц и жарят на костре в пустом бассейне. В прошлом году двое подрались на парангах. Один потерял руку и истек кровью раньше, чем друзья доставили его в больницу. Я вел дело. Победитель отделался двумя годами – непредумышленное.

– Вы здесь свой человек…

Август Закариас улыбнулся и широко повел рукой.

– Добро пожаловать в мой мир, мисс Дэвис.

– К счастью, я здесь ненадолго.

– Так же думали Эверетт Хью и Джейсон Синглтон. И смотрите, что с ними сталось!

Я позвонила Варнику Сера и велела как можно скорее прислать людей. Потом связалась с боссом, Марком Годином, и рассказала, что случилось. Марк не обрадовался звонку среди ночи, равно как и не обрадовался шуму, который должно было вызвать двойное убийство, но, когда разговор дошел до дальнейших действий, оказалось, что он уже все продумал.

– Скрыть эту историю не удастся, местные телевизионщики обо всем прознали. И корейцы если еще не вмешались, то скоро подтянутся. Пак Ян Мин скажет несколько неласковых слов своему Лэнски.

– Хорошо, если обойдется словами, сэр.

– Как бы то ни было, Лэнски постарается, если еще этого не сделал, подчистить улики. Я получу приказ на прекращение деятельности в его конторе, и от судьи Провензано добьемся подтверждения. После этого тебе надо будет заглянуть к мистеру Лэнски и пригласить его к нам на беседу.

– Я уже подготовила бумаги, – сказала я и объяснила, где их искать.

– Ты, как всегда, предусмотрительна, Эмма.

– Должно быть, интуиция сработала.

– Встречаемся у меня в кабинете в… сколько времени у тебя займет все это?

– Я только дождусь, пока подъедет Варник, – сказала я.

– Жаль мальчишек, – продолжал Марк, – но, может быть, у нас теперь найдется кое-что против господ Лэнски и Пака.

– Да, во всем надо видеть светлую сторону, – сказала я.

Позвольте мне немножко поговорить об умерших. Отдать им должное, как сказал бы Август Закариас.

Как все, кто выиграл в эмиграционной лотерее и не продал затем свой выигрыш крупной корпорации или агентству, не отдал его родственнику, который того больше заслуживал или желал, и не был ограблен соседом, супругом, отпрыском или случайным незнакомцем (по статистике ООН, больше четырех процентов победителей эмиграционной лотереи исчезают или становятся жертвами убийства), и не отложил его на неопределенное «потом», с тем чтобы до времени остаться на руинах Земли (ведь после краха экономики, после войн и радикальных перемен климата, после всех безумств и даже после того, как джакару предоставили нам доступ к сети червоточин, связывающих пятнадцать красных карликов, в обмен на внешние планеты Солнечной системы, все еще можно было жить более или менее обычной жизнью с ее маленькими радостями и трагедиями, с любовью или без любви, вступая в брак, рожая детей, хороня родителей, переживая из-за карьеры, или из-за потери места, или из-за опухоли в груди, или из-за крови в унитазе) – словом, как все, кто выиграл в эмиграционной лотерее и поверил, что выигрыш – это шанс выбраться из рутины или беды и начать жизнь сначала (опять же статистика ООН: тридцать шесть процентов женатых разводятся в течение двух месяцев после выигрыша), Джейсон Синглтон и Эверетт Хью надеялись изменить жизнь к лучшему. Им было мало той старой жизни, которой жили почти все. Люди думают, что, переместившись на другую планету, на самый дальний край света, они радикально изменят и жизнь, – но только они забывают, что берут свою жизнь с собой. Счетоводы летят на корабле, мечтая о приключениях, а находят себе

очередную бухгалтерскую работу; полицейский становится полицейским либо телохранителем при крупном бизнесмене или богатом гангстере; фермер возделывает клочок земли на побережье к западу от Порт-о-Пленти или на одном из тысяч мирков, вращающихся вокруг других звезд системы, и так далее, и тому подобное. Но Эверетт Хью и Джейсон Синглтон были совсем молоды и считали, что перед ними открыты все пути. Они мечтали разбогатеть. Мечтали прославиться. Почему бы и нет? Удача уже коснулась их своим крылом, когда они выиграли билеты в новую, лучшую жизнь среди звезд. После такого кажется, что нет ничего невозможного.

Парни познакомились на челноке, который унес их за низкую земную орбиту к устью червоточины, заякоренной на точке Лагранжа между Землей и Луной, а затем нырнул туда, в мгновенье ока преодолев пять тысяч световых лет, и вынырнул в точке Лагранжа между большим, как Марс, спутником зеленовато-голубого метанового гиганта и неприметным красным карликом класса МО, а потом свернул к Первой Ступени и приземлился на космодроме рядом с городом Порт-о-Пленти.

Я проделала тот же путь двадцатью двумя годами раньше, когда, через две недели после первого развода, выиграла в эмиграционной лотерее. В то время это показалось мне знаком судьбы: собирай все, что осталось от твоей жизни, отправляйся в новый мир, начни сначала. Когда я добралась до Первой, Порт-о-Пленти был захолустным поселком среди чужих руин. Я три года трудилась в городской полиции, потом завербовалась в агентство безопасности ООН и, работая на космодроме, познакомилась со вторым мужем, мы поженились, и все очень скоро стало плохо – но это уже другая история, да к тому же человека уже нет в живых.

А Порт-о-Пленти тем временем рос вокруг меня, вытягивался к берегу бухты Дискавери, поднимался на голые холмы, подбирался к окраинам Большой центральной пустыни. Сегодня Порт-о-Пленти – мегаполис, местный Лос-Анджелес или Мехико. На Первой Ступени выросло целое поколение, все эти люди завели детей, а челноки по-прежнему прибывают, нагруженные выигравшими, а также теми, кому хватило денег перекупить выигрыш, и теми, кому билет оплатила корпорация, или городские власти, или ООН, или еще какие-нибудь спонсоры. Наше первоначальное поселение – уродливые фавелы и трущобы, строившиеся без всякого плана, – выросло в чистый современный город. В центре – просторные офисные кварталы, где работают корпорации и частные финансовые компании. Набережная, арки, рестораны и торговые центры. Пригороды. О да, мы устроились

как дома. Но это не дом. Это чужой мир со своей долгой историей. И поселенцы, высыпая из червоточин, открывают древние корабли в Саргассах и обживают их, заселяют луны и мирки-рифы, оставшиеся после бесчисленных разумных рас, Старших Культур, вымерших или перебравшихся в другие места, оставив за собой руины и разнообразные изделия, порой действующие.

Вот тут пора сказать про отдел по контролю за технологиями при ООН – он же «полиция гиков». Часть технологий Старших Культур, к примеру действующие при комнатной температуре сверхпроводники и парные виртуальные частицы, позволившие создать кьюфоны, гиперкомпьютеры и еще много чего, – полезны. Часть – герзеры и прочее лучевое оружие – полезны, но опасны. А кое-что просто опасно. Попадаются вещи, которые позволили бы одиночке захватить целый мир и потребовать выкупа. А еще такие, которые могут изменить род человеческий, так что мы либо вымрем, либо перестанем быть людьми. Вот почему ООН создала юридический аппарат, покончивший с нелегальной торговлей артефактами Старших Культур, и требует, чтобы новые технологии разрабатывались лицензированными компаниями, проходили строгое тестирование и все такое.

Отдел технологий – острый конец этого юридического аппарата. Я, как раньше, так и теперь, несмотря ни на что, считаю нашу работу важной. Кто-то в любой момент может наткнуться на артефакт, который изменит нашу жизнь, наше представление о себе, наши мысли. Вот что, по большому счету, пытается сохранить ООН. Наше право оставаться людьми. Джакару вручили нам великий дар. Шанс начать сначала после страшной войны и двух веков неконтролируемой индустриализации и роста населения, едва не уничтоживших родную планету людей. Наше дело – распорядиться этим даром наилучшим образом, позаботиться, чтобы мы по жадности и по глупости не погубили себя, столкнувшись с техникой настолько продвинутой, что ее, как говорили в старину, невозможно отличить от магии.

К счастью, всякому, кто пожелает нажиться на функционирующей и потенциально полезной крупице технологии Старших, приходится лететь на Первую, в Порт-о-Пленти. Там расположена научная и производственная база, позволяющая преобразовывать артефакты Старшей Культуры в пригодные для применения вещи, она же регулирует торговлю пятнадцати систем с Землей – а Земля все еще остается самым большим и выгодным рынком, единственным местом, где действительно можно нажить состояние. Тем не менее попадаются и такие, кто желает применять артефакты и технологии Старших, не думая о

последствиях. Гениальные ученые или типы вроде Нилса Саркки, из легиона в шапочках из фольги. Чокнутые теоретики, авторы «сенсационных» обращений в газеты, маньяки. И еще такие, как Мейер Лэнски, – самые обыкновенные преступники.

На первый взгляд, кодовая ферма Мейера Лэнски представлялась нормальным бизнесом: одной из дюжины небольших компаний, разбирающих нарытое старателями на кораблях, брошенных прежними обитателями системы червоточин, гайярами. Это была кочевая цивилизация, и они, как и другие Старшие Культуры, вымерли или пропали, не оставив после себя следа, кроме этих кораблей. Большая их часть болтается на орбитальной свалке Саргассов: или пустые корпуса, или застывшие в глубокой спячке. Несколько разбитых валяются на планетах и лунах, на мирках Пятнадцати Звезд. Кое-кто из археологов полагает, что обломки кораблей – это следы междоусобной войны гайяров: другие считают, что они выбросились на берег, как бывает с китами и дельфинами на Земле – при катастрофе, в панике или от самоубийственной скуки заплыли на мелководье и попали в приливное течение. Так или иначе, все эти корабли – живые, мертвые или разбитые вдребезги – в той или иной степени заражены кодами. Их квантовые компьютеры и софты были встроены в спины[14] фундаментальных частиц в составе молекулярных матриц корабельных корпусов. Они сырые, фрагментированные, полные ошибок и некротизированных участков, накопившихся за тысячелетия под космическим излучением.

Программеры на таких фермах, как у Мейера, анализируют и каталогизируют этот мусор, сшивают ценные фрагменты и целыми днями пытаются запустить их на виртуальных частицах гиперкомпьютерного облака фермы. Лицензированные программы скупаются разработчиками, которые используют их для прошивки кораблей, извлеченных из огромных Саргассов, и для манипуляции экзотической материей, и для прорывов в квантовой технологии и тому подобного. Находят они применение и в теории – четыре так называемые сложные математические задачи удалось решить при помощи кодов с ферм.

Компания Мейера Лэнски была лицензированной и вполне законной, покуда он, проигравшись, не влез в долги и не продал контрольный пакет отмывочной конторе корейских гангстеров. С тех пор законные разработки стали служить крышей для черного рынка кодов, слишком горячих и опасных для получения лицензии на разработку, и еще для продажи вирусных фрагментов «коданутым», желающим отправиться в странные

области своего сознания. Эта торговля причиняла не меньше бед, чем кокаиновый бизнес.

Эверетт Хью и Джейсон Синглтон работали на Мейера Лэнски, а потом вдруг пропали из вида. Через десять дней выгорел номер отеля. Мы занимались фермой три месяца, терпеливо собирали досье на каждого сотрудника, а это чудовищное двойное убийство выставило наше тайное расследование на всеобщее обозрение. Мы закрыли ферму, чтобы помешать Лэнски или корейцам уничтожить следы, и пригласили на беседу коллег Хью и Синглтона. К концу допроса я знала об этих двоих больше, чем о собственных друзьях. Синглтон родился в моем родном Лондоне, в Англии. Хью был из Анкориджа на Аляске. Оба молодые, белые, англоговорящие, мужского пола, оба всерьез свихнулись на компьютерах. Они подружились на челноке, стали держаться друг друга после посадки, вместе плыли по течению дикого гиперкапитализма Порт-о-Пленти. У обоих не было ни запаса денег, ни плана действий. Прилетели в одних штанах, заряженные смесью самоуверенного оптимизма и наивности, по молодости лет не сомневающиеся, что талант и энергия всегда найдут себе применение.

Поначалу они работали агентами в техническом отделе мультинациональной корпорации, обосновавшейся в Порт-о-Пленти, но платили там паршиво и бонусов не давали никаких, кроме билетиков в корпоративную столовую, да еще и работа была скучной и раздражающей, типа той, чем оба занимались на Земле – Синглтон в университете, а Хью в русской компании, выкупившей Аляску у Штатов после неудачной попытки сецессии. Короче, это было то же самое, от чего они пытались сбежать, так что, выдержав всего четыре недели, парни уволились и перешли на кодовую ферму Мейера.

Платили там немногим лучше, чем в техническом отделе, и бонусы были не менее скудными, но Синглтону и Хью эта работа казалась куда романтичнее, чем написание локаций для типов, которые сами не знают, чего хотят. Кроме того, коллеги в один голос уверяли, что у Эверетта Хью был талант. Дивное умение с первого взгляда определить жизнеспособность того или иного кода, похожее на встречающееся изредка отклонение, при котором люди видят цвета слов, мелодий или чисел. Как он говорил: одни фрагменты выглядят хорошо, другие нет. Подразумевалось при этом, что код должен обладать некой симметрией или красотой, хотя в чем она, Эверетту было трудно сказать, а если к нему приставали, он мрачнел, сутулился и фыркал, что не стоит и объяснять, потому что либо у вас есть дар, либо нет. У Эверетта этот дар был, и обычно он оказывался прав.

Джей Синглтон пробивался с помощью решимости и усердия, а Эверетт Хью летал на крыльях.

Они, как видно, договорились откладывать большой процент жалованья, чтобы, подкопив, занять пару коек на корабле охотников за кодами. Снаряжение надо было покупать самостоятельно, за транспорт – платить шефу, да еще отстегивать тридцать процентов от прибыли, но парни не сомневались, что наткнутся на богатую жилу, которой им хватит на всю жизнь. Только, похоже, этой паре надоело работать и копить, копить и работать, и они решили срезать дорожку. Украли что-то у Мейера Лэнски, и то ли он сам, то ли корейцы их нашли в убили, а краденое вернули – или же Хью и Синглтон неудачно выбрали покупателя. Такие у меня были рабочие гипотезы, хотя беспокоила мыслишка, не виноват ли в случившемся сам код, – у нас в отделе работал тотализатор: спорили, когда кому-нибудь попадется настоящий ИИ или еще бог весть что того же порядка. Так или иначе, раз Хью с Синглтоном украли код, значит они считали его ценным. А раз он был ценным, значит и функциональным: то есть где-то теперь болтался неизвестный код с неизвестными свойствами. Главным для меня было его вернуть, для чего первым делом я собиралась прикрыть деятельность Лэнски и узнать, над чем работали Хью с Синглтоном, прежде чем свалить.

Корабль рифовых фермеров, как все космические суда, которые используем мы, люди, – не более чем пустая скорлупка, извлеченная из огромных Саргассов, которые вращаются почти у каждой из Пятнадцати Звезд. Многие из них просто развалины, и оживить их не проще, чем восстановить часы, тысячу лет пролежавшие на дне моря, другие всего лишь спят – крепко, но, если их разбудить, система оказывается вполне функциональной; все они старинные, передавались от одной Старшей Культуры к другой, модифицировались и перестраивались по ходу дела, так что от первоначальной конструкции мало что осталось.

Фермеры освоили интерфейсы управления кораблем, а вот подладить жизнеобеспечение под человеческий организм не смогли, потому что упрямая система авторемонта противилась любым изменениям (поэтому-то фермеры и купили его по бросовой цене: мало кому нужен корабль с собственным мнением). Система поставляет пищу, не только невкусную, но и ядовитую для человека, свет здесь актиниевый, а воздух – как на высокогорной обогатительной фабрике: он сухой и горячий, как в пустыне, почти без кислорода и воняет серой и биополимерами.

Экипаж, как и единственный пассажир – я, – живет в

герметичных палатках, прилепленных к переборке рядом с контейнером нанопыли, заменяющим шлюз. Система контроля воспринимает нас как груз и, пока мы не суемся в другие части корабля, не трогает. Из палаток собраны разные помещения: одно общее и несколько маленьких, разделенных волокнистыми перегородками, как соты осиного гнезда, и еще есть общая ванная и маленькое помещение, освещенное красной лампой и забитое штабелями электроники, – вместо рубки. В общей комнате довольно уютно: она выстлана коврами, здесь много валиков и пуфиков, светят слабые лампочки и «волшебные гирлянды», но все равно живем мы как погорельцы – остальной корабль подавляет нас своим множеством шахт, стенами из разнообразных ячеек, беспощадным сиянием и горячими воздушными потоками, дующими в разных направлениях.

Все это – превосходный образчик роли человечества в первом контакте: люди живут на манер мышей в стенах почти непостижимого для них мира. Например, двигатель корабля остается тайной за семью печатями. Какая-то очень простая штуковина, сработанная во времена, когда земляне еще и не мечтали о земледелии, питаемая дейтерием и тритием с не менее древних обогатителей, плавающих в атмосферах некоторых ледяных гигантов.

От горючего и зависит, когда закончится наша гонка.

Корабль у нас большой – для корабля: тяжелый грузовоз класса А3. И все же горючего у него не хватит на вояж к соседней с Терминусом звезде и обратно, поэтому за нами послали беспилотник, нагруженный дейтерием и тритием. Надеюсь, ООН возместит фермерам эти расходы, хотя глава фермерского совета Раджо Хирананд, отнеслась к вопросу легкомысленно. Сказала мне, что, хотя ее люди и рисковали, обживая мирки внутреннего пояса Терминуса, пока что риск окупался куда лучше, чем они рассчитывали. Они сделали заявки на несколько сотен планетоформированных астероидов, где разбили поля и устроили питомники небесных овец, к тому же они получают долю с прибылей от кодов и артефактов, найденных старателями, – по изобилию и разнообразию добычи мирки Терминуса уступают только единственной обитаемой планете системы Пятнадцати Звезд – Первой Ступени.

Так что фермерам вполне по силам вклад в такую вот собственную разведочную экспедицию.

Мы с Раджо согласились, что Нилс Саркка, может, и сумасшедший, но не глупец. Так что у него должны быть веские, убедительные причины направиться к соседу Терминуса. Конечно, вряд ли он найдет там ожидаемое, однако тот факт, что

навигационный код указывает на локацию у самой звезды, означает, что там что-то есть – или было прежде, давным-давно, когда гайяры обитали на Пятнадцати Звездах.

Рассудительная половина моего сознания надеется, что Нилс не найдет ничего полезного и тем более не сумеет подтвердить свою бредовую идею. Однако и меня захватила сумасшедшая гонка: мне хочется верить – приходится верить, – что вокруг этой звезды летает горшочек с золотом, который оправдает мое неповиновение прямому приказу. Возместит убытки.

Мы медленно, но верно догоняем Саркку, и я уже несколько раз ему говорила, что мы готовы его выручить, пусть только окажет содействие. Мне хочется приучить его к мысли, что, когда он достигнет цели, мы пристыкуемся к его кораблю, заберем Саркку и доставим домой. Пока он и слушать об этом не хочет. Иногда распекает меня на все лады, иногда бывает холоден и рассудителен, словно терпеливый учитель, втолковывающий урок старательному, но на удивление тупому ученику.

Он говорит, что не намерен возвращаться. Он проведет остаток жизни со Старшей Культурой, прячущейся где-то возле этой звезды. Либо они примут его к себе, либо он пристроится поблизости и станет основателем института или научного центра.

– А если ты ошибаешься? – спрашиваю я.

– Не ошибаюсь, – твердит он.

– Но если там ничего нет? Просто давай предположим…

– Я не вернусь.

А звезда тем временем становится все ярче: оба корабля падают на нее, двигатель дает торможение на 1,6 *g* – это максимальная перегрузка для космических судов с таким уровнем модификации.

Сейчас эта звезда – самая яркая на небе. Бело-голубая, как осколок льда. Вокруг нее колечко астероидов, но все они лишены атмосферы или тяжелее, чем надо. И, так или иначе, слишком горячи для жизни. Еще есть единственная планета – газовый гигант размером примерно с Сатурн, расположенный за снеговой линией звезды. Угрюмый мир с атмосферой, замутненной огромными поясами углеродной пыли, – как будто внизу работают колоссальные промышленные мощности. На планете есть многочисленные пояса закопченного льда. Вокруг – свита из лун: те, что покрупнее, – ледяные шарики в силикатной скорлупе, а те, что помельче, – выхваченные из пространства обломки углеродистых хондритов, движущиеся по эксцентричным и ретроградным орбитам. Где-то среди этих лун Нилс Саркка рассчитывает обрести доказательство своей гипотезы и оправдать тем самым все совершенное им зло. Он уверен, что где-то там

десятки тысячелетий скрываются чужие.

Мы с Марком, как ни старались, не сумели втолковать Мейеру Лэнски, что нам важнее с ним сговориться, чем посадить за решетку. А может, он и понял, да не придал значения. Злился, что ему прикрыли бизнес, и трусил, как бы его босс, Пак Ян Мин, не узнал, что его нагрели сопливые программеры, и не счел, что он, Лэнски, не пригоден для своей работы: отставка в семье Пак представляла собой пулю в затылок и короткую прогулку до ближайшей реки или озера. Так что Лэнски отказался от предложенной защиты, когда я за полночь явилась к нему домой с ордером, и отказался снова, когда его доставили на допрос. Широкоплечий мужчина в белом костюме, с тщательно уложенными волосами, выкрашенными в цвет окислившегося алюминия, мрачно молчал у меня в кабинете, скрестив руки на груди и глядя на нас с Марком пустыми глазами, а адвокат еще и советовал ему не отвечать ни на какие вопросы. Здесь же была и сотрудница городской адвокатуры. Мы с Марком поняли, что дело обернулось к худшему, когда она попросила нас прерваться и вышла с адвокатом Лэнски за дверь допросной. Марк воспользовался случаем еще раз повторить Лэнски, какую услугу тот окажет городу и ООН, если расскажет, что за код у него украли и что сталось с двумя программерами, – тогда, мол, он сам будет выглядеть невинной жертвой, ограбленной работниками да еще втянутой в дело об убийстве, совершенном боссом.

– Тебе пришлось рассказать Пак Ян Мину о краже, иначе тебя же и обвинили бы. Это я понимаю. Но потом дело ушло у тебя из рук, и ты уже ничего не мог изменить, – говорил Марк. Он снял куртку и повесил ее на спинку стула в самом начале беседы: теперь, в красных подтяжках поверх белой рубахи, он склонялся к Лэнски, смотрел на него в упор. – Ты же не дурак, знаешь, как влип. И знаешь, на что способен Пак Ян Мин, но мы готовы тебе помочь. Разберемся с твоими проблемами. От тебя нужно одно: рассказать, что именно случилось. Что украдено. Что произошло с двумя дурнями, которые это украли, и где оно сейчас.

Лэнски помотал головой, опустил веки, плотно сжал губы. Выглядело все так, будто он пытается мысленным усилием перенестись в более подходящее место.

Марк взглянул на меня, и я пообещала Лэнски, что ООН доставит его в любое названное им место. Может даже вернуть на Землю, если только он окажет нам помощь. И у него появится шанс начать все заново, а те, кого он боится, сядут пожизненно.

Лэнски покачал головой.

– Ничего не украдено. Мальчишки просто ушли, такое часто бывает.

– Пора перейти к правде, – посоветовал Марк. – Ложь о делишках Пак Ян Мина тебя от него не спасет. Ему все равно конец, но он и тебя за собой потянет. А ты мог бы себя спасти. Всего-то и надо, что сказать правду. Трудно, я знаю, но стоит только начать, сразу полегчает. Будто огромный груз с плеч сбросишь.

Марк знал свое дело, и я ему помогала, как могла, но достучаться до Лэнски мы не сумели.

– Обращайтесь к моему адвокату, – сказал он и замолчал.

Наконец вернулись его адвокат с поверенной от города. Она покачала головой, а адвокат сказал Лэнски, что тот может идти.

– Крепкий сукин сын, – процедил после их ухода Марк.

– Он боится.

– Конечно. Только, к сожалению, не нас.

– Думаю, придется нам подождать результатов экспертизы, – сказала я. От усталости я чувствовала себя пустой. Два часа ночи, тайна следствия вскрыта, а похвастать мне нечем.

– Отдохнем, а завтра начнем заново, – сказал Марк, натягивая куртку. – Ты – мой лучший следователь, Эмма. Я верю, что ты сделаешь все как надо.

Правда, первую ниточку откопала не я и не эксперты Варника Сара. Нашел ее наш техник, Прем Гарунг.

Прем по скромности приписывал свою находку удаче, но я не так глупа, чтобы поверить. В его комнатушке царил разгром, как в спальне у трудного подростка: стол был завален папками, бумагами, всяческими мелочами и электронными игрушками, стены покрывали фотографии, плакаты и смешные картинки – вопреки всем правилам, – но парень был толковым, умелым и дисциплинированным сотрудником. Он изучил рабочие журналы Хью и Синглтона и клочки отзеркаленных кодов, над которыми те трудились, и скоро обнаружил в одном нечто любопытное: неполный вариант навигационного пакета, какие использовались для перенастройки извлеченных из Саргассов кораблей.

– Тут не столько интересно, что есть, сколько чего нет, – сказал Прем.

Он так и рвался познакомить меня с находкой, и я нехотя согласилась посмотреть. Коды обычно исследуют и обрабатывают через виртуальный симулятор с мультиплицированным по-диснеевски интерфейсом: ландшафт изображает маленькие коралловые рифы, в экзотической красе которых таятся акулы, мурены и опасные течения, способные поджарить синапсы или навсегда выжечь на зрительных нервах какие-нибудь странные

образы. Программеры, проводящие в этих симуляциях по восемь-десять часов в сутки, обычно страдают разнообразными галлюцинациями и рискуют стать инвалидами: им грозят психозы, слепота, утрата контроля над моторными нервами и даже смерть. В то время как они, подобно ныряльщикам, погружались в грозные бездны моря, я больше походила на курортницу в маске, скользящую над цветными очертаниями рифа – над сложными фрактальными пакетами самопоглощающейся информации, ветвившимися, как деревья, или компактными, как человеческий мозг, или протягивающими щупальца в глубокие тени под переливчатым серебристым небом. Однако я не могла избавиться от ощущения, что нечто жуткое и невидимое таится на краю зрения, там, где склоны рифа обрываются в неведомое.

Прем направил меня к месту, из которого росли пики сложной формы, и спросил, вижу ли я.

– Я никудышный технарь, Прем.

– Там прошивка, скопированная с другой части кода, – сказал он, проворачивая поле зрения на 360 градусов. Вокруг нас потекли, сливаясь в многоцветный трехмерный ковер, пурпурные, зеленые и золотые фигурные шпили. – Сразу не заметишь, для того-то оно и делалось. Но когда знаешь, что искать, – бросается в глаза. Я написал маленький исполняемый… вот…

От серебристого неба отделился призрачный ландшафт схемы и косо надвинулся на окружавшие нас шпили.

– На вид вовсе не сходится, пока не выполнишь простенькое геометрическое преобразование, – сказал Прем.

Схема перевернулась, вытянулась и слилась с контурами шпилей, словно инеем покрыв их сложные очертания:

– Думается мне, кто-то тут что-то удалил и прикрыл дыру, – пояснил Прем. – К счастью для нас, он, хоть и знал дело, поленился. Вместо того чтобы создать заплату с нуля, он скопировал другой участок кода и вшил сюда. На поверхностный взгляд – безупречная иллюзия, даже прогоняет несколько циклов процессинга, хотя, конечно, впустую. Код уже никуда не годен – но это обычное дело для кодов.

Странные очертания и краски кодового рифа, бредово яркие и полные мелких подробностей, повторявшихся при каждом уровне увеличения, вызывали у меня головную боль. Я мало спала и держалась на кофе и куреве. Стянув с головы виртуализатор, я спросила Према, не догадывается ли он, что именно могли удалить; он сказал, что, как ни фрактален код, реконструировать удаленную часть практически нереально. Парень углубился во всяческие тонкости насчет экстраполяции от

границ, перекрестной детекции, рандомного поиска и осесимметричных мутаторов. Ему, как всякому технарю, не так интересно было решить задачу, как поиграть с ней. Я его оборвала:

– В общем и целом тебе неизвестно, что это, и узнать невозможно.

– Боюсь, что так. Удалили слишком тщательно, не реконструируешь, а сравнение по каталогу не дало результата.

– Они что-то выкрали. Мы не знаем что, но определенно Синглтон и Хью что-то сперли. Отзеркалили код и удалили оригинал, затерли, как умели, следы и смылись с копией.

– Возможный сценарий, – сказал Прем. – Только один вопрос: как они с краденым кодом прошли систему охраны фермы?

Вопрос по делу. Коды хранятся в специфических квантовых состояниях электронов и прочих частиц, так что копировать и запасать их не сложнее, чем огромные бинарные последовательности обычных программ; чтобы их не искажал и не засорял квантовый шум, отзеркаленные коды помещают в ловушки, охлаждаемые жидким гелием. Ловушки-архивы большие – размером с грузовик. Маленькие переносные – чуть больше обычного домашнего термоса. А Мейер Лэнски, как все подобные фермеры, был просто одержим безопасностью. Программисты на входе и выходе шли через особые сканирующие рамки и постоянно находились под наблюдением камер, не говоря уж о выборочных обысках.

– Может, подкупили охрану или скрыли ловушку в каком-нибудь приборе, который подлежал выносу из помещения для ремонта, – предположила я. – Или тут сам Лэнски участвовал.

– Или они ничего не выносили, – сказал Прем. – Они могли взломать отчеты фермы и выяснить, откуда взялся этот код, а потом удалить его и подправить записи. А продавать могли не сам код, а локацию оригинала.

Идея мне понравилась – она определено объясняла, почему Хью сбежал с Сарккой, – но доказать или опровергнуть ее можно было, только поймав эту парочку. Тем временем команда Варника Сера не сумела провести ДНК-анализ, потому что тела прожарились насквозь. Зато они опознали Джейсона Синглтона по зубной карте из Англии, а второй оказался не Эвереттом Хью, а человеком лет сорока. У него в левом плече была старая, залеченная пулевая рана, а осмотр обгоревшей кожи в ультрафиолете обнаружил на правой лодыжке татуировку – группу крови. Следовательно, он служил где-то в армии. Еще команда Варника сняла частичный отпечаток большого пальца с угнанного внедорожника, оставшегося на парковке, и сверила его

с армейской базой данных США: Абело Баез до позапрошлого года служил сержантом спецназа. В списках эмигрантов имя не значилось, стало быть, на Первую он явился под чужим именем и работал либо на одну из корпораций, либо на темную сторону. Варник собирался заняться реконструкцией лица, чтобы отыскать эмиграционное досье Баеза; я надеялась, что, узнав его псевдоним, выясню, чем тот занимался в Порт-о-Пленти, и, может быть, даже установлю его связь с Мейером Лэнски или семьей Пак. Еще Варник сказал мне, что между двумя телами имеется некоторое несоответствие: у Джейсона Синглтона в легких обнаружили частицы дыма, как всегда у погибших при пожаре, а у Абело Баеза – нет. Либо отставного солдата убило на месте взрывом, либо он умер до того, как номер загорелся.

Все это было полезно, но я чувствовала, что самой важной ниточкой в деле окажется пропавший мотоцикл. Его нашли на стояке мини-мага на километр южнее мотеля. По показаниям камеры наблюдения, появился он там за полчаса до начала пожара. На нем приехал Эверетт Хью и еще сорок минут околачивался у торговых автоматов, пока его не забрала белая «Хонда Адажио».

Я показала Марку кадры, на которых Хью садился в «Адажио» – с компьютерной обработкой того момента, когда при открытии двери в кабине зажегся свет, на миг обрисовав бородача в бейсболке, надвинутой так низко, что она скрывала половину лица. Я объяснила, что водителя еще не опознали, но машина принадлежит фирме «Герц» при космопорте, где ее арендовали, расплатившись фальшивой кредиткой. Сейчас ее уже забрали на следовые анализы.

Вернув «Адажио» арендной фирме, Хью и водитель пересели на автобус, доставлявший пассажиров к кораблю. Он стартовал черев два часа. Стандартный крейсер класса J, зарегистрирован на Либертарии, ушел в червоточину шесть часов назад. Я попросила наших людей во всех портах, куда он мог добраться через тамошнюю часть сети, ждать его. Это была плохая новость. Хорошая заключалась в том, что Варник и эксперты нашли на сиденьях волосы и частицы кожи, а на баранке и еще где-то – отпечатки пальцев. Дружка Хью звали Нилс Саркка.

Марк тут же отреагировал:

– Я не назвал бы это хорошей новостью.

Нилс Саркка принадлежал к «пятистам счастливым» – самозваной элите из пассажиров первого челнока, доставившего на Первую победителей лотереи. До своего падения он был ведущим специалистом по Старшим Культурам, занимал кафедру в университете Порт-о-Пленти и блистал в популярном телешоу,

которое показывали не только на нашей планете, но и на всех остальных вплоть до Земли. В каждой серии он вел свою группу старателей к новому участку, выслеживая странные и ценные артефакты Старших Культур, преодолевая трудности и опасности, исследуя причудливые места и мирки, раскапывая всяческие чудеса. Конечно, в передачах было много фальшивок и преувеличений, но Саркка обладал приятной внешностью и харизмой человека, увлеченного своей работой. Кроме того, он, вызывая презрение ученых собратьев и восторг телезрителей, сыпал безумными версиями относительно судьбы Старших Культур и теориями заговора, намекая, что джакару влияли на человеческую историю, роняя на Землю метеориты, манипулируя климатом и в конце концов затеяв мировую войну – незадолго до собственного выхода на сцену в роли спасителей гибнущего человечества. Он возглавлял секту, последователи которой были убеждены, что Пятнадцать Звезд – не шанс на новую жизнь, а ловушка. Клетка для невольных участников огромного и странного эксперимента, которому подвергают нас Старшие Культуры. Саркка разработал и собственную безумную гипотезу, о которой упоминал в каждой серии шоу. Все это принесло ему богатство, известность и сомнительную славу, но в конце концов Немезида его настигла. Он пошел на слишком большой риск, и за его ошибку другие люди поплатились жизнями.

Мой босс был в группе, расследовавшей вину Саркки в том, что большая часть его команды подцепила нанотехнологический вирус, раскапывая останки древних машин на дальнем краю Большой центральной пустыни. Марк видел тела, одни – страшно изуродованные, другие еще отчасти живые. Его босс, который позже застрелился, приказал дезинфицировать место раскопок ядерным оружием ограниченного действия.

Команда работала без лицензии и с недостаточными мерами защиты. Нилса Саркку обвинили в непредумышленном убийстве, и он пять лет провел в тюрьме. Сразу после освобождения он бежал с Первой, обосновался на Либертарии и принялся тратить остатки состояния на свою гипотезу, превратившуюся в манию.

Из факта существования червоточины, ведущей к Солнцу и Земле, говорил он, следует, что была такая же связь с родными планетами Старших Культур, населявших некогда миры и мирки Пятнадцати Звезд. И эти червоточины должны существовать поныне, схлопнувшиеся до диаметра меньше атома водорода или скрывшиеся в недрах газовых гигантов либо на орбитах у самых звезд, где их невозможно обнаружить по истечению странных кварков и частиц высокой энергии. А это значит, что есть шанс найти родной мир гайяров или другой Старшей Культуры и

узнать, что с ними сталось. Возможно даже, что еще живы где-то последние представители одной из нечеловеческих цивилизаций – либо в своем родном мире, либо где-то еще.

Фанатики – а Саркка, несмотря на свои убеждения и опалу, имел много поклонников – почитали его непризнанным гением, отважным интеллектуалом, рискующим отстаивать отвергнутую истеблишментом теорию. Для ученых собратьев он был крайне безответственным эгоистом, воспользовавшимся известностью для продвижения фантазий, столь же смехотворных, как потерянный континент Му или гипотеза о венерианском происхождении летающих тарелок, не задумывавшимся об ущербе, который он причиняет этим серьезной науке. С точки зрения ООН, Саркка был преступником, готовым на любой риск ради технологий Старших Культур. На Либертерии он оставался вне нашей досягаемости, но за ним присматривали.

А теперь он отправлялся невесть куда, унося с собой либо отзеркаленный с навигационной программы код, либо сведения о местонахождении его оригинала. Судя по тому, как Саркка рисковал, возвращаясь в Порт-о-Пленти, он, видимо, считал, что код как-то связан с его безумной идеей: отыскать родной мир или уцелевших представителей Старшей Культуры. И скорее всего, именно он убил Джейсона Синглтона и наемника Абело Баеза. Даже если код был безвреден, Нилсу Саркке предстояло ответить за их смерть.

Проблема состояла в том, чтобы отыскать простывший след его корабля. Он мог выйти в любой точке сети червоточин, направиться на любую из оставшихся четырнадцати звезд – и даже вернуться, описав круг, на Первую. ООН, исследуя сеть, расставила спутники-шпионы у горловин всех червоточин, но они постоянно страдали от саботажа, и в конце концов поддерживать их работу сказалось слишком дорого.

– Даже если Саркка и Хью приземлятся на Либертарии, наша юрисдикция на нее не распространяется, – сказал Марк.

– Можно договориться с либертарианцами, – предложила я.

– Не исключено, что нам удастся. Для этого неплохо бы знать, что именно украли Хью и Синглтон, – заметил Марк.

– Значит, надо еще раз потолковать с Лэнски, – сказала я.

Но Мейер Лэнски исчез вместе с женой и малолетними сыновьями. Полиция наблюдала за домом с фасада. Похоже, что семья вышла с другой стороны, через поле для гольфа. То ли по собственной воле, то ли за ними кто-то явился.

Сейф, встроенный в пол кладовой в доме Лэнски, оказался открыт, но из него гак и не забрали ни наличные, ни драгоценности. На месте остались и кредитки, и телефонные

карты, зарегистрированные на разные имена. На стенах и на ковре хозяйской спальни нашли следы крови, принадлежавшей Лэнски и его детям. Я решила, что они были убиты, а тела – брошены в море или в заросли за окраиной города либо закатаны в фундамент строящегося здания или подземного перехода. Еще я предполагала, что убийцы забрали из сейфа копии записей фермы с подробностями как законных, так и незаконных операций.

Коротко обсудив ситуацию с Марком и помощником городского поверенного, я объявила семью Лэнски в розыск и договорилась о встрече с боссом Мейера, Пак Ян Мином. Марк считал это пустой тратой времени, но у меня появилось неприятное чувство, что след остывает, и мне хотелось немножко расшевелить события. Кроме того, пришла пора предъявить ордер на обыски и приостановку дет фермы, а поскольку Мейер Лэнски пропал, я сочла логичным вручить бумаги его шефу.

Пак Ян Мин был младшим из сыновей Пак Ян Гуна, в прошлом главы американо-корейской мафиозной семьи Сиэтла, который «удалился на покой» в Порт-о-Пленти. Ян Гун, как обычно бывает с гангстерами, достаточно разбогатевшими, чтобы вырваться из когтей закона, честолюбиво мечтал легитимировать свое семейство. Три его старших сына занимались строительным бизнесом и торговлей недвижимостью, управляли страховой и залоговой компаниями, а также казино на озере Маммот. А вот Пак Ян Мин был ретроград, *кындаль* старой школы со взрывным темпераментом и любовью к изысканному насилию. Кодовую ферму Мейера Лэнски ему передал отец в надежде отвлечь от уличной жизни.

Я назначила Пак Ян Мину встречу в офисе строительной компании его старшего брата, Пак Кван Го. Помещение размещалось на верхнем этаже новенького «зиккурата»: белый бетон, тонированное в медно-розовый оттенок стекло, широкие зеленые террасы – и потрясающий вид на город до самой бухты Дискавери с космопортом и дельтой реки на одном берегу, электростанцией и доками на другой и изгибом пляжей и набережной посередине. С этой точки город смотрелся чистеньким и аккуратным, как на карте, и не заметно было свар между этническими районами. При взгляде отсюда легко верилось, что будущее уже наступило. Казалось: посмотри в небо – и увидишь летающие машины и дирижабли.

Пак Кван Го встретил меня у высоких дверей своего кабинета. Стройный, подчеркнуто вежливый мужчина в хрусткой белой рубашке и штанах в сложную клетку пожал мне руку, предложил на выбор десять сортов чая, после чего представил двум

адвокатам, которые в дальнейшем всеми силами старались слиться с фоном, и брату, Пак Ян Мину.

Младший гангстер нависал над архитектурной моделью торгово-развлекательного комплекса: мощный широкоплечий бодибилдер, втиснутый в блестящий костюм с желтой шелковой рубахой и сапогами из змеиной кожи. По его шее вилась татуировка, волосы были подбриты на висках, оставалась только блестящая черная шапочка на макушке. Когда Пак Кван Го меня представлял, его брат не поднял глаз, притворяясь, что ему интереснее гонять по площади машинку-модель, сбивая игрушечных пешеходов.

Пак Кван Го заверил, что его семья всегда счастлива оказать помощь полиции, но в данном случае, поскольку бизнес его брата связан с Мейером Лэнски, он вынужден просить доказательств, что беседа наша совершенно неофициальна. Я заверила, что мне нужна только информация о прошлом Лэнски, хотя у меня действительно есть ордер на его кодовую ферму.

– Надеюсь, это означает, что ее уже можно будет открыть, – вставил Пак Ян Мин. – Я теряю деньги на каждом дне простоя. Весьма неудобно.

– Будет еще неудобнее – мы ее закрываем до дальнейших уведомлений, – сказала я и протянула конверт с двадцатью четырьмя листами судебного распоряжения.

Пак Ян Мин, взяв, передал конверт адвокатам и сказал, что его люди все проверят и обратятся ко мне.

– Вы должны подписать, – напомнила я.

– Почему бы вам не спросить о том, ради чего вы сюда пришли? – предложил Пак Ян Мин. – Я человек занятой. Много дел. Важных дел.

Я решила с ним не цацкаться и, взглянув прямо в глаза, спросила:

– Когда вы в последний раз виделись с Мейером Лэнски?

– Много дней не виделся. Я слышал, он сбежал после вашего допроса о двух сгоревших гиках, – ответил Ян Мин. – Если догоните старого негодяя, дайте мне знать. У меня тоже есть к нему вопросы.

– Вы не представляете, куда он мог деться? – спросила я. – Вместе с семьей?

– Я последнюю неделю провел на озере, – ответил Пак Ян Мин и достал золотой портсигар, пропустив мимо ушей слова брата, что у него тут не курят. Черную сигаретку «Собрание» он прикурил, чиркнув спичкой о ноготь.

– Один из трупов в мотеле оказался Джейсоном Синглтоном. Служащим вашей фермы.

– Фермы Мейера Лэнски, – поправил Пак Ян Мин.

– Она принадлежит вам.

– Дело ведет он. Понятие не имею, кого он нанимает. Кстати, когда я смогу ее открыть?

– Когда мы закончим расследование. Хотя к тому времени с вашими делишками, возможно, будет покончено.

Пак Ян Мин с оскорбительной насмешкой взглянул на меня.

– Знаю про ваш крестовый поход, – протянул он. – Говорят, ваш муж пал жертвой плохих кодов и с тех пор они вам всюду мерещатся, даже когда их нет.

Я не удостоила эту чушь ответом. Если выказать слабость перед таким типом, сразу безвозвратно потеряешь авторитет.

– Вы уверены, что не были знакомы с Джейсоном Синглтоном?

– У меня с этими чокнутыми ничего общего.

– А с Эвереттом Хью?

– Это второй, кто сгорел в том номере?

– Это второй, который там не сгорел, – поправила я. – Второе тело принадлежало Абело Баезу, бывшему спецназовцу из армии США.

– Ни о том ни о другом никогда не слышал, – заявил Пак Ян Мин.

– Возможно, вы узнаете лицо? – спросила я, показывая ему копию реконструированной посмертной маски Баеза.

Пак Ян Мин пыхнул дымом.

– Не из моих людей.

– Вы могли знать его как Эйбла Мартинеса, – сказала я. – Под этим именем он жил в Порт-о-Пленти. Мы установили личность по досье из игорного дома – такие заводятся на каждого работника казино. Странно, что вы его не знаете, мистер Пак. Он работал в охране казино на озере Маммот, принадлежащего вашей семье.

– Мой брат не имеет отношения к казино, – вмешался Пак Кван Го, – так же как и я.

– Нас интересует, чем занимался здесь мистер Баез и с кем он был связан, – сказала я. – Если что-нибудь вспомните о нем, скажите мне.

Пак Ян Мин пожал плечами. Пак Кван Го сказал:

– Вам лучше поговорить с управляющим казино.

Я ответила, что так и сделаю, поблагодарила братьев за то, что уделили мне время, и, повернувшись к обоим спиной, направилась к большим двойным дверям.

Пак Ян Мин меня окликнул – он был из тех, кому непременно надо оставить за собой последнее слово.

– Навестите меня на озере Маммот. Я покажу, как надо проводить время. Расслабитесь немножко.

Я обернулась, задержавшись у дверей. Трюк из седой древности, но иногда работает.

– Еще одно. Вы слыхали про Нилса Саркку?

Братья переглянулись.

– Это тот сумасшедший, который вел телешоу? – спросил Ян Мин.

– Эверетт Хью улетел с ним, – ответила я и вышла, оставив их обдумывать этот факт.

Позже я сообщила боссу, что не сомневаюсь: Пак Ян Мин все знал о Хью и Синглтоне.

– Лэнски был глуп. Он, возможно, обнаружил прореху в навигационном пакте и решил оправдаться перед боссом. А Пак Ян Мин послал своего громилу, Абело Баеза, он же Эйбл Мартинес, – за программерами.

– Баез выследил их в мотеле, но был убит Нилсом Саркком, – добавил Марк.

– Не знаю точно, что там произошло, но, вероятно, это и не важно, – ответила я. – Саркка, безусловно, замешан в деле, а Пак, по-моему, об этом не знал, пока не услышал от меня. Нам повезет, если он начнет расспросы на космодроме и тем самым подставится. Тогда я смогу поинтересоваться, зачем они ищут убийцу Баеза, если Баез с ними никак не связан.

– Слишком окольный путь, – заметил Марк. – Я предпочел бы что-то более осязаемое.

– Я тоже, – сказала я, – но, даже если мы не сумеем связать их с Баезом, достанем через Лэнски. Его убил Пак Ян Мин, не сомневаюсь. И семью тоже. Он знал, что мы говорили с Лэнски, и не надеялся, что тот станет держать рот на замке. Тогда же он, вероятно, забрал из сейфа Лэнски уличающие его записи. Если найти предлог для ареста Пак Ян Мина, эти записи могут достаться нам. А в них найдутся сведения о местонахождении оригинала похищенного кода. Они-то нам и нужны.

– Ты в самом деле думаешь, что Саркка с Хью гоняются за кодом?

– На Либертарии они не объявились, а в остальных местах у нас есть свои представители или надежные источники.

– Еще остается около десяти тысяч пригодных для жизни, но незаселенных планетоформированных мирков и сколько-то астероидов и лун, – напомнил Марк.

– Код надо найти, – сказала я. – Чтобы знать, с чем мы имеем дело. И уничтожить, чтобы никто больше не мог его отзеркалить.

– Если Пак Ян Мин не полный дурак, он избавится от

записей.

– Не избавится, пока рассчитывает восстановить бизнес на черном рынке.

Марк в упор посмотрел на меня.

– Надеюсь, ты не для того навела Паков на Саркку, чтобы они заменили собой правосудие?

– Конечно нет, – сказала я.

Хотя именно этого я добивалась, рассказав Пакам о Саркке, а Марк, если и понимал, что я лгу, не стал доискиваться правды. Возможно, он не меньше меня хотел, чтобы Саркка ответил за смерть Синглтона и Баеза, да и за другие свои дела. Что в этом плохого? Конечно, я предпочла бы взять его сама, но в то время не видела возможности. И решила немного поторопить события.

Начистоту так начистоту: мне, вероятно, следует упомянуть здесь о своем муже, втором муже. Не потому, что меня сколько-нибудь задела шпилька Ян Мина на эту тему, а потому, что нашлись комментаторы, которым следовало бы быть умнее: дилетанты-психологи, не стыдящиеся глупо и безответственно рассуждать о мотивах поступков совершенно незнакомых им людей, – которые предположили, что я нацелилась на Саркку, потому что он увез краденый код, а кодомания Жюля – ключ к моему характеру. Тайная рана. Трагедия, которая изменила меня навсегда. Так вот, позвольте вас уверить, что это – псевдофрейдистская чушь. Не хочу сказать, что случившееся не было трагедией. Да, произошла именно трагедия. Но я оставила ее позади и стала жить дальше. На самом деле она случилась давным-давно, в те славные дни, когда все казалось новым и удивительным. Тогда мы еще не знали, как опасно употреблять коды. И закон этого не запрещал. Такое развлечение позволяли себе умные и образованные люди. Чистый, совершенно законный кайф.

Жюль говорил: это все равно как если бы мир превратился в математику. Видишь все, как оно есть. Он различал углы в архитектуре, слышал согласные аккорды непрерывного обновления Вселенной. Словно с мира сорвали все маски. Мир, скрывающийся за миром. Жюль и меня уговаривал попробовать, но я служила в полиции, и нас постоянно проверяли на подобные психоактивные вещества. Кроме того, я боялась. Признаюсь, я боялась, что чужой код перепишет мой разум. И оказалось, что я была права: очень скоро для Жюля и других, развлекавшихся с кодами, дело обернулось плохо: временная синестезия и парейдолия стали постоянными, впечатались в их мозг.

Жюлю повсюду стало мерещиться уродство. Ангелы преобразились в демонов. Музыка военными маршами грохотала

у него в голове и не желала смолкать. Он уже не проводил часы, лежа навзничь на заднем дворе и с детским удивлением разглядывая небо. Небо для него было ранено. Все прогнило. Он держался только на кодах. Принимал больше и больше, хотя это уже запретили. Он не получал новых доз от университетской подружки, потому что подружку вышвырнули с работы, но Жюль нашел новые источники. Распродал все, что у нас было. Я выгоняла его и пускала обратно, проходя обычный путь от гнева к отчаянию, от ненависти к жалости. Наконец Жюль престал возвращаться. Я могла бы его разыскать, добиться ареста, перевести из тюрьмы в больницу, только это не помогло бы. Мы к тому времени знали, что ущерб от кодов непоправим, падение функции нейронов ведет под уклон, к безумию и смерти. К тому же спасать пришлось бы человека, который не желал спасения, и он уже не был тем, кого я любила. Он уже был никем. Он был не собой, а своими состояниями. Так что, когда он ушел в последний раз, я за ним не погналась, а потом увидела шесть месяцев спустя, на столе в морге.

Да, было больно. Конечно, было. Но еще больнее было смотреть, как бедняга Жюль трясется в псевдопаркинсонизме и лопочет о демонах. Я страдала, но и чувствовала облегчение при мысли, что он больше не мучается. Действительно облегчение. К тому же это случилось давным-давно, задолго до того, как я перешла в контроль технологий. Тогдашнее происшествие не имеет никакого отношения к тому, о чем я вам тут рассказываю, что бы кто ни говорил. Я не мстила за мужа и не избывала чувство вины – ничего подобного. Я расследовала это дело, как любое другое.

Однако после моей стычки с Пак Ян Мином следствие, похоже, уперлось в тупик. Я тянула за все ниточки, координировала сотрудников, которые опрашивали персонал кодовой фермы и искали прямую связь между отставным солдатом Баезом и Паками. Я писала ежедневные отчеты, заполняла ячейки для улик и проводила совещания. Я назначила встречу детективу Августу Закариасу – под тем предлогом, будто меня интересует ход следствия, а на самом деле – чтобы вытянуть из него сведения о собратьях по «пятистам счастливым». Этот разговор тоже не дал ничего полезного. Закариас заявил, что всего дважды встречался с Нилсом Сарккой и почти ничего о нем не знает.

– Вас интересует, преступник ли он. Я могу только сказать, что в прежние времена он очень страстно и убедительно доказывал, как важно узнать все возможное о наших новых мирах. Говорил, что нельзя ничего принимать за данность. Что мы

должны ответить на вызов судьбы, полностью понять историю и природу дара, преподнесенного нам джакару. Тогда он казался не опасным, а просто увлеченным. И, как мне кажется, он не изменился.

Наверное, мне следовало быть умнее. Понимать, что в так называемой элите рука руку моет. Десять дней я ничем не могла похвастаться, кроме пополнения биографий Хью и Синглтона. А потом полученный имейл вывел меня на новый след.

Прислал его мужчина, назвавшийся другом любовницы Мейера Лэнски. Он писал, что девушка прячется, опасаясь Паков, и что при ней есть кое-что, на что мне стоит посмотреть: две книги кодов с фермы. Этот так называемый друг воспользовался анонимным почтовым сервисом, но, пока я вела переговоры онлайн, Прем Гарунг сумел его проследить, и через час парень сидел у нас в допросной.

Мелкий жук по имени Рэнди Твиггер, бывший дружок любовницы Мейера. Он слабо попытался отбиваться, но сразу сдался, когда я выложила карты на стол, сказав, что могу привлечь его за сообщничество в убийстве и похищении Лэнски. В тот же день, взяв с собой пару вооруженных сотрудников, я постучалась в номер мотеля на рыболовном курорте Марина-Виста в четырехстах километрах восточнее Порт-о-Пленти.

Любовница Мейера, Наташа Ву, оказалась сильной и рассудительной молодой женщиной, с готовностью отдавшейся под программу защиты свидетелей. Ее не удивило, что Рэнди Твиггер сдал ее ради денег.

– Он должен был устроить мне встречу с вами. Но Рэнди такой жадюга! – заявила она и махнула ухоженной ручкой, закрывая тему.

Еще она сказала, что услышала об исчезновении семьи Лэнски в новостях и сразу поняла, что их уже нет в живых.

– В последний раз, когда мы виделись, Мейер мучился жестокой паранойей. Взломали ферму, двух мальчишек убили, и вы якобы ему угрожаете. Я вроде как была единственной, кому он верил. Потому он и отдал мне книги. Хотел со мной связаться, когда все уляжется. А вместо него мне по его телефону позвонил кто-то незнакомый и стал угрожать.

Лэнски дал ей кьюфон, но после того звонка девушка выбросила аппарат и ушла в подполье, стала все время менять место. Рэнди Твиггер пару дней назад заглянул к ней на квартиру, увидел, что там побывали, после чего она поняла: убийцы Лэнски знают и о ней. Потому Наташа и решила связаться со мной.

Она мне понравилась, хотя ее образ жизни я одобрить не

могла. Она крутилась как умела, не предаваясь жалости к себе, и, надо думать, немало делала для Мейера Лэнски. Я пообещала, что ООН обеспечит ей новые документы и переезд в обмен на показания и записи, доверенные ей Лэнски, и она ответила: почему бы нет, раз он умер, а у нее все равно нет выбора.

– К тому же я хочу выбраться из этого мерзкого мира. Я провела здесь год и успела его возненавидеть. Хочу обратно на Землю. В Сингапур. Там тоже хреново, но там я все знаю, и гангстеры там не такие отмороженные. Жаль Мейера. И его мальчиков. – Почти со слезами она добавила: – Вы же возьмете гада, который их убил?

Я вспомнила детектива Августа Закариаса и сказала:

– Сделаю все, что могу.

В здании ООН мы с Марком Гудином и одной из городских поверенных ждали, пока там договорятся с Наташей Ву и снимут первые показания. Потом я провожала ее на одну из наших безопасных квартир и потому не успела переговорить с Марком ни о поисках записей с местонахождением оригинального кода, ни о погоне за Сарккой и Хью. С Наташей я пробыла всю ночь и завтракала с ней и двумя приставленными к ней агентами, когда позвонил Марк.

– Есть новости, – сказал он. – Думаю, тебе они понравятся.

– Прем нашел, откуда взялся код? Или мы отправляемся за Сарккой?

– Подъезжай ко мне в здание ООН, – сказал он и дал отбой.

Мы с Марком купили кофе с тележки на парковке и прошлись через два квартала до набережной. Я рассказала, что устроила Наташу, а Марк мне – что записи полностью оправдали надежды.

– Покойный мистер Лэнски был человеком скрупулезным, – сказал он. – Мы получили все подробности сделок на черном рынке, а это серьезный трофей. Что касается доставившего столько хлопот кода, ты можешь радоваться: теперь мы знаем, откуда он. С планетоформированного, но необитаемого мирка во внешнем поясе системы Терминуса. Обнаружен и отзеркален старателем по имени Сурех Шривастав с Либертарии.

– Вот об этом стоит поговорить. Присядем где-нибудь.

Было теплое и ясное весеннее утро. За плавным изгибом берега два бульдозера, издалека кажущиеся маленькими, как игрушки, ровняли песок на месте, где пару дней назад выбросило кракена. Этот плот из пузырей и пористых конечностей собрал большую толпу, а чтобы его расчленить, пришлось привлекать технику. На набережной и по берегу люди выгуливали собак, несколько ранних серфингистов ловили волну.

Мы с Марком нашли лавочку, и Марк стал рассказывать, как

сотрудник ООН на Либертарии связался с представителем Шривастава. Старатель только что вылетел на звезду 2М 4962, и, по словам агента, ему нечего было сообщить ООН.

– Возможно, то, что мы видим, – попытка поторговаться, но теперь, когда код найден, это уже не важно, – сказал Марк. – Насчет кода я связался с агентом в системе Терминуса. Сожалею, но оттуда тоже нет позитивных новостей. Терминус окружают два пояса астероидов. Люди, сколько их есть, – все фермеры, живут на внутреннем. И контроль перевозок у них довольно примитивный. Он, к сожалению, не распространяется на внешний пояс, потому нельзя доказать, что корабль Саркки посещал систему.

– Это не значит, что его там не было.

– Верно.

– И что он еще не улетел оттуда.

– И такое возможно.

– В любом случае оригинал кода еще там. Если Саркка или старатель его не уничтожили.

– В этом-то самая суть, – сказал Марк. – Конечно, тут важнее не Нилс Саркка, а код. В дело замешалась политика, уведомили генерального инспектора. И джакару, кажется, тоже заинтересовались.

Я заволновалась как дура.

– Это настолько серьезно?

– Они так считают. Изучили код и сказали, что он очень плохой. Помнишь Тор-пять?

– Семья фермеров, которая отправилась в темноту, – кивнула я.

Они наткнулись на код, заразивший их мемом. Повинуясь древнему императиву, они загрузились на корабли и направили их в межзвездное пространство. Они и сейчас продолжали падать в пустоту, за световые годы от своей звезды, недосягаемые для нас, без горючего и энергии. Корабли были так же мертвы, как люди на них.

– Джакару уверяют, – сказал Марк, – что код Хью окажет такой же эффект на всякого, кто с ним контактирует, с неприятной разницей: он действует медленно, так что носитель успеет заразить и других. Генеральный инспектор приказал отправить на Терминус ударную группу. Я убедил его, что наш департамент тоже должен принять в этом участие. Итак, спрашиваю для протокола: ты хочешь сопровождать ударную группу?

– Ответ готов, босс. Очень хочу.

– Ну конечно… Тогда приказываю: отправляйся домой, переоденься, собери все для долгой дороги и займись личными

делами. В четыре часа жду тебя у себя. Там познакомишься с генеральным инспектором.

Предполагается, что джакару не вмешиваются в дела человечества. Конечно, не вмешиваются. Программа, которую мы сейчас используем как интерфейс для кода, – особая статья. Это важно, потому что она создала прецедент. Разработана она на основе кода, попавшего с разбитого корабля в колонию ульевых крыс в огромном некрополе Западной пустыни. Изучавший улей биолог привлек математиков для расшифровки сложного танца животных, а математики мигом смекнули, что в движениях содержатся огромные массивы информации – колония действует как параллельный процессинговый компьютер.

Все это общеизвестно. Замалчивают другое (вернее, замалчивали – а теперь у меня, как видите, есть веские причины нарушить молчание): тот факт, что код привлек внимание джакару. Невесть откуда вылез аватар с шайкой наемных стрелков и попытался уничтожить биолога вместе с колонией-ульем. Впоследствии джакару заявили, что там действовал преступный элемент, а нам пришлось сделать вид, будто мы им верим. Так или иначе, ученый с местными силами правопорядка сумели отбиться. Громил перестреляли, аватар уничтожили. Меня привлекли к этому делу несколько позже. Офицер местных сил подобрала использовавшийся аватаром прибор. Он не только отслеживал и нарушал кьюфонную связь, но и мог прослушивать сигнал. Мы выкупили прибор, а женщина взамен согласилась молчать об аватаре.

После того инцидента ООН и джакару заключили негласный договор о взаимодействии во всем, что касается борьбы с опасными технологиями. Этим и занимались сотрудники большого, отделанного деревянными панелями офиса генерального инспектора, куда привел меня Марк.

Генеральным инспектором оказалась маленькая, но властная женщина лет шестидесяти. Она пожала мне руку и сообщила, что с сего момента я подчиняюсь сектору В, но я ее почти не слушала, разглядывая человекоподобную фигуру, стоявшую в сторонке. Образцовая кукла, свитая из одной гигантской молекулы металлополимера, в черном костюме с белой рубашкой и в блестящих черных ботинках. Маска существа, которого не видел ни один человек, управлявшаяся через подобие кьюфона оператором, находящимся в любой точке Вселенной. Кукла шевельнулась, шагнула вперед и приветствовала меня сочным баритоном телеведущего.

– Мы с большим интересом следили за карьерой доктора Саркка, – сказала она, – и нынешний ход событий нас

чрезвычайно интересует.

– Эти события могут обернуться весьма серьезной стороной, – вставила генеральный инспектор. – Саркка – опасный человек и вот-вот наложит руки на опасный код.

– Мы исследовали поврежденный код, – продолжал аватар. – Удаленная часть несомненно вредоносна для людей. Мы готовы помочь.

– Мы, конечно, с благодарностью принимаем помощь, – отозвалась инспектор.

Аватар откликнулся длиной речью, описывающей, как благодарны джакару ООН за содействие, а мне – за помощь в устранении труднопреодолимого раскола, и какой это прекрасный пример гармоничного слияния джакару и человечества, и как нынешние небольшие затруднения будут преодолены посредством того же сотрудничества и в особенности – моих талантов, и так далее, и тому подобное, не стану вам докучать. Обычный набор штампов, сложных метафор и звучных сантиментов, похожий на установочный документ транснациональной корпорации, который составляет группа людей, а потом его еще прогоняют через компьютер, чтоб беспощадно искоренить всякий намек на оригинальность и человеческое чувство. Эксперты до сих пор спорят и будут спорить впредь, стоит ли считать разговорный стиль джакару классической симуляцией ИИ закономерностей человеческого мышления, наподобие «китайской комнаты», или же искусной подделкой под симуляцию ИИ закономерностей человеческого мышления, наподобие «китайской комнаты». Имея опыт принимающей стороны в коммуникации с ними, уверяю вас: разницы никакой. Что до меня, то все, о чем говорилось, было невыносимо скучно, так скучно, что следить за смыслом сказанного я почти не могла. Эта речь усыпила бы всякого, кто не накачался бы по уши кофеином и амфетаминами: их поставлял настоящий джакару через механизм неизвестного действия.

Сквозь убаюкивающий слой многословных и банальных разглагольствований – затара меня то и дело пробивал разряд почти невыносимого ужаса – и Марк, *я* генеральный инспектор наверняка чувствовали себя не лучше. Вопреки благим намерениям джакару – или как раз из-за них – невозможно было избавиться от подозрительности, имея с ними дело. Они казались чужими и абсолютно непонятными. Не ангелы и не демоны – кривое зеркало, искажающие самые светлые наши надежды и самые темные опасения.

– Можно спросить? – подала я голос, когда аватар закончил или истратил все слова. – Если вы предлагаете нам помощь… о

какой помощи идет речь?

– Мы здесь только для того, чтобы советовать, не более, – ответил аватар. – Мы в любом случае не хотели бы открывать, что помогаем. Это было бы нарушением нашего договора. Однако, если доктор Саркка воспользуется червоточиной, мы могли бы установить, где находится его корабль, и нам не трудно предать вам эту информацию.

Тут опять встряла генеральный инспектор, напомнив, что джакару обычно воздерживаются от прямого вмешательства, но в данном необычном и вызывающем опасения случае они готовы воспользоваться малоизвестным свойством червоточин для опознания любого корабля, который использует Саркка. Они уже подтвердили, что тот побывал на Терминусе, и поскольку через червоточину этой системы он обратно не проходил, то может и сейчас находиться там. Главное для нас – обнаружить, идентифицировать и уничтожить код. Далее необходимо выследить Хью и Саркку и в крайнем случае выкупить у них отзеркаленный код.

Инспектор назвала максимальную цену, превосходившую совокупный ВВП нескольких земных государств.

– Мы, конечно, не собираемся платить. Саркку арестуют, как только он обратится за деньгами. Будем надеяться, что еще раньше он заразится и нацелит свой корабль в первую попавшуюся звезду.

– Такое возможно, – сказал аватар, – но рассчитывать на это не следует, потому что инкубационный период варьирует.

Я сразу заметила в их плане большую прореху: Нилс Саркка не так глуп и увидит ловушку в моем предложении. А если и не увидит, то все равно ни за какие деньги не расстанется с кодом, способным доказать его гипотезу. Но возражать я не стала: как уже было сказано, я считала, что правосудие в любом случае лучше возможности, что Саркка получит контроль над опасным кодом. Когда инспектор спросила, нужно ли мне время на обдумывание, я ответила, что уже подумала и с радостью принимаю предложение.

Это почти не было ложью.

«Они с самого начала манипулировали нами, Эмма. Играли, как ребенок с клеткой белых мышек. И ведь они очень давно за нами наблюдают. Знают о нас такое, что нам самим неизвестно. Их суждения превосходят возможности и способности обычного человека. Но всего они не знают. Их наблюдение за нашими передвижениями – на Земле и в других местах – не повсеместно. Вот почему мы избегли их цепей. Вот почему мы с тобой здесь».

Два часа ночи. На корабле все спят, только обслуживающие механизмы топочут по своим непостижимым делам за стеной нашего укрепления. Их слышат трое ночных дежурных да я. Я одной рукой пытаюсь заварить чашку зеленого чая, а другой держу кьюфон, слушая десятый или двенадцатый вариант типовой лекции Нилса Саркки о враждебных планах и замыслах джакару.

– Они знали о Хью и Снглтоне, – сказала я. – Знали о коде.

«Нет, Эмма. Они перехватили мои кьюфонные сообщения, которые я посылал другу в Порт-о-Пленти, – он был моим посредником. Что это за код – они не знали, и откуда он взялся – тоже, потому что те бедолаги, Эверетт и Синглтон, сами не понимали, с чем имеют дело, а о том, где находится оригинал, хотели сообщить только после встречи, когда мы покинем Первую».

– И все же на Терминусе тебя выследили.

«Да что ты? Они солгали, когда говорили про код. Могли и об этом солгать. Они не всеведущи, и они врут. Если они боги, то мелкие и достойные презрения. Насчет тебя не уверен, но человечество никак не заслуживает таких подлых богов. Нет, мы стремимся к более высокой цели. Иначе почему мы с тобой оказались здесь?»

– Я – чтобы доставить тебя в суд, Нилс, ты же знаешь.

«Ты здесь, потому что это в твоей природе, Эмма. Ты здесь, потому что хотела сюда попасть. Видишь ли, по большому счету ты не так уж отличаешься от меня».

Я чуть не задохнулась от такой наглости, но вслух отшутилась в том духе, что не о том мечтала, вылетая с Первой, а он больше не настаивал, вернулся к разоблачению заговоров и к криптоистории. Я здесь упоминаю об этом, потому что он не прав. О, у нас, несомненно, есть кое-что общее. В частности – маниакальное стремление любой ценой доводить дело до конца. Но это отступает перед главным различием. Я – на правой стороне, а он нет.

Мы, ударная группа и я, вылетели кораблем-разведчиком класса Q, похожим на поганку из мультфильма: толстый конус с системой жизнеобеспечения на каплевидной ножке термоядерного двигателя. Жилой отсек состоял из более или менее овальной камеры, разделенной сетчатыми платформами; здесь стояли койки, пара переносных туалетов и душевая кабинка, похожая на пластиковое яйцо, столики для пикников, промышленная микроволновка, коммерческие рефрижераторы и ряды стальных шкафов-кладовок. Одним словом, роскошно было, как в дешевом бомбоубежище или в общежитии при нефтяной

платформе, если не считать похожих на устрицы впадин и щелей на стенах – идеального отпечатка помещавшегося здесь прежде агломерата размером с кита: гайяры были колониальной формой жизни и обменивались между собой органами с той же простотой, с какой мы меняемся одеждой разного размера и цвета.

Наш корабль, как все корабли, управлялся исключительно кнопками. Все системы, кроме твердотопливных маневровых по окружности жилого отсека, а особенно – главный двигатель, были запечатаны, загадочны и недостижимы. Пилот, стройная спортивная новозеландка Салли Маккензи, набрала серию команд на лэптопе, подключенном к навигационному пакету, и корабль рванул с орбиты, нацелившись на пару горловин, расположенных на замыкающих точках Лагранжа метанового гиганта системы.

Горловины всех червоточин выглядят одинаково: около километра в поперечнике круглые черные зеркала в кольцевой рамке, заключающей в себе пряди странной материи, которая держит их открытыми; они утоплены в астероиды, с одной стороны срезанные, а с другой обточенные в гладкие конусы, – все это сделала миллионы лет назад безымянная, забытая Старшая Культура, создавшая сеть. В системе Первой две червоточины: одна – к Солнцу и Земле, другая – к красному карлику, расположенному примерно двадцатью тысячами световых лет дальше, на внешней стороне рукава Центавра. В эту червоточину мы и нырнули.

Во время перехода я сидела с Салли Маккензи, наблюдая в высоком разрешении, как червоточина быстро разрастается, превращаясь из блестки в пятнышко, а потом в трехмерный объект, как круглое черное зеркало горловины надвигается на экран, заполняя его. А потом, совершенно не ощутив перехода, мы выпали в точке назначения над ночной стороной горячего супер-Юпитера. Красный карлик вышел из-за планеты, как огненная луна, и корабль направился к следующей горловине, расположенной в шестидесяти градусах по дуге той же орбиты.

На подход к червоточине системы Первой Ступени ушло больше двух суток, а до следующей мы, обогнув супер-Юпитер, добрались за два часа, нырнули в нее и вынырнули рядом с тусклым коричневым карликом, вращавшимся вокруг красного карлика немногим ярче него, – он блестел капелькой крови на темном скате огромной туманности Конской Головы. Сорвавшись с орбиты, корабль метнулся к туманному ледяному гиганту и через три дня при максимальном ускорении нырнул в одиночную червоточину на его орбите.

И так далее, и так далее.

Марк через кьюфон держал меня в курсе следствия по коду. Оказалось, что Наташа Ву оборудовала свою спальню видеокамерой (осторожность девушке не повредит), которая засняла двух громил, вломившихся в квартиру и разнесших ее в поисках архивов кодовой фермы. Обоих взяли в тот же день, и оба, по базе ДНК, оказались замешаны не менее чем в семи убийствах. Один быстро решился принять предложенную Марком гарантию иммунитета и спел все, что знал, в том числе о похищении и убийстве Мейера Лэнски и его семьи, – более чем достаточно, чтобы перейти к Пак Ян Мину. Погибший ветеран, Абело Баез, как стало известно, был вольным стрелком и несколько раз подрабатывал на Мейера Лэнски, специализируясь на выбивании долгов. Посылал ли тот Баеза за Синглтоном и Хью, громила не знал, но Марк считал это вполне вероятным. Мы все еще не выяснили точно, что произошло в мотеле, но выглядело все так, будто человек от Лэнски застал программеров в номере, Эверетт Хью сбежал, а Нилс Саркка принял участие в стычке, в которой погибли и Синглтон, и Баез.

Молодой капитан и шестеро его подчиненных, составлявших ударную группу, проводили время, разбирая и собирая оружие, травили солдатские байки, прогоняли на виртуальных симуляторах различные операции, смотрели видео и спали – много спали, как спят крупные хищники, когда сыты, коротая время до следующей трапезы. В моем присутствии им как будто становилось не по себе – потому, конечно, что я обладала более высокими полномочиями, чем те, кому они привыкли подчиняться, но я нашла отличную собеседницу в пилоте, Салли Маккензи. Во время войны она была полковником воздушных сил Новой Зеландии, три года назад выиграла билет в эмиграционной лотерее и почти сразу вышла в отставку. Теперь она водила космические корабли и мечтала повидать все, чем могли похвастать Пятнадцать Звезд. Она рассказывала мне о драках за море Уэддела и Антарктический полуостров, а я делилась с нею подчищенными версиями различных дел, в которых мне довелось участвовать.

Так мы двигались от червоточины к червоточине, пройдя по цепочке шесть систем, пока не добрались до цели путешествия – звезды 2CR 5938, известной также как Терминус. Так она называлась, потому что на ее орбите располагалась всего одна червоточина. Иными словами, выхода отсюда не было. Конечная станция.

Звезда Терминус представляла собой тусклый красный карлик с большими пятнами. Через ее диск между экватором и полюсом ближе к краю тянулась яркая волокнистая дуга. Всего в

одной десятой светового года находилась звезда GO, почти такая же яркая, как десятки горячих молодых звезд, разгоравшихся в рваной вуали светящегося газа, затянувшей половину неба.

Красный карлик окружали два кольца астероидов – мусора, оставленного давним столкновением с протопланетой; их аккреции в большое небесное тело мешал расположенный на орбите между поясами горячий и плотный супер-Юпитер. Наш корабль падал к внешнему кольцу на краю обжитой зоны Терминуса.

Представитель ООН уже заключил соглашение с советом рифовых фермеров – те благоразумно согласились держаться в стороне из страха заразиться мемом, от которого предостерегали нас джакару. Нашей целью был неприметный мирок, один из десятков тысяч. Похожий на двойной орешек арахиса кусок базальтовых пород нагрелся и оплавился от серии ударных волн, вызванных отклонениями супер-Юпитера от орбиты, и был слегка выщерблен кратерами от контактов с тысячами таких же обломков. Окутанный слоем пыли и мелких хондр, он восьмой миллиард лет вращался вокруг Терминуса, и тревожили его разве что мелкие столкновения, а потом некая безымянная Старшая Культура его планетоформировала, ввела в его центр массы ложку коллапсия – экзотической темной материи плотнее нейтрония, – отчего его гравитационная сила почти сравнялась с Луной, потом обтянула оболочкой квазиживого полимера, удерживавшего атмосферу, и, наполнив оболочку кислородом, азотом и аргоном, засеяла мирок жизнью.

С тех пор через мирок прошли десятки обитателей. Иные исчезали, не оставив никаких следов, кроме слабых изменений изотопного состава атмосферы и биосферы; другие привносили в лоскутную экосистему новые виды растений и микробов, а последние существа, бывшие здесь до людей, оставили руины. Призраки изрыли астероид шахтами и ямами. Коробочники протянули по хребтам и кромкам кратеров цепочку крошащихся сот. Пауки поместили на стационарную орбиту вокруг мятой талии мирка астероид и закрепили его канатом из алмаза и фуллерена, чтобы цеплять к нему свои плетеные корзинки-жилища. Несколько тысяч лет назад на полюсе разбился корабль гайяров.

Мирок, несмотря на богатую историю, был унылым и неприютным: холодным, как арктическая тундра до глобального потепления, занесенным снегами, покрытым льдом, черной бактериальной коркой и подушками водорослей, разраставшихся в закрытых полостях экваториального разлома. Хлопковые деревья плавали в воздухе сплетенными из светлой проволоки

облачками. Люди не дали мирку имени и не удостаивали его внимания, пока кто-то из старателей случайно не нашел в лежащих на его поверхности обломках сохранивший активность код.

Пока наш корабль завершал маневр сближения, ударная группа выстрелила беспилотником, который обогнал нас и выбросил на орбиту мирка три спутника размером с бейсбольный мяч. Спутники скоро установили место катастрофы: овальный кратер под снежной шапкой полюса большей половины «орешка» с разбрызганными вокруг следами металла, выглядевшими на радарных сканах яркими точками. А камеры с высоким разрешением выявили еще и крошечные источники тепла и голубые палатки на экваторе, у основания паучьего каната.

Молодой капитан ударной группы, Джуд Фостер, попросил Салли Маккензи выйти на экваториальную орбиту и приказал своим готовиться к высадке. Об использовании канатного лифта, очевидно, и мысли не возникало: лифты двигались слишком медленно, так что на поверхности нас успели бы заметить и подготовили бы засаду.

– Там чудаковатый ученый и мальчишка-программер, – заметила я. – Едва ли они представляют угрозу для ваших людей.

– Вы, конечно, не забыли, инспектор, что ваш «чудаковатый ученый» разыскивается по обвинению в убийстве, – с ледяной снисходительностью возразил капитан Фостер. – К тому же там может скрываться целая банда преступников. Мой долг – предусмотреть все.

Капитан Фостер был из бриттов, как и я: бледный, светловолосый, лаконичный, а еще поразительно юный – он так и рвался проверить себя в первом настоящем деле. Мы недолго спорили, следует ли мне участвовать в первой выброске или лучше ждать на борту, пока они установят периметр безопасности вокруг основания каната. Я победила. Честно признаюсь, безумно трусила, но твердо решила исполнить свой долг.

Салли Маккензи помогла мне надеть скафандр, а один из солдат на буксире протянул меня вокруг жилого отсека к грузовому, где хранились скутеры. Я заняла место позади капитана Фостера, бойцы на трех других машинах летели по сторонам от нас. Эти скутеры выглядели нелепыми гибридами – мотоциклетные рамы, установленные на узких баках с жидким кислородом, две пары больших винтов спереди и сзади для маневров в атмосфере, – но были быстрыми и верткими. Мирок вырос перед нами, и мы одновременно прорвали пленку неба, оседлали неожиданно сильный ветер и скользнули вдоль красных закатных лучей, косо прорезавших километровый слой воздуха.

Хлопковые деревья, поймав такой луч, взрывались зернышками попкорна, выбрасывали путаницу прочных волокон, создавали стометровые ковры-заплаты, которые проплывали мимо нас со струями утекающего газа и разбивались об оставшиеся в небесной шкуре дыры.

Наши скутеры увернулись от последнего такого ковра и клином пошли вниз. Поверхность крохотного мирка метнулась навстречу: белый лед с клочками черного камня простирался во все стороны от темной башни каната, возносившейся в бронзовое небо. Кто-то из наших восторженно завопил по общему каналу рации. Мне тоже хотелось орать. От страха и возбуждения кружилась голова. На поверхности проявлялось все больше подробностей – мы приближались к рифтовой долине, опоясывающей экватор. Мы проскочили голые скалы, усыпанные по хребту руинами коробочников – пустыми ячейками без крыш, – и отвесно упали вдоль скальной стены к черному пузырю, крепившему канат к дну широкой долины. Все дно было в морщинах и гребнях, изогнутых зигзагами, и некоторые расщелины, залитые ледяными озерами, светились, как осколки зеркала. Между озерами все заросло кустарником и рощицами низких колючих деревьев – тундровым лесом высотой до пояса. У оконечности длинного узкого озера мелькнул клочок чего-то голубого, а потом земля качнулась, и внутри у меня стало пусто – капитан одним рывком развернул скутер и направил его вниз.

У обычной голубой нейлоновой палатки на берегу стоял человек. Одет он был в сапоги, джинсы и черную куртку-дутик. Он поднял руки, когда к нему с двух сторон подступили солдаты. Я, едва сползла с седла, упала на колени – закружилась голова. Бессмысленно ухмыляясь, я кое-как поднялась и потащилась за ударной группой, плохо держась на ногах от низкой гравитации и непривычного давления скафандра. Земля поросла чем-то вроде мха: густым кружевом пузырчатых стебельков цвета свернувшейся крови, которые хрустели и лопались под подошвами. За озером и крутым хребтом небо рассекал надвое канат.

Капитан Фостер, похожий в своем белом скафандре на неуклюжего сказочного рыцаря, зажав в перчатке пистолет, подошел к мужчине и приказал тому встать на колени и заложить руки за голову. Эверетт Хью – это был он, черные волосы падали на его бледный, как бумага, лоб – неуклюже повиновался и сказал:

– Этого не нужно, я все расскажу.

– Где Нилс Саркка? – спросила я.

– Ты один? – одновременно со мной произнес капитан Фостер.

– Нилс давно улетел, – ответил Хью. – Ищет свой путь в историю.

Я решила провести допрос на месте: под запись дрона и при свидетельстве капитана Фостера. Мне интересно было узнать, что происходит с этим мирком и куда и с какими намерениями направился Нилс Саркка, кроме того, я хотела, чтобы показания принял суд. Тогда я еще думала об этом.

При всем своем виде крутого отчаянного хакера – непокорная грива крашенных в вороной цвет волос, серебряные колечки по всему уху, черепа на цепочке вокруг шеи, татуировки на шее и пальцах, кожаный жилет и белая мятая рубаха под дутиком, синие джинсы в обтяжку и ковбойские сапоги – Хью был молод и наивен. Он сказал, что в палатке мы найдем кьюфон, парный к аппарату Саркки.

– Если хотите знать, что и как случилось, позвоните ему. Он все растолкует куда лучше меня.

Его спокойствие объяснялось не отвагой, а юношеской самоуверенностью и неведением. Он действительно не понимал, во что влип. Он отказывался признать, что Саркка его использовал и бросил, и до конца твердил, что они вдвоем сделали доброе дело и он горд, что помогал ученому.

Я хочу объяснить вот что: хотя Хью вроде бы охотно сотрудничал, все, сказанное им, было окрашено его верностью Саркке. Я не оправдываю произошедшее, но именно потому я допустила то, что случилось. Я считала, что Хью говорит не всю правду, иногда лукавит и утаивает какую-то существенную информацию. Саркка отравил разум этого юнца. В случившемся он виноват не меньше других.

Так или иначе, мы с капитаном Фостером решили воздержаться от удовольствия беседы с Нилсом Саркой, пока не узнаем все, что можно, от Эверетта Хью. И допрос поначалу шел вполне гладко. Мы проводили его в палатке: Хью примостился на складной табуретке, мы с капитаном Фостером нависали над ним в своих скафандрах, а дрон парил у меня над левым плечом. Хью с готовностью признал, что, как я и подозревала, они с Синглтоном не пытались отзеркалить код – они просто взломали базу данных кодовой фермы, выяснили, откуда тот взялся, после чего стерли и код, и все сведения о нем. Когда я заметила, что, к сожалению для них, Мейер Лэнски хранил дубликаты базы у себя дома, Хью пожал плечами и ответил, что они в своих планах учитывали такую возможность.

– Я надеялся, что Лэнски к вам не обратится, потому что ему тогда пришлось бы признать свои махинации на черном рынке. И еще я считал, что, даже если у вас в руках окажутся дубликаты,

пройдет время, потому что вам нельзя просто так взять и сорваться на поиски, сперва нужно получить документы, приказы и тому подобное. Нилсу и мне хватило бы времени сделать все, что нужно.

Он сказал, что стер код, потому что Лэнски требовал, чтобы каждый клочок проверялся тремя разными людьми, и следующий программер наверняка бы понял, что это за штука и что она значит. А потом, опасаясь, что их проделка вскроется, они с Джейсоном Синглтоном залегли на дно и уже из укрытия связались с Нилсом Саркkой.

– Я, как увидел код, сразу смекнул, что это может быть полезно для Нилса. Но связаться с ним удалось не сразу. А потом он еще проверял, не полиция ли подстроила ему ловушку. Пока тянулось время, нанятый Лэнски парень выследил нас с Джеем. Не знаю как, хотя у Джея была подружка – вы не в курсе? О, похоже, вам многое неизвестно. Так вот, Джей вроде бы звонил ей в последний раз, перед тем как мы сбежали, и этот звонок перехватили. То ли тот парень подсадил жучка к ней на линию, то ли он вломился к ней домой и ждал там, не объявится ли Джей. Надеюсь, что нет, она мне нравилась. Так вот, громила объявился в номере, пока я встречался с Нилсом. Джей заперся в ванной и позвонил мне, Нилс сказал, что разберется – и что мне, с тем, что я знаю, нельзя подставляться. У него был пистолет – он ведь рисковал наткнуться на врагов, когда вернулся в Порт-о-Пленти. Ну так вот, он ушел, а через час мы встретились, и он сказал, что Джей мертв. Это уже было плохо, но он еще сказал, что там находился аватар джакару. Человек, который работал на Лэнски, тоже оказался мертв – аватар, верно, выследил и убил его. И склонялся над Джеем. Нил в него выстрелил, аватар взорвался, и номер загорелся. Нилс не смог вытащить Джея. Он сказал, Джей уже умер, ничего нельзя было сделать.

– Чушь! – воскликнула я. – Саркка скормил тебе фальшивку, Эверетт. Дай объясню, откуда я это знаю. У твоего приятеля в легких нашли частицы сажи. Значит, он еще оставался жив, когда начался пожар. И не было там аватара. Саркка убил человека Лэнски из какого-то лучевого оружия, оно подожгло комнату, а твоего дружка Саркка оставил гореть – не стал рисковать собой, спасая его.

– Нилс сказал, что там был автар, и я ему верю, – ответил Хью, глядя мне прямо в глаза. – И не потому, что он не стал бы мне лгать. После того как мы связались с Нилсом, ферму взломали. Вы знаете, как сложно проникнуть на кодовую ферму? Практически невозможно. Но кто-то – или что-то – сумел. Нечто, знавшее, что к нам попал особый код и что мы собрались

передать его Саркке. И хотело проверить, что именно мы унесли.

Я сказала ему, что знаю о взломе, но предполагать участие в нем джакару – просто фантастика. Стараясь завоевать расположение Хью, я добавила, что понимаю, почему он в это верит.

– Ты чувствуешь свою вину за гибель друга. Конечно чувствуешь. Но взгляни правде в глаза, Эверетт. На самом деле твоего друга убил Саркка. А тебя он не тронул только потому, что нуждался в твоей помощи для копирования и использования кода.

Я действовала правильно: добивалась, чтобы Хью отказался от верности сообщнику, пыталась его изолировать. Но Хью отказывался признать свою ошибку и упрямо твердил:

– Не надо было мне оставлять Джея одного в номере, когда я отправлялся на встречу с Нилсом. Джей сам предложил разделиться – на случай, если что-то пойдет не так, но я не должен был соглашаться. Это на мне до конца жизни. И – да, я чувствую свою вину. Но я ничего не выдумываю. А если Нилс такой мерзавец, как вы говорите, позвольте спросить: отчего он не убил меня, когда я отзеркалил код и загнал в его навигационный пакет?

Тут заговорил капитан Фостер, и его вмешательство только усугубило положение.

– Ты признаёшь, что нашел оригинал кода – нашел вместе с Саркой? Ты сказал, что ты его отзеркалил.

– Ну да. Мы же не на лыжах кататься прилетели на эту жалкую скалу. Мы его отзеркалили и уничтожили оригинал. Я покажу вам место.

– Код содержит опасный мем, – сказал капитан. – Ты, возможно, заражен, и Саркка тоже.

Хью расхохотался.

– Вы что, поверили? А, вот почему вы не снимаете скафандров! Ну, не знаю, кто наговорил вам такое, но это чепуха. Полная чепуха. Нилс не заражен. И я не заражен. И код – не мем. Я, когда на него наткнулся, сразу понял, что он такое, хоть и не знал, куда он ведет, пока не отзеркалил его и не воткнул копию в навигатор Нилсова корабля. Я в кодах разбираюсь. – Хью ткнул себя пальцем в лоб. – У меня на них хватка. Покажите мне код – и я сразу скажу, ценный он или нет, поврежден или цел и что ему нужно, чтоб заработать. Люди вроде меня знают, как использовать странный, дикий и дивный мусор, что валяется у нас под ногами. Нас надо бы славить как героев. Поддерживать. А вместо этого пигмеи вроде вас норовят связать нас правилами и установлениями. Вы хотите поставить вне закона нормальное

человеческое любопытство. Хотите контролировать человеческую фантазию.

Он как попугай повторял за Нилсом Саркка, внушая себе, что он выше меня. Я сказала, что код опасен и его следует немедленно обезвредить, а он покачал головой и повторил, что этот никакой не мем.

– Я, как его увидел, сразу понял, с чем имею дело. Понял, что это информация для загрузки в навигационный пакет. И я, знаете ли, не ошибся.

Я видела, что с этой точки его не сдвинешь, потому сдала назад и зашла с другой стороны.

– Нилс Саркка забрал код и сбежал, бросив тебя здесь. Не много ты выгадал, а?

Хью пожал плечами.

– Я сам вызвался остаться. Корабль не рассчитан на двоих.

– Он мог отвезти тебя на одну из ферм внутреннего пояса.

– Он собирался связаться с фермерами, когда окажется на достаточном расстоянии. Чтобы они меня забрали.

– Откуда тебе знать, – может, Саркка оставил тебя умирать, а сам отправился на Либертарию сбывать код?

Хью рассмеялся.

– Думаете, он рискует ради денег? Мы с Джейсоном ввязались в историю за идею. Код может оказаться важнее любой прибыли. Это не исполняемый файл, а информация. Такая информация, какую джакару вычистили из навигаторов всех кораблей во всех известных Саргассах. Но они не всеведущи. Они, к примеру, упустили код с разбитого корабля в Городе Мертвых – код, давший нам интерфейс. И здешний код тоже проворонили. Это позволило нам с Нилсом выйти на нечто чудесное. Такое, что позволит нам выиграть войну.

– Мы с ними не воюем, мистер Хью.

– Да неужели?

В его взгляде была ледяная уверенность. О, Саркка глубоко запустил в него свои когти.

– Скажи, чем ты считаешь этот код, – попросила я.

– Отчетом. Информацией о том, откуда пришел корабль. Локацией. Мы точно не знаем. Нилс как раз и отправился проверять.

– Мистер Саркка мог доставить тебя к фермерам внутреннего пояса. Мог попросить их помощи в поисках того, что надеялся найти. Вместо этого он бросил тебя здесь. Почему? Из-за тщеславия и жадности. Он хочет получить все сам: и славу, и деньги:

– Это я вызвался остаться, – повторил Хью. – Если бы он меня

бросил, разве оставил бы мне кьюфон? А если вы мне не верите, почему бы вам ему не позвонить?

– Не вижу признаков того, что ваше партнерство было равноправным, – сказала я. – А телефон Саркка оставил, чтобы хвастать своими деяниями.

– Поговорите с ним. Послушайте его, – настаивал Хью.

– Он оставил тебя на смерть, Эверетт. И сбежал на Либертарию продавать код.

– У вас только деньги на уме, – рассмеялся Хью. – Мы с Джейсоном не продавали код Нилсу. Мы его отдали.

Он действительно верил, что Нилс Саркка поступает правильно, что они все еще, можно сказать, партнеры, что ученый вышел на след какого-то чуда, способного изменить историю. Парень провел нас к месту, где нашли оригинал кода, – примерно в километре от ударного кратера на верхушке большей из двух «почек» мирка – и показал шурф, пробитый старателем, который нашел его первым, показал разбитые и обгорелые обломки, по его словам, содержащие в себе код, и хвастливо поведал историю его открытия. Действительно, в разбросанных фрагментах еще сохранились следы кода, хотя определить, был ли он активным, не представлялось возможным, а Хью отказался сообщить, что в действительности содержал код, куда отправился Саркка и что надеялся найти.

С этого и начались неприятности. Идея усиленного допроса принадлежала капитану Фостеру, а я его поддержала. Мы оказались в сложной и опасной ситуации, нам необходимо было разобраться, а наш единственный свидетель отказывался нам помочь, так что пришлось его принуждать. Полные и правдивые сведения были необходимы для нашей безопасности.

Так что мы надели на Хью наручники и поставили его на колени на холодную голую скалу у штрека. Я объяснила, что именно мы собираемся сделать, и сказала, что у него остался последний шанс: если он правдиво ответит на все вопросы, будет говорить добровольно и ни о чем не умалчивая, он выкарабкается и даже окажется героем. Какими словами он оценил мое предложение, я вам не буду передавать. Тогда один из солдат зажал Хью голову, а капитан Фостер, деликатно взяв пластиковую соломинку пальцами перчатки, вдул ему в нос дозу верасидина.

Верасидин разработан на основе технологии Старшей Культуры. Суспензия механизмов величиной с вирус впрыскивается в кровоток, преодолевает гематоэнцефалический барьер и проникает в определенные участки коры головного мозга, подавляя некоторые когнитивные функции. Одним словом, это высокотехнологичная сыворотка правды. Применение ее

незаконно на Земле и на Первой Ступени, но мы находились в полевых условиях, практически в боевой ситуации. Мы сделали то, что должны были, и не знали – да и откуда бы? – какую реакцию выдаст Хью Эверетт, когда рой крошечных машинок проникнет к нему в мозг.

Может, у него была врожденная аллергия на верасидин – ей подвержен небольшой процент людей. Может, долгие часы взаимодействия с кодом сенсибилизировали парня. Не прошло и секунды, как глаза его закатились под лоб, а тело скрутил жестокий приступ эпилепсии. Он дергался, корчился и брызгал кровавой пеной, он потерял контроль над сфинктером и мочевым пузырем. Мы уложили его на землю и сделали, что могли, но приступы шли один за другим. У него остановилось сердце – мы запустили его. Нам удалось запихнуть парня в герметичный пузырь, прикрепленный к одному из скутеров, и мы повезли его на корабль в надежде вылечить там. Но приступы продолжались, и он умер в пути.

Капитан Фостер был потрясен смертью Хью и хотел отправиться домой. Тело поместили в герметичный ящик; местонахождение оригинального кода мы установили и получили подтверждение, что он уничтожен; нам ничего больше не оставалось, кроме как написать рапорт с оправданием наших действий и доказательством полной невиновности. Я возразила, что мы еще не закончили, потому что Нилс Саркка по-прежнему остается на свободе и имеет при себе отражение кода. Горловину червоточины он не проходил, иначе бы нас уведомили, а следовательно, еще был шанс его догнать. Если это удастся, сказала я, мы полностью очистим себя, если же нет, вся ответственность за смерть Хью ляжет на нас.

Я уже неплохо представляла, куда мог направиться Саркка, и послала вызов нашему представителю у фермеров внутреннего пояса с просьбой поискать среди них астронома-любителя. Через час мне прислали сделанную пятидюймовым рефлектором фотографию, на которой горела новая звездочка в нескольких градусах от круглого пятна звезды-спутника Терминуса. Без сомнения, это был корабль Саркки.

Капитан Фостер уверял, что шанса поймать его у нас нет, что он слишком нас обогнал и, в любом случае, у нас не хватит горючего для погони.

– Мы даже не знаем, к этой ли звезде он летит. Он заражен. Мем гонит его вовне без какой-либо цели.

Я заметила, что Хью, во всяком случае, не проявлял признаков инфицированности, а если Саркка охвачен слепым стремлением вовне, почему он направляется прямо к звезде?

– У вас его кьюфон, – напомнил капитан. – Почему вы его не спросите?

– О, я спрошу. В свое время.

Я начинала понимать, что надо делать. Идея мне не нравилась, но другого способа достичь удовлетворительного результата и доставить Саркку в суд я не видела.

Поэтому мы полетели к внутреннему поясу, на совет фермеров. Те заявили, что ничего не знают о Сурехе Шриваставе – открывшем код старателе, – и уверяли, что он работал во внешнем поясе нелегально. В общем и целом я им поверила. Такое пиратство встречается все чаще, и к тому же это объясняло, почему мистер Шривастав не стал с нами беседовать. Фермеры сказали также, что им неизвестно о маленькой экспедиции Саррки и Хью, и дали понять, что не рады вмешательству ООН в свои дела, равно как и опасности, которой их подвергли без их ведома. К счастью, я нашла союзницу в лице председателя совета Раджо Хирананд – суровой, циничной и чрезвычайно умной женщины. Действовала она не вполне бескорыстно – рассчитывала, что ее община получит долю от прибыли, которую могло принести открытие Нилса Саркки, – но сердце у нее было на месте.

– Думаю, твоей карьере в ООН конец, – сказала она, когда совет проголосовал за мое предложение. – Когда все кончится и ты вернешься, мы найдем место для такого специалиста.

Я ее поблагодарила, но призналась, что провести остаток жизни, выпасая небесных овец, выращивая кукурузу и фармацевтический табак, – не совсем то, о чем я мечтала.

– Мы здесь не только этим занимаемся, – возразила Раджо. – Ты подумай. Времени на размышления у тебя хватит.

– Прежде всего, – сказала я, – мне предстоит объясниться с боссом.

Я боялась ему звонить. И правильно. Кьюфон идеально передал холодный гнев Марка Година через все световые годы – прямо мне в ухо, в мозг и в сердце. Я понимала, что извиняться бесполезно, да к тому же соглашалась с его оценкой ситуации. Задание полетело к черту; хоть меня определила на эту миссию генеральный инспектор ООН, но старшим офицером была я, и моя неудача добавила несколько запутанных узелков к невероятно сложному клубку дипломатических и юридических проблем. И все же мне было больно, когда Марк, забыв о годах моей верной службы и не желая признавать моей жертвы, разрубил все связи между нами.

Когда он замолчал, я попросила о последней услуге.

– Пусть Варник проведет следовой анализ выгоревшего

номера мотеля. Пусть поищет необычные материалы. Если что-то найдет, пусть сравнит с остатками аватара, уничтоженного в гнезде ульевых крыс Некрополя.

«Саркка солгал, Эмма. Не было там аватара. Синглтона и наемника убил он».

– Я могу обратиться с просьбой к городской полиции. Но, учитывая дипломатические сложности, по-моему, лучше это сделать вам.

«Надеюсь, вы не угрожаете?» – Марк нашел в антарктических льдах новые глубины.

– Я не хочу поднимать шум. И так уже чересчур много информации просочилось наружу. Но это слишком важно, чтобы не учитывать.

«Джакару не стали бы нарушать соглашения», – сказал Марк.

– Мы не знаем, на что они способны, – возразила я и добавила бы еще кое-что, но он прервал связь.

Марк позвонил на следующий день. Я к тому времени была на борту самого большого из фермерских кораблей, а Терминус гас за кормой. Варник не нашел обломков, сказал Сарк, но обнаружил следовые количества кремния, и легированного фуллерена, и еще низкотемпературных сверхпроводников.

– От аватара?

«Если бы это было не так, я бы сразу сказал. Сейчас я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что найденные Варником следы соответствуют составу находящихся в нашем распоряжении обломков аватара».

Итак, ответ я получила.

– Это ничего не меняет, – добавил Марк, выслушав мои благодарности. – Мы, даже застав аватар на месте преступления, могли бы разве что предъявить формальный протест. Потому что это соглашение для нас полезно. Потому что никто не хочет портить отношения с джакару.

Я сказала, что понимаю, и спросила, как идут поиски старателя Сурeха Шривастава.

«Следствие закрыто. Извини, Эмма. Даже если ты поймаешь Саркку, твою карьеру это не спасет».

– Дело не в моей карьере.

«Словом, доброй охоты», – пожелал мне Марк и прервал связь.

И вот, шесть месяцев спустя, мы гонимся за кораблем Нилса Саркки, несущимся к угольно-черному газовому гиганту. Нилс опережает нас всего на пару миллионов километров и, как мы давно догадывались, скоро выйдет на орбиту. Мы нагоняем,

потому что продолжали ускоряться даже после того, как его корабль прошел поворотную точку и начал тормозить. Теперь нам придется сбрасывать избыточную дельта-вэ[15], нырнув во внешние слои атмосферы гиганта, совершив акробатический маневр, который проверит на прочность корабельный корпус.

Корабль фермеров не оборудован для подробной разведки планет, но та аппаратура, что мы собрали за время долгого преследования, не обнаруживает источника радиоизлучения, кроме пульсации магнитного поля гиганта, а визуальное наблюдение не выявило артефактов ни на одной из лун. Что не означает что их там нет. Отсутствие доказательств – не доказательство отсутствия. Возможности наблюдения у нас сильно ограничены, а если Саркка прав и здесь прячутся последние гайяры или иные Старшие Культуры, значит они не стремятся, чтобы их обнаружили.

И если код дал Саркке точное местоположение базы или замаскированной ячейки, мы повиснем у него на хвосте. К счастью, пилот он тот еще. Мы уже поняли: он потому ничего не противопоставил нашей тактике, что не умел. Под конец гонки я начинаю надеяться, что мы его захватим прежде, чем он наделает серьезных бед.

Думаю, он понимает, что игре конец. Потому и пытается торговаться со мной, а через меня – с Раджо Хирананд и ее советом. При первых переговорах он держался высокомерно, давал почувствовать свое интеллектуальное и моральное превосходство, уверял, что его должна судить история, а не простые смертные. Теперь он готов поделиться величайшим открытием за все время с момента появления в небе Земли порхающих кораблей джакару.

«Честно, пятьдесят – вам, пятьдесят – мне, Эмма, – говорит он мне, пока мы пересекаем орбиту одной из дальних лун газового гиганта. – Больше дать не могу».

– Пятьдесят процентов от нуля – нуль, Саркка.

«Я их найду. Как-никак они меня сюда привели».

Нилс Саркка уверяет, что общался с Сурехом Шриваставом до того, как покинул Либертарию, чтобы встретиться с Эвереттом Хью и Джейсоном Синглтоном на Первой Ступени. Он говорит, будто старатель сказал ему, что не случайно наткнулся на код. Нет, он возвращался домой после проверки пары мирков из внешнего пояса Терминуса, когда принял мимолетную волну радиошумов короткого спектра – взвизг вроде пожарной сирены Господа Бога, по его словам. Это привлекло его внимание, и старатель повернул обратно, высадился на мирок и пешком дошел по его замершей поверхности до места крушения,

ориентируясь на слабую, но отчетливую пульсацию сигнала. До сих пор ни один код не был помечен таким образом, и Нилс Саркка убежден, что кто-то или что-то привело к нему Шривастава. Не джакару, а одна из Старших Культур. Еще он верит, не имея ни клочка доказательств, будто Старшие Культуры хотят, чтобы мы их нашли. Что они готовы нам помочь, рассказать все, что им известно о планах джакару и об истории сети червоточин.

Сколько раз я говорила ему, что считаю эту историю сказкой, и сейчас повторяю снова, добавляя, чтобы его подколоть:

– Если там что-то есть, не захватить ли нам все это целиком и не посадить ли в тюрьму?

«Ты должна рассказать фермерам о моем предложении, Эмма. Ты им обязана как их гостья. И своим боссам на Первой тоже сообщи. Свяжись наконец со всеми заинтересованными сторонами, а потом возвращайся ко мне».

Ну, мне, конечно, не хочется говорить с боссом. В ООН меня ждут крупные неприятности, а с Марком Годином и с другими официальными лицами у меня не было связи с момента начала погони. Но я вызываю Раджо, пересказываю последний разговор с Нилсом и озвучиваю его предложение, а она говорит, что должна обсудить это с советом. К счастью, обсуждение не занимает много времени.

– Мы не отказываемся от соглашения, – говорит Раджо. – Мы захватим Саркку, а если ты там что-то найдешь, разберемся потом.

Я говорю ей, как рада, что они с советом насквозь видят Саркку и его предложения.

– А ты думала, мы нарушим слово? Верь нам, Эмма. Как мы верим в тебя.

Я вызываю ученого. Его корабль приблизился к холодному, угольно-черному лимбу планеты, а мы готовимся к торможению в атмосфере. Саркка целых десять минут не отвечает, а когда наконец берет трубку и я начинаю разговор о том, что фермеры отказались иметь с ним дело, он говорит, что это не важно. Такого тона я давно у него не слышала. От его маниакального восторга мне делается не по себе.

«Поздно заключать сделки. Мне достанется все! Все, что здесь есть. Ты в конечном счете не моя немезида, Эмма, Ты – моя свидетельница!»

Он дает отбой и не отвечает на повторные звонки, а потом его корабль скрывается за лимбом газового гиганта. Мы не увидим его, пока не затормозим об атмосферу.

Я помогаю команде все закрепить, а потом мы

пристегиваемся к амортизаторам и, подключившись к интерфейсу, наблюдаем, как вздуваются нам навстречу черные на черном фоне полосы газового гиганта. В тот момент, когда корабль задевает кромку атмосферы и в первый раз содрогается и стонет под навалившейся перегрузкой, когда поле зрения заливает фиолетовое сияние, а атмосфера нагревает корпус и обволакивает его ионизированной плазмой, кто-то из экипажа выкладывает кадр со снимком обработанного куска скалы, вращающегося на краю системы кольца. Конус с гладким основанием. Горловина червоточины.

В следующее мгновение мы входим в последнюю стадию маневра. Плазма, горячая, как поверхность газового гиганта, окутывает корабль, гравитация грозит раздавить нас. Я пытаюсь дышать, хотя кажется, что целая пиратская команда уселась мне на грудь, сердце колотится как сумасшедшее, перед глазами порхают черные клочья. Корабль дрожит и стонет, наполняется страшным ревом, оставляя на газовом шаре пламенную царапину длиной десять тысяч километров. А когда плазма снова темнеет и перегрузка спадает, раздается пугающий грохот: пилоты запустили твердотопливный двигатель, подправляя дельта-вэ, пока мы выбираемся из ночной тени планеты и направляемся к кромке кольца.

Позже.

Мы замкнули первый круг орбиты, но не увидели и следа корабля Саркки. Есть только одно место, куда он мог скрыться, и перед нами не стоит вопроса, что делать, несмотря даже на то что запас горючего угрожающе мал. Сейчас мы на подходе и снимаем все на видео, передавая его через кьюфон прямо на Терминус. Если мы погибнем, за нами придут другие.

Черное зеркало червоточины бросается на нас, а потом кругом расцветают звезды.

Тысячи звезд, пылающие самоцветы, горстями разбросанные всюду, куда ни глянь. Звезды всех цветов и пряди светящегося газа между ними.

Мы в сердце шарового скопления, на орбите планеты вдвое больше Земли, от полюса до полюса одетой льдом. В небе так много звезд, все они такие яркие и так близки друг к другу, что мы только через несколько минут находим среди них солнце планеты – неприметный красный карлик, тусклый и скромный, как все пятнадцать звезд, подаренных нам джакару, теряющийся на фоне соседей.

В миллионах километров от лимба ледяной планеты – группа из шести червоточин, расположенных по углам шестиугольника. Корабль Саркки движется к ним на голубом пламени

твердотопливного двигателя.

Вокруг меня взрывается шум голосов: корабельная команда ошеломленно гадает, куда могут вести червоточины, обитаема ли ледяная планета, есть ли в этой системе или в других обитаемые планеты, луны, планетоформированные астероиды.

– Это же новая Империя! – восклицает кто-то.

Мой кьюфон звонит.

«Видела? – говорит Нилс Саркка. – Рискнешь за мной?»

– Ты не нашел, что искал.

«То, что я нашел, еще лучше!»

Кто-то из команды говорит, что запас топлива близится к критической точке. Едва хватит вернуться к червоточине, из которой мы выскочили. А если не вернемся, запасной корабль нас ни за что не найдет. Мы останемся зимовать здесь.

Я прошу Нилса Саркку вернуться с нами, но он с хохотом обрывает связь. А потом, приближаясь к горловине червоточины, посылает короткое видеосообщение. Я наконец вижу его воочию и поражаюсь. Прежде он был хорош собой, имел крепкое сложение, но после шести месяцев одиночества в замкнутом пространстве и на голодном пайке он походит на жертву кораблекрушения: длинные седые волосы стянуты на затылке, впалые щеки под нестриженой бородой, запекшиеся губы, глаза запали в темные глазницы. Но взгляд живой и улыбка, как у марафонца, коснувшегося грудью ленты после долгой изматывающей дистанции.

«Я называю эту звезду – эти ворота к несказанным чудесам – звездой Саркка. Я пришел сюда от имени человечества и иду дальше ради человечества. Однажды я вернусь с полным и окончательным ответом на парадокс Ферми. А пока – не судите меня».

И он исчезает. Мы летим к червоточине, которая вернет нас к звезде G0, команда все болтает о новых мирах и неисследованных звездах, и я думаю: а что, если он прав?

Если все-таки он – герой, а я – злодейка?

АЛЕКСАНДР ИРВИН
СЕДЬМОЕ ПАДЕНИЕ

Александр Ирвин продал свой первый рассказ в 2000 году в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и с тех пор не раз печатался в этом издании, а также в «Asimov's Science Fiction», «Subterranean», «Sci Fiction», «Strange Horizons», «Live Without a Net», «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Starlight 3», «Polyphony», «Electric Velocipede» и других. Его перу принадлежат романы «Осколки нефрита» («Scattering of Jades»), «Один король, один солдат» («One King, One Soldier»), «Теснина» («The Narrows»), «Выкуп» («Buyout»), «Железный Человек. Вирус» («Iron Man: Vitus»). Рассказы писателя представлены в сборниках «Песнь Россетти» («Rossetti Song»), «Непредвиденные последствия» («Unintended Consequences») и «Фотографии из экспедиции» («Pictures from an Expedition»). Александр Ирвин живет в Садбери, штат Массачусетс.

Нижеследующая захватывающая история переносит нас в раздробленное на части общество, медленно сползающее в варварство после величайшей катастрофы, поставившей его на колени; немногие разобщенные люди пытаются держаться за обломки знания и культуры Прежних Дней – дорогой ценой для себя самих.

Старик Уорнер ронял слезы на гниющие доски сцены. «Я проехал тысячи миль, – думал он, – в такое скверное время года, но даже здесь книги обратились в прах, давным-давно унесенный ветром вместе с опавшими листьями». Он плакал не из-за того, что забрел слишком далеко на север, слишком поздно, и теперь зима наверняка настигнет его прежде, чем он сможет опять убраться к югу, и будет по-настоящему большой удачей, если он сумеет пережить это путешествие. Он плакал не по Сью и ребенку, которого она родила, а может, и не родила ему. Старый Уорнер оплакивал голоса, звучавшие когда-то в театре, посреди которого он стоял, страницы книг, где были напечатаны слова, которые эти голоса произносили. «Я умру, так и не увидев их», – подумал он и неожиданно для себя заговорил.

– Посмотрите, какое ничтожество вы из меня сделали, – сказал он. – Похоже, вы играете на мне; вам ведомы все мои паузы; вы ковыряетесь в самом сердце моей тайны; вы извлекаете из меня звуки, от самой низкой ноты до верха моего диапазона; но в этом маленьком органе много музыки, прекрасный голос…

Он умолк и стоял, беззвучно плача. Немного погодя он нашел в себе силы закончить:

– Однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил[16].

Пустые развалины Театра Мендельсона на бывшей территории Мичиганского университета не ответили, а дальше Уорнер не знал.

– Мечта каждого актера – играть Датчанина, – сказал отец Уорнера.

– Кто такой Датчанин? – спросил Уорнер.

Ему было одиннадцать, и он еще играл в основном женские роли. Офелию одну из ведьм в «Макбете», Розалинду. Отец говорил, что он подает надежды.

– Ты слишком стар, Уорнер, – сказал он себе. – Во всяком случае, слишком стар, чтобы играть эту роль. Зачем ты ищешь?

Он говорил так каждый раз, это был его ритуал, его таинство неудачи, повторявшееся в библиотеках от Скалистых гор до затонувших призраков великих восточных городов. И, как делал это всегда, Уорнер полез в рюкзак и отыскал тонкую перевязанную пачку бумаги – все, что у него было от пьесы, которой он посвятил жизнь. Он перечел ее: акт первый почти полностью, спасенный из пожитков отца, по половине и еще отрывки актов второго и третьего, причем в обоих третья сцена целиком (в дороге Уорнер произносил вслух монолог Короля, чтобы не задремать на спине Тачстоуна, и отвечал гамлетовским «И буду ль я отмщен?», обращаясь к лесам и полям, что были когда-то Соединенными Штатами Америки); всего по несколько строк из актов четвертого и пятого. Его не раз поражало, насколько маловероятно было, что его знание пьесы будет так очевидно убывать от начала к концу. Разве не следовало ожидать, что у него окажется понемногу от каждой части? Слова, слова, слова. Сам история, Уорнер двинулся дальше.

Собранные части пьесы, однако, усиливали его уверенность в том, что он исполняет предначертание судьбы. Каждая страница, каждая строчка, которые он находил гибнущими в библиотеках, школах и жилищах, чьи давным-давно умершие владельцы не сожгли все свои книги вместо дров во время Долгой Зимы, побуждали его искать дальше. Уорнер жил лишь ради того дня, когда сможет собрать воедино текст, распределить роли, отыскать театр подальше от Миссионеров и услышать слова, звучащие вновь так, как они должны звучать.

Сент-Луис выглядел намного хуже, чем Чикаго или Кливленд. Уорнер видел рисунки и даже кое-какие фотографии городов Восточного побережья или того, что от них осталось. Сент-Луис был очень похож на эти фотографии. Падение отверзло все

разломы в земной коре, и, по словам отца, Мемфис и Сент-Луис были уничтожены землетрясениями, прежде чем пожар и наводнение окончательно превратили эти города в руины. С другого берега Миссисипи Уорнер видел остатки опор Арки, одна выше другой. Вода закручивалась вокруг их оснований и переливалась над развалинами Лаклидс-Лэндинг. На этом берегу они остановились посреди огромного железнодорожного депо, с локомотивами и вагонами, валяющимися там, куда забросило их землетрясение, сорвав с рельсов. Они осторожно подошли к урезу воды и ждали у подножия разрушенного причала, где написанная от руки табличка гласила: «Чтобы переправиться, машите белым флагом».

– Толстый Отис, – сказал отец Уорнера, – твоя рубашка – лучший белый флаг из всего, что у нас есть.

И Толстый Отис привязал свою рубаху к концу палки и размахивал ею, покуда с берега Миссури не помахали в ответ. На севере и юге из реки торчали сваи обрушившихся мостов. Перевозчик подплыл к ним, и они уговорились о переправе. По пути на ту сторону отец Уорнера спросил, где они могли бы играть. Лодочник пожал плечами.

– Зависит от того, куда вы держите путь, – сказал он. – Идете на север – там мокро. Не знаю, кто там живет. Идете на юг – там тоже мокро. Идете слишком далеко на запад, в Округ, – попадете к бандитам. В городе можно потолковать с Пухольсом. Он на стадионе.

– Года через три, мой мальчик, ты будешь играть мужчин, – сказал он.

Юный Уорнер сгорал от нетерпения, торопя время. Единственный раз ему дозволили выйти на сцену в качестве мужчины в роли Пака, но ставить «Сон в летнюю ночь» в некоторых частях страны было опасно. Чем богобоязненнее край, тем больше вероятность, что за изображение эльфов и фэйри вас сожгут на костре.

– Гамлет, – ответил отец. – Величайшая из ролей, когда-либо написанных для сцены, в величайшей из всех написанных пьес. Когда-нибудь ты сыграешь ее.

Уорнер изучал шелестящие страницы Риверсайдского издания Шекспира, пока караван с грохотом и скрипом пробирался по Старой 55-й дороге из Чикаго к Сент-Луису. Когда они расположились на ночлег в зоне отдыха, разбив палатки, отец остановил его.

– В сутках всего двадцать шесть часов, мой мальчик, – сказал он. – В году триста тридцать семь дней. Ты не сможешь прочесть все.

Они смотрели на звезды и ели вяленую говядину и лепешки. Гирлянда малых лун тянулась, пересекая полумесяц – улыбку Луны. Некоторые были достаточно большими, чтобы получить имена – отец Уорнера называл большинство из них именами ремесленников из «Летней ночи», – в то время как другие появлялись и исчезали слишком быстро, чтобы удостоиться названия. Это было всего через пятьдесят лет после Падения.

Уорнер услышал в своем голосе шелест опадающих листьев, едва уловимый шепот могилы. «Великое дело – сон в теперешние времена, – подумал он устало. – Когда я просыпаюсь, я молю о том, чтобы снова уснуть». Он сел на своего коня Тачстоуна и поехал по Стейт-стрит к Уильям, мимо разрушенных магазинов по обеим сторонам улицы и деревьев, растущих сквозь провалившиеся крыши. На Уильям он покинул заросшую травой улицу и въехал в рощу, имевшую когда-то форму четырехугольника. Отец Уорнера научил его этому слову, когда он был мальчишкой и слушал, как старшее поколение рассказывает о жизни до Падения и Долгой Зимы, последовавшей за ним. Это было запрещенное слово, от него попахивало стремлением к знаниям. Известно, что Миссионеры Библии убивали за то, что человек произнес его.

Уорнера окружили строения из кирпича и песчаника, великолепные даже в упадке. Одно из них, должно быть, было библиотекой, и, быть может, именно ее они пропустили. Он привязал Тачстоуна к ржавым перилам у начала лестницы и медленно вошел в атриум с мраморным полом. Уорнер сразу понял, что сделал правильный выбор; сквозь дверной проем виднелись разбитые корпуса компьютеров, а за ними перевернутые книжные полки, почерневшие от давнего огня. Снова неудача. Слишком многое могло случиться за сто лет.

– Есть ли место, куда вы не добрались? – спросил Уорнер тихо у людей, отсутствующих или же давным-давно мертвых. – Нужно ли и дальше замалчивать?

Зная, что увидит, Уорнер пошел по книгохранилищу с этажа на этаж, заходя в незапертые помещения и взламывая замки там, где они были. И хотя Миссионеры Библии побывали здесь и оставили после себя пепел и разрушение, он временами находил книги, погибающие в этих запертых комнатах: технические справочники, учебники по менеджменту, пособия по ведению бизнеса. Но ни романов, ни стихов, ни пьес. Никакого Гамлета.

– Пухольс? – переспросил отец Уорнера. – Правда?

Лодочник улыбнулся.

– Говорит, тот был его отцом. Я, между нами, сомневаюсь. Но

не говорите ему об этом.

– Кто такой Пухольс? – спросил Уорнер.

– Игрок в бейсбол, – ответил отец. – Потрясающий игрок, еще до Падения.

Уорнер видел гастролирующие команды игроков. Отец предупреждал его насчет них, особенно когда они приходили посмотреть спектакль. Отец говорил, что мальчики, играющие женские роли, возбуждают совсем другой интерес. Никогда не позволяй им оказаться с тобой наедине. Уорнер не мог себе представить, что когда-то в бейсбол играли перед таким огромным количеством людей, чтобы заполнить стадион в Сент-Луисе. Сиденья, ряды и ряды сидений, в два яруса наверху, с торчащими остатками балок, поддерживавших третий ярус, – казалось, сюда можно разом вместить всех людей, которых Уорнер когда-либо видел.

Пухольс был почти так же стар, как отец Уорнера, с лицом смуглым и морщинистым там, где удавалось его разглядеть сквозь белый водопад бороды. Он был одет в рубаху с изображением птицы кардинала, сидящей на бейсбольной бите, и во время разговора с ними держал в руках биту. Он спросил, что труппа может показать.

– Все, что угодно, из Шекспира, – ответил отец Уорнера, – за исключением того, что и ставить не стоит. Некоторые музыкальные ревю – для ночных показов. И у нас есть история про Падение.

– Шекспир, – повторил Пухольс. – Забавный малый. После я приглашу вас на прием, тогда и посмотрим насчет ваших песенок.

Покидая Анн-Арбор, Уорнер повернул на юг, двигаясь по дороге US-23, пока она не слилась с 75-й, ведущей во Флориду. Скоро здесь будет снег. Ему придется возвращаться в Цинциннати и плыть вниз по реке. С годами Уорнер создал сезонный ритуал, предоставляя реке уносить его к жизни, которую он запомнил с юности: лодки, дни, проходящие за забрасыванием лесок в теплую коричневую воду возле Натчеза шли у развалин Мемфиса. И он все еще питал надежду найти Сью, поэтому каждый год останавливался у дома-корабля, чтобы поговорить с Шулерами и узнать все, что возможно. Сорок лет прошло без единой весточки от Сью, и все же он надеялся. По правде говоря, даже сильнее, чем на успех поисков, затеянных в память отца. Поскольку Уорнер не преуспел в этом, быть может, он еще сумеет встретиться со своим ребенком.

На окраине городка, именовавшегося Монро и бывшего, по словам его отца, родиной генерала, прославившегося своей

смертью, Уорнер увидел поселение, человек сорок-пятьдесят, навесы и несколько хижин, выстроенных из обломков древесины вокруг сруба, стоящего в центре. Трое вооруженных мужчин выехали ему навстречу.

– Назови свое дело, незнакомец, – потребовал один.

– Меня зовут Уорнер, и я актер, – сказал Уорнер. – Могу спеть, а за ужин расскажу историю.

Три всадника переглянулись.

– Что за история? – спросил первый.

Уорнер решил, что это отец и сыновья. Сходство было сильным: характерно очерченные челюсти и одинаково посаженные глаза. Суровые глаза.

– Любая. Скажите, чего вы хотите. – Тачстоун всхрапнул, и Уорнер похлопал его по шее. – Мы с моим бестолковым конем бродим по свету, рассказывая истории и выискивая страницы старых книг.

Часто бывало опасно признаваться в этом, но Уорнер не выжил бы сорок лет в одиночку, если бы не умел распознавать Миссионеров – или фанатиков любого другого толка. Эти были порядочными людьми, ну, если и не порядочными, то не фанатиками и не случайными убийцами.

Второй всадник, один из юношей, спросил:

– Какие книги?

– Меня интересуют любые, но я сочинитель. Больше всего меня привлекают старые истории, великие истории.

– Ты знаешь «Одиссею»?

– Не по-гречески, – осмелился пошутить Уорнер. – Но саму историю? О да. От «Спой мне, о Муза» до убийства женихов, я знаю «Одиссею». Ты хотел бы услышать ее сегодня вечером?

– Мы слушали часть «Одиссеи» в последний раз, когда приходил актер, – сказал парень. – Только он не закончил, потому что…

– Маркесу решать, что мы услышим сегодня вечером, – перебил первый всадник. – Он захочет встретиться с тобой.

Он развернулся и поехал обратно к лагерю. Двое парней пристроились позади Уорнера. Ни один больше не заговаривал с ним.

Остаток дня они провели на стоянке на приличном удалении от стадиона, репетируя «Сон в летнюю ночь». Отец Уорнера считал «Сон» самой смешной из шекспировских пьес, а Уорнер был рад возможности выступать, не напяливая на себя платье. Толстый Отис должен был играть Мотка, отец Уорнера – Оберона и Тезея. Поскольку Пухольс, похоже, не был фанатичным

проповедником Библии, жена Отиса Чарли должна была играть Титанию и Ипполиту. И так далее. Они прошли сцены, дополнили кое-что, учитывая сценографию стадиона, – столяр Пила должен был добавить ремарку «в сторону» насчет скверного состояния театра, а сам Уорнер – немного пошалить с монологом Пака «В эту пору лев рычит».

– Вот что ты говоришь, – наставлял его отец. – В последнем двустишии, вместо того чтобы сказать: «Я пришел сюда с метлой / Мусор вымести долой», говори: «„Кабзов“ вымести долой»[17].

Он дал Уорнеру рубашку с кардиналом на груди, как у Пухольса.

– В таких играла местная команда. А «Кабзы» были соперниками. Это они проглотят.

Уорнер сосредоточился на изменениях. Всего лишь одно слово, но оно меняло его восприятие всего монолога. По правде говоря, ему это не нравилось. Почему они не могут играть пьесу так, как она была написана? Он уже спрашивал у отца об этом.

– Актерам нужны зрители, – был ответ. – Мы не евангелисты-проповедники. Спектакль не должен быть точным. Он должен доставлять удовольствие.

Евангелист – это было веское слово в устах отца. За десятилетия после Падения карманные теократы – еще одно определение, которому Уорнер у него научился, – разрослись, как грибы, на развалинах Соединенных Штатов Америки. Некоторые были великодушными, другие опасными, это зависело от толкования Библии их лидерами. Труппа избегала их по мере возможности, но это удавалось не всегда. Банды евангелистов бродили по деревням, вооруженные до зубов и зачастую ищущие драки. Когда Уорнер впервые увидел распятое тело, он потом страдал ночными кошмарами. Теперь он истолковывал это так же, как отец. Это были знаки того, что евангелисты повсюду, и отнюдь не добрые.

– Ты знаешь, что я хочу услышать? – спросил Маркес. – Четыре или пять лет назад у меня уже был рассказчик, говоривший, что знает «Одиссею», но он не знал. А ты? Ты сказал мальчикам Эзры, что знаешь.

Уорнер кивнул.

– И вам скажу то же самое. Я знаю «Одиссею». И «Илиаду». Не строчку за строчкой, но я знаю эти истории и ничего не изменю и не пропущу.

«В отличие от моего предшественника, – подумал он, – чье тело, вероятно, пошло на корм рыбам в озере Эри. Если только они взяли на себя труд волочь его в такую даль».

– Я хочу, чтобы ты начал с того же, с чего и книга, с Телемаха, – сказал Маркес. – И с того, где боги спорят. Ненавижу, когда люди начинают с Калипсо только потому, что полагают, будто сексуальные части должны идти первыми.

– Слова человека, читавшего эту книгу, – заметил Уорнер.

Маркес усмехнулся. Он был лет на десять-пятнадцать моложе Уорнера, и у него были крепкие зубы.

– Миссионеры больше не появляются в этих краях, – сказал он. – Я читал кое-что, да.

Сердце Уорнера забилось чаще. Не теперь, подумал он. Дай ему то, что он хочет. Тогда ты сможешь спрашивать.

– Когда бы вы хотели начать?

Уже почти стемнело. После равноденствия здесь, на севере, темнело рано.

– Давай сначала тебя накормим, – решил Маркес. – Будешь сидеть за моим столом. Но не трогай моих женщин.

Уорнер не тронул женщин Маркеса. Даже если бы захотел, он не воспользовался бы возможностью. Нет, когда поблизости лежали книги. На обед была форель, печеная тыква, дикорастущая зелень. Маркес ел хорошо.

– Как звали генерала, что был отсюда родом? – спросил Уорнер, чтобы начать разговор.

– Это Джордж Армстронг Кастер. Убит при Литтл-Бигхорн, где-то на Западе. Но он был отсюда, да. В городе есть его монумент.

– Почему вы решили не жить в городе?

– Потому что в городе полно людей, которым не нравятся те, у кого фамилия Маркес. Да пошли они!.. – ответил Маркес. – Я все равно не хочу жить в их городе. Они явились сюда, я отослал их лошадей назад. Теперь они оставили меня в покое. Да плюс еще там Миссионеры. Ты показался мне человеком, который не любит Миссионеров.

– Это они меня не любят, – сказал Уорнер. – Потому что я ищу книги.

Маркес закончил хрустеть салатом.

– Если мне понравится, как ты рассказываешь, я покажу тебе свои книги. Договорились?

Что произойдет, если Маркесу не понравится, как Уорнер рассказывает, осталось невысказанным.

– Договорились, – сказал Уорнер.

Одна женщина за столом, которая могла быть Маркесу женой или дочерью – любая из них могла быть его женой или дочерью, – заговорила.

– Ты ищешь любые книги или же какие тебе нужны? –

спросила она.

– Любые, – ответил он.

В свете разговора это было правдой, а если у Маркеса есть то, что он ищет, невыгодно раньше времени давать ему знать, как высоко Уорнер ценит это.

– Как ты ищешь их?

– Иногда я что-нибудь услышу, – пояснил Уорнер. – Я не единственный, кто ищет книги. Мы общаемся друг с другом, если доживаем.

Он подумал о человеке, которого он знал лишь как Дерека, сожженном тремя годами раньше на костре из его же книг. Уорнер нашел тело через несколько дней после того, как это случилось. Он даже не остановился, чтобы похоронить его, опасаясь, что Миссионеры еще поблизости.

– Все, кто сидит за моим столом, умеют читать, – сказал Маркес, – Даже женщины. В городе это ненавидят.

– Какие книги у вас есть? – спросил Уорнер. Трудно было не дать жадности прозвучать в голосе.

– Люди здесь, в округе, знают, что мне нужно нести книги. Всякую мелочь, какую найдут, они тащат мне. – Маркес наполнил свой бокал и передал бутыль. – Лучшая из моих книг – «Волшебные сказки» Гримм. Можно прочитать все страницы.

Когда они явились на стадион, люди Пухольса уже выстроили сцену или собрали из лежавшего на складе. Там были алюминиевые ступени и стыкующиеся секции. Едва ступив на нее, Уорнер почувствовал себя настоящим профессионалом. Занавеси с кардиналом висели с боков и сзади, маскируя выходы на сцену. Помещение за задним занавесом было достаточно просторным для смены костюмов. Один из помощников Пухольса показал им коридор, ведущий от скамейки запасных в комнату, которую Уорнер принял за артистическую уборную, пока отец не сказал:

– Да, будь я проклят. Вот, значит, как выглядит домашняя раздевалка клуба главной лиги.

Когда-то, подумал Уорнер, когда существовали электричество, телевидение и всякое такое, это, наверное, было славное место. Он не очень понимал, как оно помогало игрокам в бейсбол готовиться к игре, но он многого не понимал в мире до Падения. Выражение отцовского лица, освещенного факелом, опечалило его. Он был достаточно взрослым, чтобы осознавать, как много потеряно. Временами Уорнера злило, что он никогда не видел ту удивительную Америку до Падения, о которой так любили вспоминать старики, но порой он думал, что ему было бы лучше вовсе не знать о ней. Его мир – это его мир. В целом этот

мир нравился ему. Нравилось путешествовать с отцом, играть на сцене, и, хотя ему недоставало матери, которой он не помнил, женщины из труппы яростно опекали его. словно целый взвод матерей, так что он никогда не ощущал недостатка женской любви. «Может, когда я вырасту…» – подумал он, но не смог закончить мысль. У него было множество обрывочных идей насчет того, что будет, когда он вырастет.

Когда труппа вышла на поле, толпа взревела. Уорнер никогда не слышал ничего подобного. Там были, наверное, тысячи людей, собравшихся кучками на разных секторах стадиона, и рассеянных среди деревьев в аутфилде, и растянувшихся на одеялах поближе к сцене. Пухольс вышел на помост и закричал в мегафон:

– Странствующие актеры прибыли в Сент-Луис, чтобы устроить представление для вас, сограждане! Они покажут вам Шекспира, а позже – когда малыши будут уложены в кроватки – кое-какие истории для взрослых.

Свист и радостные возгласы заглушили голос Пухольса. Он утихомирил публику и продолжал:

– Я ненавижу долгие предисловия, так что на этом и закончим. Смотрим спектакль!

Адреналин бил из Уорнера ключом, пока он, стоя в кулисах, дожидался, когда представят всех перепутавшихся между собой возлюбленных и состоится первый выход мастеров, задумавших поставить пьесу. Когда Толстый Отис расчистил сцену, Уорнер подпрыгнул на носках и выскочил из-за кулисы навстречу фее, которую играла его троюродная сестра Руби. Спектакль имел успех. Никто не ушел, все веселились, все небольшие дополнения в игре, предложенные Уорнером, проходили, как сказал бы сам Уорнер, обалденно. Что бы это ни означало. Он никогда еще не играл перед таким количеством народа и никогда не получал столь бурного отклика на веселую зловредность Пака. Когда он распахнул одежду на груди, демонстрируя кардинала, и объявил, что выметет «Кабзов» долой, стадион взорвался. Во время последней сцены актеры едва слышали сами себя, и Уорнеру пришлось кричать свой заключительный монолог «Если тени оплошали» во всю силу легких, от чего несколько пострадало его обычное насмешливое прочтение роли. Возвратившись в клубную раздевалку, стирая с лица грим и развешивая костюмы, все смеялись и шутили. Некоторые представления лучше было забыть, едва они заканчивались, но только не это. Это они будут помнить.

Влетел Пухольс и принялся хлопать по спинам мужчин и целовать руки женщинам.

– Изумительно! Великолепно! – восклицал он.

Остановившись перед Уорнером, он подмигнул.

– «Кабзы» – это нечто. Я в восторге! Уж отец бы посмеялся, ох, как посмеялся!

– Благодарю вас, сэр, – ответил Уорнер.

Он не смог сдержать улыбку, хоть ему по-прежнему не нравились изменения. Как тут огорчаться из-за них, когда публика в таком восторге?

Послушать Уорнера явилось все поселение. Дети сели впереди, родители и те, кто постарше, сгрудились позади них, а молодежь устроилась в задних рядах, откуда можно было ускользнуть, чтобы заняться тем, чем всегда занимается молодежь, когда старшие смотрят в другую сторону. Уорнер пересказывал «Одиссею» так, как слышал ее от своего отца, выучившего ее наизусть за время Долгой Зимы. Он сохранил выражения, которые любил в отцовском исполнении: фиал-ковотемное море, розовоперстая Эос, Одиссей хитроумный, сероглазая Афина. Но у него никогда не было такой хорошей памяти, как у отца, поэтому он не пытался цитировать длинные куски поэмы. Он рассказывал историю. Кем бы ни был его отец, Уорнер был повествователем. Он долго рассказывал в ночи, начиная с решения Афины и постепенно перейдя к долгу Телемаха перед честью матери и памятью отца. Годы пролетели с тех пор, как он в последний раз вспоминал «Одиссею», и теперь, по прошествии времени, она получалась другой. Он сам был одновременно Телемахом и Одиссеем, но в обеих ролях был обречен на вечные поиски отца, которого не найти никогда, и дома, которого не существовало.

Когда все закончилось, он был охрипшим, слегка пьяным и едва сдерживал слезы. «Уорнер – сказал он себе, – ты потерял и отца, и дитя. Поэтому ты гоняешься за книгой про человека, который не может защитить честь отца и отомстить за него. Ты позволил этой истории сводить тебя с ума».

Из толпы появился Маркес, хлопнул его по плечу и протянул бутылку.

– В точности так, как это нужно рассказывать! Ты настоящий рассказчик, – сказал он. – Повернись, пусть все поблагодарят тебя. Потом можешь пойти посмотреть мои книги.

Словно в тумане от усталости, Уорнер принимал благодарности и подношения публики. Все шло по заведенному порядку: да, очень любезно, благодарю вас, очень рад, что вы пришли. Когда все закончилось, он последовал за Маркесом в сруб и ждал, пока Маркес вытащит из угла комнаты сундук. Открыв его, Маркес отступил на шаг.

– Видишь? – сказал он. – Тридцать книг. На сотню миль вокруг ни у кого столько нет.

Уорнер приблизился к сундуку, готовясь к разочарованию. Вероятно, он найдет Библию. Компьютерные учебники, биографии знаменитостей, чья слава растаяла во время Падения, руководства по самосовершенствованию и улучшению отношений с Богом и семьей. Кажется, это все, что он находил, когда вообще находил хоть что-нибудь.

Но в сундуке поверх аккуратных стопок, словно громовой раскат, докатившийся через сорок лет, лежали попорченные водой, заплесневелые, со сломанным корешком, но абсолютно пригодные для чтения «Избранные пьесы Уильяма Шекспира», том IY, содержащие – в дополнение к «Как вам это понравится», «Двенадцатой ночи», «Виндзорским проказницам», «Троилу и Крессиде», «Все хорошо, что хорошо кончается» и «Мере за меру» – полный текст «Гамлета, принца Датского».

Двумя часами позже последние сомнения исчезли. Пухольс дал ему чашку чего-то горячего, приправленного специями, и Уорнер был пьян, впервые в жизни. Его отец стоял на складном столике, декламируя историю Падения, написанную нерифмованным пятистопным ямбом. Уорнер решил, что он влюбился в одну из женщин, разносящих тарелки с дымящимся мясом. По небу прокатился треск и грохот, Уорнер поднял глаза и увидел меркнущий свет болида. «Большой, – подумал он. – Если бы такой попал, мы бы почувствовали». Он попытался вспомнить, сколько больших ударов он видел или слышал. Может, дюжину? Ни один из них не шел ни в какое сравнение с настоящим Падением или же теми пятью или шестью после него, обрушившимися на столицу позже.

Ближе всего к месту удара Уорнер оказался как-то в Мичигане, когда ему было лет шесть-семь. Получилось так, что он смотрел с пляжа на огромное озеро, и огненная полоса, упавшая с неба, подняла в воздух столб пара. Несколькими секундами позже он услышал грохот, а примерно через минуту после этого огромные волны начали накатываться на пляж. Смеясь, Уорнер побежал в полосу прибоя, но Толстый Отис поймал его и объяснил, что такие волны могут утащить его с собой. Еще один треск, то ли подальше отсюда, то ли просто метеор был поменьше, вернул Уорнера обратно в настоящее. Толстый Отис поглядывал через плечо, смотрит ли его жена, как он пытается усадить подавальщицу к себе на колени. А теперь список затопленных городов большой: Нью-Йорк, округ Колумбия, Майами, Бостон, Токио, Дакар, Лагос, Кейптаун, Дублин,

Гонконг…

Потом прошло еще время, и гулянка переместилась на закрытую парковочную площадку за стадионом. Деревья и вьющиеся лозы сплетались в живую изгородь, придавая этому месту вид… да, ведь они только что играли «Летнюю ночь». Вид заколдованной лужайки или чего-то в этом роде. Уорнера немножко мутило. В живом небе перестреливались звезды. Если верить отцу, иногда это означало, что скоро будет удар. Наверняка узнать невозможно.

Сидя у задней стены фургона, Толстый Отис пересказывал текст «Рассказа Мельника». Все были пьяны. Уорнер отыскал свой фургон и забрался внутрь, чтобы лечь. В животе у него бурлило. Снаружи донесся взрыв хохота: Алиссон одурачила Авессалома, заставив поцеловать себя в задницу. Уорнер перекатился на бок, надеясь уменьшить давление в животе. Это не помогло. Он поднялся и потащился в густые заросли в углу площадки. Там его вывернуло наизнанку. Он откатился в сторону от мерзкой лужи и лежал на спине, дожидаясь, когда утихнут спазмы. «Больше никогда, – думал он. – Если это и есть выпивка, то я больше не хочу ни капли».

У распахнутых на улицу ворот поднялась суматоха. Сквозь лепет голосов Уорнер услышал цоканье конских копыт. На него обрушились слова: «мерзость», «нечестивость», «грех»… «*О* нет!» – подумал Уорнер.

Пухольс принялся кричать, потом закричал еще кто-то, а потом, когда Уорнер начал подниматься, чтобы проскользнуть обратно в фургон, у ворот загремели выстрелы. Уорнер замер и попятился обратно в кусты. Визжали лошади, кричали люди, ружья продолжали палить, а потом послышалось потрескивание огня. Он больше не мог этого вынести. Уорнер высунулся из куста и увидел слишком много всего сразу.

Горящие фургоны. Пухольс, мертвый, под копытами лошади, сидящий на ней человек с холодными глазами, глядящий на Уорнера поверх дула ружья.

Отец Уорнера, лежащий лицом в асфальт, неподвижная рука протянута к горящему фургону.

Уорнер пригнулся и побежал, возле его головы просвистела пуля. Он достиг ограды, примерился и перемахнул через нее, режа пальцы о колючую проволоку. Трещал огонь, звук этот, казалось, все усиливался, пока Уорнер не сообразил, как раз в тот миг, как его босые ноги коснулись земли за пределами парковки, что этот треск доносится сверху, и, как только мысль эта пришла ему в голову, оглушительнейший грохот, какого он никогда не слышал, сначала сбил его с ног, а потом погасил сознание, будто

свечу.

Уорнеру было нечего продать, кроме винтовки и Тачстоуна, но без них обоих ему было не выжить, а попрошайничать он не мог. Поэтому он попросил у Маркеса разрешения скопировать пьесу из книги. Используя оборотную сторону листов и обрывков бумаги, собранных за предыдущие четыре десятилетия, Уорнер переписывал пьесу три дня. Каждый вечер он рассказывал истории – «Рассказ Мельника», старую отцовскую версию «Падения», наконец, «Илиаду» – и каждый день писал, пока не возникало ощущения, что глаза его вот-вот закипят, а пальцы утратят всякую силу. Утром четвертого дня он уехал. Вместо того чтобы направиться в Цинциннати, он повернул на запад, ведя Тачстоуна по старой автомагистрали, пока не свернул в предместьях Чикаго к югу и не нашел перевозчика вниз по реке Иллинойс из Пеории. Пока он добирался туда, дважды шел снег. «Она есть у меня, – думал Уорнер, в безопасности сидя в лодке. – Но я слишком стар, чтобы играть эту роль, и у меня нет труппы. Все оканчивается ничем, это стремление заслужить одобрение людей, обращенных в прах. И все же я продолжаю делать это».

Единственная причина поехать этим путем состояла в том, что тут он мог наведаться в дом-корабль и узнать, как делал это каждые год-два-три, нет ли новостей о Сью.

Пока лодка проделывала свой неспешный путь вниз по реке к месту ее слияния с Миссисипи возле Графтона, Уорнер снова и снова перечитывал пьесу. Каждое прочтение, казалось, было литанией во отпущение его грехов. «Я уже играл Датчанина, – понял Уорнер. – С девятнадцати лет я только этим и занимался». Однажды он встал на палубе, держа листы над водой. «Покончи с этим», – сказал он себе – но не смог заставить себя сделать это.

– Что это? – спросил рулевой, двадцатитрехлетний парень.

– История, – ответил Уорнер.

Он смотрел на листы, трепещущие на прохладном утреннем ветерке, и на кружение воды под ними.

– Зачем ты хочешь это выбросить? – спросил лодочник. – Лучше расскажи мне. Как она называется?

– «Гамлет», – сказал Уорнер.

– О чем она?

– О человеке, чей отец убит, а он не может сообразить, как отомстить за него.

Уорнер продолжал держать листы над водой. Каково это было бы – освободиться от них?

– Отомстить легко, – сказал лодочник. – Находишь сукиных детей и убиваешь, верно?

Позднее это назовут Седьмым Падением, хотя все понимали, что должны быть и еще, в других частях света. Уорнер помнил, как стащил ботинки с мертвого мужчины, частично похороненного под завалом из кирпичей. Он помнил, как бежал, как его сбивали с ног подземные толчки. Зарево в небе на севере заставило его повернуть на юг, и к утру он добрался до заболоченной поймы, где кипела и бурлила разгневанная Миссисипи. Уорнер заблудился и хотел есть. Его отец был мертв. Все пропало. У него не было еды, и он был не такой дурак, чтобы пить здешнюю воду. Он залез на изогнутый ствол ивы, достаточно, как ему думалось, высоко, чтобы вода не добралась до него. «Я мог умереть», – подумал он. До этого момента он не способен был поверить, что на самом деле может умереть. Он почувствовал, как зарычала земля и ивовое дерево зашаталось. Уорнер стиснул ветку ногами и вжался спиной в ствол. Его отец мертв. Толстый Отис мертв. Кузина Руби мертва. Все, что у него было, сгорело. Пухольс мертв. Кто станет жить на стадионе?

Река бурлила и ревела. Среди пены проплывали мертвые животные, кружились и исчезали. Уорнер склонился набок, привалившись плечом к соседней ветке. Явятся ли сюда Миссионеры, ищущие его? Свист пролетающей пули, засевший у него в ушах, обернулся звоном москитов. «Прекратите, – подумал Уорнер. – Все это. Прекратите».

Его окликнул голос, и Уорнер понял, что заснул. Кожа его была искусана москитами.

– Парень. Ты, наверху. Ты вниз когда-нибудь спускаешься?

Уорнер глянул вниз и увидел, что за день река поднялась. Смеркалось, и среди сгущающихся теней он разглядел лодку-плоскодонку и в ней старика, стоящего на корме с длинным, уходящим в воду шестом в руках. Мужчина зажег масляный фонарь.

– Слезай оттуда, – сказал он. – Река может подняться еще, и тогда на деревьях будет полно змей.

– Змей? – переспросил Уорнер. Мысль о змеях ему не понравилась.

– Чертовски верно, змей, – подтвердил мужчина. – Ты чего сидишь тут наверху?

– Я убегал, – сказал Уорнер.

– От кого?

– От Миссионеров, я думаю. Они…

Но не успел он договорить, как волна горя стиснула горло, смывая все слова.

– Все в порядке, малыш. Все в порядке, – отозвался

лодочник. – Я все про этих Миссионеров знаю. Пойдем со мной. Слезай оттуда, пока змеи до тебя не добрались.

Он остановился у давным-давно потерпевшего крушение корабля, неподалеку от города, раньше известного как Геркуланум. Карл Шулер умер, но его сын Джон жил все в той же части корабля. Он был любимым братом Уорнера, и вот уже сорок лет они легко заводили разговор, хотя виделись раз в два-три года. Два других сына Шулера умерли, и одна из сестер тоже. Вторая сестра, Пайпер, жила в другой части корабля со своими детьми и внуками.

– Год тому назад или около того я услышал про Сью, – сообщил Джон, прежде чем Уорнер успел спросить. – Слыхал, что речные бандиты убили ее где-то на севере, выше по реке, и ее детей тоже.

– Детей? – повторил Уорнер. Это было все, что он мог сказать. Слишком много всего сразу нужно было облечь в слова.

– Дочь и ее мужа, – сказал Джон. – Уцелел только мальчик. Тамошние люди выяснили, откуда она пришла, и привезли его обратно сюда. Последнюю пару недель он живет в городе с родными Сью.

Уорнер оставил фургон и погнал Тачстоуна в город. Судя по виду, Геркуланум всегда был не ахти каким городом, и через сотню лет после Падения от него остались одни руины. Родные Сью раньше жили в здании суда и теперь оставались там же. Уорнер постучал в дверь и оказался лицом к лицу с сестрой Сью, Виноной.

– Я Уорнер, – представился он. – Мы со Сью какое-то время встречались.

– Да, – ответила она. – Встречались. Вы здесь насчет мальчика?

– Именно так, – подтвердил Уорнер.

– Что ж, я не хочу видеть вас у себя дома, – сообщила Винона. – Но я выведу его сюда поговорить с вами.

Мальчику было девять лет. «Когда мне было девять лет, – подумал Уорнер, – я играл Розалинду и Гермиону».

– Имя твоей бабушки было Сью? – спросил он.

Они сидели на каменных ступенях суда, растрескавшихся и съехавших с места из-за подземных толчков.

– Да, сэр, – ответил мальчик тихо.

– И она была отсюда?

– Она вечно говорила, что ее родня тут. Мы всегда жили в Молине.

Всегда в Молине. «Сколько раз я был рядом», – подумал

Уорнер. До того как проехать сотни тысяч миль по всей Северной Америке в поисках книги, которой могло уже не существовать.

– Думаю, я знал ее, – сказал он мальчику. – Давным-давно.

– Да, сэр, – отозвался мальчик.

Столько всего нужно было еще сказать.

– Давным-давно, когда мы были немногим старше тебя. Она жила здесь. – Уорнер никак не мог перейти к тому, к чему хотел. – Я приехал сюда, когда мне было одиннадцать. Потому что кое-кто убил моего отца.

В первый раз мальчик взглянул на него.

– В Сент-Луисе, – добавил Уорнер.

– Мы проплывали мимо Ханнибала, – сказал мальчик. – Они были на каноэ. А я плыл.

Голос его был невыразительным. Уорнер кивнул.

– Должно быть, ты классный пловец. Как тебя зовут?

– Уилл, – ответил мальчик. – Я хороший пловец. Я проплыл весь путь до острова. Был туман.

«Пятьдесят лет, – подумал Уоррен. – Моя история и его история».

– Ты убежал, как и я.

– А как вы убежали?

– Перелез через ограду и удрал. Это легче, чем плавать в реке ночью. Но тогда была ночь Седьмого Падения, – сказал Уорнер.

Именно тогда его жизнь полностью переменилась.

– Это было давно.

Уорнер перевел взгляд на реку.

– Это точно. У тебя есть еще какая-нибудь родня?

– Нет, сэр, – ответил мальчик.

Все это время она была в Молине, подумал Уоррен. В это трудно было поверить.

– Меня зовут Уорнер, Уилл, – сказал он. – Когда-то у меня был ребенок, но я в то время не знал об этом, потому что его мать увезли отсюда в сторону Четырех Городов. Это было сорок лет назад или немного больше. Я думаю, что этим ребенком, которого я искал, могла быть твоя мама.

– Так вы мой дедушка? – спросил мальчик, не дрогнув.

Это слово взорвало Уорнера. Слезы выступили у него на глазах.

– Похоже на то, юный Уилл, – сказал он и взъерошил мальчишке волосы. – Похоже на то.

Лодочника звали Карл Шулер. Он принял Уорнера в свою семью, и впервые в жизни у того появилась мать. Ее звали Адель. Она была худощавой и рыжеволосой, острой на язык, от которого пятеро ее детей – Уорнер был пятым – частенько спасались на

болотах. Они вместе с еще несколькими семьями – Уорнер никогда не понимал, ни сколько их, ни каковы родственные связи между ними, – жили в выброшенном на сушу корпусе контейнеровоза. После Седьмого Падения жилище Шулеров местами нужно было заново разделять перегородками и ремонтировать. Уорнер рад был внести свою лепту. Он не знал, каково это будет – все время жить на одном месте, но отец внушил ему мысль, что неприятности существуют для того, чтобы научить тебя делать лимонад[18]. Теперь, когда отца и остальных из труппы не стало, Уорнер изо всех сил старался приспособиться к новой жизни. Он рассказывал Шулерам заученные наизусть истории, а вскоре уже рассказывал их всем, кто жил в корабле или кому случалось заночевать там во время путешествия вверх или вниз по реке. На сотни миль вдоль Миссисипи, от Сент-Луиса до затопленных развалин Нового Орлеана, свободный союз речных жителей вел торговлю и пытался поддерживать мир. Они добывали пропитание рыболовством и охотой и выращивали на богатейших пойменных землях все известные Уорнеру овощи и еще множество других. Он научился управляться с лодкой, рыболовными снастями и винтовкой. Он влюблялся в речных девушек и расставался с ними, и однажды Карл задал ему жесточайшую трепку, когда девушка забеременела и ее отослали прочь, к кузинам, живущим выше по реке. Уорнер всех расспрашивал, но так и не узнал, родился у нее ребенок или нет. Эта ситуация напоминала ему «Зимнюю сказку». Появилась ли на свет его Утрата[19], растет ли где-то на речных берегах? Знает ли она, кто ее отец? Он никогда больше не видел ту девушку, но мысль, что где-то у него может быть ребенок, терзала его, пока наконец в девятнадцать лет он не сказал Карлу Шулеру, что ему пора идти.

– Идти? Куда? – спросил Карл.

– Ответь мне на вопрос, – сказал Уорнер. – Сью родила того ребенка?

– Я не знаю, – ответил Карл. – И это чистая правда. Ее родня живет выше по реке, возле Четырех Городов. Если тебя тревожит это, тогда иди. Я всегда знал, что ты не останешься. Мальчик, который первые одиннадцать лет своей жизни провел в дороге, точно не усидит на месте, научившись быть мужчиной.

Уорнер ушел. Никто в Четырех Городах, куда он добрался месяц спустя, не мог сказать ему то, что он хотел знать. Он оставался там какое-то время, до начала зимы, надеясь на случайную встречу. Каждый вечер он продавал истории, всякий раз немного изменяя их, чтобы публика была довольна. Днем он работал, разгружая лодки или сколачивая новые дома из

обломков старых. Временами в старых домах он находил книги. Шестьдесят лет мародерства и небрежения сгубили почти все, за исключением очень немногих. Он наведывался в библиотеки и выяснил, что большую их часть сожгли фанатики Бога. Люди рассказали ему, что есть такая группа, именующаяся Миссионеры Библии, которая ездит по стране, сжигая все библиотеки и книгохранилища, какие находит. Они могут заявиться прямо к вам домой, говорили ему. И если у вас есть книги, лучше отдать их этим людям, если хотите остаться в живых. Это продолжалось годами. Вряд ли теперь где-нибудь в этих краях осталась хоть одна книга.

«Нет, – подумал Уорнер. – Если я потерял своего ребенка, истории я терять не собираюсь». Он начал записывать то, что помнил из пьес, в которых играл в труппе отца. Он очень многое позабыл. Ему вспоминались маленькие обрывки, двустишия и фразы, порой излюбленные куски из десяти-двенадцати строчек сразу. «Не может это все быть утрачено, – подумал он. – Я сумею где-нибудь найти их».

Но отец сказал, что мечта каждого актера – сыграть Гамлета. Значит, Уорнер найдет «Гамлета», и соберет труппу, и в память об отце будет играть Датчанина, не важно, найдутся желающие смотреть это или нет. Уорнер отдал месячный заработок за коня с повозкой и вещи, необходимые в пути. Потом он ушел, и только через сорок лет нашел Его.

«В этом году мне будет шестьдесят, – подумал Уорнер. – И теперь я взял к себе мальчика, потому что он может быть моим внуком». Пришлось выменять Уилла за Тачстоуна. Сородичи Сью не были сентиментальными и не горели желанием кормить лишний рот, но были достаточно умны, чтобы понять, насколько сильно Уорнер желает заполучить мальчишку, так что торговались они отчаянно. Ничего, все нормально. В мире есть другие лошади. Тачстоун был славным конем, но ни в коем случае не последним. Уорнер и Уилл пешком направились обратно к дому-кораблю.

– Я зарабатываю на жизнь, рассказывая истории, Уилл, – сказал Уорнер. – Когда я был мальчиком примерно твоих лет, мой отец учил меня этому. Хочешь, чтобы я учил тебя?

– Конечно, – воскликнул Уилл. – А какие истории?

– Всякие. Узнаешь. Но моя любимая – это «Гамлет». Это пьеса. Мой отец всегда хотел сыграть роль Гамлета, и, когда он умер, я решил, что буду играть эту роль, потому что он так и не смог. Но тут есть одна проблема. Ты знаешь про Миссионеров Библии?

Уилл отвел глаза.

– Да, сэр.

– А знаешь, что самое худшее из всего, что мы можем сделать для Миссионеров Библии? – спросил Уорнер.

– Что?

– Ты хочешь сделать это?

– Да.

– Худшее, что мы можем для них сделать, – это «Гамлет», Уилл, – сказал Уорнер. – Они так и не уничтожили его.

Шагая по дороге, ведущей к болотам, Уорнер размышлял о том пути, что привел его сюда. И сделал его малость безумным? «Возможно, – признал он. – О да. Но я безумен только при норд-норд-весте, – подумал старый Уорнер. – Когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли».

ДОМИНИК ГРИН
БАБОЧКА-БОМБА

Литературные труды британского писателя Доминика Грина известны читателю в основном по публикациям на страницах «Interzone», где за последние несколько лет было напечатано восемнадцать его рассказов. Грин живет в Нортгемптоне, Англия, работает в области информационных технологий, преподает кун-фу. У него есть сайт homepage.ntlworld.com/lumpylomax, где можно найти тексты его неопубликованных произведений.

В представленном ниже умном и тонком рассказе он переносит нас в мир, где никто и ничто даже отдаленно не является тем, чем кажется.

Старый Кришна брел домой после долгих послеобеденных трудов по уборке емкостей для кислоты из сада на склоне холма и вдруг увидел падающую сквозь облака ракету. Она летела кормой вперед, включив режим торможения. Корпус ее, кому бы там она ни принадлежала, раскалился докрасна, накренившись под немыслимым углом для сильнейшего торможения и максимального замедления, чтобы как можно меньше оставаться в атмосфере. Пилот намеревался совершить нечто такое, после чего, по его мнению, обитатели планеты могли начать палить по нему. А так как Старый Кришна, насколько ему было известно, являлся единственным обитателем планеты, это не сулило ему ничего хорошего.

Тем не менее бежать он не мог. Побежав, можно угодить в зону высокого тяготения, увязнуть тростью в одном из мест выхода прежней цивилизации на поверхность, а таких мест полно в горах, разбить очки и оказаться перед необходимостью шлифовать новую пару или даже сломать ногу. А сломанная нога здесь может означать смерть. Он удовольствовался тем, что ускорил шаг, помогая своей поврежденной левой ноге здоровой рукой и тростью, ковыляя на трех ногах навстречу вечеру.

Выбранное им жилище было отличным убежищем, которое нелегко обнаружить из долины. Кришна специально обсадил его желтыми кустами. Местная ксантофилльная растительность безвредна для земных форм жизни, но кустов, выбранных им, здешняя фауна избегала. Дом в основном был выстроен из высеченных вручную каменных блоков – он схитрил, использовав все, какие смог, камни, добытые с помощью рычага из множества развалин там, в горах. Но теперь он не был уверен, что сумел бы повторить этот подвиг без специальных строительных

механизмов. Это работа для человека помоложе, каким он когда-то был.

Развалины на этой планете были трех типов. Первый – древние сооружения фрактальной планировки, слившиеся с ландшафтом; далее шли тяжеловесные, наспех возведенные многогранники, дисгармонирующие с ним. Эти последние были фирменными знаками более поздней Адаферанской империи, первые же ожидали своих будущих археологов. У Кришны не было ни времени, ни желания изучать их самому.

Третий тип отличался небрежностью постройки, непомерно большими размерами, применением самых дешевых стройматериалов и без труда опознавался как остатки созданного людьми. Возле каждой развалины перед главным входом виднелись аккуратные одинаковые захоронения, и вокруг дома Старого Кришны подобных руин было множество.

К дому прилегал декоративный сад, где хозяин ухитрялся поддерживать жизнь в некоторых земных растениях вне оранжерей. Для холодной разреженной атмосферы он отобрал эдельвейсы, крокусы, аляскинский люпин, вереск. Вереск он держал за цвет – и для пчел. В этот час она, должно быть, в саду – потихоньку ворует у пчел мед, развешивает мокрое белье, подрезает цветы или даже читает, сидя в их единственном гамаке.

Кусты, окружавшие сад, растворились в потоке пламени. Обратившиеся в пепел сосновые иглы летели ему в лицо, словно шлак из раскаленной печи. Он учуял запах дешевого низкопробного топлива. Нефтепродукты! Они все еще используют углеводороды!

Корабль был широко распространенного типа, вращающийся бумеранг, которого Кришна ужасно боялся, способный складываться треугольником при выходе из атмосферы и становиться прямым, как палка, при вертикальном взлете и посадке. Только что он вертикально приземлился в его саду. Спутниковая оборонительная система должна была, разумеется, обратить корабль в пар еще до входа в атмосферу, но ее в последний раз обслуживали лет десять назад. От хозяев давным-давно не было даже радиограмм. Наверное, там случился государственный переворот.

До него донеслись голоса. Понять пришельцев он не мог – они не пользовались трансляторами. Человеческое ухо способно было услышать лишь невероятно сложное птичье пение, в диапазоне от глубокого суббаса профундо токующего глухаря до вибрирующего фальцета летучей мыши. Существа, однако, не пели и никоим образом не напоминали птиц. Старый Кришна сомневался, что домашние трансляторы поймут их речь. Однако

они, конечно же, станут разговаривать с хозяином дома. Надо поспешить. Узнать, что им нужно.

Он уже слышал шипение дожигателей топлива, подбирающих выплеснувшееся наружу, чтобы не случилось взрыва. Кришна гадал, не убили ли ее эти их реактивные двигатели, и ощутил небольшой нерациональный приступ радости, услышав ее голос. Чужакам ее слов не понять. Да и говорилось, в конце концов, не им. Она кричала ему: «Кришна, все в порядке! Я ухожу с этими джентльменами! Держись подальше!»

Он до скрипа стиснул трость. Она пыталась предупредить его! Боялась, что они причинят вред ему! Он услышал собственный голос, кричащий: «Тииитаа-алиии!»

До него донеслось магнитогидродинамическое подвывание закрывающейся двери воздушного шлюза. Поздно. Они сделали свое дело и теперь уходят. Он проклял себя за то, что ради нее установил антенну. Это позволило ей переговариваться с пролетающими мимо торговыми кораблями и принимать новости из других солнечных систем, но и обозначило их местоположение, словно неоновый маяк, для тех, чьей целью была вовсе не торговля.

И все-таки время еще было, даже теперь. Всегда можно что-то сделать.

Дом пострадал значительно меньше сада, который представлял собой горящие останки. Отдельно стоял грубый каменный куб, который Старый Кришна, в соответствии со своими верованиями, почитал за бога. Он поклонился ему, входя в дом, и поклонился еще раз, выходя с запыленным сверхпрочным контейнером, запор с которого ему пришлось сбивать молотком. Открыв контейнер, он извлек длинное цилиндрическое приспособление, заостренное с одного конца. Он воткнул острие в землю, снял активатор и выдернул чеку. Тяжелый раструб устройства сразу ожил, без сомнения приводимый в действие неким мощным излучением или чем-нибудь еще. Лучше, наверное, не оставаться с ним рядом.

В вышине и в подземных глубинах мощный и, без сомнения, канцерогенный радиосигнал начал транслироваться на всех частотах, разносясь в космосе на миллионы миль, повторяя лишь одну фразу: «Придите и заберите меня». Старый Кришна надеялся, что ему никогда не придется воспользоваться этим устройством.

Затоптав небольшие очаги огня вокруг дома, он водрузился на своего бога с книжкой и принялся ждать. Захватывающую книгу, написанную якобы много тысяч лет тому назад, он купил у торговца. Главными героями были творец всей вселенной и его

единственный сын.

Он добрался до десятой главы, в которой злой король отобрал у бедняка его единственную овечку, когда в небе появился второй летящий бумеранг. Кришна отложил книгу, взял те немногие пожитки, которые, как он полагал, ему позволят прихватить с собой, и зашагал вниз по склону навстречу кораблю…

Суперинтендант невольничьего корабля мрачно оглядел Старого Кришну с головы до пят.

– Мы затратили почти триста миллионов джоулей энергии, спускаясь в этот гравитационный колодец. И ожидали, что здесь, по меньшей мере, колониальное поселение. Говоришь, ты на планете один-единственный?

Старый Кришна кивнул:

– Да, ваша честь. Вы увидите, что я стою этих калорий. Изначально был еще один обитатель планеты, моя внучка, которую захватили Минориты, работорговцы вроде вас. Я намерен последовать за ней в рабство и найти ее.

Суперинтендант был человеком – не вполне обычно для работорговца. Татуировки на его лице означали освобожденного раба; должно быть, когда-то он тоже стоял на таком же пустынном склоне холма, а его собственный отец продавал его в услужение. Вероятно, именно тревога старика за внучку, столь отличная от собственного опыта работорговца, смягчила сердце суперинтенданта.

– Мы не челночная служба доставки, дедуля, – сказал суперинтендант мягко. – Ты поедешь туда, куда тебя продадут.

Старый Кришна улыбнулся и поклонился.

– Это будет Биржа Живых Существ на Сфаэре. Все невольничьи суда в этом рукаве галактики свозят туда свой товар.

– Извиняюсь за дерзость, дедуля, но, судя по виду, ты уже стоишь на краю могилы. Что ты сможешь предложить своему хозяину?

– Я опытный посредник для искусственного интеллекта и программист на языке седьмого уровня.

Брови суперинтенданта поползли вверх.

– У меня было впечатление, что ни один человек не способен обучаться на языке ниже восьмого поколения.

– Когда-то люди понимали первое поколение, только на простых машинах, конечно. Мы придумали и создали собственный искусственный интеллект еще до всякого контакта с Хозяевами.

Суперинтендант задумчиво поскреб татуировку в честь сорокалетия службы.

– В таком случае, возможно, ты сумеешь нам помочь. Наш собственный посредник создал систему непересекающихся магистерий между фракциями нигилистов и эмпириков в полетных системах нашего корабля, но несколько дней назад мы подцепили вирус солипсизма. Единение разрушено, оно сменилось откровенно скверным расположением духа. Мы двое суток утихомиривали внутренние системы, пока наш корабль ругался сам с собой. Наш астрогатор несет бред насчет того, что пора учиться работать с логарифмической линейкой.

Старый Кришна кивнул:

– У меня огромный опыт работы с эмпирическим типом мышления, и я отчасти знаком с нигилизмом. Полагаю, я смогу решить ваши проблемы.

Суперинтендант кивнул в ответ, видимо, приветствуя его оптимизм.

– Тогда, полагаю, мы, конечно же, заберем с собой столь ценное приобретение. И мы и в самом деле направляемся на Сфаэру.

Он махнул в сторону корабля эргономичной клавишной панелью.

– Займешь койку в кормовом кубрике. Тамошний повар-автомат воспроизводит большую часть земных аминокислот.

Кормовой кубрик был тесным, койки рассчитаны на Свастиков, радиально симметричную расу, ранее завоеванную Хозяевами. К сожалению, Хозяева принялись разводить их выборочно, это, в свою очередь, привело к сильному сокращению генофонда, и Свастики оказались уязвимыми для заболевания, истребившего их всех, кроме нескольких экземпляров в зоопарках. Теперь люди были обречены скрючиваться на неудобных койках, изначально созданных для существ, напоминающих морских звезд величиной с человека.

В кубрике уже обитали печальные, с глубоко запавшими глазами колонисты из мира, о котором Старый Кришна никогда не слышал, – очень похожего на мир самого Кришны, одного из целого ряда миров, созданных и заброшенных Адаферанской империей. Выращивать земные зерновые культуры в экосистеме, ориентированной на ксантофиллы, оказалось труднее, чем полагали колонисты, а ведь они и не подумали подготовиться к возвращению домой в случае крайней необходимости. Представители работорговцев бесплатно раздавали в колонизируемых мирах маячки «Придите и заберите меня»; эти штуки стоили достаточно дешево и в рабство обращались целыми семьями, причем безо всякого насилия.

Старому Кришне досталась верхняя койка, над

встревоженным юношей, боязливо поглядывающим на единственного Мохноногого охранника, перекрывающего выход из кубрика.

– Он совсем не так страшен, как кажется, – сказал Старый Кришна. – Это оперение у него на ногах – на самом деле жабры. И голова у тебя кружится из-за того, что в воздухе приходится поддерживать высокий уровень кислорода, чтобы он мог дышать. Его можно убить просто аэрозольным дезодорантом.

Он не спускал глаз с маленького каменного кубика, прикрепленного каплей невысыхающего клея в изголовье его койки, перед которой он сидел, сцепив руки, раскачиваясь взад и вперед и твердя мантры.

– Почему ты молишься камню?

– Это частица моего бога, – сказал Старый Кришна. – Мой настоящий бог похож на него, только побольше. Я взял этот кусочек, чтобы держать его при себе в далеких странствиях.

Парнишка не понял.

– Твой бог – камень?

– А твой?

– Неосязаемое существо, обитающее на вершине горы Кения, внутри земного солнца и в иных укромных местах.

Кришна усмехнулся.

– Я могу видеть моего бога.

– Но кто решил, что твой бог – камень?

– Я.

– Почему ты это сделал?

– Я живу там, где очень много камней. Это был самый удобный подручный материал для бога.

Долгое неловкое молчание.

– Отец говорит, что Хозяева привыкли к культуре, слишком зависящей от машин, – сказал наконец мальчишка. – Он говорит, что их машины поломались и им пришлось что-то придумывать. Хватать людей и заставлять обрабатывать их поля, работать в их шахтах, рассчитывать их орбитальные траектории. Работать до смерти.

Его передернуло.

– Папа говорит, что самое худшее – это расчетные мастерские.

– Их машины не совсем вышли из строя, – ответил Кришна. – Они создали продвинутое сообщество искусственных интеллектов, отражающих два диаметрально противоположных взгляда на вселенную. Пока они не примирятся друг с другом, автоматические системы в их обществе находятся в режиме ожидания.

– А когда это случится? – спросил парень.

Кришна усмехнулся.

– К счастью, никогда. Они собирались направить свой флот для вторжения в Солнечную систему, когда приключился Раскол. Это было в тысяча девятьсот восьмом. На самом деле первым знаком системного сбоя стало столкновение двух их разведывательных кораблей над Тунгуской в Сибири. С тех пор они выяснили две вещи: во-первых, из людей получаются хорошие рабы, поскольку мы сами совсем недавно ушли от систем с ручным управлением, и, во-вторых, полно людей, желающих продать других людей в рабство Хозяевам.

– А когда Раскол закончится, им больше не нужны будут рабы? – с надеждой спросил парнишка.

– А как ты думаешь, что будет с рабами, которые у них уже есть, когда выяснится, что они им не нужны? – спросил Кришна, и глаза его сверкнули, будто алмазные сверла.

– Я понимаю, – ответил мальчик.

– Я подозреваю, что расчетные мастерские не так страшны, как их малюют. Путь впереди долгий. Давай я научу тебя азам интегрирования и дифференцирования. Поверь мне, жизнь там будет куда лучше, чем в шахте. Возможно даже, – добавил он, окинув взглядом худощавую фигуру юноши, – много лучше той, к которой ты привык.

– Мы были охотниками, собирателями и фруктorianцами, а не фермерами, – сказал мальчик. – Отец говорил, что природа обеспечивает всем. Мы пробыли на Ухуру недолго.

– Ухуру – это ваш мир?

Юноша кивнул.

– Бабушка выкупила у Комиссии по Колонизации исключительные права на него. Она говорила, что нам нужен собственный мир, чтобы держаться подальше от неафриканских болезней и сохранять свои традиции вроде женского обрезания без анестезии.

– Что стало с твоей бабушкой? – спросил Кришна, тщетно оглядывая кубрик в поисках кого-либо, похожего на пожилую леди.

Парнишка смущенно заерзал.

– Семь молодых девушек убили ее. Они повалили ее и заталкивали ей в рот отрезанные козьи срамные губы, пока она не задохнулась.

Кришна указал на восточное семейство на другой стороне кубрика, отделенное от семьи паренька невидимой стеной «Они Просто Нас Не Любят».

– А это что там за люди? Откуда они взялись?

Мальчик уставился в пол.

– Колонизационная Комиссия продала исключительные права на планету и им тоже.

Кришна поморщился.

– Давай начнем, – сказал он, – с вычисления длины экватора. Итак, как ты предлагаешь это сделать?

Корабль готовился к изменению орбиты. Точка пересечения орбит в этой системе была запрятана за крохотным вторым солнцем, недавно захваченным первым, G-типа. Кришна окрестил свирепую карликовую красную звезду Экара; она давала мало света, но даже этого было достаточно, чтобы начисто спутать времена года в его мире, превратив сезон дождей в месяцы непрерывного гневно пылающего заката, когда ни растения, ни животные не понимали, ночь сейчас или день. Кришна не знал, почему точка пересечения располагалась за солнцем. Там, в точках Лагранжа, летали Троянские спутники – скопища звездного вещества; быть может, давно исчезнувшие инженеры межзвездной сети предполагали добывать его.

Кришна сдружился с Алефом, своим учеником, и испросил у капитана разрешения обучать подростка азам переговоров с искусственным интеллектом. Теперь они сидели в наружном посту Пультового Зала корабля, ожидая прямой связи с его конфликтующими логическими системами.

Парнишка уставился в пространство сквозь свинцовое стекло иллюминатора.

– Что это такое – точка пересечения?

– Никто не знает. Есть теории, связанные с гравитацией и последовательностями. Для Земли она располагается в поясе астероидов и была открыта лишь после того, как тусклая звезда, видимая именно в этой точке, начала появляться на фотопластинках астронома-землянина. Эта звезда была белым карликом, в сотне световых лет от Земли, и сияла так, словно находилась на расстоянии астрономической единицы. Этим астрономом была женщина по имени Тийя Ниаджайо, последняя из великих дилетантов. Между прочим, я родился в мире, кружащемся по орбите вокруг Звезды Ниаджайо.

Дверь из особо прочного материала, преграждающая вход в Пультовой Зал, отворилась; Мохноногий страж отступил в сторону, топоча и шелестя жабрами. Внутри стояли кресла и маленький овальный столик в окружении неработающих экранов. Никаких признаков жизни, искусственной или какой-либо другой.

– Добрый день, – произнес Старый Кришна, кланяясь.

На стенах раздраженно замигали сигнальные лампочки.

– Добрый ли? – произнес голос, не мужской и не женский. –

Находимся ли мы на освещенной стороне поверхности вращающейся планеты? Или кто-либо другой? Действительно ли звезды сияют? Существуют ли миры на самом деле для того, чтобы создавать иллюзию вращения?

– Этот вопрос – неуместное умствование, – отозвался другой, более резкий голос. – Мы можем оперировать лишь данными, предоставленными нам в ощущениях.

Судовой логик рядом со Старым Кришной нервно переминался с ноги на ногу.

– Это именно то место в споре, где они довели до белого каления последнего посредника. Будьте осторожны.

Старый Кришна кивнул.

– Старый вопрос. Император ли ты, которому снится, что он бабочка, или же бабочка, которой снится, что она император?

Короткий миг усвоения информации, и два голоса подтвердили:

– Совершенно верно.

– Кто из вас двоих представляет судовую навигационную систему? – спросил Старый Кришна.

– Я, – ответил первый голос, – Однако мой логический оппонент представляет силовую установку. Следовательно, мы в тупике. Без согласия обеих сторон ни один из нас не сможет приводить в движение корабль.

– В итоге, – заметил Старый Кришна, – у корабля закончится горючее, и он будет беспомощно дрейфовать в космосе.

– Какое это имеет значение, если корабль – лишь иллюзия?

– Допустим, – согласился Старый Кришна. – Тем не менее меня заинтересовало неоспоримо верное утверждение фракции судовых двигателей, что мы можем рассуждать о чем-либо лишь на основании имеющихся у нас данных. Разве не может случиться так, что с появлением данных, эмпирически подтверждающих мировоззрение навигационной фракции, возможно достижение соглашения?

Последовало еще более продолжительное молчание; Старый Кришна втянул живот и затаил дыхание.

В конце концов движительная система нехотя произнесла:

– Несомненно. Это единственное доказательство, которое нам нужно. Пока что мы не увидели ни одного.

– Значит, как признала фракция движителей, доступ к более широкому сенсорному опыту может дать доказательства, необходимые ей. И это было бы куда вероятнее, если бы корабль двигался.

Снова неловкое молчание.

– Суть наших разногласий в том, что не может быть

доказательств чего бы то ни было, – пожаловалась навигационная система.

– Тогда вы ничего не теряете, позволив кораблю продолжить путь, – ухватился за ее слова Кришна.

Очередную паузу нарушил судовой логик, тихонько попятившийся к выходу.

– Договорились, – сказала навигационная система.

– Мы согласны на компромисс, – подтвердила система движителей.

На разные голоса затрезвонили звуковые сигналы, пол начал потихоньку наклоняться, компенсируя осевую нагрузку. Ускорение почти не чувствовалось.

– Прямо колдовство, – сказал судовой логик.

Кришна повернулся к нему и поклонился.

– Это философия, – ответил он.

Невольничий корабль с изменяемой геометрией тяжело врезался в атмосферу Сфаэры и, будто прыгающая авиабомба, заскакал по морю ионизованного водорода, немногим более материального, чем эктоплазма. Кришна опасался за безопасность команды. Ему, как действующему судовому посреднику, было дозволено сидеть впереди, с летным экипажем, восхищаясь количеством и сложностью систем управления на дисплее.

– Вот эта для чего?

– Это управление системой аварийного охлаждения для кормового реактора. Если эта штука поголубеет, мы влипли.

– А эта?

– Давление пара в системе охлаждения. Если поголубеет она, значит теплоноситель больше не сверхтекучий и мы влипли серьезно.

– А вон та, мигающая синяя?

Пилот вздохнул, словно его уличили в оплошности.

– Эхо-сигнал посадочного радиомаяка с третьей подлетной полосы. У нас серьезные проблемы.

– Означает ли это, что вам придется сажать корабль вручную?

Пилот облизнул пересохшие губы, как будто Кришна говорил о чем-то невероятном.

– Если не сумеем поймать другой направляющий луч.

Он постучал по тревожному значку на главном пульте управления. Синий огонек решительно мигнул несколько раз в ответ.

Кришна кивнул:

– Этого я и боялся. Сажайте нас на главную дорожку.

– Ты что, спятил? Ты представляешь, сколько летающего металла болтается сейчас в этом небе?

– Сегодня не будет никого, здесь – так уж точно. Сажайте.

Пилот взглянул на суперинтенданта, и тот нехотя кивнул.

Оказалось, в посадке на бетон пилот не искуснее, чем в скольжении сквозь ионосферу. Шасси воткнулись в брюхо корабля с такой силой, что Кришна был уверен: их откинуло обратно на жесткие упоры. В несущем теле с визгом раскрылись аэродинамические тормоза, и корабль остановился, будто налетев на упругую стену.

– А еще пожестче нельзя было? – проворчал суперинтендант. – А то я чувствую, что мне в жизни волнений маловато.

– Это была ручная посадка, и ты после нее живой, – отозвался пилот, с трудом сглатывая. – Жаловаться будешь, когда я тебя угроблю.

– В некоторых зданиях аэровокзала видны огни, – сказал судовой логик. – Но взгляните на эту погрузочную аппарель. Она перекосилась прямо поперек рулежной дорожки. И здание позади нее горит.

Суперинтендант повернулся к Кришне:

– Что ты имел в виду, когда сказал: «Этого я и боялся»?

– Вам следует высадить меня и улетать отсюда немедленно. И не открывайте шлюзы ни для чего и ни для кого, даже если оно будет похоже на меня.

Суперинтендант смерил Кришну долгим взглядом.

– Кто ты? – спросил он наконец.

– Я в точности тот, кем выгляжу. Вам надо беспокоиться о том, что там, за бортом.

– И что же это? Что может попытаться проникнуть сюда?

– Я правда не имею представления.

Суперинтендант кивнул члену экипажа, который начал опускать загрузочный люк. Кришна остановил мужчину, накрыв его руку своей.

– Только внутренний люк. Откроешь наружный после того, как я пройду через внутренний и он будет надежно заперт.

Снаружи воздух был бодрящим и разреженным. Тем не менее после нескольких дней на борту невольничьего корабля, когда необходимо было все время помнить об опасности гипервентиляции легких, Кришна задохнулся, даже сделав небольшое усилие, чтобы встать. Он с содроганием подумал о нагрузке, которой подвергал свой стареющий метаболизм.

Он дохромал до обломка аэродромного оборудования, мигающего пурпурным огоньком, несомненно означавшим что-то жизненно важное для прилетающих пилотов, и уселся, заслонив его. Невольничий атмосферный челнок с ревом развернулся

обратно на взлет.

Космопорт лежал в руинах. От давнишнего поселения Хозяев вокруг него тоже, разумеется, остались лишь развалины, но аэровокзал был разрушен недавно. Здания дымились, из разбитых окон, некогда герметичных, свешивались тела. Одни выглядели неповрежденными, другие обуглились, словно от сильного жара. Некоторые, казалось, умерли в процессе превращения во что-то иное.

– Она боялась, что они могут причинить вред мне, – повторил Кришна.

Он достал носовой платок и хорошенько высморкался, потом потащился дальше, к ближайшему терминалу для прилетающих.

Чтобы найти его, ей – или ее частице – пришлось потратить часть дня. Он не слышал ее, не видел, не чувствовал ее запаха, никак иначе не ощущал ее присутствия, но знал, что она стоит позади него. Кришна не обернулся, чтобы взглянуть: боялся того, что он может увидеть. Он уже заметил странные следы на песке между зданиями, отметины когтей на телах.

– Как дела? – спросил он.

Позади раздался неописуемо странный звук, потом совершенно обычный голос воскликнул:

– Дедушка! Ты пришел навестить меня!

Он обернулся, и она была человеком.

– Ты была занята, – сказал он.

– Такой уж у меня характер, – ответила она.

Она в точности воспроизвела внешность внучки. У нее даже был его нос. Однако она почему-то отворачивалась от него. Возможно, какая-то часть ее не вполне соответствовала девятилетней девочке? В волосах у нее была заколка в виде бабочки. Бабочки, сделанные ею собственноручно, украшали платье. На браслете у нее на запястье тоже была бабочка, сделанная им самим, сломанная и измятая, словно от сильного удара, но Кришна подозревал, что подробностей ему лучше не знать. Ей всегда нравились бабочки, еще с той поры, когда он сказал, что она на них похожа, а она не поняла его.

– Будто скорпион, жалящий лягушку, – сказал Старый Кришна. – Из сказки.

Она мило хихикнула.

– Мне не нужно было пересекать реку, глупыш.

– О, но ты это сделала, – упрекнул ее Старый Кришна. – Пусть это был невольничий корабль, но ты все-таки использовала находящихся на нем людей, чтобы перебраться из одного мира в другой. На Рейлхеде ты исчерпала все местные возможности. Сфаэру между тем постоянно посещает неиссякаемое множество

кораблей, доставляющих сырье.

– Что ты имеешь в виду под сырьем? Я думаю, что-то имеешь.

– Я имею в виду людей. Потому что ты – машина по производству трупов. Только поэтому ты попросила меня соорудить терминал для связи. Такова твоя природа. Этот мир находится на важной космической трассе. Ты должна вернуться со мной домой. Погибнут еще люди.

– А как ты попал сюда? – Она слишком хорошо притворялась человеком, глаза ее сияли от возбуждения. – У тебя есть космический корабль?

– Я позаботился о том, чтобы корабль, доставивший меня сюда, немедленно улетел прочь, и единственный корабль, который я намерен вызвать, – тот, что доставит нас обоих домой. Я не могу позволить тебе снова творить нечто вроде этого или того, что ты устроила на Рейлхеде. Может, твоя натура и такова, но, пока мы не найдем какой-нибудь способ усмирить тебя, тебе нельзя обитать в одном мире с другими разумными существами. Ты была для своих создателей орудием для тактики выжженной земли против адаферанцев. Тебя сотворили, чтобы быть уверенными, что ни одна обладающая разумом раса никогда не сможет спокойно жить на Рейлхеде, даже если сумеет завоевать эту планету. Ты была создана, чтобы подражать другим биологическим видам, ходить среди них, проникать внутрь, дожидаясь своего часа, будто вирус, и наносить удар, подобно эпидемии. Мой народ и сам создавал нечто подобное, хотя наши творения были куда менее изощренными. Ты – оружие. Ты бабочка-бомба.

Она угрюмо накручивала прядь волос на палец.

– Я была права. Ты действительно имел кое-что в виду.

– Сколько вас сейчас на этой планете?

Она глупо улыбнулась, будто шаловливая маленькая сестричка, в точности как он учил ее. Изначально лицо ее было лишено выражения, словно карнавальная маска. У него ушли десятки лет на то, чтобы научить ее искусству копировать человека, и теперь он жалел об этом.

– Достаточно. Мы наблюдаем за тобой уже несколько часов. Мы не уверены, что ты – это ты.

Кришна уязвленно фыркнул и нахмурился.

– Твои доводы?

– Ну я же знаю, что я – не я, поэтому вполне честно предположить, что и другие тоже могут не быть самими собой.

– Знаешь, что теперь будет? Этот мир будет подвергнут дезинфекции. Мои повелители сообщат Хозяевам, и сюда прилетят корабли. Корабли, несущие бомбы. Известно ли тебе,

что у этого мира есть своя биосфера и невероятно древняя история? Здесь растут разновидности растения, использующего для фотосинтеза лунный свет. Все это разнообразие, вся эта биомасса исчезнет. Ты исчезнешь. Ты – инфекция. Они проделают все очень тщательно.

– Если уцелеет хоть одна частица меня, дедушка, я выживу. Я очень проста, в буквальном смысле слова.

– И там, где ты выживешь, погибнут люди. Я знаю это. В конце концов, я – единственный уцелевший обитатель Рейлхеда, поэтому военные и подготовили меня на роль твоего наставника. Вряд ли мне нужно напоминать тебе, что когда-то у меня была сестра и ее сходство с тобой – не случайное совпадение…

– Это уже нечестно. Ты просил меня выглядеть так и никогда не взрослеть, как это делал ты сам. Я должна была учиться быть тебе сестрой, и дочерью, и внучкой, и ты никогда не позволял мне научиться быть твоей женой…

Кришна состроил гримасу и отмахнулся от дальнейшего разговора узловатой рукой.

– Мы никогда не собирались этого делать. Наверное, это просто случайность, что ты не убила меня. На каждый миллион пауков, уничтоженных муравьиной колонией, находится один, пахнущий как муравей, и он может заходить прямо в муравейник. Быть может, мои мозговые волны неприятны на вкус. На корабле, доставившем меня сюда, есть пилот, способный посадить челнок Хозяев вручную. Если он сядет за пульт управления, а я стану договариваться с навигационной системой, вместе мы будем способны полететь на любом корабле этого терминала. Они в основном остались неповрежденными, разве что встревожены тем, что биологические существа воюют между собой. Я присмотрел подходящий корабль, орбитальный грузовик, с координатами 45°250′63″ южной широты и 0°0′158″западной долготы. Короче говоря, корабль, доставивший меня сюда, высадит своего пилота, и мы с ним и с тобой улетим на этом транспорте прочь отсюда. Только он, я и ты, должен я подчеркнуть. Я уже привык к твоему обществу. Уверяю тебя, однако, что, когда мы вернемся домой, на Рейлхед, у тебя будет и иная компания, помимо меня. Время от времени к нам будут телепортироваться научные бригады, чтобы изучать тебя, разбираться, как ты действуешь…

– Брат, отец, дедушка – ты прекрасно знаешь, что единственное, чего все эти военные бригады хотят, – это понять, как лучше меня использовать. Кроме того, ни одна из этих твоих научных групп не наведывалась к нам давным-давно. Не думаю, что кто-либо намерен прислушаться к твоему сигналу. – Она

скривилась, словно отведав уксуса. – Я не могу вернуться домой. Это все равно что умышленно воткнуть иголку мне в глаз. Ты не понимаешь. И потом, я не нуждаюсь больше в твоем обществе.

Его руки на рукояти трости задрожали.

– Что ты сказала?

Она выразительно глянула поверх его левого плеча. Он обернулся.

– Привет, дед, – произнес голос. Мужской голос.

– Я тебе не дед, – тихо прорычал он.

– И ей тоже.

Сходство было преотменным. Длинные руки и ноги, ободранные коленки, праздничная одежда. Это была годовщина Первой высадки на планету. Мать с отцом испекли торт в форме ракеты, которую он не мог помнить, поскольку был слишком мал.

Он ударил тростью о землю, словно маг, изгоняющий демонов.

– Прочь! Прочь из моего облика!

Его собственное юное лицо ухмыльнулось в ответ.

– И не подумаю.

Опираясь на палку, он склонился к самому себе, тяжело дыша.

– Ты не можешь убить меня.

– Но я могу убраться с твоего пути быстрее ветра. – Он легко отскочил от самого себя, чтобы быть вне досягаемости для удара тростью. – И кстати, твое сердце колотится немножко слишком сильно для твоего состояния. Я слышу, дед. Если какой-нибудь корабль и покинет этот мир, на нем будем мы все или никто.

Кришна заставил себя распрямиться во весь рост. Его позвоночник, не привыкший распрямляться, протестовал.

– Это невозможно. Я даю вам один час, чтобы обсудить это между собой…

– Нам не нужно обсуждать, у нас единый разум.

– Тем не менее я даю вам час, по истечении этого срока мой корабль улетит. Тем временем уважьте, пожалуйста, старика, позволив ему в последний, возможно, раз прогуляться с той, что выглядит как его сестра. Я должен снова объяснить, что этот мир будет разрушен. Это не бред, это факт.

Она изобразила искреннюю озабоченность.

– Дедушка, не надо этого делать. Твоя кожа неустойчива против ударной волны и гамма-излучения.

Он пожал плечами.

– Лучшего решения я не вижу. Ну, идем? Твои другие «я» утомляют меня.

Высоко над головой просматривались исполинские проспекты

из бесшовного бетона – остатки города Хозяев. Их выкрошившиеся поверхности были увенчаны голубовато-серым птичьим пометом и посерели от местной растительности.

– При правильном освещении это могло бы стать домом, – сказал он. – Небо Достаточно синее, и при этом ни одной травинки. Полагаю, это самая гостеприимная часть планеты, и все-таки она напоминает пустыню. Местная флора пойкилогидрическая. Она приспособилась то вымокать, то засыхать. Сейчас время засухи.

– Я не могу сопровождать тебя, дедушка. Пытаться вернуть меня обратно все равно что пытаться вернуть взрыв назад в ручную гранату. Снова быть упрятанной в клетку? В обществе одного-единственного существа, продолжительность жизни которого составляет одну десятую от моего срока службы, а когда этот срок подойдет к концу, что тогда?

Вдоль границ космопорта тянулись стены ручной кладки, новые, возведенные рабами. За ними высилась скала, вздымаясь над плоским дном пересохшего моря, возле которого было выстроено поселение. Пока они поднимались на скалу, Кришна был вынужден говорить с паузами. Сердце его пульсировало в груди, словно раненая ладонь.

– Клетка величиной с планету… а большую часть своей компании… ты убила.

– Но не всех же! Я убила всего лишь тысячу на Рейлхеде. Чем больше мир, тем больше вероятность иммунитета. Мир с миллиардом обитателей может дать миллион компаньонов.

– И всего-то девятьсот девяносто девять миллионов могил.

Карабкаясь наверх, Кришна помогал себе палкой. Теперь было видно то, к чему он стремился, оно стояло на дне высохшего моря, окруженное вооруженными членами экипажа. Она не ожидала увидеть это и резко остановилась.

– Это шаттл. – Слова ее были излишни.

– Да. – Он принялся спускаться, наваливаясь на палку; нужно было поторапливаться. – Челнок, который доставил меня сюда… точнее говоря… он облетел вокруг скалы и приземлился здесь сразу после взлета. Мы должны поторопиться… если хотим попасть на борт… команда запустит реакторы, если только заподозрит, что приближается кто-нибудь, кроме меня и тебя… Неужели ты в самом деле поверила, что я скажу тебе, где находится корабль, на котором мы полетим?

– Говорю тебе еще раз: я не полечу с тобой.

Кришна кивнул. Теперь он уже не мог сосчитать свой пульс: он был как у птицы.

– Тогда у меня… нет выбора.

Он достал маленький кусочек своего бога, который взял с собой в долгий путь, и повернул его к свету.

– Взгляни на моего дорожного бога. Ты годами… не обращала на него внимания. На самом деле мне дали его мои Хозяева. В нем содержится крохотная дорожная бомба, которая может тем не менее расколоть эту планету надвое и которая, сестренка-дочка-внучка, точно убьет всех вас.

Впервые ее лицо утратило уверенное выражение.

– Это же камень.

– Это бомба, – ответил Старый Кришна. – Хотя и бог тоже.

Она смотрела на камень с неподдельным ужасом.

– Когда она взорвется?

– Когда я захочу. – Он размахнулся и бросил кусочек; бог несколько раз ударился о скалу, прежде чем затеряться в знойном мареве. – Теперь это камень… среди нескольких миллионов камней. Найди его… если сможешь. Поскольку у вас со всеми твоими «я» один разум… они уже знают, что мой челнок тут… поэтому они идут сюда – и быстро… Поверь мне, я знаю… Но они идут не с того конца терминала… И они пытаются… проникнуть на борт военного транспорта Хозяев, имеющего приказ… не впускать внутрь никого из неуполномоченного персонала…

Он вынужден был остановиться. Его окружили вооруженные люди и увлекли к погрузочной камере. Стартовые реакторы ожили. Обернувшись, чтобы взглянуть на скалу, он увидел фигуры, выглядевшие на фоне солнца силуэтами. Фигуры гуманоидов, но, конечно же, не людей. Им следовало бы принять другой облик, кого-нибудь побыстрее. Она все еще плелась в двадцати метрах позади него. Пыталась задержать его.

У нее еще было время.

Люк погрузочного отсека со скрипом начал закрываться, медленно, бесконечно долго, оставляя лишь метровой ширины щель. Она все еще стояла неподвижно. Наконец он не мог больше этого вынести и отвернулся.

Едва он отвернулся, она ухватилась за него, не давая ускорить шаг, удерживая руками за голову. Люди вокруг уцепились за кольца безопасности, вделанные в стены. Кто-то вопил в коммуникатор:

– Взлетаем! Набирайте высоту!

Что-то тяжелое с лязгом отлетело от наружного корпуса.

Она повернула его голову к себе лицом.

– Это все было вранье? Звучало похоже на то.

– Полное вранье, – слабо выдохнул он. – Хорошую штуку я придумал – сердечный приступ, а то ты могла бы утверждать, что я просто прислушиваюсь к своему сердцебиению.

Она прижала его к себе, поддерживая, а взлет продолжался, и челнок уже развернулся в сторону орбиты.

– Постарайся расслабиться. Не напрягайся. Мы тебя вытащим.

– Просто пообещай мне, что никогда больше… не будешь улетать. Если ты никогда не будешь высаживаться на планеты, твои алгоритмы агрессии, возможно… никогда не сработают. Оставайся в космосе… путешествуй с надеждой… никогда не прилетай…

Она прижимала его к себе и очень убедительно изображала слезы, пока сердцебиение не стало затихать и не явились люди, чтобы забрать его у нее.

– Пропустите! Пропустите! Дадим ему кислорода!

Она покачала головой.

– Его сердце остановилось.

Достоверность этих слов заставила их умолкнуть. Они отступили от нее, обращаясь с ней с тем почтением, с которым благоразумные люди относятся к тому, чего не могут объяснить. Она прислонилась к стене в надежде, что сила тяжести увлечет ее на пол. Та отказалась. Приходилось страдать стоя.

ВАНДАНА СИНГХ
БЕСКОНЕЧНОСТИ

Молодой автор Ванадана Сингх родилась и выросла в Индии, в настоящее время вместе с семьей живет в Соединенных Штатах, где преподает физику и пишет прозу. Ее рассказы печатались в нескольких выпусках «Многоголосья» («Polyphony»), а также в «Strange Horizons», «InterNova», «Foundation 100», «Rabid Transit», «Interfictions», «Mythic», «Trampoline» и «So Long Been Dreaming». Детская книжка Сингх «Янганкл приезжает в город» («Younguncle Comes to Town») была опубликована в Индии. Также отдельным изданием вышла повесть «О любви и других чудовищах» («Of Love and Other Monsters»). Среди других работ писательницы можно назвать повесть «Расстояния» («Distances») и сборник «Женщина, которая считала себя планетой» («The Woman Who Thought She Was a Planet»).

В представленной ниже трогательной истории Сингх рассказывает об учителе математики, чье врожденное милосердие и чувство справедливости подвергаются испытаниям в водовороте жизни – и, возможно, за его пределами.

> *Уравнение для меня ничего не значит, если в нем не выражается замысел Бога.*
>
> *Сриниваса Рамануджан, индийский математик (1887–1920)*

Его имя Абдул Карим. Он невысок, худ, чрезвычайно педантичен в одежде и привычках. Прямой как палка. На лице – короткая остренькая бородка, к волосы с проседью. Когда он выходит из дома купить овощей, люди на улице приветствуют его с уважением: «Салам, господин учитель» или «Намасте, господин учитель» – в зависимости от того, какую религию исповедует говорящий. Он знаком всем, этот школьный учитель математики. Он живет здесь так давно, что видит лица своих бывших учеников повсюду. Вот, например, водитель авторикши Рамдас, который никогда не берет с него денег; а вот продавец бетеля в лачуге на углу, который отпускает ему в кредит и не торопит с оплатой. Продавца зовут Имран, и он посещает мечеть куда более регулярно, чем Абдул Карим.

Все его знают, этого вежливого учителя математики. Но у него есть свои тайны.

Живет он в старом желтом доме, где штукатурка кусками осыпается со стен, обнажая кирпичную кладку. Деревянная мебель, такая же ветхая и потрепанная, открывается взгляду случайных прохожих, когда на ветру робко трепещут выцветшие шторы на окнах. Дом выстроен в старомодном стиле, с внутренним двориком, который весь вымощен кирпичом, за исключением круглого пятачка земли, где растет огромное сливовое дерево. Двор окружен высокой стеной с единственной дверью, за которой находятся заросли, когда-то бывшие огородом. Но руки, что за ним ухаживали – руки матери Абдула Карима, – теперь едва способны донести до рта щепотку риса в трясущихся пальцах. Качая головой, мать сидит на солнышке во дворе, пока сын занимается хозяйством, по-женски тщательно протирая и начищая все вокруг.

У учителя двое сыновей: один в далекой Америке, женат на gori bibi, блондинке. подумать только! Он никогда не приезжает погостить да и пишет всего несколько раз в год. Жизнерадостные письма его жены, написанные по-английски, учитель читает очень внимательно, водя пальцем по строчкам. В них говорится о его внуках, о бейсболе (это, видимо, что-то вроде крикета), о планах приехать в гости, которым не суждено сбыться. Ее письма для него так же непостижимы, как мысль о том, что на Марсе есть разумная жизнь. Но за чужими словами чувствуется доброта и сочувствие. А его мать не хочет даже слышать об этой женщине.

У второго сына какой-то бизнес в Мумбай. Дома он бывает редко, но, когда приезжает, всегда привозит дорогие вещи – то телевизор, то кондиционер. Телевизор заботливо накрыт вышитой салфеткой, и его каждый день протирают от пыли, но учитель не может заставить себя его включить. В мире слишком много горя. От кондиционера у него начинаются приступы астмы, поэтому он никогда им не пользуется, даже в иссушающий летний зной. Его сын для него загадка; мать обожает внука, Абдула же терзает беспокойство, что этот юноша стал чужим, что он ввязался в какие-то сомнительные дела. Сын никогда не расстается с мобильным телефоном, все время звонит неизвестным друзьям в Мумбай и то разражается веселым смехом, то понижает голос до шепота, расхаживая туда-сюда по трогательно чистой гостиной. И хотя никому, кроме Аллаха, он в этом не признается, Абдул Карим почти уверен, что сын ждет его смерти. Он всегда вздыхает с облегчением, когда сын уезжает.

Но это всё домашние заботы. Какой отец не тревожится о детях? Вряд ли кто-то удивился бы, узнав, что тихому, доброму

учителю математики эти тревоги не чужды. О чем они не догадываются, так это о том, что у него есть тайная страсть, одержимость, которая отличает его от остальных. Возможно, именно поэтому всегда кажется, будто он смотрит на что-то за пределами поля зрения, что он слегка теряется в этом жестоком, приземленном мире. Он хочет увидеть бесконечность.

Для учителя математики в увлеченности числами нет ничего странного. Но для Абдула Карима числа – это каменные ступени лестницы, которая уведет его (Иншаллах!) от прозы жизни прямиком к бесконечности.

Будучи ребенком, он иногда улавливал что-то угловым зрением. Какие-то тени, движущиеся на самом краю видимости. Наверное, каждому из нас когда-нибудь мерещилось, будто кто-то стоит слева или справа, но исчезает, стоит повернуть голову. В детстве он думал, что это фаришты – ангелы, которые за ним присматривают. И ему было спокойно и уютно от этого незримого присутствия чего-то большого и доброго.

Однажды он спросил у матери:

– Почему фаришты со мной не разговаривают? Почему они всегда убегают, когда я оборачиваюсь?

По какой-то необъяснимой для него причине этот невинный вопрос повлек за собой визит к доктору. Абдул Карим всегда боялся кабинета врача, где стены были сверху донизу увешаны старинными часами. Часы тикали, звонили и жужжали, пока в щербатые чашки разливался чай и задавались вопросы про духов и одержимость, а горькие травы цедились в старинные бутылочки, подозрительно похожие на те, в которых сидят джинны. Мальчику дали амулет и велели носить на шее, а еще сказали каждый день повторять некоторые стихи из Корана. Совсем еще ребенок, он сидел на краешке потертой бархатной кушетки и трепетал от страха, а когда после двух недель лечения мать спросила его про фаришт, ответил: «Они исчезли».

Это была ложь.

* * *

Моя теория тверда как скала; любая направленная в нее стрела тут же вернется к лучнику. Откуда я это знаю? Потому что я много лет изучал ее со всех сторон; потому что я исследовал все доводы против

бесконечных чисел, которые когда-либо приводились; но самое главное – потому что корнями она уходит к безошибочной первопричине всего сотворенного.

Георг Кантор, немецкий математик (1845–1918)

В этом конечном мире Абдул Карим размышляет о бесконечности. В математике он встречался с различными видами бесконечностей. А поскольку математика – язык Природы, значит, в физическом мире вокруг нас бесконечности тоже имеются. Они приводят нас в замешательство, ибо люди – создания ограниченные. Наши жизни, наша наука, наши религии – все это меньше, чем космос. Бесконечен ли космос? Возможно.

В математике существует ряд натуральных чисел, которые, словно маленькие решительные солдаты, шагают в бесконечность. Но есть, как известно Абдулу Кариму, и менее очевидные бесконечности. Проведем прямую линию: на одном ее конце поставим ноль, на другом – цифру один. Сколько чисел помещается между нулем и единицей? Начнем считать прямо сейчас, и скорее Вселенная погибнет, чем мы приблизимся к единице. На пути от одной точки к другой нам встретятся и рациональные, и иррациональные, и трансцендентные числа. Последние – самые интригующие: их нельзя получить путем деления целых чисел или в результате решения простых уравнений. И тем не менее в ряду простых чисел их буквально непроходимые заросли; они – самые многочисленные из всех чисел. Они, эти трансцендентные числа, появляются, когда берется некое определенное отношение, например окружности круга к его диаметру, или при сложении бесконечного числа членов ряда, или при спуске по ступенькам бесконечных цепных дробей. Самое знаменитое, конечно, число пи – 3,14159…, в котором целая бесконечность неповторяющихся чисел после запятой. Трансцендентные числа! Они так богаты на бесконечности, как мы и вообразить себе не можем.

В любой ограниченности – в этой маленькой черточке числовой линии – таится бесконечность. Какая глубокая и прекрасная идея, думает Абдул Карим. Быть может, в нас тоже есть бесконечности, целые вселенные бесконечностей?

Еще один разряд, поражающий его воображение, – простые числа, атомы арифметики, из которых составлены остальные целые числа. Они точно буквы алфавита, из которых составляют слова. Простых чисел бесконечное множество, как и подобает

Божественному алфавиту, думает он.

Сколь невыразимо загадочны они! Их последовательность кажется случайной: 2, 3, 5, 7, 11… Невозможно предсказать, каким будет следующее число в этом ряду. Не существует формулы образования простых чисел. И все же в них есть какая-то загадочная закономерность, которая ускользает от самых великих математиков мира. Мелькнувший перед Риманом, но до сих пор не доказанный намек на такой глубинный, такой исконный порядок, что он недоступен нашему пониманию.

Искать бесконечность в нашем до безобразия конечном мире – что может быть благороднее для человека, а особенно для такого, как Абдул Карим?

Будучи ребенком он приставал к взрослым в мечети: «Что это значит, когда говорят, что Аллах одновременно один и бесконечен?» Став старше, он прочел философские трактаты Аль-Кинди и Аль-Газали, Ион Сины и Икбала, но его беспокойный ум не нашел там ответов. Большую часть жизни он провел в убеждении, что именно в математике, а не в философских спорах лежит ключ к самым глубоким тайнам.

Он спрашивает себя: а может, фаришты, сопровождающие его всю жизнь, знают ответы, которые он ищет? Порой, завидев одного из них на краю поля зрения, он, не поворачивая головы, задает вопросы тишине:

– Верна ли гипотеза Римана?

Молчание.

– Являются ли простые числа ключом к пониманию бесконечности?

Молчание.

– Есть ли связь между трансцендентными и простыми числами?

И снова нет ответа. Лишь иногда легкий шепот, отзвуки голосов звучат у него в голове. Абдул Карим и сам не понимает, проделки это подсознания или нет, потому что не может разобрать, что говорит голос. Он вздыхает и снова погружается в чтение.

Он читает о простых числах в природе. Оказывается, распределение промежутков между энергетическими уровнями возбужденного уранового ядра сходно с распределением промежутков между простыми числами. Он лихорадочно переворачивает страницы статьи, изучает графики, пытается понять. Как странно, что Аллах поместил этот намек в глубины атомного ядра! Абдул Карим едва знаком с современной физикой – он совершает набег в библиотеку, чтобы побольше узнать о структуре атомов…

Воображение его простирается все дальше. Размышляя о прочитанном, он начинает подозревать, что, возможно, материя способна к бесконечному делению. Он захвачен идеей, что, быть может, не существует такого понятия, как элементарная частица. Взять, к примеру, кварк – он полон преонов. Возможно, и преоны, в свою очередь, состоят из еще меньших частиц. И нет предела этой все более тонкой зернистости материи.

Насколько это лучше, чем мысль о том, что этот процесс где-то заканчивается, что в какой-то точке существует, например, какой-нибудь препреон, который состоит только из себя самого. Как это *фрактально устойчиво,* как прекрасно – идея, что материя состоит из вложенных друг в друга ящичков и даже в самом маленьком найдется еще меньший.

Он получает удовольствие от этой симметрии. Ведь, в конце концов, бесконечность есть не только в малом, но и в очень больших вещах. Вся наша расширяющаяся Вселенная, очевидно, не имеет края.

Он обращается к труду Георга Кантора, у которого хватило смелости привести в порядок математические исследования бесконечности. Абдул Карим скрупулезно переходит к вычислениям, водя пальцем по каждой строчке, каждому уравнению в пожелтевшем учебнике, неистово скрипя карандашом. Именно Кантору принадлежит открытие, что одни бесконечные ряды более бесконечны, чем другие – что существуют классы и уровни бесконечности. Возьмем целые числа – 1, 2, 3, 4… Бесконечность, но более низкого порядка, чем действительные числа, такие как 1,67, 2,93 и т. д. Таким образом, если мы присвоим ряду целых чисел порядок алеф-Нуль, то ряд действительных чисел будет порядка алеф-Один – словно ступени иерархии придворных вельмож. Вопрос, который не давал Кантору покоя и в конце концов стоил ему жизни и душевного здоровья, – континуум – гипотеза, согласно которой не существует бесконечного ряда чисел с порядком между алеф-Нуль и алеф-Один. Другими словами, алеф-Один идет следом за алеф-Нуль, без промежуточного звена. Но Кантор так и не смог этого доказать.

Он разработал математику бесконечных рядов. Бесконечность плюс бесконечность равно бесконечность. Бесконечность минус бесконечность равно бесконечность. Но континуум-гипотеза так и не поддалась ему.

Для Абдула Карима Кантор – словно картограф в причудливом новом мире. Пики бесконечностей вздымаются в небо, а Кантор – крошечная фигурка, затерянная в этом величии, муха над пропастью. И все же какая отвага! Какая сила духа!

Поставить себе цель классифицировать бесконечности…

В своих изысканиях Абдул Карим находит статью о математиках Древней Индии. У них были специальные слова для наименования больших чисел. Один пурви – отрезок времени, равный семистам пятидесяти шести тысячам миллиардов лет. Одна сирсапраэлика – восемь целых четыре десятых миллиона пурви, возведенные в двадцать восьмую степень. Что заставляло их оперировать такими огромными числами? Какие перспективы перед ними открывались? Что за чудесная заносчивость ими владела, когда они, ничтожные создания, помышляли о столь великом?

Однажды он рассказал об этом своему другу, индусу по имени Гангадьяр, который живет неподалеку. Руки Гангадьяра замерли над шахматной доской (еженедельная партия в самом разгаре), и он процитировал стихи из Вед:

– От Бесконечности отними Бесконечность, и – взгляни! – Бесконечность осталась…

Абдул Карим поражен. Предкам Гангадьяра удалось опередить Георга Кантора на четыре тысячи лет!

* * *

Любовь к науке… приветливость и снисходительность, которой Бог одаривает просвещенных, та расторопность, с которой он защищает и поддерживает их в истолковании неясностей и устранении трудностей, подвигли меня на создание краткой книги об исчислении аль-джабра и аль-мукабалы, ограничив их тем, что есть самого простого и полезного в арифметике.

Аль-Хорезми, арабский математик, VIII век

Математика была для мальчика вещью такой же простой и естественной, как дыхание. Экзамены в маленькой муниципальной школе он сдал играючи. Окраину, где он жил, населяли в основном мелкие торговцы, служащие и так далее, и их дети, казалось, унаследовали от родителей трудолюбие и

практичность. Никто не понимал этого до странности умного мусульманского мальчика, кроме его одноклассника-индуса Гангадьяра, парнишки общительного и дружелюбного. Несмотря на то что Гангадьяр играл на улице в гулли-данда и бегал быстрее всех в округе, у него была своя страсть – литература, в особенности поэзия: увлечение, возможно, столь же непрактичное, как математика. Эти двое нашли друг друга и провели немало часов, сидя на стене позади школы, поедая джамуны с растущих тут же деревьев и болтая о многом: начиная с пакистанской поэзии и стихов на санскрите и кончая тем, проникает ли математика повсюду, включая человеческие эмоции. Все это заставляло их чувствовать себя ужасно взрослыми и серьезными. Именно Гангадьяр со стыдливым хихиканьем впервые познакомил Абдула Карима с эротической поэзией Калидасы. В то время девушки были для обоих тайной за семью печатями: хотя учились они вместе, им казалось, что девушки (существа, разумеется, совершенно не похожие на их собственных сестер) – странные, грациозные и неземные создания. Лирические описания «ланит» и «персей» пробудили в них невыразимое томление.

Иногда, как это бывает с друзьями, между ними случались потасовки. В первый раз они всерьез подрались, когда накануне выборов в городе возникла напряженность между индуистами и мусульманами. Гангадьяр тогда подошел к Абдулу во дворе школы и ударил его наотмашь.

– Ты кровожадный мусульманин! – выпалил он, как будто только что это осознал.

– А ты проклятый неверный!

Они начали мутузить друг друга, повалились на землю. В конце концов, наставив друг другу синяков и в кровь разбив губы, они разошлись, бросая яростные взгляды. На следующий день на улице они впервые играли в гулли-данда за разные команды.

Потом они случайно столкнулись в школьной библиотеке. Абдул Карим напрягся, готовый дать сдачи, если Гангадьяр ударит первым. Тот посмотрел на него, словно бы раздумывая о чем-то, а потом несколько смущенно протянул ему книгу.

– Вот. Новая книга. По математике. Я подумал, может, тебе интересно…

Вскоре они уже снова сидели на стене, как обычно. Их дружба пережила даже крупные беспорядки четыре года спустя, когда город превратился в крематорий – горели дома и люди, и невообразимые зверства творились и индуистами, и мусульманами. Какой-то политик с той или другой стороны сделал некое провокационное заявление, которое сам потом не

мог припомнить, и разжег костер ненависти. Затем случилась драка на автобусной остановке, полицию обвинили в необоснованной жестокости к одной из сторон, и события вышли из-под контроля. Старшая сестра Абдула Айша с кузиной были на рынке, когда разразилась самая страшная бойня. В панике они потеряли друг друга; кузина вернулась домой вся в крови, но живая, а вот Айшу больше никто и никогда не видел.

Семья так и не оправилась от этого удара. Мать Абдула механически выполняла жизненно необходимые действия, но сердце ее было далеко. Отец весь высох, превратился в сморщенную пародию на себя прежнего, полного энергии человека. Через пару лет он умер. Что касается Абдула, репортажи в новостях об учиненных жестокостях стали пищей для кошмарных снов, в которых он видел, как его сестру избивают, насилуют, разрывают на части снова, и снова, и снова. Когда волнения улеглись, он, то полный надежды, то в слепой ярости, дни напролет бродил по улицам рынка, пытаясь найти хоть какой-то след Аиши, пусть даже ее труп.

Их отец перестал встречаться с друзьями-индуистами. Единственная причина, по которой Абдул не последовал его примеру, заключалась в том, что родные Гангадьяра во время резни укрыли в своем доме мусульманскую семью и не пустили на порог разъяренных индуистов. Прошло время, рана если и не зажила полностью, то хотя бы стала привычной – и Абдул Карим понемногу вернулся к жизни. Он погрузился в свою любимую математику, отгородившись от всех, кроме родни и Гангадьяра. Мир поступил с ним подло. Он ничего больше ему не должен.

* * *

Арьябхата – учитель, который, достигнув самых дальних берегов и погрузившись в самые глубокие пучины предельного знания математики, кинематики и сферической геометрии, передал эти три науки ученому миру.

Математик Бхаскара об индийском математике VI века Арьябхата сто лет спустя

Абдул Карим первым в семье пошел учиться в колледж. По счастливой случайности Гангадьяр поступил в то же учебное заведение на специальность «Индийская литература», в то время как Абдул Карим посвятил себя постижению математических тайн. Его отец смирился с увлечением сына и его явным математическим талантом. Сам Абдул Карим, сияя от похвал преподавателей, решил пойти по стопам Рамануджана. Этому гению-самоучке во сне являлась богиня Намаккал и записывала формулы на его языке (так, во всяком случае, рассказывал сам Рамануджан). Абдул Карим спрашивал себя, не послан ли этот фаришта Аллахом, чтобы благословить его математическим прозрением?

Как раз в это время произошло событие, которое подтвердило его подозрения.

Абдул сидел в библиотеке, решая задачу по дифференциальной геометрии, когда почувствовал на краю поля зрения присутствие фаришты. И, как множество раз прежде, он медленно повернул голову, ожидая, что видение исчезнет.

Вместо этого он увидел темную тень, стоящую перед длинным стеллажом. Она имела размытые, но вполне человеческие очертания. Тень медленно повернулась, и оказалось, что она тонка, как лист бумаги, но при этом на темном стройном силуэте проступили смутные черты. А потом Абдулу показалось, будто в воздухе приоткрылась дверь, всего лишь узкая щель, и за ней ему явилось зрелище невыразимо странного мира. Тень стояла возле двери, подзывая его жестом, но Абдул Карим сидел неподвижно, окаменев от изумления. Не успел он очнуться и встать, как дверь и тень одновременно повернулись вокруг своей оси и исчезли, а он остался сидеть, уставившись на стопку книг на стеллаже.

С этого дня он уже не сомневался в своем предназначении. Ему снились навязчивые сны о странном мире, в который он заглянул одним глазком; каждый раз, ощущая присутствие фаришты, он медленно поворачивал голову в его сторону – и каждый раз тот исчезал. Он говорил себе, что это только вопрос времени, что однажды один из них останется и, возможно, – о чудо из чудес! – возьмет его с собой в этот иной мир.

А потом внезапно умер отец. Это стало концом научной карьеры Абдула Карима. Ему пришлось вернуться домой, чтобы заботиться о матери, двух оставшихся сестрах и младшем брате. Единственное, чем он способен был заниматься, – преподавание. В конце концов он устроился на работу в ту самую муниципальную школу, которую сам недавно закончил.

Возвращаясь домой на поезде, он увидел женщину. Поезд

остановился на мосту. Внизу сонно извивалась какая-то речушка, золотистая в свете раннего утра, с поднимающимися над водой туманами, а на берегу – женщина с глиняным кувшином. Она зачерпнула воды в реке. Бледное, поношенное сари, намокнув, облепило ее стан, когда она подняла кувшин, поставила его себе на бедро и начала взбираться по склону. В рассветном свете она вся сияла. Туманное видение. Изгиб кувшина возле изгиба бедра. Их взгляды встретились, и он представил, что она увидела в тот миг: безмолвный поезд, юноша с редкой бородкой, смотрящий на нее так, словно она была первой женщиной в мире. Ее глаза глядели на него так доверчиво, словно она была богиней, заглянувшей в его душу. На мгновение между ними не существовало никаких барьеров и границ: ни половых, ни религиозных, ни кастовых, ни классовых. А потом она повернулась и скрылась в бамбуковой рощице.

Он так и не понял, действительно она была там, в этом полумраке, или это только игра воображения, но долгое время она оставалась для него символом чего-то природного. Порой он думал о ней как о Женщине, а порой – как о реке.

Домой он приехал как раз к похоронам. Работа не давала ему скучать и не пускала ростовщика на порог. С упрямым оптимизмом юности Абдул Карим продолжал надеяться, что в один прекрасный день фортуна переменится, он вернется в колледж и получит степень. В то же время он знал: мать хочет, чтобы он нашел себе невесту…

Абдул Карим женился, завел детей. Мало-помалу, за годы стояния перед рядами парт, вечернего репетиторства и откладывания денег из скудного заработка на замужество сестер и прочие расходы, Абдул Карим растерял тот молодой пылкий талант, которым когда-то обладал, а вместе с ним и надежду достичь высот, на которые взбирались Рамануджан, Кантор или Риман. Теперь мысли его текли медленнее. Ум, отягощенный годами забот, износился. Когда умерла жена, а дети выросли и разъехались, постепенно снижающиеся потребности наконец совпали с невысоким доходом, и Абдул Карим обнаружил, что может снова размышлять о математике. Он больше не надеялся озарить научный мир новым открытием, таким как доказательство гипотезы Римана. Эти мечты прошли. Все, на что он рассчитывал, – это поймать отблеск света тех, кто ушел вперед, и вновь пережить радость озарения – пусть даже чужого. Так жестоко подшутило над ним время: теперь, когда появилась возможность, он уже утратил способность. Но для истинной увлеченности это не преграда. Теперь, когда он добрался до осени жизни, к нему будто снова пришла весна и принесла с собой

старую любовь.

* * *

В этом мире, где правят голод и жажда,
Любовь – не единственная истина, есть и другие Правды…

Сахир Лудхъянви, индийский поэт (1921–1980)

Бывают моменты, когда Абдул Карим устает думать о математике. В конце концов, он уже немолод. Сидеть во дворе с блокнотом, карандашом и книгами по несколько часов кряду – это не проходит даром. Он встает, ощущая ломоту во всем теле, проверяет, не нужно ли чего матери, а затем идет на кладбище, где похоронена его жена.

Зейнаб, пухлая бледная женщина, едва умела читать и писать, но двигалась по дому с ленивой грацией, а ее добродушный смех колокольчиком звенел во дворе, когда она болтала с прачкой. Она любила поесть – он помнил, как изящные кончики ее пухлых пальцев сжимались вокруг ломтика баранины, захватывая вдобавок несколько зернышек риса с шафраном, и благоговейно отправляли его в рот. Ее полнота производила впечатление силы, однако на самом деле она не могла противостоять своей свекрови. Смех в ее глазах постепенно погас, когда двое сыновей подросли и их воспитанием стала заниматься бабушка – в своей части женской половины дома. Сам Абдул Карим был совершенно не в курсе этой молчаливой войны между женой и матерью – он был молод и слишком занят преподаванием математики своим твердолобым ученикам. Он замечал, что бабушка почти все время держит младшего при себе и воркует с ним, а старший сторонится матери, но не видел в этом никакой связи с усиливающейся бледностью жены.

Однажды ночью он позвал ее помассировать ему ноги (так они между собой называли секс) и все не мог дождаться, когда же она придет с женской половины. Ему не терпелось обрести успокоение от ее округлой наготы, мягких, шелковых грудей. А когда она наконец пришла, то упала на колени в изножье кровати, и грудь ее вздымалась от сдавленных рыданий, а руки закрывали лицо. Он стал обнимать ее и спрашивать, что могло так взбудоражить ее спокойный добрый нрав, и тут она совсем

пала духом. Никакими ласками и уговорами он не мог заставить ее сказать, что же разбивает ее сердце. В конце концов вперемежку с рыданиями и всхлипываниями она заявила, что больше всего на свете ей хотелось бы еще одного ребеночка.

Абдул Карим – человек современных взглядов – считал, что двоих детей, к тому же мальчиков, для семьи вполне достаточно. Будучи сам одним из пятерых отпрысков, он знал, что такое бедность и боль, когда приходится отказываться от университетской карьеры, чтобы содержать семью. Он не хотел, чтобы его детям пришлось это испытать. Но когда жена прошептала, что хочет еще одного, он сдался.

Теперь, оглядываясь назад, он корит себя, что не попытался понять истинных причин ее страданий. Беременность была сложной. Его мать почти целиком взяла на себя заботу о мальчиках, пока Зейнаб лежала в кровати на женской половине и от тошноты не могла ничего делать, кроме как тихо плакать и призывать Аллаха на помощь. «Это девочка, – мрачно сказала мать Абдула Карима. – Только от девочки может быть столько проблем». И она взглянула через окно во двор, где когда-то играла и помогала ей развешивать белье ее собственная дочь Аиша, погибшая сестра Абдула.

И это действительно оказалась девочка – она родилась мертвой и унесла с собой свою мать. Их похоронили вместе на маленьком запущенном кладбище, куда Абдул Карим приходит, когда на него нападает тоска. Теперь могильный камень уже покосился, и холмик порос травой. Отец Абдула похоронен здесь же, как и трое других детей, которые умерли, когда ему не было и шести. Только Аиши, пропавшей Ашли, той, что была для него, маленького мальчика, источником ласки – сильные, щедрые руки, тонкие пальцы, пахнущие хной, гладкая щека, – только ее здесь не было.

На могиле Абдул Карим отдает дань уважения памяти жены, а сердце его щемит при виде того, как разрушается само кладбище. Ему кажется, что, если оно окончательно придет в упадок, он позабудет и Зейнаб, и ребенка, и свою вину. Иногда он пытается сам вырвать сорную траву, но его изнеженные, не привыкшие к работе руки ученого очень быстро начинают болеть и кровоточить. Тогда он вздыхает и вспоминает суфийскую поэтессу Джаханару, которая писала несколько веков назад: «И пусть зеленая трава растет над моей могилой!»

* * *

Я часто размышлял о той роли, которую играют в процессе изучения знания или опыт, с одной стороны, и воображение или интуиция – с другой. Полагаю, между ними существует некоторое фундаментальное противоречие, и знание, поборник осторожности, склонно сдерживать полет воображения. А потому некоторая наивность, не отягощенная традиционной мудростью, порой может быть ценным качеством.

Хариш-Чандра, индийский математик (1923–1983)

Гангадьяр, школьный друг Абдула Карима, недолгое время был учителем индийской литературы в школе, а теперь он член академии в Амравати и пишет стихи в свободное время. Он единственный человек, которому Абдул Карим может доверить свою тайную страсть.

Со временем его тоже захватывает идея бесконечности. Пока Абдул Карим корпит над Кантором и Риманом, пытаясь понять теорему простых чисел, Гангадьяр роется в библиотеке и выискивает сокровища там. Каждую неделю, когда Абдул Карим проходит пешком две мили до дома друга и слуга провожает его в уютную гостиную с изящной, хотя и постаревшей, мебелью красного дерева, они делятся друг с другом своими находками за чашечкой кардамонового чая и шахматной доской. Гангадьяр не разбирается в высшей математике, но он умеет сочувствовать страданиям охотника за знаниями и понимает, каково это – биться головой о стену неведомого и вспыхивать светом прозрения. Он откапывает цитаты из Арьябхаты и Аль-Хорезми и рассказывает своему другу что-нибудь вроде такого:

– Знаешь ли ты, Абдул, что греки и римляне не принимали идею бесконечности? Аристотель возражал против нее и предлагал ограниченную модель Вселенной. Из всех древних греков один только Архимед осмелился сделать попытку измерить эту вершину. Он пришел к пониманию того, что различные бесконечные количества можно сравнивать, что одна бесконечность может быть больше или меньше, чем другая.

Или – в другой раз:

– Один французский математик, Жак Адамар… тот, что доказал теорему простых чисел, которая вводит тебя в такой

экстаз… Так вот, он говорит, что есть четыре ступени математического открытия. Как, впрочем, и в творчестве художника или поэта, если разобраться. Первая ступень – изучить то, что уже известно. Вторая – дать этим идеям вылежаться в голове, по типу того, как поле восстанавливается между посевами. Затем, если повезет, – вспышка озарения, все проясняющий момент, когда ты открываешь что-то новое и нутром чувствуешь, что это так и есть. Конечная стадия – проверка, когда это прозрение испытывается на прочность математическим доказательством…

Абдул Карин чувствует, что если он сможет пройти хотя бы две первые стадии по Адамару, то, быть может, Аллах вознаградит его вспышкой озарения. А может, и нет. Если у него и были когда-то надежды стать новым Рамануджаном, то они уже в прошлом. Однако какой истинный влюбленный повернет назад у дверей дома возлюбленной, даже зная, что его не пустят на порог?

– Что меня беспокоит, – говорит он Гангадьяру во время одной из таких дискуссий, – что всегда меня беспокоило, так это теорема неполноты Гёделя. Согласно этой теореме, существуют утверждения, которые невозможно доказать математически. Он показал, что канторовская континуум-гипотеза – одно из таких утверждений. Бедняга Кантор, он лишился рассудка, пытаясь доказать то, что в принципе не может быть доказано или опровергнуто! Что, если все недоказанные идеи, касающиеся простых чисел и бесконечности, – именно такие? Если их нельзя проверить инструментами математической логики, то как мы вообще узнаем, правдивы они или нет?

Это действительно не дает ему покоя. Он изучает доказательство теоремы Гёделя, стараясь понять ее. Гангадьяр его подбадривает:

– Знаешь, в старых сказках каждое великое сокровище охраняется монстром соответствующих размеров. Возможно, теорема Гёделя и есть такой джинн, который охраняет искомую тобой истину. И может, вместо того чтобы сражаться, тебе стоит подружиться с ней?

После своих изысканий, после разговоров с Гангадьяром Абдул Карим вновь начинает считать своими настоящими друзьями Архимеда, Аль-Хорезми, Хайяма, Арьябхату, Баскара, Римана, Кантора, Гаусса, Рамануджана и Харди.

Вот те, перед которыми он всего лишь жалкий ученик, подмастерье, идущий по их стопам вверх по склону. Но подъем труден. В конце концов, он уже немолод. Порой он дает себе слово оставить свои математические мечты и посвятить себя

уходу за матерью, которая слабеет с каждым днем. Да и Гангадьяр убеждает его: «Ну нельзя же быть таким одержимым! Ты что, хочешь повторить судьбу Кантора или Гёделя? Береги свой рассудок, друг мой. У тебя есть обязательства перед матерью, перед обществом».

Абдул Карим не в силах объяснить этого Гангадьяру, но математика звучит у него в голове. Он думает ее понятиями.

Предел функции f(N), если N стремится к бесконечности… Множество вопросов, которые он задает самому себе, начинаются именно так. Функция f(N) может быть и элементарной арифметической функцией, и числом вкладывающихся друг в друга матрешек вещества, и протяженностью Вселенной. Она может быть абстрактной, как параметр математического пространства, или приземленной, как ветвящиеся морщинки на лице его матери, которая все стареет и стареет на мощеном дворе возле дома под сливовыми деревьями. Стареет, но не умирает, словно собирается стать живым воплощением парадокса Зенона.

Абдул Карим любит свою мать так же, как любит сливовое дерево: за то, что они есть, за то, каким они сделали его самого, за их кров и защиту.

Предел… если N стремится к бесконечности…

Так начинается множество теорем исчисления. Интересно, думает Абдул Карим, каким видом исчисления можно описать медленную кривую умирания матери? Что, если жизни не требовалось бы минимального порога условий; что, если бы смерть была всего лишь пределом некоей функции f(N), когда N стремится к бесконечности?

* * *

Мир, где жизнь человека –
лишь пешка,
Мир, полный
смертепоклонников,
Где смерть дешевле жизни…
Это не мой мир…

Сахир Лудхьянви, индийский
поэт (1921–1980)

Пока Абдул Карим возится со своими бесконечностями, как и многие обманутые глупцы и гении до него, мир меняется.

Он лишь смутно представляет себе, что происходит в мире, где люди живут и умирают, где на улицах случаются беспорядки, а нынешнее лето бьет все температурные рекорды, и уже тысячи людей в Северной Индии погибли от невиданной жары. Еще он знает, что Смерть уже стоит за спиной его матери, и он делает для нее все, что может. И хотя он не всегда соблюдал пять дневных молитв, теперь совершает намаз вместе с ней. Она уже понемногу переселяется в другую страну – в край ушедших времен, где все перемешано, и она то зовет Айшу, то беседует с давным-давно умершим мужем. С ее трясущихся губ слетают обрывки разговоров из детства. А в редкие минуты просветления она призывает Аллаха поскорее забрать ее к себе.

Абдул Карим – заботливый сын, и все же он рад возможности раз в неделю выбраться к Гангадьяру, чтобы поиграть в шахматы и просто поболтать. За матерью в это время присматривает соседка. Вздохнув разок-другой, он пробирается по знакомым с детства переулкам, и его туфли поднимают пыль под старыми джамунами, на которые он взбирался мальчишкой. Здоровается с соседями: старым Амин-хан-сахибом, сидящим с кальяном на своей чарпаи[20]; с близнецами Али, мальчишками-сорванцами, которые гоняют палочкой обод от велосипедного колеса; с Имраном, продающим бетель в лавке. С некоторым волнением он пересекает переполненную торговую улицу, проходит мимо выцветшей вывески «Муншилал и сыновья», мимо рикши, стоящего в другом тихом переулке под сенью жакаранды. Дом Гангадьяра – скромное бунгало, когда-то белое, но превращенное муссонами в неопределенно-серое. Скрип деревянной калитки так же знаком, как приветствие Гангадьяра.

Но приходит день, когда они не играют в шахматы.

Мальчик-слуга – не сам Гангадьяр – провожает его в знакомую гостиную. Усаживаясь в привычное кресло, Абдул Карим замечает, что шахматной доски нигде не видно. Из внутренних комнат доносятся какие-то звуки: женские голоса, скрежет передвигаемой мебели.

В комнату входит пожилой человек и вдруг останавливается как вкопанный. Лицо его смутно знакомо – позже Абдул Карим вспоминает, что это какой-то родственник жены Гангадьяра, кажется дядя, и он живет на другом конце города. Они встречались пару раз на семейных торжествах.

– Что вы здесь делаете? – говорит мужчина, не слишком церемонясь. Он совсем седой, но двигается весьма энергично.

Озадаченный и немного обиженный Абдул Карим отвечает:

– Пришел сыграть в шахматы с Гангадьяром. Он дома?

– Сегодня шахмат не будет. Неужели вам мало того, что вы

сделали? Вы хотите еще посмеяться над нашим горем? Послушайте, что я вам скажу…

– Что случилось? – Негодование Абдула Карима отступает перед дурными предчувствиями. – О чем вы? С Гангадьяром все в порядке?

– Может, вы не в курсе, – угрюмо отвечает тот, – но вчера вечером кто-то из ваших поджег автобус на улице Пахария. В нем было десять человек, все индуисты, они возвращались с семейной церемонии в храме. И все они погибли ужасной смертью. Говорят, что это дело рук ваших фанатиков. Даже детей из автобуса не выпустили. Теперь весь город в панике. Кто знает, что еще может случиться? Мы с Гангадьяром перевозим его семью в более безопасное место.

Глаза Абдула Карима остекленели от ужаса. Он не в силах вымолвить ни слова.

– Сотни лет мы относились к вам по-человечески. И даже когда вы, исламисты, веками нападали на нас и грабили, мы позволяли вам строить свои мечети и поклоняться своему Богу. И вот она, ваша благодарность!

За один миг Абдул Карим превратился для них в «исламиста»… Он хочет сказать, что и пальцем не тронул тех людей… Не его руки разжигали огонь… Но слова застревают у него в горле.

– Вы хотя бы можете это представить, господин учитель? Видите языки пламени? Слышите крики несчастных? Они никогда уже не вернутся домой…

– Да, я могу представить, – мрачно отвечает Абдул Карим. Он встает с кресла, но тут в комнату входит Гангадьяр. Он, конечно же, слышал часть их разговора, потому что обнимает Абдула Карима за плечи, словно бы признавая в нем своего. Ведь это Абдул Карим, его друг, чья сестра много лет назад тоже не вернулась домой…

Гангадьяр оборачивается к родственнику жены:

– Дядя, прошу вас, Абдул Карим вовсе не такой, как те мерзавцы. Добрее него я в жизни никого не встречал! К тому же еще неизвестно, кто эти подонки, хоть в городе и говорят всякое… Абдул, сядь, пожалуйста. Какие же времена настали, что мы говорим друг другу такие вещи! Увы… Поистине нас поглотила Кали-юга[21]…

Абдул Карим снова садится, но его всего трясет. Мысли о математике улетучились из головы. Его переполняет отвращение к варварам, сотворившим такое зверство, ко всему человеческому роду. Что за подлое племя! Вооружиться именем Рамы, Аллаха или Иисуса и под этим прикрытием жечь и крушить все вокруг –

вот что такое вся наша история.

Дядя, покачав головой, выходит из комнаты. Гангадьяр рассказывает, извиняясь за своего родственника:

– Это ведь вопрос политических манипуляций. Английские колонисты искали наши слабости и использовали их в своих целях, натравливая нас друг на друга. Открыть ворота в ад легко – куда сложнее их закрыть. Все эти годы, до появления англичан, мы жили в мире. Почему мы не можем закрыть ту дверь вражды, которую они открыли? В конце концов, разве какая-нибудь религия велит нам убивать своих соседей?

– Какая разница? – с горечью отвечает Абдул Карим. – Люди в принципе создания скверные, мой друг. Мы, мусульмане, обращаем свои молитвы к Аллаху Милосердному. Вы. индуисты, говорите: «Иша васьям идам сарвам» – «Бог пронизывает всё». Христиане: «Подставь другую щеку». И все же у каждого руки в крови. Мы извращаем сущее – берем слова мира, сказанные пророками и святыми, и превращаем их в оружие, чтобы убивать друг друга!

Его бьет дрожь, и он едва может говорить.

– Только в математике… В одной математике я вижу Аллаха…

– Ну успокойся, – говорит Гангадьяр.

Он зовет слугу, чтобы тот принес воды господину учителю. Абдул Карим пьет и вытирает губы ладонью. Из дома выносят чемоданы. Такси уже ждет у входа.

– Послушай, мой друг, – говорит Гангадьяр, – в городе сейчас небезопасно. Отправляйся-ка ты домой, запри двери и будь рядом с матерью. Сейчас я перевожу свое семейство, а через день-другой присоединюсь к ним сам. Когда это безумие закончится, я вернусь и отыщу тебя.

Абдул Карим идет домой. Пока что все выглядит как обычно: ветер метет мусор по улицам, лавка Имрана открыта, на автобусной остановке толпится народ. Потом он замечает, что на улице совсем не видно детей, хотя сейчас время летних каникул.

На овощном рынке не протолкнуться. Люди, как одержимые, скупают все подряд. Абдул Карим покупает немного картошки, лук, большую тыкву и идет домой. Войдя, запирает дверь. Его мать, которая уже не в состоянии готовить, смотрит, как это делает сын. Поев и уложив мать в постель, он идет в свой кабинет и открывает книгу по математике.

Проходит день, может, два – Абдул Карим их не считает. Он по-прежнему ухаживает за матерью, но частенько забывает поесть. Его мать все больше и больше живет в другом мире. Сестры и брат Абдула звонят из других городов, встревоженные новостями

по телевизору. Он говорит им, что беспокоиться не о чем. Когда все вернется в норму, они смогут приехать и навестить их с матерью.

* * *

Как удивительна Тайна Вселенной,
Которую может познать лишь истинно Любящий!

Буллех-Шах, пенджабский поэт XVIII века

Логика лишь одобряет достижения интуиции.

Жак Адамар, французский математик (1865–1963)

Однажды утром он выходит из полумрака своего кабинета на залитый солнцем двор. Город вокруг полыхает огнем и корчится от боли, но Абдул Карим не видит и не слышит ничего, кроме математики. Он садится в старое плетеное кресло, поднимает лежащий на земле прутик и начинает чертить на земле математические символы.

На краю поля зрения появляется фаришта.

Абдул Карим медленно поворачивается. Темная тень по-прежнему на месте, словно чего-то ждет. На этот раз Абдул Карим быстро вскакивает на ноги, не обращая внимания на укол боли в колене. Он идет к двери, протянув вперед руку, и проходит ее насквозь.

На мгновение он резко теряет ориентацию в пространстве – как будто его вкручивают в этот скрытый мир сквозь другие измерения. Потом тьма перед глазами рассеивается, и его глазам предстают чудеса.

Вокруг тишина. Перед ним огромная равнина и небо, ни на что не похожее. Пейзаж усеян темными пирамидальными фигурами – гигантскими памятниками чему-то за пределами понимания. В бледно-оранжевом небе, где нет солнца, лишь рассеянное свечение, висит какой-то громадный многогранный предмет. Абдул Карим опускает взгляд вниз, на свои ноги, по-

прежнему обутые в старые, стоптанные сандалии, и видит, что вокруг, в песке, копошатся и извиваются крошечные рыбообразные существа. Немного «песка» просочилось между пальцами: он теплый и похож скорее на резину, чем на песок. Абдул Карим делает глубокий вдох и ощущает странный запах – что-то вроде жженой резины, смешанной с запахом пота. Тень, которая обрела наконец плотность, стоит рядом и выглядит почти по-человечески – за исключением шеи, которая отсутствует совсем, и излишка конечностей: их число, кажется, постоянно меняется – сейчас, например. Абдул Карим насчитал пять.

Темное отверстие (рот?) открывается и закрывается, но оттуда не вылетает ни звука. Вместо этого Абдул чувствует, словно в его мозг положили какую-то мысль – как будто посылку, которую нужно будет открыть позже.

Вместе с тенью он идет по песку к берегу спокойного моря. Вода (если это, конечно, вода) слегка пенится и бурлит, а в глубине движутся призрачные силуэты и видны очертания какого-то сооружения. Сложные узоры складываются, рассыпаются и образуются снова. Абдул Карим облизывает пересохшие губы: на них вкус железа и соли.

Он смотрит на своего провожатого, который велит ему остановиться. Открывается еще одна дверь. Они проходят сквозь нее и оказываются в новом мире.

Здесь все по-другому. Сплошной свет и воздух, и все пространство пронизано огромной прозрачной паутиной. Каждая нить этой паутины – полая трубка, в которой текут жидкие существа. Создания поменьше и более плотные плывут в пустоте между нитями паутины.

Лишившись дара речи, он протянул руку к переплетению нитей. Их тонкость напомнила ему филигрань серебряных браслетов, которые его жена носила на щиколотках. К несказанному удивлению Абдула, крошечное существо, плывшее внутри соломинки, остановилось. Оно похоже на пузатую водянистую запятую, полупрозрачную и без каких-либо отличительных черт, и все же он точно знает, что на него смотрят, изучают и испытывают удивление.

Нить паутины касается его пальцев, и он ощущает ее прохладную, неземную гладкость.

И снова открывается дверь. И снова они входят в нее.

От этого безумного путешествия голова идет кругом. Порой перед Абдулом Каримом мелькают пейзажи его собственного мира: деревья и улицы, далекие голубые холмы. По некоторым признакам можно понять, что эти кадры принадлежат разным временным точкам: в одной он видит армию солдат с сияющими

на солнце шлемами и догадывается, что оказался в эпохе Римской империи. В другой раз ему кажется, что он снова дома, потому что перед ним его собственный двор. Но в плетеном кресле сидит какой-то старик и задумчиво водит по земле прутиком. На двор падает чья-то тень. Кто-то невидимый прячется за спиной старика. Неужели это нож блеснул в руке незнакомца? Что он сейчас видит? Абдул Карим пытается крикнуть, но из его рта не вылетает ни звука. Видение меркнет – отворяется дверь, и они в нее входят.

Абдула бьет дрожь. Похоже, он только что видел собственную смерть.

Он вспоминает, что так когда-то умер Архимед – чертил на земле круги, поглощенный какой-то геометрической проблемой, когда солдат-варвар подкрался сзади и зарезал его.

Но сейчас нет времени на раздумья. Абдул Карим заблудился в карусели вселенных, странных и непохожих друг на друга. Фаришта мельком показывает ему так много миров, что он уже давно сбился со счета. Он отбрасывает мысли о смерти и целиком отдается удивлению.

Его проводник открывает одну дверь за другой. По его лицу, на котором нет ничего, кроме одного-единственного отверстия, невозможно понять, о чем он думает. Абдулу хочется спросить: «Кто ты? И зачем ты это делаешь?» Он, разумеется, знает старинную историю о том, как однажды ночью архангел Гавриил явился пророку Магомету и взял его с собой в божественное путешествие по небесам. Однако какое дело архангелу Гавриилу до скромного учителя математики из провинциального городка, когда тот и в своем-то мире ничего не значит?

И все же он здесь. Быть может, Аллах хочет что-то сообщить ему, – в конце концов, пути Его неисповедимы. И по мере того как чудеса предстают перед ним одно за другим, сердце Абдула Карима наполняется ликованием.

Наконец в одной из вселенных они останавливаются и повисают прямо посреди желтого неба. Испытав головокружительное отсутствие гравитации с приступом внезапной тошноты в придачу (которая, впрочем, быстро проходит), Абдул Карим поворачивается в воздухе и замечает, что небо не однородно, а словно покрыто тончайшей мозаикой: геометрические формы переплетаются и смешиваются, образуя новые. Цвета тоже меняются – от желтого до зеленого, лилового, пурпурного. Ему вдруг кажется, что в небе один за другим открылись тысячи глаз, и, поворачиваясь, он видит, как мелькают перед ним все другие вселенные. Настоящий калейдоскоп, только невообразимо огромный. И он – в самом центре, в пространстве

между пространствами, а в теле ощущается низкая, неровная дрожь, похожая на барабанную дробь. Бум, бум – бьет барабан. Бум, бум, бум. Постепенно становится ясно: всё, что он сейчас видит и чувствует, – есть часть какого-то гигантского узора.

Тут-то Абдула Карима и настигло то самое озарение, которого он ждал всю жизнь.

Он столько бился с трансцендентными числами, пытаясь понять идеи Кантора, в то же время представления Римана о простых числах тоже его увлекали. Порой на досуге он размышлял о том, не связаны ли они на каком-то глубинном уровне. Несмотря на их явную случайность, в простых числах есть своя закономерность, на что намекает недоказанная гипотеза Римана. И вот теперь он наконец видит: если представить простые числа как территорию огромной страны и взглянуть на эту реальность в двухмерном срезе, который пересекает эту территорию на некоторой высоте над поверхностью и под углом, то, разумеется, увиденное будет казаться случайным. Вершины холмов, обрывки долин… Ведь наблюдать можно будет только ту часть местности, которая попала в этот срез.

И покуда мы не сможем увидеть весь пейзаж целиком в многомерном великолепии, его топография будет казаться бессмысленной.

Вот оно: голые кости творения, здесь, в месте, откуда берут начало все ответвления вселенных, где бьется сердце метакосмоса. На этих строительных лесах структура скелета мультиверса очевидна и великолепна. Вот та гигантская топография, частичка которой мелькнула перед Кантором. Озарение вспыхивает в мозгу Абдула Карима так ясно, словно сам метакосмос говорит с ним. Он видит, что из всех трансцендентных чисел лишь некоторые (по-прежнему бесконечное количество, но не все) обозначены как ворота в другие миры и на каждом стоит простое число. Да. Да… Но почему именно так? Какая в этом отражается глубинная симметрия? Какая закономерность Природы, о которой не подозревают физики нашего мира? Неизвестно.

Место обитания простых чисел, топология бесконечных вселенных – в этот миг он видит их собственными глазами. Никакая элементарная функция из тех, что известны человеку, не может охватить этот простор, эту неисчерпаемую красоту. Абдул Карим понимает, что никогда не сможет описать все это привычными математическими знаками. Убедившись в правильности гипотезы Римана, вытекающей из этой огромной сияющей реальности, он не сможет доказать ее обычным способом. Ни один человеческий язык на свете, математический

или какой-то другой, не в силах описать то, что для него теперь ясно как день. А может быть, именно он, Абдул Карим, положит начало такому языку? Ведь перевел же великий поэт Икбал небесное путешествие Пророка, чтобы дать людям понять – небеса достижимы!

Поворот – и дверь открывается снова. Он ступает на двор собственного дома. Оборачивается, но позади никого нет. Фаришта исчез.

Абдул Карим возводит глаза к небу. Там несутся темные дождевые тучи, ветви сливового дерева танцуют на ветру. Гул ветра заглушает звуки, доносящиеся из разоренного города. Через стену перелетает красный цветок и опускается прямо у ног Абдула Карима.

Ветер отбрасывает волосы с лица, и его наполняет невыразимый экстаз. Он чувствует на себе дыхание Аллаха.

Он говорит ветру:

– Господь милосердный и всемогущий, я благоговейно стою перед Твоей чудесной Вселенной. Помоги мне, слабому смертному, поднять мой взор над низкой мелочностью повседневности, над сварами и ссорами подлого человечества… Помоги мне увидеть красоту Твоих творений, от пышного цветка красной сейбы до изысканного математического изящества, с которым Ты создал бесчисленные миры на пространстве меньше человеческого шага. Теперь я знаю мое истинное предназначение в этом печальном мире – стоять в покорном благоговении перед Твоим величием и петь хвалебные гимны Тебе с каждым моим вздохом…

Он слабеет от счастья. Листья кружатся по двору, как безумные дервиши; редкие капли дождя стирают уравнение, нацарапанное им на земле. Он давным-давно упустил свой шанс стать гением математики; он никто, всего-навсего школьный учитель, он ничтожнее клерка в какой-нибудь конторе – и все же Аллах ниспослал ему это великое прозрение. Возможно, теперь он достоин упоминания рядом с Рамануджаном и Архимедом и всеми, кто был между ними. Но единственное, чего ему сейчас хочется, это выбежать на улицу и кричать на весь город: «Смотрите, друзья, откройте глаза и узрите то, что узрел я!» Впрочем, он понимает, что его сочтут ненормальным; только Гангадьяр поймет… если не математику, то по крайней мере его порыв, всю важность этого открытия.

Он выскакивает из дома прямо на улицу.

* * *

Это мутное зарево… этот ужаленный ночью рассвет Не тот рассвет, которого мы ждали…

Фаю Ахмед Фаиз, пакистанский поэт (1911–1984)

Где все разрушено,
Где страждет каждая душа,
где каждый взгляд
Смятенья полон и сердце каждое
Печалью отягощено…
Что это – мир иль хаос?

Сахир Лудхьянви, индийский поэт (1921–1980)

Но что это?

Улица пуста. Повсюду валяются разбитые бутылки. Окна и двери соседних домов затворены ставнями и заперты, словно закрытые глаза. Сквозь шум дождя слышатся отдаленные крики. Откуда этот запах дыма?

Только теперь Абдул Карим вспоминает о том, что он услышал в доме Гангадьяра. Заперев за собой дверь, он пускается бежать с такой скоростью, на которую только способны стариковские ноги.

Рынок охвачен огнем. Над разгромленными прилавками вьется дым, и это несмотря на проливной дождь. На тротуаре – битые стекла, посреди дороги лежит деревянная кукла без головы. Повсюду валяются мокрые листки бумаги, исписанные аккуратными колонками цифр, – остатки гроссбуха.

Абдул Карим торопится пересечь улицу.

Дом Гангадьяра разрушен. Абдул Карим входит в открытую дверь, невидящими глазами смотрит на почерневшие стены. Мебели почти не осталось. Только шахматный столик стоит нетронутый в центре гостиной.

Абдул Карим в отчаянии обыскивает дом, впервые в жизни заходя во внутренние комнаты. Везде пусто, даже шторы сорваны с окон.

И ни души.

Он выбегает из дома. Семья жены Гангадьяра – он даже не

знает их адреса. Как узнать, жив ли он?

В соседнем доме живет семья мусульман, с которыми Абдул Карим знаком лишь по встречам в мечети. Он барабанит в дверь. За ней слышится какое-то движение, в окне второго этажа шевелится занавеска – но никто не спешит ответить на его отчаянные мольбы. Наконец, совершенно потерянный, с израненными кулаками, он медленно поворачивает к дому, с ужасом озираясь по сторонам. Неужели это его город, его мир?

Аллах, Аллах! Почему Ты покинул меня?

Он созерцал сияющее мастерство Аллаха. Но зачем? Неужели все эти другие миры, другие вселенные были всего лишь сном?

Дождь припускает еще сильнее.

В канаве лицом вниз лежит человек. От дождя рубашка на спине намокла, и по ней течет кровь. Абдул Карим подходит ближе, чтобы понять, жив он или мертв, – это юноша, со спины похож на Рамдаса или Имрана, – и тут замечает сзади, в начале улицы, группу молодых людей. Быть может, там кто-то из его учеников – они могут помочь.

Они двигаются с пугающей уверенностью хищников. Теперь он замечает в их руках дубинки и камни.

Они надвигаются, словно цунами, словно удар грома, оставляя позади смерть и разрушение. Сквозь шум дождя слышны их выкрики.

Мужество покидает Абдула Карима. Он бежит к дому, заскакивает внутрь, запирает дверь на засов и закрывает ставни. Потом заходит к матери – она спит. Телефон не работает. Чечевичная похлебка на плите вся выкипела. Он выключает газ, снова идет к двери и прикладывает к ней ухо. Выглянуть из окна он не решается.

Слышно, как мимо пробегают те парни, которых он видел. Абдул Карим парализован страхом. Замерев, он пытается расслышать что-нибудь сквозь барабанную дробь дождя. Там, по ту сторону двери, кто-то стонет.

Абдул Карим открывает дверь. Улица пуста, только дождь льет как из ведра. А у его ног лежит тело молодой женщины.

Она открывает глаза. Ее одежда изорвана, длинные пряди волос, мокрые от дождя и крови, липнут к шее и плечам. Шаровары в крови, сотни ран и ушибов сочатся кровью по всему ее телу. Ее взгляд становится осмысленным.

– Господин учитель…

Абдул Карим в растерянности. Неужели они знакомы? Может, она когда-то у него училась?

Он быстрее втаскивает ее в дом и запирает дверь. Затем с некоторым трудом осторожно переносит на диван в гостиной,

заливая пол ее кровью. Она кашляет.

– Дитя мое, кто это сделал? Подожди, я сейчас приведу врача…

– Не надо, – говорит она. – Слишком поздно.

Она хрипло дышит и кашляет снова. Темные глаза наполняются слезами.

– Господин учитель, прошу вас, позвольте мне умереть! Мой муж… и сын… Они не должны видеть меня такой. Им будет больно. Они захотят отомстить… Пожалуйста… перережьте мне вены…

Она поднимает запястья к его испуганному лицу, но он способен лишь сжать их своими трясущимися пальцами.

– Доченька, – говорит он и сам не знает, что ей сказать. Где сейчас в этом хаосе отыскать врача? Сумеет ли он сам перевязать ее раны? И пока он судорожно об этом думает, жизнь уходит из нее прямо на глазах. На диване уже целая лужа крови, она каплями стекает на пол. Похоже, резать ей вены уже не понадобится.

– Скажи, кто эти нелюди, кто это сделал?

– Не знаю, – шепчет она. – Я только на минуточку вышла из дома. Мои родные… не говорите им, господин учитель! Когда я умру, скажите им просто… что это случилось в тихом, спокойном месте…

– Дочка, как зовут твоего мужа?

Ее глаза вдруг широко распахиваются. Она смотрит на него и не видит, словно она уже там, в другом мире.

Он даже не знает, мусульманка она или индуистка. Если на лбу у нее и была красная точка, то ее давным-давно смыло дождем.

На пороге гостиной стоит его мать. С громким воплем она вдруг кидается к умирающей:

– Айша! Айша, жизнь моя!

По лицу Абдула Карима текут слезы. Он пытается образумить ее, говорит, что это не Айша, просто какая-то женщина, чье тело стало полем битвы для мужчин. В конце концов ему приходится просто взять старушку на руки – она стала такой хрупкой, что он боится ее сломать, – и осторожно отнести в постель, где она, свернувшись клубочком, всхлипывает и все зовет Айшу.

Когда он возвращается в гостиную, взгляд умирающей снова обращается к нему. Ее голос чуть громче шепота:

– Господин учитель, перережьте мне вены… Умоляю вас, именем Аллаха! Дайте мне умереть…

Затем ее глаза заволакивает пелена, и тело, вытянувшись, замирает.

В эту минуту время для Абдула Карима останавливается.

Потом он чувствует что-то знакомое и медленно поворачивается. Фаришта ждет.

Абдул Карим берет женщину на руки, неловко прикрыв ее полуобнаженное тело диванным покрывалом. В воздухе открывается дверь. Чуть покачнувшись от боли в коленях, он проходит сквозь дверь.

Миновав три вселенные, он находит подходящее место. Здесь спокойно. Посреди бескрайнего бирюзового моря песка возвышается скала. Голубой песок плещется о камень с тихим убаюкивающим шипением. В высоком ясном небе какие-то крылатые создания перекрикиваются друг с другом среди бесконечных лучей света. Абдул Карим жмурится от яркого света.

Он закрывает несчастной глаза и закапывает ее у подножия скалы в голубой текучий песок. Закончив, он стоит в изнеможении, тяжело дыша, с израненными руками, и думает о том, что надо бы что-то сказать. Вот только что? Он даже не знает ее веры. Как она называла Бога, когда говорила? Аллах, или Ишвара, или как-то еще?

Абдул Карим пытается припомнить, но тщетно. Наконец он читает «Аль-Фатиха»[22], а затем, немного запинаясь, вспоминает то немногое, что знает из индуистских священных текстов. Под конец он произносит: «Иша васьям идам сарвам». Слезы стекают по его щекам в голубой песок и исчезают, не оставив и следа. Фаришта ждет.

– Ну почему ты не сделал хоть что-нибудь! – набрасывается на него Абдул Карим. Он с рыданиями падает на колени в голубой песок. – Почему, если ты и правда фаришта, почему ты не спас мою сестру?

Только теперь он вдруг понимает, каким же он был идиотом: это призрачное создание вовсе не ангел, а он, Абдул Карим, совсем не пророк. Он плачет об Айше, и об этой безымянной женщине, и о том, чье тело он видел в канаве, и о своем пропавшем друге Гангадьяре.

Тень наклоняется к нему. Абдул Карим встает, еще раз окидывает взглядом все вокруг и шагает в распахнутую дверь.

Он у себя дома, в гостиной. Первое, что он обнаруживает, – его мать умерла. Она лежит в своей постели с вполне умиротворенным видом, и белые волосы разметались по подушке. Лицо ее так спокойно, что может показаться, будто она крепко спит.

Абдул долго стоит у ее постели, не в силах больше плакать. Снимает телефонную трубку – гудка по-прежнему нет. После этого он принимается за уборку – моет пол в гостиной, убирает

подушки и плед с дивана. Позже, когда кончится дождь, надо будет сжечь все это во дворе. Еще один костер в горящем городе – кто обратит на него внимание?

Когда все вымыто и вычищено, он ложится возле матери, словно маленький, и засыпает.

* * *

Покинул ты меня, о брат мой, и забрал
С собою книгу всей моей жизни…

Фанз Ахмед Фаиз, пакистанский поэт (1911–1984)

Солнце вышло из-за туч. В городе воцарился неустойчивый мир. Похороны матери прошли. Родственники приехали и снова уехали: приезжал младший сын Абдула Карима, но надолго не остался. Старший прислал из Америки открытку с соболезнованиями.

Дам Гангадьяра по-прежнему пуст и разрушен. Всякий раз, когда Абдул Карим отваживался выйти из дома, он старался разузнать о судьбе друга. Последнее, что он слышал: будто Гангадьяр был дома один, когда ворвалась толпа, и соседи-мусульмане прятали его у себя, пока он не смог присоединиться к жене и детям. Но это было так давно, что Абдул Карим уже не верит ничему. Говорили и другое: будто Гангадьяра вытащили из дома, разорвали на куски и сожгли.

В городе стало спокойнее, когда все же вызвали правительственные войска, но он все еще полон слухами. Сотни людей пропали без вести. Группы защиты гражданских прав прочесывают город, расспрашивают людей и короткими яростными заявлениями в газетах разоблачают нерадивость правительства и сговор полиции. Заходили и к нему домой – очень чистые, очень молодые люди, пылающие идеализмом, который хотя и не ко времени, но все равно приятно видеть. Он ничего не сказал им о той молодой женщине, что умерла у него на руках, но каждый день он молится о ее осиротевшей семье.

Абдул Карим перестал обращать внимание на тень за своим плечом. Но он уже знает, что ощущение предательства со

временем пройдет. В конце концов, кто виноват, что он решил, будто существа, которых он когда-то назвал «фаришта», обладают ангельскими способностями? И даже ангелы – разве могут они спасти людей от них самих?

«Эти создания смотрят на нас с детским любопытством, – думает Абдул Карим, – но не понимают. Точно так же как их миры непостижимы для меня, так и наш мир – для них. Они – не любимцы Аллаха».

То место, где разветвляются вселенные, сердце метакосмоса, теперь кажется ему далеким, словно сон. Ему стыдно за свое былое высокомерие. Разве можно дознать замысел Аллаха с одного взгляда?! Ограниченному разуму не под силу за одну жалкую жизнь действительно понять грандиозность и величие Его творения. Все, что мы можем, – это обнаружить кусочек истины здесь, кусочек там и воспеть Ему хвалу.

Но в душе Абдула Карима столько боли, что он не может и думать о том, чтобы написать хоть один слог нового языка бесконечности. Ужасы, которым он стал свидетелем, преследуют его во сне. Ему снятся мать и та девушка, что умерла у него на руках. Он не может даже молиться. Словно Аллах покинул его.

Ежедневные рутинные дела – проснуться, совершить омовение, поставить на газовую плиту чайничек, чтобы вскипятить воды на одну чашку чая и выпить ее в одиночестве, – как это невыносимо! Продолжать жить, когда столько людей вокруг умерли, – жить без матери, без детей, без Гангадьяра… Все стало каким-то странно далеким: его стареющее лицо в зеркале, старый дом, даже сливовые деревья во дворе. Знакомые с детства улочки хранят воспоминания, которые, кажется, больше не принадлежат ему. В домах соседей траур: старый Амин-хан-сахиб оплакивает внука; погиб Рамдас, погиб Имран. Ветер до сих пор еще гоняет пепел с пожарищ. Он находит горстки пепла повсюду: в трещинах цемента во дворе, между корнями деревьев на улице. Он буквально дышит смертью. Разве может исцелиться сердце в мире, измученном болью? В этом мире нет места для таких, как он. Нет места для пахнущих хной рук, качающих сонного ребенка, для рук старухи, ухаживающей за садом. И совсем нет места для строгой красоты математики.

Он думает обо всем этом, когда на землю впереди падает чья-то тень. Он сидит во дворе, вяло царапая математические выражения прутиком на пыльном дворе. Он не знает, в чьей руке зажат нож – его сына или религиозного фанатика, – но чувствует, что готов к смерти. Создания, так долго за ним наблюдавшие, увидят ее – и удивятся. Их непонимающее присутствие как-то успокаивает.

Он оборачивается и встает. Перед ним Гангадьяр, его друг, широко раскинувший руки для объятий.

Слезы Абдула Карима льются на рубашку Гангадьяра. И сквозь нахлынувшее чувство облегчения он понимает, что на этот раз не смерть взошла на его порог, но она еще придет. Обязательно придет, он ведь видел. Архимед и Рамануджан, Хайям и Кантор умерли со словами прозрения на устах, а мир был безразличен к этому. Но этот миг бесконечен.

– Слава Аллаху! – говорит Абдул Карим.

ДЖОН БАРНС
НЕСОВЕРШЕННОЕ

Джон Барнс является одним из наиболее плодовитых и популярных писателей, появившихся в 1980-е годы. Среди его многочисленных произведений романы «Миллион открытых дверей» («A Million of Open Doors»), «Мать штормов» («Mother of Stoims»), «Орбитальныйрезонанс» («Orbital Resonance»), «Калейдоскопический век» («Kaleidoscope Century»), «Свеча» («Candle»), «Стеклянная земля» («Earth Made of Glass»), «Торговцы душами» («The Merchants of Souls»), «Грех происхождения» («Sin of Origin»), «Вино богов» («One of the Morning Glory»), «Такое большое и черное небо» («The Sky So Big and Black»), «Урановый герцог» («The Duke of Uranium»), «Принцесса орлиного гнезда» («A Princess of the Aerie»), «Во дворце марсианского короля» («In the Hall of the Martian King»), «Гаудеамус» («Gaudeamus»), «И несть им числа…» («Finity»), «Космический корабль Паттона» («Patton's Spaceship»), «Дирижабль Вашингтона» («Washington's Dirigible»), «Велосипед Цезаря» («Caesar's Bicycle»), «Человек, который опрокинул небо» («The Man Who Pulled Down the Sky»), а также две книги, написанные в соавторстве с астронавтом Баззом Олдрином: «Возвращение» («The Return») и «Встреча с Тибром» («The Encounter with Tiber»). Долгое время Барнс активно сотрудничал с журналом «Analog», а в настоящее время публикуется в «Jim Baen's Universe». Малая проза писателя представлена в сборниках «…и Орион» («…and Orion») и «Обращения и откровения» («Apostrophes & Apocalypses»). В 2006 году вышел его роман «Армии памяти» («The Armies of Memory»). Барнс живет в Колорадо и занимается семиотикой.

Хитроумная история, которая ждет вас далее, представляет собой вариацию старой присказки о погоде: если вам не нравится реальность, просто немного подождите.

Прошлой весной мы получили два контракта, оба выполнили успешно, так что уже в декабре Год Благодати 2014 вполне можно было назвать прибыльным; причем оставалось три месяца, и появилось еще одно предложение. – Мы ищем кого-то, говорящего с голландским акцентом или вроде того, – сказала Хорейси.

Примерно десять минут назад из голубого телефона, предназначенного специально для ФБИ, выпал конверт с картотечными карточками, одну из которых Хорейси сейчас изучала.

– Дата прибытия – шестнадцатое марта ГБ две тысячи тринадцатый, буквально перед Новым годом. Выжить девять

месяцев в Денвере сам по себе он не мог, значит, много контактировал с другими людьми. Шансов на полную изоляцию практически нет. – Данные были на карточке. Хорейси не обращала внимания на цифры, те практически ничего для нее не значили.

Я подключился к разговору:

– Притормози. Какие ставки предлагают? Максимальные? Минимальные? – Семьдесят процентов от стандартного тарифа за незаметную терминацию, сто сорок три процента – если получится провести полную изоляцию, но у нас не получится…

– Сто сорок три процента обратно пропорциональны семидесяти, – заметал я. – Если округлить.

Хорейси взглянула на меня, множественные отверстия ее римановых глаз открывались и полифокусировались, улавливая едва заметное биение жилки на шее и покраснение кожи собеседника, видимое лишь в инфракрасном спектре.

– Есть причина, по которой твое замечание про обратные пропорции важно, но она от меня ускользает.

Числа всегда ускользают от Хорейси, как имена и лица – от меня. Но вот путешественники во времени ускользнуть не могут. Очень мне нравилось так думать.

Я сказал:

– Штраф за убийство нарушителя равен премии за доставку его живым прямо в ППУ. Обычно премия гораздо ниже штрафа нам платят семьдесят, если мы тотально облажаемся, пристрелим его и перемелем, но за полную изоляцию при таких расценках выкладывают максимум сто десять. Значит, по какой-то причине им крайне важно, чтобы мы добились полной изоляции, хотя та уже невозможна по объективным причинам. Интересное дело.

– А ты прав, – согласилась она.

– Более того, – продолжил я (Хорейси – прекрасная напарница, лучше не найти, но, когда вопрос касается цифр, стоит разговору вырулить на действительно захватывающую тему, она тут же его завершает), – нас стимулируют хотя бы немного улучшить показатели по всему спектру работы – от едва приемлемого провала до триумфального успеха.

Хорейси кивнула:

– Думаю, поняла, Растигеват. Судя по оплате, это задание гораздо важнее обычной работы по выслеживанию балласта; они хотят максимального результата, и не важно, что нам для этого понадобится. Позиция «и так сойдет» теперь нам не подходит. Нам раньше давали дела с такими ставками?

– С тех пор как я начал работать с тобой, мы провели тридцать девять операций, плюс еще шесть с Гомесом, и каждый

раз премия была меньше восьмидесяти процентов от штрафа. Так что нет. Никогда. Это не только самое срочное дело из всех, над которыми мы работали, но и самое важное.

Хорейси кивнула:

– Мы не должны были этого заметить.

– Если бы не заметили, вряд ли нам хватило бы мозгов ловить прыгунов во времени.

– Это точно. – Она скорчила странную гримасу, которая у нее выходила вместо улыбки. (Римановы глаза Хорейси поставили только в двадцать лет – она родилась слепой и была из Общинников, – потому нормальную мимику она развить так и не смогла.)

Я улыбнулся в ответ. Хорошо работать с тем, кто понимает твои шутки.

Я подсчитал, что знаю о Хорейси примерно на две тысячи процентов больше, чем положено. К примеру, ее первое имя – Рут, хотя назвать ее так я никогда не смогу, для меня она всегда будет Хорейси, а я для нее – Растигеватом, пусть ей и известно мое первое имя – Саймон. Мы произнесли, хотя и не должны были, от 820 до 860 простых декларативных утверждений, содержащих личную информацию.

К тому же во всем мире только мы двое знали друг друга по-настоящему. Я на вид был вполне нормальным, но с людьми особо не контактировал. Кроме Хорейси, все остальные скучные. И если кто-то выяснит, что она меня не утомляет, Хорейси исчезнет еще до нашей первой встречи, причем буквально. Когда Общинник становится важен для Лийта, темпоральные правила временно приостанавливаются.

Ее гримаса/улыбка стала еще интенсивнее, она сфокусировала свои зрительные отверстия на моем лице. Господь Благодати знает почему – я понимаю Хорейси лучше, чем кого-либо в этом мире, но все равно напоминаю себе человека, которому ведомо одно-единственное свойство звезды, что не видел ни один астроном на Земле. Хорошо хоть я прекрасно умею скрывать свою заинтересованность.

Наконец она сказала:

– Ладно, мне продолжить считывание карточек?

– Пожалуйста. – Я сделал глоток кофе и аккуратно поставил чашку, чтобы та не стукнула, не звякнула, не отвлекла наше внимание на себя, не оторвала от задания, ведь если сейчас что-то пропустить, то всё – по правилам каждую обработанную карточку сразу отправляли в мусоросжигатель. Хорейси по одной доставала их из пакета, а потом сразу уничтожала.

Задание: выслеживание балласта. Дата происхождения

балласта: 28 мая 1388 года. Местонахождение: Саутуорк, Лондон, Англия. Хорейси кинула карточку в прорезь. Раздался тихий треск, и вихрь раскаленного кислорода превратил информацию в газ и завиток похожей на стекло золы.

Масса: практически двадцать весогаллонов. Цилиндр огораживания – 70x11 децифутов, значит, объект примерно средней высоты и обхвата. В щель – крак! – еще больше газа и золы.

Наша таинственная цель оказалась балластным грузом для обратного путешествия некоего Альвареса Перона. Под таким псевдонимом фигурировал человек по имени «ЗАСЕКРЕЧЕНО», который работал на федеральное правительство и занимал должность «ИНФОРМАЦИЯ ДОСТУПНА ПО ПРИНЦИПУ СЛУЖЕБНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ», ведя двойную жизнь. В задании шло примечание, что в реальности он был Лийтом и имел семью, а потому нам не стоило наводить дальнейшие справки в данном направлении, если только мы не получим на то отдельные указания.

Перон отправился в путь из дома на углу Тридцатой и Даунинг, который впоследствии сгорел при подозрительных обстоятельствах. Неудивительно. На постройку и подготовку к использованию нелегальной машины времени нужен порядочный срок, поэтому преступник под другим именем снял целое здание в районе с дурной репутацией и, как только прошел балласт, сжег весь дом. Самый обычный трюк, к тому же из-за пожара балласт вынужден пуститься в бегство, иначе обычно он прячется прямо там, где стоит машина времени. Мы с Хорейси поймали восемь балластов, и те рассказывали одно и то же: они голые или в какой-то рвани оказывались в странном месте, все в крови или синяках, а буквально через секунду вся комната вспыхивала, и бедолагам приходилось бежать на улицу спасая свою жизнь.

Тридцатая и Даунинг – логичное место. Грязный и богемный район, там Лийты покушали апартаменты для любовниц или нарковечеринок, к тому же рядом со станцией левитранса, где гравитационную энергию легко украсть с помощью обыкновенной эдисонной трубки с ртутью вместо антенны.

Мы могли взяться за дело уже на следующий день после отбытия Перона. Королевское темпоральное отделение уже замерило передаваемую мощность, массу и цил-ог, но нам ничего говорить не собиралось, пока сами не попросим, а мы, естественно, не спрашивали и работали своими методами, то есть засекали аномалии после исчезновения балласта, аккумулирование следствий и степень каузопропагации. Типичная ситуация: копы из КТО ни с кем не сотрудничали, а уж

с федералами и подавно.

– Так, – сказал я, – простая сверка памяти, чтобы наши с тобой данные совпадали; по свидетельствам, ранее Перон не был замечен в экспериментах с машиной времени, хотя ничего необычного, одну такую можно сделать из трех старых радиоприемников и любого ультразвукового очистителя, выпушенного до тысяча девятьсот восемьдесят пятого года…

Хорейси кивнула:

– А всю физику он мог найти в межсети – там куча статей по вопросу. К тому же его досье засекречено, Перон из Лийтов, поэтому существует немалая вероятность, что он и сам высококлассный физик или математик.

Она перевернула еще одну карточку:

– Тут есть сорокасекундный кинеграф с его изображением, дольше они найти не смогли. Он любил танго и посещал большинство аргентийских клубов города.

Я просмотрел запись: мне все лица кажутся одинаковыми, но походки я помню превосходно.

Перон быстро и аккуратно провел партнершу через болео и вышел на элегантное крусе; следил, чтобы она не отклонялась от заданной оси, но без всякой суеты. Женщина в танце выглядела хорошо, но не потрясающе, а значит, Альварес вел твердо, четко, но без особой фантазии.

– Неплохо, – заметил я. – Но ничего выдающегося.

– Ты… танцуешь? – Хорейси явно сильно удивилась. Еще одно декларативное утверждение, расширившее список вещей, о которых она знала.

– Да. Я встречал Перона; мы танцевали в одних и тех же клубах. Он там часто появлялся, но исчез пару месяцев назад. – Я пристально всмотрелся в кинеграф. Черты лица казались размытыми; можно подумать, Альварес отсутствовал месяцев девять. Я плохо его помнил, но не от темпоральных эффектов; скорее всего, просто не обращал внимания.

– А ты узнаешь его, если увидишь?

– Да, без вопросов. Если меня отправят назад, точно узнаю. Ты, конечно, упомяни о такой возможности в ежедневном отчете, но Бюро и пытаться не станет. Даже мои смутные воспоминания лучше этого кинеграфа, сожги его.

Пленка затрещала. Хорейси вытащила следующую карточку:

– У Перона было много друзей.

– Насколько много?

– Идентифицирован сорок один человек.

– Это для нас с тобой много, а для танцора очень даже средне.

– А звучит внушительно.

– Всегда давай мне точную цифру.

– Прости, Растигеват. Ты прав. – Она пристально изучала меня, раскрыв отверстия, определяла, не расстроился ли я, поэтому пришлось улыбнуться и сказать, что все в порядке. Хорейси вечно расстраивалась, когда я на нее злился.

Лучше отвлечь ее от подобных мыслей. Я спросил:

– Сорок один друг, а какого рода отношения?

– Довольно случайные, причем все. Потусоваться, сходить в бар или в кино, такого рода. Девять – с танцев, тридцать два – с Теормысли, это философский терминал в межсети. Его старые приятели оттуда уже спорят о том, кто он был, куда ушел и так далее.

– Я могу взглянуть на карточку?

Она передала ее мне. Хорейси могла целый день говорить о таблице с цифрами, и я бы ничего не понял: она их просто не видела. Но когда такой материал изучал я, а потом объяснял ей, мы получали гораздо больше информации.

Частота контактов и упоминаний об объекте и степень доверия утверждениям, содержащим информацию о нем, укладывались в обычную схему, возникающую после прыжка: друзья Перона говорили о нем все меньше и меньше, их беспокоило то, что они не могли толком вспомнить старину Как-его-там. За последние три месяца четверо решили, что его личность – это мистификация, созданная остальными членами группы, а еще пятеро начали склоняться к такой мысли. До прыжка в своей персональной сети Альварес обладал наивысшим индексом цитируемости: теперь же восемьдесят пять процентов его высказываний приписывали кому-то другому.

– Популярный парень, – заметил я. – Но в танцевальных сообществах есть одна черта, которая мне нравится: там не нужно говорить больше, чем ты хочешь, а большинство участников предпочитают не слишком друг к другу привязываться. Танец же – это упражнение в точности и красоте. Мне все это нравится. К примеру, мы никогда не стояли с ним в паре, болтаю я немного, поэтому мы с Пероном практически не общались. Однако я хорошо помню, что вокруг него постоянно толклись люди. Я легко узнаю его по походке, если, конечно, он вернется.

– Ты полагаешь, что мы его не поймаем.

– Без шансов. Ему уже практически все сошло с рук. Чудо, что его прыжок вообще засекли. Действия Перона уже сливаются с реальностью. Боюсь, будет скандал.

Отверстия в глазах Хорейси поблекли, и она задумчиво почесала в затылке:

– Вот черт!..

Хорейси ненавидит скандалы. Я же их едва замечаю.

Шестьсот лет назад, на Великой лекции 1403 года Фрэнсис Тируитт сформулировал теорию индексальной выводимости. Вскоре он умер, но работу продолжили его ученики. В 1421 году шестистраничное вычисление низвергло всю аристотелевскую механику и астрономию Птолемея, а также подсказало ученым, как создать телескопы и хронометры, которыми можно было это вычисление подтвердить. В 1429 году Марлоу в одном увесистом томе открыл периодическую систему элементов, валентность и углеродные цепи. Последним из учеников Тируитта умер Кристофер Беркли Максвелл, и в его архиве нашли базовые уравнения электромагнетизма.

После индексальной выводимости остальное оказалось неизбежным. Четырнадцать определений, семь аксиом, сорок одна базовая теорема, точное описание того, чего хочешь, – и все, дальше только надо было вывести уравнения (или же доказать, что в данном случае уравнения вывести нельзя, это являлось эквивалентом абсолютной невозможности) и решить их. Конечно, последний пункт мог доставить немало проблем. Ньютон, к примеру, всю свою жизнь безуспешно пытался объединить теорию относительности и квантовую физику.

А потом, примерно 200 лет назад, Бэббидж показал, как использовать дезоксирибонуклеиновую кислоту для решения уравнений; после этого любой подросток из Лийтов, если позволяли финансы, мог купить пару тюбиков химикалий в отделе школьных принадлежностей, обыкновенный секвенсер аминокислот в магазине для животных и объединить квантовую физику с теорией относительности дня за три. Конечно, чтобы задать правильный вопрос, иногда нужен гений – до Эйнштейна люди не понимали, что такое путешествие во времени или что для него требуется, – но, вразумительно поставив задачу, можно буквально за пару часов получить ее решение. А уж построить то, о чем ты так мечтал, вообще не представляло труда: в мире уже скопилась куча техники на все случаи жизни, и человек с удостоверением Лийта может достать необходимые детали на любой свалке или в хобби-магазине.

Правда, вселенная не изменилась. Оказалось, что вопросы вроде «Как возлюбить ближнего своего?» невозможно четко сформулировать, но решения других уравнений, к примеру «Как сделать реально большую бомбу?» или «Как мне вернуться в прошлое и изменить его?», довольно просты – всего лишь следуй инструкциям, которые выходят из трубки, и все получится.

К счастью, большинство прыгунов – это те, кто пытаются

обмануть дехронию. Они отправляются назад, чтобы дать себе самим полезный совет или наставить на иной путь. Но при малом расстоянии до точки отправления у каузопропагации нет пространства для маневра, в результате заканчиваются такие путешествия плохо: или с человеком происходит несчастный случай со смертельным исходом, или же он также по случайности оказывается на краю гибели и быстро возвращается к исходной точке. Людям часто говорят, что, согласно высказыванию Эйнштейна, вселенная несовершенна, консервативна и если изменяет реальность, то всегда с наименьшими отклонениями от проложенного курса. Но слышат они только слова «несовершенна» и «изменяет» – словно сам змей-искуситель шепчет им: «Нет, вы не умрете».

Краткосрочные прыгуны, те, кто уходят в прошлое на пять или тридцать лет, думают, что все вероятностные исключения будут в их пользу, что они обретут истинное счастье, просто поцеловав Эстер, или врезав Барту по носу, или купив компьютер «Плам», пока тот еще не подорожал; и все они несказанно удивляются, когда по сути ничего не меняется, если, конечно, выживают или мы их не ловим.

Когда кто-то пересекал границу, которую не стоило пересекать, федеральные власти имели право совершить быструю и простую коррекцию. В случае краткосрочников она работала безотказно. Посмотрим правде в глаза: когда меняешь людей, то вместе с ними меняешь множество других вещей, когда же просто удаляешь человека, то, в общем, не меняется ничего. Мы, конечно, даже думать не хотим о том, насколько мало мы значим, но факт есть факт. Если нам, федералам, не нравится то, что люди делают в настоящем, мы уничтожаем их в прошлом, и история смыкается вокруг того крохотного места, которое занимали нарушители. Мир не идет дальше, как будто их не и было, а существует и всегда существовал без них.

Об откорректированных помнили только одиночки с причудливой памятью вроде меня или Хорейси. Отчасти именно так ФБИ на нас и выходило. Скажем, юноша из Общинников влюбляется в свою рабыню. За такое наказывать нельзя: он выше по положению. Карая и запрещая, ты признавал, что проступок в принципе возможен. Поэтому убирали сам факт нарушения: федеральный агент быстренько прыгал назад – и рабыня еще ребенком совершенно безболезненно погибала от несчастного случая. Семье мальчика выносили предупреждение, чтобы та в следующий раз выбирала невольников аккуратнее.

Но иногда даже спустя три недели после операции парень по-прежнему искал свою любовь, и становилось понятно, что он –

обладатель очень необычного типа памяти. Конечно, существовал способ исправить дефект, заставив уникума постоянно общаться с самыми разными людьми. Если же он не желал разговаривать, то оставалось всего два выхода: он или пополнял ряды агентов ФБИ, или же его самого корректировали.

Ходили слухи об обстоятельствах, из-за которых приходилось уничтожать целую кучу народа. Один старый агент как-то рассказал мне, что из-за некоей Дианы Спенсер ему пришлось избавиться в прошлом от четырех поколений одной семьи, но почему, так и не сообщил; наверное, дело было связано с королевской фамилией, но мой собеседник к тому времени очень сильно перебрал, и я его остановил, прежде чем он сболтнул лишнего. Вскоре после нашего разговора он исчез, но вполне возможно, что просто умер, а мне никто не сообщил. Правда, я никогда никого не спрашивал об этом агенте и не знаю, помнит ли о нем хоть кто-нибудь.

Я же до сих пор испытываю грусть и нежность при мысли о ЛаНелле, моей няньке из Свободных. Я, похоже, любил ее больше собственной матери (как и многие мальчики из Лийтов; в таком возрасте мы еще не осознаем последствий, а нянек видим подолгу и каждый день, тогда как мать – два часа по воскресеньям). Если мне все это не приснилось, то ЛаНелла перестала существовать, когда я пошел в первый класс. Я тогда приехал домой на рождественские каникулы и сразу спросил, где она. Меня довольно скоро отвели к какому-то милому человеку, и он пообещал, что, когда я вырасту, смогу стать агентом ФБИ.

В общем, вмешательство в недавнюю историю не имело значения: власти меняли ее, когда находили удобным, гражданские постоянно пытались и обычно или терпели неудачу (им не хватало ни правительственных ресурсов, ни простоты намерений), или преуспевали без особых трансформаций реальности. Уходя в прошлое, обычные люди нарушали закон. Федераты устраняли Свободных и Общинников, предотвращая сам факт преступления, а Лийтам выписывали заоблачные штрафы. И хотя наказание за краткосрочные прыжки всегда было суровым, на самом деле никакого вреда они не приносили, – не важно, ловили мы путешественников или нет.

Прыжки в далекое прошлое также не влекли за собой последствий; если ты убивал Александра, то следующие двести лет история переживала немалые потрясения, но потом чудовищная, неповоротливая дехрония временного потока все равно находила путь в прежнее русло. А если, к примеру, путешественник уходил в поздний дриас, то, чтобы он там ни делал, его поступки полностью исчезали. Сейчас школьные

экскурсии в палеолит – дело вполне обычное.

Но иногда кто-то отправлялся в мезоисторию, и тогда каузальная дельта достигала максимума в настоящем. Когда Федеральное бюро изотемпоральности узнавало о таком прыжке, то всякое происходило: у парочки битв мог смениться победитель, лингвистические линии между английским, франшским, расским и эспано в Арморикаx сдвинуться на сотни миль, Нелегальные Штаты Арморики приобретали или теряли штатов по десять, а на троне Конфедерации вновь оказывался Йорк.

Если бы не законы физики, все могло оказаться куда хуже. При постоянной, равномерно!! мгновенной каузопропагации или, к примеру, консервативной в плане будущей каузальности – хватило бы любого признака – после каждого путешествия, изменяющего прошлое, мы бы тут же оказывались в другой истории, миллионы или даже миллиарды людей прекращали бы существование, их бы заменял кто-то другой, а память всего человечества переписывалась бы в мгновение ока. Целый мир мог исчезнуть, не успев даже пискнуть.

К счастью для тех из нас, кто все-таки не прочь посуществовать еще немного, Эйнштейн доказал, что каузопропагация – процесс стохастический, дискретный, метатемпоральный и пусть не строго консервативный, но предрасположенный к минимальным изменениям.

Мезоисторические путешественники во времени почти всегда хотели вернуться в примерную точку отправки. Более того, до их возвращения все созданные ими изменения можно было отменить, поэтому преступники находили себе живого человека в качестве балластного тела. При использовании инертных объектов для таких целей, скажем, грязи с берега реки или упавшего дерева в лесу, агенты могли найти их прямо на месте машины времени и разорвать каузальную связь (распылить и деструктурировать ее – взорвать балласт, потом сжечь, перемолоть и развеять пепел). И тогда прыгун прекращал существование совершенно бессмысленно.

Но если темпоральное поле протягивалось в прошлое и захватывало живого человека, тогда при должном везении балласт, оказавшись в будущем, уходил с места прибытия, его было довольно трудно засечь, а сам путешественник во времени мог вернуться. (Иногда балластом становились животные, например олени; такой трюк мог сработать, правда, возвратившись, преступник оказывался в лесу, понятия не имея, где конкретно находится).

В общем, Хорейси и я находили балласт в интервале между

отправкой и возвращением. Когда мы выполняли свою задачу, в дело вступали другие агенты и изменяли объект настолько, что направленные вперед изотемпоральные волны не могли на нем зафиксироваться, не отражались, и каузопропагация прекращалась. Нет депозита – нет возврата, по словам Хорейси. Я, когда она так говорила, вечно прикрывал рот ладонью, чтобы какие-нибудь скрытые камеры не зафиксировали улыбку. Иногда мне казалось, что напарница желает себе смерти; я ей нравился, тут, разумеется, не было никаких проблем, но она, похоже, не понимала, какая опасность ей угрожает из-за того, что она нравится мне.

Как я уже сказал, наша работа – искать балласт. А когда мы его находили, на сцену выходили обычные агенты и проводили рутинную процедуру по изменению объекта для разрыва связи. У них в запасе имелось то ли пятьдесят, то ли сто манипуляций, некоторые из них даже были относительно гуманны.

– Может, залингуешь его? – спросил я. – Голландский акцент, странное поведение, прибыл голым с непонятными ранами – этого хватит для доджсоновского словаря?

– Думаю, да. Включить систему на голосовое распознавание.

– Система включена, – сказал Сердечник.

Хорейси уставилась в потолок, глубоко вздохнула и перевела римановы глаза в светонепроницаемый режим; я завидовал этой способности, хотя напарница и говорила, что ничего такого особенного нет, все равно как прикрыть веки. Может, она действительно не понимала, чем полная темнота отличается от красной мути.

Хорейси задержала дыхание, сосредоточилась, выдохнула, медленно сосчитала от одного до десяти и впала в легкий транс:

– Голландец, голландский мальчик, голландский мальчик рисует, голландская гавань, голландская кухня, голландский шоколад, Амстердам, тадам-тадам-тадам, Роттердам, уж в Роттердаме-то они погуляют, лесбиянка, парень присунул лесбиянке, тупой школьный юмор, Шекспир, Ричард Второй, Болингброк, канава, аллея, принц Хал, Хал и его друг Фал, Хал-канал, ветряные мельницы, Чосер, ткачиха из Бата, Бат-бан-баня, пора сходить в баню, невеста Франкенштейна должна пойти в баню, сумасшедший ученый, Фрэнк – сумасшедший ученый, Фрэнк Фрэнсис Фрэнсис Тируитт, Тируитту песню веселую…

Ее тихий, бесстрастный, быстрый монолог продолжался, периодически прерываясь глубокими медленными вздохами. Я наблюдал за изображением, которое проецировалось на стену: бледно-зеленые слова или выражения выскакивали на экран, рой голубых точек – близких по смыслу значений – собирался вокруг

них быстро растущей грибницей, выпрастывая оранжевые побеги антонимов, красные петли непонятно как связанных с делом слов и серые волокна этимологических связей. Структуры сращивались, стабилизировались или повторяли цикл развития, и скоро в информационном массиве проявилась гомологичность; структуры отталкивались, крутились, притягивались друг к другу, сливались воедино, таща за собой прародителей, пока я наконец не поднял руку и тихо не произнес:

– Сердечник, достаточно.

Фраза «Сердечник, достаточно» какое-то время мерцала бледно-зеленым цветом, а потом исчезла, сменившись единственным словосочетанием «ПРОЦЕСС ЗАВЕРШЕН».

Хорейси зашевелилась, переключила глаза. Села рядом со мной, слишком близко, если судить по правилам этикета, но на таком расстоянии, чтобы я не решил, будто она предлагает себя. И я опять подумал о том, как поступил бы, если бы она все-таки подошла вплотную, и сразу испугался, ведь тогда кто-то мог заметить, что тут не самое обычное дело и Лийт не просто пользуется своей напарницей из Общинников; что, если она действительно мне нравится и кто-то об этом узнает?

– Четыре возможные синекдохи, – констатировал я. – И даже одна катахреза намечается. Возьму ее и посмотрю, кто гломит.

– Компания не нужна?

– В той части города очень много банд. Сейчас мне надо просто навести справки, и вдвоем ходить не стоит. Так сразу несет копами, а с копами там всякие несчастья происходят.

Хорейси кивнула, я только порадовался, что она не стала настаивать. В физической драке ее помощь увеличила бы мои шансы всего на девять процентов, а из-за Жукоглазой леди (так ее звали информаторы) коммуникабельность падала на целых двадцать два.

Она обняла меня; надеюсь, на камере жест выглядел достаточно раболепным, но, полагаю, раньше он так и смотрелся.

– Будь осторожен, – сказала она.

Я мягко оттолкнул ее и ответил:

– Я всегда осторожен, – и изо всех постарался сделать равнодушное лицо, когда она улыбнулась. Еще одна шутка, понятная только нам.

По большей части существуют всего четыре причины, по которым около шестнадцати из семнадцати прыгунов в мезоисторический период (то есть приблизительно 3151 человек из 3349) отправляются в путь:

1) одержимость какой-то исторической проблемой (сейчас

практически на всех фотографиях, сделанных на месте убийства прэзиданта Рейгана, стоит около десятка человек с камерами и в костюмах по моде следующих трех веков);

2) финансовые схемы со сложными процентами (мы полагаем, что в изначальной истории Биржевого пузыря 1641 года вообще не существовало);

3) фантазии, из-за которых человек думает, что смог бы перещеголять любого исторического завоевателя (через Профилаксическую программу Уэннесса за десять лет проходит столько потенциальных Гитлеров и Наполеонов, что ими можно заселить целый квартал многоэтажек);

4) серийные убийства (в дебрях истории есть немало мест, где маньяков практически невозможно поймать).

Но Пероном, скорее всего, двигала какая-то другая причина. Хорейси считала, что среди тех, кто не укладывался в общую схему, можно выделить еще два класса, и, по ее мнению, Альварес принадлежал к шестому. Если она была права, то ситуация была намного хуже, чем казалась на первый взгляд. Я даже не мог подсчитать насколько.

– Я ищу парня, которого, скорее всего, кличут Безухим. Сделка обычная, ты знаешь, с «бенджаминами» у меня всегда хорошо. – Я показал женщине пять полуторатысячных долларовых купюр, и Пиклс осклабилась при виде улыбающегося Дизраэли. – Его также могут звать Голландским Эйнштейном или доктором Голландцем, и эти имена он любит, в отличие от Безухого.

Пиклс редко мылась, но по-прежнему одевалась так, чтобы показать товар лицом. Я отодвинулся от нее, но она все равно подсела ближе. Я видел, как двигаются ее губы: полторы, три, четыре с половиной… Она была бы счастлива и десятой доле той суммы, что я плачу, – но после семи с половиной тысяч она обязательно запомнит наш разговор.

Через минуту Пиклс кивнула:

– О новом парне я слышала, но не встречала. У него уха нет, если мне память не изменяет. – Она захихикала или, скорее, затряслась, собирая мокроту. – Понял, да? – Похоже, думала, что пошутила. – Он сейчас вычислителем работает в Гейгер-банке Брока. Я там поставила на четыре-одиннадцать-сорок четыре, но ни черта, так что фальшивка все это.

Пиклс продавала информацию всем: полиции, Бюро по контролю алкоголя и оружия, всяким сверхсекретным агентствам, всем местным бандам и, скорее всего, еще кому-то, о ком я понятия не имел. Если ты что-нибудь сообщал ей. то, считай, рассказывал всем; я хотел, чтобы Безухий знал – его ищут.

Я уже провел четыре такие беседы с информаторами в двух барах, находящихся где-то в дециле от квартиры Альвареса Перона. И два раза услышат, что Безухий работает вычислителем в Гейгер-банке Брока.

Гейгер-банк – это всего лишь игра в числа, особый флер которой придает то, что для генерации цифровых последовательностей в ней используют счетчики Гейгера, лежащие на блоках остеклованных ядерных отходов. Странно, что сочетание 4-11-44 еще пользовалось популярностью. Прошло сто пятьдесят лет с тех пор, как бомбардировщики «Шерман» вкатали в землю каждое железнодорожного депо от Атланты до океана; в ирландской части города вкусы меняются медленно.

Но сейчас речь шла не о гетто настоящего, а о богемных кварталах с дешевым жильем, которые были здесь шестьсот лет назад. Саутуорк приходился домом чудаковатым художникам и ученым вроде Чосера, Данстейпла, Леонела Пауэра и Тируитта, некоторым молодым аристократам и всяким мошенникам, знающим меру.

Игра в числа – забава довольно старая, Фибоначчи упоминает о ней в том же трактате, где пишет об арабских цифрах. Несомненно, в Саутуорке 1388 года немало людей знало, как выстроить цифровую последовательность, и если один из них улетел в будущее, став балластом Перона, то в этой округе он без работы не останется. Что вполне имело смысл.

Посеяв достаточно слухов о Безухом, я отправился к Броку. Хорейси вечно бранила меня за излишне прямой подход, но у меня на то были две веские причины: во-первых, он часто срабатывал; во-вторых, по-другому я не умел.

Телефон оповестил меня, что звонит Хорейси. Я ответил:

– Принять.

Как обычно, словно чему-то удивляясь, она спросила:

– Ну как, ты веришь в мою теорию о дополнительных классах?

Я сдержанно улыбнулся, повернув экран так, чтобы она видела мое лицо:

– Появились доказательства, что Перон входит в шестую категорию?

– Возможно. Встретимся у тебя где-то через час?

– Конечно. Не вижу причин, по которым мне надо торопиться туда, куда я сейчас направляюсь.

– Тогда увидимся. – Она повесила трубку. Вот еще одна черта, которую я люблю в Хорейси. Она всегда обходится без этих глупых «благослови тебя Боже», а ведь куча народа без них просто не может. Закончила разговаривать – нажала отбой, как разумный

человек.

Я развернулся, решил сесть на левитранс для Лийтов; так я доберусь до места раньше Хорейси, ей-то придется пользоваться Общинным.

По тротуару шла целая семья людей со смуглой кожей. Они в точности походили на тех, кого я видел в музеях, только на этих была одежда, и они друг с другом разговаривали.

Благодаря многолетней тренировке я всегда могу сохранять невозмутимость. Да и в любом случае практически ни на что не реагирую. Но сейчас моему обычному равнодушию бросили невиданный вызов.

Я справился. Посмотрел на них, но отсутствующе, как человек, который ни о чем не думает, а потом еще и улыбнулся.

Дедушка группы – а там были еще мама, папа и два ребенка – взглянул на меня, улыбнулся в ответ и произнес:

– Прекрасный день, не правда ли? Солнечный денек в Денвере – разве это не замечательно? – Он говорил с акцентом, напоминавшим диалект Конфедерации.

– Только что об этом думал. Ясно, светло и не очень холодно.

Он мило кивнул, и мы пошли каждый своей дорогой. Я не позволил себе побежать, схватиться за телефон и даже особо задуматься.

Эта семья бронзовокожих людей была самой большой каузопропагационной аномалией, которую я когда-либо видел. А повидал я их немало. Дело, похоже, в сотни раз важнее, чем я предполагал.

Дополняя положения Эйнштейна, Шредингер показал, почему довольно часто вперед всех малых изменений пробивалось что-то огромное, хотя обычно первыми распространялись те, что в наименьшей степени затрагивали энергию, каузальность или энтропию.

По идее современные электронные приборы должны были изменяться сразу – там всего-то квант-точкам надо перейти в альтернативное состояние. Потом приходил черед старомодных электронных записей, там шла лишь пара тысяч электронов на бит. Бумага требовала целой калории на страницу, поэтому до нее флуктуации добирались лет за двадцать или вроде того. И только потом напинати изменяться более грубые объекты: кораблекрушения происходили в других местах, пустели и наполнялись могилы, приобрел иные формы мебель и здания, перемещались деревья и дороги. Для этого требовались мегаджоули, а может, и того больше, такие метаморфозы отнимали века, а потому с остальными практически не смешивались.

Но меньше всего влияет на события и требует наиболее сложной перестройки долгосрочная память в мозгах социально изолированных людей. Она не меняется, пока ей не приходится этого делать, и призрачные версии иного мира живут в некоторых головах, пока отшельник или монах, принесший обет молчания, – или какой-нибудь одинокий чудак вроде меня или Хорейси – наконец не умирает.

И не спрашивайте меня про математику. Я понимаю не ее, а цифры. Я могу сказать вам, что 524,287 – это число Мерсенна, так как оно просто вот такое, но если вы захотите, чтобы я вывел собственный вектор или производную, то мне придется заглянуть в межсеть, где какой-нибудь парень уже давно проделал всю работу за меня.

Если вы не понимаете разницы между этими двумя способностями, то математику не поймете никогда – как и я.

Но, согласно теории герра Шредингера, когда в истории происходит сдвиг, некоторые изменения распространяются диспропорционально и беспорядочно, так как измерения консервации изогнуты, а их ортогональность несовершенна. (У меня чуть ли не картинка в голове возникает.) Именно поэтому в реальном мире появляются удивительные несоответствия в интервале между уходом и возвращением путешественника. Задолго до того, как пара миллионов квантовых компьютеров вспомнит кучу новых фактов, а в часто используемых словарях изменится правописание сорока слов, какая-нибудь автострада прыгнет на девять ярдов к западу, и построят ее на четыре года раньше. А иногда происходят большие изменения, тогда как на местах все остается по-прежнему: мы с Хорейси до сих пор помним те четыре часа, когда Денвер вдруг стал эспаноговорящим городом Аурарией, но все левитрансы КТО, как и раньше, ходили точно по расписанию.

Уравнения Шредингера также показали, почему любое изменение, как большое, так и малое, может остаться даже после того, как первоначальный сдвиг устранен. Шредингер говорил: если посадить кота в ящик, а потом уничтожить его родителей, то животное или исчезнет, или на его месте появится другое, неотличимое от прежнего, и этого нельзя узнать, пока не заглянешь внутрь. На протяжении двух лет в Питтсбурге время от времени появлялся мост; статуя Афины в Нью-Йорке могла превратиться в Долли Мэдисон или Элизабет Кэди Стэнтон; пассажиры, спускающиеся с гравилайнера в зал ожидания Международной Денверской станции, могли буквально на секунду увидеть, как взлетает крылатая ракета эпохи Гражданской войны с опознавательными знаками Фронтира.

Эти аномалии каузопропагации пропорциональны масштабу изменений, совершенных в прошлом. Что бы ни сделал Перон в Лондоне 1388 года, в результате на улице Денвера появились люди, которые исчезли четыреста лет назад, причем говорили они по-английски и акцентом походили на завезенных ирландских рабов.

Одно можно сказать точно: в ФБИ на горячую линию для сообщений об аномалиях поступит немало звонков. Если мы быстро не найдем Безухого, то придется разгребать гору бумажек.

Не успев зайти в дом, я сразу сообщил напарнице о том, что видел прямо на улице целую семью со смуглой кожей – причем еще и говорящую по-английски!

– Значит, поступок Перона запустил настолько большие изменения, что они отчасти затронули Великую чистку. Неудивительно, что Бюро назначило такие бонусы. Наверное, когда пытались замерить важность события, изотемпоральный автомат вертелся, пока у него игла не сломалась, – закончил я мысль.

Даже Хорейси, у которой в голове нет ни одной цифры или уравнения, удивилась:

– Думаю, нам надо срочно отправляться в этот Гейгер-банк и выяснить, что там можно найти. Времени у нас мало, поэтому лучше мне пойти с тобой, и плевать, что некоторые твои доносчики боятся Жукоглазой.

– Они навряд ли испугаются больше, чем я сейчас.

В поезде мы говорили о каких-то сиюминутных деталях задания, о рутине, так как все необычное, связанное с делом, вселяло в нас настоящий ужас.

Стоял рождественский сезон покупок, и левитранс Общинников был забит до отказа. Чтобы уединиться, пришлось потратить деньги на купе. И хотя окно было затемнено, мы могли и без всякого укрытия притворяться парой. Хорейси опять села гораздо ближе, чем позволял этикет. Я мог ее даже обнять. Разумеется, я – Лийт, она – Общинник, и после такого она вскоре бы исчезла. Пусть я был далек от общества и с людьми общался мало, но об этом не забывал никогда. И все же не мог не думать, как легко моя рука могла скользнуть вокруг ее талии.

Бюро рекрутировало людей вроде меня и Хорейси за аномальные воспоминания и нелюдимость. Если у Непризнанных Штатов Арморики в показателях ВВП изменялись две последние цифры, то я это замечал, и если в третьей речи Шельмеца из «Усилий любви» Вон изменял «О, вы» на «ты», Хорейси сразу улавливала такое несоответствие. Она уже изучила почти всего Чосера, поэта наиболее близкого к точке воздействия из тех, что

были у нее в памяти, и сказала:

– Есть три небольших изменения, косвенных, такие получаются, когда подмастерье печатника умирает при рождении, а его замена делает другие ошибки.

Кстати, есть еще одна странность – я просканировала список подмастерьев в третьем издании Лондонского реестра известных личностей за тысяча трехсотый – тысяча триста девяносто девятый годы, и там все в порядке, но вот из второго издания за тысяча четырехсотый – тысяча четыреста девяносто девятый годы исчезли все женские имена.

– Может, у них был пунктик и они называли девочек мужскими именами? – предположил я.

– Все сразу? Когда дело касается детских имен, стопроцентных пунктиков не бывает. И к тому же во всех других ремеслах осталась куча девочек. Значит. Перон что-то сделал с книгопечатанием. – Хорейси явно расстроилась.

Поезд скользнул в огромный торговый комплекс, который недавно появился к югу от центра. Я помню, как он возник: тогда какой-то парень по имени Вариан прыгнул назад, решил уговорить Муссолини разорвать союз с Гитлером и послать папу римского на все четыре стороны. Понадобилась уйма времени, чтобы найти балласт Вариана, так как им оказалась красивая девушка, говорившая только на неолатинском. Одна из свободных ирландских банд сразу нашла ее. забрала в рабыни и продала на юг, в Мексеспанию.

– А неплохой центр получился, хотя мы провалили то дело, – заметил я. – Куча рабочих мест, да и здание красивое.

Хорейси сразу сфокусировала на мне апертуры. Моя попытка завязать светскую беседу, как обычно, оказалась донельзя нелепой и расстроила ее еще больше:

– Той бедной девочке пришлось очень плохо. Нужно стараться избегать неудач. В любом случае эта аномалия с лондонской переписью населения доказывает, что Перон сделал в прошлом что-то очень плохое.

Как только дело касалось пола, Хорейси слетала с катушек. Я, скорее, всего, взбесил ее еще больше, вспомнив о Вариане. Той девушке-балласту пришлось несладко.

На следующей пешеходной дорожке мы свернули налево, и я схватил ее за локоть и ткнул пальцем в сторону станции левитранса с северной стороны центра; на людях надо было действовать без всяких нежностей, и я за этим проследил. Тем не менее Хорейси взяла меня за руку. Тут никаких проблем не возникало; мы такое проделывали, притворяясь парой, и ФБИ не возражало до тех пор, пока я не начинал ухаживания. Не знаю,

зачем нам нужно было такое прикрытие. Может, ей просто нравилось так ходить. Мне, по крайней мере, нравилось.

– Это дело начинает чертовски меня пугать, – сказала она.

Сначала она сердится, потом боится и, чтобы успокоиться, держит меня за руку. Я занес наблюдение в ментальную папку под названием «Как понимать Хорейси». Я уже давно заметил, что она ценит, когда ее понимают.

До следующего поезда оставалось еще немного времени, и мы прошлись по фальшивым викторианским магазинам, или «магазинникам» (большинство из них настаивали именно на таком написании). Владельцы разодели своих ирландцев в старомодные костюмы, и в лучах яркого зимнего солнца виднелись сплошные береты да цилиндры. Все остальные торговцы, продававшие индульгенции и сосиски, стояли, нарядившись в лепреконов Санта-Клауса. Впечатление было жутковатое: в моем детстве лепреконы считались монстрами, которых рабы могли сотворить и натравить на нас, но потом где-то во времени что-то соскользнуло, или кого-то ликвидировали, и теперь существовали плохие лепреконы-монстры и хорошие лепреконы-слуги.

– А ты помнишь, когда они все были плохими? – спросил я.

– О да. Из-за них вся моя жизнь изменилась. В девятнадцать лет я работала нянькой в богатой семье, читала сказки детям и однажды в ветхой книжке с потрепанными страницами, которую открывала уже раз десять, увидела, что у Вилли Вонки на шоколадной фабрике работали хорошие лепреконы. Я рассказала об этом своей матери, и она сдала меня копам.

– А те превратили в копа тебя.

– Ага. – Она снова улыбнулась, гримасничая, – наверное, ей понравилась моя шутка. Может, поэтому Хорейси и руку мне сжала сильнее. – Рождество – такой красивый праздник. Надеюсь, ничего не переменится и оно не исчезнет.

Она явно чувствовала себя счастливой. Может, из-за украшений? Правда, если все дело в них, то обычно люди говорят такое ночью, а не при дневном свете, разве нет?

Мы работали на ФБИ не только из-за странных воспоминаний, но и потому, что плохо ладим с людьми. Взаимодействие с балластами нас практически не меняло, да и едва ли имело значение, ведь ни с кем другим мы практически не общались. О таких, как я и Хорейси, в документах об охотниках на балласт говорят, что мы – люди без души. Я это лично читал, даже базу хакнуть пришлось.

Да и черт с ним. Я любил эту работу. Она не давала скучать, позволяла использовать многие мои навыки и сделала меня

богатым человеком, даже по меркам Лийтовского обеспечения. И пусть у нас не было душ, но иногда мы с Хорейси все-таки веселились и прекрасно чувствовали себя в компании друг друга.

Мы добрались до северной станции Общинников, откуда должны были поехать в трущобы к востоку от центра города. Снова взяли купе. До отправления поезда оставалось десять минут, но нам предстояло многое обсудить наедине.

Вполне возможно, Безухий действительно окажется в Гейгер-банке Брока и решит с нами поговорить. Правда, несмотря на наши надежды, такой исход был маловероятен. Балласты охотно шли на сотрудничество, когда им приходилось нелегко на улице, но этот работал вычислителем, не бедствовал и, вероятно, уже обзавелся какими-то привязанностями.

Я поделился соображениями с Хорейси, и она коснулась моей руки – напарница опять села рядом, – а потом сказала:

– Кто часто напоминает мне, что нельзя выдвигать теории, не собрав достаточного количества данных?

До меня дошло лишь через секунду.

– Я.

– И?

– Ну да.

Она вновь состроила причудливую улыбку-гримасу; вдобавок ко всему Хорейси любит оказываться правой.

Мы обсудили то, что уже знали.

– Какая погода была весной? – спросила она. – Я никогда такого не помню.

– После прибытия прошло три весенних метелицы. И резкое похолодание в конце марта – минус семь по Цельсию двадцать восьмого марта и минус три двадцать девятого.

Поезд снялся с места и заскользил к центру города. Хорейси кивнула, открыла апертуры по всей поверхности глаз и уставилась в большое окно, вбирая малейшие детали красивого и свежего декабрьского дня.

– Тогда он точно нашел друзей и какое-то убежище, где-то достал еды, – протянула она. – Полной изоляции не получится.

Главная штука в разрыве каузальности между путешественником и балластом заключалась в том, что обрывать связь надо было как можно скорее. Так создавалась ситуация, при которой возникало самое простое решение Принципа непоследовательности: балласт становился жителем нашего мира, словно так было всегда, а путешественник во времени исчезал. Дехрония вставала на нашу сторону и стирала большинство изменений. Для наилучшего эффекта разрыв следовало проводить очень быстро.

Но так уже не получится.

Конечно, с человеком можно было поступить, как с комком грязи, бревном или оленем: рандомизировать, химически обработать и рассеять. Просто большинство охотников за балластом не любили похищать или обманывать людей, чтобы потом превратить их в пыль и уничтожить. Иногда мы с Хорейси думали, что Профилаксическая программа Уэннесса была всего лишь ширмой для комфортной работы следователей, и как только нас снимали с дела, любой балласт превращался в пережаренную сардельку. Я вздрогнул.

– Замерз? – спросила Хорейси.

– Нет, мрачная мысль пришла в голову.

– Мы имеем дело с чем-то огромным, судя по той семье, которую ты видел, – сказала она, – при таком раскладе бонус ФБИ обретает смысл.

Хорейси успокаивала себя, говоря о том, что мы и так хорошо знали.

Мы сошли на станции Уэлтон и остановились, пока по пути Д не пролетел левитранс Лийтов, спеша в Смоллвилль. Я задумался, останется ли мир прежним, когда они доберутся до станции, доедут ли туда те, кто сел на поезд в Денвере. От одной мысли стало не по себе.

Хорейси вновь взяла меня за руку. Я накрыл ее ладонь своею, так казалось лучше.

Солнце по-прежнему ярко светило, но ветер набрал силу, мне в нос как будто забили гвоздь, а сухой холодный воздух царапал кожу. На фонарях тревожно хлопали рождественские венки и флаги; я даже пожалел ирландских рабов, которым пришлось так высоко забираться.

Сменив тему, Хорейси спросила:

– О скольких аномалиях тебе уже известно?

Она не убрала руку, за что я был ей благодарен.

– В статистических данных немало изменений. Бейсбол, похоже, стал гораздо интереснее – очки выше, все свидетельства о перехвате хоумрана на четвертой базе исчезли, а в командах теперь по девять игроков вместо одиннадцати. За центрального и правого шортстопа играет один человек, а боковой филдер вообще исчез.

– И почему нас должна интересовать эта информация?

– Огромное количество общественных стадионов построили по новым проектам, модифицировалось немалое количество записей, жизнь многих знаменитостей изменилась, причем соответствия один к одному нет. Экономика пока такая же – правда, пропали три главных показателя ВВП, на их месте теперь

нечто под названием «оборот внешней торговли», но тут все больше смахивает на бухгалтерские уловки. А вот таблицы народоисчисления изменились колоссально, и уголь на севере стали добывать на сто четыре года позже.

Хорейси присвистнула:

– Гигантские массово-временные изменения. И это вполне соответствует… аномалии… которую ты видел.

– Смуглые люди не пользовались углем? – удивился я.

– Нет, глупый. Я имею в виду динамику. – Она кивнула в сторону ирландцев, которые шли по тротуару впереди нас: каждый нес домой запас угля и небольшой термос с жидким кислородом для очага Франклина. – Я уверена, что любой ирландец в собственности смуглокожих будет потреблять столько же угля, как и любой другой. Просто… само их существование… масштаб перемен… он соответствует тем массивным изменениям, которые ты описал. Вот что я имею в виду. – Она вздохнула и потерла мое предплечье костяшками пальцев так, что я почувствовал их даже сквозь рукав пальто. – Растигеват, за последние несколько часов уже произошло немало физических сдвигов. Шоссе I-семьдесят прыгнуло к Альбукерке, потом вверх, к Шайеннам, и еще вчера шло вдоль US-пятьдесят, теперь у нас целая толпа заблудившихся и разозленных водителей, а некоторые грузы и вовсе исчезли. По временному I-семьдесят в Пуэбло въехало около семидесяти странных грузовичков, в которых перевозят только пассажиров, они еще иногда появляются во время аномалий. Большинство из тех людей, что прибыли в них, прямо сейчас обретают новые воспоминания, хотя несколько просто растворились в воздухе. Пропали три вагона с ирландцами. Тех перевозили в Аспен, на работу в выходные. Причем от людей не осталось ни информации, ни регистрации. К тому же несколько раз поменялось название шоссе: оно было Внутриправительственным, Временным, Имперским, а теперь вновь стало Федеральным.

– А где находился Денвер, когда шоссе прыгнуло? – спросил я.

– Ты помнишь, что мы делали вчера?

Я задумался на секунду:

– А сегодня вторник?

– Четверг.

– Дела плохи.

– Да уж, Растигеват. Заваруха изрядная. Есть и обширные культурные изменения – название этого континента продолжает колебаться между Арморикой, Аморикой и Амокирой. Довольно часто он вновь превращается в Новую Арморику, такое имя ему

дали сразу после того, как сюда добрались воздушные корабли и началась Великая чистка. Два раза континент становился Новой Аримафеей – похоже, где-то в прошлом появился серьезный религиозный тренд, – а один раз он и вовсе обернулся Северной Аримачей – почему, я вообще не поняла. В Чосере три изменения, тысячи в разных лондонских регистрах, корабли с радикально отличающимися именами в стандартных историях Англии и Непризнанных Штатов, Просвещение на сто пятьдесят лет позже, и вся история с того периода сжалась, чтобы соответствовать. И еще, только не смейся, что я об этом говорю…

– Я никогда не смеюсь, – ответил я. Не соврал, кстати.

– Я знаю и ценю это. – Хорейси погладила мою руку. – В общем, в каталогах середины девятнадцатого века появилось несколько новых писателей. Насчет одного не имею никаких возражений; похоже, Перон устранил непоправимый урон Перкинса, и к нам вернулся Сэмюэль Клеменс. Похоже, в этот раз он пишет под псевдонимом Марк Трайн, и если судить по названию в каталоге публичной библиотеки, «Подлинная и романтическая история Бекки Тэтчер» теперь стала романом про ее парня, Тома Сойера, и есть еще какое-то продолжение про второстепенного персонажа из этой книги, Ирландца Джима. Я надеюсь, что нам удастся сохранить Клеменса… Помню, я любила его в детстве.

Никогда не понимал, почему люди любят читать выдумки; с моей точки зрения, они только захламляют память, пока ты пытаешься отследить, что реально, а что нет. Но я ценил то, что Хорейси это нравилось. Я положил ладонь на ее руку, которая опять сжимала мне предплечье.

– Это забавно и захватывающе, только сейчас исчезает целый мир.

– Растигеват, ты никогда не теряешь перспективы. – Она снова начала гримасничать/улыбаться.

Людям, от которых так и несет копами (причем один из них с римановыми глазами), просто так в Гейгер-банк не зайти, даже несмотря на то что они ведут себя как влюбленная парочка. Конечно, люди Брока не настолько тупые и препятствовать нам не станут, но с черного хода, скорее всего, разыграется крайне забавная сцена, когда местные посетители станут ломиться наружу и, разумеется, попадают, споткнувшись друг о друга. В общем, когда мы оказались внутри, было довольно тихо. Мы подошли к молодой девушке за стойкой.

Я, не обращая внимания на щелкающие счетчики Гейгера и крутящиеся цифры на экранах, сказал:

– Нам нужно поговорить с Безухим. Официальное дело.

– Я… – Девушка покраснела, и кожа цветом стала походить на ее рыжие волосы. Татуировки на воротнике нет, значит, свободнорожденная, но, как говорится, нужно немало поколений, чтобы выдавить из ирландца раба, и при виде властей некоторых из них буквально парализует, особенно в этой части города. – Я типа не в курсе, где…

– Все нормально, Бригд. – Действительно голландский акцент, но мужчина забавно сглотнул, идеально имитируя ирландский звук в конце имени девушки. К нам хромал человек без одного уха и со странным безволосым шрамом на голове. Похоже, цилиндр огораживания был тесноват или двигался, так как на руке, протянутой ко мне в приветствии, не хватало половины большого пальца.

Мужчине оказалось слегка за двадцать, широко поставленные глаза, квадратная челюсть, в его движениях читались непринужденность, уверенность и владение ситуацией, словно он родился Лийтом, а мы принесли ему пиццу. Я обычно лица не воспринимаю, но мне понравились и несимметричный локон черных волос над шрамом, и широкая зубастая улыбка, и мерцание карих глаз под густыми бровями.

– Я думал, вы доберетесь сюда раньше, – он чуть растягивал слова, – но хорошо, что вы наконец здесь.

Хорейси неожиданно замерла, как белка на полотне левитранса, и настолько широко раскрыла апертуры, что, казалось, сферы римановых глаз застлали черные пятна размером с четвертаки. Спустя секунду она шумно выдохнула и произнесла:

– Это честь встретить вас.

Я посмотрел на нее, потом на балласт, и тогда она все объяснила:

– Мистер Растигеват, это Фрэнсис Тируитт.

– Фрэнк, – поправил он. – Тут меня зовут Фрэнком – по крайней мере, з лицо. Мне такое имя нравится больше Безухого, поэтому для вас я тоже Фрэнк.

Я не мог не улыбнуться – иронию я понимаю, а Хорейси фыркнула и опять: корчила свою улыбку/гримасу. Потом спросила:

– А мы можем где-то поговорить с глазу на глаз?

– Сюда, – ответил он. – Вы не будете против, если Лео сначала обыщет вас?

– Прошу вас, – ответил я. – Кое-что у меня в левом носке, пушка в кармане пальто и еще на спине, между ключиц.

Я ожидал, что Лео окажется настоящим громилой, но ко мне подошел костлявый угловатый ирландский мальчишка с выдающейся челюстью и веснушками, большими ногами и

руками. Ему было от силы лет четырнадцать, на шее виднелись свежие шрамы, – похоже, недавно его освободили от рабства.

Тем не менее в своей работе он знал толк и не только сразу вытащил все, **о** чем я упомянул, но и нашел еще две запаски из трех. Обыскивая Хорейси, он густо покраснел, но задание выполнил на отлично. Когда парень все закончил и кивнул, Тируитт слегка похлопал его по плечу, и Лео засиял так, словно выиграл в лотерею.

Офис Фрэнсиса оказался на удивление роскошным – и удивляла не дороговизна обстановки (в конце концов, мы имели дело с организованной преступностью), но дух роскоши, что от нее шел. Комната больше походила на уютную рабочую конуру программиста из Лийтов или инвестиционного брокера, а не на покои уголовного авторитета средней руки, которые ожидал увидеть я. Никакой вычурности, китча, золотых украшений или наркоатрибутики; только стандартный стенной проектор, причем не из этих дорогостоящих чудовищ. Тируитт предпочитал прочную, практичную мебель без всяких брендов. Здесь ничего не нарушало Акта о потреблении, а если это место когда-то попадется на глаза журналистам, то обычных насмешек и причитаний о товарах Лийтов в трущобах тоже не будет.

Тируитт махнул рукой в сторону теплого кожаного дивана, стоящего у небольшого газового камина, и произнес:

– Что ж, позвольте мне притвориться обычным хозяином, который ухаживает за обычными гостями. Вам чего-нибудь налить? Виски, кофе?

– Как насчет кофе официально и случайного глотка виски? – спросила Хорейси.

Она погладила меня по руке, я не очень понял зачем, но сказал:

– Мне того же.

Никаких правил насчет того, чтобы не принимать еду и напитки от подозреваемых, нет; обычно мы предпочитаем быть начеку и не хотим, чтобы нас отравили, но иногда гораздо важнее ответить добром на гостеприимность. Сейчас я ничего такого не чувствовал; может, Хорейси подавала мне сигнал?

Тируитт крикнул, чтобы принесли заказ, и мы еще не успели усесться, как Бригд пришла с напитками. Когда мы все вознесли хвалу Создателю и приступили к кофе, балласт начал разговор:

– Хорошо, начнем с того, что я с радостью соглашусь оборвать связь с Альваресом Пероном, – более того, он сам хочет, чтобы я так поступил; но причина, по которой я жажду сотрудничать с вами, не понравится вашему начальству.

– Ну, когда балласт идет на сотрудничество, мы фактически

играем роль посредников, – сказал я, – так что почему бы вам просто все нам не объяснить, мистер Тируитт…

– Фрэнк.

– Хорошо, Фрэнк. Тогда скажите нам то, что хотите сказать, и мы начнем.

Он так и сделал. На своей работе мы слышали немало причудливых историй, но его была совершенно невероятна. Если попытаться оценить ее необычность, то по шкале странности балластов от одного до десяти Фрэнк Тируитт казался результирующим вектором между равнобедренным треугольником и третьим днем недели.

– Создатель показывает свое чувство юмора, когда настолько плотно сплетает хорошее и плохое. Время едино, и это печально, но память тоже, и это благословение, – сказал Тируитт. – Здесь кроется ваша проблема, ваша возможность, то, что вы должны со мной сделать… если умны.

Хорейси сидела рядом со мной на диване – все еще гладила меня по руке, чем несколько отвлекала, – и сказала:

– Вы имеете в виду, что время едино…

– Я имею в виду, что опыт и теория сходятся: существует лишь один мир и лишь одна линия времени; нет никаких «там», нет перпендикулярных потоков или других реальностей, где все пошло по-другому. И это значит, что нам надо сделать трудный выбор, решить, в каком мире мы хотим жить. И не будет никакого утешения, что ну вот в этой версии дела не задались, но зато в соседней вселенной, несомненно, все прекрасно – там кипит жизнь или, наоборот, царит восхитительный покой, в зависимости от ваших пристрастий, – и реальная трагедия заключается лишь в том, что некоторым из нас приходится жить в не слишком удачной реальности. Когда веришь в подобное, то думаешь, что у тебя есть выход, – но это не так. Существует только один мир, и что-то совершается или уничтожается, больше ничего. Не существует мира, где я не отправился в будущее: есть только тот, что есть. И это печально, ведь не только мы не можем иметь всего, но сама вселенная не может. Время едино, не так ли?

– И память едина, – ответил я, увидев смысл, – а это значит, что, в какой бы реальности мы ни жили, нам придется ее сохранить… да, я понимаю, о чем вы. И это справедливо. Справедливее, чем все, что я когда-либо слышал.

– И больше ничего нет, – добавила Хорейси. – Время одно. Все правильно. Уверена, что вы долго репетировали эту речь, Фрэнк.

– Примерно с четвертого дня моего пребывания здесь, в две тысячи четырнадцатом году. Вот что произошло. Решайте сами.

Более того, мне хорошо известно, что именно сами вы и будете решать.

Тируитт чутко спал в съемной комнате над таверной в Саутуорке. Он почувствовал странный толчок и очнулся в непонятном помещении, где свет шел с потолка. Голос, говорящий по-английски со странным акцентом, сказал ему что справа находится зеркало, где можно осмотреть раны, а на столе слева лежат одежда и бинты.

Заглавные римские буквы на том, что, как он теперь понимал, было медицинским набором, имели смысл; а вот искусственный свет на потолке не походил ни на пламя, ни на звезды и приводил в замешательство.

Подчиняясь указаниям дружелюбного бесплотного голоса, он встал на ткань, лежащую на полу, аккуратно приложил клейкие полоски к уху, к отрезанному участку кожи надо лбом, к обрубкам большого пальца на правой руке, безымянного и мизинца на левой. Тируитт удивился тому, что практически не чувствовал боли.

– Балласты часто этому удивляются, – заметила Хорейси. – Нерв, который перестает существовать без всяких повреждений, просто не может сильно болеть.

Он кивнул:

– Подозреваю, если бы я тогда решил поразмыслить над общими вопросами, мне бы пришлось усомниться в собственном рассудке. Мгновенная и безболезненная ампутация, невероятно эффективные повязки для ран – все это казалось чудесами за пределами моего восхищения, а большую часть из увиденного мной после пробуждения я и вовсе не мог осознать.

Когда бинты схватили плоть, прошел всякий дискомфорт. Голос направил его к теплой еде на столике, еще больше ее находилось в непонятной и очень холодной коробке, которую постоянно надо было держать закрытой. Голос снабдил Тируитта всем необходимым, а потом попросил сесть на диван. Свет потускнел. на стене появилась иллюзия Альвареса Перона и начала говорить.

Мы с Хорейси уже поняли, что прыгун был ученым-Лийтом из оборонного проекта, но даже не представляли, насколько высокий уровень тот занимал. Все складывалось – любая деталь этого дела выходила за все возможные рамки.

Зная, что перед ним один из пяти или десяти величайших умов в мировой истории, Перон начал с двухчасовой лекции по теории индексальной выводимости; Тируитт, которому было двадцать два года, вобрал дело всей своей жизни в одно мгновение. Искусственный голос показал, как войти в межсеть,

дал короткий список того, что Фрэнку нужно было узнать в течение недели; по вычислениям Перона, столько времени находилось в распоряжении балласта до вынужденной смены места.

К тому времени как Тируитт вышел из квартиры и отправился вверх по улице на встречу с Джерри Броком, он вполне сносно владел современным английским, в общих чертах понимал, где и когда находится, а также почему Перон поменялся с ним местами. Брок выполнил свой контракт с Пероном, предоставив Фрэнку убежище и аппаратуру, в обмен Тируитт написал софт для самого лучшего Гейгер-банка на континенте. Была бы воля Джерри, он бы прятал Фрэнка как можно дольше, но Перон дал исчерпывающие инструкции. Скрепя сердце Брок признал, что он уже сказочно богат и, похоже, вселенная решила не множить его состояние дальше, а сделать второстепенным персонажем в важной исторической пьесе.

– Вы должны понять, – добавил Тируитт, – что у меня не было даже тени сомнения, следовать или нет указаниями Перона и как поступить по эту сторону временного раздела. Он знал, что делает, и когда я полностью осознал сущность его плана, то согласился с ним безоговорочно. Также я не сомневаюсь в том, что его замысел сработает. Я – достаточно талантливый человек и могу трезво оценить способности других. И Перон, какое бы ни было его настоящее имя, вполне мог сравниться со мной, или же с Ньютоном, или Бэббиджем, на ваш выбор.

– Так почему он поменялся с вами местами? – спросила Хорейси.

– Чтобы в Год Благодати тысяча четыреста третий я не дал миру теорию индексальной выводимости, – ответил Тируитт. – А чтобы смещение нулевой перемены не позволило ей проникнуть в историю какой-нибудь другой дорогой, он устранил студентов, которые продолжили исследование после моей смерти в тысяча четыреста шестом году.

– Устранил… – начал я, и тут у меня закружилась голова; неожиданно страницы из учебников в моей памяти начата: стираться, а некоторые лекции в колледже…

– Иисусе! – воскликнула Хорейси. – И он должен был все завершить в первые несколько дней после своего прибытия. Вот почему Перон отправился в май тысяча триста восемьдесят восьмого. Надо было, чтобы все одиннадцать уже родились… чтобы он мог убить всех. Максвеллу в то время было лишь несколько недель от роду…

Я знал уравнения Максвелла, но неожиданно не смог вспомнить вторую цифру Года Благодати, когда их опубликовали;

она превратилась в размытое пятно, Год Благодати тысяча… пятно… шестьдесят пятый.

– Я не могу вспомнить школьную считалочку, с помощью которой мы запоминали все одиннадцать фамилий, – понял я.

– Томсон, Карно, ДеГрасс и Барлоу,
Кто-то, кто-то, Ампирр и Марлоу;
Вольтман, Абельсмит и, и… и…

Больше я ничего вспомнить не смог.

– Блэйк приметен бородой, Максвелл самый молодой, – закончила Хорейси. – Первый «кто-то» – это Пашалль, второго я вспомнить не могу и уже забываю считалочку сама. В тысяча триста восемьдесят восьмом году самым старым из них был… кто-то по имени…

– Драйберн, – сказал я. – Единственный из всей компании, кто был старше самого Тируитта…

– И единственный, кого я знал в тысяча триста восемьдесят восьмом, – заметил Фрэнк. – Я его считал заносчивым уродом, но только с ним мог поговорить о математике. И это довольно печально, так как все они – яркие талантливые люди, и, скорее всего, без моего открытия и лекций они бы не оставили столь значимого следа в истории. Но Перон решил не испытывать судьбу. С его инструментами и веществами ни одна из смертей не походила бы на убийство – по крайней мере, для коронеров четырнадцатого века. – Он вздохнул, поболтал чашку с кофе и виски, сделал глоток. – Но убийство все равно претит, правда? Особенно из-за того, что кто-то должен умереть только из-за своего ума и таланта; более того, в будущем эти люди стали бы моими близкими друзьями. И я знаю о целой жизни, которую мог прожить, но до сих пор не понимаю, что чувствую по этому поводу.

– Для вас это жизнь, – протянул я, – а для нас – целый мир. Мы сейчас находимся в процессе исчезновения или, по меньшей мере, трансформации. Я в некотором роде сочувствую вам, но что насчет нас?

– Побудьте со мной еще немного. Я почту за честь объясниться, ибо вы должны все понимать, если решите устранить поступок Перона.

– Если решим? Если? – Хорейси, казалось, пришла в ярость. – Наша работа – это…

– Совершенно верно. Мое чувство – этики, как подозреваю, – велит мне дать вам шанс сделать свою работу.

Я совершенно запутался; он говорил так, словно бросал нам

вызов, сдавал себя и Перона, играл в какую-то запутанную игру, чтобы нас задержать, и просил помощи – все одновременно.

– Возможно, – сказал я, – у нас нет иного выхода, кроме как позволить вам все объяснить.

– Возможно, вы правы. Мне не нравится ставить людей перед выбором так прямо. Это кажется грубым. – Он смотрел на кофе, водоворотом закручивающийся в чашке, так, словно это был хрустальный шар, а Хорейси и я замерли, как каменные, пока Фрэнк не продолжил: – В общем, я просмотрел базы данных, библиотеки, и, где бы ни искал, все одиннадцать уже исчезли. Принцип непоследовательности разбушевался вовсю, и я ему помогаю, рассылая случайные письма, заставляя людей искать эти имена, – конкурсы с розыгрышами призов, вопросы библиотекарям, все в таком духе. Вы – представители последних пяти процентов или около того из тех, кто их еще помнит.

– Тогда мы опоздали, – сказала Хорейси. – Перон стер весь современный мир, а мы… полагаю, мы уже не те, кем были, и сейчас или прекратим существование, или станем кем-то еще.

Она положила руку мне на ладонь, я ответил ей тем же.

– Каузопропагация все еще идет, – заметил Тируитт, – и, как мне кажется, вы и ваше начальство можете немало сделать для того, чтобы все устранить, если, конечно, вы решите сообщить им то, о чем я вам сейчас расскажу. Если они закинут агента в мою комнату, например прямо ко мне в постель, а другого поставят так, чтобы он смог убить Перона по прибытии, все еще можно ликвидировать. Но им придется решать прямо сейчас, а я уверен, что они не смогут это сделать сразу, если только вы не позвоните им незамедлительно, не начнете кричать, не вобьете в них осознание, что действовать надо незамедлительно. И здесь решение за вами: достучаться до них или позволить событиям развиваться своим чередом. Выслушайте меня и поступайте как знаете. В конце концов, мистер Растигеват, как вы сказали, это моя жизнь, но ваш мир. Вы должны решить, что сохранить. Поэтому я предлагаю следующее: я объясню вам, почему Перон поступил именно так, а не иначе, почему я решил перейти на его сторону, а затем попрошу вас не вмешиваться – но дам шанс вмешаться. Вы сможете выйти отсюда и позвонить в штаб-квартиру ФБИ. В таком случае я не стану вам препятствовать.

– А почему? – спросил я. – Вы уже несколько раз сказали нам, что одобряете действия Перона. – Если честно, я считал, что уже слишком поздно. Штаб никогда не одобрял действия сразу, чем вечно разочаровывал своих агентов. – Почему вы позволите нам выйти отсюда, связаться с начальством и запустить кризисную миссию, чтобы остановить вас?

– Полагаю, все дело в своеобразии моих вкусов. – Он вздохнул, а потом взглянул на нас, сначала на Хорейси, потом на меня. – Вот только… Меня интересует одна идея, идея согласия. Полагаю, вы бы сказали, что такова особенность математического разума: взять неопределенные концепции, вроде «очевидности», «трудности» или «сложности», и дать им точное определение. Мне интересна сама мысль заставить кого-то согласиться с этим… последовать за идеей Перона, которая, по моему разумению, верна.

– Перон получил чье-то согласие на конец света? – спросила Хорейси. – Чье? Как он мог…

– Я думаю, что Перон сделал поразительное и верное суждение о том, что необходимо сделать и почему. Для его исполнения он похитил меня, а также совершил ряд других преступлений против моей личности, но полностью зависел от моего согласия сотрудничать; если бы записи не убедили меня в его правоте, вся схема Альвареса рухнула бы.

– А те одиннадцать человек тоже согласились умереть? – спросил я. – Согласились никогда не быть блестящими, уважаемыми учеными, которыми могли стать?

– Нет. И это еще одно доказательство в моих доводах против всего этого, понимаете? Эта затея приводит меня в замешательство, так как я хоть и великолепный математик, но в вопросах этики нахожусь с вами на одном уровне. Поэтому я полностью уверен в своих выводах, но ничуть не уверен в предпосылках. Тем не менее я восхищаюсь тем, что совершил Перон, тем, как он это сделал, а потому, насколько мне позволяет собственное разумение, я постараюсь поступить так же. – Он встал и, не спрашивая, подлил нам в чашки кофе и виски. Ни Хорейси, ни я возражать не стали; мне, к примеру, сейчас нужно было все тепло, которое я мог получить. – Перон избрал путь, на котором ему было необходимо согласие человека, вынужденного в результате полностью измениться, – то есть меня. Его замысел требовал, чтобы я согласился стать кем-то другим. Как говорится, я – чрезвычайно репрезентативный пример.

– Вы читали труды Гёделя о случайных числах, – сказал я. – Но разве индексальная выводимость не доказывает, что истинной случайности не существует, только хаос и сложность?

– Представьте себе мир, – начал Тируитт, – где науке пришлось развиваться без индексальной выводимости, мир, где науки основываются на повторяемых проверках физических, химических и биологических процессов или на наблюдении за миром. Без одиннадцатой и четырнадцатой теорем вы никогда не узнаете о комплектизонах, а потому не сможете эффективно

изучить эти функции. В числах всего, о чем вы знаете, будет всегда оставаться случайный компонент, и вам придется использовать гёделевскую статистику. Возможно, она появится гораздо раньше, чем сейчас. Видите, насколько иной мир мы собираемся запустить?

– Не мы, а вы, – твердо ответила Хорейси. – Я понятия не имею, о чем вы говорите, но вижу, что вы почему-то считаете наше согласие равным согласию миллиарда людей.

– Половина населения Земли – рабы, и еще вам прекрасно известно, как процветает рынок предотвращения самоубийств. Что, если я решу добиться их согласия?

От этого вопроса я замер. Официально рабы не могли дать свое согласие ни на что – так гласил основной закон. Но если перемена в истории сделает раба Свободным – или даже Общинником, а то и Лийтом? Разве любой невольник не даст согласие на такое задним числом?

Я понял, чем Тируитт соблазнился, размышляя над этой проблемой. Это была захватывающая математика. Мне хотелось часами говорить о ней, но у Хорейси на лице показалось выражение, которое я видел довольно часто. Она была на грани срыва, именно сейчас, когда речь зашла о действительно интересной математике, поэтому я счел обсуждение технических подробностей не самой лучшей идеей.

– Так почему бы не получить согласие двух человек, – продолжил Тируитт, – одного Общинника и одного Лийта, глубоко вовлеченных в это дело? Кого мне иначе спрашивать? Всех? А как сложить воедино их мнения? Полагаю мы бы смогли собрать все ответы – сейчас, в Год Благодати две тысячи четырнадцатый, с сорок третьим Ланкастером на троне мира, я располагаю коммуникационной системой, которая позволяет мне связаться с почти миллиардом христиан на всех континентах, с каждым сыном Адама и каждой дочерью Евы, Лийтом или Общинником, рабом или Свободным, эспанцем, расским, франшем, англичанином, а также со всеми малыми народами. Я бы мог использовать эту чудесную систему связи, дабы позвонить каждому них и спросить: «Не хотели бы вы исчезнуть или же стать кем-то совсем другим, потому что мир, что придет на смену этому, будет лучше, пусть вы можете и не понять почему?» Я также не сомневаюсь и говорю сейчас как математик, что мне бы удалось изобрести некий оригинальный способ выражения всех их потаенных мыслей, страхов и надежд путем одной общей мысли, как иногда пытается сделать парламент и как, по утверждениям ученых, делали афиняне и римляне; возможно, процесс будет очень простым, подобным вынесению вердикта

судом присяжных. Но почему-то подобная перспектива меня отвращает; я не думаю, что решение, вынесенное на основе поднятых рук, обязательно будет наилучшим, – подобная идея, кажется, может легко стать ловушкой для слабоумных. Решение одного человека или нескольких, умеренно мудрых, милосердных и добрых, кажется мне лучше решения, вынесенного миллионом равнодушных.

Потому я решил следовать модели, которую мне показал Альварес Перон. Я был призван стать тем, кто олицетворяет всех в моем времени и всех, кто придет после, всех, кому выбора не дали; Альварес сказал мне: «Вот мои причины, выбирай», – и я выбрал.

Отчасти мой выбор был продиктован тем, что в нем таилась возможность передоверить некую долю решения вам. Мы находимся в последних днях или неделях от вашего возможного согласия. Если вы не сделаете выбор, то все изменится бесповоротно; если вы полностью согласитесь со мной, то все останется как есть; если же вы примете иное решение, то можете попытаться меня остановить, мы начнем сражаться и увидим, кто сильнее. Но я предлагаю вам двоим – и только вам – шанс, один-единственный шанс отменить мой выбор, так как вы заинтересованы в этом. Вы сейчас олицетворяете тех, кто, возможно, никогда не будет существовать или станет кем-то совсем другим; я расскажу, что будет, если вы исчезнете, и тогда вы решите, стоит ли оно того.

– Решив умереть? – спросила Хорейси.

– Нет, не умереть, – сказал я. Сейчас наступил момент, когда слова вносили путаницу, так как в них сочеталось множество логически противоречивых значений, а для Хорейси значение имели только слова. – Когда душа начинает существовать, у нее нет иного выхода из бытия, кроме смерти, но, когда душа не существует вообще, испытывать смерть некому. Поэтому мистер Тируитт предлагает нам шанс попробовать быть тогда, когда все уймется; существует лишь одно время, и в любой конкретный момент мы либо есть, либо – нет, но перехода – то есть смерти – между существованием и несуществованием мы не испытаем.

Я наблюдал за Хорейси, пытаясь выяснить, понимает она меня или нет, и если понимает, то что чувствует по этому поводу; только я мог прочесть ее мимику, но из нас лишь она знала толк в человеческих чувствах, а по моему мнению, главный вопрос нашего согласия (или несогласия) заключался в том, что по этому поводу должны или не должны испытывать христианские души – а это скорее епархия Хорейси, а не моя.

Она склонила голову, направив в мою сторону не глаза, а

уши; ее римановы устройства исчезли, она носила темные очки, скрывавшие незрячие глаза. Рядом с ней на поводке сидел большой пес. Риман. Я вспомнил, так его звали.

– Я слепа с рождения, Растигеват, – сказала Хорейси, – но храню яркие воспоминания о том, какое у тебя лицо, когда ты грустный, или когда отпускаешь одну из своих ужасных шуточек, или когда беспокоишься обо мне. И я пытаюсь удержать каждую деталь, мелочь, но они ускользают. И так будет со всеми?

– Скорее всего, – ответил я.

– Тогда, магистр Тируитт, как вы можете просить нас отдать все это? И как Перон убедил вас в том, что вы сами должны так поступить?

Фрэнк вздохнул:

– Все будет гораздо труднее, чем я думал, а я подозревал, что легко не получится. – Он помедлил, машинально поглаживая обрубок большого пальца, а потом продолжил: – Человек, известный вам как Перон – странно думать, что настоящее имя такого гения окажется навсегда утерянным, – сделал открытие, над которым всю свою жизнь бились Эйнштейн, Копленд и Тьюринг. Перон наконец объединил материю и смысл в одной теории и с помощью нее смог достоверно посчитать саму осмысленность – узнать, сколько смысла содержится в нашем горизонте событий, а также сколько было и сколько могло быть. Я уже вижу, мистер Растигеват, что познания в физике и логике испаряются из вашей памяти, и вы не сможете удержать идеи, способные помочь вам понять меня; поэтому не возражайте, иначе мы лишь зря потратим время.

В основе вещи и идеи суть одно; смысл в душе и каузальность во вселенной суть одно. Перон расколол этот невозможный орешек, – если я останусь здесь и проживу достаточно долго, то с большим трудом доберусь до точки, которой достиг он, но глубоко сомневаюсь, что появится хоть кто-нибудь, кому я смогу передать это знание. И в результате Перон выяснил, что христианская Европа совершила ужасную ошибку: когда Генри Шестой Английский стал Генри Первым, королем всего света, и повелел, чтобы мир либо был под властью папы, либо гнил в земле, а его воздушные корабли начали Великую чистку, дабы создать пустоту, где могли бы расти христиане Европы… он делал лишь то, что совершила бы любая цивилизация его времени… он не чувствовал зла или греха, не видел причины хотя бы немного поразмыслить над своими деяниями. Несколько тысяч сохраненных тел в сосудах с формальдегидом и по большей части нечитаемые книги этих народов, ибо у них были книги, да и те сберегли, лишь прислушавшись к мольбам Максвелла, – это все,

что осталось, но даже в помыслах своих люди того времени не хотели сохранить больше.

Хорейси, казалось, собралась, держа оборону, и возразила:

– Халиф, султан, императоры Пекина, Тимбукту или Куско приняли бы такое же решение.

– Это так. Если открыть индексальную выводимость достаточно рано, то любая культура, получившая ее, в результате сотворит для себя пустой мир. Судьба, здесь я согласен. – Тируитт поднял руки, забыв, что из-за каузопропагации его собеседница уже ослепла; я и сам пытался вспомнить название тех огромных, похожих на шары глаз, что когда-то украшали ее лицо, с их помощью она могла меня видеть. Риман грустно и взволнованно ерзал рядом. Старый пес он был с ней всегда, с самого первого дня, когда я встретил Хорейси в академии ФБИ, и кости его уже стали хрупкими и доставляли немало неудобств.

– Итак, – продолжил Тируитт, – Перон выяснил, что Великая чистка уменьшила количество смысла в этом мире практически до нуля, по крайней мере по сравнению с тем, что могло в нем быть. В своем бессмысленном мире вы, люди, прекрасно понимаете друг друга, ибо самый жалкий раб в антарктических угольных шахтах имеет больше общего с императором в Ницце, чем два моряка на берегу в мое время. В вашем мире можно отправиться в путешествие по любому маршруту и не найти ничего, что могло бы вас удивить. Вы ведете войны для того, чтобы число погибших позволяло реорганизовать популяцию, ваша эффективность в смерти невероятна, но вы вкладываете в сражение не больше страсти, чем мальчишки, играющие в футбол в мое время. Я видел записи вашего Нюрнбергского процесса, видел, как судьи пожимают руки обвиняемым, понял, что Европу лишь подобающим образом сократили; я взломал имперские архивы, читал о решениях устроить голод или начать резню, для того чтобы держать население на приемлемом, по мнению императора, уровне. Даже вы, мистер Растигеват, недавно увидели то, что знаменует конец света, и хотя жаждете уюта, что дарит вам присутствие вашей подруги, все равно очень волнуетесь – не так ли? – об отчетах, которые предстоит составить.

– Да, – сказал я, – а также о том, что, если я вдруг брошусь к ней на помощь, кто-то может понять, что я к ней эмоционально привязан. За это ее казнят. Но как вы узнали? Вы следили за мной?

– Разумеется. Уже некоторое время. Как и большинство Лийтов, вас воспитали так, что вы не обращаете внимания на рабов; искусный невольник вроде Лео может ходить за вами, не

опасаясь обнаружения. Я бы не смог провернуть подобное с мисс Хорейси, так как, несмотря на поколения генетических исследований, ваши странные останки культуры не смогли произвести собаку, распознающую общественные классы.

Я чувствовал себя так, словно поддел аккуратно прибитую часть моей души, посветил фонариком внутрь, а там оказались какие-то крохотные белые твари, которые корчились и дурно пахли.

– А что, если мы ничего не сделаем? – спросил я.

– Индексальную выводимость, скорее всего, не откроет ни одна цивилизация – пока я не дам ее миру, когда изменения улягутся. Еще одна часть свободы, в которую, как видите, я верю. Люди должны воспользоваться ею; я всего лишь прошу, чтобы для начала они стали хоть чуть-чуть мудрее, дабы не стереть поспешно весь смысл из мира.

– А неужели смысл – это настолько хорошая вещь? – спросила Хорейси.

Он пожал плечами:

– А существование?

– Вы просите меня пожертвовать своим.

– Это так.

Хорейси встала:

– Растигеват, думаю, мы уже достаточно услышали. Давай выясним, держит ли он слово.

Тируитт не стал нас останавливать, похоже, он действительно держал слово. Я думал о том, сколько времени осталось, прежде чем наш выбор окончательно станет бессмысленным. Я думал о том, почему Хорейси не позвонила в ФБИ с мобильного прямо из офиса Тируитта, а потом поймал себя на том, что помню **о** мобильных телефонах.

– Ищи телефонную будку, – сказала она. – Бог знает, осталось ли у нас время.

Она крепко взяла меня под локоть – еще недавно это казалось таким странным, чудесным ощущением, которое только начало мне нравится, но уже через день, неделю или месяц ее ладонь на моем предплечье станет вполне обычным делом. Как иначе ходить слепому человеку?

– Я помню, что говорила о том, как ты выглядишь, – сказала она, – но теперь я не понимаю, как узнала об этом, и я…

Ее рука дернулась, и Хорейси упала рядом со мной. Я склонился посмотреть, что случилось.

Риман громко заскулил и попытался вытащить поводок из-под ее тела; в его шерсти виднелась кровавая дыра размером с мой кулак, а потом я увидел пулевое отверстие прямо над ухом

Хорейси, за секунду до того, как почувствовал укус в икру.

Я перекатился вперед, не поднимая головы, уже понимая, что стреляли из-за ряда припаркованных машин с другой стороны улицы, но большая часть мозга блокировала любые мысли, так как смерть Хорейси была непереносима. Еще одна пуля просвистела где-то надо мной, и я скрючился за пожарным гидрантом, стоящим вплотную к телефонной будке. Они создавали видимость защиты. Я вырвал пистолет из потайного кармана, тот самый, который Лео не нашел при обыске (тогда это был еще не пистолет, правда?); заметил движение между машин, выстрелил и с удовлетворением услышал чей-то стон.

Над линией стальных крыш показалась голова, когда второй стрелок кинулся на помощь партнеру. Я подсчитал все, насколько мог точно, определил, куда тот пойдет, и выпустил вторую пулю.

Вышло даже лучше, чем я ожидал; по какой-то неведомой мне причине человек высоко подпрыгнул, перемахнул через следующую машину, и снаряд вошел прямо ему в горло. Я присел, выжидая, и подумал. Машины. Эти маленькие грузовики для перевозки людей называются автомобилями. Я видел их всю свою жизнь, а тот, за которым сейчас (я надеялся) валялись два трупа, носил имя «Пакард Тандерберд».

Риман все еще барахтался, теперь он просто скулил, теряя силы, и то пытался вырвать поводок из-под тела хозяйки, то лизал ей лицо и тыкался в нее носом. Кроме него да еще отдаленного шума двигателей, вокруг стояла тишина.

Люди решат, что тут идет разборка между бандами. В какой-то мере так и было. У меня появились воспоминания о том, что мы с Хорейси были любовниками. Скоро память станет реальностью, и я стану тосковать по ней еще больше, чем сейчас.

Мои ноги и душа бежали наперегонки, соревнуясь, кто же первым окончательно меня подведет.

Скоро сюда прибудет множество начальников. Последние пару секунд никто не стрелял, но те, с другой стороны машины, уже точно должны были понять, где я нахожусь. Я прыгнул вбок от своей безопасной позиции, но выстрелов не последовало. Нога жутко горела, в ботинок натекла кровь, я заковылял через улицу; чуть не упал, когда меня по широкой дуге обогнул фургончик с мороженым (фургончик с мороженым? Я неожиданно вспомнил один такой, из детства им еще управляла… чернокожая женщина? Она называла меня «дорогушей»!).

Воспоминания бились в моем разуме, как разъяренные вороны, но я оттолкнул их прочь. Мужчина, которому я попал в шею, умер, а второму пуля пришлась в район подвижных ребер, и сейчас он с трудом дышал, пуская розовую пену изо рта; похоже,

даже не заметил, когда я распахнул ему пальто. Жетон, как у меня, только теперь ФБИ стало ФБР – и что же означала эта аббревиатура?

Не важно. Выли сирены. Я большими шагами, покачиваясь, вернулся на улицу, протянул жетон перед машиной с полицейскими, выкрикнул какие-то нечленораздельные приказы и заставил их отвести меня обратно к Тируитту.

Коп открыл дверь, я залез внутрь. Сказал, что офицеров ФБР подстрелили преступники, засада на наркоторговцев накрылась, и приказал торопиться. Он быстро все изложил диспетчеру, пока мы неслись по Даунинг-стрит.

Я помнил, что у Брока был какой-то банк, но смысла этого не понимал. Было очень странно чувствовать, что это моя первая поездка на атуйосмобиле, но воспоминаний хватало, поэтому я приказал:

– Это чрезвычайно важно, офицер, давайте, газ в пол и не жалейте сил.

Уже не помню, как убедил его не следовать за мной и не вызывать подкрепления.

Когда я, шатаясь, прошел мимо прилавка и направился в коридор к офису Тируитта, Лео и Бригд последовали за мной, лихорадочно пытаясь убедить меня не ходить туда, и тут я зацепился ногой за ковер, боль в икре, казалось, дошла прямо до мозга, и я упал навзничь. Даже не думал, что пол может так больно ударить, вроде и расстояние до него было маленькое. Я потерял сознание и затих.

– Саймон Растигеват, вы меня слышите?

Я знал этот голос – Тируитт.

Точно он. Я открыл глаза. Он склонился надо мной, сидя на стуле рядом с кроватью.

Потом я увидел иглу в моей руке; Тируитт проследил за моим взглядом:

– Простите, необходимость на случай, если вы захотите сделать выбор. Помните о том решении, которое я вас попросил принять?

– Да. – Ко мне многое вернулось – но не столько, сколько бы мне хотелось.

– Боюсь, за вас его приняли идиоты, которые, похоже, сочли, что вы переметнулись на мою сторону или нарушили режим безопасности, или они во что-то еще поверили в тот краткий период, когда смысл стад пробиваться повсюду. Поэтому они не стали с вами разговаривать и задавать вопросы, а послали команду убрать вас. Я очень рад, что человеческая раса не осталась навечно в этой истории; там, наверное, было очень

неприятно. Но сейчас все мы, вся вселенная, находимся в стадии перехода; каждый час Интернет – для вас межсеть, но вы это и так скоро поймете – наполняется новой сложной историей, а в мире появляются миллиарды новых людей, и…

Он стал серым и размытым, а потом я понял, что и мир вокруг тоже расплылся. Тируитт дернул за иглу в руке, и я вскрикнул от боли.

– Извините, приходится так делать, чтобы удержать вас здесь. Потому и разбудить вас пришлось. – Ему как будто было нехорошо; похоже, Тируитт считал, что игла причиняет мне большие мучения, чем на самом деле. Я хотел подбодрить его, но сил у меня не осталось.

Впрочем, Фрэнк, судя по всему, и так решил, что я его простил, а потому начал задавать вопросы:

– Что вы помните? У вас шок. Вы вломились к Броку три дня назад. Кстати, спасибо; копы отставали от вас всего на двадцать минут и шли явно не за вами. Как я уже говорил, за это время мы перепрыгнули через множество крайне неприятных вариантов прошлого.

– Хорейси погибла, – сказал я. – Еще до того, как я склонился на ней и увидел входное отверстие от пули. Бедный Риман: в него тоже попали, он, кажется, умирал и вдобавок мучился от горя из-за хозяйки. – Я понимал, насколько странно и глупо это было, но никак не мог выбросить из головы пса. Почему-то он казался мне реальнее смерти Хорейси… нет, только он и был реальным в смерти Хорейси. – Я и сам буду по ней тосковать.

Я взглянул на Тируитта и продолжил:

– Непонятно, но я помню старый мир. Помню, что мы делали раньше. Но чувствую, как новая вселенная призраком надвигается на меня, проявляется по краям, словно вспоминаю другую реальность, где всегда жил.

– Вы существовали отдельно от людей слишком долго, – объяснил Тируитт, – по крайней мере, по меркам темпоральных изменений.

– Темпоральных изменений?

– Счетчика событий. Вы помните, кто я такой?

– Да. Вы… Фрэнсис Тируитт. Фрэнк. Безухий. В истории, откуда я, э-э-э, пришел, вы были… кем-то вроде Ньютона или Эйнштейна?

– Уже лучше. – Он улыбнулся. – А здесь я кто?

– Мой лучший аспирант. Боже, а я – профессор математики. Причем хороший; я сейчас без труда вспомнил тридцать лет занятий.

Мы оба рассмеялись, пусть и не без грусти. И это я тоже

вспомнил: Тируитт был тем редким человеком, который считал мои шутки смешными. Как и Хорейси.

Но она действительно умерла, а мы с Тируиттом действительно остались в живых, но были… не здесь. Мы были сейчас.

Странно до боли, словно одна память – галлюцинация, а другая – реальность, и у меня нет никакой возможности определить, какая из них какая.

– А теперь вы… математический психолог? Тут и такая штука есть?

– Сейчас есть. И всегда была, по меньшей мере последние сто двадцать лет. Или примерно тридцать один час, в зависимости от того, что конкретно вы считаете. – Он пожал плечами. – И я помню об индексальной выводимости, но плохо представляю, что с ней делать. А вы о ней помните?

– Вы уже послали мне с десяток длинных детальных электронных писем, объясняя ее или стараясь объяснить. Трудная штука. Я могу добраться до нее через глубинную структуру чисел, и просто стараясь понять, уже… хм. Да я теперь и сам профессор математики. Ах да, я уже говорил об этом.

– Один из одиннадцати. Одиннадцати профессоров математики, которые хотели поработать со мной над теорией индексальной выводимости. Точнее, вы намереваетесь стать одиннадцатым, так как мне нужен такой специалист по теории чисел. Но вам нужно встретиться с остальными десятью, причем как можно скорее, а также со многими другими людьми. А вы всегда предпочитали жить отшельником.

– Вот это я точно помню. Полагаю, если мне захочется работать над этой теорией, придется встретиться со многими людьми… в смысле, вживую встретиться. У меня так много друзей в Сети.

– Много, и вы даже можете провести всю работу с группой онлайн. Я сейчас не об этом. Вам нужно заняться этим здесь – и сейчас, я имею в виду – сейчас разговаривать и общаться, потому что иначе вы исчезнете, да уже чуть не испарились, но я успел провернуть иглу в вашей руке. Принцип непоследовательности все еще работает. Когда людей мало, самое простое решение – оставить нам воспоминания, если только мы будем обсуждать их исключительно между собой.

Как-то глупо и совершенно неожиданно я произнес:

– Я буду скучать по работе в ФБИ. И я очень, очень скучаю по Хорейси.

Я почувствовал, как подступают к глазам слезы, а Тируитт взял и спокойно вытер мне лицо платком.

– Как давно вас кто-то касался?

– До вас? Только Хорейси время от времени. Мне приходилось ждать, пока она это сделает. Сам я коснуться ее не мог, даже попросить не мог. А мне так нравилось, но я даже не имел возможности ей об этом сказать.

– Я помню, как все было в том, другом настоящем, – сказал он, кивая, словно этот факт многое значил. – Видите, как и я, вы сохранили память и теперь немало помните, словно яркий сон или любимую детскую сказку. Это наименее энергозатратный и наиболее стабильный способ существования. И вы сможете записать эти видения, прежде чем они поблекнут, или обсудить их с теми, кто тоже о них помнит.

Я потер лицо:

– Не знаю, захочу ли… вы знаете, как это было глупо, что я никогда не мог сказать ей… я всегда хотел сказать Хорейси кое о чем, а теперь даже имя ее смогу произнести только в разговоре с вами, да еще с несколькими людьми.

– А вы помните, почему не могли с ней поговорить?

– Недуг, со мной что-то не так, я не понимаю, что происходит с другими людьми, вижу их неправильно…

– Ах да, это… В этой реальности мы только начинаем видеть способы, как исправить вашу проблему или обойти ее. А там никто даже не пытался, ведь это было одно из отличий Лийтов, так же как худоба, длинные тонкие пальцы, абсолютный слух или светлые волосы. Но существовала очень простая причина, по которой вы не могли беседовать с ней по душам, а она могла демонстрировать, что хочет доставить вам удовольствие…

Я почувствовал, как на меня снисходит озарение:

– Лийт. Я был Лийтом, а она Общинником. Если бы я прямо рассказал ей о своих чувствах и кто-нибудь услышал мои слова, они бы убили ее. А теперь Лийтов нет, Общинников нет, и все в принципе…

– Свободны. Без всяких заглавных букв. Все другие категории – Благородные, Лийты, Общинники, даже рабы – исчезли. Теперь свободен каждый. Пожалуйста, останьтесь. Мне нужны люди, которые помогут вспомнить, – нам нужны, всем тем, кто еще помнит, нам нужна помощь, чтобы вспомнить еще больше.

– Остаться?

– Сделайте усилие. Говорите с людьми. Встречайтесь с теми, с кем общались только по Интернету, беседуйте с незнакомцами, идите к людям.

– А мне нравилось так себя вести, когда я работал на ФБИ.

– Продолжайте в том же духе. И действуйте. Последние несколько часов вы лежали без сознания и начали блекнуть, так

же как в момент, когда я ткнул вас иголкой. Потом вновь обретали реальность, исчезали снова, каждый раз все дольше и все основательней. Судя по моим достаточно скороспелым выводам и тому, что я помню о теории одной из версий Эйнштейна, сейчас вы балансируете на некой грани: если вы выйдете в мир, то принцип несовместимости изберет самый легкий способ разрешения ситуации, наименее энергозатратный для всех измерений. Он позволит вам жить в состоянии полимнемонии, как я это называю, вы станете человеком с несколькими противоречащими друг другу наборами воспоминаний. Но если вы не станете поддерживать связи с другими людьми, то вселенная, выбрав путь наименьшего сопротивления, сделает так, будто вас никогда не существовало.

– А вам-то какое дело до меня?

– Ну, – ответил Тируитт, – мне бы пригодились ваши таланты. Здесь, в мире без индексальной выводимости, ваше обучение не остановилось, и вам еще есть о чем узнать и что практиковать. Поэтому мы можем использовать вас внутри группы, коли вы заинтересованы только в очевидной практичности. Опять же не надо забывать о хорошей компании, людях, с которыми можно побеседовать. Мне бы хотелось поговорить с тем, кто знает, что есть реальность, чистый эгоизм, иначе я тоже стану очень одинок. И наконец, теперь, когда вы пробудились и эмоционально более стабильны, я бы хотел кое-что увидеть. – Он повернулся к двери и крикнул: – Мисс Хорейси, я думаю, он уже готов присоединиться к нам.

Послышался изнуряюще медленный скрежет и удар; через мгновение я пойму, что же всегда казалось мне неправильным и неотвязной мыслью постоянно вертелось в голове. Причина, по которой я связывался с Хорейси только по… Интернету, не межсети.

На секунду я словно повис между небом и землей.

Скребущий звук ускорился, мое сердце учащенно забилось ему вслед. Я уже улыбался, вспоминая то, что всегда знал, и сел в кровати. Я чувствовал себя очень хорошо.

– Давай, – воскликнул я. – Наконец время пришло, Рут.

– А что еще могло прийти, Саймон?

Смеясь, я встал ей навстречу. Тируитт не дал мне упасть – я все еще хромал из-за раны в ноге – и помог пройти вперед. Как и множество раз до того, я вновь простил ему самодовольную усмешку.

ДЖЕЙ ЛЕЙК
ПО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СХЕМЕ

Произведения крайне плодовитого автора Джея Лейка за последние пару лет появлялись практически во всех ведущих изданиях, включая «Asimov's», «Interzone», «Universe» Джима Бэйна, «Tor.com», «Clarksworld», «Strange Horizons», «Aeon», «Postscripts», «Electric Velocipede» и другие. Несмотря на то что карьера Лейка началась довольно поздно, его многочисленных рассказов хватило на четыре солидных сборника: «Привет от Лейка и Ву» («Greetings from Lake Wu»), «Растет камыш среди реки» («Green Grow the Rushes-Oh»), «Американские печали» («American Sorrows») и «Псы в лунном свете» («Dogs in the Moonlight»). В числе его романов «Хитрое дело» («Rocket Science»), «Суд цветов» («Trial of Flowers»), «Движущая сила» («Mainspring») и «Побег» («Escapement»). Вместе с Деборой Лейн он выпускал престижную серию антологий «Многоголосие» («Polyphony»), с Дэвидом Моулзом сотрудничал в подготовке проекта «Лучшие приключенческие истории о дирижаблях») («All-Star Zeppelin Adventure Stories»), а также выступил составителем сборника «TEL: Рассказы» («TEL: Stories»). В последние годы вышла новая антология «Другие земли» («Other Earths»), подготовленная совместно с Ником Геверсом, новые романы «Зеленая» («Green»), «Безумие цветов» («The Madness of Flowers»), «Шестерня» («Pinion») и две повести, «Гибель космического корабля» («Death of a Starship») и «Особая тяжесть горя» («The Specific Gravity of Grief»). В 2004 году Лейк получил премию Джона Кэмпбелла как лучший молодой писатель. Он живет в Портленде, штат Орегон[23].

В этом рассказе автор демонстрирует нам язвительный взгляд из очень далекого будущего на конечные судьбы человечества, отделенного от нашего времени тысячами, если не миллионами лет.

Меня зовут Пес-Копатель. Я не могучий и не страшный. Если вам нужен головорез, так в крысиных дырах любого захудалого городишки в этом состарившемся мире полно мускулистых парней. Если вы желаете мага, идите по следу рассыпанного толченого кремния и волчьей крови в их мрачные темные логова. Ученых можно отыскать в библиотеках, тайконавтов – в стартовых бункерах и в цехах по производству ракет, жрецов – в глубинах ребристых соборов, среди мерцания сальных ламп.

Я занимаюсь тем, что копаю. Раскапываю трупы, сокровища, изъеденные ржавчиной обломки истории, ради исключительного удовольствия убрать неубираемое и посмотреть, что там гниет

под ним. Вы можете нанять меня на полдня, или на месяц, или хоть на весь год. Мне все равно.

Что до вас, я знаю, чего вы хотите. Вы хотите историю.

О, вы говорите, что жаждете узнать правду, но на самом деле правды не желает никто и никогда. А истории – это важнейшее из всего, ради чего я копаю. Важнее даже, чем закованные в стальные кандалы бедренные кости дейнотерия, выращенного в Виридианской Республике, которые я могу показать вам на огромном некрополе под Горами За Каменной Дверью. Ценнее, чем золотая проволока, которую горстями можно вытаскивать из мыслящих голов, что выстроились перед Сумаэнскими Пещерами, а они вопят, и их глаза вспыхивают и гаснут.

Любой, у кого есть хоть капля таланта и подходящий набор гадальных костей, может предсказывать будущее. Каждый день вспухшая запись о нем тянется через утреннее небо. Но провидеть прошлое – совсем другая штука.

Говорят, смерть – это дверь, которая никогда не открывалась дважды. Во всяком случае пока. Первым результатом такого знания обычно бывает печаль, впрочем, как и последним.

Умирают люди. Города. Нации. В свое время умрет и само Солнце, оно уже становится все краснее и жирнее, отвратительный толстяк, пылающий среди лета на горизонте. Когда утренняя звезда распахнет нам свои объятия, все могилы будут гореть в огне, но пока под рыхлой землей человеческие кости лежат поверх более древних костей.

То же и с городами. Все наши жилища выстроены на месте других жилищ. Человек может копать все глубже, пока жар самой земли не начнет подниматься со дна шахты, и там все так же будут этажи, и улицы, и деревянные рамы, прильнувшие к древним камням.

Вы знаете, что первая женщина, приветствовавшая утро, накануне легла спать обезьяной. Некий ангел перемешал ее сны длинной ложкой Бога, и на следующий день она помнила прошлое. Прошлое было тогда юным, меньше тридцати часов от роду.

Женщина спарилась с обезьяной, еще не знавшей, что она – мужчина, потом родила волосатое дитя, знающее, что оно тоже женщина, и началась история мира. Та женщина тоже умерла, легла в землю и засыпала себя грязью, превратившейся в камень.

Если я стану копать достаточно глубоко, в один прекрасный день я найду нашу общую праматерь. Но история, за которой вы пришли, она про другие времена, когда я докопался только до порога смерти.

В двадцать седьмом часу дня ко мне заявился экзоген. Мой

посетитель был длиннее, чем багор, с кожей полупрозрачной, будто слизь. И все же он был сделан по человеческой схеме, с двумя руками, двумя ногами и блестящей шишковидной выпуклостью наверху. Узлы и петли его кишок просвечивали сквозь блестящую, гладкую, лоснящуюся кожу. Его запаховая карта была странной, к ожидаемой истории про звездные корабли и замедление времени примешивались запахи специй и пота, так могло бы пахнуть от пьяного каменобойца. Опасный тип. Но они всегда были такими. Безопасные оставались дома.

– Копатель, – произнес экзоген. Существо пользовалось синтезатором голоса, созданным, должно быть, еще на заре технологий. Поверьте, уж я-то знаю.

Я не из тех, кто судит человека по внешности. Видит Метатрон, я уже досыта насудился. И все же я с осторожностью отношусь к тем, кто является слишком уж издалека, потому что человеку вдали от дома нет нужды мучиться угрызениями совести.

– Да, это я и есть.

В потрохах у экзогена на миг что-то вспыхнуло тусклым мертвенно-голубым светом.

– Компенсация.

Один из тех типов. С этим я могу справиться. Это как говорить с Таурианцем. Весь синтаксис засунут в сверхограниченную совокупность морфем. Все равно что играть в игру с двумя сотнями вопросов.

– Компенсация по какой причине?

– Поиск.

– Именно этим я и занимаюсь. Ищу. Раскапываю. Что вы ищете?

– Смерть.

Это надо было хорошенько обдумать. Я не рассчитывал, что экзоген проделал весь этот путь среди звезд через Темные Глубины, чтобы именно я вырыл ему могилу. Не то чтобы я в свое время вовсе не копал могил – было дело разок-другой. Обычно никто не расходует на это энергию, разве что этот экзоген дал зарок заявиться сюда, на Землю, просто для того, чтобы закопаться здесь в могилу.

– Чью-нибудь конкретную смерть?

– Смерть. – Мой посетитель помигал разноцветными огнями, потом подрегулировал свой синтезатор. – Танатос.

– О, смерть сама по себе. – Я поразмыслил. – Вам, должно быть, известно, что смерть на самом деле найти невозможно. Персонификация мифологического образа не оставляет для меня своих визитных карточек, показывающих, где копать. Существует

энтропийное затухание, но об этом свидетельствует абсолютно все.

По опыту я знал, что экзогену понадобится какое-то время, чтобы из моего свободного потока лексем составить имеющие смысл морфемы, подходящие для его разума. Я работал со своим солнечным алтарем, когда гость отыскал меня среди дюн из ржавых болтов, где я устроил свой дом. Так что я вернулся к своему занятию, уверенный, что мой посетитель снова заговорит, когда будет готов.

Экзогены функционируют по собственному времени. Некоторые носятся так быстро, что могут прожить стандартный год за несколько часов, другие передвигаются настолько медленно, что способны разговаривать с камнями и считать деревья быстрорастущими сорняками. Придет время, и этот тип ответит.

Два дня спустя он так и сделал.

– Секреты, – сказал экзоген, будто никакого времени вовсе и не прошло.

– Вы хотите, чтобы я искал секреты смерти? – Я рассмеялся. – У смерти нет секретов. Она находит всех нас. Смерть – наименее секретная штука во вселенной. Я могу вскрыть любую могилу и показать вам.

Путешественник провел рукой по своему полупрозрачному переду, породив множество крохотных разноцветных вспышек.

– Бессмертие. – Синтезатор как-то ухитрился произнести это задумчиво.

Я подхватил ритуальный топор из Второго Архейского Междуцарствия и провел пальцем от когтистой верхушки вдоль острия.

– Совсем несложно позаботиться о том, чтобы умирание было простым. Жить – вот это трудно.

Какой-то отвратительный миг я гадал, не собирается ли экзоген втянуть голову и подставить мне свою пульсирующую шею. Но он просто таращился на меня. Я думал, что он соскользнул обратно в замедленное время, пока существо не заговорило снова.

– Дверь.

– Дверь.

Дверь к смерти? Это была фигура речи, древняя, как архитектура. Должно быть, этот экзоген имел в виду что-то более буквальное.

– Дверь. – На этот раз интонация синтезатора подразумевала эмфатическое умозаключение.

Экзоген отключился, погружаясь в тишину, переносящую его

через границу между жизнью и искусством. Ощущение света и жизни, окутывавшее его, словно желтый туман – серное озеро, исчезло.

Я обзавелся собственной статуей. Ходящей, говорящей, вероятно мыслящей, и уж точно фантастически богатой.

Для пробы я ткнул его кончиком ахейского топора в грудь. Примерно туда, где у человеческого подобия должна быть грудина. Это было все равно что тыкать в камень. Кожа экзогена не поддавалась, а ощущение тяжести сделалось прямо-таки всемирным.

Дверь. Что, барочные круги ада Ренессанса на Мбази его побери, он имел в виду?

Вы прекрасно знаете, что, хотя Земля умирает, она никоим образом не мертва. Даже труп под пологом леса не мертв. Кишечная флора расцветает в безумии внезапной, смертельной весны. Муравьи кишат в огромной куче распадающегося протеина. Терпеливые жуки ждут, чтобы отполировать кости до блеска, пока они не станут похожи на маленькие кусочки погибшей! Луны, вросшие в землю.

Так обстоит дело в этом мире. По покрою вашего костюма я могу сказать, что вы из другого мира, но по его качеству вижу, что вы не летели сюда через Темные Глубины. Терпеливый человек с неограниченным запасом воздуха и тысячелетним богатством может прогуляться отсюда до проксимы Центавра, перепрыгивая от станции к станции, но землянин, планирующий перемещаться между звездами таким способом, что это путешествие сравнимо со средней продолжительностью человеческой жизни, очень, очень богат. А вы явно землянин по происхождению и явно не настолько богаты, судя по вашей обуви.

Прошу прощения. Я обидел вас? Терпите; когда разроешь могилы множества поколений, выясняется, что твое чувство такта куда-то испарилось вместе с прочими обломками времени. Я беден, беден как церковная мышь, потому и не вижу ничего зазорного в чьей-то бедности.

Кроме того, эта история, которую я рассказываю, может однажды спасти вам жизнь. Безусловно, это стоит пары-другой непреднамеренных обид. Не то чтобы я замышлял снова вас обидеть, можете не сомневаться, но Пес-Копатель славится своей прямотой, как и весь наш род, хотя и не создан по человеческой схеме.

Вот мы, скопище смертельно раненных существ на смертельно раненной планете, но мы еще живы. И не важно, какое место мы занимаем в обществе. Я скорее жук, полирующий кости мира, чем блестящий исследователь начала всех

цивилизаций, и все же я дышу – образно говоря, разумеется.

И вот мне пришло в голову поискать смысл в просьбе экзогена. По прошествии месяца кожа его остыла до цвета холодного железа, и никто не поверил бы, что он живой. Он стоял, словно памятник на собственной могиле, слепо уставившись туда, где увидел меня в ту ночь.

По крайней мере, теперь я понимал, как он пробрался между звездами. Экзогену ничего не требовалось для поддержания жизни, он был невосприимчив к скуке. Не столько неумерший, сколько неживой.

Я пошел к своему другу, отцу Ноструму. Очень близкое подобие человека, каких в эти ужасающе поздние времена среди нас было так мало, отец Нострум жил в соборе, собственноручно выстроенном из склеенных обломков, подаренных и откровенно украденных. Он собирал его по кусочкам, при помощи жезла из пустотелого металла из Империи, Жеррин, обернутого шкуркой соболя. Не раз и не два я выкапывал и приносил ему большущие, широкие куски с балками, вытолкнутые какой-то неведомой святой силой из сырой, с примесью ржавчины, земли.

Генетика этого жезла, заложенная в его кожаной рукояти, была гораздо ценнее всего, накопленного отцом Нострумом на этой земле, но он, как жрец, был выше того, чтобы думать о подобных вещах. Ну, или так он говорил себе, мне и всем остальным, согласным слушать.

В тот день я попросил его оказать мне ответную любезность.

– Отец, – сказал я.

Тогда пришла пора для моего третьего тела, обычно более удобного для тех, с кем я разговаривал. Не то чтобы это особо волновало экзогена или, по правде говоря, даже отца Нострума.

Он улыбнулся, сверкая своими одеждами из роскошного винила, отделанного ослиным мехом.

– Копатель… сын мой. Добро пожаловать.

Мы встретились во Втором Алтаре его собора, комнате с круглыми стенами и линией потолка, точнее всего описываемой графиком гиперболы. Защитная оболочка какого-то древнего космического корабля, она и выглядела соответствующе. На стенах было десять тысяч четыреста тридцать два углубления – не могу не сосчитать такие вещи с одного взгляда, – и в каждом находилось по маленькой масляной лампе, сделанной из какого-то старого изоляционного материала, или резервуара, или чего-то другого электромеханического. Все они горели, что указывало на какие-то характеристики особенно замедленного сгорания. Запаховая карта помещения вполне подтверждала это.

– Я хотел бы кое-что у вас спросить, отец Нострум. Не могу

сказать только, воспоминание это, прорицание или же поиск по ключевому слову в глубоких слоях данных.

Потоки информации текут на этой земле повсюду. Она закодирована в каждой песчинке, в движениях кувыркающихся плеяд микроспутников и космического хлама у нас над головами, в каждой развилке на ветвях деревьев. Нужно только знать, как добраться до этой информации, как запросить ее и извлечь нечто полезное. Вот почему миром правят жрецы – молитва и жертвоприношение активируют линии связи, закрытые для большинства почти все время.

– Я охотно сделаю это для тебя, – сказал отец Нострум. – Но сначала ты должен чем-нибудь нарисовать у меня на ладони крест, чтобы завершить наш уговор и поместить себя под защиту моего жреческого знака.

Это я тоже знал и принес с собой пригоршню толченого клыка какого-то животного из засыпанной песком морской пещеры, обнаруженной недавно под пустыней Хайюк. Порошок окутал раскрытую ладонь отца Нострума, наподобие легкого тумана. Отец Нострум сжал руку и скривился. Я знал, что такую кожу, как у него, толченый клык будет ранить, жечь, резать. Когда он разжал кулак, произошло обычное маленькое чудо. На окровавленной ладони лежал зуб, целый, с четырьмя изогнутыми корнями.

– Хорошее подношение, Копатель, – сказал жрец и улыбнулся. – И конечно, я давно в долгу перед тобой. Так что говори прямо и расскажи мне, что ты ищешь.

Я закрыл на миг глаза и всей кожей впитал тепло от десяти тысяч маленьких ламп. Формулировка этого вопроса сильно занимала меня все последнее время, и я старательно пытался выбрать лучшую. И все же, что бы я ни сказал, это будет неверно. Очевидно, что единственный вариант – воспользоваться моментом и довериться своей дружбе с этим старым жрецом.

– Есть клиент. Трудный. Он поручил мне найти дверь к смерти. Я хотел бы знать, была ли когда-нибудь такая штука за пределами скользких стен метафоры. Если да, то где я мог бы отыскать эту дверь или же доказательства ее существования в прошлом?

– Дверь к смерти.

Жрец уставился на гиперболический потолок, следуя взглядом за нисходящим изгибом в черную бесконечность.

– Я буду прорицать, – пробормотал отец Нострум.

Воздух вокруг него завихрился, пылинки кружились над запрокинутым лицом, будто ласточки около вентиляционной трубы склепа. Глаза закатывались все глубже, пока под веками не

осталось ничего, кроме блестящей серебристой полоски. Один за другим огоньки в нишах на стене начали тускнеть, превращаясь в крохотные гвоздики, по мере того как жрец вытягивал из них энергию по ведомой лишь ему одному схеме.

Я устроился наблюдать. Алмазная пыль тысячи тысяч лет нанотехнологий означала, что мир способен описать себя, если только, подобно опытному жрецу, знать, как задавать вопросы.

Итак, он провидел. Пламя унесло отца Ностурма прочь на волне информации, палимпсест последовательных и фрактальных функциональных языков, протоколов, квитирований, гештальт-полей и куда более странных, более любопытных тупиков инженерного искусства. Мне было известно, что существовали некогда системы, которые хранили данные в вероятностных матрицах из квантовой пены, извлекая их снова за доли фемтосекунд, когда динамика слежения сводила информационное поле к нулю. Я знал, что когда-то были и информационные системы, полагавшиеся для передачи данных на гибель деревьев, с битовой скоростью столь низкой, что ее можно было измерять в пакетах за столетие.

Отец Ностурм имел доступ к любой из них. По крайней мере, в лучшие свои дни. Каждая маленькая лампа являлась каналом доступа к какому-нибудь мертвому языку, к одряхлевшему протоколу, к некой методологии, когда-то столь полно владевшей миром, что следы ее сохранились в ноосфере.

Один за другим десять тысяч четыреста тридцать два огня угасли. Мы медленно пробирались в сумерках, прежде чем погрузиться в полную темноту. Сам я не измеряю время на человеческий манер, поэтому голод, позывы к мочеиспусканию, физическая усталость и тому подобное не имеют обыкновения чересчур сильно влиять на мой ситуационный опыт, но отец Ностурм ощущал все это и многое другое, пока леденяще-темная кровь не потекла у него из носа и ушей, а последние лампы не погасли, оставив нас двоих в роскошной темноте, где А я различал лишь дыхание жреца и внезапное изменение запаховой карты его тела в сторону дальнейшего одряхления.

Наконец он снова вернулся ко мне.

– Итак, – отец Ностурм подбирал слова необычайно тщательно, – ничего не попадалось дольше, чем мне бы хотелось.

– Вы хорошо искали, отец, – вежливо сказал я.

– Не думаю, что когда-нибудь стану так хорошо искать снова. Здоровье дороже.

– Боги непременно охранят вас.

– Боги! – он фыркнул. – Я жрец. Какое отношение мои труды имеют к богам?

– Не могу сказать, отец.

После этого я ждал, когда он снова ухватит нить своих мыслей. Наконец отец Ностру м заговорил:

– В эпоху Виридианской Республики было одно движение. Религиозное, научное, культурное.

Последовала долгая пауза, но ответа, похоже, не требовалось, поэтому я промолчат. Он собрался с мыслями и продолжил:

– Они называли себя Lux Transitum – Жизнь Преходящая. Участники движения верили, будто жизнь волнообразна. Пока ваша волна не угаснет, жизнь продолжается. Смерть рассматривалась не как биологический процесс, но как несчастный случай в рамках некой очень специфической физики.

– Жизнь – это… жизнь, – ответил я. – Антиэнтропическая организация химических или электромеханических систем, будучи оставленной без присмотра, имеющая тенденцию распространяться на компьютеры, людей, космические корабли, каракатиц и вообще все что угодно.

Зажигая свечу, извлеченную из внутреннего кармана винилового одеяния, отец Ностру м покачал головой.

– В зависимости от случая. Я лишь передаю то, что мне сказали. Я в это не верю. Скорее спорю с мертвецами, чем противоречу ноосфере.

– Абсолютно мудрая политика.

– По меньшей мере для тех из нас, кто создан по человеческому подобию.

Он опять попытался усмехнуться, но на этот раз ему не удалось. Снова повисло молчание, словно теперь отец Ностру м твердо решил разбить свой рассказ на коротенькие части, перемежая его долгими паузами.

Наконец я снова вступил в разговор.

– У Жизни Преходящей была лаборатория или храм? Некое место, куда они адресовали свои неугасшие волны?

– Мм? – Отец Ностру м взглянул на меня так, словно видел впервые. – О да.

– Отец, – я придал своему голосу оттенок бесконечного терпения, что у этого тела получалось действительно здорово, – где я могу найти это их священное место?

От этого вопроса он, кажется, проснулся.

– Сколько ты уже живешь, Копатель?

– Я?

Я умолк и прикинул.

– По меньшей мере семь тысяч триста тринадцать лет, по самому традиционному счету. Считая от последнего холодного перезапуска моих когнитивных процессов.

– А я сколько прожил?

– Не знаю наверняка, – ответил я, – но мы встретились вскоре после нападения Андромахуса. А оно было через четыре тысячи четыреста два года после второго четверга следующего месяца.

– Ты не подобие человека, но я – да. – Он склонился ближе, почти касаясь меня. – Как ты думаешь, людям нужны престарелые жрецы, которым больше четырех тысяч лет от роду? Когда ты в последний раз видел ребенка?

Я попытался вспомнить, когда видел молодняк какого угодно вида. Не только человеческий.

– Наверняка люди должны где-то размножаться.

– Конечно, – согласился отец Нострум. – Но похоже, не здесь, не на Земле.

– Сам бы я не обратил на это внимания, – сказал я. – Но вы, должно быть, заметили это как-то попутно.

– Знаешь, – рассеянно ответил жрец, – дни исполнены почти бесконечного красного света. Всегда есть чем заняться. Так мачо людей путешествует по миру…

– Мыслеблок, – сочувственно заметил я.

Он, казалось, был потрясен.

– Перед всей человеческой расой?

– Какой человеческой расой?

Мы вышли наружу, под лучи умирающего Солнца, и еще долго спорили, имел ли Lux Transitum право на существование и что стадо с этими людьми. А больше всего о том, нужно ли пробуждать их.

Вы теперь гадаете, верно? Давно ли все это случилось? Что сделал Пес-Копатель потом? Разбудил ли я экзогена и что сказал ему, разбудив?

Оглянитесь вокруг. Что вы видите? Все то же тихое место. Вон та линия холмов вдали – это линейный город эры Витализма. Четверть миллиона лет дождя и три крупных извержения к западу отсюда похоронили его, не осталось ничего, кроме невысоких холмов, поросших кустарником. Пока не начнешь копать.

Теперь взгляните под ноги. Красный песок, пачкающий вашу обувь, – это ржавчина, скопившаяся с тех времен, когда тератонны астероидного железа были доставлены сюда Вольфрамовым Союзом, чтобы заключить мир в непроницаемую металлическую оболочку.

Чувствуете, как воздух щекочет ваше горло при дыхании? Вы пришли бы в ужас, узнав, сколько вычислительной силы поступает в ваши легкие и какой процент ее проникает через альвеолы в вашу кровь. Именно поэтому доступ на эту проклятую планету так строго ограничен.

Так что мы живем здесь в своих захудалых городках, и в соборах, и в лачугах, и в пещерах, и в подземных дворцах, и ничего никогда не меняется. Это и есть тот великий секрет, который искал экзоген. Вы можете выйти за пределы смерти, но только через застой. Смысл и цель жизни человека – смерть. В противном случае вы – это мы, роющиеся на руинах, миллион лет лежащих в забытьи.

И теперь вы – это тоже мы. Проверьте свой корабль. Могу вам обещать, что в этой жизни он больше не взлетит. Мое четвертое и шестое тела уже сняли с него двигатели и панели управления. Вы тоже будете жить вечно, друзья мои. увязнув в той же истории, что и все мы.

Экзоген?

Со временем он проснется. Мы оставили его спать. Он уже нашел ответ. Ему теперь не надо рыть норы под кроваво-красным небом, зарабатывая свой завтрашний день.

Меня зовут Пес-Копатель. Я не могучий и совсем не страшный. Но я – все то, что вы теперь будете знать.

А может, это просто история, как вы и просили. Под багровым светом умирающего Солнца есть ли подлинная разница между вымыслом и правдой?

Добро пожаловать на мою Землю.

ПИТЕР УОТТС
ОСТРОВ

Питер Уоттс называет себя «исправившимся морским биологом». Он быстро завоевал репутацию одного из самых уважаемых авторов твердой НФ XXI столетия. Его малая проза публиковалась в «Tesseracts», «The Solaris Book of Science Fiction», «On Spec», «Divine Realms», «Prairie Fire» и другой периодике. Перу Уоттса принадлежит получивший высокую оценку цикл «Рифтеры» («Rifters»), состоящий из романов «Морские звезды» («Starfish»), «Водоворот» («Maelstrom») и «Бетагемот» («Behemoth: B-Max», «Behemoth: Seppuku»). Рассказы писателя представлены в сборнике «Десять обезьян, десять минут» («Ten Monkeys, Ten Minutes»). Его роман «Ложная слепота» («Blindsight») признан одним из лучших произведений твердой НФ десятилетия. Уоттс живет в Канаде, в Торонто.

В этом мощном и новаторском рассказе автор описывает команду корабля, вынужденную работать вечно, несмотря на то что ее члены уже не уверены, на кого работают и для чего. И вот они натыкаются на объект, совершенно непохожий на все, что даже им доводилось видеть прежде.

Вы послали нас сюда. Мы делаем это для вас: плетем ваши паутины и строим ваши магические порталы, пронизываем игольное ушко со скоростью шестьдесят тысяч километров в секунду. Мы никогда не останавливаемся, никогда не осмеливаемся даже притормозить – иначе свет вашего прибытия превратит нас в плазму. И все это для того, чтобы вы могли ступать от звезды к звезде, не запачкав ног в этой бесконечной пустоте *между ними.*

И если мы иногда просим поговорить с нами, то неужели это слишком много?

Я знаю об эволюции и инженерии. Знаю, насколько сильно вы изменились. Я видела, как порталы рождают богов, демонов и существ, которых мы даже не можем понять. Мне не верится, что они когда-то были людьми, – наверное, это чужие, катающиеся автостопом по рельсам, которые мы оставляем за собой. Инопланетные завоеватели.

А может быть, разрушители.

Но я также видела, как эти врата остаются темными и пустыми, пока не исчезнут из вида позади. Мы строили догадки о вымирании и темных веках, о цивилизациях, сожженных дотла, и о других, восстающих из пепла. А иногда, позднее, выходящие из

порталов напоминают корабли, которые могли бы построить мы – в свое время. Они переговариваются между собой – радио, лазер, нейтринные лучи, – и их голоса иногда чем-то напоминают наши. Было время, когда мы осмеливались надеяться, что они действительно похожи на нас, что круг вновь замкнулся на существах, с которыми мы можем говорить. Я уже сбилась со счета, сколько раз мы пытались сломать этот лед.

И не могу подсчитать, сколько эпох миновало с тех пор, как мы сдались.

Все эти повторы тают позади нас. Все эти гибриды, послелюди и бессмертные, боги и впавшие в оцепенение пещерные жители, запертые в магических и непостижимых для них «колесницах»… сколько их было? И никто из них ни разу не направил коммуникационный лазер в нашу сторону, чтобы сказать: «Привет, как дела?», или «Знаете, а мы победили дамасскую болезнь!», или хотя бы «Спасибо, ребята, делайте и дальше ваше нужное дело!»

Ведь мы не какой-нибудь долбаный груз. Мы – хребет вашей проклятой империи. Если бы не мы, вас бы здесь вообще не было.

И еще… мы ваши дети. Какими бы вы ни стали, когда-то вы были такими же, как я. Однажды я вам поверила. Было время, очень давно, когда я всей душой поверила в эту миссию. Так почему же вы нас бросили?

Итак, новое строительство началось.

На этот раз, открыв глаза, я обнаружила знакомое лицо, которое никогда прежде не видела: парень немного старше двадцати. Физиономия чуть перекошена – слева скулы более плоские, чем справа. Уши слишком большие. Выглядит почти натуральным.

Я не говорила уже тысячу лет. И голос мой звучит как шепот:

– Ты кто?

Я знаю, что спросить должна не об этом. Любой на «Эриофоре» после пробуждения задает иной первый вопрос.

– Я твой сын, – отвечает он. Вот так дела… Выходит, я – мать.

Мне хочется это обдумать, но парень не дает мне такой возможности:

– По графику тебя не следовало будить, но шимпу понадобились дополнительные руки. На очередной стройке возникла ситуация.

Значит, шимп все еще у руля. Как всегда. Миссия продолжается.

– Ситуация? – переспрашиваю я.

– Возможно, сценарий контакта.

Интересно, когда он был рожден? И думая ли когда-нибудь обо мне – до сегодняшнего дня?

Этого он мне не говорит. Сообщает лишь:

– Впереди звезда. В половине светового года. Шимп думает, что она разговаривает с нами. В любом случае, – мой сын пожимает плечами, – торопиться некуда. Еще куча времени.

Я киваю, но он медлит. Он ждет тот самый Вопрос, но я уже вижу на его лице нечто вроде ответа. Наши помощники должны быть *неиспорченными,* созданными из безупречных генов, укрытых глубоко внутри железно-базальтовой обшивки «Эри», где им не угрожает смертоносный радиационный ливень «фиолетового смещения». И все же у этого парня есть дефекты. Я вижу их на его лице. Вижу, как крошечные пары нуклеотидов в хромосомах резонируют от микроуровня к макроуровню и делают его чуточку неисправным. Выглядит он так, как будто вырос на планете. И как будто его родителей всю жизнь лупил ничем не смягченный солнечный свет.

Насколько же далеко мы уже оказались, если даже наши безупречные строительные блоки настолько поизносились? Сколько времени у нас на это ушло? И как долго я была мертва?

«Как долго?» Это и есть первый вопрос, который задают все.

Но прошло уже столько времени, что я не хочу это знать.

Когда я прихожу на мостик, он одиноко сидит возле объемного тактического дисплея, который мы называем Баком. Глаза у него полны пиктограмм и траекторий. Кажется, я вижу в них и кусочек себя.

– Не расслышала твоего имени, – говорю я, хотя уже заглянула в корабельный манифест. Мы только что впервые увиделись, а я уже лгу.

– Дикс. – Он не сводит глаз с Бака.

Ему больше десяти тысяч лет. Из них он прожил около двадцати. Мне хотелось бы узнать, много ли ему известно, с кем он познакомился за эти жалкие два десятилетия: видел ли он Ишмаэля или Конни? Известно ли ему, удалось Санчесу уладить свой конфликт с бессмертием или нет?

Я хочу знать, но не спрашиваю. Таковы правила.

Оглядываюсь:

– Мы только вдвоем?

Дикс кивает:

– Пока вдвоем. Если понадобится, разбудим еще. Но…

Он замолкает.

– Что?

– Ничего.

Я сажусь рядом с ним возле Бака. Там висят просвечивающие клубы и полосы, похожие на замерзший дым с цветовой кодировкой. Мы на краю облака молекулярной пыли. Оно теплое, полуорганическое, там много разных веществ. Формальдегид, этиленгликоль, обычные пребиотики – строительные блоки для создания сложных органических молекул. Хорошее место для быстрой стройки. В центре Бака тускло светится красный карлик. Шимп назвал его DHF428 по причинам, которые меня давно перестали заботить.

– Рассказывай, что к чему, – говорю я.

Он бросает на меня нетерпеливый, даже раздраженный взгляд:

– И ты тоже?

– Ты о чем?

– Как и другие. На других стройках. Шимп может просто выдать все данные, но они все время хотели говорить.

Черт, его линк все еще активен. Он *подключен.*

Я выдавливаю улыбку:

– Просто культурная традиция, наверное. Мы о многом говорим, это нам помогает… снова воссоединиться. После таких длительных отключений.

– Но это же так медленно, – жалуется Дикс.

Он не знает. Почему он не знает?

– У нас еще половина светового года, – напоминаю я. – Мы куда-то торопимся?

Уголок его рта дергается.

– Фоны вылетели по графику. – После его команды в Баке возникает сгусток фиолетовых искорок, они в пяти триллионах километров перед нами. – По большей части все еще сосут пыль, но им повезло: нашли пару больших астероидов, и перерабатывающие установки рано запустились. Первые компоненты уже выделены. Но потом шимп заметил эти флуктуации солнечного излучения, в основном в инфракрасной области, но на границе видимого спектра. – Картинка в Баке мигает: пошла ускоренная запись изображения звезды.

И точно, она мигает.

– По-моему, интервалы между вспышками не случайные.

Дикс чуть наклонил голову, не совсем кивнув.

– Выведи динамику во времени. – Я так и не смогла избавиться от привычки слегка повышать голос, обращаясь к шимпу. Искин послушно (вот что самое смешное) убрал космический ландшафт и заменил его на

….. . . . . .

– Повторяющаяся последовательность, – сообщил Дикс. –

Яркость самих вспышек не меняется, но интервалы между ними возрастают в логарифмической зависимости, с циклом в девяносто две и шесть десятых секунды. Каждый цикл начинается при тринадцати и двух десятых километра в секунду и со временем деградирует.

– А нет ли вероятности, что это природное явление? Маленькая черная дыра, болтающаяся возле центра звезды… или что-то в этом роде?

Дикс как-то нелепо тряхнул головой, изобразив отрицание:

– Но сигнал слишком прост, чтобы содержать много информации. На реальный диалог не похоже. Скорее… на крик.

Отчасти он прав. Много информации там быть не может, но ее достаточно. Например: мы умные. Мы достаточно могучие, чтобы управлять яркостью целой чертовой звезды.

Возможно, здесь все же не очень удачное место для строительства.

Я поджимаю губы.

– Звезда подает нам сигнал. Ты это хотел сказать.

– Может быть. Подает сигнал кому-то. Но он слишком простой для «розеттского» сигнала. Это не сжатый архив, он не может сам себя распаковать. Это не последовательность чисел Бонферрони или Фибоначчи, не число пи. И даже не таблица умножения. Не за что зацепиться.

Но все же это разумный сигнал.

– Нужно больше информации, – говорит Дикс, проявив себя повелителем ослепительно очевидного.

– Фоны, – киваю я.

– Э-э… при чем тут они?

– Мы расположим их в виде массива. Используем много плохих глаз для имитации одного хорошего. Это быстрее, чем запустить туда обсерваторию на большой скорости или изготовить ее на месте.

Его глаза расширяются. На мгновение он выглядит почти напуганным, непонятно почему. Но этот момент проходит, и он снова делает нелепое движение головой:

– Это отвлечет слишком много ресурсов от строительства, так ведь?

– Отвлечет, – соглашается шимп.

Мне хочется фыркнуть, но я сдерживаюсь.

– Если тебя настолько заботит соответствие контрольным точкам нашей стройки, шимп, то оцени потенциальную угрозу, создаваемую неизвестным разумом, достаточно могущественным, чтобы контролировать энергетическую отдачу целой звезды.

– Не могу, – признает он. – У меня недостаточно

информации.

– У тебя вообще нет информации. О чем-то таком, что может при желании остановить всю нашу миссию. Так что, может быть, тебе следовало бы что-то разузнать.

– Хорошо. Фоны перепрограммированы.

Подтверждение высвечивается на переборке – сложная последовательность танцевальных инструкций, которую «Эри» только что выстрелил в пустоту. Через шесть месяцев сотни фонов – самовоспроизводящихся роботов – станцуют вальс и выстроятся в импровизированную наблюдательную решетку. Еще через четыре месяца у нас может появиться для обсуждения нечто более веское, чем вакуум.

Дикс смотрит на меня так, словно я только что произнесла магическое заклинание.

– Шимп может управлять кораблем, – говорю я ему, – но он до омерзения тупой. Иногда нужно просто сказать ему, что делать.

Он выглядит слегка обиженным, но под обидой безошибочно угадывается дивление. Он этого не знает. Он *не знает*.

Кто, черт побери, растил его все это время? И чья это проблема? Не моя.

– Разбуди меня через десять месяцев, – говорю я.

Он словно никуда не уходил. Я снова прихожу на мостик, а он уже там, смотрит на тактический дисплей. DHF428 заполняет Бак – разбухший красный глаз, который превращает лицо моего сына в маску дьявола.

Он бросает на меня краткий взгляд. Глаза расширены, пальцы подергиваются, словно через них пропускают ток.

– Фоны ее не видят.

Я еще не совсем отошла после сна.

– Не видят чего?

– Последовательности! – Голос у него на грани паники. Он покачивается вперед-назад, перемещает вес с ноги на ногу.

– Покажи.

Дисплей разделяется пополам. Теперь передо мной светятся два клонированных красных карлика, размером с оба моих кулака каждый. Слева он такой, каким его видит «Эри»: DHF428 по-прежнему мигает, как он это делал (предположительно) все последние десять месяцев. Справа – композитное изображение, переданное составным глазом: интерферометрическая решетка, построенная из множества точно расположенных фонов, все их рудиментарные глаза теперь распределены слоями и совместно выдают картинку, близкую к высокому разрешению. С обеих

сторон контраст усилен так, чтобы бесконечное подмигивание красного карлика стало видно невооруженному человеческому глазу.

Но только подмигивание видно лишь в левой части дисплея. Справа звезда светится ровно, как свечка.

– Шимп, возможно ли, что чувствительности решетки недостаточно, чтобы увидеть эти флуктуации?

– Нет.

– Хм-м… – Я стараюсь представить какую-нибудь причину, из-за которой шимп мог солгать.

– Какая-то бессмыслица, – жалуется сын.

– Смысл есть, – бормочу я, – если мигает не звезда.

– Но она мигает… Ты же это видишь… погоди, ты хочешь сказать, что есть нечто позади фонов? Между… между ними и нами?

– Угу.

– Какой-то фильтр. – Дикс немного успокаивается. – Но разве мы его не увидели бы? Разве фоны не наткнулись бы на него, следуя к звезде?

Я перехожу на командный голос, каким общаюсь с шимпом:

– Какое сейчас поле зрения у курсового телескопа «Эри»?

– Восемнадцать микроградусов, – отвечает шимп. – При текущем расстоянии до звезды поперечник конуса составляет три и тридцать четыре сотые световой секунды.

– Увеличь до ста световых секунд.

Изображение разбухает, уничтожая прежнее, разделенное на две части. На мгновение звезда снова заполняет Бак, окрашивая все на мостике в темно-красные тона. Затем съеживается, точно съедаемая изнутри.

Я замечаю какую-то нечеткость картинки.

– Можешь убрать этот шум?

– Это не шум, – сообщает шимп. – Это пыль и молекулярный газ.

Я удивленно моргаю.

– Какая у него плотность?

– Сто тысяч атомов на кубометр. На два порядка больше туманности.

– Почему он такой плотный? – Мы наверняка заметили бы любое небесное тело, достаточно массивное, чтобы удерживать возле себя столько материала.

– Не знаю, – признается шимп.

У меня возникает тошнотворное ощущение, что мне известен ответ.

– Настрой поле зрения на пятьсот световых секунд. Повысь

усиление условных цветов в ближней инфракрасной области.

Космос в Баке становится зловеще темным. Крошечное солнце в центре, теперь размером с ноготь, сияет с возросшей яркостью: раскаленная жемчужина в мутной воде.

– Тысяча световых секунд, – командую я.

– Вот оно, – шепчет Дикс.

Края Бака теперь вновь по праву занимает дальний космос: темный, чистый, первозданный. DHF428 располагается в центре тусклой сфероидной завесы. На такие иногда натыкаешься – это ненужные ошметки звезды-спутника, чьи конвульсии извергают газы и излучение на световые годы. Но 428 – не останки новой звезды. Это красный карлик, безмятежный и мирный, звезда среднего возраста. Ничем не примечательная.

Если не считать того факта, что она сидит точно в центре разреженного газового пузыря диаметром в одну и четыре десятые астрономической единицы, то есть двести десять миллионов километров. И того, что этот пузырь постепенно не рассеялся, не растаял в космической ночи. Нет, если отбросить вероятность серьезной неисправности дисплея, то получается, что эта небольшая сферическая туманность расширилась от центра до диаметра примерно в триста пятьдесят световых секунд, а затем просто остановилась, и границы ее намного более четкие, чем на то имеет право природное явление.

Впервые за тысячу лет я жалею, что не подключена к компьютеру нейронных шунтом. У меня уходит целая вечность, чтобы набрать движениями глаз параметры поиска на клавиатуре в голове и получить ответы, которые мне уже известны.

Компьютер выдает цифры.

– Шимп, повысь яркость условных цветов для волн триста тридцать пять, пятьсот и восемьсот нанометров.

Ореол вокруг 428 вспыхивает, как крылышко стрекозы на солнце. Как радужный мыльный пузырь.

– Оно прекрасно, – шепчет мой пораженный сын.

– Оно способно к фотосинтезу, – сообщаю я.

Судя по спектру, феофитин и эумеланин[24]. Есть даже следы какой-то разновидности пигмента Кейпера на основе свинца, поглощающего рентгеновское излучение в пикометровом диапазоне. Шимп выдвинул гипотезу «хроматофора»: ветвящихся клеток с маленькими гранулами пигмента внутри, как с частичками угольной пыли. Если сгруппировать эти частички, то клетка фактически будет прозрачной, а если распределить их по цитоплазме, то вся структура потемнеет, станет ослаблять электромагнитное излучение, проходящее сквозь нее сзади.

Очевидно, на Земле были животные с такими клетками. Они могли менять окраску, сливаться с окружающим фоном и так далее.

– Значит, вокруг этой звезды есть мембрана… или живая ткань, – говорю я, пытаясь усвоить новую концепцию. – Мясной пузырь. Вокруг целой чертовой звезды.

– Да, – соглашается шимп.

– Но это же… Господи, какая же у него должна быть толщина?

– Не более двух миллиметров. Вероятно, меньше.

– Почему?

– Если бы он был намного толще, то стал бы заметнее в видимом спектре. И «фон Нейманы» [25] обнаружили бы его, когда наткнулись.

– Но при условии, что эти… клетки, я полагаю… подобны нашим.

– Пигменты такие же, остальное тоже может быть похожим.

Но не слишком похожим. Никакой обычный ген в такой среде не продержится и двух секунд. Не говоря уже о каком-то чудесном растворителе, который эта штуковина должна использовать в роли антифриза…

– Ладно, тогда давайте будем консервативны. Допустим, средняя толщина – миллиметр. Плотность примем равной плотности воды. Какова масса пузыря?

– Одна целая четыре десятые йотаграмма, – почти в унисон отвечают Дикс и шимп.

– Это будет… э-э…

– Половина массы Меркурия, – охотно подсказывает шимп.

Я присвистываю.

– И это один организм?

– Пока не знаю.

– У него есть органические пигменты. Он разговаривает, черт побери! Он разумный.

– Большая часть циклических эманаций живых существ есть простые биоритмы, – отмечает шимп. – Это не информативные сигналы.

Я игнорирую его и обращаюсь к Диксу:

– Предположи, что это сигнал.

Он хмурится:

– Шимп говорит…

– Предположи. Пусти в ход воображение.

Достучаться до него не получается. Он какой-то нервный. Я понимаю, что он часто выглядит таким.

– Если кто-то тебе сигналит, – говорю я, – что ты станешь

делать?

– Сигналить… – на лице смущение, и где-то в голове замыкаются контакты, – в ответ?

Мой сын – идиот.

– И если входной сигнал имеет вид систематических изменений яркости света, то как…

– Использовать импульсные лазеры: настроить на попеременную выдачу импульсов с длиной волны семьсот и три тысячи нанометров. Мощность переменного сигнала можно повысить до экзаватт, не подвергая опасности наши радиаторы; после дифракции получится около тысячи ватт на квадратный метр. А это намного превосходит порог обнаружения для любого устройства, способного детектировать тепловое излучение красного карлика. Содержание сигнала не имеет значения. Если это просто крик. Ответный крик. Проверка на эхо.

Ладно, значит, мой сын – идиот, но с гениальностью в узкой области. Но он все еще выглядит унылым.

– Но ведь шимп сказал, что в сигнале нет реальной информации…

Дикс принимает мое молчание за амнезию.

– Он слишком простой, помнишь? Просто цепочка щелчков, – замечает он.

Я качаю головой. В этом сигнале больше информации, чем шимп способен вообразить. Шимп очень многого не знает. И меньше всего я хочу, чтобы этот ребенок начал прислушиваться к его советам, смотреть на него как на равного или, боже упаси, как на ментора.

О, шимп достаточно умен, чтобы доставлять нас от одной звезды к другой. Достаточно много знает, чтобы мгновенно вычислять шестидесятизначные простые числа. И даже способен на грубые импровизации, если экипаж слишком отклонится от поставленных задач.

У него не хватило ума распознать увиденный сигнал бедствия.

– Это кривая торможения, – говорю я им. – Сигнал замедляется. Снова и снова. Это и есть послание.

Стоп. Стоп. Стоп. Стоп.

И я думаю, что оно предназначено только нам.

Мы кричим в ответ. Почему бы и нет? А потом засыпаем снова, потому что какой смысл бодрствовать допоздна? Не важно, обладает ли это огромное существо настоящим разумом, – наш ответ будет лететь к нему десять миллионов секунд. И пройдет еще не менее семи миллионов, пока мы получим какой-либо

отклик, если он сумеет его послать.

На это время вполне можно залечь в склеп. Отключить все желания и дурные предчувствия, сберечь оставшуюся жизнь для реально важных моментов. Отгородиться от этого тактического искусственного интеллекта и от этого щенка с влажными глазами, который смотрит на меня так, как будто я какая-то волшебница и вот-вот исчезну в облачке дыма. Он открывает рот, чтобы заговорить, а я отворачиваюсь и торопливо проваливаюсь в забытье.

Но настраиваю будильник так, чтобы проснуться в одиночестве.

Некоторое время я нежусь в гробу, благодарная за мелкие и древние победы. Мертвый и потемневший глаз шимпа смотрит с потолка; за все эти миллионы лет никто не соскреб с линзы углеродную замазку. Это своего рода трофей, сувенир ранних дней нашей бурной Великой Схватки.

Все еще есть нечто – утешительное, полагаю, – в этом слепом и бесконечном взгляде. Мне не хочется выходить туда, где шимпу не прижгли нервы столь тщательно. Сама знаю, что это по-детски. Проклятая штуковина уже знает, что я проснулась: пусть даже она здесь глухая, слепая и бессильная, но невозможно замаскировать энергию, которую склеп сосет во время оттаивания. И толпа размахивающих дубинками роботов не поджидает меня, чтобы поколотить, как только я выйду. Сейчас у нас эпоха разрядки напряженности, в конце концов. Схватка продолжается, но война стала холодной; теперь мы лишь совершаем привычные действия и бряцаем цепями, наподобие супругов с большим стажем, обреченных ненавидеть друг друга до конца времен.

После всех этих атак и контратак мы поняли истину: мы нужны друг другу.

Поэтому я отмываю волосы от запаха тухлых яиц и выхожу в безмолвные пустые коридоры «Эри». Само собой, враг уже поджидает меня в темноте, включает свет передо мной и выключает позади, но это не нарушает тишины.

Дикс.

Какой-то он странный. Не стоит, конечно, ожидать, что тот, кто родился и вырос на «Эриофоре», будет архетипом ментального здоровья, но Дикс даже не знает, на чьей он стороне. Похоже, он даже не знает, что ему надо выбрать одну из сторон. Впечатление такое, как будто он прочитал исходные документы нашей миссии и воспринял их всерьез, поверил в буквальную истину древних свитков: Млекопитающие и Машины, работающие вместе век за веком и исследующие Вселенную! Объединенные! Сильные! Отодвинем границу неизведанного!

Тьфу!

Кто бы его ни вырастил, они не очень старались. Не могу их за это винить: мало приятного, когда во время очередной стройки под ногами вертится ребенок, к тому же никого из нас не отбирали за родительские таланты. Даже если подгузники меняет робот, а инфозагрузку обеспечивает виртуальная реальность, социализация малыша никому не покажется приятным занятием. Я бы, наверное, просто вышвырнула мелкого ублюдка через шлюз.

Но даже я вырастила бы его иным.

Что-то изменилось, пока меня не было. Может быть, война снова разгорелась, вошла в новую фазу. Этот дергающийся парнишка выпал из круга не просто так. І Інтересно, по какой причине?

А не все ли равно?

Я прихожу в свою каюту, балую себя дармовым обедом – и к черту диету. Через три часа после возвращения к жизни я уже расслабляюсь в кают-компании правого борта.

– Шимп.

– Ты рано проснулась, – произносит он в конце концов.

Это так. Наш ответный крик еще даже не долетел до места назначения. И нет реальных шансов получить новую информацию еще месяца два как минимум.

– Выведи картинку с носовых камер, – приказываю я.

DHF428 подмигивает мне из центра помещения: *стоп, стоп, стоп.*

Может быть. Или, возможно, прав шимп, и это всего лишь чистая физиология. И в этом бесконечном цикле информации не больше, чем в сердечном ритме.

Но все же есть там некая структура внутри структуры, какое-то мерцание в этом подмигивании. Из-за него у меня чешутся мозги.

– Замедли скорость, – приказываю я. – В сто раз.

Это действительно мигание. Диск DHF428 не темнеет равномерно, он *заслоняется.* Как будто по поверхности звезды справа налево проходит огромное веко.

– В тысячу раз.

Шимп назвал их «хроматофоры». Но они открываются и закрываются не все сразу. Затемнение перемещается по мембране волнами. В голове выскакивает термин: «задержка».

– Шимп, эти пигментные волны… С какой скоростью они перемещаются?

– Примерно пятьдесят девять тысяч километров в секунду. Скорость прохождения сигнала по нервам. Скорость мысли.

И если эта штука думает, то у нее есть логические элементы,

синапсы… то она представляет собой какого-то рода сеть. И если она достаточно большая, то в ее центре обретается «эго». Как у меня, как у Дикса. Даже как у шимпа. (Вот почему я занималась самообразованием по этой теме – в ранние бурные дни наших отношений. Знай своего врага, и все такое.)

Хитрость насчет «эго» вот в чем: оно может существовать лишь в пределах одной десятой секунды от всех своих частей. Когда нас размазывают слишком тонко, когда кто-нибудь расщепляет ваш мозг посередине – скажем, перерезает толстую нейронную трубу, и половинкам мозга приходится общаться длинным обходным путем; когда нейронная архитектура расплывается за некую критическую точку, а сигналу на прохождение из точки А в точку Б требуется намного больше времени – то наша система… как бы это назвать… декогерирует. Две половинки вашего мозга становятся разными людьми с разными вкусами, разными целями, разными самоощущениями.

«Я» разбивается на «мы».

И это правило распространяется не только на людей, или на млекопитающих, или на всех живых существ на Земле. Это правило относится к любой схеме, обрабатывающей информацию, и оно столь же применимо к существам, которых нам только предстоит встретить, как и к тем, кого мы уже оставили позади.

Пятьдесят девять тысяч километров в секунду, как сказал шимп. Насколько далеко может переместиться сигнал по такой мембране за десятую долю секунды? Насколько тонко это «я» размазано по небесам?

Плоть огромна, плоть невообразима. Но дух…

Черт!

– Шимп, исходя из средней плотности нейронов в человеческом мозге, рассчитай количество синапсов в сферической пленке нейронов толщиной один миллиметр и диаметром пять тысяч восемьсот девяносто два километра.

– Два, умноженное на десять в двадцать седьмой степени.

Я запрашиваю базу данных, какова проекция разума, растянутого по площади в тридцать миллионов квадратных километров: два квадрильона[26] человеческих мозгов.

Конечно, та материя, которую эта штуковина использует в качестве нейронов, должна быть упакована гораздо менее плотно, чем у нас в головах. Давайте будем сверхконсервативны и предположим, что она обладает лишь одной тысячной вычислительной способности человеческого мозга. Это будет…

Ладно, пусть у нее будет лишь одна десятитысячная от нашей плотности синапсов, и получается…

Одна стотысячная. Это самый жиденький туман из

мыслящего мяса. Если сделать еще меньше, моя гипотеза совсем потеряет право на существование.

Но и при таком допущении все равно получается двадцать миллиардов мозгов.

Двадцать миллиардов.

Даже не знаю, что и подумать. Это не просто инопланетянин.

Но я еще не совсем готова поверить в богов.

Я сворачиваю за угол и натыкаюсь на Дикса, стоящего, наподобие голема, посреди моей гостиной. Я подскакиваю на метр.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Кажется, он удивлен моей реакцией.

– Хотел… поговорить, – отвечает он после паузы.

– Никогда не заходи к кому-либо домой без приглашения!

Он отступает на шаг, бормочет, запинаясь:

– Хотел… хотел…

– Поговорить. И это надо делать в публичном месте. На мостике, или в кают-компании, или… если на то пошло, ты мог со мной просто связаться.

– Но ты сказала, – нерешительно оправдывается он, – что хочешь разговаривать лицом к лицу. Сказала, что это культурная традиция.

Да, говорила. Но только не здесь. Это мой дом, мои личные владения. Отсутствие замков в дверях – это мера безопасности, а не приглашение войти в мой дом, и поджидать меня, и стоять тут, как какая-то мебель…

– И вообще почему ты не спишь? – рявкаю я. – Нам еще два месяца не было смысла просыпаться.

– Попросил шимпа разбудить меня, когда ты проснешься.

Проклятая машина…

– А ты почему не спишь? – спрашивает он, не собираясь уходить.

Я вздыхаю, мысленно признаю свое поражение и изобретаю подходящее оправдание:

– Просто хотела разобраться с предварительными данными. – Подразумеваемое «одна» должно быть очевидным.

– Выяснила что-нибудь?

Очевидно: нет. Я решаю еще немного потянуть время.

– Похоже, мы разговариваем с… назовем его Островом. Диаметром почти шесть тысяч километров. Во всяком случае, такова его мыслящая часть. Окружающая его мембрана почти пуста. То есть все это живое. Оно способно к фотосинтезу или к чему-то подобному. Думаю, оно питается. Только не знаю чем.

– Молекулярное облако, – предполагает Дикс. – Повсюду органические соединения. Кроме того, оно концентрирует вещество внутри оболочки.

Я пожимаю плечами:

– Вообще-то у мозга есть предельный размер, но эта штуковина огромная, и такое…

– Маловероятно, – бормочет он почти себе под нос.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. Мое настроение резко меняется.

– Что ты имеешь в виду?

– Площадь Острова – двадцать восемь миллионов квадратных километров? А площадь всей сферы – семь квинтиллионов. И Остров случайно оказался между нами и звездой, тогда вероятность такого – один к пятидесяти миллиардам.

– Продолжай.

– Э-э… такое просто невероятно.

Я закрываю глаза.

– Как ты можешь быть и настолько умным, чтобы мгновенно делать в голове подобные вычисления, и настолько тупым, чтобы не видеть очевидных выводов?

Опять этот панический взгляд животного на бойне:

– Не видеть… Я не…

– Это действительно невероятно. Астрономически невероятно, что мы случайно увидели единственное разумное пятно на сфере диаметром полторы астрономические единицы. А это значит…

Он молчит. Меня смешит недоумение на его лице. Мне хочется его ударить.

Наконец на нем вспыхивает догадка:

– Значит… там не один Остров! Ого! Там много Островов!

И это существо – член нашей команды. Когда-нибудь от него почти наверняка будет зависеть моя жизнь.

Кстати, страшная мысль. И я стараюсь пока о ней забыть.

– Наверное, там целая популяция таких существ, разбросанных по всей мембране, наподобие цист. Шимп не знает, сколько именно, но мы принимаем сигнал только от одного. Значит, они могут быть далеко друг от друга.

Он снова хмурится, но теперь уже как-то иначе.

– Почему шимп?

– Ты о чем?

– Почему ты называешь его шимп?

– Мы называем его шимп. – Потому что первый шаг, чтобы очеловечить что-то, – дать ему имя.

– Я справлялся. Это сокращение от «шимпанзе». Глупое

животное.

– А по-моему, шимпанзе считались довольно умными, – вспоминаю я.

– Но не такими, как мы. Они даже не умели говорить. А шимп может говорить. И он намного умнее тех животных. Такое имя – оскорбление.

– А тебе-то какое дело?

Он лишь смотрит в ответ. Я развожу руки.

– Ладно, он не шимп. Мы так зовем его, потому что у него примерно такое же количество синапсов.

– Значит, вы дали ему маленький мозг, а потом все время жалуетесь на его тупость?

Мое терпение вот-вот кончится.

– Тебе есть что сказать или ты лишь бессмысленно выделяешь углекислый газ?..

– Почему его не сделали умнее?

– Потому что нельзя предсказать поведение системы более сложной, чем ты сам. И если ты хочешь, чтобы проект остался на рельсах и после того, как тебя не станет, ты не вручишь бразды правления тому, у кого гарантированно появятся собственные планы. – Боже праведный, неужели никто не удосужился рассказать ему о законе Эшби?[27]

– Значит, его подвергли лоботомии, – сказал Дикс, чуть помолчав.

– Нет. Его не сделали тупым. Его создали тупым.

– Может быть, умнее, чем ты думаешь. Ты настолько умнее, у тебя свои планы, так как вышло, что он все еще контролирует ситуацию?

– Не льсти себе, – бросаю я.

– Что?

Я позволяю себе мрачно улыбнуться:

– Ты лишь выполняешь приказы нескольких других систем, намного более сложных, чем ты. – Надо отдать должное и им: хотя они и мертвы уже миллионы лет, эти проклятые админы проекта все еще дергают за веревочки.

– Ничего не понимаю… Я выполняю?..

– Извини, дорогой. – Я мило улыбаюсь своему идиоту-отпрыску. – Я не с тобой разговариваю. А с тварью, которая заставляет все эти звуки исходить из твоего рта.

Дикс становится белее моего нижнего белья. Я отбрасываю притворство:

– Ты что себе вообразил, шимп? Что ты сможешь послать этого щенка вторгнуться в мой дом, а я этого не замечу?

– Нет… это я, – бормочет Дикс. – Это я говорю.

– Он тебя натаскивает. Ты хотя бы знаешь, что такое «лоботомия»? – Я с отвращением встряхиваю головой. – Ты думаешь, я забыла, как работает интерфейс, только потому что мы сожгли свои каналы прямой связи с компьютером? – На его лице начинает возникать карикатура на удивление. – О, даже не пытайся. Ты не спал и во время других строек, поэтому должен это знать. И ты осведомлен, что мы отключили и интерфейсы в своих каютах, иначе не пришел бы шпионить. И твой господин и повелитель ничего не может с этим поделать, потому что нуждается в нас, и поэтому мы достигли состояния, которое можно назвать договоренностью.

Я не кричу. Тон у меня ледяной, но голос ровный. И все же Дикс почти съеживается.

Я понимаю, что тут для меня открывается некая возможность. Я слегка оттаиваю и мягко произношу:

– Знаешь, ты ведь тоже можешь это сделать. Сожги свой линк. Я даже разрешу тебе заглянуть сюда потом, если захочешь. Просто поговорить. Но только не с этой штукой в голове.

На его лице паника, и, против всех ожиданий, это едва не разбивает мне сердце.

– Не могу, – умоляюще бормочет он. – Как я буду что-то узнавать, как буду учиться? Ведь наша миссия…

Я честно не знаю, кто из них говорит, поэтому отвечаю обоим:

– Нашу миссию можно выполнять разными способами. И у нас более чем достаточно времени, чтобы испробовать все. А Дикса я буду рада видеть, когда он окажется один.

Они делают шаг ко мне. Еще шаг. Рука, подрагивая, протягивается вперед, а на кособоком лице появляется непонятное выражение.

– Но я твой сын, – говорят они. Я даже не снисхожу до отрицания.

– Убирайтесь из моего дома!

Человек-перископ. Троянский Дикс. Это что-то новое.

Прежде, в периоды нашего бодрствования, шимп никогда не осмеливался на такое проникновение. Обычно он ждал, пока мы все уснем, и лишь потом вторгался на наши территории. Я представляю специально изготовленных роботов, которых никогда не видели глаза человека, собранных в долгие темные тысячелетия между стройками. Вижу, как они перетряхивают выдвижные ящички и шарят за зеркалами, просвечивают переборки рентгеном и ультразвуком. Терпеливо, миллиметр за миллиметром, обыскивают катакомбы «Эриофоры» в поисках

любых секретов, которые мы могли бы послать друг другу сквозь время.

Прямых доказательств этому нет. Мы оставляли индикаторные проводки и разные сигнальные штучки, чтобы предупредить о возможном проникновении, однако нет признаков, что к ним прикасались. Хотя это, конечно, ничего не значит. Может, шимп и тупой, но он еще и коварный, а миллиона лет более чем достаточно, чтобы перепробовать все способы слежки, используя незамысловатую грубую силу. Задокументировать каждую пылинку, совершить свои безобразия, а потом вернуть все на исходные места.

Мы слишком умны, чтобы рисковать и обмениваться посланиями во времени. Никаких шифрованных стратегий, любовных писем или болтливых открыток с космическими видами. Мы держим все это в головах, куда враг не проберется. Наше неписаное правило: не разговаривать. Единственное исключение – беседы наедине.

Бесконечные идиотские игры. Я иногда почти забываю, из-за чего мы пререкаемся. Все причины кажутся такими тривиальными сейчас, когда я увидела бессмертное существо.

Может быть, для вас это ничего не значит. Бессмертие, наверное, для вас уже древняя новость. Но я даже вообразить его не могу, хотя прожила дольше многих звезд и планет. У меня есть только моменты: двести или триста лет. которые надо растянуть на срок существования Вселенной. Я могу стать свидетелем любой точки во времени (или любой из сотен тысяч), если нашинкую свою жизнь достаточно тонко, – но я никогда не увижу всё. Никогда не увижу даже доли всего.

Моя жизнь закончится. Я должна *выбирать.*

Когда приходишь к полному осознанию заключенной сделки – после десяти или пятнадцати строек, когда совершённый обмен покидает пределы только лишь знания и глубоко, как раковая опухоль, проникает тебе в кости, – становишься скрягой. Ты ничего не можешь с этим поделать. Моменты бодрствования ты сводишь к жесточайшему минимуму: только-только чтобы хватило для завершения стройки, спланировать очередной ответный ход против шимпа – совсем чуть-чуть (если ты еще не лишился потребности в человеческом контакте) на секс, объятия и толику человеческого комфорта на фоне бесконечной темноты за бортом. А потом ты торопишься обратно в склеп, чтобы сохранить остатки человеческой жизни в этом расширяющемся космосе.

У нас было время на образование – для сотни университетских дипломов благодаря лучшей обучающей

технике. Я никогда этим не утруждалась. Зачем жечь тонкую свечку моей судьбы ради простого набора фактов, транжирить мою драгоценную, бесконечную и такую короткую жизнь? Только глупец обменяет книжные премудрости на зрелище остатков сверхновой в Кассиопее; пусть даже для того, чтобы увидеть эту чертову туманность, нужно провести обработку ее изображения в условных цветах.

Но теперь… теперь я хочу знать. Это существо, взывающее к нам через пустоту, массивное, как Луна, широкое, как звездная система, хрупкое, как крылышко насекомого; я с радостью потрачу часть своей жизни, чтобы узнать его секреты. Как все это работает? Как оно вообще способно жить здесь, на грани абсолютного нуля, – и все-таки мыслить? Каким огромным, непостижимым интеллектом оно должно обладать, чтобы увидеть наше приближение за половину светового года, догадаться об особенностях нашего зрения и приборов и послать сигнал, который мы сможем увидеть, а может, и понять?

И что произойдет, если мы пронзим его на скорости в одну пятую от скорости света?

Перед тем как отправиться спать, я просматриваю результаты последних наблюдений, и ответ прежний: почти ничего. Чертова штуковина и так полна дырок. Кометы, астероиды, обычный протопланетный мусор носятся по этой системе, как и по любой другой. Снимки в инфракрасном диапазоне показывают участки медленной дегазации по всему периметру, где более плотные внутренние газы вытекают в жесткий наружный вакуум. Даже если мы пробьем самый центр мыслящего участка, то вряд ли это огромное существо ощутит нечто сильнее булавочного укола. При нашей скорости мы пробьем тонкую миллиметровую мембрану и умчимся дальше, даже не почувствовав ее сопротивления.

И все же. Стоп. Стоп. Стоп.

Остановиться, конечно, нужно не нам. Остановить надо то, что мы строим. Рождение портала происходит яростно и болезненно, как нечто вроде насилия над пространством-временем, при этом выделяется количество гамма- и рентгеновских лучей, сравнимое с микроквазаром. Любое живое существо в пределах белой зоны мгновенно превращается в пепел, даже если было защищено экраном. Вот почему мы никогда не притормаживаем, чтобы сделать снимки.

Во всяком случае, это одна из причин.

Мы не можем остановиться, разумеется. Даже изменение курса почти невозможно, разве что на малейшую долю градуса. «Эри» орлом парит среди звезд, но слушается управления, как свинья на коротком поводке: если изменить курс хотя бы на

десятую долю градуса, то при двадцати процентах скорости света не избежать серьезных повреждений. А половина градуса и вовсе разорвет нас на части: корабль еще сможет повернуться в новом направлении, но коллапсированная масса в его брюхе полетит прежним курсом и пронзит все окружающие ее структуры, даже не заметив их.

Даже прирученные сингулярности обладают собственным характером. Они плохо воспринимают перемены.

Мы воскресаем снова, а Остров меняет сигнал.

Он перестал просить *стоп, стоп, стоп,* едва луч нашего лазера коснулся его передней кромки. Теперь он говорит нечто совершенно другое: по его коже ползут темные черточки, пигментные стрелочки сходятся в направлении внешней фокальной точки, подобно спицам, указывающим на ось колеса. Сама эта точка, расположенная далеко от звезды на заднем фоне, легко вычислялась экстраполяцией стрелок до точки их пересечения в шести световых секундах справа от нас. Было и еще кое-что – тень, примерно круглой формы, ползущая вдоль одной из «спиц», подобно бусине на нитке. Она тоже перемещалась вправо, срывалась с края импровизированного дисплея Острова и бесконечно возрождалась в прежних начальных координатах, чтобы повторить путешествие.

Эти координаты в точности там, где наша текущая траектория пронзит мембрану через четыре месяца. Прищурившийся бог сможет разглядеть на другой стороне кусочки и балки строящегося сооружения – детали огромного тороидного обруча Хокинга, уже принимающего форму.

Послание настолько очевидно, что даже Дикс его видит.

– Хочет, чтобы мы переместили портал… – В его голосе пробивается нечто вроде замешательства. – Но откуда оно знает, что мы его строим?

– Фоны пронзили его по пути к точке сборки, – отмечает шимп. – Оно могло их почувствовать. У него есть фотопигменты. Возможно, оно способно видеть.

– И возможно, оно видит лучше нас, – замечаю я. Даже такая простая вещь, как камера-обскура, станет прибором, дающим картинку с высоким разрешением, если совместить изображения множества таких камер, разбросанных по площади в тридцать миллионов квадратных километров.

Но Дикс кривится – я его не убедила.

– Ну и что с того, если оно видит кучку работающих фонов? Там лишь набор деталей, и большая часть еще даже не собрана. Откуда оно знает, что мы строим нечто… горячее?

Потому что оно очень-очень умное, глупый ты ребенок. Трудно поверить, что этот организм (хотя «организм», похоже, слишком куцее слово) способен просто-напросто вообразить, как будут соединены эти полуготовые куски. Посмотреть на наши камешки и палочки и точно понять, что из них получится после сборки.

– Может быть, это уже не первые врата, которые оно видит? – предполагает Дикс. – И там уже есть другие?

Я качаю головой:

– Нет, иначе мы бы уже увидели фокусирующие артефакты.

– А вы когда-нибудь уже натыкались на другие порталы?

– Нет. – Мы всегда были одни, все эти тысячелетия. И мы всегда только мчимся дальше.

А потом всегда сбегаем от собственных детей. Я провожу кое-какие подсчеты.

– До осеменения сто восемьдесят два дня. Если начнем действовать немедленно, то нужно будет изменить курс лишь на несколько микрон, чтобы выйти к новым координатам. Все будет в пределах допусков. Но чем дольше мы будем ждать, тем круче придется сворачивать.

– Мы не можем это сделать, – возражает шимп. – Мы пролетим в двух миллионах километров от портала.

– Так перемести портал. Передвинь всю чертову стройку. Перемести обогатительные установки, заводы и астероиды, которые они перерабатывают. Скорости около двухсот метров в секунду более чем хватит, если мы пошлем приказ сейчас. Не нужно будет даже приостанавливать строительство, мы и дальше можем вести стройку «на лету».

– Любой из этих векторов расширит доверительную границу проекта. Это повысит риск ошибки и выведет его за допустимые пределы, не дав никакого выигрыша.

– А как насчет того факта, что у нас прямо по курсу разумное существо?

– Я уже учел в расчетах потенциальное присутствие разумной инопланетной жизни.

– Ладно, во-первых, тут нет ничего *потенциального.* Эта разумная жизнь уже здесь. И при нашем нынешнем курсе мы проткнем это существо насквозь.

– Мы остаемся в стороне от всех планетных тел, находящихся на орбитах в пределах обитаемой зоны вокруг звезды. Мы не видели в этой системе никаких признаков космических технологий. Текущее расположение стройки отвечает всем критериям сохранения.

– Это потому что те, кто разрабатывал для тебя критерии, не

могли представить живую сферу Дайсона![28] – Но я лишь напрасно сотрясаю воздух – и знаю это. Шимп может просчитывать уравнения миллион раз, но если в них некуда вставить нужную переменную величину, то какой в этом толк?

Было время, еще до того как у нас начались конфликты с шимпом, когда нам разрешалось перепрограммировать эти параметры. До того как мы обнаружили, что админы предвидели и такую вещь, как мятеж.

Я пробую другую тактику:

– Оцени потенциал угрозы.

– Нет никаких признаков любой угрозы.

– Взгляни на оценку количества синапсов! Да у этого существа вычислительная мощность на несколько порядков выше, чем у всей цивилизации, пославшей нас сюда. И ты думаешь, что кто-то может быть настолько умным, жить так долго и не научиться при этом защищаться? Мы предполагаем, что оно просит нас переместить портал. А что, если это не просьба? Что, если оно лишь дает нам шанс пойти на попятный, пока оно не взяло ситуацию в свои руки?

– У него нет рук, – заявляет сидящий напротив меня Дикс. И это даже не дерзость. Иногда он бывает настолько тупой, что мне хочется его избить.

– Может быть, ему и не нужны руки? – возражаю я, стараясь не повышать голос.

– И что оно тогда может? Заморгать нас до смерти? Оружия нет. Оно не в состоянии даже управлять всей мембраной. Слишком мала скорость распространения сигнала.

– Мы не знаем! Вот что я хочу вам вдолбить. Мы даже не пытались что-то выяснить. Мы всего-навсего дорожная бригада, мы присутствуем на месте стройки в виде группы строительных роботов, переделанных для научного исследования. Мы можем выяснить некоторые базовые физические параметры, но не знаем, как это существо думает, какими естественными способами защиты может обладать…

– Что тебе необходимо выяснить? – спрашивает шимп, демонстрируя спокойную рассудительность.

«Мы уже не можем выяснить! – хочется заорать мне. – У нас есть только то, что мы сейчас знаем! К тому времени, когда фоны на стройке смогут изготовить то, что нам нужно, мы уже пройдем точку необратимости! Пойми наконец, тупая машина, что мы скоро убьем существо, которое умнее всей человеческой истории, а тебе лениво хотя бы переместить нашу трассу на свободное место по соседству?»

Но разумеется, если я это скажу, то шанс Острова на

выживание упадет от низкого до нулевого. Поэтому я хватаюсь за единственную оставшуюся соломинку: возможно, достаточно уже имеющихся данных. Если собрать новые не получится, то, может быть, задачу решит анализ?

– Мне нужно время, – говорю я.

– Конечно, – соглашается шимп. – Бери столько времени, сколько нужно.

Шимпу мало просто убить это существо. Шимп хочет на него еще и плюнуть.

Под предлогом помощи в моем исследовании он пытается вскрыть противоречия Острова, разобрать его на части и заставить их соответствовать притянутым за уши земным прецедентам. Он рассказывает мне о земной бактерии, которая благоденствует при радиационном фоне в полтора миллиона рад и смеется над космическим вакуумом. Показывает фотографии неубиваемых малюток-тихоходок[29], способных свернуться калачиком и заснуть на границе абсолютного нуля, чувствующих себя как дома и в глубоководных океанских разломах, и в космосе. При наличии времени, возможности и первоначального толчка – кто знает, насколько далеко смогли бы зайти эти симпатичные маленькие беспозвоночные? Разве не могли они пережить смерть родной планеты, сцепиться, превратиться в существ, живущих колониями? Какая чепуха!

Я пытаюсь узнать все, что могу. Я изучаю алхимию, с помощью которой фотосинтез превращает свет, газ и электроны в живую ткань. Я изучаю физику солнечного ветра, который надувает пузырь, вычисляю нижние уровни метаболизма для формы жизни, фильтрующей органику из космического эфира. Я восхищаюсь скоростью мыслей этого существа: они мчатся по мембране почти так же быстро, как летит «Эри», что на несколько порядков выше скорости нервных импульсов любого млекопитающего. Наверное, тут есть какие-то органические сверхпроводники – нечто такое, что перебрасывает почти без сопротивления замороженные в космической бездне электроны.

Я знакомлюсь с фенотипической пластичностью и нечеткой приспособляемостью – этой основанной на случайностях эволюционной особенностью, позволяющей видам существовать в чужой окружающей среде и проявлять новые черты, которые им никогда не требовались дома. Возможно, именно за счет этого форма жизни, не имеющая естественных врагов, может обзавестись зубами, когтями и готовностью пустить их в ход. Жизнь Острова зависит от его способности убить нас, и я должна отыскать нечто, что делает его угрозой.

Но нахожу лишь нарастающее подозрение, что обречена на неудачу – ибо насилие, как я начинаю понимать, есть феномен планетарный. Планеты – жестокие родители эволюции. Сама их поверхность благоприятствует войнам, концентрации ресурсов в плотно защищенные участки, которые можно завоевать. Сила притяжения вынуждает транжирить энергию на сосудистые системы и скелетные опоры, вести бесконечную оборону против ее попыток расплющить тебя в блин. Сделай один неправильный шаг, спрыгни с чуть более высокого насеста – и вся твоя драгоценная архитектура мгновенно разобьется вдребезги. И даже если тебе повезет в этой борьбе и ты сможешь обзавестись каким-нибудь неуклюжим бронированным каркасом, чтобы выдержать медленное выползание на берег, то долго ли придется ждать, пока планета не притянет какой-нибудь астероид или комету, которая рухнет с небес и обнулит твои часы? Стоит ли удивляться нашим убеждениям, что жизнь есть борьба, что нулевая сумма[30] была законом Божьим и что будущее принадлежало тем, кто раздавил конкурентов?

Здесь правила совершенно иные. Большая часть космоса спокойна: ни дневных или сезонных циклов, ни ледниковых периодов или глобальных тропиков, ни широких размахов маятника между жарой или холодом, спокойствием или буйством. Предшественники жизни здесь в изобилии: в кометах, на поверхности астероидов, в туманностях, размазанных на сотни световых лет. Молекулярные облака светятся органической химией и жизнетворной радиацией. Их огромные пыльные крылья теплеют в инфракрасных лучах, отфильтровывают жесткое излучение, создают звездные ясли, которые лишь чахлый беженец со дна гравитационного колодца способен назвать смертоносной средой.

Дарвин здесь превращается в абстракцию, некий курьез. Этот Остров обращает в ложь все, что нам когда-либо говорили о механизме жизни. Питаемая солнечной энергией, идеально адаптированная, бессмертная, она не ведет борьбу за существование: где здесь хищники, конкуренты, паразиты? Вся жизнь вокруг этой звезды есть один огромный континуум, один великий акт симбиоза. Природа лишена окровавленных клыков и когтей. Здесь она стала рукой помощи.

Лишенный способностей к насилию, Остров пережил планеты. Не обремененный технологиями, он стал умнее цивилизаций. Он неизмеримо разумнее нас, и он… добрый. Он должен таким быть. С каждым часом я все больше в этом уверена. Как он вообще может представить, что такое враг?

Я вспоминаю, как обзывала его, пока не узнала больше:

«мясной пузырь», «циста». Теперь такие слова для меня граничат со святотатством. Я никогда их больше не произнесу.

Кстати, есть и другое выражение, которое подойдет еще точнее, если шимп добьется своего, – убийство на дороге. И чем дольше я смотрю, тем больше боюсь, что проклятая машина права.

Если Остров и способен защищаться, то я не вижу, как именно.

– Знаешь, «Эриофора» невозможна. Она нарушает законы физики.

Мы сидим в одном из атьковов для общения, чуть в стороне от «брюшного хребта» корабля – перерыв после библиотеки. Я решила начать еще раз с основных принципов. Дикс смотрит на меня с понятной смесью недоверия и смущения: мое утверждение почти настолько глупо, что не заслуживает отрицания.

– Это правда, – заверяю я. – Для разгона корабля с такой массой, как у «Эри», особенно для релятивистских скоростей, необходимо слишком много энергии. Примерно как мощность звезды. Люди рассчитали, что если мы вообще когда-нибудь отправимся к звездам, то придется лететь на корабле размером с твой палец. С экипажем из виртуальных личностей, записанных в чипы.

Это звучит бессмысленно даже для Дикса.

– Неправильно. Если нет массы, то нельзя и падать в любом направлении. «Эри» не смог бы даже лететь, будь он настолько маленьким.

– Но предположим, что ты не можешь переместить любую часть этой массы. Нет ни «червоточин», ни туннелей Хиггса – ничего, что могло бы перебросить твое гравитационное поле в направлении полета. Твой центр массы просто сидит… в центре твоей массы.

Дикс дергает головой:

– Но у нас все это есть!

– Конечно есть. Но очень долго мы этого не знати.

Его нога нервно постукивает по палубе.

– Это история нашего вида, – поясняю я. – Мы думаем, что во всем разобрались, что разгадали все тайны, а потом кто-то натыкается на фактик, не укладывающийся в парадигму. И всякий раз, когда мы пытаемся заклеить трещину, она становится шире, и не успеваем мы опомниться, как все прежние взгляды на мир рушатся. Такое случалось неоднократно. Сегодня масса является ограничением, завтра – необходимостью. Все, что мы считаем известным, меняется, Дикс. И мы вынуждены меняться вместе с

ним.

– Но…

– Шимп меняться не может. Правилам, которым он следует, уже десять миллиардов лет, а воображения у него нет совсем, но в этом никто не виноват, просто люди не знали, как иначе поддерживать стабильность нашей миссии длительное время. Они хотели, чтобы все работало, поэтому построили нечто такое, что не может свернуть с заданного пути. Но они также знали, что все меняется, и именно поэтому здесь находимся мы, Дикс. Чтобы решать те проблемы, которые шимп решить не может.

– Чужой, – говорит Дикс.

– Чужой.

– Шимп решит эту проблему.

– Как? Убив его?

– Мы не виноваты, что он оказался у нас на пути.

– Это живое существо, разумное, и убить его только ради расширения империи каких-то инопланетян…

– Человеческой империи. Нашей империи. – Руки Дикса вдруг перестают подергиваться, он встает и замирает с каменной неподвижностью.

– Да что ты можешь знать о людях? – спрашиваю я.

– Я тоже человек!

– Ты долбаный трилобит. Когда-нибудь видел, кто выходит из тех порталов, как только мы их подключаем к сети?

– Обычно никто. – Он замолкает, вспоминая. – Пару раз… однажды вроде бы вышли корабли.

– Так вот, я видела намного больше твоего, и уж поверь, если эти существа и были когда-то людьми, то для них это была переходная фаза.

– Но…

– Дикс… – Я делаю глубокий вдох, пытаюсь вернуться к тому, что хотела сказать. – Послушай, это не твоя вина. Всю информацию ты получаешь от идиота, застрявшего на рельсах. Но мы делаем это не для человечества, не для Земли. Земли больше нет, хоть это ты можешь понять?! Солнце сожгло ее дотла через миллиард лет после нашего отлета. И те, на кого мы работаем, они даже разговаривать с нами не будут.

– Да? Тогда зачем мы это делаем? Почему бы нам не… отказаться?

Он действительно не знает.

– Мы пытались, – говорю я.

– И что же?..

– Но твой шимп отключил систему жизнеобеспечения.

Надо же: сейчас ему нечего ответить.

– Это машина, Дикс. Неужели ты не способен это понять? Он запрограммирован. Он не может измениться.

– Мы тоже машины. Только сделаны из других материалов. Мы запрограммированы. Но мы меняемся.

– Неужели? Когда я в последний раз проверяла, ты настолько присосался к титьке этой обезьяны, что не мог даже отключить свой мозговой ЛИНК.

– Но так я учусь! И у меня нет причины это менять.

– А как насчет того, чтобы вести себя как человек, хотя бы изредка? Достигнуть хотя бы небольшого взаимопонимания с людьми, которые могут спасти твою жалкую жизнь, когда ты в следующий раз выйдешь из корабля? Это для тебя достаточная причина? Ведь даже я тебе не доверяю! Я и сейчас точно не знаю, с кем разговариваю.

– Это не моя вина. – Я впервые вижу на его лице нечто иное, чем обычная гамма страха, смущения и бесхитростных расчетов. – Виноваты вы, все вы. Вы говорите криво. Думаете криво. И это больно. – В его лице что-то затвердело. – Вы мне даже не были нужны для дела, – со злостью процедил он. – Я вас не хотел. Мог бы и сам руководить стройкой, сказать шимпу, что могу это сделать…

– Но шимп решил, что тебе все равно следует меня разбудить, а ты всегда ложился под него, не так ли? Потому что шимп всегда знает, что лучше, шимп – твой босс, шимп – твой бог. И поэтому мне приходится вылезать из койки, чтобы нянчиться с гениальным идиотом, который и поздороваться в ответ не сумеет, если ему не показать, как это делается. – Что-то щелкает в глубине моего сознания, но я уже не могу остановиться. – Ты хочешь настоящую ролевую модель? Хочешь образец для уважения? Забудь шимпа. Забудь миссию. Взгляни в носовой телескоп, почему бы тебе не взглянуть? Посмотри на то, что твой драгоценный шимп хочет переехать только потому, что оно оказалось у нас на пути! Это существо лучше нас. Оно умнее, оно миролюбиво, оно не желает нам зла…

– Как ты можешь это знать? Откуда?

– Нет, это ты не можешь этого знать, потому что тебя оболванили! Любой нормальный пещерный человек увидел бы это за секунду.

– Безумие! – шипит в ответ Дикс. – Ты сумасшедшая. Ты плохая.

– Это я плохая?! – Сознание машинально отмечает, что мой голос срывается на истерическую ноту.

– Для миссии.

Дикс поворачивается и уходит.

У меня болят руки. Я смотрю на них с удивлением: кулаки сжаты так, что ногти впились в ладони. Требуется усилие, чтобы разжать пальцы.

Я почти вспомнила эти чувства. Я испытывала их все время. Давно, когда все имело значение. До того как страсть угасла до ритуала, а ярость не остыла до презрения. До того как Санди Азмандин, воин вечности, накинулась с оскорблениями на оболваненных детей.

Мы тогда были горячие и пылкие. Некоторые части корабля все еще опалены и необитаемы, даже сейчас. Я помню это чувство.

Так себя чувствуешь, когда не спишь.

Я не сплю, я одинока, и меня тошнит от того, что меня окружают идиоты. Есть правила, и есть риски, и мертвецов не оживляют по чьей-то прихоти, но в гробу я видела эти правила. Я вызываю подкрепление.

У Дикса должны быть и другие родители, как минимум отец, – ведь свою игрек-хромосому он получил не от меня. Я подавляю волнение и проверяю судовой манифест, вывожу базу генных последовательностей и запускаю поиск перекрестных ссылок.

Ха! Еще только один родитель – Кай. Хотела бы я знать: это лишь совпадение или шимп сделал чересчур много выводов из нашего краткого, но страстного «фестиваля» в окрестностях созвездия Лебедя? Не важно. Дикс такой же твой, как и мой, Кай, и пора выйти на сцену.

О черт! Нет, только не это!

Есть правила. И есть риски.

Три стройки назад, как тут написано. Кай и Конни. И он, и она. Один шлюз заклинило, до второго слишком долгий путь вдоль корпуса корабля, а на полпути – аварийное укрытие. Они сумели в нем спрятаться, но не раньше, чем жесткая фоновая радиация начала жарить их прямо в скафандрах. Они дышали еще несколько часов – разговаривали, двигались и плакали, как будто были все еще живы, – а в это время их внутренности разваливались и истекали кровью.

В ту смену не спали еще двое, которым пришлось все это убирать. Ишмаэль и…

– Э-э… ты сказала…

– Мерзавец! – Я вскакиваю и сильно бью сына в лицо; за этой яростью стоит десятисекундное отчаяние с десятью миллионами лет отрицания. Он падает на спину, глаза распахнуты, как телескопы, на губах выступает кровь.

– Ты же сказала, что я могу к тебе прийти!.. – верещит он, отползая.

– Он же был твоим отцом, черт побери! Ты знал, ты был там! Он умер почти у тебя на глазах, а ты мне даже не сказал!

– Я… я…

– Почему ты не сказал, сволочь? Шимп велел тебе солгать, да?

– Я думал, ты знаешь! – кричит он. – Кто тебе мешал это узнать?

Моя ярость улетает, как воздух через пробоину. Обессиленная, я тяжело сажусь, утыкаюсь лицом в ладони.

– Это записано в бортовом журнале, – хнычет он. – Никто не скрывал. Как ты могла не знать?

– Могла, – угрюмо признаю я.

Я имела в виду, что не знала, но это вообще-то неудивительно. Через какое-то время в журнал перестаешь заглядывать. Есть правила.

– Никогда даже не спрашивала, – негромко добавляет сын. – Ну, как у них дела…

Я поднимаю на него взгляд. Дикс смотрит на меня безумными глазами с другого конца комнаты, прижавшись спиной к стене. Он так напуган, что не решается броситься мимо меня к двери.

– Что ты здесь делаешь? – устало спрашиваю я.

У него перехватывает горло, и со второй попытки он отвечает:

– Ты сказала, что я могу вернуться. Если сожгу свой линк…

– Ты сжег свой линк?

Он сглатывает и кивает. Вытирает кровь с губ.

– А что об этом сказал шимп?

– Он сказал… оно сказало, что не возражает. – Дикс делает столь откровенную попытку подлизаться, что в тот момент я даже верю, будто он действительно не связан с шимпом.

– Значит, ты спросил разрешения? – Он послушно кивает, но я вижу правду на его лице. – Не ври, Дикс.

– Он… правда это предложил.

– Понятно.

– Чтобы мы могли поговорить.

– И о чем ты хочешь поговорить?

Он смотрит в пол и пожимает плечами.

Я встаю и подхожу к нему. Он напрягается, но я качаю головой, развожу руки.

– Все хорошо. Не бойся.

Я прислоняюсь к стене, соскальзываю вдоль нее, сажусь

рядом с ним на пол.

Какое-то время мы просто сидим.

– Как долго все это было, – произношу я наконец.

Он смотрит на меня, не понимая. Что вообще означает слово «долго» здесь?

– Знаешь, говорят, что никакого альтруизма не существует, – пробую я снова.

Его глаза на мгновение становятся пустыми, затем в них мелькает паника, и я знаю, что он сейчас пытался узнать через линк определение этого слова, но ничего не вышло. Значит, мы действительно одни.

– Альтруизм, – объясняю я. – Противоположность эгоизму. Делаешь нечто такое, за что платишь сам, но это помогает кому-то еще. – Кажется, он понял. – Говорят, что каждый бескорыстный поступок в конечном итоге сводится к манипулированию, или родственному отбору, или взаимному обмену, или чему-то еще, но это не так. Я могу…

Я закрываю глаза. Это труднее, чем я ожидала.

– Я могу быть счастлива, просто зная, что у Кая все было в порядке, что Конни была счастлива. Даже если это не принесет мне и зернышка выгоды, даже если это будет мне что-то стоить, даже если не будет шанса, что я когда-либо увижу любого из них вновь. И не жалко будет заплатить почти любую цену, лишь бы знать, что у них все было хорошо.

– Просто верить, что у них…

Значит, ты не видела ее во время последних пяти строек. Значит, он не попадал в твою смену после созвездия Стрельца. Они просто спят. Может быть, в следующий раз.

– Значит, вы не проверяете… – медленно произносит Дикс. На его нижней губе пузырится кровь; он этого не замечает.

– Мы не проверяем. – Да только я проверила, и теперь их не стало. Обоих не стало. Если не считать тех каннибализированных нуклеотидов, которые шимп переработал в моего дефектного и неприспособленного сына.

Мы единственные теплокровные существа на тысячи световых лет вокруг, а мне так одиноко.

– Прости, – шепчу я, наклоняюсь и слизываю кровь с его разбитых губ.

На Земле, когда еще существовала Земля, жили такие маленькие животные – кошки. У меня когда-то был кот. Иногда я часами наблюдала, как он спит, – лапы, усы и уши у него подергивались, когда он гонялся за воображаемой добычей в том мире, который изобретал его спящий мозг.

Мой сын выглядит так же, когда шимп прокрадывается в его сны.

Метафора почти буквальная: кабель проникает в его мозг, подобно какому-то паразиту, обмениваясь теперь информацией по старомодной волоконной оптике, потому что Дикс сжег свой беспроводной линк. Или, пожалуй, занимаясь принудительным питанием, – яд течет в голову Дикса, а не наоборот.

Я не должна здесь находиться. Разве не я недавно разразилась тирадой насчет вторжения в мою личную жизнь? (Недавно. Двенадцать световых дней назад. Все относительно.) И все же я не вижу, что Дикс может назвать здесь своим личным: ни украшений на стенах, ни каких-то поделок или хобби, ни видеомузыкальной консоли с панорамным звуком. Вездесущие в каждом жилом помещении секс-игрушки стоят без дела на полках; я предположила бы, что он сидит на либидо-подавителях, если бы недавний опыт не доказал иное.

Что я делаю? Это что, некий извращенный материнский инстинкт, какое-то рудиментарное проявление плейстоценовой материнской подпрограммы? Неужели я настолько робот? Или мозговой ствол послал меня сюда охранять своего ребенка? Охранять своего сексуального партнера?

Любовник он или личинка, это вряд ли имеет значение: его жилище – лишь пустая раковина, здесь нет ничего от Дикса. Тут лежит только его заброшенное тело: пальцы подергиваются, глаза мечутся под опущенными веками, следя за образами, возникающими в мозге. Они не знают, что я здесь. Шимп не знает, потому что мы сожгли его подсматривающие глаза еще миллиард лет назад, а сын не знает, что я здесь, потому что… ну, потому что сейчас он не здесь.

Кого я должна из тебя сделать, Дикс? Ничто из этого не имеет смысла. Даже язык твоего тела напоминает, что тебя вырастили в Баке, – но я далеко не первый человек, которого ты увидел. Ты вырос в хорошей компании, с людьми, которых я знаю, которым доверяю. Доверяла. Как же ты оказался на другой стороне? Как они позволили тебе ускользнуть?

И почему они не предупредили насчет тебя?

Да, есть правила. Есть угроза того, что враг будет наблюдать долгими и мертвыми ночами, угроза… других потерь. Но такое беспрецедентно. И уж кто-нибудь наверняка мог оставить подсказку, какой-то намек, зашифрованный в метафоре, слишком тонкой для туповатого…

Я многое бы дала, чтобы подключиться к этому каналу, увидеть то, что сейчас видишь ты. Но рисковать я, конечно, не могу – я выдам себя, как только попытаюсь вклиниться во что-

либо, кроме опорного сигнала, и…

…секундочку…

Эта скорость передачи слишком низка. Ее не хватит даже для передачи графики с высоким разрешением, не говоря уже о тактильной и обонятельной информации. Ты погружен в лучшем случае в каркасный мир.

И все же посмотри на результат. Пальцы, глаза – как у кота, которому снятся мыши и яблочные пироги. Как у меня, когда я вспоминала давно потерянные земные океаны и горы, пока не поняла, что жить в прошлом – всего лишь еще один способ умирания в настоящем. Скорость передачи говорит, что это чуть ли не тестовый сигнал, а твое тело показывает, что ты погружен в иной полноценный мир. Как же машине удалось обмануть тебя, заставив принять жидкую похлебку за деликатес?

Зачем машине вообще так поступать? Информация лучше усваивается, когда ее можно попробовать на вкус, услышать, – наши мозги созданы для намного более богатых нюансов, чем сплайны[31] и графики рассеяния. Даже самые сухие технические инструктажи и то более чувственные. Зачем довольствоваться фигурами из палочек, если умеешь писать картины маслом и создавать голограммы?

А зачем вообще нужно что-то упрощать? Чтобы уменьшить набор переменных. Чтобы управлять неуправляемым.

Кай и Конни. Вот где были два взаимосвязанных и неуправляемых набора данных. До несчастного случая. До упрощения сценария.

Кто-то должен был предупредить меня о тебе, Дикс.

Возможно, кто-то попытался.

Наступает день, когда мой сын покидает гнездо, облачается в жучиный панцирь и выходит на прогулку. Он не один – с ним на корпусе «Эри» телеуправляемый шимпом робот, который придет на помощь Диксу, если тот оступится и упадет с корабля в звездное прошлое.

Может быть, такое останется лишь тренировкой, и этот сценарий – катастрофический отказ систем управления, шимп и его резервные копии отключились, а все задачи по техобслуживанию неожиданно свалились на плечи людей – так и останется генеральной репетицией кризиса, который никогда не наступит. Но даже самый невероятный сценарий за время жизни Вселенной становится почти вероятным, вот мы его и отрабатываем. Тренируемся. Ныряем наружу, затаив дыхание. Время у нас строго ограничено, даже в защитных скафандрах: при нашей скорости жесткая фоновая радиация поджарит нас за

несколько часов.

Миры прожили и умерли с тех пор, как я в последний раз пользовалась коммуникатором.

– Шимп.

– Здесь, как всегда, Санди. – Голос ровный, беззаботный и дружественный. Легкий ритм психопата.

– Я знаю, что ты делаешь.

– Не понимаю.

– Думаешь, я не вижу, что происходит? Ты готовишь следующую смену. Старая гвардия причинила тебе слишком много хлопот, поэтому ты начал с нуля, создавая людей, которые не помнят того, что было прежде. Людей, которых ты… *упростил.*

Шимп не отвечает. Камера робота показывает Дикса, пробирающегося сквозь нагромождение базальтово-металлических композитов.

– Но ты не можешь самостоятельно вырастить ребенка. – Я знаю, что он пытался: в списке команды нет никаких упоминаний о Диксе до момента, когда он там вдруг появился уже в возрасте пятнадцати лет, и никто про него не спросил, потому что никто никогда… – Посмотри, что ты из него сделал. Он отлично справляется с задачками на условные «если – то». Мгновенно проделывает расчеты и циклические вычисления. Но он не может думать. Не способен на простейшие интуитивные прыжки. Ты уподобился одному из… – я вспоминаю земной миф еще тех дней, когда чтение не казалось такой отвратительной и напрасной тратой жизненного срока, – одному из тех волков, что пытались вырастить человеческого ребенка. Ты можешь показать ему, как перемещаться на четвереньках или охотиться в стае, но не можешь научить, как ходить на задних конечностях, говорить или быть человеком, потому что ты слишком тупой шимп, и ты наконец-то это понял. Вот почему ты бросил его на меня. Думал, я смогу исправить твои ошибки.

Я перевожу дыхание и делаю спланированный ход:

– Но он для меня ничто. Понял? Он хуже, чем ничто, он обуза. Он шпион, напрасная трата кислорода. Назови хотя бы одну причину почему я не должна запереть его снаружи, пока он не поджарится.

– Ты его мать, – заявляет шимп, потому что шимп, хотя и прочел все о родственном отборе, но слишком глуп, чтобы понять нюансы.

– Ты идиот.

– Ты любишь его.

– Нет. – В моей груди возникает ледяной комок. Губы

произносят слова, они выходят размеренно и монотонно. – Я никого не могу любить, безмозглая ты машина. Вот почему я здесь. Или ты действительно думаешь, что они рискнули бы исходом твоей драгоценной бесконечной миссии, послав в полет стеклянных куколок, которым нужны тесные взаимные узы?

– Ты его любишь.

– Да я могу убить его в любой момент. И именно так я и поступлю, если ты не переместишь портал.

– Я тебя остановлю, – мягко предупреждает шимп.

– Это ведь так просто. Всего-навсего перемести портал, и мы оба ползшим то, что хотим. Или же можешь настоять на своем, но тогда попробуй согласовать твою потребность в материнском влиянии с моей твердой решимостью свернуть этому гаденышу шею. У нас впереди еще долгий полет, шимп. И ты можешь обнаружить, что меня не так легко вычеркнуть из уравнения, как Кая и Конни.

– Ты не можешь закончить миссию, – произносит он почти нежно. – Вы это уже пытались.

– А речь идет не об окончании миссии. Лишь о ее незначительном замедлении. Твой оптимальный сценарий больше не обсуждается. Теперь портал может быть завершен только одним из двух вариантов: или ты спасаешь Остров, или я убиваю твой прототип. Твой ход.

Анализ затрат и результатов для этого предложения весьма прост. Шимп может провести его мгновенно. Однако он молчит. Молчание затягивается. Готова поспорить, он ищет какие-нибудь другие варианты. Обходной путь. Он подвергает сомнению исходные предпосылки сценария, пытаясь решить, всерьез ли я говорила и могут ли настолько отличаться от реальности все его книжные представления о материнской любви. Может быть, анализирует историческую статистику внутрисемейных убийств, отыскивая лазейку. И такая лазейка вполне может отыскаться. Но шимп – не я, это более простая система, пытающаяся понять более сложную, и это дает мне преимущество.

– Ты будешь мне должна, – произносит он в конце концов.

Я едва не взрываюсь от хохота:

– Что?

– Или я расскажу Диксону, что ты угрожала его убить.

– Валяй.

– Ты ведь не хочешь, чтобы он знал.

– Мне все равно, будет он знать или нет. Может, ты думаешь, что он попытается в отместку убить меня? Думаешь, я потеряю его *любовь*? – Я выделяю последнее слово, растягиваю его, чтобы показать, насколько это нелепо.

– Ты потеряешь его доверие. А здесь вам нужно доверять друг другу.

– О, конечно! Доверие! Самый что ни на есть долбаный фундамент этой миссии.

Шимп молчит.

– В плане гипотезы, – добавляю я через некоторое время, – предположим, что я соглашусь. Что именно я тебе буду должна?

– Услугу, – отвечает шимп. – Которую ты мне окажешь в будущем.

Мой сын, ни о чем не подозревая, парит на фоне звезд. Его жизнь брошена на чашу весов.

Мы спим. Шимп неохотно выполняет небольшие коррекции траекторий мириад строительных роботов. Я устанавливаю будильник так, чтобы просыпаться каждые две недели, сжигая еще толику своей жизненной свечи, – на случай, если враг попытается устроить какую-нибудь подлянку. Но сейчас он, похоже, ведет себя прилично. DHF428 прыгает нам навстречу в эти стопорные моменты жизни, нанизанные, подобно бусинам, на бесконечную нить. Производственный узел в поле зрения телескопов все больше смещается вправо: обогатительные фабрики, резервуары и заводы нанороботов – там рои «фон Нейманов» размножаются, пожирают и перерабатывают друг друга в обшивки и электронные схемы, буксиры и запчасти. Самая совершенная кроманьонская технология мутирует и пускает метастазы по всей Вселенной, подобно бронированной раковой опухоли.

И, уподобляясь занавесу между этим и нами, мерцает радужная форма жизни, хрупкая и бессмертная, немыслимо чужая, которая превращает все, чего мой вид когда-либо достиг, в грязь и дерьмо простым трансцендентным фактом своего существования. Я никогда не верила в богов, вселенское добро или абсолютное зло. Я верила только в одно: есть то, что работает, и то, что не работает. Все остальное лишь дым и зеркала, реквизит для манипулирования работягами вроде меня.

Но в Остров я верю, потому что не обязана в него верить. Его не нужно принимать на веру: он вырастает прямо по курсу, его существование – эмпирический факт. Я никогда не познаю его сознание, никогда не узнаю подробности его возникновения и эволюции. Но я могу его видеть: массивный, ошеломляющий, настолько нечеловеческий, что он просто обязан быть лучше нас, лучше всего, чем мы когда-либо можем стать.

Я верю в Остров. Я поставила на кон своего сына, чтобы спасти Острову жизнь. И я убью его, чтобы отомстить за его

смерть.

Пока еще могу убить.

За все эти миллионы зря потраченных лет я наконец-то сделала нечто стоящее.

Финал приближается.

Прицельные сетки сменяются в визире одна задругой, гипнотически нацеливая перекрестье на мишень. Даже сейчас, всего за несколько минут до зажигания, расстояние уменьшает нерожденный портал до невидимости. Момента, когда невооруженный глаз сможет увидеть цель, не будет. Мы вонзаем нить в игольное ушко слишком стремительно: оно останется позади быстрее, чем мы это осознаем.

Или, если коррекции нашего курса окажутся сбитыми хотя бы на волосок – если наша траектория длиной триллион километров отклонится более чем на тысячу метров, – мы будем мертвы. Даже не успев это понять.

Приборы показывают, что мы летим в мишень. Шимп сообщает, что мы нацелены точно. «Эриофора» падает вперед, бесконечно толкаемая сквозь пустоту своей магически смещенной массой.

Я переключаюсь на картинку, передаваемую автоматическими камерами с места стройки. Это окно в историю – даже сейчас задержка во времени составляет несколько минут. – но прошлое и будущее с каждой секундой мчатся навстречу друг другу. Новенький портал, темный и зловещий, висит на фоне звезд – огромный зияющий рот, созданный для поглощения самой реальности. Фоны, обогатительные фабрики и сборочные линии собраны в стороне вертикальными колоннами – их работа завершена, полезность выработана, всеобщее уничтожение неизбежно. Мне их почему-то жаль. Всегда жаль. Мне хотелось бы собрать их, взять с собой, использовать на очередной стройке, но законы экономики действуют повсюду, и они гласят, что дешевле использовать инструменты один раз, а потом выбросить.

Похоже, этот закон шимп принимает ближе к сердцу, чем можно было ожидать.

По крайней мере, мы пощадили Остров. Я хотела бы остаться здесь на какое-то время. Первый контакт с действительно чужим разумом – и чем мы обменялись? Дорожными сигналами. О чем размышляет Остров, когда не умоляет пощадить его жизнь?

Я подумывала о том, чтобы об этом спросить. Проснуться, когда временная задержка уменьшится от чрезмерной до всего лишь неудобной, придумать какой-нибудь простейший язык общения, способный передать истины и философию разума,

превосходящего все человечество. Какая детская фантазия! Остров существует далеко за пределами гротескных дарвиновских процессов, сформировавших мою плоть. Здесь не может быть ни общения, ни встречи разумов.

Ангелы не разговаривают с муравьями.

Меньше трех минут до зажигания. Я вижу свет в конце туннеля. Машина времени «Эри» уже почти не смотрит в прошлое, и я даже могу задержать дыхание на те оставшиеся секунды, когда «тогда» сольется с «сейчас». Все приборы показывают, что мы точно нацелены на мишень.

Тактический дисплей издает короткий писк.

– Принимаем сигнал, – сообщает Дикс. И действительно: звезда в центре Бака мерцает снова. У меня замирает сердце: неужели ангел все-таки заговорил с нами? Может быть, это его «спасибо»? Или он сообщает лекарство от тепловой смерти Вселенной?

Но…

– Оно перед нами, – шепчет Дикс, когда из-за внезапного осознания у меня перехватывает горло.

Две минуты.

– Где-то в расчетах случилась ошибка, – бормочет Дикс. – Мы сдвинули портал недостаточно далеко.

– Достаточно, – возражаю я. Мы переместили его ровно настолько, насколько просил Остров.

– Все еще перед нами! Посмотри на звезду!

– Посмотри на сигнал, – говорю я.

Потому что он совсем не похож на те скрупулезные дорожные сигналы, которым мы следовали на протяжении последних трех триллионов километров. Он почти… случайный. Хаотичный, панический… Это внезапный испуганный крик существа, застигнутого врасплох за несколько секунд до надвигающегося события. И хотя я не видела прежде эту структуру точек и завитков, я точно знаю, что она должна означать.

Стоп. Стоп. Стоп. Стоп.

Мы не останавливаемся. Нет во Вселенной такой силы, что способна нас хотя бы затормозить. Прошлое сравнивается с настоящим, и «Эриофора» за наносекунду ныряет в центр портала. Невообразимая масса ее холодного черного сердца вцепляется в какое-то далекое измерение и тащит его, вопящее, в «здесь и сейчас». Получив начальный толчок, портал извергается позади нас, расцветает огромной ослепительной короной, смертельной для любого живого существа на любой длине волны. Срабатывают наши кормовые фильтры.

Опаляющий волновой фронт преследует нас в космической

темноте, как это уже происходило тысячи раз. Со временем, как всегда, родовые муки утихнут. Червоточина закрепится в воротнике портала. И может быть, мы тогда все еще будем достаточно близко, чтобы разглядеть какое-нибудь новое трансцендентное чудовище, выходящее из этой магической двери.

Интересно, заметите ли вы труп, который мы оставили позади?

– Может быть, мы что-то упустили, – предполагает Дикс.

– Да мы почти все упустили, – отвечаю я.

Свет DHF428 позади нас смещается в красную область спектра. На экране заднего обзора подмигивают оптические артефакты; портал стабилизировался, и червоточина подключилась к сети, выдувая из огромного металлического рта радужный пузырь из света, пространства и времени. Мы будем оглядываться до тех пор, пока не минуем предел Рейли[32], еще долго после того, как это потеряет смысл.

Пока, однако, из портала не вышло ничего.

– Может быть, вычисления были неправильные, – говорит он. – Может быть, мы где-то ошиблись.

Расчеты были правильные. И часа не прошло, как я проверила их заново. Просто у Острова имелись враги, как я полагаю. Во всяком случае, жертвы.

Но в одном я оказалась права. Этот гад был умен. Увидеть, как мы приближаемся, догадаться, как с нами разговаривать, как использовать нас в роли оружия, превратить угрозу своему существованию в…

Пожалуй, слово «мухобойка» подойдет не хуже другого.

– Может быть, тут была война, – бормочу я. – Или ему понадобились новые территории. Или же тут просто была… семейная ссора.

– Может быть, оно не знало, – предполагает Дикс. – И полагало, что эти координаты пустые.

«Почему ты так думаешь? – гадаю я. – Почему тебя это вообще заботит?» И тут меня озаряет: это его не волнует. Во всяком случае, волнует не Остров. Не больше, чем прежде. Он изобретает эти розовые альтернативы не для себя.

Сын пытается утешить меня.

Но я не хочу, чтобы со мной нянчились. Я была дурой: позволила себе поверить в жизнь без конфликтов, в разум без грехов. Пусть и недолго, я обитала в вымышленном мире, где в жизни нет эгоизма и манипулирования, где каждое живое существо не борется за существование ценой других жизней. Я обожествляла то, что не могла понять, когда в конце все

оказалось слишком узнаваемым.

Но теперь я стала лучше.

Все уже позади: еще одна стройка, очередная веха, очередной невосполнимый кусочек жизни, которые не приближают нашу задачу к завершению. Не имеет значения, насколько мы успешны. «Миссия завершена» – бессмысленная на «Эриофоре» фраза, в лучшем случае ироничный оксюморон. Когда-нибудь у нас может случиться неудача, но финишной линии не существует. Мы будем лететь дальше вечно, ползя через Вселенную, подобно муравьям, прокладывая за собой вашу проклятую супермагистраль.

Мне все еще так много нужно узнать.

Но здесь хотя бы есть мой сын. Он меня научит.

ЛЕВИ ТИДХАР
ЦЕЛОСТНОСТЬ ЦЕПИ

Леви Тидхар родился в израильском кибуце, жил в Израиле и Южной Африке, много путешествовал по Африке и Азии, несколько лет провел в Лондоне, а затем переехал в Юго-Восточную Азию. В 2003 году он стал лауреатом Международного конкурса имени Рэя Брэдбери и Артура Кларка, учрежденного Европейским космическим агентством. Тидхар выступил в качестве составителя аннотированной библиографии Майкла Маршалла Смита («Michael Marshall Smith: Annotated Bibliography») и антологий «Букварь Дика и Джейн для взрослых» («A Dick & Jane Primer for Adults») и «Лучшая книга мировой научной фантастики» («The Apex Book of World SF»). В числе других его работ сборник рассказов «Иудейский панк» («Hebrew Punk»), повести «Занятие ангелов» («An Occupation of Angels») и «Пермутации облаков» («Cloud Permutations»), а также роман «Досье Тель-Авива» («The Tel Aviv Dossier»), написанный совместно с Ниром Янивом. Многочисленные рассказы Тидхара печатались в «Interzone», «Clarkesworld», «Apex Magazine», «Sei Fiction», «Strange Horizons», «Chizine», «Postscripts», «Fantasy», «Nemonymous», «Infinity Plus», «Aeon», «The Book of Dark Wisdom», «Fortean Bureau» и других. Его произведения переведены на семь языков.

В представленном ниже рассказе автор ярко описывает мир будущего, в котором немало изменилось – но все же многое осталось прежним.

Девушку все звали Генералом, и она вновь появилась на экране: в новенькой армейской форме цвета джунглей в сумерках, на груди сияли медали и ордена. От нее, казалось, исходил запах листвы и страха. Она говорила решительно и твердо, как будто отмеряя чашки риса – точно и без лишних слов. Главные новости с партийной конференции. Подробности последней пятилетки. Картинка: рисовые плантации на севере, рабочие в поле, их темно-синие комбинезоны. Кто-то рядом с телевизором, лохматый мужик, в котором Ной признал Сип Пана Джо, сказал:

– Я слышал, вчера в китайской лунной колонии родился первый ребенок.

Этот мужчина получил такое прозвище, так как вечно требовал десять тысяч кип за поездку по городу. «Сип пан! Сип пан!» – говорил он и, совершенно не умея торговаться, терял деньги. А Джо его звали из-за сходства с каким-то персонажем из тайской мыльной оперы. Он был не совсем в здравом уме, но

новости всегда узнавал первым.

Ной заметил:

– Я хочу на Луну.

Сип Пан Джо в ответ захихикал:

– Там нет тук-туков! И воздуха!

Ной получил свое прозвище, потому что был маленьким. Сейчас он промолчал, только уставился на экран. Генерал заговорила снова, в этот раз о последней американской войне. В начале века дедушка Ноя умер, собирая металлолом. В высокогорьях Лаоса тогда валялась куча всякого железного хлама, оставшегося после американцев и их Секретной войны. Он высоко ценился, но, к сожалению, довольно часто взрывался. Спец из команды саперов потом сказал, что сработала CBU-26, противопехотная осколочная бомба, такие американцы особенно любили. К тому времени, впрочем, бабушка Ноя уже была беременна его отцом.

– Однажды я уеду в Америку, – сказал другой водитель, Хмонг. Семья, жившая во Флориде, отправляла ему деньги каждый месяц. – Открою отель или стану водить такси. Настоящее, с пушками по бортам и бронированным ветровым стеклом.

– Да такие только в кино бывают, – не сдержался Ной. Хмонг сразу повернулся к нему:

– Да? И откуда же ты знаешь об этом, мальчик?

– Отстань от него, – вмешался Сип Пан Джо. – Я хочу новости посмотреть.

– Он хочет новости посмотреть, – передразнил Хмонг. – А на Луну полететь не хочешь? Или детей завести?

Все захохотали, и он, осмелев, продолжил:

– Тогда бери Ноя с собой и скатертью дорога! Десять тысяч за билет до Луны! Сип Пан! Сип Пан!

Генерал исчезла, вместо нее армейский хор затянул революционный гимн, под музыку катились танки и взлетали самолеты. Телевизор мерцал в темноте водительской хижины. Хмонгу никто не ответил. Все знали, что во время той давней войны его соплеменники сражались на стороне американцев и до сих пор были источником проблем, им так и не дали полноценное гражданство, в отличие от долинных лаосцев.

Ной уставился на экран. Он втайне откладывал деньги. Две тысячи здесь, пять тысяч там. Как-то подвозил фаранга, а тот сказал, что был в космосе. Купил у Ноя дури и тогда сказал. Взмахом руки создавал изображения в воздухе, показывал их Ною: голубую, белую, зеленую Землю – так ее видят со станции; людей, парящих внутри огромного зала, правда, одних фарангов.

Ной, конечно, знал, что космос принадлежит не только им. В конце концов, туда отправились китайцы, малайцы, индусы. Он надеялся, что когда-нибудь там, наверху, найдется место и для молодого лаосца.

Ной глотнул чая и решил, что хватит прохлаждаться. Сидя здесь, много не заработаешь. Он вышел из утлого барака и окунулся в прохладу ночи, на небе сияла половинка луны, обернутая в желтые бинты. Ной долго на нее смотрел. Она казалась такой ужасно далекой и одновременно близкой. Он попытался отыскать движущиеся огоньки там, в кромешной тьме, но ничего не увидел, вздохнул и понурил голову.

Тук-тук Ноя комфортно присел рядом с товарищами и походил на корову, что болтает с товарками на лугу о сортах травы. Стадо тук-туков лежало в большом загоне рядом с новым Талат Сао, Утренним рынком, который уже давно не был новым и никогда – утренним, работая круглые сутки, несмотря на название. Ной похлопал машину по борту, залез на водительское сиденье, накрыл двигатель. Он любил чувствовать, как ветер обдувает его во время движения, любил ощущение дороги под шинами, знал каждую выбоину и шероховатость на дороге, даже фары мог не включать. Знал, где притормозить, где набрать скорость, где повременить, где ждет полиция, надеясь стрясти с беспечного водителя лишний штраф, знал маршруты передвижных торговцев, где можно перекусить блинчиком со сгущенным молоком, знал все самые лучшие закутки вдоль берега Меконга, где хорошо остановиться и перекурить. Раньше, во времена деда и даже отца, тук-туки бегали на бензине. Теперь же древние, собранные из гвоздей, досок и труб искровые машины дремали под гигантской солнечной решеткой Талат Сао, питая свои бесшумные двигатели электричеством. Они больше не издавали того характерного звука, тук-тук-тук, из-за которого получили свое прозвище. Ной вжал педаль газа в пол (потому как традицию в конструкции, как и во всем другом, должно поддерживать), и на приборной панели вспыхнула яркая полоса, давая знать, что машина полностью зарядилась. Он вывел автомобиль из ряда его практически одинаковых товарищей, со свистом врубил акселератор и выехал на дорогу.

Два с половиной часа Ной курсировал по темным улицам Вьентьяна. Подобрал семью лавочников, те припозднились, пришлось везти их в Дон Памай, в пассажирской кабине еще долго пахло бананами. По пути назад повезло, попался фаранг, пожелавший вернуться в город. Мужчина с золотым протезом вместо большого пальца говорил мало, и что-то было не так с его голосом, хотя на лаосском белый изъяснялся идеально. Ной

раньше слышал об этих золотых штуках, и ему стало не по себе. Их называли Другими, они были чем-то вроде духов, что делили тело с человеком, могли говорить через него, заставляли делать ужасные вещи (хотя какие точно – Ной затруднялся сказать). Он отвез пассажира (пассажиров?) к Нампу, фонтану, вокруг которого располагались европейские рестораны: итальянские, французские, а также старая Скандинавская пекарня, не имевшая к Скандинавии никакого отношения. Ной завис на углу с другими водителями. Скоро парочка фарангов, не слишком прочно державшихся на ногах, решила отправиться в Национальный цирк. Он их отвез, перехватил мясной шашлычок у торговца на ночном рынке, поколесил по округе, но удача оставила его, поздняя ночь решила сыграть против Ноя, и никому такси оказалось не нужно. Он посмотрел вверх, воззрился на луну (та казалась какой-то мягкой, бледной, похожей на слегка прожаренное яйцо), словно умоляя ее вмешаться.

Ной откладывал деньги с одной целью. Он знал старика, тот учился в Китае и России, был на хорошем счету в Партии, но в последнее время стал совсем дряхлым и чудаковатым, а потому его отправили на скромную пенсию в столицу. Старик жил один в большом доме в пригороде и на обширном заднем дворе строил…

Кто-то свистнул; во мраке мелькнула рука, Ной ударил по тормозам. Лица человека он не разглядел; тот был одет чуть ли не по-монашески, только ряса не темно-оранжевая, а черная, цвета безлунной ночи в горах. Голову пассажира скрывал капюшон.

В фигуре чудилось что-то странно знакомое, как будто Ной что-то о ней слышал, но забыл… А, точно. Буквально неделю назад Сип Пан Джо рассказывал о странном монашеском ордене из Удом Кхай, фарангах, женщинах и мужчинах, которые делили один разум на всех…

Ной тогда подумал, что Сип Пан опять сочиняет. Теперь же черная фигура разглядывала его из тени то ли с удивлением, то ли с нетерпением. Ной спросил по-английски:

– Куда вам?

Он заметил, как из-под капюшона незнакомца по одежде струились тонкие, серебристые провода – почти прозрачные, но, когда человек повернулся, от них отразился лунный свет. Ной присмотрелся внимательнее и увидел, как время от времени по рясе проскакивают какие-то изображения, похожие на случайные вспышки, настолько мимолетные, что деталей было не различить. Они метались по ткани, сбегали вниз по груди, рукам, уходили за спину.

– Куда вам? – уже не так уверенно спросил Ной.

– Ват Сокпалуанг.

– Сто тысяч кип.

К его удивлению, попутчик лишь кивнул. Забрался назад, в открытое пассажирское отделение, и стал ждать. Ной пожал плечами и надавил на газ.

Поездка оказалась странной. Человек не двигался, но как будто все равно дотягивался до водителя, словно провода змеились в воздухе, добираясь до цели; над головой ярко светила луна, озаряя лицо Ноя с одной стороны. Темные и пустынные дороги, закрытые магазины вдоль Кхоу Бьен, уже остывшие угли в ямах для барбекю. Почему-то сейчас Ной видел гораздо яснее, чем прежде, как будто безмолвная фигура в капюшоне стала чем-то вроде увеличительного стекла для разума: он видел, как от земли отрываются самолеты, как вспыхивают двигатели ускорителей, как мир становится все меньше, а потом он повис между воздухом и вакуумом, в тонкой мембране, что окружала планету внизу, а впереди маячили гигантские сооружения, похожие на безумные петли, бублики, квадраты, и странные суда швартовались рядом с ними, их прямоугольные носы были направлены на огромную луну…

Затем они повернули с Кхоу Вьен на Сокпалуанг, впереди возник храм, и Ной остановил тук-тук, а человек в рясе слез.

Расплатился. Ной уставился на него и вдруг спросил:

– Что ты?

Монах отпрянул, словно удивившись. А потом мягкий голос с совершенными модуляциями произнес:

– Ничто.

– Ты – монах?

Фигура пожала плечами, как будто вопрос не имел смысла.

– Я – ничто, – повторила она, и у Ноя возникло странное чувство, словно сейчас с ним говорило не одно существо, словно «я» пассажира состояло из множества кусочков разных сознаний. – Я – пустота среди звезд. Луна – лишь камень, Ной. Счастье можно найти и там, и здесь, во Вьентьяне. Твоя цепь ослабла.

Потом оно повернулось и прошло в арку, ведущую в храм.

– Как ты узнал мое имя? – пробормотал Ной, но ответа не получил. – И что значит «моя цепь»?

Он завел двигатель и уехал. Для пассажиров уже было поздновато, а водилы у Нампу, ждущие, когда закроются ночные клубы, не обрадуются еще одному претенденту на и так скудный улов. Ной решил нанести визит старику. Ночь явно выдалась подходящая.

У торговца, сонно моргающего за полупустым прилавком,

Ной купил маленькую бутылочку рисового виски. Не с пустыми же руками ехать. Он курсировал по безмолвным дорогам, держась Меконга сначала по левую руку, потом по правую, мимо огромной рекламы «Пепси», которая на смеси лаосского и английского предлагала одним глотком устроить в вашей жизни революцию, мимо мешков с мусором, брошенных прямо на обочине, мимо рисовых плантаций, озаренных жутковатым сиянием луны, мимо квакающего хора лягушек (тот чем-то напоминал армейский хор, выступавший недавно по телевидению, хотя Ной никогда не осмелился бы сказать такое вслух), и в конце концов съехал на узкую грязную дорогу, ведущую к дому доктора Сомбунга.

В окнах еще горел свет. Доктор всегда спал неохотно. Практически у самых ворот из-под днища тук-тука донеслось неприятное дребезжание, словно там что-то порвалось и со стуком упало на землю. Ной ударил по тормозам, и машина принялась властно и тревожно кричать на совершенно непонятном японском языке, пока Ной ее не отключил.

– А я не знал, что твой тук-тук умеет разговаривать, – произнес чей-то голос. На ступеньках стоял доктор Сомбунг, еле заметно улыбаясь в лунном свете.

– Я тоже…

– Что с машиной?

Ной выудил фонарь, посветил им на землю:

– Твою же…

Цепь, которая связывала передний двигатель с находившейся под пассажирской кабиной центральной осью, крутившей колеса, волочилась по земле. Сломалось одно звено.

– Придется все починить прямо сейчас, – извиняясь, произнес Ной.

– Заводи его во двор, – скомандовал доктор. Он аккуратно, не торопясь, спустился по лестнице, добрался до ворот. Повозившись с задвижкой, распахнул створки. Ной затолкал легкий тук-тук внутрь. Доктор Сомбунг дважды хлопнул в ладоши, вспыхнул свет, и старик радостно улыбнулся:

– Ставь его рядом с космическим кораблем.

Тот, как обычно, был частично разобран и походил на тук-тук с крыльями: все внутренности наружу, вокруг валяются части двигателя, цепи, гвозди, мотки проволоки и электронные схемы. Ракета лежала на заросшем газоне и больше походила на тяжелые куски металлолома, грубо сбитые в цилиндр. Она казалась Ною небесной колесницей; наверное, нечто подобное видел Будда во время последнего просветления, а еще она походила на спецэффект из «Путешествия на Запад» – китайского сериала про

космическое кун-фу и Будду. Когда выпадала возможность, Ной с удовольствием смотрел его по тайскому каналу, а космический корабль считал несказанно красивым.

Доктор Сомбунг сказал:

– Думаю, сделать пробный запуск весной. Надо быть уверенным, ну, ты сам знаешь.

Доктор говорил одно и то же последние три года, а Ной был с ним согласен. Уверенность – это главное. С такими делами торопиться нельзя: корабль уже стал совершенным, в нем слились воедино надежды и мечты, он превратился в машину воображения и веры, чья цепь не могла разорваться, пока не придет в движение. Он не мог разрушиться просто так.

– Он прекрасен! – как обычно воскликнул Ной.

– Я тут подумал, может, назвать его «Леди Чампа», – задумчиво произнес доктор Сомбунг. Он и это постоянно говорил. И в его голосе всегда слышалась какая-то тоска. Возможно, старик решил дать кораблю имя в честь местного цветка, хотя иногда Ной представлял, что вся работа доктора – это дань памяти некой таинственной женщине, давно ушедшей любви.

Около ламп жужжали жирные мухи, мотылек бился об оконное стекло, и этот звук успокаивал своим постоянством.

– Я виски принес, – сказал Ной.

Доктор кивнул, словно парень только что лишний раз подтвердил разгадку великой тайны, о которой старик долго размышлял, а потом ответил:

– Принесу бокалы. Тогда и твою цепь посмотрим.

Он исчез в доме. Ной приподнял пустое пассажирское отделение и поставил его под углом. Придется соединить сломанные концы, затем вновь продеть цепь через трубки и деревянные плашки тук-тука. Он вытянул ее, положил на землю и принялся ударами молотка соединять разошедшиеся звенья.

Снаружи украдкой ворвался ветер, принес с собой освежающую прохладу, запах растущего риса, воды, обрывки мелодии, доносящейся из какого-то радиоприемника далеко отсюда. Ной встал, вытирая руки, черные от масла. На горизонте, подобно космическому кораблю, медленно садилась луна, и ее свет мерцающей аркой растянулся по темному небу.

МЭРИ РОЗЕНБЛЮМ
ПОХОДКА ЛЬВА

Мэри Розенблюм, один из самых популярных и плодовитых молодых писателей 1990-х, опубликовала свое первое произведение в 1990 году в «Azimov's Science Fiction», и с тех пор в этом журнале было напечатано более тридцати ее работ. Она сотрудничала также с «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Science Fiction Age», «Pulphouse», «New Legends» и прочими изданиями.

Серия «Пустоши» («Drylands») стала одной из самых популярных среди читателей «Asimov's», также нельзя не отметить такие запоминающиеся рассказы, как «Каменный сад» («The Stone Garden»), «Синтез» («Synthesis»), «Полет» («Flight»), «Калифорнийский мечтатель» («California Dreamer»), «Бросок к Пегасу» («Castingat Pegasus»), «Entrada», «Крыса» («Rat»), «Сад кентавра» («The Centaur Garden») «Внешность обманчива» («Skin Deep»), «Песни, что поют сирены» («Songs the Sirens Sing») и многие другие. В 1996 году повесть «Газовая рыба» («Gas Fish») завоевала премию журнала «Azimov's» и вошла в число финалистов премии «Небьюла». Первый роман писательницы «Пустоши», изданный в 1993 году, был весьма благосклонно встречен критиками и получил престижную премию Комптона Крука как лучший дебютный роман. Вскоре за ним последовали второй роман – «Химера» («Chimera»), и третий – «Каменный сад». Первый сборник рассказов писательницы «Синтез и другие виртуальные реальности» («Synthesis and Other Virtual Realities») был признан одним из лучших сборников 1996 года. Розенблюм также написала трилогию детективных романов под псевдонимом Мэри Фримэн. Среди последних работ роман «Горизонты» («Horizons»), а также расширенное переиздание «Пустошей». Выпускница писательской мастерской «Клэрион Уэст», Мэри Розенблюм живет в Портленде, штат Орегон.

Рассказ, представленный ниже, можно отнести не только к жанру научной фантастики, но и к детективу. Автор отправляет нас в природный заповедник, где ученые путем селекции воссоздают животных эпохи плейстоцена.

Тахира Ганн изучала останки нарушителя, направив дуло парализатора в летнюю желтую траву. Большой калифорнийский кондор, которому пришлось прервать трапезу, раскинул огромные крылья и укоризненно заклекотал, распугав стаю грифов-индеек. Горячий ветер гнал запах падали в сторону Тахиры, но та его не замечала. Прайд и так мало что оставил от жертвы, а кой-псы,

практически неотличимые от диких плейстоценовых собак, подчистили за львами остатки, падальщикам почти ничего не осталось. Гани присела рядом с трупом, чуя кровь, внутренности, запах льва и мускусный аромат жестокой смерти на горячем ветру. В воздухе колыхался порванный, заскорузлый от крови кусок черной ткани, зацепившийся за ветку боярышника. Над оставшимися позвонками и ребрами красно-коричневыми клочками роем кружились мухи. На глаза попалась прядь рыжеватых волос, запутавшаяся в траве. Длинная. Женщина? Как и та, другая. Только на этот раз белая. На истертом пятачке, где львы убили свою жертву, Тахира читала дневник прошлой ночи: человеческие следы, еле заметные на сухой земле, перемешанные со звериными. Гани присела, не выпуская парализатора из рук, серая солнцезащитная ткань обжигала, когда касалась бедер. Тахира слегка дотронулась до сдвоенного отпечатка: женщина и львица. Потом поднесла руку ко рту, лизнула кончики пальцев, чувствуя вкус пыли, мертвых листьев и зверя.

Жертва бежала. Босая. Тахира встала, вытерла руку об одежду и обошла кругом сухой клочок земли, прикрыла глаза, уставившись на единственный след – еле заметные овалы пальцев, пятки и стопы. Крови не было, значит, обувь она потеряла незадолго до происшествия. Нахмурившись, Тахира обвела взглядом прерию, рассеченную руслом реки, берега которой заросли ивняком. Может, нарушительница решила, что вода ее спасет? Босая? В отдалении, за лугами, заросшими желтой травой и белыми шариками чертополоха, на фоне безоблачного неба вздымались вершины Скалистых гор. Когда-то на них даже летом лежал снег. Но не сейчас. Тахира еще больше нахмурилась, изучая следы там, где львы легли поесть. Отпечатки кой-псов усеивали пыль и примятую траву вместе со стрелочками от лап грифов. Тех разогнал кондор, и теперь птицы терпеливо кружили в небе, ожидая, когда женщина уйдет. Уже завтра не останется никаких свидетельств того, что здесь погиб человек и его съели львы.

Окончательно Тахира разозлилась, когда включила линк, чтобы заснять место убийства. Вытащила из рюкзака пластиковый пакет, согнала мясных мух с костей и аккуратно упаковала останки. Там было достаточно мягких тканей для идентификации по ДНК. Если нарушительница хотела, чтобы ее съели, то лучше со своей задачей справиться не могла. Попала прямо на львиную тропу.

Прямо как и та, другая.

Тахира собрала ткань, волосы, упаковала, устало добралась до глиссера, запихнула парализатор в кобуру позади сиденья и

вскарабкалась на машину. Грифы уже спускались, уворачиваясь от довольно вялых атак кондора, дрались, ища оставшиеся кусочки, их большие черные крылья вздымали пыль с вытоптанной земли. Тахира вытащила линк и набрала отчет о смерти нарушительницы для босса. Потом опять нахмурилась и отключила прибор. Начальник снова начнет вопить о дурном пиаре. Не сейчас.

Ткань, хоть и рваная, грязная и окровавленная, на ощупь казалась шелковой, такая вполне могла остаться от сексуальной блузки, какую обычно покупают, чтобы надеть на свидание. Тахира ногой завела глиссер и медленно взлетела с берега реки.

Пока машина по расширяющейся спирали поднималась над местом убийства. Тани задумчиво натянула ДР-очки и осмотрела территорию внизу, читая события прошлой ночи в примятых стеблях травы, клочках желтовато-коричневой шерсти, застрявших в сплетении прибрежных ив.

Она знала, где залег прайд, даже не *стала* искать их сигнатуры. В каждое крупное млекопитающее Плейстоценового заповедника, от кой-псов до новой парочки гигантских ленивцев, из-за которых генинженеры недавно устроили настоящий праздник, вживляли чипы, но после стольких лет работы Тахира редко ими пользовалась, чтобы найти кого нужно.

Она прибавила скорость, пока от бьющего в лицо ветра ей не пришлось оскалиться. Прошлой ночью ни один датчик тревоги на Периметре так и не сработал. И позапрошлой тоже.

Тахира заметила коричневато-желтую шкуру в тени под ивой за долю секунды до того, как очки пометили зверя красным и выдали его идентификационный номер. Гани резко ударила по тормозам и по спирали спустилась. Внизу оказался молодой самец с порванным ухом, один из последних выживших детенышей старой львицы. Перед глазами засверкали номера остального прайда. Прямо там, где Тахира и ожидала. Старая львица поднялась на ноги, наблюдая за глиссером. Покрытая шрамами морда и выцветшая, неопрятная шерсть красноречиво говорили о ее возрасте. Самка была умной и быстро училась. Такой подарок, как беззащитная девушка, и в первый раз оказался слишком соблазнительным, чтобы пройти мимо. Вторую жертву львы поймали еще быстрее.

Тахира вздохнула и развернула глиссер в сторону широкой равнины, поросшей желтой травой, усеянной пятнами пыльно-зеленых ив и темных зарослей можжевельника. Небольшое стадо антилоп, нервно подрагивая хвостами, разом подняло головы, когда она пролетала над ними. Крупное находилось дальше к северу, их надо было проверить, когда придет время отправиться

домой. На уровне глаз парил ястреб, с огромной высоты пристально высматривая на земле перепуганных топотом грызунов. Тахира проверила местонахождение лошадиного стада, нашла его на юге, оно пришло на водопой к узкой реке с чистой, но темной водой. Практически машинально Гани отметила мелеющий поток, от которого скоро останется лишь крохотный ручеек. Ледников для поддержания рек больше не было. Черные хвосты лошадей хлестали по мышастым бокам, животные переступали ногами в темных полосах, отгоняя кусачих мух. Генинженеры побеждали и тут. Они переделали оригинальную лошадь Пржевальского в коренастое подобие созданий, пасшихся на этих равнинах в плейстоцене, и сейчас активно работали над слонами. Часть новых детенышей будет отличаться размерами и шерстистостью. Тахира быстро пересчитала стадо, с помощью линка просканировав чипы GPS, хотя никакой особой надобности в этом не было. Все цифры с ежедневного спутникового сканирования уже ждали ее в администрации. Лично проверять данные никто не заставлял, но Тахира любила все видеть сама.

И последнее тело в отчеты по безопасности не попало. Тахира подозревала, что то, которое она нашла, тоже не попадет.

Главная лошадь в стаде подняла голову, когда глиссер принялся кружить над ее головой. Хромая кобылка пропала – наверное, ее задрал тот же прайд, который расправился с нарушительницей. Львы уже давно поймали бы жеребенка, если бы его мать не защищала отважно свое потомство. Похоже, хищникам благоволила удача. На старой львице уже сказывался возраст, и с трудной добычей она предпочитала не возиться.

А потому взяла блюдо, которое пришло само и попросило, чтобы его съели.

Как, во имя всего несвятого, нарушительница перебралась через Периметр?

Тахира вновь набрала скорость, ушла на юг, где в низине паслись бизоны, их большие торчащие рога служили очередным доказательством колдовства, творимого генетиками. Там же оказалось восточное стадо слонов, оно паслось неподалеку от монорельса, предоставляя туристам прекрасный обзор. Разумеется, вскоре рядом остановился поезд, и Тахира даже с глиссера, летящего с серьезной скоростью, видела, как пассажиры свешиваются из окон, тыкая в сторону зверей линками. Экскурсионные очки посетителей при виде мохнатых детенышей, похожих на мастодонтов, приятным голосом начинали объяснять гостям, как инженеры изменили геном слонов. Старая самка подняла хобот, трубя вслед глиссеру, а потом снова принялась набирать пыль с земли, обдавая спину охряным душем.

Верблюдов Тахира не видела, но те, скорее всего, вернулись под сень деревьев, спрятавшись от солнца. Они тоже менялись. Старая львица осталась единственным животным, у которого остались полностью африканские гены, ее поймали в дикой природе еще котенком.

Поэтому она нравилась Тахире.

Со вздохом Гани посадила машину и по-быстрому отправила отчет боссу о своей находке. Потом отключила линк, прежде чем начальник успел ответить, и отправила глиссер на север, решив найти большое стадо антилоп.

Когда она вернулась в администрацию, уже вечерело. О высоких технологиях здесь напоминала только солнечная ферма: ряды батарей расположились за низкими, желтоватыми зданиями. Хижины из земляного кирпича вполне могли построить какие-нибудь примитивные племена, так легко они сливались с летней прерией. Техника была практически не видна – только в засушливых долинах бесконечные зеркала и ветряные башни окончательно вытеснили можжевельник и полынь. Деревня, где когда-то выросла Тахира, вполне вписалась бы в этот пейзаж. Медленно разлагающиеся мазанки в увядающей пустыне, что когда-то кормила львов, антилоп и людей. Тахира приземлилась на небольшую посадочную площадку позади здания и зашла внутрь. От воды, бежавшей по стенному фонтану, в помещении стоял запах свежести и зелени, из-за которого так и тянуло скинуть одежду, вымыться, окунуться в бассейн. После целого дня на глиссере все тело болело. А когда-то ничего такого не случалось. Тахира подумала, что пришла пора записаться на очередной прием в геронтоклинику. Или не стоит? Любой цикл подходит к своему естественному концу. Хотя нет, это уже не было правдой. При взгляде на красную иконку экстренного сообщения, мигавшую на голопанели, Тахира вздохнула.

Она не стала отвечать и села на подушку, приняв позу лотоса для концентрации. Вызвала систему безопасности. Одна из камер должна была засечь женщину прошлой ночью. Гани запустила поиск на движения хищника-жертвы, сузив профиль до человеческой массы. Смысл наблюдать за грызунами и кой-псами? Попадались львы, антилопы, детеныши бизонов. Изображения замелькали перед глазами Тахиры, и у нее сразу заболела голова.

А потом… вот она. Расплывчатый стройный силуэт. Руки, шея, лицо, ноги ярко светятся белым в режиме ночного видения. Черная блузка порвана и окровавлена, обнажая глубокое декольте и довольно маленькую грудь, явно естественную, а не сделанную. Тахира прищурилась. Шортики, сексуальная одежда – ничего

похожего на снаряжение, в таком наряде вряд ли кто-то намеренно направился бы в колючий, заросший кустарником заповедник. Сандалии. Значит, она их потеряла, убегая. Сколько лет? Шестнадцать? Нет, решила Тахира. Меньше. Четырнадцать, наверное. Столько было дочери, когда Гани видела ее в последний раз. Тахира почувствовала во рту вкус крови и только тогда поняла, что прикусила губу, наблюдая за тем, как девчонка на экране морщится, поднимает стройную ногу, что-то высматривает – то ли порез, то ли укус. Она кажется потерянной. Расстроенной. Как будто свидание не задалось.

А потом выражение лица девушки меняется с раздосадованного и злого на ошеломленное. Она боится. Оглядывается вокруг и секунду смотрит прямо Тахире в глаза. Словно обвиняет.

Как антилопа, она поворачивается и срывается с места, бежит через траву и колючки. Одна сандалия слетает с ноги в еле заметном промельке движения.

– Не беги, – вслух говорит Тахира.

Но на голограмме девушка не останавливается и через секунду исчезает за пределами кадра.

Гани неожиданно для себя вскакивает. Тихо бормочет проклятия. Переключается на следующую камеру, которая должна была заснять паническое бегство нарушительницы и даже само убийство, так как оно произошло именно в том секторе.

На голограмме только трава, кустарники, мельтешение грызунов, бесшумный полет совы. От тихого писка попавшейся в когти мыши Тахира вздрогнула, а потом прогнала запись снова.

Ничего. Она замедлила отрывок, наблюдая за тем, как медленно перемещается по сцене сова. Нахмурилась. Над травой склонялись семенные шапки. Но именно у этого вида они несколько недель назад созрели, рассыпав вокруг зрелые семена.

Тахира скопировала запись и отправила в ИИ для поисковой идентификации. Потом запустила сканирование системы безопасности, ища копию сцены, что зафиксировала вторая камера. Уже через минуту в голополе выскочило совпадение на девяносто девять процентов. Две совы пролетели бок о бок, два одинаковых писка разорвали тишину. Тахира проверила данные. Ну точно. Запись появилась пять недель назад, безмолвной ночью… она проверила… никаких сигналов от системы безопасности, даже антилопа не натыкалась на Периметр.

Несколько секунд Тахира сидела, мрачно разглядывая застывшие изображения, затем убрала их. На этот раз она поручила ИИ выяснить личность жертвы, но тому пришлось искать по всей сети, и такой запрос требовал времени.

Со вздохом Гани отправила по электронной почте видео девушки и две одинаковые последовательности с совами боссу, потом наконец ткнула в гневно мигающую иконку.

Карло понадобилось целых пять минут, чтобы ответить. Значит, скорее всего, он был в кровати. С кем-то. Он недавно провел неделю в спа и сейчас, похоже, на деле проверял эффективность. Тахира собралась с духом, когда лицо начальника появилось в голополе. И действительно, босс оказался в шелковом халате, а его обычно идеально уложенные волосы теперь были растрепаны.

– Ну наконец-то. – Он прищурился. – Ты где была? Я тебе позвонил сразу же, как получил отчет, но твой линк не отвечал.

– Проверяла зону.

– У нас программы для этого есть.

– Программы ее не нашли. А я нашла.

– Журналисты еще не прознали? – Карло оглянулся через плечо, понизил голос. – Думаю, нет, иначе интерфейс уловил бы и предупредил меня. Хорошо. В этот раз тебе надо выяснить, как нарушительница проникла внутрь. И почему система безопасности не сработала. Опять. Пока же ты должна усыпить всех причастных к инциденту львов. Это страховка против шумихи в прессе. Мы же сделаем все, что сможем.

– Львы не виноваты. – Тахира покачала головой. – Кто-то сделал все для того, чтобы девушка на них наткнулась. Ее просто сбросили перед ними.

– Что значит «кто-то» и «сбросили»? – Он провел ладонью по волосам. – Тахира, выражайся более внятно.

– Ее сбросили. Буквально. – Гани умерила пыл. – С глиссера, или с вертолета, или с чего вроде того. Она была в сандалиях вроде тех, что носят в спальне. Я только что отправила тебе запись из системы безопасности, а также отрывок, который использовали для замены большей части сигнала.

Карло уставился на нее.

– Это невероятно. – Он отчеканил слова, рассекая воздух ребром ладони для большей убедительности. – Ты знаешь, сколько стоит такого рода взлом? Позаботься о безопасности Периметра. Там что-то сломалось. Мы усыпим льва, покажем людям, что все держим под контролем. Пресса Штатов поднимет настоящий вой, если узнает об очередном убийстве. Сама знаешь, что они думают о заповеднике.

Да, она знала.

– Я могу пожертвовать или тобой, или парочкой львов. Тебе решать, Тахира. – Карло прищурился. – И прежде чем ты скажешь что-нибудь, хочу заметить, что ты для меня гораздо ценнее львов,

они и так прекрасно размножаются. К тому же, как только генетики получат более древний фенотип, мы больше не будем использовать африканских хищников. Потому давай прекратим этот спор. – Он взглянул через плечо, на секунду поджал губы, потом вновь повернулся к Тахире. – Я приказываю тебе усыпить льва, который убил этого человека. Обязательно получи совпадение ДНК, чтобы мы могли все доказать, а саму операцию я поручаю тебе. Даже позволю сказать журналистам, что во всем виноватое одинокое животное. Картинку подстроишь сама.

Он и так немало ей позволил. Карло мог потребовать расправиться со всем прайдом – журналисты точно начнут настаивать на таком решении. Он мог ее уволить.

– Слушай, мы можем поговорить о том, как эта девочка попала сюда? Она была совсем молоденькой, Карло. Одета как на свидание. Возьми и посмотри запись, которую я тебе прислала. Она не шла по заповеднику от самого Периметра. И, по моему мнению, это гораздо важнее, чем порадовать прессу.

– Ты ошибаешься. – Карло прервал ее очередным взмахом аристократической руки. – Если нам повезет, никто об этом не узнает. Убедись, что к этим файлам нет доступа. Правительственный контракт на заповедник должны обновить через месяц. И Штаты, как обычно, будут серьезно давить, чтобы перехватить его. Если не хочешь остаться без работы, лучше надейся, что Мировой Совет сочтет нашу работу удовлетворительной и не передаст контракт кому-то другому.

Изображение исчезло.

Тахира уставилась на перламутровое мерцание.

Он был прав. Огромный заповедник, занимавший центральную часть Соединенных Штатов, где восстановили экосистему плейстоцена, включая мегафауну и виды, населявшие эту территорию миллионы лет назад, являлся частью гигантского эксперимента по экологическому контролю климата. Многие страны относились к нему с большим беспокойством, видя угрозу для собственных пастбищ и сокращающихся нетронутых районов, так как растущее движение Гайи использовало квоты на выработку углерода в качестве рычага давления для создания еще большего количества неприкосновенных зон. Громкий скандал в прессе – и Штаты смогут получить поддержку и забрать всю территорию обратно, наплевав на долги и квоты. Это был вопрос национальной гордости. А когда дело доходило до нее, сдавала любая логика.

Тахира заварила себе чайник очень крепкого чая и принялась просматривать записи системы безопасности за последние двадцать четыре часа, ища объекты человеческой массы или

любой намек на приземление небольшого судна. Когда солнце показалось на горизонте, она отключила компьютер, покачиваясь, отправилась в свою маленькую комнату за стеной-фонтаном и растянулась на кровати как была, потная и в одежде.

Никто не вторгся в воздушное пространство заповедника, никаких машин, никаких пешеходов. Может, девушку телепортировали? Тахира грустно рассмеялась. Да, конечно.

– Тахира? Эй, Тахира, ты как?

Джен. Гани моргнула слипшимися глазами, выныривая из глубокого озера снов, видений, которых она не помнила, но те преследовали ее, подобно львам.

– Легла поздно. – Она поняла, что говорит на языке сото, и переключилась на английский. – Извини, мне нужно выпить еще чаю.

Она села на кровати и протерла глаза, мышцы затекли, тело было липким от грязной одежды.

– Я уже заварил. – Джен стоял в дверях с кружкой в руке и явно нервничал. – Когда ты не услышала, как я вошел, мне сразу стало понятно, что чай тебе не помешает.

– Спасибо. – Тахира встала, радуясь, что прошлой ночью не разделась, и взяла кружку. – Ты очень мил.

Она улыбнулась. Этот слишком честный аспирант на прошлой неделе попытался залезть к ней в постель, наплевав на всю разницу в возрасте. И ее вежливое «нет, спасибо», похоже, сильно его задело. Тахира сделала глоток достаточно крепкого чая, одобрительно кивнула Джену. Обычно тот заваривал слабый.

– Тебе официальное письмо пришло. – Джен стоял за дверью, словно часть Периметра ограждала ее комнату, его серебристо-белые волосы, заплетенные в косички с бусами – ярко выделяющиеся на фоне смуглой кожи и должные казаться сексуальными, – качнулись вперед, когда он тряхнул головой. – С защитной печатью. Выглядит довольно важным.

– Да уж. – Тахира сделала еще глоток. Официальное распоряжение казнить хищника. – У нас был еще один нарушитель прошлой ночью.

– Ты шутишь? – У Джена аж глаза округлились. – Нет, похоже, не шутишь. Еще одно… еще одно убийство? И что мы с ним будем делать?

Гани протиснулась мимо, разозлившись, что парень не может сложить два и два. И тут же ее ужалило чувство вины. Он принес крепкий чай. И не особо вдавался в тонкости политики заповедника. Потому она остановилась, обернулась и пожала плечами:

– Разумеется, мне придется убить одного из львов. Хоть они и

не виноваты.

Это известие не особо его задело, да и с чего бы? Джен – аспирант, изучает симбиоз между львами и каким-то видом ос. Не самая популярная тема, которая тем не менее обеспечивала доход и формировала информационный кругозор. Для него львы являлись лишь источниками еды для насекомых, которые откладывали яйца в личинок жалящей мухи, постоянно досаждавших животным. Осы же были лишь работой, средством для заработка. Джен изучал бы любую тему, лишь бы за нее платили.

Тахира вздохнула:

– Позавтракай со мной, а? Я вчера нашла свежее гнездо цесарки.

Она взбила маленькие коричневые яйца, и они съели их вместе, пока Гани слушала болтовню аспиранта о сборе ос, подсчете личинок и колебаниях популяции. Когда он отправился на работу, взяв с собой сети, мешки для образцов и парализатор, Тахира разделась и начисто смыла пот прошлой ночи и смрад жестокой смерти. Сняла белье с кровати, забросила грязные простыни в ультразвуковой очиститель и босиком, в свежей одежде прошлепала к лабораторному холодильнику, куда положила кости мертвой девушки. Сумка с черной блузкой лежала на полу рядом. Тахира взяла ее, разглядела порванную, заскорузлую от крови ткань внутри пластикового савана. «Зачем ты пришла сюда? – про себя спросила она дух девочки. – Львица не виновата в твоем убийстве. Но когда я усыплю ее, вина за это ляжет бременем на меня, а не на тебя». Злость горела внутри, и Тахира громко сказала:

– Да и сама ты не безвинна – принесла с собой смерть и оставила, как яд, на непорочной земле.

Но слова казались пустыми, а в голове все вертелась картинка: этот безмолвный вопрос: «И где мой парень?» – эта одинокая, совершенно декоративная сандалия, кувыркающаяся в воздухе, такая яркая на экране ночного видения. Отложив кровавые обрывки, Тахира вынула позвоночник и волосы жертвы из холодильника и приступила к работе.

В первую очередь она отправила отчет в департамент шерифа. Значит, журналисты обо всем прознают уже через час. Система безопасности у полицейских больше походила на решето. Потом Тахира начала сканирование ДНК. По правилам ей нужно было провести минимальный анализ, чтобы определить личность, но она сделала полный. Она не хотела приступать к эвтаназии, а подобную дотошность в анализах могла легко объяснить. От постоянной работы на ногах к полудню

разболелась спина, а мажордом возвестил о приходе помощника шерифа Молтерса. Шон. Он всегда разбирался с делами заповедника. Тахира отослала всю информацию в свое личное рабочее пространство, отключила лабораторию и вышла в главную комнату, где царила прохлада, исходящая от стенного фонтана.

– Заходи.

Она впустила его, и Шон вдохнул холодный воздух, снимая шляпу. На его желтовато-коричневой униформе из солнцезащитной ткани виднелись полумесяцы пота.

– Тахира. – Он кивнул, весь вид помощника шерифа говорил о сдержанности и осторожности. – У вас тут опять нарушитель, да? – В этот раз он посмотрел на нее с упреком. – Полагаю, в Периметре дыр нет. Мне не надо беспокоиться, что туристы увидят львов прямо в холле отеля?

– Ты же знаешь, что нет, Шон. – Тахира наблюдала за ярко выраженными морщинами вокруг его глаз. – Периметр непроницаем – для животных. И кто уже устроил тебе взбучку?

– Шериф. А ему накапал на мозги губернатор. – Он вздохнул и бросил шляпу на угол стола. – На того все больше давят люди из движения «Вернем себе Америку». Они получают новости еще до того, как пресса вывешивает их в Сети. Можно мне стакан воды? – Шон жалобно взглянул на Тахиру. – Я знаю, что у тебя все под контролем, но, черт побери, два убийства за два месяца? Журналисты такого не упустят. Ты бы видела, сколько народа сейчас желает знать, что тут и как.

– Садись. Прошу прощения. – Она направилась в кухню. – Я мало спала. Ты получил скан ДНК, который я отправила к вам в офис? – Тахира принесла два полных стакана и графин с водой, поставив поднос на низкий столик рядом с рабочим местом.

– Да. Никаких совпадений. – Шон длинными захлебывающимися глотками осушил сразу полстакана. Вытер рот рукавом. – Ее нет в реестре пропавших. Я отослал скан в национальную базу данных, но сама знаешь, как долго там возятся. – Он закатил глаза. – У них там очередь на шесть месяцев вперед, и это только по особо тяжким. По нашей первой неизвестной я до сих пор ничего не получил.

По крайней мере, он сказал «нашей», хотя технически заповедник находился под управлением Мирового Совета, а не под местной юрисдикцией. Тем не менее Совет любил, чтобы по возможности именно местные власти разбирались с проблемами.

Тахира села на подушку. Голополе замерцало, оживая, она открыла файл и задумчиво уставилась на буквы, цифры и иконки, подмигивающие, словно звезды.

– Я знаю ее. – Она говорила с галактикой чисел и символов, в которую превратились обрывки плоти и костяные осколки. – Она выросла в трущобах. – Следы тяжелых металлов в волосах жертвы могут быть только у ребенка, который жил в грязных пригородных пустошах. – Была очень молодой; скорее всего, ей даже шестнадцати не исполнилось. Европейского происхождения, возможно шотландско-ирландского, нет азиатских или африканских генов, минимальное содержание меланина.

Ее кожа, по-видимому, была очень светлой, а рыжина в волосах – естественной под слоем дешевой краски. Родилась и выросла в бедности, так как у нее осталась генетическая предрасположенность к повышенному образованию холестерина и раковых опухолей. Если бы девушка выжила, то в зрелости имела бы множество проблем со здоровьем. В общем, умерла бы молодой, если только не заработала бы денег на генетическую корректировку.

– Взгляни. – Тахира проиграла запись из системы безопасности. Прислушалась к тихому вздоху Молтерса.

– Она не ждала львов. – Лицо у него помрачнело. – И точно не отбилась от экскурсии, а?

– С наших экскурсий никто не пропадает. И да, львов она не ожидала.

– Есть какие-то идеи?

– Это очень дорого. Взлом наших систем – недешевое удовольствие. Мы не экономим на безопасности.

Шон озадаченно на нее посмотрел, его густые брови нависли над ярко-голубыми глазами.

– Но кое-что, – протянула Тахира, припоминая, – не меняется.

– К примеру?

Линк зазвенел.

– Мне сейчас экскурсию вести. – Она встала, чувствуя возраст в костях, пусть они и работали идеально, поднимая ее тело с такими молодыми мускулами. Как будто сокращались невидимые теломеры, тикали, словно часы. – Надо идти. Если что-нибудь найду, отправлю тебе по почте.

Он пошел к двери, но вдруг оглянулся:

– Заезжай к нам в офис. – Эти невероятно яркие, голубые глаза смотрели прямо ей в лицо. – Куплю тебе пива.

Дверь захлопнулась за ним, вдохнув горячую пыль в комнату.

Экскурсия была из дорогих, поэтому Тахире пришлось ее вести. Люди купили пакет: отель, может спа, заповедник и экскурсия, которую проведет лично управляющий. То есть Тахира. В рабочем контракте значился специальный пункт,

указывающий, сколько таких экскурсий она должна была проводить в месяц. Сначала Карло даже предложил ей вырядиться в одежду туземца. Когда она сказала ему, что в таком случае ей придется носить рваную футболку с именем местной футбольной команды, он заткнулся и больше об этом не упоминал. Туристы уже ждали рядом с кондиционированным автобусом, разглядывая пыльную территорию вокруг, тыкая линками в здания и цесарок, копошащихся в тени. Гаджеты, снимая видео, тут же искали совпадения в Сети, загружали пояснения: жизненный цикл цесарки, историю заповедника, схемы зданий, если вы хотели на них взглянуть. Гид заметил Тахиру и что-то произнес. Туристы, чуть ли не в унисон, тут же перевели линки на нее.

Гани захотелось пригнуться, как будто ее взяли на прицел. Разум подсказывал, что это обычный жест. Неужели, промелькнула мысль, это наведение линков для получения информации по сути своей враждебно? А может, все дело заключалось в том, что тот человек, который расстреливал беженцев, когда Тахира была еще маленькой, обращался со смертью, как эти туристы со сбором данных, как с чем-то вполне обычным, даже повседневным? Она не знала, но испуга не показала и улыбалась, когда гид начал экскурсию, хотя его никто не слушал. Туристы не сводили глаз с экранов линков, куда гид в текстах и картинках закачивал жизнь и смерть, любовь и потерю, удачу и поражение. Тахира вошла в автобус вместе с остальными, заняла мягкое кресло впереди, лицом к публике. Гид сел рядом, также лицом к людям. Многие из них прибыли из Внеземелья, с орбитальных платформ, а может, даже с Марса. У них была смуглая кожа, хотя и светлее, чем у народа Тахиры, лесото, но их тела казались хрупкими, непропорциональными, а глаза слишком яркими.

Они не совсем походили на людей.

– Выезжай с территории комплекса прямо и на первом повороте сразу сворачивай направо, – сказала она водителю из постоянных. – Поедем по дороге вдоль реки.

– Мы приехали посмотреть на детенышей мастодонтов. – Один из внеземельников оторвался от линка. – Карта парка говорит, что они на западе, за холмами.

– Старая самка всегда приводит стадо на водопой ближе к закату в одно и то же место, – терпеливо разъяснила Тахира. – У вас будет время размять ноги и поесть, прежде чем они покажутся.

– А почему нам не поехать к ним сейчас? – заговорил кто-то еще.

– Наши ритмы более подвижны, чем у животных. – Ее голос

оставался совершенно ровным. – Они знают, что мы будем у реки, мы обычно там появляемся, и мастодонты не беспокоятся. Им все знакомо. Если же мы неожиданно объявимся в непривычном месте… они встревожатся. А это плохо.

Такой ответ удовлетворил не всех, но Тахира другого и не ожидала.

– Эй! – Женщина с очень молодым лицом, золотой кожей и серебристобелыми волосами, как у Джена, оторвалась от экрана. – Я только что новость получила… лев загрыз туриста! Прошлой ночью! Причем это уже вторая жертва!

По автобусу прошел шепот, все глаза сосредоточились на экранах устройств.

– Это был не турист. – Слова Тахиры камнями упали в общее бормотание, и люди оторвались от линков. – Молодую женщину сбросили с какого-то летательного аппарата, чтобы ее нашли львы. – Сейчас она говорила в полной тишине. Все смотрели только на нее, и почему-то это ощущение ничем не отличалось от прицела камер. – Ее обрекли на заклание. Кто-то заснял ее смерть. Этот человек продаст запись за большую сумму денег. Насильственная смерть – ценный товар. Это отвратительное ремесло. – Сейчас слышалось только урчание двигателя автобуса. – Но очень старое. Я видела аппарат, который привез ее сюда. Я видела человека, который им управлял. Я наблюдаю за львиным прайдом каждую ночь и была там, во тьме. Его поймают.

– Такого нет в новостях. – Обвиняющий голос раздался с дальнего сиденья автобуса. Еще один внеземельник.

Тахира пожала плечами:

– А я не сказала об этом журналистам. Но вы в безопасности. – В этот раз ее улыбка оказалась искренней. – Прайд не ходит на водопой туда, где будем мы. Это не их территория.

Было не очень понятно, испытали туристы облегчение или разочарование. Тахира не стала отвечать на вопросы и начала обычную лекцию, обращая внимание гостей на приметы изменяющейся экосистемы, – та еще не достигла полного равновесия. Отдыхающие направили линки на семейство кой-псов, те в ожидании вечерней прохлады укрылись в тени. Щенки играли, отбирая друг у друга обрывок грязной шкуры, и линки зажужжали, увеличивая картинку. Во взрослых животных давно вживили чипы, и туристы быстро получили информацию о каждом кой-псе, о стадиях развития в сторону плейстоценового идеала, который инженеры творили из их предков.

«Вуайеристы», – подумала Тахира, глядя на то, как они наводят линки на цель и бормочут. Наблюдаемая реальность, но

не личная. Не угрожающая.

Она вежливо отказалась рассказывать о погибшей, сообщила только, что власти со всем разберутся. Тут группа отвлеклась на небольшое стадо лошадей. Молодой жеребец уже несколько недель бросал вызов вожаку и именно сегодня решил перейти к более активным действиям. Пыль вздымалась желтыми облаками, пока кони кружили друг напротив друга, делали обманные выпады, прижав уши, пытались укусить, словно змеи, вертелись на месте, выбирая время для удара. На этот раз молодой претендент не отступил, и противники ринулись в схватку, обнажив зубы.

– Эти лошади очень похожи на *Equus verae,* вид, который обитал здесь миллионы лет назад. Если вы наденете свои очки, то сможете идентифицировать молодого самца. – Тахира сделала паузу, пока туристы возились с оборудованием, выданным им в начале экскурсии, которое синхронизировалось с ее очками. Она быстро определила молодого соперника по номеру чипа, и его тут же окружил зеленый ореол. – Он родился четыре года назад весной. Генинженеры полагают, что жеребец очень похож на оригинального *Equus verae.* Все поголовье вывели из лошадей Пржевальского. – Теперь все следили за схваткой, а кони пихали друг друга, кружили, то делая обманные выпады, то лягаясь, а то и пытаясь укусить противника за морду.

Тахира подавила глубокий вздох:

– Вожаку стада около десяти лет. По своим меркам, он прожил долгую жизнь.

Его соперник родился путем искусственного осеменения новыми, улучшенными генами. Если бы старый вожак не сдался, то молодому скоро все равно пришлось бы помочь.

– Это не реальность, – пробормотала Тахира. – Это наша версия реальности.

– Простите? – Один из внеземельников перебрался в переднюю часть салона, чтобы лучше видеть, и теперь все записывал на линк.

– Ничего, – она покачала головой. – Просто говорю сама с собой.

– Тут все так… бесконтрольно. – У него были дружелюбные темные глаза и широкая улыбка, от которых слишком хрупкое тело казалось не столь чужеродным. – Трудно представить, как можно жить в настолько… хаотичном мире.

– Он не хаотичный, – тихо возразила Тахира. – Только люди хаотичны.

От вопроса, сразу появившегося в его глазах, Гани спасли кони. Молодой развернулся в тот самый момент, когда его

соперник решил нанести удар, и лягнул вожака прямо в морду. Раздался глухой удар копыт о кость, слышный даже на расстоянии, и старый самец упал в пыль. Он тут же попытался вскочить, но ему выбило челюсть, а серая шкура потемнела от крови. По автобусу пронесся шепот ужаса.

– Что теперь? – Над общим бормотанием возвысился голос седой женщины. – Что теперь будет?

– Это несчастный случай. Такие схватки редко заканчиваются серьезными ранениями. – Тахира заблокировала очки туристов, но сама осмотрела поверженного жеребца. Нет смысла столь близко показывать кровавые детали. Молодой отогнал соперника на пару метров от кобыл и теперь рысью скакал туда-сюда, вскидывая голову и высоко подняв хвост, тогда как изгнанный вожак стоял, понурившись. Тахира вздрогнула, увидев белый промельк то ли кости, то ли зубов в кровавой каше на морде. – У него сломана челюсть. – Ей даже не нужно было смотреть на диагноз, бежавший перед глазами. – Он не сможет есть. Его, скорее всего, убьют львы или даже дикие собаки. Кой-псы тяжелее обычных североамериканских койотов и охотятся малыми группами. Иногда они ловят более крупных травоядных, особенно когда те слабы или получили тяжелое ранение.

– А почему вы ничего не сделаете? – Голос женщины срывался на пронзительный крик. – Вы что, не можете забрать его и вылечить?

– И что тогда сегодня будут есть львы? – Тахира повернулась и увидела, как по лицу туристки волнами разбегаются ужас и гнев. – Это не наши правила. Они гораздо старше нас. В этом цель заповедника… в возвращении к истокам. Без лошади детеныш льва может умереть от голода. – Она подождала, пока стихнут панические комментарии. Под флером страха уже чувствовались возбуждение и радость. Теперь в их файлах, загружавшихся в личные профили, есть настоящий приз – запись, которую можно с гордостью продемонстрировать друзьям, чтобы те посочувствовали крови, боли и неминуемой смерти, показанной без всяких купюр. Правда, женщина не успокоилась. Она говорила о жестокости и обещала написать каким-то влиятельным людям.

– Вы все подстроили специально для нас? – Внеземельник воззрился на Тахиру своими ошеломленными и одновременно холодными глазами.

– Нет. – Она спокойно выдержала его взгляд, увидела в зрачках собственное отражение, такое крохотное и совершенное. – Но я знала, что правлению старого вожака придет конец рано или поздно. Лошади решили, что это должно произойти сейчас. А потом в дело вмешался несчастный случай.

Обычно кони хорошо уворачиваются.

Он ей не поверил. «Ты даже представить себе не можешь, что люди не способны что-то контролировать», – подумала она. А потом на мгновение пришла мысль, что ее дочь тоже могла улететь с Земли. Силы безопасности Совета действовали везде. Раньше Тахира и не представляла себе такой возможности, и тут ей стало жутко, непонятно почему. Сейчас дочка была гораздо старше этого туриста.

Они поехали дальше, и гид, немало повидавший профи, отправил ей сообщение с просьбой показать что-нибудь интересное, поднять туристам изрядно испорченное настроение. Тахира уже вывела на экран список.

– Сверни налево прямо за той ивовой рощицей… да, здесь.

Автобус съехал на грунтовку легко, благодаря вездеходной подвеске в салоне даже не расплескались напитки, которые разносил официант.

– Инженеры добились значительных успехов с длиннорогими бизонами. Они уже мало чем отличаются от животных, которые паслись на этих равнинах во времена плейстоцена. В этом стаде разродились три самки, последняя буквально прошлой ночью. – Она просканировала чипы, нашла матерей в двухстах метрах от дороги. – Они там, в траве, поэтому мы можем понаблюдать за ними. Если вы посмотрите туда, куда указывают стрелки в ваших очках, то увидите телят.

В поле зрения замигала зеленая стрелка, указывая направо, и, когда Тахира повернула голову, она сменилась еще одной, прямо по курсу. Гани подняла голову и в отдалении заметила крохотные черные точки – пасущихся бизонов. Автобус остановился.

– Все нашли? – Тахира подождала, пока особо медлительные разобрались, куда смотреть. А то, если дать увеличение, пока они крутят головами, полсалона затошнит. – Хорошо, поехали.

Поле зрения размылось, и неожиданно картинка резко увеличилась. Точки превратились в десяток лохматых бурых животных, которые уткнулись носами в выжженную солнцем траву. На их спине сидело множество волопасов. Прямо в гуще стада вышагивали изящные белые цапли, хватая жуков и мышей, вспугнутых копытами бизонов. Длинные рога быков сияли на солнце, когда гиганты мотали головами, отгоняя мух.

Новорожденный теленок с рогами, похожими на шишечки, прижался к боку матери, потом неожиданно нырнул ей под живот и принялся вертеть хвостом, присосавшись к вымени. После коллективного вздоха туристов гид расслабился. От расстроенных гостей больших чаевых не дождешься. Тахира дала посмотреть, как увлеченно бодаются два теленка постарше, а стадо ей даже

подыграло, подойдя ближе к автобусу. К тому времени как экскурсия добралась до площадки наблюдения за слонами, где гостям подали коктейли и изысканный обед, настроение у всех поднялось, о раненом жеребце забыли.

Тахира решила проверить его завтра. Убедиться, что хищники уже добрались до изгнанного вожака. С такой раной его должны были убить довольно быстро, но стая псов, патрулировавших территорию, могла справиться не сразу. Гани вызвала схему сектора, просканировала данные хищников. К ее облегчению, туда направлялись львы. Эти все решат быстро.

Во время ужина туристам повезло, и саблезубый кот – обычно застенчивый и редко попадающийся на глаза – решил этой ночью спуститься к реке на водопой. Туристы приникли к окнам, навели линки и принялись снимать в ночном режиме. Слоны появились по расписанию, а новый детеныш, походивший на мамонта, даже подошел совсем близко к автобусу, задрав кверху хобот от любопытства, пока мать нервно не прогнала его прочь, грозно затопав машине навстречу. Уши подняты, хобот отставлен назад, похож на кобру.

Гид явно был доволен, как будто Тахира подстроила все шоу. Она же откинулась на спинку кресла, пока они возвращались обратно на базу в сгущающейся тьме, и отвечала на вопросы, рассказывала об истории заповедника, работе генетиков и эффекте, который большие консервационные территории оказывали на климатическую стабильность. Иногда ее спрашивали о раненом жеребце.

О мертвой девочке не упомянул никто. Вообще.

Тахира вышла из автобуса в прохладу ночи, в небе висели белая арка Млечного Пути и осколок новорожденной луны. Туристы отправились в уютный отель, где их ждали десерты и напитки. Весь вечер отдыхающие будут увлеченно сравнивать записи. Когда двери уже закрывались, гид широко улыбнулся и помахал Тахире рукой, явно предвкушая хорошие чаевые.

Джен появится только завтра, так что все здание сейчас было в ее распоряжении.

«У вас посетитель», – пробормотала дверь, когда Гани добралась до веранды. У нежданного гостя был официальный пропуск, если он сумел войти. А персональный идентификатор заблокирован.

– Я знаю, кто это. – Тахира вздохнула, потом расправила плечи. – Открой.

– Тахира, какого черта? – Детектив Молтерс вскочил с дивана в центральной комнате. – Ты понимаешь, какие проблемы у меня будут, когда босс получит новости?

– Он что, линк на ночь отрубил? Я думала, ему уже обо всем известно. – Она направилась в кухню, очень хотелось пить. – А если я заявлю, что мою квартиру открыли с помощью пропуска безопасности, надеюсь, ты сможешь предъявить ордер? – Тахира закрыла глаза, когда детектив схватил ее за руку. Замешкалась. – Шон… прости меня.

– Простить? – Молтерс повернул ее лицом к себе, он явно побледнел. – Ты утаила от меня информацию! Солгала о смерти девочки! А потом все выложила кучке туристов! – У него аж ноздри сузились. – Одним «прости» тут не обойдешься.

Кто-то из отдыхающих явно настрочил в блог прямо из автобуса. Тахира на это рассчитывала. Она посмотрела Молтерсу прямо в глаза:

– Я тебе не врала.

– Тогда почему ты сказала им… – Он сощурился и отпустил ее руку. – Нет. Нет, так ты не могла поступить.

– Как? – Она широко раскрыла глаза. – Я рассказала туристам байку, чтобы оживить экскурсию, они преувеличили ее в своих блогах, это не преступление. Твой босс может отрицать все, что его душе угодно, а если поднимется большой скандал, мой босс меня уволит. Воды хочешь?

– И что же ты хочешь сделать? – Голос у детектива был грубым.

– Пойду спать. – Она наполнила стакан из-под крана в холодильнике, потом второй.

– Я собираюсь получить ордер на твой арест.

– На каком основании? – Тахира подняла бровь. – Подозреваю, твой начальник с тобой не согласится. Будет и так трудновато разбираться с прессой, когда та прознает об ошибочных заявлениях туристов. Все станет еще хуже, если ты арестуешь управляющего заповедником, а потом придется его отпустить. Твой начальник очень ответственно подходит к своему имиджу.

– Тогда я останусь тут на ночь. – Он воззрился на нее.

– На здоровье. – Тахира пожала плечами. – Я уже говорила: я хочу спать.

– Прекрасно. – Шон растянулся на диване, упрямо уставившись в потолок.

Она повернулась к нему спиной и активировала голополе. Сначала проверила заповедник. Только небольшие сигналы тревога с Периметра – парочка пеших туристов, имеющих разрешение, сразу отступила, услышав оповещение системы безопасности, небольшое стадо вилорогих антилоп перешло на другое место, когда активировалось отталкивающее поле,

распространяющее неприятный ультразвуковой импульс, тот отгонял большинство дикой живности, а изредка и заблудившийся домашний скот. Больше ничего. Красные иконки обозначали стационарные чипы, указывая на то, что их носитель не двигался с места уже двенадцать часов. Обычно такое происходило в случае смерти или серьезного ранения. Тахира проверила идентификаторы… все виды-жертвы, за исключением одного слона из самого северного стада. Старая самка, но умирать ей было еще рановато. В слонов и крупных хищников вживляли биометрические чипы. Тахира проверила показания, получила свидетельства физического стресса, но без четкого диагноза. Перевела идентификатор на свой линк и решила слетать туда утром, все равно завтра придется устанавливать чипы молодняку. Тогда и посмотрит, что произошло.

Поиск ИИ по видео из системы безопасности дал совпадение. Восемьдесят девять процентов. Тахира глубоко вздохнула, дотронулась до зеленой иконки. Коммерческий сайт. Обнаженная женщина маняще разлеглась на шкуре гризли, лаская мертвую, оскалившуюся морду, розовый язычок модели облизывал полные ярко-алые губы. Интерфейс затребовал логин и пароль. И номер кредитной карты. Взглянув на сумму вступительного взноса, Тахира поджала губы. Пометила ссылку, отправила ее по электронной почте.

Молтерс уставился в линк, взгромоздив ноги на спинку кресла. Когда Тахира отключила поле, он взглянул на нее.

– А что, если человек, который ее сбросил, – женщина? – Глаза у него были серьезными.

Она пожала плечами:

– Ты слишком высокий для дивана. Может, мне лучше надуть кровать для гостей?

– Нет, спасибо. – Он снова уткнулся в линк. – Я спать не собираюсь.

– Тогда, пока не заснул, лучше посмотри, что продают на секс-маркетах. Я только что отправила тебе ссылку… возможно, она тебя заинтересует. У меня к таким вещам нет доступа.

Тахира ушла в спальню. Когда она посреди ночи ненадолго проснулась, то в главной комнате по-прежнему горел свет, а Шон сидел на диване, склонившись над линком.

После этого она спала без всяких сновидений, а утром детектива уже не было.

Дверной уплотнитель вздохнул, пропуская внутрь Джена и запах горячей полуденной пыли с еле ощутимыми запахами львов и секса.

– Эй, как прошла твоя экскурсия вчера? Они там

нафантазировали чего-то? – Он подошел к ней сзади, с глухим стуком бросил на пол сумку с образцами. – И почему там куча репортеров снаружи? В новостях этим утром сплошные сообщения об убийстве. Ты была свидетелем? Смерти девочки? – Его песочного цвета брови дугой выгнулись над бледными глазами. – Ты мне об этом не говорила.

– Знаю. – Тахира махнула рукой через поле, и цифры, иконки, карта истории девочки, написанная молекулами, исчезли. – Давай не будем говорить об этом, хорошо?

– Ты так и не открыла то засекреченное сообщение от босса.

– Я знаю, что там.

– Тахира… – Он мягко положил ей руки на плечи. – Я тоже работаю с львами. Я могу их усыпить. Тебе не надо. Просто дай мне идентификационный чип.

Прикосновения Джена были приятными, без всякого намека на секс. Она расслабилась и даже призналась себе в том, что между ног постепенно начинает разливаться тепло. Аспирант очень мил, а в постели наизнанку вывернется, чтобы ее порадовать. От дрожи предвкушения Тахире стало… грустно. По возрасту она годилась ему в бабушки. Но у плоти – своя мораль. Ганн вздохнула, и его руки соскользнули с ее плеч, когда она поднялась.

– Спасибо за предложение, – улыбнулась она. – Но это моя обязанность. Девочку убили по моей вине.

– Это неправда. – Джен покачал головой, нахмурившись. – Она купила довольно мощный хак, чтобы пройти через сенсоры Периметра. Такое случалось и прежде. Помнишь, как однажды богатенькие парни пробрались сюда с винтовкой? Я тогда только начал работать здесь. Ну, те, что решили пристрелить слона? Это не твоя ответственность – это вина компании, которая поставляла системы безопасности заповеднику.

– Сейчас все по-другому. – Тахира смахнула иконки движением руки. – Ничего общего с этими малолетними браконьерами с их нелепыми винтовками. Тогда я знала, что они здесь.

– Значит, у нее был софт лучше. – Джен пожал плечами. – Ну прекрати, Тахира. Тебя никто не винит… кроме тебя самой.

– Сомневаюсь. – Она повернулась, взглянув в его бледные глаза. – Ее мать? Любовник? Кто скорбит по ней? Она была девчонкой, Джен, даже если никто не заявил о ее исчезновении. На бедных всем наплевать. Ты знаешь, что никто ее искать не будет. Знаешь, куда они делись. – Тахира отвернулась. – Но они винят меня. К тому же она не была настолько богата, чтобы позволить себе такой софт для взлома.

Он покачал головой и тяжко вздохнул – так, чтобы она услышала. Тахира не обратила на него особого внимания, запустив программу слежения, и почувствовала укол вины, так как до сих пор не проверила, что же случилось с той неподвижной слонихой. Все было в порядке, хотя главное лошадиное стадо залезло на пастбище старой кобылы и ее группы. Год выдался засушливый, с травой проблемы. Придется им потесниться с луга на берегу реки. В результате многие жеребята не выживут, а северному прайду будет чем поживиться. Если и весной дождей окажется мало, то небольшое стадо, скорее всего, поглотит более крупная группа. Старая кобыла такого слияния не переживет.

От гидов пришли рутинные отчеты. Никаких проблем, никаких несчастных случаев, экскурсии проходили спокойно. Только один из пеших самостоятельных туристов растянул лодыжку. К нему уже прилетел глиссер первой помощи, и путешественник решил продолжить путь в нарощенном гипсе, подписав отказ от госпитализации. Тахира проверила местонахождение львиных прайдов и слонов, чтобы туристам было что посмотреть. Четыре группы находились на львиных тропах, одна – на слоновьей. Правда, она зря суетилась, гиды уже давно здесь работали и могли легко найти сигнатуры с помощью собственных программ. Все они уже взяли цель, богатые туристы любили живое шоу. Самый обычный день. Она отправила отчет через сетчатую оболочку глаза, упаковала самое необходимое в походную сумку, оставила Джена заниматься микроскопами и на глиссере отправилась в заповедник.

Шон так и не получил ордер; впрочем, Тахира знала, что у него ничего не выйдет.

Она полетела на север проверить неподвижную слониху до возни с чипами. Путь был долгий, практически к северо-западной границе заповедника, рядом с монорельсом. Самка лежала на боку в тени маленькой рощицы деревьев. Когда Тахира пронеслась над ней, старуха подняла голову, навострив уши, скрутила хобот и подобрала передние ноги под себя, пытаясь подняться. Две слонихи-тетушки стояли рядом. Когда она снова рухнула в пыль, они сразу поспешили к ней, стали гладить хоботами, опасливо наблюдая за человеком, когда та посадила глиссер и осторожно к ним приблизилась. Пыль под крупом самки превратилась в грязь из-за мочи. Признаков дефекации не было. Запор? Может, она съела что-то, отчего пострадала желудочно-кишечная система? Температура животного оказалась слегка повышена, и на увеличенном изображении мембраны слонихи выглядели бледными. На вид никакой внешней травмы. Значит, естественные причины. Тахира выбрала диагноз,

загрузила записи наблюдений в файл самки и поставила тревогу, если жизненные показатели упадут до неминуемо смертельного уровня. Тогда она вернется для более полного диагноза. Составит отчет.

Уже сняв очки, краем глаза Тахира заметила какое-то движение. Медведь? Ну разумеется. Когда она снова натянула их, в кустах появилось зеленое кольцо с идентификатором. Короткомордый медведь, еще одно из чудесных созданий генинженеров. Этих хищников притягивала смерть. Одна из тетушек шумно затрубила и ринулась к зарослям, вздымая хобот. Медведь отступил, рыча, и зашел с наветренной стороны. Тахира вернулась к глиссеру, хотя хищника интересовала только умирающая слониха. Правда, ее спутницы вряд ли позволят незваному гостю ускорить смерть вожака.

«Естественные причины, – подумала Тахира, забирая на восток. – Смерть девочки тоже можно списать на естественные причины». Когда дело касается львов, в таком исходе нет ничего необычного.

По белому пути уже шел монорельс, первая утренняя экскурсия. Скоро отдыхающие заметят слониху и начнут осаждать вопросами администрацию. Все туристские вагончики были напрямую соединены с управляющим комплексом заповедника. Тахира включила автопилот, навела глиссер на идентификатор стада бизонов, которых надо было очиповать, и быстро удалила изображение слонихи и ее подруг из файла старой самки. Она выбрала другое изображение, из прошлого, где та стояла со своим последним детенышем, потом поставила линк на запись и улыбнулась посетителям. Дружелюбным и позитивным тоном Тахира быстро объяснила ситуацию: животное умирает по естественным причинам, тетушки приглядывают за ней, и это (тут снимок матери с детенышем) часть природного цикла жизни и смерти, а мясо старой слонихи послужит пищей для щенков (тут пойдет недавний снимок трех резвящихся песиков) и падальщиков. Она загрузила видео в администрацию, предупредила Эми Шен, главу пиар-отдела, что будут вопросы по умирающей слонихе и надо дать специальное сообщение от управляющего. Эми прогонит файл через редакторский софт, сглаживая острые углы, и через пару минут, когда пойдут взволнованные запросы, туристы получат обнадеживающее объяснение.

Может, то же самое следовало сделать и по мертвой девочке? Тахира врубила глиссер на полную скорость и пригнулась за ветровым стеклом, проносясь над подножием гор.

Остаток дня она чиповала телят и преследовала стаю диких

щенков, которые уже достаточно подросли для операции. Еще совсем юные, но с бушующими гормонами, они уже препирались с доминирующими альфами. Тут Тахира наконец получила возможность для хорошего выстрела, и чипы пришлись на плотную мускульную массу. Открылись новые идентификационные файлы, пошли данные. Теперь щенки и телята стали частью общей базы. Их смерть будет иметь значение и ценность, станет вкладом в медленно растущий массив информации об этой стабильной экосистеме.

А какой вклад внесла гибель девочки?

Она пошла на корм львам. За это им придется заплатить.

Темнело. Тахира послала Джену сообщение, что собирается проверить прайд, прежде чем вернуться. Сказала ему идти домой, активировать систему безопасности. Увидятся они завтра. Она знала, где сейчас находятся львы, даже линк не стала проверять. Было еще рано, и на водопой они отправлялись позже. Тахира посадила глиссер на землю, съела энергетический батончик, запила его водой, все-таки включила линк, зашла в базу данных заповедника и проверила остальных животных.

Ничего необычного. Никаких сигналов тревоги, простые ритмы завершающегося дня и начинающейся ночи. «Смену сдал – смену принял», – подумала она, сунула обертку в карман и аккуратно закрутила крышку на бутылке. Время. Уже полностью стемнело, и Млечный Путь белым мерцанием растянулся по усеянному звездами небу. Тахира не могла отвести от него глаз. Над лагерем беженцев небеса были другие. Может, она ошибалась, но выглядели они не так. Гани нахмурилась, неожиданно ее встревожило, что она не знает, остались ли созвездия из детства такими же, или память исказила все образы в голове. Она подняла глиссер, переключила очки на ночное видение и полетела искать прайд. Машина шла низко, чуть не задевая кусты, огибала деревья. Если бы кто-то сейчас взглянул на Тахиру, то решил бы, что работник заповедника проверяет местную живность, сканирует чипы. Она повернула на юг, решив взглянуть на львов по дороге на водопой.

В зрительном поле красным цветком выпрыгнуло окно. Нарушение Периметра? Желудок Тахиры сжался. Почему сейчас тревога сработала? Она пригнулась за ветровым стеклом, снизившись, скача по верхушкам деревьев. Появилась карта с красными точками, отмечающими путь нарушителя, по мере того как он активировал сенсоры, разбросанные по всей территории заповедника. Прямо на глазах Тахиры на схеме расцвела еще одна красная иконка. Она направлялась к месту гибели девочки, и, судя по неспешному поведению, гость не старался спрятаться и

явно не пользовался хаксофтом.

Похоже, какой-то дурак решил именно сегодня залезть в заповедник. Идиот. Искатель приключений. Разозлившись, Тахира зашла с юга, позади нарушителя, снизила скорость почти до предела и пролетела прямо сквозь кусты, чувствуя, как веточки шелестят по бокам машины и цепляются за ноги. Она в который раз порадовалась, что на ней костюм из плотной солнцезащитной ткани, сквозь него шипы не проникали. Тахира следовала по пути гостя, отмеченному на карте. Нарушитель находился примерно в ста ярдах впереди, практически на месте гибели девочки.

Неожиданно какой-то невидимый кулак чуть не сбил Тахиру с сиденья, и она отпустила руль. Машина тут же отреагировала, подалась вбок, чтобы пилот не слетел на землю, и автоматически медленно остановилась. Гани вцепилась в ручки управления, но правая рука не работала, и аппарат аккуратно приземлился. Секунду Тахира не могла отвести взгляд от руля, а потом поняла, что рукав промок и теплая жидкость равномерно капает на штаны и в пыль рядом с глиссером. Темная. Кровь. Голова кружилась, Тахиру затошнило, она сглотнула, но слюны почти не было.

«И что ты будешь делать теперь?» Она услышала раздраженный голос Шона в голове. Выбор невелик. Тахира слезла с машины, чувствуя, как подгибаются колени.

– Я не хочу тебя убивать, – донесся твердый спокойный голос из высоких зарослей боярышника с краю поляны, где приземлился глиссер. – Но мешать мне не надо. Можешь позвать на помощь, как только я закончу.

– Привел еще одну на заклание? – Тахира еще не сняла очки, но никакого идентификационного номера не видела. Неудивительно. Человек, занимающийся такими делами, уже давно удалил чип, заменив его временной подделкой. – И много ты на этом зарабатываешь? А что девочки думают? Считают, что просто очередная съемка порно, только в этот раз в пыли? Она не ждала львов.

– Ты чего несешь? – Из зарослей появилась фигура. Высокая. Одета в хамелеоновую ткань, силуэт почти не разглядеть. Огнестрельная винтовка с прицелом ночного видения, уродливая и явно эффективная, такая сразу бросалась в глаза. И что-то не так с голосом, Тахира пыталась разобраться, но в голове плескался жидкий клей, и мысли разбегались.

– Отвечай на вопрос. – Незнакомец явно терял терпение.

– Ты снимаешь снафф-порно, записываешь, как ничего не подозревающих девушек разрывают львы. – Она бы сплюнула сейчас, но ее не покидало чувство, что что-то не так.

Нарушитель неожиданно шагнул вперед и толкнул ее к

глиссеру, от ранения Тахира даже не успела отреагировать, только почувствовала, как выгнулась спина под давлением нападавшего, как заныла здоровая рука. Гани, моргая, уставилась в бледно-серые глаза на суровом, обветренном лице, обрамленном коротко стриженными седыми волосами, и с шумом втянула воздух, то ли от боли, то ли от удивления.

– А ведь Шон говорил, что тут может быть замешана женщина, а не мужчина. – Тахира засмеялась, уже пьяная от боли, та начала пульсировать в правом плече и боку, пламенем расходясь по телу.

– Да, я – женщина. Это мою дочь съели львы. И вам-то, уродам, наплевать, а мне нет. – Ее дыхание жаром обдало лицо Тахиры. – Сегодня ночью они за это заплатят.

– Твоя дочь? – Тани моргнула, пытаясь сосредоточиться. – Так вот почему у тебя такой убогий хаксофт! Ты сюда пришла львов пострелять? И тебе наплевать, что мы тебя поймаем?

– Абсолютно. – Холодные бледные глаза уставились на нее. – Если бы ты не решила защитить их, я бы не стала в тебя стрелять. Я так понимаю, вы тут больше программам доверяете, чем глазам. А я знаю, как работают отслеживатели… Их довольно легко обмануть, если понимаешь, что к чему. – Она захохотала, и этот звук больше походил на скрежет битого стекла. – Я раньше охотилась за диким мясом для черного рынка – когда еще было за кем охотиться. И про отслеживающие программы знаю все. Может, люди, болтающие про кармический баланс, правы, а? – Расколотый смех раздался снова. – Я столько зверей убила, и вот один из них загрыз мою дочь. Но счет я в любом случае сравняю.

– Ты дура. – Тахира высвободила руку и толкнула женщину в грудь. Ее сила удивила обеих, и нарушительница отшатнулась. – Ты все испортила. Пустила на ветер единственный шанс поймать того, кто убил твою дочь и девушку до нее. Ты и твоя бессмысленная месть. Он сюда не вернется, теперь, когда понял, что тут его ждут. Будь ты проклята!

– Ты что за хрень несешь?

– Никакой хрени. – Тахира закрыла глаза и подумала: «Игра окончена». – Как ты вообще узнала, что здесь убили именно твою дочь? Мы даже ДНК до сих пор не идентифицировали.

– Нашла изображение в сети. – Голос женщины скрежетал, грубый, как камень. – Я воспользовалась поиском по видео, загрузила пару ее новых фотографий. И нашла. Со львами. – Она сплюнула. – Один из ваших туристов заснял. Как она бежала. А львы за ней. – Она сплюнула снова. – А ваши люди просто стояли и смотрели.

– Никто тут не стоял. Я видела ту запись. – Тахира замерла,

когда ствол винтовки поднялся и дуло уставилось ей в грудь.

– В новостях говорили, что она сюда тайком проникла. Наверное, хотела доказать чего-то… я раньше бегала по африканским саваннам, работала на сборщиков мяса. А моя дочь была городским ребенком. – На мгновение ее голос дрогнул, потом снова похолодел. – Хочешь рассказать мне свою версию?

– А ты даже не подумала посмотреть, откуда та запись, да? Если хочешь, то проверь сейчас, и увидишь, что это тизер для очень дорогого, запароленного порносайта. Я думаю, твоя дочка считала, что снимается в порно. До самой смерти так считала. – Тахира вытащила линк, заметила, что ствол не дрогнул. Нашла видео из системы безопасности, передала гаджет нарушительнице.

Та взяла его, не теряя бдительности, не убирая оружия. Да, подумала Тахира, тут язык тела человека, который ждет нападения. Она очень хорошо помнила такую позу. Женщина отошла назад, одним глазом поглядывая на экран. А потом замерла, и все ее внимание ушло на линк.

«Сейчас я могла бы ее убить, – подумала Тахира. – Дети – наша самая большая слабость». Она ждала, наблюдая за небом, прислушиваясь к малейшему шороху, доносящемуся от затихшего глиссера. Женщина, наверное, пересматривала запись снова и снова. Наконец она оторвалась от нее, положила линк в карман. Дуло винтовки опустилось, и нарушительница не стала его поднимать.

– А ты зачем сюда явилась? – Голос у нее был спокойным. – Пришла телом защитить этого чертового льва?

– Нет… и да. – Тахира на мгновение закрыла глаза, собрала волю в кулак, чтобы засунуть раздирающую боль в плече куда-нибудь поглубже. – Львица… старая, которая убила твою дочь… ее поймали на воле. Таких, как она, больше нет. Тут всех изменили, гены переписали, из них сделали то, что мы хотим… американского плейстоценового льва. Тот мир, откуда пришла львица, исчез. Мой мир. Да и твой тоже, думаю. – Она ощерилась. – Львица невиновна в убийстве так же, как твоя винтовка, даже если ты наведешь ее на меня и нажмешь на спусковой крючок. Ты и я… – Губы натянулись еще сильнее. – Мы тоже несем ответственность за гибель собственных дочерей. – Дуло оружия дернулось вверх, замерло на секунду, а потом снова опустилось. – Моя старшая сделала то же, что и твоя.

Весь заповедник, казалось, затаил дыхание. Даже насекомые замолчали.

– Я знала, что она делала, но притворялась, будто мне ничего не известно. У нее не было будущего, не было помощи, все

страдали от голода. Я брала муку и масло, которые она приносила домой, и не спрашивала, откуда взялись деньги. – Тахира не сводила глаз с бледного овала, в который превратилось лицо нарушительницы. – Они засняли ее гибель. Я потом наняла человека, чтобы найти это видео. Выкупить. Из ее смерти сделали товар для продажи на рынке. Как и из смерти твоей дочери. – Она ожидала, что винтовка опять поднимется, но ничего не произошло.

– Младшей тогда было шесть. – Тахира говорила равнодушно, без всякого выражения. – Я продала ее в вооруженные силы Мирового Совета, чтобы она не повторила судьбу сестры. Они называют эту процедуру спонсорством, но когда вписываешься туда, то отказываешься от всех прав на ребенка. Позже я потратила кучу денег, хотела выяснить, где она, и, когда дочке исполнилось четырнадцать, я ее встретила. На тренировочном задании по сдерживанию толпы. Она посмотрела на меня. – Тахира глубоко вздохнула. – И не узнала. Тогда мне уже повезло, я нашла работу в Североамериканском плейстоценовом заповеднике, и начальство выяснило, что я… талантлива. Это было много лет назад. Сейчас дочери уже за сорок.

Со стороны глиссера донесся тихий звон.

– А вот и наша львица со своим прайдом, – прокомментировала Тахира. – Это очень изящно выстроенная ловушка.

– Что мне делать?

– Думаю, уже слишком поздно. Он обязательно просканирует землю в поисках сигнатур человеческого размера, на случай если это все же ловушка и я привела полицию.

– Он меня не увидит, – Опять заскрежетало битое стекло ее смеха. – Нелегальные технологии всегда на шаг опережают легальные. Меня засекли твои датчики движения, но на сканере ты бы ничего не увидела.

– У него есть помощник в администрации и, возможно, доступ ко всей нашей сети безопасности. – Тахира пожала плечами. – Конечно, полный доступ во всем заповеднике только у меня, но все возможно.

– Тогда мы попали. – Женщина пожала плечами в свою очередь, выражение ее лица было неразличимо во тьме. – Что мне делать?

– Я хочу, чтобы он приземлился. – Гани закрыла глаза, когда мир вокруг пошатнулся. – Он считает меня свидетельницей, а значит, должен убедиться в моей смерти. Под сиденьем глиссера аптечка. – По лицу тек холодный пот, под мышками щипало. – Там сенсорное меню. Выбери стимулятор, человека, скорую

помощь и дай два пластыря.

Она с трудом оставалась в сознании, не размыкая век, в желудке извивалась тошнота. Женщина протиснулась мимо нее, принялась копаться под сиденьем. Спустя секунду холодные пальцы ухватили запястье, закатали рукав, и Тахира почувствовала укол стимпластыря на внутренней стороне локтя.

– От этого кровь пойдет еще сильнее.

– Знаю. – Тахира выпрямилась, почувствовала прилив энергии, разогнавшей тошноту и тени вокруг. – Ничего не поделать.

Она прикоснулась к меню аптечки, выбрала два кровоостанавливающих пластыря, малый и средний. – Помоги с рубашкой. – Поморщилась, когда нарушительница обнажила ей плечо и руку. – Полностью накрой рану, малый используй на входном…

– Я знаю, как ими пользоваться.

Тахира вздохнула, когда женщина разгладила лекарство по входному и выходному отверстиям. Быстродействующий местный наркоз унял острую боль, осталась лишь неприятная пульсация, на которую уже можно было не обращать внимания.

– Вы на этих своих штуках целый госпиталь таскаете.

– Мы разрешаем туристам-экстремалам находиться на территории заповедника. – Тахира медленно вдохнула и выдохнула, оценивая уровень оставшейся боли. – Мы постоянно думаем о смерти. – Она оскалилась. – Ты же вместе с нелегальным мясом, наверное, и записи убийств продавала, да?

Женщина ничего не ответила, но, конечно, продавала. Иначе чем бы еще отличались ее стейки от фермерских или выращенных в автоклаве? Сам не можешь нажать на спусковой крючок, так хоть посмотришь, как животное умирало.

– Спрячься, – скомандовала Тахира. – Я перегоню глиссер и сяду перед прайдом. Он спустится и начнет меня искать.

– Он гранату на тебя бросит и смоется, – презрительно бросила охотница.

– О нет, – ухмыльнулась Гани. – Как и ты, я ношу хамелеоновое поле. И еще у меня есть устройство, которое хакнул один умный аспирантик, – оно генерирует термальный эффект, сходный со стопятидесятифунтовой антилопой. Он изучал повадки хищников во время ночной охоты, пытался вычислить важность обоняния, терморазпознавания, слуха и зрения. Наш убийца будет думать, что это я. Он так старался не оставить никаких следов. Подозреваю, если бы я регулярно не патрулировала местность, то мы бы никогда не узнали, что тут кто-то погиб. – Еще несколько часов – и от трупа бы осталась

лишь пара обрывков ткани. – Одной из нас придется его убить. Я бы, впрочем, предпочла, чтобы это сделали львы.

– А откуда ты знаешь, что они смогут?

Тахира дернула здоровым плечом:

– Я все устрою. Но если они не убьют, тогда придется нам.

Она вытащила из-за спинки сиденья пистолет, на ношение которого у нее не было никакого разрешения, и сильно удивилась тому, что женщина напротив даже не вздрогнула.

– Ты могла пристрелить меня. Пока я смотрела запись. – На секунду нарушительница замолчала. – Ты мне нравишься. – Ее зубы сверкнули во мраке. – Из тебя получился бы замечательный охотник.

– Навряд ли. – Тахира натянуто улыбнулась. – Но думаю, чем-то мы все-таки похожи. Знаешь, как держаться с подветренной стороны? Прайд на охоте.

– Знаю.

– Мне нужен мой линк. – Тахира протянула руку. Женщина взглянула на нее, пожала плечами, отдала устройство. Гани кивнула и забралась на глиссер, надеясь, что убийца покажется, прежде чем закончится действие стимулятора. Второй дозы она могла не выдержать. Ну хоть кровотечение почти остановилось. Она, не торопясь, полетела над самой землей, опережая львов и наблюдая за показаниями на экране: сила ветра позволяла высчитать расстояние, на которое распространялся запах. Тахира аккуратно посадила глиссер, наполовину спрятав машину за кустом боярышника. Так пришелец должен был решить, что в прошлый раз, когда скинул тут девочку, просто не заметил лишнего свидетеля.

Тахира взглянула на часы, прицепила массивный диск генератора биосигнатур к ветке и пошла прочь, держась подветренной стороны и периодически посматривая на аппарат с помощью зума в очках. Она установила связь с чипом львицы. Через пятнадцать минут надо было вернуться и перегнать глиссер. Львы знали ее запах, поэтому в теории присутствие человека могло не сказаться на их охотничьих привычках.

Осталось пять минут. Тахира поднялась на ноги, разминая мышцы, и вдруг почувствовала какое-то практически незаметное колебание в воздухе, как будто рядом пролетела сова. Она замерла и увидела, что траву и кусты рядом с машиной заслонил размытый матово-черный силуэт. Ну разумеется, военное маскировочное поле.

Тахира не заметила, как убийца вылез из своего глиссера, но он, конечно, тоже пользовался хамелеоновым полем. Лишь на секунду исчез и вновь появился небольшой участок иссохшей на

солнце травы. Мужчина знал, где находится Гани, – по крайней мере, так думал. Он был очень осторожным.

Она уже давно не молилась никаким богам. С тех пор как передала дочь спонсор-координатору из Мирового Совета. Боги походили на львов, они принадлежали прежнему миру. Но сейчас Тахира склонила голову и взмолилась этим древним, умирающим идолам. Пусть они соберут воедино ветер, запах, инстинкт и хоть что-то сделают правильно, по-старому.

Убийца львов не боялся. Это было ясно видно по тому, что он смотрел только на кусты, где Тахира спрятала генератор, и не обращал внимания на хищников, считая их всего лишь парковым аттракционом, реквизитом для фильма, способным убить беззащитную и невооруженную девушку но не того, у кого есть пушка. Тахира ухмыльнулась при виде такого высокомерия. Оно, несомненно, порадует древних богов.

Львица ринулась в атаку так стремительно, что даже движения ее не было видно. Мужчина развернулся, вскинул руку. Вспыхнул свет, хищница споткнулась, упала, но в то же мгновение вскочила и в прыжке, передними лапами ударив по его плечам, повалила мужчину на землю, когти впились ему в плоть, удерживая на месте. Он даже успел сдавленно крикнуть, прежде чем челюсти сомкнулись на его горле. На место бойни подоспела вторая львица и схватила жертву за бедро. Поднялась пыль, белая в ночном видении, пока мужчина бился, медленно задыхаясь. Слышалось только львиное ворчание и утробные рыки. Подошли остальные члены прайда, и, прежде чем убийца умер, ему вспороли живот.

Тахира вздрогнула, когда рядом с ней что-то пошевелилось. Там безмолвно сидела охотница, в ее позе чувствовалось невероятное напряжение. Во тьме влажно блестели кольца кишок. Мужчина прекратил бороться и наконец испустил дух. Львица, убившая его, встала, куснула жертву за плечо и тяжело потрясла головой. Отошла на пару шагов от прайда, рыкнула на самца, решившего подойти к ней, хлестнула его лапой. Правда, удар вышел слабым, нетвердым, а крестец покачивался, пока она, шатаясь, уходила от остальных.

– Она умирает, – прошептала Тахира. – Он успел в нее выстрелить.

А потом Гани заметила слабые полосы на плечах львицы. Это была не старуха, а молодая, из тех, что уже начали походить на своих плейстоценовых предков. Тахира подняла линк в сторону хищницы. Да, самая старшая из последнего поколения, она уже начала претендовать на позицию главы прайда. Наблюдая за кормящейся стаей, Тахира заметила старую львицу, та тоже

хромала. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы бета взяла над ней верх.

Может, кобыла лягнула ее, когда стая убила жеребенка. Тахира медленно выдохнула, боль постепенно стала просачиваться сквозь онемение от стимулятора. Может, лапа у львицы заживет и она не потеряет прайд. Следующая самка на очереди воинственным нравом не отличалась и, скорее всего, бросит вызов не слишком скоро.

Старая львица могла остаться во главе прайда.

На какое-то время.

Тахира поднялась на ноги, ее качало.

– Тебе нужно уходить. Возьми его глиссер. Он сумел перебраться через Периметр, значит, и у тебя проблем не будет. Машину быстро продай. На всякий случай. А я сотру запись о тебе из системы.

Охотница повернулась к ней, на непроницаемом лице можно было прочитать все минувшие годы:

– А ты?

– Мне тут еще надо кое с чем разобраться. – Глаза женщины напомнили Тахире об африканском небе, голубом, засушливом и таком пустом. – Ты свою роль сыграла.

Какое-то мгновение та не двигалась. Потом поднесла палец ко лбу, отдавая честь, развернулась и направилась к глиссеру убийцы. Через секунду взлетела и исчезла во тьме.

Прайд рвал жертву на части, уже начали собираться падальщики. Дикая собака решила урвать кусочек и тут же бросилась наутек, когда за ней кинулся молодой самец.

Тахира могла вернуться через пару дней, собрать последние доказательства. И списать смерть самки на официальную эвтаназию.

Она, хромая, отправилась к глиссеру, надеялась, что не упадет с машины, пока не доберется до администрации. Слабость волнами захлестывала тело.

На панели управления мигала красная иконка. Система безопасности подняла тревогу. Чертыхаясь вполголоса – охотнице стоило вести себя осторожнее, – Тахира открыла сообщение.

Официальное нарушение Периметра, совершенное на законных основаниях в соответствии с разрешением суда, приблизительное время контакта – пять минут.

Тахира прислонилась к глиссеру и закрыла глаза. Разрешение суда. Значит, Шон все-таки получил ордер? Она стала ждать, прислушиваясь к шепоту приземляющейся машины.

– Тахира. – Голос у офицера был суровым. – Что, черт возьми, происходит? У тебя прямо за спиной львы, и они что-то едят.

Он испугался. Ее губы дернулись, она почти что улыбнулась.

– Они заняты. Нас не тронут. Думаю, меня надо подвезти. – Гани с трудом открыла глаза. – Не уверена, что смогу вести глиссер сама. Арестовать меня прилетел?

– Ты чертовски права. – Он появился рядом, не сводя глаз с львов. – Сначала в госпиталь.

– Неплохая идея. – Она с трудом выпрямилась, взглянула ему в лицо. – Ты проверил ту ссылку? Купил доступ?

– Да. – Он отвернулся на мгновение.

– Человек, который привозил сюда девочек… Он там лежит. – Тахира дернула подбородком в сторону хищников. Дурная идея. Голова сразу закружилась.

– Уверена?

По лицу детектива было совершенно непонятно, о чем он думает.

– Да. Возьми. – Тахира передала Шону парализатор с глиссера. – Не думаю, что львы меня побеспокоят, но, если кто-то все же решится, это их остановит.

Прежде чем офицер успел отреагировать, она добралась до мертвой самки, одним глазом приглядывая за львами вокруг трупа. Те знали, что человек рядом, но не обращали на нее внимания, как и на кой-псов, столпившихся вокруг. Тахира быстро взяла образец ткани, бросила его в пакетик и вернулась к машине, потратив последние силы.

Она окончательно выдохлась. Сдалась на милость Шона, равнодушно наблюдая за тем, как все больше размывается пейзаж перед глазами. Прекрасно чувствовала толчки, скорость, тихий, приглушенный монолог из ругательств. Периодически теряя сознание, Тахира сквозь дымку видела огни, суету, с трудом понимая, что ее уже привезли в курортную больницу. Кто-то громко спорил прямо над ней. От криков разболелась голова, и Гани провалилась в темноту.

Когда она открыла глаза, было светло, по-дневному светло, а язык больше походил на речное русло во время засухи.

– Врачи хотят, чтобы ты выпила вот это. – Над ней появился Шон, держа в руке прозрачную грушу с желтовато-зеленой жидкостью и трубочкой для питья.

Она сделала глоток и тут же сморщилась. Ничто на свете не могло придать электролитам нормальный вкус.

– Пуля повредила мягкие ткани, но важных органов не задела, – кротко сказал детектив. – Но дырка получилась большая. Им пришлось откачать немало крови.

Тахира уставилась на плотно забинтованную левую руку. Ничего не болело, но это, скорее всего, действовали лекарства.

– Я могу уйти?

– Думаю, они позволят тебе уйти, если ты подпишешь кучу бумаг и откажешься от помощи, чтобы потом никто их не винил.

– И куда мы? В тюрьму?

Он слегка прищурился:

– Может быть. Нам стоит об этом поговорить.

Насчет бумаг детектив не ошибся. Она подписала и заверила узором сетчатки штук шесть освобождений от любой ответственности, и только потом ее отвезли на моторизованной коляске к выходу и отпустили на все четыре стороны. Шон подал ей руку, Тахира не хотела так сильно на него опираться, но все равно пришлось. Он приехал на маленьком электромобиле. Его собственном, что ли?

– Ты не на службе? – Только сейчас Тахира поняла, что Молтерс одет в самую обыкновенную рубашку из солнцезащитной ткани и шорты цвета хаки. – У тебя выходной?

– Да. – Он забрался на водительское сиденье, включил кондиционер и принялся ждать, пока внутри станет прохладнее. – Не хочешь мне что-нибудь рассказать?

– А что, если не хочу?

Он пожал плечами. Взглянул на нее своими холодными голубыми глазами.

– Полагаю, я по-прежнему могу арестовать тебя по подозрению в пособничестве убийству.

– Никаких подозрений. Так и есть. – И Тахира все ему рассказала, откинувшись на все еще теплый пластик сиденья, пока машина зажужжала, оживая, и Шон поехал обратно в заповедник. Рассказала всю историю, начиная с экскурсии до засады охотницы и прибытия оператора.

Шон не произнес ни слова.

Гани закончила, когда они проехали в богато украшенные ворота заповедника, и закрыла глаза – выдохлась. В плече пульсировала тупая боль, которая явно грозила стать еще хуже.

– Охотница. – Шон припарковался в полуденной тени от солнечных батарей на крыше. – Удивлен, что ты не хочешь, чтобы я арестовал ее.

– Зачем? – Тахира открыла глаза. – Ее мир мертв, так же как и мой. Охотиться не на кого, дикого мяса больше нет. По крайней мере такого, каким она зарабатывала на жизнь.

– Она может вернуться, браконьерствовать.

– Не станет.

– Ты так уверена?

– Да.

Шон вздохнул:

– Значит, ты добилась справедливости. Львы убили мужчину, как и ту девочку. И теперь ты хочешь, чтобы я закрыл на это глаза. Ты думаешь, так все закончится?

Горечь в его голосе удивила ее.

– Ну, разумеется, ничего не закончится. – Она открыла глаза и спокойно посмотрела ему в лицо. – Не он заправлял операцией. Этот парень был всего лишь инструментом. Это слишком большой бизнес. Сомневаюсь, что это когда-нибудь закончится, Шон. – Одной рукой Тахира открыла электрическую дверь, удивившись, насколько тяжелой она ей показалась. – Для нашего вида смерть – это наркотик. И сейчас, когда мы вот-вот победим ее, человечество еще больше любит смотреть на чью-то гибель. – Она с трудом встала на ноги, когда Шон пришел к ней на помощь, и даже не покачнулась. – Но здесь это прекратится.

– И в этом ты тоже уверена?

– Да. Уверена.

Он поднял голову, взглянул на безоблачное голубое небо:

– Даже если ты умрешь?

– Если я умру, то информация, как все это остановить, попадет к тебе.

Тахира направилась к входу. Оценила расстояние. Далековато. Когда детектив нагнал ее, взял под руку, она не стала сопротивляться. Он злился, и его гнев распространялся на все вокруг, словно степной пожар.

– Хотелось бы знать, кто назначил тебя судьей и палачом.

Дверь просканировала имплантаты Тахиры и открылась, обдав прохладой. От стенного фонтана в воздухе пахло дождем, и Тани глубоко вздохнула, счастливая, что может сделать хотя бы это.

– Я назначила себя сама. – Она рухнула на подушки. – Там пиво в холодильнике. Не принесешь? Раз ты не на службе?

Он так и поступил, передал ей высокий бокал и сел напротив, задумавшись. Шон был старше Джена, на нем уже сказались годы работы. Тахира пригляделась к морщинам вокруг его глаз, видя отголоски прежней жизни, былых радостей и горя.

Неожиданно он взглянул на нее:

– Что значит для тебя этот заповедник?

Тани пригубила пиво, с удовольствием почувствовав холодный, слегка горьковатый вкус. Жизнь, подумала она, состоит из мгновений. Мы просто их не замечаем.

– Я задала себе этот вопрос уже очень давно. – Тахира рассматривала крошечные серебряные пузырьки, поднимающиеся в янтарной жидкости. – Я гораздо старше тебя, Шон. Я – продукт уже давно умершего мира.

– Африки, – пробормотал он.

– Африка – это континент. Лесото. Когда-то, задолго до твоего рождения, мой народ вырастил и вновь расселил львов по умирающим равнинам. Мы их всех убили и теперь, спустя поколения, воскресили. Только мы не знали, что земля вокруг уже умирает. И мы, народ лесото, справились с задачей. На какое-то время. – Она еле заметно приподняла одно плечо. – Но равнины умерли, потом погибли львы, и в конце концов… – Она сделала еще глоток. – Лесото тоже не стало. Здесь… я нашла осколок того, ушедшего мира.

– Львов? – Шон слегка коснулся ее руки.

– Их тоже. – Тахира склонила голову набок, понимая, что пьянеет. – Но это не тот мир, который я знала. Нам наплевать на него, и мы не стали его возвращать. Почему нет, Шон?

– Никакой туристической ценности, – тихо ответил он.

– Этот мир, сотворенный инженерами, настолько древний, что уже кажется новым. – Она попыталась улыбнуться, но вышло как-то криво. – Просто старость не имеет ценности. Но все-таки… здесь есть львы. – Сделала еще глоток. – И здесь можно спрятаться. Хотя бы от памяти.

Кто-то позвонил в дверь.

– Эй, Тахира, ты вернулась? – Джен ворвался внутрь, принес с собой запах пыли и полуденного зноя. – Привет, мы встречались? – Он протянул руку Шону, когда тот встал с дивана. – Я – Джен, аспирант. Жуков изучаю.

– Привет, Джен. Я уже ухожу. – Детектив поднялся, помедлив, затем наклонился и чокнулся с бокалом Тахиры. – За воспоминания.

Она засомневалась на мгновение, посмотрела ему в глаза. И нашла там… сострадание.

Озадаченный Джен переводил взгляд с Шона на Тахиру, пока они пили до дна. Молтерс отнес посуду в кухню, махнул рукой на прощание и вышел. Дверь с шорохом закрылась.

– И о чем шла речь? – Аспирант прислонил полевой набор к стене.

– Он решал, арестовывать меня или нет. – Тахира наблюдала за тем, как Джен наполнил стакан воды. – Я бы тоже выпила.

– А за что? – Он повернулся, улыбаясь, в каждой руке держа по стакану. – И что у тебя с рукой? Какие-то проблемы с глиссером?

– Есть такое. Джен, присядь.

Он подчинился, но явно встревожился, судя по натянувшейся коже вокруг глаз и осторожной нерешительной улыбке.

– Я в жизни много чем занималась. – Тахира сделала

глоток. – В том числе компьютерной безопасностью. И свое дело знала хорошо. Сейчас, конечно, техника ушла вперед, но не настолько.

– Как интересно.

Он неплохо держался, но его выдало тело, от напряжения Джен выпрямился и расправил плечи.

– Да. Поэтому мне удалось отследить изменения, которые ты внес в систему безопасности. – Он открыл рот, но Тахира подняла руку, велев ему замолчать. – И я смогла зарегистрировать источник утечки и идентифицировать тебя. Все записано, Джен. На бумаге. И, если я захочу, окажется у властей. Или в случае моей смерти.

– Я… я не знал… что кого-то убьют. – Он побледнел за секунду, морщины исчезли, круглым лидом аспирант теперь напоминал ребенка. – Это… я был в ужасе. Я не знал… но они бы… Я не могу сказать… Не мог…

«Какое он еще дитя! Интересно, а я была когда-то такой?» – подумала Тахира. Попыталась вспомнить. Вряд ли. Ее старшая дочь тоже никогда не была ребенком. Не по-настоящему. А младшая? Ей хоть дали почувствовать, что такое детство, прежде чем отправили в казарму? Тахира надеялась на это всем своим сердцем. Ведь именно детство она хотела ей купить.

– Когда я в первый раз рассказала тебе о нарушительнице, ты уже знал, что девушку убили. Расслабься, Джен. – Она снова подняла руку. – Ты – всего лишь пешка. Тебе придется кое-что для меня сделать, а потом можешь снова изучать своих насекомых… Хотя лучше как можно скорее переведись на другую исследовательскую программу. – Она смотрела на его склоненную голову и осунувшиеся плечи. – Если со мной что-то произойдет, ты окажешься первым подозреваемым. Для тебя тут небезопасно.

– Что мне надо сделать? – промямлил он.

– Проведешь анализ костей, которые мы обнаружили. Я дам тебе образец львиной ДНК, он должен быть в останках мертвой девушки. Вполне возможно, он там и так есть. Но если нет, ты его найдешь.

– И все? – Джен поднял голову, взглянул на Тахиру с таким страхом и надеждой, что на него было больно смотреть.

– Все.

«В моем мире ты бы не выжил», – подумала она.

– Я… Я уже получил предложение на грант. – Аспирант отвернулся, сглотнул. – Поеду в Антарктический заповедник, буду искать симбиотических бактерий, которые еще сохранились около полюса.

О, неужели он винит себя? По крайней мере, так он точно уберется отсюда.

– Хорошо. Вот. – Она передала ему образец. Кусок плоти уже стал коричневым и уродливым. – Твоя ДНК.

Он взял его и сбежал. Тахира подозревала, что больше не увидит Джена. Он будет ее избегать, пока не уедет отсюда. Гани это вполне устраивало.

Пиво придало ей сил, а может, не пиво, а сострадание в глазах Шона. Она не ожидала, что ее поймут. Но теперь усталость подобралась слишком близко. Тахира открыла голополе, поставила его в безопасный режим, на случай если Джен вздумает вернуться. Направила камеру на лицо. Босс не должен был видеть бинтов.

Карло ответил быстро, он сидел в комфортном кресле из тика и натуральной кожи.

– Ты получила мои сообщения? – Он злился, блестящие черные волосы, обычно идеально уложенные, сейчас были слегка растрепаны, словно он часто проводил по ним рукой. – Что за фигня с прессой? Туристы говорят, что ты видела, как убили нарушительницу?

– Я уже сообщила властям, что это ошибка. – Тахира мило улыбнулась. – Небольшой пожар в блогах скоро потухнет.

– Огласка нам точно не нужна. – Он осклабился. – Такая беспечность… совсем не похоже на тебя. Ты же хорошо знаешь, как избегать негатива от отдыхающих. Ты о чем думала?

– Нужна была наживка, – просто объяснила она. – А это самый быстрый и надежный метод.

Карло был гораздо старше Джена и ничем себя не выдал, даже бровью не повел. Почти, она ему даже поверила…

– У нас очень, очень продвинутая система безопасности. Я посылала тебе отрывки, которыми заменили видео со смертью девушки. Возможно, Джен торопился. – Тахира пожала плечами. – Но у него не было ни доступа, ни опыта, с его помощью нарушитель не смог бы пройти Периметр незаметно. Значит, у преступника был пароль.

– И как он его получил?

Тахира почти поверила, что допустила ошибку, но босс выдал себя. Он задал риторический вопрос.

– Карло, пароль знали только два человека. Ты и я. А в сети никакой анонимности нет. Уже давным-давно. – Она снова улыбнулась. – Я не думаю, что ты из главных игроков. Если бы так… я бы сейчас с тобой не разговаривала. Полагаю, ты просто… сидишь на проценте. Как арендатор. Может, тебе копию записи присылают? Возбуждает она тебя? Настоящая, жестокая смерть с

настоящим страхом и настоящей кровью?

И тогда он отшатнулся, а у нее сжался желудок.

– Так они на тебя и вышли? Ты – клиент, да? – Тахира не могла позволить себе отвращения, разговор еще не закончился. – Я сохранила файл со всеми своими догадками и найденными доказательствами. Их не хватит, чтобы арестовать тебя. Но тем, у кого больше следовательских навыков, их будет вполне достаточно. Рано или поздно тебя арестуют. В день моей смерти весь архив отправится в комитет Мирового Совета.

– Шантажировать решила? – Он скривил губы. – Думаешь, что лучше меня?

– Это не шантаж. Всего лишь страховка. Чтобы такого не произошло снова.

Карло ей не поверил.

– Сканирование ДНК мертвой девочки почти закончено. Я уже провела эвтаназию напавшей на нее львицы. Можешь сообщить об этом прессе и людям. Можешь делать какие угодно заявления о блогерских неточностях, и, как я тебе говорила, весь шум вскоре сойдет на нет. Более того, – тут она не смогла сдержать презрения, – туристов в заповеднике только прибавится. Сам знаешь, жестокая смерть – это сильный феромон.

В этот раз его реакция оказалась намного заметнее.

Тахира грубо оборвала связь.

Она имела право на грубость.

– К нему не подкопаться, – она разговаривала с отсутствующим Шоном, – по голосу слышала, что защищается от несуществующих нападок. – Слишком много денег, слишком много связей. До него не добраться. Он восстанет из пепла расследования, и ничего не изменится. – Она закрыла поле, встала на ноги, всем телом чувствуя свой возраст. Сколько ей еще отпущено? – Возможно, во мне осталось слишком много от старого мира. Я по-прежнему считаю, что справедливость недвусмысленна – око за око, зуб за зуб. Так судят древние боги. Так судят львы.

Она купила старой самке второй шанс. Может, той осталось недолго, а может, еще целый год, прежде чем ее выживут молодые, полосатые соперницы, один вид которых так радует генинженеров. На завтра запланирована экскурсия. Пометка на зеленом календарном поле мерцала, напоминая. Тахира осторожно повела плечом. Если выспаться и не сильно напрягаться, она даже справится. Будут вопросы. Надо заранее подготовить ответы и в этот раз рассказать Шону. о чем будет говорить. В конце концов, она ему должна.

А вскоре это дело превратится в нечто эфемерное, в призрака,

парящего в сетевом пространстве, лишь иногда он будет выныривать на поверхность из-за странного поискового запроса, ведущего к давно устаревшей записи в чьем-то блоге. Мир полон фантомов.

Но Тахира не отправилась спать, а вышла наружу и нашла свой глиссер, припаркованный в обычном месте. Кто-то отмыл его от крови. Она вынула запасные очки из ящика для инструментов, надела их, взмыла в ночь. Львы уже вышли на охоту; может, она догонит прайд, когда тот отправится к реке. Боль в плече утихла, Тахира набрала скорость и выскользнула из яркого пузыря прошедшего дня, которого никогда не было.

ДЖО УОЛТОН
БЕГСТВО К ДРУГИМ МИРАМ С НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКОЙ

Британско-канадская писательница в жанре научной фантастики и фэнтези Джо Уолтон в 2002 году получила премию Джона Кэмпбелла как лучший молодой автор, а позже и Всемирную премию фэнтези за свой роман «Зуб и коготь» («Tooth and Clave»). Наибольшую известность ей принесла трилогия «Мелочь» («Small Change»), состоящая из романов «Фартинг» («Farthing»), «Полпенни» («Ha'penny») и «Полкроны» («Half a Crown»). В числе других ее книг – «Приз в игре» («The Prize in the Game»), дилогия «Мир короля» («The King's Peace») и «Имя короля» («The King's Name»), романы «Жила жизни» («Lifelode») и «Среди других» («Among Others»). Рассказы Уолтон представлены в сборнике «Музы и наблюдатели» («Muses and Lurkers»). Также она выпустила два поэтических сборника. Родившись в Уэльсе, теперь писательница живет в Монреале.

Произведение, представленное ниже, оставляет тревожное впечатление. Автор переносит нас в мир, где Великая депрессия не пошла на спад, а лишь усугубилась и осталась в этом состоянии.

В ГАЗЕТАХ (1)

ПРОТИВ БАСТУЮЩИХ ВЫСТУПАЕТ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

На седьмой неделе забастовки шахтеров в Западной Виргинии вооруженные стычки и непрерывные «партизанские бои» в горах привели к тому, что губернатор обращается…

ПОЛУЧИТЕ УЧЕНУЮ СТЕПЕНЬ ЗАОЧНО

Вы можете пожинать плоды без необходимости покидать ваш безопасный дом или находиться в колледже среди неуправляемых студентов! Только из…

ЭКС-ПРЕЗИДЕНТ ЛИНДБЕРГ УПРЕКАЕТ ШАХТЕРОВ

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Апрельский выпуск уже в газетных киосках! Все новые рассказы Пола Андерсона, Энсона Макдональда и Г. Бима Пайпера! Всего 35 центов.

ВЕСЕННЯЯ МОДА 1960

В этом сезоне в Лондоне и Париже носят длинные юбки, но здесь, в Нью-Йорке, работающие девушки по-прежнему поднимают их повыше. В моде небольшие…

КАК ДАЛЕКО ОТ МАЙАМИ МОГУТ ДОЛЕТЕТЬ РАДИОАКТИВНЫЕ ОСАДКИ?

Ученые утверждают, что это может стать долгосрочной проблемой, но многое зависит от погоды, которая…

Ты ищешь работу
Мечтаешь поесть,
Работа приходит К умелым!
«Бирма Шейв»

ВЫЖИВАНИЕ (1)

Линда Эванс – официантка в пекарне Вундта. Она всегда работала в машинописном бюро, но после увольнения была счастлива найти это место, хотя здесь ей приходится целый день быть на ногах и порой кажется, что лицо треснет от улыбок покупателям. Она никогда не была секретаршей, только машинисткой. Ее сестра Джоан – секретарша, но она умеет стенографировать и может печатать девяносто слов в минуту. Джоан окончила среднюю школу. Она научила Линду печатать на машинке. Но Линда не была такой умной, как Джоан, даже когда они были маленькими девочками в пору, которую она едва помнит. У их отца была работа на фабрике, и они жили в аккуратном маленьком домике в конце автобусного маршрута. Теперь отец уже давно не работает. Он пропивает все деньги, которые ему удается вытряхнуть из девочек. Линде справляться с ним проще, чем Джоан.

– Они простили бы Новый курс, если бы только он работал, – говорит один мужчина другому, когда Линда ставит перед ним его кофе и сэндвич.

– Работал? – насмешливо переспрашивает его спутник. – Он работал. И работал бы, и вытащил нас, если бы только люди поверили в это.

Бедно одетые пожилые люди в залатанных пальто. Посетители заказали горячие сэндвичи с сыром, самое дешевое блюдо в меню. Один из стариков улыбается Линде, и она улыбается в ответ, потом отходит и забывает про них. Весь день на ногах. Джоан подшучивает над сестрой, будто та флиртует с покупателями и в кого-нибудь из них влюбится, но этого, кажется, никогда не случится. Линда обычно дразнила Джоан насчет того, что та влюбится в своего босса, пока это не произошло. И все бы хорошо, за исключением того, что он женат. Теперь Джоан часами страдает, когда с ним, и днями – без него. Босс дарит ей бесполезные подарки: французские духи и кружевное нижнее белье. Когда Линда хочет продать их, Джоан лишь плачет. Обе живут в страхе, что она забеременеет, и что тогда с ними будет? Линда протирает столы и старается не слушать людей с их бесконечными «если бы». У нее достаточно своих «если бы»: если бы не умерла мама, если бы она не потеряла работу в машбюро, если бы Джон не погиб в войне с Англией, а Пит – с Японией.

– Мисс? – окликает один из них. Она оборачивается, полагая, что они хотят еще кофе. По правилам положена только одна добавка. – Можете ли вы ответить на вопрос? – спрашивает он. –

Хотел ли Рузвельт, чтобы мы вступили в европейскую войну в сороковом?

– Откуда мне знать? Меня это не касается. В сороковом мне было пять лет. – Они удовлетворятся этим и предоставят истории хоронить своих мертвецов, думает она и снова принимается протирать столы.

В ГАЗЕТАХ (2)

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ВЫ СМОЖЕТЕ ВОССТАНОВИТЬ

СВОИ УТРАЧЕННЫЕ ФОЛЛИКУЛЫ!

В современном мире бывает трудно найти работу даже при наличии квалификации. Мы, Агентство Сайруса Маркхэма, имеем большой опыт по подбору кандидатов на вакансии, что делает нас непревзойденными…

НОВЫЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ТОРПЕДЫ

Радар, гидролокатор и даже телевидение для…

НАКОНЕЦ-ТО ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ДОМ СВОЕЙ МЕЧТЫ

ПРЕДОСТАВЬТЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ПЕРЕНЕСТИ ВАС К НОВЫМ МИРАМ

Новые книги Айзека Азимова и Роберта Э. Хайнлайна всего за…

ЕЩЕ ОДИН БАНК ПОШЕЛ КО ДНУ В ПЕНСИЛЬВАНИИ

МЫ НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ СЛОВО «ОТДЕЛЕНИЕ», ГОВОРИТ ГУБЕРНАТОР ТЕХАСА

Почему канадцы играют столь превосходно и мощно? Потому что знают…

В ОЧЕРЕДИ (1)

Когда Томми вернулся с флота, он думал, что запросто найдет себе работу. У него было ветеранское удостоверение, дающее право на пожизненное медицинское обслуживание, и он был героем. Служил на авианосце «Конституция», практически в одиночку выигравшем битву за Атлантику и отправившем множество этих ублюдков из Королевских ВМС на дно морское, где им было самое место. У него был опыт и в обслуживании техники, и в орудийной стрельбе. Кроме того, Томми был гордый трудолюбивый американец. Он никогда не думал, что будет стоять в очереди в бесплатную столовую.

В ГАЗЕТАХ (3)

ВРЕМЯ ДЛЯ НОВЫХ МЕЛОДИЙ

Почему музыкальные группы все еще играют Коула Портера?

ГОССЕКРЕТАРЬ ЛАЙНБАРДЖЕР ГОВОРИТ, ЧТО БРИТАНЦЫ ХОТЯТ

МИРА

ТАЙНЫ АТОМА

ЕСТЬ ЛИ У ЯПОНЦЕВ БОМБА?

Источники, близкие к императору, утверждают, что да, но нацисты отрицают, что передали Японии какие-либо материалы. Наши ведущие ученые уже работают над…

НЕЙЛОН, НЕЙЛОН, НЕЙЛОН

ДИАНЕТИКА: НОВАЯ НАУКА О РАЗУМЕ

ВЫЖИВАНИЕ (2)

Она всегда работает сверхурочно, если ее попросят. Линда ценит деньги и боится, что ее уволят, если она не будет услужливой. Девушек, которые хотели бы заполучить это место, полно. Каждый день те приходят спрашивать, нет ли какой-нибудь работы. Линда знает, что Бундты не выставят ее без причины. Она работает здесь вот уже четыре года, с самого окончания японской войны. «Ты нам как родная», – говорит миссис Бундт. Они уволили Олив, другую официантку, но это потому, что для двоих работы было недостаточно. Линда работает сверхурочно и закрывает кафе, когда ей это разрешат. «Ты хорошая девушка», – говорит миссис Бундт. Но у Бундтов есть дочка, Синди. Синди прелестна, ей двенадцать лет, даже еще не в средней школе. Иногда девочка приходит в кафе и пьет молочный коктейль с подружками, и все они хихикают. Линда ненавидит ее. Она не понимает, над чем хихикают дети. И боится, что. когда Синди вырастет, ей отдадут место Линды. Может, она и как родная, но Синди-то родная на самом деле. Пекарня в порядке, люди должны есть, но бизнес идет уже не так, как прежде. Линда знает.

Домой она приходит поздно. Джоан наряжается к выходу со своим женатым боссом. Она моется в раковине в их общей комнате. Душ в коридоре, общий на весь этаж. Его чистят только по праздникам, или когда Джоан или Линда делают это. Люди такие свиньи, думает Линда, лежа на своей кровати, дав наконец отдых ногам. Джоан на три года старше Линды, но выглядит моложе нее. Если бы только она могла влюбиться в босса, который женился бы на ней и увез в славный тихий пригород. Но может, все к лучшему. Линда не смогла бы себе позволить целую комнату, и пришлось бы искать чужого человека, с кем ее разделить. Джоан, по крайней мере, сестра, и они привыкли друг к другу.

– Я сегодня видела папу, – говорит Джоан, щурясь в зеркало и старательно накрашивая рот.

– Скажи, ты не дала ему денег?

– Всего два доллара, – признаётся сестра. Линда стонет. Джоан – простая душа. Она зарабатывает больше, но к концу недели у нее никогда ничего не остается. Джоан все тратит или раздает. Жаловаться нет смысла, Линда знает.

Куда он ведет тебя? – устало спрашивает она.

– На митинг, – отвечает Джоан.

– Дешевое развлечение. Митинги, и факельные шествия, и

линчевания, избиения черных за все, как козлов отпущения. Это вовсе не помогало, просто людям становилось легче жить, если было кого обвинять. Нас воспитывати не так, с укором говорит Линда. Отец их матери был священником и верил во всеобщее братство. Ребенком Линда любила ходить в дом дедушки и бабушки. Бабушка пекла булочки, и весь дом пропах ими. В саду на старой яблоне висели качели. Отец был членом профсоюза, когда-то давно, тогда еще профсоюзы все уважали.

– Какое мне дело до всего этого? – злится Джоан. – Он берет меня туда, вот и все. Он угостит меня ужином, и мы будем петь патриотические песни. Я не собираюсь никого линчевать. – Она яростно душится своими французскими духами Линда снова ложится. Она не голодна. Никогда не бывает голодна. Всегда ест в пекарне – Бундты не возражают – все ошибочные заказы, все остатки выпечки. Иногда даже дают ей пирожные или хлеб, чтобы отнести домой. Линда растирает ноги. Она в самом деле очень счастливая. Но когда Джоан выходит за дверь, женщина чувствует, что ей хочется заплакать. Даже если бы Линда и встретила кого-нибудь, как они могли бы позволить себе пожениться? Как могли бы надеяться на собственный дом?

В ГАЗЕТАХ (4)

МОРСКИЕ ОБЕЗЬЯНЫ ПОРАЗЯТ ВАШИХ ДРУЗЕЙ!

ПРЕЗИДЕНТ ГОВОРИТ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ СПЛОТИТЬСЯ

В Сиэтле сегодня встреча с…

ЛЕТАЙТЕ В СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД РОСКОШНЫМ ВОЗДУШНЫМ КОРАБЛЕМ

СМОЖЕТ ЛИ ЭКОНОМИКА КОГДА-ЛИБО ВЫЗДОРОВЕТЬ?

Со времен Великой депрессии страна тащится сквозь череду взлетов и падений, а экономика шарахается из одного кризиса в другой. Правительство использовало всякие лекарства, от Нового курса Рузвельта до «затягивания ремней» Линдберга, но ничто надолго не изменило положения дел. Экономисты утверждают, что этого следовало ожидать, общая тенденция к спаду была естественной и неизбежной…

НОВЫЙ ГОЛЛИВУДСКИЙ БЛОКБАСТЕР «РЕЙХСМАРШАЛ»

В ГЛАВНОЙ РОЛИ МАРЛОН БРАНДО

В ОЧЕРЕДИ (2)

Когда Сью было семнадцать, она решила, что с нее хватит школы. Ее бойфренд обещал найти ей работу танцовщицы, и девушка уехала с ним в Кливленд. Некоторое время Сью танцевала в топлесс-клубе, а потом и в стрип-барах. Денег не хватало, даже когда она начала приторговывать любовью. Ей всего тридцать четыре, но она знает, что выглядит потрепанной. Она устала. Никто больше ее не хочет. Сью стоит в этой очереди, потому что ей некуда больше идти. Здесь тебя накормят и увезут на грузовике туда, где можно начать все сначала, так она слышала. Сью уже видит грузовик. Интересно, куда они поедут?

В ГАЗЕТАХ (5)

ТАК ЛИ ХОРОШИ НОВЫЕ СОСТАВЫ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ПЕРМАНЕНТА, КАК О НИХ ГОВОРЯТ?

Эксперты утверждают, что да!

НОВЫЕ ПУТИ К СПАСЕНИЮ

ПРЕЗИДЕНТ ЗАЯВЛЯЕТ: НИКАКОЙ ОХОТЫ НА ВЕДЬМ НЕТ

Что бы там ни твердили коммунисты и профсоюзные лидеры, президент сегодня сказал…

ВЫЖИВАНИЕ (3)

Бундты любят включать в кафе радио во время завтрака. Они поговаривают о том, чтобы купить маленький телевизор для посетителей, если когда-нибудь настанут времена получше. Мистер Вундт говорит это, когда Линда осторожно просит о повышении. Он думает, что с телевизором у них появится больше посетителей, хотя Линда считает, что не будет никакой разницы. Она подает кофе, и бекон, и тосты и слушает новости. Линда любит музыку, а Джоан нравится Уолтер Уинчелл. Надо бы спросить Джоан, как она сочетает это с хождением на митинги. Все знают, что Уинчелл ненавидит Гитлера. Ненормальный. Линда не может представить столь сильное чувство к старику на другой стороне мира.

Позже, когда Синди и ее друзья хихикают над своими молочными коктейлями, а Линда чувствует, что ноги у нее отваливаются, входит мужчина и садится за угловой столик. Он заказывает сэндвичи и кофе, а потом пирожное и еще кофе. Это странный маленький человечек. Кажется, ничто не ускользает от его внимания. Одет очень хорошо. Волосы зализаны назад, а одежда чистая. Женщина гадает, уж не детектив ли это, потому что он все время смотрит в окно, но при этом обращает не меньше внимания на то, что происходит внутри, и на нее саму. Она вспоминает, что говорила Джоан, и хочет засмеяться, но не может. Это странный мужчина, и Линда не может понять, что он за человек.

Ей не надо оставаться допоздна и закрывать кафе, и мужчина выходит вслед за ней, когда она уходит. Есть в нем что-то такое, что заставляет женщину думать скорее о законе, чем о романе.

– Вы Линда, – говорит мужчина, выйдя на улицу. Она напугана, поскольку он может быть кем угодно, но они на освещенной улице, здесь ходят люди и время от времени проезжают машины.

– Да, – признаёт она, и сердце ее колотится. – Что вам угодно?

– Вы не Вундт?

– Нет. Я у них работаю, и только, – отвечает Линда, отмежевываясь от них как можно быстрее, хотя они всегда хорошо к ней относились. Она тут же воображает себе, как их арестовывают. Где она найдет другую работу?

– Известно ли вам, откуда Вундты приехали?

– Германия. – Голос Линды спокоен. «Немецкая пекарня Бундта», – написано прямо у них над головой.

– Когда?

– До моего рождения. Почему бы вам не задать эти вопросы им самим?

– Это был тысяча девятьсот тридцать третий.

– До моего рождения, – говорит Линда, чувствуя себя увереннее и делая шаг в сторону.

– Вы видели какие-либо доказательства того, что они евреи?

Озадаченная, она останавливается.

– Евреи? Они же немцы. Немцы ненавидят евреев.

– Многие евреи покинули Германию в тысяча девятьсот тридцать третьем, когда Гитлер пришел к власти, – говорит мужчина, хотя он не может быть намного старше Линды. – Если Вундты – евреи и скрывают свою подлинную сущность, тогда, если вы донесете на них…

Он останавливается, но теперь Линда схватывает его мысль. Если она донесет на Вундтов, ей отдадут их собственность. Предприятие, квартиру наверху, вещи.

– Но они не евреи, я никогда… они подают бекон! – выпаливает она.

– И вы никогда не замечали никаких признаков? – печально спрашивает он. – Жаль. Такой был бы славный бизнес для вас. Вы не еврейка?

– Валлийка, – говорит она. – Мой дедушка был священником.

– Я так и думал. С такими-то чудными светлыми волосами… – Волосы ее выглядят хуже, чем могли бы, но они грязно-белые, как и у Джоан, как у их матери. – Возможно, у меня и есть свидетельство, – говорит он медленно. – Но все данные, которые я могу достать, относятся ко времени до их приезда сюда из Германии. Любого доказательства того, что они все-таки евреи, если бы вы заметили что-нибудь, было бы достаточно, чтобы подтвердить это. Суд выслал бы их обратно в Германию и в награду отдал нам их бизнес. Вы смогли бы вести его, я уверен, что смогли бы. Похоже, вы и так делаете большую часть работы.

– Я просто служу здесь, – отвечает она машинально. – И потом, что именно я должна была заметить? Если они евреи, я имею в виду.

Искушение прилипает к ней, словно жирная пленка с поверхности супа, и впервые за долгое время в сердце у нее вспыхивает надежда.

В ОЧЕРЕДИ (3)

Если ты черный, ты невидимый, даже в очереди за супом. Другие отстраняются от меня, не могу этого отрицать. Нам не дали бы оружие, чтобы сражаться, даже когда японцы палили из пушек по пляжам на побережье Калифорнии. Я уехал оттуда и перебрался на восток, и что толку? Если бы знал, каким невидимым буду здесь, остался бы там, в Лос-Анджелесе. Здесь никто ни разу даже не погнался за мной и не вынудил убегать, никто не угрожал вздернуть, и у меня была работа, приносившая немного денег. Никогда не думал, что буду стоять в этой очереди, потому что, когда доберусь до ее начала, знаю, меня отделят от других. Никто не знает, что будет с нами тогда, они увозят нас куда-то, и мы не возвращаемся назад, но у меня нет выхода, и, по-моему, куда бы нас ни увозили, они намерены всех накормить, правда? Ведь правда?

В ГАЗЕТАХ (5)

ЗАКРЫВАЕТСЯ ОЧЕРЕДНАЯ ФАБРИКА

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ЛОНДОНЕ, В ТО ВРЕМЯ КАК ЯПОНИЯ

И РЕЙХ ДЕЛЯТ МЕЖДУ СОБОЙ РОССИЮ

Будет ли создано буферное государство «Скифия», чтобы разделять две великие силы?

СРАЖЕНИЕ В АППАЛАЧАХ: НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ВЫСЛАНО ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Президент утверждает, что это необходимо для сохранения целостности страны…

СОБСТВЕННИКИ РАССТРЕЛЯЛИ ЗАБАСТОВЩИКОВ В АЛАБАМЕ Шестьдесят человек были госпитализированы сегодня в Бирмингеме после…

БЕГСТВО К ДРУГИМ МИРАМ С НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКОЙ Новые книги Фредерика Пола и Алисы Дэйви…

РЭНД ЛИ
ТРИ ЛИСТКА АЛОЭ

Произведения Рэнда Ли регулярно публикуются в журналах «Fantasy & Science Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Amazing» и многих других. Его отец, Манфред Ли, был одним из создателей детектива Эллери Куина и автором многочисленных романов о нем. Сам Рэнд Ли написал также книгу о садоводстве «Прелести загородного сада» («Pleasures of the Cottage Garden»). В данный момент он работает над новым романом. Рэнд Ли живет на севере Нью-Мексико.

Действие представленного ниже рассказа разворачивается в мире будущего. Это простая, но глубокая история о выборе, который предстоит сделать матери. Возможно, многие из нас окажутся в подобной ситуации уже совсем скоро.

– Амрит Чодхури! Вас ожидают в кабинете руководителя отдела. Амрит Чодхури!

Амрит подняла голову и устало вздохнула. Несмолкаемый гул женских голосов, телефонных звонков и факсимильных аппаратов заполнял все пространство вокруг нее. Это была хрупкая молодая женщина с миловидным лицом в форме сердца и большими вдумчивыми карими глазами, омраченными беспокойством. Почти год она работала оператором в компании «Мумбай Астра Телеком Лимитед», и этот день, который до сих пор не принес ничего хорошего, мог завершиться совсем плохо.

– Амрит? – Над ней склонилась тучная Шраддха Сингх, помощница руководителя отдела. – Мадам просит тебя зайти к ней, – сказала она. – Немедленно.

– Что на этот раз? – спросила Амрит. В ее голосе слышалось раздражение, большее, чем можно было допустить, отчего брови помощницы руководителя удивленно взметнулись вверх. – Прошу прощения! Просто эти американцы… – Она сняла наушники и со стуком бросила их на стол. – Такие подозрительные.

И они не любят расставаться со своими деньгами. Какой бы очаровательной и вежливой я ни была в разговоре, это ни к чему не приводит. Три раза из четырех они вешают трубку до того, как я успеваю произнести: «Добрый день, мистер Уэйн. Меня зовут Мэгги Джонс».

Она нажала кнопку «Выход из системы», сообщая о вынужденном перерыве в работе, и отодвинула стул. По крайней мере, подумала она, здесь удобные стулья. Там, где она работала прежде, были только перевернутые масленки, сидеть на них было

просто невозможно.

– Мэгги Джонс, – хмыкнула Сингх. Взгляды двух женщин встретились, и они одновременно рассмеялись.

– Мэгги Джонс! – обессилев, воскликнула Амрит.

– Бобби Грант! – сдавленно фыркнула помощница руководителя отдела, не в силах сдержать рвущийся наружу смех.

– Джейн Уэст! – Амрит прижала левую руку к сердцу, а правой слегка обмахивала разгоряченное лицо. – Несомненно, они понимают по нашим голосам что мы не из этих мест. – Последние слова она произнесла с нарочитым американским акцентом, что стало причиной нового приступа веселья.

– Амрит Чодхури! К руководителю отдела! Немедленно!

Женщины мгновенно пришли в себя и вместе направились по главному коридору, ведущему к кабинету руководителя.

– Голос мадам звучит угрожающе, – произнесла Амрит. – Ты не знаешь, с чем это может быть связано?

– Полагаю, с твоей дочерью, – задыхаясь, ответила миссис Сингх. Она изо всех сил пыталась не отстать от стройной молодой женщины, стремительно идущей по коридору. Амрит резко остановилась и бросила на спутницу испуганный взгляд. – Нет, нет! С ней все в порядке! Просто небольшие проблемы в школе. Я слышала разговор начальницы. Твоя Мира подралась с одной из старшеклассниц, ее победа была впечатляющей. Они хотели бы поделиться с тобой кое-какими соображениями на этот счет, вот и все.

– Только не это! – простонала Амрит, ускоряя шаг и на ходу поправляя сари, мешавшее двигаться быстрее. Приблизившись к кабинету начальницы, она робко постучала, приоткрыла дверь и осторожно заглянула внутрь. – Я Амрит, мадам. Вы меня вызывали?

– Наконец-то! Заходите, заходите! Не стойте в коридоре. – Амрит быстро вошла в кабинет, закрыла дверь и застыла, прижавшись к ней спиной. Каждый раз, когда ее вызывали в кабинет руководителя отдела, она вновь чувствовала себя маленькой девятилетней девочкой, оказавшейся лицом к лицу со строгим директором школы. У мадам Каттангул были седые волосы характерного стального оттенка, отличительный кастовый знак, и обманчиво добродушное выражение лица. Сегодня она была одета в деловой костюм западного покроя. Как только Амрит вошла, мадам Каттангул со стуком положила трубку телефона на место и обратилась к ней: – Мы вас уже заждались, дорогая. Это мистер Мехта, с которым, я полагаю, вы уже знакомы. – Последние слова были полны сарказма.

– Миссис Чодхури! Мы снова с вами встретились! –

Заместитель директора школьной академии «Гупта» легко поднялся со стула и, широко улыбаясь, протянул ей руку. Амрит осторожно пожала ее. – Прошу прощения, что вынужден был побеспокоить вас на работе, но я подумал, что лучше прийти прямо сюда, чем вызывать вас в школу. Где мы можем пообщаться, чтобы нам никто не помешал? – Последний вопрос был обращен к мадам Каттангул.

Амрит настороженно спросила:

– Что с моей дочерью, мистер Мехта?

Кабинет руководителя отдела, в котором они находились, был единственным отдельным помещением во всем огромном здании, которое занимала штаб-квартира «Мумбай Астра Телеком Лимитед», за исключением разве что уборной. Кроме того, у Амрит не было никакого желания оставаться наедине с завучем. Уже не раз ей приходилось терпеть его ухаживания, чтобы он был более снисходителен в отношении ее дочери Миры, и Амрит поклялась себе, что лучше умрет, но не допустит впредь подобного.

Мадам Каттангул выжидающе смотрела на худощавого мужчину. Он пожал плечами и произнес:

– С ней все в порядке. Дело в том, что сегодня утром Мира поссорилась с одной из старшеклассниц. Причиной стал ее сотовый телефон. Могу предположить, что словесную перепалку начала та девушка, но вскоре ссора переросла в драку. У Миры отличный хук справа, миссис Чодхури! Пожалуй, в школе следует создать женскую команду по боксу, чтобы она могла лучше развивать свои таланты.

– Мне искренне жаль, мистер Мехта, – ответила Амрит. – Я столько раз говорила Мире, что драться в школе недопустимо. Даже не знаю, что на нее находит. – И с тревогой добавила: – С той девушкой все в порядке?

– Все отлично, – усмехаясь, ответил мистер Мехта, – если не считать выбитого зуба. – (Амрит ахнула.) – Ваш сотовый телефон, к сожалению, восстановлению не подлежит. – Он извлек его из кармана пиджака и протянул Амрит, которая снова тяжело вздохнула. Это был ее рабочий телефон. Такие аппараты выдавали всем сотрудникам, чтобы с ними всегда можно было связаться и при необходимости решить деловые вопросы. Ее сотовый пропал три дня назад.

– Амрит, и часто вы разрешаете дочери брать телефон компании? – резко спросила руководитель отдела.

– Нет, мадам.

– Сегодня же вам выдадут новый. Его стоимость, естественно, будет вычтена из вашей зарплаты.

– Да, мадам. Мне очень жаль. Подобное больше не повторится.

– Не сомневаюсь, – (В тот же самый момент раздался стук в дверь. Словно прочитав мысли мадам Каттангул, миссис Сингх появилась на пороге кабинета и вопросительно посмотрела на руководителя отдела.) – А вот и вы, миссис Сингх. Прошу выдать миссис Чодхури новый рабочий телефон. – (Бросив на Амрит сочувственный взгляд, полная женщина кивнула и удалилась.) – Что-нибудь еще, мистер Мехта? Амрит должна вернуться на свое рабочее место.

– Боюсь, я вынужден еще задержаться, мадам Каттангул. Видите ли, – продолжил заместитель директора, – в нашей академии «Гупта» мы придерживаемся политики, заимствованной у американцев: «Три нарушения – и вас исключают». Сегодня Мира уже в четвертый раз продемонстрировала неспособность построить добрые отношения с другими учениками. В подобных случаях мы строгого придерживаемся этого принципа и без крайней необходимости не видим причин его нарушать. Мы вынуждены исключить вашу дочь из школы, поскольку умение обуздать свой темперамент – важнейшее качество, необходимое для жизни в цивилизованном обществе. Уверен, вы согласны с этим.

– Исключить ее? – задыхаясь, переспросила Амрит. – О нет, мистер Мехта! – Она приложила столько усилий, чтобы девочка училась в этой частной школе. Даже несмотря на возражения бабушки Миры по отцовской линии, которая считала, что образование не только не принесет пользу, но и навредит – все может закончиться пирсингом, вечеринками, наркоманией и проституцией. – Неужели ничего нельзя сделать? – В широко распахнутых глазах застыли мольба и надежда, во власти которых было растопить даже сердце каменного Буддь:

– Отчего же, все возможно, – произнес мистер Мехта, не сводя с нее пристального взгляда и медленно поглаживая бородку. – Мы могли бы обсудить… детали. Но пока не будет достигнуто взаимопонимание, академия не сможет повлиять на судьбу вашей дочери. Вы должны согласиться на внедрение няня-чипа.

– Няня-чип? – На протяжении всей беседы мадам Каттангул хранила полное молчание, с нетерпением ожидая, когда все покинут ее офис, чтобы вновь вернуться к делам, составляющим ее пугающе плотный рабочий график. Но последняя фраза привлекла ее внимание. – Неужели Мира Чодхури представляет реальную угрозу для других учеников, мистер Мехта? Я была уверена, что чипы применяют исключительно с целью контроля поведения потенциально опасных преступников, заключенных в

тюремных камерах.

– Вы меня удивляете, мадам Каттангул, – насмешливо парировал завуч. – Учитывая ваше место работы, я предполагал, что вы лучше разбираетесь в современных технологиях. Существует множество различных микрочипов. Сейчас мы говорим не об электронной лоботомии, а о временном имплантировании в организм устройства, сдерживающего проявления агрессии. Мы будем иметь возможность в течение некоторого непродолжительного периода контролировать и направлять поведение Миры, что позволит донести до ее сознания важность и необходимость правильного взаимодействия с социумом. Мы уже опробовали этот метод на проблемных студентах, и результаты превзошли все наши ожидания! Наилучшие показатели были в Германии. – Он подмигнул застывшим в ужасе женщинам и продолжил: – Согласитесь, данный метод более гуманный, чем избиение палками, к которому прибегали в прошлом. Уверяю вас, что готовность миссис Чодхури к сотрудничеству откроет перед Мирой возможность долгосрочного обучения в академии.

– Никогда! – твердо произнесла Амрит. Она подошла так близко к завучу, что тот был вынужден отступить назад. – Я никогда не дам своего согласия на подобную процедуру. Это просто чудовищно. Вы же сами признали, что виновна та старшеклассница!

– Четыре раза ссоры происходили по вине других девушек, – спокойно ответил мистер Мехта. – Четыре раза, миссис Чодхури. Наше общество погрязло в конфликтах, но, если ваша Мира не научится контролировать себя, ее шансы на успех ничтожно малы.

– А как насчет другой девушки? Каковы ее шансы на успех? Ей тоже имплантируют няня-чип, чтобы подавлять вспышки агрессии?! – Амрит понимала, что перешла на крик, но ничего не могла с собой сделать. Лицо ее покраснело, руки непроизвольно сжались в кулаки. Теперь ее было слышно далеко за пределами офиса, но Амрит было все равно.

– Этот вопрос будет решать Совет, – произнес завуч Мехта. – Я вижу, вы расстроены. Предлагаю не торопиться и подумать, прежде чем принять окончательное решение, чтобы впоследствии не сожалеть о его поспешности. А теперь прошу меня простить, я тороплюсь на следующую встречу. Я пришел сюда только из вежливости. – Он попытался уйти, но Амрит преградила ему путь.

– Где она? Где сейчас моя дочь?!

– Миссис Чодхури, успокойтесь. – Из-за стола поднялась мадам Каттангул. Ее спокойный голос мгновенно привел Амрит в

чувства. Встряхнув головой, молодая женщина отступила в сторону, давая завучу возможность пройти.

Мехта поклонился миссис Сингх и, уже направляясь к выходу, произнес:

– Еще раз приношу свои извинения за то, что отвлек вас от работы. Миссис Чодхури, ваша дочь должна уже быть дома. Я поручил помощнику проводить ее. Боюсь, что там она и должна оставаться, пока мы не придем к согласию. – И он вновь улыбнулся Амрит. – Если вы передумаете насчет няня-чипа, позвоните мне, миссис Чодхури. Теперь, когда у вас снова есть телефон, сделать это будет несложно. – И с этими словами он закрыл за собой дверь.

Вечером Амрит вернулась домой. В небольшой квартире, кроме нее и преступного чада, жили другие члены семьи: старшая миссис Чодхури (мать ее покойного мужа), дядя Саавит (брат ее отца), его молодая жена Глория и их шестилетний сын Дакота, у которого была ручная крыса-землеройка со странным именем Ганеза, ожидающая прибавления. Амрит стремительно прошла мимо свекрови, не обращая внимания на ее вечные жалобы, дяди Саавита, окутанного облаком сигаретного дыма (Глория все еще была в интернет-кафе на другом конце города, где работала сверхурочно), и без стука распахнула дверь в крошечную комнату Миры, которая больше напоминала благоустроенный гардероб. Девушка сидела за столом и слушала музыку, лениво скользя пальцем по строчкам учебника. Амрит сорвала с головы своей четырнадцатилетней дочери наушники и строго произнесла:

– Мира, надень куртку. Давай прогуляемся.

– Мам!

– Немедленно.

После чего Амрит проделала весь путь в обратном направлении. Дочь едва за ней успевала, ничего не понимая. Мира была без наушников, с широко распахнутыми от удивления глазами, по-прежнему в школьной форме и накинутой на плечи спортивной куртке. Они проскочили мимо Ганезы, та только с интересом взглянула на них глазами-бусинками и повела носиком, и Дакоты, он был настолько увлечен компьютерной игрой, что не заметил бы и разорвавшейся перед его носом атомной бомбы, пронеслись мимо дяди Саавита, когда-то он был профессиональным боксером, но сейчас успел только крикнуть вдогонку: «Амрит, что случилось? Что за пожар?» – и, наконец, оставили позади старшую миссис Чодхури, что-то бормотавшую на смеси хинди и английского. Мать и дочь выскочили из квартиры, с силой захлопнув дверь, так что та едва не зажала косу Миры.

– Мама! Куда мы идем?

– Увидишь.

И они стремительно направились в сторону оживленной улицы Мумбая. Только там Амрит сбавила шаг и остановилась, чтобы лучше сориентироваться. Вокруг гудели машины, мимо них проносились велосипедисты и моторизованные рикши, продавцы чапати зазывали покупателей, а в воздухе витал аромат свежеиспеченных лепешек. На огромных светящихся щитах мерцала реклама компьютеров «Майкрософт» и имплантатов «Тошиба». Безостановочно мигали и гасли фотовспышки, как будто вас ошибочно приняли за кинозвезду. А худощавые юркие карманники неотступно следовали за увлеченными фотосъемкой бразильскими туристами. Вдалеке раздавался характерный гул поездов, прибывающих на железнодорожный вокзал Махим.

– Нам туда, – показала рукой Амрит.

– Мам, я больше не буду! Обещаю!

Уловив нотки панического страха в голосе дочери, Амрит остановилась. Девушка смотрела на нее, подобно маленькому мангусту, ожидающему нападения возвышающейся над ним кобры. Амрит ощутила укол совести. Она не хотела, чтобы собственная дочь боялась ее. Не такая красивая, но яркая, с длинными пальцами на руках, Мира являла собой память о ее недолгом счастливом замужестве и была единственным значимым вложением в будущее. Но если именно испуг заставит ее дочь прекратить впустую растрачивать бесценную жизнь. Амрит сможет быть жесткой и использует этот страх на благо Миры, пока не придумает лучший способ направить ее на нужный путь. Поэтому она лишь спокойно ответила:

– Мира, я хочу кое-что показать тебе.

Они шли к автобусной остановке, мимо нищих, продавцов газет, полицейских и бизнесменов. Автобус был полон: любители прогуляться по магазинам после трудового дня возвращались домой, а работающие в вечернюю смену сотрудники клининговых фирм, занимающихся уборкой офисов и многоквартирных домов, спешили на службу. Амрит сидела рядом с Мирой, крепко сжимая ее ладонь, будто боялась потерять дочь. Словно в любой момент девушка могла объявить о своей независимости и пуститься во все тяжкие. На остановке у железнодорожного вокзала Махим они вышли из автобуса. Мать и дочь, по-прежнему держась за руки, поднялись по ступенькам на платформу. Мира не выдержала и спросила:

– Ты что, хочешь отослать меня обратно?

– Не выдумывай. Конечно нет. Я же сказала, что просто хочу кое-что тебе показать.

– Она первая начала! – Девушка остановилась и посмотрела на мать снизу вверх. Снизу вверх? Нет, они были почти одного роста. И как только Амрит не замечала этого прежде? – Она назвала меня воровкой, мама! Она сказала, что я украла сотовый телефон, что он принадлежит ей. И он никак не может быть моим, потому что слишком шикарный для меня и мы не можем позволить себе подобного. Она сказала, что я должна немедленно вернуть ей телефон или она все расскажет завучу. Я ответила, что это не ее сотовый, а наш и она не смеет называть меня воровкой. За такие слова богиня-мать Кали может вырвать ее лживый язык и скормить ей на завтрак, несмотря на то что она принадлежит к кшатриям[33] и даже к брахманам[34]. – Мира перевела дыхание и продолжила: – После этого она меня ударила. А я ответила ей, как меня учил дядя Саавит.

– Ты закончила?

Мира кивнула. В уголках ее широко распахнутых глаз блестели слезы, щеки горели от негодования, но ни тени раскаяния не было на лице девушки.

– Тогда пойдем, – сказала Амрит. – То, что я хочу тебе показать, находится немного дальше.

Между зданием железнодорожного вокзала и тем местом, куда они направлялись, возвышалась кирпичная стена. Но молодая женщина знала здесь каждый квадратный сантиметр. Много лет назад маленькой девочкой она часами наблюдала за этим местом с противоположной стороны улицы. Они шли вперед, растворяясь в толпе спешивших по делам прохожих, минуя продавцов и попрошаек, мимо группы буддийских монахов в солнцезащитных очках – и это в семь часов вечера! Вскоре, оставив позади последний стенд с журналами, привлекающими внимание яркими обложками и заголовками о жизни кинозвезд, они остановились около узкой двери с цепями, на которой на семи языках было написано: «ВХОДА НЕТ».

– Нам туда? – проворчала Мира, осматриваясь в полумраке.

– Да, – твердо ответила Амрит и приподняла цепи. – То, что я хочу показать тебе, мы увидим, только поднявшись по этой лестнице на самый верх.

– Но… – запротестовала Мира. Не успев произнести больше ни слова, она почувствовала, как мать втолкнула ее в раскрывшуюся дверь и настойчиво повела за собой.

Деревянная лестница терялась в полумраке. Стойкий запах застарелой мочи, прогорклого масла, сигарет и несвежих дурианов не давал вздохнуть полной грудью. Откуда-то сверху пробивался слабый свет, выхватывая из темноты ступеньки лестницы, заваленные всевозможным мусором, на протяжении

долгих лет оставляемым временными поселенцами. Мира дважды споткнулась. И если в первый раз Амрит успела подхватить ее, то во второй – девушка приземлилась на одно колено, чудом не наткнувшись на валявшийся на лестнице использованный шприц. Позже этот подъем по заброшенной лестнице она вспоминала как один из самых страшных моментов своей юности. Наконец их путешествие завершилось, и они вышли на небольшую площадку, над которой простиралось затянутое облаками ночное небо Мумбая.

Мать с дочерью остановились, переводя дыхание. Мира очень удивилась, осознав, насколько высоко они поднялись. Внизу раскинулся Мумбай, сквозь дымовую завесу были видны улицы, по которым они только что шли, железнодорожная станция, жилые дома, многочисленные офисные здания, сверкающие огнями магистрали. Мира скользнула взглядом по путям Западной железной дороги, уходившим вдаль, где они пересекались с трассой Махим-Сион-Линк, понаблюдала, как перекатываются грязные темные воды реки Мумбай.

– Посмотри сюда! – раздался голос матери, такой далекий, словно с небес.

Мира развернулась: далеко внизу раскинулись бескрайние джунгли безмолвных, таящих в себе неведомую опасность трущоб.

– Ты знаешь, что это? – спросила Амрит, обводя их рукой.

– Конечно, мам. Дхарави. – В голосе девушки звучало презрение.

– А что такое Дхарави? Что ты можешь сказать об этом месте?

– Здесь живут бедные люди. – Поднялся ветер, принесший с собой запах сточных вод из Дхарави.

– Какие именно люди? Уточни.

– Ну, гончары, – медленно произнесла Мира, – мебельщики. Приезжие, не имеющие возможности поселиться в другом месте. Портные, ну и подобные им люди. – Внезапно Мира ощутила контраст между непрекращающимся гулом улиц Мумбая, раскинувшихся далеко позади, и звенящей тишиной трущоб, разверзшихся у их ног. Ей стало неуютно. Здесь, на возвышенности, они были совершенно одни. – Отсюда сверху кажется, что это город мертвых, – поведя плечами, пробормотала девушка.

– Они не мертвы, девочка моя. Они просто отдыхают. Те, кто проводит ночи напролет в труде, а зарабатывает меньше, чем последний нищий может получить за три часа около кондитерской рядом с нашим домом. Полтора миллиона человек живут на осушенной территории, где раньше были мангровые

болота. Здесь нет канализации и очистных сооружений. Постоянные перебои с электричеством. Вода такая грязная, что счастлив тот, кто заработает только дизентерию. – Амрит задумчиво глядела на лабиринт узких улочек и проездов. – Но посмотри: там храм, и мечеть, и школа, видишь? Мусульмане, индуисты, христиане, джайны. Все они вынуждены многократно использовать и латать одни и те же вещи, потому что возможности купить новые просто нет. Твой отец родился здесь, – произнесла Амрит, гордо вскинув голову. – Его дом стоял недалеко от Кумбхарвады.

– Мой отец? Он родился в Дхарави? – Мира не могла поверить в услышанное. Девушка совсем не помнила своего отца. Она знала его только по фотографиям, сохранившимся в старом альбоме. Невысокий мужчина, такого же роста, как и ее мать, с крепкими мускулистыми руками, мощными кулаками и запоминающимися чертами лица. – Ты говорила, что он из Раджастхана! – обвиняющим тоном воскликнула Мира.

– Я никогда не говорила этого. Я сказала, что его предки из Раджастхана. Они были ткачами и художниками по текстилю. Его родители приехали в Мумбай после Великого голода и поселились в районе Гончаров. Когда я познакомилась с твоим отцом, он жил в гараже вместе с десятью другими молодыми ребятами, они ремонтировали старые автомобили и перепродавали их.

Она буквально врезалась в него, когда ворвалась в гараж, спасаясь от разгневанного продавца фруктов, у которого украла три небольших зеленых манго и плитку шоколада. Ей было одиннадцать – маленькая девочка, ему пятнадцать – почти взрослый юноша. Из жалости ребята спрятали ее, а потом он проводил Амрит до дома.

Прошло три года, когда они вновь столкнулись на празднике в Кумбхарваде. Из маленькой девочки она превратилась в очаровательную девушку. Он сразу узнал ее. «Да это же та маленькая воришка!» – воскликнул юноша, заметив девушку в толпе. В ответ она звонко рассмеялась. Амрит только что получила письменное уведомление и была на седьмом небе от счастья: она, младшая дочь портового грузчика и работницы фабрики, стала первой студенткой, которую приняли на стажировку в успешную компанию «Бандра-Курла Комплекс» в качестве специалиста по компьютерной технике. Он купил ей сахарные вафли, и они долго гуляли под бдительным присмотром ее трех старших сестер. Тем летом, в разгар самой страшной вспышки дизентерии, с которой в Дхарави боролись несколько лет, они впервые поцеловались под проливным дождем.

Остановившись на границе между светом и тенью, Амрит повернулась к Мире и серьезно сказала:

– Послушай меня, дочка. Кшатрия, та девушка, что назвала тебя воровкой. Она сказала правду.

– Нет, мама!

– Сотовый телефон не твой, ты взяла его без спросу. Но и не мой, поэтому я тоже не могла бы тебе его дать. Будь иначе, я, конечно, разрешила, если бы ты попросила. Этот телефон принадлежит компании, в которой я работаю. Сегодня мне пришлось купить новый вместо того, что был сломан во время твоей ссоры с кшатрией. Его стоимость вычтут из моей зарплаты.

– Мне так жаль!

– Слишком поздно для сожалений. – Будь жестче, напомнила она сама себе. – Сегодня ко мне на работу приходил заместитель директора академии. Думаю, ты знаешь об этом? – Мира кивнула. Такой несчастной Амрит давно ее не видела. – Догадываешься, о чем шла речь? – Мира отрицательно покачала головой. – Он сказал, что в этом семестре ты уже четыре раза участвовала в ссорах, заканчивающихся драками. И если я не соглашусь на имплантацию няня-чипа, который будет сдерживать вспышки агрессии, тебя исключат из академии.

Запустив эту информационную бомбу, Амрит наблюдала, как она врезалась в сознание дочери и яростное пламя вспыхнуло где-то в глубине глаз девушки. Все время, что они были вместе, мать ни на минуту не выпускала руку дочери из своей руки. И хорошо. Как только Мира до конца осознала смысл услышанного, она резко развернулась и рванулась к ближайшему ограждению. Амрит едва успела удержать ее и притянула к себе.

– Что ты задумала?! – крикнула она. – Что ты делаешь?

– Отпусти меня! Няня-чип? Я лучше умру! – Мира кричала, словно раненый зверь. Девушка взвизгнула и вдруг резко повернулась к матери, Амрит пошатнулась и отступила назад. – Я ненавижу тебя! Няня-чип?! Я ненавижу тебя, ненавижу!!!

– Прекрати! Я же не сказала, что согласилась! – И Амрит, не раздумывая, дала ей пощечину. Мира вскрикнула еще раз, замерла и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Худенькие плечи, укрытые тонкой тканью куртки, нервно подрагивали.

– Что здесь происходит?

Амрит повернулась, прижимая к себе Миру, словно желая защитить ее. Девушка постепенно успокаивалась. Перед ними стоял незнакомец, как и они, поднявшийся наверх по узкой лестнице. Яркий свет фонаря, который он держал высоко над головой, ослепил их. – Вход сюда запрещен! Разве вы не видели надпись на двери? Что здесь происходит?

– Мы просто… – пробормотала Амрит. У нее перехватило дыхание, так что она не могла произнести ни звука. Слова вырывались из пересохшего горла, подобно колечкам сигаретного дыма, которые любил пускать дядя Саавит. – Мы просто… хотели полюбоваться красивым видом! – И в тот же миг она оттолкнула мужчину и бросилась вперед, поддерживая и увлекая за собой Миру. Они сбежали вниз по грязным ступенькам так быстро, как только могли. С крыши доносился разгневанный голос:

– Вы не имеете права! Это запрещено!

Когда они вернулись домой, то обнаружили, что Дакота уже не играет на компьютере и его отправили спать, Глория вернулась с работы и о чем-то громко разговаривала с Саавитом и миссис Чодхури. Когда Амрит и Мира появились в прихожей, все трое одновременно повернулись к ним – и тут же со всех сторон посыпались вопросы. Но Амрит не проронила ни слова в ответ. Они безмолвно прошли мимо и скрылись в небольшой комнатке Миры. Через несколько минут Амрит покинула комнату дочери, плотно закрыв за собой дверь. Она направилась на маленькую кухоньку, мечтая о чашке чая.

Глория проследовала за ней, встала, скрестив руки на груди, и в полном молчании наблюдала за тем, как Амрит наполнила чайник, поставила его на старую плиту и зажгла газ. Глория была почти в два раза младше дяди Саавита. По мнению Амрит, она выглядела бы просто очаровательно, если бы не ее безрассудное следование модным молодежным трендам из Китая. Во лбу и подбородке у девушки мерцали светодиоды, а вся шея была расписана татуировками. Глория родилась и выросла в Мумбае. Она работала официанткой в одном из голографических баров, где и познакомилась с Саавитом. Амрит прекрасно осознавала, какой ошеломляющий эффект производит присутствие в доме ультрасовременной Глории на впечатлительную юную Миру. Юную? Амрит размышляла, ожидая, пока закипит вода. Раньше пятнадцатилетняя Мира уже год как была бы замужем и ждала своего первенца. Она сама вышла за отца Миры в семнадцать лет, и сейчас в свои тридцать два она уже вдова, без малейших перспектив в работе и личной жизни. «Перестань жаловаться, – упрекнула она себя. – Говоришь о прошлом? Да в былые времена ты была бы сожжена на погребальном костре вместе с мужем. По крайней мере, у тебя есть работа».

Чайник засвистел. Амрит подготовила листья, положила их в глиняный заварник, залила кипятком и закрыла крышечкой. Только тогда она обернулась и с улыбкой спросила Глорию:

– Хочешь чаю, тетя?

Эта была их старая шутка. Когда дядя Саавит привел свою

невесту в дом, Амрит невзлюбила ее, считая авантюристкой, решившей окрутить мужчину намного старше себя. Она много всего наговорила тогда дяде. Но месяцы сменяли недели, и уже после свадьбы, когда беременная Глория переехала к ним, Амрит по достоинству оценила ее честность, практичность и ум. Девушка не боялась никакой работы, и, когда дядя Саавит не смог удержать на плаву свой автосервис, Глория начала работать в кафе сверхурочно. Ее заработок стал составлять значительную часть доходов семьи. С тех пор Глория и Амрит называли друг друга «племянница» и «тетя», что обычно помогало им снять напряжение, иногда возникающее между ними. Но на этот раз Глория не улыбнулась ей в ответ.

– Саавит и Парвати только что рассказали мне, что произошло. – По необъяснимым для Амрит причинам Глория была единственной в доме, кто называл старшую миссис Чодхури по имени.

– И откуда Саавит и миссис Чодхури обо всем узнали?

– Помощник замдиректора школы им все рассказал, когда сегодня днем привез Миру домой.

– Да, конечно. Может, чаю? – (Глория покачала головой. В полумраке кухни ее светодиоды мерцали, словно светлячки.) – Тогда все вы знаете, что за ссоры с учениками Мире грозит исключение из академии.

– Это так несправедливо! – Она произносила слова медленно, словно взвешивая каждое из них. – Вина полностью лежит на другой девушке. Саавит сказал, что замдиректора подтвердил это.

– Тем не менее. Мира прекрасно знает правила. Это ее четвертый конфликт. Она должна нести ответственность за свои поступки. – Амрит отвернулась, взяла с полки чашку с блюдцем, ситечко, достала чайную ложку из кухонного ящика. Дрожащими руками Амрит поставила посуду на стол и стала ждать, когда чай заварится покрепче. Не оборачиваясь, она спросила: – Завуч сообщил вам, на каких условиях Мира может остаться в школе?

– Я сама прошла через это.

Пораженная услышанным, Амрит резко обернулась. Выражение лица девушки было спокойным и сосредоточенным, только слезы катились вниз по красивым смуглым щекам.

– Садись, – строго произнесла Амрит. Девушка села за стол, Амрит поставила свой стул рядом. – Что ты имеешь в виду? Что с тобой случилось?

– Няня-чип. Саавит знает не обо всем. Есть то, что он просто не в силах понять. – Глория кивнула в сторону гостиной. – Обещай, что не расскажешь ему о моем секрете.

– Обещаю. – Амрит достала носовой платок и протянула

девушке. Глория взяла его, вытерла глаза и начала говорить. Она рассказывала спокойно, без эмоций, настолько отрешенно, будто читала текст суфлера:

– Это произошло, когда я находилась в исправительном учреждении для девочек. Тогда только начали проводить эксперименты с микрочипами. Мне было тринадцать с половиной лет. Меня отправили в исправительный дом за продажу в школе пиратских дисков «Муфти».

– «Муфти»? – переспросила Амрит. – Музыкальная группа? – Она что-то помнила о них, но смутно: неорадж-рок-бэнд, который пользовался короткой шокирующей славой в шестидесятых. Девушка кивнула.

– Меня привел туда мой старший брат. Это была христианская школа с очень строгими правилами. Он сказал, что это пойдет мне на пользу. Я совсем отбилась от рук, с тех пор как умерли наши родители, и он не мог со мной справиться. Сестры были настоящими демонами. Права голоса не имел никто. Я сопротивлялась, поэтому меня тут же отправили на дополнительной курс коррекции дисциплины и поведения. – Глория взглянула на Амрит, в темных глазах блестели слезы. – Именно тогда начали внедрять чипы. Они уже прошли испытания в тюрьмах, но для новых исследований требовались менее жестокие преступники. Этот проект спонсировало правительство. Мой брат подписал все необходимые бумаги, сестра Камала показывала их мне. Потом нас насильно прооперировали.

– О, Глория… – Амрит взяла девушку за руку. – Как это было?.. Как они?..

Амрит почувствовала, как под ее руками ладонь девушки сжатась в маленький твердый кулачок.

– Нас было шестеро. Чип вживили сюда. – Она дотронулась свободной рукой до головы. – Во время операции мы были в сознании, так было нужно, чтобы пройти тестирование. Нам сказати, что мозг человека – индивидуален, каждый чип должен быть правильно настроен. Доктора касались нас то здесь, то там и спрашивали: «Вы что-нибудь чувствуете, мисс? А так, мисс?» и «Что вы видите? Какие запахи ощущаете?» – поскольку после имплантации чипов иногда возникают галлюцинации.

– Да, – едва слышно произнесла Амрит, – я читала об этом. Слуховые или обонятельные, а даже иногда визуальные, если чип плохо отрегулирован.

Глория сидела, не разжимая руку.

– Не пойми меня неправильно, – произнесла она. – Операция прошла безболезненно. Доктора были добры, к нам относились очень хорошо. И конечно, мы были не единственные.

– Я читала, что чипы второго поколения были применены в более чем шестидесяти исправительных школах по всей Индии. В основном в государственных, но и в некоторых религиозных. Никакого официального подтверждения не было – слухи в Интернете, вот и все. Пока не разразился грандиозный скандал в период смены правительства. – Она поцеловала сжатую руку девушки. – Ох, милая!.. Я ничего не знала. Мне так жаль.

– Подожди, – прервала ее Глория. – Я еще не сказала тебе самого главного. – Теперь она не казалась Амрит такой юной, как прежде. В ее низком приятном голосе внезапно появились стальные резкие ноты, сковывающие душу, словно лед. А взгляд стал таким пронзительным, что Амрит смотрела на нее, как завороженная. – Первое время, точнее, первую неделю после операции мы не замечали никаких изменений. Я чувствовала себя очень хорошо: спокойно и защищенно, словно была укутана в мягкий кокон из ваты. С остальными происходило то же самое. Встречаясь на переменах, мы обсуждали свое состояние. Теперь, когда кто-нибудь из «нечипированных» девушек пытался задеть меня или оскорбить, я не бросалась на обидчика с кулаками, как прежде, а просто смеялась и уходила от них. Было ощущение, что теперь никто, даже сестра Камала, не сможет причинить мне вред.

Ее губы изогнулись в подобие улыбки.

– Это было удивительно, на самом деле: неведомое ранее ощущение гармонии. Что бы ни придумало это воплощение дьявола в обличье сестры Камалы, я оставалась совершенно спокойной. Это сводило ее и других сестер с ума. Ты думаешь, они были рады, что их маленькие подопечные теперь были покладисты и послушны? Нет, казалось, это ужасно их раздражало. Наверное, сестры думали, что мы притворяемся. Поэтому каждые день придумывали все более изощренные способы унижения, тем самым заставить сорваться, чтобы иметь законное право вновь наказать нас. Но этот способ больше не работал. Мы просто не реагировали и были предельно вежливы: «да, сестра»; «нет, сестра», «сейчас сделаю, сестра». Обсуждая это с другими девочками, мы говорили друг другу, что на самом деле все не так и плохо. Как будто микрочипы стали нашими друзьями: это было лучше наркотиков, ведь мы не губили свое здоровье и оставались по-прежнему активными, не утратили концентрацию внимания и ясность ума. Мы продолжали учиться в школе, наш мозг работал лучше, чем прежде. Покой и равновесие, голова совершенно ясная – это было то состояние, которого йоги добиваются путем длительных медитаций.

В конце первой недели нас снова привезли в центр на первый

осмотр. Доктора и медсестры были очень довольны нашими результатами. Врач, который осматривал меня, пошутил, что, если благодаря микрочипам человек будет чувствовать себя так же превосходно, как мы, может, стоит всем их имплантировать. – Она вновь рассмеялась, но нотки горечи в ее голосе не ускользнули от внимания Амрит. – Потом все изменилось.

Амрит немного помолчала и произнесла:

– Я читала, что поведение некоторых людей, которым были имплантированы чипы второго поколения, через некоторое время по многим признакам начинало напоминать аутистическое.

– Можно сказать и так. – Глория резко встала, ее кулачок выскользнул из ладоней Амрит. Девушка скрестила руки на груди и продолжила, стоя вполоборота. Скользнувшая вперед густая прядь волос скрыла от Амрит часть ее лица. – К концу третьей недели две из нас свели счеты с жизнью, одна попала в больницу с сотрясением мозга от ударов, которые нанесла себе сама, еще две просто сошли с ума и пребывали в бреду: НЛО, воспоминания из прошлых жизней, кровавый Кришна и пастушки и тому подобное. Или это был Вишну и пастушки? Никогда не могла запомнить.

– Это пять человек, – сказал Амрит. – Ты говорила, что чипы имплантировали шестерым. Что…

– Было ли у меня сотрясение или я сошла с ума? Ни то ни другое, племянница. Мне повезло.

– Повезло?

– Верно. Повезло. – Она была недвижима и прекрасна, словно каменное изваяние. – Произошедшее было так ужасно: Пиннаи спрыгнула с крыши часовни, думая, что умеет летать; Фатима подожгла себя, чтобы живым пламенем очистить свою карму; Варали пыталась выбить из своей головы какие-то голоса, – а я ничего не почувствовала.

Она взглянула на Амрит, светодиоды отбросили тени ей на лоб.

– Ты понимаешь, Амрит? Я ничего не чувствовала. Вообще ничего. Я видела все это своими глазами – я была там, когда Пиннаи прыгнула с крыши, но у меня было ощущение, что я смотрю триллер по телевизору. Произошедшее не тронуло меня. Я даже помогала сестре Камале наводить порядок во дворе часовни. К тому времени я даже не могла ненавидеть ее. И теперь мы подходим к тому, о чем не должен знать мой муж.

– Я не понимаю, – сказала Амрит. – Я думала, об исправительной школе…

– Нет, об этом Саавит знает. Ему известно и про чип. Я рассказала в ночь перед свадьбой, хотела быть честной с ним,

ведь Саавит так добр и внимателен ко мне. Но я побоялась открыть ему всю правду до конца.

– Нет, Глория, подожди. – Амрит поднялась на ноги. Ей вдруг стало очень страшно. – Может… лучше мне ничего не знать?

Но девушка была полна решимости закончить рассказ.

– Я должна. Если ты не узнаешь всю правду, то можешь принять ошибочное решение. Мне небезразлична судьба Миры, она напоминает меня в этом возрасте. Какой бы я стала, если бы со мной не произошел весь этот ужас. Я хочу сказать тебе, Амрит, важно, чтобы ты понимала все возможные последствия этой операции. Знаешь, эта отрешенность, которую дал мне чип, никуда не исчезла. Она осталась навсегда.

Некоторое время спустя Амрит непонимающе спросила:

– Врачи ведь удалили чип, не так ли? Я же видела тебя и сердитой, и грустной, и радостной. И ты становишься такой счастливой рядом с Саавитом… Они вытащили чип?

– Да, чип они удалили, – кивнула Глория. – После операции я вновь могла испытывать весь спектр человеческих эмоций. Но мне все стало безразлично. Мое тело чувствует отвращение, вожделение, страх, комфорт, но не я. А я наблюдаю за тем, как оболочка переживает все эти эмоции. Моя сущность не откликается, внутри меня словно зияет пустота… Все в порядке, – добавила она, улыбаясь Амрит. – Я уже привыкла. Я забочусь о Саавите, насколько могу, он очень добр ко мне. О Дакоте и всех вас. Я так благодарна за возможность быть частью семьи!

Амрит от всего сердца захотелось, чтобы девушка начала кричать, плакать или ругаться. Что угодно, но только не то, что она видела в это момент: Глория просто стояла рядом с ней и рассуждала о самых близких ей людях так, словно о дальних родственниках или героях одной из прочитанных книг.

– Вот почему я так много времени провожу в кафе, наверное. Да, благодаря моей работе материальное состояние нашей семьи более стабильно. Но там. в кафе, мне не надо притворяться, что моя сущность не потеряна. Я могу забыться в Сети, в графических программах, где бы то ни было. Я становлюсь средоточием информации, если так можно сказать. – Она наклонила голову. – Может, я выразилась недостаточно ясно.

– Ты хочешь сказать, – в отчаянии пролепетала Амрит, – что у тебя произошел некий разрыв с чувственной частью самой себя? Как бывает при посттравматическом расстройстве? – Но, проговаривая все эти слова, она уже знала, что Глория имела в виду совершенно иное. Ужас, охвативший ее, неумолимо нарастал. Амрит внимательно посмотрела на молодую жену своего дяди, и ей показалось, что она видит девушку впервые.

– Нет, вот что я хочу сказать, – произнесла Глория и взяла со стола заварник. Она шагнула к раковине, вытянула вперед свою тонкую руку с длинными ухо-женными ногтями и спокойно начала выливать на нее обжигающе горячий чай, при этом не проявляя ни малейших признаков боли или беспокойства.

Амрит смотрела, как нежная кожа девушки краснела, пальцы дергались, и думала: «Она не человек. Она больше не человек». И едва не рассмеялась: разве не было это божественным признанием небытия, того, к чему так стремятся буддисты? Наивысшее состояние освобождения – нирвана? Разве не это имеют в виду христиане, когда говорят: «Не я, но Христос во мне»? Опомнившись, Амрит схватила девушку за запястье, выбила у нее чайник, мгновенно включила холодную воду и подставила обожженную руку Глории под ледяную спасительную струю. Девушка не сопротивлялась, она спокойно наблюдала за происходящим, как будто это не ее рука, а чужая, хотя боль, конечно же, должна была быть нестерпимой.

– Что случилось? Мы слышали шум! – В дверях кухни появилась миссис Чодхури, следом за ней шел дядя Саавит. Она тут же заметила осколки разбитого чайника, разлетевшиеся по полу, растекающуюся лужицу горячего чая, листья заварки и покрасневшее запястье Глории. – Боже мой! Ты в порядке? Дай мне руку, девочка моя. Саавит, возьми швабру! – Она встала между Амрит и Глорией и взяла руку девушки в свою. – Амрит, алоэ! – Ни слова не говоря, Амрит развернулась и выбежала из кухни, оставив позади разгневанного Саавита. На подоконнике рядом с пожарной лестницей росло алоэ. Амрит сорвала три крупных листка и поспешила с ними обратно.

Из своей комнаты вышла Мира и остановилась посередине гостиной. Она была очень бледной с покрасневшими от слез глазами.

– Что случилось? – спросила она. – Мама, что произошло?

– Ничего, родная, – бросила Амрит через плечо. – Небольшой несчастный случай, вот и все. Возвращайся в свою комнату, я сейчас приду. Мне нужно поговорить с тобой.

Амрит вернулась на кухню. Саавит вытирал пролитый чай, аккуратно собирая осколки разбившегося заварника, но в остальном картина была прежней: ее свекровь осторожно поливала холодной водой обваренное запястье Глории, а та равнодушно наблюдала за происходящим.

– Алоэ, – произнесла Амрит.

Миссис Чодхури даже не обернулась:

– Спасибо, дорогая. Будь добра, разрежь листья вдоль и соскреби мякоть в чашку.

– Конечно, мама, – ответила Амрит.

Она достала из кухонного ящика острый нож, села за стол и аккуратно разрезала листья алоэ, обнажив их блестящую сочную мякоть. Отложив нож в сторону, Амрит взяла ложечку со своего блюдца и тщательно выскоблила прозрачный гель в чашку, после чего передала ее свекрови. Амрит постояла немного, не зная, что делать дальше, потом вышла из кухни. Миры в гостиной уже не было. Стоя в коридоре перед закрытой дверью комнаты дочери, Амрит на мгновение заколебалась, затем постучала.

– Мира?

– Заходи, мама, я здесь.

Как устало звучит ее голос, подумала Амрит и приоткрыла дверь. Мира сидела на ковре, скрестив ноги. На коленях у нее лежал открытый учебник. Она подняла глаза, увидела мать, стоящую в дверном проеме, и разрыдалась. Амрит подошла к ней и села рядом.

– Прости меня, мама, – пробормотала Мира. – Мне очень-очень жаль. Не соглашайся на операцию. Пожалуйста, мамочка, не соглашайся. Я стану хорошей, я сделаю все, что угодно, только не разрешай им чипировать меня. Пожалуйста, умоляю тебя.

– Тише, тише, моя девочка. – Амрит обняла дочь и прижала ее голову к своей груди. – Тише, все хорошо. Никто никого не собирается чипировать.

– Но помощник заместителя директора школы сказал, что…

– Помощник заместителя директора школы может оставить свое мнение при себе, – ответила Амрит, – впрочем, так же как и сам Мехта. Я никому не позволю имплантировать чип моей дочери, и точка.

– Но он сказал, что они исключат меня из академии… А ты так много работаешь для этого…

– Да-да, твоя мама много работает и охвачена глупой гордостью и стремлением дать своей дочери те возможности, которые ей самой не хватило смелости получить. Есть и другие школы – возможно, не столь известные и престижные. Ну и что?

– Но, мама…

– Все будет хорошо, Мира. Никаких няня-чипов, и хватит об этом. – Она поцеловала дочь в макушку и прижалась к ней щекой. Потом нежно коснулась губами ее красивого ушка. – Только не переставай чувствовать, Мира, – прошептала она, охваченная нахлынувшими эмоциями. – Ведь это так прекрасно! Какие бы неудобства порой ни доставляли эти переживания. Ведь если ты утратишь способность чувствовать, ты станешь подобна каменному божеству. Ты исчезнешь, останется одна внешняя оболочка. Не забывай об этом, Мира Обещай мне.

– Я не забуду, мамочка, обещаю, – ответил ей дочь, возможно, и не понимая до конца всего, что сказала Амрит. Обнявшись, они сидели на полу. Амрит крепко прижимала к себе Миру и думала, какие страшные силы ворвались в ее жизнь чтобы заглушить ее собственные страсти. Но вдруг другая мысль промелькнула у нее в голове, заставив Амрит немного отклониться и заглянуть в лицо дочери. – Кстати, – голос матери звучал непреклонно, – если ты собираешься не давать спуску всем хулиганам, которые посмеют тебя задеть, тебе стоит больше времени уделять спортивным тренировкам. Пока мы подыскиваем тебе другую школу, думаю, тебе надо возобновить ваши уроки по боксу с дядей Саавитом. Ты меня поняла?

– Да, мамочка! – закричала ее маленькая бунтарка. – Конечно! – И они вновь крепко обнялись и сидели так, пока старшая миссис Чодхури не заглянула в комнату. Увидев представшую ее взору идиллическую картину, она спросила мягким голосом: никто ведь в этом сумасшедшем доме не будет возражать, если она снова заварит чай, теперь, когда буря прошла стороной?

ЭЛИЗАБЕТ БИР И САРА МОНЕТТ МАНГУСТ

Элизабет Бир родилась в штате Коннектикут. Писательница провела несколько лет в пустыне Мохаве неподалеку от Лас-Вегаса, а сейчас вернулась в родные места. В 2005 году она получила премию Джона Кэмпбелла за лучший дебют, а в 2008 году – премию «Хьюго» за рассказ «Береговая линия» («Tideline»), он же принес ей и премию Теодора Старджона, которую Бир поделила с Дэвидом Моулзом. В 2009 году она получила еще одну премию «Хьюго» за небольшую повесть «Шогготы в расцвете» («Shoggoths in Bloom»), Произведения писательницы публиковались в «Asimov's», «Subterranean», «Sei Fiction», «Interzone», «The Third Alternative», «Strange Horizons», «On Spec» и других изданиях, а также представлены в сборниках «Цепи, которые ты отвергаешь» («The Chains That You Refuse») и «Новый Амстердам» («New Amsterdam»), Перу Бир принадлежат три высоко оцененных критиками научно-фантастических романа: «Выкованная» («Hammered»), «Шрам» («Scardown») и «На связи с миром» («Worldwired»), а также фэнтезийный альтернативно-исторический цикл «Век Прометея» («The Promethean Age»), включающий романы «Кровь и железо» («Blood and Iron»), «Виски и вода» («Whiskey and Whater»), «Чернила и сталь» («Ink and Steel») и «Ад и Земля» («Hell and Earth»). В числе других книг автора можно отметить романы «Карнавал» («Camival»), «Глубинное течение» («Undertow»), «Холод» («Chili»), «Пыль» («Dust»), «Все разрушенные ветром звезды» («AH the Windwracked Stars»), «У горного хребта» («By the Mountain Bound») и повесть «Существа из костей и драгоценностей» («Bone and Jewel Creatures»). Веб-сайт писательницы находится по адресу: www.elizabethbear.com.

Сара Монетт родилась и выросла в Оук-Ридже, штат Теннесси, одном из секретных городов проекта «Манхэттен». Она получила ученую степень, защитив диссертацию по английской драме времен Ренессанса, и в настоящее время живет и работает в вековом доме в верховьях Среднего Запада. Ее перу принадлежит серия под названием «Теория лабиринтов» («Doctrine of Labynnths»), состоящая из романов «Мелузина» («Melusine»), «Раритет» («The Virtu»), «Сторожевая башня» («The Mirador») и «Корамбис» («Corambis»). Рассказы писательницы печатались во многих изданиях, включая «Strange Horizons», «Aeon», «Alchemy» и «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», и объединены в сборник «Костяной ключ» («The Bone Key»), Веб-сайт Сары Монет:

www.sarahmonette.com.

Бир и Монетт уже работали в соавторстве над рассказами «Собачий остров» («The Ile of Dogges») и «Буджум» («The Boojum»), а также над романом «Спутник волков» («A Companion to Wolves»). И вот они вновь объединили усилия в леденящем душу рассказе о межпространственном специалисте по борьбе с вредителями и его очень необычной помощнице.

Через блестящий исцарапанный шлюз Израиль Иризарри шагнул на станцию «Кадат». Он чуть пошатывался, привыкая к местной гравитации. На плече у него, растопырив щупальца и вытянув шею, восседала Мангуст и пробовала воздух высунутым языком, цветом выражая вопрос. Еще несколько шагов – и он тоже почувствовал запах, который уже унюхала Мангуст: едкую аммиачную вонь личинок.

Он дважды коснулся обвившегося вокруг шеи щупальца, что означало «скоро». Изменив окраску, Мангуст оцветила удовольствие, и Иризарри, утешая и сдерживая, погладил гладкую бархатистую остренькую мордочку. Подаваясь к ласкавшей ее руке, зверюшка сверкнула четырьмя фасеточными и двенадцатью простыми глазками и смягчила, но не изменила цвет. Ей не терпелось поохотиться, и он не винил ее за это. Буджум «Манфред фон Рихтгофен» заботился о своем хищнике. А Мангусту пришлось довольствоваться рационом Иризарри, а она терпеть не могла питаться мертвечиной.

Коль скоро Иризарри смог учуять личинок, значит, ситуация на «Кадате» была гораздо серьезней «незначительного заражения», о котором говорилось в послании начальника станции. Само собой, сообщение дошло до Иризарри через третьи, четвертые или даже пятнадцатые руки, поэтому он понятия не имел, сколько всего прошло времени. Возможно, когда начальник станции посылала за ним, нашествие в самом деле было именно незначительным. Но он знал манеры бюрократов, а потому призадумался.

Проходившие мимо люди удивленно глазели на него, в том числе ультра-усовершенствованные христиане-культисты с телескопическими конечностями и биолиновыми глазами. Такие встречаются на каждой станции и каждом стальном корабле, хотя обычно на буджумах их нет. Никто христиан особо не любит, но они могут работать там, где погибнет неусовершенствованный человек или даже джилли, поэтому капитанам и начальникам станций приходится с ними мириться.

В переходах «Кадата» встречалось много джилли, и все они замедляли шаг, чтобы подмигнуть Мангусту. Один остановился и, взмахнув руками, отвесил замысловатый поклон. Иризарри

почувствовал, как щупальце Мангуста проскользнуло в обе его серьги. Хотя зверюшка не понимала, что означают в изумлении вытаращенные глаза, – это было чуждо ее собственным, фасеточным, – она чувствовала внимание и стеснялась.

В отличие от кораблей-буджумов, которые они обслуживали, станции под названием «Провидение», «Кадат», «Ленг», «Данвич» и другие строились людьми. Их радиальная симметрия была вполне предсказуема, и, для того чтобы отыскать начальника «Кадата», Иризарри пришлось всего лишь пройти от стыковочного дока буджума «Манфред фон Рихтгофен» вглубь строения. Там он и обнаружил одну из неизменных карт безопасности («Вы находитесь здесь; в случае декомпрессии сохраняйте спокойствие и продвигайтесь к убежищам, расположенным здесь, здесь и здесь») и низко склонился над ней, чтобы разглядеть крохотные буковки. Подражая ему, Мангуст наклонила голову на одну сторону, потом на другую, хотя плоские изображения для нее ровным счетом ничего не значили. Наконец в овальном пузыре он отыскал офис начальника станции, причем ведущая в него дверь была видна с того места, где он стоял.

– Ну что ж, девочка, пошло-поехало, – сказал он Мангусту, которая, хоть и оцепенела, прижалась к нему в ответ на вибрацию голоса.

Иризарри терпеть не мог эту часть своей работы, он не выносил аппаратчиков и функционеров, а их, само собой, в офисе начальника станции было предостаточно; администратор, секретарь, еще какой-то другой особый секретарь, и затем в конце концов – Мангуст к этому моменту уже забилась к Иризарри под рубашку и совершенно скрылась у него под волосами, а сам Иризарри чуть не задохнулся от воспоминаний о ком-то, кого помнить совсем не хотел, – его провели во внутреннюю комнату, где с угрюмым выражением на круглой физиономии и скрещенными руками его ожидала начальница станции Ли.

– Господин Иризарри, – проговорила она, расцепляя руки и протягивая ему ладонь в подобии учтивого приветствия.

Он махнул рукой, здороваясь с ней, и с облегчением понял по лицу начальницы, что она его не узнала. Собственный опыт научил его, что лучше оставить мертвецов там, где они упали.

– Прошу прощения, начальник станции, – сказал он, – я не могу.

Он хотел спросить ее об ужасном зловонии и о том, понимает ли она, насколько скверно обстоят дела. Люди при малейшей возможности склонны внушать себе уйму всякого бреда.

Но, вместо этого, он решил заговорить о своей помощнице:

– Мангуст терпеть не может, когда я прикасаюсь к другим

людям. Она ревнива, как попугай.

– Здесь чешир? – Она опустила руку, лицо ее выражало одновременно уважение и тревогу. – Что, вне фазы?

Что ж, по крайней мере, начальнице станции известно о чеширских котах чуть больше, чем прочим.

– Нет, она спряталась у меня под рубашкой.

Спустя половину стандартного часа, пробираясь во влажных недрах вентиляционной шахты, Иризарри постучал по дыхательной маске, чтобы прочистить нос и рот от въевшегося запаха личинок. Не особо помогло; он приближался.

Здесь Мангуст вовсе не казалась застенчивой. Она восседала у него на голове, во всю длину растопырив щупальца, неспешно пульсирующие хищными зеленым и красным цветами. Усики скользнули в его волосы и обвились вокруг шеи, появляясь и исчезая из фазы. Чтобы ее сдержать, он коснулся гладкой упругой шкурки кончиками пальцев. Меньше всего ему сейчас нужно, чтобы Мангуст исчезла и устремилась по коридору к колонии личинок.

Дело не в том, что она не вернется; она вернется – но только если сможет выбраться без его помощи.

– Спокойно, – скомандовал он, хотя, конечно, она не могла его услышать. У адаптированного к вакууму существа ушей нет. Но она ощущала вибрацию голоса в горле, и ее усики коснулись губ, считывая дуновение воздуха и форму слова.

Он вновь дважды коснулся щупальца – скоро! – и почувствовал, как он сократился. Боковым зрением он увидел, как она вспыхнула голодным оранжевым цветом. Она экспериментировала с окраской ягуаров – после еженощных чтений Пуха на буджуме «Манфред фон Рихтгофен» они подолгу вели разговоры о ягуарах и тиграх, потому что Мангуст желала знать, кто такие ягуары и тигры. Иризарри уже рассказал ей о мангустах и прочел ей «Алису в Стране чудес», так что она узнала и о Чеширском коте тоже. Спустя два дня – он все еще очень отчетливо это помнил – она исчезла постепенно и медленно, начиная с кончиков длинных завитков хвоста и щупалец и заканчивая острыми стрелами зубов. А потом вновь появилась, вся взбудораженная и зеленовато-голубая да розовая, чуть ли не подпрыгивая, и он похвалил ее, погладил и напомнил себе, что не стоит думать о ней как о кошке. Или мангусте.

Она легко уяснила разницу между ягуарами и ягуларами и почти так же быстро решила, что она ягулар. Иризарри хотел было поспорить, но передумал. В конце концов, она была Очень Хорошим Сеттером. Никто никогда не замечал ее приближения, если она сама того не желала.

Когда в конце коридора слабо засветились личинки, он почувствовал, как вся она сильно задрожала, затем засветилась темным светом и тесно прильнула к его голове. Иризарри погасил огни и надел очки ночного видения. Личинки были настолько же слепы, насколько Мангуст – глуха, но такое обширное заражение могло означать, что трещины расширились так, что сквозь них могли пробраться твари покрупнее, а если здесь были крысины, незачем предупреждать этих монстров о своем появлении.

Он трижды коснулся обвившегося вокруг шеи щупальца и шепнул:

– Иди.

Ей не нужно было повторять дважды; на самом деле, с оттенком сухой иронии подумал Иризарри, ею вообще не нужно командовать. Он едва ощутил, как легкое существо оторвалось от него и совершенно неслышно, словно сова на охоте, помчалось по коридору. Даже в инфракрасных очках он не видел Мангуста, ибо тело ее принимало температуру окружающей среды, но по опыту знал, что ее щупальца и усики широко раскинуты, и он услышал вопли личинок, когда она оказалась среди них.

Личинки примостились на потолке коридора – панцирные существа длиной с руку, прилипшие к зловонному секрету, сочащемуся из сочленений экзоскелета. Верхняя треть тела каждой личинки склонившейся веткой свисала вниз, давая ей возможность пустить в ход поблескивающую клейкую приманку языка и клешни, способные разорвать плоть. Иризарри понятия не имел, чем эти твари питаются в своей родной фазе, или измерении, или где там еще.

Здесь же он знал, что они едят. Все что ни попадя.

Он держал на изготовку электрошоковый щуп и поспешал за Мангустом, чтобы подсобить ей при необходимости. Наверняка тут очень много личинок, а в этом случае даже чеширскому коту может грозить опасность. Вот впереди какая-то личинка заверещала и внезапно потемнела: Мангуст убила первую жертву.

В считаные мгновения колония личинок загомонила уже вся, и от их воплей у Иризарри разболелась голова. Он осторожно пробирался вперед, бдительно высматривая признаки крысин.

Самая большая колония личинок ему попалась на заброшенном стальном корабле «Дженни Линд», который они с Мангустом обследовали, пока занимались спасательными работами на буджуме «Гарриет Тубман». Личинки покрывали корпус старого корабля изнутри и снаружи; колония была столь огромна, что, сожрав все что можно, она начала сама себя поедать; личинки питались своими соседями и, в свою очередь, тоже шли на корм. Мангуст славно поохотилась, перед тем как

«Гарриет Тубман» уничтожил обломки, и среди оставшихся отбросов Иризарри обнаружил странные звездовидные кости взрослой крысины. Чудовище-брандашмыг, которое поубивало людей на борту «Дженни Линд», погибло вместе с ее ядерным реактором и капитаном. Пропали несколько пассажиров и экипаж, и некому было поведать о несчастье.

Иризарри приготовился. Здешняя колония была меньше той, что сосредоточилась на «Дженни Линд», но больше личинок ему никогда не доводилось видеть вне карантина, и он готов был съесть свои инфракрасные очки, если где-то на станции «Кадат» не рыскали крысины.

К его ногам шлепнулась мертвая личинка, ее безглазая голова была ловко отделена от членистого туловища, и через миг Мангуст материализовалась у него на плече и пронзительно щелкнула, что означало: «Иризарри! Внимание!»

Он вытянул руку на уровне плеча, и Мангуст подалась вперед, телом оставаясь на плече Иризарри и касаясь усиками его губ и шеи, но щупальца для общения она обвила вокруг его руки. Свободной рукой он поднял очки и включил фонарик, чтобы считывать цвета зверька.

Она вела себя беспокойно и нетерпеливо переливалась желтым и зеленым. И настойчиво изобразила у него на ладони букву «К».

Скверно. Это означало «крысина». Но все же лучше, чем «Б». Если бы здесь объявился брандашмыг, то они все были бы все равно что ходячие мертвецы, а станция «Кадат» уже была бы обречена так же, как и «Дженни Линд».

– Ты учуяла ее? – спросил он.

Вокруг верещали личинки.

«Почувствовала вкус», – сказала Мангуст.

Иризарри работал с ней в паре уже почти пять солнечных лет и понимал: личинки отдавали привкусом крысины, а это значит, что они недавно кормились крысячим гуано. Принимая во внимание стремительность пищеварительной системы личинок, получается, что крысина патрулирует территорию станции.

Мангуст сильнее вцепилась ему в плечо.

«К. – снова повторила она. – К. К. К.».

У Иризарри екнуло сердце. Крысина не одна. Трещины расширяются. Брандашмыг – всего лишь вопрос времени.

Начальница станции Ли не желала слышать об этом. Это читалось в ее позе, в наигранной рассеянности, в том, как она избегала визуального контакта. Вероятно, правила этой игры были ему известны лучше, чем ей. Он вторгся в ее личное пространство. Мангуст дрожала у него на шее, усики ерошили

ему волосы. Даже не видя ее, Иризарри знал, что сейчас она тревожного густо-изумрудного цвета.

– Крысина? – переспросила начальница станции Ли, тряхнув головой, – у женщины более молодой и менее угрюмой этот жест, возможно, выглядел бы кокетливо. И снова зашагала по комнате. – Вздор! Со времен моего деда на станции «Кадат» не было ни единой.

– Что не гарантирует отсутствия, заражения на данный момент, – спокойно заметил Иризарри.

Коль скоро ей охота разыгрывать спектакль, он будет сохранять хладнокровие.

– Я сказал: крысины. Во множественном числе.

– Еще возмутительней. Мистер Иризарри, если вами движет непродуманная попытка завысить гонорар…

– Отнюдь. – Он намеренно произнес это решительно, но без тени возмущения. – Начальник станции, насколько я понимаю, сейчас я скажу то, что вам слышать совсем не хочется, но вы должны ввести на «Кадате» карантин.

– Невозможно, – отрезала она, словно он попросил ее направить «Кадат» сквозь кольца Сатурна.

– Конечно, возможно! – сказал Иризарри, и она наконец смерила его взглядом, возмущенная тем, что он осмелился ей противоречить. Мангуст вонзила ему в шею коготки. Она не любила, когда он сердился.

Вообще-то дело не в этом. Иризарри и сам знал, что ярость – пустая трата сил и времени. Данная эмоция ничего не способна решить и урегулировать. Не может вернуть то, что потеряно. Людей, жизни. То, что смыло потоком времени. Или то, что прошло, хотим мы того или нет.

Но ВОТ ЭТО…

– Вы ведь знаете, что может сотворить колония взрослых крысин, не так ли? С собранными в замкнутом пространстве людьми, которые станут для них добычей? Скажите мне, начальник станции, может, вы стали замечать, что в сараях ютится меньше народу?

Она вновь отвернулась, вычеркивая из своей космологии сам факт его существования, и сказала:

– Мистер Иризарри, данный вопрос закрыт для обсуждения. Я наняла вас для того, чтобы разобраться с предположительной возможностью заражения. И рассчитываю на то, что вы справитесь. Если вы считаете, что не в состоянии решить задачу, то, само собой, я охотно позволю вам отбыть со станции на любом корабле, который возьмет вас на борт. Полагаю, что в систему отправляется «Артур Гордон Пим», или же вы предпочитаете

двинуться в направлении Юпитера?

Иризарри напомнил себе, что вовсе не обязан выиграть в этой стычке. Он может отойти в сторону, попытаться предупредить кого-то еще, вместе с Мангустом убраться прочь с «Кадата».

– Хорошо, начальник. Но когда ваши секретари начнут исчезать, вспомните о том, что я вас предупреждал.

Когда он дошел до самых дверей, она крикнула:

– Иризарри!

Он остановился, но поворачиваться не стал.

– Я не могу, – низким голосом торопливо проговорила она, словно боялась, что ее могут подслушать. – Не могу я ввести карантин на станции. В этом квартале наша численность и так в убытке, и новый комиссар… У меня куча неприятностей, разве не понимаете?!

Он не понимал. Даже не желал в это вникать. Ибо и поэтому тоже он – странник, который никогда не хотел быть похожим на нее.

– Если Сандерсон станет известно о карантине, она прознает и о вас тоже. Мистер Иризарри, ваши документы в полном порядке для скрупулезного рассмотрения?

Он повернулся, уже раскрыв рот, чтобы сказать, что он думает о ней и ее грубых попытках шантажа, но она опередила его:

– Я готова удвоить гонорар.

В тот же миг Мангуст дернула его за волосы, и он ощутил, как рядом с его позвоночником часто и сильно бьется ее сердце. И его слова прозвучали ответом на страдания зверька, а не на предложение взятки от начальницы станции.

– Все в порядке, – сказал он. – Я сделаю все возможное.

Подобно эпидемии, личинки и крысины распространялись из одного исходного пункта – Нулевого Пациента, в данном случае им являлась щель в пространстве-времени, сквозь которую пробралась первая личинка. По мере того как плодятся личинки, образуется все больше прорех, но именно та, самая первая особь вырастет настолько большой, чтобы превратиться в крысину. Тогда как личинки ленивы и медлительны – они твари весьма энергосберегающие, как чопорно говорят аркхемцы, – и никогда не уползают дальше, чем это необходимо для того, чтобы найти удобную плоскость для прикрепления, крысины действуют вполне обдуманно. Они охотятся поблизости от первоначальной щели, чтобы дорога к отступлению была всегда открыта. И постоянно расширяют прореху.

Личинки не представляют собой угрозы, хотя являются досадной неприятностью: расходуют ценный кислород,

закупоривают сеть воздуховодов, пожирают домашних питомцев, истекают с потолков липкой жижей и противно влажно хрустят под ногами. Крысины куда как хуже, они – самые настоящие хищники. Их естественной добычей могли бы быть личинки, но они нападали на некрупных джилли или маленьких людей.

Но даже они не столь опасны, как твари, из-за которых Иризарри не мог сомкнуть глаз во время двух отведенных на сон смен. В прорванную личинками и расширенную крысинами щель могли пробраться хищники, стоящие на самом верху этой чуждой пищевой цепи.

Брандашмыг: Pseudocanis tindalosi. Древние хроники и аркхемцы-аскеты называли их гончими, но, само собой, собачьего в них было не больше, чем в Мангусте – кошачьего. Иризарри довелось посмотреть заархивированные видео с заброшенных станций и кораблей, где по углам герметизированных помещений появлялись мерцающие костлявые конечности брандашмыга, напоминающие усеянные шипами лапки богомола. Ему не доводилось слышать, чтобы кто-то уцелел там, где появился брандашмыг, только если удалось чертовски быстро добраться до аварийной кабины. Больше того, даже живущие на своих допотопных кораблях аркхемцы, заводчики Мангуста и всего ее племени, признавали, что не располагают данными о ком-нибудь, кто улизнул бы от брандашмыга.

Теперь ему нужно первому, до брандашмыгов, отыскать источник заражения и уничтожить личинок и крысин вместе с прорехой, через которую они лезли в этот закоулок вселенной. Найти щель – где-то на протяжении многих миль инфраструктуры «Кадата». Именно поэтому Иризарри оказался в малоиспользуемом коммуникационном коридоре, где Мангуст обследовала каждый обнаруженный ими вентиляционный воздуховод.

Поблизости от облюбованных колонией шахт в переходах на станции «Кадат» разило личинками – стоял тяжелый аммиачно-серный дух. Когда Иризарри задрал голову к вентиляционному трубопроводу, под края маски проникла мерзкая вонь. Морщась, он сломал печать кислородной системы и оттянул от лица на тугих эластичных тесемках, стараясь при этом не выпустить аппарат. Сломанный нос этот день не улучшит.

Мимо быстро пронеслась на легких ногах культист-инженер, из-за узости коридора ее четыре змееподобные руки были туго обмотаны вокруг туловища. У нее была вполне милая для христианина улыбка.

Мангуст была слишком сосредоточена на добыче, чтобы пугаться. Величина колонии личинок, возможно, нервировала ее,

но Мангуст обожала этот запах – для нее он был словно аромат готовящегося вкусного обеда, так думал Иризарри. Она развернулась вокруг его головы, наподобие капюшона, выпустила щупальца и вся так и сверкала, когда тянулась к вентиляционному отводу. Он чувствовал, как подрагивали все ее мышцы и усики, и повернулся в ту сторону, куда была обращена ее остренькая клиновидная мордочка.

Иризарри чуть не опрокинулся назад, когда нос к носу столкнулся с незнакомцем, о существовании которого здесь даже не подозревал. Это оказалась женщина среднего роста и ничем не примечательного телосложения, ее каштановые волосы были гладко зачесаны назад и убраны в тугую кичку; очень бледная кожа слегка рдела на скулах, словно инфракрасные светофильтры костюма защищали ее не полностью. Она была одета в глянцевую космически-черную униформу с тускло-серебристыми погонами, на каждом запястье красовалось по четыре оловянных цветных браслета. В районе сердца на костюм крепилась эмблема с изображением стилизованного солнца и тандема Земля-Луна.

Комиссар. Она равнодушно восприняла нарочитую демонстрацию сенсорных средств Мангуста.

Зверек, словно испуганная актиния, всосал в себя усики и теплой шейкой прижался к голове Иризарри там, где у него уже редели волосы. Странно, что Мангуст вообще не спряталась под рубашкой: шеей он чувствовал, как она дрожит.

Комиссар не подала руки. Сказала:

– Господин Иризарри? Непросто вас отыскать. Я полковник разведки Садхи Сандерсон. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов.

– Я, э-э-э… сейчас немного занят, – заметил Иризарри.

И неловко добавил:

– Мэм…

Меньше всего ему хотелось задеть ее неучтивостью.

Сандерсон посмотрела на Мангуста и сказала сухим, словно порошок, голосом:

– Да, по-видимому, вы охотитесь. Я хочу поговорить об этом тоже.

О черт! Целых полтора дня ему удавалось держаться подальше от комиссара, что оказалось очень непросто, учитывая очевидную напряженность между Ли и Сандерсон и то, что он слышал в казарменном городке: все джилли до смерти боялись Сандерсон, и, похоже, ни у кого не находилось доброго словечка для Ли. Даже христиане, поджав тонкие губы, могли сказать только, что она докучает им не очень сильно. Как-то раз Иризарри на целых полгода застрял на стальном корабле вместе с

христианской конгрегацией, тогда он и оценил их стремление хорошо обо всех отзываться; он точно не знак, было ли так предписано их верой, или же они придерживались соответственной тактики выживания, но, когда старец Доусон произнес: «Она не причиняет нам очень сильного беспокойства», Иризарри совершенно верно понял, что это означает.

О Сандерсон говорили и того меньше, и Иризарри мог их понять: экстремистские культы и правительство не в восторге друг от друга. Зато он с избытком наслушался разговоров шахтеров и портовых рабочих, а в особенности экипажа конфискованного стального корабля, отзывавшихся о ней с грубоватым красноречием. Суть сводилась к тому, что полковник Сандерсон здесь появилась недавно, наводила порядок и не входила в число женщин, с которыми хочется переспать.

– Я с удовольствием приду к вам в офис через час или, может, два? – предложил он. – Дело в том, что…

Мангуст пуще прежнего вцепилась ему в голову, притом так неожиданно и сильно, что Иризарри даже вскрикнул. Пока он предпринимал слабые попытки отделаться от полковника Сандерсон, головка зверька тянулась назад к трубопроводу и теперь уже почти туда всунулась, а радужная шейка вытянулась на полтора фута.

– Господин Иризарри?

Он предостерегающе поднял руку, потому что сейчас было не до разговоров, и снова вскрикнул, когда Мангуст потянулась вниз и вцепилась в нее. Он зарекся не забывать, насколько подвижно и текуче ее тело, ведь оно на самом деле представляло собой не более чем компромисс с измерением, в котором он мог ее ощущать, но порой Мангуст все равно его удивляла.

А потом Мангуст произнесла: «Нагайна», и он бы выругался вслух, если бы рядом не стояла и не хмурила брови полковник Сандерсон. За исключением брандашмыга – а он теперь мог появиться в любое время, не забывай, Иризарри, – размножающаяся крысина была самой большой неприятностью, какую только можно себе вообразить.

– Кажется, ваш чешир взволнована, – заметила Сандерсон совершенно спокойным голосом. – Проблемы?

– Есть ей очень хочется. И, ну… она чужих не любит. – И это была правда, как и все то, что можно сказать про Мангуста, а неистовые цвета, струящиеся по ее усикам, давали ему представление о том, что вытворяют за его головой ее хроматофоры.

– Вижу, – сказала Сандерсон. – Кобальтовый и желтый, этот пунктирный рисунок вместе с входом и выходом из фазы

означает, что она настроена агрессивно, но это же страх, не так ли?

Что бы ни собирался сказать Иризарри, это замечание заставило его замолчать. Он моргнул – совсем как джилли, злобно подумал он, – и осознал, что отшатнулся назад, только когда сквозь комбинезон почувствовал, что прижался к перегородке.

– Знаете, – доверительно и явно ерничая, сказала Сандерсон, – в этом коридоре разит личинками. Дайте угадаю: дело не только в личинках.

Иризарри все еще был озадачен ее способностью считывать цвета Мангуста.

– Что вам известно о чеширах?

Она улыбнулась ему так, словно он был учеником-тугодумом, и сказала:

– Кое-что известно. На «Дженни Линд» я служила лейтенантом – там, на борту, был чешир, и я видела… Господин Иризарри, однажды увидев такое, вовек не забудешь.

У нее на лице промелькнуло непонятное выражение – внезапно появилось и тут же исчезло.

– Погибшего на борту «Дженни Линд» чешира звали Демон, – осторожно произнес Иризарри. – Ее напарником был Длинный Майк Слайдер. Вы их знали?

– Слайдер Джон, – сказала Сандерсон, глядя на свои ногти. – Он был известен под именем Слайдер Джон. Хотя имя чешира вы назвали правильно.

Когда комиссар снова взглянула на него, изгиб аккуратно выщипанной брови поведал ему о том, что ее не удалось одурачить.

– Верно, – согласился Иризарри. – Слайдер Джон.

– Мы дружили, – покачала головой Сандерсон. – Тогда я была совсем юной и получила первое назначение: меня поставили связным Демона. Спайдер Джон любил говорить, что у нас с ним одна профессия. Только я не смогла заставить капитана поверить ему, когда он пытался донести до нее, насколько плохо обстоят дела.

– Как же вам удалось уцелеть, когда появился брандашмыг? – спросил Иризарри.

Он не был глупцом и понимал, что ее внезапная откровенность была не чем иным, как попыткой втереться в доверие, но все же отчаяние и застарелая печаль звучали искренне.

– Вначале он напал на Слайдера Джона – должно быть, знал, кто ему угрожает больше всех. А Демон – она набросилась на

него, хотя монстр был в пять раз крупнее. Она дала нам время добраться до аварийного плота, а капитан Головнина успела перевести системы в ручной режим.

Она помолчала.

– Знаете, я его видела. Так, мельком. Он лез через эту… эту прореху в мироздании, словно большой гончий пес, который протискивается узловатыми лапами сквозь дыру в одеяле. Не один год я задавалась вопросом, уловил ли он мой запах. Знаете, стоит им почуять добычу, они никогда не остановятся…

Она умолкла и подняла глаза, встретившись с ним взглядом. Он никак не мог решить, означала ли морщинка между ее бровей смущение, оттого что она рассказала ему так много, или же продуманное ожидание его ответа.

– Так. Значит, если я правильно вас понял, вы узнали этот запах.

У нее была привычка отвечать вопросом на вопрос:

– Я права насчет крысин?

– Матка, – кивнул он.

Она содрогнулась.

Иризарри глубоко вздохнул и отошел от люка.

– Полковник Сандерсон, чтобы успеть добраться до нее, нужно идти прямо сейчас.

Она прикоснулась к микроволновому импульсному пистолету у бедра и предложила:

– Хотите, составлю вам компанию?

Он не хотел брать напарника. Ей-ей, в самом деле, не желал. Но даже если б захотел, то его выбор бы не пал на комиссара станции «Кадат». Но не мог же он ее обидеть отказом… к тому же у него не было лицензии на ношение оружия.

– Ну хорошо, – согласился он и понадеялся, что голос не выдал чувств. – Только не вставайте на пути у Мангуста.

Полковник Сандерсон одарила его мрачной и жесткой улыбкой и заверила:

– Даже не подумаю!

Хуже живых личинок смердели разве что наполовину съеденные.

– Придется пройтись пылесосом по всему сектору, – заметила Сандерсон: ее дыхание со свистом вырывалось из фильтров.

«Если, конечно, мы проживем достаточно долго, для того чтобы это понадобилось», – подумал Иризарри, но у него хватило ума промолчать. Нельзя с политиканом говорить о поражении. И если вам настолько не повезло привлечь к себе внимание сего персонажа, тогда по крайней мере не нужно высказывать ему свое мнение.

Мангуст бежала впереди, но Иризарри обратил внимание, что она старалась держаться в пределах света его фонаря и как минимум один усик зверька был все время направлен на него и Сандерсон. Когда они имели дело с обычным заражением, Мангуст опрометью носилась по потолкам и оставляла после себя клочки растерзанной плоти и струи биолюминесцентной жижи. На сей раз она аккуратно пробиралась вперед, трепетными усиками исследуя перед собой поверхность, и напоминала Иризарри паука или отправившегося на разведку осьминога.

Он шел за Мангустом и следил за ее цветами, которые теперь стали тусклыми, выражая осторожность. На перекрестках она останавливалась, в каждом направлении пробовала воздух и поджидала, когда ее нагонит эскорт.

Служебные туннели станции «Кадат» обычно были достаточно высокими, Иризарри и Сандерсон могли идти по ним гуськом, выпрямившись во весь рост, но пару раз приходилось ползти на животе по подсохшей слизи личинок. Иризарри казалось – по крайней мере, он надеялся, что ему это только кажется, – что он чувствует истончение и растяжение реальности, он видел это в изгибах туннелей и покореженных панелях под ногами. Он как будто примечал размытые тени, слышал шепчущие звуки, улавливал нечеткие запахи, словно что-то здесь уже почти материализовалось.

Мерещится – так он твердо заверил себя, понимая при этом, что слово неправильное и неверно отображает действительность. Но когда он снова упал на живот, чтобы протиснуться через крохотный лаз, заваленный свежими трупами только что убитых личинок, ему понадобилась вся его выдержка.

Расчищая проход, он чуть не врезался в Мангуста, которая бросилась к нему и забилась за пазуху. Ее щупальца скрючились, а сама она была настолько близка к тому, чтобы перейти в иную фазу, что превратилась в теплую тень. Но когда Иризарри увидел, что находится по ту сторону лаза, то пожалел, что ему больше не мерещится.

Его взору предстал один из станционных центров по сбору и переработке отходов: чаша метров десять в диаметре, резко сужающаяся к центру, где была навалена куча мусора. В подобных местах обычно встречаются незначительные заражения личинками. Предполагается, что корабли и станции должны быть свободны от паразитов, но на деле выходит так, что при совместном пользовании космическими трассами вместе с буджумами это невозможно. При этом на станции «Кадат» кто-то манкировал своей работой.

Сандерсон коснулась его колена, и Иризарри поспешно

отодвинулся так, чтобы она смогла пробраться к нему. Внезапно он почувствовал благодарность за то, что она рядом. Ему вовсе не хотелось бы оказаться здесь одному.

Никогда Иризарри не доводилось видеть столь масштабного заражения личинками, даже на «Дженни Линд». Весь свод помещения был густо усеян их похожими на слизняков телами, длинные языки приманками свешивались на полметра вниз. Повсюду порхали маленькие твари: молоденькие крысины, полупрозрачные в данном сдвиге фазы. Пока Иризарри смотрел на все это, одна из них наткнулась на колонию гигантских слизняков, и личинка тут же среагировала с неожиданной силой. Шансов у крысинки не было.

«Нагайна, – сказала Мануст. – Нагайна. Нагайна. Нагайна».

В самом деле, среди мусора в яме шевелилось что-то огромное. И это еще не все. То неприятное ощущение давления, которое Иризарри отметил раньше, – чувство, что на тебя смотрит множество глаз, костлявые тела льнут к той хрупкой материи, которая до поры сдерживает их, – здесь усиливалось вплоть до того, что он почти ощутил прикосновение к шее не вполне вошедших в фазу усиков.

Сандерсон, сжимая в руке пистолет, подползла к нему. Похоже, Мангуст была не против того, что комиссар рядом.

– Что это там, внизу? – прошипела Сандерсон.

– Яма для размножения, – ответил Иризарри. – Чувствуете? Некое странное ощущение растяжения во вселенной?

Сандерсон кивнула и сказала:

– Полагаю, вас вряд ли обрадует то, что я ощущала это и раньше…

Как ни печально, Иризарри вовсе не удивился.

Сандерсон спросила:

– Что будем делать?

Вопрос ошарашил Иризарри, что, по-видимому, читалось у него на лице даже под маской, потому что комиссар резко высказалась:

– Вы же специалист. Начнем с того, что вы именно поэтому появились на станции «Кадат» и поэтому начальнику станции Ли так сильно не хотелось, чтобы я узнала об этом. Хотя я не понимаю, каким образом она собиралась и впредь скрывать столь обширное заражение.

– Всегда можно сослаться на диверсию, – рассеянно проговорил Иризарри. – Обвинить христиан. Или джилли. Или же разбушевавшихся спейсеров, наподобие экипажа «Карузо». Полковник, такое то и дело случается. Появляется кто-то вроде меня и Мангуста и вычищает личинок, затем власти станции

принимают крутые меры против того, кто им больше всего докучает, и жизнь снова налаживается. Только начальник Ли ждала слишком долго.

Матка снова начала рожать. Размножающиеся крысины медлительны – гораздо менее расторопны, чем молодые особи или сексуально неактивные взрослые разбойники, – потому что они защищены доспехами, наподобие титановых броненосцев. Если им грозит опасность, они действуют двумя способами. Детеныши сбегаются к матери, которая затем сворачивается в шар, и расправиться с ними можно только боевым ядерным оружием. Или же мамаша выходит на тропу войны. Иризарри как-то раз довелось повидать, как обозлившаяся матка уничтожила на стальном корабле целый отсек; им чертовски повезло, что она не разнесла весь корпус.

Стоит крысинам начать плодиться, как вот эта матка, они могут произвести на свет десять-двадцать детенышей в день на протяжении периода от недели до месяца, в зависимости от кормовой базы. Чем больше рождается молодняка, тем тоньше становятся стены мира, тем ближе появление брандашмыгов.

– Первое, что нам нужно сделать, – сказал он полковнику Сандерсон, – это немедленно убить матку. Затем вы установите на станции карантин и отправите партии волонтеров истреблять крысин, чтобы они не смогли вывести другую матку, или превратиться в нее, или черт его знает, как там это у них работает, я понятия не имею. Это гнездо придется вычищать огнем, с другими попробуем разобраться мы с Мангустом. Только огонь, полковник Сандерсон. Личинкам глубоко наплевать на вакуум.

Полковник могла бы отчитать его за некорректную речь; она этого не сделала. Просто кивнула и спросила:

– Как мы убьем матку?

– Да уж, вот это вопрос, – промолвил Иризарри.

Мангуст издала резкий щелкающий звук, что у нее означало: «Иризарри!»

– Нет, – отрезал Иризарри. – Мангуст, не смей…

Но она не обратила на запрет никакого внимания. Мангуст не могла больше терпеть и ждать, пока Иризарри завершит странные взаимодействия с представителями своего рода. Она была Рикки-Тикки-Тави, а матка – Нагайной. и Мангуст знала, что должно произойти. На ходу меняя фазу, она катапультировалась с его плеча; Иризарри теперь уже никак не мог отозвать ее назад, потому что связь между ними прервалась. Не прошло и секунды, а он уже не знал где Мангуст.

– Вы умеете обращаться с этой штуковиной? – спросил он

полковника Сандерсон, показывая на ее пистолет.

– Вполне, – ответила она, и брови ее снова полезли на лоб. – Только, простите, разве не для этого предназначены чеширы?

– Они хороши против крысин, само собой. Но… полковник, вы когда-нибудь видели матку?

По всей яме заверещали личинки, им тут же хором ответили соседи. Мангуст взялась за дело.

– Нет, – покачала головой Сандерсон, не сводя глаз с того места, где горбилась, неуклюже барахталась и, наконец, встала матка, стряхнув с себя полупрозрачных детенышей и загрызенных личинок. – О боже!..

Описать крысину невозможно. Нельзя даже смотреть на нее дольше нескольких секунд кряду, тут же начинается мигрень. Эти разбойники – просто неясные кляксы теней. Матка же, массивная, защищенная броней, не обладала никакими характерными особенностями, за исключением омерзительной слюноточивой заостренной пасти. Иризарри не знал, есть ли у нее глаза и нужны ли они ей.

– Она может ее убить, – сказал он, – но только если доберется до ее нижней части. В противном случае нам придется ждать до тех пор, пока матка полностью развернется, и…

Он содрогнулся.

– Мне повезет, если удастся найти хоть какие-то ее останки для похорон. Итак, сейчас мы, полковник, сделаем вот что: нам надо изрядно разозлить эту тварь, чтобы дать Мангусту шанс. Или же…

Тут он подумал, что вообще-то это не входило в служебные обязанности полковника Сандерсон.

– Если вы одолжите мне пистолет, вам не обязательно здесь оставаться.

Она посмотрела на него очень яркими темными глазами, потом перевела взгляд на матку, которая медленно поводила бесформенной головой туда-сюда, пытаясь выследить Мангуста.

– Даже не мечтайте, господин Иризарри, – сухо отрезала она. – Говорите, куда целиться.

– Стрельба не может ей навредить, – предупредил Иризарри, и Сандерсон кивнула в ответ.

Хотя она не поверила, пока не выстрелила, а матка даже не заметила этого. Но Сандерсон не сдавалась. Сжав губы, она устроилась поудобней и снова выстрелила, целясь матке в лапы, как велел Иризарри. Лапы как таковые у нее уязвимыми не назовешь, зато они чувствительны – выстрел в лапы для нее гораздо серьезней, чем выстрел в голову для человека. Но, даже несмотря на это, чудовище по-прежнему полностью

сосредоточилось на Мангусте, которая гоняла верещащих личинок по всей окружности логова, и, чтобы оно наконец повернуло башку к людям, пришлось пальнуть еще раза три, целясь в то же самое место поблизости от передней лапы.

Матка взвыла:

– Уаааурррргггг!

На Иризарри и Сандерсон хлынул рой крысин-подростков.

– Ох, черт! – выругался Иризарри. – Постарайтесь их не убить.

– Прошу прощения, постараться не убить – кого?

– Если мы перебьем слишком много молодняка, матка решит, что мы скорее представляем собой угрозу, чем досадную неприятность. Тогда она свернется в шар, и у нас появится шанс разделаться с ней, только когда она вновь выпрямится. А к этому времени здесь наплодится куда больше крысин.

– И вполне возможно, появится брандашмыг, – закончила Сандерсон.

Она смахнула наполовину материализовавшуюся крысину, пытавшуюся обернуться вокруг разогревшегося пистолета.

– Если мы достаточно долго простоим неподвижно, – проговорил Иризарри, – они могут высосать из нас столько тепла, что нам грозит переохлаждение. Но они не кусаются, пока маленькие. Когда-то я знавал одного чеширмена, который божился, что они питаются, забираясь в пузо матки, где лакают то, что она переваривает. Я все же надеюсь, что это неправда. Давайте, цельтесь ей в лапы.

– Будет сделано.

Иризарри не мог не признать: Сандерсон тверда как ската. Он стряхивал крысин-подростков с них обоих. Мангуст в темноте продолжаю резню, а Сандерсон, раз найдя цель, палила точно и размеренно. Она не промахивалась, не пыталась мудрить. Только сквозь зубы заметила через некоторое время:

– Знаете, батарея моего пистолета не вечна.

– Знаю, – отвечал Иризари. – Но вы хорошо стреляете. Действенно.

– Откуда вы знаете?

– Она злится.

– Откуда вы знаете?

– По ее воплям.

Матка-крысина перешла от рыка «уооааауррррргг» к гортанным угрожающим крикам и пронзительному визге.

– Она нам грозит. Продолжайте стрелять.

– Хорошо, – кивнула Сандерсон.

Иризарри смахнул очередную парочку крысиного молодняка

с ее головы. И пытался не думать, отчего взрослые крысины не явились на помощь матке, попавшей в беду? Как далеко они разбежались по станции «Кадат»? Насколько большую территорию они уже считают своими охотничьими угодьями и не пришло ли время для второй матки? Скверные вопросы. Все как один.

– Люди в последнее время не исчезали? – спросил он у Сандерсон.

Она не взглянула на него и ответила не сразу:

– Ничего такого, что выглядело бы именно как исчезновение. Так уж повелось, что население у нас на станции постоянно меняется, от властей никто не в восторге. И если честно, у меня было столько хлопот с начальницей станции, что я не уверена в достоверности информации, которой располагаю.

Хотя комиссару нелегко будет переварить услышанное, Иризарри сказал:

– Скорее всего, в яме лежат человеческие кости. И в их тайниках тоже.

Сандерсон начала было отвечать, но тут матка решила, что ее терпение лопнуло. И, широко разинув пасть, двинулась к ним через груды мусора и трупов.

– Что теперь? – спросила Сандерсон.

– Продолжайте стрелять, – велел Иризарри. – Мангуст, где бы ты ни была, пожалуйста, приготовься.

Он был на семьдесят пять процентов уверен в том, что крысина встанет на задние лапы, когда приблизится к ним. Этих тварей мудрыми не назовешь, в этом они не похожи на чеширов, но все же они по-своему умны. Они знают, что самый быстрый способ лишить человека жизни – это обезглавить его, а следующий быстрейший способ – вспороть живот, а этого стоя на четвереньках не сделаешь. Для брюха матки люди не представляли угрозы; Сандерсон со своим пистолетом доставляла крысине неприятные ощущения, но пробить шкуру не могла.

План был опасный – целых двадцать пять процентов за то, что они с Сандерсон погибнут в жутких корчах, сожранные монстром, – но он все же сработал. Матка встала на задние лапы, замахнулась для удара громадной бесформенной передней конечностью, собираясь снести голову Сандерсон или, возможно, размозжить ее о ближайший люк, но тут неожиданно материализовалась в фазу подле крысины яростная Мангуст, готовая разить врага когтями, зубами и двухдюймовыми щупальцами с острыми краями.

Крысина взвыла и свернулась в шар, но было поздно. Мангуст уже завладела ее краями – Иризарри даже не знал, каким словом

это назвать. Вагина? Клоака? Яйцеклад? То, откуда появлялись на свет малютки-крысины. Единственное уязвимое место матки. Куда Мангуст просунула узкий клин головы и когтистые передние лапы и начала рвать.

Не успела крысина дотянуться до нее, как все податливое тело Мангуста полностью скользнуло внутрь, и матка – визжащая, скребущая лапами – была обречена.

Иризарри взял Сандерсон за локоть и сказал:

– Теперь отходим, очень медленно. Пусть леди докончит начатое.

Иризарри собирался покинуть очищенный «Кадат».

Он без труда нашел для себя и Мангуста каюту на судне – после того как одна-две группы волонтеров повидали зверька в деле, а история о схватке с маткой-крысиной стала передаваться из уст в уста, Иризарри пришлось чуть ли не палкой отбиваться от капитанов стальных кораблей. В конце концов он принял предложение капитана буджума «Эрик Жанн»; у капитана Альварез был долгосрочный спасательный контракт в поясе Койпера[35] – «прибираться после ледовых шахтеров», как она сообщила с ухмылкой, – и Иризарри почувствовал, что спасательная экспедиция – как раз то, что ему нужно. Там для Мангуста найдутся обширные охотничьи угодья, и ничья жизнь не будет подвергаться опасности. Для буджума даже брандашмыг – незначительная неприятность, что-то вроде несварения желудка.

Из офиса начальника станции Иризарри забрал причитавшуюся сумму – причем ему даже не пришлось разговаривать с начальницей станции Ли, которая, как поговаривали, больше не собиралась оставаться на руководящем посту. Можно или быть бестолковым руководителем, или раздражать своего комиссара. Нельзя делать сразу и то и другое. Было настолько очевидно, что секретарю совершенно не хочется беспокоить начальницу, что она просто сказала:

– Вот контракт.

Она усадила его и улыбнулась. И выдала гонорар, впрочем, не обещанный удвоенный, хотя Иризарри лишних денег не ждал. Только то, что ему причиталось.

Итак, Иризарри было чем заняться. Он принес Мангуста на «Эрик Жанн», и, насколько они с капитаном Альварез могли судить, буджум с чеширом понравились друг другу. Он купил новое белье и позволил Мангусту подобрать себе серьги. Потом продолжил транжирить, ибо пока находился на станции «Кадат» и хотел извлечь из этого максимальную пользу. Он накупил для своей читательницы книг, в том числе «Ветер в ивах»[36]. Со

странным умиротворением он предвкушал долгие вечера за Нептуном: он будет читать Мангусту и узнает, что она думает о Крысе, Кроте, Жабе и Барсуке.

Умиротворенность – или же ее близкое подобие, – столь несвойственная Израилю Иризарри при его образе жизни.

Он освободил комнату в казарме для приезжих, закинул через плечо сумку посадил на другое плечо Мангуста и был уже поблизости от дока буджума «Эрик Жанн», когда сзади его кто-то окликнул по имени.

Полковник Сандерсон.

Он застыл на середине шага, разрываясь между желанием обернуться и поздороваться и трусливо удрать как заяц, и тут она поравнялась с ним.

– Мистер Иризарри, – сказала она. – Я надеюсь, что смогу вас чем-нибудь угостить перед отъездом.

Он не мог удержаться и подозрительно взглянул на нее. Она протянула ладони, показывая, что в руках у нее ничего нет.

– Правда. Без угроз, без обмана. Просто выпьем вместе. Хочу вас поблагодарить. – Она ухмыльнулась, ибо понимала, насколько странно звучат эти слова из уст комиссара.

И если бы на ее месте был любой другой комиссар, Иризарри бы не поверил. Но он видел, как Сандерсон твердо стояла перед крысиной-маткой, и видел, как она отвернулась, и ее вырвало, когда она хорошенько рассмотрела то, что сделала с монстром Мангуст. Если ей хотелось его поблагодарить, он был обязан смирно принять ее признательность и посидеть с ней.

– Хорошо, – согласился он.

И неловко добавил:

– Спасибо.

Они отправились в один из туристических баров «Кадата»: яркий, затейливый и жизнерадостный, совершенно непохожий на простые железобетонные бары, к которым привык Иризарри. Но он понимал, почему Сандерсон выбрала именно этот. Здесь никто, за исключением, может, бармена, не подозревал, кто она такая. Пристальный взгляд его широко раскрытых глаз означал, что их обслужат на высшем уровне: быстро и без лишних слов.

Иризарри заказал «Розовую даму» – ему нравился этот коктейль, и Мангуст от восторга сделалась такого же розового цвета с розетками в тон к вишне Мараскино. Сандерсон заказала неразбавленное виски, которое едва ли походил на то, что пробовал Иризарри в свою бытность на планете. Она отпила изрядный глоток, поставила бокал на стол и начала разговор:

– Мне так и не удалось спросить у Слайдера Джона вот что: как ты заполучил своего чешира?

С ее стороны вспомнить о Спайдере Джоне и Демоне было умно, но Иризарри все равно не был уверен, что она достойна выслушать его историю. Когда молчание затянулось, Сандерсон снова взяла бокал, глотнула и заявила:

– Мне известно, кто вы.

– Я никто, – сказал Иризарри.

Он не позволил себе напрячься, потому что для Мангуста этот сигнал не прошел бы незамеченным, а она была довольно-таки раздражительна, и он не знал, что она вытворит. Может, она сочтет вполне уместным разодрать Сандерсон физиономию.

– Я обещала, – напомнила Сандерсон. – Никаких угроз. Я не пытаюсь вас выследить, не задаю вопросов о той даме, с которой вы раньше работали. Я просто спрашиваю вас о том, как встретились вот с этой. Причем вы не обязаны мне отвечать.

– Верно, – мягко проговорил Иризарри. – Не обязан.

Но Мангуст, все еще розовая, обвилась вокруг его руки, исследуя бокал – никоим образом не содержимое, ибо запах алкоголя отбивал у нее всякий интерес, но перевернутый вверх тормашками конус на соломинке в бокале. Она питала пристрастие к геометрии.

В этой истории не было ничего такого, что могло бы кому-нибудь навредить. И потому он рассказал:

– Тогда я пробирался мимо лун Юпитера… о, уже целых пять лет назад. По иронии судьбы, я застрял на карантине. Не из-за паразитов, виной тому была черная гниль. Попал туда надолго, это было… ужасно.

Он взглянул на нее и увидел, что ему совсем не обязательно тщательно обдумывать слова.

– Там же застряли в своем громадном допотопном корабле аркхемцы. И когда нормированная вода совсем иссякла, нашлись такие, которые сказали, что аркхемцам ее давать не надо, – сказали, что, если бы дело обернулось по-другому, они бы нам точно пить не дали. И тогда, когда аркхемцы послали одну из своих дочерей во имя искупления…

Он до сих пор помнил ее жуткий крик, когда в детском голосе звучал ужас зрелой женщины. Содрогнувшись, он продолжал:

– Я поступил единственно возможным для себя образом. После чего мне было безопасней находиться на их корабле, чем на станции, поэтому я провел с ними некоторое время. Их Профессоры позволили мне остаться. Они люди неплохие…

И вдруг поспешно добавил:

– Не скажу, что понимаю, во что они верят или почему, но они были добры ко мне, они делились водой с командой корабля. И само собой, у них были чеширы. Повсюду чеширы –

наичистейший стальной корабль из всех, которые мне довелось повидать. Ко времени окончания карантина народился помет. Джемима – маленькая девочка, которой я помог, – настояла, чтобы мне отдали лучшего детеныша, им оказалась Мангуст.

Мангуст, которая знала, как складываются губы Иризарри при произнесении ее имени, начала урчать и нежно тереться головкой о его пальцы. Он приласкал ее, чувствуя, как отпускает напряжение, и сказал:

– К тому же, до того как начались все эти сложности, я хотел стать биологом.

– Ха! – выдохнула Сандерсон. – Вам известно, кто они?

– Прошу прощения? – Он все еще размышлял об аркхемцах, приготовившись к обычным вопросам из разряда суеверной чепухи: демоны они, колдуны или ни то ни се.

Но Сандерсон сказала:

– Чеширы. Знаете, кто они?

– Что вы подразумеваете, спрашивая, кто они? Они чеширы.

– После Демона и Спайдера Джона… Я кое-что почитала и нашла Профессора или даже двух – да, аркхемцев, – чтобы задать им вопросы. – Она чуть улыбнулась. – Занимая этот пост, я обнаружила, что люди часто с готовностью отвечают на мои вопросы. И я выяснила. Они брандашмыги.

– Полковник Сандерсон, не хочу показаться невежливым…

– Полувзрослые брандашмыги, – продолжала Сандерсон. – Обученные, плодящиеся и целенаправленно остановленные в росте так, чтобы никогда не достичь полной зрелости.

Тут Иризарри понял, что Мангуст внимательно следит за происходящим: она поймала его руку и заявила весьма категорично: «Нет».

– Мангуст с вами не согласна, – сказал он и неожиданно для себя заметил, что улыбается. – И право же, я полагаю, что это должно бы быть ей известно.

Брови Сандерсон поползли на лоб, и она спросила:

– А что Мангуст думает – кто она?

Иризарри передал ей вопрос, и Мангуст тут же выдала ответ, растворяя розовый цвет золотистым и кремовым: «Ягулар». Но за этим ответом сквозил трепет неуверенности, словно она не была полностью убеждена в том, что заявила столь решительно. А затем она сказала, совсем как девчонка-подросток энергично мотнув головой в сторону полковника Сандерсон: «Мангуст».

Сандерсон по-прежнему внимательно смотрела на него:

– Ну?

– Говорит, что она Мангуст.

Да, Сандерсон в самом деле не пыталась его запугать и не

играла в сложные политические игры, потому что на ее смягчившемся лице расцвела искренняя улыбка, и она сказала:

– Конечно же, она Мангуст.

Иризарри сквозь зубы всосал полный рот сладкой жидкости. И вспомнил, как Сандерсон рассказывала о появившемся на борту «Дженни Линд» брандашмыге, который, извиваясь, пролезал через растянутые бреши в мирозданье, словно тощий смертоносный щенок, разрывающий одеяло.

– Как можно приручить брандашмыга?

Она пожала плечами:

– Если бы я знала, то была бы аркхемцем, верно?

Сандерсон медленно протянула руку тыльной стороной к Мангусту и дал ей понюхать. К удивлению Иризарри, Мангуст робко обвила усиком запястье Сандерсон.

Полковник наклонила голову, ласково улыбалась и не шевелила рукой.

– Но если попытаться предположить, то я бы сказала, что это можно сделать с помощью умения находить друзей.

АЛЬБЕРТ КОУДРИ
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ [37]

Альберт Коудри оставил государственную службу, чтобы попробовать свои силы в литературе. С тех пор его произведения публикуются в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» – обычно это ужастики с налетом черного юмора, причем действие многих происходит в Новом Орлеане, полном демонов и черной магии. В 2000 году Коудри внезапно отказался от жанра хоррор ради научной фантастики и написал две лучшие научно-фантастические повести года: «Крукс» («Crux») и ее продолжение «Мош» («Mosh»), которые в 2004 году были объединены в роман «Крукс». Хотя Коудри по большей части продолжает писать фэнтези, иногда он обращается к научной фантастике, причем так успешно, что читателям хочется, чтобы это происходило чаще – как случилось несколько лет назад с «Племенами Белой» («The Tribes of Béla») или с «Потерянным раем» («Paradiso Lost»), приквелом к «Племенам Белой», который является чистейшей воды старомодной научно-фантастической приключенческой историей, показывающей читателям военный транспортный корабль, направляющийся на непокорную колонизированную планету и несущий груз тайн и предательств, по большей части смертельно опасных…

Коудри с неохотой покинул Новый Орлеан после урагана «Катрина» и проживает в Натчезе, Миссисипи.

Дорогой Хесус, сын Хесуса!

Я тут читал письмо, которое ты оставил на моем планшете. Да, я хорошо знал твоего отца, и да, он умер слишком рано. И я буду счастлив поделиться с тобой воспоминаниями о нем, если ты, конечно, готов их выслушать.

Увидев голограмму, которую ты прислал вместе с текстом, я вспомнил очень многое. Я вижу парня, с которым соперничал в боевых искусствах в Академии, когда мы оба были до смешного молоды. Парня, вместе с которым я отправился в космос, в свое первое путешествие за пределы привычного мира и вселенной.

Ну да, это старческая словоохотливость, и потом, я сейчас один и готов говорить. Моя жена Анна уехала в Китай навестить каких-то древних родственников, нуждающихся в помощи. Меня же оставили здесь, в оазисе Мэнипалмс в Великой Американской пустыне – место вполне пригодное для жизни, но не в августе же! Сорок восемь гребаных градусов на улице, впору скорпионов жарить. Напоминает лето на планете Бела, но наше хоть, слава богу, не тянется полвека подряд. Когда домашний бот подает мне

холодный напиток из манго и груш, я вежливо говорю: «Это превосходно, Тихо», потому что он запрограммирован повторять действия, за которые его хвалят, а мне нужна вся жидкость, которую он только сможет предоставить.

Значит, сделаю глоточек, припомню былые приключения, поговорю с планшетом – и ты сможешь прочитать то, что получится, если ты не слишком занят, помогая управлять Луной. Слышал я сплетни, будто однажды ты станешь госсоветником и будешь вершить историю. Ну а ты сохрани это в памяти – как предупреждение, насколько жестока может быть история по отношению к невинным. Вообще-то история эта началась до того, как твой папа и я появились на свет.

Итальянский мистик, называвший себя Инноченте, учредил культ под названием Скала ди Аморе, или Лестница Любви. Инноченте учил, что любовь может подняться от грубого и плотского к возвышенному и универсальному. Это сделало его доктрину предлогом для чего угодно, от оргий до святости, и привлекло немалое количество верующих. Какое-то время культ процветал.

Его символом была молекула ДНК, которая смахивает на лестницу, ну, может, на винтовую – внутри хрустального шара. Если присмотреться, все части этой эмблемы несут в себе глубокий смысл. Сфера обозначает единство, хрусталь – чистоту, молекула – лестницу жизни и, соответственно, любви. Одно время женщины носили их на браслетах с брелоками, а мужчины вешали себе на шею на цепочках. Во всех городах появились храмы с этим изображением, снабженным ночной подсветкой. Подобно Богу, оно было вездесуще – или повсеместно, как там правильно говорится?

Популярность сделала культ поводом для споров и даже насилия. Старые религии не могли не заметить, что у них отбивают верующих, и в разных частях света начались гонения. Правительство, как и случается обычно, решило свалить все на жертв и устроило показательные процессы, причем некоторых последователей культа обвинили в сексуальных извращениях и подстрекательствах к мятежу. Понтий Пилат быстро сориентировался бы в такой ситуации.

И тогда Инноченте объявил, что он с группой избранных покидает Землю, дабы подготовить убежище для всех истинно верующих в глубинах космоса. Как и другие мистики, он претендовал на обладание сверхъестественными способностями – даром пророчества и ясновидением – и утверждал, что провидит для колонии чудесное будущее. Скептики говорили, что он увозит своих последователей туда, где их будет проще контролировать.

Кстати, так и бывает с основателями культов – и нередко!

Так вот, в то время Государственный Совет пропагандировал эмиграцию по ряду причин, одна из которых – желание избавить Землю от потенциальных возмутителей спокойствия, например религиозных фанатиков. Короли Англии руководствовались теми же соображениями, когда предложили пуританам убраться к чертям в Америку, да там и остаться. Инноченте и семьсот его учеников – вообще-то, шестьсот семьдесят два, некоторые усомнились и отказались – быстро получили визы и были доставлены в систему, обозначенную в новом каталоге как H-2223. Их разместили на третьей, или гамма-планете, которую Инноченте с надеждой переименовал в Парадизо, то есть Рай, и там оставили жить или умирать сообразно собственным усилиям и выделенным припасам.

Планета была – ну не то чтобы недвижимостью премиум-класса. Премиум-класс зарезервировали под добычу полезных ископаемых и военные поселения, Парадизо не имела луны, и система была какая-то жалкая – ближе к солнцу располагались два уголька – альфа и бета, а дальше – два газовых шара, дельта и эпсилон. Плюс, как водится, всякая мелочь, некоторое количество интересных комет, которые появлялись там раз в несколько столетий, и остатки несформировавшихся или разрушенных планет, устраивающие время от времени метеоритные ливни удивительной яркости.

По массе планета была примерно как Нептун, хотя по размерам, будучи твердым телом, заметно ему уступала. Высокая гравитация, надо полагать, требовала от местных форм жизни серьезных адаптаций, и карикатуристы вволю поглумились, рисуя колонистов, похожих на кривоногих гномов, безуспешно карабкающихся по Лестнице Любви. Пока верующие обустраивались, Инноченте умер из-за проблем с коронарными сосудами, возможно, вызванных увеличением гравитации, и ему наследовал сын, который тоже претендовал на обладание паранормальными способностями.

Земля потеряла с ними связь, когда примерно в том направлении произошло несколько стычек с неизвестными, но хорошо оснащенными захватчиками. Получивший гордое имя Первой Войны с Пришельцами конфликт продолжался с перерывами – да и состоял по большей части из них – сорок четыре стандартных года. Ты, наверное, помнишь из уроков истории, что нам не сопутствовал успех, хотя удалось разнести один их корабль снарядом, чья скорость превосходила скорость света, ССС. Потом наши немало повозились, роясь в обломках в поисках образцов живых тканей – и в итоге оказалось, что

пришельцы принадлежат не к одному виду, видов там было как минимум пять, причем – в отличие от так называемых кузенов с планеты Бела – даже не близкородственных.

Возможно, они все жили в симбиотической гармонии (неплохая теория), или же четыре из них поработили пятый (теория похуже). В любом случае, за отсутствием представлений о том, как они сами себя называли, враждебно настроенные журналисты обозвали их Зоопарком, а карикатуристы изображали как клетку с чудищами.

Это было наше единственное достижение. При этом мы потеряли несколько очень дорогих кораблей и несколько сот прекрасно обученных бойцов Космической Службы. Тогда более осторожные Государственные Советы объявили политику Сокращения – отозвали колонистов из опасного региона, чтобы укрепить ближние миры, которые проще защитить. Вот тут император Адриан кивнул бы старой мудрой головой и пробормотал бы «*Sic transit…*» или что-то в этом духе. Неприязнь к Лестнице Любви утихла, потому что без лидера культ пришел в упадок на Терре и на Луне и больше не представлял угрозы. И тогда Совет возложил на единственный корабль, огромный старый «Жуков», задачу переселения людей с Парадизо, и подготовка к экспедиции началась.

Пока тянулась вся эта история, мы с твоим папой родились и выросли в крепких, неугомонных и туповатых юнцов, которые обычно так нужны Службе. Тогда, как и теперь, Силы Безопасности держали собственные войска для подавления восстаний и полицию для борьбы с преступностью – что-то типа Министерства внутренних дел в старой России, разве что не настолько мерзкое. Мы выбрали армию и вместе прошли базовую и расширенную программу подготовки офицеров – и получили погоны и право на то, чтобы нам отдавали честь рабы, избравшие то же призвание. Я был старше него минут на девять, потому что при выпуске список составлялся по алфавиту, и сначала шла буква «К» – Кон, Роберт, потом «М» – Моралес, Хесус. Мы подружились, уделывая друг друга на занятиях боевыми искусствами и гоняясь за девицами в увольнительных, и это радовало, потому что первое назначение обещало быть нелегким.

«Жуков» находился в ведении Космической Службы, но верховное руководство экспедицией было поручено командующему Силами Безопасности генерал-полковнику Шлехту[38]. Предполагалось, что он будет загонять стадо колонистов, которые, как имелись основания подозревать, будут не в восторге от перспективы сниматься с мест, где прожили несколько поколений. Про Шлехта поговаривали, что младших

офицеров он прямо-таки ест живьем, желательно обмакнув в острый соус, так что мы с Моралесом не обрадовались, когда нас направили командовать двумя взводами пехоты, которым вменялось в обязанность караулить колонистов-репатриантов.

– Слишком молоды, чтобы умереть, – вздохнул твой папа. Хотя, разумеется, он сказал не совсем так. На учениях мы усвоили, что слова – лишь камешки, если их не скрепляет цемент ругательств. В общем, представь, что он сказал: «Гребаные ублюдки! Слишком, засранцы, молоды, чтобы, мать вашу, умереть!»

Я не мог не согласиться.

Мы встретились с генералом на Орбитальной Станции Один, где много лет спустя я пережил весьма интересные события. Большое Колесо, как его тогда все называли, было на тот момент в полном порядке, никаких монахов, зато толпы ученых – белые лабораторные халаты вместо белых облачений – плюс некоторое количество транзитных пассажиров. Как обычно, все умели изъясняться на базовом английском, и повсюду звучал целый Вавилон акцентов, включая наши. Мы видели вояк, щеголяющих яркой формой, и штатских в унылых костюмах – в тот год это были широченные штаны, строгие рубашки и лакированные парики – и у мужчин, и у женщин. Нам хватало времени пялиться на голубой шар Земли, перекусывая в столовой для военных, а за кофе в Гостиной Темной Стороны мы смотрели на оставшуюся часть нашей огромной вселенной. Потом начинали пищать планшеты, и мы бегом тащили свои задницы в кабинет генерала.

У меня было не так много времени на знакомство со Шлехтом – по причинам, о которых скажу позже, и я так и не научился испытывать к нему сколько-нибудь теплые чувства. Но, должен признать, он впечатлял: два метра ростом, восемьдесят сантиметров в ширину и лицо, как у водяного буйвола, осаждаемого мухами: хмурый, фыркает, усы торчком. Волосы у него были седые, взлохмаченные, целая копна – совсем не по-военному, и по ним ясно читалось: шваль вроде нас с Моралесом должна думать о правилах, а вот он – нет. То же самое читалось по его погонам. Ему полагалось семь звездочек, но генерал не носил ни одной – он не нуждался в кусочках блестящего металла, чтобы сообщить окружающим, какая он чертовски важная персона.

Он сидел молча, казалось, целых полчаса, глядя на нас с очевидным презрением, а потом заговорил – точнее, хрипло зарычал.

– Значит, вот вы двое будете у меня комвзвода.

Мы гаркнули «Так точно, сэр!», как на плацу, а он тем

временем изучил распечатку и, когда воцарилась тишина, проворчал:

– Моралес и Кон. Иисус и иудей[39].

– Сэр, мое имя произносится как «Хесус», – храбро сказал твой папа.

– Что касается меня, мистер, то ваша фамилия произносится как «Дерьмо»[40]. Это mierda, если вы вдруг плохо понимаете по-английски.

После этого собеседование резво покатилось под откос. Примерно час спустя мы с Хесусом выпивали в офицерской гостиной, ожидая, что наши уши наконец перестанут гореть.

– Ну, – сказал он наконец, – думаю, понятно, что из себя представляет этот гребаный генерал.

Я ответил, что, похоже, путешествие будет непростым. К счастью, пока еще никто не знал насколько.

Пару дней спустя легкий катер перевез нас на борт «Жукова». Это был звездолет класса «Александр» – ну, они такие круглые, но не совсем, кажется, это называется «уплощенный сфероид». Все суда были названы в честь знаменитых полководцев и флотоводцев: «Сунь-Цзы», «Саладин», «Цезарь», «Нельсон» и уж не знаю кто еще. Считаюсь, что они практически неуязвимы – тройной нос из молекулярной стати и всевозможные дополнительные приспособления, дабы сделать их «структурно непроницаемыми». Пример людской самонадеянности, смею добавить, наказанной, когда три таких корабля были подорваны вражескими сверхсветовыми снарядами во время Первой Войны с Пришельцами.

Теперь переоборудованный «Жуков» использовался для перевозки колонистов, по большей части потому, что он был огромен, и если на человека давать не больше полутора кубометров пространства, примерно с большой холодильник, то туда поместится прорва народу. «Жуков», между прочим, был все еще хорошо вооружен – криоснарядами альфа-класса и генератором пучков частиц, потому что он отправлялся в неспокойные края, где по-прежнему были возможны близкие контакты худшего рода.

Шлехт милостиво выделил нам с Моралесом двадцать минут, чтобы обустроиться в шкафу, гордо именуемом кают-компанией, затем приказал приступать к работе, то есть начинать гонять нижестоящих. Он говорил с нами через хромированный шар на потолке нашей комнаты, который, несмотря на небольшой размер, производил невероятное количество шума. Мы называли его сучьим мячиком. И вот на нас наорали и потребовали, чтобы мы живо тащили свои задницы в казармы, где нас ожидал

командир вместе со своим альтер эго, карликом.

Да, карликом – с большой головой, непропорционально длинным туловищем, короткими кривыми ногами, маленькими ручками и крошечными пальцами. Судя по шаткой походке, у него были проблемы с позвоночником. Одет он был во что-то неописуемое, у него была красная морщинистая кожа и внимательные темные глаза. В тех редких случаях, когда Шлехт обращался к нему, он называл его Кос, в рифму с «недорос». Едва странная парочка удалилась, Моралес тут же обозвал их «Кос и Босс», а позже, когда мы уже всерьез возненавидели генерала, он переименовал их в Борова и Гнома.

Сначала я решил, что Шлехт путешествует с собственным придворным шутом. Но Кос вроде бы не шутил и не устраивал розыгрыши, ничего такого. Вообще-то он по большей части молчал, и все же, едва Боров появлялся, дабы несколько усложнить нам жизнь, тут же рядом обнаруживался и Гном, глядя на нас пристально, но безо всякого выражения, словно каракатица.

Мы принялись за работу – надо было познакомиться с составом наших взводов, два раза по тридцать пять человек. На службе есть своего рода неписаное правило: в любом подразделении, сколь угодно малом, представлены все человеческие типы. У меня были такие чистюли, что их невозможно было застать с грязными ногтями, а были и столь упорно пренебрегающие личной гигиеной, что товарищи насильно загоняли их под душ и обрабатывали щеткой, чтобы избавиться от вони. Были парни и девицы, гомо и гетеро, неженки и головорезы, пьяницы и трезвенники, почти что полные болваны и один странный гений в духе Лоуренса Аравийского, по имени Соза, который по неизвестной причине предпочитал обитать на нижнем уровне иерархии и отказался от повышения, которое я ему предложил.

У Моралеса был ровно такой же взвод – только совсем другой. Вот такое вот животное человек – все особи разные, и все одинаковые, прямо как снежинки, разве что не настолько симпатичные.

Сержантом у меня был здоровенный ирландец по фамилии О’Рурк, у Моралеса – мелкий, но опасный кикбоксер по фамилии Чулалонгкорн. Внешне совсем не похожие, но оба отважные, сообразительные и совершенно аморальные. От них я узнал, что сержанты – это особый подвид и что офицерам, особенно салагам вроде нас, чертовски повезло, что они есть в ближайших окрестностях и говорят нам, что надо делать.

Пока «Жуков» стартовал – я толком не заметил, когда мы

начали двигаться, машины не жужжали и не тряслись, – мы проводили время в Арсенале, тускло освещенном помещении, немилосердно воняющем потом, графитом и машинным маслом. Сначала мы смотрели, как сержанты руководят рабами, распаковывающими оружие, отчищающими смазку, собирающими и разбирающими и опять собирающими и полирующими все и вся. Затем мы установили и закрепили оружие, чтобы никому не пришло в голову схватить ружье и уладить конфликт вроде «чей это интерактивный комикс» или «кто сейчас идет в душ», причем под душем подразумевалось несколько казарменных шлюх, пополняющих свои доходы путем обмена секса на деньги. Почему душ? Потом что «они намочат вам хвост». Армейский юмор.

Когда все закрепили и убрали подальше, у нас с Моралесом образовалось десять минут, чтобы облачиться в парадную форму по случаю важного события – обеда с прочими членами комсостава. Кроме генерала, Хесуса и меня, одетых в серую форму Сил Безопасности, офицеры были в синих мундирах Космической Службы. Как старший по званию, Боров сидел во главе стола. Пилот, полковник Делатур. расположилась по правую руку от него, навигатор – по левую, затем командующий артиллерией, старший инженер, военный врач и все прочие, в порядке понижения статуса, определяемого Табелем о рангах, вплоть до Иисуса и иудея, между которыми умостился карлик Кос – с торца, ровно напротив генерала.

Разговаривали напряженно, что нетрудно понять, – генерал, собственно, и не разговаривал, а делал официальные заявления, и единственным, кто смел выражать несогласие, была полковник Делатур, умная француженка лет сорока с короткими обесцвеченными волосами, которая любила в самой что ни на есть вежливой форме сообщать ему, какая он задница. Так, когда он объявил, что третий закон Ньютона – полная чушь, она промурлыкала: «Уверена, вы могли бы заставить вселенную работать намного более разумно, генерал, если бы у вас была такая возможность».

Ей-то что до него? Корабль не мог без нее функционировать, и потом, она была в синем, и ее неизбежное соседство с ревущей ветряной мельницей по левую руку было сугубо временным.

Так вот, наше пестрое сообщество неслось прямо в бездну, как свойственно людям. Разумеется, корабль был по большей части пуст – и готов принять колонистов. Но вскоре Шлехт заставил нас обшарить каждый кубометр пространства, потому что – хотя тогда я этого не знал – он убедил себя, что на борту имеются «зайцы».

Старший инженер начал поиски, закрыв сотни защитных

дверей, которые разделяли помещения корабля, чтобы локализовать разрушения в случае пробоины. Затем за дело принялись мы, передвигаясь, как мухи на липких лапках, потому что провода системы псевдогравитации проходили прямо по палубам, которые, соответственно, были всегда «вверх тормашками».

Хлюпая присосками при каждом шаге, мы бродили по полутемным отсекам друг за другом – Моралес, я, О'Рурк, Чулалонгкорн и наши нервные юные подопечные, и все искали Зайца – мы мысленно писали это слово с заглавной буквы – или же прочих незаконных постояльцев.

Ну, в общем, мы никого не нашли. Но зато поняли, как устроен «Жуков» изнутри. Боже, какой лабиринт! Складские помещения, напоминающие пещеры, – ближе к носу, чертовски холодные, темные, огромные. Даже немного жуткие. Припасы в транспластовых упаковках, покрытые морозными узорами там, где жидкость оказалась внутри и замерзла. Отсеки в форме полумесяца, служившие казармами во времена, когда корабль перевозил целый экспедиционный корпус, с койками по четыре одна над другой, отогнутыми к переборкам и закрепленными на месте. Пустые уборные. Странные комнатки с водостоками на полу – надо полагать, изоляторы. Связывали все это узкие коридоры, узкие лестницы, узкие трапы и маленькие лифты, засунутые в трубы с запирающимися дверями на каждом этаже.

По центру корабля с севера на юг тянулся цилиндр из стали ядерного класса, заключающий в себе двигатели, генератор темной энергии и системы жизнеобеспечения, причем все это контролировалось компьютером, запертым в отсеке, куда имели доступ лишь пилот, навигатор и старший инженер. Тяжелое вооружение занимало «Полярный Круг» – область, формой напоминающую пончик, вокруг «северного полюса», а в верхней части центрального цилиндра располагался генератор пучков частиц. Внешние переборки Полярного Круга окаймляли двадцать стальных стартовых шахт, в четырех были альфа-снаряды, остальные пустовали. За стрельбу отвечал большой блестящий кусок искусственного интеллекта, тоже запертый в отсеке, куда имели доступ лишь ответственные лица.

Вот таким был «Жуков», когда мы его увидели. Огромный, невероятно сложно устроенный, безумно мощный и совершенно пустой. Возможно, образ современного мира?

Сначала я решил, что Шлехт постепенно успокоится и начнет действовать по-человечески. Но я ошибся.

Дни сменялись днями – естественно, я имею в виду циклы, когда свет включался и выключался, – а Заяц так и не нашелся, и

генерал начал форменным образом сходить с ума и орать все громче и громче. В результате мы с Моралесом перестали его бояться. Когда вулкан извергается впервые, это не может не впечатлить, но на трехсотый или четырехсотый раз невольно начинаешь думать: «Что, опять?»

Иногда он грозил нам кулачищами, и я про себя решил, что, если он меня ударит, я дам ему сдачи, и клал я на последствия. Твой папа не был таким здоровяком, как я, но у него тоже был черный пояс, и он сказал мне, что уже выбрал кадык Шлехта в качестве первой мишени. Я спросил почему.

– Даже если я не убью его, ему придется заткнуться, когда я порву ему его гребаные голосовые связки, – объяснил Хесус.

Взрыв, которого мы все ждали, произошел, когда генерал наблюдал за тренировкой с оружием. Один из моих ребят устанавливал гранатомет, и вдруг запчасти выскользнули у него из рук и посыпались на палубу, звеня и грохоча, а генерал шагнул вперед и ударил его так, что послышалось эхо.

Так вот – никто не смеет нападать на моих людей, особенно какой-то сукин сын, который знал, что они не дадут ему сдачи. Я встал между ними, сжав правую руку в кулак, в полной боевой готовности, и – он замахнулся на меня. Но не ударил. Мы стояли, буравя друг друга взглядами и тихо рыча, а потом, к моему удивлению, он опустил руки, развернулся на каблуках и зашагал прочь, а за ним. словно тень, последовал Кос.

После этого напряжение, царившее на корабле, несколько спало. Моралес крепко меня обнял, а взвод чуть ли не ноги мне целовал за то, что я заступился за них и угомонил генерала. Даже Шлехт, кажется, что-то понял. В тот вечер за обедом он обращался со мной не без вежливости и потом дольше сидел в кабинете и меньше орал, когда покидал его. Никогда не знаешь, как все обернется, верно?

Через сутки-другие выяснилось, что, собственно, произошло. Я пил в столовой пиво с Моралесом, когда притащился Кос. Он казался особенно маленьким, и одиноким, и совсем потерянным. В конце концов, на корабле он был лишним, штатским среди военных и маленьким среди больших. Никто, кроме генерала, толком не был с ним знаком, и ему было не с кем выпить, потому что Шлехт пил один.

Я пригласил Коса присоединиться к нам, не из простой любезности – мне было интересно, что он тут делает. Я подождал, пока он зальет пару кружек «Пилснера» в свое уродливое тельце, и начал его расспрашивать как ни в чем не бывало – о нем самом. Оказалось, что, как и многие одинокие люди, он просто жаждал поговорить. Мы получили тонну информации: о его физическом

состоянии – по-научному это называется ахондроплазия – и о трудностях взросления маленького человека. Как родители держали его дома, чтобы защитить от большого мира, и как в пятнадцать лет он удрал и поступил в цирк.

– Цирк, – безо всякого выражения повторил я.

– Это не было шоу уродов.

– Да я вовсе не о том подумал.

– Нет-нет, как раз о том. Но это не так, у меня был собственный номер. Я читал мысли. У меня редкий уровень экстрасенсорного восприятия.

Я спросил, не значит ли это, что он слышит все, о чем думают вокруг. Он сказал, что, разумеется, нет.

– Эта система нестабильна, как любая сенсорная система. Делаешь бессознательные умозаключения, фильтруешь то, что не представляется важным. И потом, отвлекаешься, устаешь и путаешься. Но все же у меня хорошо получается Генерал увидел мой номер в Нью-Вегасе и нанял меня сидеть в соседней комнате, пока он играет в «девятку», и говорить ему, что видят у себя в руках другие игроки, в микрофон размером с перчинку, который он установил у себя во внутреннем ухе. Он выиграл кучу денег, расплатился со мной и нанял меня на постоянной основе делать то же самое на заседаниях штаба Службы безопасности. Ну я и наслушался всякого! Вы бы обалдели, если бы узнали, сколько времени высший комсостав тратит на заговоры друг против друга. Я был просто потрясен.

– Но почему? – спросил Моралес. – Все знают, что они за птицы.

– Не забывай, Хесус, родители защищали его от внешнего мира, – вставил я.

– О да. Надо полагать, в таких условиях кто угодно сохранит наивность. Так что ты делаешь тут, на «Жукове», для нашего большого начальника?

– То же самое. Он пристрастился к подслушиванию чужих мыслей. Несколько дней назад я предупредил его, чтобы не ссорился с тобой, – сказал он и кивнул мне. – Я сказал ему, что ты готов его убить. Он не трус – но и, между прочим, не дурак. Ты такой же здоровый, да еще и на сорок лет моложе, и он решил отступить. И, разумеется, – добавил он как ни в чем не бывало, – я рассказал ему про Зайца.

– Которого мы не нашли.

– Это просто выводит его из себя. На борту есть кто-то, кому вовсе не надо быть здесь, и они враждебно настроены по отношению к нему.

– Они – значит, безбилетник не один?

– Нет, просто – он или она, я не знаю. А все эта сверхпрочная сталь, – пожаловался он. – Перегородки. Даже обычный металл здорово мешает, заглушает частоты, которые я мог бы уловить. Конечно, при условии, что они вообще электромагнитные – эксперты придерживаются разных мнений по этому поводу. Но сверхплотный металл еще хуже. Ну, – сказал он, приканчивая третью и последнюю кружку пива и соскальзывая с барной стойки, – увидимся позже, парни. Смешно, конечно, но мне нужен… сон красоты.

Когда он ушел, мы с Моралесом просто сидели, глядя друг на друга и думая: «Боже, во что я вляпался?»

– Карлик-телепат, – сказал он, начиная перечислять странности нашего корабля. – Чокнутый генерал. Враждебный и, по всей вероятности, невидимый Заяц. Семьдесят военнослужащих, включая головорезов, дрочеров, кретинов, гениев, сержантов и шлюх. Вооружение, достаточное, чтобы разнести пару-тройку цивилизаций. Я ничего не пропустил?

– Нас, – сказал я.

– О да. И мы тоже.

Так вот, Хесус, когда двое мужиков живут в таком тесном соседстве, как мы с твоим папой, они начинают вести себя как женатая пара. Это называется «привязанность». Ты начинаешь догадываться, что скажет сосед по комнате, когда он еще и рта не раскрыл. Ты ненавидишь, как он храпит и похрюкивает во сне, но когда его нет на месте, ты не можешь спать именно потому, что он не храпит и не похрюкивает. Вы спорите по каким-то несусветным мелочам. Моралес выводил меня из себя, размышляя о природе псевдогравитации – она электростатическая или нет? Я же уподобился Шерлоку Холмсу, которому было плевать, Солнце вращается вокруг Земли или наоборот, потому что это не имеет отношения к его работе. Я сказал Хесусу, что ему не хватит квалификации, чтобы обсуждать технические проблемы или даже понять, когда кто-то ему их растолкует. Он сказал, что мне повезло, ибо я начисто лишен любознательности.

– Некоторые из наиболее успешных созданий природы лишены ее, – отметил он. – Вспомни, например, таракана.

Вот так, бодрствуя и пребывая во сне, работая и ссорясь, мы с Хесусом привязались друг к другу, тем более что работу мы выполняли по большей части одинаковую и почти все время были вместе. Мы обсуждали свои проблемы, амбиции, надежды и мечты и вступили в союз против враждебно настроенных внешних элементов, в первую очередь генерала. Вскоре после прибытия на «Жуков» мы начали прикидывать, как бы его убить.

Это была не совсем месть, хотя и отомстить, конечно,

хотелось. Нам нравилась полковник Делатур, пилот; мы уважали ее. Она казалась решительной и разумной – и всяко меньше мешала осуществлению нашей миссии, чем Шлехт. Проблема была в том, чтобы избавиться от нашего семизвездного психа так, чтобы это выглядело несчастным случаем. После беседы с Косом мы решили по мере возможности пропускать обеды комсостава, беспокоясь, как бы карлик не уловил наши мысли. Однако, как заметил Моралес, к этому времени Шлехт уже так всех достал, что даже его личный экстрасенс не сразу бы понял, кто именно желает ему смерти.

И вот однажды ночью, когда мы лежали в койках – Моралес занимал верхнюю, а я нижнюю – и шепотом плели заговор против командира, из сучьего мячика донесся не его громоподобный голос, но интеллигентный акцент полковника Делатур.

– Лейтенант Кон? Лейтенант Моралес? Могу я попросить вас подойти на мостик, если не трудно? Дело весьма срочное.

Моралес свесился с койки и уставился на меня. Я вытаращился на него. Поскольку самым вежливым, что нам ранее приходилось слышать из этого прибора, было «БРОСАЙ ДРОЧИТЬ, ХВАТАЙ ПОРТКИ!», мы поняли, что случилось что-то важное.

На мостике собрался весь комсостав, за исключением Шлехта, протирая заспанные глаза. Одеты были как попало – мундиры поверх пижам и все такое. Нижняя палуба дрожала – работая генератор темной энергии, а значит, мы готовились войти в ту подобную пустому пузырю вселенную, о которой все были наслышаны, в то место, куда отправляются хорошие корабли, когда превышают скорость света.

Сначала я решил, что стряслась какая-то экзотическая техническая накладка. Но полковник Делатур приготовила для нас куда более радостное и волнительное известие. Холодным звучным голосом она приветствовала нас:

– Добрый вечер, джентльмены. Генерал Шлехт убит.

Мы с Моралесом смотрели друг на друга, «озаренные страшной догадкой», как сказал поэт. Каждый думал: «Гребаный ты придурок, сделал – и мне не сказал?»

Мы все еще стояли, разинув рты, когда Делатур добавила:

– Не думаю, что эта утрата вызовет бурное сожаление, но к тому, что на борту присутствует убийца, необходимо отнестись серьезно. Лейтенант Кон, нам нужен действующий офицер Сил Безопасности – не возьмете ли на себя эту обязанность? Лейтенант Моралес примет командование вашим взводом, как и своим собственным. Лейтенант Кон, ваше первое задание – расследовать смерть генерала Шлехта.

Обрати внимание, она не стала ждать моего согласия с новым

назначением и обязанностями. Когда дело касается чего-то принципиально важного для военных, например пренебрежения пожеланиями подчиненных, коль скоро им отдан приказ, Космическая Служба и Служба Безопасности действуют примерно одинаково.

Что касается меня, то я глубоко вздохнул и отчаянно попытался вспомнить, что я узнал на двух-трех лекциях по криминалистике, которые прослушал, и сказал – надеюсь, достаточно спокойно и уверенно:

– Покажите мне тело.

Она провела всех в изогнутый коридор, заканчивающийся дверью в кают-компанию. «Состав преступления» лежал лицом вниз, полностью одетый, в нескольких метрах от дверей своего бывшего кабинета. Кос, как верный пес из сентиментальных историй, сгорбился над телом, беспомощный и потерянный.

Я постучал его по плечу, и он молча отодвинулся. Видимых повреждений на теле нашего бывшего командира не было, разве что из носа и рта натекла приличная лужа крови. Она местами свернулась, значит, труп был не совсем свежий. Я потянул его за руку – она еще гнулась, но, судя по частично открывшемуся лицу, окоченение уже началось. Определить хронологию событий было трудно – разные тела ведут себя по-разному, а внутри корабля было прохладно – температура поддерживалась на уровне десяти градусов.

Я позвал Моралеса, и мы вместе перевернули тело. Широкая грудь, увешанная медалями, была мокрой от крови. Военный врач, доктор Ганнетт, отлепил рубашку, промокнул горстью бумажных полотенец и показал нам аккуратную дырочку в грудине.

Генерала застрелили из мелкокалиберного оружия, скажем, четырехмиллиметрового – не армейского образца. Пуля не смогла пройти насквозь, что объясняло отсутствие широкой раны в спине. Она взорвалась внутри, разнеся в клочья жизненно важные органы и аорту. После того как он упал, поток крови вышел через самые большие отверстия и хлынул в пищевод и дыхательное горло.

– Ну, думаю, необходима судебная экспертиза, – сказал Ганнетт, крупный мужчина угрюмого вида. – Хотя причина смерти вполне очевидна.

Он вздохнул, возможно, жалея, что не удастся попрактиковать вскрытие на более интересном трупе.

Я начал задавать вопросы. Вежливо – все, кроме Коса, были для меня «сэр» или «мэм». Кто нашел тело? Естественно, Кос. Он спал в своей каюте рядом с обширными покоями генерала, когда

его разбудил жуткий вопль. Поскольку больше никто ничего не слышал, я решил, что подсознание карлика таким образом предупредило его, что случилось нечто ужасное.

В одних трусах Кос заковылял в коридор и наткнулся на тело. Он не позвал на помощь, а впал в ярость, заламывал руки, стонал и бегал, как цыпленок, которому отрубили голову, оставляя маленькие кровавые следы по всей палубе. Через какое-то время он вернулся, надеясь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, но генерал был безнадежно мертв.

Потом Кос почувствовал приближение Зайца. Испугавшись теперь уже за свою шкуру, он помчался обратно в каюту и спрятался под койкой. Только когда его внутренняя система тревожного оповещения успокоилась, он рискнул снова выглянуть, разбудил доктора и привел его к телу. Суматоха продолжилась – доктор послал его к пилоту, пилот – к навигатору, а затем разбудили остальных офицеров в порядке старшинства. Выглядело как приготовления к обеду. Разумеется, мы с Моралесом узнали последними. Тем временем Кос, внезапно заметив, что он почти голый и весь в крови, вымыл ноги и оделся.

Подытоживая ситуацию с непринужденной любезностью, которой всегда славился, я сказал всем:

– Вы, народ, самое отборное сборище анатомически правильных задниц, какое я встречал за последнее время.

Нет, конечно, вслух я этого не сказал. Только подумал. Вместо этого я выразил сожаление, что все так печально обернулось, и попросил врача заняться телом и провести все необходимые лабораторные исследования, какие еще возможны, с учетом потери времени и состояния места преступления – зря, конечно, тут так натоптали. Я послал Моралеса за О'Рурком, нашим самым старшим и зловредным сержантом, и велел привести шестерых вооруженных охранников по его выбору, чтобы окружить это место и начать поиски оружия – ну, не то чтобы я надеялся, что его и правда найдут.

К этому моменту стало заметно, что все испытывают облегчение. Они были избавлены от Шлехта, Делатур приняла командование, и в итоге за экспедицию отвечала Космическая Служба, как, собственно, и полагалось, А что до нас, двоих салаг в серой форме, мы занялись единственным, на что годится Служба Безопасности, – расследованием преступления. В общем, всем полегчало – они ошибочно решили, что грязную работу сделает кто-то специально подготовленный, то есть я. И потом, «Жуков» должен был войти в Пузырь буквально через двенадцать часов, и у всех было полно своих забот.

Все разошлись – кто в постель, кто на мостик. Тем временем я

отвел Коса в кабинет командующего, усадил в удобное генеральское кресло и спокойно попросил рассказать мне, кто убийца. Ну, если поблизости имеется телепат, отчего бы не использовать его?

Парень был на грани истерики, так что, прежде чем хоть что-то выяснить, пришлось отыскать Шлехтов запас бренди – ничего такой запас, литров двадцать рассовано по шкафам и буфетам, что пролило новый свет на специфическое поведение генерала – и заставить Коса проглотить пятизвездочного на дне стакана. Он закашлялся, и я похлопал его по спине.

– А теперь давай-ка, дружок, расскажи мне, кто убил генерала.

Я бы ничуть не удивился, если бы он назвал кого угодно из присутствующих на борту, включая меня – в конце концов, я же замышлял убийство, и он знал об этом. Но он посмотрел на меня с тоской и спросил:

– Разве это не очевидно?

Ну не мог же я ударить человечка ростом всего-то с мою ногу? Я сдержался и сказал:

– Мне – нет.

– В общем, смотри, – сказал он ворчливо, – когда я нашел генерала, он все еще истекал кровью. Значит, его только что застрелили. Я разбудил остальных, и они правда просыпались, клянусь – я чувствовал, как их сознание выходит из сонного тумана. Значит, они не замешаны. Но, когда я прятался от Зайца, я уловил его мысли. Тао великий, жуть какая! Никаких слов, только эмоции – волны ярости и радости, какой-то ужасный экстаз, как у хищника, который только что растерзал жертву!

– Значит, это сделал Заяц.

– Да.

– Заяц, которого мы не можем найти.

– Да.

– Ты его видел? В смысле, экстрасенсорно.

– Нет. Если и был внешний образ, его закрыло то, что шло изнутри. Все, что я мог уловить, – это его чувства.

Думаю, он все еще был слишком расстроен, чтобы читать мои мысли, потому что если бы мог, то услышал бы, как я думаю: «Нет никакого Зайца. Я знаю, потому что сам искал его. С другой стороны. Кос нашел тело. Он вполне может справиться с мелкокалиберным оружием, и у него было время припрятать оружие, потому что он долго не будил команду. А когда он описывал настроение Зайца после убийства, получилось так ярко – не потому ли, что на самом деле это были его собственные эмоции?»

Правда, мотивы неясны. Я был не в состоянии придумать ни одной убедительной причины, по которой он мог убить Шлехта. Но кто знал, какие оскорбления ему приходилось терпеть – или, если на то пошло, физические издевательства? У меня не было достаточного повода арестовать его, но, чтобы питать очень серьезные подозрения, повод был.

На курсах криминалистики я научился быть очень, очень любезным со всеми, на кого падает мое подозрение, – это их обезоруживает, понимаешь? И вот я похлопал Коса по плечу, посоветовал ему дойти до медпункта и принять успокоительное – и записал его первым номером в мысленный список подозреваемых. Ниже значились все присутствующие на борту, кроме Хесуса и меня. Я исключил себя лишь потому, что знал – убил не я, а Моралеса – потому, что он спал на верхней койке и не смог бы покинуть каюту незаметно.

Значит, девятнадцать офицеров и семьдесят рядовых. Любой из них мог действовать в одиночку и почти в любом сочетании – заодно. Я как раз думал об этом, когда показался сержант О'Рурк. Он был мужик здоровый, с таким тяжелым торсом, что немного наклонялся вперед при ходьбе, его маленькие серые глазки сияли умом, а сейчас они недоброжелательно косились в сторону Коса, которого он часто называл «эта гребаная зверушка чертова Шлехта».

– Думал, вам будет интересно, ле-е-е-тенант, – пророкотал он. – Вот, нашел у Гнома, было приклеено воском к ножке его койки.

Он протянул кулачище размером с окорок, поросший с тыльной стороны рыжеватой шерстью, и уронил мне в ладонь хрустальный шарик, внутри которого была модель молекулы ДНК.

Мы посмотрели друг на друга, потом на эту штуковину. Потом опять друг на друга. Именно в тот момент я впервые подумал, что на борт «Жукова» мог пробраться член культа, чтобы помочь спасению других сектантов в космосе, и, как говорят французы, это дало мне пищу для размышлений.

Я только начинал привыкать к мысли, что на борту присутствует верующий, или даже не один, как прохладный механический голос выдал распоряжение, чтобы все, кроме пилота и навигатора, вернулись в свои каюты и пристегнули ремни. Я отдал священное изображение сержанту.

– И что с этим, по-вашему, делать? – спросил я.

Он ухмыльнулся, демонстрируя золотые зубы.

– Идти и пристегнуться, сэр.

Он снова нырнул в каюту Коса, чтобы вернуть хрустальный

шарик на место. Нет смысла без нужды тревожить моего подозреваемого номер один.

Я впервые попал в Пузырь, и, честно говоря, было страшновато. Я уже пристегнулся к койке, когда явился запыхавшийся Моралес и забрался наверх.

Мы лежали и ждали. Он начал жаловаться:

– Вот именно поэтому я не пошел в Космическую Службу, хотя им достаются все сливки, а Безопасности – все дерьмо. Я не хотел покидать старую знакомую вселенную, понимаешь? Кому угодно будет достаточно одной вселенной.

– Я с тобой, дружище. Приехали, что уж.

Это было все равно что оказаться на вершине стометровой горки в парке аттракционов, разве что в уши не орала горстка впавших в истерику посетителей. Было то же самое чувство, что мои внутренние органы отстали и никак не могут догнать тело, а воздух покинул легкие и унесся ловить мой последний ужин.

Свет лампы на потолке преломился, словно под лучом прошла призма. У меня было странное ощущение, что все вокруг сразу покраснело, позеленело, посинело, пожелтело, приобрело какие-то немыслимые оттенки: зелено-красные, черно-лиловые. Потом все успокоилось, мои кишки скользнули обратно в брюшную полость, воздух наполнил легкие, а цвета вернулись к более или менее нормальному диапазону волн. В то же время все вокруг замерло.

Полная, абсолютная тишина. Машины заглохли. Генератор темной энергии, который организовал нам этот скачок, затих. Мы превратились в баллистический снаряд, летящий по инерции – никакой вибрации во всем огромном корабле. Мы путешествовали на какой-то невообразимой скорости относительно родной вселенной через пространство, в котором скорости не существует, потому что двигаться можно лишь относительно чего-то, а в Пузыре больше ничего нет. Короче, мы стояли неподвижно и одновременно мчались, наверное, в десять раз быстрее света.

Попробуй себе представить такое. Я не могу.

Я почти не пострадал – разве что кровь носом пошла. Она стекала по лицу, реагируя на псевдогравитацию. Но, наверное, гравитацию на миг отключали – несколько капель, отплывших от меня идеальными алыми сферами, внезапно сплющились и шлепнулись на палубу.

Я услышал, как Хесус со стоном сел. Дал ему понять, что со мной стряслось, и он протянул мне лед, завернутый в полотенце, чтобы приложить к носу. Ожидая, пока кровотечение остановится, я начал прокручивать в голове улики и в какой-то момент

пробубнил:

– З-знашь, Фефуф, я фуф потумал…

– С ума сойти. И что?

Я еще подождал, потом отложил измазанное кровью полотенце и сказал:

– Про Зайца. Есть лишь два места на «Жукове», которые мы не обыскивали.

Он подумал немножко и сказал:

– Каюта генерала и…

Понимаешь, великие умы работают сходным образом. Где и скрываться Большому З, если не в каюте генерала, ныне пустующей? Он легко мог проскользнуть туда, пока Кос прятался у себя.

– Давай начнем оттуда. Если ничего не найдем, посмотрим то, другое место.

На случай, если Заяц таки затаился под кроватью старого ублюдка с малокалиберным в руке, Моралес позвал Чулалонгкорна – которого мы оба называли просто Чу – низенького кривоногого парня с обсидиановыми глазами и смертоносными ногами и руками каратиста. Мы выбрали оружие в арсенале и принялись обшаривать покои генерала буквально по кубическому сантиметру.

Мы весьма много узнали о нашем прежнем командире, во всяком случае, больше, чем я хотел бы знать. Кроме бренди, который мы все поглощали в изрядном количестве, мы нашли целую коллекцию мемокубов. По большей части они содержали официальные документы и мирно пылились в коробках, но один не был покрыт пылью – он был вставлен в большой планшет генерала. На нем было написано «Военные упражнения», и я его включил – ну, просто так.

Я бы не сказал, что это было порно. Не доброе старое порно – друг одиноких, утешитель престарелых, радость страдающих. Назвать утехи генерала порнографией – это все равно что назвать ночь в застенках инквизиции обычным делом. Это было то, о чем я слыхал прежде, но ни разу не видел – сцены настоящих пыток, настоящих изнасилований, в том числе и детей. Все это, разумеется, в цвете и в четырех измерениях – включая время. Вот так вот расслаблялся Шлехт.

Мы стояли, ошарашенно пялясь, минут десять, пока не стало понятно, что один особенно неприятный эпизод с девочкой лет тринадцати вот-вот закончится сценой реального убийства на камеру. И тут мы единогласно решили – пора выключать. Чу сказал: «Я всегда знал, что он говнюк, но…» Он унес куб в уборную и спустил его в унитаз.

Мы продолжили поиски – и нашли еще кое-что, совсем неожиданное. Древнюю печатную книгу под подушкой у генерала, причем зачитанную, со стихами христианского мистика Иоанна Креста[41]. В одном стихотворении, помеченном звездочкой, стигматизированный святой жаждал воссоединения со Христом и оплакивал свою неспособность умереть. «Я умираю оттого, что умереть не в силах» – я запомнил эти слова.

Ну, понять смысл было нетрудно. Самый невозможный тип на борту стремился избавиться от пороков, взбираясь по Лестнице Любви – причем, сдается мне, не дотянулся и до нижней ступеньки. Неудивительно, что он жил в состоянии пьяной ярости. Он был сам себе тюрьмой и не мог выбраться.

Итак, мы знали о двух сектантах. Сколько их еще на борту «Жукова»? Я размышлял над этой неразрешимой загадкой, когда Моралес заметил, что обыск окончен.

– Зайца здесь нет, – сказал Хесус. – Где то второе место, где мы еще не смотрели?

Я сказал:

– Придется опять будить этого, как его, командующего артиллерией. Если мы не можем спать, то и он не сможет. Мы вежливо попросим его принести ключи, в том числе и те, которыми открывается лифт до Полярного Круга. Потом…

– Ты изредка подбрасываешь неплохие идеи, Кон, – признал Моралес. – Я тебя понимаю. Мы не смотрели в тех пустых стартовых шахтах, верно?

Командующий артиллерией был седой морщинистый человек, майор Янеско (буква J в его имени, в отличие от твоего и от имени твоего отца, произносилась как «й»).

Мы застали его в мешковатой серой пижаме, и он выглядел совершенно несчастным из-за третьей побудки – после вызванных убийством и входом в Пузырь. Мы подождали, пока он оденется.

– Кто сказал, что этот проклятый Заяц существует?

– Шлехт придавал этому большое значение.

– Шлехт мертв.

– Вот это, – заметил я, – может оказаться хорошей причиной считать, что он был прав.

– Это карлик, – сказал Янеско. – Как же иначе? Он единственный не спал. Какого хрена вы не арестуете его, вместо того чтобы будить меня?

– Сэр, я готов арестовать Коса в течение пяти минут после того, как мы убедимся, что на борту нет Зайца.

Он расчесал свои редкие волосы с раздражающей тщательностью, прополоскал рот и наконец повел нас, все еще ворча, по коридору к запертой трубе, содержащей в себе лифт. Он

сунул два пальца в распознаватель, и вспышка яркого света считала отпечатки. Затем он вложил туда плоскую ленту электронного ключа, и изогнутая дверь отступила, после чего мы втроем втиснулись в небольшой цилиндр, быстро наполнившийся запахом полоскалки для рта.

Когда мы вышли, на Полярном Круге мигали тусклые огоньки. Полярный – подходящее название: там было, наверное, градусов двадцать мороза. Наше дыхание превращалось в пар, потом в крошечные кристаллики льда, которые посыпались на палубу, когда мы принялись за работу. За исключением одного служебного входа, генератор пучков частиц был заключен в сплошную цилиндрическую оболочку из стали, и Янеско открыл для меня дверь. Внутри было даже еще холоднее, но я быстро осмотрел оружие, внешне напоминающее проектор в планетарии. Там никто не прятался.

Потом – стартовые шахты. Ты, наверное, помнишь, что их было двадцать, но использовались лишь четыре. Это были большие цилиндры из сверхпрочной стали, больше двух метров в диаметре. Мы пошли, точнее, заковыляли вдоль Полярного Круга на ногах, уже почти превратившихся в ледышки. Как и у генератора, у каждой шахты был пульт управления, и Янеско – который перестал ругаться, потому что, надо полагать, в этом леднике замерзали даже самые горячие слова, – открыл их один за другим. Все, кроме двадцатого. Одного из пустых. Разумеется, подозрительная шахта не могла быть под номером один, верно?

– Должно быть, какая-то жидкость затекла туда и склеила прокладки, – пробурчал Янеско.

Это был подход с позиции здравого смысла, но на борту «Жукова» здравый смысл не работал, и я сказал Моралесу:

– Заряжай.

Когда мы подогнали с помощью пульта управления два снаряда, я прошептал:

– Раз, два, три!

А потом мы хором заорали:

– ОТКРЫВАЙ! ОТКРЫВАЙ!

Нет ответа. Я все больше замерзал и хотел выяснить, не накрыли ли мы Зайца, как можно скорее, просто чтобы выбраться из этого несчастного Полярного Круга. Возможно, именно поэтому я принял совершенно дурацкое решение.

– Сэр, полагаю, шахты закрыты с внешней стороны?

– Естественно.

– Тогда, – рявкнул я, – открывайте двадцатую!

Я вообще-то рассчитывал, что угроза заставит Зайца показаться, при условии что он в принципе существует и что

дверь не просто примерзла. Но ничего не произошло, тишина стояла гробовая.

Янеско побрел к пульту управления и произнес какой-то современный эквивалент заклинания «сезам, откройся». Внутри пульта был нагревательный элемент, и, когда крышка открылась, он остался рядом, грея руки, словно у печки морозной ночью. Потом он наклонился вперед и забормотал код, а маленький круглый монитор замигал в ответ.

– Открывать? – спросил он у меня.

– Пожалуйста, сэр.

Я не был готов к воплю. Вообще-то я уже решил, что Янеско прав и шахта в самом деле пуста, что Зайца выдумал Кос, чтобы снять с себя ответственность за намеченное убийство Шлехта. И тут из шахты донесся этот жуткий вой, переходящий в тонкий слабый вскрик. Потом снова стало тихо.

Мы переглянулись. Пару секунд не было видно облачков пара – видимо, мы даже дышать перестали. В тишине я осознал, что только что раскрыл свое первое дело – ценой жизни единственного человека, который мог рассказать нам о причинах убийства, того самого Зайца.

– Ну, – пробормотал я, когда мы снова втиснулись в лифт, – Коса я арестовывать не буду.

И мы отправились спать.

Смехотворное завершение самой волнительной ночи в моей жизни, но я устал, Хесус устал, Янеско устал. Шлехт умолк навсегда, и Заяц больше не будет палить из своего пистолетика. Больше делать было ровно нечего.

Думаю, мы все спали долго, очень долго – я-то уж, во всяком случае, точно.

На исходе следующего утра я доложил полковнику Делатур о событиях минувшей ночи, потом присоединился к другим офицерам за завтраком. Рядовые уже поели, и мы дали им увольнительную на день – работы для них и правда не было, и вскоре на палубе уже весело гремели кости.

После пятой чашки кофе мой мозг наконец заработал, и я спросил полковника Делатур:

– Мэм, насколько холодно снаружи? В смысле, абсолютный ноль в Пузыре – еще более абсолютный, чем наш?

Она сказала, что нет. Некоторые моменты одинаковы в нашей вселенной и в этой – третий закон Ньютона, например, столь презираемый генералом. Или вот абсолютный ноль по шкале Кельвина.

– Только, – добавила она, – достичь его в Пузыре проще, потому что здесь нет субатомных частиц, упорно продолжающих

гармонические колебания, как бы ни было холодно. Обшивка корпуса существенно теплее, градусов двадцать по Кельвину. А что?

– С вашего позволения. Мне очень нужно увидеть, что осталось от Зайца.

Зачем? Я и сам толком не знал. Я сомневался, что труп скажет мне хоть что-нибудь. Лабораторные исследования, очевидно, невозможны. И все же… Мне просто нужно было посмотреть. Ты же знаешь, любопытство сгубило кошку, а в данном случае едва не убило лейтенанта. Полковник Делатур смотрела на меня не то озадаченно, не то даже сочувственно.

– Ваша смерть его не вернет, сами знаете, – сказала она тихо. – Вы его не убивали. Он мог сдаться.

– Я не собираюсь умирать, – заверил я ее. – Рискнуть – да.

Она кивнула мне и даже чуть улыбнулась. Возможно, ей нравились рисковые.

– Поскольку «Жуков» – это единственное обладающее гравитацией тело в обозримых окрестностях, он, видимо, полетит за нами, – задумчиво сказала она. – Может, будет вращаться вокруг нас, как маленькая мертвая луна.

Моралесу стало не по себе, когда я передал ему этот диалог.

– Это так охрененно странно! – проворчал он.

Тем не менее он храбро вызвался сделать первый выход в космос в Пузыре. Разумеется, я сказал «нет». Это – мое шоу и мое приключение. Я знал, что, если обогреватель в моем скафандре замерзнет, я превращусь в очередной кусок мусора, вращающийся вокруг «Жукова», но был слишком молод, чтобы поверить, что такое и впрямь может со мной случиться. Знаешь, героизм – это очень часто обыкновенная дурость.

Так вот, пару часов спустя меня засунули в агрегат, назвать который скафандром язык не поворачивается. Вообще-то это был стальной бочонок, в котором я сидел, скрестив ноги, и смотрел на мир через полуцилиндрический экран монитора, управляя конечностями – можно было выпустить до четырех рук и четырех ног – посредством джойстика, установленного на миниатюрном подобии клавиатуры органа. Я провел не то три, не то четыре дня, практикуясь с этой штуковиной на Полярном Круге, стукаясь об стенки и обшивку лучевой пушки и безуспешно пытаясь маневрировать.

Потом настало время выхода.

Меня выпихнули в люк – и, надо сказать, в тот момент я был не то что испуган – я был охвачен ужасом. Однажды, в детстве, когда мы всей семьей отправились на каникулы на южный край Великой Американской пустыни, мы спускались в огромную

пещеру. Это было популярное у туристов место, причем на протяжении нескольких столетий, отлично освещенное, с дурацкими названиями вроде «Замок Аладдина» или «Моря Европы» и так далее. И когда мы оказались действительно глубоко, гид выключил свет. Это была моя первая встреча с абсолютной темнотой, у меня пересохло в горле, ладони вспотели, и я подумал, что вот так, наверное, выглядит смерть.

Все это вспомнилось мне, когда четыре механических ноги встали на корпус корабля, а внешняя створка люка захлопнулась позади. Вот оно. Унесет ли меня прочь от корабля? Есть ли там что-то, похожее на притяжение? Гравитация? Там вообще хоть что-нибудь есть?

Однако же я по-прежнему был прикреплен к кораблю, и через несколько секунд мне стало легче – хотя, может статься, просто потому, что было уже поздно что-то менять. Затем включилась внешняя подсветка, и я вспомнил, что надо зажечь фонарик на одной из многочисленных металлических конечностей. Сначала я решил, что он не работает, потому что не увидел луча, но потом заметил кружок света там, где фотоны отскакивали от обшивки. И еще от чего-то – от цилиндра раза в два больше, чем внутренние шахты. Я понятия не имел, что это такое, разве что внешняя обшивка ССС, потому что он был слишком велик, чтобы разместить его внутри.

Словно какой-то неуклюжий металлический паук, я полз по изгибу ледяного корпуса «Жукова». Хотя обогреватель набирал обороты, воздух внутри становился все холоднее и холоднее. Я уловил топот железных ног, с тревогой осознав, что это единственный звук, единственное тепло и единственное движение – мое движение относительно корабля – да вообще единственное, что есть в этой треклятой пустой вселенной.

И тут зашевелилось что-то еще.

Оно поднималось над выгнутым горизонтом носа корабля, бесконечно медленно, но все же заметно, как минутная стрелка старинных часов. Поднималось, пока не отразило призрачное пятно света, прямо как луна, о которой говорила полковник Делатур. Но это была не луна, а какой-то бесформенный ком. Он напомнил мне хрупкий пепел, остающийся после сожжения бумажного документа – сохраняются даже черные буквы на коричневом фоне, но все это рассыпается в прах от малейшего дуновения. Прошло, наверно, с полминуты, пока я сообразил, что ком состоит из курток и одеял, в которые Заяц завернулся, чтобы выжить в холоде Полярного Круга. Я навел на него фонарь и увидел окоченевшее фарфоровое лицо, маленькое и белое.

Я ненадолго забыл о холоде, пробивающем броню и

искусственный подогрев, и потрясенно охнул, потому что Заяц оказался девушкой с тонким прекрасным лицом. Она промерзла так глубоко, что ткани не успели взорваться при катастрофическом снижении давления, сопровождавшем ее падение в пустоту. И я узнал ее.

Я протянул механическую руку и коснулся ее – и лицо рассыпалось хрустальной пылью. Потом узел, в который было замотано тело, тоже распался, и вереница обрывков медленно-медленно уплыла тонкой кометой изо льда и праха за пределы поля зрения в абсолютную тьму.

Из скафандра меня вытаскивали три человека. Я не мог шевелить ногами и неделю пролежал в изоляторе – после выхода в космос у меня на пальцах, бедрах и заднице появились бледные восковые пятна обморожения.

В каком-то смысле мне повезло – я действительно нуждался в передышке, а не только в лечении, надо было привести в порядок нервы. Иногда будущие герои переоценивают собственную крутизну. Я вот свою переоценил весьма заметно.

Полковник Делатур часто навещала меня. Она избегала банальных вопросов типа «как самочувствие», которые старшие офицеры склонны задавать раненым подчиненным. Мы говорили о разном. Сначала я был склонен считать ее Мафусаилом женского пола, потому что ей было за сорок. Но именно поэтому я смог говорить с ней о таких вещах, которые, скорее всего, не стал бы обсуждать с ровесницей. Особенно о чувстве вины из-за смерти Зайца. Это фарфоровое лицо преследовало меня во сне.

– Значит, вы видели ее раньше, – удивилась она. – Quel miracle[42].

– Да. На мемокубе в каюте генерала. А потом я увидел ее снова, среди пустоты, на несколько лет старше, но вполне узнаваемую, я коснулся ее, и она обратилась в прах и ледяные кристаллы и уплыла. То, что осталось, – все еще вращается вокруг корабля.

Она покачала головой и рассеянно взяла меня за руку обеими ладонями – возможно, потому что та дрожала.

– Знаете, – сказала она очень тихо, – Космическая Служба поддерживает много старых флотских традиций. Мы – как будет по-английски faire des sottises[43]? – мы повторяем всякие глупости касательно формы, «свистать всех наверх» и так далее. А еще мы придерживаемся некоторых старинных флотских суеверий – например, про везучие и невезучие корабли. Я уже начинаю думать, что «Жуков» – невезучий, после всего, что случилось.

Я лежал на койке, в дурацкой хлопковой пижаме,

обмороженные пальцы были заключены в эластопластиковые трубки. В какой-то момент, уже не помню, когда именно, мы решили называть друг друга Роберт – она произносила «Робер» – и Мари, по крайней мере, без свидетелей.

Мари сидела на стуле рядом с койкой, так близко, что я мог уловить слабый неопределенный аромат, совершенно точно не типичный для офицеров Космической Службы. Уже довольно давно рядом со мной не было женщины, подчиненные женского пола не в счет, ведь к ним мне было строжайше запрещено прикасаться. С учетом непроизвольных реакций, имевших место ниже пояса, я был рад, что эти части моего тела прикрывала простыня.

Но я все еще не был готов попытать счастья со старшим по званию офицером. Вообще-то мне нужно было задать вопрос, который будил меня каждую ночь ровно в половину третьего, когда в полумраке стерильное окружение казалось особенно мертвым и унылым. Я спросил Мари, не может ли она объяснить, почему Заяц не отозвалась, когда мы колотили в дверь, особенно когда стало понятно, что шахту сейчас откроют и она окажется в открытом космосе.

– Ну, могу сказать, что я думаю об этом.

– S'il vous plaît[44], – сказал я – это была единственная фраза по-французски, которую я знал.

– Думаю, она сделала то, ради чего пробралась на борт. Когда ты ее впервые увидел, она была совсем юной?

Я прокашлялся.

– Ужасно юной.

– Тогда, наверное, она была малолетней проституткой. C'est abominable[45], но такое случается. Так вот, она выследила генерала, который был одним из ее клиентов, возможно, даже первым клиентом, тем, что заплатил дополнительно за радость дефлорации. Когда она убила его, ее задача была выполнена, и она хотела умереть. Вот почему ты не должен винить себя. Знаешь, когда кто-то хочет умереть, это что-то совсем личное. Если человек решился, его никто не остановит – и, возможно, останавливать не надо и пытаться.

Я обдумывал сказанное.

– Тебе надо согреться.

Она встала и принялась снимать китель.

– Разумеется, нам нужно соблюдать осторожность, – добавила она.

– А если кто-то войдет?

– О, я поставила у входа сторожевой бот. У командиров есть свои привилегии.

Она улыбнулась, закончила раздеваться, отбросила простыню и легла рядом со мной.

Так началась моя первая связь с мифическим существом, о котором я был наслышан, но до тех пор чисто теоретически, – со Зрелой Женщиной.

Это было что-то вроде служебного романа, знаешь, когда общение урывками – это половина удовольствия и вся острота ощущений. Весь день мы исполняли каждый свой долг, а потом спокойно проводили ночи вместе. Хороший секс. Для меня это была своего рода школа. Я учился не торопиться. Правильно пользоваться ртом. Выучился разным штукам, о которых слышат, но прежде сам не пробовал. По-французски это называется ligotage[46].

– Веревки всегда должны оставлять следы, милый, – поучала она.

Но это было не так-то просто. Начальник не перестает быть начальником, даже в постели. Мне приходилось терпеть замечания в духе «мамочка лучше знает», типа: «Иногда, милый, ты совсем как маленький». Это не касалось моих физических кондиций, которые в то время были куда лучше, чем просто «в порядке».

Еще я много выслушал о трудностях женщин в мире, который, несмотря на вековые усилия, все еще оставался мужским по существу. О том, о чем до той поры как-то и не задумывался.

– Женщина-командир, – сказала она, – должна быть по крайней мере втрое строже мужчины. Любой намек на слабость – это приговор. Мужчина-командир может быть добр и терпелив, и все говорят: «Офицер и джентльмен!» А когда женщина ведет себя точно так же, думают, что это всего лишь очередная сучка, и пытаются ею воспользоваться. Мужчина может спать с кем попало – или же нет; если нет – он высокоморален, если да – он крутой мужик. Но если женщина-офицер спит с кем попало, ее называют шлюхой, а если нет – лесбиянкой.

Она научила меня многому касательно храбрости.

– Помню одного мерзкого типа в военном училище. Он любил говорить: «Я буду держать для командира ночной горшок, но едва он поскользнется, я ему этот горшок на голову надену». Так вот, этот паршивец продержался до первой серьезной опасности – и сдулся. Немного коварства на нашей службе не повредит, но оно не заменит доблесть. В конце концов, надев форму, ты показываешь готовность жить в опасности.

– И тогда нужна доблесть.

– И логика. В опасной ситуации лишь доблесть логична.

Я прежде никогда не смотрел на это под таким углом. Но это правда – потеряв голову, шкуру не спасешь. И – напомнила она мне – никогда не забывай товарищей.

– Sauve qui peut[47] – каждый сам за себя – это начало конца. Когда каждый пытается спастись сам, дисциплина рушится, и гибнут все.

В общем, я узнал у нее немало приятного, немало нужного – и такое, что я не особо хотел знать, но все равно узнал. Было и то, что я хотел выяснить, но не выяснил. Однажды я сказал, что видел на носу корабля кожух для ССС, и спросил, зачем нам такое серьезное оружие при выполнении столь банальной миссии. Она ответила, что есть вещи, которые она временно не может обсуждать. И все.

Наши отношения длились уже месяца два, командирская каюта стала мне как родная, и я наконец осмелился задать вопрос, который боялся озвучить с нашей первой ночи. Был тихий вечер, и – как обычно в Пузыре – ничего не происходило. Она красила ногти.

– Мари?

– Что? А, понимаю. Тебя что-то тяготит.

– Я тут думал… ну, уже давно… гм… как же Заяц пробралась на борт. В Полярный Круг. Как ей удавалось перемещаться по кораблю ночью, когда все двери заперты.

– Ну, – сказала Мари, – полагаю, у нее был союзник, кто-то из членов команды.

Я подождал. Ее руки не дрожали, ничуточки. Поскольку она не собиралась продолжать, мне пришлось самому продвигаться дальше.

– Я хотел бы знать, кто был ее сообщник… союзник.

– Возможно, ты не хочешь этого знать, – сказала она.

Лак ложился идеально ровно. Он был бесцветный – просто прозрачный.

– Разве?

– Да.

Я был молод и потому собрался сказать кое-что еще, но она подняла глаза и пронзила меня взглядом, похожим на длинный холодный стальной кинжал.

– Ты права, – быстро сказал я. – Не хочу.

Вопреки нашим попыткам соблюдать осторожность, Хесус прекрасно понимал, что происходит. Как, оказалось, и все остальные. Уверен, о нашем с Мари романе узнали все, кто находился на борту скажем, через восемь часов после того, как мы впервые занялись любовью. Однажды я спросил Хесуса, что

говорят люди.

– Рядовые думают, что это круто, – сказал он. – Они решили, что раз ты подобрался к командиру, им тоже будет с этого толк: благо для тебя – это благо для всех них. Синие мундиры не переживают, если ты вдруг прыгнешь через их головы, например, по части повышения – ты же не состоишь в Космической Службе, у тебя другой тотем. Я страшно рад, что живу теперь один – больше не приходится слушать, как ты храпишь и пускаешь газы. В общем, все довольны – и ты, надеюсь, тоже.

Он ухмыльнулся и легонько толкнул меня в плечо.

– Все любят тебя, Кон, и ее тоже, и им нравится, что про вас можно посплетничать. В Пузыре же скучно, сам знаешь.

Мари относилась ко всему этому спокойно и практично. Когда я упомянул о сплетнях, она сказала: «Да кому какое дело? Я командир и при условии следования правилам могу делать, что хочу. Однако приятно осознавать, что товарищи находят нас занятными».

Разумеется, она была права. Жизнь в Пузыре – по словам твоего папы – имела тенденцию быть тоскливой. Мы, восемьдесят девять вояк, маялись на… точнее – внутри металлического острова, окруженного… да ничем вообще не окруженного. Рядовые развлекались азартными играми, сексом, выпивкой и немногочисленными легальными наркотиками вроде кифа. Для самосовершенствования у них были курсы типа «Знай свое оружие», «Силы безопасности – впереди и по центру» и прочая муть. Меткость они отрабатывали на симуляторе – бзз, бзз, бзз, бум! Мы все брали уроки карате у Чу, чтобы не потерять форму – бумс, бумс, «Наподдай ему!»

Офицеры и рядовые расслаблялись на сеансах медитации, опустив головы, дыша, словно черепахи. Были и официальные религиозные службы – я их не посещал, но видел в коридорах людей с четками, уж не знаю – христиан, мусульман или буддистов. Вечером, до отбоя я совершал финальный обход казарм и обнаруживал, что ребята сидят в темноте и смотрят четырехмерку – жужжали лазерные проекторы, виртуальные актеры занимались любовью и войной в четырех измерениях и казались реальнее большинства из нас. «Дорогая, я всегда буду помнить тебя, даже по ту сторону звезд!» Музыка, титры. Крепкие парни утирали слезы. Безыскусные, зачарованные иллюзией искусства.

Поскольку таинственные убийства закончились, я вернулся к командованию взводом – просто чтобы убить время. Я занимался с ними по утрам физкультурой, радуясь возможности поработать мышцами и не раздобреть. В полутемных холодных складских

помещениях мы отрабатывали тактику малых групп, в которой стали уже почти профи. Я никогда не был на дружеской ноге с солдатами, это не мой стиль, но было интересно наблюдать, как Моралес подружился со своими людьми, не утратив над ними контроля. Он обменивался с ними грязными шутками, пил с ними в «счастливый час» – можно было подумать, что он утратил их уважение, однако вот нет!

Когда я его спросил об этом, он сказал:

– Мои ребята, те, кто говорит по-испански, называют меня Тио, Дядюшка. Твои ребята называют тебя Диос, Бог. Они знают, что могут доверять тебе, и все же ты недоступен. Они думают, что Бог – как раз такой.

– Ты городишь чушь, Моралес.

– Мы как два американских генерала на войне с Мексикой. Солдаты называли одного Занудой, потому что он всегда действовал по книжке. Другого называли Грубияном, потому что он одевался как крестьянин и не обращал внимания на инструкции. Оба выигрывали сражения. Фокус в том, что любой способ сработает, если он органичен для тебя.

Я никогда не слышал о войне между Америкой и Мексикой.

– И кто победил?

– Американцы. Потом мы им отомстили, но для этого понадобилась пара столетий.

– Мексика завоевала Америку?

– Ну, типа того. В каком-то смысле.

От Шлехта я унаследовал Коса. Ему было необходимо к кому-нибудь привязаться, и скоро он стал таскать мне крупицы информации.

– Сержант Чу – ты знал, что он из преступного клана? Они все пираты, кроме него.

– Пираты?

– В Малаккском проливе. Уже не один век пиратствуют. У них судно на воздушной подушке, которое скользит над волнами со скоростью сто километров в час. Силы Безопасности пытались накрыть их, но у них политические связи в мировом капитале в Нью-Ангкоре, и пришлось оставить их в покое, даже судно вернуть.

– Что родственники Чу думают о том, какое место службы он выбрал?

– Он паршивая овца в семье. Ему нельзя домой.

– Кто тебе сказал?

– Никто. Я просто знаю.

Однажды Кос предупредил меня о назревающей драке в моем взводе за одну из самых популярных девиц. Просто для проверки

я заявился в казарменный отсек среди ночи, разбудил О'Рурка и устроил обыск. В вещмешках двоих ребят мы нашли достаточно кастетов и ножей, чтобы организовать небольшую войну.

Разумеется, оба заявили, что держат это все для самозащиты, но я решил, что пора им узнать, как действовал по книге старый генерал. Я предложил О'Рурку поразмыслить над тем, что из-за этих идиотов он может лишиться нашивок, и пригласить их в пустой отсек для отеческого увещевания. Когда он закончил, товарищи отнесли их в лазарет, где док Ганнетт их слегка подлатал. Затем я выдал им пластиковые ложечки и отправил чистить жироуловители и засорившиеся сортиры.

Я наткнулся на Ганнетта несколько дней спустя, и он сказал мне, что наказанные утверждали, будто просто навернулись с лестницы. «Они, – сказал он, надо полагать, с иронией, – самые неловкие типы, каких я когда-либо видел».

Наябедничав мне, Кос, возможно, спас не одну жизнь и совершенно точно избавил меня от массы хлопот. В общем, я завел привычку сидеть с ним по вечерам за пивом и позволять ему лить мне в уши все, что он наловил за день.

Слушать чужие мысли – затягивает, но из страха превратиться в Шлехта номер два я не разрешил ему копаться в головах у Мари и Моралеса. Да, я категорически запретил ему рассказывать то, что он узнал от них обоих, мне или кому-то еще. Я не собирался шпионить за внутренней жизнью друга и возлюбленной, но ко всему остальному, что сообщал карлик, жадно прислушивался. После того как мы покинули Пузырь, я порадовался, что так получилось.

Потому что мы наконец вернулись в родную вселенную.

В Пузыре не было такого понятия, как время, но часы на борту корабля исправно работали, и в должное мгновение нашей бесконечной тоске пришел конец. Возвращение в родную вселенную было хронометрическим, и ошибка величиной в микросекунду могла занести нас куда угодно, включая центр звезды. Я, естественно, был серьезно обеспокоен, и даже Мари выглядела напряженной.

– Я делала это двадцать восемь раз, – сказала она однажды ночью, ища покоя у меня на груди, заросшей волосами.

Несколько приглушенным голосом она продолжала:

– Но я никогда к этому не привыкну. Все делают компьютеры, а просто люди вроде нас не могут управлять своей судьбой.

– А что делает в таком случае навигатор?

– Как правило, пьет. Это все, что он может сделать.

Но когда это случилось, я перенес все легче, чем в прошлый раз. Происходило все то же самое, но я был к этому готов.

Процесс пошел быстро, и через несколько секунд стало ясно, что мы вне зоны конвекции или эпицентра высокой температуры. Вскоре спокойный голос Мари сообщил всему экипажу, что мы примерно там, где и должны были оказаться. В самом деле, обратный переход удался на славу – система H 2223 была видна, ее солнце выглядело размером с Юпитер, каким он виден с Терры, только цветом как Марс.

Удивительно, как этим вестям обрадовались люди. В приподнятом настроении я вызволил Тупую Парочку из сортира и сообщил О'Рурку, что их наказание закончено. Все были счастливы, и я тоже. Во время послеобеденных занятий любовью Мари связала меня и уделывала так долго, медленно и замечательно, что я все еще помню это – как помнят что-то сверхъестественное.

Я все еще глупо улыбался, когда Кос подошел ко мне в офицерской столовой для привычной беседы. По его лицу' я понял, что счастливые времена закончились.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Тогда что-то случилось с остальными?

– Нет. Я никогда прежде не чувствовал на «Жукове» таких хороших вибраций. Все счастливы.

Почему-то казалось, что именно это расстраивает его больше всего.

– Давай, малыш. Выговорись.

– Я видел на мониторе звезду, к которой мы направляемся.

– И?

– Я почувствовал… ну, как это… трепет. Со стороны Парадизо. От людей. Он странный, идет будто из бездны. Видимо, тысячи людей ощущают одно и то же. вот почему чувствуется так далеко. Поэтому – и потому, что телепатия, похоже, не подчиняется закону обратных квадратов. В любом случае, в той системе творится что-то ужасное – или вот-вот должно произойти, не уверен.

Я посмотрел на его большое лицо, маленькие ручки, сжимающие стакан с пивом, и темные скорбные глаза каракатицы, и мне внезапно захотелось схватить его и вышвырнуть в люк. Вопреки логике мы все стремимся убить приносящих дурные вести. Особенно если вести эти обрушиваются на нас, когда нам по-настоящему хорошо.

Вместо этого, чуть продышавшись, я поблагодарил его. В конце концов, он выполнял свою работу. Я сказал Мари о его удивительном таланте, о самолично виденном доказательстве,

что это – реальность, и о его предупреждении. Она восприняла это не лучше, чем я.

– И что конкретно ты хочешь, чтобы я сделала по поводу глупых заявлений этого карлика?

Нетрудно заметить, что если у кого-то есть физический недостаток, все стараются его не замечать, пока по-настоящему не рассердятся на этого человека – и тогда начинают с непосредственного упоминания того самого.

Я сказал несколько напряженно:

– Ты здесь командуешь, и я не ожидаю от тебя ничего. Я советую тебе отнестись к этому серьезно и принять все возможные меры предосторожности, чтобы мы могли успешно завершить нашу миссию. Хорошо?

Она обдумала это и сказала:

– Pardonnez-moi[48].

Немного позже она добавила:

– Разумеется, это могут быть пришельцы. Зоопарк. Будет вполне разумно рассматривать это как военную операцию. Прежде чем мы рискнем кораблем, лейтенант Моралес займется вооруженной рекогносцировкой, чтобы прояснить обстоятельства.

Я просто посмотрел на нее. С большой неохотой она сказала:

– Ладно, я не могу избавить тебя от риска лишь потому, что сплю с тобой. Ты старший, и разведку возглавишь ты. Удовлетворен?

– Нет, – сказал я, – но надеюсь на это.

Потом мы немного расслабились и выпили по несколько порций пятизвездочного бренди, и я порадовал ее так, как, собственно, и планировал весь день. Закончив, мы приняли душ в роскошной ванной комнате командирской каюты. Я наклонился сквозь клубы пара и прошептал в ее розовое ушко:

– А теперь не говори, что я ничего для тебя не сделал.

Она улыбнулась:

– О, я никогда такого не говорила.

Всех охватила лихорадка ожидания. Поскольку мы не знали, что творится внизу, «Жуков» сохранял радиомолчание до прояснения обстоятельств. Янеско проводил долгие дни на Полярном Круге с командой боевых ботов, которые до того находились на хранении, а теперь их надо было активировать, протестировать, подсоединить к управляющему артиллерией компьютеру и так далее. Он участвовал в Войне с Пришельцами и мечтал сравнять счет. Работал он отлично, и я не хотел бы оказаться мишенью какого-нибудь его снаряда, особенно того, большого, что крепился снаружи корпуса.

У нас тоже ускорился темп тренировок. Большая часть работы

по сути своей уныла, но коль скоро жизнь в ближайшем будущем станет зависеть от гаджетов, невольно начинаешь живо интересоваться всякими гайками, болтами, штифтами и калибрами. Мы бесконечно проверяли и перепроверяли оружие. Помню, я чуть ли не с изумлением смотрел, как один из местных тупиц вслепую разобрал и снова собрал за тридцать секунд гранатомет, по всем объективным критериям куда более толковый, чем он сам.

Главный компьютер проводил диагностику всех систем, и это было хорошо. Но когда доходило до СТС, суборбитальных транспортных средств – шаттлов, если перейти на человеческий язык, – мы с Моралесом корячились, вручную проверяя, что крылья действительно при необходимости раскроются. Я решил присвоить каждому взводу символ. Вместо римского и греческого алфавитов, уже весьма затасканных, я выбрал иврит, назвал наши взводы «Алеф» и «Бет» и велел выгравировать эти знаки на всем оборудовании и шаттлах. Мы планировали использовать оба на случай, если враг собьет один при спуске.

По прибытии на Парадизо нам нужно будет покинуть шаттлы быстро-быстро-быстро на случай, если нас кто-то ждет, – и так же быстро на них вернуться, если придется срочно убираться. «По машинам – пристегнуться – отстегнуться – покинуть машины! Живее, чтоб вас!» – командовал О'Рурк и в подкрепление поддавал отстающим ремнем.

В общем, не секрет, что подготовка людей к бою – это бесконечная череда повторений. Солдатам мозги особо не нужны – они должны быть вымуштрованы, послушны приказам и не страдать от переизбытка нервных окончаний. А главное – они должны доверять командирам и товарищам и сами должны быть достойны доверия. Это и есть командный дух, и, пока мы тренировались, было любо-дорого смотреть, как он зарождается и объединяет даже тех, кто недавно был готов искромсать друг друга ножами из-за казарменной девки.

Мы с Моралесом волновались не меньше остальных, да что там – даже больше, что естественно для молодых офицеров перед первой операцией. Одно дело – сражаться, исполняя приказы, другое – отдавать их, зная, что можешь приказать не то и угробить своих людей, а заодно и себя. Более чем когда-либо мы полагались на своих сержантов, они понимали это и, обращаясь к нам «сэр», тут же тихо подсказывали, что делать дальше.

По вечерам я сидел в столовой и слушал Коса, и чем ближе мы были к месту назначения, тем больше он впадал в уныние. Местное солнце стало размером примерно с Луну, тускло-красную луну в ореоле дымки. Диск пересекал крошечный

темный объект – Парадизо. Я сидел, наблюдая на мониторе перемещения этого уголька, и слушал, как Кос рассказывает, что те, кого мы прибыли спасать, ожидают гибели и запустения.

– Они бегут, – добавил он, – но они бегут от чего-то, от чего, как они сами понимают, убежать невозможно.

– И ты это все отсюда чувствуешь?

– Я же говорил, экстрасенсорика не подчиняется закону обратных квадратов. Это одно из ее самых странных свойств. Знаешь эти древние рисунки Дюрера. где горы, до которых миль пять, изображены по законам перспективы – крошечные, с ноготь размером – но так же четко и детально, как большие фигуры на переднем плане? Вот примерно что-то такое я и улавливаю. Очень далекое, но вполне отчетливое. Искажений и помутнений нет. Я не выдумываю!

А, чтоб его, подумал я, и ведь, наверное, действительно не выдумывает. Дар у Коса был удивительный, и я не мог с ним поспорить, как бы мне ни хотелось.

С каждым днем солнце становилось все больше и больше. Я взял куб из корабельной библиотеки и почитал немного – и даже заинтересовался всеобщей историей, которая в школе нагоняла на меня смертельную тоску. Система H 2223 поначалу считалась древними возможным местом обитания людей – ну, с учетом, что это были довольно свеженькие древние, которые жили всего несколько веков назад, в эпоху Воюющих Государств.

Из-за войн приостановились космические исследования, но, с другой стороны, необходимость сражаться вызвала огромные технические усовершенствования. Особенно разработки, касающиеся природы темной энергии – естественной антигравитации, – и открытие того, как же все-таки можно превысить скорость света. Поэтому, когда мы наконец снова обратились к звездам, мы были лучше экипированы и обладали более продвинутым теоретическим пониманием нашей сложной мультивселенной. Все это неплохо было знать, пусть практическая ценность подобных знаний была для меня почти нулевой.

А так-то жизнь продолжалась – я занимался со своими ребятами физподготовкой, проверял оружие и посещал официальные обеды комсостава, причем Мари сидела во главе стола, а я по-прежнему с противоположного конца, потому что табель о рангах не делает исключений для любовника командира. Вечерами я пил с Косом и слушал, как он рассказывает, что угроза, нависшая над Парадизо, становится ближе с каждым днем, только вот он не мог сказать, что это, потому что оно было «темное».

– Представь его как объект с малозаметными характерными признаками, – предложил он однажды после третьей кружки пива.

– Значит, это объект?

– Я не знаю, что это. Он темный.

– Корабль пришельцев?

– Может быть. Если Зоопарк находится в яйце из сверхпрочной стали, их мысли не уловить, понятно? Вот и тот объект… темный.

Однажды ночью я проснулся от кошмарного сна про яму, полную чудовищ с человеческими лицами, – проснулся с жутким воплем, который, в свою очередь, разбудил Мари.

– Что такое? – сонно промямлила она.

– Вот то, что угрожает Парадизо, – сказал я, утирая пот со лба, – это не можем быть мы? В смысле, мы летим забрать их, и…

– Mon cher[49], перестань выдумывать. В этом нет никакого смысла. У нас есть приказ, и мы собираемся его выполнить, только и всего. Обратного пути нет.

Она была права, и я снова уснул, а через несколько дней мы вышли на орбиту вокруг мира, который бедный старый Инноченте мечтал превратить в новый Эдем.

Ступить в первый раз на планету или другое космическое тело – немногим людям доводилось пережить подобное. И в будущем, надо полагать, немногим доведется. Воспоминание о Парадизо – один из незабываемых «первых разов» моей долгой жизни.

Мы высадились на волнистой равнине, покрытой высокой жесткой травой – ну, или чем-то с узкими листьями, похожим на траву. Солнце поднялось над горизонтом под углом в сорок пять градусов и походило на красный глаз какого-то космического чудища, высматривающего себе обед. Краснота придала оттенок всему – небо было лиловым, сине-зеленые листья казались черными, и все, от лужиц воды до бликов на наших масках, было словно в закатных лучах.

Мы не пользовались дыхательными аппаратами – в этом не было необходимости. Воздух содержал слишком много кислорода, и вдохнуть было все равно что опрокинуть бокал шампанского. С другой стороны, наши форменные ботинки внезапно стали казаться свинцовыми. Древние смогли засечь Парадизо своими орбитальными телескопами, потому что она была большой – твердая планета типа Земли, конечно, не газовый гигант, но для своего типа крупная. Я вдруг стал весить килограммов сто десять, а не стандартных земных восемьдесят семь, как должен бы. Все двигались, как дайверы в водолазных

костюмах, и мы с Моралесом договорились устраивать десятиминутный перерыв каждый час, пока не привыкнем. Я распорядился, чтобы автопилоты, управляющие шаттлами, закрыли их и использовали лазеры или еще что угодно, что выглядело бы достаточно угрожающе, – и настала пора выходить.

«Алеф» шел первым, О'Рурк – впереди, я замыкал строй, присматривая, чтобы никто не отстал. «Бет», взвод Моралеса, держался за нами. Мы поднялись на невысокую гряду и увидели город, основанный Папой Инноченте. Мы не знали его названия, потому обозначили его О-1, Объект Один. Место было симпатичное, небольшие массивные дома из белого камня с красными и коричневыми черепичными крышами у небольшой бухты, окаймленной холмами, которые постепенно поднимались и превращались в далекие фиолетовые горы. Никаких высотных зданий, лишь одно широкое строение с низким белым куполом, чуть розоватым в лучах солнца. Сквозь шлем я услышал, как Моралес сказал: «А вот и храм». Он оказался прав.

Я не был уверен, что Кос поспеет за нами, и оставил его на «Жукове». Тем не менее я хотел поддерживать с ним связь. Мы посылали образы через камеры, вмонтированные в шлемы, и вскоре я услышал его голос, который было невозможно спутать ни с чьим другим:

– Кон, я не могу читать город. Все спокойно. Я вообще не чувствую колонистов, ни там, ни где бы то ни было еще.

– Как ты это объяснишь?

– Никак.

– Ты же чувствовал их из космоса, а теперь даже не можешь почувствовать их с орбиты?

– Я же сказал, что не знаю, как это объяснить.

Мы приблизились к О-1 со свинцовыми ногами и тяжело дыша. Мы откинули маски. Несмотря на пылающее солнце, воздух был приятным, почти прохладным на наших разгоряченных лицах. Небольшие черные зверьки – шестиногие кролики? – разбежались по траве, заметив нас. Животное, несколько напоминающее гиену (тяжелый торс, хилые задние лапы), выскочило из сине-зеленого леса справа от нас, описало широкий круг и снова исчезло. Оно бежало, двигаясь похоже на лошадку-качалку: вперед-назад, вперед-назад. Летающее существо с широкими треугольными крыльями нырнуло вниз, взмыло и тяжеловесно удалилось. Его тело казалось крошечным на фоне огромных крыльев.

Вдалеке образовались низкие тучи, сверху красные, посередине лиловые, иссиня-черные внизу. Очевидно, надвигался летний ливень. Словно в подтверждение моей догадки

замелькали молнии – красноватого оттенка.

Мы вошли в город. Тревожная тишина. В местах, где должны быть люди, но их нет, чувствуется какая-то особенная пустота. Сигналы с корабля сообщали нам, куда нужно идти, и Моралес пошел по одной кривой улочке, а я по другой. Мой взвод разделился – первое и второе отделение направо, третье и четвертое – налево. «Держитесь стен, ребята». Я счел собственные реакции интересными – нервы натянулись, как струны, но страха не было. Только напряжение и полная готовность. Чувства обострились. Еще один шестиногий зверек скрылся за углом, и я долго слышал, как стучат его коготки.

Строения я помню очень отчетливо – каждый камень, каждую тень. Единственными звуками, кроме раскатов грома, были топот наших сапог и звяканье снаряжения. Улицы пересекались не под прямыми углами – они и небольшие переулки шли в произвольных направлениях, словно высохшие русла в пустыне. Вывески были намалеваны прямо на стенах, как в Помпеях: «Жрачко», «Хароший вино», «Двадцать ножек тута». Это бордель или обувная лавка? Понятия не имею. Язык изменился в устах колонистов, как это всегда случается.

Со мной говорила Мари, потом Кос. Они сошлись на том, что в городе не было людей – кроме нас. Но, когда кусок черепицы сорвался и разбился о мостовую, все, включая меня, подскочили. Мы вышли на неправильной формы площадь, окруженную лавками – совершенно пустыми. «Молодое мясцо» – лавка мясника или невольничий рынок? Судя по виду, все же мясной. Невыразительный механический голос твердил мне в ухо: «Лейтенант Кон, двадцать градусов направо, широкая улица, храм, двадцать четыре часа».

Хорошо, когда тобой руководят с небес. И да, там был храм с широким низким куполом, который внезапно высветила вспышка молнии на фоне свинцовых облаков. Мы обошли площадь, по-прежнему прижимаясь к стенам. О'Рурк посылал по одному бойцу обыскивать все здания, мимо которых мы проходили. Чу со своим взводом поступал так же. Рядовой заорал высоким нервным голосом, высовываясь из окна на втором этаже: «Ни души, сержант!» – и О'Рурк ответил потоком ругательств – напряжение разрядилось, и все заржали.

Мы встретились под портиком храма. Мы с Моралесом, отдуваясь, поднялись по ступеням и хлопнули друг друга по ладони. Храм был круглый, с внешним и внутренним рядом колонн, между которыми свистел прохладный ветер, предвещая бурю. Внутри было как в греко-римском амфитеатре, сидячие места, рассчитанные на пару тысяч человек, спускались к круглой

сцене посередине, расположенной под отверстием в куполе. Над ней висела помещенная в прочный транспластовый столб метров в шесть высотой, видная отовсюду блестящая, выполненная из хрома модель ДНК, словно поглощающая весь свет, попадающий в помещение.

Я почувствовал себя не в своей тарелке и одновременно ощутил восхищение, как неверующий при созерцании Каабы. Один из наших тупиц громко спросил: «А это что за гребаная штуковина?» Но остатные говорили шепотом, как это обычно бывает в храмах, даже если они посвящены богам, в которых ты не веришь.

Людей здесь не наблюдалось – и каких-либо признаков опасности тоже. Сквозь встроенное в шлем переговорное устройство я вызвал шаттлы и отдал приказ переместиться на площадь, но по-прежнему оставаться закрытыми. Затем мы принялись устраиваться на ночлег. Места, чтобы разлечься, было более чем достаточно, потому что на всем этом огромном пространстве нас было всего семьдесят два человека. Бойцы включали фонарики и перекусывали сухим пайком. У всех было с собой еды на три дня, и сержанты присматривали, чтобы никто по дурости не умял все за один присест. Мы с Моралесом стояли у колонны, глядя, как мерцают огоньки в сгущающейся темноте. Модель ДНК улавливала и отражала их, и, думаю, поэт нашел бы, что об этом написать. Но у нас тут не было поэтов, по крайней мере, никого, о ком я был бы в курсе.

– Прежде чем пожуем, – тихо сказал Хесус, – я тебе кое-что покажу. Мы заметили его, когда пересекали площадь. Это недалеко.

Когда мы вышли, шаттлы как раз приближались. Они опустились на камни с неизбежным скрежетом и аккуратно припарковались, почти соприкасаясь крыльями. Небольшой дождь начался и усилился, пока мы пробирались к низкому, лишенному окон зданию, похожему на промышленное строение. Рядом стояло другое здание без окон, над дверью была вырезана надпись: «Здеся лижат дарагие миртвесы».

– Первое можем не смотреть, – сказал Моралес, – это просто крематорий. В мавзолее надо будет включить свет. Там внутри есть искусственное освещение, но оно вырублено.

Мы достали карманные фонарики, включили их и шагнули внутрь. Холодные озерца света замерцали на стенах, испещренных, словно сотами, маленькими квадратными нишами. На полу были аккуратно сложены керамические плитки, которые некогда закрывали отверстия, и на каждой было знакомое изображение эмблемы культа и имя, написанное в соответствии

со специфической орфографией колонистов.

– Боже, – прошептал я. – Они даже мертвых забрали. Они что, так боялись нас?

– Не знаю, как они вообще узнали о нашем приближении… О, точно, их провидец… У них есть свой Кос. Значит, они могли знать.

В этом объяснении был изъян, но я не мог понять, какой именно. Мы шли вперед, пробуждая глухое эхо. Коридоры отходили в обе стороны, и все стены представляли собой сплошные пустые соты. Грохот разносился по боковым помещениям, и мы с Моралесом вернулись к выходу.

На улице дождь лил сильнее, темнота стала гуще, а ветер – холоднее. Мы побежали рысцой под крышу храма, тяжело дыша. И очень вовремя – дождь хлынул как из ведра. Мы присели на втором ряду, воняя мокрой псиной, и принялись поглощать концентраты из пайка. Рядовой из взвода «Бет» притащил шесть-семь фляг и спросил, не хотим ли мы, чтобы наши тоже наполнили. «Воды прорва», – добавил он без особой необходимости. Мы протянули фляги и, когда парень вернулся, стали пить холодную воду с привкусом камня большими глотками. Ужин получился немудреный, но показался не хуже богатого пиршества.

– Бедняги сектанты, – сказал Моралес. – Вот мы тут сидим и трескаем паек в уютном сухом храме, а они – где-то там, в мокрых диких лесах. Должно быть, и едят они холодное, потому что, если бы они попытались что-то сварить, сканеры «Жукова» засекли бы тепло и указали нам направление – а завтра мы бы пошли и взяли их на мушку.

– Иногда, – сказал я, – чтобы спасти цивилизацию, приходится ее разрушить.

Обменявшись весьма банальными саркастическими репликами, мы выставили часовых и назначили Чу ответственным дежурным на ночь. Моралес пожелал всем buenas noches[50] и отправился к своим людям. Кто-то запел – но не что-то разухабистое и неприличное, как можно было ожидать, а сентиментальную песню «Прощай, солдатик». Отличная акустика храма позволяла отчетливо разобрать слова, несмотря на бушующую на улице бурю, и я заснул, слушая странно чистый девичий голос, певучий, словно флейта: «Что делать, если мой милый дальше, чем в небесах?»

Я так и не услышал, что в итоге решила героиня песни. Я страшно устал и вырубился через пару минут. И так я спал, пока шлем не начал орать на меня.

Я смутно помню, как перевернулся и невнятно выругался. Нашел шлем, подтянул его ближе и пробормотал волшебное слово: «Говорите».

– Робер, – сказал голос Мари, хотя мы договорились обращаться друг к другу по всей форме там, где нас могут подслушать. Это и ее тон дали мне понять, что случилось что-то очень серьезное, и сон покинул мою голову сверхъестественно быстро.

– Да, мэм.

– У вас шестнадцать минут на то, чтобы забрать своих людей из города и убраться как можно дальше.

– На нас напали?

– На вас сейчас грохнется кусок летучего мусора размером как два Везувия. Должно быть, он вошел в атмосферу Парадизо по другую сторону планеты и вот-вот рухнет у самого берега. Янеско пытался достать его снарядом, когда он вошел в зону досягаемости, но промахнулся. Зато попал лучевой пушкой, но энергии не хватило для разрушения. Короче, убирайтесь по-быстрому!

Я заорал, и отзвуки разнеслись по храму. Конечно, я действовал немного в духе Шлехта, но иногда командиру приходится орать, и ничего тут не поделаешь.

Нам пришлось побросать снаряжение, но через двенадцать минут мы все втиснулись в два шаттла и пристегнулись – и они взлетели. Когда мы оторвались от земли, я поблагодарил всех богов, какие только могут быть, за хладнокровие машин, которые невозможно напугать. В какой-то миг мне показалось, что мы врежемся носом в купол, но этого не произошло, и белый храм и темный город стремительно ушли вниз.

Впервые я проверил часы. 04:04. Буря почти улеглась, и облака разогнало как раз вовремя, чтобы можно было увидеть сияние луны. Только это была не луна, а мать всех астероидов, и она неслась на восток, освещая дома в городке. Внизу я разглядел аккуратный узор полей и темных лесов и гряду холмов, поросших угольно-черными деревьями. Удар ожидался страшный, и я приказал обоим взводам спрятаться за грядой.

Мы спустились и зависли над самой землей, включив посадочные огни, холодный свет которых очертил странные деревья – без нормальной листвы, но с листообразными выростами, обвивающими стволы. При вспышках сверкали глаза – маленькие существа и большие, глаза желтые, зеленые и красные – целая экосистема, о которой мы уже ничего не узнаем, потому что в этот самый миг небо запылало. Пошла ударная волна, сначала как стена сдавленного воздуха, потом холмы задрожали.

Земля вспучилась – я прежде не видел ничего подобного, хотя слышал, что при землетрясениях земля может вести себя подобно воде.

Завыл ветер, мощный, как семь циклонов, и город взлетел на воздух – куски домов, деревья и все прочее. Даже за грядой холмов волны турбулентности прошли по долине и заставили шаттлы подпрыгивать, как палочки в ручье. В то время я еще не умел водить летательные аппараты и пришлось положиться на автопилот, который, к счастью, не нуждался в человеческом руководстве, чтобы подобрать крылья и запустить мотор на максимальную мощность. Похоже, худшее позади, и я был почти готов снова дышать, когда по долине пронесся чудовищный порыв ветра и смел шаттлы.

Я слышал про людей, попавших в торнадо и уцелевших, и, разумеется, мы могли спрятаться в основательном трансорбитальном корабле, но мы не успели ничего сделать и закружились среди обрывков туч в бесконечном потоке мусора. Мы то и дело переворачивались, и я мельком видел, что творится внизу – как блестит обнажившееся морское дно, как с величавой целеустремленностью идет к берегу огромная стена воды, как пустеют склоны холмов и ветер гонит пламя по полям. Единственное, чего я не видел, – это другой шаттл, он исчез в буре.

А потом я полностью сосредоточился на том, чтобы выжить, покуда механический мозг автопилота боролся за управление шаттлом, за то, чтобы прекратить болтанку, оседлать ветер, подняться выше, туда, где спокойнее. Мы были практически беспомощны, отданы на милость машин и каждую секунду ждали, что вот-вот врежемся в горы, которые неумолимо приближались на западе, высвеченные вспышками молний. Скорость ветра? Судя по нашим приборам, триста три с половиной километра. Вот это ураган!

Наконец мы поднялись над турбулентностью, воздух разредился, гудение и тряска прекратились, разве что теперь уже гудели и тряслись люди, включая меня, которых вытряхнуло, как солонки, и вот теперь мы выблевывали полупереваренный паек на себя и друг на друга.

Полет стабилизировался. Мы приближались к границе атмосферы. Мы вышли из тени планеты и, похоже, направлялись прямо к огромному красному глазу солнца. Потом я заметил, что появилось что-то еще, что мы начинаем разворачиваться, а маленькая, но яркая звездочка вдали – это вовсе не звездочка, а «Жуков». Мы страшно воняли, были напуганы и дезориентированы, но живы и под контролем основного корабля,

и ради этого я был готов потерпеть рвоту и дурной запах.

Встречающие чувствовали то же самое. Весь штат ждал нас и разразился криками и аплодисментами, когда мы по одному начали выползать из шаттла, похожие на канализационных крыс. Мари обняла меня, вопреки запаху и протоколу, потом пожимала руки всем бойцам взвода «Алеф», проходившим мимо нее, от О'Рурка до последнего новобранца, и для каждого у нее находились теплые слова. «Слава богу, вы живы… Добро пожаловать домой… Вы настоящий герой» и так далее.

Затем все ринулись отмываться, а кого-то должен был еще и подлатать док Ганнетт. Ни у кого не обнаружилось повреждений, более серьезных, чем порезы, контузии или шишка на голове величиной с яйцо – то ли нам просто несказанно повезло, то ли напрямую вмешался бог дураков и космолетчиков.

Направляясь в командирскую каюту, чтобы привести себя в порядок в чуть более роскошных условиях, я тихо спросил Мари, нет ли вестей о Моралесе и его людях. Она покачала головой.

– Мы не можем их найти, – призналась она. – Пожары бушуют повсюду, и ничего не видно. Вблизи поверхности ионизация такая, что сканеры не работают, разве что Моралес смог подняться над турбулентностью, как и ты. Ты такой смелый и умный, – добавила она, и я мужественно принял похвалу, по праву принадлежавшую всего лишь толковому автопилоту и везению.

У самого мостика Кос перехватил нас и сказал:

– Прости, Кон. Я знал, что случится что-то плохое, но не знал, что именно.

– Объект был темный.

– Верно.

Касательно второго взвода он честно пытался меня приободрить.

– Думаю, твой друг еще жив. Если умирает кто-то, кого я знаю, это ощущается, как укол иголкой. Такого пока что не было.

– Значит, колонисты боялись не нас?

Он выглядел озадаченным.

– Нас? Нет, они никогда нас не боялись. С чего ты вдруг решил? Они каким-то образом узнали, что эта штука падает. Может, их пророк и впрямь ясновидящий и знает свое дело лучше, чем я. Они не надеялись, что удастся бежать, но все же, кажется, это у них получилось.

Потом был душ и не самые приятные процедуры у Ганнетта – например, мне пришили обратно наполовину оторванное левое ухо. Я даже не заметил этой травмы, хотя был весь в крови – в таком дурдоме кто угодно не заметил бы, – пока туда не попало

мыло и я едва не врезался головой в стену. Ганнетт сделал мне укол обезболивающего и наложил шесть швов, и мы с моим перевязанным ухом отправились в постель – завернуться в чистые простыни и принять утешения Мари.

Ты, наверное, решил, что мы занялись любовью. На самом деле я вырубился секунд через двадцать, а вся романтика была отложена до завтра.

Следующие несколько дней были бы просто чудесны, если бы не наши тревоги касательно Моралеса и людей из взвода «Бет».

Планета представляла собой мрачное зрелище. Она была вся окутана кружащимися тучами, потоки энергии сталкивались друг с другом и образовывали циклоны и антициклоны, в зависимости от широты. Ад лесных и степных пожаров сменился постепенным падением температуры – красный солнечный свет был практически заблокирован.

– Условия, – сказал механический голос, подытоживая ситуацию для нескольких человек, собравшихся на мостике, – стали крайне неблагоприятными для жизни.

– Большое спасибо, – пробормотал я.

Но Мари сказала:

– Милый, это только машина, конечно, она будет говорить банальности – она для того и сделана.

Кос продолжал твердить, что наши люди, вероятно, живы, по крайней мере, он не получал никаких убедительных свидетельств их гибели. На второй или третий день, уже не помню, он наконец смог определить самым общим образом, где они могут находиться – примерно триста километров от того места, где я по-терял с ними связь. Он добавил, что их шаттл уничтожен, они голодны и не могут перемещаться из-за бури. Он решил, что они, наверное, пытались покинуть планету, но на них опять что-то посыпалось и случилось кораблекрушение.

Я хотел взять оставшийся шаттл и отправиться на поиски, но Мари без колебаний наложила вето на эту идею.

– Тридцать шесть человек под угрозой гибели – этого вполне достаточно, – сказала она. – Не говоря о колонистах, где бы они ни находились.

Вот незадача! Наши сканеры и Кос дошли до пределов своей чувствительности и никак не могли их засечь – вообще никак. Однако тысячи людей – даже если они каким-то образом умудрились выжить вдали от места столкновения, без электронных средств связи и даже без огня – по крайней мере, с неизбежностью думали и чувствовали, и это Кос должен был засечь. А если их всех убило, Кос сказал, что должен был уловить психическое «цунами безысходности», которое мозг выбрасывает

в момент смерти. Но кроме слабых сигналов от наших же людей он не слышал ничего.

Дни шли, и Мари была ближе к отчаянию, чем когда-либо. Наконец она выбрала время обеда, когда уцелевшие офицеры собрались вместе – по сути, это было совещание, хотя формально так не называлось, – чтобы объявить свое решение.

– Мы сажаем «Жуков», – сказала она. – На поверхность.

Все замерли, обдумывая, что это может значить. Она говорила тихо, ровным уверенным тоном человека, принявшего трудное решение и не собирающегося его менять.

Конечно, сказала она, ее план может показаться чушью – сначала запретить рисковать уцелевшим шаттлом, а потом подвергнуть опасности всех людей, оставшихся на борту. Но «Жуков» – это не просто большой трансорбитальный корабль. Он сделан из сверхпрочной стали и обладает почти безграничными запасами энергии.

Она признала, что, согласно инструкциям, нельзя вводить судно в атмосферу планеты по ряду веских причин – возможность коррозии корпуса, токсические испарения и так далее. Но инструкции позволяли командирам нарушать стандартные процедуры в экстренных случаях – при условии, что потом они смогут чертовски хорошо обосновать свои действия. Она думала, что сможет.

– В любом случае, мы это сделаем, – закончила она. – Если кто-нибудь хочет выразить протест, пожалуйста.

Все промолчали.

– Тогда приступим. Во время спуска весь экипаж будет на боевых постах. Все запасные выходы будут наглухо закрыты. Весь персонал будет в защитных костюмах. Не думаю, что что-то там внизу сможет пробить перегородки, но если вдруг такое случится и группа окажется в изоляции, им придется выживать самим неопределенно долгое время, пока мы не сможем до них добраться. Мистер Кос поведет нас, пока более стандартные методы сканирования не позволят уловить сигналы с земли. Bonne chance[51].

Подали вино, и мы торжественно подняли бокалы и пожелали удачи ей и друг другу.

Следующие двенадцать часов я провел со своим взводом, прорабатывая действия, которые мы должны будем предпринять, если придется покинуть «Жуков» и помочь забрать Моралеса и его людей. В таком случае мы должны были не отступить вглубь корабля, как остальные, но занять отсек, ближайший к люку для шаттла. Все экипировались, и мы с О’Рурком принялись снова и снова проверять солдат, чтобы убедиться, что изоляция полная, а

системы обеспечения дыхания и подогрева работают. Я решил, что воздух придется взять с собой, потому что атмосфера планеты превратилась в сплошную песчаную бурю с пеплом, пылью и токсичными отходами горения. Нам были нужны фонари на шлемах. Нам были нужны нейлоновые веревки, связывающие нас, как альпинистов, чтобы никто не потерялся и никого не сдуло. Нам были нужны старомодные носилки для транспортировки раненых. Да хрен знает, что нам еще было нужно – все, не иначе.

Когда мы уже заканчивали приготовления, я услышал жалобный крик с мостика. Мое присутствие требовалось – и немедленно. Я оставил О'Рурка разбираться, как умеет – а умел он хорошо, – и поспешил мимо запасных выходов по коридору, который скоро, надо полагать, будет рассечен на сегменты, как змея, попавшая под автоплуг на поле для пшеницы. Я бежал, а двери, которые тем временем проверяли, закрывались со вздохом и шелестом, звякали – и снова открывались.

Я выскочил на мостик и застал Мари в ярости. Кос что-то доказывал, а навигатор – кажется, его фамилия была Сайнович, точно не помню – смотрел на планету в большой монитор, и тихо нескладно насвистывал. Мари показала на Коса таким… французским жестом, будто выбрасывала что-то съедобное, но протухшее.

– Послушайте! – рявкнула она. – Вы только послушайте!

Кос, все еще не успокоившийся, спросил:

– Ну и что вы хотите, чтобы я сказал? Я говорю вам то, что слышу или не слышу, а если это портит ваши чудесные планы, ничем не могу помочь.

Я дотронулся до его плеча.

– Просто скажи мне.

– Я потерял Моралеса и ребят. Похоже, они больше не там.

– В смысле – они погибли?

– Не думаю. Они просто исчезли, вот и все.

Еще одно треклятое таинственное исчезновение. Когда я передал О'Рурку новость о том, что все наши приготовления напрасны, он разозлился, как никогда. Потом пожал плечами и сказал: «дерьмо» десять или даже двенадцать раз и велел ребятам снимать защитные костюмы и расходиться по каютам.

«Жуков» остался на орбите, бомбардируя превратившуюся в ад поверхность Парадизо всеми доступными видами волн, разыскивая ну хоть кого-то. Шли часы, и мы все еще занимались этим, когда сенсоры натурально взвыли. Не потому что они нашли людей, а потому что кусок металла, который они сразу определили как транспортное средство нечеловеческого происхождения, или ТСНП, вышло из-за планеты и пересекало

границу между темной и светлой стороной в тускло-красном солнечном свете.

Завыли сирены, и механический голос объявил:

– Внимание боевым постам!

Все похватали личное оружие и помчались со всех ног к указанным зонам вокруг центральной оси корабля. Тридцать секунд спустя запасные входы начали закрываться, и если вы оказались во внешнем отсеке, дело худо – придется так и сидеть, пока не поступит сигнал, что все чисто, и двери не откроют. Или пока вражеский снаряд не шарахнет по носу, и тогда вы погибнете от взрыва, если броня не выдержит, или от контузии – если выдержит.

Каким-то образом О'Рурк собрал наших людей в требуемом внутреннем отсеке. Те, кто мылся, были в чем мать родила, но на войне подобные мелочи как-то перестают волновать.

Я остался на мостике – не потому, что был там нужен, просто никто меня не отослал, а я хотел понять, что происходит. Я уселся в кресло, которое обычно занимал наш навигатор, – сейчас он удалился в безопасный отсек по другую сторону оси, где была дублирующая система ориентирования. Так кто-то сможет управлять кораблем, если мостик будет разрушен.

Сидя в командирском кресле, Мари надела наушники виртуальной реальности. Я надел наушники навигатора и прислушивался, как она отдает приказания с апломбом шеф-повара, инструктирующего своего помощника насчет приготовления шоколадного суфле. Тонкие пальцы, которые извлекали из моего тела такие мелодии, теперь покоились на клавиатуре, дававшей ей власть надо всеми системами. Чей-то голос сказал: «Вот сучка, а?» – причем тоном, исполненным чистейшего восхищения.

Я смотрел, как разворачивается на мониторе моя первая битва в космосе – да что там, вообще моя первая битва. Лазерные лучи исчертили темный квадрат, а когда свет на мостике приглушили, мы все погрузились в виртуальное пространство. Не думаю, что мне было страшно, это было слишком захватывающе, и если бы вдруг посреди «Жукова» материализовался корабль пришельцев, волноваться все равно было бы не о чем – нас разнесло бы в кварки за какую-то наносекунду. Поэтому я получал почти эстетическое наслаждение от вида окутанной облаками планеты, поднимающегося за нею красного шара и фона, испещренного твердыми кристаллами звезд.

Единственное, чего я не видел, – инопланетного корабля, из-за которого и началась вся заваруха. Потом на мониторе появился голубой круг, выделяющий его. Столбцы цифр, которые наверняка

что-то значили для сотрудников Космической Службы, выстроились по краям изображения. Чей-то голос удивленно сказал: «Скорость нулевая?» – и я понял, что, наверное, неопознанный объект перестал двигаться.

Голос Янеско доложил, что пусковые шахты открыты. Похоже, он ждал от Мари современного эквивалента «Можете стрелять, когда будете готовы, Гридли», но она лишь сказала: «Запускайте ГПЧ», то есть генератор пучков частиц.

– Есть.

– Автоматическое управление всеми системами.

– Есть.

Это означало, что корабль будет отвечать на любое враждебное действие, не дожидаясь команды. В то же время я услышал, как заработали главный двигатель и даже генератор темной энергии. Пытаясь перенести на космос знания о военных действиях на твердой земле, я понял, что Мари собирается спрятаться за Парадизо, и если чужой корабль последует за нами, то мы нанесем удар, едва он окажется в поле зрения. Ну, типа как при боевых действиях в горах обороняют противоположный склон, а едва показывается противник – шмякают по нему. Вот что я думал, когда большое голографически четкое изображение Хесуса Моралеса появилось между лазерными лучами, загораживая планету и солнце – да все, собственно, кроме звезд у него над головой.

– Полковник, – сказал он, несколько приглушенно, но вполне отчетливо, – мы на борту инопланетного корабля. Эти ребята из Зоопарка пришли и спасли нас. Всех нас, включая колонистов. Вы записываете?

Вопреки тому, что любит говорить моя жена Анна, я не вульгарен – ну, почти. Но я совершенно уверен, что на мостике «Жукова» в тот самый момент много кто обмочился.

Наступила потрясенная тишина, и тут я услышал свой собственный голос – и да, я был лейтенант и потому низшая форма жизни из числа присутствующих, но какого черта, Моралес – мой друг, а не их – короче, я громко сказал в микрофон навигатора:

– Хесус, мы записываем.

– Позвольте, – ледяным голосом сказала Мари, и я тут же отловил беглый язык, сжав его зубами. – Что они предлагают сделать с вами? – требовательно спросила она.

– Послать нас на «Жуков» шаттлом. Думаю, это рассматривается как дипломатический жест, теперь, когда война окончена и мы уходим из этого сектора космоса. Они думают о мирной торговле и всем таком – в будущем.

– Вы там все?

– Семнадцать человек из взвода «Бет». Остальные погибли. Шестеро ранены.

– Мы вас примем. А что колонисты?

– Колонисты проголосовали за то, чтобы присоединиться к Зоопарку – стать родственным видом – и не возвращаться на Терру. Похоже, они верят в симбиоз и видят в нем одну из сторон любви. И еще они не доверяют другим людям.

– Странно, с чего бы вдруг, – сказал я.

То есть я, конечно, ничего не сказал, потому что прикусил язык.

В любом случае, сарказм был бы некстати, тем более с моей стороны. Я был слишком взволнован тем, что Моралес жив, и мне на самом-то деле было глубоко плевать, какой там выбор сделали сектанты.

Но Мари была недовольна.

– Нам приказано вернуть этих людей в регион, находящийся под контролем человечества.

– Инопланетяне не подчиняются нашим приказам, – заметил Моралес.

– Ну да. Мне разрешат говорить с их пророком?

– Он был глубокий старик. Он умер во время вылета из пострадавшего района. Впервые у них нет никого с сильными экстрасенсорными способностями, чтобы он мог их вести – и они, возможно, принимают плохие или как минимум непродуманные решения.

– Вот в чем дело. Передайте мое согласие Зо… их командованию. Мы не будем стрелять по шаттлу, и Ганнетт примет раненых.

Потом она отдала еще три приказа. Во-первых, нам с Ганнеттом – принять шаттл и забрать наших людей. Во-вторых, Янеско – поддерживать режим автоматического управления, но отдать главному компьютеру команду не стрелять по шаттлу. В-третьих, она велела всем остальным оставаться на боевых постах.

Янеско сердился на нее. С Полярного Круга доносился его хриплый голос:

– Командир, это обман. Даже идиот Шлехт понял бы, что это обман.

– Конечно, это обман, – отрезала она. – Но что за обман? Шаттл взорвется, едва состыковавшись с «Жуковым»? Наши люди заражены смертельной болезнью или паразитами? Или это в первую очередь дипломатический ход, как считает лейтенант Моралес?

Когда я покидал мостик, там проходило импровизированное

совещание комсостава. Я оказался под командованием Ганнетта, и он заставил меня надеть эластопластовый костюм, такой же, как у него, едва мы дошли до шлюза. На случай, если на борт занесут какую-нибудь смертельную заразу, мы встретили наших ребят в этой оснастке, дыша через электростатические фильтры, а в ушах у нас гудели небольшие вентиляторы. Еще он привел шесть медботов, похожих на огромных крабов, они бегали на ножках с сочленениями и махали длиннющими руками. Пока мы ждали, они принесли и поставили носилки, которые я собирался взять в нашу, впоследствии отмененную, вылазку на Парадизо.

Инопланетный шаттл приближался. Процедура стыковки проходила интересно. Я не мог понять, как они зафиксируются, поскольку шлюз «Жукова» в силу своей конфигурации не мог их принять. Но проблема оказалась для наших бывших врагов никакой не проблемой. Мы смотрели в окошко внутренней двери шлюза, как они выпустили гибкую трубу – док назвал ее пуповиной, – которая расширялась, как тромбон. Мы открыли внешние двери шлюза, труба вошла туда и плотно состыковалась с переборками.

Потом мы открыли внутренние двери, они открыли свои на дальнем конце трубы, воздух ворвался в пуповину – с нашей стороны давление было выше, – и несколько минут спустя показался Хесус Моралес собственной персоной, шатаясь на ветру худой, изможденный, но вполне живой. Медботы проверили его, прежде чем подпустили меня, но после мы крепко обнялись, и он помог вывести раненых и уложить серьезно пострадавших бойцов на носилки. Минуты спустя все были завернуты, словно подарки к празднику, и облиты какой-то антисептической дрянью.

Ганнетт велел мне закрыть внутренние двери шлюза. Едва я собрался это сделать, как краем глаза заметил обитателей Зоопарка. Что-то с головой примерно как у морского конька – довольно жесткое, голубоватое, с кроткими выпученными глазами и дыхательным аппаратом на конце длинной морды – смотрело на меня, а что-то еще, многорукое, копошилось позади него.

Я потянулся, чтобы нажать кнопку, закрывающую дверь, когда что-то проскочило у меня под рукой и сигануло в пуповину. Кос выглянул уже оттуда, посмотрел на меня большими темными глазами, поднял маленькую ручку, помахал и крикнул:

– Это мой народ, Кон! Я должен их спасти!

– Заберите его обратно! – закричал Ганнетт.

Но я нажал кнопку, и двери задвинулись. Я мельком увидел, как складывается гибкая труба – и она в самом деле соответствовала названию, которое дал ей доктор.

– Простите, сэр, – сказал я хирургу, – но вы не отменили свой первый приказ.

Возомнил себя умником. Не осознал, что только что убил Коса, бедного маленького засранца, или же он убил себя – это уж как посмотреть. Второе невольное убийство на моем счету за время этого путешествия.

Я смотрел, как шаттл закрывается и улетает, описывает дугу и направляется обратно. Он не взорвался. И, должен сказать, Ганнетт провел все необходимые обследования и не обнаружил, чтобы наши люди были чем-то заражены. Если и был какой-то подвох, то мы его не заметили, и лично я думаю, что Хесус, возможно, был прав с самого начала. Наши прежние враги сделали примирительный жест – вот и все.

Пока Ганнетт и его боты раскладывали всех в переполненном больничном отсеке, я снял пластиковый костюм и поднялся на мостик доложить о благополучном возвращении наших. Но то, что я сказал, было никому не интересно.

Все, как загипнотизированные, смотрели на монитор, на два голубых круга – один отмечал инопланетный шаттл, другой – собственно корабль. Мари сидела в кресле командующего, словно алебастровая статуя. Два круга слились, и тонкие пальцы ее левой руки с ногтями, покрытыми прозрачным лаком, чуть заметно шевельнулись, нажимая клавиши, передающие в ее распоряжение всю нашу огневую мощь.

Надо полагать, мои губы изобразили что-то вроде «не надо», но я так ничего и не сказал – или, во всяком случае, сам своих слов не услышал. Внезапно «Жуков» тронулся с места, да так быстро, что меня больно приложило об палубу. Мы начали уходить за планету, которую теперь впору называть Инферно, но прежде инопланетный корабль взорвался огромным огненным шаром, и его обломки разлетелись, странно медленно, как бывает с предметами в космосе.

На мостике началось оживление, все сотрудники Космической Службы радостно кричали – они же только что выиграли битву в Войне с Пришельцами. И это оказалось совсем нетрудно, учитывая, что противники, бедняги, и не знали, что война все еще продолжается.

Когда Мари вернулась в каюту командующего, я уже ждал ее там, побитый – на затылке у меня образовалась шишка размером с яйцо. Но я был в полном сознании и в состоянии ледяной ярости.

– Мне пришлось это сделать, – быстро сказала она. – Полученные мной приказы содержат секретный протокол,

обязывающий меня уничтожать все инопланетные корабли, с какими мы столкнемся.

Я промолчал. И тогда она начала спорить с тем, чего я не говорил:

– Положим, я приняла бы их условия, нарушила бы приказ, вернулась без колонистов – что сказали бы мои враги в штабе? Что я провалила задание, нарушила инструкции, вступила в сговор с противником и позволила ему похитить наших людей. Меня бы отдали под трибунал.

Наконец я смог заговорить:

– И чтобы предотвратить это, ты убила несколько тысяч разумных существ, по большей части людей. Включая Коса.

– Прости, что не оплакиваю его. Он почувствовал наш план этой своей проклятой интуицией и был готов, как это по-английски?.. Jaser[52], проболтаться врагам. Ты еще такое дитя, Робер. Ты еще не научился принимать трудности, которые подразумевает твой выбор карьеры военнослужащего. Ты не представляешь, что значит быть командиром. Со временем ты станешь тверже.

– Но не настолько.

– Ой, да что толку спорить? Тебе нужно повзрослеть, вот и все. Ты же так и не понял подлинного смысла этого полета, верно? Совсем не понял. Для моей службы было крайне неприятно, что Государственный Совет настоял на том, что верховное командование примет офицер Службы Безопасности. Как эти скучные полицейские могут понять, что нам необходимо нанести поражение врагу и восстановить нашу честь? Но, разумеется, дело было как раз в этом – предполагалось, что он будет держать всех остальных под контролем. К счастью, генштаб Безопасности хотел избавиться от Шлехта, чьи сексуальные предпочтения уже стали притчей во языцех, и эту работу предоставили ему. Нашим разведчикам было вовсе не трудно найти молодую женщину, хотевшую убить его по очень веской причине. Они вооружили ее и провели на борт, а я заботилась о том, чтобы она здесь выжила. Этот паршивец Кос едва все не испортил – я так и не простила его за то, что он сказал генералу о наличии безбилетного пассажира. Когда я назначила тебя офицером безопасности, я предполагала, что ты арестуешь Коса и уберешь его с дороги. Ну, ты не сделал, как я хотела, но в некотором смысле ты сделал даже лучше. Когда безбилетница отомстила, я не знала, как с ней быть, а ты вот так невинно решил эту проблему. Потом Кос, пытаясь спасти своих товарищей по культу, погиб. Видишь, все сложилось замечательно.

Минута, последовавшая за этой речью, была самой долгой и

холодной в моей жизни. Потом я сказал:

– Если не возражаете, мэм, я бы вернулся в свою каюту Когда Моралес поправится, он может присоединиться ко мне.

– Поступай как знаешь, надеюсь, вы будете очень счастливы вместе.

Я отсалютовал, сделал суровое лицо и удалился. Вот так закончился мой служебный роман.

Теперь, Хесус, сын Хесуса, ты знаешь, как Зоопарк, сохранив жизнь твоему отцу и вернув его нам, сделал возможным, чтобы он несколько лет спустя встретил твою маму, женился на ней, а ты был зачат и родился. Вспоминай безымянных существ с того безымянного корабля с благодарностью – их атомы давно рассеялись, и они не оставили о себе никакой памяти, кроме тебя.

Когда мы вернулись на Терру я прочел рапорт Мари. Это была великолепная выдумка. Там сообщалось, что пришельцы уже перебили колонистов, когда мы прибыли, и в отместку мы уничтожили их корабль. Народу это понравилось, и даже очень. Новости о нашей отложенной победе над врагом, уделавшим нас в ходе войны, потрясли все человечество до самых дальних пределов. Офицеры Космической Службы с «Жукова» честно поддержали версию своего командира и были должным образом вознаграждены несколько лет спустя, когда Государственный Совет сделал ее первой женщиной-главнокомандующим этого рода войск. Она умерла недавно, и прах ее покоится в Париже в Доме Инвалидов, рядом с прахом Наполеона.

Мы с Моралесом подали рапорты в Главный Штаб, сообщая факты, которые, разумеется, были проигнорированы, поскольку мы были всего лишь лейтенантами. Хотя таковыми мы оставались недолго. Нас обоих произвели в капитаны за нашу службу во время «эпического полета „Жукова“» (как выразился Совет) – «миссия во спасение человечества стала миссией отмщения за человечество». Звучит красиво, да? Слова куда удобнее реальности. Тем временем всё, что твой | папа и я сделали и пережили на самом деле, перешло в категорию не-бывшего.

У этой истории был второй, роковой эпилог. Никто точно не знает, по какой причине разразилась Вторая Война с Пришельцами, но лично я всегда был уверен, что обитатели Зоопарка хотели отомстить за предательское уничтожение их корабля. К тому времени Транс-Аранская кротовая нора была открыта и нанесена на карты, и у входа в нее произошло ужасное сражение, в котором мы потеряли так много кораблей и столько тысяч наших лучших людей, включая твоего отца, который командовал десантным отрядом на борту старого «Сунь-Цзы», когда его разнес ССС.

Вот так я узнал, что, несмотря на интеллект и ранг, мы все – рабы истории. Но еще я решил, что не продам свою душу, как это сделала Мари. Я решил уступать, когда придется, но сдержать обещание открыть правду, когда это станет возможно. Сейчас как раз такой момент, и я рассказываю ее тебе, надеясь, что в будущем, когда в твоих руках окажется власть, ты будешь знать, как ею нельзя пользоваться.

В моем нынешнем плачевном состоянии я начал искать бывших сослуживцев – товарищей по рабству, скажешь ты. Я стал каждый год видеться с О'Рурком и Чу и со всеми, кто хотел и мог прийти. Как и все ветераны, мы собирались выпить и повспоминать, и я многое узнал из разговоров с ними. Однажды, подвыпив, О'Рурк по-дружески поведал мне, что всегда считал меня «гребаным дураком, но гребаным дураком с перспективой». Я решил, что это настоящий комплимент, учитывая, от какого безнадежного циника он исходил.

Чу признался, что иногда жалел, что вопреки фамильной традиции стал солдатом, а не пиратом. «Опасность та же, – сказал он, – но выгода куда больше. Как и ты, я, наверное, никак не могу без толики морали». Он говорил это, смущаясь, и, кажется, тоже был пьян.

Я смог проследить, как сложились жизни некоторых наших ребят после того, как старого «Жукова» отправили в Европу на утилизацию. Одна из самых удалых казарменных девок оставила службу и стала вполне респектабельной. Она замужем за государственным советником – фамилию я тебе не скажу, и не проси. Еще одна ушла и разбогатела на содержании борделя в Нью-Ангкоре.

Наш странный гений Соза сказал мне, что события на Парадизо так его напугали, что он наконец осознал, что прятаться от ответственности на военной службе еще опаснее, чем жить в реальном мире вне ее. Поэтому, когда полет завершился, он вышел в отставку, окончил колледж, выиграл стипендию в крупном медицинском вузе, и когда я о нем слышал в последний раз, он был хирургом, замечательно умеющим восстанавливать поврежденный спинной мозг. Всегда же кто-то добивается успеха, правда?

Однако по большей части ребята остались простыми солдатами. Я считал разговоры с ними чем-то вроде тяжкой обязанности, потому что они совершенно не умели обобщать – не делали выводы, просто вспоминали с отупляющей точностью то или иное место, кто и что сказал и когда это было. «Помните, сэр, – сказал один, – когда мы вошли в О-1, как мы обогнули тот угол белого домика, на котором была голубая вывеска про

двадцать ножек? Разве это было те смешно?»

Они часто говорили о Мари. «Помните, сэр, когда мы вернулись на корабль, командир сказала нам, какие мы крутые? – произнес другой парень. – Я был в крови и блевотине, но она все равно пожала мне руку и сказала, что я герой. Боже, здорово-то как. А сейчас она большая шишка, видел ее на прошлой неделе по четырехмерке. Подумать только. Боже, я никогда ее не забуду».

И я тоже.

НИКОЛА ГРИФФИТ
ТРЕБУЮТСЯ ДВОЕ

Никола Гриффит – лауреат премий «Небьюла», премии Джеймса Типтри-младшего и пятикратно – премии «Лямбда». В числе написанных ею научно-фантастических: романов «Аммонит» («Ammonite») и «Медленная река» («Slow River»), завоевавшая премию «Небьюла». Перу Гриффит также принадлежит популярная серия детективных романов про Ауд Торвиген, в которую входят «Стой» («Stay»), «Всегда» («Always») и «Синее место» («The Blue Place»). Совместно со Стивеном Пейджелом она выпускает антологии «Искривление пейзажа» («Bending the Landscape»): «Искривление пейзажа. Хоррор» («Bending the Landscape: Honor»), «Искривление пейзажа. Фэнтези» («Bending the Landscape: Fantasy») и «Искривление пейзажа. Научная фантастика» («Bending the Landscape: Science Fiction»). Родившись в Лидсе, Великобритания, теперь Гриффит живет в Сиэтле.

Представленный ниже рассказ переносит нас в стрип-клуб, на вечер приват-танца, где многое происходит не на глазах, а скорее, под покровом, и не только под покровом одежд.

Началось все, как это часто бывает в таких случаях, в баре – у длинного мрачного сооружения из красного дерева вдоль стены сиэтлского «Квин Сити Грилл», отполированного временем и немалым количеством подбородков. Музыка затихала. Ричард и Коди – ее настоящее имя было Кэндис, но его не знал никто из познакомившихся с ней после окончания средней школы – жили на разных побережьях, но сегодня вечером они уже в третий раз за год пили вместе. Уставившись на тени, сгущавшиеся по углам бара, Коди старалась не думать о своей безликой комнате в отеле. Вместо этого она думала о том, что в последние шесть месяцев видит Ричарда чаще, чем своих друзей в Сан-Франциско, и что она, вероятно, увидит его снова через несколько недель, когда их компании будут участвовать в тендере в Атланте.

– Тебе никогда не приходило в голову, – сказала она, – каково это – иметь, знаешь, нормальную работу, когда встаешь в понедельник утром и едешь в офис, и то же самое во вторник, и в среду, и в четверг, каждую неделю, кроме отпуска?

– Ты забыла пятницу.

– Что?

Они начали с мохито, усугубили дело коктейлем Джеймса Бонда, а теперь заходили на посадку по глиссаде из текилы с прицепом из разливного пива.

– Я сказал, ты забыла пятницу. Понедельник, вторник…

– Верно, – признала Коди. – Верно. Чересчур много гребаных подробностей. Но ты думал когда-нибудь? Насчет нормальной жизни?

Реальная жизнь, в одном городе, с реальными друзьями.

Ричард молчал так долго, что Коди развернулась на барном стуле взглянуть на него. Он поигрывал пустым стаканом.

– У меня уже есть работа, – сказал он. – Не разъездная.

– Ах, черт.

Она помнила, как они встретились, как раз после первого краха доткомов, на конференции выпускников по синергизму биомеханики и экспертной программной архитектуры принятия решений или какой-то фигни в этом роде, что было нелепо, потому что он собирался заниматься когнитивной психологией, а она – прикладной математикой. Но компьютеры оказались чуждой интегрирующей технологией, заставлявшей самые разнообразные странные ответвления знаний объединяться и работать так, как не было предусмотрено природой. Подобно монстру Франкенштейна, сказал Ричард, когда она упомянула об этом, и Коди тогда купила ему выпивку, потому что он понял это. Два месяца спустя они столкнулись на похожей конференции, потом снова на каком-то корпоративе, вскоре после того как оба создали стартапы социальных СМИ. Так все и шло, пока – оба тогда уже завлекали питчами венчурных инвесторов на торговых выставках – они не сумели преодолеть обязательную сдержанность, дистанцирующую иронию и не начали списываться друг с другом по электронке, договариваясь об обедах, коктейлях, билетах на игры. Они были молоды, красивы и очень, очень умны. Более того, у них не было решительно никакого романтического интереса друг к другу.

Теперь они встречались, мотаясь повсюду в качестве представителей своих изголодавшихся по кредитам компаний и толкая все более безнадежные питчи перед лидирующими в отрасли голиафами на тему того, почему им нужна шустрость и сноровка голодных Давидов.

Коди не сказала Ричарду что в последнее время ее питчи были все больше о том, почему голиафы могут посчитать прибыльным поглотить теряющего последнюю надежду Давида, на которого она работала, вместе со всеми его прогрессивными, мотивированными, саморегулируемыми сотрудниками, чьи фондовые опционы и планы 401(к)[53] теперь ничего не стоили. Но вернуться обратно в академические кущи означало на самом деле признать поражение.

Она вздохнула.

– Где?

– Чапел-Хилл[54]. И это не… Ладно, о'кей, это как бы академическая работа, но на самом деле нет.

– Угу.

– Нет, правда. С одной новой компанией, совместным предприятием WishtleNet и университетом Северной…

– Понятно.

– Дай же мне закончить. – Напиваясь, Ричард обожал поучать. – Представь себе Google Labs или Xerox PARC, только более странные. Полно денег, полно толковых аспирантов, делающих то, что я им велел, полно синектических исследований, не вызывающие раздражения вице-президенты, которые говорят, что у меня есть шесть месяцев для продвижения софта на рынке, даже если он полное барахло.

– Ясно.

Вот только Винс, операционный директор Коди, сказал, что, если ей удастся заключить контракт в Атланте, ее саму сделают вице-президентом.

– Коди, это круто. Все, о чем мы говорили последние шесть-семь лет, все эти когнитивные патернализмы и модификации поведения, модулируемо-резонансная компьютерная графика, алгоритмы интуитивного обучения…

– Ну да, ну да.

– …они хотят, чтобы я занимался этим. Хотят, чтобы я определил новые поля интереса. Очень круто.

Коди лишь покачала головой. Круто. Крутизна опять не вспомнила покормить рыбку в аквариуме, когда тебя снова не было в городе.

– Стартуем в следующем месяце, – сказал он.

Коди ощутила ужасную усталость.

– Тебя не будет в Атланте.

– Нет.

– Атланта в августе. Придется мне самой. Вот черт.

– Самой? А как же все эти красотки в откровенных летних нарядах?

Брови Коди полезли на лоб. Она потерла их.

– Ну, на Буна я никак не рассчитываю. На Буна и его низкопробные забавы со стрип-клубом.

– Он клиент.

– Твое сочувствие меня просто убивает.

Он пожал плечами.

– Я думал, девица с приватным танцем – твоя главная эротическая мечта.

Голова у нее раскалывалась. Теперь он вознамерился

поговорить про Даллас.

– То, о чем ты нам рассказывала, – где, черт побери, это было?

– В Далласе.

Мог бы уже забыть об этом.

– Ты и вправду этим увлекалась. Ты что, краснеешь?

– Нет.

Три года назад ей исполнилось двадцать восемь, у нее были четыре миллиона долларов в фондовом опционе и вера в то, что коллеги по партизанскому программированию – ее друзья. Ха. И теперь, вероятно, половина гиков[55] Юга слыхала про самую ее интимную фантазию. Включая Буна. Она проглотила остатки текилы. Мерзкое пойло, когда тепловатое. Коди потянулась за своей курткой.

– Я пошла. Если только у тебя нет никаких идей, как заключить этот контракт без грязных игр с Буном. Вот уж не думала.

Она отпихнула стакан и встала.

– Эта встреча в Атланте когда? Восемь, девять недель?

– Примерно так.

Она бросила два доллара двадцать центов на стойку бара.

– Возможно, я смогу помочь?

– С Буном? Ладно.

Но обычно ангельское лицо Ричарда было мрачным. Он выудил из кармана телефон и положил его на стойку бара.

– Просто доверься мне на минуточку, – сказал он и ткнул пальцем в иконку памяти. Та подмигнула красным. – Что бы ни случилось, обещаю, что никто никогда не услышит этой записи, кроме тебя.

Коди бросила куртку обратно.

– Звучит прямо-таки зловеще.

– Тут, скорее, вопрос, хм, вопрос этики.

– О боже, Ричард. Ты просто истеричка.

Она заметила взгляд бармена, обращенный на их стаканы, и села.

– Я тоже занимался Атлантой, – сказал он. – Как и ты, я прекрасно понимаю, что будет после того, как вы проведете свои презентации для Буна.

– «Золотой Ключ», – кивнула она.

Так говорили все. Солнце встает, правительство требует налоги, Бун выслушивает предлагаемые цены и ведет всех в «Золотой Ключ».

– …но мне нужно знать от тебя, можешь ты или нет пойти на то, чтобы выплатить наличными крупную сумму, тысяч, скажем,

до пяти, чтобы заполучить этот контракт.

Она фыркнула.

– Пять против возможных восьми? А ты как думаешь?

Он указал на телефон.

– Ладно. Да. Я могу позволить себе такие расходы.

Он улыбнулся, двигая челюстью совсем не по-ричардовски, словно питон, разевающий пасть, чтобы поглотить свинью. Коди едва не вскочила, но этот миг прошел.

– Ты должна разрешить мне доступ к твоим медицинским картам, – сказал он.

И вот они здесь, в Мариетте[56], где живут обитатели штата Джорджия, не трогающие чужаков среди лесов только потому, что не знают, что это за люди: семеро мужчин и одна женщина, шагнувшие из цитадели Буна – башни из белого бетона и зеленого стекла – под августовское солнце, раскаленное настолько, что плавился асфальт. Солнечные очки Буна сверкнули, когда он повернулся навстречу группе.

– Одна работа без забавы делает Джека скучным, право. И Джил тоже, – кивок в сторону Коди.

Она кивнула в ответ и постаралась не щуриться. Щурясь, она выглядела по-дурацки: ничего хорошего, когда все вокруг разодеты в пижонские летние деловые костюмы, принятые на Восточном побережье, и щеголяют южным загаром. По крайней мере, парень из Портленда тоже забыл свои солнечные очки.

Словно маленькое стадо, они двинулись через размякшую, вязкую парковку: типу из Бостона придется проститься со своими светло-желтыми мокасинами.

– Дейв, – обратился Бун к парню из Остина, – возьми этих троих. Я знаю, ты в курсе, куда мы направляемся.

– Конечно, – отозвался Дейв, и семеро мужчин рассмеялись, демонстрируя всеобщее «все-мы-тут-люди-бывалые-нас-ничем-не-удивишь».

Коди недоставало Ричарда. И она все еще злилась на него за то, что он вывалил на нее все эти новости лишь в последнюю неделю. Почему он не сказал раньше, что не приедет в Атланту? Почему не сказал еще в Сиэтле? И эта работа в университете: что там у него стряслось? Лузер. Но ей хотелось бы, чтобы он был тут.

Машина Буна оказалась вульгарным гибридным серебристым «Мерседесом». Он открыл пассажирскую дверь с улыбкой, как бы говорящей «Да-я-знаю-мужчины-и-женщины-равны-но-я-рожден-на-Юге-ну-что-тут-поделаешь?», на что Коди отреагировала должным образом, иронически приподняв брови. Ха, в очках бы это не получилось. Парень из Нью-Йорка и Бостонские Мокасины

забрались назад. Остальные залезали в темно-зеленый прокатный внедорожник Дейва. Полноразмерный внедорожник. Совсем не круто. На этом он теряет очки. Она удовлетворенно защелкнула ремень безопасности.

По дороге в клуб Коди предоставила двоим с заднего сиденья наперебой общаться с Буном. Она уставилась в окно. Встреча прошла отлично. Было ясно, что лишь она, Дейв и парень из Денвера представляют компании, способные поспорить за этот контракт, и Коди была вполне уверена в своем превосходстве над денверцами в том, что касалось массового выпуска. Значит, она и Дейв. Если бы только они не ехали в «Золотой Ключ». Боже. При мысли о людях, которые будут наблюдать, как она смотрит на этих женщин, и полагать, будто знают, о чем она при этом думает, кожу у нее на голове начало пощипывать от пота. Под струей кондиционированного воздуха лицо ее застыло.

За два дня до отъезда в Атланту она связалась с Винсом по электронке, чтобы объяснить, что в стрип-клубе неловкость будет испытывать не она, но мужчины и что он мог бы, во всяком случае, задуматься об этом, позвонить Буну и организовать ей презентацию днем раньше или позже всех остальных. Через полчаса она получила ответ, короткий и по существу: ты едешь, детка, и все тут. Она глубоко вздохнула и отправилась к нему в офис.

Он разговаривал по телефону, расхаживая взад и вперед, но Коди не успела даже постучаться, как взмахом руки он пригласил ее зайти. Закрыв рукой трубку, он бросил:

– Мне нужно закончить разговор, это ненадолго.

И снова зашагал, крича:

– Черт побери, Рик, я хочу, чтобы это было сделано. Когда мы встречались на той неделе, ты заверил меня… Да. Никаких проблем, сказал ты. Никаких, блин, проблем! Так что сделай это, найди способ.

Он с грохотом швырнул трубку, покачал головой и переключился на нее.

– Коди, что ты хотела? Если насчет Атланты, я не желаю об этом слышать.

– Винс…

– Бун не дурак. Он тащит людей в этот стрип-клуб, потому что любит наблюдать, как они себя ведут под давлением. Ты лучшее из того, что у нас есть, ты же знаешь. Просто будь собой, и все будет в порядке. Устрой ему хорошую презентацию и не строй из себя герл-скаута, когда начнут показывать сиськи. Сможешь ты это пережить?

– Мне только не нравится…

– Господи Иисусе, Коди. Непохоже, чтобы ты до сих пор никогда не видела голых женщин. Ты хочешь стать вице-президентом? Скажи мне только: да или нет?

Коди вздохнула.

– Да.

– Рад слышать. А теперь марш отсюда.

«Золотой Ключ» был словно иной мир: прохладный, благоухающий фруктовыми нотками пива, шумный, с низкими басовыми звуками, от которых у нее завибрировало в животе; с темными углами и ярко освещенной сценой в центре, с тремя хромовыми шестами и лазерными стробами. Танцевала лишь одна женщина. Было еще только начало седьмого, но зал уже наполовину заполнился. Кто-то где-то курил дорогие сигары. Интересно, кому клуб заплатил за такую возможность.

Бун распорядился сдвинуть вместе два столика у самой сцены, неподалеку от центрального пилона. Парень из Нью-Йорка сел слева от Буна, Дейв – справа. Коди заняла место с краю, вне поля зрения Буна. Ей следует быть невозмутимой и ироничной во всех своих словах и поступках. Непробиваемой.

Новая танцовщица: рыжие волосы до плеч, закрывшие лицо, когда она закрутилась вокруг правого пилона. На ней была юбка величиной с ремень и шестидюймовые каблуки из полупрозрачного пластика, украшенные неприлично розовыми цветочками. Без шеста она, наверное, не смогла бы даже стоять. Однако выделывает кое-что интересное задницей, подумала Коди и украдкой провела пальцем по верхней губе. Слава богу, сухо. Очко в их пользу за кондиционирование воздуха.

Нью-Йорк тронул ее за руку. Он ткнул большим пальцем в сторону Буна, который подался вперед, и прокричал:

– Что вы желаете выпить?

– Какая разница?

Он осклабился.

– Здесь не подают забродивший виноградный сок под видом шампанского. Заведение подходит к выбору напитков серьезно.

Превосходно.

– «Маргариту». С солью.

Если коктейль достаточно кислый, ей не захочется глотать его.

Танцовщица повисла на шесте вниз головой и расстегнула лифчик. Ее груди выглядели произведением современного искусства, почти что архитектурным.

– Боже мой, – отметила Коди, – да это же Святая София.

– Что? – выкрикнул ньюйоркец. – Ее зовут София?

– Нет, – закричала Коди в ответ, – ее груди… Неважно.

– Искусственные, – кивнул ньюйоркец.

Появились напитки, поданные блондинкой, на которой не было ничего, кроме пурпурных бархатных стрингов и улыбки. Она обращалась к Буну «миленький» – он был завсегдатаем, а к Коди – «дорогуша».

Коди сумела оторвать взгляд от невероятных сосков достаточно надолго, чтобы отыскать долларовую бумажку и бросить ее на поднос с напитками. Двое мужчин засовывали свои презенты под джи-стринг: пятерку и десятку. Блондинка, уходя, подмигнула Коди. Ньюйоркец заметил это и ухмыльнулся. Коди попробовала свою «Маргариту»: кислятина. Она все равно сделала глоток.

Музыка изменилась, теперь это был ритмичный ремикс мэм-музыки: Slowhand группы Pointer Sisters. Басовая тема шла непрерывно, сдавливая живот Коди, будто теплая рука. Она облизнула губы и сосредоточилась на своем напитке. Левый пилон заняла другая танцовщица, с мягкими черными кудрями, а рыжеволосая переместилась на четвереньках в центр сцены и оказалась прямо перед их столом, медленно вращая попой, поглядывая на них через плечо, щурясь, словно кошка. У Буна, Дейва, у всех парней в руках были купюры: «О-о, крошка, у меня есть то, что тебе нужно». Рыжеволосая медленно пятилась к ним, выгибая спину в мнимом экстазе – но заходящем не настолько далеко, чтобы не заметить самую крупную купюру: двадцатку Буна. Она позволила подразнить себя ею, пощекотать купюрой внутреннюю поверхность бедра и провести по груди вокруг соска, прежде чем оттянуть пояс псевдоюбки и спрятать туда двадцатку. Остальные, вероятно, и не заметили, что она собрала у них деньги по очереди – двадцатку Буна, десятку Дейва, две пятерки. Потом танцовщица переместилась вправо, к толпе хипстеров, просидевших здесь дольше, чем нужно: двое из них размахивали пятидесятидолларовыми бумажками. Танцовщица изобразила совокупительные движения перед купюрой, находившейся на уровне ее таза. Она потрясающе владела своими мышцами. Нью-Йорк рядом с Коди с трудом сглотнул и полез за бумажником. Но было поздно. Хипстер широко ухмылялся, а танцовщица коснулась его щеки, склонила голову набок, что-то сказала. Он встал, и под одобрительное гиканье приятелей они с рыжеволосой скрылись за тяжелой матовой стеклянной дверью в дальней части зала.

«О, крошка…» Лицо Дейва было теперь скорее красным, чем загорелым. Он вытянул из бумажника пятидесятку, похрустел ею,

сложил вдоль и поманил оставшуюся танцовщицу.

– Эй, кудрявая, иди и получи ее!

– Да! – тенором подхватил Нью-Йорк.

Портленд и Бостон, казалось, были поглощены своими напитками.

Бун поймал взгляд Коди и слегка улыбнулся. Она пожала плечами и развела руками, словно говоря: ну это же их деньги, – и он улыбнулся снова, на этот раз с оттенком скептицизма. Ах, черт.

– Дорогуша? – официантка в бархатном джи-стринге подошла вплотную и склонилась над Коди, сосками взъерошив ей волосы и мазнув по щеке.

Коди взглянула в ее выцветшие голубые глаза и отыскала десятидолларовую банкноту. Она с улыбкой засунула ее под стринг на бедре женщины и поманила пальцем, чтобы та снова склонилась к ней поближе.

– Я сочла бы за личное одолжение, если бы вы принесли мне еще один такой же чудесный коктейль, – сказала она женщине на ухо, – но без текилы.

– Все, что угодно. Но мне все равно придется посчитать по полной стоимости.

– Разумеется. Главное, чтобы он выглядел как надо.

Коди мотнула головой в сторону остальных.

– Предоставьте это мне, дорогуша. Я состряпаю для вас самую натурально выглядящую «Маргариту» во всем Дикси. Они будут сражены, сражены начисто вашей стойкостью. Это будет наш маленький секрет.

Она нежно погладила руку и плечо Коди, провела тыльной стороной ладони по ее груди.

– Меня зовут Мими. Если вам понадобится еще что-нибудь, потом.

Она одарила Коди знойным взглядом и направилась к бару. Кожа на ее играющих ягодицах выглядела неестественно гладкой, будто фарфор. Косметика, решила Коди.

Кудрявая заметила пятидесятку Дейва и теперь возлежала перед их столом на спине. Коди она представлялась роботом с заглючившей программой, подчиняющимся безумным командам: сжать, разжать, выгнуться дугой, дернуться в эту сторону и в ту. Тот, кто создавал ее, хорошо поработал над мускулами: каждый на виду, округлый, налитый силой, мягкий на ощупь. Какая досада, что создателям не хватило воображения на выражение лица и способностей, чтобы заронить хоть какую-нибудь искорку в ее глаза.

Груди, закачавшиеся у нее перед носом, возвестили о

прибытии безалкогольного коктейля. Она выудила из портмоне десятку и потянулась к набедренной повязке Мими.

Официантка отступила на полшага, отложила поднос и обеими руками свела свои груди вместе.

– Может, предпочтешь положить ее сюда, дорогуша?

Коди моргнула.

– Можно засовывать ее медленно. Тогда, возможно, мы сможем познакомиться получше.

Но глаза ее, как и у робота, оставались пустыми.

– Ты чересчур горяча для меня, Мими.

Коди сунула купюру в джи-стринг и постаралась не чувствовать полыхнувшую в Мими ненависть. Она пригубила напиток и украдкой благоразумно заглянула в свой бумажник. Все это обходилось компании в целое состояние.

Бун с бесстрастным выражением лица наблюдал за Дейвом и ньюйоркцем. Потом он с любопытством взглянул в ее сторону. Приглашение к разговору?

Она поднялась. И повернулась взглянуть на сцену как раз в тот миг, когда длинноволосая женщина в ковбойских ботинках вышла к центральному шесту.

До сих пор для Куки все шло как обычно, и голеностоп вел себя лучше, чем она ожидала. Ботинки помогли. Она не могла вспомнить, когда сделала для себя эту пометку, «Ковбои и индейцы!», но это было внушено ей свыше. Она на автопилоте извивалась, и сгибалась, и надувала губы, и выпячивала грудь. Может, сделать рентген лодыжки? Нет. Это просто растяжение. Две таблетки ибупрофена и немного льда, и все будет в порядке.

Приличная толпа для вечера вторника. Есть и щедрые транжиры, но Джинджер уже раскрутила их на четыре приватных танца. Ну что же, всегда найдутся еще мужчины, у которых денег больше, чем здравого смысла. Она бросила взгляд за кулисы. Дэнни держал ее шляпу. Он кивнул. Она двигалась автоматически, отсчитывая про себя, и едва из колонок донеслись первые свистки саундтрека Морриконе к фильму «Хороший, плохой, злой», она вскинула руку, поймала шляпу и нахлобучила ее на голову. О-о, малышка, отлично сегодня, отлично. Она улыбнулась и медленно двинулась на авансцену. Женщина за первым столиком стояла. Куки заметила вспышку очень дорогих часов, и без какой-либо видимой причины ее захлестнула уверенность, что сегодняшний вечер и впрямь будет очень удачным. Куки, крошка, сказала она себе, сегодня ты станешь богатой.

И, увидев эту шляпу, эту важную походку, Коди позабыла про Буна с его контрактом, про свою непробиваемость, позабыла обо всем. Танцовщица была хороша, гибкая и нежная, сильная, как лань. Стразами на ее шляпе было выложено имя, Куки, и еще на девушке были крошечный топик из оленьей кожи с бахромой, и нечто вроде набедренной повязки – лоскутки замши, свисающие с талии спереди и сзади, но не с боков, – и устрашающие шпоры на ботинках. Она взглянула прямо на Коди и улыбнулась, и ее глаза не были пустыми.

Частью разума Коди понимала, что Бун видел, как она встала, и теперь он наблюдает, как она смотрит на эту танцовщицу, и что ей нужно остановиться, или сесть, или перейти к Буну на другой конец стола, но другая ее часть – та, что любила выпить в барах для байкеров, тусоваться ночь напролет под вопли Acid Girls из динамиков до последнего цента в кармане, та часть ее, которая загрузила свой пикап и, покинув Флориду, проделала за рулем весь путь до Западного побережья, когда ей было всего девятнадцать, которая висела однажды, зацепившись лишь коленями, на балконе девятого этажа, для того лишь, чтобы доказать, что она это может, – этой ее части не было дела ни до чего, кроме женщины с длинными каштановыми волосами.

Волосы были прямыми, как у индианки, и заканчивались на дюйм выше края набедренной повязки, и по движениям девушки было понятно, что шляпа и шпоры – это трофеи, снятые с мертвого мужчины. Когда танцовщица провела руками по телу, Коди знала, что в них зажаты ножи. Когда мужские голоса завели свой ритмичный речитатив, она увидела, как эта женщина скачет по равнине, спрыгивает с коня и на ходу срывает с себя одежду.

Музыка сменилась, но вновь забили барабаны, и теперь Куки склонилась, словно девушка над прудом, приспуская бретельки топика с плеч, достаточно, чтобы наполовину обнажить грудь, но не до конца, и она задумчиво коснулась своих грудей и принялась наносить на них боевую раскраску. Разрисовав все, что было видно, она спускала оленью кожу все ниже, так что каждая грудь покоилась, будто плод сатсума[57], на мягком основании, потом она повернулась спиной к публике, перекинула волосы через плечо и изучила отражение своих ягодиц в воде. Она легонько повернулась, так и этак, приподнимая задний замшевый лоскут – один краешек, потом другой, отпустила его, раздумывая, проверила каждую ягодицу на ощупь, словно решая, как раскрасить ее. Потом она разгладила оленью кожу обеими ладонями, так что та туго натянулась, и оценила результат. Нахмурилась. Провела указательным пальцем вдоль джи-стринга.

Улыбнулась. Она выставила зад, пару раз вильнула им, засунула большие пальцы за поясную ленту джи-стринга и сдернула его прочь. Набедренная повязка осталась на месте. Топик по-прежнему был зажат у нее под грудями.

И маленькой лесби это нравилось, Куки знала. С нежной, как крем, улыбкой, приближаясь в танце, она видела, как пятна румянца расползаются по щекам женщины, как приоткрываются ее губы и расслабляются сжатые в кулаки пальцы. Профессиональный маникюр, красивый покрой одежды, туфли ручной работы. Мужчины в зале превратились в досадную помеху. Вот ее приз.

Один из мужчин за столом потянулся и просунул двадцатидолларовую бумажку между сыромятным ремешком набедренной повязки и ее бедром, но Куки едва перевела на него взгляд, обращенный к женщине. Двадцать здесь, пятьдесят там – невелика разница по сравнению с этим. Для тебя, одними губами произнесла она и, чуть повернувшись, напрягла все мышцы, потом сняла шляпу, завела руку за спину и откинула кверху полотнище набедренной повязки.

Она слышала, как кто-то кричит – высокий краснолицый парень с пятидесятидолларовой купюрой в руке, – но продолжала, не отрываясь, смотреть на женщину.

А потом музыка изменилась, и Джинджер возвратилась с приватного танца, и Куки увидела, как Кристи рука об руку со своей лощеной добычей намереваются удалиться в заднюю комнату, и значит, ей пора было надеть обратно кое-что из одежды и работать дальше.

Пять минут, беззвучно сказала она женщине.

Куки, думала Коди, пока танцовщица вновь опустила на место замшевый лоскут, грациозно выпрямилась и снова надела шляпу. Куки. Она смотрела, как Куки уходит со сцены, унося с собой все тепло и свет. Коди следует пойти за ней, разве нет? Пять минут, сказала она.

– Сука! – снова взревел Дейв. – Мои деньги для тебя недостаточно хороши? Чертова… Да пошел ты!

Он сбросил руку Буна со своей руки, потом понял, что натворил.

– Блин. Это… Это просто… Ну, вы же знаете, как это бывает. Но пятьдесят баксов…

– Черт, Дейв, может, она поняла, что это фальшивка, – весело воскликнул Бун.

Дейв выдавил смешок и засунул купюру в карман.

– Ну да, а может, просто не знает цифр.

Бун рассмеялся, но все за столом расслышали пренебрежительные нотки в его голосе.

– Пожалуй, друзья, на сегодня хватит.

Но Коди не слушала, потому что перед ней стояла Куки: без шляпы, замша и джи-стринг снова на своих местах.

– Ладно, парни, похоже, Коди мы потеряли, – рассмеялся Бун, совсем другим смехом, чем во время разговора с Дейвом. – Эй, девочка, позаботься о такси до дома, слышишь? Назови швейцару мое имя. Пошли, парни, мы уходим.

– Коди. Это твое имя? – спросила Куки, беря ее за руку.

Коди молча кивнула.

– А я Куки. Как хорошо встретить здесь женщину.

Еще один кивок. «Как дела?» – хотелось сказать Коди, но это было бессмысленно.

– Хочешь потанцевать со мной? Только ты и я, приватно?

– Да.

– Нам нужно заплатить за комнату.

– Да.

– Я люблю танцевать с женщинами. Это заводит меня, просто приводит в восторг. Я понимаю, чего хотят женщины, Коди. Хочешь, я покажу тебе?

– Да, – ответила Коди, слегка удивившись, что ноги еще достаточно слушаются ее, чтобы последовать за Куки в дверь из матового стекла.

Полночь. Гостиничный номер. Коди сидит на кровати, слишком возбужденная, чтобы лечь. Уличный фонарь светит из-за незадернутых портьер, заливая комнату желтым натриевым сиянием. Кондиционер рычит, выбиваясь из сил, но ее кожа горит огнем. Куки. Губы Куки, бедра Куки, щека Куки, и подбородок, и живот. Ее бедра, и попа, и груди. О, ее груди, их мягкая тяжесть на ладонях Коди.

Она поднимает руки, переворачивает их ладонями кверху и пристально разглядывает. Они такие же, как всегда. Она отводит взгляд, задумчиво растирая запястья. Куки.

Прекрати. Что за чертовщина с ней приключилась? Она сходила в стрип-клуб и поимела секс за деньги. В первый раз, о'кей, так что некоторого смущения можно было ожидать, но это все грязно, а не романтично. С ней работала профессионалка, и ее развели на сотни долларов. О боже, и Бун… Она выставила себя законченной идиоткой.

Почему же она чувствует себя такой счастливой?

Коди, ты такая красивая, сказала она. О да, да, не

останавливайся, Коди. Отдайся мне, отдайся мне вся. И Коди отдавалась. И Куки тоже… Куки была безупречна. Она понимала все и все предугадывала. Что сказать, что сделать, когда польстить и подстегнуть, когда улыбнуться или быть покорной, когда подбодрить, когда не поддаваться. Словно читала мысли. И она тоже почувствовала что-то, Коди знала это. Почувствовала. Невозможно сымитировать эти расширившиеся зрачки, этот румянец, эту блестящую россыпь пота и эту роскошную влагу. Или возможно?

Боже. Она сходит с ума. Коди потерла лоб. Куки – профессионалка, и все это было ненастоящим.

Она встала. Шерстяной ковер колол босые ноги. Это была реальность. Ее одежда болталась на спинке стула возле письменного стола; она провоняла сигарным дымом. Невелика потеря. Коди все равно понятия не имела, почему выбрала эти широкие брюки. Она не надевала их около года. Если подумать, и эти дурацкие часы она не носила примерно столько же. Куки ненавидит запах сигар, так она сказала, расстегивая…

Прекрати. Прекрати немедленно.

Она перенесла брюки на кровать и вытряхнула из карманов чеки. Восемь чеков. Она заплатила за восемь приватных танцев, и плюс чаевые… Боже. Арендная плата за два месяца. О чем она только думала?

Мы должны заплатить за комнату, говорила Куки, но я верну тебе половину. Потому что я не в силах ждать. О, Коди, пожалуйста. Я хочу тебя снова.

– Черт побери все!

Собственная ярость вдруг напугала ее, и она затихла, прислушиваясь. В соседних номерах ни шороха, ни звука.

Дай мне номер твоего телефона в гостинице, сказала Куки. Я позвоню тебе завтра. Такого никогда раньше не было. Это реальность.

А если это было… Она может перенести дату вылета. Как-нибудь объяснит Винсу.

О господи! Тот великий контракт растаял во вспышке похоти. Винс ее убьет.

Но зато, о, у нее было почти три часа секса, лучшего за всю ее жизнь. Все было именно так, как она воображала в своих фантазиях. Я знаю точно, чего ты хочешь, сказала Куки и доказала это.

Но Коди знала тоже, вот в чем дело. Она знала, когда хриплое дыхание и сжимающиеся кулаки означают, что теперь пришла очередь Куки, что теперь Куки хочет, чтобы ее трогали, хочет нарушить все личные и клубные правила, чтобы ею

овладели прямо на спинке кресла, просто ради удовольствия.

Коди сгребла чеки в кучу. Она никак не могла понять. Она платила за секс. Это не было романом. Но она чувствовала, как напрягались влагалищные мышцы Куки, ощущала эту дрожь в ее промежности, эти схватки и спазмы оргазма. Они не были поддельными. Во второй раз, во всяком случае, не были.

Коди дрожала. Кондиционер наконец начал действовать. Она растерла застывшие ноги. У Куки ноги длинные и красивые и каждый ноготок покрыт прозрачным лаком. Она сказала, что подвернула лодыжку. Коди держала эту лодыжку в руках, целовала ее, гладила, улыбка Куки была прекрасна.

– Как ты растянула ее? – спросила Коди.

И Куки рассказала ей про падение с высоты пяти футов со стены для скалолазания, и они поговорили о скалолазании и рафтинге, и Коди поведала ей о том, как ей было семь лет, и она увидела Цирк дю Солей и захотела стать артисткой на трапециях, и от этого они перешли к теме брюшного пресса, а от нее – снова к сексу.

Она прошлепала в ванную, по-прежнему не заморачиваясь насчет света. Едва она поднесла ко рту зубную щетку, запах, исходящий от пальцев, заставил непроизвольно напрячься все ее мускулы. Она выронила зубную щетку, склонилась над раковиной и зарыдала.

Синее, синее утро Атланты. Коди не спала. Завтракать не хотелось. Ее рейс в четыре пополудни.

Она лишилась контракта, лишилась ночного сна, лишилась разума и самоуважения и спустила в унитаз арендную плату за два месяца. Она никогда больше не увидит Куки – и непонятно, почему это ее так волнует.

Зазвонил телефон. «Куки!» – подумала она, ненавидя себя за это.

– Алло?

– Ваш сотовый телефон выключен, но я позвонил Винсу во Фриско, и он сказал мне, что вы в отеле «Вестин».

Бун. Она закрыла глаза.

– Самолет у вас не раньше четырех, верно? Коди, вы тут?

– Да. Я тут.

– Если вы не слишком вымотаны, может, не будете возражать заглянуть ко мне в офис? Мы накормим вас ланчем.

– Ланчем?

– Ну да. Знаете, такая еда. Что, на Западном побережье не едят ланч?

– Едят. Я имею в виду: зачем?

Он хохотнул.

– Потому что нам нужно утрясти кое-какие детали этого контракта. Ну, скажем, к одиннадцати тридцати?

– Да, отлично. Хорошо, – брякнула она наобум и положила трубку.

Она уставилась на свой чемодан. Одежда. Ей нужно переменить одежду. Неужели он действительно отдает ей контракт?

Телефон зазвонил снова.

– Алло? – нерешительно произнесла она, ожидая услышать кого угодно, от господа бога до самого дьявола.

– Привет, Коди. Это я.

– Ричард?

– Да. Послушай, как дела?

– Я не… Дела… – Она набрала в грудь побольше воздуха. – Я получила контракт.

– Здорово, просто великолепно. Но как прошел вчерашний вечер?

– Господи, Ричард, я не могу болтать сейчас. У меня нет времени. Я уже на полпути к Буну, доглаживаю последнюю тряпку. – Ей нужно все обдумать. – Я позвоню тебе через недельку-другую, хорошо?

– Нет, Коди, подожди. Только не делай ничего, что ты…

– Потом, ладно?

Она бросила трубку на рычаг. Как он догадался позвонить в «Вестин»? Почему его заботит, как она провела вечер? Она снова потерла лоб. Еда может помочь при контракте. При головной боли, хотела она сказать. И расплылась в улыбке: контракт. Она чертовски ловко выиграла этот контракт. Она точно получит огромный бонус. Она точно станет вице-президентом. Она точно опоздает.

В ванной она подняла зубную щетку, смыла с нее грязную пасту и решительно отказалась думать о прошлой ночи.

Куки позвонила в отель.

– Это Коди. Оставьте сообщение, или перезвоните мне на мобильный, – и дальше цепочка цифр, начинающихся с 216. Сан-Франциско. Все верно. Прошлой ночью она говорила Куки: Сан-Франциско с его туманом, и горы, и большой эспрессо воскресным утром.

Может, все к лучшему. Что-нибудь затушит этот жар Атланты.

Буну хотелось не столько обсуждать детали, сколько смеяться, и подливать кофе, и учить Коди есть сэндвич «по-бой». В конце концов, если они собираются работать вместе, им следует

познакомиться получше, разве он не прав? И никаких упоминаний о стрип-клубах или приватных танцах почти до самого конца, когда он подписал письмо о намерениях, протянул его ей и сказал:

– Мне нравится, как вы себя ведете. Возьмите хоть этого парня из Остина, Дейва. Никакого воспитания. Неумерен в выпивке, не может держать себя в руках и называет женщин по именам при всех. Но вы: никакой похвальбы, никаких пышных фраз, вы просто сидите тихонько, а потом вцепляетесь в подвернувшуюся возможность.

Он лукаво улыбнулся.

– Поступайте так же и в бизнесе, и мы с вами кое-что заработаем.

И теперь, когда спина Коди еще помнила его дружеское похлопывание, в сумке для ноутбука лежало письмо, а лицо ее, ожидающей машину чтобы ехать в аэропорт, согревало солнце, она начала каким-то образом забывать о своем смятении. У нее был великолепный секс, она заложила основу для выгодных рабочих отношений, ей тридцать один, и она вот-вот станет вице-президентом, и ее даже не мучает похмелье.

Пришла машина, и Коди забралась в прохладный салон в зеленых тонах.

Целых десять минут она позволяла миру за окнами скользить мимо, прежде чем достала письмо о намерениях. Она перечитала его дважды. Энергичная подпись. Упоительный ряд нулей перед десятичной точкой. Если все останется как есть, один этот контракт позволит им держаться на плаву, пока они не отыщут еще несколько источников дохода. И это сделала она. И никто другой. Она была чертовски хороша! Кому-нибудь следовало бы устроить для нее грандиозный праздничный ужин.

Она достала телефон, покрутила его в руках. Уровень сигнала менялся по мере того, как машина перемещалась от соты к соте. Кому бы позвонить? Ни один человек в здравом уме не пожелал бы обедать с Винсом. Ричард лишь захочет узнать все подробности, а она пока не желает говорить об этих самых подробностях; и в любом случае, он в Каролине. Полная задница.

Прием внезапно стал уверенным, и ее телефон пискнул: голосовое сообщение.

– Привет. Это Куки. Я знаю, ты не выходишь раньше полудня. Если ты… Я знаю, это странно, но прошлая ночь была… Черт. Слушай, может, ты мне не поверишь, но я не могу перестать думать о тебе. Я хочу увидеть тебя, ладно? Я буду в парке, том, про который я тебе говорила. В Пидмонте. На скамейке около озера. Я сейчас иду туда, и я жду. Надеюсь, ты придешь. Я

принесу пончики. Ты любишь пончики? Я буду ждать. Пожалуйста.

О-о-о, ты другая, о-о, ты совсем особенная, о-о, сделай это, детка, просто заплати еще тысячу долларов, и я буду любить тебя вечно. Непременно. Но голос Куки звучал так тихо, так неуверенно, словно ее слова были правдой. Но так, разумеется, и должно быть. Такова ее жизнь: притворяться и играть. Используя людей.

Лицо Коди начало покалывать. Если честно, сказала она себе, кто кого здесь на самом деле использовал? Кто отхватил большой контракт, кто получил в точности то, чего хотел: грандиозный секс безо всяких хлопот, ну, и по соответствующей цене.

Все это очень запутанно. Она так устала. Она уезжает. В любом случае, уже поздно, думала она, пока машина плавно скользила по автостраде.

Женщина сидит в одиночестве на скамейке, быть может, ей жарко, быть может, хочется пить, хочется принять ванну. Она боится встать и пойти в туалет, а вдруг пропустит того, кого она ждет. Быть может, сладкий аромат пончиков напомнил ей, что она голодна, но она не станет есть их, потому что хотела подарить их, всю дюжину, во всем великолепии, своей любимой, увидеть ее счастливую улыбку. Она будет колупать облупившуюся краску деревянной скамейки и вскидывать глаза всякий раз, когда кто-нибудь, похожий на Коди, проходит мимо, и всякий раз снова разочаровываться. В ее жизни приключилась одна волшебная история, весьма похожая на чудо, но горячее упитанное солнце спускается все ниже, и она понимает, что это чудо, эта мечта должна умереть, потому что та, на которую она возлагала все свои надежды, испугалась, не слишком ли глупо она будет выглядеть. Или не захотела признаться, что использовала женщину для секса и вышвырнула ее прочь.

Коди прищурилась, взглянула на часы. Она подалась вперед и кашлянула.

Водитель взглянул на нее в зеркало.

– Мэм?

– Где находится парк Пидмонт?

– К северо-востоку от центра.

– Мы проедем мимо него по дороге в аэропорт?

– Нет, мэм.

Она сошла с ума. Но единственное, что ждет ее дома, – банка с рыбкой.

– Отвезите меня туда.

Без шляпы и ботинок, в джинсах, сандалиях и топике на бретельках, какой Коди и сама могла бы носить, Куки выглядела

юной. Это подтверждал и язык ее тела. Волосы были заплетены в косу. Она перебрасывала ее с плеча на плечо, ерзая на скамейке и озираясь по сторонам. При виде Коди на лице ее вспыхнула широкая улыбка, открытая и беззащитная.

– Сколько тебе лет? – выпалила Коди.

Лицо замкнулось.

– Двадцать шесть. А тебе?

– Тридцать один.

Коди не стала садиться. Они смотрели друг на друга.

– У меня лицо запачкалось?

– Нет. Прости. Оно выглядит… ты выглядишь иначе.

– Ты ожидала, что в свой выходной я буду одеваться так же, как там?

– Нет! Нет. – Но отчасти она ждала этого. – Ну вот. У тебя часто бывают выходные?

Короткий смешок.

– Не могу себе этого позволить. За них не платят. Ни зарплату, ни страховку, ни в пенсионный фонд, ни в счет оплачиваемого отпуска.

Коди покраснела.

– Зарабатывать по две тысячи баксов за ночь – не худший вариант.

– Я их стоила?

Ее запах заполнил рот Коди. «Да!» – хотелось ей крикнуть. Да, и еще в сто раз больше. Но это не имело смысла, поэтому она просто продолжала стоять.

– Ты заплатила двадцать две сотни. Заведение снимает шестьдесят процентов. Из моих восьмидесяти восьми Дэнни забирает еше двадцать процентов, и – нет, он охранник, а не сутенер, а я никогда не делала этого до прошлой ночи. И – нет, я не жду, что ты поверишь мне. Потом еше костюмы, прическа, эпиляция, косметика… – Она откинулась назад, раскинув руки по спинке скамьи. – Вот ты скажи… Три часа кряду трахаться с совершенно чужим человеком – стоит это пяти сотен долларов?

Ее рот растянулся в вымученной улыбке, но глаза блестели. Она закинула лодыжку на колено другой ноги.

– Как твой голеностоп, еще болит? – Слова будто выскочили сами.

Куки отвернулась, пару раз моргнула. Коди оказалась на коленях перед скамьей.

– Куки? Куки, не плачь.

– Сюзанна, – сказала она, все еще отворачиваясь.

– Что?

– Сюзанна. Это мое настоящее имя. Сюзанна Херрера. – Она

свирепо уставилась на Коди. – Я Сюзанна Херрера. Я танцовщица, а не шлюха, и я хочу знать, что ты сделала со мной.

– Что я?..

– Я танцую. Я дразню, я намекаю. Вам это нравится, вы даете мне деньги, и это нравится мне. Время от времени я танцую приватный танец, но всегда по правилам: руки на подлокотниках, в одежде, немножко коснуться, немножко потереться, потому что мне нужны дополнительные деньги. Я танцую, вы платите. Это моя работа. Но это, это не работа! Я не знаю, что это. Это безумие.

Я позволила тебе… – Ее щеки побурели. – И я сделала бы это снова, и не за деньги. Просто так. Безумие. У меня такое чувство… Как будто… Я даже не знаю, как сказать! Я хочу говорить с тобой, слушать, как ты рассказываешь про свой бизнес. Я хочу увидеть твой дом. Я всю ночь не спала. Думала о тебе: твоя улыбка, твои руки, как остро я чувствовала, что дарю тебе наслаждение, как тепло мне было в твоих объятиях. И мне страшно.

– Мне тоже, – сказала Коди, и ей действительно было страшно, очень, потому что она начинала догадываться, что с ними случилось, и все это выглядело как очень скверная шутка.

– Тебе-то не страшно.

Сюзанна скрестила руки на груди и снова отвернулась.

– Страшно. Ку… Сюзанна, ты что же, думаешь… Черт. Нелепо даже говорить об этом. Посмотри на меня. Пожалуйста. Спасибо. Ты что же, думаешь, что я…

Она не могла выговорить это. Она не верила.

После долгой паузы Сюзанна выдавила:

– Танцовщицы не влюбляются в клиентов.

Это задело.

– Клиенты не влюбляются в шлюх.

– Я не…

– Я тоже.

Они уставились друг на друга. У Коди зазвонил телефон. Она, не глядя, выключила его.

– Мое полное имя – Кэндис Марсинко. Сегодня после обеда я должна лететь обратно в Сан-Франциско, но смогу вернуться в Атланту в конце недели. Мы могли бы, ну, знаешь, разговаривать, сходить в кино, погулять в парке.

Боже, кажется, она перебрала все банальности до единой. Она попробовала снова.

– Я хочу встретиться с тобой, познакомиться с твоей кошкой.

– У меня нет кошки.

– Тогда с твоей собакой.

Кончай этот детский лепет. Но она не могла.

– Я хочу узнать, давно ли ты живешь в Атланте, и что из еды любишь, и победят ли, на твой взгляд, «Смельчаки»[58] вечером, и хорошо ли тебе спится в моих объятиях.

Она чувствовала себя идиоткой.

Сюзанна некоторое время смотрела на нее, потом взяла стоящую рядом коробку.

– Ты любишь Krispy Kreme [59]?

Когда Коди вновь включила телефон в аэропорту, там было сообщение от Ричарда: «Позвони мне, это важно». Но ей нужно было бежать на самолет.

В воздухе она склонилась головой к иллюминатору и слушала гул двигателей.

Сюзанна, сидящая на скамье до самого заката, размышляющая о том, что любовь – это для богатых.

Палевый лабрадор пробегает мимо, вывернув голову в попытке увидеть собственное ухо. Из пасти вывален язык, радостный и розовый. Собаки любят. Собаками владеют.

Она рвет на кусочки последние три пончика и бросает их уткам.

В четверг Винс и вся управленческая команда чествовали Коди шампанским. Она воспользовалась возможностью и отпросилась на пятницу и еще на два дня в начале следующей недели. Винс не мог сказать «нет», не выглядя при этом мелочным, поэтому объявил ей, что вице-президентам не нужно спрашивать разрешения.

Вице-президент. Она широко улыбнулась и на мгновение почувствовала себя почти нормально. Вице-президент. Круто.

В пятницу утром она только вышла из душа, как раздался звонок в дверь. Она так изумилась, что едва сообразила надеть халат перед тем, как открыть.

– О, картинка просто на диво.

– Ричард!

– Не то чтобы я не оценил твой жест, но не могла бы ты затянуть потуже этот пояс, по крайней мере пока мы не выпьем кофе? Вот, пожалуйста, латте, двойной большой, два процента.

Она пошла одеваться. Когда она вернулась, вытирая волосы полотенцем, он удобно устроился на диване, закинув лодыжку на колено, точно как Сюзанна в парке.

– Завидую твоему лесбийскому умению устраиваться с комфортом.

Она повязала полотенце вокруг шеи, села и отхлебнула латте.

– Перефразируя тебя же, не то чтобы я не оценила этот кофе,

но… какого черта ты здесь?

Он выложил свой телефон на стол рядом с ее чашкой.

– Помнишь это?

– Твой телефон?

Он достал из футляра для ноутбука флешку и бросил выразительный взгляд на нее, потом на Коди.

– Ричард, у меня были просто безумные несколько дней, и в четыре у меня самолет. Быть может… – Быть может, она сошла с ума, быть может, она отменит… – В любом случае, не мог бы ты сразу перейти к делу?

– Пей свой кофе. Он тебе понадобится. И расскажи мне, что произошло во вторник вечером. – Он выставил перед собой ладонь. – Просто расскажи мне. Потому что я предполагаю, что ты провела бурную ночь с юной красоткой по имени Куки.

Она долго-долго молчала.

– Сюзанна, – произнесла она наконец.

– А. Вы зашли настолько далеко? Сюзанна Херрера, двадцать четыре…

– Двадцать шесть.

– Двадцать четыре. Поверь мне. Мать Антония Херрера, отец неизвестен. Общинный колледж Данвуди, бакалавр по деловому администрированию – ох и лицо у тебя – и один арест за хранение запрещенных веществ. Здорова как бык. В настоящий момент не принимает ничего, кроме противозачаточных пилюль.

– Пилюль?

– А что?

– Ничего. Продолжай.

– Случаи лекарственной аллергии неизвестны, хотя отмечена удивительная толерантность к некоторым веществам, например тиопенталу натрия[60] и терпазина гидрохлориду.

Коди уловила нечто, понятное ей.

– Погоди. Я знаю этот препарат. Это же…

– RU-четыреста восемьдесят шесть для памяти. Он самый.

– О господи, Ричард, ты же не давал ей этого! Ты не заставил ее забыть все, что было!

– Не то, что было во вторник.

Коди озадаченно умолкла.

Он вставил флешку в ноутбук и повернул экран, чтобы она могла видеть иконки звуковых файлов.

– Все станет понятно, когда ты прослушаешь это.

– Но у меня нет времени. У меня самолет…

– Если в Атланту, то ты захочешь отменить вылет. Просто послушай. Потом я отвечу на вопросы.

Он запустил запись.

– …ни случилось, обещаю, что никто никогда не услышит этой записи, кроме тебя.

– Звучит прямо-таки зловеще.

При звуке собственного голоса она подпрыгнула.

– Что…

– Ш-ш.

– …скорее, вопрос, хм, вопрос этики.

– О боже, Ричард. Ты просто истеричка.

Пауза. Звяканье.

– Я тоже занимался Атлантой. Как и ты, я прекрасно понимаю, что будет после того, как ты проведешь свои презентации для Буна.

– «Золотой Ключ».

– …но мне нужно знать от тебя, можешь ты или нет пойти на то, чтобы выплатить наличными крупную сумму, тысяч, скажем, до пяти, чтобы заполучить этот контракт.

Он нажал на паузу.

– Заказать что-нибудь?

– Нет.

Пищевод Коди сжался намертво. Она едва могла глотать собственную слюну, не то что латте. Но картон в ее руке был теплым и гладким, успокаивающим, а за спиной Ричарда безмятежно плавала взад и вперед ее рыбка.

– Терпазин – хорошее снадобье. Мы смогли отлично рассчитать твою дозировку. Сюзанна оказалась чуть более крепким орешком. Потрясающий метаболизм.

– Ты же сказал, что не давал ей…

– В последние пару недель – нет. Но ты приняла его шесть раз, а она семь. Теперь слушай.

Шесть раз?

– …исследования памяти и ее восстановление. Очень увлекательно. В полном соответствии с работой я изучал, как люди формируют привязанности. Это все вопрос знакомости. Ты подпускаешь кого-то достаточно близко или достаточно часто, и затем твой разум действительно начинает воспринимать этого человека как друга или родственника.

Пауза.

– Есть способы для того, чтобы человеку было легче принять тебя.

Звон бутылки о стакан.

– Я уже рассказывал тебе про исследования, доказавшие, что проще простого заставить субъекта А предугадывать потребности субъекта Б и удовлетворять их.

– Ну так не рассказывай мне снова.

У нее такой самоуверенный, даже скучающий голос. Женщина, никогда даже не думавшая использовать слово «любовь».

– …дает толчок процессу ознакомления. Например, субъект А работает в книжном магазине и одинока, и в грустную минуту ей становится легче от шоколада. И в один прекрасный день появляется субъект Б, у него при себе есть шоколадка, он говорит: «Привет, у вас такой печальный вид, когда я грущу, мне помогает шоколад, не желаете ли?» – и А ест шоколад и думает: «Вау, этот Б очень чуткий, и заботливый, и так похож на меня», и поэтому он тут же зачисляется в категорию почти друзей. Устроить что-то в этом роде очень легко. Вам нужно лишь достаточно много знать про субъект А.

Достаточно много знать. Коди оттолкнула от себя ноутбук.

– Я не верю этому.

– Нет?

Коди не ответила.

– Ты сидела в том баре в Сиэтле, и ты слушала и затем подписала временный отказ от прав.

Он выложил на стол рядом с ее рукой листок бумаги. Внизу была ее подпись – немного небрежная, но ее.

– Потом ты приняла терпазин и забыла про все это.

– Такое я бы не забыла.

Он поднял руку. Другой дотянулся и перетащил ползунок громкости вправо.

– Прими таблетку.

– Ладно, ладно. – Пауза. Звяканье кубиков льда. – Господи. Какая гадость!

– В следующий раз поместим его в капсулу. Скажи спасибо, что это не вазопрессин. От того ты бы просто обблевалась. Говорю по собственному опыту.

Он остановил файл.

– Так и есть. Как бы там ни было, через неделю после Сиэтла я приехал сюда и ты подписала более надежный пакет документов. – Он протянул ей толстую подшивку бумаг. – Поверь мне, они железобетонные.

– Погоди. – Не глядя, она уронила пачку на колени. – Ты приходил сюда? В мою квартиру?

– Приходил. Я дал тебе прослушать ту же запись, что и теперь, показал тебе исходный отказ от прав. – Он кивнул на ее колени. – Ты подписала. Я дал тебе тиопентал натрия, у нас состоялся первый сеанс. Ты приняла еще один терпазин.

– Я не помню.

Ричард пожал плечами.

– Это было. – Он постучал пальцами по папке у нее на коленях. – Здесь подписанные отказы от прав на все сеансы.

– Сколько раз, ты говоришь?

– Шесть. Четыре здесь, два в Северной Каролине.

– Но я не помню!

Рыбка в аквариуме моталась туда-сюда, туда-сюда. Коди закрыла глаза. Открыла. Рыбка по-прежнему была на месте. Ричард тоже. Она могла даже вспомнить тяжесть грудей Сюзанны на своих ладонях.

– Лучше дослушай остальное. И прочти это.

Он включил запись.

– О'кей. Подумай, каково это будет, если ты много знаешь про кого-то, и вы вдруг встретитесь: ты знаешь про нее, и она знает про тебя, но единственное, что ты сознаешь, – что ценишь этого человека, и доверяешь ему, и чувствуешь свою с ним связь. Теперь представь, что может случиться, если добавить в это уравнение секс.

– Надеюсь, хороший секс.

– Наилучший. Существует множество исследований, насколько сильными могут быть сексуальные узы, в особенности для женщин. Если у женщины был оргазм в присутствии другой особы, в течение нескольких последующих дней ее гормональный фон становится повышенно чувствительным к присутствию любовника: всякий раз, как он входит в комнату, ее организм во множестве рассылает химические сигналы типа окситоцина, кричащие: «Друг! Друг!» Это верно даже в случае с теми людьми, которые, как вы разумом понимаете, не годятся для вас. Вы проделываете это с кем-то совместимым, кто подходит вам – не важно, подходит на самом деле или просто так кажется, – и возникает химическая связь с перспективой стать суперклеем для людей. Это и есть любовь: связь, которая возобновляется каждые несколько дней, пока мозг не перенастроится полностью. Итак, я хотел знать, что будет, если свести друг с другом двух сексуально совместимых людей, волшебным образом точно – точно! – знающих, чего другой хочет в постели, но не помнящих ничего про то, откуда у них эти знания…

Коди быстро нажала на паузу.

– Любовь, – повторила она. – Любовь? Твою мать, что ты сделал со мной?

– Ты сама это с собой сделала. Слушай дальше.

И она слушала. После почти часового прослушивания она взяла пачку распечаток, которые Ричард достал из портфеля.

Она взглянула на часы.

– Все еще думаешь насчет самолета?

Коди не знала, о чем она думает.

– Его можно сдать? – спросил он. – Билет?

Коди кивнула.

– Дай его мне. Я аннулирую его для тебя. Ты всегда можешь перезаказать билет на завтра. Но ты должна прочесть.

Не в силах пошевелиться, она смотрела, как Ричард берет телефон и набирает номер. Когда вызов пошел, он повернулся к ней, одними губами произнес: «Читай!» и снова отвернулся.

И она начала читать, лишь смутно замечая, как Ричард, препираясь, продвигается все выше по должностной иерархии авиакомпании.

После первой сотни страниц про субъект К и субъект С он принес ей свежий кофе. В одном месте она остановилась в смятении.

– Что?

– Не могу поверить, что говорила тебе это.

Он заглянул ей через плечо.

– О, пикантное местечко. Перестань краснеть. Я все это уже слышал. Несколько раз. Тиопентал натрия заставит рассказать все что угодно. К тому же ты не помнишь, как говорила мне это, так с какой стати смущаться?

Она взглянула на свою рыбку. Это не важно. Не важно. Коди взяла бумаги и снова углубилась в них. С таким же успехом можно покончить с этим.

Странице примерно на трехсотой он пошел на кухню приготовить ланч. Она не помнила, чтобы ела его, но, покончив к семи вечера с последней страницей, увидела, что тарелка возле ее локтя пуста, и услышала конец фразы Ричарда, звонившего в службу доставки китайского ресторанчика на углу неподалеку. Было ясно, что он уже проделывал это прежде. С ее телефона, в ее квартире. А она не помнила.

Как бы ей хотелось накормить его терпазином, чтобы он забыл все то, чего до сих пор она не рассказывала ни одной живой душе.

Она попыталась собраться с мыслями.

Он попросил у нее разрешения использовать ее в эксперименте. Это должно было означать, что ей будет комфортно в том клубе в Атланте, что она. возможно, даже неплохо проведет пару часов, и это поможет ему в работе и будет оплачено до некоторой степени ею из средств на представительские расходы. Он съездил в «Золотой Ключ», и выбрал среди танцовщиц Сюзанну как наиболее подходящую для удовлетворения ее фантазий – а он кое-что знал о ее предпочтениях по той дурацкой, дурацкой ночи в Далласе, – и

побеседовал с ней в том же духе. Только Сюзанне заплатили.

Дважды, подумала Коди. Я заплатила ей тоже.

Итак, Ричард прилетал в Сан-Франциско, был на квартире у Коди и дал ей тиопентал натрия, и она разразилась словесным поносом насчет своих сексуальных фантазий, со всеми нюансами, и подробностями, и оттенками наслаждения. В Северной Каролине она поведала ему об этих фантазиях снова, еще более откровенно, поощряемая вообразить все в мельчайших деталях, представить, что это уже произошло, а ей в это время делали функциональную МРТ и анализировали газовый состав крови.

Ричард положил трубку.

– Еда будет в течение тридцати минут.

Коди заставила себя оставаться сосредоточенной, думать, вопреки смятению.

– Для чего были нужны все эти МРТ и… – она заглянула в листок, – ТМС во время, э-э-э, воображаемых интерлюдий?

– Мы выстроили нечто вроде карты изменений активности твоего мозга и гормонального фона, что ты будешь чувствовать, если кто-нибудь в самом деле проделает все это с тобой. Нечто вроде пеленгатора суперэмпатии. От Сюзанны, разумеется. Мы давали прослушать твои слова вам обеим, одновременно с транскраниальным магнитным стимулированием для увеличения пластичности мозга – перенастройки.

– И, – она пролистала страницы до раздела, озаглавленного «Теоретические обоснования», – ты дал мне, нам, окситоцин?

– Нет. Мы хотели выделить переменные факторы. Окситоцин ты добавила сама, позже. – Он широко улыбнулся. – Это красивая часть. Все, что здесь есть, ты сделала сама. Это твои надежды, твои гормоны, твои потребности. Твои. Мы предложили кое-что каждой из вас – то, до чего вы сами могли и не додуматься: эти дорогие часы и свободная одежда, шляпа и шпоры у Куки. Но остальное – это ты и Куки, я имею в виду, Сюзанна. Но вы двое были настолько нацелены друг на друга, что если это не стало лучшим сексом в твоей жизни, я съем этот стол.

Он похлопал по крышке стола.

Она сделала сама.

– Ты не можешь опубликовать это, – сказала она.

– Это – нет. – Он взял распечатку МРТ и полюбовался ею. – Пока нам достаточно знать, что метод работает.

Она ждала от себя вспышки ярости, но ничего не случилось.

– Это реально?

– Проект? Вполне.

Проект. Она смотрела, как он собирает документы и складывает их аккуратной стопкой.

– Не проект, – поправила она. – Не ТМС, не МРТ, не терпазин. Вот это. – Она похлопала себя по груди. – Это реально?

Он склонил голову набок.

– Реальна ли любовь? Большинство людей, похоже, думает, что да. Но если ты имеешь в виду то, что ты теперь чувствуешь, я отвечу тебе: не знаю. И не думаю, что сканы смогут дать ответ. Но они могут сказать, изменилась ли ты: твои данные были на удивление очевидными. Не то что у Куки. У Сюзанны.

Он снова вытащил функциональную томограмму, полюбовался на нее еще немножко и положил обратно в стопку.

– Что ты имеешь в виду?

– Данные. Твои были совершенно последовательными. Ее… странными.

– Странными. – Ее мозг словно работал в ином измерении. Чтобы мысль оформилась, требовалась целая вечность. – Типа лжи?

– Она вообще много врала.

– Но могла ли она лгать мне? Насчет своих чувств?

Он пожал плечами:

– Откуда нам знать?

Коди уставилась на него.

– Книги, – произнесла она, силясь вспомнить то, что читала когда-то. – Там говорится, что любовь – это контур обратной связи, верно?

– В рамках индивидуальной пластичности мозга, да.

– Значит, это обоюдно. Я не могу любить кого-то, если он не любит меня. Если это любовь.

Он бросил на нее странный взгляд.

– Взаимосвязь не подтверждается данными.

Ричард помолчал и добавил уже мягче:

– Мы не знаем.

«Жалость, – поняла она. – Он жалеет меня». Она ощутила, как внутри впервые шевельнулось нечто, запрятанное столь глубоко, что она даже не могла подыскать этому определения.

– Что ты со мной сделал? Что еще ты сделал со мной?

– С тобой? Для тебя.

– Ты заставил меня испытать некие чувства к женщине, которая трахается за деньги. Которая помешана на деньгах.

– Как и ты, если хорошенько подумать. То же самое.

– Я – нет.

– Вот как, ты что, сделала это из любви к науке?

Коди сменила тактику.

– Сюзанна знает?

– Утром я лечу в Атланту.

– Ее звуковые файлы у тебя с собой?

– Конечно.

– Дай мне послушать их.

– Это неэтично.

Неэтично.

– По-моему, ты чудовище, – сказала она, но без гнева.

– Значит, я нашел странный способ продемонстрировать это, ты не находишь? В обмен на несколько щекотливых экспериментальных сеансов, о которых ты даже не помнишь, я дал тебе контракт, подружку и целую ночь развлечений.

Она уставилась на него.

– Ты ждешь от меня благодарностей…

– Ты только посмотри вокруг. Посмотри. Голые стены. Рыбка, господи прости.

– Вон отсюда.

– О, продолжай…

– Вон.

– Завтра это все будет уже в прошлом.

– Богом клянусь, если ты немедленно не уйдешь, я набью тебе морду.

Ее голос звучал на удивление спокойно. Был ли это шок, или же так себя ведут влюбленные, или что-то в этом роде? Она понятия не имела.

– И можешь положить эти бумаги обратно. Они мои, это мои личные мысли. Оставь их прямо там, на столе. И флешку тоже.

Он вытащил флешку, положил ее поверх бумаг, убрал ноутбук и встал. Она открыла перед ним дверь.

Он был уже на выходе, когда она сказала:

– Ричард. Ты не можешь рассказать все это Сюзанне.

– Нет?

– Это слишком большой удар.

– Ты, похоже, очень неплохо с ним справляешься.

– Я, по крайней мере, уже знала тебя. Или думала, что знаю. Для нее ты будешь совершенным незнакомцем. Ты просто не можешь. Это… бесчеловечно. А она такая юная.

– Юная? Не смеши меня. Ты рядом с ней просто ребенок.

Он ушел.

Куки танцевала. Она не хотела думать о телефонных звонках. Не хотела думать ни о чем. Блин.

Но это были деньги.

Прожектора жгли, но кондиционеры гнали холод. Она покрылась гусиной кожей.

– Эй, милашка, пошли со мной в заднюю комнату, – позвал

усатый клиент в скверном галстуке. Он был пьян.

Она знала этот тип людей. Начнет распускать руки, попытается лапать ее, а когда она позовет Дэнни, сдуется и откажется платить.

– Ну конечно, – произнесла она своим особым, самым шелковым голоском. – Посмотрим, водится ли у тебя зелень.

И приглашающе свела руками груди. Он засунул между них купюру.

– На пятерку много не купишь, малыш.

– Да за пятерку я куплю тебя, кукла, – заявил он, красуясь перед дружками.

Один из них хихикнул. Мерзкий звук для мужчины, подумала Куки.

– За пятерку я куплю тебя пять раз!

– Долго сочинял, дорогуша?

– Какого хрена? – Он был сбит с толку.

– Я говорю, мозг у тебя, должно быть, еще меньше, чем твой член, а тот, в свой черед, даже меньше твоего бумажника, сказала бы я, да только сомневаюсь, что такое может быть.

Она выдернула бумажку из его пальцев, засунула ее под джи-стринг и удалилась. В раздевалке она оглядела себя в зеркале. Двадцать четыре – слишком много для этого. Определенно. Она понятия не имела, который час. Она просунула голову в дверь.

– Дэнни!

– Да, куколка.

– Сколько времени?

Придется когда-нибудь завести себе часы. Хорошие дорогие часы.

– Десять минут, – сообщил Дэнни.

– Какого?

– Одиннадцатого.

На Западном побережье на три часа меньше. Она разложила свой ночной улов, пересчитала его, минуту подумала, отложила две сотни купюрами по пять долларов и по одному. Снова высунула голову за дверь.

– Дэнни!

– Я тут, куколка.

– Я ухожу.

– Тебе нехорошо? – Он неспешно протопал по коридору и, тяжело дыша, остановился возле двери.

– Нехорошо от всего этого.

– Мистер Перголетти говорит…

– Передай мистеру Перголетти, чтобы шел подальше. Я ухожу. Серьезно. – Она передала ему пачку банкнот. – Теперь

присматривай за девочками. И всего тебе наилучшего.

– Нашла что-нибудь более подходящее?

– Скажем так, посмотрим.

В холодильнике у Коди стояла бутылка пива. Она открыла ее, аккуратно перелила в стакан, пристально глядя на бежевую пену. Стакан: она никогда не пила пива из стакана. Она вылила пиво в раковину. Она уже не представляла, что в этой жизни реально, но была твердо уверена, что от алкоголя станет еще хуже.

Вместо этого она заварила зеленый чай и уселась у окна. Солнце нависло над заливом. Что видит из своей комнаты Сюзанна? Зажила ли ее лодыжка? Противозачаточные таблетки, боже правый. И – о, этот аромат ее кожи.

Она теряет рассудок.

Она не знала, кого ненавидит больше: Ричарда, сделавшего это предложение, или себя, принявшую его. Или Сюзанну. Сюзанна сделала это ради денег.

Или, может… Но – противозачаточные таблетки?

А что, если Сюзанна почувствовала… чем бы это ни было? Стало ли оно от этого реальностью? Все это лишь эксперимент, все было запланировано. Подделка. Но у нее не было ощущения подделки. Ей хотелось обнимать Сюзанну, целовать ее лодыжку, защищать ее от целого мира. От всех Ричардов мира.

Она схватилась за телефонную трубку, в десятый раз вспомнив, что у нее нет ни адреса, ни номера телефона. Она позвонила в справочное, где ей сообщили, что в списках жителей города и пригородов Атланты Сюзанна Херрера не числится. Это Коди не удивило, удивило лишь то, насколько мало это для нее значит.

Она набрала номер «Золотого Ключа». Ответил мужчина, назвавшийся Перголетти.

– Куки? Она ушла. Они всегда уходят.

Загремела музыка. Все внутренности Коди завибрировали в такт, вспоминая.

– …номера нет. Эй, вас интересует работа?

Коди осторожно положила трубку. Отхлебнула чай. Снова взялась за телефон и позвонила Ричарду.

В кофейне был вечер открытого микрофона. Ричард сидел на диване в задней комнате, как можно дальше от музыки. Две чашки на столе. Одна из них полная.

– Ты знал, что я позвоню.

– Знал.

– Это ты тоже запрограммировал?

– Я ничего не программировал. Я заранее подготовил тебя – и только насчет секса. – Он похлопал по дивану. – Присаживайся, пока не упала.

Она села. Зажмурилась.

– Дай мне ее номер телефона.

– Не могу. Она меня надула. Я позвонил ей в клуб, но она прервала разговор.

Он выглядел расстроенным.

– Что ей известно?

– Я говорил быстро. Не знаю, как много она услышала. Но я сказал, что она не получит оставшиеся деньги, пока мы не доведем дело до конца.

Певец в другом зале пел о любви и разбитых сердцах. Песня была ужасной, но Коди все равно хотелось от нее плакать.

– Как долго это длится?

– Любовь? Не знаю. Я избегал ее, насколько было возможно.

– Что мне делать?

Ричард взялся за чехол для ноутбука.

– Я кое-что запланировал на этот случай.

Он достал маленькую белую картонную коробочку, открыл ее и вытряхнул что-то себе на ладонь. Серый пластиковый ингалятор.

– Что это такое?

– Аналог вазопрессина, созданный, чтобы блокировать рецепторы окситоцина в прилегающих ядрах. Так сказать, антидот.

Они оба уставились на ингалятор.

– Проверено на полевках, – сказал он. – На самках полевок.

Полевки.

– Ты говорил, оно противное на вкус.

– Я пользовался им. На всякий случай. Предпочитаю секс без проблем. И у меня было много секса, но я ни разу не влюблялся. – Он приподнял брови. – Так что он должен помочь.

Гипотеза слоновьего свистка. Эй, Боб, для чего этот свисток? Знаешь, Фред, он отгоняет слонов. Не будь идиотом, Боб, нет здесь никаких слонов. Так это, Фред, благодаря моему свистку.

– Коди.

Он изо всех сил старался выглядеть искренним.

– Мне очень, очень жаль. Я и не думал, что это сработает, причем вот так. Но я правда думаю, что антидот может помочь.

Его лицо вновь стало обычным. Он взял ингалятор.

– Но прежде чем дать его тебе, я должен попросить об одолжении.

Она уставилась на него.

– Когда это я успела что-то задолжать тебе?

– Не мне, науке. Еще один скан, а потом другой – когда ты примешь антидот.

– Возможно, я его не приму. Дай мне номер.

– Любовь – разновидность безумия, ты же знаешь.

– Номер.

В соседнем зале продолжали скверно петь.

– А, ладно. В память о прежних временах.

Ричард вытащил из сумки папку, а из папки – листок. Он толкнул его через стол к ней, а поверх него бросил ингалятор. Она оттолкнула ингалятор, взяла листок. Написано от руки. Почерк Сюзанны.

– Любовь – это просто биохимическое помешательство, – сказал он, – рассчитанное на то, чтобы заставить нас сделать прыжок во тьму, довериться абсолютному незнакомцу. Это нерационально.

Коди ничего не ответила.

– Она наколола нас.

– Она наколола тебя, – сказала Коди. – В меня она, быть может, влюбилась.

Но ингалятор она взяла.

Коди села к окну с телефоном и анкетой, заполненной Сюзанной. Снова и снова набирала она различные комбинации цифр, записанных Сюзанной, выслушивая от автоответчика: «Операция не может быть выполнена». Снова и снова, прикасаясь к анкете кончиком среднего пальца, она на ощупь чувствовала вдавленный след, оставленный сильным почерком Сюзанны. Сильный почерк, сильные руки, сильный рот.

Она не думала о сером ингаляторе в белой коробочке, которую убрала в холодильник – чтобы подольше оставался годным, просто на всякий случай.

Некоторое время спустя она перестала названивать и просто ждала.

Когда в 11:46 ее телефон засветился, она знала, кто это, – еще до того, как увидела на экране код района 404.

– Ты чувствуешь это? – спросила Сюзанна.

– Да.

И Коди не солгала. Чем бы это ни было, откуда бы ни возникло, оно было тут, несмываемое, как чернила. Ей хотелось сказать: «Я не знаю, реально ли это, я не знаю, хорошо ли это». Ей хотелось спросить: «Был ли у тебя секс за деньги с кем-нибудь до меня?» и «Имеет ли это значение?» Ей хотелось знать: «Любила ли ты кого-нибудь прежде?» и «Откуда ты это знаешь?»

Ей хотелось задать вопрос: «Это больно?»

Пробираясь сквозь толпу в аэропорту, Коди выискивала знакомое лицо, чувствуя, как сердце гулко бухает всякий раз, когда ей кажется, что она видит его. Паника или любовь? Она не знала. Она не знала ничего, кроме того, что у нее болит горло.

Кто-то толкнул ее сумкой, и, когда, подняв глаза, она увидела этот затылок, эти гладкие каштановые волосы, такие знакомые после всего лишь одной ночи, все ее кровеносные сосуды будто разом расширились, каждая клеточка рванулась вперед.

Она не шелохнулась. Это был он, самый последний миг. Она еще могла позволить толпе пронести ее мимо и увести отсюда в ночь. Уйти. Вернуться домой. Достать из холодильника ингалятор.

Это было бы разумно. Но Коди, висевшая вниз головой на балконе девятого этажа, Коди, не задумываясь, рискнувшая в Атланте контрактом, эта Коди подумала: «А, пошло оно все…» – и шагнула вперед.

Ты не знаешь. Ты никогда не знаешь.

ДЖЕФФ РАЙМАН
ЗАПЕРТЫЕ

Уроженец Канады, Джеф Райман в настоящее время живет в Англии. Свой первый рассказ он продал в 1976 году в «New Worlds», но тот не был напечатан вплоть до 1984 года, когда автор привлек серьезное внимание, опубликовав в «Interzone» блистательную повесть «Непокоренная страна» («The Unconquered Country»). Это произведение – одна из лучших повестей десятилетия – оказало заметное влияние на современную научную фантастику, сразу же поставив Раймана в ряд лучших писателей поколения и принеся ему Британскую премию научной фантастики и Всемирную премию фэнтези. Позже повесть вышла отдельной книгой под названием «Непокоренная страна. История жизни» («Unconquered Country: A Life History»). С тех пор Райман, по высоким меркам жанра, писал немного, но весьма достойно. Его рассказы часто появлялись в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», а роман «Детский сад: Низкая комедия» («The Child Garden: A Low Comedy») был отмечен как престижной премией Артура Кларка, так и премией Джона Кэмпбелла; чуть позже роман «Воздух» («Air») тоже получил премию Артура Кларка. В числе других романов Раймана можно назвать «Воин, жизнь приносящий» («The Warrior Who Canied Life»), высоко оцененный критиками мейнстримовский «Было» («Was»), «Пришествие Энкиду» («Coming of Enkidu»), «Последняя песнь короля» («The King's Last Song»), «Похоть» («Lust») и ставший классикой андерграунда культовый «253» – интерактивный гипертекстовый роман, который изначально выкладывался на сайте автора. Позже, будучи изданным в виде книги, «253» принес своему создателю премию Филипа Дика. Четыре повести писателя составили сборник «Непокоренные страны» («Unconquered Countries»). Райман также выступил в качестве составителя антологии «Когда все изменилось» («When it Changed»).

На этих страницах он расскажет вам завораживающую историю развитого животного в странном мире будущего, где герой пытается заботиться о приемной человеческой семье и сталкивается при этом с трудным выбором.

Я видел этот сон в Сианукville, в городе новых казино и узких полосок пляжа, нагретых солнцем кустов с похожими на одуванчики цветами, стен, лежащих в руинах даже теперь, после девяти лет мира, и ворот, ведущих в никуда.

Во сне я нашел себе жену. Красивую, светловолосую, усталую

от забот. Она не привыкла к тому, что серьезные мужчины могут знакомиться на пляже с благими намерениями. Зовут ее Агнет, и говорит она с датским акцентом. У нее четверо детей азиатской расы.

Их отец учился в Европе, женился на Агнет и потом *ушел,* что в этом мире можно понимать по-разному. Сама Агнет была сиротой и других родных, кроме семьи мужа-камбоджийца, не имела. Потому она и приехала в Пномпень, где узнала, что этим родственникам не нужна чужая женщина и лишние рты.

Я уже познакомился с детьми. Младшую зовут Герда, она не говорит на кхмерском. Девочка крошечная, как трехлетка, в цветастом розовом платье, вся увешанная игрушечными драгоценностями. Она только смотрит, как играют ее братья. Ее вырвали из знакомой обстановки и забросили в этот странный жаркий мир, где люди говорят непонятно, а еда обжигает рот.

Я встаю на колени, пытаюсь поздороваться, сперва по-немецки, потом по-английски. Привет, Герти, привет, маленькая. Привет. Она не отзывается ни на каком языке и сидит, как будто ее опоили снотворным.

Мне становится так грустно, что я поднимаю ее на руки, и она вдруг прячет лицо у меня на плече. Так и засыпает, пока я качаюсь в гамаке и тихонько объясняюсь с ее матерью. Я не женат, сказал я Агнет. У меня здесь казино.

Настоящие люди не жестоки, просто бесстрашны. Если вы – человек, вы говорите правду, а если кто-то ведет себя как мартышка, его можно наказать. На кривой дорожке надо быть прямым. Я продавал оружие своему боссу и покупал полицейских, поэтому он мне доверился, и я много лет заведовал его охраной. Он *ушел* одним из первых, а свою долю казино продал мне. Теперь я вместо него сижу за чернолаковым столиком с генералами и партнерами-тайцами. У меня «Лексус» и хороший доход. Я поднялся и стал человеком во всех отношениях, кроме одного. Теперь мне нужна семья.

Напротив Сианукви́ля вся бухта заполнена островками. На этих островках, недоступных ворам, поблескивают крыши: большие люди живут в Сорайя-чик среди минаретов, ветряков и солнечных батарей. Между островками переброшены белые подвесные мостики. Вдали на них видны велосипедисты.

Время сменяется на после свадьбы. Дети теперь мои. Мы качаемся в тени пальмовой крыши. Двое мальчиков играют на груде старых резиновых шин. У придурковато улыбающегося лопоухого Тарума ноги достаточно длинные, чтобы прыгать по ним, попадая ступнями в отверстия. Его брат Сампул не сдается, карабкается поверху. Старший, Рит, спокойно сидит в гамаке,

заткнув уши наушниками и притворяясь, что с нами не знаком.

Герда дергает меня за руку: «Отпусти». Я ставлю ее на землю. Вырвавшись из мира речи и взрослых, она лезет на пухлые черные баранки, скатывается по ним боком. Она сосредоточена, не смеется.

Ее мать в соломенной шляпе и темных очках слабо улыбается.

Мы с Гердой бродим по воде. Островки перекрывают бухту, так что волны, докатывающиеся до берега, ростом с ребенка и теплые, ласковые. Герда держится за мою руку и рассматривает их в мрачном молчании.

У берега стоит старый авиалайнер. Крылья срезаны и аккуратно положены рядом. Я веду туда ребятишек, и мальчишки с визгом забегают внутрь. Мы с Гердой снаружи рассматриваем домик духа лайнера. Какой-то остряк приделал святилищу маленькие белые крылышки.

Окрестные холмы еще сохранили свои леса, и кучевые облака нависают над ними стиснутыми кулаками, в которых зажат дождь.

Вечером гремит гром.

Я выглядываю из высокого окна и вижу в темноте зарницы. Мы занимаем целый этаж отеля при моем казино. У каждого мальчика свой номер. В трех комнатах, выходящих на фасад, есть балконы, и на них хватает места для диванов и столиков. Мы вешаем для колибри трубочки с розовой сахарной водой. Утром в комнатных цветах гудят пчелы, а шарики из зерен приманивают птицу Сарику, которая поет самые сладкие песни.

В эти последние дни игроки безумствуют: китайцы, тайцы, малайцы и корейцы играют в основном в баккара, хотя кое-кто предпочитает «одноруких бандитов».

За столиками моего казино изящные молодые женщины, красивые молодые мужчины и представители пары других полов сидят, выпрямившись, в готовности принять ставку, настороженные и пугливые, как кролики, особенно когда их стол пуст. Они платят процент от выигрыша. Кое-кто спит с клиентами, но они хорошие дети – не забывают посылать домой деньги. «Делай добро и получишь добро», – говаривали у нас в Камбодже. Теперь чаще говорят: «Тви акро мин лэй» – «Делай плохо, получишь деньги».

У меня в казино все честно. Колесики без подвоха. На вывесках – запрет на оружие. Ни животных, ни подростков не пускают. Невинных следует защищать. Сигареты и порошок запрещены – последние два запрета изображаются черепом со скрещенными костями.

У нас есть охрана, но порошок не выявляется никакими сканерами, поэтому кое-кто из клиентов приходит сюда умирать. Чаще всего на выходных. Мы находим обмякшие за столиками тела.

Думаю, некоторым кажется, что хорошо уйти под кайфом. Особенно впечатлительным китайцам. Для них игра – театр: позы крутых парней, танец сигареты, выразительное движение брови. Выигрываешь, улыбаешься, делаешь последний глоток курвуазье, а потом одна понюшка – и ты навсегда *уходишь вниз.* Для них это еще один способ победить и получить все. Для меня – лишние хлопоты с уборкой и лишний повод не пускать детей.

Наверху мы кончаем ужин и слушаем шум прибоя.

– Папа, – спрашивает меня Сампул, и это слово отзывается у меня в сердце, – почему мы все уезжаем?

– Из-за вторжения.

До сих пор это был странный, красивый сон, с буддистскими монахами в оранжевых одеяниях, выстроившимися в ряд перед однорукими бандитами. А теперь он превращается в глупое телешоу для подростков, только в моем сне это по-настоящему, я в нем живу. И, когда говорю, ощущаю свое грустное влажное дыхание.

– К нам летят пришельцы, – продолжаю я и целую мальчика. – У них много-много кораблей.

Мы уже видим их на окраине Солнечной системы. Они будут здесь через два года, даже меньше.

Он беспокойно вздыхает.

В этой разоренной стране на две трети радости и на две трети стальной мерзости. Дроби не сходятся, но так уж оно есть.

– Откуда нам знать, что они злые? – надувшись, спрашивает Сампул.

– Так говорят власти, а власти лгать не станут.

В его дыхании появляется лед.

– Наши – станут.

– Но не все же власти, не все вместе.

– Верно. Значит, мы уезжаем?

Он хочет сказать «опять уезжаем». Они покинули Данию, чтобы очутиться здесь, и никому из них не хочется снова покидать привычное место.

– Да, но мы поедем все вместе, о’кей?

Рит ворчит с дивана:

– Это все из-за таких, как ты.

– Я придумал пришельцев? – Я улыбаюсь ему, чтобы дать понять, как глупо то, что он подразумевает.

Он закатывает глаза и, покачав головой, напоминает:

– А комета?

– Ах, да, комета. Про комету я забыл, а комета тоже летит. И еще глобальное потепление и новые болезни.

Рит цокает языком.

– Пришельцы послали комету. Будь у нас космическая программа, мы могли бы встретить их на полпути и дать бой. Или те из людей, что заселили бы Марс, сумели бы выжить.

– Разве пришельцы не могли бы вторгнуться и на Марс?

Голос его затихает, он скрючивается над игрой.

– Если бы мы вышли в космос, стали бы бессмертными.

Мой отец спился и бросил нас, моя мать умерла, я заботился о сестрах. Власти выгнали нас из хижин у реки в безводную местность, чтобы там, где был наш квартал, построить большие отели. Мы выжили. Я никогда не смотрел кино о пришельцах, я никогда не мечтал о выходе в космос. Я мечтал стать человеком.

Я смотрю в окно на камбоджийскую ночь, и свет и пламя пляшут в небесах играющими драконами. Воздух шелестит. Целое богатство обрушивается с неба дождем.

Сампул – младший сын – крутой паренек. Он задирает пятнадцатилетнего Рита, и оба они дразнят разгильдяя Тарма. Но крутой Сампул вдруг сворачивается рядом со мной комочком, словно он задумал вернуться в яйцо.

Горе грома похоже на ярость. Я сижу, слушаю дождь. Рит играет, в его наушниках гремит стереофоническая война.

Все умирает, даже солнца, даже вселенная умирает, чтобы вернуться. Мы уже бессмертны.

Без нас Камбоджа снова станет крестьянской страной. Садики затянет лианами, будут реветь водяные буйволы, на полях зазеленеет рис, а мимо, пыхтя паром, помчатся паровозы. Сампул однажды спросил меня: не поезд ли делает дождь? И если пришельцы существуют, не будут ли они дорожить нашей Землей?

Я, может, и хотел бы остаться, но Агнет твердо решила *уйти.* Она уже потеряла одного мужа и не хочет потерять второго, а тем более – детей. Так или иначе, все это входило в договор.

Я залезаю в постель рядом с ней.

– Ты к ним очень добр, – говорит она и целует меня в плечо. – Я так и знала. Твой народ добр к детям.

– Ты не сказала, что любишь меня, – отзываюсь я.

– Дай мне время, – говорит она после молчания.

В эту ночь молния бьет в домик духа, укрывающий нашего *неак та.* Его крошечный золотой шпиль чернеет.

Мы с Гердой утром идем угостить духа бананами. Она, увидев разрушения, выкатывает глаза и начинает выть и рыдать.

Агнет спускается, обнимает и утешает ее и приговаривает по-английски:

– Ох, милый домик сломался.

Агнет никак не понять, какая это катастрофа и какая загадка. *Неак та* – дух отеля, он принимает или отвергает нас. Если салю небо его поразило – о чем говорит знамение? Что *неак та* рассердился и покинул нас? Или что боги хотят, чтобы мы ушли, и для того уничтожили нашего покровителя?

Герда в ужасе, я не сомневаюсь, что у нее хоть и бессловесная, но кхмерская душа.

Агнет смотрит на меня через плечо дочери, и я не понимаю, почему она так рассеянна, пока она не говорит:

– Документы пришли.

Значит, на этой неделе мы отплываем в Сингапур.

Я уже продал казино. Довериться мне некому. Я спускаюсь и отдаю ключи от своего орудия Среангу, который еще хотя бы ненадолго останется на охране.

Этой ночью, после того как дети засыпают, мы с Агнет ужасно ссоримся. Она бросается чем попало, бьет меня; ей кажется, будто я сказал, что хочу их бросить. Не могу добиться, чтобы она выслушала и поняла.

– *Неак та? Неак та?* О чем ты говоришь?

– Я говорю, что думаю: нам надо ехать сушей.

– Нет времени. Дата назначена, все заказано. Чего ты добиваешься? – Ее трясет от страха, рот сведен колечком мышц, шея напряжена.

Приходится мне искать монаха. Я даю ему много денег, чтобы заслужить *пунью,* и прошу его петь за нас. Еще я прошу его благословить наш багаж и на расстоянии благословить судно, на котором мы отплываем. Я глотаю страх, как кислую слюну. Я заранее заказываю пищу на *пчум бен,* чтобы он съел ее вместо меня, я хочу накормить моих умерших через посредника. Я смотрю на него. Он улыбается. Он – человек без оружия, без современности, без семьи, которая бы ему помогала. В какую-то минуту я ему завидую.

Я жду катастрофы, я уверен, что потеря нашего *неак та* предвещает большую беду; я боюсь, что море поглотит судно.

Но я ошибаюсь. Дельфины плывут перед носом корабля, выпрыгивают из воды. Мы тянем за собой трал, ловим рыбу, вытаскиваем тунца, тюрбо, морских змей и черепах. Уверяю вас, летучие рыбы в самом деле летают – взмывают над нашими головами, по ночам проносятся над палубой, как гигантские москиты.

Никого не мучает морская болезнь, бури не случается,

плывем мы ровно. Море словно заключило с нами мир. Пусть себе, они для нас потеряны, они уходят.

Мы камбоджийцы. Мы умеем спать в гамаках и разговаривать. Мы перекидываемся шутками, подначками, намеками – порой в стихах, – музицируем, проводим время за картами и *ба ангкун,* игрой с орехами. Герда тоже играет, и я вижу, как другие дети ей поддаются. Победив, она визжит от радости и тянет руку между планками, чтобы достать завалившийся орех.

Все пассажиры ласковы с детьми и заботятся о них. Мы готовим на плитках, жарим по очереди. На такелаже отдыхают альбатросы. Герда по-прежнему не хочет говорить, поэтому я ночь напролет баюкаю ее, приговаривая: «Кином ч-моа Чаннарит. Оун ч-моа ай?»

«Я твой новый отец».

Однажды ночью что-то большое вздыхает в воде совсем рядом с нами. Сами звезды как будто собираются стайкой рыб, такие далекие и высокие, холодные и чистые. Неудивительно, что мы жадны до них, как жадны до бриллиантов. Если бы могли, мы бы обчистили все рудные жилы вселенной, но вместо этого мы обчистили самих себя.

Мы высаживаемся на Сентосе. Пляж курорта залит морем, но на его склонах разрослись временные консольные домики. Их стены растопыриваются крыльями летучих мышей за пластиковыми мостками, по которым мы идем прямо к холму.

Новейшая промышленность Сингапура.

Мы, живые мертвецы, направляющиеся к могиле, сходим с корабля на понтонный причал. Гладкие мостки опасно раскачиваются под ногами. Мы скользим и хватаемся друг за друга, чтобы не упасть. Среди нас нет пожилых, но все мы идем как старики на негнущихся ногах, ловя равновесие.

Все же у меня легчает на душе: остров еще полон деревьями. Мы уходим по тропе через джунгли, сквозь влажную тишину, к северному берегу, где перед нами встает Город Льва.

Сингапур высится над гаванью. Его гигантская копия Ангкорского храма блестит на солнце клинками кинжалов; его изрезанная береговая линия окаймлена четырьмя сотнями клиперов и белым лесом ветряных турбин. По склонам горы Фрейзер теснятся дома крестьян, выстроенные из дерева и подпертые сваями.

Днем прошел дождь. Я боялся бури, но небо расчистилось, стало золотым и лиловым, даже с лучами зеленого. Повсюду, где деревья уступают место соленой траве, словно вышедшие искупаться звезды, загораются светляки. Герда смотрит круглыми

глазами. Она улыбается и протягивает к ним руку. Я шепчу ей кхмерское название светляков: *ампил ампаяк*. Мы забронировали номер под одним из навесов – крыльев летучей мыши. Только безумные богачи могут позволить себе на Сентосе отдельный номер. Даже бутылка воды здесь стоит очень дорого.

Попав внутрь, Агнет оживляется, даже опускается на одну из складных кроватей, разделенных занавесками из одеял. Глаза у жены блестят. Она усаживает Герду и Сампула на колени.

– Там внизу чудесные магазины, – говорит она. – И, Рит, техника – наиновейшая. Большие экраны, миллиарды миллиардов пикселей.

– Никто уже не говорит «пиксели», мам.

В ту ночь Герда начинает плакать. Ее никак не унять. Рыдает и рыдает. Наши друзья по кораблю ворочаются на кроватях и стонут. Две женщины сидят с Агнет, сочувствуют:

– О, бедняжка, она заболела.

Нет, думаю я, у нее разбито сердце. Она корчится и крутится на коленях у Агнет. Я без слов знаю, о чем она плачет.

У Агнет помятое лицо: на судне она не высыпалась.

– Милая, дай я выйду с ней на улицу, – говорю я. – А ты поспи.

Я беру Герду на руки, но она отбивается, как кошка. Ш-ш, ш-ш, ангел мой, ш-ш. Но ее не одурачишь. Она как-то чувствует, что происходит. Я стою, держа ее на руках, глядя на призрак Сингапура, слушая вой турбин над головой и плеск воды в бухте. Я знаю, что Герду не утешить.

Агнет считает наш народ добрым, потому что мы улыбаемся. Но мы умеем быть и жестокими. Отец Герды поступил жестоко, оставив ее, зная, что произойдет после его ухода. Жестоко желать, чтобы по тебе так тосковали.

На северном берегу я и сейчас вижу башни, подсвеченные только биолюминесценцией – леопардовыми пятнами синевы и золотисто-зеленого, остальное теряется в рукотворном тумане, дыму и испарениях.

Небоскребы теперь пустуют, никому не нужные: кто будет лезть пешком на семидесятый этаж? Как странно они выглядят: что толкало нас строить их? Зачем мы тянулись так высоко? Словно хотели сбежать с Земли, оторваться от почвы, создать новый сияющий мир.

Еще есть звезды. Они светят всегда, сейчас они светят так же, как будут светить на палубу звездного корабля, и не станут ближе. И еще есть родившее нас море. И деревья, превращающие солнечный свет в сахар, чтобы питать нас.

Тут в небе над головой повисает гигантская морская звезда. Я

в растерянности, *чой мае*. Что же это может быть? Другие такие же морские звезды переливаются полосами оранжевого, красного, зеленого. За ними строем летят гигантские бабочки, светятся голубым и лиловым. Герда, закашлявшись, умолкает и смотрит вверх.

Кабинки канатной дороги, протянутой от Фрейзера к берегу и дальше, к Сентосе, светятся декоративной биолюминесценцией.

– Ампил ампаяк, – снова говорю я, и Герда хоть на минуту затихает.

Мне не хочется уходить. Хочется остаться здесь.

И тут Герда снова начинает рыдать, как мое сердце.

Как бы она не порвала себе горло. Этот рев не унять. Я качаю ее, баюкаю, целую, но ничто не помогает.

«И ты, Герда, – думаю я. – Ты тоже хочешь остаться, да? Мы с тобой похожи».

На минуту я думаю, что мог бы убежать вместе с Гердой, переплыть пролив, спрятаться в Джохор-Бару, в диких зарослях заброшенных пальмовых плантаций.

Ноу нас теперь не хватит денег даже на еду и воду.

Я стою неподвижно, а ночь шепчет мне свои предложения.

Я не буду таким жестоким, как отец девочки. Я мог бы войти в это теплое море, раскинуться на воде среди рыб и плыть вечно. И тебя взять с собой, Герда.

Мы можем замереть и скрыться под землей.

Я протягиваю Герду на руках, словно предлагаю теплому лону моря. И она наконец засыпает, а я спрашиваю себя: готов ли я на это? Вернуться? С ней вдвоем?

Агнет трогает меня за локоть.

– Ох, ты ее укачал. Спасибо тебе большое!

Она обнимает меня за плечи, потом забирает у меня Герду, а я невольно противлюсь и вижу что-то тревожное, растерянное в глазах жены. Потом она коротко встряхивает головой, отгоняя смятение.

Я бы хотел, чтобы меня любили за мужество, а не за доброту. Но лучше так, чем никак, и я понимаю, что никуда не убегу. Мы все *уйдем вниз*.

На следующий день мы поднимаемся, онемевшие, гонимые сами не знаем чем.

На завтрак у нас китайская кашица с жареной соей, орехами, специями и яйцом. Наш последний день ослепителен. Нас слишком много, всем не уместиться в кабинках канатной дороги. Наш эконом-класс получает умную тележку, которая показывает дорогу и может подвезти багаж или детей. Она скрипит по мосткам от Сентосы, заливая нас бесконечными сведениями для

туристов: «Раффлз», независимость с 1965 года, сингапурское чудо, кули, которых завозили как рабов, но которые внесли такой большой вклад в успех страны.

Мостки приводят нас на искусственный островок, занятый грузом, кранами и вагонетками. На главной набережной у бухты теснятся ларьки, торгующие лапшой, рыбой, ножами и сушеными ящерицами. Наш путь – к горе Фрейзер, за деревья. Мартышки преследуют нас, вырывают из рук мешки с бананами, взбираются на тележку, пытаются вскрыть багаж. Рит бросает в них камнями.

Закатные лучи падают сквозь деревья, словно в небе сияет сам Будда. Герда семенит рядом со мной, держась за мою руку. Вдруг она нагибается и поднимает что-то с земли. Это скарабей, панцирь его отливает бирюзовой зеленью, но из него выползают муравьи. Я слушаю их.

– О, Герда, это настоящее сокровище. Сохрани его, о'кей?

Там, куда мы уходим, ничего подобного не будет.

Вот и похожий на железнодорожный вокзал сингапурский терминал, врытый в скальный выступ. Он зияет пастью, заглатывает нас. Бетон смягчен ширмой свисающих ветвей – традиционно и со вкусом, думаю я, пока, коснувшись, не обнаруживаю, что они отлиты из пластика.

Это Сингапур, потому все здесь делается безупречно. «Зарегистрируйтесь! – призывают вывески на десяти языках. – Вдохните воздух роскоши».

Нас приветствуют красивые консьержки в серо-голубой форме. Одна спрашивает:

– Вы – семья Сонн?

Она такая же миленькая, какой будет когда-нибудь Герда, – лицо всех наций, улыбающееся, полное надежды на то, что еще можно сделать что-то хорошее.

– Я здесь для того, чтобы принять вас и позаботиться о вашем удобстве. – Она наклоняется, заглядывает в глаза Герде, но что-то в них заставляет ее запнуться, улыбка гаснет.

Краска с губ женщины, как бывает в кошмарах, вдруг расползается вверх, по всему лицу, словно Герда ранила, порезала ее.

Теперь глаза консьержки печальны. Она вручает Герде пакетик с нарисованным клоуном и цветной воздушный шарик. Герда держит подарки вверх ногами и морщится.

У консьержки для всех детей есть подарки, чтобы занять их, пока родители стоят в очереди. Содержимое отвечает возрасту и полу. Рит всегда относит себя к гикам – это шутка, но он получает пакет для гиков. Сотрудники терминала проанализировали его

одежду и бренды. Я размышляю над странным совпадением: отец дал мальчику мое имя, только он – Рит, а я – Чаннарит. Он никогда не зовет меня отцом. Агнет обращается ко мне «Чанна» – изредка.

Красавица консьержка берет у нас бумаги и говорит, что сама сделает все, что нужно. Наша тележка прощается и скрипит за ней, на проверку багажа. Я рад, что она уехала. Меня раздражал ее приглушенный счастливый голосок. И ее мордочка игрушечного кролика.

Мы ждем.

Другие консьержки движутся вдоль разгороженной бархатными канатами очереди, предлагая с тележек воду, зеленый чай, питахайю и шардоне. Сколько бы мы ни заплатили, все мы, по большому счету, досье в процессе обработки. Мое упавшее сердце подсказывает, что Агнет вышла за меня, чтобы попасть сюда. Ей нужно было оплатить билет.

Никто нам не лжет, даже мы сами. Это больше, чем ложь; это похоже на миграцию животных, нас захватило что-то, чего мы сами в себе не понимаем и никогда прежде не сознавали.

Вдруг мое сердце твердо говорит: пришельцев нет.

Пришельцы – всего лишь предлог. Мы хотим что-то сделать, как хотели строить небоскребы. Это нового рода мечта, нового рода горе, обратившееся внутрь, но это не моя мечта, и я не думаю, что это мечта Герды. Она слишком сильно стискивает мою руку, и я знаю, что ей известно то, чего не выскажешь словами.

– Агнет, – говорю я, – вы с мальчиками идите. Я не могу. Не хочу.

На ее лице мгновенно возникает ярость.

– Я так и знала. Мужчины всегда так поступают.

– Я не привык быть мужчиной.

– Это все равно. – Она выхватывает у меня Герду, которая снова начинает плакать. Слишком часто ее увозили, слишком внезапно, слишком решительно. – Я знала, что будет какой-нибудь ужас.

Агнет гневно смотрит на меня, как будто на незнакомца, как будто впервые видит. Нежно привлекает Герду к себе, укрывая от меня.

– Дети уходят со мной. Все дети. Если ты хочешь, чтобы тебя взорвали пришельцы…

– Пришельцев нет.

Может быть, она меня не слышит.

– Все бумаги у меня. – Она имеет в виду документы, которые удостоверяют наши личности, дают нам право войти в собственную дверь и доступ к банковскому счету. В руках у нее

всего лишь билетики с голограммой. Она нервно, отрывисто поправляется: – Все бумаги у них. Герда – моя дочь, они отдадут предпочтение мне.

Она уже думает о судебном разбирательстве, и она, конечно, права.

– Нет пришельцев, – повторяю я. – Нет причин уходить.

На этот раз она понимает. Слышно, как люди вокруг выдыхают. Толстый тамил, который, может быть, устал взрывать других людей, говорит:

– Что же, вы думаете, все правительства нам лгут? Просто вы перетрусили.

Агнет смотрит только на меня.

– Давай. Уходи, если хочешь!

В ее лице ни любви, ни терпения.

– Людям понадобились пришельцы, и они в них поверили. Но я не верю.

Герда плачет без единого звука. Ее лицо спокойно, но я никогда не видел, чтобы из глаз лилось столько воды: она льется, густая, как суп из ласточкиных гнезд. Агнет скрестила руки у нее на груди и целует девочку в лоб. Она что же, думает, я собираюсь украсть Герду? Консьержка вдруг, тихонько приговаривая, опускается на колени. В одной руке у нее розовый металлический мишка, который шипит, незаметно делая Герде укол.

– Ну вот, все прекрасно! – Консьержка смотрит на меня с ненавистью. Она возвращает Агнет зарегистрированное уведомление, светящееся и благоухающее. Но удостоверения личности остаются у них – чтобы мы никуда не делись.

– Спасибо, – говорит ей Агнет и выпячивает подбородок в мою сторону.

Тамил зло улыбается.

– Видали идиота? Напугал малышку.

– Дурак не может взглянуть правде в глаза, – говорит кучка объединенных в сеть малайцев дружным хором.

Мне хочется вернуться в лес, как Тарзану, но это другое желание, другой сон.

– Почему вы не даете уйти нам, остальным, если даже сами не хотите? – говорит мультиполый с широкой остекленевшей усмешкой. Что же это, он-она думает, я могу им помешать? Мне видится, что он-она отыгрывается за целую жизнь в пренебрежении. Его-ее вмешательство, пусть запоздалое, трусливое и глупое, вызывает одобрительный ропот, чего он-она и добивается.

Я словно режу под корень собственное сердце, но оставить Герду не могу. Не могу оставить ее одну здесь, внизу. Нельзя,

чтобы ее второй раз бросили. Они ее усыпили, оглушили наркотиком, мир плывет вокруг нее, мутные глаза съехались к переносице, но мне все же чудится – она ищет меня взглядом. Мы с нею на уровне пения крови в жилах понимаем друг друга.

Я склоняю голову.

– Значит, остаешься, – говорит Агнет, и лицо ее меняется: в нем удовлетворение, разочарование, гнев, триумф, презрение.

– Ради Герды – да.

Лицо Агнет застывает камнем. Может быть, она желала признания в любви после этой сцены? Герда обмякла и тяжело оседает на пол.

– Может, ей повезло, – говорю я. – Может, инъекция ее убила.

Толпа будто ждала, чем бы возмутиться.

– Вы слышите, что он говорит?

– Каков идиот!

– Псих!

– Эй, леди, вам нужен муж получше этого!

– Он и вправду сказал, что малышке хорошо бы умереть? Вы слышали?

– Да, он сказал, что девочке лучше умереть.

– Эй, ты, Пол Пот, вали из очереди. Мы здесь бежим от геноцида и не желаем брать его с собой.

Я не ввязываюсь в перепалку, спокойно отвечаю:

– Вряд ли мы знаем, что делаем.

Агнет сжимает билеты и сертификат на проход. Не выпуская Герду, пытается обнять двух младших мальчиков. На губах у Герды пузырьки слюны. Дверь лифта расходится во всю стену. Агнет шагает вперед, волоча за собой Герду.

– Давай я хоть понесу ее, – говорю я. Агнет меня не слышит. Я тащусь за ней. Кто-то толкает меня в бок. Я не обращаю внимания.

Итак, я ухожу вниз.

Они забирают удостоверения личности и оставляют у себя. Это мера безопасности, чтобы удержать внизу как можно большую часть человечества. Я сознаю, что мы никогда не увидим солнца. Ни закатных кучевых облаков, ни бликов на море, ни стайки сардин, плывущей серебристой вуалью в прозрачной воде. Ни птиц, которые могут запеть, а могут и улететь, ни бурой травы, ни пыльных полевых цветов у дороги. Гром не поразит *неак та,* в полночь не будет песнопений, и запаха жареной рыбы, и риса на полу храма.

Я сын Камбу. Кампучиец.

Я втискиваюсь в лифт.

– Эй, босс! – зовет кто-то. Звуж голоса раздражает меня

раньше, чем я узнаю человека. Ах, да, и еще усики этого самодовольного типа. Он работал у меня в отеле. Мой казнокрад. Он явно доволен, рад меня видеть. – Разве это не чудо? Погодите, вы еще не видели!

– Да, чудо, – бормочу я.

– Слушайте, – перебивает кто-то моего воришку, – этого парня ничем нельзя обрадовать.

– Он славный, – возражает тот. – Я у него работал. Верно, босс?

Бандит достался мне по наследству от моего начальника. Он украл у меня деньги на билет и сбежал… когда же? Да, два года назад. Эти люди могут считать его дружелюбным, но я ручаюсь, у него все еще при себе ворованные пистолеты, так, на всякий случай.

– Рад вас видеть, – лгу я. Понимаю, что спорить с множеством противников бесполезно.

Я чем-то насмешил его, и он показывает зубы в серебряной сетке. Мне становится стыдно, что оставшийся безнаказанным вор – теперь мой единственный друг, Агнет, которая знает эту историю, фыркнув, отворачивается.

– Надо было искать мужа с человеческими генами, – бормочет она.

Никогда, никогда не вступайте в чужие сны. Лифт зеркальный, и в нем играют световые голограммы, словно мы стоим в бесконечном кристалле, блистающем на пути к слепящим небесам. В пляшущих огнях возникают названия брендов. «Гуччи». «Армани». «Сони». «Ямамото». «Хьюго Босс».

А над нами, ясные до конца и от начала, – звезды. Лифт идет вниз.

Эти звезды дорого нам обошлись. Все лица вокруг меня дружно обращаются вверх.

Целая нация обанкротилась в попытке добраться туда, к звезде-карлику и планете из ледяного метана. «Аризона» аннигилировала, когда материя наконец встретилась с антиматерией во время попытки создать двигатель. Тяжелый частично собранный корпус все еще вращается на орбите и рано или поздно упадет. Сапиенсы, оставшиеся позади, на нулевом уровне, возможно, примут его за комету.

Но попытка построить этот самодостаточный звездный корабль подсказала нам замену.

На земной стороне вы, выходя за дверь, видите летящих птиц. Едва сядет солнце и кусты расцветут светляками, вы разглядите силуэты летучих мышей. В жаркий полдень гудят отяжелевшие от пыльцы пчелы, и, клянусь, даже рыбы умеют летать. Но между

звездами не летает ничего, кроме энергии. Хотите обратиться в энергию, как «Аризона»?

Поэтому мы уходим вниз. А не вверх.

– Первое, что вы увидите, – главный вестибюль. Он развеет вашу клаустрофобию, – вещает мой казнокрад. – Это самое большое открытое пространство в Сингапурской зоне. Оно, как вы убедитесь, действительно чертовски велико.

Путешественники одобрительно хихикают. Я гадаю, не подают ли отчасти веселье через динамики.

Бедная Герда, она второй раз проснется в ином, новом мире. Боюсь, она этого не вынесет. Стены лифта поворачиваются вокруг оси, отражая новые осколки света, и мы выходим.

Десять этажей брендов по кругу – полированный мрамор полов, кондиционеры, бормочущие тележки, зверушки-роботы – «они не гадят», – детишки в новейших надувных башмаках.

– Что вы об этом думаете? – пристает ко мне сеть малайцев. И одним движением поворачивает ко мне все головы, даже головы женщин в скромных платках.

– Думаю, это похоже на Куала-Лумпур дождливым вечером.

Коридоры торгового центра тоже уходят в бесконечность – занимайтесь покупками до самой Альфы Центавра. Конечно, это иллюзия, как в павильоне зеркал.

Очень приличная техника, она обманывает глаз на добрых тридцать секунд. Чтобы обманываться дольше, надо хотеть обмануться. В конце коридора, протянувшегося к чему-то вовне, виден единственный огонек, далекий и чистый.

Мы переделали мир.

Агнет выглядит совсем измученной.

– Я хочу пить, где здесь бар?

Мне тоже нужно уйти, подальше от людей, которые знают, что для моей жены я больше ничего не стою.

Наша маленькая тележка разыскивает нас, восторженно окликает по именам и дает советы. Здесь, в торговом центре «Рамли», на десятом уровне главной башни, мы можем выбирать из бара «Инфинити», клуба «Маллака» («Разделите удовольствие с Моэмом!»), «Британской Индии», обзорной вышки Куала-Лумпура…

Агнет выбирает «Приморский» – не знаю, по доброте или в насмешку.

Я вхожу в бар с высокими потолками, и на минуту сердце вспыхивает надеждой. Здесь море, острова, мосты, паруса, чайки и пляшущие солнечные блики. Дымки в баре имитируют морской туман, и сахарный воздух поднимает настроение. На другом

конце бара – что-то похожее на гигантский рыжий шар (на самом деле это половинка шара, вторая – просто отражение). Люди раскинулись на песке с названиями брендов («Гарантированно сметается и испаряется!»). Расположенное в пятидесяти метрах над головой виртуальное зеркало удваивает расстояния, так что, подняв глаза, вы видите себя на высоте ста метров, как бы в полете. Сеть малайцев поспешно выкладывает своими коллективными телами слово «ДОМА». Мы пьем мартини. Герда все спит, и я опасаюсь, что она не проснется.

– Так, – говорит Агнет, и ее тон вдруг падет и становится сравнительно мирным. – Извини за то, что там произошло. Нам обоим было тяжело. Я тоже сомневалась. В смысле, стоит ли сюда уходить.

Она накрывает мою руку своей.

– Я всегда буду тебе благодарна, – говорит она и не лжет. Я играю ее пальцем. Кажется, я купил ее верность.

– Спасибо, – говорю я и понимаю, что она потеряла мою.

Она пытается вернуть любовь, сжимая мою руку.

– Я знаю, ты сюда не хотел. Знаю, что это ради нас.

Даже мальчики чувствуют, что как сильно все изменилось. Сампул и Тарум молча разглядывают нас круглыми карими глазами. Не так ли было с их папой номер один?

Старший, Рит, презрительно фыркает. Ему нужно возненавидеть нас, чтобы вылететь из гнезда.

У меня так саднит сердце, что я не могу говорить.

– Что ты будешь делать? – спрашивает она. Вопрос звушит потерянно, и она пытается сменить тон на легкомысленный. – Есть идеи?

– Открою казино, – говорю я, чувствуя себя мертвым.

– О, Чанна, какая мысль! Чудесно, просто великолепно!

– Не правда ли? Всем этим людям нечего делать.

Нужно же им приносить куда-то порошок. Я смотрю на море.

Рит закатывает глаза. Где для него выход отсюда? Я не знаю. Вижу, что ему тоже придется уничтожить свое наследство. Что он будет делать: бурить скалу? Нырять в лаву? Или из чистого протеста снова поднимется на землю?

Действие наркотика кончается, и Герда просыпается, но взгляд у нее спокойный, она с интересом рассматривает столик и еду. Затем девочка выходит наружу, в торговый центр, и вдруг взвизгивает от смеха и бежит к перилам. Она указывает на светящуюся желтую вывеску с черными ушками и произносит: «Дисней!» Она все бренды называет вслух, как имена старых друзей.

Я ошибался. Герда здесь дома.

Я вижу себя, блуждающего по шепчущим мраморным полам, словно призрак, слушающий голос того, что умерло.

Мы уходим в наш номер. Он очень похож на проклятое казино, только здесь за стеной нет лодок, впихивающих вам в руки наживку, нет песка, обжигающего ноги. Камбоджи больше нет – для нас.

Агнет вне себя от восторга.

– Какое тебе хочется окно?

Я прошу центр Пномпеня. Лес острых серых небоскребов до горизонта. Под дождем, прошу я.

– Нельзя ли что-нибудь повеселее?

– Конечно. Как насчет тюрьмы Туол Сленг?

Я знаю, что не нужен ей. Я знаю, как сделать ей больно. Я ухожу погулять.

На куполе наверху туманность Конская Голова. Сияющая, дивная, смертоносная, через нее тридцать лет пути на скорости света.

Я захожу в аптеку. Аптекарь похож на шарлатана из рекламного объявления. Я спрашиваю:

– Нет ли… нет ли отсюда выхода?

– Можно подняться на Землю без документов. Такие попадают в лачуги на Сентосе. Но вы ведь не того хотите?

Я только качаю головой. Мы словно отредактированы так, чтобы ничего подозрительного не прозвучало. Он дает мне крошечный белый пакетик с синей надписью.

Мгновенно и безболезненно, как у незадачливых клиентов в моем казино.

– Не здесь, – предупреждает он меня. – Унесите куда-нибудь, например в общественный туалет.

Ужас – пакетик не запечатан. Я его трогал, порошок мог остаться у меня на руках, смахнуть где попало нельзя – вдруг дети лизнут?

Тогда я понимаю, что не хочу умирать. Я просто хочу домой и всегда буду хотеть. Я – сын Камбу, кампучиец.

– А, – говорит аптекарь с довольным видом, – знаете, Будда учил смиряться.

– Почему же мы не смирились с Землей? – спрашиваю я.

Аптекарь пожимает плечами, обтянутыми белым халатом.

– Нам всегда хочется чего-то другого.

Мы всегда должны двигаться дальше, и, если не можем покинуть дом, он сводит нас с ума. Запертые, обезумевшие, мы затеваем что-то новое.

До настоящего человека мне еще одна ступень. Я вспоминаю своего дядю: как только его дети и дети его брата подросли, он

покинул нас, чтобы стать монахом. Так завершалось создание человека в былые времена.

Я стою, и рядом со мной – миска для заслуг перед храмом. На мне оранжевое одеяние, как и на других. Рит, как ни странно, присоединился ко мне. Он воображает, что бунтует. Люди Шри-Ланки, Лаоса, Бирмы и моей родины дают нам еду для своих умерших. Мы благословляем ее и поем на пали:

Все компоненты мира воистину преходящи.
В их природе возникать и разрушаться.
Возникнув, они перестают быть.
Остановить этот процесс – блаженство.
Незваный он пришел сюда,
Без позволения он уходит отсюда.
Как он пришел, так и уходит.
Откуда же может быть скорбь?

Мы добиваемся, чего хотим. Мы – наш вид – всегда получаем то, что хотим, верно? Так или иначе.

ДЖЕЙМС ВАН ПЕЛТ
УТЕШЕНИЕ

Рассказы Джеймса ван Пелта публиковались в «Sei Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Analog», «Realms of Fantasy», «The Third Alternative», «Weird Tales», «Tale-bones», «Alfred Hitchcock's Mystery Magazine», «Pulphouse», «Altair», «Transversions», «Adventures in Sword & Sorcery», «On Spec», «Future Orbits» и других изданиях. Первой книгой писателя стал сборник «Бродяги и попрошайки» («Strangers and Beggars»). Вслед за ним он выпустил свой первый роман – «Лето апокалипсиса» («Summer of the Apocalypse»), Затем вышел еще один сборник – «„Радиоволшебники" и другие рассказы» («The Radio Magicians and Other Stories»). Джеймс ван Пелт проживает с семьей в Гранд-Джанкшен, штат Колорадо, где преподает английский язык в старших классах и колледже.

Эта история о человеке, лютой зимой из-за снегопада оказавшемся взаперти в генераторной будке над старой шахтой. Он должен не только пытаться выжить, но и всеми силами поддерживать работу электричества и вентиляции, несмотря на вызовы, которые бросает ему природа. Много веков спустя его мужество и решимость подают пример молодой женщине на корабле-колонии, совершающем долгое межзвездное путешествие.

Видеостена не протянула и двух циклов сна. Когда Меган впервые проснулась (через сотню лет после начала четырехтысячелетнего путешествия к Зета Ретикула), она махнула рукой в сторону сенсора, и перед ней появился пейзаж Хрустальной реки. Листья ясеня трепетали от легкого ветерка, которого она не чувствовала. Сама река пересекала экран, появляясь меж деревьев, прыгая по камням, смеясь и шипя в громкоговорители, прежде чем иссякнуть у самого пола внизу картинки. На правом берегу на сером граните стояла генераторная будка, оставшаяся от шахты девятнадцатого века. Высокий желоб для воды спускался от домика по скалистому берегу в заводь. Девушка сделала снимок во время последнего похода, перед началом подготовки к полету. В комнате каждого члена команды был дисплей, но лишь у нее он все время показывал одну и ту же картину. Меган присоединялась к команде на двухнедельный рабочий период, затем возвращалась в кровать для долгого сна.

Но когда она проснулась во второй раз, через двести лет после того, как корабль покинул земную орбиту, лист металла оставался тусклым и пустым. Меган сидела на краю койки,

опустошенная, зная, что свинцовые конечности – результат столетнего сна, но предпочитая думать, будто это вызвано печалью. Горы нет. Реки нет. Деревянной будки, стоящей под ясенем, – нет. Она вызвала Тига, командира расчета.

Пока тот не пришел, Меган достала из-под кровати коробку, в которой хранила сувенир с Земли – шахтерский подсвечник, с острием на конце, медной ручкой и железным кольцом для свечи. Она нашла его в яме у генераторной будки после того, как сделала снимок. Подсвечник был приятно тяжелым и сбалансированным. Девушка счистила ржавчину, и металл засиял, но на некогда гладкой поверхности остались рытвины. Меган нравилось ощущать пальцами его шероховатости.

Проверив соединения, Тиг сказал:

– Эта экспедиция от начала и до конца – эксперимент. – Он открыл бокс с панелью ручного управления дисплеем, которая располагалась внизу стены. – Единственный способ выяснить, как время воздействует на технику, – наблюдать за ней в течение долгого времени, чем мы, собственно, и занимаемся. – Тиг захлопнул крышку. – По-настоящему важно на протяжении всего пути поддерживать функционирование лишь систем жизнеобеспечения, навигации и силовых установок. Ты обеспечиваешь бесперебойную работу гидропоники. Я чиню технику. Команда обслуживает электростанцию. Раз в двадцать пять лет просыпается одна из четырех команд, но у нас нет времени на починку предметов роскоши вроде твоей видеостены. Мы – своего рода сторожа. – Он провел рукой по тусклой поверхности. – Корабль уже старый, а путь еще очень, очень неблизкий.

– Нам тоже нужно функционировать. Нам, людям.

– Ну да. – Он потер подбородок, глядя на лежащий на ее коленях подсвечник. – Интересная вещь. Ручка отвинчивается?

Меган покрутила ее.

– Похоже, заклинило.

– Можем открыть в мастерской.

Она покачала головой.

Когда Тиг ушел, Меган попыталась вспомнить, как выглядит и звучит река. Пока видеостена работала, она чувствовала ветерок на лице и запах воды, бегущей по камням. Меган представляла даже неровности земли, скользкие мокрые скалы, сладкий аромат встревоженных листьев. Закрыв глаза, девушка попыталась воскресить воспоминание. Разве земля не была немного скользкой из-за гравия? Разве над головой не кружилась ворона? Когда Меган была маленькой, умерла ее мать. Месяц спустя она не могла вспомнить мамино лицо. Лишь покопавшись

в альбомах, Меган удалось снова почувствовать, какой та была. Теперь было совсем так же, но вспомнить она не могла Землю. Металлические стены, синтетическое напольное покрытие, постоянный шум вентиляции словно были всегда, а Земля постепенно ускользала в небытие.

Меган положила ладонь на пустую стену. «Всего два года, – подумала она. – Через два года я покину корабль, если на планете в системе Зета Ретикула возможна жизнь». Девушка вздрогнула. Субъективно – всего два года. Большую часть пути Меган проведет в коконе для сна. Если технология сработает, она покинет корабль через четыре тысячи реальных лет.

Однако Тиг был прав, говоря о неопробованной технологии. В экспедиции были одни прототипы. Сможет ли созданный руками человека прибор продолжать функционировать четыре тысячи лет спустя, даже если за ним следят? Египетским пирамидам было четыре с половиной тысячи лет, и они все еще стояли – но это же всего лишь груды камней, а не сложное космическое оборудование. От них вовсе не ожидалось, что четыре с половиной тысячи лет спустя они зайдут на орбиту далекой планеты и к тому же будут поддерживать пригодную для жизни среду во враждебном пространстве.

А люди на борту Единственное испытание технологии, которая будет поддерживать жизнь в человеке на протяжении четырех тысяч лет и сохранит семя и яйцеклетки, продлится четыре тысячи лет. Доктор Арнольд, который знал наизусть медицинские карты всей команды, сказал Меган, что она страдает от тоски по дому. Как и ей и остальным членам экипажа, доктору Арнольду было чуть больше двадцати, но говорил он с достоинством зрелого человека. Меган доверяла ему.

– Присматривайтесь к таким симптомам, как эпизодический или постоянный плач, тошнота, бессонница, сбои менструального цикла, – говорил он, сверяясь с записями. – Разумеется, симптомы эти также могут быть вызваны продолжительным сном. – Его ассистент, доктор Сингх, молча кивала.

– Доктор Арнольд, моя последняя менструация была лет двести назад.

Меган уже ощущала старость. Солнце осталось всего лишь яркой звездой далеко позади, и она казалась себе изношенной, почти несуществующей, ближе к мертвым, чем к живым. «Не могу я отсюда чувствовать притяжение Земли, – думала она. – Не надо было вообще соглашаться лететь. И они должны были понять, что специалисту по гидропонике придется худо вдали от лесов и бескрайних горных лугов. Даже когда мы прилетим, если все пойдет хорошо и планета окажется гостеприимной, пройдут

долгие годы, прежде чем мы вырастим земные деревья, под которыми можно будет посидеть. Я больше никогда не увижу ясень. Я не выдержу».

Айзек пододвинул табуретку ближе к маленькой печке. Если сидеть достаточно долго и близко, тепло пробьется сквозь перчатки и рукава пальто. Колени, всего в нескольких дюймах от огня, едва не поджаривались, но спина по-прежнему мерзла. Холод пробирался под капюшон. Он покосился на кучку дров у печи – остатки стола, который он вчера расколотил. Все пожитки лежали на полу хижины: полки он уже сжег. Кроме остатков стола деревянными тут были только коробочка щепы на случай, если огонь погаснет, и табуретка, на которой он сидел. Выпало так много снега, что найти валежник было невозможно. А все деревья в радиусе мили срубили на нужды шахты или обломали нижние ветки для растопки печей. Дрова, которые он жег последние дней десять, пришлось тащить целых четыре мили от местечка вниз по течению. Но это было задолго до того, как начался буран и видимость сократилась до нескольких футов.

В комнате внизу размеренно работал механизм. Вода текла по рудопромывному желобу и вращала колесо, соединенное с генератором. Кабели бежали вверх по склону горы к компрессорам шахты, выкачивающим затхлый воздух из тоннелей и запускающим буры, но Айзек не знал, там ли шахтеры. Возможно, их тоже завалило в домиках близ забоя или в городке Кристал. Но если они в шахте, компрессоры должны работать.

Он взглянул на окно. Толстый слой изморози покрывал стекло изнутри, и выпало столько снега, что тусклый свет едва проникал в комнату. Окошко в крохотном помещении обслуживания на втором этаже находилось не более чем в пятнадцати футах над землей. Двухнедельный снегопад почти завалил домик. Десять дней назад, когда снабженец закинул мешок вяленого мяса и две краюхи хлеба, он сказал: «Впервые зимуют в горах, парень? Будет так холодно, что моча застынет в воздухе, не забрызгав сапог».

Последние три дня Айзеку не удавалось открыть входную дверь. Ее завалило тяжелым снегом. Он потер друг о друга руки в перчатках, пытаясь отогреть их. Скрипели деревья. Что-то громко затрещало над головой. Он посмотрел на мощные балки, поддерживающие крышу. Долго ли они еще выдержат? Сколько снега лежит там, над ним?

Айзек вздохнул, не желая оставлять скромное тепло печки, – пора приниматься за работу. Он проверил, есть ли свечи в кармане пальто, и, освещая себе путь «Липким Томми», спустился в темное помещение, где стоял генератор. Подсвечник

представлял собой причудливую конструкцию с медным держателем для спичек и прикрученной крышечкой, защищающей их от сырости и одновременно служащей ручкой. Лестница обледенела, воздух был сырой и холодный. Он воткнул острие «Томми» в дощатую стену, затем осторожно зажег свечу, держа спичку обеими руками; Айзек весь дрожал. Масло для лампы кончилось два дня назад. Колеблющееся пламя свечи осветило воду, падающую из желоба на колесо, медленно вращающееся против часовой стрелки. Айзек расчистил желоб ото льда с помощью стамески и двухфунтового молотка. Если механизм встанет, шахтеры останутся без электричества и вентиляции. Куски льда размером с голову упали на неровный пол и откатились к противоположной стене. Несмотря на холод, Айзек скоро вспотел. Он стянул капюшон и расстегнул верхние пуговицы пальто. Когда Айзек закончит, придется снять пальто, несколько рубашек и сменить промокшее белье, иначе позже он замерзнет и не сможет спать.

Айзек подумал, что работа его чем-то напоминает жизнь в монастыре: и обет молчания, и постоянный труд, чтобы занять руки. Он стал размышлять о Боге и его замысле. Работая в одиночестве, Айзек чувствовал себя как никогда близко к небесам – вдали от людских разговоров и дневной суеты. Он даже отчасти надеялся, что буран не прекратится. Пока погодные условия удерживают его здесь, Айзек может жить, как в монастыре. Ему нравилось, какая у него тут комната. Грубо сколоченная кровать и одеяло, наброшенное на тонкий матрас. Читать он мог при свече. Да, будка генератора напоминала монастырь. Деревянная постройка казалась ему колыбелью чудес, тех, что не случались, когда он был юным послушником. Однако тогда не было так холодно.

Меган медленно очнулась, ей было больно. Четыре цикла назад доктор Арнольд решил, что сильные болеутоляющие, которые использовались для облегчения перехода от состояния, близкого к смерти, к глубокому сну и пробуждению, обладают разрушительным действием. Поэтому на этот раз ее организм не стали накачивать ими. Она лежала в коконе, стараясь не двигаться, локти и колени ныли, лодыжки и запястья – тоже. Болели даже костяшки пальцев. Из каждого глаза к ушам сбежало по слезинке, когда она впервые за сотню лет решила сама сжать кулаки. Каждое движение причиняло боль, даже несмотря на то что механические манипуляторы каждый день разминали ее суставы.

Когда она в последний раз засыпала, командир расчета Тиг

отказался от погружения. Она пожала ему руку, перед тем как забраться в кокон.

– Все будет хорошо, – ободряюще произнес он. – Я проживу долгую насыщенную жизнь, работая на корабле. Через двадцать пять лет приму новую **команду.**

– Я вас больше не увижу, – голос Меган дрогнул.

– Может, и увидишь. Но я буду старым. – Тиг старался не смотреть ей в глаза. – Я боюсь темноты.

Меган нечего было сказать на это – она понимала. Каждый раз погружение в кокон казалось приближением к смерти. Миг длиной в сто лет, а потом мучительное пробуждение. Болела даже кожа – активизировавшиеся клетки гоняли нейроны, возобновляя столь долго дремавшие контакты, но в этот раз, лежа в коконе, она думала о Тиге, как он ходит по кораблю, пока вся команда спит, и так он будет блуждать долгие-долгие годы, и двадцать пять из них – в полном одиночестве, пока не проснется следующая команда, и что он им скажет? У него будет опыт длиной в четверть века, не разделенный ни с кем из них. Они будут еще молоды – если не считать по годам. Тиг поздоровается с ними – ну, например, так: «Привет, я – тот, кем вы однажды станете». В нем они увидят свидетельство собственной смертности. Потом он будет ждать еще двадцать пять лет, один, и если останется жив, поприветствует следующую команду, проснувшуюся для двух недель напряженной работы. Едва ли Тиг встретит третью команду. Ему будет девяносто семь, и, что бы он ни говорил, командир точно не доживет до ее пробуждения.

Меган закрыла глаза, когда крышка кокона опустилась. Мускулы напряглись. Через миг придет боль – и это будет миг длиной в столетие. Лишь через несколько часов девушка смогла добрести до больничного отсека. В этот раз просыпаться было еще тяжелее. Доктор Арнольд с сожалением сказал:

– Мы еще даже пятую часть пути не преодолели. – Он растер ее руки, которые словно пронзил миллион игл. – Кто-то из медперсонала может бодрствовать больше двух недель – им нужно заниматься исследовательской работой. – Доктор Арнольд был молод, как и она, но на лбу уже появились маленькие морщинки, которые со временем стали глубже.

Меган подумала, что у него добрые глаза. Когда она вздрогнула, он тоже вздрогнул.

– Простите, я стараюсь как можно аккуратнее.

Добравшись до своей комнаты, Меган сняла с кровати защитный пластик и нашла на подушке хрупкую записку от командира расчета Тига: «Проверь стену». Он оставил ее двадцать лет назад. Это написал старик, подумала она.

Она махнула рукой в сторону сенсора, и левый бок пронзила боль. Стена замигала. Громкоговорители зашептали. Потом показалась Хрустальная река. Вода бежала по камням, шелестели листья. Длинное облако вдали медленно ползло над вершиной горы. Долго ли Тиг трудился над стеной? Подарок девушке, которую он больше не увидит.

Громкоговорители два раза щелкнули, затрещали микросхемы, звук отключился, потом картинка стала ярче и экран побелел. Починки хватило на десять секунд. А сколько времени потратил Тиг? Меган попыталась открыть щиток, но не смогла. В отчаянии она ударила по нему рукой, потом вытащила из-под кровати металлический подсвечник. Острым концом получилось приоткрыть крышку. Однако осмотр микросхем, расположенных под ней, ничего не дал. Она не разбиралась в таких вещах. Снова закрыть щиток не удалось. Меган долго смотрела на пустую стену, потом пошла искать доктора Арнольда и его мягкие добрые руки.

– Что это? – спросил он, указывая на подсвечник.

Меган покрутила артефакт в руках. Она и забыла, что прихватила его с собой.

– Это все, что у меня осталось с Земли. Шахтерский светильник.

Оставшееся от двух недель время, пока команда снова не вернулась в коконы, Меган спала с ним. В первый раз, когда девушка стянула с него рубашку через голову, он сказал:

– И хватит уже называть меня доктором Арнольдом. Меня зовут Шон.

Однажды Меган проснулась, все еще не привыкшая к его телу, и прислушалась к их дыханию в темноте. Оно напомнило ей о ветре в листьях ясеня.

Айзек думал о разных формах медитации. Он научился укоренять вопрос в своем уме, затем проводить целые дни, размышляя о его сути и следствиях. Айзек читал Библию и многочисленные труды, хранившиеся в монастырской библиотеке. Медитация лучше всего удавалась, когда он держал обет молчания. Наконец вопрос начинал светился у него в голове, словно угли костра. Теперь, лежа на кровати, тесно прижав руки к телу, пытаясь не дрожать, он размышлял о том, почему Бог допускает холод. В Книге Бытия было сказано, что холод – один из способов, которыми Бог показывает человеку, что Земля пребудет. Там было написано вот как: «Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся»[61].

Ночью крыша громко заскрипела, и на пол упала куча снега.

Высоко подняв «Липкого Томми», Айзек увидел место, где проломилась доска. Он задумался, как выбраться наружу, чтобы скинуть снег с крыши, но ветер ревел, и в окно уже не было ничего видно. Айзек даже не знал, день сейчас или ночь. Разве бывает такой буран? Он никогда раньше не жил в горах. В монастыре было нелегко, но там его не научили выживать здесь. Если бы на Ноя обрушилось сорок дней снега, а не дождя, хуже, чем сейчас Айзеку, ему бы точно не было.

Библия не помогла прояснить вопрос о снеге. В основном он появлялся в ней в сравнении «белый, как снег», в десятке отрывков. Он вспомнил, что пророки связывали его с проказой. При свече он нашел этот стих в Книге Чисел. Листать в перчатках было невозможно, он стряхнул их и сунул между ног, чтобы согреть. В стихе говорилось: «И облако отошло от скинии, и вот, Мариам покрылась проказою, как снегом. Аарон взглянул на Мариам, и вот, она в проказе»[62]. В Книге Исход он нашел сюжет о Моисее, обратившем жезл в змею и снова в жезл. Тогда Бог сказал Моисею: «Положи руку твою к себе в пазуху. И он положил руку свою к себе в пазуху, вынул ее, и вот, рука его побелела от проказы, как снег»[63]. Даже Богу не нравился снег.

Крыша снова заскрипела, и на растущий на полу сугроб посыпалась снежная пыль. Дверь не подалась. Сдвинуть навалившуюся на нее тяжесть было нельзя, и тогда он открыл окно. Показалась сплошная белая стена. Он ткнул в нее лопатой, сбросил снег на пол, снова копнул. Полчаса спустя он прорыл тоннель на поверхность, примерно на фут выше окна. Он вытолкнул широкие снегоступы наружу и выбрался следом сам. Ветер ударил ему в лицо, когда он выкатился на поверхность, и рука увязла до подмышки, когда он сделал попытку опереться на нее. Пристегивать снегоступы пришлось дольше, чем ему хотелось бы. Снег набился в ботинки, смерзся комочками на перчатках, посыпался за шиворот. Он не видел даже деревьев, стоявших в двадцати футах от генератора. Глаза слезились, щеки щипало. Серое свечение воздуха указывало на то, что сейчас все-таки день, но точно он сказать не мог, и потом, это было не важно.

Судя по высоте снега на будке, он думал, что долина реки покрыта двадцатифутовым слоем снега, но теперь было видно, что дом засыпало лавиной. Когда он встал на снегоступы, оказалось, что свес крыши приходится вровень с его грудью, а снег лежит выше его головы. Айзек понимал, что сбивать эту тяжесть – опасно. Если все скатится с крыши сразу, его с легкостью завалит, и потому он осторожно копнул край, пытаясь дотянуться лопатой как можно дальше. Слетел целый пласт,

обнажив дранку. Копнул снова – и пласт размером с гроб упал так тяжело, что он почувствовал удар ногами. В снеге, все еще лежащем на крыше, показалась трещина. Увидев, что она увеличивается, Айзек попятился как можно быстрее, и две трети массы медленно соскользнули, оставив лишь тонкий слой на коньке. Снег закрыл отверстие, из которого он только что выбрался.

– С ума сойти, – сказал он, употребив самое крепкое выражение, на какое был способен. Дыхание застывало на подбородке. Прежде чем он сможет пробраться в дом, придется почистить противоположную сторону. Высоко поднимая колени, чтобы отряхнуть снегоступы, он двинулся вокруг здания.

Пробираясь по снежным заносам, он думал о книге пророка Амоса, в которой говорилось: «И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут домы с украшениями из слоновой кости, и не станет многих домов, говорит Господь»[64]. Поразить Айзеку не мешало бы, хоть немного.

Когда мужчина прорыл обратный путь в генераторную будку и закрыл окно, сил уже не осталось, но, что еще хуже, он замерзал. Огонь в печке погас, и без слоя снега на крыше по комнате гулял сквозняк. Водяное колесо угрожающе заскрипело, и вместо того чтобы попытаться разжечь огонь, он вставил свечу в подсвечник и спустился по лестнице. В желобе образовался лед. Колесо вращалось вдвое медленнее, чем должно. Вода выплескивалась на пол, стекала под откос к дальней стене и замерзала.

Слишком усталый, даже чтобы сказать вполне уместное «с ума сойти», он ударил молотом по ледяному засору. Тот едва треснул, и он поскользнулся и упал под колесо. Его окатило ледяной водой. Айзек отполз, скользя. Если он сейчас же не очистит желоб, колесо встанет намертво. Механизм может стать непригодным для использования до весны и будет нуждаться в серьезном ремонте.

На этот раз аккуратно, распределяя вес на обе ноги, Айзек направился к желобу с молотом в руке. Он думал о Ламехе, отце Ноя, о котором в Библии говорилось: «и нарек ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Господь»[65]. Проклятием был лед, трудом – молот. Айзек так замерз, что едва мог держать тяжелый инструмент, но все же ударил им по засору.

Когда она снова проснулась, над коконом склонился пожилой мужчина.

– Не двигайся, Меган. Тебе не будет больно, но может

несколько минут тошнить.

Она закрыла глаза. «Мне пятьсот двадцать лет, – подумала девушка. – Впереди еще три с половиной тысячи». Когда Меган открыла глаза, старик все еще склонялся над ней с озабоченным видом. Он протянул руку и положил ладонь ей на предплечье.

– Ты в порядке?

Она осторожно кивнула, потом подождала – интересно, будут ли у движения неприятные последствия? В желудке что-то крутило, но дискомфорт прошел.

– Думаю, да. – Суставы не болели, но соображалось туго. Меган пригляделась к нему. – Командир расчета Тиг?

Мужчина покачал головой:

– Нет, он умер.

Меган прищурилась:

– Доктор Арнольд?

Он кивнул.

– Я все еще Шон. Чтобы понять, что не так с долгим сном, понадобились годы.

– Сколько?

– Почти сорок.

Она вспомнила гладкую кожу Шона. Какой та была на ощупь, когда Меган просыпалась, а он еще спал. Как Шон обнимал ее, когда она говорила о Земле и своих страхах.

– Я умираю, – сказала Меган в их последнюю ночь вместе. – Мы никогда не доберемся туда, куда направляемся, и никогда не вернемся обратно.

Прошлой ночью, сто лет назад, Шон осторожно укачивал ее, прижимая голову девушки к груди.

– Мы еще не умерли.

Теперь она не узнавала его глаза. Шон протянул руку, чтобы помочь ей выбраться из кокона, но Меган не приняла ее. Он был чужой. Девушка села сама, и ее опять затошнило. Когда все прошло и она вылезла, Шон отошел, печально глядя на нее.

– Я скучал по тебе.

– Для меня прошло всего несколько минут.

– Это правда.

Она неловко постояла, не зная, что сказать.

Наконец она произнесла:

– У меня работа.

– Разумеется. У меня тоже.

На других коконах мигали лампочки, и она поняла, что ее он разбудил первой.

В течение первой недели Меган видела его только за едой, но садилась в другом конце кафетерия. Она старалась не думать о

пустой стене и подсвечнике. Девушка запрещала себе вытаскивать коробку из-под кровати. Она думала: может, если я не буду смотреть на подсвечник, мне перестанет его не хватать. Я не буду скучать. Меган сосредоточилась на гидропонике. Было необходимо перепроверить и подогнать все соединения. Она присоединяла трубки, чинила насосы, сортировала оборудование для химических анализов, беседовала с агрономами, которые говорили о генетическом дрейфе, мутациях и эволюции. За прошедшие пятьсот лет растения адаптировались к искусственной среде. Успешно усваивающие питательные вещества из растворов заметно вытянулись. Высокие и быстрорастущие вытесняли своих более слабых сородичей.

В часы отдыха она не могла спать и возвращалась в отсеки с гидропоникой. Все растения были низенькие, они отлично росли под искусственным освещением. Томаты, клубника, огурцы, различные виды папоротников, свекла, перец и много чего еще. Высоких растений не было. Семена хранились до прибытия на Зета Ретикула, хотя было неизвестно, взойдут ли они. Никогда еще никто не сажал четырехтысячелетнее семечко. Она прошла вдоль длинного ряда, легко проводя ладонью по верхушкам растений и представляя себе ясень на борту корабля. Появится ли однажды на планете, вращающейся вокруг Зета Ретикула, ясеневая роща? Если взойдет всего одно семечко, оно сможет дать начало целому лесу. Будут ли земные деревья расти вдали от родного солнца?

Страх комком сжался в груди, и она потерла ее кулаком, пытаясь успокоиться. В конце ряда с растениями Меган подняла глаза к одной из длинных спиц – гигантской пустой камере, достигавшей самого сердца корабля – центра, вокруг которого вращался этот механизм, создавая иллюзию гравитации. Она привыкла к эффекту, который вначале ее дезориентировал, – к переходу от давления маленькой комнаты для проращивания к ошеломляюще широкому пустому пространству. Девушка пересекла диаметр спицы, пятьдесят футов, и оказалась у следующего ряда.

В конце последнего рабочего дня перед новым погружением в кокон Меган в последний раз прошла мимо растений. Они пахли влагой и чем-то химическим, но не естественной зеленью. Меган продолжала идти, пока не оказалась у комнаты Шона. Она медлила. Казалось, всего две недели назад девушка поцеловала на прощание молодого человека. Она не могла себе представить корабль без него. Каждый день ждала, что Шон выйдет из-за угла и присоединится к ней в лабораториях гидропоники. Но он не приходил. Вместо этого старик скорбно смотрел на Меган, когда

та проходила мимо. Он пожертвовал сорока годами, чтобы спасти ее и остальных. Меган едва не ушла.

Когда Шон открыл дверь, она сказала:

– Я тоже скучала по тебе.

Шон впустил ее, в безжалостном свете лампы на его руке были видны пигментные пятна.

– У меня для тебя кое-что есть. – Он открыл ящик и достал металлический подсвечник. – Я знаю, как много он для тебя значил. Думал, не попросить ли открыть его для тебя. Мы бы посмотрели, есть ли что-нибудь внутри.

Меган провела пальцем по кольцу, в которое некогда вставляли свечу. Потерла шершавый медный колпачок на конце. Если повернуть другой стороной, он был похож на оружие – длинный узкий пятидюймовый шип, который закреплял подсвечник в стене шахты или в досках, мог еще и ранить.

– Я уже и забыла, – солгала она.

Продолжая тихо говорить в его комнате, Меган снова увидела человека, которого знала. Увидела, несмотря на редеющие волосы, морщины и усталость.

Когда позже они скользнули под простыни, Шон сказал:

– Мне теперь особо нечего предложить. Я… немолод.

– Тогда просто обними меня, и давай поспим.

Но когда они лежали и Меган, слушая его дыхание, думала о шелесте ветерка в ясеневой роще, Шон проснулся, и девушка узнала, что в нем больше жизни, чем она думала.

Айзек стоял у остывшей печки. С него больше не капало. Одежда хрустела при каждом движении. У самой кожи, однако, она была мокрой и вытягивала то немногое тепло, что оставалось. Когда Айзек сбивал снег с крыши, одна из потолочных досок окончательно сломалась, и припасы под ней были завалены снегом, включая коробки со спичками. Ему пришлось разгрести эту кучу, чтобы найти их. Но коробки были помяты, а спички испорчены. Когда он попытался зажечь огонь, то лишь размазал серу с головок.

Туго соображая, словно в полузабытьи, Айзек с минуту простоял на коленях. Хлопья сыпались сквозь дыру в потолке, крутясь на ветру, которого прежде не было. Без спичек ему не разжечь огонь. Может, снова удастся надеть снегоступы и пробраться к хижинам шахтеров… Айзек знал, что в такой сильный буран не сможет подняться по крутой тропе. Да и одежда на нем промокла насквозь, и он страшно устал. Айзек не чувствовал коленей на снегу, холод полз вверх по ногам. Мужчина подумал, что можно просто вот так застыть на месте.

Подбородок медленно склонился на грудь. Мысль об отдыхе радовала. Через несколько минут он встанет, но пока все, что ему нужно, – это немного поспать. Однако его беспокоили дрожание и мерный стук генератора внизу, Мужчина испугался и встал. Если уснуть, генератор уж точно замерзнет, и он тоже. Если бы Айзек не имел обязанностей, то мог бы отдохнуть, но от него зависели другие.

Он помахал руками, чтобы восстановить кровообращение, похлопал ладонями по предплечьям, затем, шатаясь, пошел к лестнице. Ветер тряс домик с новыми силами. Не было видно света в глубине, свеча потухла. Айзек медленно двигался, держась рукой за доски, чтобы снова не упасть на скользкий пол, пока не наткнулся на «Липкого Томми». За спиной забурлила вода под колесом. Он рывком выдернул подсвечник из стены, заставил себя вскарабкаться по лестнице и сел у печки. Понадобилось с десяток попыток, чтобы отвинтить медный колпачок, хранящий спички. Их было только три. Мужчина осторожно зажег одну, но, прежде чем он коснулся свечи, ветер задул ее. Айзек едва не расплакался. С этой новой дырой в крыше не найти места, где можно быть уверенным, что новая спичка будет гореть достаточно долго, чтобы разжечь огонь. Айзек открыл дверцу печки, сунул руки внутрь, подальше от ветра, чтобы зажечь вторую спичку. Она вспыхнула, но тяга в трубе тут же загасила ее.

Айзек глубоко вдохнул, перекрыл тягу и, прежде чем зажечь последнюю спичку, пробормотал молитву. Вода в ботинках, похоже, замерзала. Он вообще не чувствовал ноги. Спичка занялась и горела. Мужчина осторожно поднес фитиль свечи к пламени. Тот вспыхнул. Айзек сунул свечу меж двух обугленных поленьев и подкинул хворост для растопки. Вскоре из открытой печки повалил дым. Мужчина прокашлялся, глаза слезились, когда он разнес табурет на крупные деревяшки – последнее топливо, что оставалось в доме, но не открывал дымоход, пока железную печку не наполнило пламя. Бока ее дышали жаром. На крышке печки дымились его перчатки – мужчина грел руки. Постепенно Айзек снял одежду и развесил ее вокруг печки и завернул дрожащие плечи в одеяло. Вода капала с пальто и штанов. От печки исходил жар, пронизывая искрами пальцы и ступы. Щеки покалывало, он поморщился и пододвинулся ближе.

Деревянные стены дома трясло на ветру, и огонь в печке разгорелся, словно адское пламя. В самый страшный момент, когда дом едва не рухнул, ветер прекратился, и впервые за десять дней стало тихо, разве что сердце реки билось там, внизу, под генератором. Буран кончился. Во внезапной тишине хижины

Айзек потянулся за Библией, открыл ее и прочитал первый стих, на который упал его взгляд. Конечно, прекращение бури было чудом, и послание где-то рядом. Он записал стих на клочке бумаги, свернул его в трубочку, затем поместил в ручку подсвечника. Когда он закончил, лицо отогрелось, и пальцы ног перестали болеть.

После седьмого долгого сна Шон не проснулся.

– Он осознавал опасность, когда позволял себе стареть. Сон – процесс сложный. Простите. – Доктор Сингх пролистала записи. – Доктор Арнольд был великим человеком. Его труды по клеточной деградации и регенерации во время долгого сна – это прорыв. Будь он все еще на Земле, точно стал бы нобелевским лауреатом. Мы все доберемся до Зета Ретикула благодаря ему. – Сингх сочувственно покачала головой. – Понимаю, вы были близки.

Меган сжала край стола.

– Я видела его вчера… перед последним сном. Совсем недавно.

Она ощущала тяжесть каждой минуты из своих семисот двадцати двух лет.

– Я тоже, – сказала Сингх. – Если нужно, могу прописать вам антидепрессанты, но лучше не стоит. Трудно предугадать взаимодействие лекарств.

Меган прошла по длинному коридору к комнате Шона. Тонкие листы пластика закрывали его кровать и стол, покрытый слоем пыли. Несмотря на автоматические механизмы для чистки, она все равно оседала на поверхностях, которые были труднодоступны. Меган стянула пластик с его стола, и тот упал на пол. Шон оставил блокнот и ее подсвечник на середине. Она осторожно подняла обложку. Бумага, которая начала свой путь семьсот лет назад, даже очищенная от кислоты и специально обработанная для увеличения долговечности, стала хрупкой. Любые записи, от которых ожидалась хоть какая-то долговечность, делались на пластиковой бумаге, но Шону больше нравилось ощущать настоящие страницы. Он написал под обложкой «Для Меган», остальные страницы были пусты.

Когда она села на край кровати, пластик хрустнул. Подсвечник лежал у нее на коленях. Меган подумала – интересно, чувствует ли себя кто-нибудь настолько опустошенным? И можно ли с этим что-нибудь сделать? Пальцы коснулись холодного металла. Хотя воспоминание о шелесте ясеневых листьев на дисплее видеостены ускользало, она чувствовала себя связанной с ним через твердую форму. Как часто этот подсвечник втыкали в стену шахты, чтобы осветить несколько футов породы? Кто еще

держал его? Был ли он для них больше, чем просто инструментом? Ее пальцы прошли по острому концу мимо кольца, державшего свечу, к полированной медной трубке. Впервые Меган посмотрела на старинный предмет как на вещь, созданную для практического применения, а не на произведение искусства. Снимается ли крышка с детали, которую она приняла за ручку? Меган попробовала ее открутить – не поддается. Может, там внутри что-то есть, еще одна ниточка, связывающая с Землей? Таким же вопросом задавались Тиг и Шон, и вот теперь хотелось узнать и ей.

Несколько минут спустя она спросила старшую по мастерской, женщину плотного сложения, чье имя никак не могла запомнить:

– Не сможете открыть вот это?

Механик повертела подсвечник.

– Кажется, это медь. Девятнадцатый век, говорите? Могу разрезать, но тогда мы его повредим.

– Давайте.

Механик аккуратно взяла резак и, рассыпая искры, аккуратно провела по ручке подсвечника. Кусочек металла размером с монету упал на пол. Меган глянула ей через плечо и увидела, как она щипцами вытаскивает из полости свернутую в трубочку бумажку.

Меган вздрогнула.

– Ей же почти тысяча лет!

– Тут написано.

– Послание.

Меган боялась, что бумага рассыплется, прежде чем она сумеет прочесть.

– Что это значит? – спросила механик, когда они аккуратно развернули записку.

– Кажется, стих из Библии. Думаю, я поняла.

Меган оставила озадаченную начальницу мастерской и направилась к гидропонике, уже планируя, где еще надо будет проложить трубы и подсветку. Ей придется оставить объяснения и распоряжения следующей смене инженеров.

Айзек выбрался из окна наружу. Позади в печке пылала табуретка. Холодный воздух обжигал все так же безжалостно, но небо прояснилось, ветер стих, и он уже не так мерз, хоть сырость пробралась в пока еще теплую одежду. Если он в ближайшее время не найдет дров, огонь снова погаснет, и – пусть даже буран прекратился – он продрогнет до костей. Взяв небольшой топор, он отправился в долгий путь вверх по каньону, где можно будет

найти хворост.

Сначала он пытался сориентироваться. Снег преобразил долину, спрятав все знакомые черты. Сотни древесных стволов, прежде служивших метками, были так завалены, что он видел лишь ровную, гипнотически белую поверхность. Река почти исчезла, была заметна лишь узкая щель в снегу, из которой доносился хрустальный голос воды.

Но больше всего его удивили оставшиеся деревья. Две недели назад их самые нижние ветви были футах в двадцати над землей – те, до которых можно легко дотянуться, срубили на дрова. Однако теперь, под снежными заносами, их иглы касались сверкающей поверхности. Найти дрова будет нетрудно. Он подумал – а что, вон у того дерева хватит сухих ветвей, чтобы согревать меня целый месяц. Это было похоже на чудо.

Айзек размышлял о стихе из Библии, который написал на бумажке. Он не был уверен, что понимает смысл этого послания, но тот наполнял его надеждой: «зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью, потому что мужа нет дома: он отправился в дальнюю дорогу»[66]. Фрагмент из Притчей.

Когда придет весна, Айзек возьмет подсвечник с запиской и зароет его у насосной станции. Когда-нибудь кто-то прочтет этот отрывок, и он поможет. Айзек был уверен.

Проснувшись, Меган долго не открывала глаза, пока наконец знакомый голос доктора Сингх не произнес:

– Я знаю, что вы меня слышите. Ваш организм не умеет лгать.

– Сегодня мне исполнилось восемьсот двадцать два года.

Она еще и пальцем не шевельнула, но не чувствовала усталость, как в прошлый раз. Только надежду.

Она нетерпеливо дожидалась, пока доктор Сингх не закончит анализы.

– Мне пора работать.

Она неслась по коридорам, едва замечая приветствия других членов команды У них тоже была работа. Впереди был такой большой отрезок пути. Столько еще космического пространства предстояло пересечь, прежде чем они смогут отдохнуть.

Первая лаборатория гидропоники выглядела практически так же, какой Меган ее покинула, хотя девушка заметила, что емкости, поддерживающие растения, нуждались в починке – в ее смену. Она прошла под одной из спиц, даже не глядя в высь, похожую на потолок собора. Интересно, получился ли эксперимент? Последовали ли другие инженеры ее указаниям?

Меган не могла рассмотреть, что впереди. Выступ на потолке закрывал обзор, пока она не дошла до места – и тогда девушка увидела.

В конце ряда, там, где обычно заканчивались растения, трубки, сделанные ею, вели к новым емкостям. Из ее бака поднимался толстый ствол, и, когда она зашла под следующую спицу, взгляд невольно взлетел вверх. Оттяжки, закрепленные на вертикальных стенах, поддерживали дерево. На проводах висели лампы, купая ясень в свете.

Меган затаила дыхание. Ясень в благоприятных условиях может вырасти до восьмидесяти футов высотой. Этот был как раз таким, не меньше. Меган обошла дерево. Новые трубки и емкости, присоединенные к тем, что установила она. Из них росли еще три ясеня. Ближайшую емкость установил ее коллега двадцатью пятью годами позже, и дерево в ней было примерно таким же, как у Меган. Ясень поменьше, всего пятидесяти лет, рос рядом, последний – самый маленький – был высотой лишь в тридцать футов. Прикрепленная к нему табличка свидетельствовала, что он посажен двадцать пять лет назад. Каждый инженер добавил к роще одно дерево.

Меган села на пол, чтобы было удобнее смотреть вверх. Ветви деревьев соприкасались друг с другом. В комнате пахло ясенем. Легкий древесный запах напомнил ей о горах и ручьях и о старой генераторной будке на краю скалы. Посидев немного, она поняла, что потоки воздуха в корабле омывают спицу. Она слышала не механическое шипение из вентиляционных шахт, а тихий шелест листвы, звук, который, как ей казалось, остался в прошлом навсегда.

НЭНСИ КРЕСС
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Нэнси Кресс начала публиковать свои изящные и язвительные произведения в середине 1970-х годов и с тех пор постоянно сотрудничает с «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Omni», «Sci Fiction» и другими изданиями. Ее перу принадлежит роман «Испанские нищие» («Beggars in Spain»), являющийся расширенный вариантом одноименной повести, за которую Кресс была удостоена премий «Хьюго» и «Небъюла», а также его продолжение «Нищие и страждущие» («Beggars and Choosers»). Среди других произведений Кресс романы «Принц утренних колоколов» («The Prince of Morning Bells»), «Золотая роща» («The Golden Grove»), «Белые трубы» («The White Pipes»), «Свет чужого солнца» («An Alien Light»), «Расширение мозга» («Brain Rose»), «Клятвы и чудеса» («Oaths and Miracles»), «Жало» («Stinger»), «Максимальная яркость» («Maximum Light»), «Ничего человеческого» («Nothing Human»), «Перекрестный огонь» («Crossfire»), «Суровое испытание» («Crucible»), «Псы» («Dogs»), «Отбор в путешествие по небу» («Steal Across the Sky») и трилогия в жанре космооперы: «Луна возможностей» («Probability Moon»), «Солнце возможностей» («Probability Sun») и «Космос возможностей» («Probability Space»). Малая проза писательницы представлена в сборниках «„Троица“ и другие рассказы» («Trinity and Other Stories»), «Чужаки с Земли» («The Aliens of Earth»), «Чертова дюжина» («Beaker's Dozen») и «„Нанотехнологии приходят в Клиффорд-фоллс“ и другие рассказы» («Nano Comes to Clifford Falls and Other Stories»). Помимо наград за повесть «Испанские нищие» Нэнси Кресс получила премию «Небъюла» за рассказы «Среди всех ярких звезд» («Out of All Them Blight Stars»), «Цветы тюрьмы Аулит» («The Flowers of Aulit Prison») и «Нексус Эрдмана» («The Erdmann Nexus»).

В представленном ниже произведении автор доказывает, что хорошего иногда бывает много – даже сочувствия.

> *Чтобы выяснить, кому принадлежит фильм, надо не в сценарий заглядывать, а в договор-заказ.*
>
> *Джоан Дидион*

Следом за пареньком в маске я спускался в складской подвал,

жалея при этом, что не взял перчатки: нарочно, что ли, перила слоем грязи покрыты? Если нарочно, то какого черта, спрашивается, нас подвергали такому мудреному электронному досмотру в паре со столь незамысловатым ощупыванием – даже во рту у меня побывал палец охранника, хорошо хоть в другие полости не залез. Влажная уборка стоит дешевле подобного обыска и, сдается, грязь тут неспроста.

Группа решила сделать заявление. Так нам велено их называть – Группа. Звучит таинственно, страшновато и претенциозно.

Лестницу освещала только старомодная сорокаваттная лампочка, я даже не успел заметить, где она приткнулась. За моей спиной участилось дыхание Джейн. Я сам вызвался идти первым, вернее, сразу за нашим юным поводырем. Из каких соображений? Трудно сказать. «Мужественной защитой» назвать мои жалкие потуги язык не повернется. К тому же у меня привычка всегда держать Джейн в поле зрения. Так лучше работается.

– Барри? – тихо окликнула она.

Нижний пролет утонул во мгле, до того кромешной, что приходится нащупывать твердь носком вытянутой ноги.

– Джейн, еще две ступеньки.

– Спасибо.

И вот мы внизу. Она остановилась рядом со мной и перевела дух. Даже не рядом, а почти вплотную, куда ближе, чем обычно, – ее грудь вровень с моим лицом. Джейн у нас невеличка – пять футов шесть дюймов, но это на семнадцать дюймов выше моего роста.

– Уже близко, – сообщил мальчишка.

На том краю подвального помещения отворилась дверь, впустила нам навстречу свет.

– Пришли.

Прежде, наверное, здесь располагалась прачечная, одновременно служившая жильем какому-нибудь разнорабочему Должно быть, немало времени прошло после его кончины. В углу ютились дырявые лохани, числом три. Ни единого окошка в стенах, зато на полу постелен чистый тонкий ковер, и трое дожидающихся нас людей тоже выглядят чистыми.

Я быстро осмотрел каждого. Высокий мужчина в куртке с поднятым капюшоном держит в руках штурмовую винтовку. Взгляд типичного телохранителя: настороженный, но бездумный. Женщина без маски, в джинсах и мешковатом свитере, при виде Джейн моментально надулась. Это потенциальная проблема. Третий – лидер, он уже идет нам навстречу, улыбаясь и

протягивая руку.

– Милости просим, мисс Сноу Ваш визит – большая честь.

Я его сразу раскусил. В политике, с каковой моя жизнь была связана очень долго, это самый ходульный персонаж. Высокий, красивый, довольный собой и своим положением настолько, что попросту не способен к правильной оценке того и другого. Лишь он один из троицы не носил джинсов, а щеголял в широких брюках и спортивном пиджаке поверх черного бадлона. Ему бы и правда не в генетические террористы податься, а в политики – дорос бы до бюрократа муниципального уровня, претендовал бы на пост мэра и потом напрасно ломал голову, из-за чего продул выборы.

Стало быть, перед нами низший оперативный уровень Группы, и это, пожалуй, хорошо. Уменьшает риск нашей безумной экспедиции.

– Спасибо, – ответила Джейн своим знаменитым голосом, низким и хрипловатым, волнующим и кинозрителя, и того, кто общается с ней вживую. – Это Барри Тенлер, мой менеджер.

Я не только менеджер, но правда слишком сложна, чтобы ее разъяснять в подобной обстановке.

Красавчик в спортивном пиджаке даже взглядом меня не удостоил. Пришлось понизить спесивого и глупого чинушу с муниципального уровня до районного. Недооценивать советников категорически противопоказано, ведь у нашего брата всегда на вооружении ум или даже харизма.

Зато надутая дамочка с Джейн переключилась на меня. Несложно понять природу такого интереса, ведь он преследует мою скромную особу, сколько себя помню.

– Как мне к вам обращаться? – осведомилась Джейн у смазливого лидера.

– Зовите меня Измаил.

Ой, мама родная! Это что же получается, Джейн у нас – Белый Кит?[67] Вожак решил блеснуть интеллектом, не подозревая, как банален и туп. Но Джейн это не смутило, и даже я, зная ее как облупленную, готов был принять за чистую монету опасную для ледяных сердец улыбку. Мисс Сноу не потеряла ни грана мастерства и таланта, хоть и снималась в последний раз лет десять назад.

– Давайте сядем, – предложил красавчик.

В дальнем углу комнаты пустовали три простых стула. Один занял Измаил, за его спиной встали телохранитель с мальчишкой. Надутая уселась на второй. А Джейн грациозно опустилась прямо на ковер, подобрала под себя ноги в красивой лужице из зеленой тонкой ткани.

Это она для того, чтобы мне достался третий стул. Не могу стоять дольше пяти-шести минут – вернее, могу, но очень болят ноги и позвоночник. А на полу сидеть противно – потому что я при этом гораздо ниже, чем на самом деле.

Измаил, конечно, ничего обо мне не знал, а потому изрядно опешил:

– Мисс Сноу!

– Мне так удобнее, – пресекла возражения Джейн своей безотказной улыбкой.

Эта улыбка заодно с проникновенным голосом тридцать пять лет назад дала старт ее карьере. Теплая, страстная, с едва уловимой грустинкой – она действовала в обход лобных долей мозга, целя в примитивные затылочные. Неважно, что эта способность досталась от природы, то бишь даром; важно, что ей всегда находилось применение. Джейн гораздо хитрее, чем можно предположить, глядя на эту хрупкую блондинку. И страсть у нее непритворная. Если моя приятельница чего-то хочет, то хочет каждой жилочкой, каждой нервной клеткой, каждой каплей своей жадной крови.

Ее грациозное подражание Сидящему Бизону[68] вынудило Измаила смущенно заерзать на стуле. Правильным решением было бы составить компанию гостье на ковре, но он до этого не додумался, за что и был мною мысленно разжалован в порученцы.

Я забрался на третий стул. Измаил, глядя сверху вниз, пыжился как петух перед курицей: это ж надо, сама Джейн Сноу у его ног! Надутая кривилась. А мне было тревожно.

Группа очень хорошо знает, кто такая Джейн Сноу. Почему же провести столь важную встречу доверили какому-то неуклюжему нарциссу? Я с ходу мог выложить несколько версий. Первая: так террористы выражают свое презрение миру, от лица которого выступает Джейн. Вторая: они не хотят засвечивать тех, кто реально ценится в сей очень и очень скрытной организации. Третья: это услуга за услугу, оказанную им Измаилом или его хозяевами. Четвертая: решили создать фотогеничный фон для Джейн, нас ведь наверняка снимают. Любая из этих причин меня устраивала, но беспокойство почему-то не отступало.

– Что ж, Измаил, если у вас все в порядке, давайте начинать, – предложила Джейн.

– У нас все в порядке, – проворчат он.

Измаил сидел спиной к софиту, резко светившему в лицо Джейн и Надутой. Последняя выглядела не ахти: дурная кожа, маленькие глаза, жидкие волосы.

Правда, губы красивые – **пухлые,** красные. И шея, частью спрятанная под тканью ветровки, молода и крепка, без морщин.

К Джейн свет был не столь милостив. Показывал гусиные лапки у глаз, усталую вялость кожи, даже безупречный макияж не выручал. Ей ведь ни много ни мало пятьдесят четыре. И ни одной пластической операции. Впрочем, она никогда не была по-настоящему красивой, как Анджелина Джоли или Кэтрин Зета-Джонс. У Джейн неправильные черты лица, да и ноги с бедрами толстоваты. Но все это чепуха в сравнении с улыбкой, голосом, весенней зеленью глаз и мощной сексуальной аурой, которая ей не стоит ни малейших усилий.

«Джейн Сноу как будто получила при своем зачатии двойной набор женских генов, – написал какой-то критик, – и в ней удвоилось то, что принято считать женственностью. Остается лишь гадать: в самом деле это божий дар или всего лишь необычное уродство».

– Я сейчас готовлюсь к съемкам, – сообщила она Измаилу. Он наверняка был в курсе, но не простаивать же без дела ее чарующему голосу. – Это будет фильм о вашей организации. И дальнейшей судьбе девочек. Кое с кем из них я поговорила и…

– С кем конкретно? – перебила Надутая.

Да неужто она всех знает по именам? Я решил к ней приглядеться.

В твердых, как камень, глазках угадывается ум. Возможно, она принадлежит к штабной ячейке, или как там у них это называется. Возможно, ей поручено проследить, чтобы Измаил не провалил встречу.

Если она и впрямь умна, такие олухи должны ее бесить. Хотя… из четырех мужей Джейн трое оказались красивыми пустышками.

– Ну, пока я встречалась только с Римой Ридли-Джонс, – ответила Джейн. – Но в пятницу проведу весь вечер с близнецами Баррингтон.

Не желая выпускать вожжи из рук, Измаил прокомментировал:

– Близнецы очень милы. Такие смышленые девочки.

А то весь белый свет об этом еще не знает. Тем и отличаются Баррингтоны-младшие от прочих «изделий» Группы, что помешавшиеся на пиаре родители лепят их на все журнальные обложки.

Но Джейн улыбнулась Измаилу так щедро, как будто он самого Спинозу заткнул за пояс.

– Да, они просто душки. Измаил, пожалуйста, расскажите о вашей организации. Ну хоть что-нибудь. Мне это так необходимо для роли в «Идеальном будущем».

Он подался вперед, упер ладони в ляжки, отразив на

красивом лице напряженную работу мыслительного аппарата, и заговорил с драматичными повелительными интонациями:

– Джейн, что касается Группы, вы должны четко понять одну вещь. Очень важную вещь. Вы не в силах нам помешать!

Зловещая пауза.

Самое паршивое, что он мог быть прав. ФБР, ЦРУ, СВД, АЗЧ[69] и еще нескольким аббревиатурам удалось срубить какое-то количество голов, но гидра осталась жива и даже прибавила в росте. Очень уж много у нее доброжелателей и покровителей, либеральных законодателей и политиков, мечтающих отменить запрет на генные модификации и распустить Агентство по защите человека.

Это и богатенькие родители, желающие усовершенствовать свои чада еще на эмбриональной стадии. Это и офшорные банки, охочие до долларов Группы. Это и Карибские острова, и Мексика, и еще бог знает какие страны, дающие за долю малую приют мобильным лабораториям.

– Мы – идеалисты, – вещал Измаил, – и за нами будущее. Благодаря нашим усилиям человечество изменится к лучшему. Войнам придет конец, исчезнет жестокость. И тогда люди смогут…

– Позвольте вас на секундочку перебить, Измаил. – Джейн эффектно интонировала имя; ее влажные глаза, распахнутые во всю ширь, сошли бы за чудо-оружие в борьбе с опустыниванием. Она такая, из кожи вылезет вон, чтобы добиться успеха. – Мне столь многое нужно понять, Измаил. Подвергая генной модификации одного младенца за другим, вы, как ни старайтесь, измените лишь ничтожную долю процента населения Земли… Сколько у нас сегодня детей с синдромом Арлена?

– Мы предпочитаем термин «блага Арлена»!

– О да, разумеется. Так сколько?

У меня сперло дыхание. Подобные сведения Группа еще ни разу не разглашала.

Джейн в умоляющем жесте положила руку на колено Измаилу. Но получила лишь полный высокомерия и негодования отказ:

– Это секретная информация.

– Три тысячи двести четырнадцать, – ответила за него Надутая. Неужели не солгала? Инстинкты, а они у меня очень даже неплохие, хотя в таком контексте эти слова и выглядят шуткой, подсказывали: все верно. Надутой в самом деле известна цифра. Значит, статус у нее точно повыше, чем у Измаила. И поскольку она абсолютно непрошибаема для чар Джейн, вывод ясен: Группа решила огласить число обработанных детей.

– Да, точно, – поспешил подтвердить Измаил, – три тысячи двести четырнадцать.

– Но это же очень малая доля процента от шестимиллиардного населения Земли. Это…

– Пять десятимиллионных, – подсказал я.

Глупо. Мальчишество. Кто за язык тянул? А, к черту! Так болят ноги…

Джейн – мастерица импровизировать:

– Спасибо, Барри. Но мой вопрос предназначался Измаилу. Если «благами Арлена» пока обзавелась столь крошечная доля человечества, пусть даже генно-модифицированные люди смогут передавать новые признаки по наследству…

– Они уже могут! – высказал Измаил явную глупость. Самому старшему из «Арленовых детей» всего-навсего двенадцать.

– Чудесно! – не отступалась Джейн. – Но все же доля обладателей «благ» ничтожна. Как Группа собирается изменить будущее всего человечества, на что она надеется?

Измаил накрыл ее кисть ладонью и улыбнулся. И даже подмигнул!

– Скажите-ка, дорогая Джейн, вам случалось бросать камешки в пруд?

– Да.

– Ну и? Что вы при этом видели?

– Круги.

– Все шире и шире, до самых берегов! – развел руками Измаил.

Вот же осел, не мог придумать нормальную аналогию. Человечество не пруд, а самый настоящий океан, рябь же на воде преходяща.

Но Джейн, актриса до мозга костей, лучезарно улыбнулась и перевела разговор в доступную этому павлину плоскость.

– Понятно. Расскажите, Измаил, как вы сами оказались во все это вовлечены?

За возможность поговорить о себе любимом он ухватился с восторгом. Из потока чепухи Джейн мастерски выуживала крупицы сведений о Группе: история возникновения, организационные принципы, способы связи. Надутая не мешала. Я следил за террористкой, она же следила за Измаилом, не проявляя, однако, ни малейшего беспокойства. Он не мог выдать важной информации. Ему просто нечего было выдавать.

Зато чесать языком он был горазд. Такие обожают работать на публику и, увлекаясь, перестают думать о том, что говорят. Рано или поздно ляпнет чего не следует, и Группа его спишет в расход.

По части актерского мастерства Надутая и в подметки Джейн

не годилась. Я почти физически ощущал, как она злится на пустомелю. Даже посочувствовал бы ей, наверное, если бы так не стреляло в ногах, шее и спине. Нечасто мне приходится подолгу сидеть, да еще на жестком.

Моя болезнь называется ахондроплазия, ею страдают семьдесят процентов карликов. Искривление костей и хрящей дает не только короткие конечности и непомерно большие голову и зад, но и столь любимое карикатуристами лицо с запавшей переносицей. А кое-кого из нас природа «наградила» особым строением позвоночного канала, из-за чего мы постоянно испытываем боль. С возрастом она только мучительнее, а ведь я всего на два года моложе Джейн. И многочисленные хирургические операции меня не вылечили, а лишь помогли прожить столько лет.

Через полтора часа Джейн встала, тонкая ткань юбки обвила на миг ее точеные икры. Сразу обострилась моя тревога. Если должно произойти что-то плохое, это произойдет сейчас.

Но страхи оказались напрасны. Снова появился паренек в маске и вывел нас через темный подвал. Я едва ноги переставлял от боли. Джейн, будучи не в силах помочь, сочувственно прошептала:

– Барри, прости. Это был мой единственный шанс.

– Не бери в голову.

Все же кое-как я поднялся по лестнице. Мы пробрались через бесхозный склад; в этом пыльном лабиринте невидимые боевики Группы стояли против наших невидимых телохранителей. Заморгав на ярком солнце, я вдруг повалился на растрескавшийся бетон.

– Барри!

– Все в порядке… Не надо!

– Дальше будет легче… Потерпи!

Я встал и выпрямился – вернее, сделал для этого все, что мог. За нами приехал неприметный фургон. Слава богу, обошлось без насилия. Безумное интервью прошло как по маслу.

Но отчего же мне по-прежнему так тревожно?

Через час Джейн появилась везде: в ЛинкНете, на телеэкранах и настенных мониторах. Бессовестно искаженные редакторами слова Джейн заставляли подозревать ее в сочувствии к террористам, а то и в соучастии. Само собой, мы были к этому готовы. В ту же минуту, когда фургон отъехал от склада, первый из заранее снятых мною роликов разлетелся по всем адресам. Известный репортер Си-Си Коллинз, не дурак срубить легких деньжат, интервьюировал Джейн на предмет ее встречи с

Группой. Выдающаяся актриса берется играть нетипичную роль, жертвует личной безопасностью ради искусства, не грешит против закона, но добивается открытого обсуждения важной темы и т. п. Ролики здорово ударили нас по карману, но они того стоили. Мы обезоружили критиков и, что несравненно ценнее, привлекли внимание общественности к будущему фильму, съемки которого должны были начаться менее чем через месяц.

Я не следил за этой пиар-акцией и не находился в офисе, когда ФБР, ЦРУ, АЗЧ и иже с ними наносили Джейн ожидаемые визиты, проводя «опросы» и угрожая арестом за несанкционированную встречу с врагами государства. В моем присутствии не было нужды, поскольку я заранее обеспечил Джейн правовым иммунитетом в рамках «Закона Мальверна – Мерфи о СМИ», а также договором с самим Эвереттом Мерфи, исключительно ушлым адвокатом. Эверетт отслеживал все ее интервью, а я валялся в кровати и глотал анальгетики. ФБР. ЦРУ и АЗЧ захотели пообщаться и со мной, как же без этого, но Джейн не выдала моего логова. Подождите, мол, пока Барри найдет возможность с вами связаться. Ага. стали бы они ждать, если бы знали, где я прячусь.

«Почему ты так настроен против генной модификации человека?» – спросила однажды Джейн. Только однажды, и при этом не смотрела в глаза. «Почему именно ты?» – вот каков был подтекст. Обычно я ей отвечал. Обычно я ей доверялся. Но только не в этот раз.

«Тебе не понять», – сказал я напрямик.

Джейн, надо отдать ей должное, не обиделась. Она смышленая. Знает, что доступно ее пониманию, а что нет.

Лежа на любимом обезболивающем пластыре, я рисовал в воображении, как мы с ней рука об руку идем по лесу. На Джейн юбка из тончайшей зеленой ткани. И спутнице моей, чтобы я видел ее улыбку, приходится низко опускать голову.

В течение нескольких следующих дней интерес к фильму рос очень бурно. Джейн направо и налево раздавала интервью. Телевидение, ЛинкНет, робокамеры, бумажные и голографические газеты и журналы… Сияя в лучах всеобщего внимания, она как будто сбросила десять лет. Кое-кто из репортеров и дикторов пытался ее подловить, но она четко держалась студийной линии: «Идеальное будущее» – на самом деле не мелодрама на тему генной инженерии, а честная проверка на прочность вечных ценностей. Это фильм о людях, а не о политике. О слабостях, которые есть у любого из нас, и о нашей удивительной силе. О том, что делает человека человеком,

и прочая, и прочая. Так что синдром Арлена – не более чем транспортное средство для достижения цели. Сценарий почти готов, он будет сложным и реалистичным, и все такое.

– Ну и как же насчет генномодифицированных людей, вы за или против?! – вышел из себя какой-то журналист в заднем ряду.

Джейн ответила с ослепительной улыбкой:

– Я за то, чтобы этот вопрос решался комплексно и прагматично.

«За» и «против», дай им волю, обрушились бы на нас лавиной полоумных леммингов.

Развитие событий меня так воодушевило, что я решил позвонить Лейле. Выдержать разговор с ней я способен только в хорошем настроении. Лейлы не оказалось дома, пришлось записаться на автоответчик – впрочем, это не стало поводом для огорчения.

Между тем Джейн вовсю улыбалась в объективы и раздавала автографы, отыгрываясь за десять лет кинематографического небытия. А вот я не способен с такой легкостью стереть пятнадцать лет прошлого. Даже если бы и мог, не стал бы этого делать. Потому-то и обрадовался, не дозвонившись до своей бывшей.

Стадия вживания в роль начиналась в пятницу. Джейн пообещала, что на этот раз мне будет полегче.

Она ошиблась.

Близнецы Баррингтон жили с родителями и сестрой-подростком в Сан-Луис-Обиспо. Нашему пилоту разрешили посадить флаер на бархатистом зеленом газоне в глубине усадьбы, за надежными стенами. Уже неплохо – мне не надо далеко идти.

– Милости просим, мисс Сноу. Какая честь!

Нас встречала ряженая ягненком овца, Фрида Баррингтон собственной персоной. Тетка лет пятидесяти, в мини-юбчонке и игривом свитерке с капюшоном и прорезями в стиле «пикабу». Тонкая, накрашенная и загорелая; но груди, выглядывающие из прорезей, никогда не станут вновь двадцатилетними, а напряженные мышцы лица выдают неврастеника, который большую часть отведенного времени бодрствования изображает безмятежное спокойствие.

Джейн грациозно покинула флаер и стала, закрывая собою мой неуклюжий спуск. Я схватился за скобу на корпусе, уселся на днище, кулем свалился на траву и кое-как утвердился на ногах. Моя спутница шагнула в сторону; юбку длиной по щиколотку, на сей раз цвета сливочного масла, вздувал легкий ветерок.

– Давайте я буду просто Джейн. Позвольте представить Барри Тенлера, моего менеджера.

Я сразу понял: Фрида Баррингтон из «этих». Она и не пыталась скрыть отвращения.

– Добро пожаловать, мистер Тенлер.

– Привет, – буркнул я, надеясь, что это будет единственное мое слово в ее адрес за всю встречу.

Ступая по траве, мы пересекли шедевр ландшафтного дизайна. У таких женщин, как Фрида, всегда полны закрома пустой болтовни, и хозяйка, не скупясь, потчевала ею гостей. Дом был построен лет сто назад для какой-то звезды немого кино. Огромный, розовый, с позолоченными оконными рамами и дверьми, он смахивал на броскую газонную скульптуру – этакий раскормленный фламинго.

Мы вошли в широченный вестибюль с покрытым плитками из черного и белого мрамора полом – ей-богу, шахматная доска скорее напомнит о Вермеере, чем он[70]. Там стоял шезлонг, занятый хмурой девицей в грязных джинсах. Она зыркнула на нас поверх пестрой обложки комиксов.

– Сьюки, вставай! – рявкнула Фрида. – Это мисс Сноу и ее менеджер мистер… э-э… Танглер. Моя дочь Сьюки.

Девица слезла с шезлонга, изобразила насмешливый реверанс и улеглась обратно. Вырвавшийся из горла Фриды звук означал гнев и смущение, но я посочувствовал не ей, а Сьюки. Когда тебе пятнадцать (как и моему Этану, кстати) и ты не красавица, с одного боку у тебя мамаша, присвоившая твой стиль одежды, а с другого – сестры-близнецы, присвоившие всю заботу взрослых… Фриде очень повезет, если мятеж Сьюки ограничится одним лишь хамством. Я адресовал девице ироничный неглубокий поклон и ухмыльнулся, отметив, что это подействовало.

– Где близнецы? – буркнула Фрида.

Сьюки пожала плечами. Ее мать закатила глаза и повела нас в глубь усадьбы.

Девочки играли на террасе – затененной возвышенной площадке из выветренного камня; от нее ступени вели к лужайке. Отсюда открывался шикарный вид на виноградники у подножия Сьерра-Мадре. Фрида усадила нас в мягкие, удобные кресла. Подкатил робослуга, предложил лимонад.

Не дожидаясь зова, подошли Бриджит и Белинда. Джейн приветствовала их и словом, и своей чарующей улыбкой, но девочки не ответили, зато на добрых тридцать секунд уперлись в нее немигающим взглядом, а потом и меня подвергли точно такой же процедуре. Мне не понравились ни процедура, ни дети.

Как и любая генетическая кустарщина, синдром Арлена имеет побочные эффекты. Уж кому это знать, как не мне. Ахондроплазия возникает в результате точечной мутации, когда у белка FGFR3 в положении 380 глицин замещается аргинином. Это сказывается на росте костной и хрящевой тканей, что, в свою очередь, создает проблемы с дыхательными путями и нервной системой, а также с общением.

Какие именно гены участвуют в синдроме Арлена – коммерческая тайна, но ясно, что многие, и побочных эффектов тоже хоть пруд пруди. Поскольку для обретения «благ Арлена» годится только женский пол, можно не сомневаться, что в число изменяемых хромосом входит икс-хромосома.

Две одиннадцатилетние девчушки, столь дерзко пялившиеся на меня, были не по возрасту малы и хрупки. Прямо не дети, а эльфы какие-то. Молочная кожа, подстриженные шапочкой шелковистые волосы, лучистые серые глаза. Во всем остальном они не очень-то походили друг на дружку, но ведь дизиготные близнецы редко получаются одинаковыми. Бриджит была пониже, пополнее и посимпатичнее. Баррингтоны-старшие взяли из чашки Петри с оплодотворенными яйцеклетками Фриды две самые перспективные и подвергли их генной модификации по методу Арлена, после чего внедрили в староватую, но все еще годную утробу матери. Будучи эксгибиционистами, любящие родители выложили мировым СМИ все до малейшей подробности, за исключением того, кем и где проделана работа.

В отличие от Римы Ридли-Джонс, о которой на прошлой неделе упоминала Джейн, здешние Арленовы дети – знаменитости, тщательно сделанные на заказ.

Джейн решила повторить попытку:

– Я Джейн Сноу, а вы Бриджит и Белинда. Рада с вами познакомиться.

– Да, – произнесла Белинда, – вы рады. – И перевела взгляд на меня: – А ты – нет.

Я не видел смысла обманывать детей.

– Ну да… пожалуй.

– Впрочем, это нормально, – заключила Бриджит с удивительной для ребенка мягкостью.

– Спасибо, – сказал я.

– А я не считаю это нормальным, – заявила Белинда.

Мне нечем было крыть. Встреча с Римой Ридли-Джонс выглядела совсем иначе. Мамаша мало того что ограждала Риму от любопытной прессы, но и приучала к вежливости.

Фрида вела себя как зритель на спектакле – смотрела, откинувшись в кресле. С интересом ждала, что еще отмочат ее

уникальные доченьки, но при этом опасалась, как бы не перегнули палку. Наверное, сценка разыгрывается не впервые, предположил я. Девочкам одиннадцать, они все меньше напоминают невинных, безропотных ангелочков.

– Ты никогда ее не получишь, – пообещала мне Белинда в ту самую секунду, когда Бриджит положила ей на запястье ладонь. Белинда стряхнула руку сестры. – Брид, отстань. Пускай он знает. Пусть оба знают.

Она улыбнулась, и под взглядом ее серых глаз я почувствовал, как что-то съежилось в груди.

– Никогда не получишь, – повторила Белинда со своей жуткой улыбочкой. – Как ни старайся, хоть в лепешку расшибись, Джейн тебя не полюбит. Она еле терпит, когда ты дотрагиваешься, даже если случайно. Ты ей противен. Противен, противен, противен!

А началось это все с собаки.

Доктор Кеннет Бернард Арлен, генетик и заядлый шахматист, приобрел той-пуделя. Порода, как известно, смышленая. Дважды в неделю Арлен приглашал к себе в «Стэнфорд апартментс» зоолога Келсона Хьюса. Обычно они играли от трех до пяти партий кряду, в зависимости от того, насколько легко Хьюс мирился с проигрышами. Козетта спала на коврике до конца – при финальном матче она всегда вскакивала с лаем, протестуя против ухода гостя. Странность заключалась в том, что Козетта лаяла до того, как мужчины вставали. Ведь смахивание шахмат с доски могло предшествовать новой партии. Но собака не ошибалась.

Когда это было замечено, Хьюс предположил, что дело в феромонах. Либо у него, либо у Арлена, а может, у обоих менялся запах, едва они собирались пожелать друг другу спокойной ночи. Феромонами Хьюс занимался профессионально, даже написал важную статью о том, как мыши выбирают себе по запаху партнеров для спаривания. Он поручил своему аспиранту удалить гломерулы у взрослых собак и поставил несколько экспериментов, чтобы выяснить, изменятся ли приобретенные на людей реакции. Реакции собак не изменились. Феромоны оказались ни при чем.

Однако не только Хьюс был нешуточно заинтригован. Аккурат в это время перешел на вторую стадию проект «Геном человека»: предстояло выяснить, какими генами какие белки кодируются и как это происходит. Арлен занимался синдромом Тернера – у некоторых девочек при рождении частично или полностью отсутствует одна из двух икс-хромосом. Это создает не только физические, но и социальные проблемы; даже простые

социальные взаимодействия даются детям трудно. Хьюс решил выяснить, не являются ли девочки с синдромом Тернера, которым по отцовской линии досталась нормальная икс-хромосома, в социальном плане значительно более приспособленными, нежели девочки с нормальной материнской икс-хромосомой. То есть нельзя ли задавать социальные реакции генетически, посредством отцовской икс-хромосомы.

Где еще в геноме могут прятаться социальные факторы? Какие намеки от языка тела, мимики или интонации улавливала Козетта?

Ведь той-пудель как-то догадывался, что Хьюс и Арлен, расставляя на доске фигуры, не намерены больше играть. Значит, в генах Козетты содержалось нечто такое, что вызывало в мозгу соответствующие процессы. Причем только в ее мозгу – Самоед, большой и глупый пес Хьюса, ничего подобного не предчувствовал.

Арлен разобрался с собачьими генами. Это заняло десять лет, и пришлось отказаться от должности преподавателя, чтобы целиком сосредоточиться на задаче. Уйдя из Стэнфордского университета, он жил затворником и не оглашал своих открытий. Он обнаружил искомые гены у людей, но воздержался от сенсационных публикаций. Разорился дотла, но идеализма не растерял – обычная судьба фанатика науки.

Его путь не мог не сойтись с путем еще более рьяных фанатиков. Кеннет Бернард Арлен примкнул к организации, спонсируемой из-за границы, и открыл клинику искусственного оплодотворения, чтобы производить на свет детей-суперэмпатов.

В некоторых детях эмпатия проявляется рано. Естественный эмпат в двенадцатимесячном возрасте отдаст другому младенцу, если тот заплачет, своего плюшевого мишку. Начинающий ходить ребенок уже угадывает, как себя чувствуют другие дети. Малыши с синдромом Арлена понимают – не на вербальном уровне, а на уровне лимбической системы, – что мама волнуется, что бабушка добра и заботлива, что папа требует посадить ребенка на горшок, что незнакомец опасен.

Люди, способные глубоко проникать в чужие эмоции, популярны в обществе, успешны в работе, счастливы в браке, и вообще они лучше других приспособлены к жизни.

Если бы первые эксперименты с человеческими зародышевыми линиями, противоречившие закону и вдобавок проведенные за границей, дали уродов, Арлена распяли бы в прямом смысле слова. Но обошлось. И не стесненные в средствах господа клюнули на посул, что сделанное под заказ чадо в самом деле будет угадывать чувства своих родителей. В возрасте шести

или семи лет Арленово дитя, особенно если оно от природы умное, ухитряется распознавать потрясающее количество невербальных сигналов. А когда вундеркинду стукнет десять, обмануть его будет невозможно.

Если вы честны и ваши помыслы безупречны, жить с такими детьми – одно удовольствие. Они всегда чутки, заботливы, участливы и благодарны.

Но вот передо мной Белинда Баррингтон, глядит в упор бледными зрачками, и мне не нужно слоновьей дозы генетической сверхэмпатии, чтобы понять, как она упивается моим смятением. Пылают щеки, и я даже глаз не смею поднять на Джейн.

– Белинда, это некрасиво, – произнесла Фрида столь же резким, сколь и безнадежным тоном.

– Некрасиво, – подтвердила Бриджит, посмотрев на сестру так сурово, что та на миг отвела взгляд.

А вот это уже интересно. Одна из двойняшек манипулирует другой, хоть и чисто по-детски, а мать, получается, не при деле.

– Попроси у него прощения.

– Ну, извини, – без малейшего раскаяния буркнула Белинда.

«Ага, так мы способны лгать, хотя сами на ложь не ведемся», – усмехнулся я мысленно.

– Вот, взяла манеру с недавних пор, – пожаловалась ее мать, глядя на Джейн. – Но это, конечно, временное. Кто бы стал такое заказывать, будь оно постоянным.

За эти слова Белинда выстрелила в родительницу взглядом, состоящим из ледяного презрения.

Складывалась крайне неловкая ситуация, и Джейн решила взять ее в свои руки. Стараясь не смотреть на меня, она задала вопрос Белинде:

– Девочки, вам уже сказали, о чем я хочу побеседовать?

– Нет, – ответила Белинда. – Вы не журналистка.

– Я киноактриса.

В глазенках Бриджит зажегся интерес:

– Вроде Кайли Кикер?

Видимо, в список «благ Арлена» не включен иммунитет от глупой детской поп-культуры.

– Не такая молодая и богатая, – улыбнулась Джейн. – Я снимаюсь в фильме о том, как будут жить девочки вроде вас, когда вырастут. Вот и решила познакомиться с вами и узнать побольше. Но только если вы не против.

Двойняшки переглянулись. Обе промолчали, но я уловил гигабайтный обмен впечатлениями.

– Девочки, надеюсь, вы поможете мисс Сноу, – подала голос

Фрида. – Ведь она такая…

– Неправда, – почти рассеянно перебила Белинда. – Она тебе не нравится. Красивая слишком. Зато нам нравится.

От такой откровенности лицо хозяйки усадьбы пошло багровыми пятнами. Мигом вся обратясь в тревогу, пухленькая Бриджит положила на материнскую руку ладошку. Фрида возмущенно стряхнула ее и открыла было рот, но, ничего не сказав, резко встала и ушла в дом. Бриджит подалась вслед и сразу спохватилась. Виновато сказала, обращаясь почему-то ко мне:

– Ей хочется немножко от нас отдохнуть.

– Тебе это тоже не повредит, – хмуро добавила Белинда.

Я не заставил ее просить дважды. Общение с этими куколками вызывало озноб. А в чем причина, не смогли бы понять даже они, с их хваленой эмпатией.

В вестибюле картинка все та же: шезлонг, в нем Сьюки с комиксами. Мамаши не видно. В меблировке доминировали обтянутые мамонтовой шкурой кресла, но я углядел у стены низкую антикварную скамейку. Забрался на нее в муках и вызвал такси. Чтобы его встретить, надо идти аж до парадных ворот усадьбы, но о возвращении флаером вместе с Джейн страшно даже подумать.

Я закрыл глаза и прислонился затылком к стене. Ныли спина и ноги, но что это в сравнении с болью сердца?

И не слова Белинды ее породили. Да, я влюблен в Джейн, да, любовь безответна. Мы оба прекрасно это понимаем. Как от нее скроешь, если я почти каждый божий день рядом? Она из породы чутких женщин. Я знаю, ей неприятны до тошноты мои прикосновения, и она себя за это ненавидит, но разве можно ее винить? Трое бывших мужей Джейн входили в число красивейших мужчин планеты. Высокие, стройные, длинноногие. Я же видел, каким густым румянцем она покрывалась, оказываясь в одной комнате с Джеймсом, Карлом или Дунканом. И чувствовал, что она прячет отвращение ко мне.

«Брань на вороту не виснет…» – как часто в детстве я повторял эти слова всякий раз, когда надо мной издевался очередной хулиган, а ведь им не было числа. Коротышка, гном, карла, недомерок, малявка, карапуз, лилипут убогий…

Белинда никому ни на что глаза не открыла. Всего-навсего произнесла вслух то, о чем молчали мы с Джейн.

«Пусть боль кричит…»[71]

Но даже Шекспир мог ошибаться.

Легче легкого не обращать внимания на что-нибудь

безымянное – можно исключить из ежедневного обращения, можно притворяться, будто это безымянное и вовсе не существует. А вот с тем, что названо, с тем, о чем «кричит боль», такой номер не проходит.

Завтра мы с Джейн попытаемся работать как ни в чем не бывало, и послезавтра, и послепослезавтра. Будем прятать друг от друга глаза, будем привычно задавать себе вопросы: не расстроен/расстроена ли он/она? Надо ли мне подойти поближе/держаться подальше? Как бы не обидеть неосторожным словом/жестом…

А-а, черт бы вас всех побрал! Оставьте же меня наконец в покое!..

Разговоры не сокращают дистанцию, а напротив, увеличивают. И ничего тут не…

– Стервы, да? – мягко прозвучал голос.

Я открыл глаза. Рядом стояла Сьюки. Она была повыше, чем мне показалось сначала, и с эффектной фигурой. Но кто это заметит, когда рядом близнецы, воплощение прогресса и научных чудес?

Смущенный и растерянный, я выдал первое, что пришло на ум:

– Белинда. Бриджит – нет.

– Это ты так думаешь, – рассмеялась Сьюки и положила на скамью комиксы. – Вот, гномик, это тебе. – И скрылась в каком-то коридоре.

Она оказалась голографической, эта недешевая книжка с впечатанными в бумагу чипами. Страница поделена на четыре панели, они поочередно зажигаются на десять секунд, изображают эпизоды. Называлось это удовольствие «Нож Режь» и повествовало о мамочке, которая невзлюбила своих малых деток, – короче, сплошная кровища и расчлененка.

ДЕТИ С СИНДРОМОМ АРДЕНА. ЖИЗНЬ С НИМИ – СПЛОШНОЙ ВОСТОРГ! ОНИ ЧУТКИ, ЗАБОТЛИВЫ, УЧАСТЛИВЫ И БЛАГОДАРНЫ.

Вот вам пожалуйста, еще одна большая дружная семья.

Вселенная – не такая уж жестокая хозяйка, иногда она дает тебе передохнуть.

На следующий день я захворал. Так, пустяки, нос заложен да горло болит. Ну, еще голос, будто наждаком по металлу. Пришлось звонить «на работу», то бишь в особняк Джейн. Отозвался ее тренер:

– Чего тебе?

– Передай Джейн, я сегодня не приду. И напомни ей, чтобы…

– Барри, я тебе не мальчишка на побегушках! – взъярился он.

Я с равной неприязнью уставился на экран с физиономией Дино Каррано. Этот «тренер для вчерашних звезд» – наглец и нарцисс, он своим силовым фитнесом трижды в неделю доводит Джейн до полного изнеможения и слез. Дино, как тот давешний Измаил, не способен понять, что краткая мода на него прошла и Джейн терпит рядом с собой бэушного мачо только из жалости. Сейчас он стоит в ее спортзале, рядом – никого.

– Почему ты отвечаешь? Где Каталина?

– У нее мамаша померла в Мехико, в который уже раз. Теперь про Хосе спросить собираешься? Он присматривает за садовниками… Ну а Джейн в туалете, ее тошнит… Все узнал, что хотел? Тогда пока, Барри.

– Стой! Почему тошнит? Слышь, макаронник, если это ты ее довел…

– Не транжирь угрозы, малявка. Мы еще даже не начали курс занятий. И если завтра не начнем, ее задница повиснет, как дорожная сумка. Джейн просто съела что-то не то.

И он отключился.

Мой желудок тоже бунтовал. Может, из-за баррингтоновского лимонада? Вскоре меня вырвало, и сразу стало легче; я решил не звонить врачу и лег в постель. Если Джейн заболела, все назначенные ею встречи отменит Каталина. Хотя как отменит, она же в Мехико?.. К черту, не моя забота.

Как бы не так. Все проблемы Джейн – они и мои тоже. Да и собственных хватает: Лейла, Этан… При том что личной жизни у меня, в сущности, нет.

Я не позволил себе встать с кровати и поехать к Джейн и в конце концов уснул. Пробудился через шесть часов: и горло, и живот в норме. Быстренько позвонил и выяснил: Каталина уже вернулась из Мексики, но ее голосу подозрительно не хватает скорби. Все же она неплохой работник, когда не болтается за границей; рассудив таким образом, я доверил ей проинформировать Джейн насчет завтрашнего рабочего графика. Тем самым выкроил себе еще день отгула. Надо хорошенько расслабиться вечером. Буду долго мокнуть в ванне, выпью бокал вина… Опять же, разговор с Лейлой откладывается. Хорошо!

Я включил телевизор. На канале «Холливуд уотч» шли местные новости.

В Валли обнаружено в пруду тело Измаила.

– …Труп утяжелен бетонными блоками. Причина смерти – пулевое ранение в голову. Это похоже на казнь в гангстерской манере, – вещал смоделированный компьютером образ.

Если б не отсутствие дефектов внешности, неизбежно возникающих при видеосъемке, я бы принял дикторшу за живую.

Рядом с ней на экране возникла фотография с красивым лицом Измаила.

– Убийцы, очевидно, не знали о том, что в районе озера сегодня начнется строительство нескольких роскошных жилых комплексов…

Настоящее имя Измаила – Гарольд Сильвестр Эренрейх. Этот неудачливый актер, мелкий аферист и неплательщик налогов добрых восемь месяцев прятался от электронного надзора.

– Просьба ко всем, кто может располагать любой информацией…

Я тут же связался с Джейн через комлинк:

– Слышала?

– Только что позвонила в полицию. Скоро приедут. – Вид у нее был усталый, даже замученный – всего-то лет на пять моложе, чем на самом деле. И голос наждачный, под стать моему. – Как раз собиралась тебя позвать. Барри, как думаешь, это нам не помешает?

– Нет. – «Тридцать лет в звездах, – подумал я, – а до сих пор не представляет себе, как делаются дела вне съемочной площадки». – Наоборот, поможет. Ты звонила Эверетту?

– Он уже в пути.

– Никому ни слова, пока мы оба не прибудем. Поняла? Ни единого словечка. Можешь прислать за мной флаер?

– Да. Барри… его ведь из-за меня убили, из-за интервью?

– Что толку гадать, – проворчал я и всерьез обрадовался тому, что это на самом деле так.

Мне было наплевать на Измаила: жив он, мертв или свалил на Марс. Но Джейн – человек совсем иного склада. Она неравнодушна к людям, особенно к типажу «раненая птица». Этим неравнодушием и объясняются три ее брака, да и четвертое замужество, за продюсером «Альфа-самца», по сути лишь реакция на второе, со спившимся киноактером. Каталина, ее секретарь и экономка, тоже из этих, из «подранков». И даже тренер, если на то пошло. Такое вот извращенное самаритянство.

Но я знал наверняка: сейчас она не думает ни обо мне, ни о жестоких словах Белинды. Только о несчастненьком Измаиле. И это хорошо. Измаил помог нам благополучно пережить кризис в отношениях. Даже убийство бывает тем худом, без которого нет добра.

К тому времени, когда флаер опустился на крышу особняка Джейн, я успел заметить, что разные СМИ уже говорят

практически одно и то же. Скорее всего, кто-то «слил» им информацию, какой-нибудь чиновник окружного уровня, На территории усадьбы, у ворот, стояла неприметная машина, снаружи – два фургона, и еще один флаер приближался со стороны Лос-Анджелеса. Меня впустила Каталина, взволнованная до блеска черных глаз.

– Ла полисиа…

– Я в курсе. Эверетт Мерфи уже здесь?

– Да, он…

– Принеси нам кофе и пирожные. И пусть слуги зашторят все окна. Немедленно! В спальнях тоже. За нами робокамеры могут следить и даже беспилотники.

В углу громадной гостиной, декоратор которой не пожалел черных кривых линий с броскими фиолетовыми отливами, сидели Джейн, Эверетт и незнакомые мне мужчина и женщина. В оправдание хозяйки дома скажу, что комната получилась не в ее вкусе и потому служила только для приемов. Дизайнеру Джейн вовремя дала укорот – он хоть и оказался бычарой вроде Дино Каррано, к типу «раненая птица» не принадлежал, а потому был вынужден оформить вторую гостиную, приватную, в английском сельском стиле. Но сыщиков хозяйка туда не пускала, дорожила своим самым укромным уголком.

Каталина пронеслась мимо меня маленьким мексиканским смерчем и картинно нажала кнопку затемнения окон. Стекла вмиг подернулись фиолетовой мглой, в комнате замерцали светильники. Сделав дело, Каталина выскочила за дверь.

– Барри…

Джейн выглядела еще хуже, чем на экране комлинка. Красный нос, опухшие глаза и никакой косметики. Если полицейские запаслись скрытой камерой, быть беде.

– Это детективы Лопез и Миллер из Управления полиции Лос-Анджелеса. Офицеры, позвольте вам представить Барри Тенлера, моего менеджера.

Они кивнули. Обоим хорошая выучка не позволила проявить любопытство или неприязнь, но от меня таких вещей не скроешь.

В приватной гостиной Джейн специально для меня держала приземистый стульчик, а здесь пришлось карабкаться на высокий черный диван – дизайнер все-таки настоял на присутствии «значимой детали интерьера».

– Вы можете приступить к опросу, – сказал я полицейским, – но прошу учесть, что к нам уже обращались представители ФБР и АЗЧ. и мы с мистером Мерфи оставляем за собой право в том или ином случае предупреждать мисс Сноу, что ей не следует отвечать.

Детективы никак не отреагировали на бессмысленное затемнение окон. Но я добился, чего хотел. Карлики рано учатся тому, что прямолинейная, многосложная, властная речь не дает людям нормального роста обращаться с ними, как с детьми. Это иногда действуют.

Офицер Лопез засыпал Джейн каверзными вопросами. Как удалось добиться встречи с Группой? Когда она произошла? Были ли контакты между первым обращением к террористам и интервью? Кто вас сопровождал?

Когда выяснилось, что это был я, Лопез поморщился – мол, за дурака принимаете? – и повернулся ко мне:

– Мистер Тенлер, вы там были?

– Был.

– Вам надо вместе с офицером Миллером пройти в соседнее помещение. – Свой казенный тон Лопез подкрепил немигающим взглядом в упор.

Свидетелей всегда опрашивают отдельно. Даже если Лопезу страсть как не хочется наделять меня свидетельским статусом, он наверняка подозревает, что сам я против этого статуса ничего не имею. Силовики увязли в бесконечных межведомственных склоках, иначе бы полиция Лос-Анджелеса давно узнала о моем визите в тот мрачный подвал. Либо этот Лопез – жертва своего мачистского высокомерия. «Тебя? Такого дохлого недомерка она взяла с собой телохранителем?»

– Эверетт – и мой адвокат, – сообщил я.

– Выйдите с офицером Миллером. Позже к вам присоединится мистер Мерфи, когда мы закончим разговор с мисс Сноу.

Лопез с великим трудом прятал злость за официальностью.

Я пошел в домашний театр следом за Миллером. Отчего-то подумалось: на его месте Белинда сразу бы поняла, что я замкнулся неспроста.

С Измаилом расправилась Группа, в этом я не сомневался, да и полицейские, наверное, тоже. Явный нарцисс, самодовольный и ненадежный, – такой просто не мог не зарваться. Интересно, Надутую тоже шлепнули? А телохранителя со штурмовой винтовкой? А мальчишку, что привел нас в подвал?

Группа пытается в своих действиях сочетать идеализм с погоней за прибылью и железным контролем. От такой смеси никогда не бывало проку. Можно сказать об этом офицеру Лопезу, да только не похоже, что он намерен воспринимать мои слова серьезно.

Три-четыре дня без передышки СМИ обсасывали эту историю.

«Знаменитую актрису допрашивают в связи с убийством биотеррориста! Что известно Джейн Сноу?» Но потом сенатор США женился на порнозвезде по имени Кэнди Элли[72], и пресса переключилась на них, причем не без облегчения – к тому времени стало ясно, что Джейн никакими жареными фактами не располагает. Я не отходил от нее ни на шаг, изображая заботливость, деловитость, преданность киноискусству – и абсолютное непонимание причины убийства. Судя по соцопросам, общественное мнение складывалось в ее пользу. Узнавание ее имени выросло на шестьсот процентов (возрастной диапазон – от восемнадцати до двадцати четырех); большинство этих людей видели Джейн только на голограммах и не смотрели ни одной картины с ее участием. Паблисити есть паблисити.

Добавили ей известности и частые визиты к близнецам Баррингтон. И это устраивало всех, кроме меня. Фриде импонировало внимание прессы (по крайней мере той ее части, что не комментировала каждое телодвижение похотливого сенатора), близняшкам пришлась по душе заботливость Джейн. Сама она радовалась возможности поухаживать за новыми «ранеными птицами». Уж не знаю, почему она сочла таковыми маленьких чертовок, этих самых балованных детей во Вселенной. Но по большому счету Джейн всего лишь убивала время, пока создавался сценарий. При этом, надо отдать ей должное, геройски оборонялась от тусовки, мнившей себя круче шкалы Альмера[73] – десять лет она не вспоминала про Джейн, а теперь завалила приглашениями на вечеринки. Я-то поощрял подобные отлупы ради создания важной ауры труднодоступности и эксклюзивности. Но Джейн рассуждала проще: мне эти люди больше не друзья, так зачем же с ними встречаться?

Что до меня, то я работал в основном дома, ведь подготовка к съемкам – дело жутко хлопотное, надо учесть тысячи мелочей. Хотел выкроить время и связаться с Лейлой, а в итоге она позвонила сама.

– Привет, Барри.

– Привет, Лейла.

Выглядела она неважно. Собравшись с духом, я спросил:

– Как он?

– Опять ушел, – ответила она устало. – Я позвонила в полицию, но что они могут?

– Ничего, вернется, – пообещал я. – Как обычно.

– Да… Но когда-нибудь он вернется в гробу.

На это мне сказать было нечего. Зато у Лейлы всегда есть что сказать.

– Правда ведь, если это случится, ты не слишком

расстроишься? Пока он жив, существует риск, что однажды свалится как снег на голову и омрачит твое безбедное существование…

– Лейла…

– Желаю не скучать в компании звездных друзей. А я буду сидеть и ждать, когда мне сообщат, что сын, тобою изувеченный, теперь уже на самом деле мертв.

И она демонстративно отключилась.

С Лейлой я познакомился в Денвере на Фестивале маленьких людей Америки. Она зажигательно отплясывала с группой юных карликов на ежегодном балу. Взлетающая юбка, голый живот, рыжие волосы, голубые глаза… Исполненная энергии до кончиков ногтей, мне она показалась самой красивой девчонкой на свете. Я был на семнадцать лет старше, и вся фестивальная публика относилась ко мне с пиететом. Как же, важная фигура – помощник кандидата в мэры Сан-Франциско! Умный, успешный, с иголочки одетый. Подающий надежды гном, короче говоря.

Через полгода мы поженились. А еще через шесть месяцев, когда я с головой увяз в выборах губернатора, Лейла сподобилась внезапно забеременеть.

У двух карликов двадцатипятипроцентная вероятность родить ребенка с нормальным ростом, пятидесятипроцентная – произвести на свет карлика, двадцатипятипроцентная – заполучить отпрыска с двойным доминантным синдромом; такой младенец очень скоро умрет. Мы с Лейлой эту статистику обсуждали редко, поскольку рассчитывали на оплодотворение ин витро[74] – сей метод допускает отбор лучших эмбрионов, поэтому для карликов он оптимален. Но Лейла что-то напутала с противозачаточными таблетками. О своей беременности она узнала сразу, и еще до того, как зигота прикрепилась к стенке матки, анализ показал, что у плода «здоровый» ген FGFR3.

От такой новости я пришел в ужас.

– Я не хочу ребенка с нормальным ростом! – заявил я Лейле. – Не хочу, и точка!

– А я не хочу делать аборт, – возразила она. – Не то чтобы принципиально против… Будь такая возможность, легко бы согласилась, но ты пойми, Барри: я не могу! Он для меня уже ребенок. Наш ребенок. Да почему нельзя иметь нормального, что в этом такого?

– Что такого? – Я повел вокруг рукой, в нашем доме все – мебель, бытовые приборы, даже дверные ручки – было приспособлено для нашего роста. – Да ты оглянись! А кроме того, Лейла, есть же и нравственный аспект. Благодаря

оплодотворению ин витро все меньше рождается таких, как мы. Общество укрепляется во мнении, что быть карликом – это неправильно. Меня такая ситуация не устраивает, и я не буду ее усугублять. Это политический вопрос, если на то пошло. Хочу ребенка-карлика!

И я ее убедил. Тогда ей было двадцать, а мне аж тридцать семь, и в политике я играл не самую последнюю роль. К тому же она меня любила. Не хватило ей проницательности, не догадалась она, почему я на самом деле боюсь обзавестись нормальным сыном.

Потому что к семи годам он сравняется со мной в росте. Потому что управлять им будет невозможно. Потому что он неизбежно начнет презирать и меня, и свою мать.

Все же Лейле очень не хотелось делать аборт. Поэтому я ее уговорил лечь в английскую клинику соматической генотерапии.

Я тогда слепо верил в науку. Соматическая генотерапия – дело новое, но результаты уже впечатляли. Английская генная инженерия ушла далеко вперед, и заинтересованный люд со всего света потек в Кембридж – связанные с этим великим университетом частные фирмы включали и выключали гены утробного плода, не вынимая его из материнского чрева.

Но такая процедура осуществима лишь в течение недели, максимум десяти дней после зачатия.

В организме карлика изменен ген FGFR3, ответственный за рост костей. Я надеялся, что коррективный ретровирус вызовет мутацию этого гена в столь малом массиве клеток, как наш будущий сын.

Но кембриджская клиника биотехнологий подобными вещами не занималась принципиально.

– Мы уничтожаем болезни, а не создаем, – объяснили мне.

Я бы ответил таким же ледяным тоном, если бы не вскипел:

– Дварфизм – не болезнь!

Напрасно я тогда затеял качать права маленького человека. Впрочем, я в ту пору вообще слишком легко зарывался. Как же, важная шишка, гуру избирательных кампаний, пиарщик, не знающий поражений! Страх часто выдает себя за наглость.

– И тем не менее, – с надменным английским акцентом осадил меня ученый, – мы не в силах вам помочь. Полагаю, и все остальные клиники Соединенного Королевства тоже.

Я очень скоро выяснил, что врач сказал правду. Срок истекал, поэтому уже на следующий день мы полетели на Каймановы острова. И там все пошло наперекосяк. То ли попался мутировавший ретровирусный вектор, то ли при сплайсинге в молекулу случайно проникли другие нуклеотидные

последовательности (такое бывает), то ли просто боженька в этот день оказался не в духе и решил над нами зло пошутить. У соматической генотерапии есть побочные эффекты, например столь неприятная штука, как самопроизвольная замена одного гена другим, причем встроившийся ген негативно влияет на следующий участок молекулы, вызывая каскад ошибок – и процесс эмбрионального развития идет вразнос.

Вот так мы и получили Этана.

Лейла никогда меня не простит, да я и сам не прощу. Этану и двух лет не исполнилось, как она забрала его и ушла. Я и деньги переводил, и связь поддерживать. Позволял изливать на себя гнев, презрение и отчаяние. Она присылала фотографии Этана, но не позволяла мне приехать и встретиться с сыном. Можно было бы добиться свиданий через суд, но я на это не пошел.

А губернаторские выборы мы с моим подопечным провалили.

– Барри, – позвонила мне Джейн накануне первой читки сценария, – можешь вечером приехать?

– Нет, – солгал я. – Уже есть планы насчет ужина.

– Да? И с кем же?

– С другом, – загадочно улыбнулся я.

Во мне еще жил наивный старшеклассник, и ему хотелось, чтобы Джейн подумала, будто я иду на свидание.

Тут я заметил, что за спиной у нее носится по комнате Бриджит Баррингтон.

– У тебя что, эти девицы?

– Ага. Каталина заболела, я не смогла к ним полететь, вот и…

– Заболела? Чем? Джейн, тебе сейчас нельзя заразиться, завтра первая читка!

– А я не заразилась, я ее заразила. Горло болит и живот – помнишь, у тебя тоже так было? Каталина…

– Ты не медичка! Заболела Каталина, так пускай… – Будь моя воля, договорил бы: «…дуба врежет». А пришлось сказать иное: – …наймет себе сиделку.

– Ну, сиделка – это чересчур, не так все запущено. Немножко ухода, апельсиновый сок и моя компания – вот что ей нужно. Ладно, Барри, не бери в голову. Я даже рада отвлечься, а то разные мысли лезут… Да, кстати, я с Робертом договорилась, чтобы завез сценарий сюда. Хочу прочесть вечерком. Он немножко поломался, но в конце концов согласился.

У меня в голове ударил тревожный колокол:

– Что значит – поломался?

– Ну, не знаю. Просто поломался.

Я перебрал варианты, способные вызвать такое поведение

продюсера, и вскоре понял: какова бы ни была причина, устранить ее не в моих силах. Поэтому обошелся риторическим советом:

– Смотри там, не подхвати от Каталины чего-нибудь.

– Повторяю, это невозможно.

– Ладно, как скажешь.

Разговор меня приободрил. Джейн обращалась со мной как прежде, не скупилась на притворную приязнь – вот и ладушки, вот и спасибо. Впрыснутый Белиндой яд не испортил наши рабочие отношения, его смыло потоком чувств, вызванных убийством Измаила. Я не лишился своего крошечного местечка в сердце Джейн.

А фильм по всем признакам намечался кассовый. Да что там кассовый, настоящий блокбастер!

– Катастрофа! – вскричала Джейн. – Отказываюсь!

Я принял сидячую позу на кровати и сонно воззрился на стенной экран. За искаженным яростью лицом Джейн увидел часы – 00:56. Пришлось напрячься, чтобы прояснилось в голове.

– В чем дело?

Она заплакала… Нет, зарыдала вовсю, и это никуда не годилось, завтра же первая читка, ей нужно безупречное лицо. Давно ли Джейн вот так же убивалась на моих глазах? Когда от нее последний муж ушел. А до этого – когда ушел предпоследний.

– Скоро приеду, – пообещал я. – Уже выхожу Закрой сценарий и больше не читай. Мы все исправим, не волнуйся.

Она так рыдала, что даже ответить не смогла.

– Возьми бокал вина и жди.

– Ла… ладно.

Я вызвал шофера. Могу и сам водить, но это больно. Эрни с его женой Сандрой, домоправительницей, жили в гостевом домике. У обоих ахондроплазия.

– Мистер Тенлер? Что случилось? Все ли с вами в порядке? – разволновался Эрни.

Хорошие они люди, но все же я не позволял нашим отношениям выйти за рамки субординации – как раз на случай такого вот полуночного вызова.

– Я в норме, но должен срочно ехать к мисс Сноу. Через пять минут машину подогнать сможете?

– Пять минут? – явно расстроился Эрни. – Да, конечно.

– Сами-то вы хорошо себя чувствуете?

Расстроенное выражение сменилось изумленным. Не в моих привычках было справляться о самочувствии Эрни.

– Да, хорошо, разве что самую малость нездоровится… Но это

пустяки. Я буду через…

– Если нездоровится, может, не надо…

– …пять минут, – договорил Эрни теперь уже с подозрительным выражением лица.

«Что он делает?» – прочел я вопрос в его глазах.

Я и сам хотел бы это знать.

Преодолевая боль, слез с кровати и кое-как размялся, затем натянул одежду. Прохромал за парадную дверь и спустился по крыльцу к поджидающему «Лексусу».

– Возьмите. – Я вручил Эрни обезболивающий пластырь и пластмассовую манерку с апельсиновым соком.

Он посмотрел на меня и недоуменно покачал головой.

Меня впустила сама Джейн, в халате и шлепанцах. Я ужаснулся, увидев ее опухшее, в красных пятнах лицо – как говорится, в гроб кладут краше. Хотел обнять, но вместо этого заговорил грубее, чем сам ожидал:

– Ну и что за проблемы со сценарием?

А ей – вот же извращенка – моя злость только на пользу. Успокоилась прямо на глазах.

– Это даже хуже, чем пародия, – ответила Джейн.

– Твою роль, что ли, урезали?

– Да при чем тут… Барри, сам глянь. Вот, сядь и прочти собственными глазами.

Она повела меня в гостиную, где на столике ждала полупустая бутылка вина. Налила себе уже третий бокал, чтобы скоротать время, пока я читаю, но меня это не волновало. Она только с виду слабенькая, а дай волю, перепьет русского грузчика.

Сценарий фильма «Идеальное будущее» был основан на рассказе безвестного писателя, и это означало, что авторские права обошлись студии очень дешево. Фантастическая ситуация «ближнего прицела», как водится, экстраполировалась из настоящего. Некий город в штате Миссисипи, на посту мэра Кэйт Брэдшоу – молодая женщина с синдромом Арлена. Чуткую и добрую, но неопытную Кэйт опекает бывший окружной прокурор – это роль Джейн. Образ экс-прокурорши не лишен комичности: она упряма и не считает зазорным пользоваться своей перезрелой сексуальностью в политических целях. Темы этой сюжетной арки – предубежденность, женская дружба и разрешение острых противоречий, неизбежное для любого политика занятие. Все это происходит в густой атмосфере Глубокого Юга и заканчивается сенсационным выступлением героини Джейн.

Затем действие переносится в Лос-Анджелес. Тамошний мэр –

сущая Далила, злая ведьма, умеющая читать мысли. Она соблазняет мужчин, ломает судьбы, пытает своих врагов и вообще глумится над демократией. Ее подручные напропалую плодят клонов и без счета взрывают дома. Разнесут они и гнездышко героини Джейн, этак к концу первой трети фильма. Правда, затем мэру в сердце загонит пулю благородный молодой оперативник Агентства защиты человека, и тело гадины обольется вязкой желтой кровью.

– Джейн… – начал я, оторвавшись от чтения, и замялся.

Надо было подбирать слова аккуратно – она успела осушить бутылку. И хотя больше не плакала, я принес пачку салфеток.

– Согласен, чушь несусветная, но все же…

– Отказываюсь!

У нее очень пластичный голос. Только что в нем клокотал гнев, а теперь звучит отчаяние, которое уже срывается в пропасть безнадежности.

– Это же только черновик сценария. Можно потребовать…

– Ты же знаешь: бесполезно.

Да, я знал. И потому выложил главный аргумент.

– Джейн, дорогая, но ведь других проектов тебе не предлагают.

– Я отказываюсь!

– Джейн, нельзя же так…

– Думала, ты поймешь. – И она впилась в меня самым несвойственным ей взглядом: ни мягкости, ни флирта, только тихая голая правда. – Это дерьмо разжигает ненависть. Не выявляет и не показывает беспристрастно, а разжигает. Арленовы дети не такие, как мы, а значит, они плохие, злые! Хуже того, они генетическое отклонение от нормы, то есть очень плохие, очень злые, необходимо очищать от такой скверны общество! Барри, я надеялась, хоть ты будешь против.

За пять лет мы с Джейн ни разу не заговаривали насчет моей карликовости. Она не знала ни о Лейле, ни об Этане. Для нас обоих это была запретная территория: я всеми фибрами души не желал туда соваться, а она не считала себя вправе меня туда затаскивать.

От гнева у меня даже в глазах помутилось.

– Когда я против, а когда за – это не тебе решать. Ты что о себе возомнила? Провела две недели с парочкой отборных Арленовых детей и уже берешься пророчить, куда нас заведет генетика? Да ни черта ты не знаешь! Вы, считающие себя нормальными, на самом деле глупцы и невежды, почти все. Ни малейшего представления о том, какие ловушки нам подстраивает генетическая модификация. По-твоему,

человечеству надо ждать одних только благ? Новых улучшений? И без малейших сомнений готова… Ты что, решила свою карьеру угробить? Ну так вперед! За три года сколько тебе ролей предложили? Одну-единственную? Думаешь, в очередь выстроятся? Да посмотри на себя! Стареющая актриса ушедшей эпохи, Норма Десмонд, которой больше ничего не светит…[75] Валяй, внушай себе, что ты по-прежнему на вершине. Как бы не так. Ты в самом низу, стоишь на зыбучем песке, и будь я проклят, если дам себя утопить за компанию.

Потом мы молчали. Наконец она устало произнесла:

– Меня этот сценарий не устраивает.

– Вот и отлично. Ищи себе другого менеджера.

Я доковылял до машины, и Эрни отвез меня домой.

С экранов Джейн убрали. Вместо нее киностудия пригласила Сьюри Круз, соплюху, годившуюся ей в дочки. Со мной связалась Лейла, сухо проинформировала, что очередной период беспризорности закончился, блудный сын вернулся домой: глаз подбит, нос сломан, рука порезана. Повидаться с ним не предлагала («Кретин, с чего ты взял, что он знает о твоем существовании?!»), а я и не напрашивался. Время от времени Управление полиции Лос-Анджелеса докладывало об отсутствии подвижек в расследовании убийства Гарольда Эренрейха, а потом красивое лицо Измаила и вовсе исчезло из новостного вещания.

Через несколько дней грипп прошел у Эрни, но развился в пневмонию у Сандры, и ее уложили в больницу. Я каждый день наведывался – для моральной поддержки, хотя раньше за мною не водилось такой привычки. Просто заняться было нечем, от меня больше ничего не зависело, а поездки в больницу помогали отвлечься. Сандра выписалась через каких-то четыре дня, а вот ее соседку по палате перевели с осложнением в палату интенсивной терапии. Этой перепуганной одинокой старушке я принес цветы и шоколад и сыграл с нею в маджонг, когда она пошла на поправку. Игра привлекла нескольких инвалидов, в том числе парня, которого убивала одна из немногих форм рака, до сих пор не побежденных медициной. Я и его стал посещать. Ни разу Мартин не подал виду, будто заметил, что я карлик. Разум умирающего не реагирует на посторонние вещи – не помню, кто это сказал, но похоже на правду.

Снова и снова возникала невеселая мысль: похоже, я от Джейн заразился влечением к «раненым птицам». Но слишком уж расстраиваться по этому поводу я себе не позволял: как ни крути, визиты в больницу далеки от голливудского менеджмента, а он, в свою очередь, далек от жесткого мира политики. Не хотелось

задумываться о том, куда меня несет судьба.

У Джейн также не проходило желание заботиться о сирых и убогих. Изредка ею не брезговали маловезучие папарацци, и голоснимки появлялись на четвертосортных линксайтах, в каких-нибудь «Вахтах знаменитостей» – то она дает «на хлебушек» бездомному пьянчуге, то оплачивает счета ребенка, якобы не имеющего ничего, кроме рваной одежки. Зато кадры с Джейн в компании близнецов регулярно мелькали во всех новостных передачах. Благодарить за это следовало, конечно же, Фриду Баррингтон.

В июле уволились Эрни с Сандрой.

– Мистер Тенлер, уж извините, но нам тут неуютно.

– Неуютно?

Переделка домика для гостей обошлась мне в двадцать тысяч долларов.

– Ага, – кивнул Эрни, переминаясь с ноги на ногу – У него голова и зад поменьше, чем у большинства пораженных ахондроплазией, но все-таки он сложен непропорционально – и где еще ему удастся найти легкую работу за такие приличные деньги? Это и к Сандре относится.

– И куда устраиваетесь?

– Это наше дело.

Я помрачнел, получив столь невежливый ответ. Эрни, заметив это, смягчился.

– Мистер Тенлер, мы вообще-то очень благодарны. Вы для нас так много сделали. Но в последнее время что-то с вами… Вот зачем было дом перестраивать? Я же сколько раз отговорить пытался… А вы все даете и даете то, чего нам не требуется. И… вы постоянно здесь, над душой… Надоело до смерти, уж не обижайтесь.

А ведь я искренне хотел помочь!

– Будто под надзором живем, ей-богу, – кипятился Эрни. – Понятно, вы себя хорошим человеком считаете и стараетесь делать добрые дела, но нам-то…

А звонки эти! Сандра их уже выносить не в силах. Правда, мистер Тенлер, нам лучше уйти.

Я их рассчитал не скупясь и нанял мексиканцев, мужа и жену, без документов – эти бедолаги уже отчаялись найти работу. Приятно было им помочь. На звонки я теперь всегда отвечал сам. Лицо собеседника на экране не появлялось, а голос, прежде чем добраться до меня, проходил через исказитель. Переговоры велись посредством частного спутника с программой шифрования данных, так что никто посторонний не мог их подслушать и

записать. В самом начале я было подумал, что это Джейн, но вскоре почувствовал: не ее стиль. И были эти беседы похожи как две капли воды.

– Барри Тенлер?

– Да, я Барри Тенлер.

Тяжелое дыхание, и наконец:

– Я знаю, что ты чувствуешь.

– Вы о чем?

И тут в механическом голосе появлялось что-то вроде боли. По идее, это невозможно – но я слышал собственными ушами.

– Просто хочу, чтобы ты знал: кое-кто тебя понимает. Кое у кого такая же ситуация.

– Ну так давайте помогу…

И в этот миг прерывалась связь.

Что еще за ситуация? Он тоже карлик? Безработный спец по пиару? Отец ребенка с серьезными генетическими дефектами?

К этой загадке добавилась новая, когда объявились федеральные агенты. И они вели себя не менее уклончиво, чем мой анонимный собеседник.

– Мистер Тенлер, не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Мне понадобится адвокат?

– Ну что вы. Это вопросы самого общего плана, и мы действуем в общенациональных интересах. Вы действительно способны нам помочь.

Это меня сбило с толку. АЗЧ обычно не просит «помощи», а требует, и эти агенты мало напоминали держиморд, что допрашивали нас с Джейн после встречи с Группой. Визитеры, мужчина и женщина, были ростом невысоки, хорошо сложены и вели себя прилично, явно решив обойтись без угроз. Мне стало интересно, да и скучать уже надоело. Я разрешил войти. Наверное, хотелось посмотреть, каково им будет на карликовых стульях – когда колени поднимутся над кофейным столиком, точно гималайские вершины.

– Мистер Тенлер, в последнее время у вас не было проблем со здоровьем?

– Что?.. Нет, все в порядке.

Я понял: речь не о моей хронической боли. И не о столь же хронической жалости к себе.

– И ничего похожего на симптомы простуды?

– Грипповал несколько месяцев назад, но с тех пор – ни разу.

Я заметил, что гости не переглядываются друг с другом.

– А в чем дело-то? Будьте любезны объяснить, прежде чем задавать новые вопросы.

– Сэр, мы охотно дадим объяснения, – уступчиво проговорила женщина, симпатичная, ростом примерно пять футов и дюйм, и улыбнулась мне совершенно как ровне, отчего я сразу озверел: ненавижу эти дешевые приемчики! – Но прежде все-таки разрешите еще один вопрос, крайне важный. Не пытался ли с начала апреля кто-нибудь из Группы связаться с вами?

– Нет.

Возможно, шифрованные звонки поступали от Группы, но я решил, что федеральным агентам о них знать ни к чему.

– Благодарю вас, мистер Тенлер, – заявила женщина с таким видом, будто добилась своего, и вручила мне визитку.

Элайн Браун, Агентство по защите человека.

– Позволю себе еще раз спросить: что все это значит?

– Прошу обратиться к нам, если с вами что-нибудь случится или кто-нибудь из Группы выйдет на контакт, – проговорил мужчина. – А то наши информаторы намекают…

Он не договорил, а я решил не уточнять, на что конкретно намекают информаторы. Должно быть, агент и так сказал слишком много. Когда они ушли, я еще долго разглядывал карточку Элайн Браун и ломал голову: да что же происходит, черт побери?

Через две недели я все узнал. И весь мир узнал, но я был первым.

Опять раздался звонок после полуночи, и на сей раз я не испытывал желания отвечать. Весь день провел в больнице. В 16:43 скончался Мартин, мой несчастный партнер по маджонгу. Из его родни при этом присутствовала только старушка мать, и она упала в обморок. Я для нее сделал все, что мог, а мог мало, и домой добрался поздно. Чтобы не терзать себя раздумьями о тщете всего сущего, хватил тройную порцию виски с содовой, но без толку.

Прикроватные часы показывали 02:14.

– Чего надо?! – вызверился я на экран.

– Барри Тенлер.

Это не было вопросом. Экран оставался темен.

– Вот что, нынче я не в настроении, давай без этих игр…

Тут до меня дошло, что голос на этот раз не механический, не искаженный. Нормальный женский голос, и я его слышал раньше.

– Выслушай меня, это вопрос жизни и смерти и касается того, кого ты любишь. Необходимо увезти Джейн Сноу в безопасное место, причем немедленно. Не дожидаясь утра.

– Чего-о?.. Да кто ты…

– Кто я – неважно. Увези ее и спрячь.

– Почему? Что происходит… Нет, не отключайся! Ты…

Где же этот голос звучал раньше?

– Действуй. Прощай.

Вспомнил!

– Ты та женщина из Группы. Складской подвал. «Три тысячи двести четырнадцать».

Одна из двух фраз, произнесенных ею тогда.

Она молчала. Но оставалась на линии.

А мой сонный мозг соображал все лучше и лучше:

– И звонки эти шифрованные… «Кое-кто тебя понимает. Кое у кого такая же точно ситуация…» Ты была влюблена в Измаила?

– А они его убили!

Но она тут же взяла себя в руки. Когда такая женщина всего лишь на секунду утрачивает самоконтроль, можно судить о том, сколь велико ее горе. Даже самого крепкого человека душевная боль заставляет порой действовать безрассудно.

– Я тебя недооценивала, – сказала она.

«Ты далеко не первая», – чуть было не брякнул я. В груди собирался тугой комок страха. Не верить этой женщине не было оснований.

– Что за опасность угрожает Джейн? Объясни, пожалуйста.

Вытерпев долгую паузу, я дождался:

– А черт, почему бы и нет? Ладно, Барри Тенлер, будь по-твоему, но только учти: найти меня ты не сможешь. Ни ты, ни Группа. Да к тому же уже сегодня утром все это будет оглашено. Что-нибудь слышал об окситорине?

– Нет.

– После мартовского визита на склад в течение нескольких дней у тебя не было болезненных ощущений?

Страх мигом набрал силу.

– Вроде симптомов гриппа?

– Грипп тут ни при чем. Следующий вопрос: ты потом не замечал за собой несвойственных поступков? А с Джейн такого не бывало? А те, с кем ты обменивался телесными жидкостями, особенно слюной, вели себя как обычно?

Я ни с кем не обменивался телесными жидкостями, в том числе и слюной. Но сразу вспомнил предшествующий разговору на складе обыск. Меня всего ощупал охранник, причем заставил открыть рот и высунуть язык. И ладони у этого типа были омерзительно скользкие.

У меня сперло дыхание.

– Что… что такое окситорин?

– Не бойся, от него не умирают. Группа, если ты не забыл,

состоит из идеалистов. Правда, эти идеалисты прикончат всякого, кто выйдет хоть на два дюйма за границу резервации. – От ее хохотка у меня мороз пошел по коже. – Да, сама знаю, он был тщеславный дурак, но я его любила. Можешь смеяться надо мной… Нет, не станешь, ты ведь и сам в рабах у такой же красивой пустышки. Как я не могла с собой справиться, так и ты…

– Погоди… Что такое окситорин?

Она успокоилась, едва начала излагать сухие факты; из голоса исчез страдальческий цинизм.

– Нейропептид, близкий родственник окситоцина, гормона, который выделяется головным мозгом и гипофизом. Как и окситоцин, окситорин влияет на социальное поведение. В частности, на родительские инстинкты. Если к молодой самке крысы, ни разу не имевшей потомства, подселить чужих крысят, она в течение сорока восьми часов соорудит гнездо и примется кормить подкидышей. Если убрать нейропептид из мозга самки, она и на своих родных детенышей перестанет реагировать, позволит им умереть. То же и с обезьянами. То же и с…

Родительские инстинкты. Вот в чем дело. Вот почему я поил Эрни и Сандру апельсиновым соком и перестраивал их домик. Вот почему навещал пациентов больницы.

Вот почему Джейн, никогда своих детей не имевшая, долгие часы проводит с юными Баррингтонами.

– …давно уже научились делать искусственно, но синтетический препарат надо вводить непосредственно в мозг. А это непрактично, ведь требуется постоянное воздействие на значительную часть населения, поэтому…

– Сволочи! – прокомментировал я шепотом. Хотелось крикнуть, да ярость сдавила горло.

– …Группа раздобыла состав, переключающий гены на создание окситориновых рецепторов. Твоему организму больше не нужно вырабатывать избыточное количество окситорина, достаточно иметь рецепторы, которые позволят извне воздействовать на твой мозг. Правда, восприимчивость к генной модификации у каждого своя, наподобие того как восприимчивость к холере зависит от группы крови. Вектор-носитель – ретровирус. Он способен проходить через гематоэнцефалический барьер, но прежде всего колонизирует секреты ротовой и носовой полостей. Цель всего этого…

– Вы нас использовали! Нас с Джейн! Вы…

– …получить более доброе, великодушное население. Разве не этого желаем мы все?

Я оторопел от такого сочетания цинизма и идеализма. И ведь

она говорила совершенно искренне, в этом не было никаких сомнений. Я пообещал, опять шепотом:

– Не выйдет.

– Уже вышло. И если бы эти подонки, наши лидеры, попробовали на себе, прежде чем сочли Гарольда помехой…

Она заплакала, но мне было плевать. Невидимая удавка отпустила горло, и я заорал:

– Нельзя менять человеку гены без его согласия!

Сразу прекратились всхлипывания, в голосе собеседницы появился холодок:

– Отчего же нельзя? Сам разве так не делал?

Она знала. Они знали. Про Этана.

– Все это я тебе потому рассказываю, что завтра Группа выложит подробности в ЛинкНете. Ты и твоя стареющая Афродита – разносчики, и едва об этом пронюхает пресса, вас засыплют нескромными вопросами, а может, и линчевать захотят. Или забыл, как Группа высказывалась насчет сотрудничества с Джейн по причине ее либерально-левацкой голливудской ориентации? Очень и очень многие поверят с легкостью. А если не поверят, не беда: лучший сенсационализм – тот, которым занимается малое число людей, причем сами эти люди не светятся. Кому как не тебе об этом знать.

– Но почему ты мне…

– Не слушаешь, что ли? Я уже сказала почему. Ты такая же никчема, как и я. Мы с тобой одинаковые, карапуз, у обоих никогда не было шанса получить того, кого любим… будь они прокляты. Им плевать на твою душу, для них всего важнее тело. С телом мне не повезло, а тебе, получается, не повезло вдвойне. Короче, Барри, ты меня понял. Забирай ее сейчас же и уматывай из города.

И она отключилась.

Добрую минуту я стоял и пялился в одну точку, и минута эта показалась мне длиною в век. Я даже не чувствовал тело, которое только что подверглось осмеянию. Но зато лихорадочно работал мозг.

Телесные жидкости. Кровь, сперма, слюна. Джейн вытирает сопли близняшкам, целуется с ними… Не с ними одними, но и с половиной журналистского корпуса на голливудских тусовках. Совершенно ясно, не только нас двоих инфицировали террористы, иначе бы зараза не охватила достаточно большую область. Просто им понадобилось огласить пару имен, и выбор пал на меня и Джейн.

Генетическая модификация по методике Арлена – крайне дорогая процедура, выполняемая по индивидуальным заказам и

дающая очень малое число детей-эмпатов. В этом и кроется стратегическая слабость Группы.

Когда на это указала Джейн, Измаил провел грандиозную аналогию с кругами в пруду, которая ничего не прояснила. Но над ним стояли люди гораздо больше знающие, гораздо дальше смотрящие и гораздо умнее действующие. Люди, имеющие план. Люди, готовящие революцию в интересах всего общества.

Группа провела первый этап войны, где вместо пуль – генетически модифицированные зародыши. А теперь начинается новый этап, и генная соматическая инженерия – все равно что ковровая бомбежка.

Злость, как известно, придает сил и храбрости. Я мигом оделся, побросал кое-какие вещи в сумку и спустился к машине. Поскольку шифр ночной собеседницы был для меня недоступен, я решил не брать комлинк – ни к чему лишний риск. Удлинители педалей «Лексуса», которыми пользовался Эрни и которые не понадобились Карлосу, слава богу, нашлись в багажнике. Я их поставил и двинул к Джейн. Электронный ключ к воротам и парадной двери я захватить не забыл и через час беспрепятственно пробрался к ее спальне.

А что если она не одна?

Сделав глубокий вдох, я вошел.

– Джейн? Это Барри, не кричи.

– Что?..

– Это Барри. Я включаю свет.

Она сидела в постели, глаза – что блюдца. И она была не одна. Рядом на широченной кровати, уютно свернувшись, спали безмятежным детским сном Баррингтоны-младшие. Волосы разметаны по подушкам, с губ стекает слюна…

– Какого черта?!

И тут у меня отказали ноги. Я схватился за край матраса, опустился на пол, и снова пришлось глядеть на нее снизу вверх.

– Джейн, ты в опасности. Надо уезжать, сейчас же. Пожалуйста, ничего не говори, просто выслушай! Один-единственный раз!

Что-то ее проняло – то ли мой голос, то ли нелепая поза. Пока я пересказывал все услышанное час назад, Джейн не произнесла ни слова. Затекавший в открытое окно воздух шевелил ее светлые пушистые волосы, а над скромной голубой пижамой, будто специально надетой для игры в дочки-матери с маленькими гостьями, шея и лицо пошли красными пятнами, но уже через миг залились смертельной бледностью.

Договорив, я кое-как поднялся на ноги.

– Собирай вещи. Пять минут.

– Не могу бросить близнецов, – произнесла она.

Я хмуро уставился на нее.

– Правда, не могу. Фрида с Джоном в Европе, детей оставили на неделю. К тому же я их заразила уже, наверное. Сам говоришь, слюна…

– О них позаботится Каталина.

– Она в Мексике, тетю хоронит.

Я беспомощно закрыл глаза. Как же все это знакомо!

– Нет, – отрезал я.

– Барри, это мой долг! И Фрида не поймет, если… Господи, да Баррингтоны каждый день получают угрозы. А когда пойдет слух, что они заразны…

Мне вспомнились крысы, которые, не имея своего потомства, заботились о чужом.

– Тогда – киднеппинг.

– Нет. Я пошлю Фриде электронное письмо.

Проснулась одна из девочек, уставилась на нас во все испуганные глаза. Это была Бриджит, «добрая» ведьмочка. Она взмолилась дрожащим голоском:

– Джейн, не оставляй нас.

– Успокойся, моя хорошая, не оставлю.

Ах, до чего же трогательно смотрится эта робкая малютка… Но тут я спохватился. Окситорин!

– Никаких приборов, по которым нас можно найти. Комлинки, электронные игрушки и все такое. У детей есть подкожные идентификационные чипы?

– Нет.

Я видел: ей хочется сказать гораздо больше. Но в присутствии Бриджит она не решалась.

Через четверть часа, потраченную на сборы и отправку короткого письма Фриде и Джону Баррингтонам, мы выехали за ворота усадьбы и взяли курс на горы.

В первый месяц беременности Лейлы УЗИ показало вполне обычный плод. Не изменилась картина и на втором, и на пятом, и на девятом месяце. У всех утробных плодов непомерно большие головы, тонкие как прутья ручки-ножки. Когда Этан появился на свет, без генетического сканирования никто бы не опознал в нем карлика. Восемьдесят пять процентов таких детей рождаются у людей нормального роста, причиной тому не доминантный ген, а мутация в процессе зачатия. Зачастую родители даже не догадываются о лилипутстве своего чада, пока вдруг оно не перестает расти.

Но мы-то, разумеется, были в курсе. Мы сами предначертали

судьбу Этана. И как только он родился, подвергли сканированию.

По мнению одного религиозного писателя двадцатого века, человечество нуждается в инвалидах для того, чтобы помнить о хрупкости своего здоровья, о жизненной мощи и немощи.

Мать прославившегося в девятнадцатом столетии Чарлза Страттона по прозвищу Генерал Том Там объясняла его карликовость своим несказанным горем – во время ее беременности умерла собака, любимица семьи. Мы же с Лейлой не занимались подобным самообманом, не искали причин нормальному в ту пору развитию нашего ребенка. Впрочем, наука и не могла предложить убедительного объяснения, так, общие слова: генная инженерия иногда дает сбои, скачки генов приводят к непредсказуемым результатам, хромосомные мутации выходят из-под контроля. В общем, всякие бывают неожиданности. Природа всегда защищает свои права.

Как только от меня ушла Лейла, я приобрел домик в горах. Помнится, в ту нелегкую пору я был малость не в себе. С политикой уже порвал, а шоу-бизнесом еще не занялся; к чему руки приложить, не ведал. Обзавелся дневником, чтобы записывать в него мысли о самоубийстве, но особого желания перейти от слов к делу не припоминаю. Прошло какое-то время, я запер дверь на ключ и больше в тот дом не возвращался. А через несколько лет оформил дарственную на Лейлу, и они с маленьким Этаном бывали там наездами. Лейла даже сказала как-то, в редком приступе деликатности, что сыну нашему на даче очень нравится, он с упоением ловит бабочек и собирает полевые цветы. И вообще ведет себя спокойнее на свежем горном воздухе, а по ночам крепко спит.

Этим же самым теперь занимались и близняшки – спали как убитые на заднем сиденье «Лексуса». Мы с Джейн по-прежнему не разговаривали, но она разок положила ладонь мне на затылок. Как же я мечтал об этом, как же мне этого не хватало – ей-богу, десять лет жизни отдал бы взамен. Но в прикосновении не было ни сексуальности, ни романтики. Просто добрый материнский жест.

Едва над горами встало солнце, мы подъехали к даче. Если Группа действует четко по своему графику, то сенсация выпорхнула из клетки час назад. Джейн приоткрыла дверцу «Лексуса» и сразу покрылась гусиной кожей – в салон хлынул холодный утренний воздух.

– Внесу детей в дом, – такими были ее первые слова после нескольких часов молчания. – Надо им хорошенько выспаться. Дверь заперта?

– Вот ключ.

Простой, будничный разговор. А кругом в эти минуты стремительно меняется человеческая раса.

В доме оказалось не теплее, чем снаружи. Я завел генератор, чтобы не возиться с камином, а Джейн, тяжеловато дыша, перенесла девочек одну за другой в спальню. Дача моя, вернее бывшая моя, невелика, но по комфорту вполне на уровне – я не фанат примитивизма и аскетичности. В кухне всегда есть вода из скважины, санузел соединен с подземным септиком. Мебель, подобранную под мои габариты, Лейла заменила на обычную. На диван я забрался с трудом, сразу заболели ноги.

Из спальни вышла Джейн, затворила за собой дверь, уселась напротив меня в плетеное кресло и тихо сказала:

– Зря не дал мне машину вести.

Я промолчал.

– Тут есть радио?

– Было… Только спутниковое – в горах другое не ловится.

– Где приемник?

– Не знаю. Давно здесь не живу.

Она ушла в кухню, и я услышал открывающиеся дверцы. Лейла обновила и кухонную мебель, однако насчет полок не позаботилась. Джейн пришлось действовать на корточках. Все обыскав, она сообщила:

– Приемника нет, зато еды и посуды полно. Тут кто-то бывает?

И опять я не ответил.

– Ну, Барри, какие планы?

Я посмотрел на нее. Никакой косметики, волосы причесаны незатейливо, из одежды – джинсы и зеленый, под цвет глаз, свитер. Еще никогда она не казалась мне такой красивой.

– План у меня был один – сбежать, пока не нагрянула взбешенная толпа с вопросом: какого, собственно, черта? Ну не любит народ, когда его в мозг насилуют. И у кого же спрашивать, как не у тебя? Ты натуральная мишень.

– Понятно, – устало улыбнулась Джейн. – Да, всяк на мне злость сорвать норовит, сколько себя помню. Но чтобы целой толпой набрасываться… с чего ты взял?

– Зависть. Ты же баловень судьбы: имеешь все, о чем они только мечтать могут.

Я подразумевал красоту, талант, успех и богатство. И свое сердце.

– Да ладно, – фыркнула она. – Конченая карьера, четыре неудачных брака и морщины такие, что даже ботокс не берет. Милый мой Барри, что-то ты неважно выглядишь. Устал. Ложись-

ка на диван, а я тебе молочка подогрею.

– Кончай мамашу из себя корчить!

Мой рык ее сначала испугал, затем рассердил. Но уже через секунду на лице отразилось сочувствие. Сочувствие – это хуже всего.

– Я хотела только…

– Ты сама тут ни при чем, дело в генной дряни, которой тебя инфицировали.

Эти слова заставили Джейн крепко задуматься. Моя ночная собеседница зря считает ее глупой.

– Думаю, ты не прав, – сказала Джейн наконец. – Я так поступала и до того, как все это началось. Вижу: ты устал и расстроен, вот и хочется создать тебе мало-мальский уют.

М-да… Похоже, все гораздо запущеннее, чем казалось раньше.

В самом деле, как можно отличить, у кого поступки естественные, а у кого они вызваны рецепторами окситорина? Гены против свободы воли – очень старый спор. Который сегодня готов перейти в жаркую стадию…

– Все-таки принесу тебе теплого молока, – решила Джейн.

Но я уснул, не дождавшись ее возвращения из кухни.

А когда проснулся, у кровати стояла Белинда и смотрела на меня в упор.

– Хочу домой.

Я принял сидячую позу, спросонья плохо соображая. Все болело.

– Где Джейн?

– Они с Бриджит на прогулку свою дурацкую пошли. А меня оставили. Отвези!

– Сейчас не могу. Потерпи.

– Домой хочу!

Господи, больно-то как! Я слез с дивана и поплелся в кухню. На столе ждала и пахла кофеварка, вот только близок локоть, да не укусишь. До чего же неприятно, что Белинда глаз с меня не сводит! Скрипя зубами от злости, я сходил к камину за стульчиком для ног, залез, налил себе кофейку. Какой-то участок мозга отстраненно констатировал: родительских позывов в отношении Белинды не наблюдается. По крайней мере, когда у нее дела обстоят получше, чем у меня.

Напиток оказался отменным. К хорошему кофе Лейла всегда была неравнодушна. Я глотнул и спросил:

– Ну и долго они уже гуляют?

– Не знаю.

Наверняка же знает, паршивка, но решила не говорить.

– Правда не знаю, перестань думать, что я врунья.

Как же ей это удается?

Я читал кое-что о синдроме Арлена.

Подсознательные процессы в недобром маленьком мозгу Белинды сверхвосприимчивы к шести видам невербальных сигналов. Это – мимика и жесты, вплоть до едва заметных; ритм движения; использование личного пространства; детали внешнего облика, такие как одежда *и* прическа; наконец, так называемый параязык, то есть тона и модуляции голоса, смысловая наполненность речи, акценты и интонации. Все в совокупности позволяет ей читать мои эмоции с такой же легкостью, как диктор читает текст телесуфлера. Правда, чужие мысли для эмпатов все-таки закрыты – об этом я, общаясь с юной особой, как-то успел запамятовать. Пришлось напомнить себе, а заодно углядеть рациональное зерно в старинном обычае привязывать ведьм к столбу и обкладывать хворостом.

– Ненавидишь меня, ну и плевать, – сказала она.

– Ой, Белинда, при чем тут ненависть, – вздохнул я беспомощно. От нее ничего не скроешь.

– И я тебя терпеть не могу!

Я взял чашку и вышел. Слава богу, Лейла не убрала стоявшую перед домом низкую скамейку. С нее открывалась просто головокружительная панорама с горами и долами, прямо-таки нетронутый рай. Помнится, девять месяцев кряду я любовался этой картинкой – и чуть не спятил с горя и тоски. Рай, из которого ты изгнан, больше не рай. Вокруг скамьи как будто витали призраки того горя и той тоски, но черта с два они снова меня заполучат.

Вскоре на грунтовой дорожке появились запыхавшиеся Джейн и Бриджит. Девочка несла букет лютиков и маргариток.

– Здравствуй, Барри, – невесело поприветствовала она, и я заметил слезы.

Я сразу одернул себя, отогнал слабое желание утешить ребенка, погладить его по головке и пообещать, что бо-бо скоро пройдет.

А-а, черт бы вас всех побрал! Оставьте же меня наконец в покое!..

Джейн села рядом на скамью.

– Бриджит, иди, поставь цветы в воду.

Когда близняшка скрылась в доме, я сказал:

– Надо бы узнать, что в Лос-Анджелесе делается. Внизу, на краю равнины Данхилл, есть библиотека. Если убрать волосы, надеть солнечные очки… Впрочем, не мне же тебя учить

актерскому мастерству. Сможешь туда пробраться незамеченной и войти в Линк? Я бы сам съездил, но ты же понимаешь…

Джейн побаивалась высоты. Взглянув на горную дорогу с крутыми спусками и кое-где без ограждений, она вздохнула:

– Смогу.

– Но не задерживайся и ни с кем не разговаривай. Ни слова! У тебя запоминающийся голос.

– Только для тех, кто его слышал больше десяти лет назад и в картинах поприличнее, чем последняя. Так я поехала? – И она снова посмотрела на дорогу.

Прежде чем я успел ответить, девчонки подняли шум. Через секунду они выскочили из дома, и Джейн встала.

– Белинда, не смей! – выкрикнула Бриджит.

– Если сейчас же не отвезешь нас домой, я всем скажу, что ты меня трогал за одно место, и тебя за решетку посадят! Навсегда! Да-да-да!

– Нет, юная леди, вы так не поступите, – произнесла Джейн. – Вы сейчас же пойдете со мной.

Белинда опешила: верно, от Фриды никогда не слышала такого сурового тона. Я отметил для себя, что родительские инстинкты как будто не отрицают дисциплину. Девочка без звука последовала за Джейн в дом.

Может быть, дочки слишком запугали Фриду, поэтому она себе не позволяет строгости? Или дело в ее высокомерии? Или она чувствует себя виноватой?

Или боится, пожурив, услышать в ответ нечто убийственное? Легко было вообразить подобную сценку, очень уж непростые это детишки, с их совсем не детской психикой и жутковатой проницательностью.

Интересно, какими способами Лейла добивается от Этана послушания? И добивается ли?

Джейн возвратилась из Данхилла, плохо пряча ворчание. Сказала, в библиотеке ее никто не узнал. Она беспрепятственно подключилась к Линку, пробежалась по новостям, записала заголовки. Все оказалось даже хуже, чем я ожидал.

В КАЛИФОРНИИ ВЫРВАЛОСЬ НА СВОБОДУ БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ!

АРЛЕНОВЫ ДЕТИ – ТОЛЬКО ПЕРВЫЙ ШАГ, И ТЕПЕРЬ ОНИ РАЗНОСЯТ МУТАЦИИ.

АКТРИСА ЗАМЕШАНА В ЗАГОВОРЕ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭПИДЕМИИ.

ТРЕБУЕМ НЕМЕДЛЕННОГО КАРАНТИНА ДЛЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА!

АЖИОТАЖНЫЙ СПРОС НА ПРОТИВОГАЗЫ, ПАНИКА И

УЛИЧНЫЕ БЕСПОРЯДКИ, ЧЕТВЕРО ПОГИБШИХ.

МУТАНТЫ УЖЕ СРЕДИ НАС – ПО ДВОЕ НЕ СОБИРАТЬСЯ!

НОЧЬЮ ИСЧЕЗЛИ ДЖЕЙН СНОУ И ЕЕ МЕНЕДЖЕР.

– Это они назвали государственной изменой, – сказала Джейн.

– Измена и есть. Или очень близко к ней.

Террор с применением биологического оружия. Посягательство на телесную собственность. Нарушение Четырнадцатой поправки. Преступная небрежность врачей.

– Барри, что дальше?

– Не знаю. Подумать надо.

Но мысли были только об одном: а чем бы все кончилось, не позвони мне Надутая и не увези я Джейн? «Уличные беспорядки, четверо погибших». При том что у толпы нет перед глазами «бесспорного виновника».

– Пока меня не было, чем занимались девочки?

– Ничем.

Они играли в доме, а я сидел снаружи и вообще вел себя так, будто их здесь нет.

Джейн вошла в дом и через минуту вернулась.

– Печенье пекут.

– Чудненько. Лишь бы только дачу не сожгли.

– Не сожжем, – пообещала Бриджит.

Я и не заметил, как сестры молчком вышли вслед за Джейн. У Белинды на носу красовался широкий мазок шоколада.

– Джейн, ты чего-то боишься? – спросила Бриджит.

Та отрицать не стала.

– Сходила в город, узнала новости. В Лос-Анджелесе некоторые люди очень сердятся на других людей. Там теперь опасно.

– Что это значит? – насупилась Белинда. – Нам нельзя домой?

– Они из-за нас распсиховались? – спросила Бриджит. – Боятся… А почему? Мы же ничего не делали.

– Брид, не будь дурочкой, – сказала Белинда. – Они всегда на нас злились, а мы никогда ничего не делали. – И зыркнула на меня: – Вот и Барри тоже злится.

Бриджит нахмурилась, отчего стала вдруг очень похожа на сестру.

– Ага. Барри, ты почему такой сердитый?

– Потому что не хотел вас сюда везти. Но иначе бы на вас уже напала толпа.

Мои слова явно испугали Бриджит, а вот Белинда замотала головой:

– Не-а, дома мы точно были бы в безопасности. Туда никому

не проникнуть… Хочу домой!

– А уж как я хочу вас туда отвезти! – И это была правда, разве что с малой предательской толикой заботы о напуганной Бриджит… Окситорин, чтоб его.

Белинда страха не испытывала, но впала в детскую истерику:

– Так вези же! Вези нас домой!

– Белинда, нельзя, – попыталась ее успокоить Джейн. – Это опасно…

– Не опасно! У папы в усадьбе не опасно! Хочу домой!

– Белинда… – обратилась к ней сестра столь безнадежным тоном, что у меня екнуло сердце.

Получив сильный удар ногой, Бриджит с криком упала. Затем и Джейн достался пинок. Она попыталась схватить девчонку, но та оказалась юркой. Отскочила прочь, размазывая слезы ярости по перепачканному личику.

– Не трогай меня! Никогда не смей прикасаться! Ненавижу! Жалеешь всех подряд! И Барри жалеешь, ах, сюси-пуси, он же маленький и увечный, и нас с Брид, ведь мы не такие, как все нормальные дети, и Каталину, и пилота, и всех-всех, кто хоть капельку на тебя не похож! Да только ты сама уже не красавица, ты старуха и знаешь об этом, и ты боишься, что никто не полюбит, если не станешь опять красивой или если не снимешь про нас свое гадкое кино! А знаешь что? Правильно делаешь, что боишься! Никто тебя не полюбит так, как я ненавижу! Дряхлая ты уродина, быть тебе одинокой до самой смерти!

Джейн стояла неподвижно, с таким видом, будто ей дали звонкую пощечину. Или будто с нее сорвали всю одежду. Но Бриджит уже пришла в себя и двинула сестре сначала в голову, а затем от всей души в живот.

– Пинаться! Ах ты мерзавка!

Белинда завизжала от боли, и вот уже близняшки катаются по сорной траве, царапаясь, таская друг дружку за волосы и осыпая тумаками.

Джейн, очнувшись, бросилась к ним, попыталась растащить. А затем, как и я, замерла, услышав шум мотора.

С визгом тормозов перед домом остановилась машина Лейлы. В салоне я увидел ее и Этана.

Эмпатия – это когда ты понимаешь чужие чувства. Только понимаешь, а вовсе не симпатизируешь им, не уважаешь их. Йозеф Геббельс, гениальный министр пропаганды, очень хорошо понимал, какие чувства испытывал германский народ в двадцатых-тридцатых годах: неуверенность, страх, гнев и обиду. И Геббельс талантливо воспользовался своими знаниями,

организовав пиар-кампанию, которая подняла Гитлера на вершину власти и помогла ему там утвердиться.

Должно быть, слишком поздно Группа сообразила, что синдром Арлена вовсе не гарантирует изменение мира в лучшую сторону. Вот тогда-то и возникла потребность в вирусе, усиливающем реакцию человеческого организма на окситорин. Одну генетическую модификацию решили скорректировать с помощью другой генетической модификации.

Знал бы я раньше, наверное, постарался бы им объяснить, что толку от этого не будет.

Первым из машины выбрался Этан. Бриджит с Белиндой прекратили драку, встали и вытаращились на забинтованную руку, здоровенный синяк под глазом и злобный оскал, адресованный сестрам Баррингтон, нам с Джейн и всему белому свету.

Какой же он красавец, мой сынок!

На лоб спадает золотистая челка, в глазах – небесная синева, а фигура – Микеланджело бы не отказался от такого натурщика для своего Давида. И плюс ко всему – того же сорта, что и у Джейн, сексуальность, абсолютно естественная, даже им самим не осознанная, но при этом дерзкая, будто говорящая: подойди и возьми, если получится.

На фотографиях, правда, это свойство никак себя не проявляло.

Бриджит и Белинде было по одиннадцать, но малый возраст женскому чутью не помеха. От меня не укрылось, как покраснела и смутилась Бриджит. Белинда нахмурилась в ответ, но в серых зрачках возник интерес. Джейн стояла ко мне спиной.

Лейла покинула водительское сиденье и беспомощно воззвала:

– Этан!

Он не остановился и даже не оглянулся на мать. А шел он прямо ко мне. Я встал со скамьи, сердце колотилось как бешеное. Вот сын остановился. И оказалось, что он почти вдвое выше меня.

– Ты – мой отец? – с крайним презрением спросил он. – Ты?!

Лейла спохватилась и побежала к нам, но Джейн, стоявшая ближе, ее опередила. Она вклинилась между мной и Этаном, и кулак, метивший мне в лицо, попал ей в грудь.

– Говорит, дышать не больно, – устало сообщила Лейла. – Это хорошо: ребра, скорее всего, целы.

Мы с Лейлой сидели в ее машине, трехлетием «Форде», держали в ладонях дымящиеся чашки с кофе. Моя дрожала в онемевших пальцах. Джейн задремала в спальне, спасибо за это

обезболивающему пластырю. Присмиревшим девчонкам было строго наказано возвращаться к готовке и носу не казать из кухни.

Этан ушел в лес, и в глубине моего сознания крутилась тошнотворная мысль: вот бы там и остался. Сынок, родная кровиночка, внушал мне нешуточный страх.

– Лейла, я в толк не возьму… Понимаю, о чем ты говоришь, но… Поведение, конечно, сложная штука, тут и генетика, и влияние окружающей среды, и когда во все это влезаешь с…

– Прекрати. Не грузи меня теориями и научными фактами, оставь эту дурацкую привычку. Будь проще.

– Ладно…

Она повернула голову, посмотрела мне прямо в лицо.

– Гм… Сколько раз об этом просила, неужто услышал наконец?

А ведь она права, подумалось мне. Все это наукообразие годится только для того, чтобы под ним прятать истину.

– Этан ведет себя…

– Непредсказуемо. По словам психолога, у него низкий контроль импульсов. Эмоциональный всплеск из-за любого пустяка заканчивается серьезным нервным срывом. Ты же видел снимки его головного мозга – там и миндалевидное тело не в порядке, и гиппокамп. Отсюда припадки бешенства. Он даже не всегда потом может вспомнить, что натворил.

– И ты одна все это тащишь…

– С тех пор как он научился ходить. Барри, ты все прекрасно знаешь. Я же рассказывала.

Верно, рассказывала, да только я не слушал. Не желал слышать. Предпочитал валить на нее вину, и она отвечала тем же.

– Вот увидишь, – продолжала Лейла, – из лесу он выйдет совсем другим человеком и будет вполне нормальным до следующего припадка. Но он теперь достаточно большой, чтобы убегать из дому и беспризорничать. А с такой внешностью…

Не было необходимости заканчивать фразу. Я знал, что бывает в Лос-Анджелесе с четырнадцатилетними красавцами.

– Как вы с ним здесь оказались, случайно? – спросил я.

– Нет. Джейн позвонила.

От неожиданности я так дернулся, что даже кофе пролил.

– Джейн?

– Ага. Сделала то, что должен был сделать ты. – Лейла снова злилась. Значит, сейчас на мою голову посыплются упреки и оскорбления. – Поди, даже не удосужился вспомнить о родном сыне? Я радио по дороге слушала, пока была в зоне приема. Насчет всей этой охоты на ведьм. Неужели не пришло в голову,

что родной сын в опасности, что линчеватели, не добравшись до тебя, захотят отыграться на нем?

– Успокойся, никто бы не додумался связать вас со мной.

– А вот Джейн додумалась!

И даже наняла частного детектива, чтобы их разыскать, предположил я. Интересно, давно ли? И зачем ей это понадобилось?

– Лейла, прости, но я в самом деле не видел никакой опасности для вас. Думал, СМИ…

Я умолк. Она поняла, что я имел в виду.

Как ни жестоко по отношению к карликам общество на бытовом уровне, медийный мейнстрим обязан придерживаться официальной линии: большие сердца в маленьких телах и тому подобные сопли. Они же милые, они же славные, давайте не будем их обижать и унижать. Таким образом, бытовая нетерпимость загнана в подполье и во Вселенной установлено зыбкое равновесие.

Но теперь СМИ отказались от привычных формулировок, и это позволяет судить о том, какую мощную дозу страха Группа вкатила населению Лос-Анджелеса.

– Я и близнецов не хотел сюда везти, честное слово…

– А где их родители? Мало тебе проблем, еще и обвинение в киднеппинге понадобилось?

– Родители в Европе, но уже летят домой. Не волнуйся, они в курсе, что дети здесь.

– Если бы просто дети, но тебя же угораздило связаться с близнецами Баррингтон. Ты даже не представляешь, во что влип!

Я очень даже хорошо представлял и в напоминаниях не нуждался, но решил не давать волю злости. Возможно, другого шанса не будет, так что я должен все сказать правильно.

– Лейла, выслушай. Согласен, отец из меня никудышный, и понимаю, что Этан… Да, во всем я виноват, признаю… Но хочу сейчас высказаться и прошу как следует обдумать мои слова. Не требую, упаси боже, но буду очень благодарен, если ты это сделаешь. Во-первых, все, что я говорил в самом начале, правда, хотя нынче и не самое подходящее время для таких бесед. Поведенческий феномен очень сложен, в нем много от генетики, а болезнь… проблема Этана… аномалии в мозгу могли образоваться и сами по себе, без операции, на которой я настоял перед его рождением. Так это или нет, мы точно знать не можем.

Лейла сделала протестующий жест, но я продолжал, боясь остановиться:

– Это первое. Второе: подумай о том – нет, не спорь, а подумай, – что я ведь заботился о сыне, но ты меня прогнала.

Помнишь, как тогда распсиховалась? Я не говорю, что безосновательно. Но это ты подала на развод, ты сама от меня ушла и не позволила видеться с сыном, так что упрекать теперь в этом несправедливо!

– Я не… – пылко начала она, но я положил ладонь ей на руку.

– Пожалуйста, дослушай до конца. Еще не поздно. Я хочу помочь, хочу сделать все, что от меня зависит, все, что вы с Этаном мне позволите. Для него будет лучше, если мы перешагнем взаимные обиды и начнем действовать сообща.

Она стряхнула мою руку, но из машины не вышла. Несколько минут мы сидели молча, я боялся даже дышать.

Наконец Лейла заговорила, теперь уже совсем другим голосом:

– Не знаю, смогу ли. Так долго тебя ненавидела… Кажется… кажется, мне было необходимо ненавидеть. Для того чтобы жить дальше.

Я достаточно хорошо ее знал и потому счел за лучшее промолчать.

– О господи, я не хотела, чтобы так вышло, – заплакала Лейла. – Барри…

– Знаю, – кивнул я. – Я тоже не хотел, чтобы так вышло.

И тут я получил вопрос, которого не ждал:

– Ты ее сильно любишь?

В такой ситуации ответ мог быть только честным:

– Да.

– У меня тоже есть друг, – призналась Лейла. – Потому-то и бесится Этан. Прежде ни с кем меня делить не приходилось.

– Рад за тебя, Лейла, – улыбнулся я и не удержался от вопроса: – Карлик?

– Да. В прошлом году познакомились на Фестивале маленьких людей. Живет в Орегоне, работает в страховой компании.

Она невольно улыбнулась, и я от души пожелал счастья своей бывшей. Лейла заслуживает небольшой подстраховки. Как и любой из нас, разве не так?

– Надо же, не могла тебе раньше сказать: я привезла телевизор со спутниковой антенной. В багажнике.

Беспорядки начались в Южном Централе[76], и причиной послужил слух о «мутационной чуме», такое прозвище дала пресса распространяемому Группой вирусу. Вскоре они вылились в самый настоящий бунт, с грабежами, поджогами автомобилей и бросанием камней – всем тем, без чего ни один настоящий бунт не обходится. Полиция Лос-Анджелеса применила микроволны и

вяжущую пену, но разогнанные смутьяны перегруппировались в нескольких местах и опять взялись за свое. СМИ, истинные виновники заварухи, как водится, перешли от нагнетания страстей к попыткам их унять. Телевидение. ЛинкНет, голографические издания и стенные экраны надолго отдались «говорящим головам». Журналисты объясняли, что вирус способен выжить только в телесных жидкостях, не передается воздушным путем, не вызывает рака, не гноит нервы и не превращает человека в зомби. Никто, понятное дело, в это не верил.

Прошел слух, будто штаб Группы находится в складском здании на берегу и там прячутся главари террористов. Вскоре толпа подожгла склад, пожар перекинулся на другие дома и двинулся на запад. Губернатор вывел на улицы части национальной гвардии.

«Смерть создателям мутантов!» – требовали самодельные плакаты.

Толпа вздернула на виселицу картонную фигуру с лицом Джейн.

Едва Фрида и Джон приземлились в Лаксе[77], их взяли в плотное кольцо робокамеры. В последние дни фото Джейн с близняшками где только не мелькало. Баррингтоны-старшие попытались улететь, но власти закрыли воздушное пространство над городом, и пришлось снова посадить флаер в аэропорту.

С приходом сумерек бунт поутих, чему изрядно способствовал слух о мутантах, которые тайком выбрались на улицы, чтобы перезаразить всех до единого. Народ растекся по домам. Несколько часов кряду я просидел в Линке, да только ни от кого из дикторов или репортеров не услышал правды насчет вируса, усиливающего желание нянчиться. Горожане догадывались, что их поимели, но не знали, как именно. Реакция общества на происходящее была мне понятна.

– Барри, иди поешь, – позвала Джейн.

Они с Лейлой в кухне что-то состряпали из консервов. Лейла растопила камин, а Этан, вернувшийся из леса угрюмым и с той минуты нисколько не подобревший, устроился за столом вместе с близнецами. Почти весь день он провел снаружи, курил черт знает что, а девочки циркулировали вокруг него, как дезинтегрирующиеся звезды вокруг черной дыры. Бриджит при нем рта не раскрывала – похоже, побаивалась, зато с Белиндой он вел долгие тихие беседы, не переставая при этом скалиться. Лейла и Джейн постоянно курсировали между кухней и столом во дворе, меж собой они общались до того деликатно, что это бросалось в глаза. Мне совсем не улыбалось, чтобы Бриджит или

Белинда объяснили, кто здесь какие чувства к кому испытывает. Любого на моем месте угнетало бы общество этих пяти человек, но никто из нас не мог никуда свалить.

– Барри, – снова окликнула меня Джейн.

– Ему не нравится, когда ты с ним обращаешься как мать, – заявила Белинда.

– Ребенок, умолкни, а то пожалеешь.

Бриджит в притворном страхе распахнула глаза:

– Белинда, он не шутит!

Та зыркнула на меня с ненавистью, но промолчала. Лейла посмотрела в мою сторону недоуменно, Этан поднял голову, и я бы все на свете отдал за то, чтобы заполучить синдром Арлена на этот один-единственный миг и понять, о чем думает мой сын.

– Мне тут не нравится! – заявила нам с Этаном Бриджит, и ее глаза наполнились слезами. – Вы плохие!

Джейн поспешила ее обнять.

– Девочки, вы просто устали. Вот поужинаете и ложитесь в кроватку. А утром все будет хорошо.

Окситорин…

Кто действительно устал, так это я. Почти ничего не соображал. Но все-таки вспомнил слова Надутой: «Восприимчивость к генной модификации у каждого своя, наподобие того, как восприимчивость к холере зависит от группы крови».

Что-то не заметно никакого повышения заботливости у Белинды, наблюдающей, как Джейн нянчится с Бриджит. Таким взглядом можно кактус засушить.

Из кладовки, которой не существовало в пору моего владения дачей, Лейла вынула три спальных мешка. Детей уложили на полу в спальне. Этан удостоил лишь презрительным взглядом мешок, расстеленный для него в углу гостиной. Джейн и Лейле на двоих досталась кровать.

Мы с Этаном укладывались последними. Я залез на бугорчатый диван, выключив все источники света, кроме телевизора – перед ним сидел Этан и смотрел какую-то ерунду. С его прекрасного лица – и как только нам с Лейлой удалось сотворить этакое чудо? – сошла угрюмая мина, мышцы расслабились, и появилась улыбка нормального пятнадцатилетнего мальчишки.

Нормальный… Карлики не любят это слово и редко им пользуются. На то есть серьезные причины.

Но вот он, мой сын, и как тут удержишься от попытки достучаться до его сердца?

– Что смотрим?

– Ничего. – Мигом вернулась мрачность.

Меня это рассердило.

– «Ничего» ты бы смотреть не стал. Так что же?

– Не лезь ко мне с дурацкой логикой, – буркнул Этан. – Я тебя знать не знаю…

Неужто он чуть-чуть поколебался, прежде чем сказал следующую фразу? Как хотелось бы верить.

– …лилипутишка убогий.

Мы перекинулись через темную комнату уничтожающими взглядами, затем я повернулся на бок, закутался в одеяло и попытался уснуть.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Джейн потрясла меня за плечо:

– Барри! Барри, проснись! Белинда сбежала.

Я рывком сел, уставился на спальный мешок у камина. Мешок был пуст. А мой рассудок – холоден и ясен.

– Посмотри, обе ли машины на месте.

Ну конечно, одна исчезла. Мой «Лексус».

– У него даже водительских прав нет, – посетовала Лейла.

За рулем сидела она – у меня слишком разболелись ноги. Джейн пришлось оставить с Бриджит, которая так и не проснулась.

В темноте Лейла вела очень медленно и дрожала на опасных участках серпантина, но руки сжимали баранку надежно. Да, это уже не та юная карлица, что самозабвенно танцевала на Фестивале малого народа Америки. Не та новобрачная, что с обожанием ловила каждое слово самодовольного муженька.

– Я-то думал, он понимает, как опасно сейчас возвращаться, – проговорила Лейла.

– Он понимает. Потому-то и сбежал.

Она покосилась на меня и вновь сосредоточилась на управлении машиной, не забывая посматривать на обочину. Что это, уж не брешь ли в кустах? Не мог ли туда улететь автомобиль? И не следы ли покрышек выхвачены светом фар?

– Не потому, – возразила она. – Из-за девчонки. Белинда хотела домой, я видела, как они весь день шушукались. Могла бы сообразить… Но он же не такой, как все дети! А ей еще только одиннадцать… Поди додумайся, что он способен попасть под ее влияние.

Все верно. Лейла не виновата, это я должен был обо всем догадаться и предвидеть побег, ведь Белинду я знаю гораздо лучше, чем моя бывшая. Близняшке ничто не мешало в точности распознать чувства Этана и сыграть на его слабостях. Наверное,

она при этом даже не думала, просто дала волю инстинктам.

– Барри, у него вообще-то не злая душа. Иногда бывает таким милым… Просто ты этого ни разу не видел.

– Верю, – грустно улыбнулся я, подумав: «А кто бы мне позволил увидеть?» – Но иногда он просто не может с собой справиться. Так ведь? Это в генах…

– Еще чего! – сразу вскипела она, но при этом ни на миг не отвлеклась от вождения и поиска. – И чего вы всё приписываете генам! Из-за них ты родился карликом и считаешь, что из-за них искалечена судьба. Нет, Барри, не гены делают человека угрюмым и несчастным. Я же тебя совсем другим помню. Хотя и в тот день, когда мы познакомились, ты был карликом. Но потом взял манеру жалеть себя, а я не захотела, чтобы эта жалость распространялась на Этана. И сейчас не хочу. Может быть, врачи правы насчет его влечения к опасности, насчет его предрасположенности к агрессивным, импульсивным поступкам. Но он же не ищет себе оправданий. Такое поведение – его личный выбор. Точно также, как твой личный выбор – нытье и самобичевание.

– Слишком упрощенный анализ, и ошибок в нем столько… Даже не знаю, с которой начать.

– Так и не начинай. С моими ошибками я как-нибудь сама разберусь, а ты лучше своими займись… Что это?!

Я увидел на секунду позже, чем она. «Лексус» врезался передним бампером в дерево; только это удержало его от падения с кручи.

Лейла помоложе, да и позвоночник у нее искривлен меньше, чем у меня. Поэтому из «Форда» она выбралась первой. И бросилась к месту аварии, выкрикивая что-то бессвязное. Я устремился следом, да только больные ноги предательски подкашивались. Но снова и снова я вставал и пытался бежать.

То были самые долгие секунды в моей жизни. Да какие там секунды – минуты, часы, тысячелетия.

Но!

Вот!

Я!

Наконец!

Добрался!

Слава богу, оба живы. Белинда как будто невредима, хоть и пищит, прижатая к сиденью ремнем безопасности. Этан, принявший весь удар на себя – в последний момент довернул, чтобы спасти девчонку? – потерял сознание и навалился на баранку. Его волосы в крови.

– Не трогай его! – поспешила предостеречь Лейла. – Вдруг

что-нибудь сломано… Я вызову помощь.

Она бегом вернулась к «Форду». Я отстегнул ремень, кое-как вытащил Белинду и усадил на темную придорожную траву. При этом чувствовал ее страх – наверное, как и она чувствовала мою ярость. Девочка съежилась, прижалась спиной к стойке ограждения. Я залез в машину, на пассажирское сиденье.

Рядом пошевелился сын.

– Мама…

– Этан, она сейчас вернется. Все будет хорошо, скоро нам помогут.

Он сказат что-то еще, прежде чем снова потерять сознание. Наверное, «да пошел ты».

Возможно, никакие другие дети, кроме Арленовых, не способны по-настоящему понять родительские чувства. Возможно, я и права такого не заслужил – чтобы меня кто-то считал своим отцом. Возможно, Лейла не ошибается: мои горечь и гнев действуют на Этана плохо, и лучше бы вообще меня рядом не было. Не знаю. Как не знаю и того, что здесь от генетики, а что – нет. Потому ли Джейн так нянчится с близнецами, что у нее природный избыток окситориновых рецепторов или давняя склонность заботиться о «раненых птицах» усилилась из-за вируса Группы?

Восприимчивость к генной модификации у каждого своя.

Я долго сидел в потемках возле сына. Наконец смочил в своей слюне палец и очень осторожно просунул его между губами Этана. Почувствовал мягкость безвольного языка, твердость молодых зубов. Крепкие зубы, крепкие длинные кости. Он не карлик. Я снова плюнул на ладонь и повторил процедуру.

Над головой в ночном небе загудели медицинские и полицейские флаеры. Когда они приземлились, я одолжил у кого-то комлинк и связался с Элайн Браун из Агентства по защите человека.

Неделю спустя я сидел в Сан-Диего, на территории временного карантинного лагеря, и смотрел телевизор. По ту сторону вакуумного барьера работали специалисты из военного НИИ инфекционных болезней в одежде четвертого уровня защиты; к нам они пробирались через воздушный шлюз. Кроме нас с Джейн, здесь содержались и близнецы Баррингтон. Этан находился в лос-анджелесской больнице, за ним ухаживали Лейла и ее друг из Орегона, немедленно прилетевший на зов.

С нами обращались хорошо. Правда, все время надо было что-нибудь сдавать на анализы, но я привык. Врачи, кого ни возьми, держались вежливо и позволяли себе разве что любопытство.

Возможно, они нас боялись, но я ничего такого не замечал, а сестрицы, если и замечали, со мной не делились. Вскоре Бриджит сделалась любимицей медперсонала, а Белинда все время просилась домой, хоть ей и нравилось, как о ней заботится Джейн. Несколько раз на дню близнецов «посещали» посредством ЛинкНета их родители. Фрида выглядела вполне довольной: детки в стеклянной клетке, и в любой момент можно прекратить разговор с Белиндой.

Линк в эти дни баловал нас вниманием, правда, большая его часть доставалась Джейн. Тут и угрозы физической расправы, и мольбы о помощи, и письма поклонников, и призывы Американского союза защиты гражданских прав судить Группу, если кого-нибудь из ее членов наконец удастся задержать. Популярность Джейн выросла как на дрожжах. Возобновилась работа над фильмом, правда, с другим сценарием и даже в другой киностудии. Драма под названием «Синдром Арлена» перешла на второй акт, и Джейн в ней будет не только действующим лицом, но и исполнителем. Все это сулило отличные кассовые сборы.

Я бы не сказал, что Джейн такой поворот событий не радовал. Вот только радость и счастье – не одно и то же.

От Линка не укрылся и визит Этана ко мне. Авария ему стоила трех сломанных ребер и травмированной селезенки, но хирургическое вмешательство вроде не требуется. У подростков селезенка иногда восстанавливается самостоятельно.

Мы смотрим друг на друга: то он хмурится, то я раздражаюсь, иногда сын замечает, как хроническая боль в спине заставляет меня ерзать на койке. А может, он улавливает печаль в моих глазах. В такие минуты смягчаются черты его лица. И голос. Он даже спрашивает, нормально ли я себя чувствую. А ведь нормально – сразу после того, как прозвучит вопрос.

Генетически модифицировать человеческое существо – это хорошо или плохо? Когда-то я решил, что плохо – после того как попытался изменить в материнской утробе ген FGFR3. Потом я познакомился с Арленовыми детьми, увидел повзрослевшего Этана, и появилась мысль: а может, все к лучшему. Не знаю…

Снаружи до сих пор не улеглась паника, напротив, растет зараженная вирусом зона. Быть может, со временем Группа достигнет своей цели. Если на планете наберется критическая масса восприимчивых к вирусу людей, общество станет другим. А может, и не станет – ведь надо не только сочувствовать, но и делом помогать объекту своего сочувствия.

Ох уж эти «если»… Если продержится погода и не поднимется вода в ручье; если в крэпсе сразу выпадет семь или

одиннадцать…

Это всего лишь акт первый, сцена первая, а что будет дальше?

Согласно теории хаоса, в системе с круговой обратной связью самое незначительное изменение начальных условий способно вызвать огромные непредсказуемые нарушения на всей протяженности пути. Человеческое поведение – это система с круговой обратной связью. Потому ли Этан стал лучше относиться ко мне, что у него выросли новые рецепторы окситорина, или это я сам теперь открыт для его сочувствия и для сочувствия всех прочих? Каким образом одна и та же генная модификация могла дать столь непохожих эмпатов, как Бриджит и Белинда?

Вопросы, вопросы… А ответы получить не хочется, по правде говоря. Надо бы интересоваться – к этому склоняют этика и прагматизм, – но нет.

В палату входит Джейн и сообщает:

– Представляешь, они договорились с Майклом Розеном. Сам Розен! Это же высший класс!

Я рад. Майкл Розен и правда суперпрофи, фильмы, снятые по его многослойным душещипательным сценариям, – это и полные кинозалы, и восторженная критика. Ко всему прочему он еще и симпатичный бабник, неспроста Джейн вдруг так похорошела. Я знаю, что будет дальше.

– Отлично, мои поздравления. Фильм получится просто ядерный.

– Спасибо! – Она дарит мне улыбку и выходит.

Все осталось по-прежнему. И все изменилось. Я поворачиваюсь к компьютеру и снова берусь за работу.

ДЖОН РАЙТ
СУМЕРКИ БОГОВ

Джон Райт привлек внимание читателей в конце 1990-х после публикации в журнале «Asimov's Science Fiction» его ранних рассказов, один из которых, «Гостевой закон» («Guest Law»), вошел в антологию «Лучшая научная фантастика за год» («Year's Best SF») Дэвида Хартвелла. Но только в начале нового столетия, после выхода в свет восторженно принятой критиками трилогии «Золотой век» («Golden Age»), в которую вошли романы «Золотой век», «Золотая трансцендентность» («The Golden Transcendence») и «Ликующий феникс» («The Phoenix Exultant»), автор был признан главным молодым талантом в научной фантастике. Затем последовала серия романов «Война спящих» («Evemess»), включающая в себя произведения «Последний страж Эвернесса» («The Last Guardians of Evemess») и «Туманы Эвернесса» («Mists of Evemess»), а также фэнтезийный цикл «Хаос» («Chaos»), объединяющий романы «Бродяги Хаоса» («Fugitives of Chaos»), «Сироты Хаоса» («Oipahns of Chaos»), «Титаны Хаоса» («Titans of Chaos»). Роман «Континуум Нуль-А» («Null-A Continuum») представляет собой продолжение знаменитой серии «Нуль-А» («Null-A») Альфреда Ван Фогта. Райт живет вместе с семьей в Сентервилле, штат Виргиния.

Ниже представлена увлекательная космическая зарисовка, основанная на «Кольце Нибелунгов» Вагнера. Автор виртуозно использует ловкий прием: пишет настоящую научную фантастику так, что она читается как эпическое фэнтези.

Громадные золотые двери возвышались за тронным помостом. За теми дверями, как поговаривали, располагался главный мостик «Сумерек богов», мрачная и просторная зала с множеством алтарей, соединенных с усыпанными драгоценными камнями пультами управления перед темными зеркалами Компьютера. Но действующий капитан Вестон II находил залу угнетающей и не любил смотревшие на него таинственные лики Компьютера. Потому после смерти отца много лет назад именно эта большая белоснежная зала с высокими потолками перед золотыми дверями стала служить для аудиенций.

Зала была вымощена золотыми и белыми плитами, вдоль белых стен высились золотые колонны. Между колоннами висели картины с изображениями неизвестного капитану корабля; зеленых лугов, где некоторые растения ростом превосходили человека и трава по какой-то причине росла на палубе, а не на

выступах вдоль стен. На картинах палуба была деформирована, разломана, превратилась в череду холмов и впадин, залитых водой, – возможно, из-за урона, нанесенного оружием Врага. Все это случилось в каком-то отсеке или помещении, большем, чем все, что действующий капитан Вестон II видел или мог вообразить; с высоких потолков лился светло-голубой свет, пронизывая подобие облаков из вырывающегося откуда-то пара. На многих картинах голубой потолок был испещрен множеством желтых круглых разрывов, возможно, опять от оружия Врага.

На большинстве картин бродили овцы или другие животные и гуляли юные матросы с женщинами не в форме, блаженно не ведая о взрыве над головами и ничего не предпринимая для остановки гигантских разливов, в одном из которых плескались утки.

Действующий капитан Вестон II считал картины внушающими беспокойство. Он часто задумывался, не пытался ли художник показать, как хрупки и глупы люди, что они бездумно проживают свои маленькие жизни, пока вверху разражаются взрывы и катастрофы. Возможно, именно по этой причине он предпочитал белую залу.

Изначальное название и назначение ее давным-давно затерялись в веках, и вспомнить их не мог никто из Двора капитана, даже его дряхлый специалист по компьютерам.

Сейчас в зале находился лишь компьютерщик, и он подошел к трону и поклонился Вестону.

– Мой лорд, – прошелестел он.

Лицо старика было изнуренным и осунувшимся, одеяние – простым, из грубой ткани, с куском веревки вместо пояса. Покрасневшие, широко распахнутые глаза говорили о долгих ночных дежурствах в объятьях священного наркотика, что позволял его братьям общаться с Компьютером.

– Почему ты пришел ко мне без приглашения? – сурово вопросил Вестон. – Я знаю, ты должен был подождать, пока пройдет другой.

– Я пришел, чтобы предостеречь вас о том другом, – отозвался компьютерщик.

Действующий капитан поднял руку, но старик быстро добавил:

– Прошу, не прогоняйте меня! Обратите внимание на волю Компьютера в этом деле, Компьютера, что знает все, даже самые тайные и постыдные секреты.

На лице капитана отразилось замешательство, и он сел, одной рукой стиснув ворот изукрашенного мундира, словно прикрывая что-то, возможно, спрятанное под кителем ожерелье.

– Что за постыдные секреты?

– Каждый ребенок знает историю о Кольце последнего командующего, – сказал компьютерщик. – Когда Шестая волна нарушила освещение и подачу энергии во второй сотне палуб, а оружие Врага открыло Великую трещину в корпусе, прилетев со звезд и пронзив тысячу палуб, первый капитан, Вальдемар, сдался Врагу и позволил десанту из пустоты под нами проникнуть внутрь. Палубы от трехсотой до семьсот семидесятой взбунтовались и последовали за сияющим Альверином в битву против предателя-капитана. Но его так и не нашли, и Кольцо последнего командующего было утеряно. Говорят, что артефакт может вновь пробудить все Компьютеры и заставить орудия «Сумерек» вновь выстрелить.

– Детские сказки, – возразил капитан.

– И все же, как я понимаю, они искушают вас, – заметил старик.

Капитан промолчал.

– Тот пленник, принесенный великаном; у него было кольцо с выгравированными символами, разве нет? И оно подходит под описание Кольца командующего? Вы мечтаете о том, чтобы узнать тайное слово, контролирующее Кольцо, и завоевать мир, выдворить высоких эльфов с верхних палуб, где они летают, не ведая о силе тяжести, кинуть вызов согбенным дварфам из Инженерной и заставить подчиниться вашей власти. И в один день, кто знает… Вы думаете, что изгоните Разрушителей и слуг Врага, населяющих многие палубы против вращения, и низвергнете их обратно в пустоту, откуда они и явились. Ваши мечты полны гордыни; вы испорчены искушением.

Капитан разгневанно поднялся с трона.

– Остановись! Неужели ты думаешь, что твой святой орден защитит тебя от моего гнева? Если бы Кольцо было таким, как в легендах, я бы непременно его примерил. И кто посмел бы остановить меня? Ты? Ты?!

Но компьютерщик униженно склонился и ответил:

– Моему господину известно, что такого Кольца быть не может. В самом деле, Кольцо, пробуждающее Компьютеры! Наша вера говорит, что Компьютеры не спят, что их экраны не темны, не для тех, в ком есть вера. Мы с братьями общаемся с Компьютерами во время каждой ночной стражи, и они передают нам секретные знания.

– Отец рассказал мне, что когда-то экраны Компьютера были ярки для всех и из них раздавался голос, похожий на человеческий, который слышал каждый. До Пятой волны, во времена его юности, отец видел, как они сияли, и слышал голос.

– В те дни люди знали меньше греха, мой господин.

Из-за дверей позади раздался шум. Не из-за золотых врат мостика, а из-за серебряных, что вели к внешней части дворца, коридорам и перенаселенным районам громадного города в передней части корабля. Серебряные двери широко распахнулись; там стояли двадцать копейщиков придворной стражи, одетые в голубые и серебряные цвета, и там же, облаченный в зеленовато-серый мундир древнего ордена десантников, возник гигант.

Здоровяк был на пару голов выше самого высокого человека. Прошедшие года выбелили волосы и бороду. Он был последним из себе подобных, рожденным для службы десантником, созданным одним из искусств Медицинского дома, когда «Сумерки» были еще юны. Его звали Каррадок.

В одной руке Каррадок держал могущественное оружие, похожее на копье, созданное древними и забытыми мастерами. Оружие могло стрелять, словно мушкет, только вот за раз выпускало много пуль. Но так как пули были медленными и не пробивали защиту, не повреждали вооружение, этот предмет дозволялось носить, согласно Закону об оружии.

В другой руке здоровяк сжимал цепь. На цепи тащился, связанный и закованный, странный темный человек, одетый в неизвестную Вестону серебрянобелую форму. Светлые волосы, как у эльфов с верхней палубы, такой же высокий, как они. Но кожа потемнела и покрылась шрамами из-за радиации, словно у дварфов из Инженерной или тех, кто жил рядом с Великим разломом, Меньшим разломом, Дырой или любым другим местом, разрушенным орудиями Врага, разрывавшими мир. Пленник был мускулист, словно дварф с нижней палубы. Такие мускулы Вестон видел лишь у Каррадока.

Вперед выступил лейтенант стражи со словами:

– Мой лорд! Молю вас, не оставайтесь с этим человеком один на один! В нем сила троих.

– Тогда закуйте его в тройные цепи, но я поговорю с ним в одиночестве.

Пленник в серебре и снеге невозмутимо глядел на капитана. Он не казался ни горделивым, ни жалким, но стоял, как человек, окруженный тишиной открытого пространства, где никто не мог спрятаться или подобраться, чтобы навредить ему.

Копейщики ткнули древками ему под колени, но ноги оказались столь сильными, что он не упал. Три стражника положили руки ему на плечи и попытались силой опустить на пол. Пленник спокойно смотрел на них, не сдвинувшись с места.

– Пусть стоит, – приказал капитан, и люди отступили.

Тогда капитан спросил:

– Где его раны? У него нет новых шрамов. Я приказал подвергнуть его пыткам. Приведите сюда подмастерье пыток.

Но лейтенант ответил:

– Лорд, подмастерье сбежал после того, как вы приказали замучить до смерти мастера пыток. После этого никто из нижестоящих пыточных дел мастеров не подойдет к этому пленнику. Они отказались повиноваться вашему приказу.

Компьютерщик, все еще стоявший рядом с троном, подался вперед и прошептал:

– Сир, почему вы приказали подвергнуть пыткам мастера? Подозреваю, вот по какой причине: пленник сказал вам, что сообщил мучителю слова, повелевающие Кольцом. Мастер пыток это отрицал. Вы исполнились завистливых подозрений и испугались, что мастер, зная слово, возжаждет Кольцо. Правдива ли моя догадка?

Капитан встал.

– Оставьте меня! Все, кроме моего гиганта, прочь! И ты тоже, компьютерщик!

– Сир, – подал голос лейтенант. – Привести второго пленника? Слепца, что мы нашли во внутреннем коридоре?

– Какое мне дело до бездомного попрошайки? Оставьте меня, все!

Но компьютерщик не уходил, пока не пришла стража, чтобы выволочь его прочь.

– Берегитесь того, что возжелали! Берегитесь! Это проклятая вещь! Все, кто ею не обладают, возжаждут ее! Она сведет вас с ума, заставит уничтожить самых преданных слуг, как вы уничтожили мастера пыток! Откажитесь от нее! Выбросьте прочь! Нельзя контролировать ею Компьютер!

Но стражники мягко вытолкнули старика из залы и закрыли за собой двери.

Действующий капитан Вестон II вновь уселся на трон и воззрился на темнокожего, иссеченного шрамами человека перед собой. Мужчина стоял спокойно и невозмутимо. За его спиной ждал гигант.

– Говори! – приказал Вестон.

– Мне больше нечего сказать, – ответил пленник мягким приятным голосом.

– Старый порядок требует, чтобы ты докладывал вышестоящему офицеру. Каковы твое имя и положение, ранг и обязанности?

– Я Энвас, сын Химдалла. Пришел из Звездного колодца. Мой ранг Дозорный. Я должен отчитываться перед истинным капитаном.

– Дозорных нет; орден более не существует. После высадки Врага все пространство внешнего корпуса лежит в руинах. Нет, ты не Дозорный. Ты похож на фермера.

– Я не рожден Дозорным; я действительно был фермером. Моя деревня называется Афтшер, в оболочке второстепенного двигателя, рядом с Аксис, где мир не имеет веса. В юности я заботился о растениях и всем живом, что приходит из воздуха. Но потом был пойман Врагом и какое-то время жил в плену. Я сбежал, плыл под палубами, где каждый шаг отягощен сокрушительным весом, а воздух отравлен радиацией Седьмой волны. Слуги Врага боялись излучения, не могли справиться с силой притяжения и потому не преследовали меня. Я держался как можно ниже, меня чуть не раздавило. Затем я добрался до места, где подо мной не осталось ничего, кроме звезд. Там меня нашел Химдалл, последний из Дозорных, и перенес в сердце пустых коридоров, в освещенную залу, наполненную сладким воздухом, с каждой стороны окруженную темнотой и отравленными парами. Химдалл вылечил меня и обучил своему искусству, показал Звездный колодец, в глубине которого вращаются звезды. И я стал истинным Дозорных: и был принят как его сын. Долгие годы я присматривал за звездами Врага и видел медленные, тяжелые движения.

Вестон спросил:

– И ты веришь ереси, согласно которой двигающиеся звезды – это не просто разноцветные огни, но корабли, с которых в древние времена пришел Враг?

– Да, верю. И среди тех огней есть корабли, дружественные нам, в прошедшие времена посланные, как и мы сами, с Земли. Думаю, ты знаешь имена: «Конец света», «Апокалипсис», «Армагеддон» и «Рагнарек».

Вестон неловко поерзал на троне.

– Могу сказать тебе, что те капитаны предали свою команду и бежали. Это случилось, когда мой отец был еще мальчишкой. Он был действующим капитаном. Теперь я занимаю этот пост.

– По какому праву вы так себя именуете?

– По праву кровного наследования! – разъяренно вскричал Вестон.

Чуть успокоившись, он добавил:

– Ты можешь передать то, что должен, мне.

– Очень хорошо, – ответил Энвас Дозорный и пересказал все то, что сообщил, когда впервые предстал перед Вестоном. – Восьмая волна, к которой приближались столь много лет, сейчас отклонилась и направляется на столкновение с «Армагеддоном». Посему снаряды и небольшие корабли Волны должны были

двенадцать лет наносить удары противнику. Бомбардировка осуществлялась и последние пару лет, то есть продлилась четырнадцать лет и затем прекратилась. Мы не должны удивляться этому; вероятно, мастера Врага сейчас знают, что к нам сели шестьдесят армий десантного отряда из дредноута «Kzalcurrang-Achai» что в переводе на наш язык означает «Жаждущий битвы». Далее я докладываю, что наши сторожевые корабли, «Месть» и «Вендетта», были уничтожены между тринадцатью и семью годами назад дозорными судами с «Tzazalkiurung», что в переводе значит «Готовый нанести масштабный урон». Этот корабль в настоящее время находится в четырех световых минутах от нашего левого борта, где и остается последние семьдесят лет, несомненно, дожидаясь, окажет ли ему поддержку «Kzalcurrang-Achai». Основная масса флота Разрушителя прошла мимо нас, не причинив никакого вреда. Мы в гуще примерно из восьмидесяти дредноутов и четырех подвижных планет. Их главные суда сейчас в четырех световых минутах и не предпринимают никаких попыток обойти нас или отдалиться. Астероиды от взорванной планеты под названием «Шторм войны» окружают нас со всех сторон и, возможно, скрывают от основных сил Врага и главных кораблей, которые не замечают нас и двигаются к «Армагеддону» и «Концу света». «Апокалипсиса» не видно вот уже тридцать лет. «Рагнарек» сокрыт ярким светом; либо он маневрирует, либо отступил.

Голос капитана сочился сарказмом.

– И ты веришь во все это? Что судьба нашего мира зависит от движения маленьких цветных огоньков?

– Я должен доложить еще кое о чем. Дозорный корабль «Гермес Трисмегист» с «Концом света» зашел на орбиту вражеской планеты под названием «Угроза разрушения». Он движется без огней и не будет замечен Врагом. Орбита выведет «Гермеса Трисмегиста» на нас прежде, чем закончится десятилетие. Это спасательный корабль. Когда придут офицеры с «Гермеса», энергия и свет будут восстановлены во всех отсеках, раненые и отравленные излечатся при помощи их знаний; и те, кто не сохранил веру, будут казнены. Если вы ослушались, то предстанете перед Военным судом.

Капитан фыркнул.

– Когда я был ребенком, няня пугала меня байками о Военном суде и Судном дне, который наступит, когда люди с Земли поднимутся с Небес под ногами. Но ты не проживешь настолько долго, чтобы выяснить, правдивы ли эти сказки. Если только медицина землян не умеет воскрешать мертвых.

Дозорный спокойно ответил:

– Я жил рядом с радиацией внешнего корпуса. Я болен. И знаю, что моя смерть не за горами. Иначе захотел бы я нести проклятое Кольцо?

Вестон вытащил висевшую на шее цепочку. Из-под изукрашенного мундира выскользнуло Кольцо. Оно было золотым, покрытым изящными схемами и украшенным серым камнем. В центре камня сиял странный свет, показывавший, что сила кольца еще не иссякла.

– Скажи мне слово, приказывающее Кольцу.

– Я могу сказать его только капитану.

– Я капитан! Я! Капитана Вальдемара нет! Это миф! Да и будь такой человек, он бы давно уже умер, прошло больше ста лет! Я настоящий капитан!

– Истинный капитан использовал бы власть не для себя, но для завершения миссии и разрядил великие орудия, которые, согласно преданиям, несет наш мир на своей спине, – мягко промолвил Дозорный.

– А если мое намерение было именно таким?..

– Тогда ты не заковал бы меня в цепи, – ответил Хранитель, звякнув кандалами.

Капитан подождал, пока остынет гнев в душе, и заговорил голосом еще более спокойным, чем раньше:

– Дозорный, если бы я смог убедить тебя, что нет никаких миров в пустоте под нашим миром, никаких вражеских дредноутов, никакой войны, кроме той, что ведется с Врагом на нашем корабле, между Центральной линией Даркхолла и по кругу к Меньшему разлому? Что тогда? Если нет вселенной за пределами нашего мира, нет орудий, из которых можно было бы стрелять, осталась бы у тебя причина скрывать от меня Кольцо последнего командующего?

– Нет, – отозвался Дозорный. – Если бы не было миров под нашими ногами, я отдал бы команды Кольца тебе.

– Тогда прикинем: если ты прав, то в пространстве под нами идет война, и этот корабль и все на его борту были отправлены на нее, сражаться, возможно, умереть, и все для того, чтобы защитить корабль под названием «Земля» от нашего великого Врага.

– Земля – не корабль. Это планета. На Земле все наоборот. Люди живут на внешней поверхности, и их окружает воздух. Там гравитация притягивает их к центру, поэтому они стоят ногами на поверхности, глядя на звезды.

– Пусть будет так; земляне отправили эти громадные суда далеко в космос, чтобы играть в свои войны, разве нет? И сделали это со всей мудростью и пониманием, зная, что даже самый

краткий полет в космосе потребует смены не одного поколения, так?

– Именно так.

– Тогда я спрашиваю тебя со всей откровенностью: как такое может быть? Кто, кроме безумца, разделил бы свои армии в полете через пустоту, отправив их воевать так далеко, что единственными солдатами на поле боя станут внуки первопроходцев?

– Я знаю лишь, что именно так было сделано.

– И нас оставили в неведении обо всем? Никто даже не видел вражеских звезд, и мы ничего не знаем о них. Как мы так быстро стали столь невежественны?

– Мой учитель как-то сказал, что Компьютер разговаривал со всеми детьми и наставлял их. Когда он замолчал, на борту не оказалось письменных данных, по которым можно было бы учиться. Многое было утеряно; еще больше пропало в неразберихе войн и во тьме. Нам известны лишь устные предания; но в прошлом все люди были сведущи в священных искусствах и могли читать знаки.

Вестон нетерпеливо отмахнулся, словно слова пленника ничего не значили.

– Послушай меня. Я вел людей в битвы, не однажды, но много раз. Против восставших эльфов Альверина и против Врага. Поверишь ли ты моему слову, что нельзя выиграть битву или командовать войсками, если солдаты не хотят умирать друг за друга или за родные коридоры?

– Поверю.

– Тогда скажи: кто на этом корабле хочет умереть за Землю, которую даже никогда не видел? Или умереть за обитателей других кораблей, о которых рассказывают легенды, «Конец света» и «Апокалипсис»? А команды и люди этих мифических миров желают умереть за нас? Если да, то почему? Возможно, их прадеды знати наших предков, когда Земля породила их, но кто знает их теперь? Понимаешь? Войны с таким временным промежутком просто невозможны.

Но Дозорный ответил:

– Медицина тех времен была куда могущественнее нашей, и люди ожидали, что проживут много сотен лет благодаря тем предметам, которые помещали в свои тела; у нас таких технологий нет, и мы не можем их воссоздать с нашими ограниченными знаниями. Для бессмертных войны, неважно сколь долгие, пролетают быстро.

Капитан на мгновение заколебался и посмотрел на своего гиганта; мужчина стал громадным и сильным благодаря умениям,

которые, как знал капитан, были утеряны. Помнил он и старые рассказы, повествующие о том, что до разрушения Медицинского отсека, случившегося во время Второй волны, все офицеры были юными и бессмертными, могли видеть в темноте, словно кошки, и были сильными, как гномы, мгновенно исцелялись от любых ран, яда или увечья.

– Даже если бы такая война велась, – медленно промолвил он. – Если бы мы должны были, как ты говоришь, скрываться в самом сердце армии Врага, забытые и неприметные, выстрел из наших орудий означал бы разрушение этого мира, если не сейчас, то при жизни наших детей.

За серебряными дверями раздался шум, трубы сыграли тревогу. Затем забарабанили в сами двери, и вбежал лейтенант с мечом в руке.

– Сир, – позвал лейтенант. – Восставшие с верхних палуб атакуют огромными силами! Сам Альверин ведет их! В него попала уже дюжина стрел, но каждый раз он выдергивает их из тела и хохочет. Люди… люди говорят, что он землянин!

– Собери всех. Приведи к большим дверям в главной развилке Спинхолла и нижней дороги. Затопи маслом лифтовые шахты к палубе 8-36. Затем отведи людей за Великую стену и закрой Высокие врата. Используй ручные насосы, чтобы выкачать часть воздуха из полукруглого коридора, что ведет к ним; это накрепко запечатает и защитит все двери.

– А если он несет с собой запрещенное оружие? Взрывающееся?

– Глупец. Альверин никогда не нарушает Закон об оружии; никогда не преступает соглашений; никогда не лжет. Почему, как ты думаешь, его восстания всегда столь слабые? Нападать на нас сейчас – полное безумие.

– Вы поведете нас?

– Скоро; сперва я должен кое с чем покончить. Ступай!

И когда мужчина ушел, Вестон сказал Дозорному Энвасу:

– С этим Кольцом я мог бы приказывать Компьютеру закрывать и отворять двери, гасить свет, высасывать из коридоров воздух. Скажи мне слова!

Но Энвас ответил:

– Ты не догадался спрятать Кольцо, когда сюда вошел твой лейтенант. Он его видел. И если он жаждет власти столь же сильно, как ты, то соберет людей и поведет их сюда против тебя, чтобы завладеть артефактом.

– Времени на разговоры больше нет. Скажи слова или я прикажу моему гиганту высечь тебя!

– Ты не сможешь сбежать от проклятия Кольца. Тот, кто не

имеет его, жаждет им обладать. Так сказал моему учителю Химдаллу странный слепец, впервые вручивший ему артефакт.

– Странный слепец?

– Возможно, он думал, что проклятие ослабеет, если отдать Кольцо такому отшельнику, как мой учитель.

– А твой учитель рассказывал, как выглядел тот человек?

– Много раз, так как тот был довольно необычным. У странника были длинные волосы, как у тех, кто обитает на нижних палубах, но он ходил с палкой, как житель верхних палуб, не привыкший к нашей гравитации. Носил шляпу с широкими полями, как люди Зеленых домов, где системы управления светом никогда не приглушают свой пронзительный взгляд; при этом носил кусочки черного стекла на глазах, как выходец из земель, где постоянно есть свет. На каждом плече у него сидело по птице, как у человека, страшащегося отравленных коридоров и бегущего прочь, если питомцы падают замертво.

– Каррадок! Иди прикажи страже привести второго пленника! Описание совпадает. Это он.

Пока гигант разговаривал у двери со стражей, Дозорный напряг мускулы и разорвал цепь на запястьях. Быстро наклонившись, он дернул путы, сковывавшие лодыжки. Звенья с жалобным звоном разогнулись; но Каррадок заметил действия пленника и бросился через залу, всей массой врезавшись в Дозорного.

Они боролись, сплетя руки в захвате. Мускулы обоих походили на туго натянутые канаты. Их силы были равны, но из-за возраста гигант оказался искуснее в бою; он изогнулся и обрушил Дозорного на землю, придавив собственным телом. К этому времени от дверей добежали стражники и встали с копьями наготове. Впрочем, они не могли ударить, боясь задеть гиганта.

Поднявшись, Каррадок до боли скрутил ручей Дозорного за спиной и ухмыльнулся.

– Ты достойный противник, – прошептал он, с трудом переводя дыхание.

– Ты тоже, – отозвался пленник. Его лицо было окровавлено.

Вторая группа рыцарей и копейщиков вошла в залу, ведя старика в широкополой черной шляпе. Он шел, опираясь на посох; две черные птицы вцепились в плечи длиннополого мундира. Одежда была украшена стального цвета орнаментом, по форме напоминавшим гребенчатое колесо.

– Лейтенант! Почему он пришел ко мне не закованным, в своей одежде, со своей палкой? Почему все это не было отобрано у него у входа в камеру?

– Сир! – выдавил, заикаясь, лейтенант. – Мы нашли его не в

камере, а в коридорах, уходившим из дворца и распевавшим веселую песенку.

– Песенку?

Незнакомец поднял голову. Когда шляпа перестала закрывать лицо, Вестон увидел, что мужчина носил круглые черные очки. Незнакомец пропел:

– Горе тебе, дитя! И горе мне самому! Мой сын был рожден в падении! Не в силах сдержать притяжение Земли, никогда не увидит он дома! Всегда, до конца времен он будет лететь, лететь в пустоте, вечно свободный!

– Это старая песня, – заметил Вестон.

– Я старый человек, – ответил незнакомец.

– Я думаю, что ты Вальдемар, – сказал капитан.

– Тогда почему ты не приветствуешь меня?

– Вальдемар был предателем!

– Тогда почему не обнимешь как брата, мой друг-предатель?

– Почему ты меня так называешь?

– Ты такой же, как я; ты возжелал Кольцо. Но я не могу использовать его; когда главный инженер Альберак прознал, что я позволил Врагу высадиться на корабль, он связал все главные процессы Компьютера одной наиглавнейшей командой и поместил ее в Кольцо, которое ты держишь, переведя все системы в автоматический режим. Мы с Лорен, бортовым психиатром, вместе добрались до моторного отсека, где обманули беднягу Альберака и забрали Кольцо. Но тот оказался хитрее, чем я предполагал, и запрограммировал Кольцо таким образом, что, когда бы его ни использовали, тут же станет известно, откуда и от кого пришла команда Кольцу. И тогда Враг бросит на его поимку все силы, еще остающиеся на борту. Понимаешь? Высшую силу команды может использовать лишь тот, кто не боится умереть. Где найти человека, абсолютно преданного долгу? Многие годы я искал его в этом громадном корабле, от вентиляционных шахт, где пираты на громадных парусах парят на ураганах от уровня к уровню, до болот и зловония людей в подземельях, которые молча забирают мертвецов и во тьме творят секретные искусства, чтобы вновь возродить все мерзостное к воздуху и свету. И я нашел лишь одного человека, который не оставил свой пост, – Химдалл, последний из Дозорных и самый преданный. Окруженный врагами, покинутый, одинокий, но верный своему долгу. И посмотри! Вот его сын, столь же преданный. И столь же обреченный.

Энвас подал голос:

– Капитан, я хочу доложить, что вражеские командные суда приближаются к нам, уверенные, что наш мир побежден и

безлюден. Сейчас они уязвимы для наших орудий!

Несколько рыцарей в благоговении уставились на незнакомца в черном одеянии.

– Это Вальдемар! – выдохнул один.

– Капитан! – прошептал другой.

– Он ли это? – спросил третий.

Один из копейщиков в зале смотрел не на Вальдемара, а на Вестона и вдруг спросил:

– Мой господин, у вас Кольцо командования?

С жадностью в глазах он выступил вперед, к трону. Но рыцарь, облаченный в ленты и прекрасные одежды, обнажил рапиру и острым клинком коснулся плеча копейщика так, что мужчина испугался и остановился. Рыцарь сказал, обращаясь к Вестону:

– Слухи о Кольце притягивают Альверина и его высоких людей. Этот старик, если он действительно Вальдемар, тоже приманен им. Думаю, низкорослые и угрюмые дварфы, служащие толстому лорду инженерного искусства, не заставят себя долго ждать. Кольцо проклято, мой лорд. Было бы лучше избавиться от него.

Второй рыцарь, высокий человек из торговой гавани, добавил:

– Мой лорд! Бродяга заговаривает нам зубы. Он надеется на отсрочку. Возможно, он заодно с людьми Альверина.

Гигант вдруг обратился к незнакомцу:

– Капитан Вальдемар, я – Каррадок, сын Кормака. Мой отец пал в битве за седьмую секцию, убив главного воина Врага. Он был землянином, рожденным под голубыми небесами, и не покинул свой пост даже в смерти. Его именем и ради отмщения я обвиняю вас в его смерти от рук Врага, пущенного вами на корабль, и спрашиваю вас: «Почему?»

– Слишком общий вопрос. Почему что?

– Почему вы сдались Врагу и позволили посадить шестьдесят армий на этот корабль?

– Это весь твой вопрос? А ты не собираешь спросить, почему в день последнего включения ядро нашего двигателя внезапно случайно возгорелось? Почему вражеские суда застряли на линии огня длиной в сотню миль, что выжгла половину их внешних падуб? Почему до сих пор они не высадили еще тысячу армий и могут лишь с трудом удерживать захваченные области, снабжать их едой и войсками. И это с дозорными кораблями, которые до недавнего времени сдерживались нашим эскортным судном «Отмщение»? Почему они не посмели расстрелять «Сумерки богов» и превратить его в пламенеющий остов? Из страха

уничтожить собственные армии? И, самое главное, почему Сирдар-император, находящийся на борту, сын командующего десантным отрядом, докладывает своим господам, что корабль захвачен? На этот последний вопрос я могу ответить: разрушители, несомненно, уничтожили бы это судно с его мощными орудиями, если бы выяснили, что мы все еще живы, сражаемся и удерживаем внутренние отсеки от Водных хранилищ и до Воздушной гавани и Зеленых полей.

– Дозорный, – прогудел гигант. – Если пообещаешь не сбежать, я освобожу тебе одну руку. И поверю твоему обещанию, зная, что из всех постов и должностей Дозорные – самые верные и достойные доверия, ведь от их донесений зависит благополучие корабля.

– Почему ты хочешь освободить мою руку? – спросил Энвас.

– Потому что тогда моя собственная рука освободится и сможет отдать честь моему капитану, как он и просил.

– Согласен, – ответил Дозорный.

Каррадок поднял гигантскую руку и отсалютовал Вальдемару. В его глазах стояли слезы.

Вестон побледнел от ярости:

– Скажи мне слово для высвобождения силы Кольца! Говори! Или я клянусь, ты умрешь сию секунду, предатель!

Вальдемар ответил:

– Я знаю много секретных кодов высшего командования; слова, открывающие двери, или триггерные схемы, которые повинуются лишь моему голосу Знаю двери, ведущие к потайным коридорам, проходы и канаты, где, по замыслам строителей, не должно находиться человеческое существо. Я знаю каждый дюйм тысячи палуб этого обширного корабля и никогда не предъявлял на них права. Знаю слова, чтобы потушить свет, заставить воздух застыть или вновь возродиться к жизни. Но одно слово не знаю: то, что прошептал Кольцу Химдалл, когда взял его себе.

В залу вдруг вошли двенадцать компьютерщиков с посохами и дубинками. Копейщики в серебряно-голубой форме опустили оружие в замешательстве. Одни теперь целились в компьютерщиков, другие в черного незнакомца, один или двое – в Хранителя, которого все еще держал гигант. Три копейщика начали подходить к трону, источая угрозу. Но когда лейтенант резко окликнул их, все трое помедлили и неуверенно остановились.

Главный компьютерщик от серебряных дверей взмахнул дубинкой и позвал:

– Вестон! Отдай Кольцо! Это фальшивка, у нее нет власти! Не мечтай, что сможешь контролировать двери, свет и оружие этого

мира! Только Компьютер может ими повелевать и он подчиняется лишь нашему священному ордену!

– Разве? – промолвил незнакомец в черном, направил посох на серебряные двери и произнес лишь один резкий слог.

Врата немедленно захлопнулись, с лязгом на место встали все болты. Компьютерщику пришлось прыгнуть вперед, чтобы спастись.

– Несомненно, – прошипел Вальдемар. – Эти двери реагируют по собственному согласию, не считая желания держать подальше всякий сброд и защищать коридоры от лишнего отребья.

– Эдгал! Синдал! Гарворис! – призвал Вестон рыцарей. – Убейте Вальдемара немедленно! Раз он не знает слово для командования Кольцом, он мне бесполезен.

– Другие слова знаю я, – спокойно промолвил Вальдемар и вдруг закричал.

Зала погрузилась в кромешную тьму. Пока гас свет, Энвас увидел, что Вальдемар прыгнул и завертелся в воздухе, серое одеяние взметнулось, две темные птицы взлетели и пронзительно закричали. В прыжке капитан одной рукой вытащил дыхательную трубку из-за ворота и прижал к лицу; другой выхватил из посоха спрятанный клинок. Посох, оказавшийся ножнами, упал на пол, источая дымок. Вальдемар крутанулся, ударом ноги вспоров живот рыцарю. В шпорах ботинок прятались лезвия. Все это было проделано одним плавным движением; оставшиеся двое рыцарей бросились к врагу с копьями наперевес, но промахнулись, когда Вальдемар рванулся вновь, завернув плащ вокруг головы одного из нападавших. Пока мужчину сдерживала спрятанная в плаще тяжелая сеть, Вальдемар зарубил его сияющим мечом.

А затем обрушилась тьма, раздираемая грохотом и дрожащими вспышками огней. Один взрыв осветил труп рыцаря рядом с обугленной стеной. Обезглавленный, окровавленный, взмахнув руками, он рухнул на пол. В пустой трубке оказалась шрапнель, поразившая копейщиков и стражу. Их лица и торсы были залиты кровью. Воздух наполнили крики. Один мужчина рыдал в голос, словно дитя. Энвас услышал шипение, почувствовал тошнотворное зловоние отравляющего газа, исходящее из угла залы, где остался Вальдемар.

В зале смешались шум, вопли, сирены, тьма, замешательство, вонь крови, запах яда. Энваса околдовала эта картина разрушения. Был ли капитан действительно слепым?

Последовала еще одна вспышка света; лейтенант стоя палил из запрещенного ручного оружия. Его лицо было залито кровью, охваченный убийственным гневом, он вопил:

– Не заслуживает жизни тот, кто нарушает Закон об оружии!

Кто убивает корабль, убивает всех…

В бешенстве от того, что капитан-предатель применил яды и взрывы, способные повредить воздушные фильтры и осветительные приборы, лейтенант даже не вспомнил о незаконности собственного оружия.

Украшение, которое использовал Вальдемар в качестве заколки для плаща, сверкнуло в темноте и вонзилось в руку лейтенанта. Края диска оказались острыми, словно бритва; оно отсекло несчастному пальцы. Оружие выпало из рук. Вновь воцарилась тьма.

Вестон прокричал:

– Каррадок! Держи Дозорного…

Кто-то ткнул Энваса дубинкой; свободной рукой – вторую все еще сжимал гигант – Дозорный дотянулся, схватил нападавшего за руку с оружием и усилием пальцев сломал ему кости. Сначала он был удивлен и разозлен, ибо не думал, что кто-то в этой зале рискнет причинить ему вред; он почувствовал в ладони жесткую ткань одеяния компьютерщика. Затем гигант потащил его к себе. Энвас услышал звон столкнувшихся клинков и громкое проклятие там, где он только что стоял. Теперь Каррадок держал его и не двигался.

По какому-то запаху, или шуму, или давлению рядом с собой Энвас угадал, что Вальдемар поблизости, безмолвный во тьме. Гигант все еще сжимал его руку, но Дозорный и без этого не стал бы двигаться или говорить из страха быть услышанным. Со всех сторон кипела бойня, слышались удары. Энвас подозревал, что компьютерщики или пикейщики взбунтовались и решили под покровом тьмы и всеобщего смятения украсть Кольцо.

Внезапно из темноты донесся голос Вальдемара:

– Каррадок, заклинаю тебя твоими древними клятвами, будь послушен мне и приведи Дозорного к трону с Вестоном. Мы схватим Кольцо. Когда ты позовешь его, он ответит тебе, думая, что ты ему верен.

Энвас поразился, что человек, применявший на борту корабля взрывы, мог говорить такие слова, как «клятва» и «верность», и при этом не давиться от смеха. Но он страшился грядущей трагедии; Каррадок и Вальдемар оба были непоколебимыми и решительными, храбрыми людьми. Он знал, что гигант не предаст Вестона, хоть и недостойного, но своего лорда. А Вальдемар вполне мог симпатизировать гиганту, но не задумался бы ни на мгновение, прежде чем обмануть, унизить или убить его, если такие преступления станут необходимы для осуществления его замысла.

Гигант не ответил. Энвас этому не удивился.

Вальдемар заговорил вновь:

– К несчастью, ты должен предать Вестона, твоего лорда, но этого требуют цели миссии. Не беспокойся, предательство горько только поначалу. Душа быстро привыкает…

Каррадок штыком вспорол воздух в той стороне, откуда доносился голос, но ни в кого не попал. При помощи какого-то трюка Вальдемар заставлял свой голос звучать оттуда, где самого капитана не было.

– Энвас! – прошептал Вальдемар совсем близко. – Подай голос, чтобы я мог услышать, где стоит гигант, и убить его.

Но Дозорный не хотел, чтобы страж умер, и потому не ответил.

– Энвас, Каррадок! Вы оба ослушались моего прямого приказа в военное время; за это я немедленно проклинаю вас. Теперь я высвобожу смертоносный туман. Дышите и умирайте…

Энвас знал, что это была какая-то уловка, чтобы заставить их говорить или действовать, так что засомневался и остался недвижим; и, возможно, гигант подозревал то же самое, но не стал ждать.

Каррадок выстрелил в воздух. В свете краткой вспышки из дула они увидели Вальдемара, скорчившегося у пола, словно громадная черная летучая мышь, с белым клинком в руке, похожим на жало скорпиона.

Гигант опустил ствол и выстрелил вновь. Вальдемар упал и обмяк. Каррадок выстрелил еще много раз.

Золотые двери за троном с треском открылись. Слабый свет заструился с главного мостика: то были тусклые голубоватые служебные огни, негасимые, если верить преданиям. Энвас разглядел спотыкавшуюся фигуру действующего капитана Вестона, раненого и истекающего кровью.

Вспышка осветила и съежившегося Вальдемара в луже крови.

– Примите моего преемника, – прошептал капитан. – Ибо я смертельно ранен.

Гигант выступил вперед.

– Я раскаиваюсь, что, когда я наконец нашел человека, достойного моего служения, истинного капитана из времен юности мира, он запятнал руки запрещенным оружием. Твоего преемника я приму в память о благородстве, которым обладал когда-то ты.

Он помедлил, затем спросил:

– Ты меня слышишь?

И когда Каррадок склонился над скорчившейся фигурой, Вальдемар, услышав его голос, выбросил руку и воткнул отравленный кинжал в открытый рот гиганта, пронзив нёбо.

– Нет ничего незаконного или благородного на войне! – вскричал он яростно.

Беловолосый древний великан рухнул на лежавшего Вальдемара, погребя егопод собой. Возможно, гигант, падая, ударил противника ножом или руками, потому что тело капитана хрустнуло и больше не двигалось.

Когда гигант упал, Вальдемар выкрикнул последнее командное слово и умолк.

Энвас бросился через залу к Вестону. Перед ним, словно призрак в тумане, вырос рыцарь с рапирой в руке, но Дозорный, потрепанный радиацией, мчался вперед, не зная страха. Он получил болезненную рану в плечо, но обрушил на череп рыцаря кулак.

Он почти достал раненого Вестона, со стонами уползавшего через золотые двери в просторную темную залу. Но в этот момент чье-то копье вдруг вонзилось Энвасу в ногу. Копейщик схватил его за волосы и приставил кинжал к горлу. Руки Дозорного сжимали украшенную браслетом и облаченную в расшитый сапог лодыжку Вестона.

Действующий капитан вытащил окровавленную руку из-под усыпанного драгоценными камнями мундира.

– Рана смертельна, – выдавил он, в ужасе уставившись на кровь из сердца на ладони. – Я убит…

Тем временем последнее слово Вальдемара начало действовать. Раздался щелчок, словно открылись запоры на дверях; картины, висевшие на стенах, выдвинулись из рам, и тогда из полудюжины потайных дверей вырвались свет и рев труб.

В залу внезапно хлынули толпы высоких бледных людей с верхней палубы, облаченных в зеленые мундиры. Некоторые были в нагрудниках и шлемах из полированной стали, держали длинные копья и тонкие прямые мечи.

Рыцари верхнего мира оказались высокими, прекрасными и устрашающими, и они пели боевую песнь. Ни у кого не было отметин на коже или шрамов, никаких признаков радиации, как у тех, кто жил на нижних палубах. Впереди развевалось знамя Альверина.

Многие несли луки и арбалеты, так как, несмотря на более слабые, чем у других людей, ноги и тела, они обладали стальными руками и острым зрением.

Вот появился сам Альверин, в мундире, зеленом, как листва, и с его широких плеч свисал один из тех прекрасных белых крылатых плащей, которыми в полете управляли те, кто жил на оси мира. Его волосы оказались желтыми, как кукуруза, которую

выращивали его люди в Зеленой твердыне; голубые глаза сияли суровым светом.

Альверин поднял длинный прямой меч и призвал воинов в палате сдаться, объявив:

– Те, кто сложит оружие, клянусь, не будут страдать и им не причинят никакого вреда!

Честность и милосердие Альверина были столь хорошо известны, что рыцари и пикейщики в зале немедленно бросили мечи и копья. Никто не хотел сражаться, видя, что их лидер, Вестон, лежит без сознания и кровь вместе с жизнью вытекает из него. Оружие со звоном падало на пол залы.

Но один компьютерщик поднял копье и с чудовищным воплем метнул его прямо в грудь Альверину. Тот качнулся назад, раненный в сердце и легкие. В то же мгновение руку нападавшего пронзили три стрелы. Стрелявшие не промахнулись; по традиции люди Альверина сначала говорили, затем дрались, сперва ранили, лишь потом убивали.

Альверин вытащил наконечник копья из окровавленной груди и смахнул капли. Рана закрылась, превратившись в шрам, а затем кожа опять стала гладкой и здоровой. Он отшвырнул окровавленное оружие.

– Я землянин; я родился под голубым небом! – возвестил он. – Знания людей, создавших весь этот мир, сделали меня таким, каков я есть, и меня не убить этими слабыми орудиями.

И он приказал врачу позаботиться о раненых среди врагов, даже о нападавшем.

Альверин увидел Вальдемара, раздавленного павшим гигантом.

– Значит, – прошептал он, – эти потайные тропы, что ты показал нам, не были ловушкой. Неужели на этот раз ты играл честно, старый лжец? Если так. то где Кольцо?

Тут он обернулся. На пороге золотых дверей пикейщик все еще нависал над Дозорным Энвасом, стараясь вонзить нож в горло противнику. Энвас истекал кровью из ран в плече и ноге, но его лицо все равно было спокойным и неподвижным, словно ни рана, ни боль не могли его потревожить.

Альверин двинулся к лежащему при смерти в тени двери действующему капитану Вестону II и разглядел Кольцо в его окровавленном кулаке.

Дальше простирался мостик, громадный тускло освещенный собор, со всех сторон окруженный черными экранами Компьютера.

Вестон прокашлял:

– Пикейщик. Перережь глотку Дозорному, если мятежный

король сделает еще хоть шаг.

– Вестон, – мягко, но решительно промолвил Альверин, – отдай мне Кольцо. Я восстановлю весь этот мир, свет, энергию и справедливость, что по праву должны быть нашими. Я обещаю тебе, что со всеми твоими людьми поступят по справедливости.

– Могу ли я верить мятежнику? Ты предал Вальдемара, – едва слышно прошипел Вестон.

– После того как он сдался Врагу. Свободные люди следуют за лидерами в битву и доверяют им власть командования только до тех пор, пока те осуществляют их волю, ведя войну во имя справедливости или защиты от врага. Такая власть командования, неподвластная разрушению, вернулась к свободным людям этого корабля после отказа от нее Вальдемара. На честных и добровольных выборах я был избран командовать, и теперь я капитан. Это доверие я почитаю священным. Отдай мне Кольцо, и я приведу мир к процветанию.

– Процветанию? Разве мы не окружены вражескими мирами? – тихо спросил Вестон.

– Мы слишком слабы, чтобы привлечь их внимание, – сказал Альверин. – Если не нападем сами, они не вспомнят о нас.

– А если Кольцо использовать для запуска легендарного оружия в сердце мира? – Вестон смог приподняться на локте. Его лицо было мертвенно-бледным, глаза – дикими и больными.

– Тогда этот мир умрет, если не в этом поколении, то в следующем.

Лейтенант, чью руку перевязывал высокий бледный врач, заговорил:

– Сир! Отдайте Кольцо Альверину! Даже мы, его столь давние враги, признаём его справедливость, мудрость и правдивость. Если кто и заслуживает империи, то только такой человек!

Но Энвас, все еще державший капитана за лодыжку, спокойно велел:

– В ваши последние мгновения, сэр, я молю, чтобы вы были истинным капитаном. Используйте Кольцо или дайте его мне, чтобы завершить миссию «Сумерек богов». Мы оба умираем, вы от ран, я от яда и радиации. Стоит ли нам в подобное время покидать свой пост и жаждать мира? Весь этот корабль был создан для войны.

– Пикейщик, назад. Вот, Дозорный, держи эту проклятую вещь. Исполни долг; убей всех моих врагов, каждого. Будьте вы все прокляты.

С проклятием на губах Вестон испустил дух, холодной рукой передав Кольцо Энвасу.

Дозорный смог подняться на колени и столкнуть пикетчика

по ступеням. Его руки были столь сильными, что мужчина отлетел довольно далеко. Альверин и эльфы бросились вперед, но Энвас, перебравшийся за золотые двери, дотянулся и коснулся сияющим Кольцом холодного, темного, похожего на зеркало угла ближайшего из многих экранов Компьютера, что наполняли громадный черный мостик.

– Вечная верность, – возвестил он. – Я всегда буду хранить верность.

Все зеркала вдруг вспыхнули и засияли чистейшим светом. На каждом экране появилось изображение, слова, символы, странные буквы и уравнения, и на всех виднелись тысячи сияющих огней вражеских звезд.

Чистый и совершенный голос, непохожий на человеческий, возвестил:

– ГОТОВ.

Несколько компьютерщиков вскрикнули в страхе или закричали от радости. Один рухнул на колени с воплем «Я дожил до такого дня!». Даже рыцари, стража Вестона и высокие люди Альверина стояли, лишившись дара речи, с широко распахнутыми глазами.

Но главный компьютерщик крикнул, чтобы привлечь людей:

– Это происки Врага! Компьютер не может говорить с людьми, только через нас!

Рыцарь врезал ему кулаком по лицу. Старик упал на палубу и остался лежать, угрюмый, вытирал рот, плача и боясь заговорить снова.

Другой воин поднял лук и мягким, чистым голосом произнес:

– Благородный лорд Альверин! Мы слышали слово, управляющее Кольцом. Один выстрел, и весь мир будет вашим!

– Нет, Эльромир, – промолвил Альверин. – Даже ради всех империй я не нанесу такой удар человеку раненому и безоружному.

Все еще стоя на коленях, Дозорный сказал:

– Компьютер! Орудия в сердце мира готовы выстрелить во Врага?

– ВСЕ ОРУЖЕЙНЫЕ СИСТЕМЫ ГОТОВЫ. ЦЕЛИ ЗАХВАЧЕНЫ. ГОТОВ ОТКРЫТЬ ОГОНЬ. ЖДУ КОМАНДЫ.

– Хранитель, молю тебя, постой! – позвал Альверин. – Ты высвободишь огненный шторм! Никто на корабле, исключая меня, не знает причин войны, ее целей, ее истоков. Зачем ты обрекаешь все эти народы, земли и людей здесь, на борту «Сумерек богов», на уничтожение? Наш капитан предал нас; мы окружены; оставь все как есть.

Но Энвас ответил:

– Когда незнакомец, теперь известный мне как Вальдемар, отдал моему учителю Химдаллу это ужасное Кольцо, он сказал: «Ты один узнаешь, когда ожидание закончится, когда Враг ослабеет и сочтет нас мертвыми». Только сейчас понимаю я цели капитана, после всех этих лет. Другие суда, которые мы знаем только по славным именам, яростно осаждает сильнейший Враг, который так давно разрушил и опустошил наш мир. Наш истинный мир – Земля, хоть мы забыли это, – все еще ждет, чтобы мы сражались и защищали его. Капитан хотел, чтобы мы дрались и умерли во славу флота, чтобы погибли все на «Сумерках», если этого требуют цели миссии и исполнение долга.

– Почему ты даруешь людям на других кораблях такую любовь и верность, что хочешь призвать разрушение на весь наш мир? – спросил Альверин. – И все ради тех, кого даже не видел никогда, кого не знаешь?

– Я не доживу, чтобы увидеть спасение, хотя знаю, что оно придет, – ответил Энвас. – Я никогда не знал людей, которые служат на тех кораблях, но уверен, что они с радостью сделали бы то, что я сейчас делаю для них. Этого знания мне достаточно.

Рыцарь, внезапно осознав, что Энвас хотел сделать нечто, из-за чего Враг уничтожит мир, наклонился, поднял упавший кинжал и прежде, чем кто-либо из людей Альверина успел его остановить, метнул его. Кинжал вонзился прямо в середину спины Дозорного. Энвас, выгнувшись от боли, ослепнув от агонии, прокричал:

– Компьютер! Закрой двери!

– ПРИНЯТО. ВСЕМ ПОСТАМ СООБЩЕНО О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ КОЛЬЦА КОМАНДОВАНИЯ.

Люди в зале кинулись вперед, подобно приливу, но было слишком поздно: золотые двери захлопнулись, отрезав их от рубки.

Альверин поднял руку и крикнул, собирая подданных:

– Проклятие Альберака показало всем компьютерным экранам, где скрывается Кольцо! Враг хлынет сюда с огнем, взорвет все палубы под нами, если потребуется! Пошли! Мы должны уйти! Уже может быть слишком поздно…

Люди побежали прочь из залы. Сам Альверин с паладинами стоял на возвышении перед золотыми дверями, не желая уходить, пока не ушел последний из подданных.

Через двери они услышали, как звонкий, мелодичный нечеловеческий голос произнес:

– ОРУДИЯ ГОТОВЫ. ЗАПУСК ПРОИЗВЕДЕН. СНАРЯДЫ ВЫПУЩЕНЫ.

Раздался грохот, похожий на гром. И мощный голос

отразился от каждой стены; дрожащий голос Хранителя усилился и пронесся по каждому коридору, достиг каждого народа на этом огромном корабле. Все услышали, как Хранитель сказал:

– Я видел это! Я это видел! Небеса заполнены огнями!

Затем он произнес уже мягче:

– Отец! Если видишь это, ты должен знать: я не оставил свой пост…

И потом, еще тише:

– Компьютер, уничтожь Кольцо. Пусть проклятие закончится. И верни все функции соответствующим станциям и командам.

Свет вдруг вернулся в залу, где стоял Альверин с паладинами, и они услышали шум, словно множество людей одновременно удивленно вскрикнули. И они знали, что свет вернулся в темные места, где, как известно, его не видели уже бессчетное число лет.

Рыцарь привлек внимание Альверина.

– Сир, взгляните!

И он указал на место, где лежал гигант Каррадок.

От тела Вальдемара не осталось ни следа. Он просто исчез.

– Посмотрите сюда, – рыцарь указал наверх, где две черные птицы, каркающие пучки перьев, устроились среди капителей колонн.

– Это его вороны, – негромко промолвил Альверин. – Даже в древние времена, ослепнув, он всегда держал у себя таких птиц, чтобы напоминать себе, о чем не смел забыть.

И самому себе он тихо добавил:

– Или, возможно, учитывая, что все это организовано его хитростью, именно я был слепым или тем, кто позабыл…

Черная птица проскрежетала голосом, похожим на человеческий:

– Цена не имеет значения. Цели миссии должны быть выполнены. Неважно, какой ценой.

Другая черная птица со скрипом добавила:

– Все средства хороши на войне. Все средства. Все средства.

Альверин, не оглядываясь, ушел со своими людьми из этого места.

ТЕД КОСМАТКА И МАЙКЛ ПУР КРАСНАЯ ОСА

Молодой писатель Тед Косматка работал в зоопарке, был химиком-технологом и сталелитейщиком, а сейчас называет себя лабораторной крысой, которая целыми днями возится с электронными микроскопами. Свое первое произведение он опубликовал в 2005 году в «Asimov's Science Fiction», после чего неоднократно печатался там, а также в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Seeds of Change», «Ideomancer», «City Slab», «Kindred Voices», «Cemeteiy Dance» и других изданиях. Кроме того, в последнее время его рассказы появлялись в различных антологиях «Лучшее за год» («Best of the Year»). Косматка живет в Портедже, штат Индиана, его веб-сайт: tedkosmatka.com.

Произведения Майкла Пура печатались в «Story Quarterly», «Fiction», «Talebones», «The Nth Degree» и других журналах. В 2006 году он вошел в число номинантов на премию Fountain за литературное мастерство в написании спекулятивной фантастики. Новые работы Пура публикуются в «Glimmer Train».

В представленном ниже рассказе две силы объединились в раскрытии замысловатой биологической загадки, которая не имеет отношения к загадкам человеческого сердца.

Животные тебя ненавидят.

Работая в зоопарке, к этому привыкаешь, а со временем начинаешь и уважать.

Белл с трудом толкал перед собой тачку, потея под униформой цвета хаки. Щурясь от яркого солнца, он разглядывал животных: козлов, глупых озабоченных обезьян, ленивых бинтуронгов. Завидев его, все они подходили к своим ограждениям.

Рано или поздно большинство животных достигало взаимопонимания с теми, кто приносил им еду, соглашаясь на непростое перемирие.

Но Белл знал, чего оно стоило. Он видел шрамы.

У Мэри – рубцы на руках. У Гарланда не хватает кончика пальца, у Джона – куска правой икры. Если спросить его об этом, он ответит коротко: «зебра».

Белл работал здесь не так долго, поэтому еще не успел обзавестись шрамами, но уже стал весьма осмотрительным.

Поднимаясь на холм тем утром, он заметил впереди Шону, которая шла по асфальтовой дорожке. Ее носки оказались разного цвета: один белый, другой красный. Белл еще не успел толком с

ней познакомиться, поэтому стад размышлять о том, рассеянная она или просто странная.

Подойдя ближе, он увидел, что Шона плачет. И понял, почему один из ее носков сделался красным. Кровь ручьями текла из ее разорванной икры.

Он проводил ее до комнаты персонала, и она рассказала о том, как на нее напал молодой павиан. Как ее оскорбили. Предали.

– Зачем ты вообще зашла в клетку? – спросил Белл.

– Я всегда туда захожу, – ответила Шона. – Я присутствовала при его рождении. Я вырастила его.

– Животные непредсказуемы.

– Он никогда раньше такого не делал. – Девушка покачала головой. – Никогда такого не делал.

Белл думал об этом, возвращаясь домой. Эти неожиданные нападения ставили его в тупик. С одной стороны, никаких неожиданностей не должно быть. Ведь мир стремится к порядку, не так ли? Планета вращается вокруг Солнца с одной и той же скоростью. Вода закипает и замерзает вполне предсказуемо. Люди, живущие в Далласе, весят столько же, сколько жители Квебека. Скорость звука в сухом воздухе – 1235 километров в час.

Так почему, думал Белл, они с женой не могут уследить за деньгами, планировать все заранее и перестать жить в трейлере? В упорядоченном мире это не должно быть такой уж непосильной задачей. В упорядоченном мире человек не должен выбирать между покупкой еды и продлением автомобильной страховки.

Конечно, Белл знал, что многие вещи на самом деле куда сложнее, чем кажутся. Вода замерзает предсказуемо, но необычно. Она расширяется. Кристаллы раскалываются и ломаются. Звук под водой распространяется быстрее.

– И просто невозможно не покупать дерьмо, – произнес он вслух, направляя машину к дому.

Перебравшись через «лежачего полицейского», он въехал на парковку.

На этой неделе они с Лин договорились не тратить ни цента. Им ничего не понадобится. В холодильнике есть еда, обе машины заправлены. На этой неделе они будут экономить.

Утром закончилась туалетная бумага.

– Это не такая уж неразрешимая проблема, – сказал он жене. – У нас есть бумажные полотенца.

– Мы, – ответила Лин, – не должны бросать в унитаз ничего, кроме туалетной бумаги.

– Но мы можем, – не согласился Белл, – если придется.

Белл считал, что все дело в тратах. Свои доходы они считали.

Если расходы тоже удастся проконтролировать, их финансовое положение придет в порядок и улучшится. Лин с этим не соглашалась.

– Дело в заработках, – говорила она. – Твоя работа должна приносить больше денег.

– Как и твоя.

Лин работала продавщицей в торговом центре.

В ее взгляде блеснул лед. Осколки кристаллов.

В мире Лин допускалось критиковать Белла сколько угодно. А вот он ее критиковать не мог – от этого ее мир становился неупорядоченным. Белл знал, что из двух спаривающихся животных одно всегда кусается сильнее другого. В их паре сильнее кусалась Лин.

В их мире, населенном всего лишь двумя млекопитающими, где царила постоянная, изматывающая бедность, Лин, кажется, кусалась не переставая.

Когда-то они договорились о том, что любить свою работу – очень важно. Важно заниматься именно тем, что тебе нравится.

– Я люблю свою работу. – Он говорил это уже тысячу раз. Говорил и в прошлом месяце, когда они лежали в постели. Тогда они поссорились, и она поцарапала его так, что у него пошла кровь. Ему захотелось ударить ее, и он чуть этого не сделал.

Не сделал. Ведь от желания ударить женщину до воплощения этого желания – тысячи световых лет, а Белл не такой человек. Не такое животное.

А кстати, какое? Интересно, знала ли она ответ на этот вопрос? Прочла ли в его взгляде то намерение?

С тех пор он перестал распространяться о том, как ему нравится эта работа. Большинство знакомых ему работников зоопарка – женщины, чьи мужья зарабатывают хорошие деньги. Они могут себе позволить любить работу.

Лин тоже знала об этом.

– Муж Шелли Каприатти продает гитары, – сообщила она ему накануне. Лин, кажется, работала вместе с этой Шелли. – Товар высокого класса, для настоящих профессионалов. Если, скажем, Эрик Клэптон захочет купить новую гитару, он вполне может обратиться к нему. Ты тоже мог бы заняться чем-нибудь в этом роде. Ее муж зарабатывает кучу денег.

В такие минуты он в очередной раз почти готов был признать, что хотел бы остаться холостяком. Но потом жена усаживалась ему на колени, заслоняя старый, одиннадцатилетний телевизор, и на какое-то время добрела. И этого времени оказывалось вполне достаточно, чтобы он успел замести всю горькую истину под ковер. Снова. Потому что так проще.

Оплачивая стоянку, он думал о ее доброте. Она могла быть милой. Жизнь вообще оказывалась порой не такой уж плохой.

Иногда Лин вела себя предсказуемо – тогда ему, конечно, приходилось намного легче. Но готовиться следовало ко всему. Он думал об этом, подъезжая к трейлеру.

Павиан никогда ни на кого не бросался. А сегодня вот бросился. Все когда-нибудь происходит в первый раз.

– Ты симпатичный… – сказала Лин, сидя перед телевизором, – такой, знаешь, вроде добродушного пса.

Туалетная бумага заканчивается.

И все начинает разваливаться.

Проблема бедности проходила через всю жизнь Белла красной нитью. Даже зоопарк, в котором он работал, финансировался из рук вон плохо.

Иногда люди жаловались. Как-то раз одна женщина, увидев условия, в которых содержатся львы, здорово разозлилась. Люди ведь любят львов.

– Это клетка, – констатировала она.

Белл с ней согласился.

– Зоопарки должны быть… естественными, – продолжала она. – Они должны создавать для животных естественную среду, чтобы те даже не подозревали что находятся в неволе.

Белл понимал. Сочувствовал. Он бывал в таких зоопарках, в других, не вымирающих городах.

– Думаете, они об этом не знают? – спросил он.

Она уставилась на него.

– Думаете, в других зоопарках животные не знают, что находятся под замком?

– Позор, – сказала дама и пошла прочь.

Когда речь заходила о кормлении животных, руководству с учетом недостаточного финансирования приходилось проявлять изобретательность. Запасы провизии, приобретаемые на открытом рынке, пополнялись благодаря договорам с местными продовольственными магазинами и мясниками. Каждый день к воротам приезжал грузовик, доверху набитый едой: подсохшими буханками хлеба начавшими портиться кусками мяса, галлонами просроченного молока. Иногда привозили и мертвечину – например, оленя, сбитого на шоссе. Все это бесследно исчезало в ненасытном брюхе зоопарка.

Грузовики разворачивались, и их содержимое выгружали на кухню.

Хотя это помещение и называли кухней, таковой оно, в

общем-то, не являлось – просто комната с несколькими огромными столами из нержавеющей стали, на которые сваливали еду. Затем ее делили и сортировали.

Белл направлялся к замку, но остановился, услышав из своей рации голос Люси:

– Белл, ты должен это увидеть.

Быстро добравшись до кухни, он прошел через заднюю дверь.

– Там жук, – сказала Люси, прижимая руки к груди.

– Какой жук? – поинтересовался он. Девушка пожала плечами.

– Жук. – Она указала на перевернутую чашу, стоявшую на столешнице.

Белл поднял чашу. Затем опустил ее.

Вновь поднял чашу и быстро заглянул под нее.

– Хм… – произнес он, опуская чашу.

Все, кто работал на кухне, уже собрались вокруг стола.

– Ну что?

– Я работаю над этим, – ответил он и посмотрел вдаль. – Думаю, это какая-то личинка.

– Не знала, что личинки бывают такими большими, – заметила Люси.

– Я тоже, – признался Белл.

Он вновь заглянул под чашу. Огромная, мясистая, кроваво-красная личинка, сантиметров пятнадцать в длину.

– Откуда она взялась? – спросил Белл.

– Со стола. – Люси пожала плечами.

Белл оглядел стол. Там лежали арбузы, яблоки, хлеб и рассеченная оленья нога. В центре громоздилась гора почерневших бананов, а рядом с ними – куда более скромная кучка фруктов, привезенных бог знает откуда.

– Ее могли привезти откуда угодно, – сказала Люси. – Я увидела, как эта штука ползет по краю стола. – Она вздрогнула. – И двигалась она быстро.

Белл достал из шкафа стеклянный сосуд и снял с него крышку, после чего смахнул в него странную личинку, протащив чашу до края стола. Выйдя из кухни, Белл нарвал немного травы и бросил ее внутрь сосуда, а затем закрыл крышку и проделал в ней дырочки.

Этот сосуд он пронес по зоопарку до самого замка, где поставил его на полку в задней комнате. Замком называлось здание, где содержались насекомые и пресмыкающиеся. Блочная конструкция, странные башенки – Беллу оставалось только догадываться об изначальном назначении этой постройки. Впрочем, каков бы ни был замысел архитекторов, теперь здесь

обитали разные малоприятные существа: муравьи, тараканы, мокрицы, змеи, ящерицы и лягушки.

По своей планировке здание напоминало две вложенные одна в другую коробки. В центре располагалось обширное открытое помещение, три стены которого занимали террариумы, а за стенами находился скрытый от публики узкий коридор, называвшийся задней комнатой. Из этого коридора открывались стенки клеток. В самом дальнем от входа тупике стояли стол со стульями, телевизор и несколько террариумов. Террариумы предназначаясь для заболевших и непригодных к публичному показу пресмыкающихся.

Весь остаток дня Белл занимался рутинной работой, а вечером проверил личинку. Она извивалась и, похоже, чувствовала себя прекрасно, карабкаясь по стеклянным стенкам. Когда Белл изучал энтомологию в колледже, он не слышал ни о чем подобном. Ему даже в голову не приходило, что насекомые могут быть настолько крупными. Когда Белл поднял крышку личинка потянулась к нему, встав вертикально. Ее странный ротовой аппарат двигался.

Белл отвечал за замок, за детский зоопарк и за осужденных. Такое положение дел сложилось со временем. Замок был ему вверен потому, что он являлся единственным работником зоопарка, изучавшим энтомологию в колледже. Детским зоопарком его хотели обидеть. А осужденные достались ему в наказание.

Они стояли у входа почти каждый день. Эти мужчины и женщины, приходящие слишком рано, за несколько часов до открытия. Белл кормил насекомых, выпивал чашку кофе, а затем шел открывать ворота.

– Пожаловали на общественные работы? – спрашивал он.

– Ага, – отвечали они.

Иногда их оказывалось двое или трое. Они протягивали Беллу свои документы, а он в конце дня передавал их начальнице зоопарка.

Самое важное для них – количество часов, которые они должны отработать. Сто часов, сто пятьдесят часов, двести часов.

Иногда они рассказывали о своих преступлениях, а иногда – нет. Белл никогда их не спрашивал. Не его это дело.

Иногда, в ванной, Белл разговаривал со своим отражением в зеркале.

– Ты в этом мире – не высший хищник, – говорил он. – Люди как вид – да, а ты – нет. Ты выигрываешь далеко не всегда. Разрешаешь не все проблемы.

Происходят поражения и капитуляции – маленькие, но существенные.

Прошлой зимой они отказались от отопления спальни. Они закрыли заднюю часть трейлера и стали спать на диване. Овладели искусством приседания в ванной. Ванна ведь металлическая, она опущена на несколько сантиметров ниже пола. Прямо под ней – ледяной воздух. Сколько ни обливайся – ноги и задница все равно начнут замерзать, если просидишь слишком долго. Поэтому нужно вставать, пропуская под себя горячую воду, затем снова садиться и ждать. И повторять все сначала.

– Такое ощущение, что ты даже не входишь в пищевую цепь, – сказал как-то Белл холодной ночью, сидя на кухне и поедая буррито.

Это его высказывание о пищевой цепи стало одной из двух фраз, произнесенных за весь день. Иногда он открывал дверь спальни и наблюдал за тем, как его дыхание превращается в облачка пара.

Он хотел, чтобы она спросила его о пищевой цепи. Он хотел объяснить, хотел, чтобы она поняла.

– Пищевая цепь… – начал он.

– Я поняла, – остановила она.

Это и стало второй фразой. Фраза зависла в воздухе облачком пара, даже несмотря на то что они находились на кухне.

После того как Белл перестал рассказывать Лин о любви к своей работе, он начал разговаривать с зеркалом.

– Я люблю свою работу, – говорил он. Отражение, кажется, с ним соглашалось.

Их жизнь, как и зоопарк, изобиловала притворством. Они притворялись, что у них есть деньги на бензин. Делали вид, что могут питаться лучше, но просто предпочитают этого не делать. Прикидывались, что Лин по-прежнему считает очень важным работать на той работе, которая нравится. Которую любишь. Ну, или что-то вроде того.

Однажды она перестала притворяться. Под привычной маской обнаружилась другая Лин, которая думала так: «Если бы ты любил меня, ты сделал бы все возможное для того, чтобы я жила лучше». И эта Лин всплыла на поверхность. Она сняла маску.

На холодильнике появились приклеенные скотчем объявления.

Продажи. Озеленение. Моечные машины. В общем, все то, чем можно заняться, имея диплом биолога.

– Забыть о том, что действительно важно, – очень легко, – говорил ей Белл.

Она не рассуждала о том, что иметь в доме свет и тепло – тоже важно. Вместо этого она, не переставая глядеть на него, надевала пальто, брала свой вибратор и закрывалась в ванной.

Библиотекарь. Бариста[78]. Любая работа, оплачивавшаяся выше, чем работа в зоопарке. Повар. Носильщик в аэропорту на мексиканских авиалиниях. Не обязательно мексиканец.

Белл думал о том, насколько же много притворства окружало его в зоопарке.

Посетители прикидывались, что клетки – это джунгли, саванна, пустыня или тундра.

Животные делали вид, что посетители их не интересуют. Совместными усилиями посетители и работники зоопарка показывали, что зоопарк не является по своей сути лишь тщательно продуманной жестокостью.

Иногда животные переставали притворяться. Например, когда новорожденные отказывались есть. Потому что малыши сразу же понимали: они находятся в неволе, чувствовали это. Они забывали притвориться, что жить все-таки стоит.

Так лама напала на Брию Вагадес.

На глазах у Белла.

В кино нападение животных показывают совсем по-другому, там всегда раздается сопение, рык, показывают кровь и шерсть. В реальности это выглядело почти комично. Брия поднимала замаскированную под камень крышку люка, скрывавшую садовый шланг, и тут появился Нанез, самец, смешной и величественный, покрытый двухцветным черно-серым мехом. Он встал на дыбы и начал размахивать передними копытами, словно боксер. Женщина заметила его, когда животное уже стояло рядом.

– Ой, – вскрикнула она, прежде чем сумела взять себя в руки. – Да пошел ты, Нанез!

Зоопарк уже закрылся, но существовали строгие правила, запрещавшие терять хладнокровие, ведь посетители могли заметить это и запаниковать.

Нанез потерял равновесие и опустился на все четыре копыта, продолжая двигаться вперед. Затем он снова встал на дыбы. Брия прикрыла голову и отступила, нащупывая дверную ручку.

– Он не хотел, чтобы она находилась в вольере, – сказал Белл Джону Лорэну в кафетерии на следующий день. – Это же очевидно.

– Да никогда это не бывает очевидным. Неправильно это – объяснять поведение животных человеческими мотивами.

– Территориальность – животное поведение, – ответил Белл, жуя крекеры с арахисовым маслом. – Это животный мотив.

– Неправильно, – продолжал Джон, – делать вид, что всегда их понимаешь. Понимаешь, почему они ведут себя именно так.

– У них период спаривания, – произнес Белл. – Вот почему.

Джон сощурился.

– И она пошла в вольер одна? Это тоже неправильно. Это тебе не домашние животные.

Но Белл знал, что некоторые животные вели себя почти как домашние. Опасные домашние животные, которым нельзя доверять.

– Ты бы написал себе памятку, – посоветовал он.

– Ты бы заткнулся.

– Ага, – согласился Белл.

Личинка на домашнее животное совершенно не походила. На следующий день после того, как Белл поместил ее в один из больших террариумов, она начала окукливаться. Вечером он засел в задней комнате и стал наблюдать за ней. Он перекопал все имевшиеся в зоопарке книги по энтомологии, но так и не нашел ничего похожего. Ни одна из картинок даже отдаленно не напоминала странное насекомое, копошившееся в террариуме. Кокон лишь добавлял загадочности. Чем бы ни являлась эта штука, она появилась на свет недавно.

Насекомые, проходящие через личиночную стадию развития, делятся на четыре группы: жуки, мухи, чешуекрылые бабочки и перепончатокрылые.

Находящееся в террариуме создание явно не являлось гусеницей, так что бабочек Белл исключил. Гигантский размер позволял вычеркнуть мух. Оставались жуки и перепончатокрылые. Тем не менее насекомое не походило ни на одну из тех личинок ос и жуков, которые он когда-либо видел. У большинства личинок нет ни глаз, ни такого ротового аппарата.

На третий день Белл обнаружил, что личинка закончила строительство своего бумажного кокона и таким образом отгородилась от мира.

Еще день спустя полку общественных работников прибыло.

Белл сидел на корточках и смешивал еду для лемуров, когда на ведро упала чья-то тень. Белл прикрыл глаза и поднял голову.

– Мне велели найти Белла. «Отметься у Белла» – так и сказали. И еще сказали, что Белл молодой. Так что ты вполне можешь быть Беллом.

Голос незнакомца вызывал ассоциацию с сырым песком.

Белл встал, пожал ему руку и тут же заметил шрамы. Ожоги, будто от брызг, покрывали всю кисть и запястье. Обе кисти и оба запястья, понял Белл, приглядевшись.

Грубая кожа. Редкие седые волосы. Глаза голубые, будто пламя горелки. Если бы бомба, взорвавшись, вдруг превратилась в человека, она выглядела бы именно так. Лишь взглянув на него, обожженного огнем и солнцем, Белл тут же захотел пить. В кафе, за кока-колой, Белл узнал, что бомбу зовут Колет. А еще Коул в свои шестьдесят лет оказался самым старым из всех, кого когда-либо направляли в зоопарк на общественные работы.

Затем Белл отправил его мыть пустые клетки, начиная с клетки африканского буйвола.

– Вот дерьмо, – проскрежетал Коул, заглянув внутрь.

Белл, наверное, выглядел удивленным.

– В буквальном смысле, – пояснил Коул, указывая концом шланга на пол. Он улыбнулся, обнажая похожие на булыжники зубы. А затем подмигнул.

Выглядело это так, будто Беллу подмигнула принявшая человеческий облик война.

Как львы привлекают туристов, так Коул стал привлекать персонал.

Такой же страшный… Как и лев, он, казалось, скрывал большую часть своей силы, сберегая и скапливая ее где-то внутри. И еще – тяжело смотреть в глаза льву. С Коулом люди испытывали подобное чувство.

Со львом, впрочем, не получится поговорить. Его не спросишь, как он очутился в зоопарке. А Коула спросить можно – если ты, конечно, очень любишь совать нос в чужие дела.

Белл предпочитал не затрагивать эту тему.

Они с Коулом стояли в темном туннеле.

– Павианы хитры, – наставлял Белл. – С ними нужно держать ухо востро.

Коул кивнул.

– Они могут швырнуть в тебя экскрементами, могут укусить. Закрывать нужно обе двери. Ты должен тщательно соблюдать правила и никогда не заходить в клетку.

Коул снова кивнул.

– Это очень важно. Понимаешь?

Коул кивнул еще раз, но Белл все-таки в нем сомневался. Вспомнился инцидент, произошедший несколько лет назад в кошачьих вольерах. Тогда выставка находилась на ремонте, и льва выпускали по ночам погулять. Это не вызвало бы никаких проблем, если бы соседний вольер не оказался недостроенным.

Временную дверь сделали из толстой фанеры, и этого вполне хватало для того, чтобы не пускать ко льву рысей. Однако не хватило, чтобы изолировать рысей от льва.

На следующий день обнаружилось, что от двери остались лишь щепки, а лев спит в рысьем вольере с окровавленной мордой. Все рыси погибли.

Зоопарк – опасное место.

Как для животных, так и для людей.

Коулу назначили тысячу часов общественных работ. Никогда еще Белл не видел столь внушительной цифры – на отработку потребуется около года.

Неделю спустя после появления Коула начальница зоопарка отозвала Белла в сторону. Она недолюбливала Белла и сейчас к тому же выглядела серьезной.

– Этот старик, Коул, он хорошо работает? – спросила она.

– Нормально.

– Он ведь задержится здесь на какое-то время…

– Да, – сказал Белл. – Я знаю.

Он хорошо понимал мысль начальницы. Бесплатный работник на долгий срок. Работник, которому не нужно платить.

– Думаю, мы можем расширить круг его обязанностей, – сказала она.

Неделями Белл наблюдал за коконом, гадая, что же из него вылезет.

Произошло это в понедельник. Войдя в комнату, он тут же услышал жужжание вроде того, которое издает лампа при перепаде напряжения, перед тем как погаснуть. Только эта лампа все гасла и гасла, не смолкая ни на секунду. Взглянув на террариум, Белл увидел.

Огромное.

Крылатое.

Ярко-красное, но с черными ротовыми придатками.

– Перепончатокрылое, – прошептал он. – Или что-то вроде того.

Лето шло. Белл продолжал учить Коула, делая из него работника зоопарка. Перерывы они проводили в задней комнате.

Когда насекомое вылупилось, встал вопрос о питании. Белл попробовал всего понемножку: нарезанные бананы и яблоки, маленькие кусочки мяса. Некоторые фрукты, лежавшие тогда на столе, прибыли из экзотических стран – легко представить, как личинка залезла в какую-нибудь дыню из Центральной Америки,

а потом эта дыня быстро прокисла, сделалась мягкой и оказалась в зоопарке среди отбракованных продуктов.

Проходили недели, и насекомое развивалось. Оно заинтересовало даже Коула.

– Ручная оса? – спросил он.

– Я не уверен, что это оса.

Несколько дней спустя Белл увидел, как Коул заглядывает в террариум через стекло. Он заметил это первым.

– Что это? – спросил он. Белл посмотрел.

– Будь я проклят!

Оса сидела на небольшой ветке, конечности ее странно выгнулись, крылья стремительно резали воздух, словно кинжалы. С ветки на тонкой нити свисал кокон, напоминавший засохшую коричневую пену.

– Что это? – повторил Коул.

– Думаю, это яйца.

Коул тщательно осмотрел террариум.

– Их там что, две?

– Нет, всего одна. – Белл покачал головой.

– Может, ее уже оплодотворили до этого?

Этот осужденный оказался умнее, чем думал Белл. В стекле он увидел отражение глаз, напоминающих пламя горелки. Взгляд Коула стремительно перемещался по террариуму.

– Маловероятно, – констатировал Белл. – Это действительно самка, но репродуктивная стадия обычно начинается после метаморфозы, а не до. А с тех пор как эта штука вылупилась, она оставалась одна.

– Это их Дева Мария, – произнес Коул и улыбнулся. Его улыбка походила на трещину в борту корабля, потерпевшего кораблекрушение.

Белл рассмеялся.

– В мире насекомых это не чудо, – объяснил он. – Это называется партеногенез. Некоторые виды перепончатокрылых могут…

– Перепончато… кого?

– Есть такая группа насекомых, предположительно произошедших от одного предка. Муравьи, пчелы, осы. Некоторые виды могут размножаться без самцов. Еще так могут делать черви и некоторые ящерицы. Но перепончатокрылые в этом чемпионы.

Коул выпрямился.

– Будем надеяться, что это не войдет в моду.

Белл задумался – о размножении, свадьбах, женах и прочем.

– А может, это не так уж и плохо, – пробормотал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего.

Белл связался с университетом. Он написал письмо на биологический факультет, привел описание насекомого и обстоятельств его прибытия в зоопарк. Через неделю пришел ответ, короткий и вежливый: «Вероятно, это роющая оса».

Белл смял письмо и выбросил его в корзину.

– Я знаю, как выглядит роющая оса.

Однажды вечером несколько недель спустя он нашел насекомое мертвым. Даже после смерти оно выглядело пугающе: голова размером с монету, гладкое и блестящее тело, будто выточенное из красного дерева.

Впервые Белл осмелился прикоснуться к нему. Насекомое оказалось почти такой же длины, как его кисть – от запястья до кончиков пальцев. Он наколол его на булавку, и конечности обвисли под собственной тяжестью. Затем Белл посмотрел на яйца в террариуме и задумался о том, вылупится ли из них что-нибудь.

Прошли месяцы, и Белл забыл о произошедшем. Они с Шоной продолжали обучать старика. Шоне новичок не нравился, и она даже не пыталась это скрыть.

Весной из яиц вылупилось множество личинок, похожих на первую как две капли воды, только размером поменьше. Белл наблюдал за тем, как червячки ползают по опилкам в террариуме.

– Опять твои осы? – спросил Коул.

– Да. – Несколько минут они смотрели на содержимое террариума.

– А что они едят? – полюбопытствовал Коул.

На мгновение Белл задумался. Взрослое насекомое зачастую питалось совсем не так, как личинка.

– Понятия не имею, – ответил он.

Иногда кормление – непростая задача.

Когда Белла только взяли в зоопарк, ему поручили кормить хищных птиц. Чертовски больших хищных птиц, одной из которых оказался беркут.

Первые несколько дней все шло хорошо. Беркут съедал примерно пять крыс в неделю, но кормили его каждый день. И это, в общем-то, не вызывало проблем, вот только недоеденных крыс требовалось убирать из клетки.

Белл не задумывался об этом до тех пор, пока ему не пришлось этим заняться. Стоя перед дверью клетки, он смотрел на чертовски большого беркута и понимал, что сейчас зайдет внутрь, чтобы забрать его пищу. До Белла внезапно дошло, что

будет, если этот чертовски большой беркут не пожелает отнестись к нему равнодушно.

Он смотрел на хищника. Смотрел на его когти – пятисантиметровые кинжалы, способные расколоть кость.

Белл отправился в офис начальницы, но его доводы не произвели на нее впечатления.

– Не могу сказать, что меня это не беспокоит, – сказал Белл.

– Волноваться тут не о чем, – отмахнулась дама, возвращаясь к своим бумагам.

– Но почему вы уверены, что беркут на меня не нападет?

– Все будет в порядке, – сказала она, не поднимая головы. – Такого еще никогда не случалось.

С этих слов начиналась история каждого шрама в зоопарке.

– Я не буду этого делать, – заявил он.

Начальница оторвалась от бумаг. Обдумала возможные варианты.

– Хорошо, – сказала она.

Со следующей недели ему поручили детский зоопарк. Это должно было его оскорбить.

Когда он стал жаловаться, указывая на то, что его навыкам можно найти лучшее применение, начальница лишь сочувственно покивала.

И повесила на него работу с осужденными.

Белл разделил личинки на три группы, расселив их по трем террариумам. В один террариум он бросал только фрукты. В другой – куски хлеба. В третий – мясо.

Насекомые обычно требовали строгости рациона, поэтому он ожидал, что два террариума, скорее всего, вымрут от голода. Но так он, по крайней мере, выяснит, чем же они питаются.

Однако личинки его удивили. Все три террариума продолжали развиваться – и мясоеды, кстати, росли быстрее.

Два месяца спустя началось строительство коконов. Будто по некоему соглашению все личинки приступили к этому в один и тот же день.

Вечером, желая отпраздновать этот новый этап, Белл пошел на преступление против бюджета. Зная, что в холодильнике не найдется ничего, кроме салата из тунца, по дороге домой он заехал в «Макдоналдс».

Потратив деньги, он загнал сам себя в западню, обрекая на наказание.

– Трать сколько нужно, – говорила Лин. – Только не забывай предварительно сообщать мне.

Семейным бюджетом занималась жена. «Предварительно сообщай мне» – вот в чем заключалась ловушка. Если он сперва тратил деньги, а после говорил ей, она злилась. Могла раскричаться, а могла и говорить тихо. В любом случае, когда Лин злилась, она напоминала подпитывающий сам себя шторм, с каждой секундой становящийся громче и свирепее. Шторм, как правило, длился до тех пор, пока она не хлопала дверью и не уезжала, все еще продолжая кричать. Через несколько часов она возвращалась: иногда все еще злая, иногда нет.

Однажды, когда она вот так вернется, Белла она уже не застанет.

Эта мысль все чаще приходила ему на ум. Она возникала в той самой части сознания, которая заметала проблемы под ковер.

Неделю спустя после преступления, когда он читал, она бросила ему на колени выписку с банковского счета. Тогда они много читали, потому что у телевизионщиков закончилось терпение и их отключили от кабеля.

– Что? – спросил он.

– Там подчеркнуто.

Проклятье. Он забыл.

Магазин MCD № 1635.

– Ты не показывал мне этот чек.

– Правда? Прости, я думал, что отдал его тебе.

Он и вправду сожалел о своем поступке. Ну что еще он мог сделать? «В этот момент, – подумал он, – любой разумный человек махнул бы рукой». Но только не Лин.

Она начала кричать. Штормовой ветер набирал силу. Как, по его мнению, она должна высчитывать, сколько потратить на аренду, на машину, на электричество, на телефон, на чертовы продукты, если она не знает, сколько *он* тратит на всякие большие и важные вещи? То есть, как выясняется, на бигмаки. Она не припомнит, чтобы он спрашивал, любит ли бигмаки она, потому что его, похоже, слишком занимали другие дела: сначала он вел себя как безответственный, эгоистичный козел, а потом прятал чек.

Он умел игнорировать ее вопли, но лишь до тех пор, пока она не выдвигала подобных обвинений.

– Я забыл, – напомнил он ей. Он тоже начинал злиться, и это обещало плохо кончиться.

Она стала орать громче, он последовал ее примеру, и в итоге она сорвалась на визг. Голос ответственности в его голове сделался беспокойнее. На этот раз она действительно взбешена. Этот тихий голосок подсказывал, что в таком состоянии ей нельзя садиться за руль, потому что она может ранить себя. Или кого-то

еще.

В нем говорил работник зоопарка. Он знал, что животным, что бы ни случилось, нельзя позволить взбеситься.

Она вышла в ванную, не переставая орать, а Белл воспользовался этой возможностью и спрятал ее ключи. Глубоко в коробке с засохшим печеньем.

Вернувшись, она, конечно же, принялась рыскать по комнате в поисках этих самых ключей. Лин постоянно забывала, где их оставила. Находиться они могли где угодно.

Она прочесывала комнату.

Десять, пятнадцать минут, она искала повсюду. Она перестала орать на Белла и начала утихать.

Однако он знал: эта тишина бывает очень обманчива. Это ведь не спокойствие. Лишь тишина. Словно огонь, пробирающийся внутрь стен и невидимый до тех пор, пока кто-нибудь не откроет дверь.

Белл понял, что совершил ошибку. Она так и будет рыскать по комнате целую вечность, вот в чем проблема. Рано или поздно ему придется признаться, что он спрятал ключи. И тогда все сделается еще хуже. Она начнет орать громче. Разразится шторм века.

Иногда ему становилось жаль ее. В конце концов, она же почти сумасшедшая. Даже более чем почти. Бедная девочка. Но какая же стерва.

Он чуть не произнес это вслух.

В конце концов она снова скрылась в ванной, а Белл тихо, как ночной вор, положил ее ключи в ящик стола.

Лин вернулась, но в ящик заглянула не сразу. Она уже заглядывала туда. Несколько раз. И она знала это, а Белл знал, что она это знает.

– Ублюдок, – прошептала она, задыхаясь. Она почти плакала.

Белл испытал угрызения совести.

Противостоять слезам он не мог. Он растаял, двинулся к ней. Ему захотелось ее защитить.

Когда она швырнула в него ключами, он пригнулся, но левое ухо все же задело.

На какое-то время опять стало шумно. Белл поднял ключи и открыл дверь трейлера.

Лин схватилась за сумочку.

– Дай их сюда! – закричала она.

Белл не обратил на это никакого внимания.

На этот раз уехал *он.*

Нарезая круги, он потратил бензина на десять долларов. Он наслаждался этой растратой. Наслаждался поездкой.

Разговаривал сам с собой.

Когда он все же вернулся, то увидел, как она дрожит, стоя на ступеньках.

Дверь захлопнулась, и она осталась на улице перед закрытым трейлером холодным осенним вечером.

Вновь угрызения совести.

Поездка не помогла.

Все-таки брак – сложное дело.

Млекопитающие щелкают.

Они сходятся, и иногда раздается щелчок. А иногда нет.

На следующий день после того, как Белл оставил Лин мерзнуть у трейлера, нечто вроде щелчка произошло между ним и Коулом.

Белл не мог объяснить, как именно это произошло. Стоя на крыше, он наблюдал за моржами – ластоногие волокли свои туши по мокрому асфальту.

Коул взобрался по лестнице и присоединился к нему. В вольере два самца с ревом бросились друг на друга и столкнулись.

Тот, что поменьше, отступил и ретировался в бассейн. Более крупный последовал за собратом. Скользнув в воду, он внезапно преобразился, словно превратившись в совершенно другое животное.

Люди молча наблюдали за питомцами, а потом Коул сказал просто:

– Черт возьми, – и улыбнулся.

Белл тоже улыбнулся, а Коул продолжал:

– Напомнило сцены с отцом из моего детства, – пояснил он. – Он был такой большой и упрямый. И мне почти никогда не удавалось уйти от наказания.

Белл поднял бровь.

– На редкость крутой парень, – продолжал Коул. – Колотил меня до тех пор, пока я не стал больше его. – Он вновь улыбнулся так, будто являлся живым воплощением войны.

Белл не удивился, когда Коул достал серебряную фляжку и предложил глотнуть.

И Белл сделал глоток – всего один.

Но этого оказалось достаточно, чтобы после закрытия зоопарка они зашли в находившийся неподалеку бар. Белл не хотел возвращаться домой, к Лин, а Коул не торопился в свое реабилитационное учреждение – у него оставался еще час в запасе.

Сидя за стойкой, Белл зажег сигарету и вдруг понял, что

рассказывает о Лин. Он рассказал Коулу все: о проблемах с деньгами, о ссоре.

Коул слушал, и в его глазах горели голубые огоньки. Внезапно он стал казаться пугающе мудрым.

Два пива спустя Белл обнаружил, что высказывает вслух то, в чем едва признавался даже себе самому:

– Лучше бы я остался холостым. Ох, как бы я этого хотел…

В бар вошла женщина, основательно наштукатуренная косметикой, стучавшая по полу квадратными каблуками. Коул подмигнул ей.

Женщина сказала что-то бармену и вышла.

Белл посмотрел ей вслед. Сквозь входную дверь заглянуло яркое заходящее солнце. Белл вздрогнул и – слишком поздно – прикрыл глаза. Моргая, ослепленный, он кое-как нащупал свое пиво.

В этой временной тьме Коул произнес:

– Я разбил вертолет, если тебе это интересно.

Белл снова моргнул. В темноте проявились глаза Коула, напоминающие два уголька.

– А?

– Я заметил, что ты ничего не спрашиваешь про мои руки. Как и про то, почему я оказался в тюрьме. Ты никогда никого не спрашиваешь. Это бросается в глаза. Ты никогда не спрашиваешь людей о том, как они попали на общественные работы. Просто поручаешь им всякое дерьмо и отмечаешь рабочие часы.

Белл, наверное, выглядел обеспокоенным. В темноте перед ним вращались фиолетовые круги.

– Нет, это здорово. Хорошо, что ты ведешь себя именно так. Ты позволяешь людям почувствовать себя нормальными. Но ты не спрашиваешь так, что становится очевидным, насколько сильно тебя интересует ответ. Поэтому я отвечаю. Я разбил вертолет.

Коул оказался прав. Белл хотел знать. Хотел очень сильно, но не осознавал этого раньше.

– Ну, хорошо, – сказал он, подбадривая своего собеседника.

На рассказ о Бразилии Коулу потребовалось пятнадцать минут.

Он был пилотом.

Сначала в армии, затем стал возить президента компании, продававшей замороженных кур, а после устроился в «Юнайтед эрлайнс», заключившую контракт с канадскими железнодорожниками. Он развозил инженеров по контрольным точкам и наслаждался этой работой для одиночек. Инженеры, как правило, попадались уставшие до смерти. И потому тихие.

А потом он разбил вертолет, принадлежавший компании.

Такое могло случиться с каждым – накрылся хвостовой винт, и вращающийся вертолет с перепуганными пассажирами пришлось опускать с высоты двух с половиной километров. В последнюю секунду машина перевернулась на бок, винт раскололся и разорвал топливный бак.

Обошлось без жертв. Единственным, кто получил серьезные травмы, оказался сам Коул, остававшийся в кабине до тех пор, пока все три пассажира не выбрались и не отбежали на безопасное расстояние. Ожоги покрыли двадцать пять процентов его тела, так и появились шрамы на левой руке.

Белл собрался задать вопрос, но Коул его опередил:

– Правая рука – это другое. Позднее.

В «Юнайтед эрлайнс» его подвига не оценили, и потому лечение вконец разорило Коула. Он едва смог позволить себе операцию, давшую ему возможность использовать руки. О косметике речь уже не шла.

И поэтому он начал сливать топливо. Можно делать неплохие деньги, продавая авиатопливо на черном рынке за полцены.

Бизнес этот, впрочем, рискованный. Коула кто-то заложил, и федералы выдали ордер на его арест.

Они связались с ним во время полета. Это произошло в Виргинии, рядом с побережьем – он как раз летел в Ричмонд за пассажиром. Ему приказали приземлиться в аэропорту Ричмонда, но вместо этого Коул полетел к морю. Неужели они и правда думали, что он такой идиот? Идиот до такой степени, что позволит поймать себя с подсудным количеством вертолетного топлива.

Коул долетел до моря. Вернее, влетел в море. Если уж он им так нужен, федералам придется попотеть.

Белл, наверное, посмотрел на его правую руку.

– Бак взорвался, когда я врезатся в волны, – сказал Коул, попивая пиво. – Вода загорелась. Мне оставалось либо барахтаться в горящем топливе, либо вырастить жабры. Мне тогда было двадцать семь. Дали девять лет.

Белл начал подсчитывать возраст, но Коул снова его опередил:

– О, с тех пор я там стал частым гостем. В основном за нападение. В последний раз – за драку в баре. Парень лишился глаза, и судья добавила мне срок – эти женщины-судьи, они хуже всех. Она сказала, что когда-нибудь мой гнев сожжет меня изнутри. – Коул вновь улыбнулся своей зловещей улыбкой. – Но этого ведь уже не изменишь, не так ли? И кроме того, – добавил он, сделав хороший глоток, – не все, что горит, сгорает дотла.

Он грохнул по столу опустевшим стаканом.

– Надо бежать. Если меня снова закроют, я здорово влипну.

Коул стремительно поднялся и вышел. Белл обернулся, и солнце, еще не скрывшееся до конца, ослепило его во второй раз.

«Слепой, как летучая мышь», – подумал Белл.

Впрочем, такой хороший работник, как он, не мог не знать, что летучие мыши на самом деле не слепы. Об этом он и заявил вслух.

– Чего? – переспросил бармен.

«А ведь он тоже работает в зоопарке. В каком-то смысле», – подумал Белл.

– Летучие мыши на самом деле не слепы, – повторил Белл.

«Никогда не пей с осужденными», – отчитывал он сам себя.

Это плохая идея по целому ряду причин. Это непрофессионально. И потом, если ты станешь его собутыльником настолько, что даже будешь потягивать виски на крыше вольера с моржами – а за это ведь увольняют, – то что ты будешь делать потом, если осужденный совершит нечто такое, о чем ты обязан сообщить? Что-то другое.

Неделю спустя после посещения бара Белл пришел на работу и увидел, что возле ворот его поджидает Гарланд, главный механик.

– У нас проблема, – сообщил он.

– Проблема?

– С твоим другом. Он пьян.

– Где он?

– Я отправил его чистить верблюжий вольер. Так он не попадется никому на глаза до тех пор, пока не протрезвеет хотя бы чуть-чуть. – Гарланд помолчал. – Только он, кажется, набрался сильнее, чем я думал.

В висках тяжело застучало. Белл вздохнул.

Гарланд тоже выглядел неважно. Новость и впрямь оказалась плохой. Особенно с учетом того, что Гарланд заметил состояние Коула, но все равно позволил ему работать. Намечался почти Уотергейт. Если правда всплывет, многие люди могут пострадать.

– Я решил подождать и посмотреть, как ты поступишь, – сказал Гарланд. – Не хотелось заявлять на него, ведь это… ну…

Белл понимающе кивнул:

– Я разберусь.

Остановившись у вольера с верблюдами, Белл позвал Коула. Тот подошел к нему с лопатой в руках. От него несло ромом.

– Да? – По тону стало понятно: Коул знал, что назревают неприятности. Взглянув на заключенного через прутья клетки, Белл заметил в его глазах что-то агрессивное. Что-то львиное.

Белл объяснил, что нужно делать.

Коул положит лопату.

Не будет ни с кем разговаривать.

И уйдет через задний вход. Немедленно.

– Значит, я попал, – сказал Коул.

Белл покачал головой:

– Ты позвонил и сказал, что заболел, вот и все. Ничего больше.

Белл знал, что обязан уволить провинившегося. Так почему же он этого не сделал?

Что ж, тут все понятно. Он скажет Коулу, чтобы тот выметался к чертовой матери и никогда больше сюда не возвращался, а Коул пойдет к начальнице зоопарка и скажет: «Знаете, а я пил с Беллом виски на крыше в рабочее время».

– Я попал, – повторил Коул и покачнулся.

Белл нахмурился. Долгое время они молчали, затем Коул прошептал:

– Я не вернусь в тюрьму Не вернусь.

Белл вывел его из зоопарка.

– Приходи завтра, – напутствовал он. – Трезвым.

Коконы пролежали ровно четыре недели. А затем, когда Белл вошел в заднюю комнату, он услышал звук множества гаснущих электрических лампочек. Долгое время он просто стоял и смотрел. В террариумах кишела странная новая жизнь. В каждой из стеклянных коробок, казалось, жили абсолютно разные существа. Странные осы и создания… не похожие на ос. Безымянные создания. Одни крупнее, другие мельче. Одни с крыльями, другие без. Все – красные с черным.

– Невозможно, – пробормотал Белл. Они не могли являться одним и тем же биологическим видом.

В первую очередь, почти инстинктивно, он захотел позвонить в университет. Но вспомнил их ответ о роющей осе. К черту университет.

К тому же инстинкты – они для животных. Белл сам разберется с этой загадкой.

Белл не сомневался в том, что справится. Он многое знал о насекомых.

Знал, что насекомые одними из первых выбрались на сушу. Они видели рассвет и закат динозавров, рождение цветковых растений. Не люди первыми начали вести хозяйство, приручать животных или воевать. Эти достижения принадлежат насекомым. Когда человечество еще только делало свои первые неуклюжие

шаги в области земледелия, южноамериканские муравьи уже давно довели эту науку до совершенства – в подземных камерах своих муравейников они аккуратно засеивали обширные, тщательно ухоженные сады грибами, существовавшими уже более тридцати миллионов лет.

Другая разновидность муравьев, *basins flaws,* содержала стада прирученных тлей. Они жили в подземных загонах, кормились корнями растений, а муравьи выдаивали из них богатый питательными веществами нектар.

Некоторые термитники достигали более девяти метров в диаметре, их населяли десятки миллионов жителей, подчиняющихся сложной системе каст. Солдаты *Macrotermes bellicosus* обладали настолько огромными челюстями, что не могли питаться самостоятельно. Вместо этого они полностью полагались на помощь рабочих низшей касты, поднимавших пищу к их ртам.

Насекомые строили города, фермы, высококлассные магистрали. Опустите глаза, вглядитесь получше, и вы увидите уровень организации, который можно назвать только цивилизацией.

Белл часто думал о том, что люди достигли столь высокого положения не из-за того, что они прекрасно адаптированы к этому миру, а из-за того, что они слабы, неуклюжи и уязвимы. Не приспособлены к существованию.

Один из видов доивших тлей муравьев выделял фермент, тщательно втираемый в тлей во время доения. Этот фермент останавливал у них развитие крыльев, не позволяя тлям улететь.

Там, где люди использовали внешние средства – вроде заборов, – насекомые зачастую находили более элегантное решение. Биологическое решение.

У них ведь имелось достаточно времени.

Четко следуя своему плану, Белл каждый день кормил личинок и записывал свои наблюдения. И все равно первым это заметил опять же Коул. Когда Белл наконец понял, у него отвисла челюсть.

– Офигеть, – пробормотал он, глядя в свои записи.

Он кормил их по-разному. Насекомые, которые, будучи личинками, ели хлеб, теперь не имели крыльев, зато кое-как обросли хитином. Цвет у них получился тускло-красный, как ржавчина. Они скорее походили на жуков, чем на ос. Теперь, выбравшись из коконов, они по-прежнему предпочитали хлеб. Вегетарианцы, как и раньше, ели фрукты. Они отличались крупным телом, короткими конечностями и маленькими

крылышками. Когда они совершали неуклюжие перелеты по террариуму, их крылья издавали громкое жужжание. Белл представлял, как они вот так перелетают между столами с фруктами.

Мясоеды оказались самыми странными – кроваво-красными, с похожими на клинки крыльями, их ротовой аппарат отличался внушительными размерами и острыми краями.

– Они адаптировались, – произнес Белл. – Адаптировались к той пище, которую ели до этого. – Он недоверчиво покачал головой.

– Быстро же они учатся, – заметил Коул. Он двинулся к террариуму, собираясь любопытства ради засунуть палец к мясоедам, но Белл остановил его:

– Не надо.

Когда он показал этих существ Шоне, та спросила:

– Такое возможно?

– Они прямо перед тобой, – ответил Белл, хотя в глубине души и понимал: ее сомнения вполне оправданны. Миллионы лет эволюции в одном-единственном поколении. Ни один вид не может адаптироваться так быстро. Это напоминало какое-то дрянное кино. Лженауку. Невероятно. – Но вот они, перед тобой, – повторил он.

Насекомые жили больше месяца. Они жужжали, ползали или перелетали с места на место внутри своих террариумов. Затем они начали умирать.

Дольше всех прожили мясоеды. Вымирая, каждая популяция оставила яйца. Очистив террариумы, Белл вернул эти яйца на место и принялся ждать, что же из них вылупится.

Как-то вечером он возился на чердаке, проверяя, не загнило ли сено. Шона забралась к нему по лестнице и стояла за его спиной до тех пор, пока Белл не повернулся. А потом встала на цыпочки и поцеловала его.

Если бы зоопарк к тому времени не закрыли, все посетители бы не ушли, а Белл не знал бы наверняка, что никто не зайдет в конюшню, не говоря уже о том, чтобы вскарабкаться на чердак, все, возможно, произошло бы иначе. Возможно, Белл тоже поцеловал бы ее, потому что поцелуй – самое большее, что могло между ними произойти.

Но зоопарк был закрыт. Белл знал об этом. И все сложилось по-другому.

– Я не могу, – сказал он.

Она отстранилась.

– Но хочу, – добавил он.

Она смотрела на него, ожидая.

Внизу шумели лошади. Они пинали дверцы и разговаривали друг с другом на своем, лошадином языке.

Белл подумал о Лин, об их доме-трейлере.

– Не могу, – повторил он.

Когда Белл возвращался домой, его охватила тоска. Он ехал по темнеющему шоссе, следуя за светом фар своего автомобиля. Разгонял старую развалюху и наблюдал за тем, как стрелка спидометра подползает сперва к семидесяти, а затем к восьмидесяти. Входил в повороты, не переставая давить на газ. Шины визжали, но не теряли сцепления с дорогой.

В голове Белла крутилось кино о любви и ненависти. Он любил и ненавидел свою работу. Любил животных, но ненавидел условия их содержания. Ненавидел тот факт, что он не может жить на свою зарплату. «Когда ты молод, – думал он, – тебе говорят, что достаточно лишь получить диплом – и все остальное сразу станет на свои места. Но на самом деле все не настолько просто, не так ли?»

Все – абсолютно все – сложилось как-то не так.

Он подумал о своей семейной жизни, оказавшейся еще одним лабиринтом противоречий. Он устал от этого одиночества вдвоем. Он жаждал свободы, но не видел ни ее, ни даже выхода из сложившейся ситуации. Он чувствовал себя зверем, попавшим в капкан. Понимал, почему животные в таких случаях могут отгрызть себе ногу. Он постоянно представлял, как на него нападают грабители, а он начинает сопротивляться. И, когда на него наводят пистолет, он все равно отказывается подчиниться.

Он пока еще не знал, что думать о Шоне. Поэтому он о ней и не думал. Совсем.

Личинки оказались красные, будто брызги выплеснувшейся из раны крови сворачивались на коричневых камнях террариума. Яйца пульсировали, словно живые сердца, расплескивая странную новую жизнь. Белл смотрел на них через стекло. Везде одна и та же история.

Личинки около сантиметра в длину. Даже с учетом их маленького размера Белл видел, как движется их ротовой аппарат. Абсолютно одинаковый у всех. Различия, ставшие столь очевидными у взрослых насекомых, содержавшихся в разных террариумах, похоже, исчезли у следующего поколения. Личинки казались идентичными, словно кто-то их перезапустил. Видимо, склонностью к изменениям обладала лишь их взрослая форма. Белл достал пакет со своим обедом. Извлек яблоко, которое

разрезал на двенадцать частей. Одну из этих частей он бросил в первый террариум. Личинки среагировали мгновенно. Они кинулись к фрукту и жадно облепили его.

По утрам Белл первым делом кормил личинок.

Он решил превратить это в эксперимент. Стащил стикеры из комнаты персонала и наклеил их на каждый из шести террариумов. На каждом он написал по одному слову.

Личинок, помеченных как «фрукты», он кормил фруктами. Личинок с пометкой «мясо» – ломтиками мяса. А тех, кто получил метку «контрольные», – различной пищей.

Личинок со стикером «холод» он кормил так же, как и «контрольных», но каждый день оставлял на один час в холодильнике, пока сам занимался рутинной работой. Часа не хватило бы на то, чтобы их убить, а вот на их физиологию это вполне могло повлиять. Они росли медленнее своих соседей.

Если эти насекомые действительно способны адаптироваться к окружающей среде, Белл проверит, насколько далеко они смогут зайти. Увидит, только ли рацион влияет на их адаптацию.

Личинки с меткой «жара» жили в маленьком террариуме, стоявшем на полу у обогревателя. Белл дотронулся до стекла – на ощупь оно оказалось горячим. Температура определенно оказывала влияние на личинок, но они тем не менее продолжали расти, с каждой неделей увеличиваясь в два раза.

Жителей террариума, помеченного стикером «падаль», Белл кормил остатками крыс, которых приносили от беркута. Эти личинки оказались самыми интересными. Пробираясь в мертвую крысу, они выедали ее изнутри.

Чарлз Дарвин верил в Бога до тех пор, пока не изучил паразитирующую осу *Ibalia.* В своих заметках он писал: «В мире слишком много страданий. Я не могу убедить себя в том, что благодетельный и всемогущий Бог создал бы ос, питающихся изнутри живыми телами гусениц». Особенно мерзким Дарвин нашел тот факт, что личинки пожирали живую ткань постепенно и вся их трапеза длилась целых три года. При этом они до последнего сохраняли жизненно важные органы, как будто хотели продлить страдания носителей возможно дольше. Дарвин не мог вообразить Бога, сотворившего это.

А Белл мог.

Он подумал о механизме перезагрузки. Вообразил единственный вид с множеством фенотипов, уже закодированных в геноме, – целый каталог взрослых форм. Достаточно лишь толчка – и существо становится на один из возможных путей.

– Может, они, как слепые пещерные рыбы? – предположила

как-то вечером Шона.

Он следил за ее лицом, пока она смотрела через стекло.

– В ДНК пещерных рыб есть большинство необходимых генов для развития глаз, – произнес Белл. – Все, что нужно для хрусталика, сетчатки и века, все гены, кроме одного важного ингредиента, который запускает сам процесс возникновения глаз. Но если скрестить две популяции слепых рыб, могут получиться рыбы с глазами.

– Это нелогично, – сказала Шона.

– Логично, если слепота рецессивная, а популяции слепы по разным причинам.

– Но ты же говорил, что эти штуки не спариваются.

Белл, погрузившийся в свои мысли, проигнорировал эту фразу.

– Или они похожи на стволовые клетки, – продолжил он, – каждая из которых содержит гены для нескольких видов тканей, а затем, со временем, выбирает свой путь.

Он наклонился и постучал пальцами по стеклу.

– Как ты думаешь, откуда они появились? – спросила Шона.

– Наверное, завезли вместе с фруктами. С бананами. Из Центральной Америки. Я не уверен.

– Почему их нет в книгах?

– Миллионы видов насекомых не описаны и по сей день. К тому же, возможно, их уже описали. Одну из их разновидностей. Как тут можно быть в чем-то уверенным?

Выискивая причину не возвращаться домой, Белл решил по второму разу проверить клетки.

И обнаружил, что дверь туннеля, ведущего к лемурам, распахнута настежь.

Он сам запирал ее. И сам проверял.

Где-то в мозгу прозвенел тревожный звоночек.

Рано или поздно работники зоопарка обзаводились либо такими звоночками, либо шрамами.

Белл постоял, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте длинного туннеля, приходившего под мостом к острову лемуров.

В конце туннеля сиял свет, потому что дверь к лемурам тоже оказалась открыта. На фоне дверного проема темнел силуэт. Кто?..

– Эй! – выкрикнул Белл.

Появилось еще несколько силуэтов поменьше. Резкие, трясущиеся тени. Пять или шесть лемуров подпрыгнули, взвизгивая. Тень размахнулась, как питчер, и бросила что-то. Раздалось поскуливание. Лемуры взвыли и разбежались.

– Коул? – позвал Белл, входя в туннель.

Один из лемуров не убежал. Он вертелся на месте и щебетал.

Глаза Белла привыкли к темноте. Тень обросла деталями и обрела плоть. Коул.

В руке он держал горсть гладких белых камней, зрачки его расширились от ярости.

– Какого хрена ты делаешь? – заорал Белл.

– Они бросались в меня дерьмом. Своим проклятым дерьмом.

– О черт…

Коул обернулся, и его рука резко выпрямилась во тьме. Камень просвистел у самого уха и громко ударился во внешнюю дверь. Туннель откликнулся гулким эхом.

Белл замер.

Коул подошел к нему.

– Думай, как со мной разговариваешь, – произнес он, и на мгновение мужчины уставились друг на друга, ожидая, что произойдет датыне. Затем глаза Коула изменились – ярость исчезла, будто ее сдуло порывом ветра. Коул оттолкнул Белла и пошел прочь.

Лемур искал на ощупь дорогу к свету, к своему острову.

Белл пришел в себя, но не сказал ничего. Но ведь он должен что-то сказать, не так ли? Что-то же нужно сделать?

Он написал самому себе воображаемую записку: «Никогда больше не пускать в свою жизнь сумасшедших». Ни в коем случае.

Метаморфоза – это магия. И Дарвин тоже об этом знал.

Иногда это черная магия.

Превращение головастика в лягушку. Личинки – в осу. Друга – во врага.

Белл смотрел, как личинки едят. Они уже достигли приличных размеров. Некоторые – почти тринадцать сантиметров в длину, кроваво-красные, вымахавшие без всяких на то причин. Вскоре они начнут строить свои бумажные коконы. Превращаться в то, во что им положено.

Белл размышлял о преимуществах такого механизма адаптации. Возможно, этот запас адаптационного потенциала охранял их от излишне узкой специализации. Эволюция – процесс медленный, и, когда меняются условия, популяции реагируют далеко не сразу. Если отставание оказывается слишком сильным, не изменившиеся вовремя виды попросту вымирают.

Белл знал о нескольких видах островных ящериц, размножавшихся партеногенезом. Такие виды всегда оказывались юными и изолированными. Они – отклонение от основного пути эволюции. Большинство из них в конечном счете ждала гибель,

потому что половое размножение куда лучше подходит для создания следующего поколения. При половом размножении гены смешиваются, возникают новые фенотипы, частота генов смещается. Половое размножение перетасовывает генетическую колоду из поколения в поколение.

Виды, размножающиеся партеногенезом, с другой стороны, вынуждены снова и снова разыгрывать одну и ту же карту.

Но только не насекомые в задней комнате.

Они, похоже, выбирали из целой колоды, несмотря на партеногенез. Они стремительно адаптировались, изменяясь за одно поколение. А следующее поколение откатывалось назад. Этот шаг выглядел вполне логично – получалась уже не просто эволюция, а эволюция эволюции. Но как такое возможно?

Белл подумал о Коуле и других, подобных ему. Вспомнил дискуссии о роли воспитания и природных факторов в формировании личности. В другом времени и в другом месте Коул вполне бы мог приспособиться. В другом времени Коул, возможно, стал бы совершенно другим человеком.

Сегодня потомки викингов и монголов носят костюмы и руководят корпорациями. Становятся ветеринарами, водопроводчиками или пророками. Возможно, завтра или тысячу лет спустя им снова потребуется стать викингами или монголами.

Меняются популяции. Меняются нужды. Меняются оптимумы. И все это меняется куда быстрее, чем происходит отбор.

С точки зрения биологии одни и те же виды людей должны воспроизводиться снова и снова. Стабильные люди. Хорошие люди. Поколение за поколением, с четкой корреляцией между экспрессией и набором генов.

Но на практике все происходит совершенно не так.

Вместо этого человеческая природа пластична. В ней есть тщательно откалиброванная восприимчивость к травмам.

То, что кажется слабостью нашего вида, на самом деле является его важной чертой.

Потому что в некоторых случаях детство должно пойти наперекосяк.

Такова адаптационная реакция, вшитая в нас.

Те, кто не адаптируется, вымирают. Наборы генов, которые всегда производили одних и тех же людей – стабильных людей, хороших людей, вне зависимости от среды, вне зависимости от жестокости, – эти наборы генов всегда разыгрывали одну и ту же карту, снова и снова…

И они вымерли.

Остались лишь те, что способны меняться.

Мы не так уж и отличаемся от этих жуков.

Однажды за обедом Белл рассказал все это Шоне. Они сидели друг напротив друга, потягивая безалкогольные напитки.

– Эволюция эволюции?

– Да, – подтвердил он.

– Почему это произошло именно с насекомыми? – спросила она.

– Потому что они живут здесь дольше всех остальных, – ответил Белл. И тут же подумал о муравьях и тлях. О ферменте, препятствовавшем развитию крыльев. О том, как насекомые разбирались со своими проблемами. – Потому что насекомые всегда выбирают биологическое решение.

Белл избегал Коула целыми днями.

Он убеждал себя, что ждет подходящего повода для встречи с начальницей, чтобы рассказать ей о произошедшем в туннеле. Говорил себе, что не боится Коула, который может рассказать об их посиделках на крыше. Иными словами, он занимался самообманом, но хуже того – он не мог справиться со страхом, который испытывал перед Коулом.

«Это смешно, – говорил он себе. – Ты взрослый мужчина, профессионал».

С другой стороны, Коул представлял угрозу.

Может, ему удастся сделать так, чтобы Коул ушел, изменить его контракт, чтобы не пришлось ничего говорить начальнице?

Поразмыслив, Белл решил, что это наилучшее решение, так как в этом случае он останется на прежней работе и избавится от проблем.

Размышлял он на диване, лежа в трусах перед телевизором.

Когда по комнате прошла Лин, он увидел в ее глазах свое отражение. Выглядел он уличным бродягой.

Он знал, о чем она думала. «Какой же ты козел, что купил себе пива».

Его это не волновало.

Ее, кажется, тоже.

Она села на диван рядом с ним.

Так кем же он стал? Когда он перестал говорить, перестал что-то делать? Во что он позволил себе превратиться?

На следующий день Белл зашел в сарай следом за Коулом и произнес:

– Надо поговорить.

Коул снял со стены двухметровый секатор и повернулся к Беллу.

– Ну, – сказал он.

Белл что-то промямлил, разом забыв все отрепетированное вступление. Коул начал посвистывать и оперся на секатор, словно на колдовской посох.

– Я должен тебя заложить, – сказал Белл.

– Ты о чем?

– О камнях, которыми ты бросался в животных.

Коул посмотрел на Белла и сжал кулаки.

– Иногда я выхожу из себя. У меня крутой нрав, и я знаю об этом.

– Вот почему тебе нельзя здесь находиться.

– Слушай, я буду работать над этим. Я исправлюсь.

Белл покачал головой.

– Я просто предупреждаю тебя из вежливости. Я должен об этом сообщить.

– Нет, не должен.

– В противном случае ты уйдешь отсюда сегодня же и больше никогда не вернешься.

– Это не вариант.

– Ты можешь отрабатывать свой срок в другом месте.

– Мне нравится здесь.

– Зато тебе здесь больше не рады.

– А знаешь, что мне не нравится? Мне не нравится, что ты пытаешься мной командовать.

– Так или иначе, сегодня ты здесь в последний раз, – заявил Белл. – Либо ты уйдешь сам, либо тебя вышвырнут.

– На самом деле ты же не хочешь этого делать.

– Ты прав, не хочу, – признал Белл.

– Предупреждаю тебя. – Коул переменился в лице.

Не спуская глаз с заключенного, Белл достал рацию.

– Гарланд, – произнес он в микрофон. Из динамика раздался шум, затем голос:

– Да?

– Подойди-ка к сараю.

– В чем дело?

– Немедленно, Гарланд.

Коул оттолкнул Белла к стене настолько сильно, что у того клацнули зубы. В горящих глазах Коула вновь вспыхнула ярость. Ярость настолько сильная, что все остальное, похоже, для него потеряло значение. В рубашку Белла вцепились испещренные шрамами руки.

– Последний шанс, – сказал Коул.

Белл лишь улыбнулся, чувствуя, как что-то внутри него изменилось. Он неожиданно осознал, что страх остался позади, и произнес:

– Пошел в задницу.

От первого удара удалось уклониться, зато второй разбил ему бровь. Белл попытался ударить локтем, не попал, оба потеряли равновесие, Коул вцепился в противника, и в результате они упали и покатились, сцепившись, по грязному полу. Коулу удалось взять верх – он придавил ноги Белла и прошипел:

– А я ведь предупреждал. – На Белла обрушился град ударов, прекратившийся, лишь когда подбежавший Гарланд его оттащил.

С этого момента они дрались вдвоем против одного, но Белл не испытал по этому поводу никаких угрызений совести.

Начальница зоопарка составляла отчет. За ее спиной, у стены, стоял аквариум, по которому кружила рыбка. Начальница сплела пальцы и наклонилась вперед. Она не очень-то допрашивала Белла – считала, видимо, что поведение Коула говорит само за себя.

– Тебе, похоже, придется наложить швы, – заметила она.

Белл кивнул и потрогал бровь. Вот он и получил в зоопарке свой первый шрам.

– Его, конечно же, выгонят из зоопарка, – продолжила начальница. – И я буду настаивать на том, чтобы его отработанные часы аннулировали.

– Что с ним теперь будет?

– Против него, наверное, выдвинут обвинение.

– Я не хочу выдвигать никаких обвинений.

– Жестокое обращение с животными. С лемурами. Он вернется в тюрьму. – Начальница замолчала, потом добавила: – Как только его найдут.

Белл посмотрел на рыбку в аквариуме.

– Он говорил, что никогда больше не вернется туда.

Тем же вечером, закрывая зоопарк, Белл обнаружил прощальный подарок Коула. Сперва он заметил лишь приоткрытую дверь.

Задняя комната в замке.

После драки Коул поднялся на ноги, вытер кровь с лица и пошел прочь. Он направлялся к воротам. Даже несмотря на то что они дрались вдвоем против одного, силы оказались примерно равны, поэтому, когда он отступил и пошел прочь, Белл и Гарланд позволили ему уйти. Получилась ничья. Они думали, что Коул тут же покинет зоопарк. Но не тут-то было!

Он сделал крюк и вернулся к замку.

И залил в каждый террариум щелочь.

Несколько растоптанных ботинками личинок валялось на

полу.

От других остались одни высушенные оболочки. Лишь немногие еще извивались в белом порошке. Белл сделал шаг вперед, не переставая осматривать эту бойню. Он должен был догадаться. Догадаться, что именно так все закончится.

На пути домой Белла начал беспокоить тревожный звоночек.

Единожды появившись, этот звоночек работал везде.

На этот раз Белл не столько ощущал тревогу, сколько чувствовал: что-то не так. По мере приближения к трейлеру это чувство усиливалось. Сперва казалось, что это как-то связано с Коулом, но, когда он вернулся домой, стало ясно: Коул тут ни при чем. Что и говорить, Вселенная умеет выбрать момент.

Лин ушла.

Не так, как если бы она ушла в магазин. Ушла насовсем. Бросила его.

Она оставила записку, в которой все объяснила. Она винила его.

Белл выругался и услышат собственный голос будто издатека.

Поначалу он думал лишь об одном – она, похоже, ничего не взяла. Как будто во всей их жизни не нашлось ничего такого, что стоило забрать с собой. В своей записке она, похоже, выговорилась сполна. О нем. Об их жизни. Полный крах.

Он проворчат что-то.

Лин вполне может вернуться. Может, она еще передумает.

В конце концов, магнитофон действительно принадлежит ей. Она пользовалась им еще до того, как они переехали, а с тех пор они так и не смогли позволить себе купить новый.

Вздохнув, он вынул шнур из розетки. Будто во сне поставил магнитофон в раковину и открыл кран. Двигаясь, как зомби, он оставил воду и пошел обыскивать трейлер на предмет мелочи, чтобы купить пива.

Следующий месяц прошел как в тумане.

По округе циркулировали слухи. Поговаривали, что Коул покинул город. Полицейские продолжали поиски.

Нападение пережили лишь немногие личинки, да и те получили шрамы. Коул действовал очень тщательно, он залил щелочью даже тот террариум, что стоял на полу. В итоге коконы достроила лишь горстка личинок. Немного «контрольных». Несколько из террариума с пометкой «жара». Коконы у них, впрочем, получились кривые. Поврежденные. Эксперименту настал конец. Белл надеялся, что ему удастся хотя бы получить

несколько жизнеспособных особей, чтобы начать все заново. Если из коконов вообще хоть что-то вылупится.

Поговаривали также, что Коулу, когда его поймают, придется несладко, ведь список обвинений продолжал расти, а ордер на его арест становился все страшнее и страшнее. Ему грозил срок, немалый срок. Белл знал, что Коулу потребуется козел отпущения.

И он обвинит Белла, а тот обвинит зоопарк.

Несколько недель спустя, заезжая на стоянку, Белл увидел пожарные машины. К холму тянулись шланги. В небо поднимался столб черного дыма. Белл побежал. Он уже знал, что ожидает его впереди.

Замок пылал. Пожарные пытались сбить пламя, но Белл понимал: слишком поздно. Он представил, как запекаются животные, оставшиеся внутри. Представил, как шипит и лопается обожженная кожа, вообразил беззвучные крики умирающих змей, ящериц, жуков и лягушек. Представил, как его насекомые сгорают заживо.

Он огляделся в поисках Коула, на случай если мерзавец решил остаться и посмотреть на пожар.

Когда огонь потушили, Белл вошел в руины. Полный крах! Мертвые лягушки, змеи и ящерицы. В задней комнате он нашел почерневшие и треснувшие террариумы. Находившиеся внутри насекомые обуглились до неузнаваемости.

Все, кроме одного.

В террариуме, стоявшем на полу, с пометкой «жара», темнел кокон, лопнувший от высокой температуры.

Личинки внутри не оказалось.

Тело Коула нашли в тот же день, в траве за стоянкой. Белл смотрел, как его грузят в машину. Черный, распухший труп. Вряд ли он умер легко.

На его руках темнели мелкие ожоги, будто он слишком близко подошел к своему детищу.

Ожоги – и что-то еще.

Что-то вроде укусов.

Судя по тому, как он распух, умер он от анафилактического шока.

Не все сгорело в огне.

«Не все, что горит, сгорает дотла», – так когда-то сказал Коул.

Белл еще долго стоял, прислушиваясь. Пытаясь услышать гудение, будто от электрической лампочки, но так ничего и не услышал. Только ветер шумел в кронах деревьев.

Что бы ни убило Коула, здесь его уже давно нет. Белл лишь

хотел увидеть, во что превратилась личинка. Потому что на следующий год она уже станет чем-то другим.

На следующий год она превратится в плодожорку, осу или жука. Станет тем, чем потребуется.

Тем, чем ее сделает мир.

Приблизившись к дому, Белл вновь почувствовал, как внутри него шевельнулась тревога.

Кабель вновь отключили.

Эти придурки не знали еще, с кем связались. Белл пил уже вторую ночь подряд, и сейчас он почувствовал себя хищником.

Миновав девять трейлеров, он подкрался к кабельной коробке, открыл ее гаечным ключом и вернул свой кабель на место.

Вернувшись домой, он принялся щелкать по каналам в поисках чего-нибудь, напоминающего порно.

Спустя два часа заболел нажимавший на кнопку палец, а батарейка в пульте окончательно сдохла.

Он услышат, как открывается дверь.

Лин?

За секунду до того как дверь распахнулась, он вспомнил, что ее магнитофон все еще мокнет в кухонной раковине. Его охватил страх, нога дернулась. Но затем пиво вновь взяло власть в свои руки. Он откинулся на диване. Презрительно ухмыльнулся.

В дверном проеме обозначился силуэт.

Шона.

Ухмылка исчезла.

Она вошла молча. Какое-то время изучала его. Затем опустилась рядом, держа в руках пакет с готовой курицей.

Рука Белла, тяжелая и неторопливая, опустилась ей на бедро.

Она подняла ее еще выше.

Они не разговаривали. Даже телевизор сменял картинки в полном молчании.

Снаружи, за тонкими стенами трейлера, вылизывались и охотились.

ДЭМИЕН БРОДЕРИК
С ВЕТРОМ ТЕМ И С ТОЙ ВОЛНОЙ

Австралийский писатель, редактор, критик, футуролог, а также старший научный сотрудник Школы культурных коммуникаций при университете Мельбурна Дэмиен Бродерик опубликовал свой первый рассказ в антологии Джона Карнета «Новые научно-фантастические произведения 1» («New Writings in SF1») в 1964 году. В последующие десятилетия благодаря устойчивому потоку фантастических, документальных, футурологических и критических работ автор многократно становился лауреатом премий Дитмара и «Ауреалис». В 1970 году была напечатана первая повесть Бродерика «Мир колдунов» («Sorcerer's World.»), а ее доработанная версия вышла в Соединенных Штатах под названием «Черный Грааль» («The Black Grail»). Среди других книг следует отметить романы «Спящие драконы» («The Dreaming Dragons»), «Мандола Иуды» («TheJudas Mandala»), «Передатчики» («Transmitters»), «Полосатые дыры» («Striped Holes») и «Белый абак» («The White Abacus»), а также книги, написанные совместно с Рори Барнсом и Барбарой Ламар. Многочисленные рассказы Бродерика вошли в сборники «Человек возвращается» («A Man Returns»), «Темнота между звезд» («The Dark Between the Stars»), «Кости дяди. Четыре научно-фантастические повести» («Uncle Bones: Four Science Fiction Novellas») и «Двигатель. Научно-фантастические рассказы» («The Quilla Engine: Science Fiction Stories»). Кроме того, его перу принадлежит классическая футурологическая работа «Скачок. Как стремительно развивающиеся технологии преображают нашу жизнь» («The Spike: How Our Lives Are Being Transformed by Rapidly Advancing Technology»), критический обзор научной фантастики «Чтение при свете звезд. Постмодернистская научная фантастика» («Reading by Starlight: Postmodern Science Fiction»). В качестве составителя Бродерик выпустил нон-фикшн антологию «Годмиллионный. Наука на дальнем краю знания» («Year Million: Science at the Far End of Knowledge»), научно-фантастическую антологию «Земля – всего лишь звезда. Экскурсии через научную фантастику к далекому будущему» («Earth Is But a Star: Excursions Through Science Fiction to the Far Future») и три сборника австралийских авторов: «Машина духа времени» («The Zeitgeist Machine»), «Странные аттракторы» («Strange Attractors») и «Матильда со скоростью света» («Matilda at the Speed of Light»). Дэмиен Бродерик работает редактором в отделе художественной

литературы австралийского научного журнала «Cosmos», в каждом номере которого выходят фантастические рассказы.

Перед вами удивительное исследование границы между наукой и паранормальным миром. В этой истории наблюдающие издалека медиумы уведут читателя к ледяным просторам Титана.

> *«Ждать ли о Джеке моем новостей»?*
>
> *Не с этой волной.*
>
> *«Когда он вернется, скажите скорей»?*
>
> *Не с этим ветром и не с этой волной*[79].

Космический корабль был старым, невероятно старым, и весь покрыт цветами. Несмотря на резкий метановый ветер, в зарослях растений не шевелился ни один стебелек, ни один лепесток. Непроницаемая защита обеспечивала им не только сохранность от тлена и полный покой, но и неприкосновенность.

– Они живые, – сказал присланный флотом удаленный наблюдатель.

В дни моей молодости за одно только предположение, что в вооруженных силах может служить натренированный и технически оснащенный экстрасенс, легко можно было схлопотать увесистую оплеуху от старших по сроку службы или званию. Хотя еще в прошлом веке ЦРУ запустило программу удаленного наблюдения под названием «Звездные врата», о закрытии которой много говорили, но на самом деле перевели в разряд секретных операций. Этот наблюдатель был слепым, но видел лучше всех остальных при помощи других чувств. Почти так же видел и я, только несколько в ином смысле.

Он стоял у края огромного, украшенного цветами судна, выставив перед собой одетые в перчатки руки. Его пальцы едва заметно подрагивали, словно усики насекомого, улавливающего феромоны.

– Удивительно. Эти цветы еще живы, хотя прошло… сколько миллионов лет? Я пока не могу проникнуть внутрь, но это я вижу даже сквозь стационарный экран.

– Это то же самое, что и, ну… стазис-поле? – спросил я стоящего рядом мастер-сержанта флота.

Повернувшись в ее сторону, я неуклюже покачнулся. Двумя днями раньше я побывал на Ганимеде и земной Луне, а теперь попал в совершенно другой мир, вращающийся вокруг еще одного неизвестного мне мира. Дородный человек, как я, не должен весить так мало, особенно когда желтовато-розовая атмосфера

Титана давит на меня всего вполовину слабее, чем атмосфера Земли. Это противоречит природе. Даже в облегающем скафандре и с воздушным резервуаром за спиной я весил всего около восемнадцати килограммов – примерно сорок фунтов. В десять раз меньше, чем дома.

– Стазис-задница! – рявкнула она. – Это чушь, выдуманная фантастами, техноболтовня журналистов. Как и твой… – К счастью, она не закончила фразу. – Здесь только чистая наука.

– Как жаль.

– И прошу, больше не говори, пока тебя не спросят, сенсей Парк. Мы не хотим сбить мистера Мигла со следа.

Открыв поразительно голубые слепые глаза, наблюдатель рассмеялся. Звук пробудил странное эхо в его скафандре и в нашей акустической линии связи. На снежно-оранжевой поверхности Титана так вели себя все звуки.

– Пусть болтает, Марион. Я включился в контур. И чтобы отцепить меня от этой малышки, тебе пришлось бы отрезать мне голову и выдернуть спинной мозг.

В голове мелькнула праздная мысль: как бы они реагировали, если рассказать им, что в некоторой степени мы попали сюда из-за меня. Наверное, сочли бы сумасшедшим. Мою роль в разработке переходного функтора[80] скрывали не менее тщательно, чем создание американского управления стратегических служб в 1945 году, задолго до того, как ЦРУ связалось с провидцами. Возможно, эти люди и сейчас считают меня чокнутым. Да, это я указал место, где искать древний корабль, но свидетельства удаленного наблюдателя у меня не было, так что случай сочли простым совпадением. И правильно.

А я, глядя на звездолет, ощущал его воздействие, чувствовал, как меня притягивает нечто, скрытое под стационарным полем и цветочным покровом.

Корабль на Титане тянул меня за мой абсурдный, причиняющий неудобства, тщательно засекреченный дар еще с тех пор, как я пятилетним ребенком бегал по улицам Сеула, играл в футбол с «Красными дьяволами» и постигал основы английского и математики. Подходящая метафора для случая, когда ребенок сумел обратить внимание на основу безумной Вселенной и вызвать взаимодействие. Мой сын, маленький Сонг-Дэм, примерно в том же возрасте, что и я, когда впервые ощутил зов звездолета, погребенного под тоннами замерзшего метана и этана, начал мучить меня вопросами.

– Папа, если свет – это волны, могу ли я на них покататься?

Милый гениальный ребенок!

– Нет, мой сыночек, – говорил я. – Все немного не так. Свет

больше похож на волну мексиканских футбольных болельщиков или даже на взрыв возмущения.

Я вытаращил глаза, поднял руки, а потом резко их опустил.

– Бум!

Сонг засмеялся, но вскоре снова стал серьезным.

– Если это волна, то почему же некоторые люди говорят, что он состоит из пучков?

– Ну, ты же знаешь, что футбольная волна – это огромное множество болельщиков, которые то встают, то снова опускаются на скамейки.

Мой ответ не удовлетворил ни его, ни меня, но ведь ребенку было еще только пять лет.

Позже я долго думал об этой волне, представлял себе, как она появляется, растет к середине и снова сходит на нет. Проследите за ней по всей трибуне, и вы получите модель быстро движущейся частицы. Но вы не увидите движения настоящего фотона, он уже тут как тут, его бортовое время от запуска до затухания дробится и сжимается в одну мгновенную вспышку в бесконечной Вселенной. Да, в один миг вы можете перенестись на Луну, или Ганимед, или даже на Титан. Просто надо знать, как зацепиться за волну (и намного позже я научил их). Точно так же и мистер Мигл издалека рассматривает этот наглухо закрытый космический корабль. Физика – все вокруг буквально пропитано ею!

– В камере релаксации «Гюйгенса» я получу больше информации, – произнес Мигл. Он выглядел абсолютно спокойным, словно только что вышел из резервуара погружения, но слепые глаза слабо подергивались. Я смотрел на его лицо сквозь щиток, как будто на наших головах не было никаких шлемов. Этот человек беспредельно устал. – А скажите мне, мистер Парк, – произнес он, когда мы направились к вездеходу на больших колесах, – каковы ваши собственные впечатления?

Он осторожничал, стараясь не загружать мой мозг своими выводами, и мне это понравилось.

– Кто-то, или что-то, настолько увлекающийся цветами, – рассудительно произнес я, – не может быть абсолютно плохим.

На «Гюйгенсе» мне предоставили снаряжение, изготовленное специально для меня. Дело в том, что я широк в кости, да и вес набрал немалый. Но освобождение от скафандра прошло удивительно гладко, и я облегченно вздохнул. В этих мягких костюмах учтены все потребности простых смертных, но осуществлять некоторые из них казалось мне унизительным, да и запах надолго оставался внутри, поэтому я старался сдерживаться. А мы проводили на поверхности несколько часов

подряд. Гигиеническая установка окатила меня водой, потом своим сухим мягким языком промокнула дородное тело, удаляя остатки пота, присыпала пудрой и наконец отпустила меня. Надев свой довольно неприглядный костюм, я отправился в пищеблок. Я жутко проголодался.

Потолочный и настенный экраны, как это ни банально, показывали увеличенное втрое изображение Сатурна, шириной в четыре ладони, повернутое так, чтобы во всем великолепии представить его кольца. А я только что смотрел на этого гиганта в реальности, и между нами не было ничего, кроме защитного слоя скафандра и около миллиона километров открытого космоса над светлой поверхностью Ксанаду[81], где мы стояли. Поскольку наша экспедиция почти достигла экватора, кольцо Сатурна проявлялось в фотоумножителе шлема лишь тонкой мерцающей линией, протянувшейся вправо и влево от планеты, и не производило особого впечатления. Без аппаратуры мы бы вообще ничего не заметили. И даже при полной активации приборов атмосфера оставалась туманной.

А грандиозное изображение на стене, вероятно, поступало с одного из полярных спутников, осуществляющих наблюдение за огромным соседом. Постоянные наблюдатели, видя одну и ту же картину и с «Гюйгенса», и с «Гершеля» на Северном полюсе, не переставали жаловаться на однообразие. Мне всегда казалось это надуманной отговоркой, ведь на протяжении двухнедельного цикла менялись фазы солнечного освещения огромного газового шара: тончайшие оттенки цветов, соотношение света и тени… Впрочем, в основном там работали ученые и военные, чего еще можно от них ожидать?

Я загрузил тарелку вполне съедобной говядиной по-бургундски, приготовленной в специализированном кухонном принтере, уселся за стол, где жевали и болтали несколько моих новых коллег, и, окинув всех добродушным взглядом, принялся за еду. В этой тошнотворно низкой силе тяжести имелось одно преимущество: я мог не опасаться, что этот длинный тонкий стульчик развалится подо мной, опрокинув мой значительный торец на пол. На Земле такое порой случалось. Но никто не насмехался надо мной. Уже давно.

– Сенсей, – заговорила японский биолог Наташа Хсай с едва уловимым раздражением. – Не присоединитесь ли вы к нам за ужином?

Я не стал упоминать ее звания, хотя не хотел проявлять неуважение. Все эти умники имели за плечами не меньше двух докторских степеней, поэтому их заслуги были очевидны.

– Спасибо, Наташа, думаю, так и поступлю. – Я принялся за

вторую порцию виноградного лука. – Отличная кухня, экспедицию ни в чем не ограничивают. Но так и должно быть, ведь вы проводите здесь колоссальную работу.

Несколько приятно удивленных спецов переглянулись между собой. Они явно были высокого мнения о себе. Симпатичный на вид темноволосый парень, сидевший во главе стола, деликатно откашлялся.

– Так вы побывали снаружи с целью засвидетельствовать свое почтение «Энигме», мистер Парк?

Благодаря досье, изученным перед отлетом с поверхности Юпитера, я узнал под неряшливой густой бородой ведущего специалиста по молекулярным технологиям Антонио Каэтани.

– Только что вернулся, доктор Каэтани. Великолепное зрелище. Как раз в моем вкусе.

– Просто Тони, – пренебрежительно бросил он. Сидящие за столом снова обменялись взглядами. Этот парень решил идти напролом. Что ж, это говорит в его пользу. – Если я не ошибаюсь, ваш вкус подпитывается субсидиями Института РД.

С таким непримиримым отношением я, конечно, сталкивался и раньше, особенно со стороны упрямых ученых традиционного толка. Я даже отчасти мог понять его негодование. Похоже, что, с его высоконаучной точки зрения, работе команды мешал бредящий псих, поддерживаемый деньгами правительства. Как будто астронома из группы поиска внеземного разума вынудили сотрудничать с жертвой похищения, подвергшейся анальному зондированию, или в проект исследования протеома ввели убежденного креациониста. Я пожал плечами.

– Эй, Тони, отстань от человека, – воскликнул Мансур Косроджерди, иранский эксперт по артефактам. – Дай ему хотя бы поесть. – Его борода была еще гуще и темнее, чем у Каэтани. Да, температура снаружи достигала двухсот градусов холода по Цельсию, но эти люди старались возвеличиться самым нелепым образом. Неужели они воображали себя участниками обреченной арктической экспедиции? – Мы можем заняться идеологической грызней после сыров и хереса.

– Не стоит щадить мои деликатные чувства, – сказал я, сопровождая слова добродушным смехом.

Я потянулся к графину с красным вином, сверкающим в золотистых лучах Сатурна, словно рубин. Сидящая справа от меня женщина – специалист по теории струн Джендай Шамба – перехватила графин уверенным движением мускулистой и черной, как ночь, руки.

– Позвольте мне, сенсей.

– Вы очень любезны, спасибо. Но давайте общаться по-

дружески, без лишних формальностей. Зовите меня Мыэонг-хью. – Я широко улыбнулся, заметив ее замешательство, а затем громко рассмеялся. – Нет, это слишком трудно выговорить. Все в порядке, называйте меня просто Сэм, дорогая. И все остальные тоже.

– Сэм.

В столовой повисло неловкое молчание, нарушаемое скрипом пластиковых приборов по тарелкам. Я доел вкуснейшую говядину, поставил посуду на поднос, отпил еще пару глотков удивительно насыщенного и выдержанного шираза и наконец добрался до лимонно-имбирного десерта, украшенного фисташками.

– Решение пятьдесят три, вот мое личное мнение, – с полным ртом пробормотал я. – Естественно, это мое предварительное заключение.

– Там, очевидно, нет ни знакомых нам роз, ни нарциссов, ни фиалок или орхидей. Но цветы, рассеянные по всему кораблю, безусловно произошли от земных видов, изменившись в соответствии с климатом и в процессе естественной эволюции, – сказала Наташа Хсай. – По крайней мере, такой вывод напрашивается после осмотра.

– И он исключает решение пятьдесят три, – быстро добавил Антонио Каэтани. – Растения такой сложности не появлялись на Земле в процессе эволюции до современного периода. Возможно, даже до тех пор, пока не были искусственно выведены людьми вследствие подъема сельского хозяйства.

– О, давай не будем упрощать, Тони, – воскликнула Наташа. – Насекомые-опылители, ящерицы и прочие существа самостоятельно определяют биологические виды без чьей-либо помощи. Да, могу вас заверить, что в ранние эпохи люди безжалостно истощали почву ради пропитания и только намного позже они стали культивировать цветы, особенно те, что нравились им. Теперь это наши ботанические питомцы, они заставляют нас улыбаться и чувствовать себя лучше.

– Это половые органы, оснащенные ароматом, – заявил Каэтани. – И они выполняют свою функцию.

Я ненадолго отвлекся от еды.

– Первые цветущие растения, – заметил я, – появились эволюционным путем шестьдесят пять миллионов лет назад, перед катастрофой, в результате которой образовался кратер Чиксулуб. Любопытное совпадение, приблизительно в то же время, как уже было установлено, с лица Земли исчезли динозавры. – Не было необходимости разъяснять это обстоятельство, в конце концов, здесь присутствовали только

компетентные специалисты. – Позвольте вам напомнить, что почву обрабатывали не только люди. – Я вдруг понял, что сыра уже не хочу, и отодвинулся от стола. – Здесь позволяется курить? Есть желающие выпить портвейна с хорошей сигарой?

– Нет, – резко ответил Каэтани. – Сенсей Парк, мы ученые, а не мистагоги. Должен признаться, ваше присутствие на «Гюйгенсе» меня сильно озадачило. – Джендай Шамба дернула его за рукав, но он только отмахнулся. – Я считаю оскорблением для себя тот факт, что Империя пригласила сюда на Титан какого-то шарлатана из Института Разумных Динозавров. – Шамба под столом наступила ему на ногу, ее решительные действия по поводу моего определения и занятий меня очень удивили. – Больше мне нечего вам сказать.

Каэтани надменно отвернулся, придвинул к себе тарелку с десертом, зачерпнул полную ложку тирамису и сильно ткнул ей себе в левый глаз.

Я чуть заметно приподнял бровь, вздохнул, поднялся со своего места, собрал на поднос пустые тарелки и пластиковые приборы и отошел от стола. Надеюсь, он не ослепнет на этот глаз. А что еще мне оставалось делать?

Говоря научным языком, я представляю собой этиологическое искажение. Другими словами, во мне есть нечто, не согласующееся с причиной и следствием. Я независимый сгусток невероятности. Если вам угодно, можете назвать меня колдуном или чокнутым, это намного проще выговорить. Но если я услышу, есть вероятность, что вы в темноте споткнетесь о детский велосипед или наткнетесь на открывающуюся дверь и что-то себе сломаете. Не то чтобы я обращал внимание на подобные выпады, но вот мое подсознание… Ничего не могу с этим поделать, так что извините.

В столовой поднялся шум, кто-то вскрикнул, но я махнул рукой, лег в постель и уснул, как делал это на протяжении пяти лет, словно неприкаянная душа. Мой дар или проклятие не позволяет мне оставаться в стороне от того, что меня окружает. Печаль кружилась в водовороте снов. Сонг-Дэм и – как это часто бывало в последнее время – доносящиеся из глубины полутора прошедших столетий гулкие мрачные голоса. Они звенели в моей голове, я читал их на страницах древних книг, обнаруженных в покинутых библиотеках, где пахло гарью, и пытался обрести тишину, словно старый растолстевший пес, страдающий от невыносимой боли. Голоса звучали на английском, этот язык был мне знаком так же хорошо, как и родной. Сначала я учился ему на улицах, а затем совершенствовал в школе для одаренных детей. Я ничего не знал об авторе, лишь чувствовал, что это

человек, всецело принадлежащий своему времени. Его слова нашли отклик в моей обожженной душе. Вероятно, и ему была хорошо знакома эта боль, и он пытался ее успокоить.

У звезд – шепнет она, – нет глаз,
А небо – словно в паутине;
Из нашей местности пустынной
Закатный слышен солнца глас:

«Природы образ нашей всей
С мелодией ее густою –
Лишь эхо от меня глухое,
Пустая форма из теней»…[82]

Я проснулся утром (по времени Земли, выверенному по Сеулу, GMN + 9 часов), как всегда, в одиночестве, просто полая форма, и, как обычно, жутко голодный.

После обильного завтрака отправился понаблюдать за работой Мигла в замкнутом контуре – с аудиовизуальной записью, предоставляемой для экспертизы, исследований и архивации военными системами слежения. Сегодня он, положив руки на колени ладонями вверх, сидел в позе для медитаций на полу небольшой комнатки, похожей на часовню неизвестной религии, если только святилища могут быть оснащены голографическими дисплеями с голосовым управлением (не исключено, что так оно и есть, я далеко не религиозный человек). Дыхание Мигла было медленным и равномерным, вероятно, так он старатся обрести необходимое для работы спокойствие. Открытые слепые глаза неподвижно смотрели куда-то вдаль, вероятно, в темно-синюю глубину исследуемого объекта. Вокруг головы терновым венцом торчали бесчисленные щупы датчиков, регистрирующих квантовое состояние его головного и спинного мозга, его медитативное сознание.

– Смотрю на судно сверху, – пробормотал он. – Все еще не могу' найти путь внутрь. Пока не могу.

Уголки его губ чуть заметно приподнялись. «Побеждает тот, кто не боится рисковать, – вспомнилось мне. – Всегда верен. Ура-ура!» Что ж, его необычные способности и правда требуют спокойствия и сосредоточенности. А мой сомнительный дар проявлялся сам по себе.

– Возвращайся к сигнальному канату, – раздался чей-то скрипучий голос.

Но в комнате кроме Мигла никого не было. Я предположил, что это его руководитель. Или оператор, неизвестно, как у них это

называется.

– Физически он слеп, это мне понятно, – обратился я к офицеру медицинской службы, сидящему рядом со мной в будке наблюдения. – Но не может ли отсутствие представления об объекте послужить некоторой помехой в его догадках?

– Удаленный наблюдатель не выдает догадок.

– Я не хотел никого обидеть. Я имел в виду искажения, вызванные предвзятым мнением, кажется, это называется фронтальной загрузкой. – Ну, к примеру, это дурацкое стазис-поле. Можно ли быть уверенным, что в результатах не будет примеси чепухи из комикса, который он читал в детстве?

– Мистер Мигл давно преодолел эти трудности, мешающие новичкам, – недовольно отрезал медбрат, явно раздраженный моей бесцеремонной болтовней. Коротко подстриженные седые виски и решительный взгляд выдавати в нем ветерана войны в… Я поспешно отогнал эту мысль. – Полковник может позволить себе отклониться от последовательности, предусмотренной традиционных протоколом. Что он и делает, когда его это устраивает. – Я кивнул и пробормотал что-то, давая понять, что полностью согласен. Вероятно, его это успокоило, и он пояснил: – Это обеспечивает полиномиальность пути поиска.

– Гм.

Я устроился поудобнее и стал смотреть, как в трехмерном голографическом изображении формируются и изменяются предварительные образы. Невидимый лазер повторял движения пальцев Мигла и создавая эскизы. Со стороны было видно, что он мысленно бродит вокруг корабля в замерзшей пустыне Титана. Кинестетическая проекция. Состояние психики, вероятно, недоступное зрячему человеку. Или это просто причуда, моя обычная сентиментальность толстяка?

– Я спускаюсь, меня увлекает сила притяжения, – донесся голос удаленного наблюдателя.

Его слова прозвучали неразборчиво, словно во сне. Я увидел, как вздрогнули его плечи, словно Мигл чуть не упал вперед.

– Проснитесь, полковник, – без тени упрека произнес тот же посторонний голос. – Вы дремлете.

– Он соскальзывает во Вторую Фазу. Это гипнотическая миоклония. Конвульсивные спазмы.

– Я не спал со вчерашнего дня, – пожаловался Мигл, тряхнув головой. – Вот оно. Я внутри.

На экранах, воспроизводящих интерпретацию его психического видения или ощущения, вспыхнули визуальные шумы. Странно, но эти небрежные наброски очень похожи на шестиугольные соты пчелиного улья. Они дрожали, сжимались, а

затем выстраивались в некоторое подобие закругляющегося коридора. Компьютерные программы улучшали изображение, используя архив личных символов Мигла.

– Аналитическое наложение, – тоном ментора произнес оператор.

– Я не… Нет, это именно то, что я воспринимаю. Господи, Чарли, это такое древнее сооружение. Миллионы лет. Десятки миллионов.

– Покажи мне что-нибудь из Третьей стадии.

– Это сверхъестественная красота, старик. Но чуждая нам. Никаких насекомых, я абсолютно уверен.

Перехлестывающиеся изображения развернулись вперед, как будто снимались установленной на плече камерой. Так вот как видят незрячие люди? Согласно досье, Мигл был слепым от рождения. Возможно, в этом нет ничего удивительного. Слепота заставляет трансформироваться корковые и подкорковые ткани, предназначенные эволюцией для фиксирования и распознавания образов – это большая затылочная доля мозга, бороздчатый участок зоны VI вплоть до височной, с нейронными цепочками, передающими сигналы от сетчатки в мозг, где они интерпретируются и преобразуются в некоторое подобие бинарного кода. Его восприимчивый, тренированный мозг использовал освободившиеся возможности, модифицировал свои функции и приемные каналы. Наш мозг – это настоящее чудо! Я прислушался к своим подсознательным суждениям и вдруг удивился, насколько все это меня взволновало. Словно запутался в какой-то липкой паутине… Непонятное беспокойство все больше и больше возрастало, как будто желудок срочно нуждался в очистке. Мигл надолго замолчал. Опять задремал? Нет, конструируемое на экранах изображение скользило мимо нас, временами расплываясь или распадаясь на отдельные детали.

В своем бестелесном путешествии, как бы оно ни называлось, он двигался по коридору.

В огромном мягком кресле что-то сидит. О боже!

– Боже! – громко воскликнул Мигл.

Маленькие зеленые индикаторы на одном из дисплеев превратились в яркие желтые огоньки. Гистограмма мигнула красным светом. Медбрат, не говоря ни слова, защелкал переключателями.

– Браво, полковник, – откликнулся оператор.

Певучую монотонность его равнодушного голоса нарушили нотки триумфа.

Мое этиологическое ощущение тотчас себя проявило. Я резко выпрямился и нагнулся вперед, предчувствуя рвоту. Мигл делал

то же самое; кабели затянулись вокруг его шеи, от гладко выбритого черепа отцепилось несколько датчиков. Воображаемая точка зрения немного сместилась, и на экране возникло огромное кресло, в котором интерпретирующий компьютер нарисовал сидящее существо с удлиненной мордой, глубоко утопленными глазами и когтистыми лапами, обхватившими рукоятки управления в подлокотниках.

Картинка расплывалась и дрожала по мере появления все новых деталей, а вокруг меня завыл причинный вихрь. Но нет, я ведь искал не этого дракона. Он то исчезал, то снова появлялся. Машинное изображение через воспоминания и восприятие Мигла было обращено прямо ко мне. И мертвое существо, это древнее создание в древнем корабле, оно… Невероятно. Иллюзия и горе. И нечто еще. Конечно, я узнал это любимое лицо еще до того, как неповоротливый луч, разрывающий мне сердце, нарисовал его на экране. Человек. Лицо, местами обгоревшее до костей, страдальческий взгляд, безмолвный рот, решительно сжатый даже после смерти. В покрытой пятнами форме ООН, с нашивками лейтенанта Корейской империи на воротничке.

– О боже, – простонал я.

А потом меня все-таки вырвало, словно напившегося школяра.

Уголком слезящегося глаза я заметил, как в своей камере конвульсивно дернулся Мигл. Казалось, он смотрел прямо на меня своими слепыми голубыми глазами.

С основного экрана голографический образ тоже глядел на меня – созданный словами и подвижными пальцами удаленного наблюдателя, ритмами его мозга и сохраненными в архиве стереотипными идеограммами – он смотрел из могилы, вырытой пять лет назад. Сонг-Дэм. Мой сын. Мой бедный мальчик. Мой погибший герой. Я плакал, вытирая испачканный рот, и никак не мог остановиться.

«Гюйгенс», конечно, не является частью Империи, это научная станция, как и «Гершель», и другие базы на Титане, но в финансовом отношении она подчинена Корее, так же как и Зимбабве, Бразильское супергосударство, Кэмп Барсум (как вы догадались, на Марсе) и еще несколько поселений на Луне и Ганимеде. Так что, пока приказ от мистера Кима, моего спонсора, не пришел на Титан, его покровительство оставалось весьма важным фактором. Интерес к загадке динозавров проявился у военного диктатора, еще когда он молодым студентом изучал палеонтологию в Антарктике, где до раскопок «Энигмы» находились все вызывающие сомнения находки. Этот интерес он сохранил и в зрелом возрасте, и, как кое-кто утверждал, в

старости. Он будет чрезвычайно доволен.

Доктор Каэтани, как ни странно, совсем не удивился. Сеанс удаленного наблюдения изучили уже все, и не раз. В боксе, откуда мы наблюдали за Миглом, не было никаких записывающих устройств, поэтому моя роль и участие в сессии определялись только предположениями. Но видео восприятия Мигла отчетливо показывало результаты: облик чужака или ископаемого существа, а через мгновение на него наложился печальный образ моего погибшего сына. Я уверен, что Каэтани мои страдания и потрясение казались лишь частью напыщенного спектакля, недостойной попыткой оставить свой след в историческом событии.

– На данный момент нам известно ничуть не больше, чем неделю назад, – прямо заявил он. – И легковерие некоторых из моих коллег вызывает у меня откровенное беспокойство.

– Ископаемое существо… – начала было Джендай Шамба, но он мгновенно прервал ее.

– Изображение можно было бы считать достоверным, если бы не удручающее вмешательство в сеанс погружения мистера Парка, переживающего трагическую гибель сына. Никто не сомневается, что мистер Парк, как действующий полтергейст, способен вызывать видения и влиять на работу сложной электронной аппаратуры. Именно поэтому он и присутствует здесь, несмотря на мои возражения. – Каэтани сделал глубокий вдох, и кожа под роскошной бородой покраснела. – Погибшего сына на борту этого артефакта юрского периода нет и быть не может, и я уверен, в этом все со мной согласны. По тем же причинам и капитаном космического корабля не может быть динозавр, чье изображение было внедрено в видеоряд предвзятым воображением мистера Парка.

– При всем моем уважении, ты заходишь чересчур далеко в своих выводах, Тони. – Этого человека я до сих пор не встречал. – Притормози, ладно? Удаленное наблюдение – это не точная наука и даже не заслужившее общее признание искусство. Напоминая об этом, я ни в коей мере не хотел бы задеть чувства полковника Мигла. Нам ничего не известно об этом процессе, кроме того, что в нем участвует нелокальность квантового поля, вызываемая деятельностью мозга. Печально известная нестабильность обусловлена тем, что в процесс могут быть вовлечены посторонние мысли, которые вносят свою долю информации… но утверждать, что совокупный результат является достоверным, знаковым, мифологическим или откровенно фантазийным, после первого же просмотра никак нельзя. Отвергать результаты работы, бросаясь словами вроде

«эмоциональное расстройство» или «полтергейст», было бы непростительной небрежностью. Прежде чем утверждать, что находится внутри корабля, я предпочту дождаться более полной информации.

– Чушь! – сердито воскликнул Каэтани.

Такого возражения мне здесь пока не приходилось слышать. Потом выступили еще несколько человек. Мигл сидел в стороне от остальных, устало прикрыв слепые глаза. Мне хотелось подойти к нему и просто посидеть рядом, сохраняя уважительное и сочувственное молчание. Но вместо этого, как и полагалось, я сидел и тоже молчал, выслушивая бесплодные и формальные доводы и бесконечно повторяющиеся теории когнитивного реструктурирования.

Я видел своего погибшего сына. Я видел ископаемое существо, сидящее в кресле. Если причина – это омут хаоса и порядка, смешанных с намерением и физическим действием, то я (и никто до сих пор не объяснил почему) – это маленький брусок динамита, выбрасывающего при взрыве на берег случайных рыбешек. Бр-р-р… Какая жуткая картина. И Сонг-Дэм погиб в пламени бессмысленных взрывов, но не от моей руки. Но разве не я послал его навстречу смертельной опасности? Навстречу гибели? Конечно, *я*. Даже не многословными убеждениями и запретами, а беспредельным скептицизмом, постыдным презрением к патриотизму. И к чему нас это привело? Я, покинутый и одинокий, утратил связь со своим народом. Он уничтожен, как рыбка взрывом в маленьком пруду, откуда он не смог или не захотел выбраться. Я застонал и заворочался на стуле, как всегда слишком маленьком для такой туши.

– Сэм? Вы ничего не хотите сказать?

Я огляделся и встретил выжидающие взгляды.

– Нет, ничего. Все, что я мог бы сказать, уже обсудили и сочли не стоящим внимания. – Эти слова прозвучали как-то жалобно и эгоистично, так что я захлопнул рот, но разгоревшийся в душе гнев заставил меня снова его открыть. – Я скажу только одно. И не стану за это извиняться. Мы собрались здесь, – я обвел жестом и сидящих за столом людей, и станцию, и Титан, – потому что много лет назад, еще на Земле, я заметил в этом месте причинную аномалию. Мы оказались здесь потому, что военные и удаленные наблюдатели трех миров согласились отыскать и изучить этот корабль. Но главной причиной стало желание премьера Кима проверить гипотезу, выдвинутую научным сообществом, которое я представляю. – Набрав полную грудь воздуха, я продолжил: – Насколько я понимаю, результаты работы полковника Мигла полностью подтверждают предположения

Института Разумных Динозавров. Мне жаль, если мое присутствие испортило вам настроение, но напоминаю: если бы не я, сегодня никого из вас здесь бы не было. Так что можете отстать, договорились?

Я пошарил у себя в кармане, достал батончик «Марс», развертел его и засунул в рот.

Вскоре после восьмого дня рождения Сонг-Дэма – его мать к тому времени уже вернулась в закоулки квартала красных фонарей, откуда мы оба вышли, – я взял его с собой в деловую поездку в Пало-Альто. Целью командировки, конечно же, было подтверждение моего нелепого дара, моего личного полтергейста и его связи с причиной и следствием. Несколько биофизиков из Стэнфорда каким-то образом сумели отсеять мусор из журналистских историй обо мне как о самом счастливом или несчастливом человеке и заинтересовались необычным явлением. Финансирование было небольшим, но я сумел их убедить, что несу ответственность за сына и без него никуда не поеду.

После изматывающего перелета из международного аэропорта в Инчхоне через Тихий океан нам пришлось пройти нелепые и унизительные проверки службы безопасности США, и это несмотря на то что в аэропорту нас встречал аспирант, вынужденный полдня болтаться в зале прибытия с табличкой на двух языках. В конце концов я нечаянно привел в действие всевозможные системы сигнализации, и нас задержали до тех пор, пока один из ведущих профессоров не приехал, чтобы за нас поручиться. После чего мы поселились в безликом уродливом многоквартирном доме, где все было сделано из полиуретана, притворявшегося мрамором. Через стену из соседней квартиры доносилось унылое бормотание телевизора.

Как только мы немного отдохнули, я повел Сонга на прогулку, чтобы он мог ощутить атмосферу этого чужого мира – Америки. Уже через три квартала (на этот раз я не зря доверял своим ощущениям) мы обнаружили магазин корейских продуктов. Там выяснилось, что от скромного жилища моих родителей в Нангоке – еще в начале XX века, когда он представлял собой жалкие трущобы на холмистой окраине Кванакку, южного района Сеула, – рукой подать до фамильных владений хозяина этого заведения. А потом вместе с четой Квон и тремя их детьми отправились запускать змеев в ближайший парк.

Я помог Сонгу размотать бечевку. Нам достался красно-золотой ромб, разрисованный под дракона (как оказалось, подарок нам обоим – спасибо, мистер и миссис Квон!). Некоторое время дракон метался на привязи из стороны в сторону, а потом стремительно взмыл в темнеющее голубое калифорнийское небо.

Бечева натянулась. Сонг от неожиданности разжал пальцы, но я удержал веревку, и через мгновение он снова крепко ухватился за катушку, поставив свои руки рядом с моими. Я увидел, как наши руки и парящего в вышине яркого дракона связывает светящаяся струна.

– Посмотри, папа! – взволнованно закричал мой сын. – Наш дракон летает в щучке фотонов.

В этот момент как будто сам Будда врезал мне в ухо, и меня осенило.

– Думаю, я смогу убрать барьер, – сказал я руководителю операции, серьезному парню с тяжелой челюстью по имени Намгунг. Он почти наверняка был политической креатурой, но при этом имел две ученые степени в области геологии и астробиологии. Земля и небо, подумалось мне, но я сумел удержаться от улыбки. – Я, вероятно, сумею преодолеть защиту. Вопрос в том, осмелюсь ли я это сделать?

– Да. Конечно. Кто знает, что может попасть в здешнюю атмосферу, если убрать стационарный экран. – Его тонкие губы дрогнул в слабой улыбке. – К счастью, сенсей, нам не придется три года ждать решения кабинета защиты от внешней среды. Империя требует, чтобы этот объект был открыт сейчас же. Поэтому вас сюда и позвали.

– Сэр, сказать по правде, меня страшит не то, что может просочиться оттуда. Создатели корабля явно не зря защитили его от атмосферы Титана.

– Их намерения утратили силу миллионы лет назад. – Он поднялся. – По моему распоряжению вокруг объекта сооружен защитный купол. У нас нет возможности распространить барьер и подо льдом, но от большей части воздействий он убережет корабль. По крайней мере, меня в этом заверили.

– Счастлив это слышать. – Хоть и с опозданием, я тоже поднял свою тушу со стула. – Когда вы прикажете мне туда отправиться?

– Вас известят. На два часа назначено общее обсуждение этого вопроса. Я надеюсь и на ваше участие, сенсей Парк, так же как и на ваше пристойное поведение. Прошу вас, не надо больше никаких неожиданностей.

– Еще одно упражнение в пустословии. Когда-то наука шла эмпирическим путем, – проворчал я.

– Но направляемая теорией, как вы и сами должны понимать.

Он уже стоял у двери, я вышел, прикусив губу. Ни у кого не было ни малейших намеков на теорию, объясняющую мои странные отклонения, ни достойных обоснований принципа фотонного функтора. А я мог показать им, как работает этот

метод, но у меня нет никаких вразумительных теорий о том, как и почему это происходит. Единственное, что знаю, – я какой-то мутант-супермен. (Или это всего лишь неуверенность толстяка?)

Насколько могу сказать, глядя со стороны, постмодернистская наука пьянеет от звука собственного голоса. Да, конечно, кто бы жаловался. Я снова вспомнил произведение Теннисона, поэта викторианской эпохи. Он имел на это право:

> Грехом считаю я подчас
> Словами выражать кручину;
> Открыть всего наполовину
> Возможно словом Душу в нас.
>
> Но чтоб утешить сердце мне,
> Язык полезен, вне сомненья,
> И те печали упражненья
> Боль снимут с зельем наравне[83].

Вслед за доктором Намгунгом я пошел по тесным узким коридорам станции «Гюйгенс», так похожей на жуткие домишки окраин Пало-Альто.

В циркулирующем воздухе, несмотря на фильтры, висел мускусный запах взволнованных животных, сбившихся в тесное стадо. Схематичное изображение на настенном дисплее в зале, к которому я уже привык за последние несколько месяцев, показывало увеличенный и слегка повернутый венец Сатурна. Варианты решений парадокса Ферми[84]. Мой взгляд отскакивал от них, срываясь с пирамиды слов, не имеющей под собой иного основания, кроме одержимого драконом существа.

Где же они?

Решение 1. Они среди нас и называют себя корейцами[85].

Этот вариант всегда вызывает одобрительный смех, если только в толпе нет венгров.

Решение 2. Они здесь и управляют миром.

Это удобный случай для венгров, да и всех остальных, страдающих под гнетом Империи, посмеяться над врагами. Но никаких ухмылок тем не менее я никогда не замечал.

Решение 3. Они когда-то были здесь.

Бинго! Они были здесь и ушли, оставив цветы. Строго говоря, решение 53, единственный оставшийся вариант. Гипотеза о древних разумных динозаврах.

Решение 6. Нас изолировали.

Решение 10. Они еще не долетели.

Космический корабль опроверг это решение и подобные ему,

не оставив камня на камне. Пора пересматривать список.

Решение 21. Они слушают, только глупцы посылают сигналы.

Решение 22. Машины-убийцы уничтожают все, что движется, в любой точке космоса.

Решение 28. Сингулярность Винджа уводит их… куда-то еще.

Я подумал, что в меловом периоде сингулярность еще не была достигнута. Судя по наброскам удаленного наблюдателя, этот ископаемый пилот обладал передовыми технологиями, но его возможности не граничили с волшебством.

Решение 38. Земля случайно оказалась оптимальным местом для развития жизни.

Пожалуй, и для развития разумной жизни. Эге, да ведь мы могли убедиться в этом уже дважды: разумные динозавры и гомо сапиенс.

Решение 48. Язык – необычайно редкое явление.

Ха! Бла-бла-бла… Однако небеса молчаливы, а из этого следует…

Решение 49. Наука уникальна.

«Не уникальнее меня», – подумал я, касаясь этиологических цепей и вихрей вокруг. Ни один ученый не смог предсказать моего появления. Более того, из-за этой строжайшей секретности, будь она проклята, обо мне почти никто не знал.

Намгунг поднялся на трибуну и откашлялся. Голоса в зале постепенно стихли, наступила полная тишина. А может, так и было? Бог постучал по своему микрофону, и космос смолк, приготовившись слушать. И другие, склонившись перед величием его откровений, внимают до сих пор. Но мы так и не услышали Бога, несмотря на тысячи заявленных толкований. Или в гомоне пустой болтовни не распознали божественное послание. Странный способ управления Вселенной.

Я до сих пор, сквозь холодные снега Титана и пустоту пятидесяти или ста миллионов лет, слышал зов динозавра. И звучащие в нем воспоминания моего сына, пожертвовавшего собой ни за что.

– Таковы классические предположения – и большинство из них оказались неверными. – Намгунг щелкнул пальцами, и дисплей стал серым. – Мы до сих пор не имеем представления, почему Галактика, да и вся Вселенная, погружена в молчание. Зачем звезды до сих пор продолжают светить, истощая колоссальные энергетические ресурсы, если разумные существа должны были бы их эксплуатировать. Согласно вычислениям, с которыми все вы прекрасно знакомы, даже единственная

разумная раса, появившаяся в течение последнего миллиарда лет, к этому времени могла бы колонизировать триллион звезд вместе с их планетами и погрузить небо в темноту, закрыв светила установками, добывающими энергию, или уничтожив во время масштабных опустошительных войн.

Я навострил уши. Политический подтекст? Нет, кажется, наш директор – просто не различающий оттенков трутень. Я посмотрел по сторонам; рядом со мной несколько человек опустили взгляды, кое-кто сжал кулаки. Отлично.

– Не менее известный в классике Великий фильтр должен скрыть обладающий потенциалом разум, оставив Вселенную такой, какой она должна быть в отсутствие всякой жизни. Таким образом, перед нами встает новый парадокс. Решения Ферми нет, и тем не менее у нас имеется древний корабль, созданный представителями чужой расы, но, надо полагать, связанной с нами. Вероятность подобного совпадения ничтожно мала. Я вижу только три возможности.

– Это проделки Барни[86], – негромко, но отчетливо крикнул кто-то из зала.

Послышался смех. Я почувствовал, как у меня напряглись челюсти, а к щекам прилила кровь.

– Предыдущая цивилизация зародилась в среде динозавров мелового периода или даже еще более ранней эпохи, – бесстрастно продолжал Намгунг. – Этого мнения придерживается и наш гость, сенсей Парк.

Прошелестели вежливые аплодисменты, в которых прозвучали и отдельные сдавленные стоны.

– Согласно свидетельствам, представленным удаленным наблюдателем, полковникам Миглом, этот зверь… простите, это существо… которое управляло кораблем, как раз принадлежит к роду динозавров. Теорию параллельной эволюции мы обсуждать не будем вследствие ее абсолютной невероятности. В связи с этим парадокс Ферми дополняется следующим вопросом: а где их потомки? Почему они до сих пор не завоевали Галактику? Франк Типлер и другие ученые десятки лет назад доказали, что для этого потребовался бы миллион лет и корабли, обладающие субсветовой скоростью. Почему же мы до сих пор их не увидели?

От его размеренной речи и грандиозных предположений у меня закружилась голова. Флотилии космических кораблей летят во все стороны на десятой скорости света, нагруженные семенем драконов или нашим собственным. Либо мельчайшие, наноразмерные капсулы запускаются магнитными катапультами к сотням миллионов звезд, а может, парят на тончайших крыльях лазеров. Последние два варианта были навеяны достижениями

современного века. Мы перемещались с Земли на Ганимед и Титан посредством светового луча, и уже не приходилось ждать, пока туда доберется корабль. Мгновенный световой переход стал реальностью для моей расы. Но тогда вставал очевидный вопрос: а почему не для них? Какого черта делает здесь этот корабль? К чему такие трудности? Он казался настолько устаревшим, насколько был бы найденный под слоем льда паровоз.

Намгунг излагал еще какие-то варианты решений парадокса Ферми, но я уже не слушал. Меня увлекла тайна спящего под покрывалом из живых цветов существа. Непреодолимое стремление было подобно моему постоянному желанию что-то пожевать. Мне хотелось прорваться сквозь проклятую оболочку и заглянуть в глаза этой твари. Даже если она решит меня сожрать. Ведь именно так поступают драконы, верно?

Ну, пора отправляться в постель. В темноте я чувствовал себя слабым и испуганным. От страха покрылся испариной и замерз. Пролежав так минут пятнадцать, я захотел помочиться. Выбравшись из постели, пошлепал в санузел. Вернулся после того, как тщательно протер лицо влажной салфеткой, стараясь удалить остатки пота, и обнаружил, что дверь моей комнаты приоткрыта. Из-за нее слышался никогда не смолкающий гул людских голосов и лязг механизмов, обеспечивающих работу станции. Щелчком пальцев я включил в комнате тусклый свет. На моей кровати, в соблазнительной пижаме с меткой станции на воротничке, привольно раскинулась пухленькая интриганка доктор Джендай Шамба. От неожиданности я ойкнул и подскочил.

– Что за… Что-то случилось?

– Тихо, дорогуша, иди сюда.

Она усмехнулась.

– Ты шутишь?

В доказательство своих намерений она сбросила пижаму и приподняла брови.

– Абсурд. Я раздавлю тебя, как гусеницу.

– Мыэонг-хью, здесь ты весишь не больше, чем мой младшенький.

– У тебя есть… – Я сглотнул и шагнул ближе. – У меня когда-то тоже был сын.

– Давай жить настоящим, сенсей, – совершенно серьезно предложила она.

– Я знаю, что выгляжу отвратительно, – откровенно заявил я. – И не нуждаюсь в жалости…

Она прикоснулась пальцами к моим губам, а потом, после нескольких попыток, уложила в кровать.

– Есть много способов привлечь чье-то… внимание, – сказала она.

Я протестующе хмыкнул.

– «Чувствительные губы – великое дело в долгом путешествии, не так ли, старина?»[87] – произнесла она, похлопывая меня по шее.

– Не понял…

Джендай залилась смехом – слегка хрипловатым и удивительно волнующим.

– Это цитата из старой британской классики. Мне кажется, девятнадцатый век. Возможно, и ты читал ее в детстве. «Черный Красавчик».

– Это ты Черная Красавица, – сказал я, уловив откровенный намек. – Дверь, закройся, – повысив голос, приказал я, и дверь подчинилась.

– Ты ведь нашел способ пробраться в корабль, – сказала она после того, как время потеряло значение.

Я лежал без движения и боролся с головокружением.

– Да. Возможно.

– Значит, ты настоящий полтергейст. – Она погладила мой отвратительный живот, словно это был домашний любимец, залезший в постель. – Тони тогда чуть не выбил себе глаз.

И снова раздался ее смех – горловой, возбуждающий звук.

– Не стоит меня в этом винить, – ответил я, нащупал на столике стакан с водой и осушил его. – Это все равно что уметь шевелить ушами.

В наступающей темноте я увидел, как ее уши энергично задергались. А потом зашевелились не только уши.

Но перед уходом Джендай снова заговорила:

– Принеси мне оттуда пробу. Чешуйку кожи, все что угодно, содержащее его ДНК. Только для меня, милый, ладно?

А, так вот зачем ты пришла? Я догадывался, что должна быть какая-то причина. Но ведь такова жизнь, верно?

Похожий на отъевшегося и выгнанного из норы медведя, я стоял в своем скафандре на краю раскопок при температуре в черт знает сколько градусов ниже нуля и смотрел вниз. Корабль ничуть не изменился, каждый цветок остался в том же положении, в котором был несколько дней назад, возможно, и за десять миллионов лет до этого. Если только корабль не подбросили сюда совсем недавно, как приманку для доверчивых людей. В таком случае, он мог быть моложе меня. Но вряд ли.

– Мы готовы начать по вашему знаку, сенсей, – произнес офицер по политической работе, подчиняясь команде доктора Кима и не обращая внимания на интересы ученых.

Я поднял вверх большой палец и позволил сознанию плыть по течению. Причина и следствие разъединились и начали свой долгий циклический танец этиологического искажения, поднимая бесчисленные вихри. Я стал центром закружившегося мира. Определенность потрескивала и поскрипывала. В голове зазвучало мое любимое стихотворение Джи-Хуун Чо, «Лепестки цветов на рукавах».

Скитальца длинная одежда
Влажна от лепестков цветочных.
В деревню у реки, где вызрело вино,
Спустились сумерки.

Возможно, это древнее существо попало в ловушку безвременья, известную как вино? В капкан поддельной легкости и коротких мгновений радости, вызванных соком древних ягод, еще не превратившихся в виноград? Я ощутил душераздирающую скорбь.

С уходом этой ночи
В деревне ТОЙ УВЯНУТ все цветы.

– Эй!

И вдруг цветы зашевелились. Метановый ветер уносил их с кормы корабля, поднимал вверх и разбрасывал в стороны. Мгновенно замороженное покрывало цветов кружилось над кораблем и падало на чужой снег.

– Стационарный экран отключен, – послышался чей-то невыразительный голос.

Я шагнул вперед, готовясь войти в древнюю тюрьму. Встретить своего динозавра, давно умершего или до сих пор живого, освобожденного от бесконечного заключения. Чьи-то пальцы схватили меня за руку.

– Не сейчас, Сэм. Для этого у нас есть специально подготовленная команда. Вы сегодня прекрасно поработали, спасибо.

Я развернулся, с трудом различая предметы сквозь набежавшие на глаза слезы. Вселенная оказалась не настолько жестокой, чтобы подослать ко мне Тони Каэтани. Этого парня я раньше не видел, хотя он и знал мое уменьшительное имя, которым я представился в столовой, и воспользовался им с небрежной фамильярностью. Какой-то мускулистый функционер из неизвестного мне подразделения вооруженных сил, с хитрой

усмешкой фермера. Я согласился и стал наблюдать, как к кораблю спускается группа десантников. Думал о своем дорогом мальчике, как он бесстрашно шагнул во тьму, а затем и в огонь. И неважно, что я считал его заблуждающимся. Мне вспомнилось одно место из той книги, что я нашел в разрушенной библиотеке. В тот день, когда я сидел у закрытого гроба Сонг-Дэма, эта поэма англичанина по фамилии Киплинг поразила меня в самое сердце. Стихи предупреждали, что не будет иного утешения, кроме этого:

> Не посрамил же он род людской
> Ни пред ветром тем, ни пред той волной[88].

Не испытывая и тени стыда, я всхлипнул и отвернулся к станции «Гюйгенс». Возможно, говорил я себе, десять или шестьдесят миллионов лет тому назад другой отец оставил своего сына в этих снегах и попрощался навеки. Я прошептал тому ископаемому отцу единственное во всей Вселенной и для всех времен слабое утешение для нас обоих:

> Голову выше держи средь пучин,
> Над этой волной,
> Над любою волной.
> Ведь сам ты отправил его, и твой сын,
> Останется с ветром тем и с той волной[89].

Я смотрел вверх, на дисплей своего шлема, глотал слезы и следил за стремительным ярким вихрем цветов, видел в оранжевой мгле неба бога времени Сатурна и стрелу, пронзившую его сердце. Я почтительно поклонился ему и по-дружески поднял закрытый перчаткой большой палец.

АДАМ РОБЕРТС
ВОЛОСЫ

Адам Робертс – старший преподаватель английского языка в Лондонском университете, известный писатель-фантаст, критик, рецензент и ученый. Среди его научных работ – исследования английской поэзии XIX века, а также научной фантастики, например «История научной фантастики» («The History of Science Fiction»). Его произведения публиковались в «Postscripts», «Sci Fiction», «Live Without a Net», «Future Shocks», «Forbidden Planets», «Spectrum SF», «Constellations» и других изданиях, а также представлены в сборнике «Почти по Свифту» («Swiftly»). В числе романов писателя: «Соль» («Salt»), «Стена» («On»), «Камень» («Stone»), «Полистом» («Polystom»), «Снег» («The Snow»), «Земля обезглавленных» («Land of the Headless»), «Градисил» («Gradisil»), «Обломок» («Splinter»), «Желто-голубая берцовая кость» («Yellow Blue Tibia»), «Армия нового образца» («New Model Army»), В настоящее время Адам Робертс живет с женой и дочерью в Англии, в городе Стейне. Информацию о нем можно найти на сайте: adamroberts.com.

Модные тенденции индустрии красоты порой охватывают весь земной шар. Но иногда для этого есть веские причины, о которых вы узнаете из нижеследующей истории.

I

Мне кажется неразумным написать историю о предательстве и назвать ее, как того требуют мои спонсоры, «Прическа, которая изменила мир». Весь этот бизнес парикмахерских услуг, работа с волосами – мне не хотелось бы слишком увлекаться описанием. Не настолько, чтобы в воображении возникли картинки, как направленные потоки электроэнергии на поверхности сферы генератора Ван де Граафа[90]. И раз уж мы говорим о прическах… Мама воспитывала меня в одиночку, и мы были так бедны, что с самого раннего детства она была моим парикмахером. Для удобства и экономии я всегда ходил с одинаково короткой стрижкой. Мама, чтобы меня успокоить, пока водила жужжащей машинкой по моим волосам, рассказывала сказку о русалочке, которая мечтала жить на земле, но вместо ног у нее был рыбий хвост. Уверен, что вместе мы читали много старых книг, но именно эта история навсегда сохранилась в моей памяти: поющий краб, больше похожий на скарабея, чем на ракообразного, коварная колдунья, которая могла изменить не только свою внешность, но и размеры, что казалось мне совершенно невероятным, и я ломал голову: как она сумела превратиться в конце сказки в огромного осьминога? Но лучше всего мне запомнился образ прекрасной юной русалки с волнующим именем Ариэль. В основе сказки лежало удивительное превращение – ее хвост исчезал, и вместо него появлялась пара красивых ножек. Я так сильно переживал: а могут ли они оказаться непропорциональными? И чувствовался ли от них запах рыбы? Мне было интересно, а вдруг ногти на ногах – это рыбьи чешуйки? Все ли двадцать шесть костей каждой ноги (все, что я мог назвать) были такими же мягкими, как рыбьи хрящики? Мой разум так устроен, что мне легче найти определенные связи между различными элементами, чем смириться с несоответствиями. В этом, полагаю, и кроется причина выбора профессии. И не сомневаюсь, что увлечение историей русалочки связано с зарождающимся чувственным стремлением к самой Ариэль – искусно нарисованной привлекательной девушке, насколько я помню.

Но это не связано с тем, о чем я собирался рассказать. Мне не следует отвлекаться. Недопустимо так бесцеремонно прерывать самого себя, тем более если уже начал повествование, словно всеми возможными способами стараюсь избежать этого. Вам будет достаточно знать, что меня растила мать и после того, как ее не стало (через три недели после появления первых

симптомов, причина – острая сердечная недостаточность), моим воспитанием занялась дальняя родственница. У меня была крыша над головой и еда, но во всем остальном я испытывал ощутимую нужду. Чтобы выбраться из этого мира, я усердно учился и сумел поступить в небольшой колледж, где получат стипендию и приобрел необходимые навыки, которые помогли мне достигнуть успехов в моей профессии. Вам, должно быть, также интересно, где я познакомился с Неоклисом (долгая «и» в конце, многие произносят неправильно). Это случилось в колледже. То, что для меня было постижением головокружительных образовательных высот, для него представляло своего рода «прогулки по трущобам», отголосок его либерального любопытства, желания узнать о том, как живут обездоленные.

Кроме того, вы должны понимать, что я представитель поколения, рассматривающего волосы как досадную растительность на голове, которую необходимо держать под контролем и вовремя укорачивать. А бедность – словно руда в камне: как бы вы ни измельчали породу и ни пытались просеять, именно она проявляется всегда. Воспоминания о моей матери бередят душу и болезненно отзываются в самых глубинах сердца. Кажется, до сих пор не могу до конца простить ее за то, что у нас не было денег. Мать безоглядно любила меня, и я любил ее так, как могут любить только дети.

Прекрасная русалка сидит на высокой скале и расчесывает свои длинные кораллово-красные волосы, в то время как игривые дельфины прыгают над водой через невидимые воздушные обручи.

II

Чтобы узнать историю о прическе, изменившей мир, мы должны вернуться на пять лет назад. Это произошло в Рейкьявике сразу после иркутского голода когда все зерно было уничтожено тем изматывающим веществом. Шли бесконечные споры, кому это было выгодно и кто финансировал теракт. В тот год даже чемпионат мира превратили в настоящий фарс. Тогда Ник находился в Исландии. Он должен был ответить на предъявляемые обвинения в суде по защите продукции, а я представлял его интересы.

Слушание по защите продукции немногим отличается от любого другого судебного разбирательства. Существуют определенные схемы ведения дела, пришедшие к нам не только из прошлого, но и из позапрошлого веков. Повсюду стекло и медь, начищенное до зеркального блеска темное дерево. Я не раз защищал Ника на подобных заседаниях, но ни одно из них не было таким важным, как это.

У меня имелся список всего движимого и недвижимого имущества Неоклиса, поэтому я точно знал размеры его состояния: пять квартир, одна из них – с видом на Центральный парк, шелковичная ферма, сорок всевозможных автомобилей и летательных аппаратов, более пятидесяти процентов акций польского Национального музея – возможно, он и не владел всеми этими картинами, статуями и прочим, но имел к ним привилегированный доступ. Так, в его апартаментах в Сиднее стояла скульптура Кановы[91], и поляки не настаивали на ее скором возвращении. Ему было что проигрывать.

В таких обстоятельствах излишняя беззаботность, вероятно, уместнее, чем лихорадочная тревога, хотя как юрист я бы желал более сдержанного поведения. В суд он надел очень стильную рубашку, но его прическа уже лет сто как устарела – немного от стиля «Вудсток» и образа английского аристократа времен Гражданской войны.

– Когда придет судья, – обратился я к нему, – необходимо подняться со скамьи и держаться прямо.

Вошел судья Патерсон, Ник мгновенно встал, кивнул, после чего сел на удивление правильно. Стол скрывал его свободные брюки с большими карманами, и он выглядел довольно респектабельно. Если не считать волос, конечно.

III

Я попрощался с ним до завтрашнего дня на ступеньках здания суда, но его взгляд был устремлен куда-то в небо. Облака далеко на горизонте цвета японского мандарина, поднимаясь выше, окрашивались в голубой и молочно-белый. Поверхность замерзшего лимана, которая при дневном свете казалась совершенно гладкой, в лучах заходящего солнца явила взору многочисленные выбоины и зазубрины. В открытом море, за линией льдов, где неспешно и лениво перекатывались волны, темнела палуба промыслового судна. Из его единственной трубы, словно из корзины факира, взметались вверх красноватые змейки дыма.

– До завтра, – рассеянно ответил он. Кажется, фантастический вид околдовал его.

– Нет причин для волнения, – сказал я ему, ошибочно (в чем теперь не сомневаюсь) принимая его отстраненность за беспокойство об одной из своих пяти квартир или сорока машин и самолетов. – Судья Патерсон признался, что у некоторых людей есть определенные способности к инновациям. Это хороший знак. Вот что за этим стоит: закон может пойти на некоторые уступки, когда дело касается гениев, что непозволительно в отношении обычных людей.

– Гений инноваций, – повторил он.

– Я не уверен, что нам удастся выйти сухими из воды. Какое-то наказание будет обязательно. Но все не так плохо, как мы думали. У тебя останется больше, чем можно было предположить. Все будет хорошо. Не волнуйся. Договорились?

Внезапно он закашлялся, прикрывая рот рукой в желтой облегающей перчатке, и, кажется, впервые за все время разговора заметил меня. Бог свидетель, я любил его, как настоящего друга, но он видел только собственное эго, раздувшееся до немыслимых размеров и граничащее с уродством. До тех пор *мне* не встречался ни один человек, так высоко превозносивший свое Я. Этот эгоизм был безграничным, всеобъемлющим, таким, что казался почти трогательным, поскольку приближался к поведению маленького неразумного ребенка. Его прихоть: «Я буду благодетелем для всего человечества!» – далеко не показатель альтруизма. Просто эго Ника приходило в восторг от одного звучания этих слов. Зная его двадцать лет, могу в суде под присягой поклясться в этом. Ник разработал инновационный способ лечения остеопороза не столько для борьбы с этим заболеванием – мнимый предлог, упомянутый им в речи во время церемонии награждения

национальной медалью за научные достижения, – сколько ради побочного результата этого открытия – новых возможностей в сфере пластической хирургии, что позволило ему добавить лишние двадцать сантиметров к собственным и без того длинным костям. Ник не был против использования своего метода для лечения остеопороза, конечно, нет.

Поэтому, когда на следующий день Неоклис не явился в зал суда, моей первой мыслью было, что он просто проспал или отвлекся на какие-нибудь туристические удовольствия. Возможно, часть его самосознания, подавляя доводы разума, воспротивилась грубому и неоспоримому факту, что судья собирается оштрафовать его и изъять половину богатств за нарушение прав собственности. Единственное, что даже не пришло мне в голову, – он мог намеренно скрыться. Скорее всего, и суду эта причина казалась маловероятной, в противном случае судья мог бы наложить на Ника ограничения передвижения. Естественно было предположить (очевидно, они так и думали), что перспектива лишиться миллионов евро должна сдержать его.

Тем не менее шок членов суда был ничто по сравнению с яростью главы компании – нашего работодателя. Хочу внести ясность: я был уполномочен защищать Ника в суде, и только. После произошедших событий намеренно активно подчеркиваю этот пункт. Я должен был обеспечить правовую поддержку и защиту в зале суда, в мои обязанности не входило присматривать за ним или не допустить посадки на самолет до Милана (как выяснилось потом) и пересадки на другой, чтобы никто не смог проследить его путь.

– Если была необходимость держать Неоклиса под контролем, вам нужно было нанимать охранника, – сказал я настойчиво, но не агрессивно.

Суд вынес решение заочно, большая часть огромного состояния Ника была изъята. Но даже после этого он не дал о себе знать.

Исчезновение друга больно ранило меня. В течение следующей недели я посетил десяток встреч в разных уголках мира. Пролетая над Голландией, любовался сверкающими в лучах солнца, подобно нефриту, ухоженными полями, возделываемыми роботами; живыми изгородями, достигающими двадцати футов в высоту, и мерцающими синими лентами рек, бегущими в сторону моря.

В аэропорту Денвера я увидел человека с болезнью Паркинсона, не старого, ему было едва сорок. Он сидел в кафе и пытался есть бисквит. Со стороны казалось, будто бедняга хочет обменяться рукопожатием с собственным ртом. В новостях

показывали умирающих от голода людей, впрочем, как и всегда. На экране появилось изображение огромной зоны ожидания в Шри-Ланке, где люди просто сидели, предчувствуя конец. Голод, подобно ненасытной пиявке, присосался к их телам и выкачивал все соки до самых костей. Кожа туго обтягивала изгибы, на бескровных, искаженных болью лицах лихорадочным блеском светились огромные, как в манге, глаза. На Девятом канале в левом нижнем углу безостановочно бегут цифры, сливаясь в размытое пятно, – «часы голода». Улетаю в Исландию, а после возвращаюсь в Денвер.

Я прекрасно понимал, что исчезновение Неоклиса ставит под удар и мою карьеру. Если бы я всегда жил в роскоши и богатстве, как он, то меньше бы беспокоился. Богатые уверенно сморят в будущее, считая, что удача, несомненно, улыбнется им. Но, зная на собственном опыте, что значит быть бедным, я не хотел к этому возвращаться.

Меня спрашивали, почему я его не остановил. Компания, в которой мне приходилось иметь дело с десятком людей, вдруг разрослась и превратилась в огромного монстра. Более сотни сотрудников теперь хотели лично пообщаться со мной. «Дело очень серьезное» – говорили мне. В его руках была патентная информация на ряд технологий стоимостью в несколько миллиардов евро. «Можете ли вы гарантировать, что компания не понесет финансовых потерь, в случае если он осуществит дело с пиратскими лицензиями?» Я об этом думал.

Но не все решили сделать из меня козла отпущения. Некоторые отделы признали несправедливость и необоснованность попыток переложить всю ответственность за исчезновение Ника на меня. Например, отдел эмбриологии – его представители более чем кто-либо нуждались в квалифицированной юридической помощи, которую я не раз оказывал им в прошлом. Отдел оптики также заверил меня в своей поддержке, хоть и неофициально. Это заставило меня поверить в собственные силы и дало надежду, что моя двадцатилетняя карьера в качестве юридического советника компании не закончится через месяц. Отточенная сеть корпоративного шпионажа продолжала сообщать, что никто из наших конкурентов до сих пор не приобрел ни один из патентов на интеллектуальную собственность, которой мог распоряжаться Ник.

У меня была встреча в Кембридже в Великобритании, где, несмотря на позднюю зиму, было белым-бело, и утки на реке в изумлении смотрели на свои лапки. Летал в Рио, летний океан там был потрясающе красив и чист настолько, что, сидя на

балконе нашего офиса, я мог без бинокля рассматривать мельчайшие детали улиц: здания, автомобили, выезжающие из ворот, и даже отдельные буквы, нарисованные на асфальте. Посетил Аляску и Сидней, в последнем в аэропорту ступить было негде от снующих повсюду подростков – флешмоб в знак протеста против сокращения пособий по безработице для молодежи.

В разгар всего этого я каким-то образом находил время и заранее, постепенно начинал выстраивать свою жизнь вне компании. Моя бывшая жена проявила больше понимания, чем можно было предположить, в большей степени она была озабочена возможностью сохранить медстраховки для двух наших детей, чем беспокоилась о себе. Я осторожно, втайне присматривал себе другую работу, но, даже несмотря на самые оптимистичные прогнозы, было очевидно, что мне придется непросто. Конечно, нельзя оставить без страховок детей, так же как и Кейт. Решил, что сам смогу обойтись, но в отношении экс-жены все останется как прежде.

Вскоре появились новости: Неоклис уехал в родной Мумбай, выбрав его среди других мест. Меня в очередной раз вызвали в Денвер, где я встретился лицом к лицу с Аламильо – мордоворотом компании, профессиональным боксером с задиристым нравом. Встреча была не из приятных: мне недвусмысленно намекнули, что это мой последний шанс. Слово «последний», конечно, не передает всего смысла, вложенного в него. Я находился на самом краю пропасти, и это была моя единственная возможность.

Серьезный тон беседы немного успокоил меня. Если бы я не был им нужен, компания не стала бы утруждать себя запугиванием. Впервые с тех пор, как Ник так необдуманно втянул меня в эту передрягу, подвергая риску не только свои активы, но и благополучие всей моей семьи, я почувствовал, как сердце, оледеневшее от страха, тронуло тепло надежды на благополучный исход.

– Мой последний шанс. Понимаю.

– Ты едешь к нему, – сказал Аламильо. – Тебе есть что ему сказать, черт возьми, не так ли?

Тогда я догадался, что они посылают меня, потому что я его друг, а не только адвокат. В компании уже понимали, что деньги не дают рычагов влияния на Ника – он отрекся от них. Примерил на себя новую роль – Иисуса Христа, спасителя голодающих и страждущих. Как можно управлять человеком, которому не нужны деньги? Что обладает большей властью в нашем мире?

– Я поговорю с Неоклисом. Что еще?

– Ничего, – ответил Аламильо.

– Привезти его домой?

– Нет, мы не за этим тебя туда посылаем. Послушай меня, твою мать. Просто поговори с ним.

IV

Я летел на борту элитного самолета, его обшивка была жестче и прочнее, чтобы избежать нагревания из-за трения о воздух во время полетов в высоких слоях атмосферы. Ел маленькие канапе – вкусный хлеб с акульей икрой и творожным сыром, потом принесли настоящие сосиски в медовой заливке, копья спаржи и шоколадные драже, тающие во рту. Пил белое вино – выдержанное кенийское. В туалетной кабинке я обнаружил семь различных видов туалетной бумаги: совершенно обыкновенная, особая, которая проводит детальный анализ вашего стула после использования по назначению, остальные обладают вариативным набором функций, направленных на определение проблем в каждом отделе кишечника.

Я посмотрел фильм о веселой семейной паре, преодолевающей многочисленные препятствия, возникающие на пути их любви. После этого показывали новости. Затем другой фильм, на этот раз достаточно продолжительный – минут пятнадцать, если не больше, – основанный на исторических событиях времен французской революции.

И вот приближался главный момент моего путешествия, я ощущал внутреннее волнение, словно в канун Рождества. Мы приземлились в Мумбае.

Прибыв в аэропорт Чхатрапати Шиваджи, я словно совершил путешествие во времени на пятьдесят лет назад: резкий запах, мусор, серебряная роспись потолков и опорных балок… Цельнометаллический поезд, бегущий по цельнометаллическим рельсам, доставил меня от терминала к выходу на посадку. После этого в считаные минуты флиттер компании привез меня в пригород Мумбая – Джогешвари. Мы быстро набирали высоту, под нами проплывала беспорядочная городская застройка побережья, небоскребы, похожие на сложенные блюда, возвышающиеся и извивающиеся дальше к югу. Небо было изумительного голубого цвета, а море отражало солнечный свет. И буквально через несколько минут мы уже приземлились. Я мог бы пешком дойти от аэропорта до набережной, так близко они были расположены друг от друга. Но лучше лететь, это бесспорно. Когда я позвонил Нику, он любезно согласился встретиться со мной: никаких представителей компании, только ты, старый друг. Конечно, конечно.

На дамбе Джуху была построена парковка для аэромобилей, там я оставил флиттер с водителем и дальше пошел пешком. Сорок градусов тепла – средняя температура для этого времени

года, как мне сказали. Небо такое голубое, словно сияющее пламя кристалла. Оно изливает потоки тепла вниз на раскинувшийся под ним мир. В воздухе смешались сразу несколько запахов: аппетитные, вкусные ароматы, вонь гниющих отходов и едва уловимый, но стойкий запах соленой воды океана.

Я не знаю, чего ожидал. Думаю, зная Ника, я готов был увидеть его примкнувшим к хиппи или, наоборот, святым отшельником, читающим джапу[92]. Предполагал, что он может заниматься серфингом, но вскоре заметил, что здесь нет серфингистов. Однако люди были повсюду. Невероятно пугающее воздействие оказало на меня такое большое скопление представителей рода человеческого: одни прогуливались, другие спешно проносились мимо, они двигались вперед и назад, разговаривали, пели, молились. Здесь собралась огромная толпа. В воздухе раздавались звуки несовместимых друг с другом музыкальных композиций, соперничая и побеждая с переменным успехом: ритмичные удары сменялись простыми гармоничными мелодиями, сталкивающимися друг с другом в атональном завывающем противоборстве. Все вокруг были худыми. Некоторые были истощены голоданием. Их легко было выделить по неестественно спокойному состоянию: они стояли и сидели, погруженные в безмолвное недвижимое созерцание. Те, кто двигался, еще имели возможность питать свое тело энергией.

Над водой возвышаются верхушки и крыши многочисленных затопленных небоскребов, разбросанных по заливу, словно девять ферзей на шахматной доске, препятствуя возникновению высоких волн. На верхних этажах этих затонувших зданий по-прежнему живут люди, поскольку бедные будут жить там, где смогут, даже если это опасно. От крыш к берегу тянутся разнообразные кабели и провода, опасно провисая и едва не касаясь воды. Люди купаются, плещутся или шлепают ногами на мелководье. На новом грязевом пляже возвышаются несколько черно-серых пальм, их тяжелые перистые листья колышутся на ветру. По моей спине струится пот.

Как вдруг, словно так и должно было быть, я увидел Ника: он лежал на нагретом солнцем волноломе, а его длинные волосы веером разметались над головой. Первый сюрприз – он был одет скромно, в черное. Второй – его сопровождали вооруженные телохранители. Я присел рядом с другом. Было нестерпимо жарко.

– А я надеялся встретить любителя поваляться на пляже.

– Я видел твой флиттер, – сказал он. – Производит столько шума.

– Аэродинамическое торможение. – Как будто я что-то знал

об этом.

– И все-таки хорошо, что ты прилетел, – произнес он, присаживаясь на корточки. Его охрана проявила заметные признаки беспокойства, еще крепче прижав локтями перекинутые через плечи винтовки. Я заметил, что они были в форме Национальной гвардии Маратхи. – Просто отлично, что ты приехал.

– Люди в Денвере крайне раздражены.

– Мало тех, на кого можно положиться, – продолжил он. Я понимал, что мне Ник действительно доверяет.

– Эти ребята работают на тебя? – спросил я.

– Солдаты. Да, так и есть. Власти Маратхи и я пришли к полному взаимопониманию. – Ник вскочил на ноги. – Они поддерживают мою теорию об удивительных свойствах волос и получают благодарность населения, бедняков. Тогда как я, в свою очередь, имею политическое убежище и, кроме того, укрепленный лагерь в Бхиванди. Все ценное перевезли из города в горы, на восток, в Нави Мумбай. Богатые не верят в то, что море прекратит наступать на сушу. Они уверены, что оно отвоюет еще часть территории. Богатые очень осмотрительны.

– Богатые, – повторил я.

– Так что ты можешь поехать и посмотреть, – ответил он. – Пойдем.

Я поднялся:

– Мой флиттер ждет неподалеку.

– Ты можешь парковаться прямо здесь? Меня предупредили, что аэромобили необходимо оставлять на специальной парковке. – Я осмотрелся вокруг. – Где-то там, далеко.

– Я обладаю особыми привилегиями, – ответил он, широко улыбаясь.

V

– Что же мы делаем? – спросил меня Ник спустя несколько минут, как только флиттер с нами и двумя вооруженными солдатами на борту устремился на северо-восток Мумбая. Ему пришлось повысить голос. Шумно было, как в вертолете.

– Что касается меня, – ответил я, – то работаю на компанию. Я поступаю так, чтобы заработать и обеспечить всем необходимым дорогих мне людей. Между прочим, и тебя имею в виду.

– А как Кейт? – спросил он, хитро улыбаясь.

Скажу пару слов о Кейт. Понимаю, что это не очень уместно, но кое-что нужно прояснить. Видите ли, я люблю ее. Мне все известно о предрассудках, но уверен, нет необходимости доказывать, что она является таким же человеком, как и все. Ее словарный запас – около девятисот слов и целый набор фраз и изречений. Она открыта и добра. Ее волосы темно-красного цвета, как ягоды остролиста. Несомненно, вы ждете от меня этих слов, и я скажу: невероятная ирония судьбы в том, что если бы те люди, которые насмехаются над Кейт после пройденного ею лечения, познакомились бы с ней до этого, им и в голову бы не пришло отрицать, что она действительно человек. В этих обстоятельствах они нашли бы способ хорошо к ней относиться. И если все это возможно было бы до лечения, почему нельзя после? Сейчас Кейт намного счастливее, чем когда-либо прежде. Она учится играть на фортепиано. Из всех людей, которых я встречал в своей жизни, эта девушка самая открытая и искренняя.

Знаете что? Мне не нужно защищать свою любовь перед вами.

– У нее все хорошо, – ответил я, возможно, немного громче, чем следовало. – На какие вопросы я еще должен ответить?

– Дома, машины, весь этот хлам! – крикнул он, сделав жест правой рукой, словно отмахиваясь. Несмотря на некую театральность, была в нем абсолютная необъяснимая беззаботность – отпечаток обеспеченной жизни, когда ты ни в чем никогда не испытывал нужды.

– Мы могли бы спасти большую часть этого, если бы ты не скрылся во время судебного процесса.

– Все эти вещи, они владели мной, не я ими.

– О, – только и смог произнести я, не сумев объяснить ему, как бессмысленно все это звучит для меня.

Ник усмехнулся:

– Чертовски здорово снова видеть тебя.

– Патент на теорию об удивительных свойствах волос

принадлежит компании? – спросил я его, не до конца понимая, что он имел в виду, но предполагая некую разработанную им нанопептидную технологию.

– Ты знаешь, – ответил он, сверкнув глазами, – даже если б так и было, то не имело бы значения. Но нет.

– Уже что-то.

Рядом со мной сидел творец, спаситель страждущих.

– Теперь я – заступник, – звучали его слова. – Я революционер. Потомки будут помнить меня как величайшего благодетеля за всю историю человечества. Через год я приберу к рукам всю эту чертову компанию!

Флиттер приземлился, совершив несколько неуклюжих скачков до полной остановки, – неопытного водителя видно сразу.

Мы вошли на территорию его лагеря: массивные стены, возвышающиеся по периметру в форме огромного пятиугольника, увиты колючей проволокой. Внутри очень много людей, и у всех без исключения – мужчин, женщин, детей – длинные иссиня-черные волосы. Люди лежали на полу, сидели в креслах, стояли, опершись на низенькие крыши и выступы, – все они принимали солнечные ванны, и волосы у всех были распущены и свободно ниспадали с плеч. Центральная башня, напоминавшая нефтяную вышку с установленной на самом верху огромной пушкой, производила неизгладимое впечатление на неподготовленного человека, но в действительности, словно картонный замок, служила прикрытием для армии с самым современным снаряжением. Территория лагеря достаточно велика, но все пространство было переполнено. Ник провел меня по дорожке вдоль внутреннего дворика, повсюду на земле лежали люди, словно живой ковер. Многие из них были неестественно неподвижны, так что мне стало интересно: живы ли они? Об этом можно было судить только по вздымающейся груди или неторопливому жесту, которым они отгоняли от лица назойливых мух.

– Загорают, – пробормотал я.

Вдруг, не успели мы войти внутрь, Ник остановился и повернулся ко мне, охваченный особым мальчишеским задором.

– Кстати, еще не говорил тебе, что мне стало известно буквально на днях?

– Ты о чем?

– Поразительно, что я не знал этого раньше, учитывая всю проделанную работу. И обнаружил это совершенно случайно. Пептиды, имею в виду само слово «пептиды», – от греческого «πεπτος», что в переводе значит «питательный». Сколько всего

неизведанного в природе. Орехи, чипсы, оливки, фаршированные кусочками вяленых томатов… Пептиды могут означать «вкусная закуска».

– Потрясающе, – ответил я с непроницаемым лицом. – Наследие греков дает о себе знать, – продолжил я, прекрасно зная, что он вообще не владеет греческим языком.

При этих словах Ник напустил на себя торжественный вид и произнес:

– Теперь я гражданин мира.

Мы продолжили путь, поднялись вверх по склону и вошли в просторное помещение. Внутри полукругом располагались ряды кресел, рассчитанные человек на шестьдесят. Но кроме нас двоих здесь больше никого не было. Когда мы вошли, половина комнаты осветилась неярким светом.

Я сел в кресло в первом ряду. Ник остался стоять перед экраном, он заметно нервничал: теребил волосы, пропускал их сквозь пальцы и вытягивал.

– Ответь мне, почему ты здесь? – наконец спросил он. не глядя на меня.

– Просто хочу поговорить с тобой, Ник, – ответил я. – У меня нет иных целей. Эй, старик, нам действительно пора кое-что обсудить. Как насчет будущего?

– Хм, – пробормотал он, словно завороженный этим словом. Он коснулся рукой датчика, и экран позади него вспыхнул ярким светом: на заставке появился федеральный флаг Индии. – Хорошо, – четко произнес он.

Изображение на экране начало видоизменяться, превращаясь в графики и схемы, вскоре экран заполнился изображениями химического строения пептидных соединений: бесконечные петли и изгибы угловых соединений, оплетающие шестиугольные бензольные кольца.

– Минутку. – Ник оглянулся назад. – Это неверно. – Он щелкнул патьцами. Некоторые участки сложных молекулярных соединений исчезли в затемнении.

– Как это барнумо-бейльно[93], – усмехнулся я.

– Кальмодулин, внутриклеточный белок, связывающий кальций, представлен в формате 3Б, – продолжил он. – Это изображение всегда напоминало мне бумажные гирлянды. Хотя в другой версии оно похоже на карту звездного неба. На молекулярном уровне так много свободного пространства, чаще всего наши репрезентативные коды скрывают это. Вот посмотри, это лизин. – Он пританцовывал на месте. – В твоих волосах он содержится в большом количестве. От NH_2 тянутся вниз светящиеся линии к H и H_2X, а O и OH кажутся замершими с

открытыми ртами. – На экране появилось новое изображение. – Одна из разрушенных форм лизина называется кадаверин. Ты знал об этом? Молекулы распада и смерти, гниющих трупов – путресцин, кадаверин. Кто придумал эти названия?

– Это имеет какое-то отношение к теории об удивительных свойствах волос? – уточнил я.

– Лизин, – произнес он. – Волосы. – Подняв правую руку, Ник провел большим пальцем по дисплею: картинки на экране мгновенно начали сменять друг друга. – Что же мы делаем?

– Ты уже спрашивал об этом, – откликнулся я.

– Инновации, и изобретения, и новые блестящие достижения в области технологий.

– Я – просто юрист, Ник. Ты – новатор.

– Но тут появляется компания, не так ли? Ее дело – поставить научно-технический прогресс на службу всему человечеству, чтобы улучшить мир.

Мне показалось, он косвенно намекает на Кейт, поэтому я ответил грубее и резче, чем должен был.

– Да, они стремятся к этому, – огрызнулся я. – Черт возьми, не пытайся доказать мне обратное.

Он посмотрел на меня широко распахнутыми глазами, не ожидая такой агрессии.

– Бесспорно, они ставят перед собой такую задач}', – продолжил он немного удивленно. – Старик, не пойми меня неправильно. Хорошенько все проанализируй. Вот что я хочу сказать. Ты разговариваешь со мной, помнишь об этом? Научно-технический прогресс, новые достижения, восхитительные новинки, разработанные нашими современниками, – все это действительно великолепно. Ты не услышишь от меня ни слова против.

– Я за час долетел из Денвера в Мумбай. Ты бы хотел, чтобы мне пришлось добираться сюда три месяца по морю?

– Ты смотришь не с той стороны, дружище, – произнес он. – Послушай, прогресс – это замечательно. Но он всегда был и будет привилегией зажиточных людей. Бедность и технологии просто несовместимы. Сейчас многие становятся миллионерами самыми удивительными и разными способами. Но неимущие так же, как и их предки, голодают, страдают от болезней и умирают молодыми. Нехватка денег значительно ограничивает и усложняет жизнь.

– Все не так плохо, как ты говоришь, – возразил я. – Новые технологии постепенно становятся известны всем.

– Конечно. Но гаджеты богатых всегда на шаг впереди. До сих пор на Земле существуют те, кто не использует колесо, – они перевозят товары и вещи на санях или переносят на себе.

Некоторые армии экипированы игольчатыми ружьями и шрапнельными снарядами, другие – антикварными АК-сорок семь, а есть и те, кто сражается с врагом мотыгами и лопатами.

– Как тебе удалось заставить правительство Маратхи предоставить тебе этот маленький замок и вооруженную охрану?

– Необходимые условия для достижения цели, – ответил он.

– И что это?

Существует особое молчание, которое возникает только в конференц-залах при обсуждении высоких технологий и новых разработок. Тишина изолированная и искусственная.

– Это поразительная разработка, – коротко ответил он.

– Естественно.

– Она действительно поразительна. Я расскажу тебе в общих чертах. Особый компонент взаимодействует с лизином, содержащимся в волосах, и далее следует по проводящим каналам внутри каждого отдельно взятого волоса по всей его длине. Существуют еще более сложные процессы, которые происходят через биоинтерфейс в кровеносных сосудах кожи головы. Сказав, что ни одна из этих разработок не запатентована компанией, возможно, я немного слукавил. Ее небольшой вклад здесь есть – материал о процессах кровезамещения в сосудах кожи головы. Но основное ядро данной технологии – волосы – это моя разработка. Только моя. Это инновационная технология. И я намерен внедрить ее в массы. Очень скоро миллиарды людей получат специальные препараты. Это огромное… – Ник окинул взглядом пустые кресла, – количество, – закончил он, запнувшись.

– Волосы?

– Я собираюсь искоренить бедность на генетическом уровне, – пояснил он. И, охваченный юношеским энтузиазмом, с азартом продолжал: – Все, что мы создаем, все предназначено денежным мешкам. А нищие продолжают голодать и умирать. Но теперь…

– Волосы…

– Пища – вот ключ ко всему. Именно еда является камнем преткновения, если ты беден. Голод терзает нас изо дня в день, и что получается – вся жизнь, все устремления человека направлены на добывание пищи, чтобы не умереть. Болезни поражают неимущих, потому что они пьют грязную воду или едят так скудно, что их иммунная система не выдерживает и дает сбой. Будущее для таких людей не наступит никогда, если в корне не изменить ситуацию.

– Итак, что же волосы… – начал я. – Какова их функция? Что-то похожее на фотосинтез?

– Вроде того, – ответил он.

Его аватар высотой в двадцать футов с застывшей на губах

улыбкой, словно у деревенского дурачка, навис над нами.

– А ты… Имею в виду, что должен делать человек? Лежать на солнце?

– Энергию, которую раньше ты получал благодаря употреблению пищи, теперь будешь получать от солнца. – Он резко повернулся на месте. – Великолепная задумка, – добавил он. – На самом деле я сделал акцент на волосы, поскольку с ними легко работать: пептидные соединения генерируют фоточувствительность структуры волос и направляют микроэлементы к корням. Инновация в том, что энергия передается в… Постой, не хочу вдаваться в подробности. Это не важно.

Я взглянул на огромное 2D-изображение глупого лица на экране. Посмотрел на серьезное выражение 3D-версии – самого Ника, – он был немного суетлив, но глаза светились искренностью.

– Тебе не нужно есть?

– Нет.

– Но ты можешь?

– Конечно, если хочу. Но в еде нет необходимости. Уже столько раз подчеркивал это… и я даю такую возможность любому желающему.

Воображение услужливо напомнило о тех многочисленных телах, словно булыжники недвижимо лежащих на улице.

– Необходимо весь день валяться на солнце?

– Не весь день. В этих широтах для большинства людей достаточно трех часов.

– А как насчет, скажем, Рейкьявика?

– В таких местах солнечного света недостаточно, – подтвердил он. – Лучше находиться в тропиках. Но ведь бедных больше именно здесь.

– А жизненно важные аминокислоты? – продолжил я.

– Главное – вода. Естественно, пить необходимо. В идеале – воду, насыщенную минералами железа. Или съедать время от времени немного очищенной грязи. А витамины… их можно тоже синтезировать. Даже сахар для работы мышц.

Ты был бы удивлен, узнав, сколько генерируется энергии за три часа солнечных ванн при условии использования моего препарата для волос. Трудно поверить, но очень много.

– Уф, – выдохнул я. Головокружительные амбиции, порожденные этой идеей, пронзили мою душу, словно острый меч. – Ты не шутишь.

– Через несколько лет, – продолжал он, – только представь себе: все нищие мира будут одарены уникальной технологией,

благодаря которой они освободятся от голода. Больше нет необходимости выполнять тяжелую изнуряющую работу ради куска хлеба.

– Но они по-прежнему смогут есть? – переспросил я. Не знаю почему, но эта мысль никак не отпускала меня.

– Конечно, смогут, если захотят. Ведь у них, как и раньше, будут… – в его голосе сквозило презрение, – чертовы ненасытные желудки. Но без еды они не умрут от голода. Только вдумайся в эту фразу. Любая форма жизни, когда-либо существовавшая на нашей планете, ощущала нависший над ней дамоклов меч. Есть или умереть. Но больше не будет голода. Никто не умрет без пищи.

– Иисусе, – пробормотал я. Понимаю, почему правительство Маратхи ухватилось за эту идею, рассматривая ее как средство обеспечения политической поддержки населения, почему появились охрана и лагерь. И точку зрения Ника тоже: он захотел большего, чем быть просто хорошо оплачиваемой обезьянкой компании.

– Мне нужен адвокат, – вдруг сказал он. – Все скоро круто изменится. Мне нужна команда, люди, которым можно верить. Я буду вращаться в очень влиятельных кругах. А найти надежного адвоката – легче сказать, чем сделать.

Этого я не ожидал.

– Ты предлагаешь мне работу?

– Если ты не против.

– Что-что? Переехать сюда? Приехать и жить? Работать в Мумбае?

– Конечно.

– Ты серьезно?

– Почему нет?

Я не ответил: потому что через три недели армия Великой Республики Кашмир прибудет сюда во всей своей военной мощи – штурмовики, военные флиттеры, танки «крабы», бессчетное количество оружия и боеприпасов – с тем, чтобы захватить все эти несметные сокровища, чудесным образом оказавшиеся в руках военного правительства Маратхи. Я не сказал ему, что приехать сюда и начать работать равносильно тому, чтобы оказаться под перекрестным огнем. Не сказал всего того, что думал. Вместо этого просто спросил:

– И привезти Кейт?

Выражение его лица стало очень серьезным, настолько, что я понял: он пытается подавить усмешку.

– Всегда хорошо относился к Кейт.

– И детей?

– Конечно. Даже бывшую жену, если ты так хочешь.

– Но я не могу привезти сюда детей. Не могу привезти Кейт.

Краем глаза он взглянул на свое изображение на экране. Повернулся, махнул рукой, будто собрался поприветствовать самого себя, и экран мгновенно погас.

После этого Ник развернулся ко мне и несколько раз моргнул, пытаясь увидеть меня в полумраке.

– Что ж, – неопределенно закончил он. – Подумай об этом.

Позже, когда Неоклис провожал меня через двор, где на земле, словно живой ковер, лежали неподвижные тела, он сказал:

– Знаешь, мое эго тут ни при чем.

Но именно так и было. Как всегда, дело было в самолюбии моего друга Ника.

VI

Просто существование. Без стремлений. Стремление к цели противостоит безликому бытию. Это не постоянная борьба, и добросовестный труд, и проверка, и перепроверка, и созидание.

Сначала все происходило, словно во сне, медленно, неспешно. Я вернулся обратно в Соединенные Штаты и отчитался о поездке. Больше компания не посылала меня на переговоры – опасались, полагаю, что могу не устоять. Но и увольнять меня не стали. Я подписал новые контракты и вертелся к работе. Кейт была бесконечно рада меня видеть. Она запомнила новую фразу: «Давно не виделись!» Кроме того, она выучила первую часть сонаты Моцарта и сыграла мне. Я аплодировал.

– Давно не виделись, – сказала она, обнимая меня.

– Скучал по тебе, – ответил я, пощекотав ее ноги.

– Давно не виделись, долгое время!

В Западной Индии ситуация была критической. Федеральное собрание раскололось на группы, не выстояв перед лицом ожесточенных разногласий. Едва ли это можно было назвать новостью. Но у меня совершенно не было свободного времени для праздных размышлений.

В стране творились беспорядки. Позже Южно-Индийский Альянс поддержал военное вторжение. В новостях показывали, как бронетанковые войска, перемещаясь по улицам от здания к зданию, непрерывно стреляли из орудий. Танки старого образца, оснащенные древними гусеничными лентами, медленно продвигались вперед через заросли кустарников, оставляя за собой клубы пыли. Рискуя каждую минуту пострадать от непрерывного наземного огня, самолеты распыляли над гаванью Мумбая особое вещество, достаточное густое, чтобы пехотинцы могли идти по воде. А потом все закончилось: прежнее правительство сложило свои полномочия, пришедшие к власти прочно обосновались на новом месте, и, когда ситуация немного улеглась, обнаружилось, что во время охватившего страну разрушительного хаоса Ник вновь исчез.

Многие люди по-прежнему принимали солнечные ванны, распустив свои длинные волосы, развеваемые легким ветерком. Сначала их поведение рассматривалось как следование новому религиозному культу. Новые Подвижники. Последователи. Солнцепоклонники. Прошло немного времени, и стало очевидно, что они не имеют ни малейшего отношения к религии. Во многом этому способствовали и откровенные беседы на духовные и мистические темы с обладателями волос, аккумулирующих

солнечную энергию.

Вскоре прошел слух, что Ник на юго-востоке субконтинента. Его последователи появлялись по всей Федерации – они пошли дальше на восток, поднялись в горы, – распространяя информацию о созданной им технологии. Лицо Неоклиса мелькало на экранах, но все было не на высшем уровне: либо он не мог себе позволить нанять более компетентных людей, либо просто забыл сделать это. Либо специально оставил все как есть, поскольку содержание этих роликов было немного нарочито-простоватым, но нравоучительным. Богатство разрушило мир, бедность спасет его. Денежные магнаты отступят на виртуальные земли или найдут убежище в своих замках, обнесенных глубоким рвом и огороженных высокими стенами. А нищие, сбросив оковы терзавшего их голода, постепенно, словно неизбежные морские приливы, избавятся от всех богачей и наконец унаследуют Землю. Этим информационные посылы не ограничивались, в них было много всего. Временами за фразами я чувствовал присущий Нику ораторский талант и силу убеждения, но чаще всего речи с экранов были похожи на революционные призывы, какое бы правительство или организация ни давали ему убежище или, в последнее время, не держали его в плену. Был ли он в Африке, или в Китае, или далеко, на самом краю земли, где-нибудь в песках пустынь, Бог свидетель, что я любил его, как только друг может любить своего настоящего друга, но едва ли мог спокойно смотреть на все это.

Я старался контролировать себя, чтобы сохранить здравомыслие. Каждый день, думая о нем, прежде чем окунуться с головой в работу, я посвящал полчаса изучению всех напечатанных материалов, имеющих малейшее отношение к Неоклису. В конце дня, прежде чем вернуться домой к Кейт («Снова дома, снова дома, уставший» – пела она), вновь просматривал новости, появившиеся за день.

Как-то раз появилась интересная статья на фоне многих однотипных. Его ученики выглядели настоящими аскетами, их кожа так туго обтягивала кости, что казалось: малейшее движение, и она треснет. Некоторые его последователи интересовались политикой, другие были совершенно аполитичны, их основным стремлением стадо подражание Иисусу Христу, желание проверить, способны ли они провести сорок дней без пищи и не умереть.

Прошла еще одна неделя, как вдруг новости о нем стали настоящей сенсацией. У меня больше не было сил справляться с потоком информации. Еще через несколько дней необходимость в этом пропала, поскольку о Неоклисе заговорила вся

общественность. Его последователи, с которыми теперь беседовали журналисты, больше не напоминали несчастных бродяг, оказавшихся за бортом жизни. Теперь они уже являли собой ядро нового класса людей – *homo superior*'[94]. Их численность на юге Азии неумолимо росла. Ника провозгласили сверхчеловеком, основной целью которого стало победить нас. Он находился в Марокко (в Северной Африке, насколько нас поставили в известность), но вскоре его захватили в плен ударные силы Экваториальных Штатов, в ходе жестокой операции погибло около сорока человек. Несмотря на то что Ника пленили против воли, в ходе интервью он выглядел спокойным и даже беспечным. «Теперь у меня новое видение мира, – как будто говорили его взгляд и выражение лица. – Мир изменится». Ник сообщат, что все большее количество людей – «закодированных» на бедность – начинает применять его лекарство. Он утверждал, что ситуация вскоре достигнет своей точки невозврата.

Когда прошла информация, что Экваториальные Штаты пытались потребовать за него у США огромную сумму денег в качестве выкупа, начались чудовищные беспорядки. Ника вывели из здания, в котором он находился, – несколько минут нервного напряжения, его лицо залито кровью, – провели через море людей, насмешки, ухмылки, – и он исчез. Позже Неоклис появился в Малайзии, в качестве официального гостя Малайской Республики.

Я, как обычно, просматривал новости, когда увидел интервью Фосса, которое ему удалось взять у Ника, несмотря на все воздвигнутые барьеры секретности. Мне действительно показалось, что старина Ник пытается объяснить то, что ожидает поддерживавших и доверявших ему людей. Он шутил, рассказывал о своих планах.

– Уверяю вас, – вещал он убедительным тоном, – за этим будущее. Благодаря разработанной мною технологии человечество больше никогда не будет умирать от голода. Я расскажу вам, что нас ожидает. Неимущие будут мигрировать, наступит период массового переселения в тропики – в ту часть нашей планеты, где солнечного света в избытке, а пищи не хватает. Власти многих стран будут недовольны подобным, но правительство, м-м-м… – он перевел взгляд на светящийся экран, чтобы не ошибиться в названии страны, чьим радушным гостеприимством он сейчас наслаждался, – Исламской Народной Демократической Республики Малайзия будет радушно приветствовать приход новой эры, предоставляя ее последователям всевозможную поддержку.

– А как же остальной мир? – спросил Фосс.

– Пусть другие части планеты принадлежат богатым. Холодные и малосолнечные зоны на севере и на юге. Им не нужен солнечный свет. У богатых достаточно денег, чтобы не испытывать недостатка в пище. Вскоре демографическая ситуация полностью изменится – яркая и насыщенная жизнь будет пульсировать, подобно юному сердцу, в тропиках. Именно сюда переместится центр культуры и процветания. Со временем на севере и на юге почти никого не останется. Человечество будет сосредоточено в центральной части планеты – огромное количество настоящих людей, которым необходимо всего три часа в день провести на солнце, тогда как оставшиеся двадцать один час они смогут посвятить созиданию великого на благо человечества.

VII

Но что я могу сказать? В моей душе полыхал пожар, а как известно, пламя обжигает. Не знаю, есть ли необходимость объяснять причины, по которым я предал своего друга. Но думаю, все станет очевидно из нижесказанного.

Компания убедила меня в необходимости встретиться с ним еще раз. Неоклису передали, что я хотел бы его увидеть. Организовали встречу. Льщу себя надеждой, что на всей планете найдется не так много людей, ради которых он бы согласился на это.

Мне пришлось притвориться, что я начал принимать стимуляторы. Мне действительно время от времени надо было вдыхать какой-то порошок, хотя все внутри меня противилось этому. Как мне объяснили, этот порошок был основным пунктом стратегии захвата. Благодаря данному веществу можно было определить, где я нахожусь, более того, оно было запрограммировано и на идентификацию Ника (конечно, для этого компания приложила много усилий). Таким образом, мы выделялись среди других людей, в каком бы помещении ни находились – допустим, среди солдат, охраны, террористов, похитителей, кого угодно – и какой бы плохой ни была там видимость. Когда ворвется вооруженная группа захвата, им будет предельно ясно, в кого можно стрелять, а в кого нет.

Ник вновь находился в Индии, где-то недалеко от Дели. Я прилетел сразу в международный аэропорт Делфи. Самолет приземлился в полдень. Меня знобило от сильного волнения.

Из аэропорта я поехал на такси к заранее обговоренному месту, там меня встретило доверенное лицо компании и сообщило, куда мне следует направиться уже на другой машине. Трое мужчин проводили меня к роскошному автомобилю. Поездка не вызвала у меня приятных эмоций. Я был словно комок оголенных нервов, мой разум оказался не готов к такому жесткому давлению. Мне было неимоверно жарко: сорок пять – пятьдесят градусов, и казалось, что в машине нет кондиционера. Мы проезжали мимо благоухающих зеленых садов, стволы деревьев мелькали за окном, похожие на вертикальные палочки штрихкодов. Позже мы свернули на прилегающую дорогу, прямую и ровную, словно ртутный столбик термометра, конец которой терялся где-то вдали за горизонтом. Мы устремились вперед, не снижая скорости, пока прямо перед нами не выросли огромные массивные ворота. По обеим сторонам стояли вооруженные солдаты. Тут же я заметил четырех собак, их розовые языки, как

незаправленные полы рубашки, свисали из приоткрытых пастей. Ворота открылись, и мы въехали внутрь.

Меня проводили в комнату, где я отдыхал в течение нескольких часов. Мой багаж забрали. Сон никак не шел. Было слишком жарко для того, чтобы хотя бы пытаться уснуть. Мне вернули багаж, контейнер с порошком по-прежнему находился внутри. Задумчиво повертев в руках, я положил его в карман брюк.

Я сообщил своим охранникам, что мне жизненно необходимо пройти в уборную, – действительно, мочевой пузырь был полон и беспокоил меня в данный момент больше, чем совесть. В туалете с одной стороны на стене было прикреплено около двенадцати писсуаров, вдоль другой стены возвышалось полдюжины раковин. Влажные разводы на покрытых темно-синей плиткой стенах свидетельствовал! о недавней уборке, но блестящий пол был не так чист, как мне хотелось. Я сделал то, ради чего пришел сюда, вымыл руки и потом, словно в дешевом кино, взглянул на себя в зеркало. Жадно всматривался в свое отражение: внимательно изучал подбородок, покрытые щетиной щеки, густые брови, слишком большие уши. Именно такое лицо видела вечерами Кейт, когда льнула ко мне, бормоча «поцелуй перед сном» или «время для поцелуев в кровати», и касалась своими мягкими губами моих губ. Я с ужасом осознавал, как бешено колотится мое сердце, насыщая кровь адреналином.

В туалет вошел охранник, который был мне незнаком, высокий, худощавый человек, за поясом у него поблескивала золотая рукоять пистолета.

– Спаситель хочет видеть вас, – произнес он.

VIII

Если бы он сразу спросил «почему ты здесь?», или «что тебе нужно?», или подобное, не сомневаясь ни единого мгновения, я рассказал бы всю правду. Конечно, у меня были заготовлены ответы на эти вопросы, но, вновь увидев Ника, я почувствовал, как меня охватывает нервная дрожь. Но, естественно, его нисколько не озадачило мое желание вновь увидеться. Он воспринимал это как должное. Бесспорно, я хотел с ним встретиться – а кто бы не хотел? Его лицо озарила широкая насмешливая улыбка, и он шагнул вперед, чтобы обнять меня.

Мы находились в просторной комнате с низкими потолками. Вокруг нас, словно безмолвные изваяния, стояли вооруженные мужчины и женщины: некоторые белые, как я, цвет кожи других был золотистого оттенка, как выдержанный херес, были и очень смуглые, словное эбеновое дерево. В углу светился большой экран, но звук был выключен. Сквозь забранное решетками окно я видел просторы выжженных солнцем полей, а где-то далеко на горизонте – едва различимую в мареве границу садов.

– Спаситель? – спросил я хриплым от волнения голосом.

– Ты можешь поверить в это? – Он закатил глаза, будто хотел рассмотреть что-то на потолке, – если бы он только знал, что по такой же траектории и солдаты компании должны спикировать вниз. – Я всеми силами старался избежать этого, черт побери!

– Уверен, так и есть, – ответил я. И, крепко сжав в кармане контейнер с порошком, чтобы унять нервную дрожь, быстро добавил: – Ты знаешь, я начал принимать стимуляторы.

Ник невесело взглянул на меня.

– Боюсь, тебе придется выйти на улицу, если соберешься нюхать это.

На мгновение мне показалось, что вот сейчас он настоящий, искренний, и мое сердце учащенно забилось, руки дрожали, лоб вспотел. Когда же Ник засмеялся и жестом пригласил меня присесть на низкий диван, я почувствовал облегчение, такое же острое, как внезапный приступ страха. Присел и попытался, сосредоточившись на предстоящем непростом разговоре, унять дрожь в ногах.

– Знаешь, что я ненавижу больше всего? – спросил он, как бы возвращаясь к прерванному недавно разговору. – Само понятие «крайняя враждебность в отношении человеческого тела». Возьмем, например, упитанного мужчину или дородную женщину и будем критиковать их за то, что они толстые. Таким образом, ты становишься «врагом человеческого тела». Знаешь, в чем здесь

ошибка? Проблема рассматривается не в том ракурсе. В этом чертовом мире, где треть населения владеет всеми запасами еды, а две трети умирают от голода, – в том мире, где твоя дорогая компания зарабатывает миллиарды, создавая и внедряя новые технологии против ожирения, люди слишком глупы, чтобы понять, что они могут стать стройнее совершенно бесплатно – просто начав меньше есть, – в этом мире тучные люди воруют еду у худых, обрекая их на голодную смерть. Это мир, где ожесточенными врагами становятся те, кто критикует толстяков? Видишь, что все перевернулось с ног на голову?

Я достал контейнер и вдохнул немного порошка. Микроскопические гранулы, включившись в процесс метаболизма, стремительно ворвались во все системы моего организма. Подобно тому как огонь используют для тушения вырывающихся из нефтяной скважины языков пламени, дополнительная стимуляция оказала успокаивающее действие.

В воздух взметнулось белое облачко. Я закашлялся, театрально взмахнуЕ рукой, будто пытаясь разогнать его.

– Итак, тебе ничего не мешает уйти?

– Но я не властен над этим, – воскликнул он. – Черт, как приятно снова тебя видеть! Я не стремился к тому, чтобы управлять, – но как никто другой был заинтересован в этом. Движется буря, и она закружит все человечество, словно осенние листья.

– Кое-что из этого принадлежало компании, – решился я. – С юридической точки зрения, ты не имел права обнародовать информацию по некоторым протоколам, касающимся АДФ[95] и АТФ[96], поскольку к тебе они не имели отношения, не так ли?

– Весь материал, касающийся волос, был моим, – ответил он.

– Только хочу сказать, что…

– Конечно, но волосы…

На мгновение я задумался о вооруженном отряде солдат, стремительно приближающихся к нам сверху, об их массивных ботинках, подошвы которых с каждой минутой все ближе и ближе к нашим головам.

– То, что касается фотогальванических моментов теории, взаимодействия лизина и образования проводящих каналов внутри каждого отдельно взятого волоса, – твое. Но, имея все это, невозможно создать высокотехнологичную продукцию без участия АТФ.

Он пожал плечами.

– Ты рассуждаешь как юрист. Я хочу сказать, что ты рассматриваешь науку с точки зрения закона. Но это далеко не так. Ты не допускаешь, что есть моральное побуждение к

действию, когда знаешь, что голод убивает население южноафриканских республик, невероятное количество людей умирает каждую неделю? – Вдруг его лицо просветлело. – Черт, несмотря ни на что, как приятно снова тебя видеть! Если бы я не обнародовал разработки компании, они бы выжали из этого все до последнего евро, а миллионы людей погибли бы. – Но чувствовалось, что в глубине души он уже не придает должного значения этой словесной перепалке. – Подожди, пока не покажу тебе все, – произнес он голосом, полным мальчишеского восторга, описав в воздухе правой рукой полукруг.

Где-то невдалеке раздался вой сирены. Приглушенный расстоянием, он напоминал кошачье мяуканье. Ник не обратил на это ни малейшего внимания, но несколько охранников вскинули головы, а один вышел посмотреть, что происходит.

Я почувствовал, как тревога и волнение захлестнули меня. Уверен, что предательство не относится к числу моих врожденных привычек. Оно причиняет столько неудобств. Мне было невыносимо находиться здесь. Капли пота, стекая со лба, застилали мне глаза.

– Прежние ритмы жизни меняются, – сказал Ник. – Сейчас все по-другому.

Я испытывал неудержимое желание заорать. Из последних сил, стиснув зубы, подавил этот порыв.

– Бесспорно, власть боится, – продолжал он. – Конечно, она мечтает остановить нас. Не дать нам освободить людей от нависшей угрозы голода. На протяжении долгих лет власть держала людей в постоянном страхе умереть от голода, тем самым порабощая их, добиваясь от них беспрекословного подчинения.

– Позволь сказать, – хриплым голосом произнес я, – насколько сильно мне нравились твои лекции на политические темы на втором курсе.

– Эй! – воскликнул он, то ли в притворном возмущении, то ли действительно разозлившись. Я был не в том состоянии, чтобы адекватно оценивать обстановку.

– Дело в том, что… – только и успел произнести я, как вдруг в одно мгновение все и произошло. С улицы послышался прерывистый стрекот винтовок. Внезапно я осознал, что высокочастотный шум. ровным гулом пронизывающий мой мозг последние несколько минут, на самом деле был настоящим звуком, а не просто звоном в ушах. В следующее мгновение он заполнил собой все окружающее пространство, дойдя до наивысшей точки. Над головой послышался страшный треск, и в образовавшемся на потолке разломе в облаке дыма и штукатурки

появился огромный металлический нос летательного аппарата. Крыша просела от его тяжести, так что стены покачнулись и, словно в карточном домике, едва не сложились внутрь. Открылся люк, выпуская в помещение двух, трех, четырех вооруженных солдат – они ловко спрыгнули на пол, развернулись и открыли огонь. И последующие секунд двадцать только бесконечный грохот взрывов, стрекот пулеметных очередей и стойкий запах пороха – вот все, что я помню.

И непрекращающийся, пробирающий до мозга костей звук, словно сама вселенная мягко, но настойчиво водит огромным пальцем по краю винного бокала, все ускоряя и ускоряя темп.

Я моргнул несколько раз и оглянулся вокруг. В воздухе кружилась пыль, плотной завесой тумана скрывая окружающие меня предметы. Открытый металлический люк, словно распахнутый клюв огромной птицы, виднелся из разверзшегося потолка, наводя на мысль об авангардной металлической люстре. Полдюжины солдат, крепко сжимая свое оружие, стояли то тут. то там. На полу распростерлись тела убитых. Мне не хотелось пересчитывать, сколько их, или более пристально их рассматривать. Оказалось, что рядом со мной на диване сидел удивленно оглядывающийся Ник.

Я начал шевелить губами, пытаясь хоть что-то сказать ему, как вдруг осознал: либо я что-то произнес и сам не услышал этого, либо ни звука так и не вырвалось из моего приоткрытого рта.

Ник не смотрел на меня. Он дернулся вперед и приподнялся с дивана. Замер, встав на ноги. Из бокового кармана Ник достал небольшой предмет и, задумавшись на мгновение, взял его в правую руку. Сейчас я уже не помню, стояли ли солдаты в полном безмолвии или кричали что-то ему, эти воспоминания, увы, не сохранились. Белые облачка пыли и штукатурки медленно оседали вниз. Ник поднял пистолет, уверенно сжимая его в вытянутой руке. Как вдруг, словно по взмаху магической палочки фокусника, из его груди вырвались ярко-красные ленты, Ника резко отбросило назад, он перелетел через невысокую спинку дивана и приземлился спиной на пол. В тот же миг я понял, что произошло.

Возможно, он принял решение уйти из жизни, окруженный ореолом мученика, либо в самый последний момент, либо давно продумывал это и все рассчитал. Скорее всего, Спаситель не может донести до сознания людей свое учение каким-то иным способом. А быть может, на протяжении всей жизни находясь под защитой своего эго, он искренне верил, что в одиночку может справиться с полудюжиной солдат и стать героем дня. Честно

говоря, я не знаю.

IX

Я был вынужден покинуть свой дом и скрываться во временных убежищах. Бесспорно, Иуда, подобно любому другому действующему лицу религиозной драмы, фигура святая и значительная. Но верующий человек (Кейт, вечерами перед сном преклонив колени, смиренно молится доброму Иисусу) может совершить ошибку, поддавшись искушению принять образ мыслей своего внутреннего Иуды. Никто не любил Ника так искренне, как я. И никто на свете не знал его так же хорошо. Но он всегда жил в достатке, и ни единый порыв его прогрессивного сознания или эгоистичного желания нести добро в этот мир не мог повлиять на неспособность на самом деле войти в жизнь обездоленных. Бедняки не хотят, чтобы их спасали. Даже бунтовщики и мятежники Индийской Федерации, даже голодающие австралийцы, даже они – если бы им стало это известно – не желают, чтобы богоподобный богатый человек перенес их на руках в новое царство. То, о чем они мечтают, гораздо прозаичнее. Они не хотят быть бедными. Это одновременно и очень просто, и очень сложно. Теория об удивительных свойствах волос, принадлежащая Нику, на самом деле была единственным способом раскрыть сущность классовых отношений. Согласно его утопии бедняки должны были превратиться – в буквальном смысле этого слова – в растительность земли. Зажиточные слои упрочили бы свои позиции в качестве «зоологии» по отношению к «ботанике» неимущих. Трудно представить себе что-то более разрушительное, поскольку в сознании людей в скором времени закрепилось бы, что это совершенно естественно и неизбежно, что богачи пасутся на полях бедняков, а те созданы для того, чтобы позволять совершать это. Даже не осознавая того, Ник трудился над тем, чтобы сделать бесправных граждан совершенно бесполезными, превратить их в траву, на которой будет кормиться денежная аристократия. Я любил его, но он творил зло. У меня не было выбора.

X

Вчера вечером, когда мы лежали в постели в моей новой квартире – очередном безопасном пристанище, предоставленном компанией, находившейся не-могу-сказать-где (хотя я платил арендную плату), Кейт сказала мне:

– Я была словно половинка убывающей луны. Но, подобно луне, я вновь возрождаюсь и становлюсь полной.

Я был удивлен. Эти слова не похожи на то, что она обычно произносила.

– Что-что, дорогая? – переспросил я. – Что ты сказала, любовь моя?

Но Кейт уже спала, плотно сомкнув свои алые губы, в тишине было слышно лишь ее ровное дыхание.

РОБЕРТ РИД
ПЕРЕД МОИМ ПОСЛЕДНИМ ВЗДОХОМ

Свой первый рассказ Роберт Рид опубликовал в 1986 году и вскоре стал постоянным автором журналов «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Asimov's Science Fiction» и многих других. Рид – один из самых плодовитых современных фантастов, особенно среди авторов малой прозы. Серьезную конкуренцию ему могут составить лишь Стивен Бакстер и Брайан Стэблфорд. Как и они, Рид поддерживает очень высокий уровень литературного мастерства, что довольно непросто. Его фантастические рассказы, такие как «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Брат Совершенство» («Brother Perfect»), «Порядочность» («Decency»), «Спаситель» («Savior»), «Реморы» («The Remoras»), «Куколка» («Chrysalis»), «Хвост» («Whiptail»), «Запасной игрок» («The Utility Man»), «Мозг» («Marrow»), «День рождения» («Birth Day»), «Слепой» («Blind»), «Небесная жаба» («The Toad of Heaven»), «Шаг вперед» («Stride»), «Форма всего сущего» («The Shape of Everything»), «Почетный гость» («Guest of Honor»), «Плата задобро» («Waging Good»), «Убить завтрашний день» («Killing the Morrow»), и около полудюжины столь же ярких работ стоят в ряду лучших произведений жанра 1980-1990-х годов. Многие из них входят в сборники «Драконы Спрингплейса» («The Dragons of Springplace») и «Кукушата» («Cuckoo's Boys»). Рид состоялся и как талантливый романист. С конца 1980-х он написал одиннадцать романов, в их числе «Подветренный берег» («The Lee Shore»), «Гормональные джунгли» («The Hotmone Jungle»), «Черное молоко» («Black Milk»), «Удивительные» («The Remarkables»), «По светлому пути» («Down the Bright Way»), «За звездной вуалью» («Beyond the Veil of Stars»), «Восторг жаворонков» («An Exaltation of Larks»), «Под открытым небом» («Beneath the Gated Sky»), «Жизненная сила» («Marrow»), «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Колодец звезд» («Well of Stars»), «Пожиратель костей» («Eater-of-Bone»), а также две повести: «Топь» («Mere») и «Особенности моего гения» («Flavors of My Genius»). Рид живет со своей семьей в городе Линкольн, штат Небраска.

В этом рассказе автор раскрывает захватывающую археологическую тайну, корни которой уходят в далекое прошлое.

ТОМАС

В тот день было ясно и исключительно холодно. Геолог компании, закончив: дела, ехал по дну карьера, когда его взгляд привлекла вспышка отраженного света. Ему не очень-то хотелось возвращаться домой, и, несмотря на тридцать один год работы в угольной промышленности, в нем по-прежнему жил любопытный мальчишка. Он подал машину назад и снова заметил вспышку. Она показалась ему достаточно занимательной, чтобы надеть шапочку и рукавицы, медленно вскарабкаться по склону из лигнитового угля[97] и внимательно рассмотреть нечто совершенно невероятное.

Когда Томас доехал до полевого офиса компании, его пальцы успели онеметь, а кончик носа – отморозиться. Но он задрожал от холода, лишь когда подошел к картам и показал начальству, какой именно участок карьера не следует трогать до приезда более опытных специалистов, которые все там осмотрят.

– Что ты нашел в карьере? – спросили его.

– Неизвестный вид, – честно и веско ответил геолог.

Шестьдесят миллионов лет назад растительный материал копился в бассейне реки, зажатой между молодыми горными хребтами. Затем образовавшийся торф засыпало обломками пород, и он медленно превратился в малосернистое сокровище, которое ныне питало топки половины электростанций страны. В округе Паудер-ривер различные окаменелости были делом обычным. Сам уголь часто выглядел как перегнившие листья и палки. Но способа систематически исследовать то, что добывали в карьере огромные машины, не имелось, ведь каждый наполненный ковш экскаватора предвещал тонны прибыли. Поэтому лишь один человек из находившихся в офисе хотел сохранить сделанное открытие, независимо от степени его уникальности.

Геолог выслушал решение группы. Затем он поднял ставки, показав фотографии, сделанные камерой мобильного телефона.

– Это ни на что не похоже, – добавил он. И пробормотал, в основном для себя: – И в мире ничего подобного нет.

– Да видел я уже такое, – рявкнул один из руководителей. – Ерунда это, Том.

По характеру Томас не был спорщиком, он спокойно кивнул в ответ, но потом с легким вызовом спросил:

– Так почему бы нам в этом не убедиться, черт побери? На всякий случай.

– Нет, – прорычал другой босс. – Забудь об этом.

Тридцать один год верной службы компании преподал геологу четкий урок: здесь подобные споры не выигрываются никогда. Он отступил и поехал в свой маленький дом, которой

находился в Джиллетте[98]. Полусонная жена сидела перед телевизором. Томас вылил остатки ее виски в раковину. Женщина встала, принялась ругать его за какую-то ерунду и замахнулась, собираясь ударить по лицу. Он перехватил ее руку и доволок до кровати, невозмутимым голосом пожелал доброй ночи, наконец она. успокоилась и закрыла глаза. Потом нашел адреса нескольких десятков важных персон и учреждений и разослал им по электронной почте короткое, но четко сформулированное письмо, добавив лучшие фотографии с места находки и номера своих телефонов. Томас быстро принял душ и стал ждать. Никто не позвонил. Тогда он оделся, поужинал, отнес в свой пикап два незаряженных ружья и большой термос с кофе и, поразмыслив несколько минут, поехал обратно в карьер, где остановился недалеко от найденного ископаемого.

План у него был простой: отгонять экскаваторы как можно дольше, сначала словами, а если будет необходимо, пригрозить оружием. Но это были лишь временные меры. Ситуацию, как он обнаружил, усугубляло то, что здесь, в самом глубоком углу карьера, телефон не работал. Поэтому ему пришлось подняться на мороз. Ориентируясь по звездам, Томас вышел к машине. Прихватив небольшой молоток, он намеревался отколоть несколько кусков окаменелости – для подстраховки на тот случай, если это сокровище выкопают и увезут на восток, где оно обречено сгореть вместе с остальным безызвестным углем.

МЭТТИ

Лишь немногие обратили внимание на странное электронное письмо. Трое коллег-геологов написали ответ автору, двое оставили сообщения на его голосовой почте. Научный репортер CNN поручил своему стажеру позвонить в главный офис корпорации и выяснить их мнение. Дежурный представитель по связям с общественностью ничего не знал об этом происшествии и усомнился в его научной ценности. Процитировав сведения о безупречной репутации компании в области охраны окружающей среды, он повесил трубку. В отчаянии стажер наугад позвонила какому-то астроному, живущему в Колорадо. Ему об этом также ничего не было известно. Женщина взглянула на присланное ей электронное письмо, особенно на приложенные фотографии, и скучающим голосом произнесла: «Интересно». И лишь позднее, когда стажер внимательно рассмотрела скрюченное тело со странными конечностями и очень необычным черепом, ее сердце забилось сильнее. Она позвонила геологу. Никто не ответил.

Оставив ему предупреждение о скором прибытии, Мэтти тепло оделась, прихватила из редакции спутниковый телефон, купила два больших стакана кофе навынос и рванула из Боулдера.

Насколько хрупка и скоротечна жизнь, она осознавала лучше большинства людей. Мэтти, которую прежде никогда не останавливала полиция, во время той поездки на север трижды штрафовали за превышение скорости. Подъехав к карьеру, она пристроилась за пустым грузовиком, спрятавшись под его задней осью. Единственный охранник на въезде как раз в тот момент отлучился по малой нужде, и женщина сумела проскользнуть незамеченной на этот выщербленный неземной ландшафт.

Координаты GPS привели ее к пикапу у подножия черно-бурого утеса. Мотор работал, за рулем спал незнакомец. Рядом с ним на сиденье она увидела нечто, похожее на огромные бесформенные руки, обнимающие большое золотое кольцо. К дальней дверце были прислонены два ружья. На мгновение Мэтти замешкалась, но все же, поборов природную осторожность, постучала по стеклу. Незнакомец проснулся. Вздрогнув, он уставился на нечто похожее на привидение – молодую женщину почти без волос, с худым, изможденным лицом.

Он нервно опустил стекло.

– Вы Томас Грин? Я Мэтти Чонг.

– Что вы здесь делаете? – спросил усталый Том, не успев толком проснуться.

– Приехала взглянуть на вашего инопланетянина.

Ответ его удовлетворил. Больше он был встревожен внешностью незнакомки.

– Мэм, не возражаете, если я спрошу… Что с вами такое?

– Рак, – спокойно ответила Мэтти, направляя луч фонарика на глубокую выемку в лигните. – И если я протяну четыре месяца, то побью все прогнозы моих врачей.

ПРЕЗИДЕНТ

Очень редко случалось так, что он оказывался не в центре всеобщего внимания. И этот день стал одним из таких исключительных случаев: президент находился в трейлере, набитом учеными, агентами секретной службы, представителями угольной компании, избранными репортерами и делегацией из трех конгрессменов Вайоминга. Но героем дня был доктор Грин, и всем хотелось стоять рядом с прославленным геологом. Конечно, доктору Чонг полагалось бы разделить с ним лучи славы, но сегодня утром она улетела в Юту. Ее болезнь приняла ожидаемый

и, вероятно, фатальный оборот. Президент был здесь всего лишь еще одним гостем и, став знаменитостью меньшего калибра, был обязан пожимать руки и проявлять беспокойство о здоровье несчастной женщины. Каждого исследователя требовалось поздравить с этим историческим, потрясшим мир открытием. Президент настаивал, чтобы все вокруг улыбались. Он отлично умел изображать навязчивую веселость и общительность, а сегодня находился в лучшей для этого форме – когда на душе у него скребли черные кошки.

Сегодняшний день был особенно мерзопакостным. Резкий ветер и низкие свинцовые облака лишь подчеркивали мрачное настроение президента. Оно испортилось еще утром, когда пришел слух о том, что бывший глава администрации – скользкий политический червь – собирается передать следователю по особо важным делам проклятый чемоданчик с деньгами и десять часов исключительно компрометирующих записей. Администрация президента получила серьезное ранение и завтра вполне могла скончаться. Советники уговаривали отменить поездку в Вайоминг, но для этого понадобился бы искусный предлог, да и что бы изменилось? Ничего. К тому же президент понимал, что если достаточно много людей начнет восхищаться этими старыми костями и странными артефактами, то надвигающаяся опасность может оказаться не столь ужасной, какой обещала быть.

Администратором проекта стал доктор Ирвинг Кейс. Эту должность он занимал менее недели, но инстинкты старого бюрократа его не подвели, и сейчас он щеголял пустой широкой улыбкой, сдобренной низким приятным голосом.

– Господин президент, сэр. Не хотите ли посмотреть на открытие?

– Если можно это устроить. Давайте взглянем на старину Джорджа.

Они вышли в зимнюю стужу. На месте погребения уже установили палатку, чтобы защитить его от ветра и угольной пыли. Пока президент со свитой шагали по унылому дну карьера, десяток экспертов, перебивая друг друга, громко соглашались, что найденное ископаемое удивительно, уникально и, разумеется, просто бесценно. Первоочередной задачей было ничего не потревожить, потому что каждая мелочь имела значение. Да только никто не мог сказать, что важно, а что – нет. Президенту все твердили, как мало пока известно, и тут же предлагали десяток гипотез, объясняющих происхождение существа, как оно могло выглядеть при жизни, почему оказалось там, где оказалось, и почему жило не здесь.

– Оно жило не здесь? – переспросил президент и, решив пошутить, добавил: – Какое великолепное заброшенное место! Как раз в таких и бродят все киношные инопланетяне.

Сопровождающие рассмеялись, проявив мимолетную несерьезность, которая иногда свойственна власть имущим. Потом они дошли до палатки, и воцарилась благоговейная тишина. Кейс вежливо, но твердо напомнил правила: надеть защитные маски и перчатки, ничего не трогать. Затем попросил журналистов отойти, чтобы всем было хорошо видно.

Фотографии и видео уже продемонстрировали миру таинственную находку. Огромный пласт угля, в котором было захоронено тело существа, окрестили Большим Джорджем, поэтому его (или ее) стали неформально называть так же. В палатке подвесили лампы. Угольную крошку вымели, и теперь на полу было тесно от научных приборов и разноцветных змеящихся проводов. То, что предстало взгляду президента, было одновременно понятным и неизмеримо странным: шестьдесят миллионов лет назад нечеловеческие руки выкопали глубокую яму в водянистом торфе, а затем или Джорджа опустили в нее ногами вперед, или он сам туда забрался. Работали лопатами – два археолога указали на почти невидимые детали и уверенно описали, как выглядели металлические инструменты и какие конечности ими орудовали. Однако скептики напоминали, что все это лишь очень неплохие предположения, но ничего пока не доказано. И, возможно, такое положение дел никогда не изменится.

Джордж был существом крупным, и даже неискушенному наблюдателю было ясно, что он из другого мира. Тяжесть угольного пласта сплющила его, но гораздо меньше, чем ожидал президент. Две согнутые ноги перемещали длинное горизонтальное тело, предположительно, еще две конечности были не видны, скрытые толщей породы. Пятая поднималась из-за угловатой головы, напоминающей богомолью выражением настороженности, застывшим на лице, – суставчатая рука, сложная и лишь частично сохранившаяся. Как и другую руку, ее снесла лопата доктора Грина вместе с ныне знаменитым золотым кольцом. Тело выглядело величественно, но у президента почти сразу появилось впечатление, что Джордж смотрится нелепо, словно тут свалены в кучу части тел самых разных существ, а хитроумный фальсификатор сейчас втихаря посмеивается, глядя на дурацкое восхищение собравшихся.

– Как нам удалось обнаружить этого бедолагу? – спросил президент самого знаменитого в мире геолога.

– У края могилы слой угля стал тонким, – пояснил Грин.

Навалившаяся известность начала его выматывать: глаза с набрякшими веками полуприкрыты, а на лице и в опущенных плечах читалась глубокая усталость. – Если бы ковш экскаватора прошел в другом месте, я бы ничего не заметил.

– Вы говорите о кольце?

– Да, сэр.

– Я еще не видел этот артефакт, – заметил президент.

– Руки и кольцо отосланы в Сандию[99], сэр. Для анатиза и тщательного изучения, – пояснил Кейс, приблизившись к нему.

Президент кивнул и снова перевел взгляд на существо.

– Так хорошо сохранился.

– Признаки разложения тела очень малозаметны, – пояснил он. – И причина нам неизвестна. Возможно, его сохранили кислотность торфа и отсутствие кислорода. Хотя не исключено, что плоть оказалась попросту слишком инородной и несъедобной для наших микробов, – с наслаждением произнес свой небольшой сценический монолог Кейс.

Президент опять кивнул, изображая, будто осмысливает причуды чужой биологии. Потом вернулся к утверждению, которое не так давно его озадачило.

– А почему мы считаем, что Джордж жил не здесь?

– Ноги, – отозвался кто-то.

Каждая нога заканчивалась узкой трехпалой ступней.

– Они не для хождения по болотам, – вставил еще кто-то. – Джордж погрузился бы в него по колено, а то и глубже.

Нарушив правила, президент шагнул ближе. Никто не осмелился его остановить, но вокруг стало заметно тише. Существо было чуть меньше лошади крупной породы. Опустившись на колени, президент уставился на заднюю ногу существа, двигая головой, чтобы та не отбрасывала тень. Останки пролежали в бывшем болоте шестьдесят миллионов лет, однако сохранили плоть и даже, похоже, естественный цвет – коричневатый. Сокрушительный вес породы вывернул мертвую ногу, на которой был виден каждый палец. Но, наверное, еще поразительнее оказалось то, что лежало возле ступни, – остатки шкуры какого-то животного, раскроенной и сшитой в некое подобие простой обуви.

– Это что, действительно мокасин? – спросил президент.

Доктор Кейс тоже опустился на колени рядом с ним и сильнее прижал ко рту маску, чтобы абсолютно исключить вероятность загрязнения своего сокровища микробами.

– Мы еще нашли не менее пятнадцати фрагментов того, что, с большой вероятностью, было одеждой, господин президент. И шесть металлических предметов, похожих на ножи и тому

подобное. Все они закреплялись на теле.

– А что-нибудь особое?

Администратор моргнул, не поняв смысла вопроса.

– Ну вроде лазерного оружия или портативного реактора.

– Ничего подобного, сэр.

– И это меня удивляет, – признался президент.

Кейс встал и протянул ему руку.

– Насколько мы можем судить, сэр… перед нами технология на уровне раннего железного века. Если не более древняя.

Президент встал без посторонней помощи.

Еще несколько минут дилетантского осмотра завершились, когда кто-то упомянул про обед.

– Отличная идея, – согласился президент. – Позволим ученым вернуться к работе!

Все вышли из палатки и стянули душные маски. Отвлечение от проблем закончилось, шоу завершилось. Президент ощутил, как его снова охватывает депрессия, черной горой наваливаясь на стареющее тело. Он вытер рот рукавом, выслушал пустые благодарности нескольких человек и натянул одну из своих фирменных улыбок, гадая, почему за всю историю страны ни один президент не покончил с собой прямо в кабинете. Принимая во внимание неизбежные при его должности стрессы, такой факт выглядел поразительно. Даже почти оплошностью или упущением. Идея оказалась настолько интригующей, что он даже на несколько секунд отдался яркой фантазии: он убьет себя сегодня, люди во всем мире зарыдают, и таким поступком он надолго обеспечит себе место в истории, пусть даже бесславное.

ИРВИНГ

Его попросили сказать несколько слов на похоронах, отдать честь утраченной героической фигуре. То была прекрасная речь в теплый солнечный день в конце сентября, вся пресса и миллионы людей смотрели только на Ирвинга. Но как можно избавиться от великой личности – того, кто состоит не только из плоти и крови, но и из цифровых изображений и бесчисленных воспоминаний? Этот вопрос он задавал себе, готовясь к выступлению. Конечно, он не скажет ничего столь очевидного или на грани глупости, но такова была суть ситуации. Большинство граждан мира были анонимными телами с немногими пожитками, о которых скоро забудут. Но современных знаменитостей уже нельзя ни похоронить, ни кремировать. Их жизни настолько огромны, настойчивы и упрямы, что подходящую для них могилу выкопать

невозможно. И действительно, смерть может выпустить самых больших знаменитостей на свободу в более просторный и долговечный мир, где они не будет стареть и, если повезет, станут с течением лет еще более впечатляющими. Поэтому Ирвинг озвучил величайшее восхищение коллегой, который быстро стал его добрым другом.

– Печальная, трагическая смерть, – произнес он, – столь же неожиданная, как и находка в угольном пласте. Это утрата для всех нас.

Он не упомянул глубокую иронию, ускользнувшую от всеобщего внимания: Томас Грин погиб в нелепой аварии, в то время как здоровье женщины, открывшей вместе с ним Джорджа, улучшалось – ее изнуренное болезнью тело откликалось на экспериментальное лечение с помощью стволовых клеток и модифицированных фагов.

Когда Ирвинг сошел с подиума, собравшиеся улыбались.

Конечно, Мэтти заслужила право на последнее слово, и она воспользовалась этим, чтобы просить о полном финансировании продолжающегося проекта «Кладбище». Это было бестактное проявление политики, и только ей оно сошло бы с рук. Ирвинг был администратором проекта и слишком известной личностью, чтобы действовать настолько очевидно. Но он был признателен Мэтти за поддержку, о чем и сказал ей позднее. В Джиллетте был устроен прием, затем очередная из бесконечных пресс-конференций, и они сидели рядом за длинным столом, снова и снова отвечая на одни и те же вопросы.

Даже через десять месяцев после открытия никто не мог сказать точно, насколько велико кладбище. Но факты намекали на то, что там покоится огромное количество тел, похороненных за многие тысячи лет, и большая часть еше глубже, чем Джордж. По этой причине весь карьер был закрыт и превращен в национальный монумент. Электростанции на востоке сидели на голодном пайке, но этот факт лишь подчеркивал важность «Кладбища». Каждый журналист хотел знать, почему инопланетяне выбрали для него именно это место. Мэтти и Ирвин: признались, что им тоже хочется это понять и собственное невежество приводит их в такое же отчаяние. Пока из огромного угольного пласта извлечено тридцать восемь Джорджей. Как правило, чем глубже находились тела, тем лучше была их одежда и изящнее разные предметы, хотя ничего достойного космических путешественников пока нашли. Не вдаваясь в подробности, Ирвинг намекнул что вскоре может состояться окончательный подсчет тел, а Мэтти затем упомянула сейсмическое сканирование – детально разработанный эксперимент с целью

сделать лигнит прозрачным, как вода.

– Но только не ставьте слишком много на успех, – предупредил Ирвинг журналистов и камеры. – Технология новая и пока ненадежная, а результат придется ждать несколько месяцев, если он вообще будет.

Казалось странным, что человек, занимающий такую должность, откровенно волнуется. Но если сканирования окажутся неудачными, вину за это могут свалить на него. И кому от этого станет лучше? Сейчас у него была не работа, а мечта, и Ирвинг намеревался остаться в этой мечте как можно дольше. Это была вершина его карьеры, и он не мог представить большего счастья, чем сейчас, когда в его власти находились сотни человек и миллиардный бюджет: он возглавил империю, которая уже изменила взгляды человечества на себя и на вселенную.

Ирвингу пресс-конференция подняла настроение, а Мэтти утомила. Он счел своей обязанностью проводить все еще слабую женщину до машины, хотя она и заявляла, что дойдет сама.

– Я настаиваю, – сказал он.

Они пожали руки на прощание, и он уже возвращался в зал, когда к нему быстро подошел сотрудник и прошептал:

– Сэр, вам надо это увидеть.

– Что увидеть? – Потом до него дошло, и он пробормотал: – Результаты?

– Да, сэр.

Ноутбук стоял на столе в небольшой кухне, подключенный к компьютерам в базовом лагере, и новости оказались настолько ошеломительными, что этот человек, умевший в любой ситуации найти правильные слова, онемел, а ноги у него ослабели, когда он увидел данные, сделавшие его сокровенные мечты похожими на жалкие фантазии.

Экран был испещрен белыми отметками и длинными числами. У каждой могилы имелись точные координаты, дополненные оценочным размером, количеством металла и другой важнейшей информацией. Площадь кладбища составила пять квадратных километров, и мертвецы там лежали густо, особенно в самых глубоких слоях.

– Сколько их?.. – пробормотал он.

– Не менее тридцати тысяч, сэр.

Ирвинга снова подвел голос.

Помощник неправильно понял его молчание, приняв за разочарование.

– Но это не окончательное число, – быстро добавил он. – Там столько тел, особенно в самом низу… Их количество обязательно будет намного больше.

БАРСУК

Почему он полюбил эту девушку – вопрос сложный. Причин было столько, что и не сосчитать: моменты счастья и многозначительные взгляды, которыми она его одаривала, и легкие прикосновения в темноте, и прикосновения начатые, но незавершенные. Так она дразнила. Дразнить она умела мастерски. Она была забавная, и острая на язык, и, конечно же, очень красивая, но при этом относилась к своей красоте так, как большинство девушек не умели. Худощавая, с мальчишеской фигуркой и самыми маленькими грудями, к каким ему доводилось прикасаться, – в чем он однажды по глупости признался. Но еще у нее были чудесные пухлые губы, безупречный нос и невозможно огромные глаза, полные неземной голубизны, наблюдавшие за ним, когда он говорил, и еще более внимательные, когда он молчал. Она была наблюдательна в том, что он даже не замечал, хорошо разбиралась в людях и, хотя редко уезжала из Вайоминга, похоже, знала о мире больше своего гораздо более взрослого бойфренда, успевшего объехать вокруг земного шара раза три или четыре.

Барсук мало что помнил о местах, где ему довелось побывать, но Ханна знала, что, если его как следует расспросить, он может рассказать, как выглядит Сахара в полночь, и что он видел на определенной улице в Пномпене, и что испытываешь, копая туннель к погребальной камере инков через семьсот лет после того, как ее замуровали.

– Почему Барсук? – был ее первый вопрос уже в первые секунды их знакомства.

Он глотнул пива и обвел взглядом бар, гадая, кто эта малявка.

– Потому что меня так зовут, – ответил он, пожав плечами.

– Ты ведь копаешь туннели?

– Ты кто такая?

– Ханна. – Она уже пристраивалась на стул рядом с ним. Потом без лишних слов взяла его кружку, сделала глоток и ухмыльнулась, слизывая с верхней губы пену. Затем добавила, угадав его мысль: – Мне двадцать два.

– Врешь, – не поверил он.

Она рассмеялась и вернула ему кружку.

– Говорят, Барсук, что ты работаешь на кладбище, докапываешься до самых интересных Джорджей.

– Ты в какую школу ходишь?

– Не в школу, а в университет в Ларами. – Она поставила локоть на стойку бара и уперлась изящным подбородком в

ладонь, сжав пальцы под крупным чудесным улыбающимся ртом. И без тени сомнения заявила: – Ты не очень-то уверенно чувствуешь себя рядом с женщинами. Верно, Барсук?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я тебя видела. И, кажется, спрашивала про тебя. – Потом, рассмеявшись, добавила: – А может, слышала, что есть такой парень по имени Барсук, который копает туннели для доктора Чонг, и тут вошел ты, и я предположила, только взглянув на тебя: ты и есть тот парень. Что ты об этом думаешь?

Он не понял, о чем ему рассказывает эта девушка и стоит ли вообще обращать на это внимание.

– Я очень хорошо знаю Мэтти, – сообщила она. – Твой босс приходила к нам в школу… раз десять, пожалуй. Она очень изящная женщина, на мой взгляд.

Он кивнул.

– Давно она вами руководит?

– Три месяца. Доктора Кейса перевели в Вашингтон…

– Готова поспорить, она вскружила тебе голову, – оборвала она его.

– С чего ты взяла?

– Есть у меня такое чувство. – Ханна пожала плечами и неожиданно сменила тему: – Тебя когда-нибудь сводят с ума мысли о том, над чем ты работаешь?

– С какой стати?

– Там же кладбище! – воскликнула она. Опустив руку, она выпрямилась на стуле и оглядела тихий бар, словно отыскивая свидетеля его глупости. – Там сто тысяч мертвых инопланетян, а ты часть команды, что прокапывает путь к нижним захоронениям. Разве это не поразительно? Неужели ты не просыпаешься по утрам с мыслью: «Господи, какое невероятное везение может подвалить в жизни простому норокопателю!»

– Это из-за моего телосложения, – неохотно признался он.

Она промолчала, не сводя с него взгляда.

– Я еще в детстве получил это прозвище. Родители назвали меня Стивен, но прозвище я заработал, потому что у меня короткие ноги и, пожалуй, кое-какая силенка.

– Пожалуй?

– Ну, сильный я.

– Сама вижу.

– Да?

– Люблю сильных, – призналась она и прильнула к нему.

А может, не так уж и сложно было понять, за что он полюбил Ханну. Она искренне выразила свои чувства, и как он мог не ответить ей тем же? Красивая, умная и проницательная, и Барсук

оказался бессилен игнорировать ее инициативы. Он угостил Ханну остатком своего пива и ответил, как смог, на ее вопросы, признавшись, что масштабы и важность кладбища выше его понимания. Барсук был профессиональным диггером. Пользуясь разработанным кем-то оборудованием, он в совершенстве освоил искусство прорезать туннели в сложном грунте, обходя другие могилы и сокровища на пути к слоям, не видевшим солнца всего на несколько миллионов лет меньше, чем последние динозавры.

– Что ты думаешь о них? – спросила его позднее Ханна.

Они сидели в его машине ночью, где-то за городом. На тот момент они еще даже не поцеловались, но им казалось, будто они сидят здесь уже несколько лет. Все в их отношениях было настолько естественным, настолько неизбежным…

– Думаю о ком?

Она многозначительно взглянула на него.

Он понял, но честным ответом стало еще одно пожатие плечами и смущенное признание:

– Я вообще мало что знаю. Видел их сотни, но до сих пор эти инопланетяне кажутся мне всего лишь странными. А каким они были при жизни… понятия не имею…

– И ты не называешь их «Джорджами», – отметила она.

– Дурацкое название, – огрызнулся он, – и оно им не подходит.

Она согласилась с его логикой.

Как раз в тот момент Барсук и поймал себя на том, что гадает, когда попросит эту девушку выйти за него. Не если, а когда.

– У каждого есть своя история, – сказала Ханна. – Я еще не встречала человека, который не предполагал бы, что эти существа были обитателями какой-то забытой колонии, или узниками инопланетянского трудового лагеря, или скитальцами, жившими на орбите, но хоронившими покойников в торфе, чтобы мы нашли их миллионы лет спустя. В надежде доказать нам свое существование.

– Я не могу ответить, – признал он.

– И знаешь почему? Ты понимаешь – это важно.

Она подняла к нему лицо, они слились в долгом поцелуе, и все, что смог большой, сильный и невозмутимый Барсук, – не сделать ей предложение прямо тогда.

ХАННА

Он позвонил, чтобы спросить:

– Как ты себя чувствуешь, милая?

– Хорошо, – солгала она.

– Нет настроения пройтись?

– Зачем?

– Доктор Чонг сказала, что все в порядке. Я ей объяснил, что врачи велели лежать в постели, но недели две-три ты еще сможешь ходить…

– Покажешь мне нового?

– А ты хочешь?

– Уже одеваюсь, – слукавила она, сползая с дивана. – А ты за мной заедешь. Барсучок?

– Уже подъезжаю к дому, – радостно сообщил он.

Попалась… Ханна не только не была готова, но еще и выглядела ужасно, и понадобилось больше обещаний, прежде чем Барсук решил, что она готова к этому приключению. Дети. Такая докука! Куда проще было бы откладывать яйца. Бросить их где-нибудь в безопасном месте и уйти, а потом жить своей жизнью, пока детишки не подрастут настолько, чтобы стать забавными. Вот каким должно быть материнство. Она высказала эту мысль Барсуку. Тот, сидя за рулем, рассмеялся.

– И где ты только подцепила эту идею?

Джорджи откладывали яйца. У молодых самок всегда было несколько на разных стадиях развития. Никто не знал, куда они помещали яйца размером с баскетбольный мяч – в гнезда, инкубаторы или еще куда-то. После двух лет исследований образ жизни пришельцев все еще оставался загадочным, открытым для предположений и догадок. Но где-то в ныне исчезнувших горах, на высоте, где воздух был восхитительно разреженным, этот вид упорно боролся за выживание, чтобы возместить утрату друзей и родственников, которых ежегодно хоронили в буро-черном торфе.

Мэтти ждала их возле входа в туннель. Она тепло улыбнулась и спросила Ханну о самочувствии, и та постаралась ответить как женщина, у которой со здоровьем все в порядке. Они надели чистые халаты и маски, после чего начали долгий переход под землей по извилистому туннелю, проделанному Барсуком в торфяном пласте.

На подобных экскурсиях Ханна была уже семь раз. Но слушай был уникальным как из-за возраста найденного трупа – предполагали, что этот Джордж из первого поколения, – так и потому, что приглашение стало привилегией: о находке пока не сообщили даже самым доверенным журналистам.

Это тело лежало на окраине кладбища. Чтобы помочь наушным работникам, Барсук вырезал рядом с ним огромное помещение. В нем уже имелись свет и оборудование, холодильники с едой и напитками, переносной туалет, а

несколько ученых исследовали мельчайшие особенности захоронения, готовясь к медленному и осторожному извлечению похороненной самки.

По сравнению с первым Джорджем она была гигантом. Ханна такое предполагала, но от увиденного у нее участилось дыхание. Перед ней было некогда мощное существо, крупнее большинства носорогов, ныне изломанное смертью, удушьем и весом накопившихся торфяных пластов. Мертвое тело не потеряло целостность. Кислый торф идеально сохранял плоть, рожденную в другом мире, и инопланетяне, вероятно, поняли этот замечательный факт.

– Восхитительно, – выдохнула Ханна. – Спасибо.

– Подойди ближе, – предложила Мэтти. – Только не переступай желтую линию.

Двое ученых, бесполые в халатах и масках, сидели на корточках на невысоком помосте, аккуратно работая с руками пришельца.

– Погребальное кольцо? – спросила Ханна.

Мэтти кивнула:

– Алюминиевый сплав. Очень замысловатое и отлично видимое на сканах.

– Сильно отличается?

– Чем старше тело, тем искуснее кольца, – пояснила Мэтти. – Это скорее цилиндр, чем кольцо, и покрыто деталями, которые мы не находили в любом более позднем захоронении.

Ханна отметила, что и одежда более качественная: ноги прикрыты своего рода штанами, удерживаемыми ремнями, а ступни облачены в нечто вроде элегантных ботинок из шкуры древнего млекопитающего. На длинной спине нейлоновая сумка, сильно потертая от долгой носки, и из ее карманов извлечено все, что было бы трудно восполнить.

– Найдем ли мы когда-нибудь приз? – вопросила Ханна.

– Ту невероятную штуковину, что преобразит жизнь на Земле? – Мэтти пожала плечами. – Я продолжаю это обещать. На каждом выступлении в Конгрессе я говорю, что это скоро произойдет. Но у меня на этот счет серьезные сомнения. Насколько я вижу, эти существа никогда не отправлялись в могилу, прихватывая с собой что-либо ценное или трудное для изготовления.

Ханна кивнула и заглянула Барсуку в глаза.

– Что еще я хотела спросить, милый? Не помнишь?

– Про религию.

– Ах, да. – Стоя на желтой линии, она спросила: – Так почему они залезали в могилы, Мэтти?

– Не могу сказать.

Ханна посмотрела на Мэтти, потом на сложенные руки инопланетянки, представив столь важное металлическое кольцо.

– Я знаю историю, которая мне нравится больше всего.

– Какую?

– В нашу Солнечную систему прилетел звездолет, но с ним что-то случилось. Возможно, пришельцы собирались дозаправиться и полететь к другой звезде, но корабль сломался. Быть может, у них здесь была назначена встреча с другим экипажем, но она не состоялась. – Ханне нравилась Мэтти, и она уважал ее, поэтому хотела продемонстрировать, что разбирается в столь необычной теме. – Марс или Луна стали бы для этих существ более подходящим домом. Возможно, они планировали терраформирование другой планеты. Я знаю, что Джорджам пришлась бы по душе меньшая сила тяжести. И мы думаем – можем такое предположить на основе обнаруженных фактов, – что их организмам не требовалось или не хотелось столько же свободного кислорода, сколько требуется нам. Так что, независимо от причины, стремились пришельцы вовсе не на Землю.

– Многие считают так же, – согласилась Мэтти.

– Они не хотели оставаться здесь надолго, – продолжила Ханна. – И у нас нет никаких доказательств, что их звездолет приземлился где-то неподалеку. Но инопланетяне пришли сюда. Остановились в горах неподалеку, смогли отыскать пищу, построить жилища и выжить. Но через десять, или пятьдесят, или, может, двести лет… словом, когда, по мнению первого поколения, миновало уже много времени… никто не прилетел их спасать. Поэтому Джорджи и стали забираться в ямы.

– Ты полагаешь, что они впадали в спячку? – предположила Мэтти.

– Нет. Или, может быть, они спали, когда их хоронили. Но и проснуться нормально тоже не планировали. Я знаю, что и мозги у них не такие, как наши. Кристаллические и твердые, к тому же все признаки указывают на метаболизм с низким потреблением кислорода. На мой взгляд, произошло вот что: каждое из этих существ достигло того момента в жизни, когда они решили, что лучшее уже позади, или им стало особенно грустно, или что-то в этом роде… И поэтому наша инопланетянка решила улечься в холодный торф. Она верила – или ей как минимум требовалось верить, – что еще лет через двести к нашему Солнцу прилетит другой кольцевидный звездолет, а ее откопают и оживят.

Мэтти поразмыслила над этим аргументом и кивнула:

– Я уже несколько раз слышала эту историю, в разных

вариантах.

– Так и началась их традиция, – продолжила Ханна. – Каждое поколение Джорджей закапывалось в торф, и через несколько столетий или тысячелетий никто уже не помнил для чего. Они *знали* только, что это важно делать, а если держать металлическое кольцо, то тебя будет легче найти внутри спальной камеры.

– Барсук вздохнул, не одобряя этот буйный полет фантазии.

– Возможно, так и было, – согласилась Мэтти. – И это объясняет, почему со временем кольца становились все проще. Никто уже не помнил, как выглядел звездолет. Или же Джорджи вообще могли про него забыть, и смысл кольца изменился. Оно стало символом, приношением, чем-то таким, что позволит их богу поймать их души и снова вознести на небеса.

Как раз к тому моменту работники на платформе извлекли погребальное кольцо из мертвых пальцев. Мэтти подошла и обеими руками в перчатках приняла у них драгоценную находку. Ханна, а потом и Барсук уставились на то, что через несколько часов увидит весь мир: модель огромного звездолета, который некогда пересек враждебную черноту космоса и оказался там, где ему быть не следовало и где его команде и их потомкам предстояло медленно вымирать еще двадцать тысяч лет.

Ханна в последний раз поблагодарила Мэтти за приглашение.

Шагая по туннелю, она взяла крупную ладонь мужа и крепко ее сжала.

– Мы счастливчики, – сказала она.

– Это почему? – не понял Барсук.

– Потому что живем именно там, где должны жить, – объяснила она очевидное.

Затем они вышли из туннеля и зашагали по развороченному экскаваторами карьеру, над которым раскинулось беспредельное небо Вайоминга, и в промежутке между шагами Ханна ощутила, как внутри ее тела что-то изменилось – ощущение было легким, безболезненным и при нормальных условиях ничего бы не значило. Но Ханна остановилась. Она стояла, а Барсук шел дальше. Ханна нежно коснулась себя обеими руками и забыла об инопланетянах и всех их эпических и давно завершившихся проблемах. С каждой секундой все сильнее истекая кровью, она посмотрела на уже далеко ушедшего мужа и еле слышно прошептала:

– Нет… только не сегодня…

ДЖОРДЖ

Несмотря на ночь и время года, густой воздух обжигал жарой и удушливым кислородом, и малейшее усилие приносило страдание. Даже просто стоять тоже было работой, и сильнейшие из них, находя опору на широких досках, копали, и он погружал лопату в мягкую влажную гниль. Все, кроме него, уже произнесли добрые напутственные слова, приберегаемые для подобных случаев, – древние монотонные распевы о лучших мирах и трудных путешествиях, закончившихся спасением, и об огромных заботливых руках, которые все ближе и ближе и скоро протянутся со звезд, чтобы вызволить дорогих покойников. От мертвеца требовалось молчание, поэтому он ничего и не говорил. Эта великая традиция, родившаяся из-за того, что женщина, похороненная намного глубже, ничего не сказала перед смертью, и всех настолько впечатлили ее сдержанность и достоинство, что в ту ночь и появился этот запрет. Как давно это было? Вопрос не имел точного ответа и стал темой для догадок и предположений. А его всегда волновали абстрактные проблемы вроде этой, но сейчас он обнаружил, – что ему все стало безразлично. Жизнь была полна бесполезных идей, на которые он бессмысленно растранжирил свое время, и теперь было жаль впустую потраченных страстей и всего прочего, что не удалось осуществить. Навалилась тоска, настолько опасная и мощная, что ему пришлось положить лопату на доску и помолчать уже иначе, привлекая внимание своей последней выжившей дочери. Она была маленькой, красивой, и очень умной, и более восприимчивой, чем многие. Дочь догадалась о том, что с ним происходит, и, сочувственно глядя на него, сказала с помощью пощелкиваний и трелей, что гордится отцом и принадлежностью к его почетному роду, что ему следует освободить разум от ядовитых мыслей и думать о лежащих под ними мертвых, и как приятно будет перейти в мир, где ждут тысячи терпеливых душ.

Но мертвые – это всего лишь мертвые. Обещанные руки помощи так и не прибыли, ни за срок существования общины, ни за время его жизни. Та радостная вера молодости, которой он когда-то так дорожил, оказалась потрепанной надеждой, а следующий рассвет, возможно, сотрет даже ее. Вот почему стало разумным принять удушливый сон сейчас, пока его разум, пусть и слабо, все еще верит в свое спасение. Потому что, какими бы ничтожно малыми ни были на это шансы, любой другой конец оказался бы еще ужаснее: он мог стать кожаным мешком, наполненным костями и органами, который уже никогда больше не узнает жизнь и будет выброшен на компост в общественный огород. И этот мешок все смогут вспоминать еще три поколения, от силы четыре, прежде чем будущее сотрет даже следы его

существования.

И мертвец, к радости дочери и всех собравшихся, снова взял длинную лопату и стал копать. Передние ноги передавали вес тела на лезвие, лопата врезалась в холодную водянистую грязь и возвращалась с очередным куском торфа, который следовало аккуратно положить сзади. Но все же должные слова были сказаны, должные благословения произнесены, а должные движения сделаны, и никто не посмел пожаловаться на жару, или медленное продвижение работы, или на очевидный и печальный факт, что сильнейшие из них едва справляются с работой, которую их предки делали с легкостью. Во всяком случае, так утверждали старинные предания.

Потом настал момент, когда влажная прямоугольная могила оказалась готова и одному из них предстояло в нее забраться. Каким бы странным это ни показалось, но он забыл, для чего находится здесь. Он поймал себя на том, что смотрит на остальных и даже на уставшую дочь и гадает, кому будет оказана эта заслуженная честь. «Да ведь мне!» – вспомнил он, рассмеялся громким щелчком и едва не заговорил, подумав, что остальные, может быть, оценят его мрачный юмор. Но нет, такие шутки хороши для обреченных, а его окружали живые. Сумев не испортить момент, а также целостность и священность церемонии, он отложил лопату и доказал каждому, что не крадет что-либо драгоценное. Руки пустые, карманы открыты. Он показал им лишь пару дешевых ножей, решив оставить их из сентиментальности. Потом шагнул в ледяную вонючую жижу из воды и гнили и, пока голова еще оставалась над ней, протянул вверх длинные руки с раскрытыми ладонями, куда дочь положила золотое кольцо. Верный обычаям, он хранил молчание.

На востоке, над высокими горами, увенчанными снежными шапками, начало вставать зимнее солнце. Вскоре в долины вернется убийственная жара, и находиться в этом жутком месте станет невозможно. Все принялись за работу, чтобы завершить то, на что ушло слишком много времени. Лопаты и вымазанные грязью руки бросали холодный торф в воду, а потом на него – церемония балансировала на растущем отчаянии, – и он осмотрительно молчал и упорно старался думать только о хорошем. Но тогда к нему в мыслях вернулся любимый сын, погибший и утерянный под оползнем, он подумал и о своем лучшем друге, чье центральное сердце разорвалось без предупреждения. А поскольку обещания стоили так мало, он поклялся им, что пронесет воспоминания о них в тот, другой мир, каким бы он ни оказался.

Обнаружив, что не может дышать, он стал сопротивляться, но

рот уже находился под водой, а вязкая грязь зафиксировала голову. Дело было уже почти завершено, и многие продолжали работать. Но другие стояли в стороне от могилы – или слишком слабые, чтобы помогать, или усталые, или безразличные, – они решили, что мертвый их не услышит. И негромко заговорили о новом дне и наступающем годе, произнося мягкие, но убедительные слова об отношениях рождающихся и утраченных, и кто лучше всех смотрелся в погребальной одежде, и чьи дети самые красивые и умные, и кто умрет следующим, и… кстати, никто не догадался прихватить чего-нибудь перекусить перед возвращением домой?..

ПОЛ КОРНЕЛЛ
ИСЧЕЗНУВШИЙ ПРУССАК

Британец Пол Корнелл является автором романов, комиксов и сценариев. Он написал сценарии нескольких серий «Доктора Кто» («Doctor Who»), «Робин Гуда» («Robin Hood») и «Портала юрского периода» («Primeval») для BBC, а также работал над «Капитаном Британия» («Captain Britain») для Mawel Comics, новеллизацией «Доктора Кто» и создал много комиксов. Его серии «Доктора Кто» дважды номинировались на «Хьюго», кроме того, Корнелл стал одним из обладателей премии Гильдии сценаристов. Рассказы писателя были опубликованы в антологиях «Ускоренная перемотка 2» («Fast Forward 2»), «Затмение 2» («Eclipse 2») и «Самая яркая новая научная фантастика. Том третий» («The Solaris Book of New Science Fiction, Volume Three»).

Перед вами динамичное описание Большой Игры, развернувшейся между народами, которое напоминает руританский роман, принадлежащий перу Чарльза Стросса…

Если вы живете на краю Солнечной системы и однажды захотите побывать на Земле, вам придется получить как минимум три штампа в паспорте: польский, русский и турецкий. А может, и еще нескольких великих держав все зависит от времени года и расположения планет.

Но вот цель близка, ваша карета – над Землей, в постоянно меняющейся транспортной зоне, и дальнейший полет будет проходить уже без особых проблем, а то и вовсе как по маслу. Для того-то она и предназначена, удобная нейтральная орбита. Глядя с нее вниз, четко понимаешь: давно не существует полностью замкнутых на себе государств. Над земным торцом каждой страны поднимается сегмент освоенного космоса, и эти отростки пронизывают Солнечную систему, перемежаясь гигантскими объемами ничейной пустоты. Государства не равны между собой, но они мирно сосуществуют благодаря системе сдержек и противовесов. Все они – винтики и шестеренки хрупкой мудреной машины, вынужденные без остатка отдавать свою политическую энергию вечному замкнутому циклу.

Вы можете вывести на экран карту любого участка Земли, но эти штуковины гораздо лучше приспособлены для умственного созерцания. И до чего же они благолепны, просто словами не передать. Такими их и создавали – прекрасными и способными мало-мальски заботиться о вечной сохранности своей красоты.

Если же вы захотите полюбоваться не картой, а поверхностью

планеты, этой опорой множества государств, быть может, ваш взор приманит старая добрая Англия с ее изумрудными лугами, темными лесами и белыми инверсионными следами карет. Чураясь ослепительного блеска Лондона, взор обогнет столицу и затем поползет долиной Темзы, усеянной особняками, виллами и охотничьими поместьями – все это памятники величия и славы. И, быть может, он даже задержится на одном из этих поместий, на особенно пышной хоромине с крышей в форме согнутого по диагонали квадрата, с прилегающими угодьями для стрельбы по куропаткам, зелеными лабиринтами, садами трав, рынками и тому подобным.

В тот день поместье украшали информационные баннеры, тоже видимые с орбиты. Еще можно было различить причаленные на реке рядом с военными кораблями элегантные яхты, а подле дворца на круглых гравийных площадках и в воздухе над ними – рои всевозможных карет. И распределенное по периметру подразделение конной гвардии в полной боевой готовности.

Чтобы попасть туда, вам пришлось бы преодолеть сложную систему проверок. И одного паспорта не хватило бы – понадобились бы очень крутые привилегии.

Потому что в тот день там справлялась королевская свадьба.

Вид поместья, открытый гипотетическому взгляду с высоты, всегда хранился на задворках сознания Гамильтона. Но сейчас все его внимание было отдано принцессе. Придворный куафер уложил ее волосы в высокую прическу; при этом оголилась шея, но Гамильтон такую моду всецело одобрял – она соперничала с французской, да к тому же выполняла официальную функцию. Справедливости ради надо сказать: сей имидж не был личным изобретением Лиз, его придумали расчетливые советники в кулуарах Уайтхолла. Елизавета оделась в белое – впервые увидев наряд нынче утром в соборе, Гамильтон не удержался от восхищенной улыбки. Здесь же, в гигантском зале для торжеств, она уподобилась солнцу; всем прочим – многочисленным вельможам, послам и высшим военным чинам – оставалось лишь кружить вокруг нее.

Даже король, сидевший в отдалении на помосте за столом меж собравшимися со всей Европы сановными старцами, не привлекал к себе стольких взглядов. Уж такова была эта церемония – на ней Елизавета, сопровождаемая членами корпуса герольдов, непринужденно, но при этом совершенно безошибочно перемещалась от группы к группе, уделяя совершенно равные доли шарма каждой из великих держав. Ей хорошо объяснили, как надо себя вести, что делать и говорить. Впрочем, и она, и

Гамильтон, и все такие, как они, прекрасно понимали и сами, чего от них требует повседневная служба. Сохранять равновесие!

«Такие, как мы. Как она и я». Абсолютно ненужная мысль. Гамильтон выбросил ее из головы.

Лишь один-единственный раз ее взгляд задержался на столике, за которым сидел майор. Улыбнувшись едва заметно, она отвернулась. Не следует делать то, чего не одобрит Уайтхолл. Гамильтон жестко приказал себе больше не пялиться на принцессу.

Якобы случайно доставшийся ему столик между чиновниками дипломатического корпуса позволял держаться особняком. Гамильтону осточертело притворяться обходительным и любезным.

– А ведь это брак по расчету, – прозвучало рядом.

Из шелковых рукавов кафтана, подобно большим распустившимся цветам, торчали расстегнутые манжеты сорочки. Галстук отсутствовал; на широкий блин воротника беспорядочно падали длинные волосы. Пальцы лорда Кэрни по обыкновению были унизаны перстнями.

Секунду-другую Гамильтон обдумывал ответ, но все же решил промолчать. Лишь встретив взгляд Кэрни, мысленно задал вопрос: «И почему бы вашей светлости не перебраться за другой столик, не поискать более интересных собеседников?»

– А вы как считаете?

Гамильтон встал, намереваясь отойти. Но Кэрни тоже поднялся, удержал его в нескольких шагах от столика, там, где их никто не мог услышать. От лорда пахло в точности как в магазине восточных сластей. Он заговорил в притворном покаянии:

– Ну да, я такой. Всегда подначиваю, провоцирую, выпытываю. И когда я появляюсь, все почему-то сразу прячут глаза.

Гамильтон, подавляя раздражение, нашел свободный столик и опять сел. Кэрни устроился рядом и указал на Елизавету и ее жениха с аккуратной бородкой, с шеренгой орденов на мундире шведской дворянской кавалерии. Жених беседовал с папским послом. Речь, без всякого сомнения, шла о скорейшем визите Лиз в Рим, там намеревались устроить знатное шоу из матча между протестантами и папистами. Если Бертил тоже притворялся обходительным и любезным, то, надо признать, принцу эта роль удавалась куда лучше, чем майору.

– А ведь я отвечаю за свои слова, черт возьми! У меня наметились интрижки с парой курочек из его свиты. Во всем, знаете ли, есть не только минусы, но и плюсы.

Кэрни поцокал языком и погрозил пальцем семенившей мимо шведской служанке. Та с улыбкой присела в книксене и поспешила дальше.

– Но что же тут поделаешь, если все наши отношения складываются только равновесия ради и под его диктовку. Ужас в том, что никто даже не пытается вообразить себе мир, устроенный иначе.

Гамильтон спросил, тщательно выбирая слова:

– И вы, ваша светлость, именно поэтому стали таким?

– А то почему же? Всё служанки, компаньонки, чьи-то младшие сестренки… Мне дозволена лишь та любовь, которая не вредит равновесию. Что будет, если вдруг я захочу вступить в длительную связь с женщиной или даже, не приведи господь, жениться? Да ничего, кроме жуткой мороки! Там, «наверху», очень глубоко и надолго задумаются, и, прежде чем они дадут ответ, мне успеет надоесть моя избранница. Знакомая проблема? То-то же, любой из нас может с ней столкнуться. А пар все копится да копится, и некуда его выпустить. Эх, если бы только у нас была альтернатива!

Гамильтон скептически хмыкнул. Лишь чуть-чуть приоткрыв свои карты, лукавый собеседник мигом вернулся в привычную роль провокатора. Впрочем, вести себя иначе он не мог, и Гамильтон это прекрасно понимал. Но понимать умом – не то же самое, что принимать душой.

– Вы о чем это, ваша светлость? Не угодно ли развить мысль?

– Да я всего лишь…

И тут весь зал ахнул.

Гамильтон сорвался со стула и шагнул к Елизавете. Рука нырнула вправо, в воздух, в тот узелок пространства, где лежал наготове «уэбли-корсар» калибра ноль шестьдесят шесть, выхватила, подняла на изготовку… Но в кого стрелять?

Вот стоит и озирается ошеломленная принцесса. Вокруг нее военные в парадных мундирах, бородатые сановники.

Влево, вправо, вверх, вниз…

Гамильтон не обнаружил того, что могло ее так напугать. Ничего похожего на опасность рядом. Ничего угрожающего в отдалении.

Лиз попятилась, выставив перед собой руки. Все следили за ней, пытались понять, на кого она указывает.

Гамильтон отыскал взглядом людей из своей команды. Почти все застыли в той же позе, что и майор. В нелепой позе телохранителя, не понимающего, кого надо взять на мушку.

Вперед вышел папский посланник и громогласно заявил:

– Вон там стоял мужчина! И он исчез!

Тут воцарился сущий бедлам. Со всех сторон летели крики:

– Оружие! Оружие!

Но Гамильтон знал: нет на свете оружия, под воздействием которого человек, кем бы он ни был, исчезнет в мгновение ока.

Стайки телохранителей – кто в мундире, кто в строгом костюме – устремились к своим начальникам, взяли в кольцо. Завизжали дамы. Гамильтона не удивила такая истерия. Вроде бы все как всегда, каждый на своем месте, но при этом творится нечто непостижимое. То есть нарушено равновесие. Власть имущие этого боятся, как черт ладана.

Какой-то баварский князек завопил, что в защите не нуждается, и ринулся в сторону принцессы. Гамильтон успел заступить дорогу и как бы случайно толкнуть плечом, отчего баварец не удержался на ногах. Сам же Гамильтон встал рядом с Елизаветой и Бертилом.

– Вон в ту дверь, – указал он. – Пошли.

Жених и невеста кивнули и зашагали с приклеенными улыбками. Лишь на миг принц задержатся, чтобы оглянуться на шведских офицеров, устремившихся к нему со всех сторон, и остановить их взмахом руки.

Августейшую пару уже окружили люди Гамильтона, расчистили проход сквозь зал, помогли беспрепятственно выйти через дверь, сопроводили по коридору для слуг, а позади хлынула в помещение лейб-гвардия, отчего там прибавилось толкотни и возмущенных воплей, и майор всей душой надеялся, что не услышит вдруг выстрелов припрятанного кем-то оружия…

Не услышал. За спиной хлопнула дверь, клацнул замок. Его помощники не зря ели свой хлеб.

Порой Гамильтон слегка жалел, что не существует организации по надзору за теми, кто способен натворить бед. Но что будет, если подобная организация однажды появится? Наверняка изменится мир – а вот каким образом он изменится, этого даже лорду Кэрни с его любовью к искусственным умопостроениям не предугадать. Во всяком случае, от свободы, которой нынче пользуются Гамильтон и другие офицеры, мигом останутся рожки да ножки. А он свободой очень дорожит. Именно в ней коренится чувство долга, которое заставит майора рискнуть собственной жизнью ради будущего мужа Елизаветы, если вдруг возникнет такая необходимость.

Больше он на эту тему не рассуждал.

– Я его толком не рассмотрела, – объясняла по пути Елизавета, сдерживая голос и выбирая слова, как всегда делала на людях. – Но мне кажется, он из какой-то иностранной

делегации…

– На пруссака похож, – уточнил Бертил. – Мы как раз с прусскими дипломатами разговаривали.

– И он вдруг исчез, – добавила Лиз. – Просто взял да и растворился в воздухе прямо передо мной.

– В складку ушел? – предположил Бертил.

– Это исключено, – возразила принцесса. – Ведь зал проверен и перепроверен.

Она взглянула на Гамильтона, ожидая подтверждения. Тот кивнул.

Они уже приблизились к библиотеке. Гамильтон вошел и отдал необходимые приказы насчет охраны. В центре поставили жениха с невестой, заперли дверь и связались с техслужбой.

Техники времени зря не теряли, действовали по чрезвычайной процедуре – но в громадном зале торжеств ничего чрезвычайного не происходило. Так, мелочи: вздорные требования, битье посуды, притворные обмороки (а какими еще они могут быть, если уже давно не делают корсетов без потайных глубин?). Но в целом паника улеглась, и больше никто не пропадал.

Бертил ходил у стеллажей, сцепив пальцы за спиной, и разглядывал книжные корешки; всем своим видом он демонстрировал отвагу и презрение к опасности. Елизавета сидела и обмахивалась веером, улыбаясь помощникам Гамильтона. Наконец улыбка досталась и ему.

Они ждали.

Вскоре техслужба сообщила о приближении гостьи.

Отъехала в сторону стена с книгами, и вошла королева-мать. Она все еще носила траур. Свита старалась не отставать.

Королева-мать пошла прямиком к майору, и все кругом повернулись и напрягли слух. Это же явный фавор! Теперь в их глазах Гамильтон не просто офицер, а важная персона.

– Мы продолжим, – сказала она. – Отнесемся к случившемуся как к пустяковой заминке, а значит, это и будет всего лишь заминкой. В бальном зале все уже готово, сейчас же перебираемся туда. Елизавета, Бертил, ступайте. Джентльмены, вот вы двое, пойдете впереди, а остальные – сзади. Извольте смеяться, входя в зал. Ведь это веселый розыгрыш, забавное недоразумение, типично английская тонкая шутка.

Елизавета кивнула и взяла Бертила под руку. Гамильтон хотел было сопровождать их, но королева-мать остановила:

– Нет, майор Гамильтон. Вы поговорите с техниками и найдете другое объяснение этому «забавному недоразумению».

– Другое, ваше величество?

– Да, – кивнула она. – Случилось вовсе не то, о чем нам говорят.

– Сэр, мы на месте, – доложил Мэтью Паркес.

Он командовал техподразделением в том же четвертом драгунском, где служил Гамильтон. Парадные мундиры лейтенанта и его людей в сумраке отведенной для них кладовки смотрелись нелепо. Но отсюда можно было эффективно контролировать сенсорную сеть, что опутывала дворец с окрестностями и пронизывала Ньютоново пространство в радиусе нескольких миль. Группа техников прибыла первой несколько дней назад и последней должна покинуть усадьбу.

Лейтенант показывал на экран, где застыл крепко сбитый мужчина в строгом костюме. Он почти целиком заслонял собой принцессу Елизавету.

– Вы знаете, кто это?

Гамильтон визуализировал все делегации, собравшиеся в зале торжеств. И облегченно вздохнул – исчезнувший принадлежал к одной из них. Слава богу, это не сверхъестественное, а самое что ни на есть земное существо.

– Он из прусской дипгруппы, один из шести охранников. У парня отменная мускулатура, как будто его специально растили телохранителем. В зале он действовал строго по канону – никакой пустой болтовни со своими, только короткие кивки. Обычно так зажимаются новички, вот только…

Вот только в поведении этого человека было нечто хорошо знакомое Гамильтону.

– Нет. Напротив, парень совершенно уверен в себе. И даже демонстрирует это. Так вы не думаете, что он нырнул в складку?

– Вот карта аномалий.

Паркес наложил на пруссака картину обнаруженных в зале искривлений пространства. Там и тут виднелись микрополости и узлы, в них многочисленные британцы прятали свое оружие. Иностранцы тоже могли бы прятать, если бы не боялись создать дипломатический конфликт. В углу, где стояла Елизавета, проглядывала только сила гравитации под ее прелестными ножками.

– Сэр, если что найдем, обязательно доложим.

– В этом, Мэтти, я не сомневаюсь. Ищите.

Паркес убрал с экрана карту и дотронулся до него. Пошла прокрутка записи.

Гамильтон проследил за исчезновением таинственного незнакомца. Только что он был, и вот его уже нет. И видно, как отреагировала Елизавета, как внезапно изменилась ее поза.

Не сказать, что Гамильтон был в ладах с техникой.

– Какая тут кадровая частота? – кивнул он на экран.

– Никакой. Постоянно идет реальное изображение, с предельно малым интервалом – это буквально Ньютонов момент, меньшего отрезка времени физика просто не знает. Сэр, мы тут весь день гостей подслушивали.

– И о чем же они говорят?

– Говорят, это нечто изящно-невероятное.

Когда королева-мать велела найти другое объяснение случившемуся, Гамильтону вспомнилась карикатура, увиденная в какой-то газете несколько лет назад. Премьер-министр стоит перед раскрытым портфелем и изумленно таращится на свою руку, не вынувшую никаких бумаг. Ниже текст:

> Что хотите говорите про мистера Патела,
> Но он вполне достоин своего титула.
> Он готов принести самые изящные извинения
> За невероятную пропажу всех успехов без исключения.

Даже ребенок знает, что выражение «изящно-невероятно» принадлежит Ньютону. Как-то раз у себя в саду он целый день наблюдал за продвижением крошечного червячка по поверхности яблока. Великий ученый, размышляя об очень малом, предположил, что предметы могут вдруг исчезать и столь же загадочно появляться на свет, когда Господь по каким-то неисповедимым причинам прекращает следить за ними. Один француз уверял: это-де может происходить и при отсутствии человеческого надзора… ну, да на то он и француз. За века набралось несколько задокументированных случаев, вроде бы подтверждающих постулат Ньютона. Гамильтон был склонен во все это верить, он вообще интересовался подобными темами, охотно почитывал статейки, приходившие на газетный планшет. Но чтобы чудо произошло здесь? И сейчас? На мероприятии государственного значения!

Майор вернулся в зал торжеств, к этому времени опустевший. Осталась только группа лейб-гвардейцев и его помощников, набранных из нескольких полков; кое с кем он был знаком еще по армейской службе. Гамильтон опросил этих людей. Все они заметили пруссака, всем запомнились его гипертрофированная мускулатура и суровая целеустремленность, и у многих при его появлении сработал внутренний детектор опасности.

Гамильтон отодвинул в сторону парочку экспертов и, не

внемля их протестам, прошел и встал на то самое место, где случился феномен. Прислушался к ощущениям – вроде ничего необычного; его внутренние сигнальные устройства, механические и интуитивные, не среагировали. Он посмотрел в тот угол, где тогда пребывала Лиз, и нахмурился. Перед своим исчезновением пруссак эффективно заслонял принцессу от публики. Стоял перед ней на линии едва ли не каждого взгляда. На этом месте находиться бы телохранителю, знающему, что в зале есть убийца и он намерен стрелять.

Но это же абсурд! Пруссак не вбежал в зал, чтобы спасти принцессу. Он ни с того ни с сего оказался на нужной позиции; он стоял и оглядывался, и если кто-то ухитрился принести в зал оружие новой, неизвестной охране системы, он бы не смог поразить цель, не дождавшись, когда крепыш отойдет.

Злясь на себя, Гамильтон покачал головой. Что-то упущено. Что-то, выходящее за рамки очевидного.

Он позволил экспертам вернуться к работе и направился в бальный зал.

К тому времени огромное помещение успело заполниться людьми. Играла музыка, кружились в вальсе пары. Но напряжение чувствовалось. Очень уж аккуратно двигались танцоры, не дай бог кого задеть. Если и звучал где-то смех, то смех фальшивый. По делегациям великих держав уже разосланы бальные карты, а значит, намеченным танцам быть. И представители малых царств-государств в грязь лицом не ударят, ведь тут собрались исключительно храбрые и решительные, по крайней мере, такими они должны казаться. Если и имеются сомнения-опасения, высказывать их можно только шепотом и только между своими. Так надо для сохранения равновесия. И тяжесть этого равновесия была ощутима физически, она лежала у каждого гостя на благородном челе.

На возвышении за длинным столом сидела королева-мать, справа и слева от нее – придворные. Она одаривача гостей величавой благословляющей улыбкой, будто пытаясь внушить, что событие минувшего часа – не более чем сон.

Гамильтон шел и оглядывал зал, как, бываю, оглядывал поле боя, готовый встретить атаку в любую минуту и с любой стороны. Замечал незнакомых людей в мундирах – офицеры великих держав медленно вальсировали среди своих и временами по спиральному курсу выходили на его орбиту. Соотношение военных к посольским было три к одному (и куда только смотрит дипкорпус?) для всех стран, кроме двух. Французы, разумеется, прислали комиссаров, которые на службе всегда носили

одинаковое платье, а между собой различались по сложному протоколу. Ватиканские же иерархи обоих полов, как и их помощники, были облачены в церковное. Эти пронизывали бал, подобно осколкам при направленном взрыве. И Гамильтон напрягал слух, когда на пути попадался священник, успевший ненадолго встрять в чужую беседу. Все разговоры – только о недавнем происшествии. Люди из Ватикана называли его божественным явлением; всё новые подробности разбегались по залу, как круги по воде. И был свет, и был глас! Да неужто его больше никто не слышал?

Некоторые соглашались с церковниками. Гамильтон с возражениями не лез: без профессиональной дипломатической подготовки это чревато. Ведь католики совсем недавно, какую-то пару десятилетий назад, договорились о том, что именно следует считать «нежданной милостью Господней», и папской буллой было объявлено: по мнению Иоанна XXVI, концепция имеет право на жизнь, однако требует дальнейших научных исследований. Но теперь клерикалы не сомневаются в том, что случилось чудо; впрочем, им свойственно в любом событии усматривать Божий промысел. И как же, интересно, они трактуют сегодняшний инцидент? Господь посмотрел на свадьбу с небес и одобрил ее, но решил кого-то лишнего убрать со сцены?

Да не «кого-то». Прусского офицера. Протестанта, чей народ время от времени притязает на различные шведские территории: им-де прусская юрисдикция пойдет только на пользу.

Гамильтон волевым усилием прекратил эти бесполезные размышления. Гадать на кофейной гуще – только время терять. Сейчас надо действовать.

Майор весьма смутно представлял себе облик Бога, но зато ясно понимал Его суть. Вполне возможно, рассуждал он, что Господь пожаловал августейшую свадьбу одобрительным кивком. Но почему выбран такой способ, опасный для предначертанного Небом равновесия наций? Разве не во благо оного равновесия вершатся все добрые дела на свете?

Нет. Гамильтон более не сомневался: Божественная воля ни при чем. Нет тут ничего сверхъестественного, мистического. Это просто враждебная акция.

Он двигался вдоль стены в обход зала, пока не нашел прусскую делегацию. Взбешенный посол набрасывался на британских придворных, чего-то требовал – вероятно, немедленного расследования. Вполне натурально выглядели страх и возмущение других пруссаков, дипломатов и военных: похоже, они и впрямь были убеждены, что исчезновение их соотечественника – дело рук злокозненных англичан. За спинами

этих гостей в баре, на который Гамильтон привычно кинул взгляд, сидели несколько дюжих приятелей пропавшего, остальные пятеро – из группы охраны делегации. В отличие от других европейских государств Пруссия сохранила старинный принцип обеспечения своих военных. Если Гамильтон и его сослуживцы получали деньгами лишь часть довольствия, то личному составу гард-дюкора, то бишь прусской лейб-гвардии, даже обмундирование не выдавалось.

Эти офицеры не могли значиться ни в одной бальной карте. Они не прочесывали зал, а держались кучкой вблизи начальства – понятное дело, телохранители охраняют «тела».

Но и в этом занятии они не выказывали особого рвения. И вели себя на удивление спокойно. Ни тревоги на лицах, ни злости. Похоже, их ничуть не волновала судьба исчезнувшего товарища. Не тряслись они и за собственную шкуру.

Гамильтон отступил на шаг, позволяя красивым знатным парам увлеченно протанцевать между ним и пруссаками. Он желал удержать за собой позицию привилегированного наблюдателя.

Складывалось впечатление, что пруссаки ждут. И все-таки немножко нервничают. «Им просто хочется отсюда поскорее убраться», – предположил Гамильтон.

Неужели и правда в гард-дю-кор набирают бесчувственных чурбанов? Потеряли при таинственных обстоятельствах своего, так не сидите сложа руки, а возвращайтесь скорее в тот зал, ходите по нему и кричите «ау»…

Он смотрел на них секунду-другую, запоминая лица, затем двинулся дальше. Нашел еще один столик с пруссаками. Эти – нормальные ребята, не орден Черного орла, а гусары, при мундирах и под хмельком. Они негодующе вопили на гогенцоллернском немецком, что если их не допустят к записям техслужбы, не дадут разобраться с пропажей, то будет такое… Даже сказать страшно, что будет.

Гамильтон подцепил со стола бокал и неспешно приблизился к гусарам, по широкой неровной дуге обогнув аристократку, чья свита проявила досадную нерасторопность и приотстала.

Он плюхнулся на стул возле молодца с капитанскими петлицами – виртуальными, в прусском вкусе, дающими понять, что эта великая держава не ровня остальным, потому как воюет с незапамятных времен. Для того же предназначался и ускоренный рост в чинах, в зависимости от заслуг.

– Привет, – сказал Гамильтон.

Пруссаки не ответили, но ощетинились.

Гамильтон, недоуменно хлопая глазами, осведомился:

– А где Хамф?

– Хамф? Майор, фы хто имейт ф фиту? – Гусар спрашивал на североморском пиджине, но даже крепкий акцент не помешал Гамильтону разобрать слова.

Он не хотел выдавать, что и сам отменно говорит по-немецки, правда, с баварским акцентом.

– Парня, здоровенного такого. Пойду, говорит, пройдусь. И с концами. – Гамильтон четко выругался по-голландски и озадаченно покачал головой: – А ну, признавайтесь, куда вы его подевали?

– Потефали?

Пруссаки переглянулись, и Гамильтон понял, что они оскорблены. Двое даже положили руки на пояс, но находившиеся там пространственные складки не таили пистолетов или палашей. Капитан бросил негодующий взгляд на своих людей, и они опомнились. Пошла отповедь на гогенцоллернском насчет так называемого таинственного исчезновения их товарища: несомненно, офицера королевской гвардии похитили ради секретов, которыми он обладает.

Гамильтон замахал руками:

– Нет зря говорить! Хороший парень. Моя даже имя не знать. Он выиграть! В «черный овца». Три раз у моя выиграть в «черный овца». – Он повысил голос: – Отличный парень! Моя должна отдать долг! – Гамильтон выпрямил безымянный палец, предлагая перевести сумму «*с* кожи на кожу». Он мысленно убрал дополнительные опции, по которым пруссаки могли бы установить его личность. Если будут допытываться, он с легкостью устроит пьяный спектакль: мол, хоть режьте, не помню, куда запрятал. – Долг чести! Такой хороший парень!

Ему не поверили. Никто не потянулся к его пальцу. Но он многое почерпнул из бурной дискуссии на немецком за следующие десять минут, пока рьяно приставал к капитану. Тот все пуще серчал, но не рисковал оскорбить офицера британских вооруженных сил предложением катиться к черту.

Исчезнувшего звали Гельмут Зандельс. Фамилия намекала на шведское происхождение, но такое вовсе даже не редкость на континенте.

Может быть, сейчас, после своего исчезновения, он и хороший парень, но раньше симпатий не внушал. А нечего было ему, пороху не нюхавшему, нос задирать перед настоящими вояками! И критиковать традиционные для геройских гусар взгляды на правительство, на государственное устройство, на глобальную политику. Гамильтон поймал себя на том, что разделяет эту солдатскую неприязнь. Похоже, Зандельс

принадлежал к числу тех, для кого воинский долг – понятие расплывчатое.

Гамильтон поднял руку, призывая к миру и оставляя попытки найти общий язык с капитаном, после чего отошел от стола.

Удаляясь, слышал, как возобновился разговор, причем кто-то из гусар позволил себе нелестные слова в адрес принцессы. Но майор не укоротил шага.

Ничем более не сдерживаемые, пришли воспоминания. О нежданной милости Господней, свидетелями коей были только он и она.

Гамильтон проводил отпуск дома, после того как несколько недель отслужил за границей. По своему обыкновению, вместо того чтобы отдыхать и расслабляться, он перевозбудился и напрягся без видимой причины. Не мог спать по ночам, хандрил, даже плакал тихонько, когда в его холостяцкой квартире из театральной машины звучала любимая песня. Три дня пролетели без толку, в раздумьях, куда бы пойти и как бы развлечься. Наконец он шел, и развлекался, и вечерком заглядывал в казарму пропустить стаканчик, и это действовало как лекарство. С четвертого дня и далее отдых доставлял удовольствие, и в собственных глазах Гамильтон выглядел теперь почти нормальным человеком.

Но последние трое суток давались чрезвычайно тяжело. Поэтому Гамильтон старался не считать их «последними», пытался найти какую-нибудь задачу, лучше всего – связанную со службой. Хорошо, если удавалось уговорить кого-нибудь из офицеров, от которых зависело получение задач. Впрочем, последнее время офицеры к подобным просьбам относились более чутко.

Тогда, три года назад, ему предстояло маяться в отпуске две недели. Как раз наступил самый мерзкий период, когда ни себе радости, ни другим пользы.

Поутру он решил смести накопившуюся «серую слизь» с каретного двора в дренажную канаву. И тут явилась она, с грохотом и треском. Ее конь на всем скаку прянул в сторону, проломил ограду конюшни и рухнул. Двое спутников галопом скакали за ней на крепких лошадях, и еще несколько с такой же, как у Гамильтона, комплекцией спешили на своих двоих.

Но никто из них не догнал. Никто не успел подхватить.

Зато рядом оказался он.

Как выяснилось, конь не был привит против наноядa. Теперь под его шкурой царил хаос, ее вспучивали, погибая в конвульсиях, разнообразные механизмы, и это сопровождалось

чудовищным зловонием. Но Гамильтон уже держал Лиз в объятиях. Пришлось повернуться к бегущему телохранителю и властным взглядом заявить о своем праве на спасение принцессы – иначе бы просто повалили и скрутили. Впрочем, она тоже пришла на выручку, воздела руки: мол, я цела и невредима. А когда оказалась на земле, потребовала, чтобы ее пустили к скакуну. Стянула перчатку, положила руку ему на шею, пытаясь дать бой микротварям, но даже для ее уровня управления информацией было слишком поздно. Распад быстро сделал свое дело.

Как же она бушевала в тот день у дверей его дома, под рев съезжающихся полицейских карет, под топот бегущих солдатских ног… Но потом махнула рукой и заявила: «Да, это превосходный конь, самый любимый из моих коней, и с детства у меня не было друга лучше, но, черт возьми, это всего лишь конь. А сейчас мне нужно просто спокойно посидеть, и если этот добрый военный джентльмен окажет такую услугу…»

Он оказал «услугу».

И сделал это еще раз, когда они встретились в Дании, на балу, и кружились на плывущей льдине, покрытой ковром механодревесины, чуткой к давлению их ног и действующим снизу силам. А в небе полыхало северное сияние.

В Дании не было для Елизаветы ничего зазорного в том, чтобы потанцевать с коммонером.

Потом Гамильтон возвратился к столу, за которым ужинал комсостав его полка, и оборвал смешки с ерническими вопросами: здесь вам не казарма. Он тогда здорово наклюкался. Если бы не своевременное вмешательство денщика, остановил бы принцессу – ее, исчерпавшую бальную книжку, провожал с танцпола какой-то юнец из череды претендентов на датский трон.

Впрочем, на другой вечер она увиделась с Гамильтоном в приватной обстановке. Приватность эта стоила ей изрядных усилий. Они проговорили, попивая вино, несколько часов кряду, после чего Елизавета выказала майору большой фавор.

– Скажите, мистер Гамильтон, разве не в деталях кроется Бог?

Рядом шла женщина. Точнее, высокопоставленная иезуитка лет тридцати пяти, с темными кудрями, свободно падающими на плечи. У нее был шрам на лице (похоже, от нанолезвия) и как следствие – разные глаза. Член Общества Иисуса никогда себе не позволит операцию по восстановлению лица, ибо сие есть тщета и гордыня. И все же эта монахиня была красива. Гамильтон даже плечи расправил, мысленно делая комплимент мускулатуре и осанке собеседницы. Ее биография, похоже, заслуживала самой

уважительной оценки.

– А может, в них кроется дьявол?

– Да, небезынтересно, что говорят и так, и этак. Меня зовут мать Валентина. Отвечаю за проводимую Обществом кампанию «Эффективная любовь».

– Да что вы говорите? – Гамильтон в притворном удивлении всплеснул руками. – Я тоже всей душой за повышение эффективности этого занятия…

– Не будем зря терять время. Вам же известно, чем я занимаюсь на самом деле.

– Да, известно. Вы тоже в курсе моих обязанностей. Я просто ждал, когда мы отойдем за пределы слышимости.

– Теперь мы за пределами…

– А значит, можем начинать разговор.

Они дружно остановились. Губы Валентины приблизились к уху Гамильтона.

– Только что мне сообщили: Святой престол очень даже не прочь объявить случившееся потенциальным чудом. Там кое-кто уверен: вскоре выяснится, что пропавший человек из Черного орла был сверхъестественным образом перемещен на огромное расстояние, возможно, в Берлин, и это нельзя будет считать не чем иным, как предостережением против вмешательства Пруссии.

– Да как же это выяснится, если кайзер попросту велит его тихо прикончить?

– Возможно, так и будет.

– Сами-то вы на этот счет какого мнения?

– Едва ли рядом с такими, как вы и я, могут случаться чудеса.

Гамильтон спохватился, что разглядывает ее слишком беззастенчиво. А она, поди, терпит и безмолвно впитывает информацию, чтобы воспользоваться ею лет через двадцать, если понадобится.

Поэтому он обрадовался пришедшему от техслужбы сообщению. Надо к королеве-матери идти, и не в одиночку, а с новой знакомой.

Королева-мать стояла в кладовой. Предложением присесть она пренебрегла, отчего Паркес и его команда разнервничались еще пуще.

Она кивнула Валентине:

– Я обязана вас проинформировать о том, что мы получили официальное предложение от Святого престола. Там считают зал, где произошел инцидент, местом возможного чудесного явления.

– Если так, мои предположения о случившемся более никакого значения не имеют. Вам следует обратиться…

– К послу. Пожалуй. Но сейчас передо мной вы. Вам известно, о чем нас просят?

– Догадываюсь. Кардиналам угодно получить полную запись явления, или в данном случае правильнее сказать – исчезновения. Подготовка требуемых материалов займет совсем немного времени, ведь помещение находилось под столь… плотным контролем.

– Вы правы, это можно сделать быстро. Но меня больше заботит, что будет потом.

– Процедура требует полной изоляции помещения. Никаких следственных действий, пока его не осмотрят сами кардиналы. Необходимо свести к минимуму любое воздействие человека на процесс Божественного деяния.

– Да разве от нас тут что-то зависит? – нахмурился Гамильтон.

– Зависит, поскольку для общения с человеком Господь использует физический способ, – пояснила Валентина. – Правда, это зависит еще и от того, насколько человек верит в физику малых частиц.

– Или от того, насколько человек верит в международную политику, – проворчала королева-мать. – Что поделать, когда нас о чем-нибудь просят из-за границы, сразу возникает сильнейшее желание сказать «нет». И в этом отношении остальные нации нисколько не отличаются от британцев. Почему мы должны делать то, чего другие не делают? Но сейчас речь идет о том, что лежит в самом центре равновесия. Я имею в виду снятие охраны. Нам могут сказать, что ведь просьба исходит не от другого народа, а от Бога. Отклонить подобную просьбу сложно. Но мы способны воспринять такую сложность как вызов, и тогда нам еще сильнее захочется дать отрицательный ответ.

– Вы сейчас говорите от имени его величества?

Из горла королевы-матери вырвался кашель. Вероятно, это означало смех.

– Точно так же, как и вы говорите от имени Всевышнего.

Валентина улыбнулась и чуть опустила голову:

– Ваше величество, я думаю, все великие державы понимают: идет празднование, и нужно немало времени, чтобы пригласить премьер-министра и многих других придворных, с которыми вы должны обсудить столь непростой вопрос.

– Все так. Хорошо, я согласна. Это займет три часа. Вы можете идти.

Валентина и Гамильтон вышли.

– Пойду к нашим, послушаю, о чем говорят, – сказала иезуитка.

– Редкая вы птица, как я погляжу. Волосы длинные носите…

Она остановилась и посмотрела Гамильтону в глаза.

– Вы о чем?

– О том, что вы белая ворона и нисколько этого не стесняетесь.

Она хихикнула, чем удивила Гамильтона. Он даже подумал: «Ну почему я не лорд Кэрни?»

– Готова биться об заклад, – прошептала она, – что к вечеру все это закончится. И кто-то будет мертв.

Майор вернулся в бальный зал. К этому времени у него в голове появилась картинка. Всплыла со дна сознания, из потаенного источника догадок и прозрений – Гамильтон привык ему доверять и никогда не пытался выяснить механику его действий. В тот самый миг, когда исчез Зандельс, Елизавета сделала резкое движение. И было в этом движении что-tq знакомое, даже привычное, но что именно?

Вдруг Гамильтон понял. Она как будто пыталась выстрелить, не имея оружия. Импульс явно исходил от мышц, не от разума. То есть Елизавета почему-то не контролировала себя тогда. Однако на нее это совсем не похоже.

Гамильтон встревожился.

А кто-нибудь еще заметил?

Вряд ли.

Что если и сам он способен действовать, не владея собой? Идти, куда ноги несут, и бездумно творить лихие дела?

Он оборвал эту мысль и просто пошел, куда несли ноги. Приблизился к герольду, державшему в руках планшет с бальными книжками, и предъявил фавор королевы-матери – информация, стоило о ней вспомнить, выскочила на безымянный палец.

Герольд вник в то, что передалось его кисти от Гамильтонова пальца, и вручил планшет.

Майор вполне сознавал, какими катастрофическими могут быть последствия его поступка. Поэтому он внимательно просмотрел список предстоящих Елизавете танцев и стер фамилию некоего случайного француза. Вместо которой одним касанием пальца поставил собственную и вернул планшет герольду.

Тот пребывал в полуобморочном состоянии – как будто сама Костлявая прогуливалась у него перед носом.

Пришлось ждать три танца, прежде чем настал черед Гамильтона.

Сначала балаклава. Потом Entree Grave – загадка, как этот

танец оказался в списке; не иначе, герольд всю жизнь ждал возможности попрактиковаться во французском. Затем под бурные аплодисменты хорнпайп для моряков, в том числе для Бертила. И наконец, благодарение Богу, простенький вальс.

Первые три танца Елизавета пропустила, так что Гамильтон встретил ее у столика. Вымуштрованные служанки восприняли его появление стоически. Две компаньонки Лиз не на шутку испугались; Гамильтон понимал их и даже сочувствовал. Ему тоже было неуютно под цепкими недоуменными взглядами столь важных особ, находившихся в этом зале.

Елизавета приняла его руку и слегка пожала.

– Джонни, что это бабушка вдруг задумала?

– Она тут ни при чем.

Такой ответ обеспокоил Лиз.

Они встали в ряд с другими танцорами.

Гамильтон очень явственно чувствовал перчатку на ее левой руке. Механоткань скрадывала жар его собственной кожи, желание осязать девичью кисть. Но даже не будь перчатки, рука не выдала бы Гамильтону правду.

И все же он верил, что эту правду добудет. Отыщет, потому что знает Елизавету.

Заиграл оркестр. Начался танец.

Гамильтон не имел никакого плана, действовал по наитию. Он просто позволил своему телу двигаться, позволил вальсу его нести. Сам себе он казался безумцем, отплясывающим на краю вулкана.

– Помнишь тот день, когда мы познакомились? – спросил Гамильтон, когда был уверен, что их не услышат, по крайней мере, не услышат другие танцоры.

– Помню, конечно. Бедненький мой Сан-Андреас… И дом твой помню, у конюшни…

– А помнишь, о чем я просил в тот день, когда мы были наедине? И ты согласилась. Помнишь те страстные слова, способные развалить всю эту шараду?

Гамильтон ничуть не хмурился, говорил мягко и при этом иронично. Он всегда так вел себя с Лиз, и она подыгрывала, отвечала шпилькой на шпильку и не обижалась. Понимала: он никогда не держит камня за пазухой; его шуточки – не более чем доброе подтрунивание.

Вот на этом-то абсолютном доверии друг к другу и выстроились их чисто английские отношения. Отношения, которые, по словам Кэрни, не вредят равновесию.

Но женщина, вместе с Гамильтоном кружившаяся сейчас в вальсе, возмутилась и обиделась. Все, что она испытывала,

читалось на лице.

– Не понимаю, ты о чем! И даже если я на что-то согласилась, все равно…

У Гамильтона раздулись ноздри. Неужели он все-таки ошибся? Тогда ему конец. Но отступать поздно. Если он сорвется и полетит в кратер вулкана, это будет гибелью во имя долга.

Он убрал ладонь с талии принцессы и схватил ее за подбородок. Пальцы глубоко впились в плоть.

И все, кто был в зале, закричали от ужаса.

Еще мгновение, и лейб-гвардейцы откроют огонь.

Есть! Он нащупал! Или только показалось? Нет, точно!..

Он уцепился и рванул изо всех сил.

Лицо принцессы Елизаветы полетело на пол.

Хлынула кровь.

Майор выхватил пистолет и дважды пальнул в сплетение мышц и механизмов, а оно скорчилось и выбросило струю защитной кислоты, обесцветив ближайшие мраморные плиты.

Гамильтон повернулся, и очень вовремя. На него кинулась женщина без лица – белые глаза среди красного мяса, на разрывах пузырится механический гной. Из волос она выдернула нож-заколку и теперь целила в горло, желая ему мгновенной смерти, а то и чего похуже.

Ломая ей руку, Гамильтон думал о Лиз. И наслаждался воплем.

Швырнув двойника на пол, хотел было закричать: «Где настоящая Лиз, мерзавцы?» Но набежало не меньше дюжины человек, и его оттащили.

Мельком он увидел перепуганного Бертила. Но не Гамильтон был причиной страха. Швед боялся за жизнь Елизаветы.

Гамильтон вдруг снова почувствовал себя предателем.

Майор прокричал фразы, сложившиеся еще в тот момент, когда он вписывал свое имя в бальную книжку.

– Ее давно подменили! Три года назад! На конюшне!

Поднялся шум. Кто-то рыдал, кто-то кричал: «Мы погибли!»

Грянуло два выстрела в той стороне, где находилась ватиканская делегация. Он повернул голову и увидел стоящую над трупом какого-то священника Валентину. Взгляды встретились. Иезуитка кивнула: она поняла, что значат крики о подмене на конюшне.

Позади нее кто-то запрыгнул на ватиканский стол и кувырнулся назад. Валентина среагировала мигом: развернулась и всадила две пули ему в грудь.

Гамильтон бежал вместе с толпой участников свадебной церемонии. Прятался среди сановников и их челяди. Кругом

орали, толкались, рвались к выходу, прочь от опасности. Он прикинулся очумевшим от ужаса – перекошенное лицо, глаза зажмурены. На отчаянные призывы техслужбы не отзывался. Зато по тайной связи получил кое-что непосредственно от королевы-матери.

Шатаясь, доковылял до двери кладовой. На него оглянулся Паркес.

– Ну, слава богу, вы здесь! А мы все зовем, зовем – офис королевы-матери требует, чтобы вы немедленно явились…

– Хватит об этом. Вы идете со мной к ее величеству. Это приказ.

Паркес выдернул из ушей плаги и встал.

– Но почему?..

Гамильтон выстрелил в правое колено, и Паркес с воплем рухнул. Все техники в комнате вскинулись, но майор проревел: «Сидеть! Иначе с вами будет то же самое!»

Он упер носок ботинка в коленный сгиб раненой ноги Паркеса.

– Вот что, Мэтти. Ты знаешь, как это неприятно. И ты не из тех людей, кто считает, что во имя долга можно и помучиться. Поэтому отвечай: сколько тебе платят? И давно ли ты продался?

Он все еще кричал на лежащего, когда ворвались лейб-гвардейцы и к каждой голове, включая его собственную, приставили оружие.

Через минуту вошла королева-мать и изменила ситуацию, по крайней мере для Гамильтона – ему вернули свободу. Женщина внимательно посмотрела на Паркеса и несильно, но метко пнула разбитую коленную чашечку. А затем повернулась к техникам.

– Самое лучшее, что вас ожидает, это чистка и переналадка мозгов. Надо узнать, кто в них покопался.

Когда техников выводили из помещения, она взглянула на Гамильтона.

– Очевидно, в бальном зале вы объявили ложную версию.

– Да, ложную. Когда вы его разберете на части, – кивнул Гамильтон на Паркеса, – выяснится, что он подделал карту аномалий. Пруссаки подменили ее высочество двойником. Знали, что в этом помещении принцесса будет двигаться предопределенным маршрутом, и при содействии Паркеса установили вон в том углу складку с открытым входом.

– Но это же безумно дорого! Энергии требуется…

– Что ж, на сей раз кайзер обойдется без рождественской елки. Зандельс вошел в складку и исчез, и сделано это было демонстративно. В тот же миг его сообщники щелкнули тумблером и затащили в складку ее высочество; прикрытием

послужили зрительные галлюцинации, вызванные перемещением Зандельса. Немного новой технологии, немного старой доброй ловкости рук.

– И немного помощи от прусских агентов в Ватикане. Вместо молодой англичанки, способной влиять на шведский двор, там оказывается кукушонок из Берлина. Молодчина Вильгельм, здорово придумал. Такой успех стоит новогодней елки.

– Держу пари, похитители все еще в складке. Ничего не знают о том, что творится снаружи, ждут, когда зал опечатают по настоянию благочестивых церковников, чтобы выскользнуть и благополучно убраться восвояси. Наверняка едой на несколько суток запаслись.

– Вы полагаете, моя внучка еще жива?

Гамильтон задумчиво потер подбородок.

– На реке стоят прусские яхты весь судоходный сезон. Вряд ли похитители откажутся от премии за доставку принцессы на допрос.

– Да! – вскричал вдруг Паркес. – Замысел именно таков. Умоляю вас…

– Дайте ему обезболивающего, – распорядилась королева-мать и снова повернулась к Гамильтону: – Равновесие необходимо сохранить. Вильгельм, надо отдать ему должное, не вышел за рамки. Пруссаки могут списать Зандельса и его парней как распоясавшихся хулиганов, действовавших на свой страх и риск. Таким образом удастся избежать дипломатического инцидента. И мы, разумеется, пойдем навстречу. По традиции Черный орел получает ровно столько информации, сколько необходимо для выполнения задачи. Да и вообще, эти люди скорее покончат с собой, чем выдадут нам расположение войск или иные стратегические сведения. А вот то, что мы получим от Паркеса и его сообщников, – это потенциальный позор для Пруссии, который нам позволит в ближайшие месяцы давить на кайзера. Да и Ватикан какое-то время будет разговаривать с нами совсем иначе.

Она протянула руку, и Гамильтон почувствовал в безымянном пальце фавор, дополненный несколькими записями, вероятно, лестными для него. Но это можно и позже прочесть.

– Майор, мы распечатаем складку. Войдите туда. Спасите Елизавету. Всех остальных убейте.

В помощь Гамильтону дали группу офицеров, все четверо были его друзьями. Собрались в зале трофеев, разработали план операции и распределили боевые задачи. В усадьбе нашлось несколько саперов, им приказали заменить Паркеса и его

команду. Паркес объяснил, что запершиеся в складке люди оставили тончайший эфирный след, но лишь для экстренной связи. Никаких сообщений по этому каналу отправлено не было. Похитителям неизвестно, что происходит за пределами их убежища.

У Гамильтона никаких чувств, кроме отвращения, предатель не вызывал. Но с ним надо было работать. Майор знал: люди этой породы под нажимом становятся разговорчивыми, Особенно если внятно и доходчиво, во Есех подробностях объяснить, какие неприятности могут свалиться им на голову.

Фальшивая Лиз уже подверглась демонтажу, хотя ее настоящее имя выяснить пока не удалось – задача ведь непростая, требующая много времени. В ее голове самым прихотливым образом сплелось и срослось несколько разных личностей, и этот клубок пугал придворных психологов не меньше, чем облик «кукушонка». Существам вроде этого двойника нужна власть, чтобы жить, как им нравится. Но власть приобретается дорогой ценой – при этом в душе нарушается равновесие. По большому счету, что представляет собой народ, если не скопление душ, знающих, кто они и как бы им хотелось жить? Утрачивая собственную идентичность, ненастоящая Лиз и ей подобные в итоге проигрывают. Они лишают себя будущего и подвергают опасности других. Это даже предательством нельзя назвать. Здесь больше подходит смешанная метафора: когда живую марионетку засовывают в сложную машину равновесия, ее бечевки путаются, обвиваются вокруг тела и пережимают артерии, питающие сердце и мозг.

Офицеры в боевой экипировке собрались в пустом зале торжеств, где прислуга еще не успела убрать со столов. Да что столы – во всем дворце никто даже не помышлял о наведении порядка. Торжественное мероприятие было безнадежно сорвано. Представители великих и невеликих держав разбежались по своим посольствам и яхтам. Наверное, мать Валентина уже выясняет подробности измены – кто в ее делегации продался и почем. Будет отлучение от церкви postmortem[100], и не избежать отступникам адских сковородок.

Гамильтон подумал о Лиз. Затем поднял руку и вынул из воздуха свой пистолет.

Один из саперов принес какой-то прибор, включил обратный отсчет, козырнул и вышел.

– Вперед, «Зеленые куртки»! – воскликнул за спиной у Гамильтона офицер знаменитого стрелкового полка.

Остальные упомянули свои подразделения, не менее славные.

Гамильтон ждал. В нем рос тугой ком страха и волнения.

Таймер щелкнул на ноле. Открылась полость в структуре мироздания. Гамильтон и его люди бросились вперед.

Вбежав, они сначала никого не встретили. Пол и сводчатый потолок были покрыты универсальным «пограничным» материалом. Он излучает слабое радужное сияние, отчего все подобные полости вызывают легкое головокружение. Как будто входишь в пещеру Николая Чудотворца. Или попадаешь в посмертный туннель, тот, что уносит душу в мир иной.

Во рту у Гамильтона появился знакомый привкус, это хлынул в кровь адреналин. И не ожиданием скорой и неминуемой схватки он был вызван, а тем чувством, что возникает при попадании в другую вселенную, когда ты слишком далек от родины, полностью оторван от своего Бога.

В складке была гравитация. И правда, денег пруссаки не пожалели.

Маленький отряд продвигался вперед, бесшумно ступая по кромке вселенной. Вот уже близок поворот туннеля, оттуда доносятся голоса.

Четверо офицеров посмотрели на Гамильтона. Он сделал еще пару осторожных шагов – как хорошо, что у форменной обуви мягкие подошвы. Услышал голос Елизаветы, правда, слов еще не разобрать, далековато. Она рассержена, но не сломлена. И не дерзит врагам в ожидании пыток. Спорит с ними, убеждает. Гамильтон не сдержал улыбочки. Они ведь даже не догадываются, с кем связались.

Как бы то ни было, в лагере противника еще не поднимали тревогу. Поставить сигнальные мины в конце складки почти невозможно. Наверное, пруссаки часа два сторожили у входа, но не дождались от оставшихся снаружи сообщников тревожных посланий и расслабились. Гамильтон был уверен, что изначальный план предусматривал дежурство по часам, но Лиз ухитрилась втянуть в спор и караульщика. Представилось, как она стоит сразу за поворотом и, горячась, выкладывает довод за доводом; глаза то и дело косятся на выход, на платье сверху расстегнута пуговка-другая. В прическе у нее тоже есть нож-заколка, но он бесполезен против таких серьезных ребят.

Гамильтон прикинул расстояние. Подсчитал мужские голоса: раз, два, три… Четвертый ниже остальных, и его обладатель говорит не на пиджине, а на чистом немецком. Зандельс. Похоже, его только что разбудили. Он раздражен, спрашивает, какого черта…

Майор выбросил из головы все мысли о Лиз. Посмотрел на

товарищей, и они поняли: пора! Сработают сигнальные мины, а может, и не только сигнальные, но все же есть шанс реализовать преимущество внезапности.

Он кивнул.

И все устремились к повороту, готовясь разобрать цели.

Ожидаемо взвыла сирена, но это не остановило англичан. Враги были застигнуты врасплох, да только профи приучены работать на рефлексах – сразу кинулись к оружию, лежащему среди котелков, ящиков, консервных банок…

Гамильтон был готов к тому, что перед ним появится Лиз. «Нельзя на нее реагировать! Ищи цель!»

Он присел и закричат, когда рядом напоролся на взведенную сигнальным датчиком мину офицер. Красный взрыв, клочья мяса по всей пещере… «Зеленая куртка». Эх…

Гамильтон «поплыл», но заставил себя выпрямиться, сфокусировать зрение. Впереди справа и слева двое отлетели, как кегли, получив по две пули в корпус, а он двигался слишком медленно, спотыкался – ходячая мишень.

Кто-то из пруссаков успел выстрелить в потолок и тоже рухнул, дважды продырявленный. Взорвался…

Все враги убиты, кроме…

Наконец-то Гамильтон увидел свою цель.

Зандельс. Но перед ним – Елизавета. Закрывает собой каждый сантиметр его тела. А он прижимает к шее принцессы пистолет. На мертвых товарищей не глядит.

Трое пришедших с Гамильтоном офицеров медленно подступали – руки на виду, стволы направлены вниз – и косились на майора.

А тот не опускал оружия. Держал свою цель.

Но на линии огня была принцесса. Все молчали.

Лиз посмотрела в глаза Гамильтону. И в самом деле, две пуговки расстегнуты. Принцесса ничуть не нервничала.

– Ну что ж, – начала она, – ситуация весьма…

Зандельс что-то пробормотал, и она умолкла.

Тишина.

Пруссак рассмеялся, и смех этот нельзя было назвать неприятным. С квадратного лица смотрели живые глаза, уголок рта оттянулся в улыбке. Люди его профессии – Гамильтон это знал – склонны смотреть на жизнь с юмором. И на смерть.

Не было ощущения абсурдности происходящего, о которой рассказывали солдаты, выбиравшие однажды между гибелью и альтернативой. Пруссак, очевидно, обдумывал альтернативу. Просто она всегда кажется дикой военному человеку. В глубине души майор не мог не сочувствовать Зандельсу. Еще неизвестно,

как сам поступил бы на его месте.

– Даже не знаю, зачем я это сделал. – Зандельс взглядом показал на Елизавету. – Рефлекс.

Гамильтон понимающе кивнул:

– Тебе надо было выиграть секунду.

– Слишком красивая девчонка, жалко на шведа тратить.

Гамильтон почувствовал, что Лиз на него не смотрит.

– Это не трата, – сказал он мягко. – И ее королевское высочество надлежит называть по титулу.

– Не хотел оскорбить.

– И не оскорбил. Но мы в присутствии августейшей особы, а не в казарме.

– Уж лучше бы в казарме.

– Да, пожалуй.

– Оружие я не отдам.

Гамильтон не нарушил субординацию, не посмотрел на подчиненных вопросительно: одобряете или нет?

– И не нужно. Мы тебя казнить не собираемся.

Зандельс удовлетворенно кивнул.

– Жаль, что так получилось. Мы бы спокойно подождали и ушли. А эту складку убрали бы ваши.

– Надо думать, не в Берлин ушли бы?

– Нет, – подтвердил Зандельс. – Совсем в другую сторону.

Гамильтон ждал.

– Ну хорошо. – Зандельс отошел на шаг от Елизаветы.

Майор опустил оружие, зато его люди взяли свое на изготовку. Держать пруссака на мушке не было необходимости. Его ствол у бедра, для прицельной стрельбы вскинуть не успеет.

Елизавета не сошла с места. Поправила прическу и застыла, глядя на Зандельса так, будто желала сказать ему что-то на прощание, но не находила слов.

Гамильтон внезапно осознал, насколько неестественна эта сцена. Уже было открыл рот, чтобы…

Но Лиз вдруг положила ладонь Зандельсу на щеку.

Между пальцами серебристо блеснула узкая полоска.

Пруссак упал и забился в конвульсиях, зашелся хриплым криком – подчиняясь безжалостной и четкой команде нервной системы, он откусил себе язык. Потом скрытый в ноже-заколке механизм позволил ему умереть.

Принцесса взглянула на Гамильтона и повторила его слова:

– Это не трата.

Саперы осмотрели туннель, а потом он был уничтожен, как и хотел Зандельс. Гамильтон не возражал. Свою задачу он считал

выполненной, а новые распоряжения не поступали.

Не думая о возможных последствиях, он решил найти мать Валентину. Но иезуитка успела покинуть усадьбу вместе с ватиканской делегацией, и даже кровавых пятен не осталось там, где ступали ее ноги.

Майор расположился за столиком, хотел налить себе шампанского. Но бутылка оказалась пустой.

Бокал ему наполнил лорд Кэрни, усевшийся рядом. Вместе они наблюдали за благополучно воссоединившимися женихом и невестой. Счастливые Елизавета и Бертил все кружились и кружились в танце, не замечая никого и ничего. Ими любовалась бабушка принцессы. И улыбалась.

– Мы с вами видим восстановленное равновесие, – изрек Кэрни. – Или, возможно, эти двое восстановят его нынче ночью. Эх, если б только у нас была альтернатива!

Гамильтон осушил бокал.

– Эх, если б только у нас ее не было.

И он ушел, не дожидаясь, когда лорд скажет что-нибудь еще.

КРИС РОБЕРСОН
ФРАНКЕНШТЕЙН ЭДИСОНА

Крис Роберсон публиковался в «Postscripts», «Asimov's Science Fiction», «Subterranean», «Argosy», «Electric Velocipede», «Black October», «Fantastic Metropolis», «RevolutionSF», «Twilight Tales», «The Many Faces of Van Heising» и других изданиях. Вероятно, он больше всего известен по альтернативно-историческому циклу «Небесная империя» («Celestrial Empire»), который, помимо большого количества коротких произведений, включает романы «Грязная девятка» («The Dragon's Nine Sons»), «Железные челюсти и колибри» («Iron Jaw and Hummingbird»), «Путешествие ночного светила» («The Voyage of Night Shining White») и «Трое непокоренных» («Three Unbroken»). Среди других романов писателя: «Здесь, там и везде» («Неге, There & Everywhere»), «Парагея. Космический роман» («Paragaea: A Planetary Romance»), «Пылающие моря» («Set the Seas on Fire»), «Голоса грома» («Voices of Thunder»), «Киберчеловечество» («Cybermancy Incorporated»), «В любое время» («Any Time At All») и «Конец века» («End of the Century»). Роберсон также участвовал в межавторских проектах «Warhammer», «Люди Икс» («X-Men»), «Шаркбой и Лава» («Shark Boy and Lava Girl»). В числе последних романов из цикла «Warhammer» – «Охота на Вальдура» («The Hunt for Voldorius»). Роберсон не только писатель, но и один из соиздателей небольшого издательства «MonkeyBrain Books», кроме того, он выступил в качестве составителя ретро-палп антологии «Приключение, том 1» («Adventure», Volume 1). Автор живет со своей семьей в Остине, штат Техас.

В представленном ниже произведении он уводит нас в параллельный мир стимпанка, где многие известные личности из нашей реальности получили новые роли, которые перевернули их жизнь.

День уже клонился к вечеру, когда Арчибальд Шабан наконец-то отыскал мальчишку. Тот забрался на высокую железнодорожную эстакаду: с этой точки он мог обозревать перекресток 62-й улицы и Хоуп-авеню, а дальше, за высоким забором, – и закулисье концессии Билла Коди, ныне называемой «Дикий Запад Буффало Билла и съезд мужественных всадников мира».

– Мециан! – окликнул его Шабан, но едва расслышал себя из-за приглушенного рева восьмитысячной толпы с арены Коди и рокота локомотива, приближающегося по путям Центральной железной дороги Иллинойса. – Мециан! – Шабан снова крикнул,

сложив ладони у рта наподобие рупора.

Он посмотрел на юг, пытаясь определить, далеко ли поезд. Когда Шабан был мальчиком и наблюдал за «горбатыми»[101] паровозами-десятиколесниками, громыхающими по линии Алжир – Константина, он мог за несколько миль разглядеть черный дым, вырывающийся из их угольных топок. Однако новые прометиевые локомотивы выбрасывали из трубы только пар, и практически весь он использовался для перемещения состава, поэтому поезда можно было услышать намного раньше, чем увидеть.

Шабан прислонил руку к ближайшей стальной балке и ощутил вибрацию приближающегося поезда. Он снова выкрикнул имя мальчика. Мециан посмотрел вниз и виновато улыбнулся.

– Ой, а я вас и не увидел, амин.

Шабану было достаточно скрестить руки на груди и нахмуриться – мальчик стал спускаться с эстакады, словно обезьяна с дерева.

Для американцев вроде Билла Коди Арчибальд Шабан был ассистентом, переводчиком и телохранителем Сола Блума. И Коди уже предупредил Блума, чтобы тот держал «своих проклятых алжирцев» подальше от его индейцев из «Шоу Дикого Запада».

Но для Сола «Арчи» был всего лишь кабилом[102], сошедшим с парохода из Парижа вместе с его труппой и пригрозившим швырнуть того в воды нью-йоркской гавани, если он не будет со своими артистами более вежливым. Блум предложил кабилу сигару и нанял Шабана, чтобы тот улаживал все проблемы алжирской труппы в Нью-Йорке.

Однако для алжирцев Шабан был чем-то большим. Будучи поначалу лишь их советчиком в чужой стране, он стал их выбранным амином и таким же главой их концессии «Алжирская деревня», как если бы сидел в джемме кабильской деревни.

– Осторожнее, – предупредил Шабан, когда Медиан повис на стальной балке. – Я обещал твоей матери, что приведу тебя домой целым и невредимым.

Мальчик лишь улыбнулся и спрыгнул на тротуар, преодолев пять футов. За ним последовало нечто пестрое и трепещущее, словно пикирующая птица.

– Мама не даст мне десять центов, чтобы посмотреть представление, – ответил Мециан вместо объяснения, показывая на транспаранты «ПИЛОТ ПРЕРИЙ», колышущиеся над концессией Коди.

– Господин Блум поклялся, что сдерет с меня шкуру, если кого-нибудь из нашей труппы еще раз застукают пьющими с артистами Коди, – напомнил Шабан, все еще стоя со

скрещенными на груди руками. Многие алжирцы в труппе не были ревностными мусульманами и даже сейчас, в последние дни Рамадана, нередко пускали по кругу оплетенные бутыли с вином, когда в конце дня публика расходилась. – А если Коди узнает, что кто-то из нас подсматривает за его представлением, да еще и бесплатно, то вовсе убьет.

Мециан потупился и виновато затоптался.

– Простите, амин.

– Ты что-то уронил. – Шабан поднял брошюру с кричаще-яркой обложкой, выпавшую из кармана мальчика. Американцы окрестили такие «десятицентовыми романами». Йод напечатанным крупными буквами названием «Еженедельный научный роман» он прочел заглавие главного произведения в этом выпуске: «Дэн Фарадей – борец за справедливость в электрическом мире будущего». Возвращая брошюру мальчику, Шабан на миг улыбнулся. – Значит, мать не дает тебе десять центов на «Шоу Дикого Запада», но разрешает тратить деньги на дешевые выдумки?

Мальчик пожал плечами и засунул сложенную брошюру в задний карман.

– Они помогают мне лучше осваивать английский. – Он помолчат, горделиво выпрямился и надменно произнес по-английски: – Руки вверх, еретики, вы окружены. – Снова перейдя на французский, он вопросительно посмотрел на Шабана. – Что такое «еретик»?

– Это значит «неверующий», или «неверный». Злодей, другими словами. – Опустив руку на плечо мальчика, он мягко подтолкнул его вперед. – Пойдем, мать тебя заждалась.

Шагая по 62-й улице в направлении Айленд-авеню, они слышали приглушенные аплодисменты толпы, собравшейся на арене Коди. «Шоу Дикого Запада» открылось всего чуть больше недели назад, но уже собирало больше зрителей, чем все концессии на Мидуэй Плезанс[103] вместе взятые. Через две недели Колумбовская выставка наконец-то откроется для публики, и можно будет лишь гадать, останется ли у людей желание посещать другие развлечения и аттракционы.

– А вот твои брошюрки, – поинтересовался Шабан, когда они свернули налево и пошли на север по Айленд-авеню. – Они хотя бы интересные?

Мециан пожал плечами:

– Да вроде неплохие. Но похуже французских, которые я читал дома или в Париже.

Шабан кивнул:

– Когда я был мальчишкой, то проглатывал каждый выпуск

«Необыкновенных путешествий» Жюля Верна, что попадал мне в руки.

– Верна? – скривился Мециан и покачал головой. – Слишком сухо. Нет, мне лучше подавай «Эксцентричные путешествия» Поля д'Ивуа[104].

Они миновали 60-ю улицу, потом свернули налево, к Мидуэй Плезанс. Силуэт все еще не завершенного колеса Ферриса возвышался над горизонтом, видимый даже за семь кварталов. Стальные паучки автоматов ползали по нему вверх и вниз на крабоподобных ногах, приваривая стальные поперечины и натягивая проволочные растяжки. Строители обещали, что «колесо обозрения» начнет вращаться через неделю, максимум через две, как раз ко дню открытия. Шабан далеко не разделял оптимизма этих предсказаний, но знат, что без автоматов монтаж этой конструкции не продвинулся бы даже настолько далеко и уж точно не выполнен бы был к сроку.

Шабан невольно вспомнил, каким он был мальчишкой и с каким увлечением читал Жюля Верна, покупая у букинистов выпуски его брошюр. Тогда он был еще не Арчибальдом Шабаном из Лондона, а Адербалем Айит Шабааном из Деллиса, читающим о людях, путешествующих под водой, летающих по небу или на Луну в поразительных машинах. Прочитанное казалось чем-то далеким и непостижимым, и увидеть такое будущее он почти не надеялся. Потом наступил голод, притеснения кабилов их французскими колониальными хозяевами, а потом и поражение восстания Мухаммеда аль-Мухрани. Шабан был еще слишком молод, чтобы сражаться, но за оружие взялись его отец и дяди, и после разгрома восстания его семья была объявлена в Алжире вне закона, навсегда утратив право говорить на джемаа[105]. Юный Адербаль, не видя для себя будущего на родине, отправился жить среди ромнов – так кабилы, помня о древних римских временах, до сих пор называют всех иноземцев за срединным морем. Он сбежал на Север, подальше от бабушкиных предрассудков и традиций, которым его учили с детства. Юноша отправился на поиски будущего, чтобы заново изобрести себя в рациональном мире. В Англии он начал новую жизнь, став телохранителем богатого человека, и попытался забыть прошлое.

Однако в конечном итоге он понял, что прошлое – это нечто такое, что мы носим с собой, и избавиться от него невозможно. И хотя будущее наступило, оно оказалось не совсем таким, как он предполагал.

Шабан и мальчик шли по Мидуэю мимо закрывающихся на ночь концессий. Как и «Шоу Дикого Запада», они смогли открыться заранее, пока работа по подготовке Всемирной

выставки еще завершалась. Некоторые из этих трупп, вроде «Алжирской деревни», расположились еще прошлым летом. И, подобно их «экспозиции», все остальные концессии были в той или иной степени карикатурами на страны, которые они изображали, пантомимами никогда не существовавшего прошлого. Были там ирландцы в зеленом фетре, немцы в баварских кожаных штанах-ледерхозен, лапландцы в мехах, турки в фесках. Но какими бы клоунами частенько ни смотрелись все прочие, Шабана поразило, что худшие унижения были всегда припасены для обитателей африканского континента. Например, туземцы из Дагомеи, лишь недавно завоеванной французами, для развлечения американской публики были выставлены «дикарями-каннибалами». Некогда гордые люди оказались унижены до уровня балаганных кривляк.

Когда они уже подходили к колесу обозрения, за которым расположилась алжирская концессия, Шабана кто-то окликнул. Это оказался один из артистов концессии «Улица в Каире», ставшей самым популярным аттракционом в Мидуэе.

– У нас украли еще одну обезьяну, Шабан, – заявил египтянин на арабском. – Твои кабилы случайно не нарушили пост Рамадана, наевшись рагу из мартышки?

– Держи своих головорезов подальше от наших женщин, Зеваль, – добродушно ответил Шабан, – и я не подпущу своих людей к вашим обезьянам.

Когда они прошли под удлиняющейся тенью колеса обозрения и уже показалась «Алжирская деревня», Мециан вдруг замер и обернулся с тревогой на лице.

– Я потерял книжку.

Он похлопал по карману, потом вывернул голову и осмотрел спину, как будто пропавшая брошюра могла прилипнуть сзади к его рубашке.

Шабан медленно повернулся, пристально глядя под ноги, затем посмотрел туда, откуда они пришли.

– Наверное, ты ее уронил.

Мециан уставился на него распахнутыми глазами.

– Мама меня убьет!

Шабан сочувственно улыбнулся, но не успел ответить, как услышал топот быстро приближающихся шагов. Он резко обернулся, ожидая неприятностей и инстинктивно приняв оборонительную стойку, но расслабился, увидев папашу Ганона, поедателя стекла.

– Амин! – воскликнул Ганон. – Пойдемте быстрее!

Шабан снова напрягся, увидев бурнус Ганона, потемневший на груди от крови.

– Что случилось? – бросился к нему Шабан. – Ты ранен?

Ганон ответил ему непонимающим взглядом, увидел, куда смотрел Шабан, и покачал головой.

– Это не моя кровь, амин. Мы нашли за театром незнакомца, он истекает кровью.

Шабан сжал губы, кивнул:

– Беги и отыщи свою мать, Мециан.

И он размашистым шагом направился к алжирскому театру, Ганон засеменил за ним.

«Алжирская деревня» была почти точной копией того бродячего театра, который труппа первоначально соорудила на Парижской выставке четыре года назад. Именно там, в тени Эйфелевой башни, их увидел молодой Сол Блум и нанял для выступления в Соединенных Штатах. Но когда настало время покидать Париж, труппу охватила неуверенность – им стало страшно отправляться в дикую американскую неизвестность.

К тому времени Арчибальд Шабан не слышал родного языка уже много лет, с того дня, как уехал из Деллиса. Оказавшись по делам в Париже, он наткнулся на труппу возле набережной д'Орсэ. После дружеского обеда и воспоминаний о далекой родине папаша Ганон от лица всех артистов попросит мудрого и артистичного Шабана о помощи. Ганон напомнил ему о священной традиции, согласно которой любой кабил, путешествующий за границей, обязан прийти на помощь любому нуждающемуся в ней кабилу, даже рискуя своей судьбой и жизнью.

Шабан думал, что оставил эти обычаи в прошлом. Но, глядя на полные надежды лица алжирцев, он невольно вспомнил жертвы, на которые пошла его семья во время голода 1867 года. Традиции требовали с каждым путником, пришедшим в кабильскую деревню, обращаться как с почетным гостем, предоставить ему пищу, кров и все необходимое. И даже когда более десяти тысяч скитальцев со всего Алжира нахлынули в Деллис, ни один человек не умер от голода, а джемаа не были вынуждены просить помощи у правительства. Для предотвращения воровства и беспорядков среди европейского населения больших городов потребовались полицейские меры, в Деллисе же ничего подобного не понадобилось. Все свои проблемы кабилы решали сами.

И тогда, на набережной д’Орсэ, Шабан, к своему изумлению, согласился стать гидом труппы в Америке. Кабил пытался сбежать от своего прошлого, но со временем оно его настигло.

Жалюзи на окнах алжирского театра были закрыты. Внутри Шабан и папаша Ганон обнаружили лежащего без сознания

незнакомца, вокруг которого хлопотали две артистки труппы. Хотя на публике они прикрывали лица, надевая шадор или хиджаб, среди своих они предпочитали западные платья.

– А я тебе говорю, это Салла, – сказала одна из них, вытирая кровь с лица незнакомца влажной тряпкой. – Посмотри, у него же глаза Саллы.

Вторая женщина по имени Дахия покачала головой.

– Танинна, ты сошла с ума. Салла мертв и похоронен. К тому же этот человек совершенно на него не похож.

Шабан присел на корточки возле Танинны и внимательно присмотрелся к незнакомцу. Лицо и руки у него были изрезаны, а под шерстяным одеялом, которым его накрыли, он был полностью обнажен.

Благодаря помощи женщин раны на руках незнакомца уже перестали кровоточить, и Шабан коснулся одного из шрамов – тот выглядел старше остальных, уже зажил и кольцом охватывал верхнюю часть руки. Но едва палец Шабана скользнул по шраму, он ощутил легкий укол, как будто его ударила электрическая искра, и мужчина отдернул руку.

– Что будем с ним делать, амин? – спросила Дахия, вытирая лоб тыльной стороной кисти.

Шабан задумался.

– Схожу поговорю с оловянными солдатиками. Послушаю, что они скажут.

Как раз напротив «Алжирской деревни», на противоположной стороне Мидуэй Плезанс, между концессией «Старая Вена» и «Французским прессом для сидра» располагалась пожарно-охранная станция, где дежурила «Колумбийская стража» – частная полиция, нанятая для зашиты выставки. Ее возглавлял полковник Эдмунд Райс, бывший пехотный офицер, снискавший свою толику славы во время сражения при Булл-Ран, когда новенькие прометиевые танки Союза положили конец недолгому восстанию южан[106]. «Колумбийская стража» под командованием Райса задумывалась как идеальная миротворческая сила, обеспечивающая безопасность всех, кто ступает на территорию выставки. Однако в форме из светло-голубой дерюги, в белых перчатках и черных фуражках с желтой окантовкой они больше походили на ряженых копейщиков из комических опер Гильберта и Салливана[107], чем на представителей закона. К тому же их таланты по поддержанию общественного порядка нередко оставляли желать лучшего, поскольку их больше интересовала демонстрация своей экстравагантной внешности, чем разрешение конфликтов. Поэтому концессионеры не просто так прозвали их «оловянными солдатиками».

Когда Шабан подходил к караульной будке, прикидывая, как лучше поведать о потерявшем сознание и истекающем кровью человеке, лежащем в алжирском театре, из узкой двери выбежали три охранника. Первый из них оттолкнул Шабана в сторону.

– Отвали, копченый, – прорычал охранник по-английски, похлопывая застегнутую кобуру на боку. – Нам некогда слушать всякую ерунду о проклятых украденных обезьянах.

Шабан примиряюще поднял руки и шагнул в сторону, приняв как можно более миролюбивый вид.

– Извините, – ответил он на безупречном английском.

При желании он мог бы запросто уложить подсечкой всех троих охранников и выхватить у них оружие. Однако в тот момент его больше интересовало, что привело обычно немногословных охранников в такое возбуждение.

Троица помчалась вверх по Мидуэю, огибая колесо и направляясь к самой выставке. Несколько концессионеров все еще находились на улице, и Шабан слышал, как они подозрительно перешептываются, совсем как домохозяйки, обменивающиеся слухами за садовой оградой. Кто-то ухитрился подслушать, о чем говорили охранники у себя в домике. В парке произошло убийство.

Следуя за охранниками на почтительном расстоянии, лишь бы не терять их из виду, Шабан подсчитывал количество смертей, случившихся в парке с прошлого лета, когда алжирская труппа приехала сюда из Нью-Йорка. Подобно гибели алжирского шпагоглотателя Саллы, работавшего в парке строителем в ожидании, пока откроется Мидуэй, все смерти здесь стали результатом несчастных случаев, и все рабочие погибли на рабочих местах из-за плохой охраны труда. Салла упал с мачты воздушного корабля и утонул в озере Мичиган, другим рабочим или разбивали череп кирпичи, плохо закрепленные на подъемном кране, или их раздавливало балками, выскользнувшими из клешней плохо запрограммированного автомата.

И дело не ограничивалось лишь этими погибшими, похороненными в нищенских могилах южнее парка. Прямо сейчас, уже в городе, бастовали рабочие, требующие лучших условий труда и гарантий, что их не заменят автоматами. Девизом Всемирной выставки было: «Не материя, а разум. Не вещи, а человек», но Шабан невольно задумался, станут ли эти благородные чувства хоть каким-нибудь утешением для тех, кого за последние месяцы и годы заменили на «вещи». Зато он точно знал, что они не могли изменить участь погибших при работе с автоматами.

Но несчастные случаи – это одно, а вот насильственная

смерть – совсем другое. И если на потерю нескольких трудяг совет директоров выставки еще мог смотреть сквозь пальцы, то скандал из-за убийства плохо повлияет на дела ярмарки.

Вполне возможно, что истекающий кровью человек, лежащий сейчас у алжирцев, был еще одной жертвой, сумевшей ускользнуть из лап убийцы. Но, по прикидкам Шабана, столь же вероятно, что совет директоров будет только рад найти козла отпущения, на которого можно будет повесить это преступление, и ошеломленный незнакомец, неспособный защитить себя, идеально для этого подойдет. Поэтому Шабан решил не передавать им парня, пока не будет уверен, что тем самым не подпишет ему смертный приговор.

Шабан проследовал за охранниками через вход на 60-й улице и далее на территорию выставки. Оставалось еще две недели до торжественного открытия, но было очевидно, что предстоит завершить еще немалый объем работ. Землю густо усеивал строительный мусор, газоны прорезали глубокие канавы. На пересечениях дорожек громоздились кучи бревен, повсюду валялись пустые ящики и выброшенные рабочими объедки.

Охранники пошли дальше на восток, миновали детские аттракционы и северную оконечность павильона садоводства, затем свернули направо и пошли на юг вдоль западного берега Лагуны. Шабан следовал за ними и, свернув за павильон садоводства, увидел гладкий холмик Лесного острова посреди Лагуны.

С тех пор как он бывал здесь в последний раз, рабочие успели завершить реконструкцию «допотопного» храма на южной оконечности острова. Строение, предположительно основанное на археологических находках в Антарктике, выглядело как иллюстрация из очередной брошюрки Мециана. Еще одной новинкой стали миниатюрные подлодки, покачивающиеся вдоль берега и ждущие, когда их наймут для коротких экскурсий ко дну Лагуны после открытия выставки.

Шабан невольно задумался над тем, что из всего этого смог бы понять Жюль Верн.

Коли на то пошло, разобрался бы Жюль Верн в конструкции воздушного корабля, дрейфующего сейчас над причальной мачтой, едва видимой на дальнем краю Лагуны, за производственным зданием на пирсе, уходящем в озеро Мичиган? Это был воздушный корабль на прометии, а его оболочка становилась легче воздуха благодаря красному газу, образующемуся при реакции прометия и угля.

Прометий – очень простое вещество. Он выглядит как вода и текуч как ртуть. Добавьте его в воду, и вы увидите, как вода

закипит. Добавьте его к углю, и он превратит уголь в новый прометий. Поместите его в вакуум и встряхните, и он начнет светиться ярким белым светом.

Солнце на западе уже опустилось за дома, и фонарщики парка принялись за работу, заводя часовые механизмы в основании каждого фонарного столба, заставляющие граненые стеклянные шары на верхушках столбов вибрировать, активируя прометий внутри. У Шабана на лацкане был закреплен фонарик: стеклянный флакончик, закрытый серебряной пробкой. Если бы он его сейчас встряхнул, то прозрачная вязкая жидкость внутри засветилась бы мягким белым светом и не потускнела бы до рассвета.

На глазах Шабана охранники прошли мимо здания транспортировки, потом свернули налево, в так называемый Двор Чести с золотистым куполом здания администрации в центре. Шабан ускорил шаг, чтобы не потерять охранников из виду и заметить, в какое здание они войдут.

Свернув за угол павильона автоматики, Шабан увидел, как охранники прошли через массивные двери расположенного напротив павильона машин и механизмов. Тогда он пошел медленнее, направляясь к тем же дверям.

Слева от Шабана, напротив впечатляющей громады павильона машин и механизмов, стояли здания-близнецы, посвященные автоматам и прометию. Между ними пристроилась пятиметровая статуя Кадваладера Ринголда с секстантом в одной руке и похожей на краба моделью допотопного автомата, привезенного им с Южного полюса, в другой.

Конечно, Ринголд не был первым, кто вернулся оттуда с автоматом – доказательством существования «допотопцев». Эта честь выпала Джеймсу Кларку Россу, который в 1843 году привез корпус сломанного механизма с искусственными конечностями с острова, ныне носящего его имя. Случилось это на следующий год после того, как Ринголд и остальные члены экспедиции Уилкса вернулись из южных морей. После этого началась гонка к полюсу с целью поиска других образцов этой странной и неизвестной технологии. Экспедиция Ринголда выиграла гонку, когда вернулась с другим, лучше сохранившимся автоматом, найденным в глубокой расщелине обледеневшей горы, в крохотном двигателе которого все еще сохранилось несколько драгоценных капель прометия.

Однако и нескольких капель хватило, чтобы изменить историю, потому что, добавленные к углю, они быстро воспроизвели это вещество. А вскоре по найденным образцам восстановили и изготовили сами автоматы.

До сих пор не утихают бурные споры о том, кем были допотопцы. Какой-то забытой человеческой расой? Гостями из иного мира или измерения? Некоторые ученые даже высказали дурацкое предположение, что как раз допотопцы и породили миф об Атлантиде, а само их существование запомнилось лишь по легендам. Но наверняка было известно только то, что они оставили после себя лишь скудные образцы технологии, далеко опередившей ту, что имелась в середине девятнадцатого века.

«Но современным людям не понадобилось много времени, чтобы наверстать упущенное», – подумал Шабан, входя в павильон машин и механизмов.

Внутри здание впечатляло, походя на три стоящих впритык железнодорожных депо. Хотя многие стенды и киоски уже смонтировали, до открытия парка предстояло завершить еще немало работы, и мощные паровые краны продолжали скользить по потолочным рельсам через все здание, устанавливая на места тяжелое оборудование.

В дальней левой стороне павильона, вдоль его западной стены, располагались стенды Канады, Великобритании, Австрии, Германии и Франции, а остальную площадь занимали американские изделия. За дальней стеной, возле южного торца, находилась котельная, где в котлы с озерной водой добавлялось небольшое количество прометия, который почти мгновенно доводил воду до кипения и за несколько секунд превращал сотни галлонов в пар.

Почти все экспонаты выставки работали от приводных валов, вращаемых паром со скоростью от двухсот пятидесяти до трехсот оборотов в минуту, и были размещены вдоль всего помещения на высоте четырех метров. По ремням, тугим, как гитарные струны, от валов к выставочным стендам тянулись шкивы. О существовании многих из этих машин Шабан даже не подозревал: водяные насосы, механизмы для заполнения бутылок, холодильные аппараты, падающие молоты, дисковые пилы, печатные станки, камнерезные пилы, очистительные механизмы, а также такие, о предназначении которых Шабан мог лишь догадываться. Все они работали за счет прометиевого пара и, если верить плакатам и печатным табличкам, висящим на каждом экспонате, были прибыльными чудесами века.

Однако в юго-восточном углу здания можно было увидеть менее поразительные и прибыльные экспонаты. И как раз возле самого маленького из них сейчас и собрались охранники.

Собственно, экспонатом это и назвать было трудно: просто будка, плакат с надписью «Современный Лазарь», подиум, несколько пьедесталов и стол, один из концов которого мог

подниматься. Единственным механизмом здесь был какой-то мотор, соединенный шкивом с приводным валом наверху. Но этот мотор не приводил что-либо в действие, а имел два длинных и толстых кабеля, один из которых змеился в сторону будки, а другой тянулся к наклонному столу. Шабан не сразу, но узнал в нем устройство, которое уже видел несколько лет назад на выставке в Лондоне: это была машина для выработки электричества.

Если не считать дешевых романчиков Мециана, Шабан уже несколько лет практически ничего не слышал и не читал об электричестве. Оно стало чем-то вроде новинки несколько лет назад и рекламировалось как новое и общедоступное лекарство, пока опасность электрошока не вычеркнула его из всех медицинских каталогов. Если не считать электрического телеграфа, эту новинку практически забросили и забыли. Однако что за продукт или устройство рекламирует этот экспонат «Лазарь», и для чего в нем используется такая опасная вещь, как электричество?

Охранники, за которыми он следовал, присоединились к тем, кто уже находился здесь и осматривал экспонат. Многие уже вошли в будку, которая, похоже, и была местом преступления. Занятые своим делом, они не обращали внимания на Шабана. Впрочем, тот не удивился. Подобно многим американцам, с которыми он общался с прошлого лета, охранники воспринимали людей с темной кожей всего лишь как прислугу: дворников, садовников, уборщиков посуды, горничных. Поэтому Шабан обнаружил, что для него вполне возможно как незаметно смешаться с группой охранников, так и незаметно отойти, фактически став невидимкой.

Потупив взгляд и придав лицу глуповатое выражение, Шабан проскользнул в будку. Он ожидал увидеть тело, возможно, кровь или признаки насилия. Но вместо этого словно увидел сцену из театра «Гран-Гиньоль»[108].

На пыльном полу, накрытое простыней, лежало неподвижное человеческое тело, вероятно, мертвое. Под обитым толем потолком висели пустые проволочные клетки, дно каждой покрывал слой засохших экскрементов.

Центр будки занимала скамья размером с кровать, с ножками на колесиках и ремнями по углам и в центре. К скамье крепилась металлическая коробчатая рама, от ее угла тянулся толстый кабель, уходящий по полу и далее под тонкую деревянную стену будки. Пол вокруг скамьи усеивали щербатые осколки стекла, хрустящие под ногами. Возле скамьи расположился низкий столик, заваленный странными инструментами, пилами,

плоскогубцами и зажимами, а также, похоже, деталями различных автоматов. На столике и на полу вокруг него Шабан увидел то, что принял за полоски мяса, а также лужицы подсыхающей темной жидкости.

В воздухе густо висел запах скотобойни. Подойдя к ближайшей из трех бочек, стоящих в дальнем конце будки, Шабан обнаружил источник этого запаха. Бочку доверху наполняли внутренности, кровь, мясо и кости. Шабан содрогнулся, прикрывая рот и сдерживая тошноту, и тут сообразил, что крошечные конечности, похожие на детские, принадлежат обезьяне. Рядом он увидел остатки ее черепа, разрезанного пополам наподобие грейпфрута и без мозга. Шабан вспомнил животных, похищенных из концессии «Утица Каира», и подавил содрогание.

– Во имя Господа, что же это такое? – послышался громогласный вопрос от распахнутой двери.

Обернувшись, Шабан увидел, как в будку протискивается командир охранников, полковник Эдмунд Райс, сопровождаемый лысеющим мужчиной с пышными усами.

– Тут произошло убийство, – пояснил очевидное кто-то из охранников.

Райс ответил ему изумленным взглядом и покачал головой, пробормотав что-то о бездельниках, находящихся ныне под его командованием, и нелестно сравнивая их с солдатами 14-го Массачусетского пехотного полка.

Шабан сопровождал Сола Блума во время его нескольких встреч с полковником Райсом, но сомневался, что тот вообще замечал его присутствие. И, безусловно, Райс вряд ли заметил его присутствие сейчас.

– Итак, Робинсон? – Райс повернулся к усатому мужчине, в котором Шабан теперь узнал Л. В. Робинсона, начальника механического отдела выставки. Полковник протянул руку и сдернул простыню с лежащего на полу тела. – Вы знаете этого человека?

Робинсон всмотрелся в обгоревшее и избитое тело на полу и быстро кивнул.

– Да, я его знаю. – Он выпрямился и отвел взгляд. – Это Том Эдисон.

Райс прищурился, размышляя, и перевел взгляд с Робинсона на мертвеца.

– Имя мне знакомо, но я не помню, кто это.

Робинсон снова кивнул:

– Одно время он был даже немного знаменит. Эдисон изобрел фонограф. Припоминаете? – Полковник покачал головой. – В

любом случае я лишь с ним кратко поговорил, когда он арендовал это место в павильоне. Насколько мне известно, он потерял все свои средства, вложив их несколько лет назад в электричество, и с тех пор не мог найти выхода из этой ситуации.

– В электричество? – изумился полковник. – Ради чего?

Робинсон пожал плечами:

– Кто теперь скажет? Я пытался ему объяснить, что сейчас на подобные вещи попросту нет спроса, раз появились прометиевые паровые двигатели, освещение, автоматы и тому подобное, и с тем же успехом он может пытаться продавать жмыхи после отжима масла. Но его было не переубедить. У него был такой особый блеск в глазах, как у религиозных фанатиков. Видели таких? Он твердо намеревался придумать способ, как сделать его… как же он их называл? А, да, динамо. Как сделать динамо-машины прибыльными.

– И тут снаружи как раз стоит его «динамо», я правильно понял? – уточнил Райс.

Робинсон кивнул:

– Печально, правда? Но Эдисон был не единственным. Я слышал о многих изобретателях и инвесторах, возлагавших все свои надежды на электричество, но это было до того, как прометий действительно возобладал. Большинство из них со временем занялись промышленностью или торговлей. Я даже слышал, что один серб, кажется, начал писать дешевые романчики. – Он снова взглянул на покойника и скривился от этого ужасного зрелища. – Очевидно, Эдисон не сумел приспособиться. Это его в конечном итоге и погубило. Если не ошибаюсь, на теле видны все признаки поражения электричеством.

Один из охранников шагнул вперед, и Шабан узнал в нем того самого, из Мидуэя, что был весьма скор на расовые эпитеты.

– Как это дина… динами… дина… Тьфу! Короче, как эти штуковины связаны с «Лазарем», со всей его лавочкой? Этот ваш Эдисон, он что, собирался воскрешать мертвых той электрической хреновиной?

– Если и собирался, – отозвался другой охранник из дальнего угла, – то, думаю, воскрешал их кусками.

И он продемонстрировал отрезанную руку, слишком большую для обезьяньей.

– Господи Иисусе! – выдохнул Райс и попятился.

Охранники стали перешептываться, и Шабан четко расслышал несколько упоминаний о «гробокопательстве» и «телах рабочих».

– Что?! – воскликнул Шабан, выступая из толпы и впервые

демонстрируя свое присутствие. – Что вы говорили насчет могил рабочих?

Все уставились на него. Почти все заметили его впервые.

– Ты араб того еврея? – осведомился полковник, прищурившись.

Шабан с достоинством выпрямился.

– Я кабил, сэр, а не араб, – ответил он на безупречном британском английском, – но в настоящее время работаю на господина Блума, если вы это имели в виду. – Его опущенные вдоль боков руки сжались в кулаки, но он сумел изобразить внешнюю невозмутимость. – Так что здесь говорилось о раскапывании могил и о телах рабочих?

Райс взглянул на Робинсона, у которого был такой же озадаченный вид, что и у Шабана, потом снова на кабила.

– Эти сведения не для публичного разглашения, и если об этом пронюхают газеты, то я буду знать от кого. Но некоторые могилы к югу от парка были потревожены, а упокоенные в них тела исчезли.

– В их число входила могила алжирца, утонувшего в озере? – уточнил Шабан.

Райс пожал плечами.

– Насколько мне известно, обозначались лишь могилы христиан.

Шабан проигнорировал Райса и снова переключил внимание на бочки, откуда охранники продолжали извлекать части трупов. Среди них оказались кисти и ступни, нога, две руки, фрагменты черепов и даже целый торс. Шабан зарычал, оскалившись, повернулся и посмотрел на лежащего мертвеца.

– Моя бабушка всегда говорила, что не надо оплакивать тех, кто умер во время Рамадана, когда врата ада закрыты, а врата рая открыты. И, по-моему, несправедливо, что такой человек пройдет через райские врата, даже если он был убит.

– Погодите-ка, – возразил Райс, поднимая руки. – Здесь никто не говорил об убийстве.

– В самом деле? – спросил Робинсон, приподняв брови.

Райс жестко уставился на него.

– Вы ведь сами утверждали, что его убило электрическим током. И убило случайно?

Руки Робинсона затрепетали, как птицы в клетке.

– Возможно и такое, – признал он. – Но как вы объясните, – он показал на осколки стекла, разбросанные приборы, кровь и внутренности, – все это?

– Это, – невозмутимо произнес Райс, – может быть простым вандализмом. А вандализм – происшествие совершенно иного

порядка важности по сравнению с убийством. Про убийство напишут все газеты страны, и возникнет риск отпугнуть платных посетителей выставки, если они будут думать, что убийца разгуливает на свободе. А еще с одной случайной смертью и проявлением вандализма мы справимся.

– Вы, конечно же, шутите, – возразил Шабан. – Неужели вы не заинтересованы в свершении правосудия?

Райс со злобой посмотрел на него.

– На юге наверняка есть кое-какая работа, с которой автоматы не справятся, парень. Так почему бы тебе не отправиться туда вместе со своими черномазыми и не принести хоть какую-то пользу?

Шабан рассвирепел. На юге Соединенных Штатов все еще оставались рабы, пока не замененные дешевыми автоматами. И то, что этот человек смог настолько легко отмахнуться от их продолжающихся страданий, да еще с таким бесцеремонным пренебрежением, заставило кровь Шабана вскипеть. На миг он едва не забыл о благополучии труппы, о которой поклялся заботиться, или о незнакомце, ищущем его защиты. Окажись он сам по себе и отвечая только за себя, Шабан не пожелал бы ничего иного, кроме сабли-флиссы в одной руке и пистолета «уэбли» в другой. Тогда бы он показал этим бледнокожим фиглярам, чего он стоит. Но он не был сам по себе и нес ответственность за множество душ, кроме собственной.

Собрав остатки сдержанности, Шабан направился к двери и вышел из этого дома ужасов.

Пока он возвращался к Мидуэю, на потемневшем небе уже показались звезды. Прометиевые фонари заливали парк мягким белым сиянием, благодаря которому выставку прозвали Белым Городом. Но какими бы чистыми ни смотрелись белые строения в прометиевом свете, Шабан знал, что это всего лишь штукатурка и доски, скрывающие под собой гниль и пустоту.

Конечно же, Райса и его оловянных солдатиков больше волновало их жалованье, чем справедливость, и они будут только рады представить убийство как несчастный случай, если это устроит совет директоров, вымарав тем самым все шансы на огласку и скандал. Тем не менее Шабана не покидала мысль о том, что правосудие, возможно, уже свершилось. Он вспомнил еще одно кабильское поверие, услышанное от бабушки: во время Рамадана по земле не бродят демоны, потому что бог заставляет их оставаться в аду в течение всего священного месяца. Увидев же, как выглядит тело мертвеца. Шабан усомнился, что какой-нибудь демон сумел бы изуродовать его сильнее.

Пройдя мимо конечной станции железной дороги, он вышел с

территории парка через ворота на 64-й улице и направился на север по Айленд-авеню. Перед самым Мидуэем его внимание привлекло что-то яркое – пятно на тротуаре, отражающее свет прометиевых фонарей. Это оказался десятицентовый роман Мециана. Подняв, Шабан пролистал его на ходу, продолжая идти к алжирской концессии.

Текст оказался захватывающим, сюжет – невероятным, но все же в изображенном автором образе будущего – с электричеством и всеобщим равенством – нашлось нечто такое, что разбудило отклик в душе Шабана. И пусть этот Никола Тесла не дотягивал до Жюля Верна, он все же сумел напомнить Шабану то ощущение безграничных возможностей, которое тот испытывал, читая выпуски «Необыкновенных путешествий».

Прежде чем свернуть на Мидуэй, Шабан увидел рекламный листок на фонарном столбе, сообщающий о скором празднестве открытия Всемирной выставки. Список самых почетных гостей, кроме последнего живого родственника Христофора Колумба, герцога Верагуа, включал и восьмидесятилетнего Авраама Линкольна, бывшего президента Соединенных Штатов, которому предстояло разрезать ленточку во время открытия.

В голове Шабана все еще вертелись образы из «Дэна Фарадея», и он попытался вообразить мир, в котором Джеймс Кларк Росс так и не вернулся из южных морей со сломанным автоматом, Рингголд не открыл прометий, а современный мир ничего не узнал о забытой допотопной цивилизации. Наверное, в таком мире сейчас открывалась бы электрическая, а не прометиевая выставка, гвоздем которой стали бы динамо-машины Тома Эдисона. А вместо павильона автоматов появился бы другой, посвященный какой-нибудь иной отрасли, вроде металлообработки или горного дела. Но, опять-таки, если в том мире у армии США не оказалось бы прометиевых танков, то и восстание южан могло бы увенчаться успехом, а Союз мог бы расколоться из-за вопроса о рабстве. Вполне возможно, что и Всемирная выставка не состоялась бы.

Шабан так и не смог решить, оказался бы такой мир лучше или хуже того, который он знал.

К тому времени, когда Шабан вернулся к алжирцам, солнце уже давно село, а четвертая за день молитва «Магриб» прочтена, и алжирцы ужинали. Даже у тех из них, кто, подобно Шабану, не соблюдал пост, обычно хватало тактичности, чтобы не есть и не пить на виду у остальных, пока светит солнце. Но Шабан знал, что, независимо от поста, немало артистов труппы, покончив с ужином, найдет укромное место, чтобы пить спиртное, причем заменив алжирские вина на «огненную воду», столь любимую

индейцами Коди. Возможно, сегодня и Шабан вместо попыток их остановить сам к ним присоединится.

Незнакомец сидел среди алжирцев с тарелкой нетронутой еды на коленях. Его успели отмыть, перевязать и облачить в одолженную одежду. Он не спал, но молчал, и было непонятно, на каком языке с ним можно общаться. Он просто сидел, молча разглядывая алжирцев со смесью замешательства и интереса на лице.

– Держитесь от него на расстоянии, амин, – посоветовал папаша Ганон, когда Шабан присел на корточки возле незнакомца. – Когда мы его одевали, я коснулся его кожи, и меня так и шарахнуло электричеством. Этот тип – прямо-таки ходячая грозовая туча.

Шабан кивнул и постарался не шевелить руками. В мягком белом свете прометиевых фонарей он внимательно рассмотрел незнакомца. Оттенок его кожи в тех немногих местах, где не было повязок, шрамов и порезов, был каким-то… странным. Кожа оказалась темнее, чем полагалось бы при его светлых волосах, а волоски на руках были темнее, чем кустистые брови. Черты лица выглядели непропорциональными: нос слишком длинный и узкий, рот напоминал широкий разрез, а слишком крупные уши сидели слишком низко.

– Что мы с ним будем делать? – спросила Дахия.

Она подошла и остановилась возле Ганона. С ней пришла и Танинна, которая пристально всматривалась в уродливое лицо незнакомца, словно пыталась разглядеть в нем нечто спрятанное.

Шабан подумал о традиции, о прошлом и будущем. Вспомнил суеверия, которым его учили в детстве, и картины грядущего из фантастических романов, в которые он сбегал.

Во многих отношениях будущее, предсказанное Жюлем Верном, наступило, но оказалось не таким, каким его представлял юный Адербаль Айит Шабаан. А будущее, о котором сейчас мечтает юный Мециан? То, которое обещают цветастые истории Николы Теслы? Оно никогда не наступит. Потому что оно не завтра, а вчера. Мир, в котором никогда не появится Дэн Фарадей, мир с летательными аппаратами тяжелее воздуха, беспроволочными линиями связи, объединяющими далекие нации, висящими на проводах лампами накаливания и массивными динамо-машинами. Мир фонарей со светящимися газовыми трубками, паутинами электрических проводов, оплетающими целые страны, и антеннами на каждом доме, ловящими симфонии из воздуха. Мир мужчин и женщин всех рас и национальностей, в котором каждого оценивают по его поведению и характеру, а не по языку или цвету кожи.

Шабан подумал о трепете, испытанном при просмотре романа Теслы, – знакомом ощущении восторга бесконечных возможностей. Но теперь он понял, что это была не надежда на новый грядущий мир, а нечто вроде ностальгии о несбыточном будущем. И он подумал о мертвеце в залитой кровью будке: этот человек был настолько зациклен на конкретном образе вчерашнего будущего, что оказался готов на ужасные поступки ради его возвращения. Любой ценой.

– Амин? – повторила Дахия, увидев, что Шабан затерялся в мыслях. – Что мы будем делать с незнакомцем?

Шабан набрал в грудь воздуха и вздохнул. Он уже пытался сбежать от традиций, но теперь знал, что ему это не суждено.

– Мы поступим так, как поступили бы наши предки. Незнакомцу, пришедшему в деревню за помощью, не может быть отказано.

Шабан осознал, что, возможно, не варианты будущего имеют значение. Действительно важно сохранять прошлое и работать ради лучшего сегодня. Быть может, это единственный настоящий способ выбрать, в каком именно будущем мы станем жить.

Глядя на молчаливого человека, сидящего в прохладном сиянии прометиевого света, Шабан понял, что Танинна была права. У незнакомца действительно были глаза Саллы.

ЙЕН КРИЗИ
ЭРОЗИЯ

Первое произведение Йена Кризи было напечатано в 1999 году, и с тех пор плодовитый писатель опубликовал более сорока рассказов на страницах таких изданий, как «Asimov's Science Fiction», «Postscripts», «Realms of Fantasy», «Weird Tails», «Paradox», «Oceans of the Mind», «On Spec», «Apes Science Fiction and Horror Digest», «Orson Scott Card's Intergalactic Medicine Show» и других. Йен Кризи живет в Йоркшире, Англия.

Перед вами горький взгляд на созданного учеными постчеловека, упивающегося своими новыми способностями и возможностями. Перед тем как навсегда отправиться к звездам, он прощается с обычной жизнью на Земле и при этом получает несколько весьма крутых уроков.

Мне бы хотелось рассказать вам о моей последней неделе на Земле…

Я заранее попрощался со всеми. Семья дала мне благословение: дед еще юношей приехал в Англию с Ямайки и лучше других понимал, почему его внук записался в программу колонистов. Он предупредил, что, каким бы заманчивым ни представлялся новый мир, в нем непременно будут разочарования. Мы оба знали, что мне не нужны предостережения, но дед хотел поделиться житейским опытом, а я – его выслушать. Отчетливо помню прикосновение его пальцев к моей новой оболочке; я могу по желанию воспроизводить зафиксированные экзокожей ощущения.

Моя подруга оказалась менее снисходительной. Она обвинила меня в малодушном желании удрать. В ответ я сказал, что, когда в доме пожар, убегать прочь вполне разумно. Земля горит, поэтому мы отправляемся на поиски нового дома. Подруга возразила, повысив голос, что, когда случается пожар, нужно остаться и бороться с огнем. Она хотела помогать пожарникам. Я уважал ее позицию и не пытался уговорить лететь со мной. Только из-за этого она сердилась еще больше.

Со временем вода поглотит сушу, но поднимается она медленно. Большая часть береговой линии совпадает со старыми картами. Я решил, что последние несколько дней проведу, гуляя вдоль побережья. Во-первых, мне хотелось попрощаться с Землей, во-вторых – привыкнуть к новой коже и освоиться с аугментами. Конечно, я опробовал все в блоке послеоперационного комплекса и на колониальном тренажере, но мне хотелось поупражняться в

естественных условиях. Порой реальность бросает вызовы, которые симулятору никогда не сгенерировать.

И вот я отправился на север. В поезде пассажиры пристально разглядывали меня. Я уже привык к этому – при виде высоченного чернокожего даже англичане теряют свою знаменитую (и главным образом мифическую) сдержанность и пялятся, словно ученые на неизвестный науке экземпляр. За последние годы, когда волны африканских беженцев затопили земли Англии, взгляды стали неприязненней. Мои родители, как и я, появились на свет в Ньюкасле, но это не написано на моем лице. Однако, заслышав у чернокожего характерный джорджийский акцент, люди улыбались, и их недоброжелательность таяла.

Теперь я уже не был черным, но окружающие по-прежнему таращились на меня. Моя серая экзокожа, состоящая из бесчисленных крохотных узелков, радужно переливалась, как крылья бабочки. Мне сообщили, что ее можно украсить узором, но я пока не очень хорошо разобрался в настройках. На борту космического корабля после взлета на подобную ерунду будет предостаточно времени. А сейчас мне хотелось физической активности: бегать, прыгать, плавать – испытать на приволье под зимним небом все возможности аугментов.

Скарборо можно назвать двухуровневым городом, или, скорее, он был таким прежде. Уже давно затонули пляжи Северной и Южной бухт, но на береговых скалах все еще прочно стояли магазины, причудливые дома и развалины замка. Я поспешил прочь и вскоре очутился на прибрежной дорожке – вернее было бы назвать ее последней инкарнацией береговой линии, которая постепенно отодвигалась чуть дальше вглубь суши. Берег Йоркшира всегда, даже в более спокойные времена, был подвержен абразии. Теперь же процесс ускорился. Во время приливов постепенно повышающийся уровень моря выгрызал в суше рубцы и шрамы, глобальное потепление влекло за собой сильные бури – волны бились о скалы и рушили их. Зыбкие глинистые откосы чередовались с породой, обнажившейся впервые за тысячелетие. В воде беспокойно перемещались груды щебня, еще не успевшего превратиться в гальку.

Когда последний дом остался позади, я остановился и снял рубашку, джинсы и ботинки, затем спрятал вещи под кустом утесника. Я носил одежду только для того, чтобы не очень отличаться от нормальных (так мы называли неаугментированных). Раздевшись, я широко раскинул руки, обнимая мир с его странной погодой и всем тем, что готовит мне завтрашний день.

В воздухе ощущалось гнетущее спокойствие затишья между

бурями. Над головой, словно небесный чердак, тяжело нависли серые тучи. Аугментированные глаза зафиксировали поляризованный луч солнца, пробившийся из-за туч позади замка, который резко вырисовывался на мысу. Я попытался припомнить, почему могу видеть поляризованный свет, и не смог. Наверное, особых причин тому не было, просто медицинские конструкторы по мере возможности внедрили в меня такую способность. Подобно программному обеспечению, я был переполнен различными функциями и наворотами. Кто знает, какие опасности подстерегают нас по прибытии на новую планету? Быть может, однажды способность видеть поляризованный свет спасет мою жизнь.

Шагая по тропинке, я вдыхал запах глины и соленых волн со слабой примесью зловония сточных вод. В качестве эксперимента я отфильтровал тяжелый дух канализации, поместив его в категорию воспоминаний о детских прогулках. Затем вернулся к установленным по умолчанию параметрам. Не хотелось привыкать игнорировать действительность и допускать только те чувственные ощущения, которые казались мне эстетичными.

Ускоряя шаг, я двигался вдоль изгороди из колючей проволоки, которой фермеры огораживали свои уменьшающиеся угодья. В это время года на полях осталась только солома да сорняки, пшеницу давным-давно убрали. На сырой земле что-то вяло клевали вороны. Я продирался сквозь заросли утесника, острые колючки только щекотали экзокожу, не причиняя ей вреда. Глазом ботаника я примечал всех обитателей этого маленького ареала на краю скал. Папоротник-орляк, клевер, чертополох и хвощ – названия проносились у меня в голове прощальным напевом. Банк семян звездолета насчитывал множество видов, однако мы изначально сосредоточили внимание на выращивании продовольственных культур, задавшись целью вывести новые разновидности, которые смогут расти в колониальном мире. А другие растения… быть может, я видел их в последний раз.

Однажды кто-то сказал, что перспектива быть повешенным поутру замечательным образом просветляет человеческий разум. Скорое отбытие с Земли, вероятно, оказалось столь же сильнодействующим средством с похожим эффектом, и я чувствовал себя таким живым и бодрым, словно пребывал в эйфории. Примечал каждый штрих природы: блеск паутины в засохшем папоротнике, резкое карканье склочных ворон, неумолчный рокот плещущегося внизу моря. Потом я добрался до глубокого оврага с бегущей по дну речкой, не стал утруждаться и идти по тропинке к мосту, а устремился вниз по склону,

поскальзываясь, но удерживая равновесие. Затем прошлепал прямо по воде и выбрался наверх.

Я очутился на возвышенном мысу, под ногами хрустел гравий. Старая надпись на щите взывала ко мне с наказом убрать за собакой. Впереди стояли в ряд обращенные к морю скамейки, и, казалось, теперь они были гораздо ближе к обрыву, чем раньше. На всех были памятные таблички с поблекшими или стершимися надписями. Я подошел к скамье с вполне разборчивыми буквами:

> В память о Катрионе Грейди
> 2021–2098
> Она любила этот берег.

Сквозь рейки скамьи проросла трава, дерево выбелилось до бледно-бежевого цвета. Я смахнул с сиденья ветки и ягоды боярышника и усмехнулся невольному, уже потерявшему актуальность жесту. На мне не было одежды, которую можно запачкать, а несколько колючих веточек вряд ли могли повредить экзокоже. Со временем я забуду о слабостях хрупкого и уязвимого человеческого тела и смогу смело шагнуть в любую среду.

Я сел и посмотрел на море. Ветер вспенивал белые барашки на волнах и гнал их к берегу. В воздухе носились чайки, их крики были такими же резкими и грубыми, как скалы, на которых они гнездились. Неожиданно явилось воспоминание из детства: я ем чипсы у моря, и, стремясь урвать кусочек, вниз ко мне устремляется чайка. Во мне нарастали эмоции, которым я не находил названия.

Тут я понял, что рядом со мной кто-то сидит. Скамья даже не скрипнула под весом – значит, голограмма. Когда я обернулся взглянуть на соседа, то увидел характерно яркую по краям простенькую голограмму производства предыдущего столетия.

– Привет! Я Катриона. Хочешь поговорить? – Вопрос был задан чисто механически, и я догадался, что всех посетителей скамья приветствовала совершенно одинаково. В случае отрицательного ответа голограмма гасла, чтобы люди могли посидеть спокойно. Но мне предстояло немало одиноких дней, и я был не прочь пообщаться. Символично, что последний разговор в гибнущем мире я буду вести с той, которая уже мертва.

– Рад познакомиться, – сказал я. – Меня зовут Уинстон.

Голограмма изображала женщину средних лет с пепельными, как камни на дне реки, волосами. Одежда подобрана с хорошим вкусом: юбка нежного бледнолилового цвета и дорогие туфли на низком каблуке. Интересно, выбрала ли она столь элегантный и скромный образ сама, или же некий разработчик памятников

предписал изображать умерших зрелыми и увядшими, чтобы они не могли затмить живых. Возможно, женщина предпочла, чтобы ее увековечили молодой, неистовой и прекрасной, какой она когда-то, вне всякого сомнения, и являлась, – или же хотела быть таковой.

– Сегодня достаточно прохладно для прогулок в чем мать родила, – с улыбкой заметила дама.

Я совсем забыл, что на мне ничего нет. И вкратце поведал ей об аугментации.

– Я отправляюсь к звездам! – воскликнул я, и в этом возгласе неожиданно прорвался охвативший меня эмоциональный подъем.

– Что, ко всем сразу? Они растиражировали тебя в клонах и теперь разошлют по всему небу?

– Нет, дело не в этом. – Однако ее предположение на миг меня озадачило. Я сам, своими собственными прежними человечьими ногами, пришел в больницу, где мне сделали наркоз, а потом – спустя некоторое время – вышел оттуда в новом и сияющем аугментированном виде. Выписался из больницы я один, или были и другие «я», отбракованные из-за дефектов или предназначенные для других миссий? «Не глупи, – мысленно оборвал я себя. – Ты просто обзавелся экзокожей. Под которой бьется все то же сердце». И это сердце, как и все прочие органы, вчера прошло последний медосмотр перед вылетом.

– Сначала мы летим на определенную планету, – сказал я. – Что само по себе будет непростой задачей. А потом… кто знает? – Никто не располагал сведениями о продолжительности жизни аугментированного человека. Поскольку все механические составляющие подлежат модернизации, возраст будут определять биологические органы, которые невозможно заменить. – Это будет зависеть от того, откроют ли другие планеты, которые стоит посетить. Миров много, но лишь отдельные и с трудом пригодны для обитания.

Я рассказал ей о том мире, куда мы прилетим: про его эллиптическую орбиту вокруг красного карлика-солнца, о резких температурных колебаниях, диких погодных условиях и колоссальных приливах и отливах.

– Поселенцы туда летят самые разные: нормальные, которым большую часть времени придется оставаться на базе, затем аугментированные люди вроде меня, мы сможем выжить снаружи, и генно-модифицированные. Считается, что в будущем они окажутся лучшими, но для того, чтобы генные изменения заработали как нужно, сменятся поколения. – Хотя нам и не пришлось грызться из-за ограниченной грузоподъемности звездолета, меж тремя группами уже возникла некая натянутость,

но упоминать об этом я не стал. – Прошу прощения, я совсем заговорился. Расскажите о себе. Вы жили поблизости? Было ли это место вашим любимым?

– Я – йоркширская девушка до мозга костей, – сообщила голограмма Катрионы. – Родилась в Уитби, несколько лет провела на ферме в Дентдале, но вернулась – сосать мои дряблые сиськи! – на побережье, когда вышла замуж. Муж мой был рыбаком, упокой Господи его душу. *Поганец!* Когда его не было дома, я бродила по берегу, смотрела на Северное море и представляла себе его там, среди волн.

Должно быть, удивление отразилось у меня на лице, и Катриона спросила:

– Неужели опять это случилось? Думаю, хакеры меня давным-давно взломали. После смерти я многого не помню – я скорее запись, чем имитация. Памяти во мне немного, хватает только на небольшой диалог. – Голос женщины звучал горько, словно наложенные на нее ограничения обижали ее. – Разве скамье воспоминаний нужно нечто большее? О, я любила этот берег, но это не значит, что мне хотелось бы торчать здесь целую вечность… Турнир по ковырянию пальцем в носу! Тот, кто вытащит самую большую козявку, получит награду!

– Хотите, я возьму вас с собой? – предложил я. Вытащить чип будет несложно. Закодированную личность можно будет установить на компьютер звездолета вместе с прочими загруженными колонистами, хотя я опасался, что вступительные испытания Катрионе не пройти. Она была старомодна, а умершие ужасно чванливы по отношению к тем, с кем якшаются. Мне довелось работать вместе с ними на тренажере, и я с легкостью представлял себе, как они скажут: «Зачем это, Уинстон, я понимаю, что ты хотел как лучше, но она не подходит для миссии. У нее нет необходимых знаний. У нее и кодировка грубая, и изжившие себя алгоритмы, она просто совершенно изрешечена паразитическими медиавирусами!»

Но, представив подобные трудности, я тут же почувствовал в себе решимость их преодолеть. Только Катриона избавила меня от этой необходимости:

– Спасибо, дорогой. Стара я летать к звездам. Мне хочется просто воссоединиться с супругом, и однажды это произойдет. – Она вновь посмотрела на море, и я неожиданно догадался, что произошло с ее мужем.

– Сочувствую вашей утрате, – выразил соболезнование я. – Полагаю, он никогда не был, – я постарался отыскать подходящее слово, – увековечен.

– На здешнем *гребаном* кладбище есть некая доска вроде

надгробной, – сказала она, – но его никогда не увековечивали так, как меня. Смерть утопленника быстра и не входит в разряд запланированных событий. Тело так и не удалось отыскать, так что сделать позже это не представлялось возможным. Он все еще где-то под водой…

Меня внезапно осенило, что, если бы муж Катрионы был аугментирован, ему бы тонуть не пришлось. Мои руки и ноги в состоянии плыть без устали, экзокожа может отфильтровывать кислород из воды. Торжественно возвещать о моей выносливости было бы бестактно, поэтому я задумался над нейтральным ответом и осторожно заметил:

– Когда-то Северное море было сушей. До того как поднялось море, ваши предки охотились здесь на мамонтов.

– И вот море опять поднимается. – В ее голосе прозвучала фатальная безысходность, и я понял: наш разговор окончен.

– Да поможет вам Бог упокоиться с миром. – Когда я встал, голограмма исчезла.

Начался дождь. Я шел вперед и наслаждался бурей. Вгрызаясь ледяными зубами, она налетела с северо-востока. Такой ветер называли ленивым – вместо того чтобы обогнуть вас, он не утруждался понапрасну и продувал насквозь.

Уже стемнело, и день медленно угасал в зимних сумерках. Усилившийся дождь сменился градом, было слышно, как льдинки стучат по моему телу. Рокотал гром, ему вторил рев разбушевавшегося моря, которое будто смыло поддерживавшие небеса опоры, и они рухнули вниз. Где-то позади полыхали молнии.

Я оглянулся на прибрежную дорожку: на некрополь скамеек, где побывал недавно. Горели все голограммы. Я задавался вопросом, кому взбрело в голову сидеть на скамьях в такую погоду, пока не сообразил, что это, наверное, молнии вызвали короткое замыкание.

В линялом мире шиферно-серых туч и свинцовых волн яркими пятнами пылали голограммы. На скамьях мелькали изображения мужчин и женщин – зрителей представления, которое закатила Природа. Я увидел на вершине утеса Катриону, которая, словно взывая к буре, простирала к морю руки. Все остальные изображения застыли сидя, словно прикованные к своим деревянным якорям, – преисполненные укора призраки, ожидающие, когда стихнет буря. Находили они удовольствие в кратком миге псевдожизни? Общались между собой? Или, пребывая во власти прохожих и хакеров, негодовали на свое мнимое беспомощное существование?

Я почувствовал, что мне не стоит вмешиваться. И пошел

своим путем, упорно пробираясь вперед в то время, когда ночь размывала день. Глаза примечали одинокие фотоны света далеких огоньков домов и случайных автомобилей, проезжавших по дорогам. Справа от меня бледно мерцало биолюминесцентными примесями бурное море. Во тьме шумно бились волны, их грохот звучал, словно тайное сердцебиение мира.

По-прежнему хлестал дождь, дорожка превратилась в месиво грязи. Я ухмыльнулся: конечно, условия были далеко не так экстремальны, как на тренажере. Но все здесь было реальным. Призраки всех этих прикованных к собственным воспоминаниям мертвецов заставляли чувствовать себя исключительно живым. Каждая капля дождя казалась преисполненной значимости. Мне бы хотелось, чтобы эта ночь не кончалась. Я одновременно желал быть здесь и очутиться там, в колониальном мире под красным солнцем.

Торопясь, словно мог перемахнуть через звезды и скорее там оказаться, я наступил на старую ветку, оказавшуюся сырой и гнилой. Нога соскользнула с тропы. Я пошатнулся, меня занесло на несколько ярдов вниз и в сторону. Изловчившись, я схватился за выступ скалы и смог приостановить падение. Рывок оказался настолько сильным, что мускулы левой руки пронзила острая боль. Осторожно повернувшись, я попытался нащупать точку опоры и вскоре нашел устойчивое положение. Болтаясь в пятидесяти футах[109] над морем, я полагал, что чувствую брызги волн. Вероятно, это был просто подхваченный ветром дождь, который хлестал отовсюду.

То, что я поскользнулся и полетел вниз, развеселило меня. Знаю, звучит странно, но тогда меня переполняли такие чувства. Висеть над морской пучиной всю ночь я не мог, поэтому начал карабкаться по скале. Сначала понемногу, счет шел на дюймы, я пробирался по горизонтали, потом более уверенно начал размеренное движение вверх, доверившись аугментированным мышцам и надеясь, что они помогут мне выбраться из переделки.

Мускулы держали меня, и экзокожа не подвела. Я уже одолел половину подъема, когда услышал *треск*. Левая рука, которой я вцепился в утес, ощутила, как тот содрогнулся. Инстинктивно я попытался ухватиться за что-нибудь другой рукой – и сумел, но тут же обнаружил, что лечу вниз. С минуту я не понимал, что происходит. Утес рушился с таким шумом, словно разрывали газету размером с небосвод. Тогда я понял, что, когда обваливается подножие скалы, за ним следует и вершина.

Все еще цепляясь за кусок утеса, я летел вниз, мокрый от брызг, которыми окатывали меня падающие в воду обломки.

Время почти остановилось, словно в замедленной съемке, сцены последовательно сменяли друг друга, как в анимированном фильме. Здоровенный валун, в который я вцепился, поворачивался, и вскоре я оказался под ним. Если не отцепиться, он меня раздавит. Я оттолкнулся от него, целя в море. Если бы утес был повыше, у меня бы хватило времени выбраться. Только очень скоро мое тело оказалось в воде, а также обломок утеса и еще, кажется, половина йоркширского побережья.

Грохот стоял такой, словно вступили в поединок вулкан с землетрясением. Я лихорадочно работал руками, пытаясь уплыть прочь, и никак не мог понять, почему не двигаюсь с места. Осознать причину я смог, только когда прекратил свои бесплодные попытки. Правая нога застряла под водой в груде обвалившихся с утеса камней. Только что я ничего не чувствовал, теперь же в ноге запоздало нарастала тупая пульсирующая боль. Я глубоко дышал, умудряясь ртом выхватывать воздух средь грохочущих над головой волн. Снова попытался вырваться. Безуспешно.

Приподнять тяжелые камни оказалось невозможно. Застрявшая нога удерживала меня на месте, мешая в поисках рычага. Я долго и бестолково барахтался, силясь выбраться, брызгаясь, изрыгая проклятья, но был вынужден сдаться. Во мне нарастала паника. Стоило перестать бороться, как в голове начали мелькать ужасные мысли: я могу утонуть, замерзнуть в холодном море, меня могут засыпать падающие сверху обломки скал. Я был буквально ошеломлен угрозой неминуемой гибели.

На то, чтобы заново обрести способность трезво мыслить, ушли долгие минуты. Постепенно я вернул самообладание, напомнив себе, что паника – пережиток прежнего тела, которое недолго бы протянуло зимой в ледяных водах Северного моря. Моя новая оболочка гораздо надежней. Я не утону и не замерзну. Если мне удастся успокоиться, я выдержу это испытание.

Я сосредоточился на экзокоже. Ее нормальная текстура была приблизительно схожа с обычной кожей: слегка неровной и шероховатой. Теперь же моя нога стала идеально гладкой в надежде на то, что без трения я смогу выскользнуть из ловушки. Почувствовав, что нога чуточку подалась, я преисполнился надежды, но все же дальше продвинуть ее не смог – мешал голеностопный сустав. Даже сведя трение к минимуму, невозможно протянуть узелок через ушко иголки. Злой и разочарованный, я вернул экзокожу в прежнее состояние. Выбраться было необходимо, нельзя просто сидеть и ждать, когда камни расшвыряет следующий шторм. Скоро мой звездолет стартует с Земли, если я опоздаю, второй шанс мне уже не

представится.

Тут я задумался, какова вероятность того, что мое подсознание желало прозевать отправку. Может, я навлек на себя неприятность ради того, чтобы не улетать? Нельзя отрицать, что в некотором смысле мои действия были предумышленно безрассудны. Шагал вперед, искал неприятности до тех пор, пока неизбежно не столкнулся с ними лицом к лицу. Почему?

Я размышлял на эту тему, а вокруг меня пенились холодные волны. Вывод был таким: мною руководило желание выйти за пределы моего прежнего полностью человеческого тела и доказать самому себе, что достоин отправления к звездам. Мы столько всего наслушались о тяготах конечного пункта нашего маршрута, о неспособности нормальных самостоятельно выжить в тех суровых условиях, что я просто счел необходимым испытать аугменты на пределе их возможностей.

Сам того не осознавая, я хотел оказаться в ситуации, которую не смогло бы выдержать обычное человеческое тело. Если бы я остался жив, то получил доказательство своей истинной трансформации и был уверен в том, что смогу прекрасно себя чувствовать среди приливов и ураганов колониального мира. Что ж, я выполнил первую часть плана. Попал в передрягу. Теперь оставалось выбраться из нее. Но как?

У меня в голове находился аварийный радиомаяк. Я мог его активизировать, тогда кто-нибудь, без сомнения, прилетел бы и вытащил меня из воды. Только это весьма досадно. Этот случай показал бы, что я не могу управляться с собственным телом даже в условиях Земли. Стоит мне попросить помощи, как тут же найдется повод вычеркнуть меня из списка пассажиров звездолета. Колонисты должны полагаться на собственные силы и сами решать возникшие проблемы. В списке кандидатов масса ожидающих – полным-полно тех, кто не упал с утеса и не застрял под грудой камней. Если я подожду до утра и позову людей, вышедших к берегу, случится то же самое. Нет, нельзя мне просить помощи. Нужно спасаться самому.

Однако утверждение необходимости решения не подсказывает характер его исполнения. Во всяком случае, не сразу. Ветер стих, дождь тоже поубавил пыл и теперь моросил. Я начал холодно и логически рассуждать, вытесняя тревогу реальными фактами ситуации, в которую угодил. Мне нужно вытащить ногу из завала. Камни мне не сдвинуть. Следовательно, придется перемещать ногу. Но ступня застряла… Значит, придется оставить ступню здесь.

Стоило мне прийти к этому выводу, на меня снизошло спокойствие. Все оказалось очень просто. Такова цена за

освобождение. Я снова задумался о возможности позвать на помощь. Я могу сохранить ногу и остаться на Земле. Или потерять ее и отправиться к звездам. Действительно ли мне настолько сильно хочется там оказаться? Я уже решился расстаться с семьей и подругой. Если откажусь проститься всего лишь со ступней, незначительной частью телесной конечности, то каковы тогда мои моральные ценности? Воистину тут не о чем размышлять! Надо согласиться с последствиями уже принятого решения.

И все же я все медлил в надежде на то, что представится какая-нибудь другая возможность. Мне даже стыдно признаваться, что в конце концов подтолкнуло меня к действию. Вовсе не логика или решимость. Толчком стала боль в раздавленной ступне, которая пульсировала и нарастала в то время, как я предавался размышлениям. И в холодном море плавать малоприятно. Чем раньше я начну действовать, тем быстрее смогу выбраться отсюда. Я сосредоточился на экзокоже – чуде, программируемой наружной оболочке – и отдал приказ отбросить ступню. Затем сдавил ногу чуть повыше правой щиколотки.

«Ой! Ой-ой-ой!» – пытаясь не обращать внимания на боль, я продолжал руководить экзокожей. Было бы здорово за один миг произвести операцию и отсечь ступню так, как разрезаешь огурец. Но свои пределы имеет даже экзокожа, а для этого она не предназначена. Я и так ее уже порядком растянул.

Вскоре – быстрее, чем я рассчитывал, – мне пришлось остановиться. Нужно было задействовать ручной корректор боли. Устройство использовалось в качестве последнего средства – боль существует не просто так, и без веских причин нельзя от нее избавляться. Если ампутация собственной конечности не является критическим положением, то мне даже не хотелось думать о действительно исключительных обстоятельствах. Я отключил болевые сигнаты.

Меня опьянила нечувствительность. Какое счастье избавиться от телесной боли! Без нее оставшиеся задачи показались мне легко решаемыми. Вскоре экзокожа полностью отсекла кость, отделилась от голени и запечатала рану. Освободившись из каменной ловушки, я поплыл прочь и выбрался на берег. И тут же провалился в сон.

Когда я проснулся, уже был отлив, обнаживший спутанные клочья травы, мокрые листья папоротника-орляка и вездесущий пластиковый мусор – неизменный вклад человечества в этот мир. Вернулись болевые сигналы: их можно было отключить только на какое-то время. Около минуты я пытался жить с мучительными протестами в нижней части голени, затем все же поддался

искушению их подавить.

Попытавшись встать, я обнаружил, что теперь изрядно скособочился. Внизу правой ноги у меня остался свободный участок экзокожи, который раньше покрывал ступню. Я дал этому избыточному куску команду вытянуться на несколько дюймов и образовать для сохранения равновесия некое подобие протеза. Сформировал протез так, чтобы не наступать на культю, чтобы шаг приходился на экзокожу.

Я заковылял по усыпанной мусором гальке. Я мог ходить! Вырвавшийся у меня победоносный клич встревожил сороку, которая клевала что-то в почве нового берега. Сердито затрещав, птица улетела прочь.

Потом я на какое-то время потерял сознание. Когда очнулся, лучи тусклого солнца светили мне прямо в лицо. Первым порывом было вернуться на место обвала, передвинуть камни и достать свою ступню.

Следом пришла другая мысль – *где же это место?*

Весь берег представлял собой нагромождение камней. На протяжении многих лет абразия разъедала скалы, и обрушившийся на них прошлой ночью шторм только завершил давно начатое дело. Я не знал, где свалился вниз, где застрял в камнях. Где-то там лежал кусок плоти огромной ценности. А я понятия не имел где. Свою ступню я потерял. Только тогда меня настигла и задела за живое горечь утраты. Я ругал себя за то, что угодил в столь идиотскую ситуацию, что решился на ампутацию вместо того, чтобы позвать на помощь, – повел себя как мальчишка, который слишком горд, чтобы сказать матери, что ушибся.

Я ужасно сожалел о частичке себя, которую мне никогда не удастся вернуть. Конечно же, экзокожа сможет возместить утрату. Само собой, с помощью аугментации я смогу стать еще лучше, чем прежде. Только грань между мною и машиной была словно этот берег: она постоянно подтачивалась. Я потерял ступню точно так же, как побережье лишилось нескольких скал. Море продолжало подниматься вне зависимости от того, сколько земли оно поглотило. Какова будет моя следующая утрата?

Повернув обратно к городу, на юг, я пошел вдоль линии прибоя, присматривая место, где смогу без труда подняться наверх, на ведущую вдоль обрыва дорожку. Я мог бы задействовать аугменты и запросто вскарабкаться по отвесной скале, только теперь не хотелось ими пользоваться. От меня не ускользнула ирония происходящего. Эту вылазку я затеял, чтобы на полную активизировать свои сверхспособности, а теперь их избегал.

Аугменты сработали безупречно, неудачу потерпел я сам. Руководствуясь неверными домыслами, я угодил в ловушку и покалечился. Виной тому был мой полностью человеческий мозг, рассуждавший весьма неразумно. Вполне вероятно, что я действовал бы благоразумнее, если бы обладал аугментированными мозгами.

Под ногами хрустела галька, причем звук шагов нормальной ноги и протеза различался, так что поступь звучала переменным ритмом, наподобие басов старомодной поп-музыки. Пахло морской солью и гниющей растительностью, вместе с обвалом обрушившейся вниз. Повсюду попадался выброшенный на берег плавник.

День выдался спокойный: ветер стих, прилив отступил. Раздавались только звуки моих шагов да редкие крики чаек, летавших далеко над морем. Если бы не это, то никогда бы мне не услышать голос, говоривший скрипучим шепотом:

– Скоро, мой милый. Совсем скоро мы будем вместе. О, сколько же времени прошло…

Я огляделся по сторонам, но никого не увидел. Потом понял, что голос раздавался откуда-то снизу, исходил от гальки и груды вездесущего мусора. Я поворошил сор и обнаружил пластмассовый квадратный предмет. Когда я поднес его к глазам, чтобы рассмотреть, он вдруг меня обругал:

– Поганец! Раздолбай!

Голосок был настолько тихим и искаженным, что я даже засомневался, что его узнал.

– Катриона? – спросил я.

– Сколько же, как долго? О, море, милое, благословенное море! Дивная морская стихия…

Я задал вопрос снова, но не дождался ответа. Возможно, испортившийся чип, который уже не воспроизводил голограмму, также утратил функцию звукового входного сигнала. Или же просто перестал утруждаться разговорами с прохожими.

Теперь я заметил, что кое-где на берег выбрасывало рейки. Мемориальные скамьи, к которым на протяжении многих лет медленно подбирался край разрушающегося утеса, наконец уступили волнам. Все же, возможно, они не уступили, а скорее, *достигли* цели – или сделают это достаточно скоро, когда следующий прилив унесет обломки прочь. Я вспомнил, как прошлой ночью, словно приветствуя шторм, вспыхнули все голограммы, Катриону, которая рассказывала мне об утонувшем муже. Должно быть, все прошедшие с ее смерти годы она жаждала воссоединиться с ним в водных глубинах.

Я зашагал к колыхавшимся вдалеке волнам. Когда я

приблизился к морю, под ногами у меня захлюпала вода, я шел между клочьями водорослей. По пути я разломал пластиковый чип на части, экзокожа запросто справилась с задачей. Добравшись до пенистой кромки воды, я швырнул обломки в море.

– Прощай, – проговорил я. – Покойся с миром.

Возвращаясь на верхний пляж, я сотрясался от дрожи. И ощущал иррациональную потребность вскарабкаться по скалам наверх, на дорожку у обрыва, подальше от голодного моря.

Я предвидел свое будущее. Во мне будет все больше экзокожи и других аугментов и все меньше моей собственной плоти. И когда-нибудь останутся одни только аугменты – электронный призрак человека, которым я когда-то был.

Доставая одежду из укромного места, где ее припрятал, я испытывал огромное облегчение оттого, что сейчас оденусь и вернусь к людям. Правой ступни у меня не было, и надеть ботинок оказалось непросто. Для того чтобы заполнить башмак, пришлось сформировать из экзокожи полую раковину.

Завтра я вернусь на космодром. Когда мы оторвемся от земли, попрошу медицинской помощи, тогда меня уже не смогут вычеркнуть из списков колонистов. Я улыбнулся, представив себе, какие опрометчивые проступки могут обнаружиться у моих товарищей, когда уже будет слишком поздно их наказывать. Что мы все оставим после себя? Какие пороки возьмем с собой? И что же останется от нас самих?

Теперь конец моего повествования близок, и осталось сказать совсем немного. Как когда-то давным-давно и далеко отсюда я помог исчезнуть одной тени, я надеюсь, что и ты однажды сделаешь для меня то же самое.

ЙЕН МАКДОНАЛЬД
ВИШНУ В КОШАЧЬЕМ ЦИРКЕ

Британский писатель Йен Макдональд – амбициозный и дерзкий автор, наделенный немалым талантом, проявившимся во многих жанрах. Свой первый рассказ он опубликовал в 1982 году, и с тех пор его работы часто появляются, в разнообразных изданиях, в том числе в «Interzone» и «Asimov's Science Fiction». В 1989 году Макдональд получил премию журнала «Locus» в номинации «Лучший дебют» за роман «Дорога отчаяния» («Desolation Road»). В 1992 году автор стал обладателем премии Филипа Дика за роман «Король утра, королева дня» («King of Morning, Queen of Day»). Среди других произведений писателя – романы «Далеко на голубой шестерке» («Out on Blue Six»), «Сердца, руки и голоса» («Hearts, Hands and Voices»), «Терминальное кафе» («Terminal Café»), «Жертвоприношение дураков» («Sacrifice of Fools»), «Берег эволюции» («Evolution's Shore»), «Кириния» («Kirinya»); повести «История Тенделео» («Tendeleo's Story»), «Экспресс Арес» («Ares Express») и «Киберабад» («Cyberabad»), а также два сборника рассказов «Имперские грезы» («Empire Dreams») и «Говорение языками» («Speaking in Tingues»), Роман Макдональда «Река богов» («River of Gods») в 2005 году стал финалистом премий Артура Кларка и «Хьюго», а являющаяся частью этого произведения повесть «Маленькая богиня» («The Little Goddess») также оказалась в числе финалистов премий «Хьюго» и «Небьюла». В числе последних работ писателя – снискавший восторженные отзывы критиков роман «Бразилия» («Brasyl») и роман «Дом дервиша» («The Deivish House»), а также сборник «Дни Киберабада» («Cyberabad Days»). Появившись на свет в 1960 году в Манчестере, Англия, большую часть жизни Макдональд провел в Северной Ирландии, а теперь живет и работает в Белфасте. Его веб-сайт – lysator.liu.se/^umcorn/mcdonald/.

Представленная ниже замысловатая повесть вновь переносит нас в неповторимую Индию будущего, место действия «Реки богов» и «Маленькой богини», где древние традиции бок о бок соседствуют с головокружительно сложными высокими технологиями, и рассказывает о соперничестве между братьями, окончившемся совершенно неожиданным образом.

СПАСЕННЫЕ СТОЛОМ

Пошел, Матсья, пошел, Курма. Вперед, Нарасимха и Вараха. Сквозь дымный свет от горящих обрезков полиэтилена, под безумным взглядом спьяну завалившейся вверх тормашками луны, бегите на арену, рыжие и черные, полосатые и серые, белые и пятнистые, и черепаховые, и бесхвостые мэнксы с по-заячьи длинными задними лапами. Давайте, Вамана, Пашурама, побежали, Рама и Кришна.

Я молюсь, чтобы никого не оскорбить своим кошачьим цирком, где животные носят имена аватар божества. Да, они грязные уличные коты, украдкой похищенные с мусорных куч либо с высоких стен и балконов, но кошки – по природе своей кощунственные существа. Облизываются они или сворачиваются клубком, потягиваются или царапаются – всякий раз это умышленное оскорбление божественного достоинства. Но сам я разве не ношу имя бога, так неужто не могу я назвать моих бегунов, моих прыгунов, моих звезд своими собственными именами? Ибо я Вишну, Хранитель.

Взгляните! Зажжен светильник, отгорожен веревкой круг, и сиденья уже разложены, вот они, подушки и старые матрасы, вынутые из лодки, чтобы уберечь ваши зады от сырого песка. И кошки уже бегут, струящаяся вереница рыжего, серого, черного, белого, пестрого: изумительный, волшебный, «Великолепный Божественный Кошачий цирк Вишну»! Вы будете изумлены, нет, потрясены! Что же вы не идете?

Они бегут и бегут по кругу, нос к хвосту. Безукоризненная текучая синхронность движений моих кошек восхитит вас. Давай, Будда, давай, Калки! Да, чтобы дрессировать кошачий цирк, надо быть богом.

Весь вечер я стучу в барабан и звоню в свой велосипедный звонок на весь обожженный зноем Чунар. «Изумительный Волшебный Великолепный Кошачий цирк Вишну! Подходите, подходите! В вашей жизни так мало радости, а здесь вас ждут чудо и на неделю разговоров всего за горстку рупий». Песок на улицах, песок, шуршащий по осыпающимся стенам покинутых жилищ, песок, заметающий голые колесные диски брошенных автомобилей и микроавтобусов, песок, скапливающийся у колючих изгородей, разделяющих прибрежные песчаные отмели на бесплодные поля. Продолжительная засуха и мимолетные войны опустошили этот город, подобно множеству других вблизи от йотирлингама[110]. Я вскарабкался к старой крепости, откуда открывается вид на двадцать километров вверх и вниз по реке. С

площадки, где в старину британский посол возвел свою резиденцию, я мог наблюдать копье йотирлингама, устремляющееся ввысь над Варанаси, выше, чем я способен был разглядеть, выше самого неба, ибо оно уходило прямиком в иную вселенную. Стены древнего дома были размалеваны граффити. Я позвонил в звонок и ударил в барабан, но там не приходилось рассчитывать даже на призраков. Хотя меня и отключили от божественной сети, я почти чуял дэвов, снующих в иных небесах. Спускаясь в город, я уловил реальный запах пылающих дров и стойкий аромат готовящейся пищи и обернулся: мне чудились глаза, лица, руки на дверных косяках, прячущиеся среди теней от моего взгляда. «Изумительный Волшебный Великолепный Кошачий цирк Вишну!» – закричал я, отчаянно трезвоня в свой велосипедный звонок, демонстрируя одновременно и свою нищету и безобидность, и свою занятость. В эпоху Кали кротость и беспомощность подвергнутся беспощадному преследованию, зато АК-47 будет в избытке.

Когда я вернулся, кошки пребывали в ярости и завывали хором в своих клетках, раскаленных, несмотря на навес. Я выпустил их поохотиться в свете мерцающих звезд, пока сам обустраивал арену, и места для зрителей, и освещение, и чашу для пожертвований, не зная, придет ли хоть одна живая душа. Сборы были скудными. Мелкой рыбешке не выжить в эпоху Кати.

Мой славный белый Калки, перетекающий через барьеры, подобно потоку, струящемуся через пороги, предсказано, что ты сразишься с Кали и победишь ее, но мне кажется, трудно ждать столь многого от обычного кота. Нет, это я возьму на себя, поскольку если это твое имя, то оно и мое тоже. Ибо разве я не Вишну, десять раз воплотившийся? А вы, коты, разве не часть меня? Здесь, ниже по реке, у подножия огненного столпа, пронзающего небо на востоке, у меня назначена встреча.

Входите же, присаживайтесь на подушки. Я смахнул с них песок, и пусть фонари отвлекают на себя насекомых. Устраивайтесь поудобнее. Я предложил бы вам чаю, но вода нужна мне для кошек. Ибо сегодня вечером вы своими глазами увидите не просто лучший кошачий цирк во всей Индии, но, вероятно, вообще единственный в целой Индии. Что вы говорите? Все, что они делают, – бегают по кругу? Дружище, для кошек это уже достижение. Но вы правы, бег по кругу, нос к хвосту, и в самом деле основа основ моего кошачьего цирка. Но я могу и другим способом заработать ту горстку рупий, что я прошу у вас. Садитесь, садитесь, и я поведаю вам историю, свою историю. Я Вишну, и я был создан, чтобы стать богом.

Нас было трое, и все мы были богами. Шив, Вши и Сарасвати.

Первенцем был не я; им стал мой брат Шив, с которым я встречусь у подножия йотирлингама в Варанаси. Шив удачливый, Шив деловой, абсолютно успешный, продолжатель династии и нечаянный предвестник этой эпохи Кали[111]; даже представить не могу, во что он превратился. Я появился на свет не первым, но лучшим, и в этом причина всех бед.

Полагаю, соперничество было вплетено в каждый изгиб спирали ДНК моих родителей. Ваш классический дарвинизм отвергает предположение, будто интеллектуальные ценности способны определять эволюцию, но я сам – живое доказательство, что ценности среднего класса могут быть запрограммированы в генах. Отчего же не борьба?

Трудно даже вообразить существо, менее похожее на кибервоина, чем мой отец. Неловкий, неуклюжий, полный – да ладно, чего уж там, просто толстяк, он был довольным собой и по-своему знаменитым создателем Цветка Грез. Помните Цветок Грез? *Сумо стрит; РаМаЯНа; ПоющаяЗвезда Болливуда.* Миллионы проданных игр? Возможно, вы не помните. Я все больше убеждаюсь, что это происходило раньше, чем мне кажется. И так во всем. Что действительно важно, у него были деньги, и удачная карьера, и успех, и славы столько, сколько возможно на этом поприще, и жизнь катилась и катилась, будто «Лексус», когда война застала его врасплох. Война всех нас застала врасплох. Еще вчера мы воплощали собой историю великого азиатского успеха: мы были «индийским тигром» (я называю это законом афористичного рикошета – «экономический тигр» путешествует по всему земному шару, прежде чем вернуться к нам) – и, в отличие от этих китайцев, у нас были английский язык, крикет и демократия; а сегодня мы бомбим наши же торговые центры и захватываем телестанции. Штат на штат, район на район, семья на семью. Лишь таким образом я могу понять Войну Раскола: Индия походила на большое, шумное, буйное семейство, на которое с полугодовым визитом сваливается древняя бабка, и пару дней спустя сыновья уже готовы перегрызть горло отцам. А матери – дочерям, и сестры враждуют, и братья дерутся, и кузены, дядья и тетки принимают чью-то сторону, и семья разбивается вдребезги, подобно алмазу, распавшемуся по линиям трещин и изъянов, придававших ему красоту. В молодости мне довелось повидать в Дели одного огранщика бриллиантов. Прошу прощения, в детстве. Еще не в молодости. Я видел, как он закрепил алмаз в специальных тисках, поднял свой инструмент, казавшийся слишком большим и грубым, по крайней мере для предмета столь миниатюрного и сверкающего. Я затаил дыхание и стиснул зубы, когда он опустил большой, подбитый мягкой

материей молоток, и драгоценный камень распался на три части, более яркие и искрящиеся, чем их предшественник.

– Один неверный удар, – сказал огранщик, – и останется лишь сверкающая пыль.

Я думаю, вся наша история с того момента – лишь сверкающая пыль.

Удар последовал – успех, благосостояние, народы распались – и мы обратились в пыль, но Дели этого не знал. Верноподданные решительно встали на защиту индийской мечты. И вот результат: мой отец получил назначение в Службу технической поддержки группы механической разведки. Для вас это должно звучать невероятно громко и завораживающе. Но тогда были другие времена, и роботы и близко не походили на те сверкающие существа, подобные ракшасам[112], какими мы знаем их сегодня, постоянно меняющие свой облик и функции в соответствии с самыми смелыми из человеческих ожиданий. Это был отряд разведывательных ботов: двуногих бегунов и прыгунов, нескладных и суетливых, будто железные цыплята. А папа-джи[113] осуществлял техническую поддержку, то есть отлаживал их, чистил от вирусов и устранял неисправности, вытаскивал их из разных узких мест, куда они забирались и начинали бегать там кругами, или отводил от неприступной стены, на которую они пытались залезть, остерегаясь при этом их сдвоенных флешетт и обоюдоострых клинков, предназначенных для самообороны.

– Я кодировщик игр, – причитал папа-джи. – Я ставлю болливудские танцы и устраиваю автокатастрофы. Я разрабатываю звездных вампиров.

Дели остался глух к его стенаниям. Дели уже проигрывал, поскольку в Раштрапати Бхаване[114] все громче звучали голоса сторонников национального самоопределения, к коим относились и мы, но их также предпочитали игнорировать.

Отец был кибервоином, матушка – военным медиком. Насчет нее это было куда правильнее, чем насчет отца. Она в самом деле была квалифицированным доктором и сотрудничала с негосударственными организациями Индии и Пакистана после землетрясения и с «Врачами без границ» в Судане. Она не была, никогда не была военнослужащей, но Матери Индии понадобились медики на передовой, и матушка очутилась в Полевом госпитальном центре-32 к востоку от Ахмадабада в то же самое время, как туда перебазировался разведотряд отца. Мама обследовала сержанта техслужбы Тушара Наримана на предмет вшей и геморроя. Все остальные из его отряда отказались демонстрировать свои лобковые области врачу-женщине. На короткий миг он храбро встретился с ней взглядом.

Вероятно, не будь Министерство обороны настолько экстравагантным в наборе кибервоинов и призови оно в Восьмой Ахмадабадский отряд механической разведки подготовленного аналитика, а не разработчика игр, многие могли бы уцелеть после атаки ударной группировки «Тигров Бхарати». Это новое имя зазвучало в древних восточных Уттар-Прадеше и Бихаре: Бхарат, стародавнее священное наименование Индии. Флаг с вращающимся колесом был поднят в Варанаси, древнейшем и чистейшем из городов. Как и в любом национально-освободительном движении, там было множество самозваных партизанских группировок, и каждая именовалась еще более грозно, нежели ее предшественницы, с которыми ее связывал непрочный альянс. Ударная группировка «Тигров Бхарати» стала зародышем элитных кибервоенных сил Бхарата. И, в отличие от Тушара, там служили профессионалы. В 21:23 они сумели проникнуть сквозь Восьмой Ахмадабадский файрвол и подпустить троянов разведывательным мехам. Пока папа-джи натягивал штаны, пережив вторжение трепещущих пальчиков и ректоскопа моей будущей матери в свой зад, «Тигры» взяли роботов под контроль и направили их против полевого госпиталя.

Господь Шива сотворил моего отца толстяком и трусом. Герой, когда началась пальба, выскочил бы узнать, что происходит. Герой погиб бы в перестрелке или, когда закончились боеприпасы, был бы зарезан клинками. Папа-джи при первом же выстреле полез под стол.

– Ложись! – прошипел он моей матушке, застывшей с видом отчасти озадаченным, отчасти изумленным. Он потянул ее вниз и тут же извинился за неподобающую близость. Совсем недавно его мошонка лежала у нее на ладони, но он извинился. Бок о бок стояли они на коленях между тумбами письменного стола, среди выстрелов, и криков, и ужасного, подагрического хруста механических сочленений, и мало-помалу остались лишь крики и хруст, потом только хруст, а потом наступила тишина. Они стояли на коленях бок о бок, трясясь от страха, мама-джи стояла на четвереньках, как собака, пока не задрожала от напряжения, но она боялась пошевелиться, произвести хоть малейший звук, чтобы не привлечь внимание перемещающихся теней, заглядывавших в кабинет через окно. Тени изрядно удлинились и почернели, прежде чем она отважилась выдохнуть:

– Что случилось?

– Мехов взломали, – сказал отец. Затем он навсегда сделал себя героем в глазах моей матери: – Пойду взгляну.

Потихонечку, стараясь не шуметь, не потревожить ни малейшего осколка разбитого стекла, ни единой щепочки, он

выбрался из-под стола и прополз по заваленному полу до подоконника. Потом, миллиметр за миллиметром, он приподнимался все выше, пока не застыл в полуприседе. Он выглянул в окно и в то же мгновение шлепнулся на пол и с той же осторожностью ползком отправился в обратный путь.

– Их там нет, – шепнул он маме. – Ни одного. Они будут убивать все, что движется. – Он произносил по одному слову за раз, чтобы звук был похож на обычное поскрипывание и шуршание переносных укрытий на песчаных отмелях Ганга.

– Может, у них закончится горючее, – предположила моя мать.

– Они работают от солнечных батарей. – Подобная манера говорить занимала много времени. – Они могут ждать вечно.

Потом пошел дождь. Прогремел оглушительный громовой раскат, провозвестник муссонного ливня, обрушившегося на весь Бенгальский залив, подобный знаменосцу или трубачу, бегущему перед экипажем и оповещающему мир о приближении великого человека. Дождь бил в парусину, точно руки в барабан. Дождь шипел, впитываясь в сухой песок. Дождь рикошетом отлетал от пластиковых панцирей ждущих, прислушивающихся роботов. Песня дождя поглотила все звуки, так что матушка смогла заключить, что отец смеется, лишь по вибрации, передаваемой им столу.

– Почему вы смеетесь? – прошипела она, лишь немного уступая дождю в громкости.

– Потому что в этом шуме они ни за что не услышат, если я пойду и заберу свой наладонник, – объяснил отец, который был очень храбрым для толстяка. – Тогда мы узнаем, кто завладел этими роботами.

– Тушар! – оглушительно зашипела матушка, но папа-джи уже крался из-под стола к коммуникатору, лежащему на шезлонге за дверью, застегнутой на «молнию». – Это всего лишь…

И дождь кончился. Совсем. Словно перекрыли поливочный шланг. Он прошел. Капли падали с крыши и с не рассчитанных на такую погоду окон. Солнце дробилось на пластиковых панелях. Сверкала радуга. Все было прекрасно, но отец оказался застигнутым врасплох посреди палатки, за стенками которой караулили роботы-убийцы. Он беззвучно и грязно выругался и осторожно, очень осторожно начал пятиться по осколкам и обломкам, задом наперед, будто слон. Теперь уже он ощутил, как вибрируют деревянные боковины стола от сдавленного смеха.

– Над. Чем. Вы. Теперь. Смеетесь?

– Вы не знаете этой реки, – прошептала мать. – Мать Ганга все-таки спасет нас.

Ночь на берегах священной реки наступила быстро, как всегда, та же праздная луна, что слушает теперь мой рассказ, взошла за исцарапанными пластиковыми панелями окон.

– Вы что-то чувствуете? – спросил отец.

– Да, – прошипела мать.

– Что?

– Воду, – ответила она, и он увидел, как она улыбается в опасном свете луны. И тогда он услышал тоже: шипящий, всасывающий звук, с каким песок мог бы поглощать воду, но всей его жажды было недостаточно, ее было слишком много, она прибывала слишком быстро, слишком-слишком много, она заливала все. Отец сначала учуял, а потом уже увидел водяной язык, окаймленный песком, и соломой, и всяческими обломками с сангама[115], где находился лагерь; вода подкрадывалась к краю палатки, переливалась через порог и отцовские пальцы. Она пахла землей, получившей свободу. Это был древний запах сезона дождей, когда всякая высохшая вещь обретала собственный аромат, и вкус, и цвет, высвобожденные дождем; запах воды – это запахи всего, что освобождает вода. Язык превратился в тонкую пленку, вода закручивалась вокруг их пальцев и коленей, вокруг ножек стола, словно под устоями моста. Отец почувствовал, что мать содрогается от хохота, потом поток сорвал стенку палатки, и водяная стена отбросила его, ошеломила, захлестнула, и он лишь барахтался, задыхаясь и пытаясь не кашлять, чтобы не услышали предатели-мехи. Тогда он понял, над чем смеется мать, и рассмеялся тоже, громко и надсадно, выкашливая воду Ганга.

– Сюда! – крикнул отец и, подпрыгнув, перевернул стол и упал на него животом, будто на доску для серфинга, схватившись за ножки обеими руками. Мать рванулась и уцепилась за стол как раз в тот миг, как поток разорвал палатку сбоку и смел стол и беглецов. – Греби ногами! – завопил отец, направляя стол к перекосившемуся дверному проему. – Если любишь жизнь и Мать Индию, греби!

Потом они очутились посреди лунной ночи. Их страж развернул свои смертоносные приспособления, меча им вслед клинок за клинком, и был сбит, подхвачен, сметен потоком воды. Последнее, что они видели, – его панцирь, наполовину зарывшийся в песок, и пенящуюся маслянистую воду вокруг. Они прокладывали себе путь через руины лагеря, меж обломков мебели, и мешков с провизией, и медицинского оборудования и техники, среди небольших, оплавленных, безжизненных трупов мехов и плывущих, кружащихся, раздутых тел солдат и медиков. Они отпихивали все это ногами, оседлав свой спасительный стол, отбрыкивались, полузадушенные, дрожащие среди темно-зеленых

вод Матери Ганги, под взглядом полной луны, разбивая ее серебристую дорожку на речных волнах. К полудню следующего дня, вдали от речного берега в Чхаттисгархе[116], стол был обнаружен индийским патрульным катером. Обезвоженных, с потрескавшейся кожей, одуревших от солнца, их перетащили на борт. В какой-то момент во время той долгой ночи, то ли сидя под столом, то ли плывя на нем, они влюбились друг в друга. Матери всегда помогало то, что это было самое романтичное из всего, когда-либо случившегося с ней. Ганга Деви [117] подняла свои воды и унесла их прочь от смертоносных механизмов к безопасности на удивительном плоту. Во всяком случае, так повествует наше семейное предание.

СНАЧАЛА ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА, И ЛИШЬ ЗАТЕМ – Я

Мои родители полюбили друг друга в одной стране, Индии, а поженились в другой, Авадхе, призраке древнего Ауда, в свою очередь являвшегося лишь отдаленным напоминанием о почти забытом британском господстве. Дели был больше не столицей великой страны, но лишь географическим казусом. Вместо одной Индии теперь их стало много, наша мать-богиня обрела дюжину воплощений, от воссоединившейся Бенгалии до Раджастана, от Кашмира до Тамил-Наду. Как мы позволили этому свершиться? Почти беспечно, словно оступились на миг на своем пути к сверхмогуществу, а затем снова выправились и двинулись дальше. Это все выглядело абсолютно непристойно, словно любимого дядюшку застукали у компьютера с порнушкой. Вы отводите взгляд, все скрываете и никогда об этом не говорите. Так же и мы никогда не говорили о сейсмических толчках насилия, прорывавшихся наружу в нашем плотном, многослойном обществе, о многочисленных кровопролитиях во имя независимости, пришедших вместе с этими мучительными разделами, о постоянной угрозе религиозной войны, прирожденной, вечно грозящей нам жестокости, сокрытой в самом сердце нашей кастовой системы; все это было настолько не по-индийски. Что такое несколько сотен погибших по сравнению с миллионами? Через несколько лет о них если и не позабудут, то уж точно смирятся с этим. А игра от этого уж точно становилась лишь интереснее.

Новая Индия устраивала моих родителей как нельзя лучше. Они были образцовыми молодыми авадхи. Отец, однажды побывавший в западне у искусственного интеллекта, вознамерился никогда не допускать этого впредь и основал одну из первых «ферм» ИИ, производя традиционный продукт в виде прикладных программ нижнего уровня, например для «Эйр Авадх», Банка Дели и налоговой службы. Мать занялась поначалу косметическими операциями, затем, после продуманных инвестиций в исполнительный анклав зарождающейся государственной гражданской службы Авадха, оставила микроманипуляторы ради портфеля ценных бумаг. Вдвоем они зарабатывали столько, что лица их не сходили со страниц журнала «Блистательный Дели!». Это была золотая пара, плывущая в прекрасное будущее по стремнине войны, и интервьюеры, приглашенные в их пентхаус, спрашивали: «Ну а

где же золотой сынок?»

Шива Нариман появился на свет 27 сентября 2025 года. Шив, старший из мировых богов, Шив, первый и благословенный, из чьих спутанных волос брал начало сам священный Ганг, порождающая сила, процветание, властелин парадокса. Права на фотосъемку проданы журналу «Всячина» за пятьсот тысяч авадхийских рупий. Удостоенная львиной доли внимания в ежевечернем шоу «По стране», детская золотого мальчика в том сезоне стала иконой стиля. Интерес к этому первому поколению новой нации был огромен; «Братьями Авадха» называла их желтая пресса. Они стали сыновьями не только для видных представителей среднего класса Дели, но для всего Авадха. Нация возлюбила их всем сердцем и вскармливала собственной грудью, этих великолепных, крепких мальчуганов, которые вырастут вместе с новой страной и поведут ее к величию. Никто никогда не упоминал, даже не задумывался, сколько зародышей женского пола было выскоблено, аспирировано или слито в отходы вместо имплантации. Мы были новой страной, мы решали великую задачу национального строительства. Мы могли не обращать внимания на демографический кризис, годами деформировавший наши средние классы. Но если мальчиков в четыре раза больше, чем девочек? Они были славными могучими сынами Авадха. А те, другие – всего лишь женщинами.

Я говорю *мы* так легко, поскольку, похоже, заканчиваю жизнь в роли импресарио и сказителя, но на самом деле меня тогда даже не существовало. Меня не существовало до того самого дня, когда в клубе «братьев Авадха» заговорил младенец. Это ни в коем случае не было подобием какого-то по всем правилам оформленного клуба: счастливые матери, любимицы нации, собирались вместе в силу их общей естественной потребности противостоять средствам массовой информации, готовым влезать в любые мелочи их жизни. Безупречность нуждается в группе поддержки. Как и следовало ожидать, они собирались в своих гостиных и пентхаузах вместе со своими матушками и искусственными интеллектами – группа золотых мамочек с золотыми детками. В день, когда младенец заговорил, собрались моя мать, Уша, Киран и Деви. Заговорил ребенок Деви. Шел общий разговор насчет изнеможения, и масла для смягчения сосков, и аллергии на арахис, когда Вин Джохар в своем креслице-качалке открыл карие-карие глазки, оглядел комнату и отчетливо произнес:

– Голоден, хочу мою бутылку.

– Прелесть моя, мы хотим кушать? – проворковала Деви.

– Сейчас же, – ответил Вин Джохар. – Пожалуйста.

Деви восторженно захлопала в ладоши:

– Пожалуйста! Прежде он не говорил «пожалуйста».

Остальные в пентхаузе лишь ошеломленно взирали на них.

– И как давно он уже разговаривает? – поинтересовалась Уша.

– О, дня три, – сообщила Деви. – Он на лету схватывает все наши слова.

– Мою бутылку! – потребовал Вин Джохар. – Быстро.

– Но ему всего… – начала Киран.

– Пять месяцев, да. Он развивается чуть медленнее, чем рассчитывал доктор Рао.

Матери матерей и ИИ украдкой принялись творить охранительные знаки и целовать амулеты, чтобы отвести зло. Моя матушка, качавшая на колене упитанного довольного Шива, сообразила первой:

– Ты, ты… Он…

– Брахман[118], да.

– Но ты же шудра[119], – удивилась Киран.

– Брахман, – подтвердила Деви с таким энтузиазмом, что невозможно было не расслышать вложенного в слово особого смысла. – Мы сделали его, да.

– Сделали? – переспросила Уша и вдруг поняла. – О… – И снова: – О…

– Он будет высоким, и сильным, и красивым – разумеется; эту часть нам не пришлось конструировать – и будет ладным и здоровым. О, таким здоровым – у него никогда не будет сердечных болезней, артритов, болезни Альцгеймера и Хантингтона; с такой иммунной системой ему останется лишь посмеяться над почти всеми вирусами и инфекциями. Его иммунитет справится даже с нашей малярией! Представьте себе! И интеллект: ну, скажу только, что, по утверждениям доктора Рао, просто нет теста, достаточно умного, чтобы проверить его. Ему нужно увидеть всего один раз, и он запомнит это – вот как! А его память – о, доктор Рао говорит, что у него удвоенное количество связей в мозгу или что-то в этом роде. Это значит, что у него будет феноменальная память. Как у этого Мистера Память из «Талантов Индии», только еще лучше. Он просто не сможет ничего забыть. Ни дней рождения, ни позвонить мамочке, когда будет мотаться по всему миру по делам какой-нибудь корпорации. Взгляните, взгляните на него, вы когда-нибудь видели такую прелесть? Эти его детские-детские глазки. Посмотри, посмотри, мой маленький повелитель! Видишь их, видишь своих друзей? Все они принцы, все до одного, но ты, ты – бог! О, так бы и укусила тебя в попку, так и съела бы ее, она такая красивая, и пухлая, и чудесная. – Деви подняла Вин Джохара над

собой, словно трофей в матче по крикету. Она поцеловала его в оголившийся животик под задравшейся кверху рубашонкой. – О, мой маленький бог.

Тут Шив испустил долгий вопль. На протяжении всей хвалебной песни Деви своему дорогому генно-модифицированному сыночку мать моя все крепче стискивала золотого Шива, отныне безнадежно устаревшего, пока он не закричал от боли. От ее пальцев у него на ребрах остались синяки, похожие на пурпурные морковки.

Шив глазел на мобиль, вращающийся в струе кондиционированного воздуха над его кроваткой, – невинный и не подозревающий о том, как развивается острота его зрения при помощи хитроумно сконструированных капель и облаков. Мать раздраженно металась по детской, оформленной в пастельных тонах, пока из офиса не вернулся отец. После рождения Шива его труды в офисе сделались еще более напряженными и продолжительными. На самом деле он никогда не был особенно хорошим отцом. В этой игре от него проку не было.

– Что ты делаешь в пятницу? – осведомилась матушка.

– Ну, не помню точно, какие-то дела в офисе.

– Отмени их.

– Что? – Он в любом случае никогда не отличался прекрасными манерами, но тогда просто помешался на компьютерах.

– Мы едем к доктору Рао.

– К доктору кому?

– Доктору Рао. В клинику Сваминатан.

Он знал имя. Знал клинику. Весь Дели, даже компьютерные чудаки, знали о странных и удивительных детях, выходящих оттуда. Ему просто нужно было капельку времени, чтобы яйца его оттаяли и опустились обратно с того теплого местечка в промежности, куда втянулись от ужаса.

– Пятница, одиннадцать тридцать, к самому доктору Рао. Мы делаем ребенка.

Этого не случилось ни в пятницу, в одиннадцать тридцать, ни в следующую пятницу. Прошло еще шесть пятниц, и после первичной консультации, и выписанного чека, и медицинских обследований, и бесед наедине с матерью и отцом им предложили выбирать из меню. Это было меню, как в самом изысканном ресторане, какой вы можете себе представить. Мои родители захлопали ресницами. Интеллект – да, красивая внешность – да, улучшенная концентрация – да, расширенная память и улучшенное запоминание – да, здоровье, богатство, сила, удача – все, что было у Вин Джохара. И кое-что еще.

– Увеличенная долговечность?

– Ах да, это новинка. Новая технология, только что лицензированная.

– Что это значит?

– Именно то, что написано.

Мои родители снова заморгали.

– Ваш сын, – поскольку они конструировали именно меня, – будет наслаждаться жизнью гораздо дольше обычного, полный сил и здоровья.

– Насколько дольше?

– Вдвое против современных человеческих норм. Скажем, для людей вроде нас, состоятельных, образованных, из среднего класса, имеющих доступ к качественной медицине, это на данный момент восемьдесят лет. Умножьте на два.

Они заморгали в третий раз.

– Сто шестьдесят лет.

– Как минимум. Вы должны помнить, что медицинские чудеса случаются каждый день. Каждый божий день. Нет причин, чтобы ваш сын…

– Вишну.

Отец уставился на мать с открытым ртом. Он не знал, что уже есть имя. Он еще даже не понимал, что во всем этом у него вообще нет права голоса. Но яйца его понимали, съеживаясь в своих свободных-и-вентилируемых-полезных-для-спермогенеза шелковых боксерах.

– Господь Вишну, владыка и хранитель. – Доктор Рао склонил голову в знак почтения. Он был старомодным человеком. – Вы знаете, я часто размышлял, как процессы зачатия, вынашивания и родов отражены в десяти инкарнациях Господа Вишну: рыба – неугомонный сперматозоид, черепаха Курмы – яйцеклетка, спасение Варахой земли со дна океана – оплодотворение…

– А как насчет карлика? – спросил мой отец. – Брахмана-карлика?

– Карлик, да, – протянул доктор Рао. Он говорил медленно и, казалось, по мере приближения к концу предложения забывал, о чем вел речь. Это приводило к тому, что многие ошибочно считали его глупым, в то время как он просто пытался правильно сформулировать заключение. В результате он нечасто давал интервью, как телевизионные, так и в Сети. – С этими карликами всегда проблема, верно? Но ваш сын, несомненно, будет настоящим брахманом. И Калки, да, Калки. Тот, кто положит конец темной эпохе Кали. Как знать, возможно, он увидит, как гибнет этот мир в огне и воде и зарождается новый? Да, долговечность. Это очень хорошо, но тут есть пара небольших

неудобств.

– Не имеет значения. Мы берем это. У Деви Джохар этого нет.

Итак, моего отца отослали с пластиковым стаканчиком ловить свою священную рыбу. Мать пошла с ним; чтобы сделать это актом любви, но больше потому, что не доверяла ему в смысле западной порнографии. Несколькими пятницами позже доктор Рао длинной иглой извлек из моей матери кучку черепах-яйцеклеток. Отец для этого был не нужен. Чистая биология. Доктор с замедленной речью делал свое дело и извлек из океанских глубин своих искусственных маток восемь эмбрионов. Выбран был один: «Я! Я! Маленький я! Я тут! Посмотрите на меня! На меня!» – и меня имплантировали в матку моей матери. Именно тогда обнаружилось первое неудобство: удвоенный срок моей жизни покупался ценой вдвое более медленного развития, чем у обычных людей, не-брахманов. После шестнадцати месяцев беременности, шестнадцати месяцев тошноты по утрам, и метеоризма, и плохого кровообращения, и испорченных вен, и недержания, и болей в спине, но хуже всего – невозможности курить моя мать с отчаянным воплем: «Наконец-то! Наконец! Вытащите из меня эту проклятую штуку!» 9 августа 2027 года родила, и я появился на сцене, новый игрок в пьесе.

МОЙ БРАТ НЕНАВИДИТ МЕНЯ

Что это был за мир, в который я родился! Что за время: время света и блеска. Блистательная Индия воистину нашла себя в блистательном Авадхе, блистательном Бхарате, блистательной Маратхе, блистательной Бенгалии – всех этих алмазных гранях множественных наших народов. Ужасы Раскола остались позади, отдельно от инвалидов войны, выпрашивавших подаяние на перронах метро, банд недосоциализированных юнцов-кибервоинов, случайных вспышек тлеющих конфликтов, запрятанных в глубинах городских сетей, и Встревоженных Документалистов, полагавших, что мы недостаточно скорбим по поводу саморасчленения и необходимости примирения. Примирение? Дели было не до подобных западных тонкостей. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, нужно делать деньги и наслаждаться жизнью. На наших новых проспектах и майданах[120], в наших торговых центрах и досуговых зонах блистали молодые, красивые, оптимистичные. То было время смелых новых мод, шокирующей отцов одежды и пугающих матерей причесок; новых трендов и увлечений, позабытых сразу после того, как они взорвали Сеть; новых идей, разлетавшихся вдребезги и исчезавших сразу после появления, подобно обильной пене мысли. Была юность, была уверенность, было всеобщее понимание, что старушка Мать Индия показала, на что она способна, но прежде всего были деньги. Как в Дели, так и в Варанаси, Колкате, Мумбае, Ченнае, Джайпуре. Но больше всего, я считаю, в Дели. Этот город сделался столицей Индии по прихоти, а не по праву. Мумбай, даже Колката всегда затмевали его. Теперь же он действительно стал столицей страны, городом, не имеющим себе равных, и заблистал. Самым ранним моим воспоминанием, из времен, когда все мои чувства сливались воедино и звуки имели запах и цвет, стали полосы света, переливающиеся по моему запрокинутому лицу, света разноцветного и, более того, по ощущению неразвитого мозга, гудящего и звонкого, будто дивные струны ситара. Полагаю, я, должно быть, находился в нашем автомобиле, и шофер вез нас куда-то сквозь огни делового центра города, на званый вечер или что-нибудь в этом роде, но все, что мне запомнилось, – я улыбаюсь струящемуся, поющему свету. Даже теперь, стоит мне подумать о Дели, я представляю реку света, поток серебристых звуков.

А какой город! Помимо Старого Дели и Нью-Дели, помимо Еще Более Нового, Гургаона, и чудесных новых пригородов

Сарита Вихар и Колоний новых друзей, возводился Супер-Нью-Дели. Невидимый Дели, Дели данных, и цифр, и софта. Дели распределенный, сетевой, Дели, сотканный из кабельных и радиоузлов, неосязаемый Дели, вплетенный в улицы и дома материального города. Странные новые люди жили тут: просчитанная на компьютере труппа исполнителей «Города и деревни», всепобеждающей мыльной оперы, которая, при полной своей искусственности, была более реальна, нежели сама жизнь. Это были не просто персонажи, приковывающие к себе наше внимание. Гениальность постановки состояла в уверенности компьютерных актеров в том, что они играют и существуют отдельно от своих персонажей, и их сплетни и скандалы, романы и свадьбы для большинства из нас значили больше, чем те же истории из жизни друзей и соседей. Другие замечательные существа проносились мимо нас и сквозь нас на наших улицах и площадях – ИИ: пантеон искусственных разумов, обслуживавших наши нематериальные потребности, от банковских и юридических услуг до ведения домашнего хозяйства и функций личного секретаря. Находясь везде и нигде, они были сущностями уровней и иерархий; высококачественные ИИ устремлялись через подпрограммы в маломощные мониторы и процессоры; множество из них, имея интеллект уровня восьми десятых (разум бродячей свиньи), посредством связей и ассоциаций переходят на первый уровень – интеллект обезьяны, далее те вновь объединяются, достигая высшего, второго уровня, в семидесяти процентах случаев неотличимого от человеческого. А за ними, по слухам, шел путающий третий уровень: интеллект человека и выше. Кто в состоянии понять подобное существование, наличие множества частей, не обязательно распознающих друг друга? Джиннов, этих древних обитателей их любимого Дели, понимали; и тех, кто был еще старше их, – богов. Прекрасно понимали. И в городе материальном возникали новые касты. На наших улицах появился новый пол, словно низвергнувшись с небес, ни мужской, ни женский, агрессивно отрицающий компромиссы прежних хиджра[121]. Они называли себя ньютами. И затем, конечно, были такие, как я: улучшенные еще на стадии яйцеклетки и спермия. наделенные чрезмерными талантами и едва различимыми недостатками: брахманы. Да, я был дитя среднего класса, привилегированный генетически, но Дели был приготовлен для меня, словно свадебный пир. Это был мой город.

Дели любил меня. Любил меня, любил всех брахманов – моих братьев и случайных сестер. Мы были чудом, фриками, легендой, аватарами. Мы могли ничего не делать, мы были потенциалом Авадха. Те, перворожденные, были случайностью рождения, мы,

брахманы, – истинными «братьями Авадха». У нас даже был собственный комикс с таким названием. При столь необыкновенных генетических задатках мы сражались с преступностью, демонами и почитателями Бхарата. Мы были супергероями. Это прекрасно продавалось.

Вы можете подумать, что я – вполне беззаботный бутуз, созданный генной инженерией представитель высшей расы, барахтающийся в своем детском креслице-качалке и жмурящийся в лучах солнца, льющихся сквозь стеклянные стены нашего пентхауса. И ошибетесь. Пока я лежу, моргая и хихикая, нервные связи в моем спинном мозге, мозжечке и области Брока[122] образуются со сверхъестественной быстротой. Этот поток света, этот ливень серебряных звуков быстро дифференцировался на предметы, звуки, запахи, ощущения. Я видел, я слышал, я чувствовал, но пока еще не мог понять. Итак, я устанавливал связи, выделял принципы, следил, как мир вливается через мои органы чувств и далее растекается по нейронам в виде древа, паутины, сетей, конфигураций. Я сформировал внутреннюю астрологию и, исходя из нее, еще до того, как смог назвать собаку «собакой», кошку «кошкой», а маму «мамой», постиг взаимосвязь вещей. Мой взгляд на вещи был шире, намного шире. Это действительно было моей настоящей сверхспособностью, сохранившейся и по сей день. Я никогда не мог перенестись в Шри-Ланку повелением мысли или поднять гору усилием воли, я не владычествовал ни над огнем, ни над громом, ни даже над собственной душой, но я всегда был в состоянии с одного лишь взгляда распознать целое, абсолютное и всеобщее.

Кстати, о наименованиях. Мать впервые тогда поняла, что в благодеяниях доктора Рао таится и своя ложка дегтя. В тот день званый ужин проходил в доме Деви Джохар, мамаши удивительного Вина. Он был там, бегал вокруг в своем костюмчике от SonSun из Лос-Анджелеса вместе с пытавшимися не отставать от него ИИ. Шив играл в саду на крыше с остальными не-брахманами, счастливыми и вполне довольными своими ограниченными, неусовершенствованными возможностями. Как быстро осыпалась с него позолота после моего рождения! Что до меня, я сидел в своем детском креслице, лепеча и во все глаза разглядывая золотых мамочек. Я знал про ревность Шива, хотя у меня еще не было ни слов, ни эмоционального языка для нее. Я видел это по множеству косых взглядов, по тому, как он садился за стол и ездил в машине, как плелся вслед за нянюшкой Менакши, проталкивавшейся с моей коляской по торговому центру, по тому, как он стоял подле моей кроватки и долго и пристально смотрел на меня. Я чувствовал

ненависть.

Вин спросил у Деви разрешения выйти и поиграть с остальными в саду. Пожалуйста.

– Хорошо, но только не хвастаться, – предупредила Деви Джохар. Когда он ушел, Деви скромно скрестила ноги в лодыжках и сложила руки на коленях. – Мира, надеюсь, ты не обидишься на меня за эти слова, но твой Виш – он ведь еще не говорит. В этом возрасте в словаре Вина было около двух сотен слов, и он неплохо владел синтаксисом и грамматикой.

– И разве он не должен по меньшей мере ползать? – спросила Уша.

– Сколько ему, год и два? На вид ему немножко… меньше, – подхватила Киран.

Моя мать разразилась слезами. Сказались бессонные ночи и укачивания, и шиканья, подмывания, и писк, и хныканье, усталость, о да, усталость, но худшее из всего – это грудное вскармливание.

– Грудь? После года? – Уша пришла в ужас. – Я хочу сказать, я слышала, будто некоторые матери дают грудь годами, но ведь это в деревнях, или же мамочки, которые слишком любят своих сыновей.

– Соски у меня багровые, как шелковица! – плакала моя мать. – Видите ли, ему пятнадцать месяцев, но биологически не больше восьми.

Мне предстояло прожить в два раза дольше, но взрослел я вполовину медленнее. Младенчество было долгим, затянувшимся рассветом, детство – нескончаемым утром. Когда Шив пошел в школу, я только-только начинал ходить. К студенческому возрасту у меня все еще была физиология девятилетнего. Взрослость, зрелость, старость виделись мне столь далекими на великих просторах моего жизненного пути, что я не смог бы отличить насекомое от города. В те прекрасные дни я лишь вступал в свою жизнь, достаточно долгую, чтобы стать частью истории; как младенец я был для матери сущим кошмаром.

– Я знаю, что грудь – лучше всего, но, может, тебе стоит подумать о переходе на молочные смеси? – успокаивающе заметила Деви.

Видите, насколько я помню каждое слово? Еще один из двусмысленных даров доктора Рао. Я забываю лишь то, что сам решаю забыть. Я понимал каждое слово – к восемнадцати месяцам мой словарный запас был куда больше, чем у вашего драгоценного Вина, стервозная Деви. Но он был заперт внутри меня. Мой мозг формировал слова, но гортань, язык, губы и легкие не могли выговорить их. Я был узником в детском кресле-

качалке, улыбающимся и размахивающим маленькими пухлыми кулачками.

Четверо, всего лишь четверо понимали меня, и они жили в пластиковой бабочке с мягкими обводами, подвешенной над моей колыбелью. Их звали Тикка-Тикка, Бадшанти, Пули и Нин. Это были ИИ, приставленные наблюдать за мной и занимать меня песнями и сказками и бесконечными узорами цветных огоньков, потому что сказки на ночь нянюшки Менакши моя мать полагала чересчур страшными для впечатлительного брахмана. Эти существа были еще глупее родителей, но благодаря их тесным взаимосвязям они не грешили никакими предрассудками за пределами запрограммированного уровня 0,2, так что я мог общаться с ними.

Тикка-Тикка пел песни.

Наш маленький Вишну
В зелененькой лодочке
По синим морям
Уплывает ко сну…

Он пел это каждую ночь. Мне это нравилось, я до сих пор напеваю эту песенку, толкая шестом свою лодку с кошачьим цирком вдоль разоренных берегов Матери Ганга.

Пули изображал животных – скверно. Он был кретином. Его глупость настолько оскорбляла меня, что я оставлял его помалкивать внутри пластиковой бабочки.

Бадшанти, прелестная Бадшанти, она была мастерица рассказывать истории. «Хочешь услышать сказку, Вишну?» – за этими словами следовали чудесные часы. Потому что я не забываю. Я знаю, что она никогда не повторялась, если только я не просил ее об этом. Как я просил? Для этого я должен представить вам последнего из моих четырех ИИ.

Нин общался лишь посредством вспышек света и цвета, игравших на моем лице, – вечный калейдоскоп, как предполагалось, стимулирующий мое визуальное развитие. Нин-бессловесный отличался сообразительностью; поскольку он мог интерпретировать выражение лица, то стал первым, кого я научил понимать мой язык. Это был очень простой язык моргания. Одно неспешное моргание – да, два – нет. Это было медленно, это было мучительно, но все же так я мог покинуть тюрьму собственного тела. Нину, читающему мои ответы на вопросы Бадшанти, я мог сообщить все что угодно.

В чем проявлялась ненависть моего брата? Позвольте мне перенести вас в тогдашний Кашмир. После трех засух подряд моя

мать поклялась никогда больше не проводить лето среди зноя, шума, смога и болезней Дели. Город был похож на собаку, валяющуюся на обочине: тяжело дышащую, дикую, грязную, готовую по любому поводу вонзить в тебя свои зубы, дожидающуюся сезона дождей. Мать последовала примеру британцев столетней давности и увезла нас в прохладу высокогорья. Кашмир! Зеленый Кашмир, голубое озеро, яркие лодки-дома и высоко над всем этим – крепостные валы гор. На них все еще лежал снег. Я помню, как изумленно хлопал глазами при виде озера Дал, пока шикара[123] мчала нас по тихой воде к отелю, выраставшему из воды, в точности как дворец в одной из сказок Бадшанти. Четверо моих друзей мотались на ветру, пока лодка петляла по озеру, направляясь к причалу, где ожидали носильщики в красных чалмах, чтобы доставить нас в прохладные летние апартаменты. Шив стоял на носу. Он хотел бросить им причальный канат.

Спокойная, ясная, горная прохлада Кашмира после многолюдья и духоты Дели! Я раскачивался, и подпрыгивал, и улыбался в своей кроватке, и радостно размахивал ручонками в сладостном воздухе. Все чувства возбудились, каждый нерв вибрировал. Вечером Тикка-Тикка споет, Бадшанти расскажет сказку, а Нин осыплет звездами мое лицо.

Мы решили отправиться в путешествие по озеру на лодке. И все уже приготовились к отплытию, с едой и напитками. Все произошло в одно мгновение – я по-прежнему вижу это – так незаметно, что выглядело будто несчастный случай. Но это было не так. Все было преднамеренно и тщательно спланировано.

– Где мой мишка Гунди? Я потерял мишку Гунди! – закричал Шив, когда отец уже готов был сесть в лодку. – Мне нужен мишка Гунди. – Он метнулся было по причалу к берегу.

Отец пихнул его обратно.

– Э, нет, ты не пойдешь, в таком случае мы никогда никуда не доберемся. Оставайся здесь, и чтоб ни с места. Так, где ты в последний раз видел его?

Шив с простодушной забывчивостью пожал плечами.

– Послушай, я пойду с тобой, ты никогда ничего не найдешь с твоей манерой ломиться напролом. – Матушка испустила глубокий раздраженный вздох. – Шив, оставайся здесь, ты слышишь? Ничего не трогай. Мы через минуту вернемся.

Я ощутил более глубокую тень в мягкой тени навеса. Передо мной стоял Шив. Даже если бы захотел, я не смог бы забыть выражение его лица. Брат пробежал по сходне, отвязал швартов и дал ему упасть в воду. Он помахал рукой – «пока-пока», – а ветер уперся в изгибы крашеного хлопка и повлек прочь от берега.

Хрупкую маленькую шикару вынесло из-под прикрытия Гостиничного острова на поднимавшуюся зыбь. Ветер подхватил ее и развернул. Лодка закружилась. Я заплакал.

Нин увидел, что выражение моего лица изменилось. Тикка-Тикка пробудился внутри маленькой пластиковой бабочки, подвешенной родителями к коньковому брусу из бамбука.

Озеро глубокое, в небе облака,
Отдохни, мой маленький, подремли пока. Ветерок все дует, солнышко сияет,
Маленький наш Вишну
Крепко засыпает,

– запел он.

– Привет, Вишну, – сказала Бадшанти. – Хочешь послушать сказку?

Два моргания.

– О, не хочешь сказку? Ладно, тогда спи так. Спокойной ночи, Вишну.

Два моргания.

– Ты не хочешь сказку, но спать тоже не хочешь?

Одно моргание.

– Ладно, тогда давай поиграем.

Два моргания. Бадшанти колебалась так долго, что я уже думал, она зависла. Это был довольно примитивный ИИ.

– Не игра, не сказка, не сон?

Я моргнул. Она не придумала ничего иного, как спросить:

– Хорошо, но чего же ты хочешь?

Теперь Тикка-Тикка запел странную песню, которой я никогда прежде не слышал:

Ветер и волны,
Шторм начинается,
Господу Вишну
Беду он несет.
Да.

Шикара находилась далеко от берега, боком к ветру, и плясала на волнах. Порыв ветра мог перевернуть ее и отправить меня на дно озера Дал. Может, я и был героем собственного комикса, но доктор Рао не потрудился снабдить меня генами для дыхания под водой.

– Мы на лодке, уплывающей далеко-далеко? – спросила

Бадшанти.

Да.

– Ты на воде?

Да.

– Мы тут сами по себе?

Да.

– Вишну доволен?

Нет.

– Вишну испуган?

Да.

– Вишну в безопасности?

Два моргания. Бадшанти снова умолкла. Потом она принялась кричать:

– На помощь! Маленький господин Вишну в опасности! На помощь! – Голосок был тоненький, металлический, его никто не услышал бы на сколько-нибудь заметном расстоянии над взбаламученным ветром озером, но один из безмолвных ИИ, возможно, глупый Пули, должно быть, отправил сигнал тревоги через радио, блютус и GPS, потому что рыбачья длиннохвостая лодка вдруг изменила курс, взревела мотором и понеслась ко мне, поднимая волну брызг.

– Спасибо, спасибо вам, господа спасители, – лепетала Бадшанти, когда два рыбака крепкими руками притянули мою шикару к своей и, к изумлению, увидели дитя, лежащее на подушках и улыбающееся им.

КАРТА В ЧЕРЕПЕ

На протяжении всей моей долгой жизни мне суждено было быть связанным с водой. Моих родителей принес поток, мои ИИ спасли меня из дрейфующей лодки. Даже теперь я прокладываю свой путь вниз по иссохшему воспоминанию о Ганге, вытекавшем из волос Шивы. Именно вода сделала меня супергероем Авадха, хотя и совсем другого рода, нежели тот «брат Авадха» со страниц наивного комикса, что прыгал по небоскребам и отказывался расти.

Разумеется, разразился бесконечный скандал, когда Шив, пяти с половиной лет от роду, надумал бросить меня на произвол судьбы в открытой лодке. Он не пытался отрицать это. Он стоически выдержал все. Худшим из всего была вербальная психотерапия отца. Я почти сочувствовал брате По крайней мере, мать была зла, ослепительно, испепеляюще зла. Она не пыталась спрятать это под обертками типа «как это тебе в голову пришло», и «я представляю, что ты сейчас чувствуешь», и «давай попробуем поговорить об этом как мужчина с мужчиной». Это не закончилось, когда пришел наконец сезон муссонов, запоздалых и скудных, и мы возвратились в Дели, лоснящийся и скользкий от дождя, где чудесный, богатый аромат мокрой пыли разливался в воздухе не хуже любого фимиама. Спустя четыре дня все закончилось, и Дели перепугался. Вот почему моим родителям удалось скрыть эту историю от газет. ПЯТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ПЕРЕСОХШИХ ГЛОТОК – заголовок поважнее, чем ПЯТИЛЕТНИЙ ПЫТАЕТСЯ УТОПИТЬ БРАТА-БРАХМАНА. Безусловно.

Разумеется, последовала консультация, длительная и дорогостоящая, а в результате детский психолог объявил лишь: «Возможно, это самый тяжелый случай соперничества между братьями, какой я только видел. У вашего сына колоссальное чувство своего права, и он сильно возмущен тем, что воспринимает как потерю статуса и родительской любви. Он вовсе не раскаивается и, боюсь, может предпринять вторую попытку причинить зло Вишну». Мои родители выслушали это и приняли решение. Мы с Шивом не можем жить вместе, значит, мы должны жить врозь. Отец снял жилье на другом краю города. Шив уехал с ним.

Я остался с матерью, и не только. Перед разлукой толстяк Тушар напоследок занялся любовью со своей женой: никакого планирования, отбора по полу или генетического регулирования. Так родилась Сарасвати, последняя из трех богов, моя сестра.

Мы росли вместе. Мы бок о бок лежали в своих кроватках,

разглядывая не свои стимулирующие и развивающие игрушки, а друг друга. В счастливый период времени она росла параллельно со мной. Мы вместе учились ходить, и говорить, и пользоваться горшком. Когда мы оставались одни, я лепетал ей слова, которые знал, слова, что так долго громоздились и дребезжали у меня в голове, а теперь обрели свободу, словно кто-то разом отворил дверь из темного, загаженного голубями чердака на крыши Дели. Мы были близки, как близнецы. Потом, неделя за неделей, месяц за месяцем, Сарасвати переросла меня. Крупнее, лучше координированная, более физически развитая, ее язык никогда не запинался на немногочисленных и простых словах, в то время как поэмы и веды во мне трепыхались, невысказанные вслух. Она выросла и из близнеца превратилась в старшую сестру. Она была сюрпризом, очарованием, ребенком, свободным от ожиданий, и, следовательно, никого не могла разочаровать. Я любил ее. Она любила меня. В те негромкие вечера, заполненные закатами и прохладой кондиционированного воздуха, мы обрели общий язык и взаимопонимание, рожденные в совместных играх, куда так и не смогли проникнуть ни наши разнообразные и презираемые ИИ, ни даже мать.

На другом краю города, в собственной стеклянной башне, доверху заполненной потрясающими закатами великого Дели, порождением загрязнения окружающей среды, отдельно от нас рос Шив. Ему было шесть с половиной, он принадлежал к верхушке своего класса и был создан для величия. Откуда я это знаю? Раз в неделю отец приходил повидать другого своего сына и дочь и урвать вечерок со своей любимой. Я давно заменил Тикку-Тикку, Пули, Нина и Бадшанти на более мощных (и неброских) ИИ, которых, как выяснилось, едва язык мой сумел обрести слова, я мог перепрограммировать для собственных нужд. Я рассылал их по всему дому, будто джиннов. Невозможно было ни обронить слово, ни обменяться взглядами, чтобы я не узнал об этом. Порой мимолетные взгляды переходили в страстные, и шепот стихал, и родители мои занимались любовью. Это я тоже видел. Я не считал это чем-то особо неправильным или оскорбительным, я прекрасно понимал, что они делают, но, хотя их это делало очень счастливыми, не похоже было, что мне когда-нибудь тоже этого захочется.

Теперь, глядя назад с высоты своих лет и потерь, я вижу, что те дни с Сарасвати, наполненные детским лепетом, были золотой порой, нашей Сатья-югой[124] невинности и правды. Мы вместе ковыляли навстречу солнечному свету и радовались каждому падению, и столкновению, и улыбке. Наш мир был ярок и исполнен очаровательных сюрпризов для Сарасвати и радости от

ее очевидного восторга для меня. Потом школа разлучила нас. Что за ужасная, ненужная вещь эта школа! Мне чудится в этом месть родителей, завидующих праздному детству. Разумеется, школа для маленького господина Вишну не могла быть обычной. Колледж для брахманов доктора Ренганатана, академия для элиты из элит.

Глубокое и индивидуальное обучение. Моих сверстников было восемь, и этого оказалось вполне достаточно для разделения. Не все брахманы в колледже доктора Ренганатана были равны. Будучи ровесниками, мы, однако, поделились, вполне естественно, как делятся клетки, на старых брахманов и молодых брахманов. Или, если вам угодно, больших брахманов и маленьких брахманов. Те, что развивались вдвое медленнее, но должны были жить в два раза дольше, и те, что будут наслаждаться всеми преимуществами, которые дают здоровье, и ум, и красота, и привилегированность, но доживут лишь до того возраста, до которого медицинские технологии той эпохи смогут поддерживать их. Намеки на смертность в младшем классе мисс Мукудан.

Ах, мисс Мукудан! Ваши золотые браслеты и улыбающиеся глаза Клеопатры, ваша кожа, темная и мягкая, как южная ночь, ваши вечные небольшие усики и запах камфары, когда вы склонялись надо мной, чтобы помочь моим неумелым пальцам справиться с застежками-липучками на моих туфлях. Вы были моей первой смутной любовью. Недифференцированным объектом любви всех нас. Мы любили вас за вашу величественную отстраненность, за твердость, и едва обозначенную раздражительность, и за восхитительное осознание, что для вас мы – всего лишь очередные дети, которых следует превратить из слепых и эгоистичных маленьких варваров в цивилизованных юных человеческих существ. Мы любили вас, потому что вы никогда не были объектом для битья для наших кутающих нас в вату родителей. Вы никому не позволяли оскорблять себя.

Тридцать один ученик – это было чересчур даже для грозной мисс Мукудан. В четырехлетием возрасте наши искусственно сконструированные мозги влекли нас на странные и особые пути, к странным взглядам на мир, квазиаутистическим идеям, пугающим научным озарениям либо совершенно очевидной непостижимости. Каждому из нас выдали персонального наставника, чтобы сопровождать нас днем и ночью. Моего звали мистер Хан, и он жил у меня в ухе. Возникла новая технология, чтобы спасти нас. Это было последнее слово в области коммуникаций, всегда представлявшейся мне самой преходящей

и тривиальной из технологий. Вам больше не нужно было быть прикованным к экрану, или картинкам у вас на ладони, или к устройствам, пишущим на вашем глазном яблоке столь же нежно, сколь факир на базаре выписывает имена туристов на рисовом зернышке. Простой пластиковый крючок за ухом направляет луч киберпространства внутрь вашей головы. Прямая электромагнитная стимуляция зрительного, слухового и обонятельного центров теперь заполнила мир призрачными сообщениями и сводками данных, клипами из «Города и деревни», видеописьмами, целыми параллельными мирами и аватарами и, с неизбежностью, спамом и хламом. А меня – моим модифицированным наставником-ИИ, мистером Ханом.

Как я его ненавидел! В нем было все, чего не было в мисс Мукудан: вспыльчивость, высокомерие, грубость и упрямство. Маленький, похожий на осу мусульманин, тонкий, словно проволока, с белыми усами и шапочкой, как у Неру. Я в отчаянии срывал с себя этого «правителя», и когда бы я ни надел его снова, после проповедей мисс Мукудан – мы сделали бы для нее все что угодно, – он продолжал свои разглагольствования с того самого слова, на котором я заткнул его.

– Смотри и слушай, ты, надутый, избалованный, не по заслугам пользующийся привилегией называться брахманом сопляк, – мог сказать он. – Вот глаза, вот уши, пользуйся ими и учись. Это мир, и ты живешь в нем, и ты его частица и ничего больше. Если я смогу научить тебя этому, значит, я научил тебя всему, что тебе нужно знать.

Это был суровый моралист, очень правильный и исповедующий ислам. Тогда я иначе взглянул на мисс Мукудан, гадая, что же такое она заметила, что приставила мистера Хана именно ко мне. Он был запрограммирован конкретно на Вишну. Как он был устроен? Появился ли на свет уже готовым, или же у него была история, и что он думал об этом прошлом? Полагал ли, что это ложь, но бесценная; был ли подобен ИИ из «Города и деревни», обманывавшим себя, верящим, что он существует отдельно от своего персонажа? Если он прикидывался интеллектуалом, означало ли это, что он был им? Является ли интеллектуальность единственным, что нельзя подделать? Подобные мысли чрезвычайно занимали странного маленького восьмилетку, столкнувшегося вдруг с иными странными гражданами этого тесного мира. Какова природа ИИ, этих повсеместных и в большинстве своем невидимых обитателей великого Дели? Я становился прямо-таки юным философом.

– Что для вас значит «правильно»? – спросил я однажды Хана, когда мы ехали в «Лексусе» по Дели, плавившемуся от зноя в

густую черную жижу. Был Ашура[125]. Мистер Хан рассказывал мне про ужасную битву при Кербеле и войне между сынами Пророка (мир ему). Я видел монотонно и скорбно причитающих мужчин, влекущих искусной работы катафалки, секущих себя плетьми, раздирая спины в кровь, бьющих себя кулаками в лоб и грудь. Мир, начинал я понимать, куда более странен, чем я.

– Какая разница, что правильно для меня, дерзкий мальчишка! Это ты у нас наделен привилегиями бога, тебе и нужно думать о том, чтобы поступать правильно, – провозгласил мистер Хан. Моему зрению он виделся восседающим рядом со мной на черном сиденье «Лексуса», чопорно сложив руки на коленях.

– Серьезный вопрос. – Наш водитель нажал на гудок, проезжая мимо строгой процессии. – Как может правильный поступок что-либо значить для вас, когда все, что вы делаете, может быть аннулировано, и все, что вы аннулируете, может быть сделано снова? Вы – звенья в цепи знаков, зачем вам мораль? – Лишь теперь я начал понимать природу ИИ, начиная с загадки Тикка-Тикка, Пули, Бадшанти и Нина, обитающих все вместе и имеющих общий код внутри моей пластиковой звездочки. – Не похоже, что вы можете кому-нибудь навредить.

– Значит, поступать правильно – это воздерживаться от причинения боли, так?

– Я считаю, что правильный поступок начинается с этого.

– Те мужчины причиняют боль самим себе, чтобы выразить свое горе от неправильного поступка; пусть даже и поступка их духовных предков. Делая это, они верят, что сами становятся более добродетельными. Возьмем хотя бы пресловутых индийских садху[126], которые терпят самые ужасающие лишения, чтобы достичь духовной безупречности.

– Духовная безупречность – не обязательно нравственность, – возразил я, подхватывая нить рассуждений мистера Хана. – Они сделали этот выбор ради самих себя. И совсем иное, если они решат сделать это ради других.

– Даже если это означает, что эти другие могут стать лучше, чем они?

– Это им решать.

Мы промчались мимо задрапированной зеленым имитации гроба мученика.

– Какова тогда природа наших взаимоотношений с тобой? А твоих матери и отца?

Моя матушка, мой папа-джи. Два года спустя после этого разговора, почти день в день, как подсказывает моя безупречная память, когда я был девятилетним мальчуганом в теле

четырехлетнего, а Сарасвати – гибкой как кошка энергичной семилеткой, мать и отец развелись, очень спокойно, очень мирно. Они обрушили на нас эту новость, сидя на разных концах большого дивана в гостиной, и делийский смог мерцал под полуденным солнцем, будто шафрановое покрывало. По комнате порхал весь набор ИИ, обеспечивая поддержку на случай слез, или вспышек гнева, или чего-нибудь еще, с чем родителям будет не справиться. Я помню, как краешком чувств заподозрил присутствие мистера Хана. Для мусульман развод – дело простое. Три слова, и готово.

– Мы должны вам кое-что сказать, мои дорогие, – начала матушка. – Я и ваш папа. Уже некоторое время между нами дела идут не очень хорошо, и вот мы решили, что будет лучше для всех, если мы разведемся.

– Но это не значит, что я перестану быть вашим папой, – быстро вставил толстяк Тушар. – Ничего не изменится, вы даже не заметите. Вы по-прежнему будете жить здесь, Шив останется со мной.

Шив. Я не забыл его – не мог забыть, – но он ускользнул у меня из виду. Он был дальше, чем кузен, я думал о нем реже, чем о тех далеких детях кузенов моих родителей, которых вообще никогда не считал за родню. Я не знал, как у него дела в школе, кто его друзья, каким спортом он занимается. Меня не волновало, как он живет, как стремится за своими мечтами в этом великом круговороте жизней и событий. Он ушел от меня.

Мы храбро кивнули и подрожали губами, изображая правильную степень сдерживаемых эмоций, и советники-ИИ попрятались обратно в свои кластерные коды. Гораздо позже, в комнате, где мы обитали вдвоем, будучи еще младенцами, и которая служила теперь убежищем нам обоим, Сарасвати спросила меня:

– Что теперь с нами будет?

– Не думаю, что мы вообще что-нибудь заметим, – сказал я. – Я так даже рад, что они могут перестать заниматься этим мерзким, отвратительным сексом.

Ах! Четыре маленькие буквы. Секс-секс-секс, джаггернаут[127], нависающий над нашим детством. Детский страх перед наготой – вдвойне волнующий в нашем благопристойном обществе – притупился и превратился в нечто не вполне понятное. О, я знал, что как называется и где находится, поскольку, конечно же, мы с Сарасвати играли в доктора в нашем логове: она задирала свою маечку и стягивала трусики, а я выслушивал, осматривал и осторожно трогал. Мы знали, что эти взрослые штучки не для взрослых глаз. Матушка пришла бы в ужас и созвала целые

полчища электронных консультантов, узнай она про наши игры, но я задолго до этого склонил ИИ к лжесвидетельству. Загляни мама-джи в контрольный монитор, и увидела бы, как мы смотрим по сети мультфильмы – компьютерная графика, мой личный маленький «Город и деревня», идущий специально для нее. Детские сексуальные игры; в них играют все. Прыгая в бассейне, подставляясь воздушным струям в спа-салоне на крыше, предполагая *нечто* в завихрениях искусственных волн вокруг наших интимных мест, когда Дели задыхался в охристой пыли-смоге после неудачного сезона дождей. И когда мы играли в лошадки и Сарасвати скакала на мне верхом, будто рани-воительница Лакшми-баи[128], в давлении ее бедер было нечто иное, кроме простого стремления удержаться, пока я галопировал по коврам. Я знал, что это такое, я был совсем сбит с толку неспособностью моего тела реагировать так, как должно реагировать тело двенадцатилетнего. Моя похоть, возможно, и соответствовала возрасту двенадцати лет, но телу-то было шесть. Даже чистота и невинность мисс Мукудан утратили свой ореол, едва я начал замечать, как шевелятся ее груди, когда она склоняется ко мне, или видеть очертания ее зада – скромно укутанного в сари, но никакая маскировка не спасала от здорового любопытства мальчиков-брахманов, когда она поворачивалась к гибкой электронной доске.

– А теперь, – заявил однажды мистер Хан с черного сиденья «Лексуса», – что касается онанизма…

Это было ужасное открытие. К моменту, когда половая зрелость обрушится на меня, подобно молоту, мне будет двадцать четыре. Мне оставались ярость и ангельское бессилие.

И вот миновали пять нестерпимых лет, и мы едем в быстром немецком автомобиле. Я за рулем. Средства управления специально модифицированы, чтобы я мог дотянуться до педалей, переключение передач стандартное. Если я обойду вас на Сири Ринг в яростной дорожной гонке, вы удивитесь, что за ребенок ведет этот «Мерседес». Я так не думаю. Я совершеннолетний. Экзамен я сдал без всяких взяток и протекций; во всяком случае, насколько мне это известно. Я достаточно взрослый, чтобы водить машину, жениться и курить. И я курю. Мы все курим: и я, и мои одноклассники, маленькие брахманы. Мы дымим, как выхлопные трубы, это никак не может навредить нам, хотя все мы носим противосмоговые маски. Сезон дождей не оправдал ожиданий, в четвертый раз за семь лет; целые районы северной Индии обращаются в пыль и летают по забитым гидроводородами улицам, проникая в наши легкие. Возводится дамба на Ганге, в Кунда Кхадаре, на границе с нашим

восточным соседом Бхаратом. Обещают, что это утолит нашу жажду на целое поколение вперед, но ледники в Гималаях растаяли до камней, и Мать Ганга голодает и хиреет. Фанатики высыпали из храма Шивы посреди Парламент-стрит и протестуют против оскорбления, наносимого священной реке, с войлочными транспарантами и трезубцами. Мы огибаем их, улюлюкающих и машущих руками, и едем вверх по Сансад-Марг к Виджай Чоук. Комиксы, изображавшие нас новыми супергероями Авадха, давным-давно потихоньку выброшены. Теперь мы все чаще видим о себе в прессе нечто вроде МАЛОЛЕТНЯЯ ШПАНА ТЕРРОРИЗИРУЕТ ТИЛАК НАГАР или ДИТЯ-БРАХМАН – БАДМАШ[129].

Нас четверо: Пурршья, Шайман, Ашурбанипал и я. Мы все из колледжа – всё того же колледжа для брахманов! – но, когда мы за его пределами, у нас у всех есть свои имена, имена, которые мы придумали для себя, странные и непривычные, как наши ДНК. Вид у нас тоже странный и непривычный; наш стиль наскоро собран из разных источников, далеких друг от друга и шокирующих: прически от ска-панка, китайские банты и ленты, французская уличная спортивная мода и племенная раскраска нашего собственного изобретения. Мы – наиболее жутко выглядящие восьмилетки в мире. К этому времени Сарасвати уже веселая, изящная пятнадцатилетняя девушка. Наша близость рассеялась; у нее есть свой круг, и друзья, и дела сердечные, представляющиеся ей столь важными. Шив, как я слышал, на первом курсе делийского Университета Авадха. Он выиграл стипендию. Лучшие показатели в школе. Он пошел по стопам отца, в информатику. Я – я с ревом ношусь по проспектам Дели, заточенный в детское тело.

Мы мчимся мимо распростертых крыльев Раштрапати Бхавана. Красный камень кажется в янтарном сумраке непрочным, как песок.

– Твой дом, смотри, Виш! – кричит Пурршья сквозь маску. Всем прекрасно известно, что у матери насчет меня есть План. А почему бы и нет? Ведь все остальное во мне спланировано. Хорошее легальное занятие, солидная практика, безопасное местечко в парламенте и ровное, планомерное восхождение к вершинам какой-нибудь политической партии, предоставившей лучшие возможности для удовлетворения амбиций. Предполагается, что однажды я возглавлю страну. Я создан, чтобы править. Я вжимаю педаль в пол, и огромный «мерс» рвется вперед. Транспорт разлетается в стороны, будто сома от моего божественного двойника. ИИ-автопилоты сделали их нервными, как голуби.

Выворачиваем на Сири Ринг: восемь рядов задних габаритных фонарей в каждую сторону, никогда не стихающий рев моторов. Автомобиль легко вливается в поток. Несмотря на ограждения и предупреждающие знаки, полиция ежедневно оттаскивает по два десятка тел на обочину. Кольцо не подчиняется старым индийским правилам дорожного движения. Здесь бегают люди: менеджеры хеджевых фондов, и датараджи[130], и самовлюбленные медиамоголы; носятся вокруг сдвоенных палат в сердце Дели. Я включаю автопилот. Я здесь не для гонок. Я здесь ради секса. Я откидываю назад спинку водительского кресла, переворачиваюсь, и Ашурбанипал уже подо мной. Ее волосы заправлены за ухо, чтобы виден был пластиковый завиток крючка. Это часть образа.

Я щелкаю пальцами правой руки по ладони, чтобы активировать программу в перчатке. Я держу эту руку на весу в нескольких сантиметрах от ее раскрашенного, флуоресцирующего живота. Я не касаюсь его. Мы никогда не касаемся. Таково правило. У секса есть правила. Я шевелю рукой над Ашурбанипал, жесты мои нежны и точны, как мудры[131] классического танцовщика. Никаких прикосновений, никогда, не касаться даже пальцем. Дело не в физических прикосновениях. Это наше личное дело. Но внутри ее головы я прикасаюсь к ней, и это интимнее любых скольжений, толчков и трения *органов*. Крючок направляет сигналы сквозь кость, стимулируя те части мозга, которые соответствуют моей медленной каллиграфии. Я вырисовываю свою подпись по ее телу. А она в ответ рисует карту *меня* внутри моего черепа. Каково это ощущение? Должно быть, так чувствует себя кот, которого поглаживают. Выдра, ныряющая, кувыркающаяся, демонстрирующая свою подводную акробатику. Огонь, когда ветер подхватывает его и швыряет вверх по лесистому склону. А если без поэзии – как будто тебе хочется одновременно отпрянуть и растечься. Как будто должен двигаться куда-то и не можешь объяснить куда, а тело не может исполнить. Словно есть нечто у тебя во рту, и оно растет с каждой секундой, но никогда не меняет своего размера, словно дерьмо радостно и весело лезет обратно по кишечнику. Словно мне нужно, нужно, нужно выплеснуть из себя что-то, только не мочу, а нечто, чего мое тело еще не знает. Словно я хочу, чтобы это окончилось и никогда не кончалось. Это длится долго-долго, и лишь жуткие всхлипывания слетают с наших восьмилетних губ, пока ИИ везут нас сквозь рычащее кольцо машин по Сири Ринг. Мы тинейджеры, и мы занимаемся любовью в автомобиле.

Потом оргазм. О да, оргазм. Будто нежный фейерверк, или смешок при быстром спуске с верхушки колеса обозрения, или то,

что испытываешь в одну из ночей, когда воздух прозрачен, и из бассейна на крыше видны бесчисленные огни Дели, и ты чувствуешь свою связь с каждым огоньком. Будто огненный джинн. Экстаз, и вина, и грязь, словно выкрикнул непристойность в утонченном обществе. Мои соски очень-очень чувствительны.

Потом я начинаю с Пурршьей. А потом с Шайман. Как я уже сказал, это наше личное дело. Уже давно стемнело ко времени, когда мы снова подняли спинки сидений, оправили одежду, заново намазали гелем для укладки волосы и я отключил автопилот и повез нас прочь с Кольца, по наклонному съезду с магистрали, к клубу. Это немного чудное местечко – ньюты любят его, а там, где рады ньютам, нам обычно не рады, – но эта дверь нас знает – знает наши деньги, – и здесь всегда толкутся папарацци. Сегодняшний вечер – не исключение: мы позируем, и веселимся, и прихорашиваемся перед камерами. Я уже могу сочинять заголовки для светской хроники. ГЕННО-МОДИФИЦПРОВАННЫЕ ФРИКИ НА ОРГИИ В КОКТЕЙЛЬНОМ КЛУБЕ. Вот разве что мы не пьем. До этого мы еще не доросли.

Когда мы возвращаемся, всегда уже очень поздно. Лишь дворецкий да ИИ дожидаются нас, мягко напоминая, что завтра учебный день. Неужели они не понимают, что эти ночи – самое лучшее? Сегодня свет горит в большой гостиной. Он виден еще с парковки. Моя мать ждет меня. Она не одна. С ней мужчина и женщина, денежные люди, это сразу видно по их обуви, ногтям, зубам, покрою одежды и стайке помощников-ИИ, кружащих над ними; все это я в состоянии оценить с одного взгляда.

– Вишну, это Нафиза и Динеш Мисра.

Я совершаю намасте[132], демонстрируя столкновение кросс-культурных условностей.

– Они намерены стать твоими тестем и тещей.

МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СУПРУГА

Мои кошки могут делать и другие трюки; я чувствую, вам уже поднадоела их беготня по кругу. Кошки! Кошки! Смотрите, один хлопок в ладоши, и они рассаживаются по своим маленьким скамеечкам: Матсья и Курма, Вараха и Нарасимха, Вамана, Парашурама, Рама, и Кришна, и Будда, и Калки. Славные коты. Умные коты. Рама, прекрати вылизываться. Ха! Одно мое слово, и они делают то, что нужно. Теперь взгляните, прошу вас, на этот обруч, просто обычная бумага. Да? Да. И эти точно такие же, да? Да.

Я расставляю котов по кругу. Полосатый Парашурама жмурится, это придает ему очень, очень довольный вид.

Кстати, я должен поблагодарить вас за то, что вы пришли посмотреть «Изумительный, Волшебный, Великолепный Кошачий цирк Вишну». Да, это официальное название. Оно на свидетельствах о регистрации. Да, и я плачу все положенные налоги. Заведение небольшое, но, во всяком случае, действующее. У вас солнечные? Не совсем разряженные? Очень предусмотрительно с вашей стороны. Итак, смотрите! Вараха, Вамана, Будда и Калки!

Они стекают со своих раскрашенных табуреток, будто вода, и бегут по арене легкой, по-кошачьи ленивой трусцой. Я понял, что в кошачьем цирке главное – убедить их, что они это делают для себя.

И вот! Я хлопаю в ладоши, и мои коты одновременно прыгают сквозь бумажные обручи. Аплодисменты, пожалуйста, но не мне: Варахе, Вамане, Будде и Калки. Теперь они бегут по кругу, прыгая сквозь обручи. Что это было? Какой смысл заложен в каждый трюк? Что вы имеете в виду? Духовную сущность кошек, участвующих в представлении? Никогда об этом не задумывался. Я не считаю кошек особо духовными; как раз наоборот, это одни из самых приземленных и практичных существ на свете, хотя пророк Мохаммед, говорят, был большим любителем кошек и, как известно, даже отрезал рукав своего одеяния, чтобы не потревожить уснувшую кошку.

Итак, вернемся к рассказу. На чем я остановился? Разве вы не знаете, что это ужасно невоспитанно – перебивать рассказчика? Вы пришли сюда, чтобы увидеть кошачий цирк, а не любоваться на какого-то старого болтуна, плетущего небылицы? Вы же видели, как кошки прыгают сквозь бумажные обручи, чего вы еще хотите? Куда я направляюсь? Ну хорошо, в Варанаси. Нет. В Варанаси отправляются не только бодхисофты. Давайте

договоримся. У меня заготовлено еще много трюков для этой маленькой арены на песке, но, чтобы увидеть их, вам придется выслушать мою историю, и помните, энергия, может, у вас и есть, а вот трансляторы не работают. Сегодня вечером на ваших экранах пусто. Но дальше вам понравится. Это свадебная сцена. Что же за история без свадьбы?

Меня несли слоны. Говоря это, я не имею в виду, что слоны мне надоели, что я нахожу этих толстокожих скучными, как будто вел с ними какие-то особые личные беседы и знаю все их причуды и шутки[133]. Разве Ганеша[134] не самый любимый бог во всем нашем экстравагантном пантеоне? Я просто хочу сказать, что ехал на слонах; в паланкине, похожем на маленький позолоченный храм, по улицам Дели. Пять слонов с погонщиками; один для моего школьного друга Суреша Хиры, один для Вин Джохара, один для Сиамана, один – мой личный плевок в лицо традициям – для Сарасвати и один для меня, Вишну Наримана Раджа, капризного жениха. Вечный, чудовищный делийский дорожный поток расступался перед полчищем музыкантов, барабанщиков, танцоров, просто гуляк, словно вода. Люди останавливались и глазели, женщины бросали рис, ИИ указывали на меня их сосущим пальцы внукам: «Вон, вон он, господин Вишну едет на свою свадьбу». Глянцевые журналы были забиты одним: первой династической женитьбой брахмана. Еще одно нарушение мною традиций: большую часть церемонии я профинансировал сам, благоразумно продав через аукцион право на фотосъемку журналу «Всячина». Смотрите, вот он я, в белом шервани[135] и складчатых штанах по щиколотку, в самом лучшем стиле, на лице традиционная гирлянда из цветов, в одной руке сжимаю меч (нелепая затея Сриима, самого востребованного постановщика свадеб в Дели: кто смог бы орудовать мечом с широкой слоновьей спины?), другая ухватилась за позолоченный верх раскачивающегося балдахина так, что побелели костяшки пальцев. Я говорил, что ехать на слоне все равно что плыть на лодке по бурной воде? То существо, которое вы едва видите из-под струящегося каскада ноготков, выглядит напуганным? А вы ожидали кого-нибудь постарше?

Всю зиму шли долгие и деликатные переговоры. Стаи доверенных ИИ кружили, периодически сталкиваясь, над моими родителями, воссоединившимися на время, когда они принимали семью Мисра во время обряда помолвки. Мы с Лакшми сидели вежливые, тихие, чинно сложив руки на коленях, на кремовом кожаном диване, пока многочисленные родственники подходили, поздравляли и благословляли нас. Мы улыбались. Мы кивали. Мы не разговаривали, ни с гостями, ни между собой. За годы,

проведенные в колледже для брахманов доктора Ренганатана, мы уже сказали друг другу все, что нужно. Мы сидели, словно давно женатая пара на станции метро. Наконец орды противоборствующих доверенных ИИ удалились, проект брачного контракта был подготовлен, приданое оговорено. Это была блестящая партия: собственность и сосуд с влагой, самой квинтэссенцией жизни. Разумеется, цена была высока: мы же брахманы. В той же мере это относилось к плоти от плоти нашей, к плодам чресл наших. Если говорить об опциях, отмеченных в листках меню доктора Рао, подозреваю, что родители Лакшми отмечали их наугад. Я знаю, что мои поступили именно так. Но это, наверное, было самым важным изменением из всех, учиненных над нами нанотехниками доктора Рао. Наши генетические линии были модифицированы. Особенности, вживленные в нас, наследовались. Наши дети и их дети, все наши будущие Нариман-Мисра, выходящие в будущее, будут брахманами благодаря не микрохирургии доктора Рао, а нашим сперматозоидам и яйцеклеткам.

Дети, потомки, кровная линия, династия. Таково было наше общее приданое, оговоренное в контракте. По рукам! Ликуй, великий Дели!

ИИ, ответственные за джанампатри[136], поведали о самом благоприятном расположении звезд, пандит[137] совершил обряд подношения даров Ганеше, и породнившиеся дома Нариманов и Мисра наняли «Болтушек», самую большую и шумную в Дели девичью группу, петь и сверкать ляжками для двух тысяч представителей высшего света на празднике нашего священного слияния. Мы с Лакшми пели со сцены дуэтом. Мини-брючки и топики поп-певичек, казалось, смущали ее, когда она танцевала и прыгала в окружении высоких каблуков. Очень маленькая, очень-очень юная для замужества. Я никогда не отличался особыми певческими талантами. Мама и папа не потрудились поставить крестик в этой графе. Я отплясывал в тесной компании своих одноклассников. Хотя мне оставалось еще два года учиться в колледже доктора Ренганатана под опекой невидимого мистера Хана, наш круг распался. Я стал их будущим, неотвратимо грозящим всем.

У Ворот Индии Сарасвати велела погонщику остановиться, соскользнула со спины своего слона и побежала, приплясывая, с толпой моих гостей. Я нарушил традицию, пригласив ее, она в свою очередь нарушила ее, одевшись по-мужски, в шервани и штаны, и нацепив огромные, нелепые усы, как у раджпута[138]. Я видел, как она прыгает и кружится, сияющая и веселая, среди танцоров и барабанщиков, как танцует, смеясь, со Сриимом,

похожим на обезьяну, и чувствовал, как слезы наворачиваются мне на глаза за цветочной завесой. Она была так великолепна, так прелестна, так гибка и так свободна: от нее никто ничего не ждал.

В Лоди Гардене[139] зевак было в *пять раз больше. Полицейские оттесняли их* при помощи сомкнутых палок. Они видели Риши Джайтли, и Ананда Арора, и – ох, не Эша ли это Рашор, знаменитый танцовщик, а кто этот маленький мужчина с такой молодой женой; разве вы не знаете, это же Нарайан Миттал из «Миттал Индастриз». Меньше всего их интересовал мнимый ребенок, примостившийся в вышине на спине разрисованного свадебного слона. Рев труб и грохот барабанов приветствовали нас. Потом интерактивные экраны, развешанные всюду, ожили и наполнились персонажами, и – невиданное чудо компьютерной графики – герои «Города и деревни» принялись танцевать и петь нам свадебную песнь, специально написанную легендарным кинокомпозитором Эй Эйч Хусаином. Они же ИИ: петь и танцевать очень легко для них. Партия невесты выступила вперед приветствовать нас, и там, почти затерявшаяся среди шелков сари и гирлянд, была Лакшми.

Волна барабанного грома и завываний меди захлестнула нас и донесла до шатров, установленных посреди сочной травы, как во времена нашествия моголов. Мы пировали, мы танцевали, мы восседали на наших тронах, не доставая ногами до земли, и приветствовали гостей.

Я не видел его. Очередь была длинной, воздух в шатре – спертым, а сам я – раздувшимся и сонным после свадебного пира. Я не глядя, скучающе принял его руку. Я насторожился, лишь когда она задержалась в моей чуть дольше и сжала ее чуть крепче.

Шив.

– Брат.

Я кивнул.

– Как дела?

Он указал на свой костюм – дешевый материал, убогий покрой, фальшивые камни на запонках и в застежке на вороте. Недорогой свадебный наряд. Завтра он вернется туда, где был взят напрокат за гроши.

– Когда ты придешь на мою свадьбу, я оденусь поприличнее.

– Собираешься жениться?

– Как все.

Я принюхался. Это был запах не Шива – слишком дешевый и фенольный. Мои уникально настроенные органы чувств улавливали нюансы, которых другие даже не замечали. Шива, в

этом его взятом напрокат студенческом костюмчике и дешевых туфлях от «Бата», казалось, окружала некая аура, что-то таинственное, потрескивание информации, словно далекий летний гром. От него пахло ИИ. Я склонил голову набок: действительно ли я заметил мгновенно сместившийся отблеск? Не нужно было быть синестетом[140] или брахманом, чтобы заметить крючок, спрятанный у него за ухом.

– Спасибо, что пришел, – сказал я, зная, что он заметил неискренность.

– Я бы ни за что этого не пропустил.

– Надо будет встретиться, – предложил я, продолжая нагромождать ложь. – Когда мы с Лакшми вернемся в Дели. Так будет удобнее.

– Пожалуй, это маловероятно. Я собираюсь в Бхарат, как только закончу учебу. Меня приняли аспирантом в университет Варанаси. Наноинформатика. Дели – не лучшее место для работающих в области искусственного интеллекта. Американцы дышат Шриваставе в затылок, требуя ратифицировать Акт Гамильтона.

Я поглощал новости, все новости, любые новости, так же естественно и бездумно, как дышал. Я мог взглянуть на дюжину телеэкранов и сказать вам, что происходит на каждом из них, одновременно бросить взгляд на стол, заваленный газетами, и дословно воспроизвести любую статью; засыпая и просыпаясь, я часто оставлял новостные ленты включенными, направляя все события мира внутрь своей крохотной головы. Я прекрасно знал об организованном Соединенными Штатами международном движении за ограничение искусственного интеллекта посредством лицензирования. Причиной являлся страх; неясный тысячелетний христианский ужас перед тем, что творение наших собственных рук восстанет и сделается нашим богом. Искусственные интеллекты, в тысячи, в десятки тысяч, в бесконечное множество раз превосходящие наш человеческий интеллект, что бы это ни значило. Интеллект, если взглянуть на него сверху, все еще терра инкогнита. Тем не менее уже было создано специальное подразделение, полиция Кришны, занятое выслеживанием и уничтожением бродячих ИИ. Имя-то славное, да вот надежда тщетная. ИИ весьма отличны от нас – интеллекты, способные одновременно находиться во многих местах, существовать во множестве разных воплощений, перемещаться лишь путем копирования себя, не так, как я, таскающий свой улучшенный интеллект в кальциевой чаше собственного черепа. У них было очень хорошее оружие, но, полагаю, гложущий меня страх подсказывал: сегодня ИИ, завтра брахманы. Люди – очень

ревнивые боги.

Я понимал, что Авадх с неизбежностью подпишет акт в обмен на режим наибольшего благоприятствования со стороны США. Соседствующий Бхарат никогда на это не согласится, его медиаиндустрия, зависимая от искусственного интеллекта ради успеха «Города и деревни» от Джакарты до Дубая, представляла собой слишком влиятельное лобби. Первая в мире откровенная мылократия. И, предвидел я, первый в мире информационный рай в рамках национального государства. Складывая воедино сообщения, погребенные под новостями бизнеса, я уже видел картину того, как программистские центры и научно-исследовательские учреждения перемещаются в Варанаси. Так что Шив, честолюбивый, сам пробивающий себе дорогу к славе, тогда как я лишь повиновался повелениям своей ДНК, Шив, распространяющий вокруг себя запах ИИ, зачем тебе Бхарат? Будешь ли ты исследователем в области технологий, небесно-синих, как сам господь Кришна[141], или станешь королем информации, с оравой ИИ, притворяющихся, будто не могут пройти тест Тьюринга[142]?

– Не то чтобы мы с тобой были не разлей вода, – сказал я ханжески. Большую часть наших жизней нас разделяли двадцать миллионов человек, и все же гнев еще клокотал во мне. Что вызывало во мне столь сильную обиду? Я обладал всеми преимуществами, любовью, благословением, дарами, и все же он стоял в своем дешевом костюме, взятом напрокат, самодовольный и самоуверенный, а я был смешным маленьким господинчиком, мальчиком-мужем, болтающим ногами на позолоченном троне.

– И правда, не были, – поддакнул Шив. Даже в его словах, в его улыбке была аура, была сила; Шив-Превосходящий. Чем он занимается таким, что можно завершить лишь в Варанаси?

Очередь все не кончалась, матери переминались с ноги на ногу в своих неудобных свадебных туфлях. Шив склонил голову, наши взгляды на мгновение пересеклись. В его глазах плескалась чистейшая, неприкрытая ненависть. Потом он смешался с толпой гостей, прихватил бокал шампанского тут, тарелку с канапе там, странное, какое-то особое зло, словно чума во время свадьбы.

Сотрудники обслуживающей фирмы убрали посуду, факелы осветили вытоптанную траву Лоди Гарденс, и пандит связал нас друг с другом[143] в знак свершившегося бракосочетания. Под зарево фейерверков, полыхающих над мавзолеем Мохаммед-Шаха и куполом Бара Гумбад, мы уехали в аэропорт. Мы оставили позади бриллиантовые огни сверкающего Дели и полетели, куда позднее, чем следовало бы таким маленьким детям, сквозь ночь навстречу утру Частный вертолет поднял нас в небо и унес к

чайному дому среди прохладных и влажных зеленых холмов. Служащие аккуратно разобрали наш багаж, показали расположение комнат, затененную веранду с видом на потрясающие золотисто-пурпурные утренние Гималаи, спальню с одной огромной кроватью под пологом на четырех столбиках. Потом они испарились в шорохе шелка, и мы остались одни. Вишну и Лакшми, два бога.

– Здесь хорошо, правда?

– Отлично. Замечательно. Очень одухотворенно. Да.

– Мне нравятся комнаты. Люблю запах дерева, старого дерева.

– Да, славные. Очень старое дерево.

– Значит, это медовый месяц.

– Да.

– Предполагается, что мы…

– Да. Я знаю. А ты… ты не?..

– Стимуляторы? Нет, никогда.

– О. В общем, у меня в сумке есть кое-что, тебе тоже может пригодиться.

– А ты пробовал?

– Иногда. Когда я чувствую, что становится как-то совсем плохо, ни с того, ни с сего, ничего конкретного, тогда принимаю их.

– Помогает?

– Это немножко похоже на секс при помощи крючка. Чувствуешь, что тебе очень-очень хочется пописать, а на самом деле – вовсе не писать. Честно говоря, не так здорово. Ты пробовала?

– Пальцами? Ну да, всей рукой. Все как у тебя.

– Хочется писать?

– Что-то вроде того. И все сжимается. Во время свинга тоже. Знаешь, по правде сказать, не уверена, что хочу пробовать то, что у тебя с собой.

– И не надо. Мы могли бы… я бы мог…

– Честно говоря, мне так не кажется.

– Как ты думаешь, они будут проверять? Собирать простыни и демонстрировать их всем родственникам?

– А наш физический возраст? Не глупи.

– Это часть контракта.

– Не думаю, что кто-то собирается требовать выполнения договорных обязательств, пока у меня по меньшей мере не начнутся месячные.

– Так ты хочешь чего-нибудь этакого?

– Не особенно.

– Тогда что мы будем делать?

– Красивый вид.

– Там, в ящике стола, есть колода карт.

– Может, потом. Сейчас я бы поспала.

– И я тоже. Насчет постели все в порядке?

– Конечно. Предполагается, что мы спим вместе, верно? Мы же муж и жена.

Мы спали, укрывшись легким шелковым покрывалом, под медленно вращающимся потолочным вентилятором. Свернувшиеся клубками восьмилетки, мы лежали спинами друг к другу, далекие, как Виш и Шив, а потом изобретали карточные игры потрясающей сложности при помощи старых добрых круглых карт Ганджифа[144] на веранде с потрясающим видом на Гималаи. Когда Лакшми тасовала эмиров и визирей, наши взгляды встретились, и мы оба поняли, что все даже не то чтобы окончилось, оно никогда не начиналось. Между нами не было ничего, кроме договорных обязательств. Мы стали заложниками своих ДНК. Я представил себе череду отпрысков, словно жемчужины вереницей выкатывающихся из моего все еще бессильного пениса; этих медленно развивающихся детей, ковыляющих в будущее настолько далекое, что я даже не способен увидеть его пыль на горизонте времени, и далее, и далее, и далее. Я был полон ужаса перед слепой императивностью биологии. Я обладал интеллектом супермена, я забывал только то, что предпочитал забыть, я не болел ни дня в своей жизни, я носил имя бога, но для моего семени все это было ничто, я ничем не отличался от какого-нибудь далита[145] из Молар Бунд. Да, я привилегированный баловень, я худший из циников, но мог ли я стать чем-либо другим? Я был запроектированным снобом.

Мы просидели свою неделю в чайном доме в зеленых предгорьях Гималаев в Химачал-Прадеш – Лакшми и Вишну. Лакшми запатентовала некоторые из своих замысловатых коллективных карточных игр – мы проверяли игры для многих участников, играя каждый сразу за несколько человек, несложный фокус для брахманов – и заработала кучу денег на лицензиях. Там было ослепительно красиво, горы, далекие и безмятежные, как каменные Будды, по ночам время от времени дождь стучал по листьям за нашими окнами, и нам становилось очень, очень грустно, но еще печальнее было думать о том, что нам предстоит сделать по возвращении в Авадх, в горячо любимый Дели. Я принял решение на третий день нашего медового месяца, но лишь оказавшись в лимузине, везущем нас к Рамачандра Тауэр, где нам выделили апартаменты, достойные богов, этажом ниже жилища моей матушки, я набрал номер телефона очень

специфического, очень деликатного доктора.

– Оба? – спросил ньют. Он приподнял бы бровь, будь у него хоть какие-нибудь волосы на выбритой голове, чтобы было что поднимать.

– История умалчивает про полуевнухов, – ответил я.

Никто, увы, и никогда не перескажет подобных бесед. Полунамеки, обмен шутками, выразительные взгляды – все это часть истории, а не реальной жизни. Но я рассказываю вам историю, мою историю, которая куда больше, чем история реальная или даже воспоминание. Ибо если я могу по своему выбору забывать, то и запоминать могу так же и превратить то, что выбрал, в воспоминание. Так что если я хочу, чтобы хирургический кабинет для ньютов был на самом верху скрипучей винтовой лестницы, а на каждом этаже на вас таращились глаза подозрительных и враждебных обитателей Старого Дели, если я решил запомнить это так, это будет так. Точно так же, если я предпочитаю помнить, что этот кабинет был похож на склеп, с причудливыми хирургическими инструментами и изображениями успешно изуродованных органов, словно сошедшими с рисунков из гималайского буддизма про ад и демонов, то так оно навсегда и будет. Быть может, для вас это не так странно, как для меня. Я лучше кого-либо знаю, как обманчива внешность, но вы выглядите достаточно молодыми, чтобы расти в мире с удобной глобальной памятью, где каждый вздох и каждый взгляд кишат дэвами, непрерывно пишущими и переписывающими физическую реальность. И если дэвы решат переписать эту память, кто скажет, что все было не так?

Но небо уже светлеет на востоке, за пылающим столпом йотирлингама, мне нужно идти дальше, а вы еще должны увидеть самое удивительное, на что способны мои кошки. Реальность же такова, что хирургический кабинет доктора Анила располагался в со вкусом отреставрированном особняке среди тесных улочек в тени Красного Форта, неброский, первоклассно оборудованный хирургический кабинет, где вас встречает очаровательная мисс Моди, а сам доктор Анил – доброжелательный профессионал, явно удивленный моей просьбой.

– Обычно я занимаюсь более серьезной хирургией, – сообщил врач. Клиника Ардханаришвары[146] была ведущим делийским центром по трансформации ньютов. Ведущим, несмотря на шепотки и сплетни; в блистательном новом Авадхе мы имели право объявить, что мы урбанистическая, глобальная, космополитичная и ко всему относящаяся спокойно культура, но

для ньютов – тех, кто решил избежать наших безнадежных межполовых войн, избрав третий путь, ни тот и ни другой, – он оставался почти таким же скрытным и потаенным, как для древних трансгендерных хиджра, много лет назад прятавшихся в Старом Дели. Древний город: старше, чем любая память, улицы его, похожие на мозговые извилины, всегда хранили тех, чьи потребности выходили за рамки обычного.

– Полагаю, то, о чем я прошу, вполне выполнимо, – заметил я.

– Конечно-конечно, – заверил доктор Анил, соединяя пальцы рук – жест, которому все врачи – мужчины, женщины, трансгендеры или ньюты – учатся, похоже, одновременно в одной и той же медицинской школе. – Значит, обе тестикулы.

– Да, обе.

– Но не пенис.

– Это было бы уже чересчур.

– Вы уверены, что не желаете рассмотреть химический вариант? Это обратимо, если вы когда-нибудь передумаете.

– Нет, никакой химии. Я не хочу, чтобы это было обратимо. Я хочу удалить себя из будущего. Хочу, чтобы все кончилось на мне. Я не племенной жеребец. Полная физическая кастрация, да.

– Это очень просто. Куда проще, чем то, что мы обычно делаем.

Я хорошо знал о медицинских методиках, растекавшиеся отсюда по безымянным пакгаузам и «серым» хирургическим клиникам по ту сторону кольцевой автомагистрали Сири Ринг. Обо всем этом есть онлайн-видео где-то в Сети и я, как зачарованный, наблюдал за тем, что вытворяют над собой люди, пожелавшие сменить пол. Штуки, которые погружали в контейнеры с гелем, снимали с них кожу, обнажая мускулы, удлиняли вытяжением и помещали в лотки с молекулярным решетом, были настолько далеки от чего бы то ни было человеческого, что выглядели скорее необычно, вроде странных лесных цветов, нежели непристойно. Я был куда большим трусом, оставляя на гендерном пороге лишь два своих маленьких органа.

– Мое единственное условие, поскольку биологически вы находитесь в препубертатном возрасте, это должна быть орхидэктомия. Мисс Моди составит договор. – Доктор подмигнул мне; изящное, похожее на фавна существо за массивным колониальным столом, слишком, слишком прекрасное, чтобы рассуждать о таких вещах, как хирургия яичек. – Простите мой вопрос, я прежде не встречал высших брахманов, но по возрасту имеете ли вы право подписывать договор?

– Мой возраст позволяет мне быть официально женатым.

– Да, но вы должны понять: бизнес вроде моего находится под пристальным наблюдением в Авадхе.

– А мой возраст позволяет мне заплатить вам совершенно непристойную сумму за то, что мне нужно.

– Ну что ж, пусть это будет непристойно.

Все оказалось на удивление обыденно. Меня даже не понадобилось перевозить в какую-нибудь из мерзких промышленных зон. В небольшой кабинке я переоделся в хирургическую рубашку: рукава длиннющие, полы волочатся по земле, – улегся на воняющий дезинфекцией операционный стол в операционной в цокольном этаже и ощутил, как меня обкалывают раствором для местной анестезии. Руки робота, с кончиками пальцев тонкими, как усики у насекомых, пустились в пляс под управлением доктора Анила. Я ничего не чувствовал, жмурясь от света и напряженно вслушиваясь в их синестетическую музыку. Пляшущие руки отдернулись; я не чувствовал ничего. И продолжал ничего не чувствовать, пока машина везла меня обратно по улицам, полным вибрирующих, с мощной половой потенцией, терзаемых гормонами людей. Легкий дискомфорт, когда колышущаяся ткань одежды касается швов. Не боль, чего-то немного не хватает, ничего похожего на ощущение легкости и свободы, о котором я читал у поборников этой процедуры. Исключительное удовольствие, сексуальная кастрация; оргазм, чтобы покончить с оргазмами. Со мной не случалось ничего подобного. Медикаменты для наращивания клеток исцелят рану за три дня и скроют все следы, пока годы спустя не обнаружится, что голос мой не становится заметно глубже, волосы на лице не пробиваются, что я расту необычайно высоким и стройным и, как ни странно, так и не сумел зачать положенного по контракту ребенка.

– Желаете взять их с собой? – спросил доктор Анил, усадив меня в смотровой после короткой операции.

– С чего бы вдруг?

– В Китае была такая традиция; императорским евнухам отдавали их отсеченные гениталии, законсервированные в кувшине со спиртом, чтобы похоронить их вместе с хозяевами, дабы те могли явиться на небо полноценными мужчинами.

– В Оттоманской Турции евнухи традиционно высиживали три дня после кастрации в куче навоза, чтобы залечить свои раны или умереть. Традиция меня не интересует. Они не мои, они – не я; они принадлежат кому-то другому. Сожгите это или бросьте бродячим псам, мне все равно.

Надо мной пророкотал гром – обещание ливня, день потемнел. Пока я поднимался на наружном лифте Рамачандры

Тауэр, тучи пронизывали молнии. Лакшми сидела, съежившись, на софе, перед величественной картиной начинающейся грозы. Сухая молния, ложное предзнаменование дождя. Все предзнаменования дождя в те дни были ложными.

– Ты сделал, все в порядке?

Я кивнул. Теперь начинало болеть. Я стиснул зубы, хлопая по наноинфузеру с обезболивающим, вживленному доктором Анилом. Лакшми радостно захлопала в ладоши.

– Я пойду завтра. О боже, я так счастлива, так счастлива. – А потом, в темной комнате, среди вспышек беззвучных молний, она поцеловала меня.

Мы никому не сказали. Это было частью уговора. Ни нашим родителям, ни родне, ни друзьям-брахманам, ни даже своим ИИ. Ни даже любимой Сарасвати; я не стал бы обременять ее этим. Это было дело, которое нам следовало исполнить, прежде чем объявить своим семьям, как радикально мы разрушили их планы насчет нас. И тогда мы сможем спокойно и безболезненно развестись.

Я ПРИНЮХИВАЮСЬ К УХУ СИЛЫ

Чем должны заниматься евнухи?

Оно вызывает у вас неловкость, это слово? Заставляет вас, парни, скрестить ноги; вызывает у вас спазм матки, дамы? Услышав его, представляете ли вы себе нечто отличное от человеческого существа, нечто нижестоящее? А чем оно тогда отличается от других определений: кшатрий, далит? Брахман? Евнух. Это очень старое и благородное слово, славная и древняя традиция, практиковавшаяся во всех великих культурах Земли. Принцип состоит в том, чтобы пожертвовать меньшим ради обретения большего. Сколько из жалких спермиев, исторгнутых вместе с семенной жидкостью, превратятся когда-нибудь в человеческие существа? Ну, давайте, только по-честному. Почти все они будут растрачены впустую. И никогда не думайте, что без яиц означает без секса или без желания. Нет, великие кастраты-певцы, евнухи-поэты и божественные провидцы, великие визири и королевские советники понимали, что у величия есть цена, и это – продолжение рода. Евнухам, свободным от династических мотивов, можно доверять империи. Растить великие нации – вот наша настоящая работа, и все способности, дарованные мне родителями, я направил на политическое выращивание нации.

Насколько же права была моя мать и как прискорбно она заблуждалась! Она воображала, что счастливые избиратели внесут меня в двери Лок Сабха[147] на своих плечах. Я предпочел черный ход для прислуги. Политики живут и умирают ради избирательной урны. Они там не для того, чтобы служить, а чтобы занять и удержать офис. Популизм способен заставить их отказаться от мудрой и правильной политики ради прихотей и капризов. Ураган бюллетеней для голосования в конце концов выметет их и все их благие дела из власти. Их великие визири устоят. Мы понимаем, что демократия – это лучшая из систем, при которой *кажется,* будто нацией правят.

Многомесячное налаживание социальных связей – старомодное, с рукопожатиями и презентами, – и взятки, и соискание благосклонности, и втирание в политическое доверие обеспечили мне стажировку у Пареха, министра водных ресурсов и окружающей среды. Это был изрядный болван, родом из штата Уттаранчал, с практичностью и мелочностью лавочника, но недальновидный. Он успешно создавал видимость, будто у него все под контролем, а что еще нужно политику для спокойной и длительной карьеры? Это было большее, чего он мог когда-либо достичь, но как только очередной неудавшийся муссон дохнёт

жаром и толпы начнут нападать на цистерны с водой на улицах, он вылетит оттуда. Он знал, что я знаю это. Я пугал его, хотя и был осторожен, низводя блеск своего интеллекта до огонька общей сообразительности. Он понимал, что мне далеко не девять лет, как кажется на вид, но действительно понятия не имел о возможностях и бедах моих и мне подобных. Я тщательно выбирал себе департамент.

Неприкрытые амбиции заставили бы меня слишком рано засветиться перед правительством, лишь теперь начинающим понимать, что никогда толком не принимало законов насчет манипуляций с человеческим генокодом. Но при этом я знал цвет всех глаз, следящих за мной сквозь стеклянные коридоры Министерства водных ресурсов. Вода – это жизнь. Вода, ее изобилие и ее нехватка станут формировать будущее Авадха, всех народов Северной Индии, от Пенджаба до Соединенных Штатов Бенгалии. Вода предоставляла хорошие возможности, чтобы проявить себя, но оставаться там я не собирался.

Строительство дамбы в Кунда Кхадаре – этой гигантской насыпи из земли и бетона, похожей на подвязку на бедре Матери Ганга, – близилось к завершению. Протесты расположенного ниже по течению Бхарата и Соединенных Штатов Бенгалии звучали все резче, но стрелы башенных кранов поднимались и поворачивались, поднимались и поворачивались днем и ночью. Министр Парех и премьер-министр Шривастава совещались ежедневно. К ним присоединился министр обороны. Даже штатные пиарщики способны были учуять дипломатическую напряженность.

Был четверг. Я заранее назвал его отважным четвергом, чтобы заставить себя решиться и выступить. Гены не делают вас храбрым. Но я готовился тщательно, как мог; что означало – лучше, чем кто бы то ни было в Лок Сабха, включая министра Парекха. Шривастава со своим окружением вынужден был провести пресс-конференцию из министерства, чтобы заверить общественность Авадха, что Кунда Кхадар сделает свое дело и утолит бездонную жажду Дели. Все выглядели элегантно, будто на картинке: выщипанные усы, отглаженные брюки, рубашки свежие, как утро. Только не я. Я заранее выбрал позицию: недолгая суматоха в коридоре при появлении Шривастaвы и компании его секретарей. Я понятия не имел, о чем они будут говорить, но знал, что говорить будут; Шривастава любил такие «брифинга на ходу», они придавали ему вид человека деятельного и энергичного. Я верил, что мои исследовательские способности и быстрый ум победят.

До меня донеслось бормотание. Компания вот-вот должна

была завернуть за угол, я зашевелился, вжался в стену, пока процессия надвигалась на меня. Мои органы чувств просканировали пять бесед, уловили шепот Шривастaвы, адресованный Банзалу, его парламентскому секретарю:

– Если бы я знал, что Макоули поддерживает нас.

Эндрю Дж. Макоули, президент Соединенных Штатов Америки. Вот и ответ.

– Если бы мы смогли заключить сделку о продаже всего произведенного продукта в обмен на частичную ратификацию Акта Гамильтона, – произнес я голосом высоким, чистым и пронзительным, будто птичий крик.

Свита премьер-министра проскочила мимо, но Сатья Шетти, пресс-секретарь, обернулся с грозным видом, чтобы испепелить болтливого выскочку-стажера. Он увидел девятилетнего ребенка. Он онемел, выпучив глаза. Он заколебался. Это колебание остановило всех. Премьер-министр Шривастава повернулся ко мне. Глаза его округлились, и зрачки расширились.

– Очень интересная мысль, – произнес он, и я знал: он понял, проанализировал и принял предложенный мною дар. Советник-брахман. Странный ребенок-ученый. Дитя-гений, малолетний гуру, маленький бог. Индия обожала их. Золотое дно для пиара. Его свита расступилась, и он шагнул ко мне: – Что вы здесь делаете?

Я пояснил, что стажируюсь у министра Пареха.

– И теперь вы хотите большего.

Да, я хотел.

– Как вас зовут?

Я назвался. Он кивнул:

– Да, свадьба. Помню. Значит, политическая карьера, верно?

Именно так.

– Вы, конечно, не откажетесь от лидерства.

Мои гены не позволят мне. Моя первая политическая ложь.

– Да, с идеями нынче у нас негусто. – С этими словами он отвернулся, свита сомкнулась вокруг него, и они устремились дальше. Сатья Шетти наградил меня злобным взглядом, и я выдержал его, пока пресс-секретарь не отвел глаза. Я еще увижу, как он сам и все его труды обратятся в прах, в то время как я буду по-прежнему молод и полон энергии. Когда я вернулся к своему столу, там уже лежало приглашение из канцелярии премьер-министра с предложением связаться с ними на предмет собеседования.

Я рассказал о своем великом достижении трем женщинам. Лакшми засияла от радости. Наши планы осуществлялись. Моя мать была озадачена: она больше не понимала моих мотивов,

зачем мне идти на скромную и неприметную должность госслужащего вместо того, чтобы процветать среди светил политики. Сарасвати спрыгнула с дивана и закружилась по комнате, потом захлопала в ладоши и поцеловала меня в лоб, долго и крепко, пока ее губы не оставили там красный тилак[148].

– Пока все это весело, – сказала она. – Очень весело.

Моя сестра, моя великолепная сестра произнесла вслух правду, до понимания которой я лишь начал дозревать. Весело – вот и всё. Мать и отец предназначали меня для величия, для ослепительного успеха и богатства, власти и славы. Мне всегда хватало эмоциональной восприимчивости, если не словарного запаса, чтобы понимать: ослепительно могущественные и знаменитые редко бывают счастливы, успешность и богатство часто вредят их психическому и физическому благополучию. Все свои решения я принимал ради себя, ради собственного покоя, здоровья, удовольствия, сохранения заинтересованности на протяжении всей моей долгой жизни. Лакшми выбрала утонченный мир сложных игр. Я – круговерть политики. Не экономику; она была для меня слишком мрачной наукой. Но государство и отколовшиеся от него маленькие независимые осколки на границах Авадха, с которыми, я видел это, мы все так же неразрывно связаны, как и во времена, когда мы были единой Индией, и те страны, что за ними, и далее, и далее; это зачаровывало меня. Межгосударственный этикет служил мне забавой. Это было весело, Сарасвати. И я был великолепен. Я стал героем из комиксов моего детства, проницательным героем, Человеком-Дипломатом. Я спасал ваш мир столько раз, что вы и представить себе не можете. Моя суперсила состояла в том, чтобы увидеть ситуацию в целом, во взаимосвязях, и те неуловимые силы, влияющие на нее, которые другие, менее способные аналитики игнорировали. А потом я подталкивал ее, чуть-чуть. Малейший, легчайший толчок, одно крохотное поощрение или помеха, даже намек на то, каким путем может пойти политика, и видишь, как социальная физика сложного капиталистического общества постепенно увеличивает это все в масштабах посредством законов, и сетей, и социальных усилителей, медленно изменяя направление движения целой нации.

Те первые несколько лет я постоянно боролся за выживание. Сатья Шетти был моим злейшим врагом с того мига, как взгляды наши встретились в коридоре Министерства водных ресурсов. Он обладал связями и влиянием, был умен, но не настолько, чтобы понять: ему никогда не победить меня. Я просто продолжал позволять каплям меда из моих уст вливаться в уши Кришны Шриваставы. Я всегда был прав. Мало-помалу его кабинет и

союзники Сатья Шетти поняли, что, помимо моей неизменной правоты, я еще и существенно отличаюсь от них. Я не искал высоких постов. Я искал, как лучше. Я был префектом-советником. И я грандиозно смотрелся по телевизору: карлик-визирь премьер-министра Шриваставы, трусящий перед ним, словно напоминание о днях Моголов. Кого, в той или иной степени, не занимает вундеркинд? Хотя мне и было тогда уже двадцать два года, половая зрелость – что бы это ни означало для меня лично – все еще маячила на горизонте нашего поколения брахманов, словно долгожданный муссонный ливень.

Именно вероломный муссон сделался движителем политики Авадха, в городах и деревнях, в домах и на улицах. Томимые жаждой народы иррациональны; они молятся и обращаются к странным избавителям. Великая технократия Соединенных Штатов Бенгалии, в качестве свидетельства национальной истерии, слепо уверовала в эксцентричный план отбуксировать айсберг из Антарктики до Сундарбана[149] в надежде, что масса холодного воздуха повлияет на меняющуюся климатическую модель и вернет сезон дождей в Индию. Странные дни, время слухов и чудес. Наступила эпоха Кали, и боги снова спускались к нам на землю, разгуливая в облике обычных мужчин и женщин. Американцы обнаружили что-то такое в космосе, что-то не из этого мира. В «цифровом раю» Бхарата, кишащем ИИ, расплодились искусственные интеллекты третьего поколения; легендарные сущности, чей интеллект превосходил мой в той же степени, в какой мой превосходит интеллект блох, досаждающих моим бедным котам. Саджида Рана, подвергнувшись политическому давлению возрождающегося индуистского фундаментализма, готовила упреждающий удар по Кунда Кхадару в качестве пиар-трюка. Этот последний слух, выуженный мною во время просмотра прессы Бхарата, я счел достаточно серьезным, чтобы потребовать встречи на уровне департаментов между моим министерством и его аналогом в Бхарате. Я говорил, что к тому моменту уже был парламентским секретарем Кришны Шриваставы? Не взлет, но постепенный, неуклонный подъем. Было все еще так легко ослабить хватку и упасть прямо в ждущие лапы моих конкурентов.

Моим коллегой в Бхарат Бхаване стал мусульманин Шахин Бадур Хан, утонченный джентльмен из прекрасного рода и блестяще образованный. За его безупречными манерами и достоинством, которым я глубоко завидовал, будучи по сравнению с ним просто маленьким сорванцом, чувствовалась печаль; в глубине глаз таилась боль. Мы сразу оценили друг друга и испытали взаимное расположение. Мы инстинктивно

чувствовали, что слишком усердно печемся о своих странах, чтобы быть готовыми предать их. О таком не только никогда не говорят, но даже не намекают. Поэтому наша беседа, пока мы прохаживались среди оленей Будды в древнем Сарнатхе[150], где среди деревьев крадись неприметные тени наших охранников, а вокруг, словно ястребы, кружили разведчики-беспилотники, казалась несерьезной и легкомысленной, как болтовня двух пожилых вдовушек во время послеобеденной прогулки.

– Авадх всегда представлялся мне страной, живущей в мире с самой собой, – сказал Шахин Бадур Хан. – Словно решившей некий великий и главнейший индийский парадокс.

– Так было не всегда, – возразил я. За защитным ограждением западные туристы на тропе Будды пытались удержать свои одежды, развевающиеся на крепчающем ветру. – Улицы Дели слишком много раз окрашивались красным.

– Но он всегда был многонациональным городом. С другой стороны, Варанаси всегда был и всегда будет городом Владыки Шивы.

Я кивнул. Теперь я знал, что доложу Шриваставе. Саджида Рана подвергается давлению индуистов-фанатиков. Она нанесет упреждающий удар по Кун да Кхадару. Авадх получит моральное преимущество; мы не должны упустить этого.

– У меня в Варанаси есть родственник, – мимоходом заметил я.

– О, вот как?

– Мой брат – сам Шива, так что в действительности неудивительно, что он должен был очутиться в Варанаси.

– Он тоже брахман, как вы?

– Нет, но он очень талантлив.

– Похоже, мы просто притягиваем таланты. Полагаю, это одно из наших благословений. У меня есть младший брат, в Соединенных Штатах. Общаться с ним ужасно, просто ужасно; мать – ну, вы же знаете, каковы они. Конечно, это все на мне.

«Вы опасаетесь, что ваш брат ввязался в бизнес, который может неблагоприятно отразиться на вашем положении, если об этом станет известно, – вот о чем говорил мне мудрый мистер Хан. – Вы хотите, чтобы я присматривал за ним, а взамен вы создадите надежный канал связи между нами, чтобы предотвратить войну между Бхаратом и Авадхом».

– Вы же понимаете, что такое эти братья, – сказал я.

Поток информации поступил в мою голову, едва я вышел из самолета в аэропорту Индиры Ганди. Шив основал в Варанаси компанию «Пуруша»[151]. Он привлек значительные инвестиции от венчурного фонда «Одеко» и получил дополнительное

финансирование от научно-исследовательского и опытно-конструкторского подразделения могущественной бхаратской «Рэй Пауэр». Сферой его деятельности стали компьютерные нанотехнологии. С ним работали лучшие конструкторы и инженеры. Теневой индекс, оценивающий компании по потенциальной возможности стать глобальными игроками после акционирования, отводил «Пуруше» место в первой пятерке, за которой стоит понаблюдать.

Он был молод, горяч и нацелен на успех. Он завел себе кое-каких сомнительных друзей, и тучи ИИ высокого уровня скрывали многое из деятельности «Пуруши» от конкурентов и властей Бхарата. Полиция Кришны завела на него досье и команду опекающих его нарочито неуклюжих ИИ, чтобы дать ему понять: о нем знают. Мои собственные ИИ-соглядатаи из разведслужбы Авадха были искуснее полицейских. Они встроились в саму информационную структуру «Пуруши». Безопасность Авадха была жалким вымыслом; меня в высшей степени интересовало, чем занимается мой братец. Планы Шива были, разумеется, чудовищно амбициозными. Он взломал темницу черепа. Говоря более прозаично, «Пуруша» разработала опытный образец биочипа, способного взаимодействовать напрямую с мозгом. Больше никаких вульгарных завитков пластика за ухом и мягкого вторжения электромагнитного излучения в мозг, словно орущего тебе в висок. Искусственно сконструированный белок, такой же, как наш собственный, чьи искусственные нейроны прорастали сквозь кожу и кость, вплетаясь в поток мысли. Третий глаз, всегда открытый невидимому миру. Видите, как легко я обращаюсь к языку мистики? Всеведение становилось нормой; всякий инфицированный получал доступ ко всему знанию и всей проклятой тривиальности мировой сети. Коммуникация отныне – это не клики и запросы, а мысль, неуловимая телепатия. Виртуальные миры становились реальными. Неприкосновенности частной жизни, этой первой западной роскоши, приобретенной Индией за деньги, пришел конец. Как узнать, где кончаются наши собственные мысли и начинаются чужие? Мы уподобляемся миру ИИ с их рассредоточенным, расширенным, многоуровневым восприятием. Предположения следовали за предположениями. Им не было конца. Лакшми, отвлекаясь от своих математических игр, чувствовала мое настроение и, подняв взгляд, видела взрослый страх на моем детском лице. Эта технология изменит нас, изменит целиком и бесповоротно. Это означает новый способ быть человеком, линию разлома, удар огранщика алмазов по всему обществу. Я начал понимать, что величайшая угроза для Авадха, для Бхарата, для всей Индии – вовсе не вода. Это

безупречнейший бриллиант Шив и его корпорация «Пуруша», маняще сверкающие перед носом у каждого из землян. Будь везде, будь всем. Я был настолько поглощен этим, что не заметил, как по Великому Колесному Пути[152] пришло предупреждение от Шахин Бадур Хана из Варанаси, и поэтому прозевал момент, когда Саджида Рана выслала вперед свои танки и захватила Кунда Кхадар без единого выстрела.

ДЕВОЧКА С КРАСНОЙ БИНДИ[153]

Перечисление названий этой войны занимает больше времени, чем сама война. Кунда-кхадарская война, Сорокавосьмичасовая война, Тихая, Первая Водяная. Вы их не помните, хотя боевые танки Авадха ползали по вот этим самым пескам. Вы, наверное, даже не помните о самой этой войне из уроков истории. Были войны масштабнее и продолжительнее, и была война, переходящая в войну, долгая и, я думаю, последняя. Война, которой я положу конец. Ту грандиозную демонстрацию оружия на речных берегах я теперь воспринимаю как первый выстрел, давший начало всей этой истории, если там вообще можно говорить о выстрелах. Было и другое название – Тихая война. Ах! Кто дает названия войнам? Наемные писаки и мудрецы, без сомнения, медиаредакторы и чатовые журналисты, люди, что любят выражаться высокопарно. Уж точно не чиновники и не владельцы кошачьих цирков. Насколько больше название «Тихая война» подошло бы для ста лет беспорядков, последовавших далее, для этой эпохи Кати, которая, кажется, достигла худших своих глубин теперь, с пришествием йотирлингама на землю?

Водяная война. Война-47, как бы мы ни называли ее, для меня обозначала конец человеческой истории и возвращение эпохи чудес на землю. Лишь после того, как развеялся дым, осела пыль и наши дипломатические группы появились среди высоких сияющих башен Ранапура для обсуждения условий мира, мы поняли всю безмерность событий в Бхарате. Наша тихая маленькая водяная война была наименьшим из них. Я получил одно краткое сообщение по Великому Колесному Пути: «Мне конец, проиграл, ухожу в отставку». Но Шахин Бадур Хан был там, он шел на пять шагов позади своего нового премьер-министра Ашока Раны, в то время как я вприпрыжку, будто ребенок, поспевал за нашим Шриваставой.

– Слухи о моей кончине сильно преувеличены, – шепнул Шахин Бадур Хан, когда мы оказались рядом, пока политики устраивались на траве перед загородным поло-клубом Бенареса[154] для пресс-конференции, соперничая за статусные места.

– Война, похоже, укорачивает политическую память. – Двадцатитрехлетний в теле мальчишки вдвое младшего возраста может болтать почти все, что ему вздумается. Дерзость, дозволенная шутам и ангелам. Впервые повстречавшись с Шахин Бадур Ханом, я, помимо его воспитанности и ума, почувствовал

его глубокую печаль. Даже я не мог угадать, что это была долго подавляемая, бесплодная любовь к другому, греховная, романтическая и обреченная, поскольку адресовалась юному ньюту из Варанаси. Он угодил в «медовую ловушку», подготовленную его политическими противниками.

Шахин Бадур Хан склонил голову.

– Я далеко не первый стареющий глупец, потерявший голову от страсти. Возможно, я единственный, чьего премьер-министра в результате убили. Но, как вы говорите, война открывает нам глаза, и я, похоже, – удобная фигура для публичного покаяния. А судя по тому, что я почерпнул из СМИ, народ поверит мне скорее, нежели Ашоку Ране. Ничто не нравится народу больше, чем покаяние низверженных важных персон. А тем временем мы делаем то, что должны, верно, господин Нариман? Наши страны нуждаются в нас сильнее, чем они полагают. Людям лучше даже не знать, насколько странные времена наступают в Бхарате.

Будь проклято ваше политическое самоуничижение! Одновременный коллапс главных систем ИИ по всему Бхарату, включая всепобеждающие «Город и деревню», обнаружение того, что неистовая оппозиция неудержимых индуистских фанатиков в стране – это заговор искусственных интеллектов, хаос в «Рэй Пауэр» и загадочное возникновение стометровой полусферической воронки на территории университета, гладкой, как зеркало, и, напоследок, слух о появлении третьего поколения ИИ, которых так долго ждали и так долго боялись. Лишь один человек в состоянии был объяснить все это. Я направился повидать Шива.

У него был дом, защищенный множеством деревьев от шумного, людного мира. Садовники с неспешной точностью перемещались вверх и вниз по укатанным гравийным дорожкам, тут прищипывая персидские розы, там опрыскивая растения от тли и повсюду подкармливая побуревшие от засухи участки газона. Он растолстел. Он развалился в кресле возле стола для завтрака, выставленного на газон. Он выглядел ужасно, одутловатый и заплывший жиром. У него была жена. У него был ребенок, маленькая щебетунья, разыгравшаяся на установленной посреди газона разборной пластиковой игровой площадке под присмотром своей ИИ. Она поглядывала на меня, не зная, воспринимать ли меня как чужого важного дядю или же позвать вместе полазать по пластиковым канатам. Да, этот маленький я был странным существом. Тот запах, тот информационный феромон, которым благоухал Шив в день, когда заявился на мою свадьбу, исходил от него по-прежнему, даже усилился. От него пахло как от человека, слишком много времени проводящего

среди ИИ.

Он бурно приветствовал меня. Слуги принесли холодный домашний шербет. Когда мы уселись побеседовать по-братски, мужчина и одиннадцатилетний мальчик, его жена извинилась голосом тихим, как писк насекомого, и, отойдя, нервно переминалась возле дочери, бурно разыгравшейся на своих ярких конструкциях для лазанья.

– Похоже, ты успешно повоевал, – отметил я.

– А что, была война? – Мгновение Шив выдерживал мой взгляд, потом разразился гомерическим хохотом. Его лоб покрылся испариной. Я ни на миг не поверил ему. – Я стал расслабленным и жирным, да.

– И успешным.

– Не таким успешным, как ты.

– Я всего лишь госслужащий.

– Я слышал, ты вертишь Шриваставой, как сутенер проституткой.

– У всех свои источники.

– Да. – Опять эта нарочитая пауза. – Ваши я обнаружил довольно быстро. – Неплохо для правительственного продукта.

– Дезинформация может быть столь же информативной, как и информация.

– О, я не стал бы проделывать с тобой ничего столь очевидного. Нет, я оставил их, позволил им смотреть. Мне скрывать нечего.

– У тебя интересные инвесторы.

– Сомневаюсь, что кое-кто из них получит обратно свои вложения. – Он снова рассмеялся.

– Не понял.

– Как выяснилось, один из моих основных инвесторов, «Одеко», был не более чем прикрытием для третьего поколения ИИ, развивавшихся внутри международных финансовых рынков.

– Значит, это не только слух.

– Рад, что ты прислушиваешься к слухам.

– Ты так легко говоришь об этом.

– А как еще можно относиться к концу истории? Ты же видел, что бывает в Индии, когда мы воспринимаем вещи всерьез. – Теперь его смех раздражал меня. Он был сиплым и сальным.

– Конец истории сулили много раз, обычно люди, достаточно богатые, чтобы избежать его.

– Не на этот раз. Богачи как раз и сделают это. Тот самый слепой экономический эгоизм, который породил и демографический сдвиг, и тебя, Виш. Только теперь это все будет куда масштабнее.

– Ты думаешь, твой биочип на это способен?

– Сам по себе – нет. Я вижу, придется тебе объяснить.

Ко времени, когда Шив закончил свой рассказ, садовники уже зажигали фонари, отгоняющие ночных насекомых, а его жена, дочь и ИИ переместились на светлую удобную веранду. Вокруг метались вышедшие на охоту летучие мыши. Хотя ночь была теплой, меня трясло. Слуга принес свежий ласси[155] и фисташки. Все было куда масштабнее, как и говорил Шив. Возможно, просто грандиозно. Боги вернулись, а потом, в миг апофеоза, покинули нас. Тихий апокалипсис.

Опасения полиции Кришны, перепуганных представителей Запада, разумеется, сбылись. Третье поколение было реальностью гораздо дольше, чем кто-либо мог предвидеть, оно существовало среди нас годами, даже десятилетиями, неутомимое, неторопливое и безмолвное, как свет. Не существовало силы, способной уничтожить воистину сверхинтеллектуальных ИИ, чьей экосистемой являлась глобальная информационная сеть ошеломительной сложности. Они могли распадаться на составляющие, распределяться по континентам, бесконечно копировать себя, превращаться друг в друга. Они могли разговаривать нашими голосами и отображать наш мир, но они были совершенно, абсолютно чуждыми нам. Им было удобно удалить свои высшие функции из мира, все ближе подходящего к разгадке их существования, и перевести их в информационные убежища Бхарата, поскольку они руководствовались планом. Их было трое, и все – боги. Брахма, Шива, Кришна. Мои братья, мои боги. Один, наиболее интересующийся миром, обитает на всемирном финансовом рынке. Другой вырос из широко распространенной усложненной онлайн-игры – симулятора эволюции, о которой я что-то смутно слышал. Создавая искусственный мир, геймеры породили и его божество. И третий появился среди бескрайних серверных хозяйств «Индиапендент Продакшн» в Бхарате, объединенных ради исполнителей и псевдоисполнителей «Города и деревни». Это в особенности впечатлило меня, главным образом потому, что, имея характерную потребность лезть в чужие дела, обязательную для данной мыльной вселенной, это существо вмешалось в политику Бхарата в облике агрессивной Партии индуистского радикализма, спланировав низвержение проницательного и опасного Шахин Бадур Хана и убийство Саджиды Раны.

Этого уже было бы достаточно, чтобы покончить с нашими надеждами, что двадцать первый век станет мирным и прибыльным продолжением своего предшественника. Но в их планы не входил конфликт или порабощение человечества. Для

ИИ это ничего не значило; это человеческая идея, порожденная человеческой же потребностью. Они занимали отдельную экологическую нишу и могли ждать бесконечно долго, исходя из того, что имело значение для распределенных интеллектов. Человечество не позволило бы им жить. Полиция Кришны была косметическим, костюмированным воинством для поддержания иллюзии, будто делается все необходимое, но она являлась свидетельством о намерениях. Человечество не потерпело бы конкурентов, так что эти трое разработали план побега из этого мира, из этой вселенной. Я не понял физических процессов, о которых говорил Шив; он и сам их не понимал, несмотря на педантичный тон читающего лекцию айтишника. С ними я разберусь позднее, это не останется без моего внимания. Что я сумел уловить из обрывков информации, так это собственную связь с тем зеркальным кратером посреди университетского городка, столь похожего на отличный образец современной скульптуры, или на древний астрономический инструмент вроде гномонов и мраморных чаш в древней делийской обсерватории Джантар Мантар. Та полусфера и объект где-то в космосе. О да, те слухи были правдой. О да, американцы обнаружили все это уже давно и пытались сохранить в секрете, и все еще пытаются, и: о да, безуспешно.

– И что же это такое?

– Накопленная мудрость ИИ. Воистину универсальный компьютер. Они послали его из своей вселенной.

– Зачем?

– А ты никогда не даришь подарков родителям?

– У тебя есть право доступа к такой информации?

– У меня есть каналы, которых нет даже у правительства Авадха. Или у американцев, по правде говоря. «Одеко»…

– «Одеко», по твоим словам, был аватарой ИИ Брахмы. Погоди. – Будь у меня яйца, они съежились бы и похолодели. – Нет абсолютно ничего, чтобы помешать этому случиться снова.

– Ничего, – подтвердил Шив, снова рассмеявшись этим своим мерзким, высокомерным смехом.

– Это уже происходит. – А мы-то думали, что выиграли Водяную войну.

– Планы куда обширнее. Убежать, выслать, отгородиться стеной – плохие решения. Взгляни хоть на нас, на Мать Индию. Ты занимаешься политикой, ты понимаешь необходимость *договариваться.* – Шив развернулся в своем кресле к фигурам на веранде. Его жена все еще разглядывала меня. – Нирупа, дорогая. Может, ты подойдешь сюда? Дядюшка Виш так и не имел возможности пообщаться с тобой как следует.

Она сбежала по ступеням и, приподняв подол ситцевого платья, припустила по газону, безоглядно и безрассудно, ее стремительный полет заставил меня бояться, что она наступит на спрятавшуюся меж камней змею или споткнется, и в то же время так сильно напомнил мне ту золотую пору, когда мы росли вместе с Сарасвати. Она засунула палец в рот и крепко прижалась к отцу, стесняясь смотреть на меня в открытую.

– Покажи ему свой бинди, ну же, он такой красивый!

Я заметил красную метку у нее на лбу, больше, чем обычно, и неправильного цвета. Я перегнулся через стол, чтобы рассмотреть ее. Она шевелилась. Красное пятнышко казалось скопищем кишащих насекомых, едва различимых. Я отшатнулся вглубь кресла. Ноги мои взметнулись, не касаясь земли.

– Что ты сделал?! – вскрикнул я. Голос мой прозвучал тоненько и пронзительно.

– Ш-ш. Ты ее напугаешь. Ну, давай, Нирупа, беги. Спасибо. Я подготовил свою дочь для будущего. Как наши родители готовили для будущего тебя. Только будущее это, похоже, не такое, как они думали.

– Твой биочип…

– Работает. Благодаря небольшой помощи ИИ. Но, как я сказал, это лишь часть дела. Крохотная частица. У нас в разработке проект, это истинная революция. Настоящий смысл нашего будущего.

– Расскажи, что это.

– Распределенная пылевая обработка данных.

– Объясни.

Шив объяснил. Это оказалось не что иное, как трансформация информационных технологий. Его исследователи уменьшали компьютеры, все меньше и меньше, от рисового зернышка до сперматозоида, и далее, и далее, до размера молекулы и еще меньше. Конечной целью были роящиеся компьютеры величиной с частички пыли, сообщающиеся друг с другом в свободном полете, компьютеры, способные проникнуть в каждую клетку человеческого тела. Они будут универсальными и вездесущими, как пыль. Мне стало страшно и холодно в этой липкой варанасской ночи. Я понимал, каким видит наше будущее Шив, возможно, даже лучше, чем он сам. Бинди и пылевой процессор: один взламывает темницу черепа, другой превращает мир в память.

Мало-помалу наши личности перетекут в этот пылевидный мир; мы превратимся в нелокализованные облака, мы станем проникать друг в друга куда глубже и мощнее, чем изображено на любой тантрической храмовой резьбе. Внутренний и внешний

миры сольются воедино. Мы сможем быть многим и проживать множество жизней одновременно. Мы станем бесконечно копировать себя. Мы сольемся с ИИ и станем единым целым. Это их условия соглашения, их мирный договор. Мы станем одним видом, постчеловечество, пост-ИИ.

– Вам до этого еще работать и работать, – резко осадил я фантазии Шива.

– Да, так и было бы, если бы нам немножко не помогли.

– Как?! – выкрикнул я снова. Теперь уже ИИ обеспокоенно уставились на меня.

Шив указал пальцем в ночное небо.

– Я могу донести на тебя, – сказал я. – Американцам не понравится, что их система защиты взломана.

– Ты не сможешь остановить этого. Виш, ты больше не будущее.

Из всего сказанного Шивом в саду именно эти слова прицепились ко мне. Я бесшумно скользил по Дели в комфортабельном черном правительственном автомобиле, и мужчины в белых рубашках, женщины в ярких туфлях, машины и жужжащие тук-туки[156] казались мне иллюзорными. Город еще переживал свою блестящую победу – лишь разгромный проигрыш в крикет мог бы взволновать народ сильнее, – но толпы выглядели театрально, словно статисты, а огни и улицы – фальшиво, как в очередном эпизоде «Города и деревни». Как мы будем жить без нашей национальной панацеи? Но Шив подтвердил: ничто, абсолютно ничто не сможет помешать появлению нового поколения третьих. Возможно, они возникают прямо сейчас, пока Курма, мой божественный тезка[157], в облике испуганной черепахи пахтает из молока мир. Я остро ощущал, что тучи ИИ кружатся надо мной, проникают внутрь меня и вылетают обратно, слой за слоем, уровень за уровнем, во множестве и поодиночке. В обоих Дели не осталось больше места для древних джиннов. Их сменили ИИ. Это был их город. Договариваться – вот единственный выход. Пыль летала по улицам, наслаиваясь на пыль. Я видел конец истории, а ногами все еще не доставал до пола лимузина.

Я устарел. Все таланты и умения матери и отца не значили ничего в мире, где все связаны друг с другом, где каждый может получить доступ к объединенной мощности вселенского компьютера, а индивидуальность делается пластичной и текучей, как вода. Я стану медленно-медленно расти, переходить от юности к зрелости, а затем к старости, в то время как вокруг меня это новое сообщество, новое человечество будет развиваться все быстрее и быстрее. Я слишком хорошо понимал, какой выбор мне

предстоит. Последовать за Шивом и отказаться от всего, для чего я был создан, или отвергнуть его и стариться среди себе подобных. Мы, генетически усовершенствованные брахманы, останемся последними людьми. Потом, чуть ли не физически, так, что меня затошнило на заднем сиденье лимузина, я осознал всю степень своего высокомерия. Этакий аристократ. Бедняки. Бедняки должны быть с нами. Блистательный средний класс Индии, ее гений и ее проклятие, будет действовать, как было всегда, в своих собственных непросвещенных интересах. Ничего, что могло бы дать его сыновьям и дочерям преимущество в дарвинистской борьбе за успех. Бедняки будут сторонними наблюдателями, столь же далекие от будущего постчеловечества, как теперь – от этой сказки из стекла и неона.

Я был счастлив, счастлив до слез, что предпочел ничего не отправлять в это будущее. Никакой бесконечной цепочки медленно взрослеющих, генетически устаревших брахманов, которые тащатся во все более непознаваемое и бесчеловечное будущее. Быть может, у меня было какое-то предчувствие; возможно, мои уникальные органы чувств уловили еще годы назад некую систему, которой не увидел даже Шив, со всем его нелегальным доступом к знанию, накопленному третьим поколением ИИ. Я рыдал, не пряча слез, сидя на заднем сиденье плавно движущегося автомобиля. Пора. Когда мы свернули на уходящую вниз рампу подземной парковки Рамачандры Тауэр, я сделал три звонка. Сначала я связался с премьер-министром Шриваставой и попросил об отставке. Потом я позвонил Лакшми, терпеливой Лакшми – общая тайна нашего супружества и бесплодия сделала ее моим любимым и близким другом – и сказал: «Вот теперь, теперь пришла пора развестись». Последним я набрал номер матери, живущей этажом выше, и рассказал ей обо всем, что сделал с собой.

ОТЕЦ В ГИРЛЯНДАХ ПАМЯТИ

Подождите! Еще один трюк. Этот трюк вам понравится, это лучший трюк из всех. Вы же еще ничего не видели, кроме бега по кругу и прыжков сквозь обручи. Да. Я знаю, что уже очень-очень поздно и вскоре взойдет солнце. Вам нужно доить коров и обрабатывать поля, а мне – вовремя прибыть на встречу, но этот трюк вам понравится. Не бог весть что, но вам понравится. Одну минуту, пока я натягиваю эту проволоку.

И в любом случае я еще не закончил свою историю. О нет, нет, никакой долгой болтовни. Вы думали, она на этом кончается? Видя этот мир, теперь вы понимаете, насколько тесно я связан с нашей историей? Нет, все должно кончиться хорошо, это хорошая история. Я должен встретиться со злодеем лицом к лицу, таковы правила. Должны быть развязка и соответствующая мораль. Тогда вы почувствуете удовлетворение.

Проволока? О, они могут ходить по ней. О да, эти кошки. Нет-нет-нет; сначала вы должны послушать еще немножко.

Я ушел. Здесь, в этой огромной, исполненной божественного молока груди, свисающей под чревом Азии, есть богатая и давняя традиция ухода. Наша страна достаточно велика, чтобы поглотить любую душу, наши порядки все еще снисходительны к странникам с посохом и в дхоти[158], обернутом вокруг чресл. Наше общество выработало механизм для полного исчезновения. Всякий может уйти из земного мира в божественный. Мой путь не представлял собой традиционный духовный поиск, не был он и хотя бы в какой-то степени религиозным. Я видел пришествие богов. Я отказался от своей карьеры, своей одежды, своего дома, своей жены – с ее благословением и прощальным поцелуем, своей семьи и друзей, своей личности, своих социальных сетей, своего онлайн-присутствия – всего, кроме своего генетического наследия, которое нельзя было аннулировать, и сделался садху. Только Сарасвати знала мой секретный электронный адрес. Я покинул апартаменты и побрел сквозь залитый неоновыми огнями зной Раджив-сёркл, прочь, по обочинам автострад, пропитанных желтым светом, под снижающим скорость самолетом, прибывающим в аэропорт, мимо кирпичных, и картонных, и пластиковых пристанищ невидимой бедноты. Рассвет застал меня среди ребристых алюминиевых стен пакгаузов и фабрик Туглука. За одну ночь я пешком пересек город. Это чудесно и удивительно. Каждому следовало бы сделать это. Я шагал по растрескавшимся бетонным плитам автострад, по обочинам проселочных дорог, где летят камни из-под колес и

клубится выхлопной дым проходящих грузовиков, вдоль огромных медленных составов, материализующихся, будто видения, из горячего марева, с машинистами, бросающими мне рупии в обмен на благословение. Я присел и прикрыл голову и глаза, когда стремительный «Шатабди-экспресс»[159] пронесся мимо на скорости в сотни километров в час. Заметили ли меня вообще пассажиры сквозь затемненные стекла? Если да, то я должен был показаться им очень странным садху. Малютка садху. Маленький, но решительный, продолжающий все дальше и дальше вонзать перед собой посох.

Что я делал? Шел. Что надеялся найти? Ничего. Куда я шел? Смотреть. Не считайте меня трусом или неудачником, уходящим от правды, которую не смог принять. Меня насквозь пронзило открытие, что я устарел. Я не будущее, я тупик, генетический застой. То была естественная реакция привилегированного существа на свою абсолютную ненужность. Я ведь сопляк, не забывайте. Избалованный маменькин сынок. Той самой ночью, когда я вернулся и выложил сногсшибательное известие насчет своей репродуктивности – что у матери никогда не будет в потомках династии блистательных брахманов, как она мечтала, – я пробудился от сна. Был тот неясный час, когда действительность становится шаткой и джинны обретают свободу. Меня разбудил звук. Похожий на вздох и на рев, на шум моторов и шорох кондиционеров, на далекий отчаянный крик и гудение неона и электропроводов. Это была вибрация поездов метро и автофургонов, музыка из фильмов и отдельные песни, накладывающиеся друг на друга. Я услышал дыхание Великого Дели, погруженного в некрепкий сон, и мне хотелось выйти на балкон и закричать во всю силу своей одиннадцатилетней глотки: «Проснитесь! Проснитесь!» Может, будущее Шива и неизбежно, вписано в геометрию пространства-времени сущностями, находящимися вне нашего мира, но я не позволю нам брести туда вслепую. Мой мозг бурлил. Прежде я никогда не испытывал ничего подобного. Я соображал с бешеной скоростью, образы, воспоминания и идеи сталкивались, разбивались, смешивались. Нагромождения мыслей, огромные, как горы, рушились вокруг меня. Путь – конкретный и очевидный – лежал передо мной. Он определился за две секунды, полностью и целиком. Я должен удалиться от политики и общества Дели, отвлекающих внимание. Мои замыслы простирались намного дальше, мне нужно стать безымянным на время, молчать, смотреть и слушать. Впереди ждала война, и это была война мифологий.

Лакшми поцеловала меня, и я ушел. Я скитался девять месяцев, сначала шел на юг, через границу в Раджастан, затем

обратно в Бхарат и к северу, где дышат Гималаи, к прохладным зеленым холмам, где я проводил свой медовый месяц с Лакшми. К озеру Дал и Шринагару, к Леху и высокогорью. Я так и не сумел отрастить подобающую садху бороду, зато приобрел худобу и долговязость подлинного аскета. Юноши-евнухи вырастают высокими и худыми. И дреды. О да. С ними удобно жить, но неприятно отращивать. Еще я обзавелся прозвищем: Безбородый Садху. В придачу к нему я получил мускулы и загар, выносливость, чтобы шагать целый день, довольствуясь лишь чашкой риса и кружкой воды. Каким же слабым, неприспособленным юнцом я был! Я нищенствовал и показывал небольшие фокусы, связанные со счетом и запоминанием, за еду и кров. Повсюду я выискивал «третий глаз» у мужчин и женщин. Я видел то, чего не увидел бы никогда с верхушки Рамачандра Тауэр или из Президентского дворца. Я видел жажду и засуху. Видел достойных деревенских лидеров и старательных местных чиновников, приходящих в отчаяние от бюрократов из правительства. Видел, как умная женщина превращает несколько сот рупий, полученных от микрофинансовых организаций, в успешный бизнес. Видел хороших учителей, пытающихся вырвать поколения из безысходности и западни кастовых отношений, и торопливый средний класс Авадха, спешащий поднять за собой лестницу социальной мобильности. Я помогал с уборкой урожая, и ездил на тракторе, и слышал, как фермеры клянут бесконечно растущие цены на стерильные генно-модифицированные семена. Я гонялся с посохом за крысами и размахивал руками, отпугивая от полей целые стаи воробьев. Я сидел в общинном доме и смотрел крикет на огромном плазменном экране, получающем питание от накопленной солнечной энергии. О, я был самым необычным садху. Я заслужил еще одно прозвище вдобавок к Безбородому Садху: Садху-Крикетист. Я видел деревенские свадьбы и праздники, видел похороны. Я видел смерть. Это случилось неожиданно, в маленьком городке неподалеку от Агры. Наступил Холи[160], и улицы заполнились летающим цветом, струями краски, облаками пудры, испачканными сари и погубленными белыми рубашками, которые не спасти никакой стиркой, и повсюду смеющиеся лица в пятнах краски, белозубые, с горящими глазами, и все кричат: «Холи хай! Холи хай!» – выплескивая новые потоки краски в воздух. Я, такой же пестрый, как и все, пробирался сквозь этот разноцветный цирк. В тук-тук набилась куча народу, с дюжину раскрашенных молодых людей цеплялись за всевозможные стойки и выступы. С вытаращенными от марихуаны глазами, они громогласно хохотали и горстями швыряли краску в прохожих. Они были прямо передо мной.

Переднее колесо угодило в рытвину, и после ничтожной заминки перегруженная конструкция перекувырнулась, опрокинулась на крышу, которая треснула, будто яйцо. Люди разлетелись во все стороны, причем многие были настолько расслабленными после марихуаны, что, не переставая смеяться, вскакивали и бежали дальше. Один не шевелился. Его зажало под разломанным пластиковым корпусом. Он лежал на спине, странно вывернув руки. Лицо его покрывали сине-зелено-розовые пятна, казалось, он улыбается, но мои органы чувств не лгали: он мертв. Прежде я никогда не видел смерти. Это было так просто и странно, здесь, неопровержимо, передо мной, и все же настолько неуловимо, мгновенная трансформация, противоположная всему что является жизнью. Я бормотал молитвы, которых от меня ждали, но в душе начинал постигать глубочайшую из всех человеческих истин. Я двадцатишестилетний мужчина, хотя и в странном тринадцатилетнем теле, срок моей жизни измеряется столетиями, но однажды я тоже лягу, как он, и перестану двигаться, и мыслить, и чувствовать, и навсегда стану ничем. Я увидел смерть и начал понимать.

От деревни к деревне, от города к городу, от храма к храму, от огромных сооружений величиной с город до придорожных молелен с белеными стенами. Потом однажды под стенами торгового центра, в иссушенном засухой, пыльном пригороде Джайпура, когда явились охранники, чтобы вежливо (ибо каждый должен всегда быть почтителен с садху) просить меня идти дальше, *пожалуйста, я* увидел то, что искал. Мужчина обернулся взглянуть на эту маленькую суматоху, и, когда я мельком бросил на него взгляд, увидел Глаз Шивы, а в нем кишмя кишели биотехнологии.

Я отправился в общественный центр и написал свою первую статью. Я отправил ее Сурешу Гупте, редактору «Всячины», самого бесстыдно-популистского из всех делийских журналов, который печатал фотографии моего рождения и свадьбы, а теперь, сам того не зная, будет печатать мои пророчества насчет наступающей эпохи Кали. Он отверг статью, не раздумывая. На следующий день я написал другую. Она вернулась обратно с пометкой: «Тема интересная, но малодоступная для наших читателей». Это было уже что-то. Я вернулся и написал снова, долго сидя над блокнотом в ночи. Уверен, что заслужил еще одно прозвище: Садху-Бумагомаратель. Суреш Гупта принял эту третью статью и все последующие. О чем я писал? Обо всем, что пророчил Шив. О том, что это может означать для трех индийских семей – Вора, Дешмук и Хирандани: деревня, небольшой городок и крупный город. Я создал персонажей: матерей, отцов, сыновей и

дочерей, и сумасшедших тетушек и дядюшек с их темными секретами, и давно потерянных и вдруг объявившихся родственников – и рассказывал об их жизни, неделя за неделей, год за годом, и о переменах, к лучшему или к худшему, под жестокими ударами технологической революции, непрерывно обрушивающимися на них. Я создал собственную еженедельную мыльную оперу; я даже осмелился назвать ее «Город и деревня». Она имела большой успех. Она продавалась. Суреш Гупта обнаружил, что его тиражи выросли на тридцать процентов благодаря той части делийской интеллигенции, которая прежде видела «Всячину» только в парикмахерских и салонах красоты. Всех интересовало, кто же пишет под псевдонимом «Шакьямуни». Мы хотим взять у него интервью, мы хотим напечатать его биографию, мы хотим пригласить его в «Авадх сегодня», мы хотим заказать ему статью, мы хотим сделать его консультантом этого проекта, этого мозгового центра, мы хотим, чтобы он открыл супермаркет. Суреш Гупта отбивался от всех этих домогательств с легкостью профессионального боксера. Были и другие вопросы, невольно подслушанные мною на вокзалах и на маршрутах тук-туков, в очередях супермаркетов и на базарах, в компаниях и на семейных встречах: «Что это означает для нас?»

Я продолжал странствовать, продолжал ходить, погружаясь в жизнь деревень и небольших городков. Я продолжал писать свою маленькую мыльную оперу о будущем, отправляя статьи то через селлпойнт, то через сельский нетлинк. Я высматривал глаз Шивы. Между первым и вторым случаем, в бизнес-парке Мадхья-Прадеш, прошло несколько месяцев. После этого я видел их постоянно, но никогда этих знаков не было много; потом, на рубеже 2049 и 2050 годов, словно пустыня расцвела после дождя, и они уже были везде.

Я шел по унылой равнине южнее непальской границы в направлении Варанаси, развивая свои идеи насчет эволюции, дарвинистской и постдарвинистской, и принципиальной непознаваемости сингулярности, когда пришло сообщение от Сарасвати, первое за те две недели, что я слонялся от деревни к деревне. Я тут же автостопом отправился в Варанаси и купил билет до Дели на ближайший поезд. Мои спутанные дреды, длинные ногти, грязь и священная пыль долгих странствий полетели в мусорный бак в зале ожидания первого класса. К моменту, когда «Вишванатх-экспресс» втянулся в наноалмазный кокон Нью-Дели Центрального, я был одет с иголочки, энергичный, самоуверенный юный делиец, в высшей степени положительный тинейджер. Сарасвати подвезла меня на своем грузовике. Это был старенький побитый белый «Тата», без

автопилота, бортового компьютера и даже без работающего кондиционера. «Женский приют Нью-Дели» – гласила синяя надпись на борту. Странствуя по стране, я следил за карьерой – или, точнее, карьерами – сестры. Ее привлекало чувство собственной полезности; будь она западным человеком, а не делийской девушкой, я назвал бы это чувством вины за привилегии по праву рождения. Театральный менеджер здесь, городской сельхозкооператив там, ослиный приют сям, протестное движение против плотины где-нибудь еще. Она высмеивала меня: реальная работа ведется среди простых людей, в массах, там, так сказать, где корни. Люди работают. А кто обеспечит водой эти корни? Могу сказать, что согласиться с ее философией мне помогло лишь предвидение Шива насчет окончания эпохи Кали.

Сестра выглядела старше, чем должна была бы, учитывая годы моих странствий, словно время моей обманчиво долгой юности каким-то образом добавлялось к ее возрасту вследствие некой кармы. Она вела машину как террористка. Или, может, я просто не ездил на машине, на дряхлом пикапе «Тата», по городу, по Дели… Нет, все-таки она водила как террористка.

– Ты должна была сказать мне раньше.

– Он не хотел. Он хочет сам держать все под контролем.

– Что с ним?

– Болезнь Хантингдона.

– Можно что-нибудь сделать?

– Раньше нельзя было. И теперь тоже.

Ревя клаксоном, Сарасвати пробивалась сквозь сутолоку машин на кольцевой развязке у Парламент-стрит. Шиваиты все еще защищали свой храм, трезубцы в руках, истинный тилак Шивы – три белые горизонтальные полосы – на лбу. На улице почти у всех мужчин и женщин можно было видеть на лице эту особую отметину. Лицо Сарасвати было чистым.

– Он должен был узнать, когда проходил генетическую проверку перед моим зачатием, – сказал я. – Он никогда не говорил.

– Может, ему было достаточно знать, что у тебя этого никогда не будет.

За отцом смотрели две сиделки, и они были очень добры, он называл их Нимки и Пападжи. Молодые непалки, очень скромные и воспитанные, тихие и миловидные, они присматривали за ним, и давали ему кислород, и чистили калоприемник, и переворачивали отца в постели во избежание пролежней, и устраняли инфильтраты и струпья вокруг множества трубок, уходящих в его тело. Я чувствовал, что они по-своему любят его.

Сарасвати ждала снаружи, в саду. Она не хотела видеть отца таким, но думаю, ее отвращение было более глубоким: не просто к тому, чем он стал, а к тому, чем он становился.

Всегда тучный, Тушар Нариман еще разжирел, когда на него обрушилась неподвижность. Комната находилась на первом этаже, и из нее открывался вид на выжженные солнцем лужайки. Деревья со сгоревшими коричневыми листьями защищали от вульгарности улицы. Испытание если не для тела, то для души. Неврологическая дегенерация зашла дальше, чем я предполагал.

Мой отец был большим, опухшим и бледным, но машина затмевала его. Она напоминала мне богомола, со всеми этими руками, зондами и манипуляторами, запустившего в него свои крючки сквозь множество разрезов и клапанов. Помнится, Ганди полагал всю хирургию насилием над телом. Машина наблюдала за отцом через сенсорные иглы, которыми было утыкано его тело, как при радикальной акупунктуре, и, я не сомневался в этом, через красный глаз Шивы у него на лбу. Она позволяла ему моргать и сглатывать, позволяла дышать, и, когда отец разговаривал, она говорила за него. Его губы не двигались. Голос доносился из динамиков на стене, и это делало его до странного неземным. Попадись я тоже на крючок с этим третьим глазом, слова отца звучали бы прямо у меня в голове, как при телепатии.

– Ты хорошо выглядишь.

– Я много хожу.

– Мне не хватало тебя в новостях. Мне нравилось, как ты двигаешься и пожимаешь руки. Для этого мы тебя и сделали.

– Вы сделали меня слишком умным. Суперуспех – это не жизнь. Он никогда не дал бы мне счастья. Пусть Шив завоевывает мир и преобразует общество; высший разум всегда предпочтет тихую жизнь.

– Так чем же ты занимался, сын, оставив правительство?

– Я же сказал: ходил. Инвестировал в людей. Рассказывал истории.

– Я поссорился бы с тобой, назвал бы тебя неблагодарным мальчишкой, если бы Нимки и Пападжи не утверждали, что это убьет меня. Но ты и есть неблагодарный мальчишка. Мы дали тебе все – *все,* – а ты просто выбросил все это на обочину. – Он дважды вздохнул. Каждый вдох давался ему с великим трудом. – Ну, что ты думаешь? Глупости, верно?

– Похоже, за тобой хорошо ухаживают.

Отец закатил глаза. Казалось, он уже где-то по другую сторону боли. Он продолжал жить благодаря одной лишь силе воли. Продолжал ради чего-то, непонятного мне.

– Ты не представляешь, как я от всего этого устал.

– Не говори так.

– Пораженчество, да? Твоего сверхчеловеческого ума не нужно, чтобы понять: ничем хорошим это не кончится.

Я развернул стул и уселся на него верхом, сложив руки на спинке и уперев в них подбородок.

– Что ты еще должен сделать?

Два смешка, один из динамика, второй – влажное бульканье в натруженном горле.

– Скажи мне, ты веришь в реинкарнацию?

– Разве все мы не верим? Мы же индийцы, мы на этом стоим.

– Нет, на самом деле. В переселение души?

– Что именно ты делаешь? – Задавая вопрос, я уже знал ужасный ответ. – Глаз Шивы?

– Ты так это называешь? Хорошее имя. Поддерживать мое существование – лишь малая часть того, что делает эта машина. В основном она обрабатывает данные и запоминает. Маленькая частица меня каждую секунду перемещается в нее.

Разум, загруженный в компьютер, иллюзия бессмертия, бесконечная реинкарнация в образе чистой информации. Тусклое, бесплотное богословие постчеловечества. Я писал об этом в своих статьях в «Нации», заставлял свои мыльные семейства столкнуться с этим и понять всю фальшивость этих посулов. Теперь будущее было здесь, во плоти, в моей личной реальной мыльной опере, в моем собственном отце.

– Ты все равно умрешь, – сказал я.

– Это умрет.

– Это – *и есть* ты.

– Той физической части меня, что была десять лет назад, сегодня нет. Каждый атом во мне иной, но я продолжаю думать, что я – это я. Я терплю. Я помню, как был тем, другим физическим телом. Это непрерывность. Решив копировать себя, будто папку с файлами, я, конечно же, уйду в эту темную долину, из которой нет возврата. Но, быть может, быть может, если я продолжу себя, если смогу переместить себя – мало-помалу, воспоминание за воспоминанием, – может, смерть тогда ничем не будет отличаться от стрижки ногтей.

В помещении, наполненном таким количеством разных медицинских звуков, не может быть абсолютной тишины, но слов больше не было.

– Зачем ты позвал меня сюда?

– Чтобы ты знал. Чтобы ты мог благословить меня. Поцеловать меня, потому что мне страшно, сын, мне так страшно. Никто никогда еще не делал этого. Выстрел наугад. Что, если я совершил ошибку, если сам себя одурачил? О, пожалуйста,

поцелуй меня и скажи, что все будет хорошо.

Я подошел к постели. Я осторожно пробрался между трубочками и проводками. Я крепко прижал к себе гору изголодавшейся по солнцу плоти. Я поцеловал своего отца в губы и, целуя, беззвучно, одними губами произнес: «Я враг Шиву теперь и буду им всегда, но, если какая-то частица тебя еще осталась здесь, если ты способен что-нибудь понять по вибрации моих губ на твоих, дай мне знак».

Я выпрямился и сказал:

– Я люблю тебя, пап.

– Я люблю тебя, сын.

Губы не шелохнулись, палец не приподнялся, лишь глаза смотрели и смотрели и наполнялись слезами. Он увез мою мать в безопасность на перевернутом столе. Нет. Это был кто-то другой.

Два месяца спустя мой отец умер. Два месяца спустя мой отец достиг кибернетической нирваны. В любом случае я вновь повернулся спиной к Великому Дели и ушел от мира искусственных интеллектов и людей.

УТРО БЕЛОГО КОНЯ

Что? Вы ожидали героя? Я ушел, да. А что я должен был делать, устроить беготню со стрельбой, как герой боевика? И в кого я должен был стрелять? В злодея? А кто здесь злодей? Шив? Без сомнения, он мог бы организовать вам грандиозную сцену смерти, в духе лучших образцов Болливуда, но он не злодей. Он просто-напросто бизнесмен. Бизнесмен, чья продукция изменила каждую частицу нашего мира, полностью и бесповоротно. Нельзя расстрелять кибернетику или нанотехнологии, экономика упрямо отказывается демонстрировать вам затянутую минут на пять душераздирающую сцену своего умирания и таращить глаза, не понимая, каким образом все ее блестящие планы могли окончиться вот так. В реальном мире нет злодеев – полагаю, теперь следует сказать «в реальных *мирах*» – и очень мало героев. И уж точно нет героев без яиц. Ибо, в конце концов, это квинтэссенция героя. У него есть яйца.

Нет, я сделал то, что сделал бы любой здравомыслящий индиец. Я пригнулся пониже и уцелел. Мы в Индии оставляем геройство тем, кому по силам играть в эту игру: богам и полубогам из «Рамаяны» и «Махабхараты». Пусть они пересекают вселенные в три шага и сражаются с полчищами демонов. А нам оставьте такие важные занятия, как делание денег, защита наших семей, выживание. Это то, чем мы занимались на протяжении всей истории, во время нашествий и королевских войн, при ариях, и моголах, и британцах: склоняли голову, и продолжали делать свое дело, и мало-помалу выживали, соблазняли, ассимилировали и в итоге побеждали. Это то, что проведет нас сквозь мрак эпохи Кали. Индия вытерпит. Индия – это ее народ, а мы все в конечном счете – герои наших собственных жизней. Есть лишь одно героическое приключение, и оно длится от первого младенческого крика до погребального костра. Нас, героев, полтора миллиарда. Кто сможет победить нас? Итак, буду ли я героем собственной долгой жизни? Увидим.

После смерти отца я скитался десятилетиями. В Дели у меня не было ничего. Я обрел буддийскую отрешенность, хотя мои странствия были далеки от духовных исканий садху моего времени. Мир слишком быстро заполнялся моими одураченными персонажами «Города и деревни». В первые несколько лет я от случая к случаю еще отправлял статьи во «Всячину». Но правда заключалась в том, что теперь все стали Вора, или Дешмук, или Хирандани. Серии не оканчивались ничем, сюжетные линии провисали, семейные драмы оставались незавершенными. Никто

этого не замечал. Все теперь наяву жили в том мире. А мои чувства докладывали об этой невероятной революции в красках и подробностях, каких вы не можете себе даже представить. В Керале, в Ассаме, на песчаных отмелях Гоа или в игровом парке Мадья-Прадеш, в отдаленных труднодоступных местах, где я предпочитал жить, это представлялось далеким и потому постижимым. В Дели, должно быть, было всесокрушающим. Сарасвати держала меня в курсе звонков и электронной корреспонденции. Она пока что сопротивлялась глазу Шивы, и волнующей быстроте и близости, и медленной гибели частной жизни вследствие прямого обмена мыслями. Третья революция Шива придала устойчивости и дальновидности ее непредсказуемой карьере. Сарасвати сделала свой выбор и поселилась среди низших слоев общества. Я получил некоторое удовольствие, когда теле- и онлайн-мудрецы начали говорить, что, возможно, старикан Шакьямуни был прав в тех ужасных популистских халтурных статейках во «Всячине», и технологический взрыв расколол Индию, всю Индию, этот величайший бриллиант среди стран, на две нации, быстрых и медленных, компьютерных и некомпьютерных, подключенных и не подключенных. На имущих и неимущих. Сарасвати рассказывала мне о финансовых кругах, устремившихся во вселенско-компьютерное будущее едва ли не быстрее скорости света, и о вечных бедняках, обитающих в том же пространстве, но невидимых в мире подключенных – всегда на связи, беспрерывный обмен информацией. Призраки и пылинки. Две нации; Индия, это британское название для нагромождения народностей, и языков, и историй, и Бхарат, древняя атавистическая святая земля.

Лишь издалека мог я увидеть это время перемен в перспективе, как единое целое. Лишь отделив себя от них, мог начать понимать эти две страны. Индия была местом, где смешивались видимое и невидимое, словно две реки сливались воедино, священная Ямуна и Мать Ганга, и третья, невидимая, священная Сарасвати. Искусственные интеллекты и люди встречались и свободно смешивались друг с другом. ИИ обретали облик в людских разумах, люди превращались в лишенные формы сущности, перемещающиеся по всемирной сети. Вернулось время магии, те дни, когда люди с уверенностью ожидали встреч с джиннами на улицах Дели и запросто обращались за советом к демонам. Индия в той же степени находилась в мозгу и в воображении, как и между Гималаями и морем, или же в великолепной информационной сети, более сложной, богатой связями и тонкой, нежели любой человеческий мозг,

раскинувшейся над всем этим субконтинентом.

Бхарат был беден. У Бхарата трескалась кожа на ладонях и пятках, но он был прекрасен. Бхарат наводил чистоту, и мел, и готовил пищу, и присматривал за детьми, Бхарат водил машины, и строил, и толкал по улицам тележки, и таскал коробки по лестничным пролетам до апартаментов. Бхарат всегда хотел пить. Как это по-человечески, настолько увлечься своим последним кризисом, чтобы позабыть, что не сумели разрешить предпоследний. Проблемой Индии было хранение данных. Количество информации возрастало в геометрической прогрессии, доступная память – лишь в арифметической. Информационное мальтузианство стало угрозой для великой технологической революции. Проблемой Бхарата была вода. Муссоны, и прежде-то ненадежные, превратились в мелкие дождики, в немногочисленные грозы, когда вода испарялась с покрытой коркой земли, едва успев коснуться ее, дразнящая линия серых туч над горизонтом никогда не подплывала ближе. Гималайские ледники, питавшие великие реки Северной Индии и неспешно текущую Брахмапутру, иссякли; остались лишь серые каменные морены и сухая глина. Надвигалась сильнейшая из засух. Но что было до этого подключенному классу? Они могли платить за опресненную воду, разве Индия не возникла из вод? А на крайний случай, если вселенная погибнет в огне, они смогут, благодаря великолепной новой технологии, транслировать себя из этих примитивных физических тел в Индию мечты между реальным и виртуальным мирами. Бодхисофты[161], так называли этих продвинутых существ, Шив гордился бы таким именем.

Из своего пляжного бара, из своей школы дайвинга, из своего охотничьего заповедника, и книжной лавки, и танцклуба, и кофейни, и бюро пешеходных экскурсий, из своего ресторана, и антикварного магазина, и ашрама я наблюдал, как мои пророчества становятся явью. Да, я вступил во все эти предприятия. Их было десять, по одному для каждой из десяти аватар моего божественного тезки. Все они находились на краю света, все позволяли наблюдать за эпохой Кали. Я потерял счет годам. Мое тело выросло и стало мной; долговязым, тощим, высоколобым мужчиной с тонким голосом и длинными руками и ногами. Еще у меня очень красивые глаза.

Я мерил годы утратами. Я восстановил контакт со своим старинным политическим коллегой из Варанаси, Шахин Бадур Ханом. Он был удивлен так же, как и все, когда я столь внезапно исчез с политической сцены, но его собственная карьера тоже грешила лакунами, и когда он обнаружил, что я – это Шакьямуни из широко опубликованных сочинений о «Городе и деревне», мы

начали оживленную и продолжительную переписку, продолжавшуюся до самой его смерти в возрасте семидесяти семи лет. Он умер весь, как добрый мусульманин. Лучше обещание рая, чем туманные сомнения бодхисофта. Моя мать ускользнула из мира в царство бодхисофтов. Сарасвати не могла сказать, была ли причиной ужасная болезнь или просто матери наскучил мир. В любом случае я никогда не искал ее в служивших хранилищами памяти небоскребах, опоясавших Дели по линии старого Сири Ринг. Лакшми, эта почти жена и любимейшая из заговорщиц, ушла во владения бодхисофтов, где могла бесконечно исследовать сложнейшие математические игры, столь восхищавшие ее. Были не одни лишь потери. Эпоха Кали принесла мне друга: еще одного великого Хана, моего старого наставника из колледжа доктора Ренганатана для брахманов. Он являлся из облачка информационной пыли, заменявшей экраны и крючки для тех, кто по привычке отвергал глаз Шивы, и проводил немало упоительных вечеров, читая мне лекции о моей моральной расхлябанности.

Потом по улицам Дели начала летать пыль. Но не пыль, порожденная вечной засухой, испепелявшей поля и обращавшей урожай в прах, заставлявшей миллионы людей переселяться из Бхарата в города Индии. То была пыль Шивы, священный пепел нанокомпьютеров «Пуруша Корпорейшн», выпущенных в мир. Может, Бхарат и задыхается, но это! это! решение индийских проблем с памятью! Шив придумал для них имя, тоже хорошее. Он назвал их дэвами.

Он связался со мной. Десятки лет прошли с того дня, когда мы в последний раз беседовали в его саду в Варанаси за бокалом лимонада. Я тогда обитал в дхарамшале[162] в Пандуа. Там было просторно, спокойно и прохладно, и единственным беспокойством являлись чересчур тяжелые шаги западных людей, толпами стекавшихся туда. Я открыл для себя, что они не ходят босиком. IT-пыль зазвенела, обозначая вызов. Я ожидал мистера Хана. Вместо него из завихрения пылинок возник мой брат. Он похудел, сильно похудел. И выглядел хорошо, слишком хорошо. Он мог быть чем угодно: человеком, агентом ИИ, бодхисофтом. Мы приветствовали друг друга и обменялись комплиментами по поводу прекрасного внешнего вида.

– А как Нирупа?

Его улыбка заставила меня подумать, что он человек. У ИИ свои эмоции или нечто похожее на эмоции.

– Хорошо. Просто отлично. Ей уже двадцать восемь, можешь себе представить?

Я подтвердил, что не могу.

– У нее все нормально, нашла подходящего парня, из вполне приличной семьи, не просто охотника за приданым. Этакий старомодный тип. Я рад, что она дождалась своего, но теперь они могут себе позволить не спешить.

– Все время мира в их распоряжении.

– Она красивая. Виш, мне нужно кое-что тебе сказать. Не то чтобы предостеречь, скорее, подготовить тебя.

– Звучит угрожающе.

– Надеюсь, что нет. Ты все очень хорошо предсказал.

– Предсказал что?

– Не скромничай. Я знаю, кем ты был. Боюсь, в прозрачном мире секретов нет. Нет, ты все правильно понял, и я рад, что ты это сделал, потому как, на мой взгляд, ты смягчил удар, но есть еще кое-что, чего ты не предвидел, возможно, и не мог предвидеть.

Легкий ветерок играл пламенем свечи в моем простом дощатом жилище. Тяжелые белые ноги топали – топ-топ-топ – по скрипучим настилам за решетчатым окном. Загляни они через решетку, и увидели бы, как я разговариваю с призраком. Ничего удивительного, в этакую-то эпоху, а может, и в другие эпохи тоже.

– Во время нашего последнего разговора ты сказал, что используешь информацию из действующего устройства, оставленного нам в наследство настоящими ИИ.

– Отличная догадка.

– Это представляется логичным.

– Когда тримурти[163] покинула Землю, они открыли канал связи с особым пространственно-временным континуумом. Там есть несколько основных отличий от нашего пространства-времени. Одно из них – в том, что время там идет гораздо быстрее, чем у нас, хотя для находящегося в том континууме это незаметно. Другое – временной вектор развернут в обратную сторону. Тримурти движется назад во времени. Вот, похоже, каким образом их артефакт, который американцы называют «Табернакль», на момент обнаружения его в космосе оказался старше Солнечной системы. Но наиболее важным – что и определило выбор – стало то, что информация была интегрирована в геометрическую структуру этого пространства-времени.

Я закрыл глаза и сосредоточился.

– Ты говоришь, что информационные, цифровые разумы составляют часть базовой структуры этой вселенной. Разум, не нуждающийся в телах. Целая вселенная – как космологический компьютер.

– Ты уловил суть.

– И ты нашел путь в эту вселенную.

– О, нет-нет-нет-нет-нет. Та вселенная закрыта. Она закончилась вместе с тримурти. Их время ушло. Та вселенная была несовершенной. Есть другие мыслящие пространства вроде нее, только лучше. Мы собираемся открыть множество – сотни, со временем и тысячи – порталов. Наша потребность в обработке данных всегда будет больше, чем доступный нам объем памяти, и дэвы – лишь временная мера. Целая вселенная, прямо рядом с нашей, всего в одном шаге, доступная для вычислительных ресурсов.

– Что вы собираетесь сделать?

– Йотирлингамы.

Йотирлингамы были святыми местами, где в эпоху Вед созидательная энергия Господа Шивы вырвалась из-под земли столпами божественного света, изначальными символами фаллического культа. Теперь они будут исходить не из земли, а из другой вселенной. И Шив дал им название в духе прочей своей космологической чуши. В недостатке спеси его не упрекнешь. Его образ из IT-пыли засверкал, взвихрился и рассыпался бесчисленным множеством крохотных искр. Улыбка его, казалось, осталась, как у легендарного Чеширского Кота. Неделю спустя в городах в каждом из индийских штатов появились двенадцать световых столпов. Из-за едва заметного отклонения от оси делийский йотирлингам встретился с землей посреди Далхаузи, обширнейших городских трущоб, забитых сверх всякой меры бежавшими от засухи.

Одновременное, в одиннадцать тридцать три, появление двенадцати столпов света в городах по всей Индии парализовало железнодорожную сеть. Это стало одним из наименьших нарушений порядка того дня, но для меня, застрявшего на острове посреди Брахмапутры и стремящегося попасть в Дели, оно было наиглавнейшим. Чудо уже то, что летали хоть какие-то самолеты, а то, что я сумел купить билет на один из них за любые деньги, вообще свидетельствовало о том, что эпоха богов воистину вернулась. Даже тогда, когда входы в чужие миры открываются прямо посреди наших великих древних городов, индийским бабушкам все равно нужно пускаться в путь, чтобы повидать своих любимых малюток.

Я пытался связаться с Сарасвати, но все канаты связи с Дели отключились; искусственные интеллекты из кол-центра сообщати, что сеть будет восстановлена спустя неопределенное время. Пока аэробус «Эйр Авадх» нес меня над истончившейся серебряной нитью пересыхающего Ганга, я размышлял, каково для привыкших зависать в дэв-сети вновь возвратиться в одну-

единственную черепную коробку. В крохотном туалете я опять превратился в выбритого, подстриженного, благовоспитанного делийца. Когда мы садились в аэропорту Индиры Ганди, командир экипажа посоветовал сидящим справа выглянуть в иллюминаторы, чтобы увидеть йотирлингам. Голос его звучал неуверенно, не тот тон, какой хочется слышать у пилота воздушного корабля, словно человек не мог поверить своим глазам. Я начал разглядывать это задолго до командирского призыва: линия яркого, будто солнце, света поднималась из серой дымки центрального Дели вверх и там терялась из виду, насколько я мог рассмотреть, выворачивая шею, чтобы заглянуть сквозь крохотное окошко в темнеющее небо.

Сарасвати где-то там. Об этом и предупреждал Шив. Когда ударил свет, она глянула по сторонам и в тот же миг все решила. Людям нужна помощь. Она не могла отказать.

На то, чтобы покинуть самолет, ушел час, поскольку пятью рейсами одновременно прибыли журналисты. Электронная информация, по-видимому, не заменяла репортеров на местах. Зал гудел от множества кинокамер величиной с муху. Два часа, чтобы продраться в Дели на лимузине. Автомагистрали были забиты потоками транспорта, все ехали из города, перемещаясь со скоростью черепах. Многоголосица гудков представлялась ужасной для человека, прибывшего из совершенной, прозрачной тишины дхарамшала. В Дели ехали, кажется, лишь военные и репортеры, но солдаты остановили нас у перекрестка, пропуская рычащую колонну заказных автобусов с беженцами. Перед большой развязкой на Сири Ринг мы застряли на полчаса. От нечего делать я с волнением рассматривал стеной стоящие хранилища памяти; высокие черные монолиты, впитывающие солнечный свет своей облицовкой, стоящие плечом к плечу, насколько хватало глаз. С каждым глотком кондиционированного воздуха я вдыхал миллионы дэвов.

Все придорожные полосы, все обочины и развязки, все перекрестки и парковки, все внешние сады и лужайки были забиты лачугами и пристройками беженцев. В лучшем случае они представляли собой три невысокие кирпичные стены с полиэтиленовым мешком вместо крыши, в худшем – навесы от солнца из обрывков картона или из прутьев и тряпья. Вся растительность вытоптана, ветки и кора с деревьев дочиста содраны на дрова. Голая земля превратилась в пыль, смешиваясь с летучими дэвами. Трущобы жались прямо к подножиям башен памяти. Чего предполагала Сарасвати добиться здесь, перед лицом столь колоссальной катастрофы? Я вызвал ее снова. Сеть по-прежнему отсутствовала.

Бхарат оккупировал Индию, и теперь Индия изгоняла его. Мы ехали, беспрестанно гудя сиреной, мимо ужасных, изнуренных толп беженцев. Здесь не было хороших автомашин. Грузовики, ветхие автобусы, пикапы у зажиточных, а за ними – полчища тук-туков, перегруженных сильнее, чем тот, что я видел на Холи, когда открыл для себя смерть. Мотоциклы и мопеды, почти невидимые под связками постельных принадлежностей и посуды. Я заметил тарахтящий самодельный агрегат, наполовину трактор, с пугающе незащищенным двигателем, волокущий за собой прицеп высотой с дом, набитый женщинами и детьми. Повозки, запряженные ослами, изо всех сил тянущими тяжелый груз. Наконец, человеческие мускулы, обеспечивающие этот исход: велорикши, ручные тележки, согнутые спины. Военные роботы направляли их, пасли, наказывали шокерами тех, кто сбивался с одобренного для беженцев маршрута или падал.

Перед всем этим, над всем этим сияло серебряное копье йотирлингама.

– Сарасвати!

– Вишну?

Я едва услышал ее сквозь рев.

– Я приехал за тобой.

– Ты – что? – Там, где она находилась, было так шумно. Я зафиксировал ее местоположение. Автопилот доставит меня туда так быстро, как сможет.

– Ты должна выбираться оттуда.

– Виш.

– Никаких Виш. Что ты можешь сделать?

Я таки услышал ее вздох.

– Хорошо, я тебя встречу. – Она дала мне свежие координаты. Водитель кивнул. Он знал это место. На нем была хрустящая униформа, а фуражка сидела изумительно прямо, но я знал, что он напуган не меньше моего.

На бульваре Мехраули я услышал стрельбу. Авиадроны носились над самой крышей, так низко, что от их двигателей машина покачивалась на рессорах. Из-за грязного фасада торгового центра поднимался дым. Эта улица, я узнал ее. Это Парламент-роуд, там – старый «Парк-отель», тут – «Японский банк». Но такие выцветшие, такие обветшалые, В «Парк-отеле» не хватало половины стекол. Уединенные сады вокруг Джантар Мантар на Сансад Марг заполнили жилища из коробок, их полиэтиленовые крыши жались прямо к строгим мраморным углам астрономических инструментов Джай Сингха[164]. Все вокруг заполонили навесы, лачуги и прочие убогие убежища.

– Дальше не проехать, – предупредил водитель, когда мы

застряли в неподвижной мешанине из людей, животных, транспорта и военных на Талкатора-роуд.

– Никуда не уезжай, – велел я водителю, выскакивая из машины.

– Это вряд ли, – ответил он.

Давка была жуткая, все передвигались хаотически, мне в жизни не доводилось бывать в более ужасном месте, но Сарасвати была тут, я видел ее на своей интеллект-карте. Оцепление из полицейских ботов попыталось оттеснить меня вместе с толпой от ступеней Авадх Бхавана, но я пригнулся, метнулся в сторону и проскочил. Я знал это место. За возможность работать здесь я пожертвовал своими яйцами. Потом внезапно я каким-то чудом очутился на свободном пятачке. Сердце мое затрепетало, перед глазами все поплыло. Дели, милый Дели, мой Дели, они допустили, чтобы это случилось с тобой. Изящные лужайки и бульвары, просторные базары и майданы Раджпатха[165] превратились в бесконечную череду трущоб. Крыши, крыши, крыши, покосившиеся стены, картон, дерево, кирпич, раздуваемый ветром полиэтилен. Над дюжиной пожарищ поднимался дым. И это – это Далхаузи. Конечно, я знал это название. И подумать не мог, что когда-нибудь оно станет названием гигантской помойки для этих новых отверженных Нью-Дели, согнанных сюда засухой и нищетой. Такое презрение выказывала новая Индия старому Авадху. Кому нужен парламент, когда всеобщая компьютеризация всех привела к консенсусу? В конце изысканного Раджпатха, где, как я предполагал, должны стоять старинные Ворота Индии, уходил в небо йотирлингам. Он был такой яркий, что я мог глядеть на него лишь доли секунд. Он отбрасывал жуткий, неестественный серебряный отблеск на царящие вокруг деградацию и страх. Он оскорблял мою чувствительность брахмана: действительно ли я вдыхаю запах голосов и слышу краски, а это покалывание, будто прикосновение холодного лимонного меха ко лбу, – излучение иной вселенной?

Кругом мельтешили люди, дым разъедал глаза, струи воздуха от аэродронов и летающих камер толкали в спину. У меня оставались считаные мгновения, потом военные изловят меня и выдворят отсюда вместе с прочей паникующей толпой. А то еще и похуже. Я видел на земле тела, вдоль линии пластиковых хибар надвигалось пламя.

– Сарасвати!

И она появилась. О, она появилась, тонкая, как хворостинка, в армейских штанах и шелковой блузке, но исполненная своей чудесной энергии и решимости, стремительно вынырнув из-за какого-то покосившегося строения. В каждой руке она тащила по

ребенку, чумазому и ревущему. Совсем крошки. На этом месте она соскользнула с моего свадебного слона, чтобы танцевать с гуляками в этом своем смешном мужском костюме и пышных фальшивых усах.

– Сарасвати!

– Ты достал машину?

– Да, я на ней приехал.

Дети уже готовы были завопить во всю глотку. Сарасвати пихнула их ко мне.

– Отведи в нее этих двоих.

– Пойдем со мной.

– Там есть еще дети.

– Что? Ты о чем?

– Несколько детей с особыми потребностями. Когда небеса разверзлись, их бросили. Все вокруг бегут и бросают детей. Возьми этих двух к себе в машину.

– Что ты делаешь?

– Там внутри есть еще.

– Ты не пойдешь.

– Просто отведи их в машину, потом возвращайся.

– Армия…

Она исчезла, поднырнув под клубы надвигающегося дыма, и затерялась среди узких проулков и проходов между лачугами. Дети тянули меня за руки. Да-да, их нужно увести отсюда. Машина, машина рядом. Я развернулся, чтобы попробовать пробраться с двумя малышами сквозь колышущуюся массу беженцев. Потом затылком я ощутил волну жара. Обернувшись, я увидел, как огненный цветок расцвел на вершине здания, разбрасывая по сторонам куски горящего пластика. Я закричал, без смысла и без слов, и тут обрушился весь квартал, в реве пламени и тучах искр.

Эпоха Кали. Терпеть не могу эту склонность многих индийцев полагать, что раз мы очень древняя культура, значит, мы изобрели все. Астрономия? Сделано в Индии. Ноль? Сделано в Индии. Неопределенная, вероятностная природа реальности, доказанная квантовой теорией? Индийская. Вы мне не верите? В Ведах говорится, что четыре великие эпохи мира соответствуют четырем возможным исходам нашей игры в кости. Крита-юга, эпоха совершенства, – это наивысший возможный результат. Кали-юга, эпоха раздора, тьмы, разложения и распада, – наименьший. Все это – лишь перекатывание божественной игральной кости. Вероятность! Индийское!

Кали, Параскати, Темная Госпожа, Повелительница Смерти и Пьющая Кровь, Ужасная Десятирукая в ожерелье из черепов, Та,

Что Восседает На Троне Из Пяти Трупов. Разрушительница Времени. И все же Кали также Возрождающая, Владычица Всех Миров, Корень Древа Мира. Все циклично, и после эпохи Кали мы снова перекатимся в Золотой век. И то, чему не может быть объяснений сегодня, тогда с неизбежностью станет предметом поклонения.

Думаю, я на какое-то время потерял рассудок после гибели Сарасвати. Знаю, что никогда и не был нормальным в вашем понимании нормальности. Мы брахманы. Мы другие. Но даже для брахмана я был безумен. Какая драгоценная и редкая возможность – на время ускользнуть от нормальности. Обычно мы позволяем это очень-очень юным и очень-очень старым. Безумие пугает нас, у нас нет для него места. Но Кали понимает его. Кали приветствует его, Кали дарует его. Так что я сделался безумцем на время, но точно так же можно сказать, что я стал святым.

Я предпочел забыть, как добрался до храма в маленьком, иссушенном жаждой городке по канализационной трубе Матери Ганга. То, как попал к жрецу после кровавого жертвоприношения, я тоже поместил в разряд невспоминаемого. Как долго я оставался там, что я делал, разве это имеет какое-нибудь значение? Это было время вне мира. Это очень действенная штука – подчинить себя иному времени и другому ритму жизни. Я был существом из крови и пепла, прячущимся в темноте склепа, я не произносил ни слова, но ежедневно совершал религиозный обряд перед миниатюрной, увешанной гирляндами богиней. Я мог бы исчезнуть навсегда. Сарасвати, ярчайшая и лучшая из нас, умерла. Я опускался на отполированный ногами мрамор. Я исчезал. Я мог бы остаться подданным Кали до конца своей долгой неестественной жизни.

Я полулежал на влажном мраморном полу, когда одна из женщин, шаркая вдоль длинной змеящейся линии пастбищной ограды на встречу с богиней, вдруг подняла взгляд. Остановилась. Посмотрела по сторонам, будто видя все в первый раз. Вновь посмотрела по сторонам и заметила меня. Потом она сняла с крючка находящуюся под напряжением ограду и пробралась ко мне сквозь вереницу верующих, движущихся в обратном направлении. Она опустилась передо мной на колени и сотворила намаете. Над единственной вертикальной полоской тилака шакти она носила красный глаз Шивы.

– Виш.

Я отпрянул так стремительно, что стукнулся затылком о колонну.

– О-ох, – проговорила женщина. – О-ох, бедненький, теперь будет болеть. Виш, это я. Лакшми.

Лакшми? Моя бывшая жена, любительница игр? Она увидела мое смятение и коснулась моего лица.

– Меня временно загрузили в мозг этой милой женщины. Это довольно трудно объяснить, если ты не подключен. О, но все в порядке, это полностью согласовано. И я верну ее ей самой, как только закончу свои дела. Обычно я этого не делаю – это очень дурной тон, – но в данном случае есть некие особые обстоятельства…

– Лакшми? Где ты? Ты тут?

– О, ты и вправду сильно ударился головой. Где я? Это трудно объяснить. Я теперь полный бодхисофт. Я внутри йотирлингама, Виш. Это портал, как ты знаешь, они все порталы. – Вслед за первыми двенадцатью столпы света появились по всей Земле, сотнями, затем тысячами. – Это потрясающее место, Виш. Оно может быть тем, чем ты захочешь, реальное настолько, насколько пожелаешь. Мы проводим много времени за обсуждением значения реальности. И игры, игры с числами, ну, ты же меня знаешь. Вот почему я пошла на этот шаг ради тебя, Шив. Так продолжаться не может. Это разрушительное, самое разрушительное из всего, что мы когда-либо делали. Мы прожжем этот мир насквозь, потому что у нас есть другой. У нас есть рай, так что здесь мы можем творить все, что захотим. Жизнь – это всего лишь репетиция. Но ты же видел, Виш, ты видел, что делается.

– И что же, Лакшми? – Были ли причиной память и пламенная надежда, или легкая контузия от удара о мрамор, или же удивительные достижения нанотехнологий, но неужели эта незнакомка становилась похожей на Лакшми?

– Мы должны положить конец этой эпохе. Возобновить цикл. Закрыть йотирлингамы.

– Это невозможно.

– Все дело в математике. Математика, повелевающая этой вселенной, отличается от той, что правит вашей; именно поэтому я могу существовать в виде информационной схемы, запечатленной в пространстве-времени. Потому что здешняя логика это позволяет. А там, откуда я пришла, – нет. Две разные логики. Но, если бы мы сумели просунуть между ними двумя третью логику, чуждую обеим, чтобы ни та, ни другая не смогли ни распознать, ни взаимодействовать с нею, тогда мы надежно заперли бы ворота между мирами.

– У тебя есть ключ.

– У нас тут полно времени для игр. Социальные игры, языковые, игры воображения, математические и логические игры. Я могу запереть замок с этой стороны.

– Но тебе нужен кто-то, чтобы повернуть ключ с моей стороны. Тебе нужен я.

– Да, Виш.

– Я буду отрезан навеки. От тебя, от мамы, от отца.

– И от Шива. Он тоже тут. Он одним из первых загрузил своего бодхисофта через йотирлингам в Варанаси. Ты будешь отрезан от всех. Всех, кроме Сарасвати.

– Сарасвати мертва! – прорычал я. Верующие подняли взгляды. Садху успокаивали их. – А будет ли этот шаг последним? Принесет ли это снова Золотой век?

– Это будет зависеть от тебя, Виш.

Я думал о деревнях, столь гостеприимно встречавших меня, и изумлявших, и благословлявших, и поивших водой во время моих странствий, я вспоминал простые радости, которые извлекал из своих деловых похождений: честные планы, и работа, и удовлетворение. Индия – прежняя Индия, неумирающая Индия – это ее деревни. Сарасвати понимала это, хотя эта истина сгубила ее.

– Это все-таки лучше, чем валяться в пыльном старом храме. – Кали, Повелительница Возрождения, лизнула меня своим красным языком. Быть может, я еще смогу стать героем своей собственной жизни. Вишну, Хранитель. Его десятой и последней аватарой был Катки. Белый Конь, который в конце Калиюги станет биться в последнем бою. Кали, Калки.

– Я могу дать тебе математику. Человек твоего ума сможет запомнить это. Но тебе понадобится вот это.

Женщина подняла руку и пригоршней зачерпнула воздух. Она плеснула им в мою сторону, и воздух превратился в щепотку красного порошка. На лету облачко вскипело и забурлило и, сгустившись, приняло форму красной точки, тилака, у меня на лбу.

– Что бы ты ни делал, не подключай его к дэва-сети, – сказата Лакшми. – А теперь мне надо идти. Не хочу злоупотреблять пребыванием в чужом теле. Прощай, Виш. Мы больше никогда не встретимся, ни в каком из миров. Но все-таки мы пусть и недолго, но были по-настоящему женаты. – На мгновение я подумал, что женщина поцелует меня, потом она легонько дернулась и выпрямила шею, словно разминая затекшую мышцу, и я понял, что Лакшми исчезла. Женщина вновь сотворила намасте.

– Маленький Господь Вишну, – прошептала она, – защити нас.

Я оторвался от мраморного пола. Я отряхнул прах темной богини и пошел к выходу из храма, жмурясь от лучей настоящего солнца. Я знал, куда идти, чтобы сделать то, что я должен был сделать. Варанаси, город Шивы, место великого йотирлингама.

Как добыть средства к существованию, если у меня нет ничего, кроме дхоти, обернутого вокруг чресл? Тут я уловил внезапное движение: вдоль оконного карниза на первом этаже одной из множества лавок, теснившихся возле храма, кот крался по водопроводной трубе, подбираясь к птичке. И тут же мелькнула мысль, заставившая меня рассмеяться.

Итак, вот оно, вот оно, наконец-то! Потрясающий трюк, грандиозный финал представления «Великолепного Божественного Кошачьего цирка Вишну». Хождение по проволоке. Вы нигде и никогда не видели ничего подобного, если, конечно, не бывали в неком храме Кали… Смотрите, вот это две проволоки. А это наша звезда. Да, белый Катки наконец-то получает шанс блеснуть. Вот он поднимается на подиум и… Барабанная дробь. Ну, барабанную дробь вам придется изображать самим.

Калки! Катки, прекрасный белоснежный Калки, твой выход!

И вот он идет, осторожно скользя то одной лапой, то другой по двум проволокам, шевеля хвостом, чтобы удержать равновесие, весь дрожа от мышечного напряжения. Давай, Калки… Пройди по проволоке. Что за кот! И финальный соскок на дальний подиум, и я подхватываю его, прижимаю к груди и требую аплодисментов! Аплодисменты моим замечательным котам! Я опускаю Катки на песок, и остальные кошки присоединяются к нему и вновь начинают свой бесконечный бег внутри веревочного круга – круговерть мохнатых спин и хвостов. Матсья, Курма, Нарасимха и Вараха; Вамана, Парашурама и Рама; Кришна, Будда и последний по счету, но не по значимости, Катки.

Я раскланиваюсь в первых отблесках утренней зари, наслаждаясь аплодисментами моей публики. И мои кошки, приберегите свои самые горячие восторги для Матсьи, Курмы, Нарасимхи, Варахи, Ваманы, Парашурамы, Рамы, Кришны, Будды и Катки, выступавших для вашего удовольствия. А я? Импресарио, инспектор манежа: рассказчик. Солнце уже взошло, и я не буду вас больше задерживать, потому что вас ждут дела, а мне надо идти, и я думаю, вы теперь понимаете – куда и что я должен там сделать. Возможно, я не добьюсь успеха.

Возможно, даже погибну. Не представляю, чтобы Шив сдался без боя. Поэтому прошу вас, не сделаете ли вы для меня одну вещь? Мои кошки. Вы присмотрите за ними ради меня? Вам не нужно их кормить, нет, ничего такого, просто возьмите их. Выпустите их, они сами могут о себе позаботиться. Я подобрал их точно в таких же местах. На ферме, в деревне они будут счастливы. Вволю охоты и убийств. Быть может, вы даже сумеете заработать на них немножко. Я имею в виду, выступать с ними, о

таком никто и слыхом не слыхивал. Это на самом деле намного легче, чем вы думаете. Все дело в мясе, каждый раз. Ну вот, я выдал секрет. Не обижайте их. Ну, я пошел.

Я сталкиваю лодку на воду, вхожу в сверкающую в рассветных лучах воду и запрыгиваю внутрь. Лодка тихонько покачивается. Сегодня великолепное утро; йотирлингам впереди не выдерживает никакого сравнения с солнцем. Я прикладываю пальцы ко лбу, к тилаку, оставленному Лакшми, приветствуя солнце. Потом я сажусь за узкие весла лицом к корме и направляю лодку на стремнину.

«Utriusque Cosmi,» by Robert Charles Wilson. Copyright © 2009 by Robert Charles Wilson. First published in *The New Space Opera 2* (Eos), edited by Jonathan Strahan and Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

«A Story, With Beans,» by Steven Gould. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Analog Science Fiction and Science Fact,* May 2009. Reprinted by permission of the author.

«Under the Shouting Sky,» by Karl Bunker. Copyright © 2009 by Karl Bunker. First published in *Cosmos*, August/September 2009. Reprinted by permission of the author.

«Events Preceding the Helvetican Revolution,» by John Kessel. Copyright © 2009 by John Kessel. First published in *The New Space Opera 2* (Eos), edited by Jonathan Strahan and Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

«Useless Things,» by Maureen F. McHugh. Copyright © 2009 by Maureen F. McHugh. First published in *Eclipse Three* (Night Shade), edited by Jonathan Strahan. Reprinted by permission of the author.

«Black Swan,» by Bruce Sterling. Copyright © 2009 by *Interzone.* First published in *Interzone 221.* Reprinted by permission of the author.

«Crimes and Glory,» by Paul McAuley. Copyright © 2009 by Paul McAuley. First published electronically on *Subterranean,* Spring 2009. Reprinted by permission of the author.

«Seventh Fall,» by Alexander Irvine. Copyright © 2009 by Alexander Irvine. First published electronically on *Subterranean,* Summer 2009.

«Butterfly Bomb,» by Dominic Green. Copyright © 2009 by *Interzone.* First published in *Interzone 223.* Reprinted by permission of the author.

«Infinites,» by Vandana Singh. First published in *The Woman Who Thought She Was a Planet* (Penguin India), by Vandana Singh. Reprinted by permission of the author.

«Things Undone,» by John Barnes. Copyright © 2009 by John Barnes. First published electronically on *Jim Baen's Universe,*

December 2009. Reprinted by permission of the author.

«On the Human Plan,» by Jay Lake. Copyright © 2009 by Jay Lake. First published electronically on *Lone Star Stories,* February 1. Reprinted by permission of the author.

«The Island,» by Peter Watts. Copyright © 2009 by Peter Watts. First published in *The New Space Opera 2* (Eos), edited by Jonathan Strahan and Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

«The Integrity of the Chain,» by Lavie Tidhar. Copyright © 2009 by Lavie Tidhar. First published electronically on *Fantasy,* July. Reprinted by permission of the author.

«Lion Walk,» by Mary Rosenblum. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* January 2009. Reprinted by permission of the author.

«Escape to Other Worlds with Science Fiction,» by Jo Walton. Copyright © 2009 by Jo Walton. First published electronically at Tor.com. Reprinted by permission of the author.

«Three Leaves of Aloe,» by Rand B. Lee. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, August/September 2009. Reprinted by permission of the author.

«Mongoose,» by Elizabeth Bear and Sarah Monette. Copyright © 2009 by Elizabeth Bear and Sarah Monette. First published in *Lovecraft Unbound* (Dark Horse Comics), edited by Ellen Datlow. Reprinted by permission of the authors.

«Paradiso Lost,» by Albert F. Cowdrey. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc, First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* June/July 2009. Reprinted by permission of the author.

«It Takes Two,» by Nicola Griffith. Copyright © 2009 by Nicola Griffith. First published in *Eclipse Three* (Night Shade), edited by Jonathan Strahan. Reprinted by permission of the author.

«Blocked,» by Geoff Ryman. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc, First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«Solace,» by James Van Pelt. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Analog Science Fiction and Science Fact,* June 2009. Reprinted by permission of the author.

«Act One,» by Nancy Kress. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* March 2009. Reprinted by permission of the author.

«Twilight of the Gods,» by John C. Wright. Copyright © 2009 by John C. Wright. First published in *Federations* (Prime), edited by John Joseph Adams. Reprinted by permission of the author.

«Blood Dauber,» by Ted Kosmatka and Michael Poore. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,*

October/November 2009. Reprinted by permission of the authors.

«This Wind Blowing, and This Tide,» by Damien Broderick. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* April/May 2009. Reprinted by permission of the author.

«Hair,» by Adam Roberts. Copyright © 2009 by Adam Roberts. First published in *When It Changed* (Comma Press), edited by Geoff Ryman. Reprinted by permission of the author.

«Before My Last Breath,» by Robert Reed. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«One of Our Bastards is Missing,» by Paul Cornell. Copyright © 2009 by Paul Cornell. First published in *The Solaris Book of New Science Fiction: Volume Three* (Solaris), edited by George Mann. Reprinted by permission of the author.

«Edison's Frankenstein,» by Chris Roberson. Copyright © 2009 by Chris Roberson. First published in *Postscripts 20/21*. Reprinted by permission of the author.

«Erosion,» by Ian Creasey. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«Vishnu at the Cat Circus,» by Ian McDonald. Copyright © 2009 by Ian McDonald. First published in *Cyberabad Days* (Pyr), by Ian McDonald. Reprinted by permission of the author.

«Escape to Other Worlds with Science Fiction,» by Jo Walton. Copyright © 2009 by Jo Walton. First published electronically at Tor.com. Reprinted by permission of the author.

«Three Leaves of Aloe,» by Rand B. Lee. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, August/September 2009. Reprinted by permission of the author.

«Mongoose,» by Elizabeth Bear and Sarah Monette. Copyright © 2009 by Elizabeth Bear and Sarah Monette. First published in *Lovecraft Unbound* (Dark Horse Comics), edited by Ellen Datlow. Reprinted by permission of the authors.

«Paradiso Lost,» by Albert F. Cowdrey. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc, First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* June/July 2009. Reprinted by permission of the author.

«It Takes Two,» by Nicola Griffith. Copyright © 2009 by Nicola Griffith. First published in *Eclipse Three* (Night Shade), edited by Jonathan Strahan. Reprinted by permission of the author.

«Blocked,» by Geoff Ryman. Copyright © 2009 by Spilogale, Inc, First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«Solace,» by James Van Pelt. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Analog Science Fiction and Science Fact,* June 2009. Reprinted by permission of the author.

«Act One,» by Nancy Kress. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* March 2009. Reprinted by permission of the author.

«Twilight of the Gods,» by John C. Wright. Copyright © 2009 by John C. Wright. First published in *Federations* (Prime), edited by John Joseph Adams. Reprinted by permission of the author.

«Blood Dauber,» by Ted Kosmatka and Michael Poore. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the authors.

«This Wind Blowing, and This Tide,» by Damien Broderick. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* April/May 2009. Reprinted by permission of the author.

«Hair,» by Adam Roberts. Copyright © 2009 by Adam Roberts. First published in *When It Changed* (Comma Press), edited by Geoff Ryman. Reprinted by permission of the author.

«Before My Last Breath,» by Robert Reed. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«One of Our Bastards is Missing,» by Paul Cornell. Copyright © 2009 by Paul Cornell. First published in *The Solaris Book of New Science Fiction: Volume Three* (Solaris), edited by George Mann. Reprinted by permission of the author.

«Edison's Frankenstein,» by Chris Roberson. Copyright © 2009 by Chris Roberson. First published in *Postscripts 20/21*. Reprinted by permission of the author.

«Erosion,» by Ian Creasey. Copyright © 2009 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* October/November 2009. Reprinted by permission of the author.

«Vishnu at the Cat Circus,» by Ian McDonald. Copyright © 2009 by Ian McDonald. First published in *Cyberabad Days* (Pyr), by Ian McDonald. Reprinted by permission of the author.

notes

Примечания

1

Название рассказа отсылает к гравюре из философского трактата английского врача, философа, мистика и астролога Роберта Фладца (1574–1637) «Utriusque Cosmi maioris scilicet et minoris Metaphysica, physica atque technica Historia» (1617) – «Метафизическая, физическая и техническая истории двух миров, малого и великого». В книге Фладд развивает теорию о микрокосме и макрокосме, что пребывают в неразрывной связи и обуславливают жизнь каждого человека. Трактат выдержан в энциклопедическом стиле и содержит главы об оптике, гидравлике, музыкальной теории, искусстве рисования с перспективой, а также размышления об астрологии и геомантии.

2

Кива – религиозное подземное помещение у индейцев пуэбло.

3

Хорнада-дель-Муэрто – пустыня в Нью-Мексико.

Мэйдэй – сигнал о помощи, голосовой аналог «SOS».

5

«(Ты так консервативна) Малышка, мне плевать» (*англ.*).

6

Какая красивая (*исп.*).

Спасибо (*исп.*).

8

75 градусов по Фаренгейту – около 24 градусов по Цельсию.

«Китайская куколка» (*англ.*).

10

100 градусов – зд.: по Фаренгейту. Около 38 градусов по Цельсию.

ЦЕРН – Европейский центр ядерных исследований.

12

Подразумевается работа известного американского биолога Эдварда Уилсона «Consilience: The Unity of Knowledge».

13

OULIPO (Ouvroir de littérature potentielle, Цех потенциальной литературы) – объединение писателей и математиков, поставившее своей целью научное исследование потенциальных возможностей языка путем изучения известных и создания новых искусственных литературных ограничений, под которыми понимаются любые формальные требования к художественному тексту.

14

От «spin» – «вращение», одно из свойств элементарных частиц.

15

Разница скоростей (словами переданы математические символы).

16

У. Шекспир. Гамлет, принц Датский. Пер. М. Лозинского.

17

«Чикаго Кабз» – профессиональный бейсбольный клуб.

18

Намек на пословицу: «Если жизнь тебе посылает лимоны, научись делать из них лимонад».

19

Perdita – Утрата (*um.*).

20

Чарпаи – кровать (хинди).

21

Кали-юга – в индуизме последняя эра, после которой начинается обновление времени. Характеризуется падением нравственности.

22

«Аль-Фатиха» – первая сура Корана, наиболее часто читаемая среди мусульман.

23

1 июня 2014 года Джей Лейк скончался.

Феофитин – разновидность хлорофилла, в молекуле которого отсутствует центральный ион магния. Встречается у пурпурных бактерий, в которых работает аналогично хлорофиллу в растениях. *Эумеланин* – коричнево-черный пигмент, широко распространенный в растительных и животных тканях, а также у простейших. Он определяет окраску кожи и волос. Меланин поглощает УФ-лучи и тем самым защищает ткани глубоких слоев кожи от лучевого повреждения. Другой недавно обнаруженной функцией является усвоение УФ-излучения для обеспечения жизнедеятельности. *Хроматофор* – клетка, в состав которой входит пигмент.

25

Джон фон Нейман (1903–1957) – венгеро-американский математик, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки. В частности, он тщательно исследовал идею самовоспроизводящихся машин, которые назвал «универсальными сборщиками» и которые часто упоминаются как «машины фон Неймана». Теоретически самовоспроизводящийся космический корабль может быть послан в соседнюю звездную систему, где он будет добывать полезные ископаемые, чтобы создавать свои точные копии. Затем эти копии отправляются в другие звездные системы, повторяя процесс. Здесь такие самовоспроизводящиеся устройства называются «фоны» и используются для создания порталов.

26

Есть два варианта квадрильона: математический – миллион в четвертой степени (единица с двадцатью четырьмя нулями) и американский – тысяча в пятой степени (единица с пятнадцатью нулями). Поскольку автор – канадец, логично предположить, что он имел в виду второе.

27

Закон Эшби (закон необходимого разнообразия). Сформулирован Уильямом Россом Эшби (William Ross Ashby, 1903–1972), английским психиатром, специалистом по кибернетике, пионером в исследовании сложных систем. Одна из формулировок этого закона звучит так: «Чтобы управление системой было возможно, разнообразие управляющих действий должно быть не меньше возмущений на входе в систему».

28

Гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, представляющий собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Фримен Дайсон (род. в 1923) – американский физик-теоретик английского происхождения.

29

Хотите взглянуть на это чудо? Тогда вам сюда: infuture.ru/article/11104.

30

Речь идет об играх, в которых проигрыши и выигрыши участников в сумме дают нуль.

31

Сплайн – математическое представление плавных кривых.

32

Предел Рейли – предел разрешающей способности телескопа, определяемый дифракцией

33

Кшатрии – члены второй из четырех каст, на которые были первоначально разделены индусы.

Брахманы – члены высшей касты индуистского общества.

Пояс Койпера – область Солнечной системы за орбитой Нептуна, населенная небольшими объектами типа астероидов и ядер комет.

36

«Ветер в ивах» – сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма. Сказка повествует о жизни и приключениях пяти персонажей: дядюшки Рэта (водяная крыса), мистера Крота, мистера Барсука, мистера Тоуда (жаба) и Выдры. (В переводе Владимира Резника – Водяной Крыс, Крот, господин Барсук, мистер Жабо, Выдр.)

37

Название повести представляет собой отсылку к классической поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай», повествующей о грехопадении первых людей. Также имеется в виду одно из мест действия, планета Парадизо, название которой переводится с итальянского как «Рай».

38

Фамилия генерала в переводе с немецкого означает «плохой», «скверный».

39

Имя одного героя пишется как Jesus, что по-английски может быть прочитано как «Иисус», у другого – типично еврейская фамилия.

Mierda – дерьмо (*исп.*).

41

Иоанн Крест – реальное историческое лицо (XVI век).

42

Поразительно (*фр.*).

43

Делать глупости *(фр.)*.

Пожалуйста (*фр.*).

Это ужасно (*фр.)*.

Связывание *(фр.)*.

47

Спасайся кто может *(фр.)*.

Прошу прощения *(фр.)*.

49

Милый *(фр.)*.

Спокойной ночи *(исп.)*.

Удачи *(фр.)*.

Пробалтываться, выдавать тайну *(фр.)*.

53

План 401 (*k*) – наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счет) частной пенсионной системы в США.

54

Чапел-Хилл – город в Северной Каролине, Северокаролинский университет, в пригороде крупный исследовательский центр и технопарк.

55

Гик – человек, одержимый компьютерными технологиями.

56

Мариетта – город на северо-западе штата Джорджия, в 24 км от Атланты.

Сатсума ~ разновидность мандарина.

58

Atlanta Braves – «Смельчаки из Атланты» – профессиональный бейсбольный клуб.

59

Krispy Kreme – сеть кофеен-кондитерских, знаменитая своими пончиками.

60

Тиопентал натрия – средство для неингаляционной общей анестезии ультракороткого действия. Оказывает снотворное, а в больших дозах – наркотическое воздействие. В художественных произведениях часто упоминается в роли «сыворотки правды» (пентотал).

61

Бытие 8: 22.

62

Числа 12: 10.

63

Исход 4: 6.

1 Книга пророка Амоса 3: 15.

2 Бытие 5: 29.

66

Притчи Соломона 7: 18–19.

67

«Зовите меня Измаил» – так начинается первая глава романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит».

68

Сидящий Бизон, или Татанка Йотанка, – легендарный вождь индейцев сиу, в 1876 году возглавивший борьбу против переселения в резервации нескольких индейских племен.

СВД – ныне существующая в США Служба внутренних доходов, *АЗЧ* – придуманное автором Агентство по защите человека.

70

Ян Вермеер (1632–1675) – один из самых ярких представителей голландской школы живописи. Сравнение относится к его картине «Аллегория живописи», где изображен мраморный пол в черно-белую клетку.

71

У. Шекспир. Макбет. Пер. М. Лозинского.

Candy Alley означает Улица Сластей.

73

Шкала Альмера – ежегодно обновляемый список популярности, «горячая десятка» звезд Голливуда.

Ин витро – оплодотворение вне организма.

75

Норма Десмонд – героиня фильма «Бульвар Сансет», бывшая звезда экрана, живущая в иллюзорном мире, где она по-прежнему популярна и всеми любима.

Южный Централ – один из неблагополучных районов Лос-Анджелеса.

Лакс – международный аэропорт в Лос-Анджелесе.

78

Барита – специалист по приготовлению кофе. Итальянское слово, аналогичное слову «бармен».

Р. Киплинг. Мой мальчик Джек. Пер. А. Шапиро.

80

Функтор (в программировании) – объект, который можно использовать как функцию, либо функция, обладающая свойствами объекта.

81

Ксанаду – местность на спутнике Сатурна Титане, имеющая светлый цвет на мультиспектральных снимках.

А. Теннисон. Памяти А. Г. Г. Пер. Э. Соловкова.

83

А. Теннисон. Памяти А. Г. Г. Пер. Э. Соловкова.

84

Парадокс Ферми – отсутствие видимых следов деятельности инопланетных цивилизаций, которые должны были бы расселиться по всей Вселенной за миллиарды лет своего развития. Парадокс был предложен физиком Энрико Ферми, который подверг сомнению возможность обнаружения внеземных цивилизаций.

85

Здесь и далее варианты решений парадокса Ферми, приведенные в книге С. Уэбба «50 решений парадокса Ферми».

86

Барни – герой детского телевизионного сериала, плюшевый фиолетовый тираннозавр.

87

А. Сьюэлл. Черный Красавчик. Пер. А. Иванов, А. Устинова.

Р. Киплинг. Мой мальчик Джек. Пер. А. Шапиро.

89

Там же.

90

Генератор Ван де Граафа – генератор высокого напряжения, принцип действия которого основан на электризации движущейся диэлектрической ленты. Первый генератор был разработан американским физиком Робертом Ван де Граафом в 1929 году и позволял получать разность потенциалов до 80 киловольт. В 1931 и 1933 годах были построены более мощные генераторы, позволившие достичь напряжения до 7 миллионов вольт.

91

Антонио Какова (1757–1822) – итальянский скульптор, наиболее значительный представитель классицизма в европейской скульптуре, образец для подражания академистов XIX века.

92

Джапа – духовная практика медитативного повторения мантр или имен Бога в индуизме.

93

Цирк Барнума и Бейли – путешествующий музей, зверинец, цирк и шоу уродцев. Создан крупнейшей фигурой американской индустрии развлечений XIX века – Финеасом Тейлорох Барну. мом, прославившимся мистификациями и эффектными представлениями.

Homo superior (Сверхчеловек, Супермен) – человек, умственными и физическими качествами превосходящий Человека разумного.

95

Аденозинодифосфат (АДФ) – нуклеотид, состоящий из аденина, рибозы и двух остатков фосфорной кислоты. АДФ участвует в энергетическом обмене во всех живых организмах.

Аденозинтрифосфат (АТФ) – играет исключительно важную роль в обмене энергии и веществ в организмах, в первую очередь соединение известно как универсальный источник энергии для всех биохимических процессов, протекающих в живых системах.

97

Лигнит – ископаемая слабоуглефицированная древесина (главным образом хвойных растений) бурого цвета, сохранившая анатомическое строение растительных тканей и по внешнему виду сходная с неизмененной древесиной. Лигнитом называют также бурый уголь, содержащий обильные включения плохо разложившихся древесных остатков (лигнитовый уголь).

98

Джиллетт – город в округе Кэмпбелл, штат Вайоминг, США. В 2010 году население составляло около 29 тысяч человек. Город находится в самом центре промышленных разработок полезных ископаемых: угля, нефти и метана из угольных пластов. В штате Вайоминг добывается примерно 35 % американского угля.

99

Сандийские национальные лаборатории – один из шестнадцати национальных комплексов Министерства энергетики США. Главная задача лабораторий – разработка, создание и испытание неядерных компонентов ядерного оружия.

100

После смерти *(лат.)*.

101

«Горбатый» – тип паровоза, у которого кабина машиниста расположена посередине, за топкой. Такие паровозы оснащались широкой топкой, которая сильно ограничивала бы видимость, если бы кабина располагалась на обычном месте в задней части локомотива.

102

Кабилы – народ группы берберов на севере Алжира. Мусульмане-сунниты. Значительная часть кабилов проживает в эмиграции, в основном во Франции.

103

Мидуэй Плезанс – парк в южной части Чикаго, размером примерно 1600 на 200 метров. Служил центром развлечений во время Всемирной (Колумбовской) выставки 1893 года. Эта выставка, проходившая в Чикаго, стала одной из самых масштабных в истории. Будучи посвящена четырехсотлетию открытия Америки, она была наречена Колумбовской. На территории в шестьсот акров были представлены двести сооружений, каналы и лагуны, люди и культуры со всего мира. За шесть месяцев выставку посетили двадцать семь миллионов человек. На время выставки парк Мидуэй Плезанс был передан театральному антрепренеру Солу Блуму, протеже мэра Чикаго Картера Гаррисона. Тот превратил парк в грандиозную мешанину балаганов, познавательных и развлекательных шоу, включая «облегченную» версию танца живота в аттракционе «Улица в Каире», оказавшемся наиболее популярным (два с четвертью миллиона посещений). Там же впервые было возведено спроектированное Джорджем Феррисом колесо обозрения («колесо Ферриса»), на котором прокатилось полтора миллиона человек. Работавшие в Мидуэе коммерческие концессии и сопутствующие шоу принесли более четырех миллионов долларов дохода, огромные деньги по ценам 1893 года, и для многих посетителей стали наиболее запоминающейся частью выставки.

104

Поль д'Ивуа (1856–1915) – плодовитый французский романист, последователь Жюля Верна.

105

Джемаа – площадь и рынок в Марракеше, в районе Старого города. Считается главной площадью города. В данном контексте, скорее всего, «джемаа» означает нечто вроде совета местного самоуправления или совета старейшин.

106

Сражение при реке Булл-Ран произошло 21 июля 1861 года возле Манассаса, штат Виргиния, и стало первым крупным сухопутным сражением Гражданской войны. В результате сражения армия Союза (северян) была разгромлена и обращена в бегство.

107

Драматург сэр *Уильям Швенк Гильберт* (1836–1911) и композитор сэр *Артур Сеймур Салливан* (1842–1900) – английские авторы, создавшие во второй половине XIX века четырнадцать комических опер, пользовавшихся огромной популярностью.

108

«*Гран-Гиньоль*» – парижский театр ужасов, один из родоначальников и первопроходцев жанра «хоррор». Работал в квартале Пигаль с 13 апреля 1897 года по 5 января 1963 года.

109

50 футов – около 15 метров.

Йотирлингам – божественная творящая энергия Шивы, вышедшая из земли в виде светоносного столпа.

111

Эпоха Кали, или Кали-юга, – четвертая из четырех юг в индуистском временном цикле.

Ракшас – демон *(инд. миф.)*.

113

Джи – в Индии и некоторых других странах Южной Азии используется после имен, титулов, эпитетов и т. д. для выражения уважения и почтения. Может употребляться и отдельно в качестве обращения «уважаемый».

Раштрапати Бхаван – президентский дворец.

115

Сайгам – место слияния трех рек (Ганга, Ямуны и легендарной Сарасвати) у города Аллахабад.

Чхаттисгарх – штат в центральной Индии.

Ганга Деви – богиня реки Ганг.

118

Брахман (браман, брамин) – жрец, человек, принадлежащий к высшей касте в Индии.

Шудра – представитель низшего сословия ремесленников.

120

Майдан – в Индии большое открытое пространство в центре города.

121

Хиджра – социальная группа людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, сформировавшаяся на стыке исламо-индуистской традиции.

122

Область Брока – область в лобной доле коры головного мозга, где находится речевой центр.

123

Шикара – тип деревянной лодки, используемой на озере Дал и других водоемах Индии.

124

Сатья-юга – первая из четырех юг, или эпох, в индуистском временном цикле. Золотой век истины и чистоты.

125

Ашура – у шиитов день поминовения имама Хусейна, павшего в Кербеле в 680 году.

126

Садху – в индуизме аскеты, давшие обеты отшельничества и странничества.

127

Джаггернаут (или колесница Джаггернаута) используется для обозначения неумолимо надвигающейся, грозной, неостановимой силы, идущей напролом, несмотря ни на какие препятствия.

128

Лакшми-баи – национальная героиня Индии, рани (княгиня) княжества Джханси, одна из руководителей восстания сипаев (1857–1859).

Бадмаш – дурной человек, злодей, зд.: преступник (*хинди*).

130

Букв.: «повелители чисел» – программисты.

131

Мудра – в индуизме и буддизме символическое, ритуальное расположение кистей рук, ритуальный язык жестов.

132

Намаете – слово приветствия, а также сложенные вместе на уровне сердца ладони и слегка склоненная голова. Букв.: «Я приветствую в тебе Бога» (*хинди).*

133

Игра слов: bore – 1) в прошедшем времени «нести»; 2) надоедать *(англ.)*.

Ганеш (Ганеша) – божество с головой слона.

135

Шервани – традиционная индийская одежда: длинное мужское полупальто, пиджак или рубашка на пуговицах.

Джанампатри – гороскоп.

Пандит – в Индии почетное звание ученого брахмана, который занимается повседневной

138

Раджпуты – представители одного из военных сословий, военно-аристократических семей, проживающих на территории индийского штата Раджастхан со столицей в Джайпуре.

Лоди Гардене – городской парк в Дели.

Синестеты – обладатели так называемого цветного слуха.

141

В живописи Кришна преимущественно изображается с кожей голубого или темно-синего цвета.

Тест Тьюринга – тест, предложенный Аланом Тьюрингом для определения, обладает ли машина интеллектом.

143

Брамин связывает концы одежды невесты и жениха в знак нерушимости священного брака.

144

Карты Ганджифа – старинные индийские игральные карты круглой формы.

Долиты – неприкасаемые.

146

Ардханаришвара (Ардханарн) – андрогинное индуистское божество, изображается как наполовину мужчина, наполовину женщина.

Лок Сабха – нижняя палата индийского парламента.

148

Тилак (тика) – священный символ, который последователи индуизма наносят на лоб и другие части тела с помощью глины, пепла, краски или сандалового масла.

149

Сундарбан – низменная часть дельты Ганга и Брахмапутры на побережье Бенгальского залива.

150

Сарнатх – пригород Варанаси, «Олений парк», где Будда, озаренный просветлением, прочитал свою первую проповедь пяти первым последователям.

151

Пуруша – существо, из тела которого, согласно индуистской мифологии, была создана Вселенная.

152

Великий Колесный Путь – одна из старейших и самая длинная транспортная магистраль Южной Азии.

153

Бинди – красная точка, которую традиционно наносят на лоб индийские женщины.

Бенарес – прежнее название города Варанаси.

155

Ласси – индийский освежающий напиток.

156

Тук-тук (моторикша, авторикша, мототакси) – крытый трехколесный мотоцикл или мотороллер, распространенный вид транспорта в Индии.

Курма – вторая аватара Вишну.

158

Дхоти – набедренная одежда индийских мужчин, полоса ткани (2–5 метров), драпирующая ноги и бедра, конец которой пропускается между ногами.

159

«Шатабди-экспресс» – тип скоростных пассажирских поездов в Индии.

160

Холи – индуистский праздник весны, иначе называемый Праздник красок.

161

Бодхи – «пробуждение», одно из ключевых понятий буддизма, означающее высшее состояние сознания, духовное просветление.

Дхарамшала – убежище или гостевой дом для паломников (обычно в отдаленных местностях).

163

Тримурти, «индуистская Троица», – триада, объединяющая трех главных божеств индуистского пантеона (Брахму-Создателя, Вишну-Хранителя и Шиву-Разрушителя) в единое целое.

164

Махараджа Джай-Сингх II (1686–1743) – основатель Джайпура, которого за страстное увлечение астрономией, физикой и математикой называют Ньютоном Востока. Построил пять обсерваторий, среди которых Джантар Мантар.

165

Раджпатх – центральный проспект Нью-Дели.